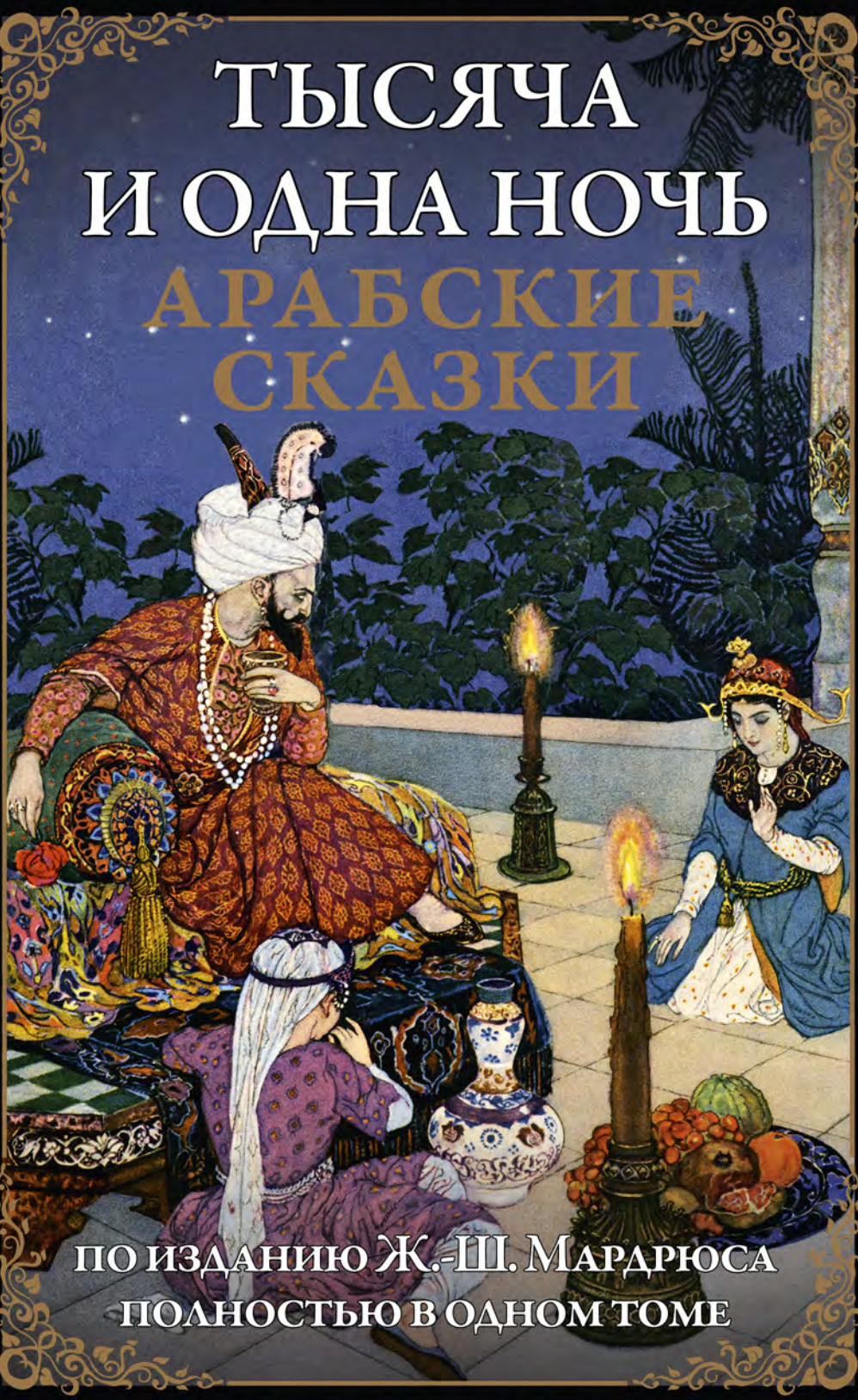
ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

АРАБСКИЕ СКАЗКИ



ПО ИЗДАНИЮ Ж.-Ш. МАРДРЮСА

ПОЛНОСТЬЮ В ОДНОМ ТОМЕ

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БМЛ

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

АРАБСКИЕ СКАЗКИ

По изданию Ж.-Ш. Мардрюса
Иллюстрации Леона Карре
Орнаменты Мохаммеда Расина

творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплётной компании
ООО «Творческое объединение «Алькор».*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

Москва
ОНИКС-ЛИТ

УДК 839.5/8(Араб.)
ББК 82-3(0)
Т93

Верстка,
обработка иллюстраций
Е. Гезенцвей

Дизайн обложки,
подготовка к печати
Е. Гезенцвей

Первые 100 пронумерованных экземпляров от общего тиража данного издания переплетены мастерами ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“».

Классический европейский переплет выполнен из натуральной кожи особой выделки растительного дубления. Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью. Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой. 6 бинтов на корешке ручной обработки. Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи, форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmero с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока с трех сторон методом механического торшенирования с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом. Оформление обложки пронумерованных экземпляров разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Т93 **Тысяча и одна ночь. Арабские сказки.** — Санкт-Петербург. СЗКЭО, 2020, — 1104 с.: ил.

Перевод этой книги сделан с французской версии сказок «1001 ночи» под редакцией Ж.-Ш. Мардрюса, отличающейся от других изданий наиболее пикантным изложением. Специально к изданию Мардрюса художник Леон Карре создал иллюстрации, полные восточной неги и чувственности.

ISBN 978-5-9603-0421-4
© СЗКЭО, 2020

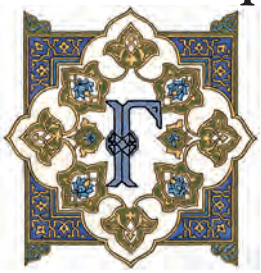
тысяча
одна ночь

ПРЕДИСЛОВИЕ

С увлекательными арабскими сказками «Тысячи и одной ночи» европейцы впервые познакомились благодаря французскому востоковеду, антиквару и переводчику Антуану Галлану. Его имевший огромный успех перевод, печатавшийся с 1704 по 1717 г. и составивший двадцать компактных томиков, долго считался образцовым. Однако? это был лишь вольный пересказ первой трети обширного литературного наследия, в основе которого лежал древний персидский сборник Хезар Афсане («Тысяча сказок»). Первые его истории были записаны, вероятно, еще в VIII в. Сборник многократно переписывался и видоизменялся, сохраняя, однако, главную «рамочную конструкцию» – рассказ о царе Шахриаре и талантливой рассказчице Шахразаде. Эта конструкция вбирала в себя со временем самый разнообразный материал: притчи о животных, поучительные и фантастические рассказы, поэтические отрывки, средневековые цитаты, каирские сказки... Сам Галлан вставил в свои переводы несколько сказок, которых не было в древних рукописях «Тысячи сказок». К примеру, это сказка об Али Бабе и сорока разбойниках; об истоках этой истории специалисты спорят до сих пор. Своими последними литературными вставками рукописный цикл «Тысячи и одной ночи» обогатился, вероятно, в XVI–XVII вв., однако напечатаны все эти арабские тексты были лишь в начале XIX в. Тогда же стали появляться их переводы на европейские языки. Более тридцати лет сказки «Тысячи и одной ночи» переводил на английский язык и комментировал британский путешественник, этнограф и лингвист сэр Ричард Фрэнсис Бертон. Выходившие тома распределялись строго по предварительной подписке, поскольку их тексты вызывали слишком много обвинений в безнравственности. Такого недостатка был лишен перевод на французский язык, выполненный на рубеже XIX и XX вв. французским военным врачом, поэтом и переводчиком Жозефом-Шарлем Мардрюсом. Он называл себя «мусульманином по рождению и парижанином по случайности» и с миссией французского министерства иностранных дел объехал в конце XIX в. весь Восток. Его перевод сказок «Тысячи и одной ночи» считается наиболее полным. Он вышел в свет в 16-ти томах и, в отличие от перевода Галлана, приглаженного в соответствии с европейскими литературными вкусами XVIII в., передавал все стилистические особенности оригинала. Первый перевод с арабского на русский язык сказок цикла был выполнен нашим соотечественником – востоковедом Михаилом Александровичем Салье. Первый том вышел в 1929 г., последний, восьмой, – в 1939 г. В основу настоящего однотомного издания, сохраняющего фабулу всех сказок цикла, положен перевод текстов Мадрюса, вышедший в 1902–1903 гг. в Петербурге. Иллюстрации к сказкам выполнены в начале XX в. французским художником Леоном Карре, который был очарован востоком и большую часть своей жизни провел в Алжире.

Léon Carré

История царя Шахриара и брата его, царя Шахземана



Говорят, что некогда жил царь из рода Сассанидов. И было у него два сына: один взрослый, а другой – отрок. Старший мудро и справедливо управлял своими землями и народами. Звали его царь Шахриар. Младший же был царем Самарканда, и звали его царь Шахземан. Двадцать лет царствовали они, пока старший брат не соскучился по младшему. Тогда он повелел своему визирю отправиться к царю Шахземану и привезти его с собой. Визирь отправился в дальний путь и, представ перед лицом Шахземана, сообщил просьбу брата. Шахземан с радостью принял это приглашение. Он назначил своего визиря правителем и вышел из города. Но около полуночи он вспомнил, что забыл что-то во дворце, и вернулся обратно. Войдя в опочивальню, он увидел свою жену спящей в объятиях черного невольника. Свет померк в его глазах, и он сказал себе: «О великий Аллах, если это могло случиться, когда я только что вышел из города, как же будет вести себя эта негодная, когда я буду в царстве брата?» И, вынув меч свой, он заколол неверную жену и ее любовника. Потом он вернулся к свите и приказал двинуться в путь.

Когда царь Шахриар узнал о приближении брата, он приказал украсить город по-праздничному. Но Шахземан не мог изгнать из своей души горькие воспоминания, и тяжкие думы омрачали его чело. Прошло несколько дней, и Шахриар спросил Шахземана: – О, брат мой, скажи, отчего лицо твое пожелтело и отчего хиреет тело твое? Тот ответил: – Брат, меня грызет внутренний недуг. И Шахриар сказал: – Не хочешь ли выехать со мной на охоту, чтобы уйти от своей тоски? Но Шахземан отклонил это предложение, и тот выехал на охоту один. Удалившись в свои покои, Шахземан подошел к окну, которое выходило в сад. В это время отворилась дверь, и в сад вышли невольники и невольницы, и среди них была сама царица во всем сиянии своей красоты. Она крикнула: – Массуд! Гей, Массуд! В тот же миг к ней подбежал высокий сильный негр, он схватил ее в свои объятия, повалил на землю и стал ласкать. Все невольники тогда принялись обнимать и ласкать

невольниц. Увидав это, брат царя сказал себе: «Клянусь Аллахом, несчастие, постигшее меня, далеко не так ужасно! И он стал есть и пить по-прежнему».

Когда Шахриар вернулся с охоты, он заметил, что на лице его брата снова играет румянец. Он очень изумился этой перемене и сказал: – Я видел тебя таким желтым в лице, а теперь к тебе вернулась прежняя свежесть. Расскажи, что случилось с тобой? И тот ответил: – Собираясь в путь, я вспомнил, что забыл дома драгоценный перстень, который я приготовил тебе в подарок. Когда я вернулся за ним во дворец, то нашел мою жену в объятиях черного невольника. Тогда я убил обоих и уехал к тебе. С тех пор душа моя не знала покоя, и вот почему пожелтело лицо мое, и тело стало хиреть. Но отчего я поправился и в чем нашел исцеление – об этом, о брат мой, я не могу говорить. Услыхав этот ответ, царь Шахриар сказал: – Во имя Аллаха, заклинаю тебя, поведай мне, что дало тебе исцеление. Тогда царь Шахземан рассказал ему все, что видел в саду. И царь Шахриар воскликнул: – Клянусь Аллахом, я должен видеть все собственными глазами! Он объявил через своих глашатаев, что снова уезжает на охоту, а сам спрятался во дворце. И снова в сад вышли невольницы со своей повелительницей, и вслед за ними пришли невольники-негры и проделали все то, о чем рассказывал Шахземан. Когда царь Шахриар увидел это, у него помутился рассудок, и он сказал: – Брат мой, уйдем отсюда и поищем нашу судьбу на пути, уготованном нам Аллахом; ибо мы не можем нести на себе заботы о царстве до тех пор, пока не найдем такого человека, с которым произошло то же, что случилось с нами. И если нам не удастся найти такого, то лучше умереть, чем влачить эту позорную жизнь. Шахземан принял предложение брата, и оба вышли из дворца.

Странствовали они день и ночь и, наконец, увидели дерево, стоявшее на берегу Соленого моря. Братья расположились отдохнуть под деревом. Вдруг море заволновалось, и из него поднялся черный столб дыма. Братья испугались и взлезли на вершину дерева, а черный столб превратился в джина с мощной грудью и огромной головой, на которой он нес сундук. Спустившись на землю, он поднял его крышку, вынул большой ящик и отпер его. Из ящика поднялась молодая девушка дивной красоты, блеск которой затмевал сияние солнца. Налюбовавшись красавицей, джин сказал: – О царица всех красавиц в мире, позволь мне отдохнуть!- Положив голову на колени своей пленницы, джин тотчас же заснул. Случайно подняв глаза, молодая девушка увидела на дереве братьев. Тогда она сняла со своих колен голову джина, опустила ее на землю и, став под деревом, сказала: – Слезайте вниз или я разбужу духа, а он предаст вас самой ужасной смерти. Братья испугались и слезли с дерева. Красавица подошла к ним и сказала: – Приласкайте меня, как следует, иначе я разбужу эфрита. Когда оба брата из страха исполнили ее приказание, красавица сказала: – Вижу, вы оба молодцы! Затем она достала из кармана мешочек и вынула из него ожерелье, составленное из пятисот семидесяти драгоценных перстней, и спросила: – Знаете ли вы, что означают эти перстни? Их владельцы наставляли со мной рога этому эфриту. А потому и вы дайте мне свои перстни. Братья сняли с пальцев свои перстни и отдали их ей. – Знайте же, – продолжала красавица, – что этот джин похитил меня в ночь моей свадьбы и поместил в ящик, а ящик – в сундук, который запер семью замками и опустил на дно бушующего моря. Но он не подумал о том, что ничто в мире не помешает женщине исполнить то, что она пожелает. Слова эти поразили братьев, и они сказали: – Уж если этого могущественного эфрита постигло несчастие позорнее нашего, мы можем утешиться! И они пустились в обратный путь.

Вернувшись домой, царь Шахриар приказал отрубить голову царице, всем невольницам и невольникам. Потом он повелел своему визирю приводить ему каждую ночь непорочную девушку и после брачной ночи казнить ее. Столица огласилась воплями, и подданные спасались бегством, увозя своих дочерей, обреченных на гибель. Через три года в городе, где жил царь Шахриар, не осталось ни одной девушки в брачном возрасте. И вот однажды визирь не нашел ни одной девушки и возвратился домой с сокрушенным сердцем. А у визиря были две дочери, одаренные всеми совершенствами души и тела. Старшую звали Шахразадой, а младшую – Доньязадой. Старшая зачитывалась летописями и сказаниями о жизни древних царей и народов. У нее было до тысячи книг, в которых были собраны все сказания о жизни древних царей и поэтов. При этом она обладала даром слова, и речь ее очаровывала слушателей. Увидев опечаленного отца, Шахразада спросила: – Отец, отчего ты так подавлен бременем скорби? Когда визирь рассказал, что случилось, Шахразада сказала: – Отец, именем Аллаха, умоляю тебя, выдай меня замуж за царя! Я хочу принести себя в жертву ради спасения дочерей мусульман. – Да хранит тебя Аллах, дитя мое, не подвергай себя такой опасности! Но Шахразада сказала: – Отец, я должна сделать это! Тогда визирь воскликнул: – О берегись, дочь моя, чтобы с тобою не случилось того, что описывается в одной басне. Вот послушай,

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ОСЛОМ И ВОЛОМ У ОДНОГО ХОЗЯИНА

Знай, о дочь моя, что некогда жил купец, которому всемогущий Аллах дал способность понимать язык зверей и птиц, а на дворе жили осел и вол. И вот однажды вол зашел в стойло осла. Оно блистало чистотой, а в корыте был просеянный ячмень и изрубленная солома. И вот купец слышит, как вол говорит ослу: – Ты вечно отдыхаешь; а я выбился из сил. Тебя чистят и холят, и кормят отборным зерном, и за что! Свезешь кое-когда хозяина в город и снова предаешься отдыху. Меня же с утра до ночи заставляют пахать землю. Выслушав вола, осел сказал: – Послушай, когда выведут тебя в поле, ложись на землю и не поднимайся даже тогда, когда тебя начнут бить. Когда же тебя поведут обратно в хлев и дадут бобов, то не ешь их, а притворись больным и постарайся не есть и не пить целый день; так ты отдохнешь от трудов и печалей. А купец слышал весь разговор. И вот, когда работник пришел покормить вола, оказалось, что вол болен. Тогда купец сказал работнику: – Возьми осла вместо вола на целый день. Работник повиновался, вывел в поле осла и пахал на нем до вечера. Когда к концу дня осел вернулся в стойло, вол стал его благодарить за добрый совет. Но осел ничего не сказал волу в ответ. На следующий день снова пришел работник и пахал на осле до самого вечера. Осел возвратился домой в полном изнеможении и с шеей, натертой ярмом. Вол опять начал благодарить его. Тогда осел сказал ему: – Сегодня я слышал, как наш хозяин говорил работнику, что если вол не встанет на ноги, нужно будет зарезать его. Предупреждаю тебя, чтобы ты мог принять меры к своему спасению. Вол поблагодарил осла и сказал: – Завтра же отправлюсь на работу. Затем он набросился

Léon Carré

на корм и съел все без остатка. А купец слышал их разговор.

Наступил день, и купец отправился с женой туда, где находились осел и вол. Увидав хозяина, вол начал махать хвостом и выделывать такие забавные прыжки, что купец громко расхохотался. Тогда жена спросила его: – Чему это ты так смеешься? – Тому, что я слышал, но не могу рассказать тебе, потому что раскрытие этой тайны стоило бы мне жизни. Тогда жена сказала: – Я должна узнать, чему ты смеялся, хотя бы это и стоило тебе жизни. И она продолжала так настойчиво требовать своего, что, наконец, разум купца помутился. Он потребовал к себе детей, пригласил кади* и свидетелей, чтобы составить завещание. Потом он послал за родными жены и повторил им, что в ту минуту, как он откроет кому-нибудь свою тайну, он должен будет умереть. Тогда все собравшиеся сказали его жене: – Откажись от своей затеи, не лишай жизни твоего мужа, отца твоих детей! Но жена купца отвечала: – Нет, я не отстану от него до тех пор, пока он не откроет мне своей тайны, хотя бы это и стоило ему жизни.

А был у этого купца еще и петух, властвовавший над полусотней кур, и была у него собака. И вот слышит купец, что собака эта бранит петуха: – Не стыдно ль тебе веселиться, когда наш хозяин прощается с жизнью? Когда же петух узнал, что произошло, он воскликнул: – Клянусь Аллахом, не много же ума у нашего хозяина! У меня полсотни жен, и я справляюсь с ними, прибегая то к ласке, то к брани. У него же всего одна жена, и он не знает, как справиться с нею. А между тем нет ничего проще этого. Ему надо нарезать прутьев и сечь ее ими до тех пор, пока она не раскается. Поверь, тогда она не станет больше приставать к нему! Купец услышал эти слова, и разум его сразу прояснился. Он припрятал прутья и позвал жену: – Пойдем в твою комнату, и там я поведаю тебе мою тайну. Войдя же в ее комнату, он запер за собою двери и начал бить упрямицу, пока та не взмолилась: – Каюсь, каюсь! – и бросилась целовать руки мужа. Когда же они вышли из комнаты, все родные возликовали. И прожил купец в счастье и довольстве со своей женой до самой смерти.

Выслушав рассказ отца, Шахразада сказала: – Отец, умоляю, исполни мое желание! Визирь не настаивал более и пошел с докладом к царю. В это время Шахразада подозвала к себе младшую сестру и сказала ей: – Когда я буду у царя, то пошлю за тобою. Когда ты придешь, скажи: – О сестра, расскажи одну из твоих чудесных сказок, чтобы нам провести вечер без скуки.Тогда я стану рассказывать тебе сказки, и они – если на то будет воля Аллаха – спасут от гибели дочерей магометан. Визирь привел старшую дочь свою во дворец. Царь обрадовался ей, но, когда он хотел приласкать молодую девушку, та заплакала. Тогда царь спросил ее: – Что с тобою? И Шахразада ответила: – О государь, у меня есть младшая сестра, с которой мне хотелось бы проститься! Царь велел привести ее. Доньязада пришла в опочивальню царя и скромно приютилась у подножия царского ложа. Вслед затем царь поднялся и, обняв Шахразаду, лишил ее невинности, после чего они принялись беседовать. И Доньязада сказала своей сестре: – О сестра – да хранит тебя Аллах! – расскажи нам какую-нибудь сказку, чтобы нам приятнее провести ночь. Шахразада, ответила: – От всего сердца, сестрица, готова я исполнить твою просьбу, если только получу на то разрешение от моего благородного повелителя.Царь охотно согласился, так как страдал бессонницей. И Шахразада в эту первую ночь начала свой рассказ:

* *Кади* – в мусульманских странах судья-чиновник, назначаемый правителем, осуществляющий судопроизводство на основе мусульманского права.

Léon Carré

О купце и эфрите

Рассказывают, о счастливый царь, что некогда жил богатый купец, который вел обширные дела. Как-то раз он сел на своего коня и отправился в далекие страны, где дела требовали его присутствия. Было жарко, он остановился под деревом и вынул из мешка кусок хлеба и несколько фиников. Утолив голод, он отбросил от себя косточки фиников и вдруг увидел перед собою великана – эфрита. Размахивая мечом, он подошел и сказал: – Встань, я хочу убить тебя, как ты убил сейчас моего сына! Купец сказал: – Но как же я мог, сидя здесь, убить твоего сына? Эфрит ответил: – Ты бросил косточки, они попали в грудь моему сыну, и он тут же скончался. Тогда купец сказал эфриту: – Знай, о великий дух, что я принадлежу к числу правоверных и потому не стану лгать. Я оставил дома жену, детей и много чужих денег, которые были доверены мне. Позволь мне вернуться домой, чтобы я мог удовлетворить всех моих кредиторов. Клянусь Аллахом, как только я покончу с делами, я тотчас же вернусь к тебе, и тогда делай со мной, что хочешь. Эфрит поверил словам купца и отпустил его домой.

Купец вернулся на родину и уплатил все свои долги. Он сообщил жене и детям, что случилось с ним, и все залились слезами. Он составил завещание и пробыл с семьей до конца года. Когда же истек условленный срок, он простился со своими близкими и с печальным сердцем пустился в путь. Наконец, купец дошел до того места, где с ним приключилась беда. Когда же он сидел, проливая слезы над своей участью, он увидел шейха, который вел на веревке лань. Поклонившись, шейх пожелал купцу всякого благополучия и спросил, что привело его в это место, излюбленное духами. И купец рассказал ему обо всем, что случилось с ним. Шейх очень удивился и сказал: – Клянусь Аллахом, верность твоя изумительна! Он сел рядом с купцом и сказал: – Брат мой, я не двинусь с этого места, пока не увижу, что произойдет у тебя с эфритом.

В то время как они разговаривали, к ним подошел другой шейх с двумя черными собаками. Поздоровавшись, он спросил, почему они остановились в этом заклятом месте. Тогда они рассказали ему всю историю от начала и до конца. Едва только он присел к ним, как

подошел третий шейх, ведя за собой серую ослицу, и они снова рассказали ему всю историю от начала и до конца. Между тем поднялся густой столб пыли, и когда она рассеялась, перед ними стоял страшный эфрит с острым мечом в руке. Он схватил помертвевшего от страха купца и сказал: – Встань, я хочу убить тебя, как ты убил моего сына, свет моего сердца! При этих словах первый шейх набрался смелости и, целуя руку эфрита, сказал: – О царь царей эфритов! Позволь мне рассказать тебе историю, приключившуюся со мною и этою ланью, и если ты найдешь ее достойной удивления, подари мне в награду третью часть крови этого купца! Тогда эфрит сказал: – Хорошо, почтенный шейх, но только если ты расскажешь мне историю, которую я действительно найду удивительной.

РАССКАЗ ПЕРВОГО ШЕЙХА

Знай, о великий дух, что эта лань – дочь моего дяди. Я женился на ней и прожил с нею тридцать лет. Но всемогущий Аллах не благословил ее детьми, и потому я взял себе наложницу, которая по милости Аллаха родила мне мальчика, прекрасного, как восходящая луна. У него были прекрасные глаза и тонкий стан. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, я отправился по делам в далекое путешествие. А жена моя с раннего детства была обучена искусству превращать людей в животных. И вот, во время моего отсутствия, она превратила моего сына в теленка, а его мать – в корову, и велела нашему пастуху стеречь их вместе с прочим скотом. Возвратившись домой из дальнего путешествия, я осведомился прежде всего о моем сыне и его матери. И жена моя сказала: – Твоя невольница умерла, а сын твой пропал без вести.

Целый год провел я, не осушая слез, но, когда наступил праздник жертвоприношений, я сказал пастуху, чтобы он привел самую лучшую корову. Он сделал это, но, увы! то была моя околдованная невольница. Я с ножом в руке направился к ней, чтобы заколоть ее, когда она вдруг заревела и залилась слезами. Тогда я приостановился, но все-таки приказал пастуху принести ее в жертву. Когда же он заколол ее, то не нашел у нее ни жиру, ни мяса, а лишь кожу да кости. Меня взяло раскаяние, и я велел пастуху привести мне самого жирного теленка. И вот он привел мне моего мальчика, превращенного в теленка! Увидев меня, теленок рванулся, оборвал веревку, подбежал ко мне и стал так жалобно мычать, что мною овладела необъяснимая жалость...

В эту минуту Шахразада заметила, что занимается заря, и замолчала. Тогда Доньязада сказала: – О сестрица, как восхитительны твои рассказы! И Шахразада сказала: – О сестра, они далеко уступают тому, что я расскажу тебе следующей ночью, если только моему повелителю угодно будет сохранить мне жизнь. – Клянусь Аллахом! – сказал про себя царь. – Я не убью ее до тех пор, пока не узнаю продолжения ее рассказа! Затем он провел остальную часть ночи в объятиях Шахразады, а когда наступило утро, отправился на заседание совета, чтобы заняться государственными делами. К концу дня царь возвратился во дворец, и когда наступила вторая ночь, Шахразада продолжила свой рассказ:

ночь вторая

Когда шейх увидел слезы теленка, сердце его сжалось от сострадания, и он сказал пастуху: – Отведи его обратно в стадо. А дочь его дяди сказала: – Нет, нужно заколоть этого теленка, он лучший в стаде, но купец не мог на это решиться. На другой день к нему пришел пастух и сказал: – Хозяин, я пришел к тебе с вестью, которая тебя обрадует! У меня есть дочь – колдунья. И когда вчера ты отдал мне теленка, я вошел с ним в комнату моей дочери. Едва увидала она его, как тотчас же закрыла лицо покрывалом и сказала: – Отец, зачем ты приводишь ко мне в комнату чужого мужчину? Я спросил: – Где же тут мужчина? – Отец мой, – отвечала она, – этот теленок родной сын нашего хозяина. Превратила же его в теленка его мачеха, околдовавшая и его мать.

– Когда я услыхал слова пастуха, – продолжал шейх, – я отправился к его дочери, опьяненный мыслью, что увижу сына. Когда я вошел в дом моего пастуха, я сказал его дочери: – Правда ли то, что ты говорила отцу об этом теленке? И она отвечала: – Да, хозяин, совершенная правда! Это твой сын, искра твоего сердца! Тогда я сказал ей: – О, милая девушка, если ты избавишь моего сына от чар, я отдам тебе весь мой скот. Услыхав эти слова, дочь пастуха улыбнулась и сказала: – Хозяин, я могу принять твои богатства, если ты дозволишь твоему сыну жениться на мне и дашь мне право околдовать дочь твоего дяди, чтобы избавиться от ее козней.

Услыхав, о великий дух, слова дочери пастуха, я сказал ей: – Я принимаю твои условия! Тогда девушка взяла медный сосуд, наполнила его водой и произнесла волшебные заклинания. Затем она окропила водой теленка, который в то же мгновение превратился в прелестного юношу. Я бросился к нему, сжал его в объятиях и сказал: – Сын мой, расскажи мне, ради Аллаха, что сделала с тобою и с твоей матерью дочь моего дяди? Тогда он рассказал мне все, что произошло с ним. Вслед за тем я женил своего сына на дочери моего пастуха. И она, пользуясь своим искусством, превратила дочь моего дяди в лань, которую ты видишь здесь.

– Эта история, действительно, необычайна, – сказал дух, – и потому дарю тебе треть крови этого купца. В эту минуту подошел второй шейх, хозяин борзых собак, и сказал:

РАССКАЗ ВТОРОГО ШЕЙХА

Знай, о царь царей духов, что эти две собаки – мои родные братья и я младший из них. Умирая, отец оставил нам три тысячи динариев. Я на свою долю

открыл лавочку и стал торговать. Один же из моих братьев отправился с караваном торговать в далекие страны. Через год он вернулся домой нищим, и я сказал ему: – Брат, ведь советовал я тебе не пускаться в путешествие! В ответ он лишь заплакал. Тогда я сводил его в баню и дал ему лучшее из своих платьев. Затем мы сели за стол, и, когда он подкрепился, я сказал ему: – Я подсчитаю прибыль от моей лавки за этот год и отдам тебе половину. И, действительно, я отдал брату половину прибыли, и мы зажили в мире и согласии.

Через год оба брата принялись уговаривать меня отправиться с ними путешествовать, но я был непреклонен. Наконец, после шести лет неотступных уговоров, я согласился, сказав: – Сосчитаем прежде всего наши деньги. Их вышло до шести тысяч динариев. Тогда я сказал братьям: – Возьмем по тысяче на брата, а остальные три зароем в землю. Братья ответили: – Да благословит Аллах твою мысль! И я зарыл три тысячи динариев в надежное место, а остальные три разделил поровну между нами. Накупив разных товаров, мы наняли судно и отправились в путь.

Пробыв в пути месяц, мы прибыли в торговый город, где распродали все наши товары, и на каждый динарий я нажил десять динариев. Собираясь в обратный путь, мы пришли на берег моря, где увидели бедно одетую женщину. Она подошла ко мне и сказала: – Господин, не можешь ли ты помочь мне? Поверь, я сумею отблагодарить тебя. И я ответил: – Я готов помочь, а в твоей благодарности не нуждаюсь. Тогда она сказала: – Господин, женись на мне и увези меня с собой. Я отдамся тебе всем сердцем и заплачу тебе любовью за твою услугу. Я почувствовал в сердце жалость к этой девушке и увел ее с собой. Я одел ее в богатую одежду, разостлал для нее на судне великолепные ковры и устроил ей самый радушный прием. И я привязался к ней всем сердцем и не расставался с нею ни днем, ни ночью. Она также любила меня и жила только мною. Братья же, видя мое счастье, преисполнились зависти; они бросали жадные взгляды на товары, которые я приобрел. Поддавшись власти злого духа, они сговорились убить меня и овладеть моим добром.

И вот однажды, когда я спал в объятиях моей жены, они схватили нас и выбросили в море. Но тут обнаружилось, что жена моя – волшебница: взяв меня к себе на плечи, она перенесла меня на сушу. – Теперь ты знаешь, кто я, – сказала она мне. – Ты женился на мне, невзирая на мою нищету, и за твой великодушный поступок я теперь спасла тебя от верной смерти. Что же до твоих братьев, то я не успокоюсь до тех пор, пока не убью их. Этой ночью я настигну их и потоплю их корабль! Но я стал просить ее: – Ради Аллаха, не делай этого! Но она повторила: – Нет, я должна извести их! И напрасно я взывал к ее состраданию. Наконец, она взяла меня к себе на плечи и перенесла на крышу моего дома. Я вырыл три тысячи динариев и снова открыл свою лавку. Когда же к концу дня я пришел домой, то нашел этих двух борзых собак. Увидав меня, они подбежали ко мне, заливаясь слезами. Вслед затем появилась моя жена и сказала: – Вот твои братья! Я обратилась к своей сестре, которая искуснее меня в колдовстве, и она совершила это превращение, от которого они могут избавиться лишь через десять лет. Теперь же я иду просить сестру моей жены снять с братьев чары, так как десятилетний срок уже истек. – Это, действительно, чудесная история, – сказал дух, – и потому я дарю тебе третью часть крови этого купца.

Тогда подошел третий шейх и сказал духу: – Я расскажу тебе еще более удивительную историю, если ты согласишься подарить мне остальную треть крови этого купца. Дух ответил: – Да будет по-твоему! И третий шейх начал:

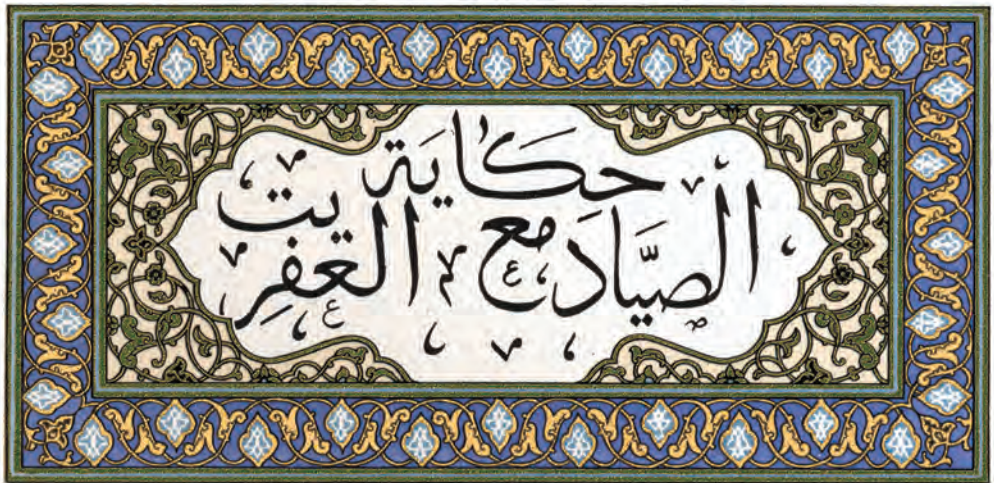
РАССКАЗ ТРЕТЬЕГО ШЕЙХА

О владыка духов! Эта ослица была моей женой. Однажды я отправился в долгое путешествие. Покончив с делами, я вернулся домой ночью и застал жену лежащею на коврах в объятиях невольника-негра: оба смеялись и целовались, возбуждая друг друга. Как только жена увидела меня, она вскочила и бросилась на меня с кружкой в руках. Пробормотав какие-то слова, она окропила меня водой и громко произнесла: – Оставь свой настоящий вид и прими вид собаки! В то же мгновение я превратился в собаку. Долго бродил я по улицам и, наконец, вошел в мясную лавку, где принялся глодать кости. Когда же меня увидела дочь мясника, она закрыла лицо и сказала своему отцу: – Зачем ты вводишь к нам в дом постороннего мужчину? Отец спросил: – Где же этот мужчина? И дочь сказала: – Вот эта собака и есть мужчина. Его околдовали, но я могу избавить его от чар. И дочь мясника взяла кружку, прошептала над нею какие-то слова и окропила меня водой со словами: – Прими снова прежний вид! Став снова человеком, я поцеловал руку девушки и сказал: – Да будет благословение Аллаха над тобою! Я желал бы, чтобы ты заколдовала мою жену точно так же, как заколдовала она меня. Тогда она дала мне немного воды и сказала: – Окропи жену этой водою, и она примет вид, какой пожелаешь! И я застал жену спящей, покропил ее этою водою и сказал: – Оставь свой теперешний вид и прими вид ослицы! И вот перед тобой эта ослица, о султан и владыка царей духов! Этот рассказ привел эфрита в такой восторг, что он подарил третьему шейху последнюю треть крови купца.

Тут Шахразада увидела, что занимается заря, и замолчала, не желая злоупотреблять разрешением царя. Тогда Доньязада сказала: – О сестрица, как прелестны, как полны свежести и вкуса твои рассказы! И Шахразада ответила: – Что они в сравнении с тем, что я расскажу тебе в следующую ночь, если мой повелитель захочет продлить мою жизнь! «Клянусь Аллахом, – сказал про себя царь, – я не убью ее до тех пор, пока не узнаю продолжения этого удивительного рассказа». Он провел остальную часть ночи в объятиях Шахразады, когда же наступила третья ночь, Доньязада сказала сестре:

ночь третья

Сестрица, доскажи нам твою чудесную сказку. И Шахразада ответила: – От всего сердца исполняю твою просьбу. И она начала: – Рассказывают, о счастливый царь, что купец стал горячо благодарить своих избавителей. Затем каждый отправился своим путем. – Но история эта далеко не так удивительна, как рассказ о рыбаке и эфрите. Тогда царь спросил Шахразаду: – Какой же это рассказ? И Шахразада начала



Рассказ о рыбаке и эфрите

О меня дошло, о счастливый царь, что некогда жил бедный рыбак, у которого были жена и трое детей. Каждый день он отправлялся к морю ловить рыбу, но никогда не закидывал сетей более четырех раз в день. Однажды он отправился в полдень к морскому берегу и закинул сети. Прождав некоторое время, он стал вытаскивать их на берег, но при этом почувствовал их необычайную тяжесть. Тогда он разделся, нырнул на дно и после страшных усилий справился с делом. Сердце его забилось от радости, но когда он подошел к сетям, то увидел вместо рыбы скелет осла. Это зрелище омрачило его душу, но он смиренно произнес: – Один Аллах всеведущ и всемогущ! Потом он добавил: – А все-таки этот дар Аллаха удивителен! И ему припомнились стихи поэта:

Пловец! Во мраке слепо ты ныряешь.
Во тьме погибели! Оставь старанья
И труд свой тяжкий лучше прекрати:
Сама людей Фортуна посещает,
Она людской не любит суеты.

Выбросив скелет осла, он снова вошел в воду и вторично закинул сети. Прождав некоторое время, он стал вытаскивать их, но оказалось, что они еще тяжелее, чем в первый раз. Он подумал, что это рыба, разделся, нырнул на дно и после долгих усилий вытащил сети на берег. Однако вместо рыбы он нашел огромную корзину, наполненную доверху песком и илом. Тогда он с горечью произнес:

Довольно! Сжальтесь над несчастьем смертных,
Оставьте их, Превратности Судьбы!
Какая скорбь! Нет на земле награды,
Чтобы воздать за подвиг благородства,
За добродетель праведной души.
Случается, что с кроткою надеждой
Я выхожу из дому моего
Искать Фортуну. Мне же отвечают,
Что уж давно Фортуна умерла.
О горе, горе! Так ли, о Фортуна,
В тени ты держишь добрых и разумных,
Чтоб этим миром правили глупцы?..

Выбросив корзину, он очистил сети от ила и в третий раз закинул их в воду. Когда же после больших усилий он вытащил их на берег, то нашел в них груду разбитых горшков и бутылок.

Тогда, подняв глаза к небу, он воскликнул: – Милосердый Аллах! Тебе известно, что я закидываю свои сети только четыре раза в день! И вот я уже трижды закидывал их! После этого он призвал благословение Аллаха и в четвертый раз закинул сети. Прождав некоторое время, он хотел вытащить их, но, несмотря на все его усилия, они не поддавались ему. Тогда он разделся, нырнул на дно и бился до тех пор, пока ему не удалось вытащить сети на берег. На этот раз в них оказался огромный медный сосуд, плотно закупоренный и залитый свинцом, на котором была оттиснута печать царя Солеймана, сына Дауда. Оглядев добычу, рыбак обрадовался и подумал: «Эту вещь я продам на базаре медникам и выручу за нее по крайней мере десять динариев!» И он сказал себе: «Но раньше я должен непременно открыть его и узнать, что в нем содержится». Рыбак взял свой нож, отковырял свинец и опрокинул сосуд отверстием вниз. К его удивлению, из сосуда пошел густой дым; он стал уплотняться и превратился в огромного эфрита. Голова его была точно купол храма, руки точно гигантские грабли, ноги как мачты; рот напоминал пещеру, зубы – камни, нос – огромную трубу, а глаза – горящие факелы. При виде этого чудовища рыбак оцепенел от ужаса: зубы сжались, в горле пересохло и в глазах потемнело. Увидев рыбака, эфрит воскликнул: – О великий Солейман, пророк Аллаха, не убивай меня! Я обещаю повиноваться тебе и не противиться больше твоим повелениям. Тогда рыбак ответил: – Знай же, о дух, что уже восемнадцать веков прошло с тех пор, как переселился в вечность Солейман! Тогда дух воскликнул: – Нет Бога кроме Аллаха! Рыбак, могу обрадовать тебя доброй вестью. Ты должен сейчас умереть самой ужасной смертью! Рыбак сказал: – Чем же я заслужил это? Я ведь спас тебя от пребывания на дне морском! Тогда эфрит ответил: – О, рыбак, выслушай мою историю. Знай, что я самый мятежный из эфритов! Я восстал против Солеймана, сына Дауда. Тогда Солейман велел принести этот сосуд, заключил меня в него, запаял его свинцом и наложил свою печать с именем великого Аллаха. Затем он призвал своих покорных духов и велел им бросить сосуд в море. Сто лет пробыл я под водой, ежедневно повторяя в глубине моей души: «Клянусь обогатить навеки того, кто освободит меня!» Но столетие прошло, и никто не являлся освободить меня. Когда наступило второе столетие, я сказал себе: «Я дам сокровища тому, кто вырвет меня из неволи!» Но никто не явился. Через четыре столетия я сказал: «Тот, кто освободит меня, может высказать три желания, и я исполню их, каковы бы они ни были». Но никто не освободил меня. Тогда мною овладела ярость, и я сказал в душе: «Теперь я убью того, кто освободит меня, но предоставлю ему выбрать любой род смерти!» И вот, рыбак, являешься ты, и я предоставляю тебе решить, какой смертью ты желаешь умереть! Выслушав рассказ эфрита, рыбак воскликнул: – Чудны дела твои, Господи! О дух, пощади меня, а если ты действительно решил лишить меня жизни, в таком случае заклинаю тебя именем Всевышнего, начертанным на печати Солеймана, дай мне правдивый ответ на один вопрос. Упоминание о Всевышнем взволновало эфрита, и он ответил: – Хорошо, спрашивай. Тогда рыбак сказал: – Как мог ты находиться в этом сосуде? Ведь он так мал, что не только все тело твое, но даже одна нога твоя или рука не поместится в нем? Я не могу поверить этому, пока собственными глазами не увижу, как ты войдешь в этот сосуд. В эту минуту Шахразада увидела, что наступило утро, и скромно замолчала, а когда наступила четвертая ночь, она продолжила:

Geo Cowl

ночь четвертая

Рассказывают, о счастливый царь, что эфрит при этих словах рыбака вздрогнул, вытянулся и превратился в дым, который стал сгущаться и постепенно вбираться в сосуд, пока не осталось ничего. Тогда рыбак быстро схватил свинцовую крышку с печатью Солеймана, закрыл ею отверстие сосуда и обратился к эфриту со словами: – Эй, дух, теперь я брошу тебя в море и построю себе домик на берегу, и буду следить за тем, чтобы никто не ловил тут рыбу. Когда эфрит услыхал эти слова, он напряг все свои силы, чтобы вырваться из сосуда, но это было невозможно, так как над ним была печать Солеймана. Чувствуя, что рыбак тащит его в море, он сказал: – Нет, нет, рыбак, не делай этого! Рыбак ответил: «Но это необходимо! Ты пробыл на дне морском восемнадцать веков, а я прикреплю тебя к нему до самого дня Страшного Суда». И разве я не говорил тебе: «Не убивай меня, и тогда Господь продлит твою жизнь!» Но ты хотел отплатить мне злом за добро! И вот Аллах предал тебя в мои руки, и я без всякого сожаления покончу с тобой. Тогда эфрит сказал: – Открой сосуд, и я осыплю тебя благодеяниями. Но рыбак ответил: – Если бы я отпустил тебя, ты поступил бы со мною точно так же, как визирь царя Юнана поступил с врачом Руяном. Тогда эфрит попросил: – Расскажи мне эту историю!

РАССКАЗ О ВИЗИРЕ ЦАРЯ ЮНАНА И О ВРАЧЕ РУЯНЕ

Рыбак сказал: – Знай, о эфрит, что в давно минувшие дни был в Персии царь по имени Юнан. Он был богат и силен, но тело его было поражено проказой, с которой не могли справиться ни ученые, ни врачи. И вот однажды в город царя Юнана прибыл старый искусный врач Руян. Он был знаком с греческими, персидскими, римскими, арабскими и сирийскими книгами, изучал медицину и астрологию; он знал также все растения и травы и все их вредные и полезные свойства. И, когда этот врач узнал о болезни царя, он провел целую ночь над своими книгами. А когда наступил день и солнце озарило землю, он отправился во дворец. Представ перед лицом царя, он поцеловал землю у ног его и вознес мольбу к Аллаху, дабы он осенил царя своей милостью и даровал ему полное благоденствие. Потом он сказал: – Государь, я узнал, что никто из врачей не нашел средства исцелить твою болезнь. Я же, о государь, надеюсь излечить тебя и при этом не буду терзать тебя ни микстурами, ни мазями. Услыхав эти слова, царь изумился: – Как ты можешь сделать это? Клянусь Аллахом, если ты в самом деле излечишь меня, я обогащу тебя, исполню все твои желания, и будешь ты моим товарищем и другом!

По окончании аудиенции у царя Руян вышел из дворца и нанял себе дом, в котором поместил все свои книги, свои снадобья и ароматические травы. Потом он приготовил экстракт из своих лекарственных трав и пропитал им короткую изогнутую рукоятку. Он прикрепил к ней палку и затем изготовил мяч. Окончив эту работу, он отправился во дворец и, представ перед царем и поцеловав землю у его ног, предписал ему немедленно отправиться для игры в мяч. Когда царь в сопровождении своих эмиров, визирей, придворных и первых сановников государства прибыл на место игр, Руян передал ему палку и мяч и сказал: – Государь, возьми эту палку, держа ее за рукоятку, и бей по мячу изо всех сил, пока не выступит пот на всем твоем теле; тогда лекарство впитается в твою ладонь и разойдется по всему телу. Когда ты вспотеешь, и пройдет достаточно времени, чтобы лекарство могло подействовать, возвратись во дворец, прими ванну, ложись в постель, и будешь исцелен. Теперь же да будет мир с тобою! И царь Юнан взял палку и всей рукой схватился за рукоятку. Придворные стали бросать ему мяч; он же скакал за ним на коне, догоняя и неистово ударяя его палкой, и сжимая в кулаке рукоятку до тех пор, нока не выступил обильный пот на всем его теле. И таким образом лекарство впиталось и разошлось по всему телу. Затем царь вернулся во дворец, принял ванну и тотчас же лег в постель. Так было дело с царем Юнаном. Что касается врача Руяна, то, когда наступило утро, он отправился во дворец и предстал перед царем. Тот же бросился к нему на шею, усадил его рядом с собою и повелел дать ему почетную одежду. Ведь наутро царь осмотрел свое тело и не нашел на нем ни малейших следов проказы: кожа его стала чиста, как полированное серебро. Царь от радости пировал с Руяном целый день, а при наступлении ночи дал ему две тысячи динариев, не считая почетных одежд и подарков. И царь продолжал удивляться великому искусству врача, говоря: «Он излечил меня без микстуры и без мазей. Клянусь Аллахом, это чудесная наука! И я осыплю этого человека благодеяниями и сделаю его моим товарищем и другом». На другой день царь опять пришел в залу совета, где ожидали его эмиры, визири и придворные и опять наградил Руяна. Но был у царя визирь, наделенный от природы безобразной наружностью и черной душой. Мрачный, злой, скупой и завистливый, он был полон ненависти и злобы. И когда он увидел, что царь сажает врача рядом с собой и осыпает его благодеяниями, он воспылал ненавистью и решил погубить его. Он приблизился к царю Юнану, поцеловал землю у его ног и сказал: – О повелитель, осыпающий смертных своими благодеяниями, прикажи мне открыть тебе мою тайну! И царь спросил: – В чем же твоя тайна? Тот отвечал: – Государь, ты выказал страшную опрометчивость, осыпая милостями и щедротами врага, желающего погубить твое царство. Услыхав эти слова, царь, изменившись в лице, сказал: – Но кто же тот, которого ты называешь моим врагом и которого я осыпал милостями? Великий визирь ответил: – О государь, если ты дремлешь, проснись: я говорю о враче Руяне. Но царь сказал: – Клянусь Аллахом, он мне дороже всех на свете, потому что он освободил меня от болезни, с которой не могли справиться никакие врачи. Как осмеливаешься ты взводить на него подобную клевету? Знай же, что я не поддаюсь клеветникам, и что с этого дня я назначаю ему содержание в три тысячи динариев в месяц, да и того еще будет мало! В эту минуту Шахразада заметила наступление утра и скромно умолкла. Когда же наступила пятая ночь, и царь насытился любовью в объятиях Шахразады, она продолжила свой рассказ:

ночь пятая

Рассказывают, о счастливый царь, что царь Юнан сказал своему визирю: – Ты позволил зависти свить себе гнездо в твоем сердце и подстрекаешь меня убить этого человека, чтобы мне пришлось потом раскаиваться, как раскаялись царь Синдабад, убивший своего сокола, и ревнивый муж, убивший своего попугая. Визирь спросил: – Как же это случилось? И тогда царь Юнан начал

РАССКАЗ О СОКОЛЕ ЦАРЯ СИНДАБАДА

Говорят, о визирь, что некогда жил в Персии царь, который больше всего любил охоту. И был у него сокол, которого он сам вырастил и с которым не расставался ни днем, ни ночью. И вот однажды царь посадил своего сокола к себе на руку и выехал со всей своей свитой. И прибыли они в долину и расставили сети, окружив газель. И царь сказал: – Знайте, что я отрублю голову тому, кто не схватит эту газель, когда она побежит мимо него! И вдруг газель подбежала к царю и согнула передние ноги, как бы собираясь поцеловать землю у его ног. Но, когда царь наклонился к ней, она внезапно перепрыгнула через него и скрылась из виду. Когда же царь повернулся к своим телохранителям, то увидел, что они подмигивают друг другу. И царь спросил своего визиря: – Почему они подмигивают друг другу? И тот ответил: – Они хотят сказать, что ты поклялся убить того, мимо которого пробежит газель. И царь сказал: – Клянусь моей головой, я должен догнать эту газель! Он помчался верхом по следам газели и скоро настиг ее. И сокол стал бить ее по глазам своим клювом и ослепил ее, а царь взял палицу и ударил ее так сильно по голове, что она свалилась с ног. А день был жаркий, и местность пустынная и безводная. Царю хотелось пить; оглянувшись, он увидел дерево, с которого текла какая-то жидкость. Тогда он наполнил этой жидкостью кубок и поставил его перед собой, собираясь пить. Но в эту минуту сокол толкнул лапой кубок и опрокинул его. Полагая, что птица страдает от жажды, царь во второй раз наполнил кубок и поставил его перед соколом; но тот опять опрокинул кубок. Царь рассердился на сокола и в третий раз наполнил кубок. Но сокол и в третий раз опрокинул его. Тогда царь воскликнул: – Да сгноит тебя Аллах! И ударом меча царь отрубил крылья соколу. Но сокол поднял голову, как бы говоря: – Посмотри, что там на дереве! Царь поднял глаза и увидел на дереве змею, и с нее лился на землю змеиный яд. Тогда царь горько раскаялся, что отрубил крылья соколу. Он сел на коня, приехал во дворец и, держа на руке сокола, опустился в кресло. Тут сокол испустил слабый крик и пал мертвым. Увидев это, царь огласил воздух воплями, горько раскаиваясь в том, что

убил своего верного сокола, который спас его от смерти. Такова история царя Синдабада, – сказал царь Юнан, – но она не менее удивительна, чем

РАССКАЗ О РЕВНИВОМ МУЖЕ И ПОПУГАЕ

У одного ревнивого мужа, – продолжил царь Юнан, – была красавица жена. Однажды, когда ему надо было надолго отлучиться из дома, он купил себе на базаре говорящего попугая. Он поместил его в клетке в своем доме, не сомневаясь, что болтливая птица донесет ему обо всем, что произойдет во время его отсутствия. Когда муж наконец возвратился домой, он велел принести к себе попугая, и тот рассказал ему, что творили в доме его жена и ее любовник. Тогда муж бросился к изменнице и жестоко избил ее. Заподозрив в измене служанок, жена стала их допрашивать, но они клялись, что хозяйку выдал попугай. Тогда жена при новой отлучке мужа велела одной из своих служанок вертеть всю ночь кофейную мельницу под самой клеткой, другой – пускать всю ночь над клеткой струйки воды, а третьей – повертывать всю ночь перед глазами птицы зеркало.

Когда на другой день муж обратился к попугаю, тот ответил: – Ах, ничего не знаю, господин мой! Меня всю ночь слепила молния и оглушали гром с дождем. Но в то время стояла ясная погода, и муж воскликнул: – Горе тебе, о лживая птица, ведь теперь не время дождей! И мужу стало ясно, что попугай болтает вздор и что его донесение об измене жены должно быть ложью. В порыве гнева он выхватил попугая из клетки и бросил его на пол с такой силой, что убил наповал. Позже, однако, он узнал от соседей, что попугай рассказал ему правду о поведении хозяйки; узнал он и о ее коварной проделке с попугаем. Тогда он стал горько раскаиваться в своем поступке, но раскаяние его не могло уже исправить беды.

Когда визирь услышал этот рассказ, он сказал: – О великий царь, скажи, какое зло мог причинить мне этот человек и что мог я сделать ему? Неужели ты не видишь, что мною руководит только забота о тебе? И ты убедишься впоследствии в истине моих слов! Знай же, о государь, если ты внемлешь моим словам, то спасешь свою жизнь; если же ты не обратишь внимания на мое предостережение, то погибнешь так же, как погиб тот визирь, который обманул царского сына. – А что это за история? – спросил царь Юнан, и тогда визирь начал

РАССКАЗ О ЦАРСКОМ СЫНЕ И О ГУЛЕ*

У одного царя был сын, страстно любивший охоту. Однажды принц отправился на охоту, и царь приказал своему визирю сопровождать его. И вот

* *Гула* – фантастическое существо из арабской мифологии, живущее в уединенных местах, преимущественно в развалинах и на кладбищах; оно питается свежей мертвечиной и может принимать человеческий облик (обычно женщины), чтобы заманивать к себе одиноких странников.

увидели они какого-то чудовищного зверя, и визирь посоветовал принцу: – Нука, догони его! Принц погнался за зверем и скоро скрылся из виду. Вскоре следы зверя исчезли, и вместо них принц увидел молодую девушку, которая сидела на краю дороги и плакала. В ответ на расспросы принца девушка сказала: – Я дочь одного из царей Индии. Я шла в пустыне с караваном, и на меня напал такой крепкий сон, что я свалилась с седла, не замечая этого. Когда же я проснулась, то не знала, куда мне идти. Услыхав эти слова, принц почувствовал сострадание к девушке и усадил ее на своего коня. Проехали они вдвоем некоторое время, и увидел принц небольшую пещеру. И говорит ему тогда девушка: – О господин мой, позволь мне сойти на минутку! И принц спустил ее с лошади. Однако, видя, что она долго не возвращается, он пошел за нею, пробираясь так, что она не могла заметить его. И тут он увидел, что эта девушка – гула! В эту минуту она говорила своим детям: – О детки мои, я привела вам прекрасного упитанного юношу! И дети отвечали хором: – О приведи его скорей, матушка, мы так проголодались! Когда принц услыхал эти слова, он задрожал и в ужасе вернулся к коню. В ту же минуту гула вышла из своей пещеры и, заметив, что принц дрожит от страха, спросила его: – Чего ты испугался? Принц ответил: – У меня есть враг, которого я боюсь. – Почему же ты не даешь денег твоему врагу, чтобы умилостивить его? – Враг мой не удовлетворится деньгами, ему нужна моя душа. – Почему же ты не помолишься Аллаху? Он защитит тебя от козней твоего врага. И принц поднял глаза к небу и воскликнул: – О ты, внимающий обращающимся к тебе, удали от меня моего врага, ибо ты всемогущ! Услыхав эту молитву, гула в тот же миг исчезла. А принц благополучно вернулся к своему отцу и рассказал ему о коварном совете визиря. И царь повелел казнить его.

О царь! – продолжал визирь царя Юнана. – Если ты доверишься этому врачу, то подвергнешься мучительной смерти. Несмотря на то, что ты осыпал его милостями, он замышляет твою погибель. Разве ты не видишь, что он избавил тебя от болезни, действуя на тебя вещью, которую ты держал в руках? Разве тебе не ясно, что он погубит тебя другой вещью, которую он даст тебе в руки? Тогда в душу царя вкралось сомнение, и он сказал: – Ты прав, мой добрый советник! Весьма вероятно, что врач этот прибыл сюда в качестве шпиона, замышляя погубить меня. И царь Юнан преисполнился страха и сказал: – О визирь, что же ты посоветуешь сделать с ним? Визирь ответил: – Нужно послать за ним и, как только он войдет сюда, отрубить ему голову. Только так ты предупредишь его злоумышления. И царь сказал: – Ты прав, о визирь! И он тотчас же послал за Руяном, и тот пришел в веселом настроении, не подозревая о решении царя.

Когда же царь увидел врача Руяна, то сказал ему: – Знаешь ли, зачем я призвал тебя? Чтобы лишить тебя жизни! Слова эти поразили врача точно удар грома, и он воскликнул: – О государь, чем провинился я перед тобою? Царь отвечал: – Говорят, что ты шпион и что ты прибыл сюда, чтобы погубить меня. И царь позвал своего палача и сказал ему: – Отруби голову! А врач стал просить царя: – О не убивай меня, если не хочешь, чтобы Аллах убил и тебя! И долго молил врач царя о пощаде, как молил и я тебя, о эфрит! И сказал врач: – О государь, так вот как ты отплачиваешь злом за добро! Но царь воскликнул: – Довольно слов! Смерть твоя решена бесповоротно! И когда врач убедился, что решение царя непоколебимо, он залился слезами и опечалился, скорбя о том, что оказал услугу недостойному.

И вот по повелению царя к Руяну подошел палач, завязал ему глаза и вынул меч из ножен. А врач продолжал плакать, говоря: – О царь, не лишай меня жизни, и Аллах продлит твою жизнь! И он привел следующие стихи поэта:

Мои советы были безуспешны,
Советы же невежд предпочтены!
И я за все пожал одно презренье.
О если я останусь в живых,
Я никому не дам уже совета!
А если я умру, пусть мой пример
Послужит людям предостереженьем,
Чтоб их язык поменьше говорил!

Потом он сказал царю: – Так вот моя награда! И слезы текли ручьями из глаз его. Тогда некоторые из придворных – любимцы царя Юнана – сказали: – О государь, мы умоляем тебя не лишать жизни этого врача; нам известно, что он ни в чем не провинился. И царь сказал своим придворным: – Если он останется в живых, я сам должен погибнуть! Ибо тот, кто исцелил меня от болезни, может и уморить меня. А он, несомненно, шпион, который прибыл сюда с целью лишить меня жизни. Когда врач увидел, что решение царя непоколебимо, он сказал ему: – О государь, отпусти меня домой, чтобы я мог сделать распоряжения относительно моего погребения. И есть у меня одна особенная книга, которую мне хотелось бы преподнести тебе, так как она достойна занять место в твоей сокровищнице. Царь Юнан спросил: – Какая же это книга? Тот отвечал: – Она полна чудесных свойств, и главное из них следующее: когда ты отрубишь мне голову и откроешь эту книгу, переверни первые три листочка и прочитай первые три строки на левой странице, тогда голова моя, отделенная от туловища, будет отвечать на все твои вопросы. Услыхав это, царь пришел в неописанный восторг и отпустил врача домой с крепким конвоем. И Руян на следующий день вернулся в залу совета, подошел к трону, держа в руках старинную книгу, и сказал: – О царь, возьми эту книгу, но не раскрывай ее раньше, чем отделится голова моя от туловища. Но царь, вне себя от нетерпения, взял из рук врача книгу и сразу открыл ее; но оказалось, что страницы ее склеены. Тогда он смочил палец слюной и перевернул первый лист; то же пришлось повторить для второго и третьего листа. Таким образом он перевернул шесть листов, но не нашел ни строчки. Тогда он воскликнул: – О Руян, на них ничего не написано! Врач ответил: – Переверни еще несколько листов! И царь продолжал смачивать палец слюной, но через несколько минут яд, которым была пропитана книга, начал действовать. И царь свалился в страшных конвульсиях и закричал: – Я отравлен! Тогда врач-Руян произнес:

– О судьи, судьи! Все свои права
Они в своем превысили решеньи,
Всю справедливость мудрую поправ!
Но справедливость все же существует.
И гневных судей покарал Аллах!
Когда б они судили справедливо,
Их пощадил бы милосердный Рок.

Как только он произнес последние слова, царь скончался. А если бы царь Юнан не захотел лишить жизни Руяна, Аллах продлил бы его жизнь. Так и ты, о эфрит! Если бы ты сжалился надо мною, Аллах продлил бы твою жизнь...

В эту минуту Шахразада заметила, что занимается заря, и скромно умолкла. И они провели эту ночь в полном блаженстве, предаваясь до самого утра радостям любви. Когда же царь после дел вновь вернулся во дворец, наступила шестая ночь, и Шахразада сказала:

ночь шестая

Я слыхала, о счастливый царь, что рыбак сказал эфриту: – Если бы ты сжалился надо мной, Аллах продлил бы твою жизнь, но ты хотел моей смерти, и теперь я брошу в море этот сосуд, в котором ты будешь томиться до конца веков! Тогда эфрит воскликнул: – Именем Аллаха заклинаю тебя, о рыбак, не делай этого! Но рыбак сказал: – Нет, эфрит, я должен бросить тебя в море, чтобы ты до конца веков не мог выйти на свет божий. Тогда эфрит сказал: – Выпусти меня из сосуда, рыбак, и я расскажу тебе историю. Клянусь, что не сделаю тебе никакого вреда. Наоборот, я научу тебя, что ты должен сделать, чтобы разбогатеть. Это обещание смягчило рыбака, и он предложил эфриту поклясться именем Аллаха, что он честно исполнит свое обещание, и, когда дух поклялся в этом, он открыл сосуд. И снова поднялся густой дым, он стал уплотняться и превратился в эфрита. Прежде всего он столкнул ногой медный сосуд в море. Рыбак испугался и воскликнул: – О эфрит, если ты не исполнишь свое обещание, Аллах накажет тебя, ибо Он ревнив, и хотя милость Его не знает меры, но Он ничего не забывает! При этих словах дух рассмеялся и сказал: – Следуй за мной, рыбак! И он пошел вперед, а рыбак последовал за ним со своими сетями. И вышли они за город и спустились в обширную пустыню, посреди которой было озеро. Тут эфрит приказал рыбаку закинуть сети. Рыбак увидал в воде много рыбы четырех цветов: белого, красного, голубого и желтого. Закинув сети, он вытащил четыре рыбы различных цветов. Тогда эфрит сказал: – Возьми эти четыре рыбы и отнеси их султану, и он даст тебе за них столько денег, сколько у тебя не бывало во всю твою жизнь. Я разрешаю тебе ловить рыбу в этом озере, но предупреждаю – не закидывай сетей более одного раза в день. И да будет с тобою Аллах!

С этими словами эфрит ударил ногами о землю, и земля разверзлась и поглотила его. А рыбак вернулся в город, думая о своем чудесном приключении. Он принес рыб в свой дом, опустил их в кувшин с водой, поставил кувшин себе на голову и отправился в царский дворец. И велико было удивление султана, когда рыбак явился к нему и передал этих рыб, так как во всю свою жизнь он не видал подобных! И сказал султан своему визирю: – Вели отнести этих рыб нашей поварихе-негритянке. Визирь передал их ей со словами: – О добрая негритянка, вот рыбы, которых сегодня преподнесли султану: покажи нам сегодня на них свое искусство! Визирь по указу султана выдал рыбаку четыреста динариев, и тот вернулся к жене, полный радости и веселья. Негритянка взяла рыб, очистила их, сложила в кастрюлю и поставила на огонь. Когда она собиралась перевернуть их на другую сторону, стена в кухне вдруг раздвинулась, и из нее вышла девушка неописанной красоты. Длинные ресницы, зачерненные углем, придавали блеск ее глазам, в ушах сверкали серьги, на руках были браслеты, а на пальцах кольца, усеянные драгоценными камнями. Она

подошла к очагу и, прикоснувшись к кастрюле бамбуковой палочкой, произнесла: – О рыбы, помните ли вы вашу клятву? Увидав это, негритянка лишилась чувств. А рыбы высунули головы и сказали: – О да! И запели хором:

Коль ты вернешься,
мы поступим так же;
Коль обещанье выполнишь свое,
И мы свое исполним обещанье;
Но если ты захочешь увильнуть,
Добьемся мы, чтобы сдержал ты слово.

Как только они произнесли последние слова, девушка опрокинула кастрюлю и исчезла в стене. Когда же повариха очнулась, то увидала, что рыбы сгорели и превратились в уголь. И она залилась горькими слезами. В эту минуту вошел визирь и сказал: – Подай рыб султану! Тогда она в слезах рассказала ему все, что произошло. Услыхав ее рассказ, визирь сказал: – Это удивительное приключение! И он послал за рыбаком и, когда тот явился, сказал ему: – Принеси мне еще четыре рыбы, точь-в-точь таких же, как в первый раз. Рыбак пошел к озеру, закинул свои сети и опять вытащил четыре рыбы различных цветов. Визирь принес их поварихе и сказал: – Зажарь их в моем присутствии! Негритянка очистила рыб, положила в кастрюлю и поставила на огонь. И едва прошло несколько минут, как стена раздвинулась, и из нее вышла стройная молодая девушка. Коснувшись своей палочкой кастрюли, она сказала: – О рыбы, помните ли вы вашу клятву? И рыбы высунули головы и снова произнесли хором свои слова.

В эту минуту Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно замолкла. А когда наступила седьмая ночь, она сказала:

Мне довелось слышать, о счастливый царь, что как только рыбы произнесли свои слова, девушка опрокинула кастрюлю своей палочкой и исчезла в стене. Тогда визирь сказал: – Это необычайное происшествие, и я не могу утаивать его от моего повелителя! И он отправился к султану и все ему рассказал. И царь воскликнул: – Я должен видеть все собственными глазами! И он послал за рыбаком и приказал доставить ему четыре рыбы различных цветов, точь-в-точь таких же, как в первый раз. Рыбак исполнил поручение, султан же приказал выдать ему еще четыреста динариев и сказал визирю: – Зажарь этих рыб в моем присутствии! И визирь велел принести кастрюлю в покои царя, очистил рыб и, положив их в кастрюлю, поставил на огонь. И вдруг стена раздвинулась, и из нее вышел черный гигант с толстой дубиной в руках. Подойдя к очагу, он спросил громовым голосом: – Рыбы, помните ли вы вашу клятву? И рыбы высунули головы из кастрюли и снова хором запели.

Тогда гигант-негр подошел к кастрюле, опрокинул ее своей дубиной, и рыбы превратились в уголь. В ту же

минуту негр скрылся в стене, которая сдвинулась за ним. И царь сказал: – Нет никакого сомнения, что в этих рыбах кроется какая-то тайна. И он приказал призвать рыбака и спросил его: – Скажи, откуда выловил ты этих рыб? Тот ответил: – Из озера, окруженного четырьмя холмами. И царь спросил: – А сколько дней нужно, чтобы дойти до него? Рыбак ответил: – О государь, не более получаса! Царь изумился этому и приказал солдатам сопровождать рыбака. Сам же он велел оседлать коней и в сопровождении свиты двинулся в путь. И поднялись они на гору, а потом спустились в обширную равнину, которой никогда не видели раньше. И султан и его свита удивлялись этой равнине, окруженной четырьмя холмами, и озеру, в котором играли рыбы четырех цветов. И царь сказал: – Клянусь Аллахом, я не буду восседать на моем троне, пока не узнаю всю правду об этом озере и его обитателях. И он сказал своему визирю: – В эту ночь я удалюсь из лагеря искать разгадки этого волшебного озера. Ты же завтра скажи моим придворным, что я нездоров, и не впускай никого в мой шатер. Затем царь сменил свою одежду на более удобную, вооружился мечом и тайком вышел из лагеря. И шел он всю ночь до самого восхода; и только в полдень палящие лучи солнца заставили его отдохнуть. Подкрепив свои силы отдыхом, он пошел дальше, и шел он целый день и всю следующую ночь, и к утру второго дня увидел какое-то здание. Он обрадовался и подумал: «Вероятно, я найду там кого-нибудь, кто расскажет мне историю волшебного озера и его обитателей».

Подойдя ближе, он увидел замок из черного камня. Одна половина входной двери была открыта, царь подошел к ней и постучал. Ответа не последовало; он постучал во второй и в третий раз, но никто не отвечал. Тогда он ударил в дверь изо всех сил, но нигде не слышалось ни звука. Тогда, собравшись с духом, он вошел в дверь и громко произнес: – О хозяин, позволь усталому путнику отдохнуть тут! Потом он прошел во внутренние покои дворца, где не встретил ни одной души, хотя все комнаты были украшены великолепными коврами, а посреди внутреннего двора красовался большой бассейн, по углам которого стояли четыре льва из литого золота, и из пастей их струилась вода. Удивляясь всей этой роскоши, он присел отдохнуть, как вдруг услышал чьи-то жалобные стоны. Султан вскочил с места и направился в сторону, откуда доносились звуки. Подойдя к одной двери, он откинул тяжелый занавес и вошел в обширную залу, посредине которой стояла высокая постель. На ней сидел в шитой золотом одежде стройный юноша несравненной красоты, про которого поэт мог бы сказать:

Высок и строен юноша прекрасный,
Темнее ночи мрак его кудрей,
Чело же блещет белизной такою,
Что озаряет даже ночи тьму!
И никогда такою красотою
Не услаждалось зрение людей!
Среди других ты юношей прекрасных
Его всегда сумеешь отличить
По родинке, что видна под глазами
На розовой ланите у него!

Увидев юношу, султан сказал: – Мир тебе! Но юноша не поднялся с места. Он лишь поклонился царю и голосом, полным скорби, сказал: – О владыка, прости, что не могу встать с места! И он поднял полы своей одежды. И царь увидел, что вся нижняя половина его туловища превращена в мрамор! Зрелище это поразило султана, и он попросил юношу рассказать ему свою историю. И несчастный начал

РАССКАЗ О ЗАКОЛДОВАННОМ ЮНОШЕ И РЫБАХ

Знай, о царь, что отец мой Махмуд был царем Черных Островов и этих четырех холмов. После его смерти я вступил на престол и женился на дочери моего дяди, которая так любила меня, что, если я вынужден был удаляться, она не ела и не пила до моего возвращения. И вот однажды дочь моего дяди отправилась в гамам*, я же прилег на софу и приказал двум невольницам навевать на меня прохладу опахалами; и хотя я лежал с закрытыми глазами, однако не мог уснуть. И вот одна невольница сказала другой: – Какое горе, что у нашего повелителя такая развратная жена! Поистине, наш господин удивительно беспечен, если он не видит проделок этой женщины! Тогда вторая невольница возразила: – Но как он может видеть их? Ведь каждый вечер она кладет кусочек банга** в напиток, который муж ее пьет перед сном, и он тотчас же засыпает глубоким сном. В таком состоянии он, разумеется, не замечает, как она уходит. Возвращается же она только на рассвете и жжет над ним какое-то зелье, и тогда он пробуждается.

Когда я услыхал эти слова, свет померк в моих глазах, и я стал ждать с нетерпением дочь моего дяди. Когда она вернулась, мы накрыли стол и сели ужинать; и я, по обыкновению, потребовал вина. Дочь моего дяди подала мне мой кубок, но вместо того, чтобы выпить его, я вылил его за ворот моего платья. И вот мы легли, и я притворился, что заснул. Тогда она сказала: – Спи, ненавистный, и хорошо бы тебе не просыпаться вовек, ибо душа моя пресытилась тобою! Потом она встала, нарядилась в лучшее свое платье, надушилась, прицепила меч к поясу и вышла. Тогда я вскочил с постели и последовал за нею. Она вышла из дворцовой ограды и очутилась у городских ворот. Я следовал за нею. Она дошла до свалки отбросов, на которой стояла башня. Жена моя подошла к башне и отворила двери. И я увидел, что она вошла в комнату, в которой лежал на соломе отвратительный негр; верхняя губа его походила на крышку кастрюли, и все тело его было изъедено болезнями. Дочь моего дяди поцеловала землю у его ног, а он сказал: – Почему ты пришла так поздно? Клянусь честью негров и мужским превосходством нашим над белыми, что если ты в другой раз так опоздаешь, то я не прикоснусь больше к тебе! Ведь я знаю, что ты пришла так поздно потому, что в другом месте удовлетворяешь твои гнусные желания, о мерзейшая из белых женщин!

Когда я услышал этот разговор и увидел, что произошло между ними, разум мой помутился. А дочь моего дяди продолжала стонать и плакать в объятиях негра, повторяя: – О мой возлюбленный, ты – единственная моя радость! Что будет со мною, если ты прогонишь меня? И она не переставала плакать, пока он не простил ее. Тогда она исполнилась радости и сняла с себя платье и шаровары и сказала: – О повелитель мой, дашь ли ты поесть твоей рабе? Негр ответил: – Подними крышку кастрюли, и ты найдешь в ней соус из мышиных костей, который

* *Гамам, или хаммáм,* – от арабского слова «хам» – жарко. Название общественных бань в Турции и вообще на Востоке.

** *Банг* – один из синонимов слову гашиш. В древности препараты из гашиша применялись как снотворные и обезболивающие средства.

ты должна съесть; потом возьми этот кувшин и напейся бузы*. И дочь моего дяди повиновалась; потом она легла рядом с негром и прижалась к нему под смрадными лохмотьями. Когда я увидел, что делала дочь моего дяди, я не мог более владеть собой. Я бросился в комнату, выхватил меч у изменницы и ударил им негра по шее. Услыхав его хрип, я подумал, что убил его. В эту минуту Шахразада заметила приближение утра и скромно замолкла. А когда настало утро, царь Шахриар отправился в залу совета и занимался государственными делами до самого вечера. Потом царь вернулся во дворец, и, когда наступила восьмая ночь, она сказала:

ночь восьмая

Мне довелось слышать, о счастливый царь, что заколдованный юноша сказал султану: – Ударив негра мечом по шее, я услышал хрип и думал, что убил его. А дочь моего дяди спала в это время глубоким сном. Проснувшись, она вложила в ножны меч, возвратилась во дворец и прилегла на мою постель. На другой день я увидел, что она обрезала себе волосы и надела траурные одежды. Я не стал спрашивать у нее разъяснения, но она сказала мне: – О сын моего дяди, не осуждай моих действий! Я только что узнала, что мать моя умерла, отец убит в сражении, и что один из моих братьев умер от укуса скорпиона. На это я спокойно ответил: – Делай, что считаешь нужным, я не буду препятствовать выражению твоей печали. Тогда царица затворилась в своих покоях и дала полную волю своему безумному горю. И целый год она не переставала плакать и убиваться. Затем она сказала мне: – Я хочу выстроить усыпальницу и назвать ее Храмом Скорби. Я отвечал: – Делай все, что тебе приятно. И она воздвигла Храм Скорби и внутри него вырыла яму, в которую перенесла полуживого негра, который был так слаб, что не мог уже ничем служить дочери моего дяди. И каждый день, на рассвете и в сумерках, дочь моего дяди входила к нему и предавалась слезам и поила его различными отварами. И это продолжалось в течение всего второго года, и я по слабости души моей терпеливо переносил этот позор. Но как-то раз я тайком отправился вслед за нею в Храм Скорби и застал ее в припадке безумного горя. Она била себя в лицо и голосом, полным печали, говорила:

Когда меня, о милый, ты покинул,
Я удалилась тотчас от людей;
Ничто уж мне недорого на свете,
С тех пор, как, милый, ты меня покинул!
Пусть голос твой мое припомнит имя,
Которым ты меня когда-то звал,
Пусть зазвучит он над моей могилой!
Увы! Увы! Тогда тебе в ответ
Мои лишь кости загремят уныло!

Когда она произнесла эти слова, я подошел к ней и воскликнул: – О изменница, твои слова пропитаны ядом разврата! Вынув меч из ножен, я собирался ударить ее. Она вскочила и, догадавшись, что это я

* *Буза* – арабский напиток из просо, что-то вроде пива; был особенно широко распространен в Африке.

ранил ее негра, произнесла какие-то слова, которых я не разобрал, и вслед за этим добавила: – Пусть силой моих чар Аллах превратит в мрамор половину твоего тела! И в ту же минуту, о царь, я стал таким, каким ты видишь меня: я не могу ни стоять, ни лежать, я – не мертвый и не живой. Она заколдовала также весь город и обратила его в озеро, а все население – в рыб четырех цветов: белые рыбы – мусульмане, красные – огнепоклонники, голубые – христиане, желтые – евреи. Но и это еще не все! Каждый день она является сюда, наносит мне сто ударов ремнем и потом возвращается к своему негру, неся ему вино и отвары. Услыхав это, царь сказал: – Клянусь Аллахом, о юноша, я должен спасти тебя! Дождавшись полуночи, он взял свой меч и отправился к тому месту, где находился негр. Храм был освещен множеством свечей и наполнен ароматом ладана. Царь подошел к негру и со всего размаха ударил его мечом, потом он взвалил себе на плечи его тело и бросил в колодец. Затем он вернулся в Храм Скорби и накинул на себя одежды негра. Час спустя колдунья пришла к несчастному юноше, раздела его, взяла ремень и стала наносить ему удары. Султан слышал, как он кричал и плакал, умоляя ее пощадить его. Но она отвечала: – А разве ты щадил меня? Разве ты не лишил жизни моего возлюбленного? И когда все тело юноши покрылось кровавыми рубцами, она надела на него грубую волосяную одежду, а поверх нее парадное платье. После этого она направилась в храм, неся с собой вино и отвар из овощей. Войдя в храм, она разразилась рыданиями и жалобами, восклицая: – О повелитель мой, молви хоть слово!

Тогда мнимый негр, подражая говору негров, произнес: – Га-га! Один Аллах всемогущ! Услыхав эти слова, колдунья вскричала от радости и лишилась чувств; но, придя в себя, она сказала: – О мой возлюбленный, неужели ты исцелился? Тогда царь произнес глухим голосом: – О негодная, ты не заслуживаешь, чтобы я отвечал на твои речи! Она же спросила: – О повелитель мой, почему же? И он ответил: – Ты каждый день подвергаешь истязанию твоего мужа, и его крики и вопли не дают мне заснуть ни днем, ни ночью. Не будь этого, я давно исцелился бы! Тогда она воскликнула: – О повелитель мой, прикажи, и я верну ему прежний вид! Тогда мнимый негр сказал: – Освободи его, чтобы мы могли наслаждаться покоем. И она ответила: – Слушаю и повинуюсь! И с этими словами она встала и вышла из храма. Войдя во дворец, она взяла медную чашу, наполнила ее водой, произнесла над ней несколько магических слов; и вода закипела, точно на огне. Тогда колдунья окропила ею своего мужа и сказала: – Силой этого заклинания повелеваю тебе оставить этот вид и принять прежний! И в ту же минуту юноша встал на ноги и, радуясь своему избавлению, произнес: – Один Бог Аллах, и Магомет пророк его! Потом она крикнула ему: – Убирайся из этого дворца и не возвращайся никогда, если дорожишь жизнью! И царь поспешно удалился. А колдунья вернулась к негру и сказала ему: – О повелитель мой, встань, чтобы я могла видеть тебя! Но он ответил глухим голосом: – Ты сделала далеко не все! Рыбы в озере не дают мне покоя; каждую ночь они поднимают головы и призывают небесную кару на нас. Вот почему я не могу исцелиться. Освободи их от заклятия и лишь тогда приходи ко мне и помоги подняться. Услыхав эти слова, она воскликнула: – О повелитель мой, я не замедлю исполнить твое повеление! И с этими словами она побежала к озеру, зачерпнула из него воды и... В эту минуту Шахразада заметила, что занимается заря, и по обычаю скромно замолкла. И когда наступила девятая ночь, она сказала:

ночь девятая

Рассказывают, о счастливый царь, что когда колдунья зачерпнула воды из озера и произнесла над нею магические слова, рыбы в озере затрепетали и в ту же минуту обратились в людей. И вся заколдованная страна освободилась от чар, город раскинулся в прежнем своем великолепии со своими домами и базарами, и население вернулось к прежним занятиям, а вместо пустынных холмов опять зазеленели острова. Совершив это, колдунья вернулась к мнимому негру и сказала: – О возлюбленный мой, дай мне поцеловать твою руку! Царь отвечал шепотом: – Подойди поближе! И когда она подошла, он схватил меч и вонзил его в грудь колдуньи. Потом он вышел из храма навстречу молодому царю, который ждал его с нетерпением. Юноша в порыве благодарности поцеловал руку у своего избавителя, и тот спросил его: – Хочешь ли ты оставаться в твоих владениях или отправишься со мною в мое царство? В ответ юноша спросил: – О царь веков, знаешь ли ты, какое расстояние отделяет нас от твоего царства? Султан ответил: – Два с половиной дня. Тогда молодой человек сказал: – О царь, чтобы доехать до твоей столицы, потребуется целый год! А прибыл ты сюда за два с половиной дня потому, что царство мое было заколдовано. Но знай, о царь, что, если бы мне пришлось идти с тобой на край света, я и тогда не расстался бы с тобой! При этих словах султан исполнился радости и сказал: – Хвала Аллаху, который поставил тебя на моем пути! Так как родных детей у меня нет, то я признаю тебя моим сыном и наследником моего престола. И оба царя нежно обнялись и, предаваясь безмерной радости, отправились в царский дворец. И царь созвал своих придворных и чиновников и объявил им, что предпринимает паломничество в Мекку. Затем оба царя двинулись в путь в сопровождении пятидесяти мамелюков, нагруженных подарками. И ехали они день и ночь в течение целого года, пока не прибыли в столицу султана.

И визирь, потерявший уже надежду на возвращение султана, вышел к нему со всем войском. И царь сообщил своему визирю обо всем, что произошло с ним. И визирь поздравил его с благополучным избавлением от чар злой колдуньи. А султан повелел визирю послать за рыбаком, и когда тот явился, султан приказал дать ему почетную одежду и спросил, есть ли у него дети. И когда рыбак сообщил ему, что у него две дочери и сын, султан решил жениться на одной из его дочерей, а другую дать в жены молодому царю Четырех Островов; сына же он взял к себе во дворец и назначил его хранителем царской сокровищницы. Вслед затем он предложил своему визирю отправиться в столицу Четырех Островов и сделал его царем этих островов. И визирь поцеловал руку у своего повелителя и отправился в путь. А рыбак вскоре сделался самым богатым человеком во всей стране, и его дочери-царицы пользовались почетом до самой смерти. Но, – продолжала Шахразада, – этот рассказ далеко не так богат чудесами, как

Рассказ о носильщике и трех сестрах

В городе Багдаде жил некогда бедный холостой носильщик. Однажды на базаре к нему подошла молодая женщина, окутанная чадрой, осыпанной золотыми блестками. Приподняв немного покрывало, скрывавшее прекрасные черные глаза, тонкие брови, длинные ресницы и восхитительные черты лица, она произнесла звучным голосом: – Носильщик, возьми свою корзину и иди за мной! Носильщик обрадовался этим словами и пошел за нею. Сначала она остановилась у дверей одного дома. На ее стук вышел человек, который за динарий вынес ей кувшин оливкового масла. Она поставила масло в корзину и сказала носильщику: – Следуй за мной! И носильщик взял корзину и последовал за своей нанимательницей. Потом она остановилась перед лавкой фруктовщика и купила сирийских яблок, османской айвы, нильских огурцов, египетских лимонов, султанской цедры, горных тюльпанов, фиалок, цветов граната и нарциссов. Уложив все это в корзину, она сказала ему: – Неси дальше! И он последовал за нею до мясной лавки; тут она остановилась и сказала мяснику: – Отрежь мне десять арталов* мяса. Мясник исполнил ее требование; завернув мясо в листья бананов, она опустила его в корзину и сказала носильщику: – Неси дальше! И он последовал за нею до лавки торговца сушеными фруктами, у которого она взяла миндаля и орехов всевозможных сортов; уложив все в корзину, она сказала носильщику: – Бери корзину и следуй за мной! И он последовал за нею до кондитерской, где она купила всяких сластей: сахарных завитков, мускатных пирожных с удивительной начинкой, бисквитов, лимонных паштетов, варенья разных сортов, сластей, называемых мушабак, и воздушных пирожных, сделанных на масле, меде и молоке.

И тогда носильщик сказал: – О госпожа, если бы ты предупредила меня, что у тебя будет столько покупок, я взял бы мула! Молодая женщина рассмеялась и пошла далее, к торговцу благовониями, у которого купила меру опьяняющих напитков, сосуд розовой воды с мускусом, ладана, серой амбры и александрийских восковых свечей. Уложив все это в корзину, она сказала носильщику: – Иди за мной! И шли они, пока не дошли до

* *Артал, или ротал (ротел),* – старинная мера веса, различная в разных странах, примерно 500 г.

роскошного дома с прекрасным садом и обширным двором. Молодая женщина тихо постучала в дверь, и тотчас же обе половинки двери распахнулись, и на пороге показалась красавица, какой носильщик не видел ни разу в жизни. Лоб ее был белее первых лучей новой луны, глаза – как глаза газели, брови – как серп луны в месяце Рамадане, щеки – как горные тюльпаны, ротик – как печать Солеймана, лицо – как полная луна при ее восходе, грудь – как два спелых граната. При виде этой красавицы носильщик так растерялся, что чуть не уронил корзину. Между тем молодая девушка, стоявшая на пороге, сказала сестре и носильщику: – Войдите! И да благословит Аллах ваш приход! Тогда оба вошли в дом и вступили в великолепную залу, обитую золотой и шелковой парчой и уставленную мебелью с золотой инкрустацией. Посреди залы находилось ложе, над которым было натянуто красное атласное покрывало от москитов, а на ложе лежала девушка удивительной красоты с глазами вавилонянки и лицом такой красоты, что оно должно было омрачить самое лучезарное солнце.

Молодая девушка встала и, подойдя к сестрам, сказала: – Что же вы стоите? Снимите ношу с головы носильщика! Тогда обе девушки взялись за корзину и с помощью третьей сестры сняли ее с головы носильщика, потом они дали ему два динария и сказали: – Уходи, носильщик! Но носильщик не мог оторвать глаз от молодых девушек, так как во всю жизнь свою не видал таких красавиц; в то же время он заметил, что в доме нет ни одного мужчины. Тогда старшая из сестер сказала: – Что же ты не уходишь? Разве ты не доволен платой? Но носильщик сказал: – Клянусь Аллахом, платой я вполне доволен, но мое сердце поглощено вами, и я спрашиваю, какую жизнь ведете вы, живя одни, без мужского общества. Разве вы не знаете, что минарет хорош только тогда, если он будет одним из четырех минаретов мечети? А вас, о госпожи мои, только трое, и вам недостает четвертого! И разве вы не знаете, что счастье женщины невозможно без мужчины. Тогда молодые девушки сказали ему: – О носильщик, разве ты не знаешь, что мы девственницы? Мы боимся нескромного вмешательства в наши дела. Услыхав эти слова, носильщик воскликнул: – Клянусь вашей жизнью, о госпожи мои! Я человек благоразумный, верный, надежный и читавший книги. Я говорю только о том, что приятно слушать, и никогда не упоминаю о печальных вещах; и вообще я применяю к жизни слова поэта:

Лишь мудрый муж хранить умеет тайну,
Лишь лучшие из смертных на земле
Свое держать умеют обещанье.
Все тайны, что мне вверены, во мне
Как в доме, крепко запертом, хранятся
За крепкими замками, и на дверь
Наложена печать, а ключ потерян.

Стихи и речи носильщика понравились молодым девушкам, но для соблюдения приличия они сказали ему: – Любовь без денег не может уравновесить чашки весов! А девушка, отворявшая двери, сказала: – Если у тебя нет ничего, так и уходи ни с чем! Но девушка, ходившая за покупками, воскликнула: – Перестаньте, сестры мои! Ибо, клянусь Аллахом, этот юноша нисколько не помешает нам! К тому же я беру на себя все издержки, которые выпадут на его долю. Услыхав эти слова, носильщик обрадовался и сказал девушке, ходившей за покупками: – Клянусь Аллахом, тебе одной обязан я удачей сегодняшнего дня! Тогда все три девушки сказали ему: – Оставайся же здесь, честный носильщик, и знай, что ты будешь у нас

дорогим гостем! Затем девушка, ходившая за покупками, встала, подобрала свое платье, накрыла стол у бассейна и приготовила все, что было нужно. Потом она разлила вино, и сестры сели за стол, а носильщик поместился между ними, думая все время, что он грезит. И вот девушка наполнила вином свой кубок и осушила его до дна, потом снова наполнила его и подала по очереди сестрам, и, наконец, носильщику, который произнес следующие стихи:

О пей вино, веселия источник!
Кто пьет его, найдет здоровье в нем,
От всех болезней верное лекарство!
Кто может пить веселия струю,
И не познать приятного волненья?!
Полнейшее блаженство на земле
Нам может дать одно лишь опьяненье!

Потом он поцеловал руки у молодых девушек, выпил еще кубок вина и сказал хозяйке дома: – О госпожа моя, я твой раб, твоя вещь, твоя собственность! И хозяйка дома сказала ему: – Пей, друг мой, и пусть этот напиток даст тебе веселье, здоровье и укрепит твои силы! И молодая девушка взяла кубок из рук носильщика и, осушив его, передала своей сестре. Потом все начали танцевать, петь и перебрасываться цветами. И носильщик обнимал молодых девушек и целовал их, а они играли и шутили с ним, и бросали в него цветами. И они продолжали веселиться и пить, пока их рассудок не помутился. Когда опьянение совсем овладело ими, молодая девушка, отпиравшая двери, сбросила с себя одежды, бросилась в бассейн и стала играть водой; потом она набрала воды в рот и обрызгала ею носильщика. После этого она омыла свои члены, выскочила из воды и кинулась на грудь носильщику. Затем все четверо снова стали пить и есть. И вот вторая сестра тоже сняла одежды и прыгнула в бассейн и проделала все то, что делала ее сестра, и наконец вышла из воды и бросилась на колени носильщику. После нее и третья сестра сняла свои одежды, прыгнула в бассейн и проделала то же, что делали ее сестры. Следуя примеру молодых девушек, и носильщик, сняв с себя одежды, прыгнул в бассейн. Потом он вышел из воды и уселся на коленях девушки, отворявшей двери, а ноги свои положил на колени той, которая делала покупки. И все три сестры так рассмеялись, что опрокинулись на спину. Затем они опять стали пить и пили до наступления ночи. Тогда они сказали носильщику: – Теперь иди, чтобы мы видели ширину твоей спины! Но носильщик воскликнул: – Клянусь Аллахом! Легче моей душе расстаться с телом, чем мне уйти из вашего дома! Соединим эту ночь со следующим днем, а завтра пусть каждый из нас пойдет по предназначенному ему Аллахом пути. Тогда девушка, ходившая за покупками, сказала: – О сестры, пригласим его провести эту ночь у нас! Он развлечет и забавит нас, потому что он веселый малый, не знающий стыда. Тогда сестры сказали носильщику: – Хорошо, ты можешь провести у нас эту ночь с тем условием, что ты не будешь спрашивать объяснений, что бы ни происходило тут! Носильщик сказал: – О разумеется, госпожи мои! И сестры сказали ему: – Встань и посмотри, что написано над этой дверью! И он встал и увидел на двери надпись золотыми буквами: «Не говори о том, что не касается тебя, если не хочешь услышать того, что будет тебе неприятно». В эту минуту Шахразада заметила наступление утра и скромно замолчала. Но, когда наступила десятая ночь, Доньязада сказала ей: – О сестра, доскажи нам твой рассказ о носильщике и трех сестрах! И Шахразада ответила: – Охотно исполняю этот приятный долг, сестрица! И она продолжала:

Leo Cerni
1925

ночь десятая

Мне довелось слышать, о счастливый царь, что когда носильщик дал обещание сестрам, девушка, ходившая за покупками, встала и поставила на стол кушанья, и все они принялись пить и есть купленные на базаре лакомства. И вдруг в разгаре пира они услышали стук в двери. Девушка, открывавшая двери, пошла узнать, кто стучит, и, возвратившись, сказала: – Воистину, сегодня не будет пустых мест за нашим столом, потому что я нашла у дверей трех ахжанов, и все трое кривы на левый глаз. Не правда ли, какое удивительное совпадение! Я сразу догадалась, что это чужестранцы, ведь у всех такие забавные лица и одежды, что невозможно смотреть без смеха. Если мы впустим их переночевать, то вволю посмеемся над ними! И она так уговаривала сестер, что те сказали: – Впусти их, но поставь им условие: – Не говорите о том, что не касается вас, если не хотите услышать того, что будет вам неприятно. Девушка побежала к дверям и вскоре возвратилась, ведя за собою трех кривых. У них были бритые бороды и длинные закрученные кверху усы. Видно было, что они принадлежат к нищенствующим монахам – саалукам.

Войдя, все трое приветствовали присутствующих и, усевшись, принялись есть, а девушка, отворявшая дверь, принесла вина и по очереди подавала кубок, усердно наполняя его каждый раз до краев. Наконец, когда саалуки в достаточной мере утолили свою жажду, носильщик сказал: – Не знаете ли вы какой-нибудь чудесной истории, которой вы могли бы повеселить нас? Саалуки, возбужденные выпитым вином, потребовали музыкальных инструментов, и девушка, отворявшая дверь, принесла моссульский барабан, украшенный бубенчиками, иракскую лютню и персидскую арфу. Саалуки поднялись со своих мест и дружно заиграли. И вдруг в разгаре концерта послышался стук. Девушка, отворявшая дверь, пошла узнать, кто мог стучаться в такой поздний час. А дело было вот в чем.

В ту ночь халиф Гарун-аль-Рашид в сопровождении своего визиря Джафара и палача Мезрура обходил переодетый купцом улицы города, чтобы видеть собственными глазами все, что происходит в нем. Проходя мимо дома трех сестер, халиф услышал звуки инструментов и смеха и сказал своему визирю: – Войдем в этот дом и посмотрим, что там делается. И Джафар ответил: – Слушаю и повинуюсь! И он подошел к двери и постучал в нее, и на его стук вышла девушка. Когда Джафар увидел ее, он проговорил: – О госпожа моя, мы купцы, прибывшие сюда десять дней тому назад с товарами и остановившиеся в караван-сарае для купцов. Сегодня мы были в гостях у одного купца, и он угостил нас на славу; мы немного опьянели, и теперь, не зная города, сбились с пути. И вот мы обращаемся к твоему великодушию, о госпожа!

* *Ахжаны* – этим словом арабы обозначают народы, говорящие не на арабском языке; чаще подразумеваются персы.

Позволь переночевать в твоем доме, и Аллах вознаградит тебя за это доброе дело. Девушка, отпиравшая дверь, посмотрела на них и нашла, что они действительно похожи на купцов и имеют очень почтенный вид. И она пошла к сестрам, и те сказали: – Хорошо, впусти их! Тогда она вернулась и сказала им: – Войдите! И все трое вошли, и, увидав их, молодые девушки сказали: – Милости просим, располагайтесь, как найдете для себя удобнее, гости наши! Но мы требуем от вас исполнения одного условия: – Не говорите о том, что не касается вас, если вы не хотите услышать того, что будет вам неприятно! Они ответили: – О да, конечно! Они сели, им предложили вина, и кубок переходил из рук в руки.

Потом халиф посмотрел на трех саалуков и, увидав, что все они кривы на левый глаз, очень удивился. Затем он взглянул на молодых девушек и был поражен их красотой и грацией. А молодые девушки продолжали исполнять свои обязанности хозяек и неустанно угощали вином своих гостей. Когда же вино начало оказывать свое действие, хозяйка дома встала, взяла за руку девушку, ходившую за покупками, и сказала ей: – О сестра моя! Мы должны исполнить наш долг! А та ответила ей: – Приказывай, я готова! Тогда девушка, отворявшая двери, встала, попросила саалуков освободить середину залы и стать у двери; потом она убрала все, что было посреди залы. Две другие девушки позвали носильщика и сказали ему: – Ради Аллаха, ты должен доказать нам свою дружбу! Подожди тут! Через несколько минут девушка, ходившая за покупками, сказала ему: – Следуй за мной! И он вышел вслед за нею из залы и увидел двух собак черной шерсти на цепочках. И по приказанию девушки носильщик вывел их на середину залы. Тогда хозяйка дома взяла в руки плеть и сказала носильщику: – Подведи ко мне одну из собак! Затем она стала бить ее плетью по голове, и несчастная собака не переставала визжать и выть. Выбившись из сил, она бросила плеть, прижала собаку к своей груди и, обняв ее обеими руками, со слезами на глазах стала целовать ее в голову. Потом она сказала носильщику: – Отведи эту собаку обратно и приведи мне другую! И носильщик заставил подойти к ней другую собаку, и молодая девушка сделала с нею то же, что и с первой.

Тогда халиф почувствовал, что сердце его переполнилось жалостью, и он подмигнул Джафару, требуя знаками, чтобы тот допросил девушек. Но Джафар ответил ему знаками, что лучше промолчать. Затем хозяйка дома обратилась к сестрам и сказала: – А теперь сделаем то, что мы привыкли делать в это время! И хозяйка дома села на мраморное ложе и сказала сестрам: – А теперь покажите нам ваше искусство! Тогда девушка, ходившая за покупками, вышла и вскоре вернулась, держа в руках атласный мешок, обшитый шелковой бахромой. Она открыла его, вынула из него лютню и подала ее девушке, отпиравшей двери, а та взяла ее и, ударив по струнам, запела о страданиях любви:

– О вас молю! верните сон спокойный
Моим глазам, которых он бежит!
Скажите мне, куда мой разум скрылся?
Едва приют я согласился дать
В себе любви, как сон меня покинул...

Когда она закончила, сестра ее сказала: – Да утешит тебя Аллах, о сестра моя! Но молодая девушка была так охвачена печалью, что разорвала на себе одежды и без чувств упала на пол. При этом движении тело ее обнажилось, и халиф заметил на нем следы ударов плетью и прутьями, и это открытие привело его в ужас. Но ходившая за покупками девушка подошла к сестре и брызнула ей водой в лицо,

после чего та пришла в себя. Потом сестра принесла ей другую одежду и переодела ее. Тогда халиф сказал своему визирю: – Разве ты не видел рубцов на теле этой женщины? Что касается меня, то я больше не могу молчать и не успокоюсь, пока не узнаю, что все это значит. И Джафар ответил: – О повелитель мой, помни об условии, которое поставили нам в этом доме: «Не говори о том, что тебя не касается, если не желаешь услышать того, что будет тебе неприятно!» Между тем девушка, ходившая за покупками, встала, взяла лютню и, пробегая пальцами по струнам, запела:

– *Коль на любовь нам жаловаться*
станут,
Что можем мы на это отвечать?
Когда бы нас самих любовь сразила,
Что предпринять могли бы мы тогда?..

Печальные звуки этой песни так расстроили хозяйку дома, что она зарыдала, разорвала свои одежды, как и ее сестра, и упала без чувств. И девушка, ходившая за покупками, встала и брызнула ей воды в лицо, чтобы привести ее в сознание, и принесла другое платье. Оправившись немного, хозяйка дома сказала девушке, ходившей за покупками: – О сестра, прошу тебя, спой еще раз, чтобы мы могли заплатить свой долг! Тогда девушка, ходившая за покупками, запела следующие строфы:

Тебя хочу! Тебя хочу давно!
Ты обещал! Но где же ты, неверный?
О мусульмане-братья! Вас молю,
Отмстите вы неверному жестоко!
Пусть он страдает так же, как и я!..

При последних словах этой песни девушка, отпиравшая двери, снова упала без чувств на пол, и при этом обнажилось ее тело, покрытое следами ударов плетью. Тогда саалуки сказали: – О лучше было бы нам не заходить в этот дом, потому что это зрелище расстроило нас свыше меры! Тогда халиф повернулся к ним и спросил: – Разве вы не принадлежите к этому дому? Они отвечали: – Нет! Мы думали, что этот дом принадлежит тому человеку, который стоит рядом с тобой! Тогда носильщик воскликнул: – О клянусь Аллахом, я в первый раз сегодня ночью вошел в это жилище! Но мне приятнее было бы проспать всю ночь на голой земле, чем провести ее в этом доме!

Тогда все они начали советоваться и сказали: – Нас семь мужчин, а их только три женщины! Потребуем у них объяснения всему этому. Если они не захотят сделать это добровольно, то мы принудим их силою! Они продолжали совещаться и, наконец, спросили: – Но кто же из нас задаст им этот вопрос? И некоторые из них решили, что это должен сделать носильщик. Между тем девушки, заметив, что они перешептываются, спросили: – О добрые люди, о чем говорите вы? Тогда носильщик встал и сказал: – О повелительница моя, умоляю тебя, расскажи нам историю этих черных собак, объясни нам, почему ты била их, а потом обнимала их. И объясни нам причину рубцов и шрамов на теле твоей сестры. Услыхав это, девушка воскликнула: – Клянусь Аллахом, о гости, вы нанесли нам ужасное оскорбление. Принимая вас, мы поставили условие, чтобы вы не говорили о том, что вас не касается. Разве с вас не довольно было того, что вы ели с нами за одним столом? Впрочем, это вина нашей сестры, которая привела вас! С этими словами она три раза топнула ногой и закричала: – Эй, скорей сюда! В тот же миг распахнулась закрытая драпировкой боковая дверь, и оттуда выскочили семь негров-гигантов с обнаженными мечами. И девушка сказала им: – Свяжите руки этим людям и привяжите их друг к другу.

Негры исполнили ее приказание и спросили: – О повелительница, о цветок, скрытый от глаз мужчин, отрубить ли им головы? Она ответила: – Подождите, мне хочется узнать, что это за люди!

Тогда носильщик воскликнул: – Именем Аллаха, умоляю тебя, о повелительница моя, не карай меня за преступление, совершенное другими! Они заставили меня обратиться к тебе с вопросом, сам же я и не думал об этом. О клянусь Аллахом, мы провели бы тут веселую ночь, если бы не явились эти злосчастные саалуки!

В эту минуту Шахразада заметила, что занимается заря, и скромно замолчала. А когда наступила одиннадцатая ночь, она сказала:

ночь одиннадцатая

Я остановилась на том, о счастливый царь, что молодая девушка, выслушав носильщика, подошла к своим пленникам и сказала: – Расскажите мне все, что вы можете сказать о себе, потому что вам остается жить только один час! После этого она подошла к саалукам и спросила их: – Не братья ли вы? Они ответили ей: – Нет, клянемся Аллахом! Мы беднейшие из нищих и живем тем, что ставим банки и пускаем кровь. Тогда она обратилась к первому саалуку и спросила его: – Скажи мне, ты кривой от рождения? Тот отвечал: – Нет, госпожа! Но история потери моего глаза так удивительна, что, будь она написана иглой в уголке глаза, она послужила бы уроком, который люди читали бы с уважением! Тогда она обратилась ко второму и к третьему саалуку, и оба они дали тот же ответ. Тогда молодая девушка сказала: – Пусть каждый из вас расскажет нам свою историю и пусть потом уходит с миром!

Услыхав эти слова, носильщик сказал: – О повелительница, я простой носильщик! Твоя сестра привела меня сюда. И вы хорошо знаете, что тут было со мною и с вами. Вот и вся моя история, и мне нечего более прибавить к ней. Тогда молодая девушка сказала ему: – Хорошо, прикоснись к своей голове, чтобы убедиться, что она все еще на своем месте, и ступай! Но носильщик сказал: – Нет, клянусь Аллахом! Я не уйду отсюда, пока не выслушаю историю моих товарищей. Вслед за ним первый саалук, повинуясь приказанию хозяйки дома, начал:

РАССКАЗ ПЕРВОГО СААЛУКА

Я расскажу тебе, о повелительница моя, о том, как я лишился одного глаза и что заставило меня сбрить бороду. Знай, что я сын султана и что моя мать родила меня в тот же день, когда у моего дяди родился сын. Прошло много дней

и годов; я и сын моего дяди подросли. В последний мой приезд к дяде его сын устроил мне особенно торжественный прием, приказав заколоть несколько баранов и приготовить разных вин. И мы стали есть и пить, и когда мы опьянели, сын моего дяди сказал мне: – О ты, которого я люблю всей душей, дай мне обещание, что не помешаешь мне исполнить, что я задумал! Я ответил ему: – Обещаю тебе это от всего сердца!

Тогда он заставил меня произнести торжественную клятву, а после вышел на несколько минут и вскоре вернулся. За ним шла молодая женщина вся в драгоценностях и одетая в роскошное платье. Обращаясь ко мне, он сказал: – Возьми эту женщину и иди впереди меня в то место, которое я укажу тебе. Там ты найдешь усыпальницу и в ней подождешь меня. И я не мог уклониться от этой просьбы. И я пошел с женщиной и вошел в описанную усыпальницу над могилой; мы сели и стали ждать сына моего дяди. Вскоре он пришел к нам с кувшином воды, мешком извести и кирочкой. Он начал разбивать кирочкой камни могилы в усыпальнице и относить их в сторону; затем он начал копать землю, пока не откопал крышку величиною с маленькую дверь. Он поднял ее, и под нею оказалась винтовая лестница. Женщина начала спускаться вниз и скрылась. Тогда он повернулся ко мне и сказал: – Я прошу тебя оказать мне услугу. Когда я спущусь вниз, закрой крышку и завали ее землею. Смешай хорошенько принесенную известь с водою, положи на место все камни и щели между ними замажь известкой.

И он спустился по лестнице и погрузился в глубину могилы. Когда сын моего дяди скрылся, я поступил так, как он требовал от меня, так что могила приняла прежний вид. Тогда я возвратился во дворец и тотчас же пошел спать. Проснувшись утром, я стал раскаиваться, что сделал. И я отправился на кладбище искать усыпальницу, в которой все это произошло, но не мог найти ее среди других. Возвратившись к ночи во дворец, я не мог ни пить, ни есть, так как все мысли мои были заняты сыном моего дяди. Всю ночь я не мог сомкнуть глаз. На другой день я опять отправился на кладбище и опять принялся разыскивать нужную могилу, но не мог найти ее. Тогда мною овладело такое беспокойство, что я почти лишился рассудка.

Чтобы оправиться от своей печали, я решил вернуться к моему отцу. Когда же я приблизился к воротам города моего отца, меня окружила стража, и мне связали руки. Страх овладел мною, и я начал расспрашивать, что случилось с моим отцом, и один из невольников сказал мне: – Отец твой пал жертвой злого рока. Его телохранители изменили ему, и визирь велел убить его. Нам же было приказано ждать тебя и схватить, как только ты явишься. Затем они схватили и потащили меня, и я почти не сознавал, нахожусь ли я еще на этом свете, так потрясла меня смерть моего отца. И привели меня к визирю, который убил моего отца. Между нами была давнишняя вражда, и причина его ненависти ко мне была следствием моей страсти к стрельбе из лука. Однажды, когда я сидел на террасе дворца моего отца, на террасу дворца визиря спустилась большая птица. Я хотел застрелить ее, но стрела попала не в птицу, а в глаз визиря и выбила его.

Лишившись глаза, визирь безмолвно покорился своей участи, так как отец мой был царем того города; но злоба глубоко запала в его душу. И когда меня привели к нему со связанными руками, он приказал палачу отрубить мне голову. Тогда я сказал ему: – Я не совершил никакого преступления, за что же ты хочешь убить меня? Он отвечал: – Может ли быть более тяжкое преступление? И указал на

свой погибший глаз. Я сказал: – Но ведь я сделал это нечаянно! И он ответил: – А я сделаю это с умыслом! И он воткнул свой палец в мой левый глаз и выбил его, и я стал кривым! Затем визирь сказал своему палачу: – Возьми меч, выведи его за черту города, отруби ему голову и брось тело на растерзание зверям! И палач отвел меня за город и собирался завязать мне глаза, чтобы приступить к казни. Тогда я заплакал и произнес следующие стихи:

Я счел тебя надежною бронею,
Чтобы меня от дротиков врагов
Ты мог спасти – но сам же обратился
Ты в наконечник острого копья
И в грудь мою предательски вонзился!
Когда моим уделом власть была,
Тогда нередко правою рукою,
Что наказанья раздавать должно,
Я в левую перелагал оружье,
В бессильную. Да, так я поступал.
Душе моей, израненной врагами,
Пожертвуйте молчанья кроткий дар,
Не угнетайте жесткими словами
И тяжестью упреков вы своих!
Избавьте же, молю вас, от упреков,
От осуждений тягостных меня,
Пусть лишь врагов губительные стрелы
Вонзаются в растерзанную грудь!

Слушая эти строчки, палач вспомнил, что служил палачом у моего отца и что в то время я осыпал его благодеяниями. И он сказал мне: – Могу ли я убить тебя, я – твой покорный раб?! И потом прибавил: – Беги и не возвращайся больше в эти края, если не хочешь погубить себя и меня! В ответ я поцеловал у него руки и поспешно удалился. Позже, размышляя о своем избавлении от гибели, я утешился в потере глаза. Я продолжал путь и, наконец, прибыл в город моего дяди. И я пришел к нему во дворец и сообщил ему, что случилось со мною. Тогда он залился слезами и воскликнул: – О сын моего брата! Ты явился со своим горем к моему горю и со своей печалью к моей печали! Сын твоего бедного дяди, которого ты видишь перед собою, пропал без вести много дней тому назад, и я не знаю, где он может быть. И дядя мой зарыдал так горько, что лишился чувств. Когда же он пришел в себя, то сказал мне: – О дитя мое! Я так печалился о потере сына, а ты принес новую печаль к моей печали. Но что касается тебя, то все же лучше лишиться глаза, чем жизни!

Тут я не в силах был скрывать долее, что случилось с его сыном, и рассказал всю правду. И дядя мой исполнился радости и сказал: – О пойдем скорее, укажи мне, где та могила! Я отвечал ему: – Клянусь Аллахом, я не знаю, где она! Я никак не мог найти ее! Тогда мы отправились на кладбище, и на этот раз я узнал ту усыпальницу. И радость наша не имела пределов! Мы вошли в нее, разрыли землю и спустились на пятьдесят ступеней вниз. Но глубже все было скрыто в густом дыму. Тогда дядя мой воскликнул: – Один Аллах Всевышний всемогущ и всесилен! И мы смело пошли вперед и вошли в большую залу, наполненную разными припасами и многими другими вещами. Посреди был балдахин, за которым скрывалось ложе. Дядя мой откинул занавеску и увидел на ложе своего сына в объятиях женщины, которая спустилась сюда вместе с ним. Но оба они почернели и обуглились, как будто их вытащили из огня. Увидев это, дядя мой плюнул в лицо своему сыну и воскликнул: – Ты заслужил это, о негодяй! И это только кара в здешнем мире, а на том свете тебя ждет еще более ужасное возмездие! Говоря это, дядя мой снял туфлю и ударил ею по лицу мертвого своего сына.

В эту минуту Шахразада заметила приближение утра и остановилась, не желая злоупотреблять полученным разрешением. А когда наступила двенадцатая ночь, она сказала:

ночь двенадцатая

Мне довелось слышать, о счастливый царь, что саалук сказал, обращаясь к молодой девушке: – Когда дядя мой ударил туфлей по лицу мертвого своего сына, я был крайне изумлен. И, глядя на обугленные тела сына моего дяди и молодой девушки, я опечалился и сказал: – Сердце мое объято скорбью по поводу того, что случилось с твоим сыном! Но более всего печалит меня, что ты бьешь туфлей твоего умершего сына!

Тогда дядя мой рассказал мне следующее: – Знай, что сын мой с детства воспылал страстью к своей родной сестре, и, как только они достигли зрелости, между ними произошло преступное сближение. Я не вполне поверил этому, но сделал строгое внушение сыну: – Берегись этих гнусных дел! Неужели же ты хочешь покрыть вечным позором наш царский род? Отрешись же от этого преступного чувства, если не хочешь, чтобы я проклял тебя! После этого я принял меры, чтобы прекратить всякое сообщение между ними. Но подлая тварь уже не могла вырвать из своего сердца преступной любви к брату, и сам шайтан укрепил их союз! И вот сын мой, не говоря никому ни слова, принялся за устройство этого подземелья. И, как видишь, он перенес сюда все необходимое. Когда же я уехал на охоту, он увел ее сюда. Но небесное правосудие не попустило такого позора и сожгло их обоих своим огнем!

Говоря это, дядя мой заплакал, и я заплакал вместе с ним. Потом он сказал: – Теперь ты, дитя мое, будешь моим сыном! Потом мы вышли из усыпальницы и засыпали дверцу землей. Когда же мы вернулись во дворец моего дяди, до нас донеслись воинственные звуки барабанов и труб; со всех сторон мчались воины на конях, и весь город был полон шума и смятения. Мы были поражены, не зная причины этого переполоха. Наконец, дядя мой осведомился об этом, и ему ответили: – О царь! Визирь, убивший твоего брата, собрал войско и взял приступом твой город. Услышав это, я сказал себе: – Он убьет меня, если я попадусь в его руки!

И снова душу мою обуяли печаль и забота, и я не знал, что делать. Я не сомневался, что жители сейчас же узнают меня; и вот, чтобы спасти свою жизнь, я сбрил бороду и переоделся саалуком. Я направился к Багдаду, надеясь проникнуть во дворец великого калифа Гарун-аль-Рашида, которому я хотел рассказать о моих злоключениях. Я прибыл в город этой ночью и встретил двух саалуков, с которыми пошел вместе, и счастливая судьба привела нас к вам, о госпожи мои! Вы знаете теперь, как я лишился глаза и почему я сбрил бороду!

Когда он кончил свой рассказ, молодая девушка сказала ему: – Мы довольны твоим рассказом! Уходи поскорей! Но первый саалук возразил: – О госпожа моя, клянусь Аллахом, я не уйду отсюда, пока не услышу, что расскажут о себе все мои товарищи! И первый саалук отошел в сторону и сел, скрестив ноги. Тогда выступил второй саалук, поцеловал пол у ног молодой хозяйки дома и начал:

РАССКАЗ ВТОРОГО СААЛУКА

Знай, о госпожа моя, что и я не родился кривым! Я царь и сын царя, я читал Коран и семь толкований его, я занимался наукой звезд и книгами поэтов; и я столько предавался изучению наук, что превзошел познаниями всех современников. Услышав о моей учености, царь Индии отправил к моему отцу посла с подарками и просьбой отпустить меня к нему. Отец мой согласился; он велел нагрузить шесть кораблей всяким добром; и когда все было готово, я уехал. Путешествие наше по морю длилось месяц. Выйдя на берег, мы выгрузили наших лошадей и верблюдов, навьючили их подарками и собрались в путь. Но лишь мы двинулись с места, как перед нами поднялось облако пыли. Оно приближалось к нам, застилая небо и землю, и вскоре мы увидели шестьдесят вооруженных всадников. Присмотревшись, мы убедились, что они – арабы пустыни, занимавшиеся разбоем на больших дорогах! Когда они подъехали, мы сказали: – Знайте, что мы послы к великому царю Индии, и потому не делайте нам зла! Они ответили: – Мы не под его властью, и нам нет дела до него! Они перебили некоторых моих слуг; оставшиеся в живых разбежались, я был тяжело ранен и тоже бежал. Арабы не преследовали нас, а занялись расхищением наших богатств. И я в своем бегстве не знал, где нахожусь и куда мне следует направить свои шаги!

Еще недавно я наслаждался благами жизни, и вот теперь очутился в нужде и горе! Но я без отдыха продолжал свой путь, пока не достиг большого, красивого города. Войдя в него, я не знал, куда направиться, и тут увидел в лавке портного за работой. Он любезно ответил на мое приветствие, усадил рядом с собою и стал расспрашивать, откуда я пришел. И я рассказал ему все, что было со мною. Тогда он опечалился и сказал: – Будь осторожен! Знай, что царь этого города – враг твоего отца, и он собирается отомстить ему за старую обиду! Затем он предложил мне есть и пить, и мы беседовали до поздней ночи; потом он очистил для меня местечко за лавкой и принес туда сколько было необходимо подушек и одеял. На третий день после моего прибытия он спросил меня, знаю ли я какое-нибудь ремесло, чтобы зарабатывать пропитание. Я отвечал ему, что изучил юриспруденцию и многие другие науки, я хорошо пишу и бегло считаю. Тогда он сказал: – О друг мой, такое ремесло не находит спроса на рынке нашего города! Возьми веревку и топор, иди в ближайший лес и наруби там дров; этим ты можешь существовать, пока Аллах не изменит твоей судьбы. Но не говори никому о своем происхождении, если дорожишь жизнью! И я отправился в лес, нарубил дров, снес их в город и продал за полдинария. Часть этих денег я истратил на пропитание, а остаток отложил. Так работал я в течение года и каждый день заходил к портному и отдыхал у него.

Однажды, отправившись в лес рубить дрова, я выбрал засохшее дерево и начал разрывать землю вокруг его корней. Вдруг топор мой наткнулся на медное кольцо. Я разрыл землю и увидел деревянную крышку. Открыв ее, я увидел под нею лестницу; спустившись, я увидел перед собой дверь, и когда я отпер ее, очутился в великолепной зале подземного чертога, и в ней увидел девушку – прекрасную, как лучшая из

жемчужин. Красота ее изгоняла из сердца всякую печаль и заботы. И я пал ниц перед Создателем, сотворившим такую дивную красоту. Взглянув на меня, красавица спросила: – Скажи, ты человек или джин? Я ответил: – Я человек! И она удивилась: – Кто привел тебя в это место? Двадцать лет я живу тут и ни разу не видела человеческого существа! В ответ я рассказал ей все, что было со мною, и ее опечалила моя судьба. Она заплакала и сказала: – Я тоже расскажу тебе свою историю.

Я дочь царя Индии, повелителя Острова Черного Дерева. Отец мой выдал меня замуж за сына моего дяди, когда мне исполнилось двенадцать лет. Но в ночь моей свадьбы, прежде чем муж успел лишить меня невинности, меня похитил эфрит и принес в этот чертог, где были приготовлены наряды, дорогие ткани и разные кушанья и напитки. Он является сюда каждые десять дней, проводит со мною ночь, а утром исчезает. И он предупредил меня, что если я пожелаю призвать его к себе на помощь, мне надо лишь прикоснуться рукой к двум строкам, начертанным на куполе посреди этой залы. Прошло четыре дня со времени его последнего посещения, и он возвратится через шесть дней. Хочешь ли ты провести со мною пять дней, а за день до его появления удалиться? Я отвечал ей: – Разумеется, хочу! Тогда она вскочила с места, взяла меня за руку и провела меня в прелестно убранный гамам. Тут я разделся, и она тоже сняла свою одежду и села со мною в ванну. Выйдя из ванны, она села рядом со мною и угощала меня мускусным сиропом и восхитительными печениями. И мы долго и приятно беседовали и ели сласти, приготовленные ее похитителем.

Наконец, она сказала мне: – Сегодня ты должен хорошо выспаться, чтобы завтра быть в хорошем расположении духа. И я забыл обо всех моих несчастиях и заснул крепким сном. Когда я пробудился, мы провели час в веселой беседе, и, наконец, она сказала: – Клянусь Аллахом! Пока я была в этом подземном чертоге, я изнывала от тоски, потому что у меня не было никого, с кем бы я могла побеседовать! Теперь же да будет благословен Аллах, пославший тебя мне! Потом она пропела своим нежным голосом следующие стихи:

О, если бы предупредили нас,
Что ты придешь!
Ковром бы разостлали
Мы кровь сердец своих на бархат глаз
У ног твоих – когда б мы только знали!..
Тебе на ложе, путник молодой,
Мы бы постлали свежесть щек душистых
И тело юных бедер шелковистых!
Ты выше взоров, путник дорогой!..

В ответ я приложил руку к сердцу, и любовь возгорелась во мне, и все мои огорчения рассеялись. Потом мы стали пить из одного кубка, и в эту ночь я спал с нею и испытал величайшее блаженство. Клянусь Аллахом, никогда во всей моей жизни не было у меня подобной ночи! И когда наступило утро, я, желая продлить свое счастье, сказал красавице: – Хочешь, я избавлю тебя от джина и выведу из этого подземелья? Она рассмеялась и сказала: – Довольствуйся тем, что у тебя есть! Подумай, бедный эфрит будет пользоваться одним днем из десяти, а тебе обещаю остальные девять! Но я, отуманенный пылом страсти, воскликнул: – Нет, пусть явится сюда эфрит, чтобы я мог убить его! Я давно стяжал себе славу истребителя эфритов! И я изо всех сил ударил ногой о купол...

В эту минуту Шахразада заметила приближение утра и скромно замолкла. И когда наступила тринадцатая ночь, она сказала:

ночь тринадцатая

О счастливый царь, до меня дошло, что второй саалук продолжал свой рассказ такими словами: – Когда я, о госпожа моя, изо всех сил ударил ногой о купол, молодая женщина закричала: – Эфрит сейчас будет здесь! Спаси свою жизнь и выйди тем же путем, каким пришел сюда! Я бросился к лестнице и когда, поднявшись на несколько ступенек, оглянулся, то увидел, что земля разверзлась, и из нее вышел огромный эфрит. И, подойдя к женщине, он закричал: – Что означает это страшное сотрясение, которым ты потревожила меня? Она ответила: – Соскучившись в одиночестве, я хотела достать какой-нибудь освежающий напиток и так неосторожно вскочила с места, что ударилась о купол. Но эфрит сказал: – Ты бесстыдно лжешь, подлая тварь! И он начал озираться и, увидав позабытые мною мои сандалии и топор, воскликнул: – Как попали сюда эти вещи? Она отвечала: – Я в первый раз вижу их! Вероятно, ты сам, не замечая этого, принес их с собой! Услышав это, эфрит грозно воскликнул: – Нечего болтать вздор, подлая развратница! И не думай, что я позволю тебе дурачить меня! С этими словами он повалил ее на пол, привязал к четырем колам, вбитым в пол, и начал истязать ее, требуя, чтобы она созналась ему во всем. Крики несчастной раздирали мне душу, когда я поспешно взбирался по лестнице. Дрожа от страха, я закрыл отверстие крышкой и завалил ее землей. Но я не мог отогнать тяжелых мыслей о девушке и мучениях, которым подвергал ее проклятый эфрит.

Когда же я пришел к портному, то застал его в сильной тревоге. Увидев меня, он сказал: – Я боялся, что ты сделался жертвой дикого зверя. Да будет благословен Аллах, сохранивший тебя! Я поблагодарил его за участие, и, когда я сидел в его доме, погруженный в свои мысли, он подошел ко мне со словами: – У дверей стоит какой-то человек; он принес твой топор и твои сандалии. Выйди к нему и поблагодари его за внимание. При этих словах силы оставили меня. Земля передо мной разверзлась, и из нее вышел эфрит! Он подверг свою жену ужасной пытке, но она ни в чем не созналась. Тогда он взял сандалии и топор и сказал ей: – Я приведу сюда владельца этих сандалий и этого топора! И он обошел всех портных нашей улицы, и они указали на лавку моего друга.

Не успел я опомниться от страха, как эфрит схватил меня и унес. Он полетел со мной с такой быстротой, что я потерял сознание. Земля разверзлась перед нами, и мы очутились в подземном чертоге. При виде лежащей на полу обнаженной и обагренной кровью молодой девушки глаза мои наполнились слезами. Но эфрит толкнул ее и закричал: – Вот он, твой любовник! Молодая девушка взглянула на меня и сказала: – Я никогда раньше не видела его! И я не буду лгать перед лицом Аллаха! Услыхав это, эфрит сказал: – Если так, возьми меч и отруби ему голову! Тогда она взяла у него меч и подошла ко мне. Я стоял перед нею, пожелтев от страха, и, делая ей жесты бровями,

умолял пощадить меня. И слезы лились ручьями по моим щекам. Тогда меч эфрита выпал из ее рук. А эфрит поднял его и сказал мне: – Отруби ей голову; тогда я отпущу тебя. И я взял меч и поднял с ним руку. Тогда она сказала мне движением своих бровей: – Сделала ли я тебе хоть малейшее зло? И глаза мои наполнились слезами, я бросил меч и сказал эфриту: – О непобедимый дух! Если бы эта женщина была преступна, она пожелала бы видеть, как упадет моя отрубленная голова. Но она предпочла бросить из рук меч. Как же я могу решиться отрубить ей голову, тем более что я никогда раньше не видел ее? Я ни за что не решусь на такой поступок, хотя бы мне пришлось принять ужасную смерть! Услыхав эти слова, эфрит воскликнул: – Теперь я убедился в том, что вы любите друг друга!

С этими словами он схватил меч и отрубил у молодой женщины руку; потом он отрубил ей другую руку, потом правую ногу и, наконец, левую ногу. Я был уверен, что меня ожидает такая же участь. В эту минуту молодая женщина подмигнула мне глазом. Но эфрит заметил это и закричал: – О негодная, ты совершила прелюбодеяние своим глазом! И он отрубил ей голову. Потом он сказал мне: – О человек, знай, что наши законы разрешают убийство неверной жены. Я унес ее в день ее свадьбы и через каждые десять дней приходил к ней в образе персиянина! И когда я узнал, что она изменила мне, я убил ее! Впрочем, она обманула меня только глазом, которым она подмигнула тебе. Что же до тебя, то я не убежден в твоей невинности, поэтому я предоставляю тебе выбрать, какого рода наказание ты предпочитаешь. Какого животного предпочитаешь ты принять вид? Не хочешь ли ты, чтобы я превратил тебя в осла? Или, может быть, в мула? Или в ворона? Или лучше в обезьяну? Но я на все отвечал отрицанием, обольщаясь надеждой, что он помилует меня, и сказал ему: – Ради Аллаха, о повелитель мой, несправедливо осуждаешь ты меня! Если ты помилуешь меня, и тебя помилует Аллах! Тогда он ответил: – Довольно слов, иначе смерть тебе! Я должен околдовать тебя!

С этими словами он схватил меня и взлетел со мною так высоко, что земля приняла вид чашки с водою. Потом он опустился на вершину горы, поставил меня на ноги, взял в руки горсть земли, произнес над нею какие-то слова, потом, осыпав меня ею, крикнул: – Прими образ обезьяны! И в тот же миг я превратился в безобразнейшую обезьяну, которой было, по меньшей мере, сто лет! Когда я увидел себя в этом образе, я заплакал надо всем, что случилось со мною. А эфрит с отвратительным смехом исчез. Тогда я спустился с горы и отправился в путь, проводя ночи под защитой деревьев, и шел так месяц, пока не добрался до берега Соленого моря. Тут я увидел вдали судно, которое мчалось к берегу, гонимое благоприятным ветром. Я прятался до времени за скалой, а потом прыгнул в приставшее к берегу судно. И один из пассажиров обнажил саблю и крикнул: – Убьем это безобразное существо, вид которого предвещает несчастие! Тогда я заплакал и остановил рукой кончик сабли, и слезы лились градом из моих глаз. И капитан сжалился надо мной и сказал: – О купцы, эта обезьяна тронула меня своей мольбой, я беру ее под свое покровительство! Потом он ласково подозвал меня к себе и сделал своим слугой, и я усердно служил ему.

Ветер благоприятствовал нам в течение пятидесяти дней, и мы пристали к большому городу. К нашему судну приблизились мамелюки и сказали: – Наш царь поздравляет вас с прибытием; он приказал нам передать вам этот свиток и сказал, чтобы каждый написал на нем

несколько строк наилучшим почерком! Тогда я вырвал у них из рук свиток, и все испугались, полагая, что я хочу бросить его в море. Но я знаками показал, что я хочу писать! И капитан сказал: – Клянусь Аллахом, никогда еще я не видел такой умной обезьяны! Предоставьте ей писать! Если мы увидим, что она пишет каракули, мы отнимем свиток, а если же окажется, что у нее красивый почерк, то я усыновлю ее! И я взял перо, обмакнул его в чернила и написал несколько строф четырьмя различными почерками, принятыми у арабов:

Коль ты свою чернильницу откроешь,
Пускай то будет только для того,
Чтоб начертать целительные строки,
Дарящего отрадные слова!

Мамелюки пришли в неописанный восторг; потом все купцы стали выводить буквы на папирусе один за другим. Царь рассмотрел все написанное, но его удовлетворили только мои строфы, ибо почерк мой славился во всем мире. И царь сказал: – Идите к тому, кто написал эти строки, и пусть он прибудет в мой дворец в сопровождении почетной свиты! При этом все присутствующие улыбнулись. Заметив это, царь закричал: – Я отдаю вам приказание, а вы смеетесь над ним?! Тогда они ответили: – О царь веков, ты должен знать – тот, кто написал эти строки, не человек, а обезьяна. Царь изумился этому чуду и воскликнул: – Я хочу приобрести эту обезьяну! И он приказал отправиться на судно за обезьяной, говоря: – Вы должны надеть на нее платье, усадить на мула и привезти сюда!

И они купили меня у капитана, предложив ему большую сумму денег, и облекли в богатую одежду, и усадили на мула, и двинулись в город. Когда меня привели к царю, я трижды поцеловал землю между руками его. Тогда царь указал мне на место рядом с ним, но я опустился перед ним на колени. И все присутствовавшие были поражены моей благовоспитанностью и хорошими манерами. Тогда он приказал, чтобы подали угощение, и царь знаками приказал мне есть. И я поднялся и семь раз поцеловал землю между руками его, и, усевшись за стол, стал есть, как самый благовоспитанный человек. Когда слуги унесли стол, я встал, вымыл руки, потом вернулся, взял чернильницу, перо и написал следующие строки:

О чудные и сладкие печенья,
Закрученные пальцами так нежно!
Я кроме вас ничто любить не в силах!
Вы вся надежда, вы вся страсть моя!

Прочитав мои стихи, царь пришел в неописанный восторг и воскликнул: – Неужели простая обезьяна может обладать таким прекрасным почерком? Клянусь Аллахом, это чудо из чудес! В эту минуту царю подали шахматный столик, и он спросил меня знаками: – Умеешь ли ты играть? Я ответил ему, кивая головой: «Да, умею». И я подошел к столику и начал играть с царем. Мы сыграли два раза, и оба раза я остался победителем. Тогда царь пришел в недоумение, и он сказал себе: «Если бы это был человек, он превзошел бы всех своих современников!» И царь сказал начальнику евнухов: – Хочу, чтобы моя дочь увидела эту необыкновенную обезьяну. Начальник евнухов вскоре вернулся со своей молодой госпожой. Но как только дочь царя увидела меня, она закрыла лицо чадрой. И царь сказал: – От кого же ты прячешь свое лицо? Тогда молодая девушка сказала: – О знай, отец мой, что эта обезьяна – сын царя, юноша, известный своей ученостью и глубиной ума. Его заколдовал и обратил в обезьяну эфрит, который убил свою жену, дочь царя и повелителя острова Черного Дерева.

Услышав эти слова, царь удивился и, глядя на меня, сказал: – Правда ли, что говорит о тебе моя дочь? Я отвечал кивком головы: – Да, это правда! Тогда царь спросил дочь: – Как же ты могла узнать, что он заколдован? И молодая девушка отвечала: – Когда я была маленькой девочкой, у моей матери жила старуха, искусная в тайнах магии. Она посвятила меня в тайны колдовства. Тогда отец ее воскликнул: – Ради Аллаха, прошу тебя, избавь поскорее от чар этого молодого человека, и я тотчас же сделаю его своим визирем! И молодая девушка отвечала: – От всего сердца готова исполнить твое повеление, отец!

Дойдя до этого места в своем рассказе, Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. Но, когда наступила четырнадцатая ночь, она продолжила:

ночь четырнадцатая

Сказав это, молодая девушка взяла в руки нож, на котором были вырезаны какие-то слова на еврейском языке, очертила им круг, встала в него и начертила посередине таинственные знаки. Потом она зашептала магические слова и стала читать из старинной книги какие-то изречения. И все вокруг потемнело, как в самую глубокую ночь, и перед нами появился эфрит во всем своем ужасающем безобразии; руки его были, как вилы, ноги – как мачты, глаза – как две пылающие головни. И мы пришли в смятение и ужас, а эфрит крикнул дочери царя: – Не клялась ли ты, о вероломная, соблюдать наш договор – не мешать и не вредить друг другу? О изменница, берегись! И эфрит в тот же миг превратился в ужасного льва, который раскрыл свою страшную пасть и бросился на девушку. Тогда она выдернула из своей косы волос, прошептала над ним несколько магических слов, и волос превратился в острый меч. Она схватила его и рассекла льва на две части. Половина льва с его головой превратилась в скорпиона, который пополз к девушке, чтобы укусить ее. Тогда она обратилась в змею, и между ними началась упорная борьба. Вдруг скорпион превратился в коршуна, а змея тотчас же в орла. И когда орел настиг коршуна, тот превратился в кошку, а девушка тотчас приняла вид волка. Между ними завязалась страшная борьба; и кошка, видя, что волк ее одолевает, превратилась в красный и очень большой гранат. И он упал в бассейн посередине двора, и волк вскочил в бассейн и уже готовился схватить его, как вдруг гранат поднялся в воздух. Затем он упал на мраморные плиты двора и раскололся; зерна его усеяли все пространство двора. Тогда волк превратился в петуха, который начал подбирать их одно за другим. И, наконец, осталось только одно зерно, оно упало в маленькую щель, и петух не видел, где оно находится. Тогда петух закричал и начал бить крыльями, испустив ужасный крик. Он начал метаться, разыскивая это зерно, пока не нашел его в щели у бассейна, и только он хотел схватить его, как оно превратилось в рыбку, прыгнувшую в воду. Тогда петух превратился в рыбу, которая ринулась в бассейн и скрылась под водой.

Вскоре мы услышали страшный крик, и перед нами предстал эфрит в прежнем своем чудовищном облике, но теперь он был весь в огне, из глаз его и из ноздрей вырывались пламя и дым. Вслед за ним показалась дочь царя, но и она тоже была вся в огне; и она бросилась на эфрита. И мы были в страхе и боялись, что мы сгорим заживо, когда эфрит дунул нам в лицо пламенем. Но девушка тоже дунула нам в лицо пламенем. И случилось так, что нас коснулись и его, и ее пламя; но пламя ее не повредило нам, а пламя эфрита причинило немало бед. Одна искра попала мне в глаз, и он погиб безвозвратно! А другая искра попала царю в лицо, и у него обгорели борода и рот, и выпали все нижние зубы. Между тем девушка продолжала преследовать эфрита, обдавая его своим огненным дыханием. И вдруг мы услышали возглас: – Один Аллах велик! Он поражает отступника, отрекающегося от веры Магомета! Это говорила дочь царя, и эфрит на наших глазах превратился в кучу пепла. Потом она сказала нам: – Принесите скорее чашку с водой! И когда ей подали воду, она произнесла над ней несколько слов, окропила меня и сказала: – Именем всемогущего Аллаха, прими свой прежний образ! Когда она договорила последнее слово, я снова стал человеком, но остался кривым на всю жизнь! Тогда молодая девушка обратилась к отцу и сказала: – О знай, отец мой, что я должна умереть, ибо эта смерть предназначена мне свыше! Что касается эфрита, то я легко убила бы его! Но то зерно, которое мне не удалось проглотить, было самое главное; в нем заключена была душа эфрита! И если бы я склевала его, эфрит в тот же миг перестал бы существовать! Но я не могла увидеть его и должна была выдержать столько жестоких схваток и под землей, и в воздухе, и в воде, пока, наконец, он не отворил ужасных дверей огня! А раз двери огня открыты, смерть неизбежна! Но судьба все-таки дозволила мне сжечь эфрита прежде, чем огонь сожжет меня. А теперь должна умереть и я! Как только она произнесла эти слова, тело ее превратилось в кучу пепла. Когда царь увидел, что дочь его превратилась в кучу пепла, он вырвал у себя остатки бороды и разорвал свои одежды. И оба мы проливали слезы над нею. Потом явились женщины дворца и их рабыни, и в течение семи дней совершались обряды скорби и траура. Затем царь повелел соорудить лепную усыпальницу для праха дочери и приказал, чтобы в ней днем и ночью горели лампы. А прах эфрита был предан проклятию Аллаха и развеян по ветру.

После всех этих огорчений царь заболел и был близок к смерти. Когда же его силы немного восстановились, он сказал мне: – О юноша, до твоего прибытия все мы жили защищенные от ударов судьбы! И явился ты, и на нас обрушились бедствия. Ты стал причиной смерти моей дочери, а сам я чуть не сделался жертвой огня! Но ты не виноват в этом: все это случилось по воле Аллаха! Но уходи из нашей страны, дитя мое! Ибо уже довольно и того, что приключилось с нами из-за тебя! И ушел я от царя, не вполне уверенный в спасении. И вспомнил я все то, что случилось со мною: разбойников пустыни, как я скитался, перенося всякие лишения, и вспомнил встречу с портным и сближение с девушкой в подземном чертоге, и службу в образе обезьяны, и, наконец, мое избавление от чар, лишившее меня глаза! Но я поблагодарил Аллаха, говоря себе: «Все же лучше лишиться глаза, чем жизни!» И я сбрил себе бороду и под видом саалука посетил разные столицы и, наконец, направился к Багдаду, надеясь проникнуть к эмиру и рассказать ему, что случилось со мною. И здесь я встретил двух других саалуков, которые этой ночью прибыли

в этот благословенный город! Мы все трое пошли искать убежища, и судьба привела нас к этому дому! Теперь вы знаете, о госпожи мои, как я лишился глаза и почему я сбрил бороду!

Выслушав рассказ саалука, хозяйка дома сказала: – Твои приключения необычайны! А теперь пригладь свои волосы и иди по пути, уготованному тебе Аллахом! Но саалук сказал: – Поистине, о госпожа моя, я не уйду отсюда, пока не услышу рассказ моего третьего товарища. Тогда выступил третий саалук и начал так:

РАССКАЗ ТРЕТЬЕГО СААЛУКА

О прославленная госпожа, моя история гораздо более достойна удивления, чем приключения моих товарищей. Причина, по которой я должен был сбрить мою бороду и лишился глаза, лежала во мне самом; я сам наполнил свое сердце заботами и горестью. Слушай же! Я царь и сын царя, и, когда мой отец умер, я наследовал его царство и правил по справедливости. Но у меня было большое влечение к путешествию по морю. А моя столица была расположена на берегу моря, и мне принадлежали острова, укрепленные на случай войны. И однажды я захотел посетить все мои острова. Эта поездка длилась двадцать дней, и в самом конце ее на нас устремился противный ветер. И пробыли мы на море еще двадцать дней, и мы потеряли наш курс; воды, по которым мы плыли, не были известны нашему капитану. И он сказал дозорному: – Осмотри внимательно море! И дозорный поднялся на мачту, затем спустился и сказал: – Посреди моря я заметил что-то вдали, что кажется то черным, то белым. При этих словах капитан пришел в ужас, он начал рвать бороду и сказал: – Объявляю всем общую гибель! Ни один не выйдет отсюда невредимым! Завтра мы приблизимся к Магнитной горе, и море повлечет нас по направлению к ней, и корабли наши распадутся на части, так как все их скрепы улетят, притянутые Магнитной горой, ибо всевышний Аллах дал этой горе таинственную силу притягивать к себе все железное! На вершине этой горы купол из желтой меди на десяти колоннах; на вершине купола можно видеть медного всадника на медном коне; и спасение невозможно до тех пор, пока этот всадник не будет низвергнут со своего коня! После этих слов капитан заплакал, и мы поняли, что нам нет надежды на спасение.

И действительно, лишь только наступило утро, мы очутились поблизости горы из магнита, и, когда все наши корабли приблизились к ее подножью, скрепы начали вылетать и приставать к горе; и наши корабли распались, и все мы погрузились в море. И целый день мы провели в борьбе с морем, и одни из нас утонули, а те, которые спаслись, не могли найти друг друга, так как ужасные ветры, дующие в разные стороны, рассеяли их по всем направлениям. Что же касается меня, то мне удалось ухватиться за доску, и волны выбросили меня на берег к подножию Магнитной горы! Тогда я нашел тропинку, которая доходила до самой вершины горы. И тотчас же я призвал имя Всевышнего Аллаха, и...

Дойдя до этого места в своем рассказе, Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. И когда наступила пятнадцатая ночь она сказала:

ночь пятнадцатая

О счастливый царь, до меня дошло, что третий саалук, обращаясь к молодой хозяйке дома, продолжал так: – Я предался глубокой молитве и начал цепляться за скалы, и взобрался на вершину этой горы. И я радовался своему спасению, но усталость настолько охватила меня, что я бросился на землю и тотчас же заснул. И во время сна я услышал голос: – Когда ты пробудишься, рой землю у своих ног, и ты найдешь медный лук и три свинцовые стрелы, обладающие таинственной силой. Возьми их и порази всадника на вершине купола. Он упадет в море, и море начнет кипеть, а затем подыматься до вершины, на которой ты находишься. И ты заметишь на море лодку и в лодке человека. И он приблизится к тебе, а ты без всякого опасения вступи в лодку! Но тщательно остерегайся произносить святое имя Аллаха! Вы будете плыть в течение десяти дней, пока не достигнете моря Спасения. Но не забывай, что это может совершиться, если ты ни разу не произнесешь святого имени Аллаха!

В этот момент я пробудился и приступил тотчас к выполнению всего, что мне приказывал голос. Найдя лук и стрелы, я поразил всадника, тот упал, море заволновалось, забурлило и достигло вершины горы. И я увидел, как посредине моря показалась лодка, и, когда она приблизилась ко мне, я заметил в ней человека из меди; на груди у него висела свинцовая доска, и на ней были вырезаны какие-то таинственные знаки. Я вошел в лодку, не произнося ни слова. И медный человек вез меня целый день, и второй, и третий день, и так продолжалось до конца десятого дня. И вот я увидел вдали острова: это было спасение! И я в избытке радости вскричал: – Аллах Акбар! Но лишь только произнес я это, как медный человек сбросил меня в море и скрылся вдали. Я плыл до самой ночи, и руки мои обессилели, плечи изнемогли, и я был уже на краю гибели! И я покаялся и приготовился к смерти. Но в эту минуту высокая волна подняла меня и бросила так далеко, что я очутился на берегу одного из островов.

И я вступил на берег и разложил свои одежды на земле, чтобы они просохли, и затем заснул совершенно голый. По своем пробуждении я оделся и посмотрел, куда мне направиться. И тут увидел я вдали судно и на нем много народу. Тогда, из опасения, чтобы со мною опять не произошло какой-нибудь прискорбной случайности, я взобрался на дерево и остался там в наблюдательном положении. Судно причалило к берегу, и оттуда вышло десять невольников с лопатами. Они дошли до середины острова, начали копать землю, отрыли крышку и, подняв ее, открыли вход, который находился под нею. Потом они вернулись к судну и стали выгружать из него хлеб, муку, мед, масло, баранину и прочее, что только может пожелать обитатель любого дома. Потом они вынесли из судна множество богатейших одежд. Затем я увидел, что из судна выходит почтенный старец, настолько изнуренный превратностями

времени, что он походил на тень человека. Этот старец держал за руку мальчика ослепительной красоты, который походил на нежный гибкий росток. Они дошли до входа в подземелье, спустились вниз, скрылись из виду, а потом старец появился, но без юноши. И все взошли на судно и отчалили от берега.

Тогда я сошел с дерева и направился к тому месту, которое они засыпали землей. И я принялся снимать землю, пока не добрался до крышки. Я приподнял ее с помощью Аллаха и увидел витую лестницу. Крайне удивленный, я начал спускаться вниз и нашел там обширную залу, обвешанную коврами и шелковыми тканями, и бархатами. И в ней посреди горящих свечей, ваз с цветами и сосудов, наполненных фруктами и лакомствами, сидел юноша, которого я видел. И я сказал ему: – О повелитель мой, да будет покой твоим уделом! Обо мне же знай, что я сын царя и сам царь! Аллах направил меня к тебе, чтобы я освободил тебя из этого подземелья. Тогда юноша улыбнулся, пригласил меня сесть рядом с ним на диван и сказал: – О повелитель мой, я нахожусь в этом месте не для своей гибели, но для спасения от нее. Знай, что я сын торговца бриллиантами, известного по всему миру своим богатством. При моем рождении, на склоне его жизни, мой отец получил предостережение от прорицателей, что его сын умрет раньше своего отца и своей матери. И мой отец впал в тяжкую тоску, в особенности когда ученые, прочитав по звездам мою судьбу, сказали ему: – Сын твой будет убит сыном царя ровно через сорок дней после того, как будет низвергнут в море медный всадник Магнитной горы! И вот мой отец узнал, что всадник уже сброшен в море, и он начал сокрушаться, тело его похудело, и он сделался старцем, дряхлым от лет и огорчений. Вот почему он привез меня на этот остров, где после моего рождения он заставил работать многих людей, чтобы скрыть меня от того, кто должен убить меня после того, как он низвергнет в море медного всадника. Вот причина моего нахождения в этом месте.

Тогда я подумал: «Как могут обманываться люди, читающие по звездам! Аллах свидетель! Этот юноша понравился мне, и я скорее убью себя, чем его!» И я сказал: – О дитя мое, я буду защищать тебя и не пощажу для этого даже своей жизни! Тогда он отвечал мне: – Мой отец явится сюда в конце сорокового дня, потому что тогда мне нечего уже будет опасаться. И я сказал ему: – О дитя мое, я останусь с тобою эти сорок дней и потом упрошу отпустить тебя со мною в мое царство, и я сделаю тебя моим другом и наследником моего трона! Юноша поблагодарил меня в самых изысканных выражениях, и мы принялись дружески беседовать и накрыли стол; и мы ели баранину, начиненную миндалем, сушеным виноградом, мускатными орехами, гвоздичными головками и перцем, и пили подслащенную освежающую воду, ели арбузы и дыни, и пирожки на меду и легкие как пух сладкие пирожные, на которые не пожалели ни масла, ни меду, ни миндалей, ни корицы. И когда наступила ночь, мы легли спать. И так мы спокойно проводили время до сорокового дня.

Когда же наступил последний день, я отобрал для юноши самый лучший и самый большой арбуз и положил его на поднос, а сам поднялся на постель, чтобы взять большой нож, который висел на стене над головой юноши, и юноша, желая пошутить, пощекотал у меня ноги. А я оказался так чувствителен к этому, что упал, и нож, который я взял в руку, вонзился в его сердце, и он в то же мгновение испустил дух. При виде этого я залился слезами и бросился с криками на землю. Но мой юный друг был мертв, и

судьба его свершилась, чтобы оправдать слова астрологов. Когда же я подумал, что отец юноши должен вскоре прибыть сюда, я поднялся по лестнице, вышел, запер подземелье и засыпал его землею, как это было раньше. Потом я сказал себе: «Я должен видеть, что здесь произойдет; но мне нужно спрятаться, иначе я буду убит рабами, которые предадут меня самой злой смерти».

И я опять взобрался на дерево вблизи подземелья и вскоре увидел, как на море появилось судно со стариком и его рабами. Они сошли на землю, и когда увидели совершенно еще свежую землю, то начали беспокоиться. Рабы начали копать землю, сняли ее и спустились вниз. Старик начал звать сына по имени, и все принялись искать его и нашли лежащим на постели с пронзенным сердцем. При виде этого старик лишился чувств, а рабы начали плакать. Потом они вынесли на своих плечах старика, а за ним мертвого юношу; они завернули его в саван и похоронили. Потом они перенесли старика на судно, забрав все сокровища и оставшиеся припасы, и вскоре скрылись в морской дали. А я сошел с дерева и горько плакал, и в отчаянии принялся ходить по острову. И тут я вдруг заметил, что море удаляется, оставляя сухим пространство между островом и твердой землей впереди. Тогда я возблагодарил Аллаха, который соблаговолил освободить меня от лицезрения этого проклятого острова, и я вступил на твердую землю и продолжил свой путь до заката. И вдруг я увидел, что вдали показался большой красный огонь, и я направился прямо к нему, так как надеялся найти там людей, но когда я подошел ближе, то увидел, что красный огонь – это большой дворец из желтой меди, которая блестела в лучах заходящего солнца.

Затем я увидел, что из дверей дворца вышло десять молодых людей, все одного роста и одной наружности, и они были кривы на левый глаз, исключая величественного старца, который был одиннадцатым. Тогда я сказал себе: «Какое странное совпадение! Как могло случиться, что десять человек окривели в одно и то же время и все на левый глаз?» В это время десять молодых людей приблизились ко мне и приветствовали меня. Я тоже отвечал им пожеланием мира и рассказал им свою историю, от самого начала и до конца. И мои слова повергли их в изумление, и они сказали мне: – О господин, да будет тебе здесь радушный прием! И мы прошли через многочисленные залы, и, наконец, вступили в последнюю залу, разукрашенную более остальных. И молодые люди со стариком сели каждый на свой ковер и сказали мне: – Присядь, о господин, и не спрашивай ни о чем, что ты увидишь! Затем старик вышел и возвращался несколько раз, принося различные кушанья и напитки, и все ели и пили, и я вместе с ними. Потом старик выходил и возвращался десять раз; каждый раз принося закрытую материей миску и фонарь, и он ставил их перед каждым из молодых людей. Но мне он не дал ни того ни другого, и это очень меня раздосадовало. Но, когда они сняли материю, я увидел, что в мисках лежат пепел, песок, уголь и сажа. И они сыпали пепел на свои головы, а уголь на лица и сажу на правые глаза; и говорили, плача, так: – Все это мы заслужили за свои прегрешения! И они не прекращали эти занятия до утра. И тогда они умылись, оделись в новые платья и стали как прежде.

Я был крайне удивлен, но я не смел ни о чем спрашивать. И когда пришла ночь, все повторилось, и то же было и в третью, и в четвертую ночь. И я не был в состоянии сдерживаться и вскричал: – О господа мои, каким образом вы лишились правых глаз, и зачем вы посыпаете свои головы пеплом? Аллах свидетель,

я предпочитаю смерть недоумению, в которое вы меня повергли! Тогда они вскричали: – О несчастный! О чем просишь ты? В этом твоя гибель! Да совершится твоя судьба! С тобой произойдет все то, что произошло с нами, но не сетуй, ибо это по твоей вине! После этих слов старик принес баранью шкуру и сказал мне: – Ты будешь зашит в эту шкуру и положен на террасе дворца. Тогда большой коршун, который в состоянии унести слона, примет тебя за барана и подымет на вершину горы, не доступную для человека. Там он приготовится пожрать тебя! Тогда ты ножом, который мы дадим тебе, разрежь шкуру. Тогда коршун, который не ест людей, скроется из твоих глаз! Иди тогда вперед, пока не достигнешь дворца, в десять раз большего, чем наш. Этот дворец обложен золотом, и стены его усажены драгоценными камнями, и да свершится твоя судьба!

С этими словами они дали мне нож, зашили в шкуру и положили на террасу. И я почувствовал, что меня схватила огромная птица. Затем она опустила меня, я разрезал ножом шкуру и вышел из нее, крича: «Кеш, кеш!», чтобы отогнать ужасную птицу, которая оказалась равной десяти слонам. И она улетела, а я тронулся в путь и в полдень приблизился к дворцу. И он был гораздо более великолепен, чем это можно было представить. Войдя через огромные золотые двери и попав в первую залу, я очутился среди сорока юных девушек, которые блистали такой красотой, что глаза не находили, на которой из них остановиться. Увидав меня, они поднялись и пригласили меня сесть на возвышении, и сказали мне: – О повелитель, мы твои рабыни, ты наш владыка и венец на головах наших!

После этого они начали услуживать мне: одна принесла теплой воды и обмывала мне ноги; другая лила мне на руки благовонную воду из золотого кувшина; третья надевала на меня шелковую одежду; четвертая подносила мне чашу с напитком восхитительного вкуса, и одна подмигивала мне, а другая изгибала передо мною свой стан. И остальные приблизились ко мне и начали меня ласкать. Затем принесли много вкусных кушаний и напитков, и играли на разных инструментах, и пели обворожительными голосами, а некоторые принялись танцевать. После этих увеселений они сказали мне: – Теперь пришло время сна и других наслаждений; выбери сам одну из нас и не бойся обидеть остальных, так как каждая из нас проведет с тобою одну ночь – все мы, сорок сестер! И я не знал, на которой остановить свой выбор, так как все одинаково были желанны. И я закрыл глаза и простер свои руки, и схватил одну из них. И она подвела меня к своей постели. И я провел с нею всю ночь.

Таким образом, о госпожа моя, я проводил каждую ночь, наслаждаясь с одною из сестер! Утром последнего дня вокруг моего ложа собрались все сорок девушек, и все горько плакали, и рвали на себе волосы, и причитали: – О свет наших очей, до тебя многие перебывали у нас и делали с нами то же, что и ты! Но только ты поистине дал нам то, чего не мог дать никто! Ты был самый страстный и милый из всех. Теперь мы не можем жить без тебя. И я спросил: – Почему же вы должны расстаться со мною? Ибо я не хочу потерять в вас усладу своей жизни! И они отвечали: – Знай, что все мы дочери одного царя, но разных матерей. С тех пор как мы созрели для любви, каждый год Аллах направляет к нам мужчину, который дает нам удовлетворение, и мы ему также! Но каждый год мы должны покидать это жилище на сорок дней для посещения нашего отца и наших матерей. Тогда я сказал им: – Мои красавицы, я могу остаться в этом доме до вашего возвращения! И они отвечали

мне: – Да исполнится твое желание! Вот ключи, которыми можно открыть все двери дворца. Но остерегайся отпирать медную дверь в глубине сада; если же ты откроешь ее, ты больше не увидишь нас. И, заливаясь слезами, они удалились.

Тогда я начал обходить дворец, так как до этого дня я не находил времени, чтобы осмотреть его. Когда я открыл первую дверь, то увидел большой сад с деревьями, и плоды на них по величине и красоте были несравненны. Когда я открыл вторую дверь, мои глаза и мой нос были очарованы цветами, которыми был переполнен большой сад. Затем я открыл третью дверь, и уши мои были очарованы голосами птиц всех цветов и всех видов, какие только бывают на земле. И я слушал их пение, пока не наступила ночь. На следующее утро я открыл четвертую дверь и увидел комнату удивительной постройки, в которой было сорок дверей и через каждую можно было видеть просторную залу. В первой были насыпаны рядами кучи жемчужин, и каждая была величиною в голубиное яйцо. Вторая зала превосходила своим богатством первую: в ней доверху были насыпаны алмазы, красные и голубые рубины и карбункулы. В третьей были только смарагды; в четвертой – самородки золота; в пятой – золотые монеты всех стран земли; в шестой – самородное серебро. В остальных залах были собраны всевозможные драгоценные камни, добытые из недр земли и из глубины моря: топазы, бирюза, сердолики всех цветов, сосуды из нефрита, ожерелья и всевозможные драгоценности, употребляемые при дворах эмиров.

Я поднял свои руки и возблагодарил Аллаха за все его благодеяния. И я продолжал каждый день открывать две или три двери, и удивление мое возрастало с каждым днем, и, наконец, у меня остался последний ключ от медной двери. И нечистый сделал так, что искушение оказалось сильнее меня, и я открыл эту дверь. Но глаза мои не увидели ничего, и только нос мой почувствовал сильный запах, и я вошел в просторную залу, всю посыпанную шафраном и освещенную благовонными свечами из серой амбры и ладана и великолепными лампами из золота и серебра, в которых горели ароматические масла. И среди золотых ламп я увидел черного коня с белой звездой на лбу; седло на нем было из парчи, а повод из золотой цепи. И так как у меня была страсть к хорошим лошадям, я взял его за узду и сел на него, но он не шевелился. Тогда я ударил его по шее золотой цепью. И тогда конь распустил два огромных черных крыла, которых я не замечал до этого, ударил о землю копытом и взлетел со мною на воздух.

Земля понеслась перед моими глазами; но я держался, как хороший наездник. Наконец, конь спустился и встал на террасе дворца из красной меди, где жили десять кривых молодых людей. И тут он стал на дыбы, сбросил меня и концом крыла ударил меня в левый глаз и выбил его. После этого он взлетел на воздух и скрылся. И я приложил руку к выбитому глазу и начал ходить по террасе, плача от скорби! А десять молодых людей, приблизившись ко мне, сказали: – Ты не захотел послушаться нас! И вот плоды твоего решения! А мы не можем принять тебя, ведь нас уже здесь десятеро. И я тронулся в путь и шел безостановочно и днем, и ночью. И я сбрил бороду и надел платье саалука, чтобы не навлечь на себя еще несчастия. Наконец, я вступил в Багдад и встретил этих двух кривых, и все мы трое попали в этот благословенный дом, о госпожа моя!

Выслушав этот удивительный рассказ, хозяйка дома сказала: – Прощаю вас всех, но удалитесь немедленно отсюда! И все вышли и очутились на улице.

И халиф шепнул Джафару: – Приведи завтра ко мне трех молодых девушек, их черных собак, а также трех саалуков; и Джафар исполнил приказание халифа и сказал девушкам: – Мы прощаем вас, потому что вы помиловали нас, не зная, кто мы. А теперь знайте, что ваша судьба в руках халифа Гарун-аль-Рашида! И вы должны поведать ему всю правду. Тогда старшая из девушек сказала: – О повелитель правоверных, история моей жизни так удивительна, что она может быть уроком для всякого, кто захотел узнать ее с почтением в сердце!

Но дойдя до этого места в своем рассказе, Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила шестнадцатая ночь, она сказала:

ночь шестнадцатая

– До меня дошло, о счастливый царь, что старшая из молодых девушек приблизилась к повелителю правоверных и начала так:

РАССКАЗ ЗОБЕЙДЫ, ПЕРВОЙ ДЕВУШКИ

О повелитель правоверных, знай, что имя мое Зобейда; сестру мою, отворившую тебе дверь, зовут Аминой, а младшую сестру – Фаимой. Все мы родились от одного отца, но от разных матерей. Что же касается этих двух собак, то это мои родные сестры по отцу и по матери. Когда умер наш отец, после него осталось пять тысяч динариев, которые мы разделили между собою; мои сестры поселились со своей матерью; я же осталась с двумя другими моими сестрами в доме отца. Я была младшей из нас троих. Немного спустя сестры мои вышли замуж, но продолжали жить в доме со мною. Однако мужья их вскоре стали собираться по торговым делам, они взяли по тысяче динариев, принадлежавших их женам, и уехали с ними, оставив меня одну. Они отсутствовали четыре года. Мужья моих сестер разорились и уехали, покинув своих жен на произвол судьбы. И сестры мои явились ко мне жалкими нищенками. Взглянув на них, я не признала моих сестер. Но когда они заговорили со мною, я узнала их и сказала: – О сестры мои, как это вы могли дойти до такого состояния? – О сестра, случилось то, что было написано в книге судеб!

При этих словах сердце мое наполнилось жалостью, и я дала каждой новое платье и сказала: – О мои сестры, обе вы старше меня, и я буду почитать вас, как отца и мать! Наследство, которое я получила вместе с вами, увеличилось за это время. Вы можете пользоваться им вместе со мною, и мы будем жить в почете и уважении. И они прожили у меня целый

год, пользуясь всем, что было у меня. Но однажды они сказали мне: – Нам больше по сердцу жизнь в супружестве, и мы не можем выносить одиночество. Я сказала им: – О сестры мои, честные и добрые мужья встречаются очень редко. И разве вы не испытали уже, что дает супружеская жизнь? Но сестры мои решили выйти замуж без моего согласия. Тогда я сделала им приданое и выдала замуж. Но мужья их взяли все, что они получили от меня, и бросили их. Тогда они вернулись ко мне и сказали: – О сестра, не порицай нас! И мы обещаем тебе не произносить больше ни слова о супружестве. Я обняла их и осыпала благодеяниями.

Мы прожили вместе целый год. Однажды я захотела нагрузить корабль товарами и поехать торговать в Басру. И я сказала сестрам: – О мои сестры, желаете ли вы жить в моем доме до моего возвращения или же вы хотите ехать со мною? И они ответили мне: – Мы поедем с тобою! Но перед отъездом я разделила свои деньги на две части и половину взяла с собою, а другую половину спрятала. Мы ехали, не останавливаясь, днем и ночью. Но, к несчастью, капитан сбился с пути, и течение увлекло нас в открытое море. Наконец, мы заметили вдали смутные очертания города и спросили капитана: – Как называется этот город? Он ответил: – Клянусь Аллахом, я не знаю этого, но мы должны радоваться, что избавились от опасности! И теперь вам не остается ничего другого, как войти в город и выставить там ваши товары. Тогда мы направились к городу, и как только мы вошли в него, мы были поражены, ибо все жители этого города были превращены в черный камень! Но базары и торговые улицы были полны богатейших товаров. Увидев это, мы очень обрадовались и сказали: – Вероятно, тут кроется какая-нибудь тайна! Тогда мы разошлись по городу, забирая, сколько можно было захватить золота, серебра и дорогих материй.

Я же поднялась в крепость и увидела царский дворец. И я вошла через большие ворота из золота и, приподняв бархатную занавесь, увидела, что все предметы сделаны из золота и серебра. И во дворе, и в залах стояли и сидели телохранители и придворные, и все они, хотя окаменелые, были точно живые. А в последней зале, наполненной придворными, полководцами и визирями, я увидела царя, неподвижно сидевшего на своем троне, украшенном жемчугом и драгоценными камнями. Но я продолжала идти вперед и дошла до гарема. В нем все, и даже решетки на окнах, было из чистого золота; стены были обиты шелковой материей, а на дверях и окнах были драпировки из бархата и атласа. И, наконец, среди окаменелых женщин я увидела саму царицу в богатом наряде. На голове у нее был венец, усеянный драгоценными камнями, а на шее ожерелья и золотые цепи удивительной работы. Из этой залы я прошла в другие помещения и увидела открытую настежь серебряную дверь. От нее вела лестница из семи порфировых ступенек, и, поднявшись по ней, я очутилась в белой мраморной зале, устланной коврами, затканными золотом. Посредине залы возвышалась эстрада, усеянная смарагдами и бирюзой, а на ней стояло алебастровое ложе, покрытое дорогими тканями. Над этим ложем что-то сияло ярким светом, и, подойдя ближе, я увидела на табурете огромный бриллиант величиной со страусово яйцо. По обеим сторонам ложа стояли зажженные светильники из чистого золота. И я сказала себе: «Если эти светильники горят, то кто-нибудь должен был зажечь их». И я так увлеклась всем тем, что представлялось моим глазам, что совершенно забыла и о моем корабле, и о моих сестрах. Когда стало совсем темно, я хотела выйти

из дворца, но заблудилась и не могла найти выхода. Наконец, я опять очутилась в зале, где находился большой бриллиант и зажженные золотые светильники. И я присела на ложе, натянула на ноги голубое атласное одеяло и взяла лежавшую тут священную книгу – наш Коран, – написанную великолепным почерком. И я принялась читать некоторые страницы, чтобы настроиться и поблагодарить Аллаха. Потом я прилегла на ложе, надеясь уснуть, но не могла сомкнуть глаз.

В полночь я услышала нежный и приятный голос, произносивший вслух слова Алкорана. Я поспешно встала и направилась в ту сторону, откуда раздавался голос. И я увидела молельню, освещенную висячими лампами. Посредине лежал ковер для коленопреклонения, и на нем сидел юноша несравненной красоты и читал Алкоран мелодичным голосом. И, глядя на него, я пришла в изумление, как мог один человек избежать смерти, объявшей весь город. И, войдя в комнату, я обратилась к нему с пожеланием мира. Юноша повернул ко мне свое лицо и также пожелал мне мира. Тогда я сказала ему: – Умоляю тебя, ответь на мой вопрос! Выслушав мои слова, он спокойно улыбнулся и сказал: – Объясни мне, о женщина, как попала ты в эту молельню, и я отвечу на твой вопрос! И я рассказала ему все, что было со мною, и рассказ мой привел его в изумление. Тогда я попросила его объяснить мне, что привело город в такое состояние. И он сказал мне: – Подожди одну минуту! Он взял священную книгу и вложил ее в атласный футляр; потом он пригласил меня сесть рядом с ним. И я присела, и начала внимательно всматриваться в него и увидела, что он прекрасен. У него был тонкий, красивый стан, и щеки его были чисты, как хрусталь, и лицо цвета свежих фиников.

И, глядя на него, я почувствовала сильное волнение крови и сказала ему: – О, повелитель мой и царь, теперь расскажи мне о себе! И он отвечал: – Знай, о высокочтимая госпожа, что этот город был городом моего отца. Отец и мать были маги, поклонники ужасного Нардуна. Они поклонялись огню и свету, мраку и теплу, и движущимся звездам. Долгое время отец мой оставался бездетным, и только к концу его жизни родился я, надежда его старости. И отец очень заботился о моем воспитании. Во дворце жила мусульманка, женщина преклонных лет, верная Аллаху и его посланнику. Но она никому не выдавала своей тайны и прикидывалась, что разделяет веру моих родителей. И отец мой относился к ней с большим доверием, зная ее верность и целомудрие. И вот, когда я подрос, он поручил меня ей и сказал: – Возьми его и воспитай его как следует, и посвяти его в законы нашей веры, и дай ему хорошее образование. И старуха взяла меня на свое попечение и обучала меня исламу. И когда мое воспитание было закончено, она сказала мне: – Дитя мое, ты должен хранить это в тайне от твоего отца, ибо, если он узнает это, он непременно убьет тебя! И я, действительно, заботливо хранил мою тайну.

Но жители моего города все более черствели в своем неверии, гордости и невежестве. И вот однажды, когда они, по обыкновению, исполняли свои обряды, раздался голос невидимого мусульманина: – О вы, жители этого города, откажитесь от поклонения огню и Нардуну и уверуйте в Единого и Всемогущего Бога! Тогда жители собрались у моего отца, царя этого города, и спросили у него: – Что означает этот страшный голос, который мы только что слышали? И отец мой сказал им: – Не страшитесь этого голоса и придерживайтесь твердо вашей старой веры! И все они по-прежнему продолжали поклоняться огню и Нардуну. И в течение трех лет каждый год слышалось

в этот день предостережение невидимого мусульманина. Но население уже не обращало на это внимания и продолжало исполнять свои дикие обряды. И вот в одно утро они и весь их скот были превращены в черный камень! И из всех жителей я один избавился от этой кары, потому что я один верил в Единого Бога. И вот с того дня я провожу дни в молитве и посте, и в чтении Алкорана. Но я соскучился в одиночестве, в котором я пребываю, не встречая человеческой души, с которой мог бы побеседовать.

Тогда я сказала ему: – О юноша, не отправишься ли ты со мною в Багдад? Там ты найдешь ученых и почтенных шейхов, знающих основательно наши законы и нашу веру. Что касается меня, то хотя я пользуюсь большим почетом в моем городе, но я согласна быть твоей рабой и твоей вещью! У меня есть рабыни и слуги, и молодые невольники, и тут у меня корабль, нагруженный товарами. И я не переставала внушать ему желание уехать со мною, пока не добилась от него утвердительного ответа.

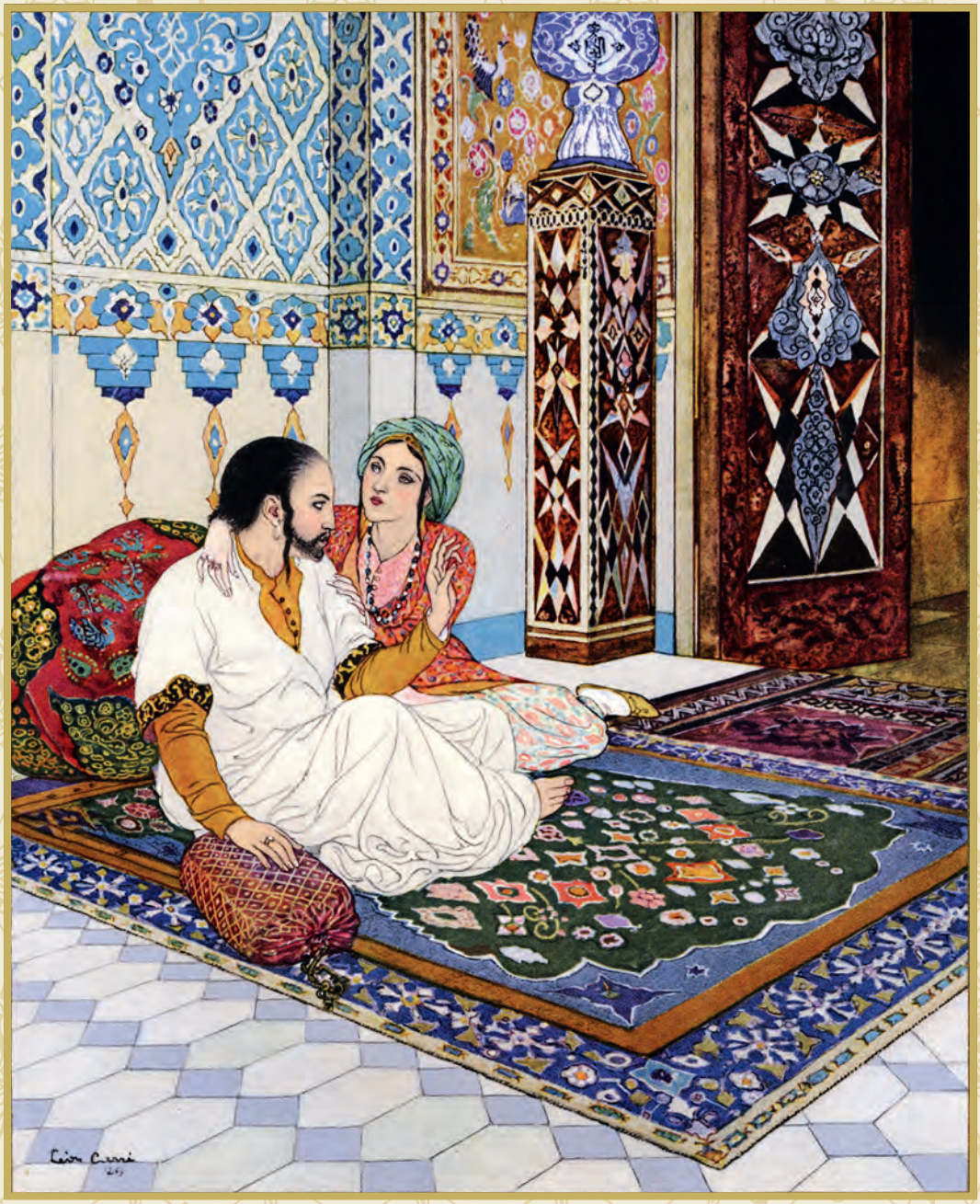
Дойдя до этого места в своем рассказе, Шахразада заметила приближение утра и умолкла, не желая по своей скромности злоупотреблять разрешением царя. А когда наступила семнадцатая ночь, она сказала:

ночь семнадцатая

Слышала я, о счастливый царь, что юная Зобейда не переставала внушать юноше желание последовать за нею в Багдад, пока не получила его согласия. И оба они продолжали разговаривать, пока сон не овладел ими.

Такими словами Зобейда рассказывала халифу Гаруну-аль-Рашиду и его визирю: – Когда наступило утро, мы взяли все, что можно было унести, спустились из крепости в город и встретили рабов и капитана, которые давно уже разыскивали меня. Я рассказала им все, что я видела, и причину несчастия, постигшего жителей города, со всеми ее подробностями. И они были поражены моим рассказом. Что касается моих сестер, то едва они увидели меня рядом с прекрасным юношей, они исполнились зависти и ненависти и втайне решили погубить меня. Между тем мы все отправились на корабль, и я была на вершине счастья, благодаря любви молодого человека. И мы дождались благоприятного ветра и пустились в море. Но однажды, когда мы были одни, мои сестры сказали мне: – О сестра, каковы твои намерения относительно этого молодого человека? И я сказала им: – Я рассчитываю взять его себе в мужья. Потом я подошла к нему и сказала: – О повелитель мой, прошу тебя, не отказывайся от меня! И он отвечал мне: – Слушаю и повинуюсь! Я повернулась к моим сестрам и сказала: – О сестры, я довольствуюсь этим юношей! Что касается моих богатств, то вы можете располагать ими! И сестры отвечали мне: – Воля твоя – наша услада! Но вместе с тем они замышляли преступление.

И мы продолжали наш путь при благоприятном ветре и стали подъезжать к



Басре. Но наступила ночь, мы решили остановиться, и вскоре все заснули на корабле. И в то время как мы спали крепким сном, сестры мои схватили меня и прекрасного юношу и бросили нас в море. Юноша не умел плавать и утонул. Когда я упала в море, Аллах послал мне кусок дерева, и я была выброшена морем на берег ближайшего от Басры острова. Тут я сняла с себя промокшую одежду и легла спать. Утром я нашла дорогу, на которой были следы ног человеческих. Я оделась и пошла по этой дороге, пока не увидела вдали, на противоположном берегу, строения города Басры. И вдруг внимание мое было привлечено змейкой-медянкой, которая направлялась ко мне, а вслед за нею показался огромный змей. Тогда я пожалела ее, схватила большой камень и бросила его в голову змея. В ту же минуту медянка развернула два крыла и, поднявшись в воздухе, исчезла из моих глаз. И я была вне себя от изумления. Но так как я была очень утомлена, я прилегла на этом же месте и спала целый час. И когда я проснулась, я увидела у ног моих хорошенькую негритянку, которая растирала мне ноги и ласкала меня. И я сказала ей: – Кто ты, и чего ты желаешь от меня? И она отвечала мне: – Ты оказала мне неоценимую услугу. И знай, что я та самая медянка, которую ты спасла от змея, и что этот змей – джин, а я джиния. И ты спасла меня. Я поспешила настичь корабль, с которого сбросили тебя в море. И я околдовала обеих твоих сестер и обратила их в черных собак, которых я привела к тебе! И я, действительно, увидела двух собак, привязанных к дереву за моей спиной. И негритянка-джиния продолжала: – Затем я перенесла в твой дом, находящийся в Багдаде, все богатства, бывшие на корабле. Что касается твоего юноши, то он утонул, и я бессильна против смерти. Ибо один Аллах всемогущ! При этих словах она взяла меня на руки, отвязала собак и, взвалив их себе на спину, полетела. И мы прибыли целы и невредимы в Багдад, на террасу этого самого дома! И я обошла весь дом и нашла все богатства, бывшие на корабле. Потом джиния сказала мне: – Повелеваю тебе святой надписью на печати Солеймана отсчитывать каждый день этим двум собакам по триста ударов кнута. И если ты хоть раз забудешь исполнить это приказание, я прилечу сюда и превращу тебя в такую же собаку! И я вынуждена была ответить ей: – Слушаю и повинуюсь! И с того дня, о повелитель праведных, я должна была сечь их, и вслед затем мною овладевала жалость, и я принималась ласкать их. И такова моя история. Но вот сестра моя Амина расскажет тебе свою историю, о повелитель правоверных, и ты увидишь, что она еще удивительнее моей.

Выслушав этот рассказ, халиф Гарун-аль-Рашид был вне себя от изумления. И он обратился к юной Амине, отворившей ему двери предыдущей ночью, и спросил ее: – Теперь расскажи нам ты, о красавица, почему у тебя все тело покрыто следами от ударов плетью? При этих словах халифа юная Амина выступила вперед и сказала:

РАССКАЗ АМИНЫ, ВТОРОЙ ДЕВУШКИ

О эмир правоверных! Знай же, что когда умер наш отец, я и Фаима, мы обе поселились с нашей матерью, тогда как Зобейда и две других сестры поселились

со своей матерью. Вскоре после этого мать моя выдала меня замуж за старика, который был самым богатым человеком своего города. Через год после женитьбы старый муж мой умер верным Аллаху и оставил мне восемьдесят тысяч динариев. И я ни в чем не отказывала себе. И вот однажды, когда я сидела у себя, ко мне пришла в гости старуха, которую я никогда раньше не видела. Старуха эта была ужасно безобразна: у нее был приплюснутый нос, искривленная шея и сломанные зубы. И вот старуха эта вошла ко мне, поклонилась и сказала: – О госпожа! У меня живет бедная сиротка, и эта ночь будет ее свадебной ночью. И вот я пришла просить тебя оказать нам честь присутствовать на свадьбе этой бедной девушки, у которой нет никого, кроме Аллаха Всевышнего! При этих словах старуха заплакала и принялась целовать мои ноги. И я, не подозревая обмана, почувствовала к ней жалость и сказала: – Слушаю и повинуюсь! Тогда она сказала мне: – Теперь я удалюсь с твоего разрешения; ты же приготовь свой наряд, а вечером я приду за тобою. Потом она поцеловала у меня руку и удалилась. После ее ухода я встала и надушила свое тело. Потом я выбрала самое красивое платье и облеклась в него, и надела все мои драгоценности; потом я закуталась в мою голубую, затканную золотом чадру и опоясалась парчовым поясом, и опустила на лицо маленькую вуаль, подтушевав глаза сажей. И когда вернулась старуха, она сказала мне: – О госпожа, дом мой полон гостей; уже собрались все родственницы жениха, и это самые знатные дамы города. Я уже предупредила их о том, что ты будешь, и они очень обрадовались этому, и теперь все ждут тебя с нетерпением. Тогда я взяла с собой несколько невольниц, и мы дошли до широкой улицы и остановились перед величественным порталом из мрамора. И за ним, в глубине двора, мы увидели высокий дворец, который поднимался почти до самых облаков. Когда мы подошли к дверям дворца, старуха постучала, и нам отворили дверь. И мы вошли в коридор, обитый коврами. Пройдя через этот коридор, мы вошли в залу, где было так много чудес, что невозможно описать их. Посередине этой залы, обтянутой шелковыми материями, стояло алебастровое ложе, украшенное жемчугом и драгоценными камнями, и над ним спускался атласный полог.

Когда мы вошли в залу, с этого ложа приподнялась молодая девушка, и она была прекрасна, как луна. И она сказала мне: – О сестра моя, я должна сказать тебе, что у меня есть брат, который видел тебя на одной свадьбе. Это очень красивый юноша, гораздо красивее меня. И с той ночи он полюбил тебя. И это он дал денег старухе, чтобы она пошла и привела тебя при помощи хитрости. И он прибегнул к этому, ибо у него одно только желание – жениться на тебе в этом году, благословенном Аллахом и его пророком. Когда я услыхала эти слова и увидела, что меня знают и уважают в этом доме, я сказала молодой девушке: – Слушаю и повинуюсь! Тогда она исполнилась радости и захлопала в ладоши. И по этому сигналу отворилась дверь, и в комнату вошел юноша, прекрасный, как луна. И при виде его сердце мое склонилось к нему; тогда он подошел и сел рядом со своей сестрой, и вслед затем вошел кади и четыре свидетеля. И, отвесив нам поклон, они сели. Потом кади написал наш брачный договор, и свидетели подкрепили его своими печатями, и после этого все удалились. Тогда молодой человек подошел ко мне и сказал мне: – Да будет эта ночь благодатной ночью! Потом он добавил: – О госпожа моя, я должен поставить тебе одно условие! И я сказала ему: – О господин мой, говори, какое же это условие? Тогда он встал, принес мне Священную Книгу и сказал: – Ты поклянешься Алкораном,

что никогда не предпочтешь мне другого мужчину! И я поклялась ему в этом. Тогда он возрадовался, и я почувствовала, что любовь его проникает в мое тело до самой глубины моего сердца. И рабы тотчас же накрыли стол, и мы ели и пили до насыщения. Когда наступила ночь, он лег вместе со мною на ложе; и мы провели всю ночь, сжимая друг друга в объятиях.

И мы провели таким образом целый месяц, в блаженстве и радости. В конце месяца я попросила у мужа позволения пойти на базар и купить несколько материй. Я взяла с собою старуху. И я подошла к лавке молодого торговца, которого хвалила старуха за доброкачественность материй и которого она знала уже очень давно. И она прибавила: – Этот молодой человек после смерти отца наследовал много серебра и других богатств! Потом, обращаясь к торговцу, она сказала ему: – Покажи нам самые лучшие и самые красивые из твоих материй, так как они предназначаются для этой молодой девушки! И он сказал: – Слушаю и повинуюсь! И потом старуха не переставала расхваливать мне его. И я отвечала ей: – Наша цель – купить у него то, что понадобится нам, а затем возвращаться домой. Когда мы отобрали материи, мы предложили торговцу плату за них. Но он сказал: – Пусть это будет подарок за то удовольствие и честь, которые вы мне сделали, зайдя в мою лавку! Тогда я сказала старухе: – Если он не желает принимать денег, отдай ему обратно материи! Тогда он вскричал: – Аллах свидетель! Я не приму их от вас обратно! Я подарил их тебе! А взамен подари мне один поцелуй! И старуха со смехом сказала ему: – О прекрасный молодой человек, ты, вероятно, сошел с ума, считая поцелуй чем-то неоценимым! Потом она сказала мне: – О дочь моя! С тобою не случится ничего дурного из-за одного маленького поцелуя. Взамен же его ты можешь выбрать все, что только тебе понравится! Тогда я отвечала ей: – Разве ты не знаешь, что я связана клятвой? И она возразила мне: – Позволь поцеловать себя, но сама не говори ни слова и не делай никаких движений: таким образом, тебе не в чем будет упрекнуть себя. И старуха продолжала всячески оправдывать этот поступок, и я, наконец, согласилась. И вот молодой человек просунул свою голову под мое покрывало, приблизил свои губы к моей щеке и поцеловал меня. Но при этом он укусил меня, и так сильно, что щека была прокушена до крови! И я от боли и от волнения лишилась чувств. Когда я очнулась, я нашла себя на коленях у старухи, которая, казалось, была очень опечалена этим. Что же касается лавки, то она была заперта, и молодой торговец исчез из нее. Тогда старуха сказала: – Теперь нам надо вернуться домой. И ты притворись, что больна, а я принесу тебе лекарство, которое ты приложишь к укушенной щеке, и она тотчас же исцелится.

Тогда я не замедлила подняться и, вся охваченная мыслями и страхом за последствия, направилась к своему дому. И, возвратившись домой, я вошла в свою комнату и притворилась больной. И тогда ко мне вошел мой муж, весьма озабоченный, и сказал мне: – О госпожа моя, что за несчастие случилось с тобою в то время, когда ты уходила из дому? И я отвечала ему: – Ничего не случилось. Я совершенно здорова. Тогда он внимательно посмотрел на меня и сказал: – Но что за причина этой раны на твоей щеке? Тогда я сказала ему: – Когда, с твоего разрешения, я вышла сегодня из дому, чтобы купить эти материи, верблюд, навьюченный дровами, прижал меня в загроможденной улице и разорвал у меня покрывало, и ранил у меня щеку, как ты сам видишь. О эти узкие улицы Багдада! Тогда он рассердился и сказал мне: – Завтра же я пойду к правителю города и пожалуюсь на погонщиков верблюдов и дровосеков, и

правитель прикажет повесить всех до последнего! Тогда я, охваченная состраданием, сказала ему: – Это произошло по моей вине, потому что я села на осла, который начал подо мною брыкать и прыгать, и я упала на землю, и по случайности на этом месте оказался кусок дерева, который и ранил щеку! Тогда он вскричал: – Завтра же я пойду к Джафару-аль-Бармаки и расскажу ему эту историю, и он убьет всех ослов в этом городе! Тогда я вскричала: – Не желаешь ли ты убить весь мир ради меня? Знай, что все это случилось по воле Аллаха и по его предопределению! Услышав эти слова, мой муж не мог больше сдержать своей ярости и закричал: – О вероломная! Довольно лжи! Ты должна понести наказание за свою вину! И топнул ногою о землю и начал звать громким голосом. И в комнату вошло семь ужасных негров, которые схватили меня и бросили на середину двора этого дома. И тогда муж мой приказал одному негру держать меня за плечи и другому держать мои ноги. Тогда третий негр, который держал в руке меч, вышел вперед и сказал: – О господин мой, я ударю ее мечом и рассеку на две части! И другой негр прибавил: – И каждый из нас отрежет у нее по большому куску тела и бросит его на съедение рыбам в реку Тигр! Ибо таково должно быть наказание каждому, кто изменяет клятве и дружбе! И чтобы подкрепить свои слова, он произнес:

Когда б я видел, что в мою любовь
Вмешался третий, в миг бы возмутилась
Моя душа и вырвала б навек
Она любовь погибельную эту!

Тогда мой муж сказал негру, который держал меч: – О мужественный Саад, руби эту изменницу! И Саад поднял свой меч! И мой муж сказал мне: – А теперь ты говори громким голосом свою исповедь и сделай завещание, потому что пришел конец твоей жизни! Тогда я сказала ему: – О служитель Всеблагого Аллаха! Дай только мне время исповедаться и сделать свое завещание! И я подняла свои взоры к небу и начала думать и размышлять о том жалком положении, в котором я находилась, и у меня потекли слезы, и я заплакала и произнесла такие строки:

Друзья мои! Аллахом вас молю,
Когда умру я, на моей могиле
Вы напишите: «Здесь лежит преступник
Ужаснейший на свете: он любил!»

Услышав мои слова и видя мои слезы, мой муж пришел в еще большую ярость и возбуждение и произнес мне в свою очередь такие стансы:

Нет, не от скуки, не от пресыщенья
Покинул я того, кого любил!
Он совершил такое преступленье,
Что я его покинуть должен был!

Когда он окончил эти стихи, я опять заплакала, чтобы смягчить его, и я сказала себе самой: – Лучше буду покорна и смирна. И тогда я облегчу свою участь. И, может быть, он помилует меня от смерти и удовольствуется принадлежащими мне богатствами! И он подозвал негра и сказал ему: – Разруби ее на две половины! Она нам больше не нужна! И тогда негр обратился ко мне, и я уже была уверена в своей смерти. В этот миг я увидела старуху, которая вошла и бросилась к ногам молодого человека и сказала ему: – О дитя мое, я умоляю тебя, я, твоя кормилица, помилуй эту девушку, так как она не совершила поступка, заслуживающего такой кары! И он сказал ей: – Ну, хорошо, ради тебя я пощажу ее! Но за все это я хочу положить на нее клеймо! С этими словами он отдал приказание неграм, которые тотчас

же сорвали с меня все одежды. Тогда он приказал одному из них принести гибкий прут айвы и бросился на меня и начал бить меня так жестоко и так сильно, что я лишилась сознания. И, наконец, он перестал меня бить и ушел сам, приказав рабам оставить меня в этом состоянии до самой ночи. И рабы сделали так, и бросили меня в прежнем моем доме, по приказанию их господина.

Когда я пришла в себя, я не могла сделать ни малейшего движения; потом я прибегла к помощи различных лекарств и мало-помалу исцелилась; но следы ударов и рубцы остались на моем теле. И вы сами видели эти следы. Когда я совершенно поправилась, я пожелала пойти и украдкой бросить взгляд на дворец, в котором я перенесла это истязание, но он был разрушен до основания. И на месте всех этих чудес не оставалось ничего более, кроме груды отбросов, собранных со всего города. И, несмотря на все мои поиски, я не могла ничего узнать о моем муже. Тогда я вернулась к моей младшей сестре Фаиме, которая оставалась девственницей, и обе мы отправились к нашей сестре по отцу, Зобейде, той самой, которая рассказала тебе свою историю и историю сестер, обращенных в собак. И мы обменялись обычными приветствиями, и я рассказала ей все, что было со мною, и она рассказала мне свою историю. Потом она сказала мне: – О сестра моя, никто в этом мире не застрахован от превратностей судьбы! Но по милости Аллаха мы обе остались в живых! И дадим обет не разлучаться более и в особенности не произносить ни слова о замужестве! И с тех пор наша младшая сестра Фаима осталась с нами. И она взяла на себя ведение домашнего хозяйства; она ежедневно ходит на рынок и закупает все необходимое. Мне же поручено отпирать двери тем, которые стучатся к нам, и принимать наших гостей. Что касается нашей старшей сестры Зобейды, то она заботится о порядке в доме. И таким образом мы прожили в полном счастье, вдали от мужчин, до того дня, когда сестра наша Фаима привела нам носильщика, груженного множеством вещей, и мы пригласили его отдохнуть в нашем доме. И вслед затем пришли три саалука, а после них вы трое, переодетые купцами. И ты знаешь, что случилось, и каким образом мы были отданы в твои руки, о повелитель верующих! И такова моя история.

И халиф крайне изумился. Дойдя до этого места в своем рассказе, Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. Но когда наступила восемнадцатая ночь, она сказала:

ночь восемнадцатая

Мне довелось слышать, о счастливый царь, что, когда халиф Гарун-аль-Рашид выслушал рассказы двух молодых девушек Зобейды и Амины, он приказал писцам записать самым изысканным почерком оба эти рассказа, а также рассказы трех саалуков и хранить их в царских архивах. Потом он сказал Зобейде: – А теперь скажи, о госпожа, исполненная благородства, не знаешь ли ты, где эта джиния, околдовавшая твоих двух сестер, придав им образ собак? И Зобейда отвечала: – О эмир

Cairn Cowd
25

правоверных, я имею возможность узнать это, так как она дала мне прядь своих волос и сказала мне: – Когда тебе понадобится моя помощь, то сожги один из этих волосков, и я тотчас же явлюсь, где бы я ни была, хотя бы даже за Кавказской горой! Тогда халиф сказал молодой девушке: – О дай мне эту прядь волос! И Зобейда передала ему всю прядь; и халиф взял из нее один волос и сжег его. И как только послышался запах горелого волоса, весь дворец затрясся, как от подземного удара, и вслед затем появилась джиния в образе роскошно одетой молодой девушки. Она сказала халифу: – Мир с тобой, о викарий Аллаха! И халиф отвечал ей: – И да снизойдет на тебя мир и да будет с тобой милосердие Аллаха и его благословение! Тогда она сказала ему: – Знай, о повелитель правоверных, что эта девушка, которая вызвала меня сюда по твоему желанию, оказала мне великую услугу и посеяла в душе моей семена, которые пустили ростки. И потому, что бы я ни сделала для нее, я никогда не в состоянии буду вознаградить ее за то добро, которое она сделала мне. Что касается ее сестер, то я не убила их, чтобы не причинить их сестре тяжкого огорчения. Но если ты, о повелитель правоверных, желаешь их освобождения, то я могу возвратить им их прежний образ в угоду тебе и их благородной сестре! Я никогда не забываю, что я – добрая мусульманка! Тогда он сказал ей: – Разумеется, я желаю, чтобы ты освободила их! После этого мы рассмотрим случай девушки со следами ударов на теле. И если правдивость ее рассказа подтвердится, я накажу того, кто так несправедливо наказал ее! Тогда джиния сказала: – О эмир правоверных, подожди минуту, и я позову тебе того, кто так жестоко поступил с юной Аминой и отнял у нее богатства. И знай, что этот человек – самый близкий тебе из всех живущих на свете!

Потом джиния взяла чашку с водой, произнесла над ней какие-то заклинания, окропила водой собак и сказала им: – Примите сейчас же ваш прежний человеческий образ! И в то же мгновение обе собаки превратились в прекрасных молодых девушек, красота которых служила во славу Творцу, создавшему их! Вслед затем джиния повернулась к халифу и сказала ему: – Знай же, что человек, истязавший юную Амину, – твой собственный сын Эль-Амин! И она рассказала ему всю эту историю, и калиф мог убедиться в правоте рассказа Амины, подтвержденного устами джинии. И халиф Гарун-аль-Рашид был чрезвычайно изумлен и сказал: – Хвала Аллаху, дозволившему освободить этих девушек при моем посредничестве! Потом он призвал своего сына Эль-Амина и потребовал от него объяснений. И Эль-Амин сознался ему во всем. Тогда халиф велел привести нескольких кади и свидетелей в залу, где находились три саалука, сыновья царей, и три молодые девушки с обеими сестрами, освобожденными от чар колдовства. И тогда при содействии кади и свидетелей он вторично женил своего сына ЭльАмина на юной Амине, а юную Зобейду выдал замуж за первого саалука, сына царя; и двух других молодых девушек за второго и третьего саалука, сыновей царей. И сам он приказал написать свой брачный договор с молодой девушкой, ходившей за покупками, с очаровательной, кроткой девственницей Фаимой. И он повелел выстроить отдельный дворец каждой паре и осыпал всех богатствами, чтобы все они могли жить в счастье и довольстве. И сам он с наступлением ночи поспешил в объятия юной Фаимы.

– Но, – продолжала Шахразада, обращаясь к царю Шахрияру, – не думай, о счастливый царь, что в этом рассказе больше чудес, чем в том, который я сейчас расскажу тебе! И Шахразада начала так:

Рассказ о зарезанной женщине, о трех яблоках и о негре Ригане

В одну ночь халиф Гарун-аль-Рашид сказал Джафару-аль-Бармаки: – Я желаю походить с тобою эту ночь по городу. У меня твердое намерение устранить всех тех, на которых мне будут принесены жалобы. И Джафар отвечал: – Слушаю и повинуюсь! И вот халиф и Джафар, и меченосец Масрур переоделись и принялись ходить по улицам Багдада, пока, наконец, не увидели в одном переулке старика весьма преклонного возраста; он шел медленным шагом, неся на голове рыболовную сеть и корзину, а в руке он держал палку. И халиф сказал Джафару: – Вид этого бедного человека обличает крайнюю нужду. Потом он приблизился к старику и сказал ему: – О шейх, каково твое ремесло? И тот отвечал: – О господин мой, я рыбак! И я очень беден, и у меня большая семья! И вот, с полудня и до сего времени я тяжко работал, но Аллах не соблаговолил дать мне хлеба, которым я мог бы накормить своих детей! И вот у меня появилось отвращение к своей жизни, и я не желаю себе ничего, кроме смерти! Тогда халиф сказал ему: – Не можешь ли ты пройти с нами к Тигру и забросить свою сеть, чтобы мне узнать мою судьбу! И все, что ты вытащишь из воды, я покупаю и плачу тебе сто динариев. И старик обрадовался этим словам и отвечал: – Я принимаю твое предложение и возвращаюсь с вами обратно! И рыбак пошел с ними к Тигру, забросил свою сеть, потом он потащил сеть за веревку. И старый рыбак нашел в сети запертый сундук и, поднимая его, заметил, что он очень тяжел. И халиф тотчас же отдал рыбаку сто динариев.

Тогда Джафар и Масрур принесли сундук во дворец. И халиф приказал зажечь светильники, и Джафар с Масруром приблизились к сундуку и взломали его. И они нашли в нем корзину, а в корзине ковер. Они подняли ковер и под ним нашли белое покрывало. Они приподняли покрывало и увидели белую, точно самородное серебро, молодую женщину, убитую и изрезанную в куски. При этом зрелище халиф не мог удержаться от слез. Но потом он обратился полный ярости к Джафару и закричал: – Ты собака, а не визирь! Вот что происходит в мое царствование! Учиняются убийства, и жертвы

топятся в реке! Аллах свидетель! Я должен казнить убийцу! Что же до тебя, о Джафар, то клянусь, что, если ты не представишь мне убийцу этой женщины, за которую я хочу отмстить, я распну тебя на воротах моего дворца, и сорок твоих двоюродных братьев! И халиф был полон гнева; и Джафар сказал ему: – Дай мне три дня сроку! И он отвечал: – Даю их тебе! Тогда Джафар покинул дворец и пошел по городу, разговаривая сам с собою: – Как могу я узнать, кто убил эту молодую женщину, и найти его? А если я представлю не убийцу, а кого-нибудь другого, который умрет вместо него, то этот поступок отягчит мою совесть. И я не знаю, что мне остается делать. И Джафар вступил в свой дом и оставался в нем в совершенном отчаянии. И на четвертый день халиф прислал за ним. И когда он предстал перед ним, халиф спросил: – Где убийца этой молодой женщины? Джафар отвечал: – Мог ли я разгадать невидимое, чтобы узнать убийцу среди всех жителей города? Тогда халиф пришел в страшную ярость и приказал распять Джафара на воротах своего дворца, и приказал глашатаям объявить об этом по всему городу и его окрестностям, возглашая: «Всякий, кто желает присутствовать при зрелище распятия Джафара-аль-Бармаки, визиря халифа, и при распятии сорока его братьев, на воротах дворца, да шествует для присутствия при этом зрелище!»

И все жители Багдада шли по улицам, чтобы присутствовать при распятии Джафара и его двоюродных братьев, но никто не знал причины этого. И все были огорчены и оплакивали их. Когда было воздвигнуто древо пытки, приговоренных поставили под ним, ожидая приказания халифа для начала казни. И вдруг какой-то красивый и хорошо одетый молодой человек стремительно протеснился сквозь толпу и, представ пред Джафаром, сказал ему: – Да будет даровано тебе избавление, о государь мой, величайший из всех великих вельмож! Ибо я и есть тот, который убил эту женщину и который положил ее в сундук, выловленный вами из Тигра! Убей поэтому и меня! Когда Джафар услышал эти слова молодого человека, он очень обрадовался за самого себя, но сильно опечалился за молодого человека. И он потребовал от него более подробного разъяснения, как вдруг какой-то почтенный старец раздвинул толпу, стал рядом с Джафаром и молодым человеком и, поклонившись им, сказал: – О визирь, не верь словам этого молодого человека, ибо убийца этой молодой женщины я один! Но молодой человек сказал: – О визирь, этот старый шейх бредит и сам не знает, что он говорит. Я повторяю тебе, что я и есть тот, который убил ее! Тогда шейх сказал: – О дитя мое! Ты еще молод, ты должен любить жизнь! Я же стар и уже пресытился этим миром. Да послужу я выкупом за тебя, за визиря и его двоюродных братьев! Я повторяю еще раз, что убийца – я. Тогда Джафар с согласия начальника стражи увел молодого человека и старика и предстал с ними пред халифом. И он сказал: – О эмир правоверных, вот перед тобою убийца молодой женщины! И халиф спросил: – Который же? И Джафар сказал: – Этот молодой человек заявляет и утверждает, что он и есть убийца. Тогда халиф взглянул на шейха и молодого человека и сказал им: – Который же из вас убил молодую женщину? Молодой человек отвечал: – Это я! Но шейх сказал: – Нет! Это я один! Тогда халиф сказал Джафару: – Возьми их обоих и распни! Но Джафар возразил на это: – Если только один из них убийца, то казнь другого будет величайшей несправедливостью! Тогда молодой человек вскричал: – Клянусь, что я один убил молодую женщину! И вот доказательства этому! И тут молодой человек объявил о находке, сделанной халифом, Джафаром и Масруром и известной

только им. И халиф убедился в виновности молодого человека и сказал ему: – Но ради чего совершено это убийство? Ради чего это признание? Тогда молодой человек сказал: – Знай, о князь правоверных, что молодая женщина была моя жена и дочь этого старого шейха. Я женился на ней, когда она была еще молода и невинна. И Аллах даровал мне от нее трех детей мужского пола. И она продолжала любить меня и служить мне; и я не замечал за ней ничего достойного порицания. Но в начале этого месяца она впала в тяжкую болезнь; и я велел позвать врачей, которые излечили ее с помощью Аллаха! И вот, так как я не спал с нею с самого начала ее болезни, у меня теперь явилось желание. Но она сказала мне: – Я хочу, чтобы было удовлетворено одно мое желание. И я сказал ей: – Каково же твое желание? Она отвечала: – Я желаю иметь яблоко, чтобы насладиться его запахом и откусить один кусочек.

И вот я тотчас же пошел на рынок, чтобы купить яблоко. И я искал по всем фруктовым лавкам; но в них не было ни одного яблока! И я возвратился совершенно опечаленный домой и всю ночь проходил, размышляя, какими средствами раздобыть мне одно яблоко. И утром, на рассвете, я направился в сады и обошел их один за другим, но безуспешно. Но на своем пути я встретил старика-сторожа одного сада и осведомился у него о яблоках. И он сказал мне: – Дитя мое, их нигде нет, кроме Басры, во фруктовом саду повелителя правоверных, но стражи тщательно оберегают их только для стола самого халифа. Тогда я возвратился к своей жене и рассказал ей обо всем этом. И я поехал в Басру и возвратился к своей жене с тремя яблоками, купленными у стража фруктового сада за три динария. И я вошел, очень радостный, к своей жене и поднес ей три яблока. Но она бросила их небрежно на ложе возле себя. И я увидел, что во время моего отсутствия жена вновь заболела, я не отходил от нее. Но, благодарение Аллаху, к ней возвратилось здоровье; и я смог пойти в свою лавку. И вот, когда я сидел в своей лавке, мимо меня прошел негр, держа в руке яблоко. Тогда я сказал ему: – Гей! Друг мой, где взял ты это яблоко? Я хочу купить себе такое же. Негр рассмеялся и сказал: – Я получил его от своей любовницы! Когда я пришел повидаться с нею, возле нее лежало три яблока. Она сказала мне: – Мой супруг ездил в самую Басру, чтобы купить мне их, и купил он их за три золотых динария! И она подарила мне это яблоко. Когда негр сказал эти слова, в глазах моих все потемнело; и я тотчас же возвратился домой. И я осмотрел постель и действительно не нашел третьего яблока. И тогда я сказал своей жене: – Но где же третье яблоко? И она отвечала мне: – Не имею никакого понятия! Тогда я поверил словам негра и бросился на нее с ножом в руке, и изрезал ее ударами ножа, и сложил все в корзину, и прикрыл покрывалом и ковром, и положил в сундук, и запер его. Потом я взвалил этот сундук на своего мула и бросил его в воду. И все это я сделал собственными руками!

И вот теперь, о повелитель правоверных, я умоляю тебя казнить меня смертью в наказание за мое преступление! И я бросил ее в Тигр и вернулся домой. И я нашел там младшего своего сына, который плакал. Я спросил его: – О чем ты плачешь? И он отвечал мне: – Я взял одно из яблок и вышел с ним на улицу поиграть. И я увидел большого негра, который проходил мимо, и он вырвал у меня из рук яблоко и сказал мне: – Откуда у тебя это яблоко? И я отвечал ему: – Оно у меня от отца, который ездил в Басру и привез три яблока моей матери, купив их за три динария. Негр ударил меня и унес яблоко! И вот теперь я боюсь, что мать будет бить меня за это яблоко! При этих словах ребенка я понял, что негр сказал

ложь! И я уже пролил много слез, когда ко мне приехал мой тесть, который теперь здесь со мною. И я рассказал ему эту печальную историю. И мы оба плакали до самой полуночи. И до сих пор мы продолжаем оплакивать эту смерть. И я заклинаю тебя, о князь правоверных, поскорее казни меня.

Выслушав это повествование, халиф пришел в крайнее изумление и вскричал: – Клянусь Аллахом! Я желаю убить этого вероломного негра!.. Но, дойдя до этого места в своем рассказе, Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно замолкла. Но, когда наступила девятнадцатая ночь, она сказала:

ночь девятнадцатая

Рассказывали мне, о счастливый царь, что халиф поклялся убить негра, после того как увидел, что молодой человек достоин прощения. Халиф обратился к Джафару и сказал ему: – Приведи мне негра! И если ты не найдешь его, сам умрешь вместо него! Джафар ушел, так говоря себе: – Где же я найду его? Клянусь Аллахом, я буду сидеть у себя дома, не трогаясь с места. И я предаю себя правосудию Всевышнего! И действительно, Джафар не выходил из дому в течение трех дней. И вот, на четвертый день, он составил завещание у кади, а затем в слезах начал прощаться со своими детьми. И потом пришел посланец халифа и сказал, что халиф по-прежнему хочет казнить его, если он не найдет негра. И Джафар заплакал еще сильнее, и вместе с ним заплакали его дети. И он захотел в последний раз еще обнять младшую из своих дочерей. И когда он прижимал ее к себе, он почувствовал что-то круглое в кармане у девочки, и он сказал ей: – Что это? И она отвечала: – О отец мой, это яблоко! Мне дал его наш негр Риган за два динария. При этих словах о негре и яблоке Джафар вскричал: – О Спаситель! Он приказал позвать негра Ригана. Когда тот пришел, Джафар спросил его: – Откуда это яблоко? И он отвечал: – О господин мой, пять дней тому назад я зашел в переулок и увидел играющих детей, и у одного из них было в руках это яблоко, и я ударил его и отобрал его. Но ребенок заплакал и сказал мне: «Это яблоко моей матери. И моя мать больна. И мой отец ездил искать его в Басру и привез его вместе с двумя такими же яблоками и заплатил за них три золотых динария. И я взял одно из них, чтобы поиграть». Но я ушел домой и отдал яблоко за два динария твоей дочери. При этом рассказе Джафар пришел в чрезмерное изумление, взял с собою негра и предстал перед лицом халифа, которому и рассказал всю эту историю.

И халиф Гарун-аль-Рашид был так удивлен, что приказал внести всю эту историю в летописи для сохранения ее в назидание людям. Но Джафар сказал ему: – Не очень удивляйся этой истории, о повелитель правоверных, ибо она далеко не сравнится с историей визиря Нуреддина и его брата Шамзеддина. И халиф вскричал: – Что же это за история? И Джафар сказал: – О князь правоверных, я расскажу ее тебе, если ты простишь моего негра Ригана за его бессознательный проступок! И халиф отвечал: – Да будет так!

Рассказ о визире Нуреддине, о брате его, визире Шамзеддине и о Гассане Бадреддине

Тогда Джафар-аль-Бармаки начал свой рассказ так: – Знай, о повелитель правоверных, что некогда был в стране Меер добродетельный султан. У него был мудрый и старый визирь, искушенный в науках и литературе; и было у него двое детей подобных двум лунам – старший Шамзеддин и младший Нуреддин. Слава о красоте Нуреддина разнеслась по всем странам, и множество путешественников приезжало в Египет, чтобы насладиться созерцанием его совершенства. И вот визирь, его отец, скончался. И султан позвал к себе его детей и приказал им: – С этой минуты вы будете выполнять при мне обязанности вашего отца. И они обрадовались и облобызали землю между руками султана, и через месяц после похорон отца начали по очереди, в течение недели, исполнять обязанности визиря. И когда султан уезжал куда-либо, он всегда брал с собою одного из братьев.

И вот, когда султан наутро должен был уехать, а очередь исправлять обязанности визиря на эту неделю выпадала на долю Шамзеддина, оба брата разговаривали о том, как провести вечер. И старший сказал младшему: – О брат мой, у меня есть намерение жениться, но я желал бы, чтоб мы оба женились в одну и ту же ночь. И Нуреддин отвечал ему: – Я готов следовать тебе во всем. Тогда Шамзеддин сказал Нуреддину: – Когда мы вступим в союз с двумя девушками и когда обе они понесут с одного и того же дня, и – да будет на то воля Аллаха! – подарят нам в один и тот же день тебе мальчика, а мне девочку, мы поженим их, они ведь двоюродные! Тогда Нуреддин отвечал: – О брат мой, но что же потребуешь от моего сына в качестве выкупа за то, что ты даешь ему свою дочь? И Шамзеддин сказал: – Я возьму с него три тысячи золотых динариев. И если твой сын не пожелает принять это условие, между нами ничего и не состоится. На это Нуреддин отвечал: – Что за выкуп? Или ты забыл, что мы братья? Ты должен просто отдать свою дочь в дар моему сыну, даже и не думая о выкупе. И разве ты не знаешь, что мужчина всегда стоит больше, чем женщина? Тогда Шамзеддин сказал: – Я вижу, ты воображаешь, будто твой сын

более знатен, чем моя дочь. И это доказывает мне, что у тебя не хватает ни разума, ни здравого смысла. Но ты можешь говорить, что тебе угодно! Что до меня, то теперь я не могу выдать свою дочь за твоего сына хотя бы за равный вес золота! И Нуреддин был очень оскорблен этими словами и сказал: – Да и я не желаю женить своего сына на твоей дочери! И Шамзеддин отвечал: – Пусть будет так! Я завтра уезжаю вместе с султаном, и по моем возвращении произойдет то, что произойдет!

И Нуреддин удалился, весьма огорченный этим разговором. На следующий день султан в сопровождении Шамзеддина направился в сторону пирамид. Что же до Нуреддина, то он поднялся рано утром, прочитав молитву, взял сумку, наполнил ее золотом и произнес следующие строфы:

Иди же, друг! Все брось и уходи!
Других друзей найдешь ты несомненно,
Чем те, которых покидаешь ты!

После этого он приказал рабу оседлать для него мула. И раб выбрал самого лучшего мула, и одел на него седло, и так убрал его, что мул походил на новобрачную. И тогда Нуреддин приказал положить на спину мула шелковый ковер и поверх коврик для молитвы, и между ними сумку с золотом и сказал всем рабам: – Я желаю проехаться за город и провести там три ночи, ибо я желаю облегчить себя, вдыхая свежий воздух. Но я запрещаю следовать за мною!

Три дня спустя он прибыл в город Алеп. Здесь он провел три дня в одном из городских караван-сараев, отдыхая сам и давая отдых мулу. Потом он накупил превосходных сластей, которые так хороши в Алепе и которые начинены обсахаренными фисташками и миндалями, и предоставил своему мулу идти, куда ему вздумается. И ехал он днем и ночью, и в один вечер прибыл в город Басру. И он остановился в одном из караван-сараев, и поручил его привратнику поводить немного мула для предохранения от простуды после долгой езды. И привратник взял за повод мула и начал водить его. И так случилось, что в эту минуту визирь Басры сидел перед окном своего дворца и смотрел на улицу. И он обратил внимание на красивого мула и на его великолепное убранство, и подумал, что этот мул должен принадлежать какому-нибудь иноземному визирю или даже какому-нибудь царю. И отдал приказание одному из своих рабов привести к себе привратника, который водил мула. И раб побежал, и разыскал привратника, и привел его к визирю. И визирь спросил привратника: – Кто владелец этого мула? И привратник отвечал: – О господин мой, это очень красивый юноша, поистине обольстительной наружности, и весь вид его внушает почтение и удивление.

Тогда визирь сел на коня и поехал к караван-сараю, и въехал в его двор. И при виде визиря Нуреддин помог ему сойти с коня. И визирь сел рядом с ним и спросил: – Дитя мое, откуда и зачем приехал ты в Басру? И Нуреддин ответил: – О господин мой, я прибыл из Каира, мой отец был визирем у султана Египта. И Нуреддин рассказал визирю всю свою историю и добавил: – Я решил не возвращаться в Египет, пока не побываю во всех странах света! При этих словах визирь сказал: – Дитя мое, выкинь из своей души это пагубное желание, ибо оно приведет к твоей гибели. И визирь увел Нуреддина в свой дом и приказал дать ему отдельную комнату, снабдив его всем, что могло понадобиться ему. И Нуреддин остался некоторое время в доме визиря, и виделся с ним ежедневно, и осыпал его милостями. И он так полюбил Нуреддина, что сказал ему: – Дитя мое, я стар и у

меня нет мужского потомства. Но Аллах послал мне дочь, и она может сравниться с тобою по красоте и совершенству. Но я хочу спросить тебя, не желаешь ли ты стать мужем моей дочери, и если ты согласен принять мое предложение, то ты займешь мое место, потому что я стар и нуждаюсь в покое. При этом предложении Нуреддин опустил глаза и произнес: – Слушаю и повинуюсь!

Тогда визирь предался радости и приказал рабам приготовить все для пира. Потом он собрал всех своих друзей, всех знатных людей страны и всех богатых купцов Басры. И все они явились к нему. И визирь, объясняя им, почему он предпочел Нуреддина всем другим претендентам, сказал им: – У меня был брат, который был визирем при дворе Египта. И Аллах послал ему двух сыновей, а мне, как вам известно, одну дочь. И брат мой перед смертью просил меня выдать мою дочь за одного из его сыновей, и я обещал исполнить его просьбу. И вот перед вами один из сыновей моего брата-визиря. И я желаю составить брачный договор его с моей дочерью. И все приглашенные приняли участие в роскошном пире, устроенном в доме визиря, и пили разные вина, и ели пирожные и варенья; потом они простились с визирем и Нуреддином и разошлись. Тогда визирь... Но, дойдя до этого места в своем рассказе, Шахразада увидела приближение утра и по обычаю скромно умолкла, не желая продолжать его в эту ночь. Но когда наступила двадцатая ночь, она сказала:

ночь двадцатая

Мне довелось слышать, о счастливый царь, что после пира визирь поднялся и сказал: – Сын мой, войди в комнату твоей жены и будь счастлив! И Нуреддин еще раз поцеловал руку у визиря, своего тестя, и вошел в комнату молодой девушки. И случилось то, что должно было случиться! Вот что было с Нуреддином!

Что касается брата его Шамзеддина, то вот, что случилось с ним. Когда путешествие его с египетским султаном к пирамидам пришло к концу, он вернулся домой. Он очень встревожился, не найдя брата своего Нуреддина, и слуги сказали ему: – В тот день, когда ты отбыл с султаном, наш господин сел на своего мула, оседланного, как в дни парадных выездов, и запретил следовать за ним. И Шамзеддин глубоко опечалился отсутствию брата. И он подумал: – Не может быть иной причины его отъезда, как те жестокие слова, которые я сказал ему. И я должен загладить свою вину перед братом и разослать гонцов за ним. И Шамзеддин отправился к султану и объяснил ему все, что случилось. И султан приказал написать письма, и приложить к ним его печать, и разослать их ко всем его наместникам во всех странах, возвещая в этих письмах о том, что Нуреддин исчез и что его должно искать повсюду. И гонцы вернулись без всяких результатов, потому что ни один из них не был в Басре, где находился Нуреддин. Тогда Шамзеддин сказал себе: – Все это произошло по моей вине!

В конце концов Шамзеддин утешился и некоторое время спустя посватался к дочери одного из богатейших купцов в Каире и женился на ней. Но, по удивительному совпадению, в ту же самую ночь, в которую Шамзеддин вошел в брачную опочивальню, и Нуреддин в Басре вошел в спальню дочери визиря. И все произошло так, как было условлено между братьями до их ссоры. Жены их зачали в одну и ту же ночь и разрешились от бремени в один день. Жена Шамзеддина родила прекрасную дочь, а жена Нуреддина дала жизнь сыну, и во всем мире не было равного ему по красоте. И сын Нуреддина был назван за свою красоту Гассаном Бадреддином*. И на седьмой день его жизни были устроены пиры и празднества, достойные сыновей царей.

Когда празднества кончились, визирь взял с собой Нуреддина и отправился с ним к султану. И Нуреддин поцеловал землю между руками султана и тот осыпал дарами Нуреддина и его тестя. И он спросил визиря: – Кто этот прекрасный и столь красноречивый молодой человек? Тогда визирь рассказал султану всю историю и сказал ему: – Этот молодой человек – мой племянник! И султан сказал: – Как же случилось, что я до сих пор ничего не слыхал о нем? И визирь сказал: – О повелитель, у меня был брат, и был он визирем при египетском султане. Умирая, он оставил двух сыновей, из которых старший был назначен визирем на место моего брата, а младший – тот, которого ты видишь, пришел ко мне, потому что я обещал его отцу, что выдам замуж мою дочь за одного из моих племянников. И как только он прибыл сюда, я женил его на моей дочери! И я пришел просить моего повелителя назначить моего племянника моим преемником! Он достоин быть твоим визирем, потому что он человек высокого ума и искусен в ведении дел! Тогда султан назначил Нуреддина великим визирем на место его тестя и назначил ему телохранителей и придворных. И Нуреддин поцеловал руку у султана и вышел от него со своим тестем, и оба вернулись домой и стали целовать новорожденного Гассана, говоря: – Рождение этого ребенка принесло нам счастье!

На следующий день Нуреддин отправился во дворец и занялся текущими делами, как будто уже много лет состоял визирем. Султан был поражен его умом и удивительным умением, с которым он отправлял правосудие. И он еще более полюбил его и сделал его своим приближенным. И значение его росло с каждым днем, и султан осыпал его своими щедротами. Нуреддин так разбогател, что мог посылать вооруженные торговые корабли по всему свету. И всем этим он занимался до того времени, пока сыну его не исполнилось четыре года. В это время старый визирь умер. Тогда Нуреддин всецело посвятил себя воспитанию сына. Он пригласил самого сведущего в религиозных и гражданских законах ученого. И тот каждый день занимался с Гассаном и делал так долгие годы, прививая ему разные полезные знания. Гассан продолжал развиваться, и красота его и грация достигли совершенства. Но в течение всего этого времени Гассан ни разу не покидал дворца, потому что ученый требовал величайшего внимания к своим урокам. Когда же ученый передал ему все свои познания, отец усадил его на самого красивого мула и отправился с ним со свитой ко дворцу султана. И все жители Басры пришли в восторг от несравненной красоты юноши и восклицали: – О Аллах, что за красота! И когда султан увидел юного Гассана, он был так поражен его красотой, что некоторое время не мог

* *Гассан* – прекрасный; Бадреддин – полная луна.

прийти в себя. Потом он сделал юношу своим любимцем и сказал его отцу: – Визирь, ты должен каждый день присылать его ко мне, ибо я чувствую, что не в состоянии буду жить без него! И Нуреддин ответил: – Слушаю и повинуюсь!

Но в то время как Гассан сделался фаворитом султана, отец его серьезно заболел. Он потребовал к себе сына и сказал ему: – Покидая этот мир, я хочу дать тебе несколько советов. И Нуреддин посвятил Гассана во все правила житейской мудрости. После этого он вспомнил о своем брате и не мог удержать слез при мысли, что ему не привелось увидеться с ними перед смертью. И он сказал сыну: – Дитя мое, знай, что у меня в Каире есть брат по имени Шамзеддин. Это твой дядя, и к тому же визирь египетского султана. Мы когда-то повздорили, и я поселился здесь, в Басре. Возьми же лист бумаги и тростинку и пиши под мою диктовку. И Нуреддин продиктовал сыну всю свою историю от начала и до конца; потом он велел сыну записать, в какой день он прибыл в Басру и в какой день состоялась его свадьба с дочерью старого визиря. Потом он сказал сыну: – Сохрани эту бумагу. И если тебя постигнет несчастие, вернись в Каир. Там ты передашь своему дяде мой поклон и скажешь ему, что перед смертью у меня было лишь одно желание – увидеться с ним! Вот, сын мой Гассан, те советы, которые я хотел дать тебе. Умоляю тебя не забывать их!

Тогда Гассан тщательно сложил бумагу и приложил к ней печать своего отца-визиря. Потом он завернул ее в кусок холста и зашил в свой тюрбан. Когда же Нуреддин отдал Богу душу, Гассан Бадреддин предался глубокой печали, и вместе с ним печалились султан и все эмиры. И Гассан в течение двух месяцев исполнял похоронные обряды, позабыв о том, что ему нужно пойти к султану. А султан подумал, что Гассан не желает его видеть и пришел в ярость. Он приказал схватить Бадреддина и привести его во дворец в цепях. Но между невольниками царского дворца был один мамелюк, который очень любил Гассана. Узнав о приказании султана, он полетел стрелой к Гассану и сообщил ему о том, что ожидает его. Услышав это, юный Гассан, не успев ничего захватить с собою, вышел, закрыв свою голову, чтобы его не узнали. И он шел, не останавливаясь, пока не очутился за городом у кладбища, на котором была усыпальница его отца.

Только тут опустил он покров, которым была закрыта его голова, и решил провести ночь в этой усыпальнице. И когда он присел, то увидел, что к нему приблизился купец, возвращавшийся из соседней деревни. Проходя мимо могилы Нуреддина, он заглянул внутрь и увидел там юного Гассана. Тогда он почтительно приветствовал юношу и сказал: – Мой господин! Уж не постигло ли тебя новое несчастие, еще большее, чем смерть твоего отца? На это Гассан ответил ему: – Сегодня во сне я увидел отца, который упрекал меня, что я недостаточно усердно посещаю его могилу. Тогда я прибежал сюда. Тогда купец сказал ему: – О господин мой, уже давно я собирался переговорить с тобою об одном деле. Твой отец снарядил в путь корабли, которые скоро придут, нагруженные товарами на его имя. Если ты мне их уступишь, я дам тебе по тысяче динариев за каждый груз наличными деньгами. И купец вытащил из-под платья кошель, отсчитал тысячу динариев и прибавил: – А теперь, о господин мой, напиши мне расписку в получении денег и приложи к ней твою печать! И Гассан взял бумагу и написал следующее: «Свидетельствую, что написавший эту бумагу есть Гассан Бадреддин, сын покойного визиря Нуреддина, и что он продал купцу такому-то груз первого корабля,

принадлежащего моему отцу Нуреддину, за сумму в тысячу динариев». Потом он приложил свою печать внизу листа и передал его купцу, который ушел, почтительно поклонившись.

Когда же наступила ночь, Гассан лег на могиле своего отца и заснул. И лицо его было освещено луной и блистало во всей своей красе. А кладбище было местом, посещаемым добрыми джинами. И вот случайно одна прекрасная джиния, проносясь мимо, заметила красоту Гассана, была удивлена и сказала: – Хвала Аллаху! Какой красивый юноша! Поистине, я влюбилась в его прекрасные глаза. И она продолжила свой полет и, встретив на своем пути правоверного джина, спросила его: – Не хочешь ли ты со мною подивиться красоте молодого человека, который заснул на кладбище Басры? И они спустились на кладбище и направились к спящему Гассану. И джин, ошеломленный его красотой, вскричал: – О Аллах! Он создан для того, чтобы возбуждать желание у всех женщин! Однако я видел, кого можно сравнить с этим прекрасным юношей! Это было в Египте, в Каире! Это дочь визиря Шамзеддина! И джиния сказала: – Но я ее не знаю! И джин сказал: – Слушай же. Вот ее история:

– Ее отец, визирь Шамзеддин, находится из-за нее в большом горе. Дело в том, что султан Египта, услышав о ее необычайной красоте, просил у визиря ее руки. И Шамзеддин, который предназначил свою дочь для другого, почувствовав смущение, сказал султану: – О господин мой, прими мои самые смиренные извинения. Ты знаешь историю моего брата Нуреддина. Однажды он уехал без всякой основательной причины, и мы более о нем не слышали. Однако я поклялся перед Аллахом, что отдам дочь замуж только за сына моего брата Нуреддина. С тех пор прошло уже восемнадцать лет. К несчастью, несколько лет тому назад я узнал, что мой брат женат на дочери визиря в Басре и что у него есть от нее сын. Таким образом моя дочь предназначена и записана на имя своего двоюродного брата, сына моего брата Нуреддина! Что же касается тебя, о мой господин, то ты можешь взять себе какую угодно красавицу!

Услышав это, султан впал в величайший гнев и закричал: – Жалкий визирь! Я снисхожу до тебя, а ты смеешь под самым ничтожным предлогом отказывать мне! Клянусь головой! Я заставлю тебя выдать ее замуж, о ничтожнейший из моих подданных! А у султана был маленький конюх, безобразный и горбатый, с горбом спереди и с горбом сзади. И султан приказал, чтобы он тотчас явился и подписал брачный договор с дочерью визиря Шамзеддина, не обращая никакого внимания на мольбы отца. Потом он приказал маленькому горбуну в ту же ночь лечь спать с юной девушкой. Не довольствуясь этим, султан повелел отпраздновать свадьбу торжественно и с музыкой. Что же до меня, о сестра моя, то я покинул их, когда юные рабы дворца окружили маленького горбуна и отпускали веселые шуточки, держа в руках свадебные свечи. Что же касается молодой девушки, то она самое прекрасное создание, какое я только видел в своей жизни. Уверяю тебя, она еще красивее, чем этот юноша. Я оставил ее горько плачущей, вдали от отца, которому было запрещено присутствовать на празднестве. И она совершенно одинока среди этого празднества и ждет прихода безобразного жениха своего.

Дойдя до этого места, Шахразада заметила наступление утра и скромно замолкла, оставив свое повествование до следующего дня. И когда наступила двадцать первая ночь, Шахразада сказала:

ночь двадцать первая

Говорили мне, о счастливый царь, что в ответ на слова джина джиния сказала: – Что же касается меня, то я утверждаю, что равного спящему юноше по красоте не было еще никогда! Но эфрит отвечал ей: – Клянусь Аллахом, уверяю тебя, она еще прекраснее этого юноши! Впрочем, ты можешь посмотреть на нее сама. Это нетрудно, и мы воспользуемся случаем лишить гнусного горбуна обладания дивным телом. Эти два юные создания достойны друг друга! И джиния ответила: – Мы перенесем на руках спящего юношу и соединим его с молодой девушкой, как ты предлагаешь. Мы сделаем доброе дело и посмотрим, кто из двух более прекрасен!

И эфрит взял молодого человека к себе на спину и полетел, сопровождаемый эфритой, и оба они прибыли в Каир. Там он снял с себя прекрасного Гассана, спавшего все время, и положил его на скамейку перед дворцом. И Гассан проснулся и пришел в крайнее изумление, увидев, что он уже не на могиле отца. Это было так неожиданно, что он уже открыл рот, чтобы закричать; но в это время он увидел перед собою бородатого человека большого роста, который подмигивал ему, как бы говоря, чтобы он не кричал. И Гассан послушался. А этот человек дал ему зажженную свечу и сказал: – Знай, о юноша, что я правоверный джин и это я перенес тебя сюда, желая оказать тебе услугу. Город этот – Каир. Возьми же эту свечу и смешайся с толпой. Когда увидишь маленького горбуна, следуй за ним! И войди вместе с ним во дворец, и становись в зале по правую руку от него, как будто ты принадлежишь к этому дому. И каждый раз, как к вам приблизится музыкант или танцовщица, опускай руку в карман, и, благодаря моим заботам, ты найдешь его полным золота. Бери золото горстью и бросай его небрежно всякому! И не опасайся его недостатка, я буду его пополнять! Прими уверенный вид и не бойся ничего! И с этими словами джин исчез.

Выслушав эти слова, Гассан сказал себе: – Что может означать все это? И о какой услуге говорил мне этот эфрит? И он взял свою свечу, и смешался с толпою, и очутился рядом с горбуном. Гассан был в роскошном шелковом платье с примесью золотых нитей и на голове у него был вышитый золотом и серебром тюрбан. И все это еще более возвышало его красоту. И каждый раз, как какая-нибудь певица или танцовщица приближалась к нему, Гассан опускал руку в карман и разбрасывал оттуда золото целыми пригоршнями. И тогда все женщины, как и вся толпа, были очарованы его красотой и приятным обращением. И когда дворцовые служители оттеснили всех, кроме музыкантов и танцовщиц, те обратились к ним и сказали: – Клянемся Аллахом! Мы отказываемся принимать участие в свадебном торжестве, если на нем не будет присутствовать этот молодой человек, осыпавший нас своими щедротами! И женщины овладели Гассаном и ввели его с собою в гарем, и так он стал единственным мужчиной, допущенным в гарем вопреки желанию горбуна.

И в зале празднеств собрались все жены эмиров, визирей и служащих при дворце. Каждая держала в руке большую свечу; и лица у всех были закрыты вуалями ввиду присутствия двух мужчин. Гассан и горбун-новобрачный прошли между двумя вереницами женщин, которые стояли от залы собраний и до самой брачной комнаты. И при виде красоты Гассана и прелести его лица, блиставшего, как народившаяся луна, женщины чувствовали, что теряют разум. И каждая из них горела желанием обнять этого юношу и остаться связанной с ним столько времени, чтобы получить хотя бы одну его ласку. Не в силах сдерживать себя долее, все они приподняли свои вуали и показывали себя без всякой сдержанности, забывая о присутствии горбуна. И все они старались подойти к Гассану, чтобы сказать ему слово любви или, по крайней мере, сделать ему знак глазом, чтобы он мог видеть, в чем заключается их желание. И вот когда дамы восхваляли Гассана, певицы ударили в тамбурины, двери брачной комнаты открылись, и новобрачная вышла в залу в сопровождении евнухов и прислужниц.

Дочь визиря блистала, как гурия, и все остальные рядом с нею казались только сопутствующими светилами. И она была надушена амброю, мускусом и розою; и волосы ее блистали под шелком, который их прикрывал; и плечи дивно обрисовывались под роскошными одеждами. На ней было одеяние, все вышитое червонным золотом, и на его ткани были изображены фигуры зверей и птиц. И на шее у нее было ожерелье, которое могло стоить, кто знает сколько тысяч динариев! Одним словом, новобрачная была хороша, как полная луна в свой четырнадцатый день! И горбун поднялся и поспешил к ней, чтобы обнять ее. Но она с ужасом оттолкнула его, отвернулась и в тот же миг очутилась перед прекрасным Гассаном, к которому тотчас же воспылала страстью и вскричала, протянув руки к небу: – Аллахумма! Сделай, чтобы этот прекрасный юноша был моим супругом! Тогда Гассан опустил руку в карман и вынул ее полной золота; и он бросал золото горстями прислужницам новобрачной, танцовщицам и певицам, и они восклицали: – Ах! Если бы ты мог обладать новобрачной! И все окружили ее и прекрасного Гассана, не обращая внимания на отвратительного горбуна, который сидел, покинутый всеми. И он злился, и все женщины издевались над ним, отпуская бесцеремонные шутки.

Что же касается новобрачной, то она семь раз подряд, и каждый раз одетая иначе, обходила кругом залу, останавливалась после каждого круга перед Гассаном. И каждое ее новое платье на ней было еще прекраснее предыдущего. И каждый раз Гассан не забывал бросать золото горстями, рассыпая его по всей зале. И охваченные всеобщим веселием, возбужденные звуками музыки и опьяненные пением, танцовщицы разыгрывали любовные пантомимы перед глазами Гассана. А раздосадованный горбун должен был смотреть на все это! И женщины, отходя от Гассана, подходили к нему и делали непристойные жесты и шутили над ним. По окончании седьмого круга свадьба закончилась, танцовщицы и певицы вместе со всеми дамами проходили перед Гассаном, одни целуя его руки, другие – касаясь полы его платья; и все уходили, оглядываясь, как бы говоря, чтобы он оставался. И в зале не осталось никого, кроме Гассана, горбуна и новобрачной с ее прислужницами. А потом удалились и они, оставив ее со старой кормилицей, которая, прежде чем провести ее в брачную комнату, должна была подождать, чтобы туда прошел первым новобрачный-горбун.

И тогда горбун сказал Гассану очень сухо: – О господин, ты сделал нам величайшую честь своим присутствием, но теперь разве ты не собираешься уходить? Тогда Гассан поднялся и вышел. Но лишь только он вышел из залы, как увидел джина, который сказал ему: – Подожди здесь и исполни мои указания. Горбун скоро войдет в кабинет удобств; и я пойду туда же и задержу его там! Ты же ступай тогда в брачную комнату и скажи новобрачной: – Я настоящий твой муж! Твой отец просто воспользовался хитростью, чтобы отвратить от тебя дурной глаз завистливых людей! Потом ты возьмешь ее без страха и колебаний и снимешь с нее вуаль, и сделаешь то, что сделаешь! И джин исчез. А горбун действительно зашел в кабинет удобств, чтобы облегчиться перед тем, как войти к новобрачной. И в это самое время джин принял вид большой крысы, появившейся из отверстия кабинета удобств. И горбун захлопал руками, чтобы отогнать крысу, а она начала увеличиваться и превратилась в большого кота, со страшными светящимися глазами, который начал громко мяукать. И пока горбун сидел, кот увеличивался и превратился в большую собаку. А та начала увеличиваться и превратилась в осла, который заревел громким голосом. И горбун исполнился ужаса, и почувствовал, что у него сильнейший понос, и начал кричать громким голосом: – Помогите, помогите, живущие в этом доме! А осел увеличился еще более и превратился в громадного буйвола, который загородил собою дверь кабинета удобств и заговорил человеческим голосом: – Горе тебе, дрянной горбун! Самый вонючий из всех конюхов! При этих словах горбун почувствовал холод смерти и упал на пол. Тогда буйвол закричал ему: – О презренный! Разве ты не мог найти себе другой женщины, кроме моей повелительницы? Отвечай, или я заставлю тебя поглотить твои нечистоты! А горбун мог только сказать: – Это не моя вина! Меня принудили к этому! Но, клянусь Аллахом, я уже передумал! Тогда джин сказал ему: – Ты должен оставаться здесь, пока не взойдет солнце! И ты не должен говорить ни слова обо всем этом, и никогда нога твоя не должна быть ни в этом дворце, ни в гареме! Иначе я размозжу твою голову и упрячу тебя в яму с нечистотами! И буйвол схватил зубами горбуна за ноги и втиснул его головою вперед в отверстие над ямой кабинета удобств и повторил еще раз: – До утра не смей и пошевелиться!

Что касается Гассана, то он пробрался через покои дворца прямо в брачную комнату и уселся в отдаленном углу. И не успел он сесть, как в комнату вошла новобрачная, которая сказала: – Нет! Лучше отдаться смерти, чем этому безобразному горбуну! Но не успела она сделать несколько шагов, как узнала прелестного Гассана! Тогда из груди ее вырвался крик счастья, и она сказала: – О, желанный! Неужели ты один тут? Какое счастье! Но кто же из вас двоих мой муж – ты или горбун? И Гассан отвечал ей: – Конечно я, о госпожа моя! Отец твой нанял этого горбуна, чтобы он служил отводом дурному глазу, и дал ему за это десять динариев. При этих словах невеста рассмеялась и, не в состоянии долее сдерживать себя, воскликнула: – Ради Аллаха, дорогой мой, возьми меня! Прижми к своей груди! И она приподняла свою одежду, и он увидел всю прелесть ее тела. И при виде этого тела гурии Гассан почувствовал непреодолимое желание! Он начал раздеваться и сбросил с себя широкие шальвары, потом он снял свой красивый тюрбан, и на нем не осталось ничего, кроме тонкой вышитой золотом рубашки и нижних шальвар из голубого шелка. И Гассан бросился к дочери визиря, тянувшейся

к нему всем существом, и они обнялись и слились в тесном объятии. И он насладился ее юными прелестями и лишил ее невинности, и без сомнения с этой ночи дочь визиря понесла. И Гассан долго ласкал свою жену и осторожно положил свою руку под ее голову, и она тоже обвила его своими руками, и оба они лежали, крепко обнявшись, и прежде чем ими овладел сон, произнесли следующие стихи:

О не страшись, и пусть твое копье
Предмет любви пронзает торжествуя.
Аллах не создал зрелища прекрасней,
Чем два влюбленных, что на ложе страсти
В объятьи тесном радостно слились.

Что же касается джина, то он отыскал джинию, и они отправились полюбоваться молодыми людьми, которые спали обнявшись. И джин сказал своей подруге: – Теперь твоя очередь доставить этого юношу на кладбище в Басре; не следует, чтобы его застали здесь! И джиния взвалила Гассана себе на плечи и улетела с ним, а рядом с нею летел джин. И во время полета джин предался похотливым мыслям и вздумал изнасиловать джинию, в то время как она летела со своей прекрасной ношей. Впрочем, Аллах послал против эфрита своих ангелов, и они направили на него падучую звезду, которая сожгла его. Так джиния и Гассан избавились от эфрита, который погубил бы обоих, потому что эфриты ужасны в своих проявлениях любви! И джиния, не в силах лететь далее, спустилась на землю к воротам города Дамаска, осторожно положила Гассана на землю и затем улетела.

На рассвете, когда открылись городские ворота, выходившие из них люди были поражены, увидав красивого юношу, спавшего на земле в одной рубашке, без нижних шальвар. И они говорили, глядя на него: – Вероятно, бедняга выпил больше, чем может пить! И, возвращаясь домой, он нашел городские ворота запертыми и уснул на голой земле. И в это время утренний ветерок приподнял рубашку Гассана, и все увидели его чистое, как кристалл, тело и его стройные члены. И при виде такой красоты все пришли в неописанный восторг. В эту минуту Гассан проснулся и увидел себя у ворот незнакомого города и толпу людей вокруг себя. И он удивился до пределов изумления и сказал: – Где я, скажите, о добрые люди? И что случилось? И ему отвечали: – Разве ты не знаешь, что ты у ворот Дамаска? Где же ты провел эту ночь и почему ты раздет? И Гассан отвечал: – Ради Аллаха, не смейтесь! Я провел ночь в Каире, а вы говорите, что я в Дамаске! Тогда все рассмеялись, и один из толпы воскликнул: – О это большой любитель гашиша! А другой сказал: – Это сумасшедший! А иные говорили: – Ну, разве не досадно, что такой красивый юноша лишился рассудка! Тогда Гассан сказал: – Я прекрасно знаю, что говорю. И знайте еще, что я провел в Каире этой ночью много приятных минут с новобрачной! При этих словах все убедились в его безумии, и один из толпы воскликнул: – И кто была эта счастливица – гурия или распутница? И Гассан нетерпеливо воскликнул: – Это была гурия! И обнимал я ее не во сне, а наяву, заняв место безобразного горбуна. Потом он стал припоминать все случившееся с ним и стал искать вокруг себя свою одежду. И все подмигивали друг другу, как бы говоря: – Он совершенно помешан! А бедный Гассан должен был войти в город раздетым, и за ним следовала толпа ребят и народ говорил: – Это сумасшедший!

И бедный Гассан не знал, куда спрятаться, но Аллах, желая спасти его от толпы, направил его шаги к лавке

пирожника. И Гассан бросился в открытую дверь и спрятался в ней. Когда же пирожник увидел Гассана, он залюбовался его красотой и сказал: – О милый мальчик, скажи, кто ты и откуда ты пришел? И Гассан рассказал ему всю свою историю от начала и до конца. И пирожник удивился до пределов изумления и сказал: – О повелитель мой, твой рассказ достоин удивления, но советую тебе не говорить о твоих приключениях, потому что опасно доверяться людям. Предлагаю тебе оставаться в моей лавке до тех пор, пока Аллаху угодно будет прекратить испытания, которые Он ниспослал тебе. У меня нет детей, и ты осчастливишь меня, если позволишь мне усыновить тебя! И Гассан отвечал ему: – Да исполнится твое желание! И пирожник отправился на рынок, и купил великолепную одежду, и облек в нее Гассана. Потом он отправился с ним к кади и в присутствии свидетелей усыновил его. И Гассан остался в лавке пирожника. Он продавал покупателям пирожные и баночки с вареньем, и фарфоровые чашечки с разными сластями, которыми так славится Дамаск. И красота приемного сына пирожника скоро стала известна во всем Дамаске, и его кондитерская стала привлекать столько покупателей, что сделалась самой богатой из всех кондитерских Дамаска.

Что касается новобрачной, дочери визиря Шамзеддина, то, проснувшись на другой день после брачной ночи, она увидела, что рядом с нею нет прекрасного Гассана. Тогда она подумала, что он отправился в кабинет удобств, и стала ждать его возвращения.

Между тем визирь Шамзеддин, ее отец, пришел узнать, как чувствует себя его дочь. И он был очень расстроен таким решением султана. И он возмущался в душе его несправедливостью; ибо он заставил его выдать прекрасную Сетт-эль-Госн за безобразного конюха-горбуна. И прежде чем войти к своей дочери, он сказал себе: – Если я узнаю, что моя дочь отдалась этому отвратительному горбуну, я, наверное, убью ее! И он постучал в дверь спальни, вошел в нее и увидел, что дочь его была прекраснее, чем когда-либо, и лицо ее сияло, и душа ликовала после упоительных ласк красивого юноши. И увидев радость своей дочери, отец сказал ей: – О бесстыдница, как ты смеешь показывать мне такое радостное лицо после того, как ты спала с этим отвратительным горбуном? При этих словах его дочь лукаво улыбнулась и сказала: – Ради Аллаха, отец мой, прекрати эти шутки! Довольно с меня, что я была посмешищем всех приглашенных, дразнивших меня этим противным горбуном, который не стоит кончика ногтя моего настоящего супруга этой ночи! В каком блаженстве провела я ее в объятиях моего милого! О незабываемая ночь! При этих словах визирь рассвирепел и воскликнул: – О горе нам! Неужели горбун не спал с тобою? И она отвечала: – Ради Аллаха, не говори мне больше о нем! Теперь я знаю, что ты придумал эту шутку, чтобы избавить меня от дурного глаза! И она описала все подробности свадебного пира и этой ночи. И тогда визирь воскликнул: – О дочь моя, о ком говоришь ты? Где этот молодой человек, которого ты называешь мужем? И его дочь отвечала: – Наверное, он ушел в кабинет удобств! Тогда встревоженный визирь побежал в кабинет удобств и там увидел горбуна, погруженным головой в отверстие и с торчащими вверх ногами. И визирь страшно изумился и воскликнул: – Что я вижу? Не ты ли это, горбун? Но горбун не отвечал, воображая, что с ним говорит джин...

В эту минуту Шахразада увидела приближение утра и скромно умолкла. И когда наступила двадцать вторая ночь, она сказала:

ночь двадцать вторая

Слышала я однажды, о счастливый царь, что Джафар продолжал свой рассказ перед халифом Гарун-аль-Рашидом такими словами: – Запуганный горбун, думая, что с ним говорит джин, боялся вымолвить слово. Тогда визирь закричал: – Отвечай сейчас, или я отрублю тебе голову! И горбун отвечал на это из глубины отверстия: – О сжалься начальник эфритов! Клянусь, что я всю ночь оставался здесь, повинуясь твоему приказанию. При этих словах визирь совершенно растерялся и воскликнул: – Но я совсем не эфрит, а отец новобрачной! Тогда горбун вздохнул и сказал: – Если это ты, то беги скорее, чтобы тебя не застал тут страшный эфрит! И я не желаю видеть тебя, ибо ты был причиною моего несчастия! Да будешь проклят ты и твоя дочь! Тогда визирь сказал ему: – Вылезай поскорей, чтобы я мог разобрать, что было с тобою! Но горбун отвечал: – Я не настолько еще лишился рассудка, чтобы двинуться отсюда до восхода солнца без дозволения эфрита! Скажи мне только, скоро ли взойдет солнце? И визирь, изумляясь все более, сказал: – Что это за эфрит, о котором ты говоришь? И горбун рассказал ему, как к нему явился эфрит под образами крысы, кошки, собаки, осла и буйвола и как он втиснул его в это отверстие и приказал не шевелиться до утра. Тогда визирь подошел к нему и вытащил из отверстия. И горбун, дрожа от страха, что эфрит может опять явиться, пустился бежать, не оглядываясь назад. И, прибежав во дворец к султану, он рассказал ему обо всем, что произошло у него с эфритом.

Что касается визиря Шамзеддина, то он точно помешанный вернулся к своей дочери, и она сказала ему: – Знай, отец мой, что этот прелестный юноша, которого чествовали на свадебном пиру, насладился моей девственностью и, без сомнения, у меня будет ребенок от него! Взгляни сюда: вот на стуле его тюрбан, а вот на диване его шальвары. Тогда визирь взял тюрбан Гассана и воскликнул: – Это такой же тюрбан, какие носят визири в Басре! Потом он развернул материю и нашел зашитое под нею письмо, а осмотрев шальвары, он нашел в них кошелек с динариями. В кошельке был еще клочок бумаги с распиской, и когда Шамзеддин прочитал ее, из груди его вырвался громкий крик, и он поспешил открыть письмо, найденное в тюрбане, и узнал почерк своего брата. Тогда он стал плакать и убиваться, а потом сказал дочери: – Знаешь ли ты, кому отдалась этой ночью? Это мой племянник, сын твоего дяди Нуреддина! И эта тысяча динариев – выкуп за тебя! Да будет благословен Аллах Всевышний! Потом визирь еще раз прочитал завещание брата и нашел в нем всю историю Нуреддина и сына его Гассана. И он был крайне изумлен, когда сопоставил числа, данные его братом, с числами своего бракосочетания в Каире и рождения своей дочери. И он отметил полное совпадение этих чисел! И он пришел в такое изумление, что поспешил к султану и рассказал ему всю эту историю.

И султан изумился до пределов изумления и приказал записать эту удивительную историю и отдать ее на хранение в архивы. Что касается визиря Шамзеддина, то он начал ждать возвращения молодого Гассана. Но вскоре он убедился, что тот исчез неизвестно куда. Тогда он сказал себе: – Клянусь Аллахом, это самое необычайное происшествие!

Дойдя до этого места, Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла, не желая утомлять долее султана Шахрияра. И когда наступила двадцать третья ночь, она сказала:

ночь двадцать третья

Убедившись, что племянник его Гассан исчез, визирь Шамзеддин поднял его тюрбан, шальвары, платье и кошелек и спрятал их в надежное место. Что же до его дочери, то она забеременела после первой брачной ночи и по истечении девяти месяцев произвела на свет мальчика, прекрасного, как луна, и совершенно походившего на своего отца: такого же красивого, и такого же обаятельного, и такого же совершенного! И за его удивительную красоту мальчика назвали Аджиб*. Когда же он достиг возраста семи лет, визирь Шамзеддин отправил его в школу известного учителя. И каждый день в течение пяти лет Аджиб в сопровождении негра отправлялся в школу и возвращался вечером домой. И за это время он сделался ненавистен своим школьным товарищам, которых он постоянно бил и бранил, говоря при этом: – Кто из вас может сравниться со мною? Я сын визиря Египта! Наконец, все школьники пожаловались школьному учителю на дурное обращение Аджиба. И он сказал им: – Я научу, что нужно сказать, чтобы Аджиб не возвращался больше в нашу школу. Завтра окружите его и скажите: – Мы придумали забавную игру! В ней может принять участие тот, кто громко произнесет имя своего отца и своей матери!

И вот утром дети окружили Аджиба и сказали, как посоветовал им учитель. И они стали выкрикивать имена своих матерей и отцов. И когда пришла очередь Аджиба, он произнес высокомерно: – Я Аджиб! А моя мать – Сетт-эль-Госн**! А отец мой – Шамзеддин, визирь Египта! Тогда дети закричали: – Нет, визирь не твой отец! И дети стали хихикать и, повернувшись к нему спиною, закричали: – Убирайся! Ты не знаешь имени своего отца! Шамзеддин не отец тебе, а дед! Ты не можешь играть с нами! И Аджиб готов был разрыдаться. Но учитель подошел к нему и сказал: – Как, Аджиб, неужели же ты не знаешь, что визирь не отец твой, а дед, отец твоей матери? Что же до твоего отца, то никто не знает, кто он. Ибо султан выдал замуж твою мать за горбуна, но в ночь его свадьбы джины заперли его и овладели твоей матерью. Услыхав эти слова, Аджиб побежал к своей матери, и рыдания душили его, и он спросил: – Скажи мне, кто мой отец? И та отвечала: – Разве ты не знаешь, что отец твой – визирь Египта? Но Аджиб сказал ей со слезами: – О нет, визирь не

* *Аджиб* – с арабского переводится как «чудесный».

** *Сетт-эль-Госн* – владычица красоты.

мой отец! Ты должна сказать мне правду или я сейчас же убью себя кинжалом! Тогда его мать вспомнила о своей свадебной ночи, об удивительной красоте Гассана из Басры и заплакала от волнения. А визирь Шамзеддин услышал крики и плач, встревожился и сказал им: – Дети мои, из-за чего вы плачете? Тогда его дочь рассказала, что произошло у маленького Аджиба с другими детьми в школе. И визирь вспомнил все минувшие несчастия, пронесшиеся над ним, и горько заплакал. И он предстал перед султаном и передал ему всю историю, и просил у него разрешения отправиться в Басру, где он надеялся найти своего племянника Гассана. И еще просил он султана написать ему грамоты, по которым ему дозволено было бы во всех странах производить расследования, необходимые для отыскания и возвращения его племянника. И султан написал необходимые грамоты. Тогда визирь сделал необходимые распоряжения для отъезда; потом он взял с собой свою дочь и маленького Аджиба и отправился в путь.

И ехали они много дней и, наконец, прибыли в Дамаск. И они остановились у самых ворот и раскинули свои палатки, чтобы отдохнуть. А Аджиб, сопровождаемый евнухом Саидом, пошел развлечься в город. Жители Дамаска тотчас же заметили, сколько в нем очарования, и начали сбегаться, чтобы насмотреться на него. Наконец Аджиб и евнух очутились перед лавкой пирожника, и эта лавка была как раз лавка Гассана, отца Аджиба. Старый пирожник умер, и Гассан наследовал его лавку. И Гассан был так очарован красотою маленького Аджиба, что воскликнул: – О юный господин мой, не можешь ли ты сделать мне удовольствие – отведать моих сладостей? Услышав эти слова, Аджиб повернулся к своему рабу и сказал: – Мне кажется, что я напоминаю этому пирожнику его ребенка. Войдем же к нему, чтобы сделать ему удовольствие! И Аджиб вошел вместе с евнухом в лавку. Тогда Гассан взял самую красивую из своих фарфоровых чаш и наполнил ее зернами граната, приправленными сахаром и очищенными миндалями. Он поднес им ее на роскошном медном подносе. И маленький Аджиб после первых же глотков пригласил пирожника сесть, говоря ему: – Ты можешь есть вместе с нами, и Аллах даст нам успех в наших поисках! Тогда Гассан сказал ему: – Ты понес утрату чего-то дорогого? И Аджиб отвечал: – Добрый человек, я ищу своего отца! Мой дед и я выехали из своей земли, чтобы отыскать его. И маленький Аджиб заплакал.

Через некоторое время евнух увел Аджиба, и они пошли обратно к палаткам визиря. А Гассан запер свою лавку, вышел и настиг их раньше, чем они успели выйти из ворот Дамаска. Тогда евнух обернулся и спросил: – Зачем ты следуешь за нами? И Гассан ответил: – Потому, что у меня дело за городом, и я хотел присоединиться к вам, чтобы сделать этот путь сообща. При этих словах евнух закричал: – Он идет по нашим следам с одного места на другое! Но Аджиб пробормотал: – Саид, перестань! Дорога Аллаха открыта для всех мусульман! Потом он прибавил: – Но если он будет следовать за нами до самих палаток, мы прогоним его, ибо негоже было сыну визиря заходить в лавку простого пирожника! Но Аджиб опустил голову и продолжал путь, и евнух шел за ним. И Гассан следовал за ними до того места, где были разбиты их палатки. И тогда Аджиб бросил камень в Гассана и поразил в лоб. И Гассан, чтобы остановить кровь, оторвал лоскут ткани от своего тюрбана и перевязал лоб. Потом он так сказал самому себе: «Я поступил легкомысленно, следуя за этим прекрасным мальчиком». И он вернулся в город и принялся за приготовление пирожных.

Что касается визиря Шамзеддина, то после трехдневного отдыха в Дамаске он направился к Басре. Султан Басры принял его очень любезно и осведомился о цели его приезда. И Шамзеддин рассказал ему всю историю. Султан сказал: – Друг мой, Нуреддин был моим визирем, и он умер пятнадцать лет тому назад! И после него остался сын Гассан; он был моим любимцем, но внезапно исчез, и с тех пор мы ничего не слышали о нем. Но в Басре живет его мать! Узнав об этом, Шамзеддин исполнился радости и сказал султану: – О царь, мне бы хотелось видеть мою невестку! И Шамзеддин отправился к дому своего покойного брата Нуреддина. И он вошел в дом и дошел до комнаты, в которой жила мать Гассана. С тех пор как скрылся ее сын, она удалилась в эту комнату, проводя дни и ночи в слезах и молитве. Шамзеддин с глубочайшим почтением поклонился своей невестке и сообщил ей, что он брат ее мужа, и рассказал ей всю историю: как сын ее Гассан проспал ночь с его дочерью, и как на другой день исчез, и как его дочь забеременела и родила Аджиба. Потом он добавил: – Аджиб тут со мною! И ты должна считать его своим внуком! И визирь послал за Аджибом, который не замедлил явиться. Тогда бабушка бросилась к нему на шею, заливаясь слезами. И Шамзеддин сказал ей: – О мать, поистине теперь не время предаваться слезам, ибо ты должна отправиться с нами в Египет! И да соединит нас всех Аллах с Гассаном, твоим сыном и моим племянником! И бабушка Аджиба тотчас же собрала необходимые вещи и взяла всех своих слуг в дорогу.

И Шамзеддин двинулся в путь с обеими дамами и Аджибом в сопровождении свиты. Они вернулись в Дамаск, разбили палатки, и визирь сказал: – Мы пробудем тут неделю, чтобы накупить подарков, достойных египетского султана. И Аджиб сказал евнуху: – Пойдем на базар и узнаем, что сталось с пирожником, которому я чуть не пробил голову. И они ходили по базарам, пока не очутились перед кондитерской. В эту самую минуту Гассан приготовлял пирожное, и Аджиб увидел на его лбу след от удара камнем. Тогда он сказал: – Мир с тобою, о пирожник! Меня привело сюда желание узнать что-нибудь о тебе. И как только Гассан увидел мальчика, сердце его забилось, и он сказал: – О мои господа, отведайте этого блюда! Но Аджиб отвечал ему: – Клянусь Аллахом, я не войду к тебе в лавку, пока ты не поклянешься, что не последуешь за нами! Тогда Гассан воскликнул: – Клянусь в этом перед вами обоими! Тогда Аджиб и евнух вошли в лавку, и Бадреддин предложил им фарфоровую чашу, наполненную блюдом из зерен граната. И Аджиб сказал ему: – Садись и кушай с нами! И, быть может, Аллах увенчает успехом наши розыски! Гассан исполнился радости и сел против них, но не мог оторвать глаз от Аджиба. Тогда Аджиб сказал: – Перестань же рассматривать меня с таким упорством!

На эти слова Бадреддин отвечал следующими строфами:

Глубоко в сердце от тебя скрываю
Одну я тайну, мысль одну свою,
Что передать словами не могу я!

Они наелись, поблагодарили пирожника и поспешили уйти. И, придя в стан, Аджиб поцеловал руку у своей бабушки. И бабушка поцеловала его и сказала: – Дитя мое, скажи, где ты гулял сегодня? Он отвечал: – Я был на базаре Дамаска. И она сказала: – Тогда ты проголодался! И она принесла ему фарфоровую чашку, наполненную смесью из зерен граната с сахаром и миндалем, готовить которую она обучила своего сына Бадреддина, когда он был еще ребенком. Она сказала

и рабу Саиду: – Ты можешь есть вместе с твоим господином! Аджиб был сыт по горло и сказал: – Это невкусно, бабушка! Тогда она рассердилась и сказала: – Как ты осмеливаешься утверждать, что я плохо готовлю? Во всем мире нет никого, кто мог бы сравниться со мною в искусстве приготовления пирожных, кроме Гассана, твоего отца, который научился у меня. Но Аджиб отвечал ей: – Клянусь Аллахом, бабушка, тут мало сахара. Мы познакомились на базаре с пирожником, который угостил нас тем же блюдом. Но твое изделие нельзя сравнить с ним! При этих словах бабушка исполнилась негодования и сказала евнуху... Но, дойдя до этого места в своем рассказе, Шахразада увидела приближение утра и скромно умолкла. Тогда сестра ее, юная Доньязада, сказала ей: – О сестра, какой прелестный, занимательный рассказ! И Шахразада улыбнулась и сказала: – Да, сестра, продолжение я расскажу вам следующей ночью, если только останусь в живых! И царь сказал в душе своей: «Клянусь Аллахом, я не убью ее, пока не услышу продолжения ее рассказа!» Потом царь Шахрияр и Шахразада провели остаток ночи, наслаждаясь любовью до наступления утра. И когда наступила двадцать четвертая ночь, он пришел к Шахразаде, и, когда он побыл с нею, юная Доньязада сказала: – О сестра, расскажи нам конец восхитительного рассказа о прекрасном Гассане и его жене! И Шахразада улыбнулась и сказала:

ночь двадцать четвертая

Услыхала, о счастливый царь, что бабушка Аджиба рассердилась и сказала евнуху: – О горе, неужели же ты развратил этого мальчика? Как осмелился ты ввести его в лавку пирожника? И евнух перепугался и поспешил отклонить это обвинение, говоря: – Мы не входили в лавку, мы только прошли мимо нее. Но упрямый Аджиб воскликнул: – Клянусь Аллахом, мы ели там пирожные! И он добавил с лукавой улыбкой: – И повторяю тебе, бабушка, они были гораздо лучше тех, которыми ты угостила нас! Тогда бабушка отправилась, ворча, к своему зятю визирю и рассказала о проступке евнуха. И она так сильно восстановила визиря против Саида, что Шамзеддин, который от природы был очень вспыльчив и постоянно кричал на своих людей, тотчас же отправился со своей невесткой в ту палатку, где находились Аджиб и евнух. И визирь закричал: – Саид, входил ты с Аджибом в лавку пироженщика? И евнух, дрожавший от страха, отвечал визирю: – Нет, мы не входили в лавку! Но лукавый Аджиб воскликнул: – Конечно, входили и наелись по горло. Тогда евнух сознался и сказал: – Мы действительно вошли в лавку, и никогда в моей жизни я не ел такого прекрасного пирожного! Бабушка, возмущенная до глубины души, воскликнула: – Наглый лгун! Принеси же нам это чудесное блюдо твоего пирожника, и мы сравним его работу с моей! И бабушка дала евнуху полдинария. Евнух пришел в лавку и сказал пирожнику: – Слушай, мы поспорили с людьми нашего дома, которые тоже

приготовили блюдо из зерен граната. И я пришел купить у тебя этой смеси. Тогда Гассан рассмеялся и сказал: – Нет на свете никого, кто мог бы приготовить эту смесь так, как я, – кроме моей матери. Но она теперь в далеких краях!

Потом Гассан наполнил чашу невольника тщательно приготовленной смесью. И бабушка Аджиба выхватила принесенную евнухом чашу, чтобы попробовать ее содержимое. И как только она поднесла его к своим губам, она вскрикнула и упала. Она узнала руку своего сына Гассана! И она сказала: – Клянусь Аллахом, приготовивший это блюдо – сын мой Гассан Бадреддин! При этих словах визирь воскликнул: – О, наконец-то Аллах Всевышний соединит нас с ним! И он созвал своих слуг и сказал им: – Немедленно отправляйтесь в лавку пирожника Гассана из Басры. Разрушьте ее, а пирожнику свяжите руки и приведите его сюда. Но не причиняйте ему ни малейшего вреда! И визирь вскочил на лошадь, захватив с собой письма египетского султана, и отправился в Дар-эль-Салам, где жил правитель Дамаска. Когда визирь передал письма, правитель спросил его: – Кого же хочешь ты взять в Дамаске? И визирь отвечал: – Только пирожника, торгующего на базаре! И правитель приказал своей страже отправиться на помощь людям визиря.

Что касается Гассана, то он оцепенел от ужаса, увидев вдруг перед собой людей с топорами. Они ворвались в лавку и разрушили ее до основания. Потом они схватили Гассана, связали его, не произнося ни слова, и привели в палатку визиря. И он воскликнул: – О государь, скажи, в чем мое преступление? И визирь спросил его: – Это ты изготовил блюдо из зерен граната? Он отвечал: – Да, государь! И визирь приказал строгим голосом: – Приведите сюда верблюда и принесите большой деревянный ящик. И невольники схватили запуганного Гассана, посадили в ящик, закрыли крышкой и взвалили его на спину верблюду. Потом все двинулись в обратный путь, время от времени останавливаясь, чтобы выпустить на минутку Гассана. И шли они таким образом, пока не прибыли в Каир. Но раньше, чем войти в город, визирь приказал привести к нему Гассана и плотника. И он сказал плотнику: – Сними мерку с этого человека, сооруди позорный столб и прикрепи его к телеге, запряженной парой буйволов! Тогда Гассан воскликнул: – О государь, что же ты хочешь сделать со мною? И визирь отвечал: – Пригвоздить тебя к столбу и ввести в город на посмешище всем жителям! И Гассан спросил: – За какое преступление заслужил я подобное наказание? Тогда Шамзеддин сказал. – За небрежность, с которой ты приготовил блюдо из зерен граната!

И шли они, не останавливаясь, пока не прибыли в Каир, в дом визиря Шамзеддина. И тут визирь решил сказать всю правду своей дочери и своей невестке. И он сказал дочери: – Хвала Аллаху! Нам удалось найти твоего мужа! Иди же, дочь моя, и будь счастлива! И позаботься о том, чтобы мебель и ковры во всем доме были на том самом месте, на котором они находились в ту ночь! И визирь вынул бумагу, на которой он ранее сделал опись всех предметов с точным указанием места, где они находились в день свадьбы. И все было приведено в точно такой же порядок. Потом визирь разложил на прежние места вещи Гассана, а на диван положил кошелек с тысячью золотыми динариями и распиской купца. Письмо он по-прежнему зашил в тюрбан. Потом он велел своей дочери одеться, как в брачную ночь, и приготовиться к посещению своего мужа Гассана. И когда он войдет, сказать ему: «Как ты замешкался в кабинете удобств!» И он советовал ей

быть как можно нежнее с мужем и устроить ему приятную ночь, не пренебрегая милыми разговорами и стихами поэтов.

Потом визирь направился к комнате, в которой помещался ящик со спящим Гассаном. И он велел вытащить и развязать его, сонного, и надел ему только одну тонкую рубашку, как в ночь свадьбы. После этого визирь скрылся, отворив все двери, которые вели в брачную комнату. И когда Гассан проснулся, он остолбенел, увидев себя почти голым в освещенном коридоре, который казался ему знакомым. И вдруг у него остановилось дыхание: он узнал залу, в которой происходило торжество в честь Гассана и в ущерб горбуну! И он сказал себе: «Проснулся я или сплю? И действительно ли сидел я связанный в ящике? И он дошел до дверей брачной комнаты и заглянул в нее. И тогда дочь визиря приподняла края драпировки и сказала: – О дорогой господин мой! Как ты замешкался в кабинете удобств! Иди скорее ко мне! При этих словах бедный Гассан захохотал и воскликнул: – Может быть, я действительно заснул в кабинете удобств и там увидел удивительный сон! Мне снилось, что я был пирожником в Дамаске двенадцать лет! И мне приснился мальчик благородного происхождения, сопровождаемый евнухом! И тут Гассан отер пот со лба и нащупал шрам от удара камнем и воскликнул: – Нет! То был не сон! Вот же шрам от удара камнем, брошенным этим мальчиком! Могло ли все это быть во сне? И Гассан рассказал своей жене всю историю, прибавив: – И я был бы распят, если бы сон не прервался вовремя! И жена спросила его: – За что же хотели тебя распять? И он отвечал ей: – За то, что я положил слишком мало ароматов в блюдо из зерен граната! Тогда дочь визиря вскочила и бросилась на шею к Гассану. Но он не смел даже пошевелиться и воскликнул: – Нет! Все это только сон! И бедный Гассан, перенесенный супругой на ложе, погрузился в тяжелый сон.

К утру мысли Гассана успокоились, и, проснувшись, он увидел в ногах постели своего дядю, визиря Шамзеддина. И Гассан спросил его: – Ради Аллаха, разве не ты приказал связать меня по причине недостаточного количества ароматов в блюде из гранатовых зерен? Тогда визирь Шамзеддин, не находя более оснований молчать, сказал: – О дитя мое, знай, что ты мой племянник, сын моего покойного брата Нуреддина, визиря Басры! Я должен был убедиться, что именно ты взошел на ложе моей дочери в первый день ее брака. И это доказательство я получил, увидев, что ты узнаешь этот дом и свои вещи! Прости меня! Ведь я же никогда не видел тебя, ты же родился в Басре. Все это произошло из-за размолвки, случившейся между твоим отцом, моим братом Нуреддином, и мною! И визирь рассказал ему всю историю и потом прибавил: – Что же касается твоей матери, то я привез ее из Басры, и ты можешь видеть ее, а также твоего сына Аджиба – плод твоего брака с его матерью! И тут вошел Аджиб, который бросился на шею к своему отцу. И мать Бадреддина вошла и упала на руки сына, потеряв от радости сознание. И они рассказали друг другу свои истории. И потом все возблагодарили Аллаха, и жили долго, и оставили много детей, которые были прекрасны, как луна и солнце.

Такова была, о счастливый царь, – сказала Шахразада, – удивительная история, которую визирь Джафар рассказал халифу Гаруну-аль-Рашиду! Но, – продолжала Шахразада, – не думай, что эта история так же удивительна, как та, которую я приготовилась рассказать тебе, если только ты не испытываешь утомления! И царь Шахрияр сказал: – Что же это за история?

Рассказ о том, что случилось с горбуном у портного, у врача-еврея, у поставщика двора султана и у купца-христианина, и их приключения, рассказанные ими самими

Тогда Шахразада начала рассказывать следующее: – До меня дошло, что в древности в одном из городов Китая жил портной, совершенно довольный своим положением. И он имел привычку время от времени выходить со своей женой прогуляться. И вот однажды во время прогулки они встретили горбуна такой смешной наружности, что один вид его мог бы возбудить смех у самого опечаленного человека. Их так позабавили его шутки, что они пригласили его быть их гостем в эту ночь. И горбун пришел вместе с ними в их дом. И жена портного, желая пошутить, взяла за ужином большой кусок рыбы, положила его в рот горбуну, зажала его рукою и сказала: – Ты должен одним глотком проглотить этот кусок, иначе я не отпущу тебя. Но, к несчастию, в том куске оказалась толстая кость. Горбун подавился ею и умер в ту же минуту. На этом месте Шахразада заметила приближение утра и остановилась. И царь Шахрияр сказал в свой душе: «Клянусь Аллахом! Я не убью ее, пока не услышу окончания этой истории». И когда наступила двадцать пятая ночь, Доньязада сказала Шахразаде: О сестра моя, расскажи нам, пожалуйста, продолжение истории о горбуне с портным и его женой! И Шахразада сказала:

счастливый царь, до меня дошло, что портной, увидев горбуна мертвым, вскричал: – Какое несчастие! Но жена его сказала: – Вставай! Мы вынесем тело, прикрыв его платком. И ты должен кричать: «Это мое дитя! Мы ищем врача!» Портной взял горбуна на руки и вышел из дому. И жена его не переставала вопить: – О, бедное дитя мое! Это проклятая оспа!

Наконец, они дошли до дома врача-еврея. На стук вышла негритянка, и жена портного сказала ей: – Мы желаем показать больного врачу. Возьми четверть динария и отдай в задаток твоему господину. Когда служанка ушла, жена сказала мужу: – Клади тело горбуна и поспешим убраться. Портной пристроил горбуна на лестнице и поторопился выйти. А негритянка сказала врачу-еврею: – Внизу дали за больного четверть динария. Врач-еврей обрадовался, но, спускаясь вниз без светильника, споткнулся о горбуна и покатился с ним по лестнице. Видя, что он мертв, врач подумал, что стал причиной его смерти. Он побежал к жене и открыл ей все случившееся. И жена его вскричала: – Подбросим его к нашему соседу мусульманину. Он поставщик кухни султана. Дом его наводнен крысами, кошками и собаками, которые расхищают припасы. Они съедят тело покойника, и так он исчезнет. Тогда врач и его жена взяли горбуна, спустили с крыши в дом поставщика и прислонили к стене кухни.

Через некоторое время поставщик возвратился домой и, заметив кого-то, стоящего у стены кухни, вскричал: – Теперь я вижу, что похититель моих припасов – человек, а не животные! И он схватил дубину и ударил ею человека в грудь. Но человек не пошевелился, и, рассмотрев его, он увидел, что это мертвый горбун. И поставщик сказал: – Недовольно было тебе оставаться просто горбуном? Но ты захотел еще воровать мясо и сало из моих припасов! И он взвалил горбуна на плечи и пошел к рынку. Там он остановился, прислонил горбуна к углу лавочки на повороте улицы и ушел.

Немного спустя мимо этого места проходил христианин, маклер султана. В этот вечер он был пьян и шел, делая зигзаги и, наконец, очутился рядом с горбуном, не замечая его. Он остановился возле него за своей нуждой и тут неожиданно увидел его. И он вообразил, что это вор, и тогда христианин изо всей силы ударил его по затылку и повалил на землю. И он осыпал его сильными ударами и принялся лупить, сжимая его шею обеими руками. В эту минуту христианина увидел базарный сторож, и он вскричал: – Оставь этого человека! Когда же сторож приблизился к распростертому на земле горбуну, он увидел, что тот мертв. И он вскричал: – О! Еще никогда не видал я, чтобы христианин коснулся мусульманина и убил его! И сторож схватил христианина, связал его и привел в дом вали*. А христианин причитал: – О Мессия! Как я мог убить этого человека! И как это он так скоро умер от одного только удара кулаком!

И вали допросил христианина, который не отрицал, что было доложено сторожем. И вали приговорил к смерти христианина, который убил мусульманина. Потом он приказал поставить виселицу и подвести под нее приговоренного. И палач взял веревку, сделал из нее петлю и накинул ее на шею маклера, как вдруг поставщик султана прорвался сквозь толпу и закричал палачу: – Остановись! Это я убил того человека! И он рассказал, как ударил в грудь палкой вора, который

* *Вали* – наместник провинции в администрации исламских стран.

Gwen Carné

забрался к нему в дом, чтобы воровать припасы. И когда вали услышал эти слова поставщика, он приказал отпустить христианина и сказал палачу: – Повесь этого человека, который сознался во всем собственными устами! Тогда палач взял веревку и обернул ею шею поставщика, и приготовился уже вздернуть его, как в эту минуту врач-еврей закричал палачу: – Остановись! Это я убил его! И он рассказал все случившееся с ним. И тогда вали приговорил к смерти врача-еврея. И палач надел на его шею веревку и собрался уже было исполнить приговор, как вдруг сквозь толпу протолкался портной, который сказал палачу: – Остановись! Это я убил его! Вот как было дело! И он рассказал все случившееся с ним. Выслушав рассказ портного, вали чрезвычайно изумился и сказал: – Поистине эта история с горбуном заслуживает внесения в летописи! И он приказал палачу отпустить еврея и повесить портного, который сознался в своей вине. Тогда палач подвел портного к виселице, надел ему на шею веревку и сказал: – Это – в последний раз! И теперь я не обменяю его ни на кого другого!

Что же касается горбуна, то он был любимым шутом султана. И вот горбун напился, скрылся из дворца и отсутствовал всю ночь. И когда утром султан позвал его, ему сказали: – Государь, горбун мертв, и когда вали велел подвести убийцу к виселице, вдруг явился какой-то другой человек, потом третий, и каждый из них говорил: – Это я убил горбуна! И каждый из них рассказывал вали подробности этого убийства. Когда султан услышал эти слова, он позвал одного из своих придворных и сказал ему: – Беги скорей к вали и скажи ему, чтобы он тотчас же привел всех ко мне! И придворный прибежал к виселице в ту самую минуту, когда палач уже готовился казнить портного. И придворный закричал: – Остановись! И сказал вали, что вся эта история с горбуном доведена до ушей царя. И он увел к царю вали, портного, врача-еврея, маклера-христианина и поставщика, прихватив с собою и тело горбуна.

И царь, услышав истории каждого, очень развеселился и приказал писцам записать их золотыми чернилами. И в заключение он спросил присутствующих: – Слышал ли когда-нибудь кто-нибудь из вас историю, которая может сравниться с этой? Тогда маклер-христианин поднялся, поцеловал землю между руками царя и сказал: – О царь веков, я знаю историю более удивительную, чем приключение с горбуном! Если позволишь, я расскажу ее тебе. И царь сказал: – Хорошо! Рассказывай! Тогда маклер-христианин начал такими словами:

РАССКАЗ МАКЛЕРА-ХРИСТИАНИНА

Знай, о царь времен, что я копт и прибыл в эту страну ради торговых дел. Я рожден в Каире, где получил свое воспитание, и там же отец мой был маклером до меня. Когда он умер, я занял его место маклера, поскольку у меня были дарования для этого занятия. И вот в одно утро я сидел у ворот кагана торговцев семенем, и я увидал, что мимо едет красивый молодой человек, одетый в роскошные одежды, верхом на осле, на котором было великолепное красное седло. И молодой человек поклонился мне и вытащил платок, в котором было завернуто небольшое количество сезамового семени для образца, и сказал

мне: – Сколько стоит ардеб* этого сорта сезамового семени? И я отвечал: – По крайней мере сто драхм! И он сказал мне: – В таком случае возьми с собою людей, которые меряют семя, и иди прямо в каган Аль-Гауали: там ты найдешь меня. И он удалился, передав мне платок с образцом сезамового семени.

Тогда я стал обходить торговцев, покупающих семя, и показывал им образец. И торговцы оценили его в сто двадцать драхм за ардеб. Тогда я взял с собой четырех мерщиков и отыскал молодого человека, который дожидался меня в кагане. Он провел меня к амбару с семенем, и мерщики начали мерить семя, которого оказалось до пятидесяти мер. И молодой человек сказал мне: – Ты получишь на свою долю куртаж в десять драхм с каждого ардеба, проданного за сто драхм. И ты получишь и для меня все деньги и сбережешь их, пока я их не потребую. И так как вся стоимость достигает пяти тысяч драхм, ты удержишь в свою пользу пятьсот драхм. И лишь только я окончу свои дела, я приду и потребую у тебя свои деньги. Тогда я отвечал ему: – Да будет по твоему желанию! И в тот день я заработал тысячу драхм: пятьсот от продавца и пятьсот от покупателей. Что касается молодого человека, то он пришел в конце месяца и сказал мне: – Где мои драхмы? И я отвечал ему: – Вот они, приготовлены в этом мешке. Но он сказал мне: – Подержи их еще, пока я не приду опять потребовать их. И он ушел, и, возвратившись через месяц, сказал мне: – Где мои драхмы? Тогда я поклонился ему и сказал: – Вот они! А он ответил: – Прошу тебя подержать их, пока я не возвращусь опять, окончив весьма нужные дела. И я держал деньги наготове, говоря себе: – Как этот юноша полон доверия! С тех пор как я стал маклером, я не видел подобного доверия.

И он опять пришел ко мне; как всегда, он был верхом на осле и в роскошных одеждах, и он был хорош, как полная луна. И я поцеловал у него руки и призвал на него все благословения Аллаха и сказал ему: – О господин мой, надеюсь, что на этот раз ты потребуешь свои деньги! И он отвечал мне: – Потерпи еще немножко, когда я окончу свои дела, я приду опять спросить у тебя мои деньги. И я сказал в моей душе: «Клянусь Аллахом! Когда он возвратится, я угощу его с большой щедростью, так как его деньги принесли мне большой доход». Истек год, и в конце его он явился опять; и он был одет в одежды еще более роскошные, чем прежние. Тогда я начал с жаром умолять его быть моим гостем. И он отвечал мне: – Хорошо, но с условием, что ты не вычтешь издержек из тех денег, которые находятся у тебя! И я сказал ему: – Конечно, от всего сердца! И я провел его в мой дом и разложил всевозможную еду и напитки на скатерти. И он протянул свою левую руку и начал кушать этой левой рукой. Тогда я был чрезвычайно поражен и не знал, что об этом подумать. И тогда я сказал ему: – О господин мой, почему ты ел левой рукой? Не было ли у тебя случайно какого-либо прискорбного несчастия с твоей правой рукой? На эти слова молодой человек ответил мне следующими строфами:

Не спрашивай меня о всех моих страданьях,
О тяжких муках, душу истерзавших,
Они – свидетели бессилья моего.

Потом он вынул правую руку из верхней одежды, и я увидел, что она у него отрезана. И он сказал мне: – Причина этого весьма необыкновенна! Знай, что я из Багдада, и мой отец был одним из значительных лиц в городе. И я слышал у моего отца рассказы о странах Египта от

* *Ардеб* – хлебная мера в Египте, Сирии и Абиссинии.

путешественников, паломников и купцов. И я втайне повторял их себе, пока не умер мой отец. И тогда я взял много денег, накупил большое количество товаров, уложил их в тюки и выехал из Багдада. И так как у Аллаха было написано, что я должен прибыть здравым и невредимым к месту своего назначения, то я благополучно приехал в Каир. И я направился к кагану Серур, и разгрузил верблюдов в помещение, которое я позаботился нанять, и лег спать. Утром я развязал один тюк с тканями, взвалил их на плечи одного из моих слуг и пошел с ним на базар к главному месту торговых сделок. Лишь только я появился, все маклеры окружили меня; я передал им ткани, и они отправились предлагать их главнейшим торговцам базара. И они возвратились и сказали мне, что цены, которые предлагают за мои товары, не покрывают моих издержек. И главный маклер сказал мне: – Чтобы получить хоть какой-нибудь барыш, ты должен в присутствии свидетелей продать по мелочам твои товары лавочникам на определенные сроки. И после ты в каждый понедельник будешь требовать от них деньги, которые будут выручены ими. И каждая драхма принесет тебе две драхмы и даже более. Кроме того, у тебя будет достаточно досуга, чтобы познакомиться с Каиром. И я продал в присутствии свидетелей все свои товары по мелочам купцам и спокойно зажил, не отказывая себе ни в каких удовольствиях. Каждое утро я завтракал с чашей вина, и у меня всегда было мясо ягненка, сласти и варенья. И начиная с первой же недели этого месяца я начал требовать свои деньги; каждый понедельник меняла обходил купцов, требовал мои деньги и приносил их мне.

И вот в одно утро я вышел из гамама, где я принял ванну, позавтракал цыпленком и выпил несколько кубков вина, и затем надушился разными ароматическими эссенциями, и уселся в лавке одного торговца тканями. Он встретил меня очень радушно, и мы начали разговаривать. И в то время как мы беседовали, в лавку зашла женщина купить тканей и села на скамеечку рядом со мной. И повязка на ее голове немного отодвинулась, пропуская нежнейшее благоухание. И я потерял рассудок, лишь только увидел черные зрачки ее глаз! И она приветствовала торговца, который вступил с ней в разговор, показывая различные ткани. А я, слушая ее голос, сладостный и полный очарования, почувствовал, как в моем сердце укрепляется любовь. И она сказала торговцу: – Нет ли у тебя куска шелка, затканного нитками из чистого золота? Мне надо сделать себе платье. И когда торговец нашел такой шелк, женщина сказала: – Ты можешь, как обыкновенно, отдать его мне сейчас, и я, придя домой, пришлю тебе его стоимость. Но торговец ответил: – На этот раз я не могу этого сделать, ибо эта ткань не моя, а этого купца, и я обязался рассчитаться с ним именно сегодня.

Тогда она рассердилась, схватила кусок ткани, швырнула торговцу и сказала: – Все вы одинаковы! Вы никому не можете оказать почтение! И после она повернулась спиною, чтобы выйти из лавки. И я почувствовал, что моя душа уходит вместе с нею, и я поспешно сказал ей: – О госпожа моя! Окажи мне любезность – великодушно обрати назад твои шаги! Тогда она возвратилась назад и сказала: – Я согласна опять войти единственно только для тебя! Тогда я сказал торговцу: – Сколько стоит этот кусок шелка? И он отвечал мне: – Тысячу сто драхм! Тогда я сказал ему: – Я даю тебе кроме этого еще сто драхм барыша. И я передал кусок шелка даме и сказал: – Возьми его! Ты заплатишь мне, когда только пожелаешь. И я прошу тебя, окажи мне такую милость, покажи мне твое лицо, которое скрыто от меня! Тогда она отбросила ткань, которая закрывала у нее

нижнюю часть лица, и, когда я увидел ее лицо, я пришел в крайнее волнение, и любовь в моем сердце укрепилась, и рассудок мой помутился. Но она поспешила опустить свое покрывало, взяла кусок ткани и сказала мне: – О господин мой, я хотела бы, чтобы наша разлука не была слишком продолжительна, иначе я умру от тоски! И после этого она удалилась, а я остался с торговцем на базаре до конца дня.

И я как будто потерял рассудок и чувства, находясь во власти безумия от этой неожиданной страсти. И сила этого чувства заставила меня спросить у купца о личности этой дамы. И он сказал мне: – Это очень богатая дама. Отец ее был эмир; он умер и оставил ей много имущества и денег. Тогда я ушел из лавки и лег спать, но сон не приходил ко мне, и так я провел всю ночь, бодрствуя до утра. И тогда я встал, оделся в платье, еще более красивое, чем то, которое было на мне накануне, слегка закусил и направился к лавке торговца, и уселся в ней. И вскоре я увидел молодую девушку, и ее сопровождал раб. Она поклонилась и приятным голосом сказала мне: – Пошли кого-нибудь со мною, чтобы взять тысячу двести драхм в уплату за кусок шелка. И я отвечал ей: – К чему такая поспешность? И мы принялись беседовать, и вдруг я набрался смелости и объяснил ей знаками всю глубину моей любви к ее госпоже. Тогда она быстро удалилась, для соблюдения приличий сказав мне несколько слов на прощание. А я не в силах был более сдерживать себя, и вышел из лавки, и пошел вслед за нею. Когда мы дошли до улицы Менял, я увидел ее госпожу. Заметив меня, она подошла ко мне и сказала: – О знай, что ты овладел моими мыслями и наполнил любовью мое сердце. С той минуты, как я увидала тебя, я не знаю сна и не могу ни есть, ни пить! И я отвечал ей: – Я так же! И она сказала мне: – О дорогой, скажи, должна ли я прийти к тебе, или ты придешь в мой дом? И я сказал ей: – Я чужестранец и живу в кагане. И если ты допустишь меня в свой дом, я буду счастлив! И она отвечала мне: – Завтра я буду ждать тебя.

На рассвете я взял пятьдесят золотых динариев, нанял осла, и его погонщик довез меня до указанного дамой дома; я дал ему четверть динария и сказал: – Завтра утром ты вернешься сюда за мною. И я постучал, и отворившие двери девочки сказали мне: – Наша госпожа ожидает тебя с нетерпением. И я вошел в великолепное здание, окруженное большим садом. И не успел я войти... Но, дойдя до этого места, Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила двадцать шестая ночь, она сказала:

ночь двадцать шестая

О меня дошло, о счастливый царь, что купец продолжал свой рассказ копту-маклеру из Каира, который в свою очередь пересказывал его султану, царившему в этом городе Китая: – И я увидел, что ко мне приближается молодая дама, вся убранная жемчугом и драгоценными камнями. И она прильнула губами к моим губам, и я был совершенно смущен этим приемом и сидел с опущенной головой. И нам были поданы разные

блюда, потом мы занялись беседой и расточали тысячи ласк до самой ночи. И после обильного ужина мы легли спать, и никогда в моей жизни не было у меня такой ночи, как эта ночь!

Наутро я подсунул под подушку кошелек с пятьюдесятью золотыми и собрался уйти. Но дама заплакала и сказала мне: – О господин мой, когда же я опять увижу твое прекрасное лицо? И я сказал ей: – Я возвращусь сюда сегодня вечером. И я приходил в ее дом много дней, оставляя каждый раз по пятьдесят золотых, пока я совершенно не разорился. И я не знал, что делать. Тогда я решил пройтись и смешался с толпой, и по воле рока увидел возле себя хорошо одетого всадника. Против моей воли я был прижат к нему, и я почувствовал в его кармане маленький круглый сверток. Я просунул руку в карман и вытащил его. И тогда всадник в гневе повернулся ко мне, ударил меня своей булавой и воскликнул: – Этот человек – вор! И я услышал, как в толпе говорили: – Такой красивый и знатный юноша не может воровать! И в это время появился вали и спросил: – Что здесь случилось? И всадник отвечал: – Клянусь Аллахом, этот человек – вор! У меня был в кармане кошелек с двадцатью золотыми динариями, и он похитил его у меня. Тогда вали подозвал начальника полиции и сказал ему: – Обыщи этого человека! И он нашел на мне кошелек и в нем двадцать золотых динариев. Тогда вали приказал подвести меня к себе и сказал: – Признаешь ли ты, что этот кошелек украден тобою? И я решился признаться во всем. Тогда вали приказал палачу отрубить мне руку. Люди сжалились надо мною и дали мне выпить стакан вина, потому что я потерял много крови. Что касается всадника, то он подошел ко мне, протянул мне кошелек и сказал: – Ты юноша благородного происхождения, и ремесло вора неприлично для тебя.

И я перевязал себе обрубленную руку платком и спрятал ее в рукав платья. И, не соображая хорошенько, куда иду, я направился к дому моей возлюбленной. Придя к ней, я бросился на кровать, совершенно обессиленный. И она спросила: – Скажи, что с тобою? И почему твое лицо так бледно? И я отвечал ей: – Умоляю тебя, избавь меня от необходимости отвечать на твои вопросы! Тогда она заплакала и сказала: – Ах, я вижу, что я надоела тебе, потому что ты совсем не такой со мною, как обыкновенно. И слезы ее прерывались вздохами, и время от времени она повторяла свои вопросы, на которые я не отвечал ей, и так продолжалось до самой ночи. И когда наступила ночь, нам принесли ужин, но я отказался от еды, потому что стыдился брать пищу левой рукой. И я сказал ей: – Мне совсем не хочется есть. Тогда она сказала мне: – Скажи, что приключилось с тобою, и почему твое сердце и душа в печали? И тогда я, наконец, сказал ей: – Сейчас я расскажу тебе все. И я зарыдал. И при виде моих слез она не могла более сдерживать себя и обвила мою голову своими руками, и воскликнула в порыве отчаяния: – О умоляю тебя, скажи мне, наконец, причину твоих слез! И скажи мне, почему ты взял у меня кубок левой рукой? Тогда я отвечал ей: – У меня на правой руке нарыв. И она сказала мне: – Покажи мне этот нарыв; я открою его, и тебе станет легче. И я отвечал ей: – Теперь не время для подобной операции. И с этими словами я допил вино из кубка, и она опять наполнила его, и я каждый раз осушал его, пока мною не овладело опьянение. Тогда я прилег и уснул. А она воспользовалась моим сном и развязала платок, и увидела, что у меня нет больше руки. И она нашла в моем кармане кошелек с двадцатью золотыми. И она впала в отчаяние, и сердце ее было объято печалью, равной которой еще не бывало на свете.

Когда на другой день я пробудился, то увидел перед собой цыпленка, куриный бульон и прекрасное вино. И я ел и пил; а потом я хотел удалиться. Но она остановила меня и сказала: – Твоя любовь ко мне лишила тебя рассудка и заставила истратить на меня все деньги. И к тому же я догадываюсь, что ты из-за меня лишился своей правой руки. Но я клянусь тебе, что я никогда больше не расстанусь с тобою и не отпущу тебя от себя! И я хочу вступить с тобою в законный брак! И она послала за свидетелями и сказала им: – Напишете наш брачный договор и засвидетельствуйте, что я получила от него брачный выкуп. И все, что есть у меня, с этой минуты переходит в собственность этого молодого человека. И свидетели удостоверили это и, получив вознаграждение, удалились. Тогда дама отперла большой сундук, который стоял в шкафу, и сказала мне: – Знай, что каждый раз, когда ты передавал мне платочек с пятьюдесятью золотыми динариями, я прятала его в этот сундук. Потом она добавила: – Теперь вступи во владение своим имуществом!

И я подчинился ее желанию и получил обратно все деньги, которые давал ей, и печаль моя рассеялась. А она продолжала говорить мне самые нежные слова. Потом она записала на мое имя все свои богатые одежды и драгоценности, и принадлежавшие ей дома, и участки земли; и на все это выдала мне удостоверение, скрепленное собственной ее рукой и в присутствии свидетелей. Но с этого дня она не переставала горевать обо мне, и от изнурения слегла, и по прошествии пятидесяти дней испустила дух. И я сам предал ее земле и исполнил все обряды, не пожалев для этого никаких денег. И вернувшись с кладбища, я пересмотрел все, что получил от нее в дар и в наследство. И я убедился, что она действительно оставила мне много имущества и большие магазины, наполненные сезамовым семенем. И вот это-то семя я и поручил тебе продать, о господин, и ты принял за это скудное вознаграждение, которое значительно ниже твоих заслуг.

Что касается до моих отлучек, то они объясняются тем, что я был вынужден привести в порядок все имущество, завещанное мне женой, и только теперь я справился со своими денежными делами. И вот я прошу тебя не отказываться от вознаграждения, которое я хочу предложить тебе. И ты поистине обяжешь меня, приняв от меня все деньги, которые ты хранил у себя и которые ты выручил от продажи сезамового семени. Такова моя история, и вот почему я теперь всегда ем левой рукой!

Тогда, о могущественный царь, я сказал молодому человеку: – Поистине ты осыпаешь меня своими благодеяниями и милостями! И он отвечал мне: – О господин маклер, не отправишься ли ты со мною в мой родной город Багдад? Я только что сделал большие закупки товаров и рассчитываю продать их с большой прибылью. Хочешь ли ты быть моим товарищем в пути и соучастником в моих прибылях? И я отвечал ему: – Твое желание для меня равносильно приказанию! Потом я назначил ему срок нашего отъезда и занялся продажей моего имущества. И на эти деньги я накупил разных товаров и уехал вместе с молодым человеком в его родной город Багдад, а оттуда мы с большим барышом и разными товарами прибыли в эту страну, которая есть твое царство, о царь веков!

Что касается молодого человека, то он не замедлил распродать тут свои товары и уехал в Египет, и я собирался в скором времени присоединиться к нему. Но вот в эту ночь у меня было это злосчастное приключение с горбуном, которое объясняется моим незнанием этих мест. И такова, о царь веков,

моя история, которую я считаю более удивительной, чем приключение с горбуном! Но царь сказал: – О нет! Я не нахожу этого! Она не настолько удивительна, твоя история, о маклер! И я сейчас же прикажу повесить вас всех, чтобы наказать вас за бедного горбуна, которого вы убили!.. Дойдя до этого места своего рассказа, Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила двадцать седьмая ночь, она сказала:

Ночь двадцать седьмая

О счастливый царь, до меня дошло, что когда царь Китая сказал: «Я прикажу повесить вас всех!», поставщик выступил вперед, и распростерся перед царем, и сказал ему: – Если ты разрешишь мне, о царь веков, я расскажу тебе историю, более удивительную, чем это приключение с горбуном. И если ты признаешь это, выслушав мой рассказ, то, быть может, ты помилуешь нас всех! И царь Китая сказал: – Хорошо! Я согласен выслушать твою историю! Тогда поставщик начал так:

РАССКАЗ ПОСТАВЩИКА ДВОРА СУЛТАНА

Знай, о царь веков и времен, что прошедшей ночью я был приглашен на свадебный пир, на котором было много ученых законоведов и мужей, изучивших тексты Священной Книги. И когда чтение Корана было окончено, разостлали скатерть и принесли все, что нужно было для пира. И вот, между прочим, на скатерти стояло кушанье с чесноком, называемое розбайя, которое так славится у нас. И тогда все мы принялись есть, и только один из нас совершенно отказался отведать этого кушанья. И когда все мы начали убеждать его взять хотя бы один кусочек, он сказал нам: – Умоляю вас, не настаивайте на этом! Я испытал много горя потому только, что имел несчастие отведать его. Тогда мы спросили у него: – Ради Аллаха! Объясни нам, по какой причине ты не можешь есть этой чудесной розбайи? И он отвечал: – Я поклялся не прикасаться к розбайе, пока не вымою рук сорок раз подряд содой, сорок раз поташом и сорок раз мылом, а всего сто двадцать раз. Тогда хозяин дома приказал своим слугам принести немедленно воды и все те вещи, которые перечислил приглашенный. И гость принялся мыть руки и вымыл их в точности столько раз, сколько раньше упомянул. Потом он вернулся на свое место и нерешительно принялся есть розбайю.

И мы увидели, что у него на руке не хватает большого пальца. Тогда мы сказали: – Именем Аллаха, скажи, каким образом ты лишился большого пальца? И он отвечал нам: – Братья мои, вы видели далеко не все! У меня нет большого пальца и на левой руке. И кроме того, у меня только по четыре пальца и на каждой ноге. И он показал нам свою левую руку и обнажил обе ноги. Тогда наше изумление увеличилось еще более, и мы сказали ему: – Мы желаем узнать, каким образом ты лишился четырех пальцев и почему ты должен был умыть твои руки сто двадцать раз кряду.

Тогда он рассказал нам следующее: – Знайте, что отец мой был самый богатый из купцов города Багдада во времена царствования халифа Гарун-аль-Рашида. И мой отец был большой любитель разных увеселений. И вот, когда он умер, после него не осталось ничего, потому что он растратил все свое состояние. И после похорон я убедился, что отец оставил мне только большие долги. И я отправился к кредиторам моего отца и упросил их потерпеть. Потом я принялся за дела, и покупал, и продавал, и уплачивал долги. И я продолжал поступать так, пока не уплатил всех долгов и не увеличил пущенных первоначально в оборот денег.

И вот однажды, когда я сидел в моей лавке, я увидел молодую девушку, и никогда во всей моей жизни я не видел никого прекраснее ее. И с ней были два евнуха. И она остановила своего мула и пошла к лавкам на базаре, сопровождаемая одним из евнухов. И евнух сказал ей: – О госпожа моя, умоляю тебя, не ходи таким образом по базару! Ты навлечешь на нас большие неприятности. Уйдем лучше отсюда! Но она не обращала никакого внимания на его слова, вошла в мою лавку и пожелала мне мира. И никогда в жизни я не слыхал такого нежного голоса. Она открыла свое лицо, я не мог оторвать моих глаз от него. Потом она сказала мне: – О молодой купец, не можешь ли ты показать нам какие-нибудь красивые ткани? И я сказал ей: – О госпожа моя, раб твой – бедный купец, у которого нет ничего достойного тебя! Подожди немного, и я куплю для тебя самых дорогих тканей. Еще очень рано, и не все купцы на базаре открыли свои лавки. Потом я вступил в разговор с нею и утонул в море своей любви к ней. Но когда другие купцы открыли свои лавки, я встал и отправился закупить все то, что она заказала мне. И все, что я взял для нее на свой счет, составило сумму в пять тысяч драхм. И я передал все покупки ее рабу, и она вышла с ним. Но она не упомянула даже о деньгах, которые осталась должна мне, и даже не сказала, кто она и где она живет. А я постеснялся заговорить с нею об этом и обещал купцам уплатить им к концу недели, потому что надеялся, что молодая девушка вернется и принесет деньги. И я вернулся к себе, опьяненный любовью.

И в таком состоянии я провел целую неделю. И к концу недели, рано утром, она приехала на своем муле и в сопровождении одного слуги и двух евнухов. И она поклонилась мне и сказала: – О господин мой, извини, что мы до сих пор не уплатили тебе денег! Но вот они! И я взял деньги и начал беседовать с молодой девушкой, пока другие купцы на базаре не открыли своих лавок. Тогда она сказала мне: – Мне нужно еще того-то и того-то; иди и закупи все это для меня. И я купил в лавках все то, что она потребовала, и передал ей купленные вещи. И она взяла их и удалилась, не говоря мне ни слова о деньгах, которые осталась должна мне. И я раскаялся в том, что поступил с таким доверием, потому что я заплатил за нее тысячу золотых динариев.

И я провел целый месяц в тоске и тяжелых мыслях. И в конце месяца купцы

пришли требовать своих денег. И я был близок к разорению. И вот, когда я сидел, озабоченный всеми этими печальными мыслями, я вдруг увидел ее. И она подошла ко мне и заговорила со мною своим прелестным голосом: – Принеси весы и взвесь деньги, которые я принесла тебе! И она отдала мне все, что мне следовало, и даже сверх этого. Потом она присела рядом со мною, и я чуть не умер от радости и счастья. И она спросила меня: – Ты холост или женат? И я сказал ей: – О нет, я не знаю ни одной женщины! Потом я увлек слугу в глубину лавки и подал ему несколько золотых динариев и попросил его взять на себя посредничество между мною и ею. Слуга улыбнулся и сказал мне: – Знай же, что и она влюблена в тебя; и даже больше, чем ты в нее! И ей совсем не нужны были эти ткани, и купила она их только ради того, чтобы иметь возможность выразить тебе свою любовь. И ты можешь свободно говорить с нею. И я сказал ей: – Не откажи своему слуге в милости, о которой он будет просить тебя, и прости ему заранее то, что он хочет сказать тебе! И я сказал ей все, что у меня было на душе, и я видел, что мои слова были приятны ей. И она отвечала мне очень ласково: – Вот этот слуга принесет тебе ответ и передаст тебе мои приказания! И ты исполнишь в точности все, что он тебе скажет. Вслед затем она встала и удалилась, а я тогда отнес деньги купцам.

Через несколько дней ко мне явился ее слуга, и я спросил его, как поживает его госпожа. И он сказал мне: – Она была нездорова все эти дни. Тогда я сказал ему: – Не можешь ли ты сообщить мне какие-нибудь сведения о ней? И он сказал: – Эта девушка воспитана нашей повелительницей Зобейдой, любимой женой Гарун-аль-Рашида, и Зобейда любит ее, как родную дочь. И вот однажды девушка сказала своей госпоже: – Мне хотелось бы прогуляться по городу и потом возвратиться во дворец! И она получила разрешение выйти из дому. И с этого дня она постоянно ходила в город и приобрела большой навык в покупках, и взяла на себя закупку всего, что требуется нашей госпоже. И она рассказала о тебе нашей госпоже и просила выдать ее замуж за тебя. И госпожа наша Зобейда сказала ей: – Я не могу исполнить твоей просьбы, пока не увижу этого молодого человека. И если я увижу, что он достоин тебя, то я согласна выдать тебя за него! И вот я пришел сказать тебе, что мы решили провести тебя тайком во дворец. Но если дело будет раскрыто, то тебе, разумеется, отрубят голову. Согласен ли ты на это? Я отвечал: – Конечно, согласен! Дай мне только указания, что мне надо делать. Тогда слуга сказал мне: – Когда наступит ночь, отправляйся к мечети, которую госпожа наша Зобейда выстроила на берегу Тигра; войди в эту мечеть и подожди там!

И когда наступил вечер, я отправился к мечети и погрузился в молитву. И на рассвете я увидал невольников, которые на лодке подъехали к берегу; и они внесли в мечеть пустые сундуки и направились обратно к лодке. Но один из них остался в мечети, и я увидел, что это тот слуга, который служил нам посредником. И через несколько минут в мечеть вошла моя подруга. Я подбежал к ней и поцеловал. Она посадила меня в один из сундуков и заперла на ключ; так я очутился во дворце султана. Тут меня высвободили из сундука и принесли мне одежды и много других вещей, и все это стоило не менее пятидесяти тысяч драхм. Потом я увидел двадцать белых невольниц, и посреди них находилась Сетт-Зобейда, которая почти не в состоянии была двинуться с места, потому что на ней было множество драгоценностей и богатых нарядов. И я подошел и поцеловал землю между руками ее. Тогда

она начала расспрашивать меня о моих делах, и о моих родных, и о моем происхождении. И я отвечал на все ее вопросы. И она обрадовалась моим ответам и сказала: – Теперь я вижу, что не напрасно заботилась о воспитании этой молодой девушки, потому что нашла для нее такого мужа! Потом она сказала мне: – Знай, что эту девушку мы считаем наравне с детьми нашей крови. И она будет тебе нежной и покорной женой перед Аллахом и тобою! И я поклонился ей и поцеловал землю у ног ее, и выразил согласие жениться на ее прислужнице. И я провел в ее дворце десять дней, и все это время не видел молодой девушки и не знал даже, что с нею. И мне прислуживали другие молодые служанки Зобейды.

В конце срока, назначенного для свадебных приготовлений, Зобейда обратилась к эмиру правоверных с просьбой разрешить ей выдать замуж свою прислужницу, и он дал ей свое разрешение и подарил молодой девушке десять тысяч золотых динариев. Тогда Зобейда послала за кади и за свидетелями, и они составили брачный договор. Потом разостлали скатерть для меня и моих гостей и принесли для нас самые изысканные блюда, и между ними стояло блюдо розбайи, способное свести с ума самого благоразумного и самого положительного из людей. И я не мог – клянусь Аллахом! – воздержаться и набросился на эту розбайю, и наелся ею досыта. Потом я вытер руки, но позабыл умыть их... После этого я встал и оставался неподвижен до наступления ночи. И когда надвинулась ночь, зажгли светильники и принялись наряжать новобрачную. И каждый раз, когда она в новом наряде обходила залу, каждый из приглашенных клал золотую монету на поднос, который несли за нею по обычаю.

И, наконец, я вошел в брачную комнату, и ко мне привели новобрачную, и прислужницы сняли с нее все одежды и удалились. И я схватил ее в свои объятия. Но в эту минуту она ощутила запах чеснока от моей руки и испустила громкий крик. И на этот крик со всех сторон сбежались прислужницы, в то время как я дрожал от волнения и не понимал причины всего этого. И прислужницы сказали: – О сестра наша, что случилось с тобою? И она отвечала им: – О избавьте меня поскорей от этого глупого человека, которого я считала благовоспитанным! И я сказал ей: – И в чем же видишь ты мою глупость?! И она сказала: – О безумный! Как мог ты есть розбайю и не умыть после этого твоих рук! И теперь я, клянусь Аллахом, не желаю больше тебя! И при этих словах она схватила палку и принялась наносить мне удары, и так жестоко, что я лишился сознания. Тогда она остановилась и сказала прислужницам: – Возьмите его и отведите к правителю города, и пусть ему отрубят ту руку, которой он ел розбайю и которую не умыл после этого. Но при этих словах я пришел в себя и воскликнул: – О неужели же я должен лишиться руки только из-за того, что ел этой рукой розбайю и потом не умыл ее? Тогда прислужницы заступились за меня и сказали: – О сестра наша! Умоляем тебя, прости его! Тогда она сказала: – Хорошо, я на этот раз не лишу его руки, но все-таки я должна отрезать у него что-нибудь. Потом она вышла и оставила меня одного.

И по истечении десяти дней она пришла ко мне и сказала: – Неужели же я так мало значу в твоих глазах, что ты мог есть розбайю и не умыть после этого своих рук! Потом она позвала своих служанок и приказала им связать мне руки и ноги. Тогда она взяла хорошо отточенную бритву и отрезала мне большие пальцы на руках и на ногах. Тогда она посыпала мои раны порошком ароматического растения, и кровь тотчас

же остановилась, и я сказал: – Если мне когда-нибудь придется есть розбайю, то обязуюсь умыть после этого руки сорок раз поташом, сорок раз содой и сорок раз мылом! И вот, когда все вы, собравшиеся тут, настойчиво убеждали меня поесть этого блюда, я изменился в лице и сказал в душе: «Вот эта самая розбайя была причиной того, что я лишился моих больших пальцев!» И когда вы потребовали, чтобы я отведал ее, я должен был, чтобы не изменять моей клятве, сделать то, что я сделал!

– Тогда я, о царь веков, – продолжал поставщик, который рассказывал эту историю, – сказал молодому багдадскому купцу: – Но что же было дальше с тобою и твоей женою? И он сказал: – Когда я произнес перед нею мою клятву, сердце ее смягчилось ко мне. И тогда я взял ее и лег спать с нею. И мы долгое время прожили вместе. И вот однажды она сказала мне: – Ты должен знать, что никто во дворце халифа не знает о случившемся между мною и тобою! И никто до тебя не мог проникнуть в этот дворец. И тебе удалось это только благодаря милости нашей госпожи Зобейды. Затем она вручила мне пятьдесят тысяч золотых динариев и сказала: – Возьми эти деньги и купи для нас большой дом. И я вышел и купил великолепный большой дом. Потом я перенес в него все богатства моей жены и все подарки, полученные ею. И мы поселились в нем и жили очень счастливо. Но через год, по воле Аллаха, жена моя умерла. И я не взял другой жены и пожелал странствовать. И тогда я продал все имущество, взял деньги и уехал из Багдада. И я странствовал, пока не прибыл в этот город.

И такова, о царь времен, – продолжал поставщик, – история, рассказанная мне молодым купцом из Багдада. И вот, когда я вышел оттуда, со мною приключилась эта неприятность с горбуном. И случилось то, что случилось! И такова моя история! И я убежден в том, что она еще более удивительна, чем приключение с горбуном! Тогда царь Китая сказал: – Ты ошибаешься! Твоя история далеко не так необычайна, как приключение с горбуном. И теперь уж медлить нечего: я прикажу распять всех вас до последнего! Но в эту минуту выступил вперед еврей-врач и поцеловал землю между руками царя, и сказал: – О царь времен, теперь я расскажу тебе историю, без сомнения, более достойную удивления, чем все, что ты слышал здесь! И царь Китая сказал ему: – Ну, выкладывай все скорее, потому что я не могу более ждать! И врач-еврей сказал:

РАССКАЗ ВРАЧА-ЕВРЕЯ

История, которую я расскажу тебе – самое удивительное событие в моей жизни. В дни моей юности я изучал врачебное искусство в Дамаске. И когда я вполне изучил науки, я начал заниматься практикой и зарабатывал ею свой хлеб. И вот однажды ко мне пришел раб и повел меня в дом правителя Дамаска. И я увидел ложе из мрамора, на котором лежал юноша несравненной красоты. И я пожелал ему здоровья и скорого исцеления. Но в ответ на это он сделал лишь какие-то знаки глазами. И я сказал ему: – О господин мой, дай мне свою руку! Тогда он протянул мне свою левую руку. И я сказал себе: – Этот юноша занимает высокое положение, но при этом он крайне неучтив! Но это не помешало мне

пощупать пульс и прописать ему рецепт. И с этого дня я продолжал навещать его, и к нему стали возвращаться силы. И правитель Дамаска, желая выразить свою благодарность, подарил мне богатую одежду и назначил меня врачом при своей особе.

Что касается молодого человека, который продолжал давать мне левую руку, то однажды он попросил меня проводить его в гамам. И когда мы пришли, слуги помогли молодому человеку раздеться. И когда молодой человек остался голым, я увидел, что у него нет правой руки и на всем его теле следы от ударов розгами. Тогда молодой человек обернулся ко мне и сказал: – О врач века, я решился сообщить тебе причину моего несчастия, и ты услышишь совершенно необычайную историю. И когда мы вернулись домой, мы принялись есть, и он все время ел левой рукой. Тогда я сказал ему: – Теперь расскажи мне эту историю! И он отвечал мне: – Знай, что я родом из города Моссула. Мой отец был старшим из десяти детей. И он, и все мои дяди ко времени смерти деда были уже женаты. Но только он один имел ребенка – и это был я; что же касается его братьев, то ни один из них не имел детей. И потому я рос, окруженный любовью моих дядей, которые не чаяли души во мне.

Однажды, когда я был с моим отцом в Моссульской мечети, по окончании молитвы все вышли из мечети, и в ней остались только мой отец и мои дяди. И все они уселись на большую циновку, и я сел с ними. И дяди мои стали передавать удивительные рассказы путешественников, которые говорили, что нет на свете страны прекраснее Египта и нет реки более чудесной, чем река Нил. И я был совершенно потрясен услышанным. И вот через несколько дней я узнал, что дяди мои готовятся отбыть в Египет, и я начал умолять моего отца, чтобы он отпустил меня с ними. Он, наконец, согласился и даже накупил мне разных товаров, чтобы я мог торговать ими. Однако он просил моих дядей не брать меня в Египет, а оставить меня в Дамаске, где я должен был сбыть все мои товары. И мы все вместе выехали из Моссула и прибыли в город Дамаск. И это был настоящий рай. Но чего в нем было более всего – это плодов превосходного вкуса и всевозможных видов. И мои дяди распродали все свои товары, привезенные из Моссула, и накупили товаров дамасских для торговли в Каире. И они продали также и мои товары очень выгодно. И после этого мои дяди оставили меня одного в Дамаске и продолжали свой путь по направлению к Египту. Я же нанял для себя великолепный дом и начал широко тратить деньги. И это продолжалось до тех пор, пока я не истратил всех денег, которые были у меня.

И вот однажды, когда я присел у дверей моего дома, ко мне подошла девушка, очень богато одетая. И я пригласил ее почтить мой дом своим присутствием. И она любезно согласилась и вошла в мой дом. Там она сбросила свою чадру и показалась мне во всей красе. И я влюбился в нее до безумия. И мы начали есть и пить, а потом забавлялись. И тогда я взял ее, и ночь, которую я провел с нею до самого утра, без сомнения, лучшая в моей жизни. И я предложил ей утром десять золотых динариев. Но она отказалась от них и поклялась, что никогда не примет от меня чего бы то ни было. Потом она сказала мне: – Через три дня я опять приду к тебе, и ты должен ждать меня. Вот возьми эти деньги и приготовь нам угощение такое же, как было теперь. И с этими словами она протянула десять золотых динариев и ушла, унося с собой весь мой разум. И через три дня она опять пришла ко мне. И на этот раз она была одета еще богаче и лучше прежнего. И мы принялись есть и пить. Потом мы

легли вместе. Утром она обещала мне, что возвратится опять через три дня. И она сказала мне: – О дорогой господин мой, скажи, находишь ли ты меня красивой? И я отвечал: – О да, конечно, клянусь Аллахом! И она сказала мне: – Я могу попросить у тебя позволения привести сюда с собою молодую девушку, которая еще красивее и моложе меня, и она позабавится с нами, и мы можем посмеяться и повеселиться все вместе. И знай, что она сама просила меня взять ее с собою, чтобы мы могли все трое отдаться играм и забавам. И я с большим удовольствием дал свое согласие, и на этот раз она дала мне двадцать золотых динариев и просила меня приготовить все, как следует.

И вот на четвертый день я занялся приготовлениями и не щадил денег. И как только зашло солнце, я увидел мою подругу в сопровождении другой молодой женщины, закутанной в большое покрывало. И они вошли и сели. И я, охваченный радостью, предоставил себя в распоряжение молодых девушек. Тогда они сняли с себя свои покрывала, и я мог рассмотреть новую молодую девушку. О Аллах, Аллах! Я подумал про себя, что она гораздо красивее всего, что мои глаза видели до этой минуты! Они начали есть и пить, а я обнимал новую молодую женщину. Но это возбудило ревность первой, хотя она сказала мне: – Ты не находишь, что она гораздо красивее меня? И я отвечал простодушно: – Да, действительно, это верно! Тогда она сказала мне: – Ну, так возьми ее и ложись с нею! Я буду очень этому рада! Она сама приготовила постель и уложила нас. И я прижал к себе свою новую подругу и обладал ею до самого утра. Но когда я на другой день проснулся, я увидел, что рука моя вся в крови. Я хотел разбудить молодую девушку, которая еще спала, и тихонько прикоснулся к ее голове. Но в тот же миг голова ее отделилась от туловища и скатилась на пол. Ревность первой молодой девушки сделала свое дело! И я поднял мраморные плиты и выкопал довольно большую яму, в которую тотчас же опустил тело молодой девушки. Потом я засыпал яму землею, положил мраморные плиты на место и привел все в прежний вид.

Сделав все это, я взял все остававшиеся у меня деньги, отправился к хозяину моего дома и уплатил ему наемные деньги за целый год вперед. При этом сказал ему: – Я сейчас же должен отправиться в Египет, где ожидают меня братья моего отца. Когда я прибыл в Каир, они очень обрадовались, увидев меня, и спросили о причине моего приезда в Египет. И я отвечал им: – У меня было сильное желание повидаться с вами, и я боялся, что в Дамаске я растрачу все свои деньги. И я оставался с ними целый год, развлекался и веселился всеми способами. Но, к несчастию, дяди мои распродали все свои товары и стали подумывать о возвращении в Моссул. Но я скрылся, и они уехали без меня, говоря: – Вероятно, он уехал в Дамаск раньше нас, чтобы приготовить для нас квартиру, потому что он хорошо знает этот город. После их отъезда я опять начал тратить деньги и провел в Каире еще три года. И каждый год я аккуратно посылал наемную плату владельцу моего дома в Дамаске. И в конце этих трех лет у меня уже осталось денег только на дорогу.

И вот я уехал и прибыл в Дамаск; и я пришел в мой дом, и у порога его я был радостно встречен владельцем дома, который приветствовал меня и передал мне ключи от моего дома, и показал мне, что замок, запечатанный моей печатью, оставался нетронутым. И я вошел и прежде всего принялся мыть пол, чтобы уничтожить всякие следы крови молодой женщины, убитой своей ревнивой подругой. Я направился к постели, чтобы отдохнуть. Но когда я приподнял подушку, то увидел под нею золотое ожерелье, и на нем

три ряда жемчужин. Это было ожерелье девушки. Я взял ожерелье и отдал его одному из наиболее известных маклеров на базаре. И маклер отправился предложить его купцам и своим клиентам. Но через час он возвратился и сказал мне: – Я думал, что это ожерелье из чистого золота и настоящего жемчуга и что оно стоит не менее тысячи динариев. Но я ошибся. Оно поддельное. И сделано оно наподобие изделий франков, которые умеют подделывать золото, жемчуг и драгоценные камни. И покупатели на базаре дают мне за него только тысячу драхм. Тогда я сказал ему: – Да, действительно, ты прав. Это ожерелье поддельное. Я заказал его только для того, чтобы посмеяться над женщиной, которой я подарил его. И по удивительной прихоти судьбы эта женщина умерла и завещала его моей жене. И вот мы решили продать его по какой угодно цене! Возьми же его и принеси мне тысячу драхм! Дойдя до этого места своего рассказа, Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила двадцать восьмая ночь, она продолжала:

ночь двадцать восьмая

Мне довелось слышать, о счастливый царь, что врач-еврей продолжал свой рассказ такими словами: – Тут маклер понял, что молодой человек не знает цены ожерелью, и решил, что он украл его. Он взял ожерелье и понес его к главному маклеру базара, который взял у него ожерелье, отправился к городскому вали и сказал ему: – Вот это ожерелье было украдено у меня! И теперь мы нашли вора. Это молодой человек, одетый, как сыновья купцов, и он находится у такого-то маклера. И вот меня схватили и повели силой к вали, который начал допрашивать меня. Я рассказал ему ту же историю, которую рассказал маклеру. Тогда вали засмеялся и сказал мне: – Вот я покажу тебе настоящую цену этого ожерелья! И его люди схватили меня и осыпали ударами розог и палок, пока все тело мое не покрылось кровавыми рубцами. Тогда я, изнемогая от боли, воскликнул: – Я скажу всю правду! Да, я украл это ожерелье у главного маклера! Я решил, что лучше признать это, чем рассказать историю убийства девушки в моем доме. Но как только я сознался в краже, меня схватили и отрезали кисть правой руки. И я от боли лишился чувств. И мне дали выпить чего-то, и я пришел в себя. Тогда я взял отрезанную руку и вернулся в свой дом.

Когда я прибыл в мой дом, владелец его, который уже узнал о случившемся, встретил меня со словами: – Бери же свои вещи и ищи себе другое жилище! И я отвечал ему: – О господин мой, дай мне два или три дня сроку, чтобы я имел время найти себе другое место жительства! И он сказал мне: – Хорошо, я даю тебе этот срок! После этого он оставил меня и вышел. И вот, когда я лежал уже третий день, вдруг ко мне пришли владелец дома и главный маклер. И владелец дома сказал мне: – Я должен сказать тебе, что вали уведомил правителя о краже этого ожерелья. И теперь обнаружилось, что ожерелье принадлежало не главному маклеру, а одной из дочерей правителя,

и что оно исчезло вот уже три года тому назад! И теперь эти люди пришли, чтобы взять тебя! При этих словах я подумал: – Ну, теперь меня предадут смерти. Лучше уж я расскажу правителю всю правду! Меня и главного маклера привели к правителю, и он сказал своим людям, указывая на меня: – Этот молодой человек не вор, и его рука отрезана несправедливо, я уверен в этом! Что же касается главного маклера, то он обманщик и ложный обвинитель! Ты должен немедленно вознаградить этого молодого человека за его отрезанную руку, иначе я тебя повешу и конфискую все твои богатства! И он закричал, обращаясь к страже: – Уберите его долой с моих глаз, и уходите все отсюда! Правитель посмотрел на меня с большим состраданием и сказал: – Расскажи же мне, как это ожерелье попало в твои руки. И я отвечал: – О господин мой, я скажу тебе всю правду!

И я рассказал ему все, что произошло у меня с первой девушкой, и как она сама нашла для меня и привела ко мне вторую девушку, и как, наконец, охваченная ревностью, она убила свою подругу. И я рассказал ему все это во всех подробностях. И, слушая мои слова, правитель долгое время плакал. Потом он приблизился ко мне и сказал: – Знай, о дитя мое, что первая молодая девушка – моя родная дочь. С самого детства она предавалась разврату, и по этой причине я держал ее в большой строгости. И вот она познакомилась с тобою, и отдалась тебе, и была у тебя четыре раза подряд. Но это уже не удовлетворяло ее. И так как она уже успела развратить мою вторую дочь, ей было нетрудно убедить сестру прийти к тебе. И моя вторая дочь попросила у меня разрешения пойти вместе с сестрою на базар, и я позволил ей это. И случилось то, что случилось! И вот, когда моя старшая дочь возвратилась без своей сестры, я спросил у нее, где ее сестра. Она, вся в слезах, сказала: – Я потеряла ее на базаре! Но вскоре она рассказала своей матери всю историю про смерть сестры.

Что же касается твоих слов, о дитя мое, то я убедился, что все рассказанное тобою – правда. Ты видишь теперь, сын мой, как я несчастен! И у меня есть одна просьба к тебе. Я желаю сделать тебя членом своей семьи и дать тебе в жены мою третью дочь. И ты останешься в моем доме и будешь у меня на правах родного сына! Тогда я отвечал ему: – Да будет по твоему желанию, о господин мой! И я вступил в брак с дочерью правителя; и с тех пор наша жизнь полна радости и счастья. И ты сам, о врач, можешь убедиться собственными своими глазами, как меня любят и почитают в этом доме. И ты простишь мне неучтивость, которую я выказывал, подавая тебе левую руку! Что же касается меня, – продолжал врач-еврей, – то я поздравил молодого человека с тем, что он благополучно вышел из этого приключения. И он осыпал меня подарками. И вот я отправился странствовать по свету, чтобы усовершенствоваться в своем искусстве. И я прибыл в твое царство, о великодушный царь! И у меня случилось это происшествие с горбуном! И такова моя история!

Тогда царь Китая сказал: – Эта история поистине очень занимательна! Но ты заблуждаешься, о врач! Она не настолько изумительна, как это приключение с горбуном. И мне не остается ничего более, как повесить вас четверых! При этих словах портной выступил между рук царя Китая и сказал: – О царь, прежде чем повесить нас, позволь говорить и мне. Я расскажу тебе историю, которая гораздо более необыкновенная, чем все эти истории, взятые вместе! И царь Китая сказал ему: – Если это правда, я прощу всех вас! Тогда портной сказал:

РАССКАЗ ПОРТНОГО

Знай, о царь времен, что до моего приключения с горбуном я был приглашен в один дом на пир в честь цехов нашего города. И с самого утра мы ждали только хозяина дома. Он вошел в сопровождении красивого молодого человека, который сильно хромал. И вдруг юноша изменился в лице и собрался удалиться. Тогда хозяин дома сказал ему: – Объясни нам, что случилось! И юноша сказал ему: – О господин, между твоими приглашенными находится цирюльник, который был причиной удивительного приключения, случившегося со мною в Багдаде, и он, этот проклятый цирюльник, был также причиной моей хромоты. Слушая эти слова, цирюльник пожелтел в лице и не произнес ни слова. Тогда мы все начали убеждать молодого человека рассказать нам свою историю:

РАССКАЗ ХРОМОГО ЮНОШИ О ПРИКЛЮЧЕНИИ ЕГО С ЦИРЮЛЬНИКОМ

(переданный с его слов портным)

Знайте, о вы, здесь присутствующие, что мой отец был одним из главных купцов Багдада, и у него не было других детей, кроме меня. И перед смертью он назначил меня главою всего своего дома. Но я должен сказать вам, что Аллах Всемогущий вложил в мое сердце отвращение ко всем женщинам. И я жил, не обращая на них внимания, довольный своей судьбой. И вот однажды я шел по одной из улиц Багдада, как вдруг увидел, что напротив меня отворилось окно, и в нем появилась молодая женщина. В одно мгновение сердце мое воспламенилось и было совершенно покорено. И тут к двери дома подъехал сам городской кади, сопровождаемый слугами. И я догадался, что это был ее отец.

Тогда, в самом ужасном душевном состоянии, я вернулся к себе домой, печаль моя с каждым днем возрастала, и, наконец, я серьезно заболел. Однажды вошла ко мне старая женщина, которая внимательно взглянула на меня и сказала: – Дитя мое, я знаю причину твоей болезни, но нужно, чтобы ты рассказал мне все подробно. Тогда я сообщил ей все, как было, и она сказала мне: – Дитя мое, эта молодая девушка – дочь багдадского кади, и ее усиленно стерегут. Но я сама живу в этом доме. Ободрись же и будь решительнее. Затем старая женщина покинула меня, обещая мне прийти на другой день и сообщить о своем свидании с дочерью багдадского кади.

На следующий день она пришла и сказала мне: – Дитя мое, едва я шепнула ей на ухо, зачем пришла, как она поднялась и сказала мне с величайшим гневом: – Если ты, о злосчастная старуха,

не прекратишь своих непристойных предложений, я прикажу наказать тебя, как ты того заслуживаешь! Тогда, дитя мое, я не сказала более ни слова; но я решилась вернуться к этому вопросу еще раз. Затем она покинула меня и ушла. А я вновь заболел и перестал есть и пить. Однако старая женщина через несколько дней опять пришла ко мне, и лицо ее сияло: – Ну вот, дитя мое, награди меня за добрую новость! Вчера я опять пошла к молодой девушке. Увидев, что я пришла к ней со слезами на глазах, она сказала: – Бедная моя тетка, я вижу, ты чем-то очень опечалена! Тогда я стала плакать еще сильнее и сказала ей: – О госпожа моя! Ты помнишь, что я приходила говорить с тобою о молодом человеке, страстно влюбленном в твои прелести? Так вот, он совсем уже при смерти из-за тебя. И она ответила мне, сразу проникшись состраданием: – Но кто же этот молодой человек, о котором ты говоришь? Я сказала ей: – Это мой собственный сын. Он увидел тебя несколько дней тому назад у твоего окна и воспылал любовью к тебе. И он занемог и сейчас при смерти! При этих словах девушка побледнела и сказала: – Иди скорее к нему и передай ему привет от меня, и скажи ему, что в пятницу я буду ждать его здесь. Мы проведем вместе целый час. Услышав эти слова, я вынул кошелек, наполненный динариями, и просил старуху принять его от меня.

И вот я дождался назначенного дня, пятницы, и опять увидел старуху. Я надел свое лучшее платье и подушился розовым маслом. Затем я приказал одному из моих слуг сходить за цирюльником, сказав ему: – Сходи скорее на базар и отыщи мне цирюльника, у которого была бы легкая рука, и который, главное, был бы человеком неболтливым и нелюбопытным! И слуга мой поспешно побежал и привел мне старого цирюльника. И вот этого-то проклятого цирюльника вы видите перед собою, о господа мои. Войдя ко мне, он сказал: – О господин мой, что я должен делать: обрить тебя или пустить тебе кровь? Тогда я ответил ему: – О шейх, довольно болтать! Принимайся скорей за бритье моей головы. Тогда он встал и взял свой сверток, где должны были находиться его тазик, бритва и ножницы, и вынул оттуда не бритву, а семистороннюю астролябию. Взяв ее, он вышел на середину моего двора, внимательно посмотрел на солнце, потом на астролябию, вернулся и сказал мне: – Ты должен знать, что эта пятница есть десятый день месяца Сафара. А из науки о числах мне известно, что бритье головы в сегодняшний день есть дело доброе. Это также ясно показывает мне, что сегодня ты имеешь намерение видеться с одною особой, судьба которой должна быть счастливою. Я мог бы еще рассказать тебе много о том, что случится с тобою! Я ответил: – Ради Аллаха! Ты своими речами сводишь меня с ума. А ведь я позвал тебя для того, чтобы ты обрил мне голову. Он ответил: – Хотя я самый известный цирюльник в Багдаде, но, кроме искусства врачевания, кроме растений и лекарств, я прекрасно знаю науку о звездах, знаю правила нашего языка, искусство стихосложения, красноречие, науку о числах, геометрию, алгебру, философию, архитектуру, историю и предания всех народов земли. Поэтому я не без основания советую тебе, о господин мой, точно следовать предписаниям Гороскопа. При этих словах я сказал ему: – Ты настоящий разбойник, и ты решился свести меня с ума и заставить меня умереть от нетерпения!.. Но на этом моменте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и скромно приостановила свой рассказ. А когда наступила двадцать девятая ночь, она сказала:

ночь двадцать девятая

Случилось так, о царь благословенный, что когда молодой человек сказал цирюльнику: – Ты решился свести меня с ума и заставить умереть от нетерпения, – цирюльник ответил: – Знай, однако, о господин мой, что я отнюдь не отличаюсь болтливостью. И ты совсем несправедлив ко мне, считая меня болтуном, особенно если ты на минуту дашь себе труд сравнить меня с моими братьями! Ибо ты должен знать, что у меня есть шесть братьев, которые действительно могут быть названы болтунами. А чтобы познакомить тебя с ними, я назову их тебе по именам: старший зовется Эль-Бакбук, или тот, который, болтая, булькает горлом, как кувшин; второй – Эль-Гаддар, или тот, который мычит подобно верблюду; третий – Бакбак, или кудахтающий толстяк; четвертый – Эль-Куз Эль-Ассуани, или небьющийся кувшин Ассуана; пятый – Эль-Ашар, или беременная верблюдица, или большой котел; шестой – Шакалик, или треснутый горшок; а седьмой – Эль-Самет, или молчаливый. Этот молчаливый и есть я, слуга твой! Выслушав все эти быстро льющиеся речи цирюльника, я почувствовал, что от нетерпения у меня воспаляется и уже готов лопнуть желчный пузырь мой, и я закричал, обращаясь к одному из слуг: – Дай скорее четверть динария этому человеку и заставь его убраться! Ибо я решительно отказываюсь брить себе голову! Услышав это приказание, цирюльник сказал: – О господин мой! Какие жестокие слова я только что слышал! Ради Аллаха! Знай, что я готов служить тебе без всякого вознаграждения, ибо это есть долг мой – быть всецело к твоим услугам и исполнять все твои желания. Ты не имеешь понятия о моих достоинствах. Отец твой был заимодавцем моим... На эти слова я сказал цирюльнику: – Да не смилуется Аллах над моим покойным отцом, который был до того слеп, что обратился к такому цирюльнику, как ты! А цирюльник, услышав это, стал смеяться и сказал: – Нет Бога, кроме Аллаха, а Магомет – посланник Аллаха! А я-то думал, что ты одарен разумом, о молодой человек! А теперь вижу, что болезнь, которая с тобой приключилась, совершенно свихнула тебе рассудок и сделала тебя пустым болтуном. Твой отец ничего не предпринимал, не посоветовавшись со мной, и ты никогда не найдешь другого такого советчика, как я, и никого, кто мог бы лучше преподать наставления мудрости и умел бы искуснее и ловчее обделывать разные дела. Тогда я ответил ему: – Ради Аллаха! Это уж, право, слишком! Ты просто губишь меня своей неудержимою болтливостью! Повторяю тебе, что я позвал тебя только для того, чтобы ты обрил мне голову.

И, говоря эти слова, я встал, сильно разгневанный, и хотел уйти, хотя он уже намылил мне голову. Тогда он сказал мне самым спокойным образом: – В самом деле, я прекрасно вижу теперь, что нестерпимо надоел тебе. Но я ни мало не обижаюсь на тебя за это, ибо отлично понимаю, что ты слаб рассудком и притом еще очень юн. Я ответил ему: – Брат мой,

заклинаю тебя Аллахом – уйди отсюда и предоставь меня моим занятиям, уходи ты подобру-поздорову! Когда я произнес эти слова, меня охватил такой припадок нетерпения, что я начал испускать нечленораздельные крики, как сумасшедший. Увидев меня в таком состоянии, цирюльник решил взяться за свою бритву и стал править ее о кусок кожи. Но он так долго правил ее, что у меня душа была готова расстаться с телом. Наконец, он начал брить меня с одной стороны и, действительно, сбрил несколько волосков. Затем он остановился, поднял руку и сказал: – О молодой господин мой! Гнев есть искушение Шайтана. Я отлично вижу, что ты не имеешь никакого почтения к заслугам и талантам моим. А между тем та самая рука, которая теперь бреет тебя, трогает также голову царей, эмиров, визирей, правителей и всех вообще благородных и славных людей... В ответ на все эти речи я сказал цирюльнику: – Да будешь ли ты, наконец, заниматься своим делом или нет? Тогда он сказал: – Я начинаю подозревать, что ты несколько торопишься покончить с этим. Я закричал: – Ну, да, разумеется! Он сказал: – Внуши себе немножко терпения и умеренности, ибо поспешность есть наваждение Искусителя и не может привести ни к чему, кроме раскаяния и всевозможных невзгод в жизни! Но, правду сказать, я должен теперь немножко приостановиться, ибо мне остается всего несколько часов благоприятного солнца.

Тут он отложил бритву, взял свою астролябию и довольно долго оставался на дворе, измеряя высоту солнца, но не упуская из виду и меня. Потом он вернулся и сказал: – Если ты так торопишься к полуденной молитве, то, право, ты можешь быть вполне покоен, ибо нам остается целых три часа до нее. Я сказал ему: – Ради самого Аллаха! Избавь меня от этих рассуждений! Тогда он снова взялся за бритву и принялся править ее, и, наконец, начал мало-помалу брить мне голову. Но при этом он не мог удержаться от разговоров и сказал: – Я очень огорчен твоей нетерпеливостью, но если бы ты захотел открыть мне причину ее, то это было бы тебе в пользу и во благо. И тут я увидел, что у меня нет никакого средства к избавлению, поэтому я сказал цирюльнику: – Кончай скорей! Если же ты хочешь знать, я должен пойти к одному из своих друзей на пир. Услышав эти слова – приглашение и пир – цирюльник сказал мне: – Да благословит тебя Аллах! Ибо ты напомнил мне о том, что я пригласил к себе друзей и что я совершенно позабыл приготовить им обед. Тогда я сказал ему: – Не беспокойся, я помогу этому делу. Так как я отправляюсь на пир, то предоставляю тебе все, что у меня приготовлено из еды и питья. Но ты должен поскорее обрить мне голову. Он ответил мне: – Да осыплет тебя Аллах дарами своими! Но будь так добр, перечисли мне те вещи, которыми ты хочешь одарить меня! Я сказал ему: – Я имею для тебя пять котлов, в которых заключаются всякого рода восхитительные вещи: фаршированные тыквы, виноградные листья с фаршем и лимонной приправою, рис с томатами и мелкими кусочками баранины, рагу с маленькими луковками; кроме того, у меня есть десять жареных цыплят и жареный баран, и еще многое другое! Тогда он сказал мне: – Вели принести все это сюда, чтоб я мог посмотреть. И я велел принести все эти вещи, а он всего попробовал и сказал мне: – Великодушие твое – истинное великодушие. Но недостает еще напитков! И я велел принести шесть сосудов, наполненных напитками шести разных сортов, и он попробовал каждого из них и сказал: – Да ниспошлет на тебя Аллах все свои милости! Но недостает еще ароматов для курения! Тогда я велел принести ему ящик, наполненный

Léon Carré

амброю, мускусом, ладаном и благовонными маслами. И я сказал цирюльнику: – Возьми все это, но кончай скорее с бритьем моей головы! Тогда цирюльник сказал мне: – Ради Аллаха! Я не приму этого ящика прежде, чем не осмотрю его содержимого! И, оставив большую часть моей головы небритой, он стал перебирать находившиеся в ящики благовония. Затем он поблагодарил меня и приступил к бритью моей головы.

Но едва он взялся за это, как вдруг снова остановился и сказал мне: – Ради Аллаха! Я не знаю, право, о дитя мое, кого из вас я должен более восхвалять теперь, тебя или твоего покойного отца? Я бы посоветовал тебе, ради собственного удовольствия, пойти со мною и составить нам компанию, оставив в покое тех друзей, которые, по твоим словам, просили тебя прийти. Тогда я сказал цирюльнику: – На сегодня я никак не могу принять твоего приглашения, но когда-нибудь в другой раз я им воспользуюсь. Теперь я приказываю тебе кончить бритье, для которого ты был позван. Он отвечал мне: – Но подожди, пока я сбегаю домой и отнесу туда все припасы, которыми я обязан твоей щедрости. Тогда я воскликнул: – Иди же, наконец, к друзьям своим, а меня отпусти к моим друзьям, которые ожидают моего прибытия. Цирюльник же сказал мне: – О нет, ни за что я не допущу, чтобы ты шел один! Я ответил ему, делая величайшие усилия над собою: – Но пойми же, наконец, что никто кроме меня не должен идти в то место, куда я иду! Он сказал мне: – А! Понимаю! Вероятно, ты идешь на свидание с женщиною! В таком случае – беда тебе, если ты будешь один! Не выбраться тебе оттуда живым! При этих словах я не мог усидеть на месте и закричал с яростью: – О ты, распроклятый из всех негодяев и злодеев! Кончишь ты или нет, все эти разглагольствования? Тогда цирюльник решился замолчать на время и, взяв свою бритву, обрил мне, наконец, всю голову.

Тогда я сказал ему, чтобы заставить его убраться: – Иди же и отнеси все эти яства и напитки, а я обещаю подождать тебя, чтобы ты мог пойти со мною на это свидание. Тогда он сказал мне: – Я отлично вижу, что ты хочешь – отделавшись от меня, пойти один. Но предупреждаю тебя, что ты рискуешь попасть в такую беду, что не найдешь ни выхода, ни спасения. Я сказал ему: – Ради Аллаха, не медли и возвращайся скорее! Однако, – будь он проклят! – едва цирюльник вышел на улицу, как подозвал к себе двух носильщиков и приказал им отнести все к нему домой, а сам спрятался в переулке, ожидая моего выхода.

Итак, я вышел на улицу и поспешно направился к дому молодой девушки. Подойдя к дверям кади, я случайно обернулся и увидел проклятого цирюльника. Тогда я вбежал туда и быстро захлопнул дверь за собою. Во дворе я увидел старуху, которая сейчас же провела меня в верхний этаж, где жила молодая девушка. Но едва я вошел туда, как мы услышали, что по улице идет отец молодой женщины, который в сопровождении своей свиты, возвращался с молитвы. И я увидел на улице цирюльника, который дожидался меня. Молодая женщина успокоила меня, сказав, что отец посещает ее изредка и что я имею полную возможность укрыться от его взоров. Но на мое несчастие Аллаху угодно было, чтобы произошел случай, имевший роковые для меня последствия. Кади, едва войдя в дом, принялся бить молодую рабыню, которая провинилась. Тогда один из негров попробовал заступиться за нее, а взбешенный кади набросился с розгами и на него. Тогда поднялся такой гвалт, что вся улица взволновалась, а цирюльник

вообразил, будто это меня схватили и мучают. Он стал издавать ужаснейшие крики, рвать на себе одежду и умолять о помощи прохожих, которые начинали собираться вокруг него. И он плакал и говорил: – В доме кади избили господина моего! Потом, не переставая кричать, бросился к моему дому и сообщил всем домашним и слугам моим, которые сейчас же вооружились палками и прибежали к дому кади. И во главе их – цирюльник. Услышав перед своим домом такой шум и крик, кади посмотрел в окно и увидел толпу людей, которые стучали в его дверь палками. Он отворил дверь и воскликнул: – Что случилось? А слуги мои закричали ему: – Ты убил нашего господина! Он сказал им: – Но кто же ваш господин, и что он такого сделал, чтобы я убил его?... Но на этом моменте своего повествования Шахразада увидела, что занимается утро, и скромно умолкла. И когда наступила тридцатая ночь, она сказала:

Ночь тридцатая

Рассказывали мне, о благословенный царь, что удивленный кади сказал им: – Что же такого сделал ваш господин, чтобы я убил его! Тогда цирюльник воскликнул: – Ты только что заколотил на смерть палками господина моего, а я был на улице и слушал его крики! Кади отвечал: – Но кто же он, господин твой? Кто мог привести его сюда? Цирюльник сказал: – О злосчастный кади! Не прикидывайся, ибо я знаю все подробности этого дела. Дочь твоя влюблена в моего господина, и господин мой отвечает ей взаимностью! И я сам сопровождал его сюда. И вот ты накрыл его в постели с дочерью своею и избил его палками. Поэтому я заставлю тебя пойти со мною к нашему халифу, если только ты не отдашь его нам целым и невредимым. При этих словах кади смутился, и ему стало стыдно всех присутствующих. Однако он сказал цирюльнику: – Если только ты не простой лгун, то войди в дом мой и ищи его повсюду. Что же касается меня, то я стоял у окна за деревянной решеткой и хотел бежать. Но меня могли заметить либо домашние, либо цирюльник. Тогда, в одной из комнат я нашел большой деревянный сундук и поспешно влез.

Цирюльник же, обыскав весь дом, увидел сундук. Тогда этот проклятый смекнул, что внутри сидел я, поднял сундук и вышел на улицу. Но собравшаяся толпа захотела видеть, что было в сундуке, и мгновенно сорвала крышку. Тогда я спрыгнул на землю, но так быстро, что сломал себе ногу. С этих-то пор я и сделался хромым. Я протолкался через толпу и пустился со всех ног бежать. Но каков же был мой ужас, когда я вдруг увидел за собою цирюльника, который громко кричал: – О добрые люди! Я отыскал господина моего. Затем он сказал, продолжая бежать вслед за мною: – О господин мой! Ты видишь теперь, как дурно ты поступил, не слушаясь моих советов! Но в ту минуту я увидел перед собою открытую лавку купца, который был знаком мне. Я бросился в лавку и умолял купца, чтобы он не пускал цирюльника.

Тогда купец стал расспрашивать меня, и я рассказал ему всю свою историю с этим цирюльником, и просил остаться в его лавке, пока не поправится моя нога. После своего выздоровления я взял все принадлежавшие мне деньги и решил покинуть Багдад, чтобы не встретиться больше с этим цирюльником.

Итак, я покинул Багдад и проводил время в путешествии, пока не приехал в эту страну. Но все старания и надежды мои были напрасны, ибо я встретил его посреди вас, на этом пиршестве! Вы сами понимаете теперь, что я не найду себе покоя, пока не покину эту страну, и все из-за этого проклятого, разбойника-цирюльника! Хромой юноша поднялся, пожелал нам мира и прежде, чем мы успели удержать его, вышел. Что же касается нас, то, выслушав эту удивительную историю, мы посмотрели на цирюльника, который сидел, опустив глаза, и сказали ему: – Правда ли то, что сказал этот молодой человек? Тогда цирюльник поднял голову и сказал нам: – Помилуйте, ради Аллаха! Я поступил так, чтобы избавить его от еще худших несчастий. Не будь меня – он, несомненно, погиб бы. Что же касается вас, господа мои, то чтобы убедить вас, что я не болтлив и не похож на шестерых братьев моих, я расскажу вам мою историю, а вы сами судите! Тогда, – продолжал портной, – все мы в молчании выслушали нижеследующую историю цирюльника:

ИСТОРИЯ БАГДАДСКОГО ЦИРЮЛЬНИКА И ЕГО ШЕСТИ БРАТЬЕВ

(рассказанная цирюльником и переданная портным)

ИСТОРИЯ ЦИРЮЛЬНИКА

Цирюльник сказал: – Знайте же, о господа мои, что я жил в Багдаде в то время, когда эмиром правоверных был Эль-Монтассер-Биллах. И все подданные были счастливы под властью его, ибо он любил бедных и малых, а также общество ученых, мудрецов и поэтов. Но вот, однажды, халифу принесли жалобу на десять негодяев, обитавших неподалеку от города. И когда они хотели в лодке перебраться через Тигр, я оказался на берегу реки. Я сказал себе: – Эти люди собрались для того, чтобы попировать. Я хочу добиться их приглашения. Тогда я прыгнул в лодку и присоединился к находившимся в ней людям. Но вдруг подъехали стражи вали, которые схватили всех, надели железные ошейники и заковали руки в цепи. И при всем этом я не проронил ни слова! Итак, я безропотно отдался в руки их, и меня поставили, вместе с другими десятью схваченными, перед лицом эмира правоверных, халифа Монтассера-Биллаха. Халиф позвал меченосца и сказал: – Отруби головы всем этим десяти злодеям! Меченосец выстроил нас во дворе и, взмахивая мечом, отсекал головы вплоть до десятой. Но когда он дошел до меня, число отрубленных голов уже достигло десяти. Поэтому он остановился и сказал халифу, что приказание его исполнено. Тогда халиф, увидев, что я еще стою, закричал: – Как же ты смел пощадить десятого? Меченосец ответил: – Я отрубил десять голов! Тогда халиф посмотрел на меня и сказал: – А ты

кто такой? И как оказался ты здесь среди этих любителей крови?

Тогда, о господа мои, и только в ответ на вопрос эмира я решился заговорить. И я сказал ему: – О эмир правоверных! Это я, шейх, прозванный Эль-Саметом по причине моей неразговорчивости. По ремеслу я цирюльник. И я – один из семи сыновей моего отца. Сегодня утром я видел, как эти десять человек вскочили в лодку, и я присоединился к ним, полагая, что они приглашены на какое-нибудь пиршество. Но едва мы подъехали к другому берегу, как я увидел стражей твоих, которые бросились на нас и надели нам железные ошейники. И хотя я был посторонний среди этих людей, я не хотел возражать, слишком я неразговорчив. И вот я был приведен вместе со всеми остальными перед лицо твое. И я оставался единственным, на которого еще не опустилась рука меченосца, и, не смотря на все это, я не сказал ни слова. Я полагаю, что это большое мужество. Но не удивляйся моему поступку, о эмир правоверных! Ибо всю свою жизнь я поступал таким образом.

Когда халиф услышал эти слова мои и узнал, что я люблю молчание и ненавижу любопытство – вопреки всему, что говорил тут сейчас этот молодой хромой, которого я спас от всевозможных бедствий, он сказал мне: – О почтенный шейх, умный цирюльник! Скажи мне, а твои шесть братьев тоже отличаются мудростью, такими же познаниями и такою же скромностью? Я отвечал: – О эмир правоверных! Они не имеют ни малейшего сходства со мною. Ибо по причине своей болтливости и трусости они навлекли на себя множество бедствий, и каждый из них отличается каким-нибудь физическим уродством. Первый из моих братьев – хромой, второй – кривой, третий – беззубый, четвертый – слепой, у пятого отрезаны уши и нос, у шестого – рассечены губы! Если бы я рассказал тебе их историю, ты увидел бы, насколько я отличаюсь от всех них. А так как история их необыкновенно увлекательна, то я, не медля, расскажу ее тебе.

ИСТОРИЯ БАКБУКА, ПЕРВОГО БРАТА ЦИРЮЛЬНИКА

Знай, о глава правоверных, что старший из моих братьев, который сделался хромым, назывался Эль-Бакбук потому, что когда он начинал болтать, можно было подумать, что слышишь бульканье в горлышке кувшина. По ремеслу он был портной. Он снимал маленькую лавку в доме богатого человека. Человек этот жил в верхнем этаже дома, а внизу дома была мельница, и там жил мельник со своим волом. И вот однажды, когда брат мой Бакбук сидел в лавке, он увидел над собою в слуховом окне жену домовладельца, которая забавлялась рассматривая прохожих. При виде ее брат мой Бакбук почувствовал, что сердце его преисполнилось страстной любовью к ней. И он не мог ни шить, ни заниматься чем-либо другим, и не заработал ни единой драхмы. Что же касается молодой женщины, то она догадалась о чувствах моего брата и решила использовать их. Однажды она бросила на него смеющийся взгляд и сейчас же вышла, чтобы посмеяться над ним. А глупый Бакбук весь день радовался, думая о том, как приветливо она посмотрела на него.

На следующий день в лавку вошел домохозяин, неся под мышкою большой свиток материи, и сказал ему: – Я принес тебе кусок материи, чтобы ты сшил мне рубашки. Бакбук подумал, что домохозяин пришел к нему по желанию жены, и сказал ему: – Сегодня же вечером рубашки эти будут готовы! Вечером двадцать рубашек были сшиты и сложены в шелковый платок. А домовладелец спросил его: – Сколько я должен

заплатить тебе? Но в эту минуту в слуховом окне промелькнуло лицо молодой женщины, которая бросила взгляд на Бакбука и сделала ему знак бровями, чтобы он не брал вознаграждения. И брат мой не захотел ничего принять от домохозяина. Но все это было лишь началом злоключений Бакбука. На следующий день домохозяин опять пришел, неся под мышкою другой кусок материи, и сказал моему брату: – Вот! Мне сказали дома, что я должен сделать себе новые шальвары. И в течение трех дней Бакбук сидел за работою. Он сложил шальвары в шелковый платок и, сияя счастьем, сам понес их наверх к домохозяину. А молодая женщина сговорилась со своим мужем издеваться над моим братом. Когда он вручил домохозяину его новые шальвары, тот сделал вид, будто хочет уплатить ему. Но в ту же минуту в дверях показалась хорошенькая головка жены его. И Бакбук решительно отказался принять что-либо от ее мужа. Тогда муж сказал ему: – Чтобы отплатить твои добрые услуги, мы с женою решили отдать тебе в супружество нашу рабыню, которая хороша собою. Таким образом, ты будешь членом нашего дома. А Бакбук подумал, будто это хитроумная выдумка молодой женщины, чтобы открыть ему свободный вход в дом, и сейчас же согласился; и хозяева призвали рабыню и обвенчали ее с братом моим. Когда же наступил вечер, и Бакбук хотел приблизиться к белой рабыне, она сказала: – Нет! Не сегодня! И он не мог добиться даже поцелуя от хорошенькой рабыни.

Нужно еще сказать, что по случаю бракосочетания Бакбуку позволили спать в мельнице, ибо там было больше места. А так как рабыня ушла к своей госпоже, Бакбуку пришлось спать одному. И ранним утром, когда он еще спал, к нему вошел мельник и сказал: – Сейчас я запрягу вола в мельницу, чтоб размолоть зерно! И он приблизился к брату моему, делая вид, будто принимает его за вола, и сказал: – Поднимайся! Я запрягу тебя! А Бакбук не хотел разговаривать и позволил ему запрячь себя. А мельник хлестнул его кнутом. Получив удар, Бакбук заревел, как вол. А мельник продолжал хлестать его кнутом, заставляя вертеть мельницу. Но домохозяин увидел это и пошел сообщить об этом жене своей, которая послала к моему брату рабыню, чтобы отвязать его.

В это время пришел шейх, писавший брачный договор моего брата. Он пожелал ему мира и сказал: – Да продлит Аллах жизнь твою! Я уверен, ты провел эту ночь в чистейшем счастье! Бакбук сказал ему: – О предатель из предателей! Ты посадил меня туда только для того, чтобы я вертел мельницу вместо вола! Тогда шейх попросил его рассказать все подробности случившегося, и тогда шейх проговорил: – Все просто! Твоя звезда не согласуется со звездою молодой женщины! Тогда брат мой пошел в свою лавку. Но в то время к нему пришла молодая белая рабыня и сказала: – Госпожа моя пошла на террасу, чтобы иметь удовольствие созерцать тебя через слуховое окно. И брат мой заметил, что молодая женщина появилась у слухового окна и, заливаясь слезами, говорила: – Почему же, милый мой, ты не хочешь посмотреть на меня? Я хочу быть отныне твоею!

В надежде еще видеться с молодою женщиною, Бакбук продолжал кроить и шить рубашки, шальвары и разное платье, пока в один прекрасный день не пришла к нему молодая рабыня и не сказала ему: – Госпожа моя уведомляет тебя, что этою ночью супруг ее идет на пир и пробудет там до утра. Она же ждет тебя, чтобы провести эту ночь в восторгах и всяческих забавах. Между тем коварная женщина придумала вместе с мужем еще

одну штуку, посредством которой она хотела отделаться от моего брата и от расплаты за те платья, которые ему заказывали. И домохозяин сказал жене своей: – Как бы побудить его проникнуть к тебе, а потом схватить и стащить к вали? Она ответила: – Я обману его и опозорю перед всем городом. И вот, когда настал вечер, молодая рабыня провела его к своей госпоже. И вдруг дверь залы отворилась, и вошел муж женщины в сопровождении двух черных рабов, которые связали его и отстегали кнутом. Потом они оттащили его к вали, который приговорил его к наказанию. Ему дали двести ударов плетью, а затем привязали к верблюду и провели по улицам Багдада, и глашатай выкрикивал: – Вот как наказывают человека, который посягает на жен ближнего своего! Но вдруг верблюд принялся скакать, и Бакбук сломал себе ногу. С тех пор он и стал таким хромым. К тому же вали приговорил его к изгнанию, и я тайно привез его сюда и взял на себя заботу о его излечении!

Когда я рассказал эту историю халифу, он громко расхохотался и сказал мне: – Какой славный рассказ! И я ответил ему: – Но что скажешь ты, выслушав истории всех остальных моих братьев!

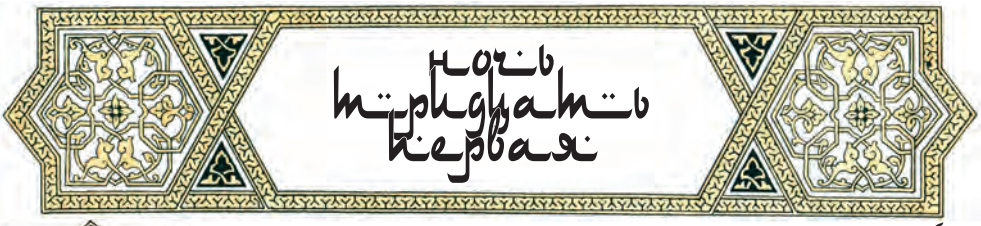
ИСТОРИЯ ЭЛЬ-ГАДДАРА, ВТОРОГО БРАТА ЦИРЮЛЬНИКА

Знай же, о эмир правоверных, что второй брат мой назывался Эль-Гаддаром, ибо он мычал, как верблюд, и не имел передних зубов. Он не занимался никаким ремеслом и причинял мне массу хлопот своими любовными похождениями. Вот одно из тысячи таких похождений. Однажды, слоняясь по улицам Багдада, он увидел приближающуюся к нему старую женщину, которая сказала ему тихонько: – Послушай! Я сделаю тебе предложение, если ты обещаешь мне, что будешь терпелив и молчалив. Не хочешь ли ты перенестись в прекрасный дворец, где вино лилось бы рекою, где ты был бы окружен очаровательными личиками и где ты мог бы оставаться с вечера до самого утра? Но ты должен подчиниться условию, которое я поставила тебе!

Эль-Гаддар согласился и, соблазненный обещанными благами, пошел следом за старухой. Наконец, перед ним предстал прекраснейший дворец. Он очутился посреди четырех молодых девушек несравненной красоты. Одна из них наполнила кубок и подала его брату. И Гаддар взял кубок и выпил. А девушка изо всех сил ударила его ладонью по затылку. Тогда брат мой рассердился и хотел уйти, забыв о своем обещании все выносить с покорностью. Но старуха и моргнула ему глазом, как бы говоря: – Оставайся и дождись конца! И брат мой терпеливо перенес все выходки девушек, которые кололи, щипали его и трепали по затылку самым неприятным образом. Наконец, как бы для того, чтобы вознаградить его за терпение, самая красивая из девушек велела ему совершенно раздеться; и он без всякого возражения сделал это. Тогда она сказала: – Ты очень нравишься мне, но у тебя борода и усы, а я не люблю, когда они колют мне кожу. И если ты хочешь пойти со мною, ты должен раньше обрить лицо. Тогда брат мой позволил старухе отвести его в соседнюю комнату, и там она сбрила ему бороду, а затем усы и брови.

Потом она размалевала ему лицо белилами и румянами и повела к девушкам, которые стали так хохотать, что опрокинулись навзничь. И самая красивая из них сказала ему: – О господин мой! Ты покорил мою душу своею красотою. Теперь мне остается просить тебя только об одной милости, а именно, чтобы ты проплясал перед нами – нагой и прекрасный, какую-нибудь обольстительную

пляску! А затем я буду твоею! Тогда Эль-Гаддар, при звуках дарабуки*, на которой заиграла старуха, обвязал свою талию шелковым платком и стал плясать. И делал он до того забавно, что девушки начали неудержимо смеяться и швырять ему в голову подушки и фрукты. И тут наиболее красивая из девушек поднялась и, глядя на моего брата как бы обезумевшими от страсти глазами, начала снимать с себя одну за другою свои одежды, так что на ней осталась лишь тонкая сорочка и широкие шелковые шальвары. Увидев это, Эль-Гаддар прервал свою пляску и пришел в неистовое волнение. Тогда старая женщина подошла к нему и сказала: – Теперь ты должен поймать твою возлюбленную. Тебе придется гнаться за нею из одной комнаты в другу, пока ты не поймаешь ее. Тогда только она позволит тебе овладеть ею! При этих словах брат мой сбросил шелковый пояс и приготовился бежать. А молодая девушка сбросила свою сорочку и шальвары и предстала во всей красоте, подобная молодой пальме. Громко смеясь, она пустилась бежать, а брат мой Гаддар погнался за нею. Но на этом моменте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и не проговорила больше ни слова. А когда наступила тридцать первая ночь, она сказала:



Говорили мне, о царь благословенный, что портной из китайского города рассказал царю продолжение той истории, которую багдадский цирюльник рассказал пирующим, а именно продолжение той истории о втором брате его Эль-Гаддаре, которую он в первый раз рассказывал халифу Монтассеру-Биллаху.

– Брат мой Гаддар пустился вдогонку за молодой девушкой, которая убегала от него, заливаясь смехом. И, глядя на Гаддара и на его размалеванное лицо без бороды, без усов и без бровей, три девушки и старуха покатились от хохота и стали топать ногами и хлопать в ладоши. А нагая девушка бросилась в галерею, потом из одной комнаты в другую, а брат мой, задыхаясь, бежал за ней. И вдруг на одном повороте девушка исчезла, а брат мой, распахнув дверь, очутился посреди улицы кожевников. И все они увидели Эль-Гаддара с бритой бородою, без усов и бровей, с нарумяненным, как у публичной женщины, лицом, и они загоготали, схватили ремни и принялись, смеясь, пороть его. Затем они посадили его задом наперед на осла и объехали весь базар и, наконец, притащили его к вали. И вали сказал: – Кто это? Они ответили: – Это человек очутился посреди нас, неожиданно выйдя из дома великого визиря. Тогда вали приказал дать брату моему Эль-Гаддару сто ударов кнутом по подошвам и выгнать его из города. Тогда, о глава правоверных, я побежал вслед за ним, тайно привез его обратно и обеспечил ему средства к существованию. Что же касается моего третьего брата и его истории, то это уж совсем другое дело, как ты сам увидишь сейчас.

* *Дарабука* – арабский односторонний барабан среднего размера.

ИСТОРИЯ БАКБАКА, ТРЕТЬЕГО БРАТА ЦИРЮЛЬНИКА

Слепой Бакбак, или Кудахтающий Толстяк – третий мой брат. Он считался одним из главных в братстве нищих Багдада. Однажды волею Аллаха случилось так, что брат мой, ища подаяния, пришел к дверям одного довольно большого дома. И, выкрикивая обычные воззвания, какими собирают милостыню, Бакбак постучал палкой в двери дома. На стук появился человек, у которого Бакбак, если бы он только не был слеп, конечно, не стал бы просить милостыни. Но такова уже была судьба его. И поскольку Бакбак не отвечал на вопрос «Кто там за дверью?», человек спросил его: – Чего ты хочешь? И брат мой Бакбак ответил ему: – Чего-нибудь во имя Аллаха Всевышнего. Человек спросил его: – Ты слеп? Он сказал: – Да, господин мой, и очень беден! Человек ответил: – В таком случае, дай мне руку. И человек ввел его в дом и повел по ступенькам на террасу, которая находилась на большой высоте. И когда они взобрались на террасу, человек сказал ему: – Чего ты хочешь, слепой? И брат мой с большим удивлением ответил: – Милостыни, во имя Аллаха! А человек ответил, как отвечают по обыкновению нищим, когда хотят их спровадить: – Да ниспошлет Аллах щедроты свои на день твой! Тогда Бакбак сказал: – Разве ты не мог дать мне ответ, когда я был внизу? И человек ответил: – Ах ты, вместилище нечисти! Почему ты не ответил мне, когда я спрашивал тебя из-за двери: «Кто там?» Убирайся поскорее, не то покатишься у меня по лестнице, как шар, о злополучный нищий!

И Бакбак, несмотря на слепоту свою, должен был без всякой помощи спуститься с лестницы. Ему оставалось еще десятка два ступеней, как вдруг он оступился, упал и покатился вниз. И при этом падении он сильно ушиб себе голову и, выйдя на улицу, начал стонать. Тогда несколько нищих спросили, что с ним, и он рассказал им и добавил: – Вы должны помочь мне вернуться домой за деньгами, чтобы я мог купить себе чего-нибудь поесть в этот бесплодный день! Я возьму кое-что из наших значительных сбережений, которые вы отдали мне в заведывание. А прогнавший его человек пошел за моим братом и двумя другими слепыми, стараясь проследить, куда они идут. И они пришли к жилищу Бакбака и не успели затворить дверей, а человек же быстро проскользнул внутрь вслед за ними. И Бакбак сказал своим товарищам: – Обыщите, нет ли в комнате постороннего. При этих словах человек, который занимался воровством, схватился за привязанную к потолку веревку, вскарабкался по ней до потолка и уселся там на балке.

А оба нищих несколько раз обошли комнату, ощупывая ее углы своими палками. И мой брат после этого вынул потихоньку деньги и пересчитал их. И оказалось их ровно десять тысяч драхм. Каждый из них нищих взял по три драхмы, а остальное они положили в мешки и спрятали их. Затем один из трех нищих вышел, чтобы купить съестного, и когда он вернулся, все три товарища уселись в кружок и начали есть. Тогда вор тихонько сполз по веревке и стал есть вместе с ними. А Бакбак, у которого был тонкий слух, услышал, как он чавкал, и воскликнул: – Среди нас кто-то чужой! При этом он протянул руку в ту сторону, откуда слышалось чавканье, и наткнулся на руку вора. Тогда Бакбак и оба другие нищие бросились на вора, завопили и стали сзывать соседей: – О мусульмане! На помощь! Этот вор хочет отнять наши маленькие сбережения. И соседи сбежались и увидели, что Бакбак с товарищами крепко держали вора. Но при появлении соседей вор притворился, что он тоже слепой и стал кричать: – О мусульмане!

Я слепой и состою в товариществе с этими людьми, которые хотят отобрать мою долю из десяти тысяч драхм наших сбережений. Клянусь вам в этом Аллахом!

В это время прибежали стражи вали и, схватив всех четырех, привели их к вали, который спросил: – Кто эти люди? А вор закричал: – Выслушай слова мои, о вали, и ты поймешь истину. Если же ты не хочешь верить мне, то подвергни меня пытке, а потом ты подвергни пытке моих товарищей; и они принуждены будут разъяснить тебе наше дело. Тогда стражи схватили мнимого слепого и принялись наносить ему удары кнутом. И мнимый слепой завопил и сначала открыл один глаз, а после нескольких последующих ударов открыл и другой. Увидев это, вали закричал: – Это что еще за уловки, о наглый обманщик? И он ответил: – Не вели наказывать меня, и я все объясню тебе! И вали отменил наказание, и вор сказал: – Нас здесь четверо слепых, и мы обманываем людей, чтобы получить милостыню. И мы проникаем в дома, чтобы смотреть на женщин и соблазнять их, и мы осматриваем внутренность домов, чтобы готовить верную кражу. Мы занимаемся этим прибыльным ремеслом уже долгое время, и нам удалось собрать десять тысяч драхм. И сегодня я потребовал мою долю, а товарищи мои отказались отдать мне ее. Они, наверное, заколотили бы меня насмерть, если бы стражи не спасли меня. Чтобы заставить сознаться моих товарищей, надо подвергнуть их ударам кнута, как и меня. Только нужно, чтобы их били покрепче, а иначе они не сознаются.

Тогда вали приказал схватить моего брата. И напрасно он кричал, что слеп от рождения, его подвергли еще более жестокой пытке. И точно так же вали поступил с двумя другими слепыми. Затем вали отобрал, при посредстве мнимого слепого, деньги, спрятанные в комнате моего брата, и дал четвертую часть этих денег вору, а остальное оставил у себя. И он сказал моему брату и его товарищам: – Обманщики! Вы клянетесь именем Аллаха, что слепы! Убирайтесь отсюда, и чтоб никто не видел вас больше в Багдаде! Тогда я, узнавши обо всем этом, выехал из города, нашел Бакбака, тайно привез в Багдад, поселил его у себя и взял заботу о его прокормлении.

Выслушав этот рассказ, халиф засмеялся и сказал: – Дайте вознаграждение этому цирюльнику, а затем пусть убирается! Но я ответил на это: – Клянусь Аллахом! Я ничего не приму, прежде чем не расскажу, что случилось с тремя остальными моими братьями! И халиф ответил: – Так и быть! Отдам вновь уши мои на растерзание твоему вранью, не лишенному, впрочем, известной приятности. Тогда я сказал:

ИСТОРИЯ ЭЛЬ-КУЗА, ЧЕТВЕРТОГО БРАТА ЦИРЮЛЬНИКА

Мой четвертый брат, кривой Эль-Куз-Эль-Ассуани, небьющийся кувшин, был багдадским мясником. Он превосходно изучил торговлю и отлично умел разводить толстохвостых баранов. И самые богатые купцы не покупали другого мяса, кроме его баранины, и он разбогател и приобрел большие стада и большие имения. И вот когда брат мой Эль-Куз сидел однажды в своей лавке, в нее вошел шейх с длинной белой бородой и сказал: – Отрежь-ка мне кусок хорошего мяса! И брат мой отрезал ему самого лучшего мяса и взял за него деньги. И когда после ухода незнакомца брат мой стал рассматривать серебряные монеты, то заметил, что они сверкали ослепительной белизной. И он отложил их в особую шкатулку. И в течение пяти месяцев шейх с длинной белой бородою ежедневно приходил за свежим и хорошим мясом и вручал за него новенькие серебряные монеты,

и каждый раз мой брат откладывал эти деньги. Но однажды, когда Эль-Куз решил прикупить на них несколько баранов, он открыл шкатулку и заметил, что вместо монет в ней лежат только белые бумажные кружечки. И он стал бить себя и кричать, жалуясь на свое несчастие: – Пусть пошлет ко мне Аллах этого проклятого шейха, и я вырву ему бороду! И скоро его окружила толпа прохожих, и из нее вдруг появился старик, который подошел к моему брату, как бы для того, чтобы вручить ему деньги. А брат мой схватил его за грудь, крича: – О мусульмане! Помогите! Вот этот наглый мошенник!

Но шейх не потерял своего спокойствия и так тихонько ответил моему брату: – Предпочтешь ты молчать или хочешь опозорить себя публично? На что Эль-Куз ответил: – Каким же образом ты можешь опозорить меня? И он сказал: – Я докажу, что ты продаешь человеческое мясо ведь в эту минуту в твоей мясной лавке на крючке висит человеческий труп вместо барана! И брат мой горячо возразил ему: – Если это так, собачий сын, то пусть достанутся тебе все имения мои и вся кровь моя! Тогда шейх закричал толпе громким голосом: – Друзья мои! Посмотрите на этого мясника! Этот человек каждый день вместо баранов душит сыновей Адама и продает нам их мясо! Если вы хотите проверить правду слов моих, войдите в его лавку и осмотрите ее! Тогда толпа бросилась в лавку моего брата, и все увидели висевший на крючке человеческий труп с ободранной кожей и вычищенными внутренностями; а на полке три человеческие головы, обчищенные и изжаренные в печке для продажи! Ведь шейх был колдуном, умевшим превращать одну вещь в другую.

Увидев это, присутствующие набросились на моего брата и стали бить его, и особенно жестоко били его прежние покупатели. А шейх нанес моему брату удар прямо в глаз и выбил его. Затем толпа схватила мнимый труп, связала моего брата Эль-Куза и направилась к исполнителю закона. И напрасно пытался мой брат защищаться: судья приговорил его к пятистам ударом палкой по спине и ягодицам! У него отобрали все его имения и все имущество. Затем его присудили к изгнанию. И брат мой, едва дыша от палочных ударов, побрел, сам не зная куда, пока не пришел в неизвестный ему город. И он решил заняться здесь ремеслом башмачника, которое не требует никаких других средств, кроме здоровых рук. И он устроился под маленьким навесом на перекрестке двух улиц, и принялся работать, снискивая себе пропитание. И однажды, пришивая заплату к туфле, он услышал шум приближающихся всадников. То был царь, отправлявшийся на охоту в сопровождении всей своей свиты.

И брат мой поднялся, чтобы взглянуть на царский кортеж. И пока он стоял, размышляя о тех обстоятельствах, которые сделали его из уважаемого всеми мясника последним из башмачников, появился царь, и по случайному совпадению его глаза обратились как раз на вытекший глаз моего брата. И царь изменился в лице и воскликнул: – Да охранит меня Аллах от дурного предзнаменования! И он повернул свою кобылу и вместе со свитой поехал обратно. И он дал приказание своим рабам схватить и наказать моего брата. Рабы бросились на Эль-Куза и избили его. Когда они удалились, Эль-Куз поднялся и горестно побрел в свой приют. Как раз в это время мимо проехал человек из свиты царя. Эль-Куз рассказал ему о том, как с ним поступили. Человек громко расхохотался и ответил ему: – Брат мой! Знай, что царь наш не может переносить вида человека кривого на левый глаз. Это приносит ему несчастие, и он приказывает всегда убить его. Поэтому я очень удивляюсь, что ты остался

в живых! Не слушая дальнейшего, брат мой собрал свои рабочие инструменты и немедленно вышел из города. И он пришел в другой, очень отдаленный город, где не было ни царя, ни тирана.

Он довольно долго прожил в этом городе, стараясь из предосторожности нигде не показываться. Но однажды он вышел немножко подышать воздухом и побродить. Вдруг он услышал позади себя ржание коней и пустился бежать. Он увидел перед собою большую дверь и бросился внутрь дома. Но едва он успел укрыться, как перед ним выросли два человека, которые схватили и связали его, говоря: – Слава Аллаху, который позволил нам, наконец, разыскать тебя! Ты хочешь погубить нас и хозяина этого дома! Где тот нож, который ты держал в руке, когда гнался вчера за одним из нас? С этими словами они принялись обшаривать его и нашли у него за поясом нож, которым он разрезал кожу для подметок. Тогда они хотели задушить его, но он закричал: – Послушайте, добрые люди! Я не вор и не разбойник. Я расскажу вам мою собственную историю! Но они не хотели слушать его, а стали бить. И когда они разорвали его платье, то увидели на спине рубцы от палочных ударов. Тогда они воскликнули: – О проклятый злодей! Эти следы свидетельствуют о твоих прежних преступлениях! И тут они потащили бедного Эль-Куза к вали. Вали гневно посмотрел на него и сказал: – Гнусный наглец! Следы ударов служат доказательством всех твоих прежних и настоящих злодеяний! И он распорядился, чтобы Эль-Кузу дали сто розог! А затем его привязали на спину верблюда, и глашатаи возили его по всему городу, выкрикивая: – Вот как наказывают того, кто преступно проникает в дом ближнего!

Но известие о злоключениях брата моего Эль-Куза дошло до меня. И я сейчас же пустился на розыски и, в конце концов, нашел его. Тогда, о глава правоверных, я позаботился об его излечении и тайно привез его в Багдад. Вот история моего злополучного брата Эль-Куза. Что касается моего пятого брата, то его приключение покажет тебе, о, глава правоверных, насколько я осторожнее и мудрее моих братьев.

ИСТОРИЯ ЭЛЬ-АШАРА, ПЯТОГО БРАТА ЦИРЮЛЬНИКА

Это именно тот из братьев моих, у которого были отрезаны уши и нос. После смерти отца моего мы получили в наследство каждый по сто драхм серебром. Эль-Ашару взбрела мысль приобрести партию разной стеклянной посуды и продавать ее в розницу. С этою целью он купил большую корзину, где можно было держать посуду, и выбрал себе уголок на многолюдной улице. Он спокойно уселся, прислонился спиною к стене дома и стал предлагать свой товар проходящим, выкрикивая: – О капли солнца! О алебастровые груди молодых девушек! О глаза моей кормилицы! О затвердевшее, холодное дыхание девственниц, о стекло! О мед окрашенный, о стекло!

Но чаще всего Эль-Ашар сидел молча и предавался своим мечтам. И вот о чем думал он в один из таких дней: «Я поместил в приобретение этой посуды сто драхм. Мне удастся продать все это за двести драхм. И так я буду все продавать и покупать и опять продавать, пока не наживу себе большого состояния. Тогда я накуплю себе разных москательных товаров и благовоний и не перестану торговать до тех пор, пока доходы мои не станут очень значительными. Тогда я смогу купить себе большой дворец, рабов, лошадей и седел с чехлами из расшитой золотом парчи. И я буду есть и пить; и не пройдет особенно много времени, как я окажусь женатым по крайней мере

на дочери великого визиря! И я дам за нее выкуп в тысячу динариев золотом. Потом закажу себе царственные одежды, какие носят только султан и эмир. И тогда, сев на прекраснейшую лошадь, я приеду ко дворцу великого визиря, который уступит мне свое место и почтет за счастье признать себя моим тестем. Затем я сам назначу день моей свадьбы и установлю подробности брачной церемонии. А в брачную ночь я облекусь в мои лучшие одежды и взойду на трон. И жену мою подведут ко мне, а я даже и не пошевелюсь, пока все женщины, присутствующие на свадьбе, не приблизятся ко мне и не скажут: – О, господин наш и венец голов наших! Вот супруга и раба твоя стоит перед тобою, ожидая, чтобы ты удостоил ее взглядом. И все приглашенные преклонятся перед величием моим и упадут ниц, многократно лобызая землю. Тогда только я удостою взглядом жену мою. И так буду я действовать, пока все церемонии не окончатся... Но на этом моменте повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и с обычною скромностью умолкла А когда наступила тридцать вторая ночь, она рассказала царю Шахрияру продолжение этой истории:

ночь тридцать вторая

Говорили мне, о царь благословенный, что цирюльник закончил рассказ о приключениях пятого брата своего, Эль-Ашара, следующим образом: ...пока все церемонии не окончатся. Тогда я прикажу молодым рабам взять кошелек с пятьюстами динариями мелкой монетой и разбросать эти монеты пригоршнями по всей зале. После этого прислужницы отведут жену мою в ее опочивальню, куда явлюсь и я сам, но не иначе, как заставив долго ждать себя. Что же касается жены моей, то я по-прежнему совершенно не буду замечать ее присутствия, тогда как она, лежа на кровати, будет ожидать, чтобы я подошел к ней. И чтобы хорошенько унизить ее, я не скажу ей ни единого слова и таким образом покажу ей, как я намерен обращаться с нею в будущем. Не глядя на нее, я буду наслаждаться тем, что она, дочь великого визиря, ожидает меня, бывшего продавца стеклянной посуды. А она, видя с моей стороны такое благородство и величие, со слезами на глазах скажет мне: – О господин мой! Будь милостив! Ибо я последняя из рабынь твоих! Но я ничего не скажу в ответ на слова эти. А она, видя, что я молчу, будет настаивать. А я при виде такой нескромности, рассвирепею дам ей пощечину и изо всех сил ударю ее ногою прямо в живот, – вот так...».

И с этими словами, – продолжал цирюльник, – брат мой сделал жест ногою, как бы нанося страшный удар в живот своей несуществующей жене, и угодил прямо в стоявшую перед ним корзину с хрупкой стеклянной посудою. И корзина со всем, что в ней было, покатилась! И от всего его богатства остались одни осколки. Видя это непоправимое несчастие, Эль-Ашар начал бить себя по лицу, плакать и жаловался на свою судьбу. Люди увидели брата моего в этом состоянии. Одни остановились, выражая

ему сожаление, другие, узнав о его сумасбродном поступке, громко смеясь. Но в это время мимо него проехала одна знатная женщина. Красотою своею она превосходила самых прекрасных женщин. При виде разбитой посуды и моего брата она осведомилась о причине такого отчаяния. Ей ответили, что у этого бедного человека была корзина со стеклянной посудою, продажа которой доставляла ему средства к жизни, а теперь все разбилось вдребезги. Тогда женщина подозвала слугу и сказала: – Отдай этому бедному человеку все деньги, какие ты имеешь при себе! И слуга сейчас же вручил деньги моему брату. Эль-Ашар взял кошель, открыл его и нашел там пятьсот динариев золотом. При виде этого он чуть не умер от волнения и начал призывать на свою благодетельницу все милости Аллаха.

Таким образом Эль-Ашар сразу разбогател и пошел к себе домой, чтобы спрятать это свое богатство. Вдруг кто-то тихо постучал в его двери. Он встал и увидел старую и совершенно незнакомую ему женщину, которая сказала ему: – О дитя мое! Дозволь мне войти на минуту к тебе и совершить мое омовение вдали от нескромных глаз. И брат мой распахнул перед нею двери и повел в кухню, где оставил ее одну. Через несколько минут старуха вошла в комнату моего брата. И он вынул из-за пояса два динария и протянул их ей. Но старуха с достоинством отстранила их и воскликнула: – О дитя мое! Спрячь деньги обратно в кушак, ибо, судя по виду, эти деньги более нужны тебе самому, чем мне. А если ты можешь обойтись без них, то лучше возврати их той благородной женщине, которая дала их тебе, увидев твою разбитую посуду. Брат мой ответил: – Я прошу тебя указать мне способ увидеть ее. Старуха ответила: – Сын мой! Я давно уже состою в услужении у этой молодой особы. Когда же я приведу тебя к ней, поспеши выказать ей свои чувства. И чем горячее ты будешь, тем более привяжешь ее к себе. И ты будешь безусловным господином ее красот и всех ее богатств! Мой брат поспешил вслед за старухой и шел за нею до тех пор, пока они не подошли к большой входной двери, в которую старуха постучала особенным образом. В ответ на сигнал появилась молодая рабыня и открыла дверь. Старуха вошла, и брат мой последовал за нею. Рабыня ввела его в великолепную залу, убранную роскошными коврами. Появилась молодая женщина дивной красоты. Она подошла к моему брату и повлекла его на бархатный диван. И было бы бесполезно рассказывать о том, что делали в течение целого часа мой брат и молодая женщина – об этих объятиях, поцелуях и ласках всякого рода.

После всего этого женщина поднялась и сказала моему брату: – Не трогайся отсюда, пока я не возвращусь! Вдруг появился огромный страшный негр с обнаженным мечом в руке и закричал пораженному ужасом Эль-Ашару: – Горе тебе, несчастный! Как осмелился ты проникнуть сюда! Негр схватил его, раздел и стал бить его плоской стороною меча. Затем он стал вонзать свой меч в разные места его тела, пока брат мой не упал на землю. Тогда в комнате появилась негритянка с подносом, наполненным солью. Она принялась набивать солью все раны моего брата, который, несмотря на ужасные страдания, боялся пикнуть из опасения, чтобы его не добили насмерть. Потом появилась старая женщина, которая обшарила пояс моего брата и вытащила оттуда все золото. Затем она за ноги поволокла его на двор и сбросила в подземелье, куда она бросала трупы всех, кого заманивала для услаждения госпожи своей. Подземелье, куда был брошен мой брат, было велико и полно мрака; тела всех низвергнутых

туда грудою лежали одно на другом. И он провел там два дня, не имея никакой возможности пошевелиться вследствие ушибов от падения. Однако соль, которой был пропитан брат мой, остановила потерю крови. Когда раны несколько зарубцевались, брату удалось высвободиться из груды мертвых тел и подползти к слуховому окну, которое было проделано в стене. Он добрался до окна и через него вылез из подземелья на свет.

Тогда он вернулся в свой дом, где я отыскал его и стал пользовать разными лекарствами, которые я делал из растений, и через некоторое время брат мой совершенно оправился. Решив отомстить за муки, которые он претерпел, брат мой пустился разыскивать старуху и пошел на то место, куда она приходила, чтобы заманивать молодых людей, которые должны были удовлетворять страсти ее госпожи. Он переоделся чужестранцем и наполнил свой пояс битым стеклом, чтобы можно было подумать, будто у него там золото; он спрятал под длинный кафтан большую саблю и пошел ждать старуху. Когда она появилась, он подошел к ней и на ломаном персидском языке сказал: – Я чужестранец и хотел бы знать, где найти весы, чтобы взвесить девятьсот золотых динариев, которые спрятаны у меня за поясом. И проклятая старуха ответила: – Разумеется, мой друг! Мой сын по ремеслу меняла, и он с удовольствием одолжит тебе весы. И он сказал: – Ступай впереди, а я за тобой! И он последовал за нею, и они дошли до дома, где он уже был. И та же молодая рабыня отворила им двери, и старуха сказала ей шепотом: – На этот раз я добыла для нашей госпожи мяса поздоровее! И рабыня провела брата моего в залу, а потом пошла доложить о нем своей госпоже, которая проделала с ним тоже, что и в первый раз. И затем вошел негр с мечом в руке, который приказал брату следовать за ним. Тогда брат мой выхватил саблю и одним взмахом отрубил негру голову. На шум от падения прибежала негритянка, которую постигла та же участь; затем – гречанка, голова которой тоже покатилась.

Потом вышла и старуха, но, увидев моего брата с саблею в руке, она страшно перепугалась; а брат мой схватил ее за волосы и закричал: – Узнаешь ты меня, насквозь прогнившая сводница? А старуха ответила: – О господин мой! Я не узнаю тебя! Брат же сказал: – Знай же, что я тот самый, которого ты пригласила сюда для услаждения госпожи своей и которого ты волокла за ноги, чтобы бросить в подземелье! И брат мой одним взмахом разрубил старуху надвое, а затем пустился разыскивать женщину, которая дважды совершила с ним любодеяния. Он нашел ее в одной из комнат; увидев его, она бросилась к ногам его, умоляя о пощаде; и брат мой, помня о наслаждениях, которые она доставила ему, великодушно пощадил ее, и на его расспросы она сказала: – О господин мой! Прежде владельцем моим был богатый купец; а старуха была другом его дома. И однажды она пришла ко мне и сказала: – Я приглашена на свадьбу, какой еще не бывало, и я зашла, чтобы взять тебя с собою! И я оделась в свои лучшие платья, и взяла с собою кошелек со ста динариями. Мы пришли в этот дом, где я попала посредством ее хитростей под власть страшного негра, который лишил меня невинности и сделал из меня орудие своих преступных замыслов. И уже три года как я представляю собственность этой отвратительной старухи. Тогда брат мой спросил: – Но скажи мне, велико ли богатство, скопленное здесь этими преступниками? И она ответила: – Настолько велико, что я сомневаюсь, чтобы ты мог унести все один; пойдем и посмотри собственными глазами! И она показала огромный сундук, наполненный

монетами различных стран, и кошельки всевозможных форм. И брат мой от изумления не мог тронуться с места. Тогда она сказала ему: – Пойди, позови носильщиков и нагрузи их этим золотом! И брат мой через несколько времени вернулся, ведя за собою десять человек. Но, подойдя к дому, он увидел, что молодая женщина вместе со всеми сундуками скрылась. И он понял, что она одна воспользовалась главными богатствами. Однако, он утешился, глядя на ценности, хранившиеся в шкафах, ибо и этого было достаточно, чтобы обогатить его на весь остаток дней его. И он сказал себе, что завтра же унесет все это, и так как он чувствовал себя совершенно разбитым, он растянулся на роскошной кровати и заснул.

Наутро он едва пришел в себя от ужаса, ибо увидел, что его окружили стражи вали, которые сказали ему: – Отправляйся с нами, ибо вали требует тебя! И они привели его к вали, который сказал: – Я знаю все совершенные тобою злодеяния, и то, что ты собирался учинить кражу! Тогда брат мой воскликнул: – О вали! Я расскажу тебе всю правду! И брат мой рассказал ему всю свою историю и прибавил: – Теперь, о вали, я согласен разделить с тобою поровну все, что осталось мне от сокровищ этого дома. Но вали ответил ему: – Клянусь Аллахом, ты ничего не получишь! И ты должен почитать себя счастливым, сохранив жизнь свою. И, опасаясь, чтобы история отобрания денег в его пользу не дошла до халифа, вали изгнал из города моего брата. И брат мой должен был бежать. Но только он вышел за городские ворота, на него напали разбойники, которые отняли у него одежду, избили его палками и, чтобы наказать за то, что у него не было ни золота, ни денег, отрезали ему уши и нос. И когда я узнал о злоключениях бедного Эль-Ашара, я пустился на розыски его. И я привез его к себе, излечил его и обеспечил ему средства к жизни. Что же касается истории шестого брата моего,о эмир правоверных, то она заслуживает того, чтобы ты выслушал ее прежде, чем я успею перевести дух.

ИСТОРИЯ ШАКАЛИКА, ШЕСТОГО БРАТА ЦИРЮЛЬНИКА

Звали его Шакаликом, треснутым горшком, и у этого из моих братьев вследствие удивительных обстоятельств отрезаны губы. Шестой брат был совершенно бедняком. Я не упоминаю о ста драхмах, которые он получил в наследство от отца нашего, ибо Шакалик в одну ночь проел их в компании с разными оборванцами Багдада. И он жил только щедротами людей, которые принимали его у себя за его остроумие и забавные выходки. В один прекрасный день Шакалик, слоняясь по улицам, очутился перед великолепным домом с большим крыльцом. И на его ступеньках находилось множество служителей, прислужников, рабов и привратников. И Шакалик подошел к ним и спросил, кому принадлежит это здание. И они ответили, что это собственность одного из сыновей царя. Затем брат мой подошел к привратникам и попросил у них милостыни во имя Аллаха! И они отвечали ему: – Неужели ты не знаешь – стоит только войти и предстать перед нашим господином, и он осыплет тебя своими дарами?

Тогда брат мой прошел через большую колоннаду в обширный сад, наполненный прекрасными деревьями и певчими птицами. Кругом шла резная галерея, вымощенная мрамором. И брат мой пошел дальше и вошел в залу, посреди которой находился бассейн, где струилась с нежным шумом свежая вода. Рядом, облокотившись о шитые золотом подушки, сидел старец с длинной белой бородою и лицом, озаренным блаженной улыбкой. И брат мой подошел

и сказал старику: – Мир над тобою! А старик поднялся и ответил: – И над тобою да пребудет милосердие Аллаха! Но чего же ты хочешь? И брат мой ответил: – О господин мой! Хочу попросить милостыни у тебя, ибо я изнурен лишениями! И старик, узнав о несчастном состоянии, в каком находился мой брат, был охвачен сердечным сокрушением и воскликнул: – Именем Аллаха! Может ли это быть, чтобы человеческое существо дошло до такой степени голода, в какой я вижу тебя! Ты должен разделить трапезу мою! О гость мой! Подойди и умой руки свои!

С этими словами старик сделал жест, как если бы он лил воду на руки из невидимого рукомойника, и затем начал тереть руки, как если бы вода в самом деле лилась. При виде этого Шакалик не знал, что и подумать. Но так как сам он славился забавными выходками и шутками, то он стал делать вид, что умывает себе руки. Тогда старик сказал: – Эй, вы! поспешите разостлать скатерть и принести нам еду! И сейчас слуги стали как бы расстилать скатерть и уставлять ее многочисленными блюдами и сосудами. А Шакалик, несмотря на голод, старался не показать ни малейшего знака нетерпения. А старик стал делать вид, что берет кушанья и действует челюстями и губами, совершенно так, как если бы он жевал в самом деле; и при этом он говорил моему брату: – Мой дом – твой дом, не стесняйся, кушай вволю, не стыдясь! Откушай с этого блюда, где золотится превосходная на вкус кебеба. Кухарка не пожалела для нее ни красного битого мяса, ни очищенного и толченого ячменя, ни кардамона, ни перца! Скажи мне, как нравится тебе вкус, запах и аромат этого блюда? И брат мой ответил: – Аромат его проникает до глубины груди моей! Я должен сказать тебе, что и в царских дворцах мне не приходилось отведывать ничего подобного!

И с этими словами Шакалик принялся работать челюстями и щеками, жевать, глотать совершенно так, как если бы он делал это вправду. А старик сказал: – Какое удовольствие ты мне доставляешь, о гость мой! Что скажешь ты об этих превосходных жареных цыплятах, начиненных фисташками, миндалем, рисом, изюмом, перцем, корицею и рубленой бараниной? И брат мой воскликнул: – О Аллах! До чего превосходен аромат их и приятен их вкус, и бесподобна их начинка! Они восхитительнее, чем грудь моей кормилицы, и нежнее щекочут небо мое, чем пальчики молодых девушек! И брат мой сделал вид, что берет одного цыпленка, покачивая в знак удовольствия головой и пощелкивая по нёбу языком. При этом голод его становился все невыносимее, и он говорил себе, что охотно ограничился бы для его удовлетворения простым черствым хлебом. И брат мой сказал: – Право, я уже достаточно насытился этими блюдами! Тогда старик хлопнул в ладоши и воскликнул: – Расстелите нам другую скатерть и принесите всяких пирожных, варений и самых изысканных плодов! И сейчас же рабы стали двигать руками, как бы меняя скатерть. И старик сказал брату моему: – Теперь пора усладиться лакомствами. Не правда ли, необычайно нежно на вкус это золотистое печенье, начиненное миндалем, сахаром и гранатами? Скушай для пробы одну или две штучки! Посмотри, как искусна моя пирожница и как красиво она сделала из теста эти завитки! Кушай, гость мой, и не стесняйся брать побольше! И старик подносил руку ко рту и глотал, совершенно как вправду. И мой брат подражал ему, чувствуя, что от голода по губам его текут слюни.

А старик продолжал: – Теперь перейдем к варенью и фруктам! Посмотри на это прозрачное и золотистое варенье из абрикосов, которые так и тают во рту!

А это варенье из лимонов в сахаре, надушенное амброю! А вот розовые шарики из лепестков роз и цветов апельсинного дерева! Я готов объесться ими на смерть! Но погоди! Ибо я особенно хотел бы слышать твой отзыв об этом варенье из фиников, начиненных миндалем и гвоздикой. И брат мой сказал: – Оно превосходит все, что когда-либо грезилось мне, и мое наслаждение его прелестью не имеет пределов! А старик продолжал: – Надеюсь, что у тебя еще есть место для фруктов. Вот лимон, банан, финики, яблоки, айва и виноград! Вот миндаль и орехи разных сортов! Кушай, гость мой, – велик и милостив Аллах над нами! И хотя желудок брата моего при перечислении всех этих вкусных вещей более чем когда-либо терзался голодом, он сказал: – О господин! Я совершенно насытился, и ни один глоток не может больше пройти через мою глотку! А старик ответил: – Удивительно, как ты скоро насытился! Но теперь мы будем пить!

При этом старик хлопнул в ладоши, и прибежали слуги, которые стали делать вид, будто все убирают, а затем расставляют на скатерти два кубка, графин, кувшин и тяжелые жбаны. И старик сделал вид, что наливает вино в несуществующий кубок, и мой брат взял его, поднес ко рту и сказал: – О Аллах! Что за превосходное вино! А про себя он подумал: – Теперь как раз время разделаться с этим стариком за все те муки, которые он причинил мне. И мой брат поднялся, как если б был совершенно пьян, поднял руку и нанес по затылку старика такой удар, что от него загудело по всей зале, а затем нанес ему второй, еще более сильный удар. Тогда старик воскликнул: – Что ты делаешь, о гнуснейший из людей! А Шакалик отвечал: – Я покорный раб твой, которого ты накормил самыми тонкими блюдами, каких не едали даже цари, вкус которого ты усладил сладчайшими вареньями и пирожными и жгучую жажду которого ты утолил драгоценными винами! Но что делать? Он так много пил этих вин, что потерял всякое разумение и поднял руку на своего благодетеля! Смилуйся же! Прости ему его безумие!

При этих словах старик, вместо того, чтобы выказать гнев, расхохотался и сказал Шакалику: – Вот уже сколько времени я ищу среди людей, известных своими забавными выходками, человека твоего ума и терпения. И никто не мог так удачно выпутаться из моих смешных затей! Ты – единственный, сумевший выдержать мою шутку до конца и поддержать мою игру! И я хочу, чтобы ты по-настоящему разделил со мною трапезу. И я не расстанусь с тобою отныне! И старик по-настоящему приказал своим рабам подать им обед и не жалеть ничего. После того, как они поели разных кушаний и усладились пирожными, вареньями и фруктами, старик пригласил моего брата в залу для напитков. И в то время как они распивали разное тонкое вино, молодые певицы пели самые пленительные песни чудеснейшими голосами и с глубоким чувством. Затем самые воздушные из них понеслись в пляске и долго плясали, свежие и благоухающие ароматами. И праздник закончился поцелуями и восторгами, более упоительными, чем все, что снится во сне.

С тех пор старик привязался к брату моему самым крепким образом и сделал его своим ближайшим другом. Но по прошествии двадцати лет он умер, и вали отобрал его имущество, ибо наследников у старика не было, а брат мой не был его сыном. Тогда брат мой, опасаясь недобрых замыслов вали, принужден был покинуть Багдад. И он решил побывать в Мекке, чтобы очиститься от грехов. Но на паломников, к которым он присоединился, напали разбойники, грабившие

на больших дорогах, и брат мой попался к самому жестокому из разбойников-бедуинов. И бедуин этот увез моего брата в отдаленный поселок и сделал его своим рабом. И каждый день он бил его и говорил: – Заплати за себя выкуп, а не то я убью тебя собственной рукою! И брат мой говорил, обливаясь слезами: – Клянусь Аллахом, у меня ничего нет! И я не знаю даже пути, который ведет к богатству. Делай же со мною, что знаешь!

А нужно сказать, что бедуин держал у себя в палатке жену с черными бровями и черными, как ночь, глазами; и жарки были ее объятия. И каждый раз, когда муж ее удалялся, она подходила к моему брату и предлагала ему свое тело, это дивное произведение арабской пустыни. Что же касается брата моего Шакалика, который не отличался особенною ловкостью в этих делах, то он отказывался от бедуинки из стыда пред Аллахом! Однако однажды пламенной бедуинке удалось поколебать воздержанность Шакалика, для чего она долго ходила вокруг него с возбуждающими движениями бедер, грудей и прелестного живота. И брат мой взял ее и забавлялся с нею разными, подобающим случаю, забавами и, наконец, посадил ее к себе на колени. И в это время в палатку внезапно ворвался бедуин. Совершенно рассвирепев, он выхватил нож и, схватив моего брата, отрезал ему его губы, впихнул их ему в рот и закричал: – О подлый предатель! Ты развратил мою жену! Затем он поднял его на спину верблюда и свез на вершину горы, где бросил его. А гора эта находилась на пути паломников, и некоторые из них, родом из Багдада, узнали в нем того самого Шакалика, который так смешил их своими забавными выходками. И, накормив и напоив его, они сообщили мне о случившемся.

Тогда я пустился на его розыски и привез обратно в Багдад. Затем я излечил его раны и обеспечил ему средства к жизни. И вот теперь я стою перед тобою, о глава правоверных, в кратких словах рассказав тебе историю моих шести братьев. Выслушав эту историю, – продолжал цирюльник перед пирующими, – халиф начал смеяться и сказал мне: – В самом деле, о Самет! Ты чрезвычайно далек от нескромности и других дурных качеств. Однако я требую, чтобы ты покинул Багдад и отправился в какие-нибудь другие места. Таким образом халиф изгнал меня, не сказав ни слова о причине такого наказания. Тогда я пустился путешествовать и вернулся в Багдад, когда узнал о смерти халифа Монтассера-Биллаха. И здесь я узнал, что все мои братья уже умерли. И в это время молодой человек позвал меня, чтобы обрить ему голову. И все, что он рассказывал на мой счет, есть чистейшая клевета, сплошная ложь, выдумки и вздор!

Такова эта история, о царь благословенный! – продолжала Шахразада, – история в семи частях, которую портной из Китая рассказывал царю. Потом она прибавила: – Когда цирюльник озвучил эту историю, все мы имели много оснований, чтобы заключить, что он был самым ужасным из болтунов и самым нескромным из всех цирюльников. И все мы пришли к убеждению, что молодой хромой из Багдада был жертвой нестерпимой навязчивости этого цирюльника. И хотя его истории нас позабавили, мы сочли, что нужно наказать его. И мы схватили его и заперли в темной комнате, где водилось много крыс. Сами же мы продолжали есть, пить и веселиться вплоть до часа утренней молитвы. Но когда я пришел домой, то застал жену мою в самом дурном настроении духа. И она сказала мне: – Вот ты каков! Предаешься веселью и разгулу, а меня оставляешь дома одну в тоске и печали! И если ты не согласишься гулять со мною в течение всего дня, я попрошу немедленно развода!

Тогда я, желая водворить мир, пошел гулять со своей женою. И возвращаясь домой, мы встретили горбуна, принадлежащего тебе, о великодушный царь. И горбун этот, совершенно пьяный и веселый, острил и шутил с окружающими. И я подумал, что он будет нам приятным сотрапезником, и мы пригласили его разделить наш ужин. И за трапезой моей жене захотелось пошутить над горбуном; она засунула ему в рот большой кусок рыбы, которым он и подавился. И тогда мы взяли мертвого горбуна и притащили его в дом врача-еврея, который находится здесь с нами. А врач-еврей в свою очередь подбросил его в дом поставщика, который, в свою очередь, свалил все дело на маклера-христианина. Однако, конечно, история цирюльника и его братьев гораздо более интересна, чем история горбуна!

Тогда царь Китая сказал портному: – Я должен признать, что твоя история, быть может, еще более поучительна, чем приключения моего бедного горбуна. Но где он находится, этот удивительный цирюльник? Я должен видеть и выслушать его, прежде чем приму какое-нибудь решение. С этими словами царь велел своим придворным отправиться на розыски цирюльника. И по прошествии часа придворные, освободив цирюльника из темной комнаты, привели его во дворец царя. И, посмотрев на него, царь увидел, что это был старый шейх со смуглым лицом, белой бородою, с отвислыми и проколотыми ушами и с необыкновенно длинным носом. Тогда царь расхохотался и сказал: – До меня дошло, что ты умеешь рассказывать чудесные истории. И мне хотелось бы, чтобы ты рассказал одну из них. И цирюльник ответил: – О царь нашего времени! Тебя не обманули, рассказав о моих достоинствах. Но прежде всего я хотел бы узнать, кто этот лежащий на земле мертвый горбун?

И царь Китая рассказал ему историю горбуна. Когда же цирюльник узнал причину смерти горбуна, он покачал головою и сказал: – Приподнимите-ка покрывало с тела этого мертвого горбуна, мне нужно взглянуть на него! И цирюльник подошел к нему, положил себе на колени голову горбуна и стал внимательно всматриваться в его лицо. И вдруг он залился смехом и сказал: – О царь! Клянусь тебе благодеяниями твоими, этот горбун жив! И цирюльник достал склянку с мазью и помазал ей шею горбуна, а затем он ввел в глотку горбуна длинные железные щипцы и вытащил ими большой кусок рыбы с костью, которой подавился горбун. И горбун пришел в сознание, провел по лицу руками и вскочил на ноги. При виде этого все присутствующие преисполнились удивлением к цирюльнику. И царь сказал: – Клянусь Аллахом! Никогда в жизни не видел я ничего более странного и необычайного! Видал ли кто-нибудь из вас, чтобы человек воскрес таким образом? И царь Китая приказал записать золотыми буквами истории горбуна и историю цирюльника и положить ее на хранение в архив его царствования. Затем он подарил по великолепной почетной одежде врачу-еврею, христианину-маклеру, поставщику и портному, и приказал им помириться с горбуном. И он сделал великолепный подарок самому горбуну, которого он назначил своим сотрапезником. Что же касается цирюльника, то он заказал ему золотые ножницы и бритвы и дал ему звание цирюльника двора. И жили они все в полном благополучии, пока не положила предела их счастью похитительница всех услад земных, Смерть.

Однако, – сказала Шахразада царю Шахрияру, – не думай, что эта история лучше, чем история прекрасной Анисаль-Джалис! И Шахрияр воскликнул: – Кто это? И тогда Шахразада сказала:

История Анис-аль-Джалис и Али-Нур-ад-Дина

О благословенный царь, до меня дошло, что в Басре жил некогда царь, который платил дань своему повелителю Гарун-аль-Рашиду. И звали его Могаммад-бен-Солейман Эль-Зейни. И он жалел всех несчастных, и раздавал им свои деньги. И было у него два визиря: Эль-Могин бен-Сауи и Эль-Фадледдин бен-Кхакан. И Фадледдин был одарен приятным характером и всеми прекрасными качествами, которые привлекали к нему сердца и внушали уважение ученым, являвшимся к нему за разрешением затруднительных вопросов. И все население царства, все, без исключения, желали ему долгой жизни и благоденствия. А бен-Сауи, наоборот, – ненавидел своих ближних, презирал добро и предавался злу. И визирь Сауи ненавидел доброго визиря Фадледдина и пользовался каждым случаем, чтобы повредить ему в глазах царя.

И вот однажды царь Басры получил известие о прибытии на невольничий базар новой партии молодых невольниц, вывезенных из разных стран. И царь повернулся к Фадледдину и сказал ему: – Я хочу, чтобы ты нашел для меня молодую невольницу, которая была бы совершенством красоты и превосходила всех женщин по своим качествам. При этих словах визирь Сауи исполнился ревности, видя, что царь оказывает больше доверия его сопернику; и, желая отклонить царя от этого намерения, он воскликнул: – Но если допустить, что можно найти подобную женщину, то придется отдать за нее по крайней мере десять тысяч золотых динариев! Тогда царь позвал своего казначея и сказал ему: – Возьми десять тысяч динариев и отнеси их моему визирю Фадледдину! И тот, получив деньги, отправился на невольничий базар, но не нашел там ни одной девушки, которая хоть сколько-нибудь соответствовала бы требованиям царя. Тогда он позвал всех маклеров, занимавшихся покупкой и продажей невольниц, и сказал им: – Каждый раз, когда на базаре появится невольница, за которую требуют не менее тысячи динариев, немедля извещайте меня.

И в течение месяца он видел больше тысячи молодых девушек, одну

прекраснее другой, но визирь не мог остановить своего выбора ни на одной из них. И вот однажды знакомый маклер прибежал к Фадледдину и сказал: – О благородный ибн-Кхакан, я пришел объявить тебе, что невольница, описание которой ты соблаговолил дать, найдена! И через час маклер привел во дворец невольницу, о которой он говорил. Это была высокая, стройная молодая девушка, и у нее были упругие груди, смуглые веки, глаза темнее ночи, гладкие нежные щеки, тонкий подбородок, слегка оттененный ямочкой, крепкие пышные бедра, тонкая талия осы и тяжелый царственный зад. Ее ротик ее был точно цветок, а губы краснее свежего мускатного ореха, и все тело более гибко, чем ветка ивы. Ее голос был приятнее, чем ветерок, насыщенный благоуханием сада. И во всех прочих отношениях она была достойна стихов поэта:

Любить ее!.. О ней мечтая ночью,
Я весь горю, смущается душа!
Я вспоминаю ночь ее кудрей,
Ее лицо свежей зари румяной;
Пред ним бледнеет утра яркий свет!

И когда визирь увидел ее, он пришел в неописанный восторг и спросил маклера: – Какова цена этой невольницы? Тот отвечал: – Владелец ее требует десять тысяч динариев, и он клялся мне, что даже и при этом он будет в убытке. И визирь сказал: – Хорошо! Приведи сюда поскорее владельца этой девушки! И маклер полетел за хозяином невольницы, и визирь увидел, что это пожилой персиянин. Старик пожелал мира визирю, который сказал ему, что невольница предназначается для самого царя! На что старик сказал: – Если она предназначается для царя, то я предпочел бы поднести ее в дар, не требуя за нее никакой платы. Но я скажу тебе, что эти десять тысяч золотых динариев едва возместят стоимость цыплят, которыми я с детства кормил ее, и дорогих платьев, в которые я постоянно одевал ее, и все расходы, сделанные мною на ее образование. И визирь Фадледдин приказал взвесить десять тысяч динариев в присутствии старого персиянина, который взял их. Но перед уходом торговец невольницами сказал визирю: – Прошу позволения дать один совет. Я советую не вести сейчас же эту невольницу Анис-аль-Джалис к царю, потому что усталость от долгого путешествия и перемена климата немного изнурили ее. Оставь ее у себя на десять дней; тогда ее красота выступит во всем своем блеске. И визирь послушался этого совета. И он велел отвести Анис-аль-Джалис отдельную комнату в своем дворце.

А у визиря Фадледдина был сын несравненной красоты. И он был как луна во время полнолуния; и лицо его было поразительной белизны, и на щеках его был нежный шелковистый пушок, и к нему вполне подходили следующие строфы поэта:

Его ланит пылающие розы
Прелестней алых фиников, и я
Хочу сорвать их. Но ужель осмелюсь
Я руку к ним столь дерзко протянуть?

И этот молодой человек, которого звали Али-Нур, не знал ничего о покупке Анис-аль-Джалис. Но его отец сказал Анис-аль-Джалис: – Знай, что я купил тебя по поручению нашего повелителя царя, и ты будешь его фавориткой. И потому ты должна оберегать себя и избегать всего, что может опорочить тебя и меня. А у меня есть сын, и во всем околотке нет ни одной девушки, которая не отдалась бы ему добровольно. Поэтому остерегайся встречи с ним, ибо если это случится, ты погибнешь безвозвратно! И Анис-аль-Джалис отвечала визирю: – Слушаю и повинуюсь! Но

по воле Аллаха события приняли совершенно не тот оборот, которого желал добрый визирь. Несколько дней спустя, невольницы дворца долго массировали и растирали Анис-аль-Джалис, и полили ей волосы водой, надушенной мускусом, и выкрасили ей лавзонией ногти на пальцах рук и ног, и подвели сажей веки и ресницы, и надушили все ее тело. Потом они набросили на нее простыню, которая благоухала розами; завернули ее волосы в большой платок и проводили в ее комнату, где ждала ее жена визиря. И увидев Анис-аль-Джалис, она поцеловала ее в обе щеки и сказала: – Как прекрасна ты теперь, и как благоухаешь. Своим сиянием ты освещаешь наш дом, который не нуждается теперь в других светильниках! И Анис-аль-Джалис приложила к своему сердцу руку жены визиря и потом поднесла ее к своим губам и ко лбу, и отвечала: – Как мне благодарить тебя, о госпожа моя и мать! И да ниспошлет тебе Аллах все свои дары и все радости и на земле, и в своем раю! Но, уходя от Анис-аль-Джалис, жена визиря подумала, что опасно оставлять ее одну, и из предосторожности оставила при ней двух невольниц.

А в это самое время юный Али-Нур хотел поцеловать руку своей матери, как делал он это ежедневно. И он начал обходить все комнаты и дошел до предназначенной Анис-аль-Джалис. И он увидел двух маленьких невольниц, охранявших двери; и они улыбнулись ему, потому что обе втайне питали любовь к Али-Нуру. А тот удивился, увидев, что дверь комнаты охраняется, и он сказал невольницам: – Нет ли здесь моей матери? А они отвечали, стараясь оттолкнуть его: – Ее здесь нет! Здесь нет никого кроме нашей молодой госпожи Анис-аль-Джалис! И Али-Нур воскликнул: – Кто же она? И они отвечали: – Красавица, которую наш господин, визирь Фадледдин, купил за десять тысяч динариев для нашего султана! О не входи сюда, Али-Нур, иначе госпожа наша прибьет нас! Между тем Анис-аль-Джалис слышала все это и говорила себе: – О Аллах! Хотелось бы мне знать, как выглядит этот юный Али-Нур, о подвигах которого говорил мне его отец! Каков он собой, этот юноша, не оставивший нетронутой во всем околотке ни одной девушки. Мне до смерти хочется увидеть его! – и она поднялась, вся благоухающая и свежая, приотворила дверь и увидела его! И Али-Нур был точно луна во время полнолуния.

И при одном взгляде на него Анис-аль-Джалис задрожала от возбуждения. И Али-Нур успел заглянуть в приотворенную дверь, и этот мимолетный взгляд открыл ему всю прелесть Анис-аль-Джалис. И охваченный желанием, он закричал на невольниц, и так сильно затряс их, что они бросились в соседнюю комнату и оттуда стали смотреть в дверь, которую Али-Нур даже не затворил за собою. И он приблизился к Анис-аль-Джалис, которая бросилась на диван вся трепещущая и ждала во всей красе своей наготы. И Али-Нур приложил руку к сердцу, поклонился Анис-аль-Джалис и сказал ей нежным голосом: – Это тебя купил отец мой за десять тысяч золотых динариев? О ты прекраснее расплавленного золота, и волосы твои ниспадают пышнее, чем грива у львицы пустыни, и грудь твоя нежнее и свежее, чем пена ручейка! И она отвечала: – О Али-Нур, моим испуганным глазам ты кажешься страшнее льва пустыни, и всему моему телу, желающему тебя, сильнее леопарда, и моим бледнеющим губам – убийственнее твердого меча! О Али-Нур! Ты мой султан! И ты возьмешь меня! О иди, Али-Нур! И Али-Нур, опьянев от страсти, бросился к Анис-аль-Джалис. И она обвила его шею своими руками, и они тесно прижались друг к другу.

И тогда обе маленькие невольницы перепугались и с громким криком бросились бежать; и прибежали они к матери Али-Нура, которая как раз выходила из бани. И она была еще влажна от пота, покрывавшего все ее тело. И, увидав маленьких невольниц, она спросила: – Чего это вы кричите и бегаете, мои девочки? И они отвечали, продолжая плакать: – О госпожа наша! Молодой господин наш Али-Нур прибил нас и отогнал от дверей! И потом он вошел к нашей госпоже Анис-аль-Джалис! И вот мы испугались всего этого! При этих словах жена визиря, несмотря на преклонный свой возраст, бросилась бежать. И она прибежала в комнату Анис-аль-Джалис как раз в ту минуту, когда Али-Нур, услышав крики невольниц, поспешил удалиться. Тогда жена визиря с лицом, пожелтевшим от волнения, подошла к Анис-аль-Джалис и спросила: – Что здесь случилось, о дочь моя! И молодая девушка отвечала ей, повторяя слова, которые повеса Али-Нур посоветовал ей сказать своей матери: – О госпожа моя, ко мне вошел юноша, и он был очень хорош собою и даже походил на тебя. И он сказал мне: – Это ты Анис-аль-Джалис, которую купил мой отец за десять тысяч динариев? И я отвечала ему: – Да, но я предназначена для султана! Тогда он сказал мне: – О нет, быть может, у моего отца и было раньше это намерение, но он передумал и подарил тебя мне! Тогда я, о госпожа моя, повиновалась, потому, что я с самого детства покорная раба! И мне приятнее быть рабою твоего сына, чем женой самого халифа, царствующего в Багдаде! Тогда мать Али-Нура сказала: – Ах, дочь моя, Али-Нури, сын мой, обманул тебя! Скажи, что же он тебе сделал? И Анис-аль-Джалис отвечала: – Он взял меня и обнял меня. Тогда мать Али-Нура спросила: – Как же он взял тебя? Совсем? И молодая девушка отвечала: – Он три раза обладал мною, о мать моя! И мать Али-Нура воскликнула: – О дочь моя, этот повеса погубил тебя! И она принялась бить себя по лицу руками, поскольку боялась гнева отца Али-Нура, ибо он мог выйти из себя и в припадке гнева убить своего сына. И в это время в комнату вошел визирь Фадледдин бен-Кхакан и спросил причитавшую жену свою: – Что здесь случилось? Тогда мать Али-Нура высморкалась и сказала: – О поклянись мне прежде всего жизнью нашего Пророка, что ты подчинишься тому, что я скажу тебе! И когда визирь дал эту клятву, жена рассказала ему все о невозвратной потере девственности Анис-аль-Джалис.

Али-Нур не раз уже удивлял отца своими проделками, но рассказ об этом последнем его поступке ошеломил визиря Фадледдина, и он стал бить себя по лицу, кусать руки и рвать свою бороду. И мать Али-Нура сказала ему: – Не предавайся отчаянию! Я возвращу тебе десять тысяч динариев из моих собственных денег. Но визирь воскликнул: – О жена! Неужели ты воображаешь, что я оплакиваю потерю денег. Ведь дело касается моей чести, и это угрожает мне лишением жизни? Однако жена сказала ему: – Но ведь султан еще не знает об Анис-аль-Джалис, а на десять тысяч динариев, которые я дам тебе, ты купишь другую красивую невольницу, а мы оставим Анис-аль-Джалис для нашего сына Али-Нура, которого она успела уже полюбить. И визирь сказал жене: – Но неужели ты забыла о нашем враге, визире Эль-Могин бен-Сауи, который несомненно узнает правду в один прекрасный день? И он приблизится к султану и скажет ему... Но, дойдя до этого места, Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила тридцать третья ночь, она сказала:

благословенный царь, до меня дошло, что визирь Фадледдин сказал своей жене: – В этот день визирь Сауи, враг мой, приблизится к султану и скажет ему: – О царь, этот визирь купил невольницу, с которой не сравнится ни одна женщина в мире. И так как она показалась ему совершенством, то он призвал своего сына и сказал ему: – Лучше же тебе наслаждаться ею, чем старому султану, у которого уже Бог знает сколько наложниц, невинностью которых он даже не способен насладиться! И сын Фадледдина лишил девственности прекрасную невольницу. И вот теперь он приятно проводит с нею время в разных забавах, этот развратник, этот юный похититель женской невинности! И когда султан услышит эти слова моего врага, он вначале скажет: – Ты лжешь, о Могин бен-Сауи! Но тот скажет: – Позволь мне, о государь, и я приведу тебе эту невольницу, и ты проверишь все своими собственными глазами! И султан разрешит ему это, и Сауи схватит Анис-аль-Джалис и представит ее султану, и она сознается во всем. Тогда султан сразу изменится ко мне и накажет меня с подобающей строгостью. И я потеряю жизнь и мой дом!

При этих словах мать Али-Нура сказала мужу: – Не говори никому об этом деле, и никто ничего не узнает. И предоставь себя воле Аллаха. Слова эти смягчили визиря, и он успокоился относительно будущего. Что же касается юного Али-Нура, то он провел весь день вне отцовского дома и только с наступлением ночи пробрался к матери, чтобы избежать встречи с визирем. И мать его, в конце концов, простила ему все; но она посоветовала ему не попадаться на глаза разгневанному визирю. И Али-Нур в течение месяца тайком пробирался по ночам в покои матери, куда с ее согласия приходила Анис-аль-Джалис. И вот однажды мать Али-Нура, видя, что визирь менее озабочен, чем обыкновенно, сказала: – До каких пор будет длиться гнев твой на нашего сына? Ведь если это положение продлится дольше, то Али-Нур навсегда покинет родительский дом. Сегодня проведи вечер с нами, и, когда придет Али-Нур, я помирю вас. И вначале ты притворишься, что желаешь наказать и даже убить его, но кончишь тем, что дашь ему в жены Анис-аль-Джалис. И визирь послушался совета жены; и как только Али-Нур вошел в комнату матери, отец бросился на него и занес над ним нож, как бы собираясь убить. Тогда мать бросилась, как бы защищая сына, и закричала: – Он раскаивается в своем поступке. И Али-Нур сказал: – О мой отец, неужели ты хочешь принести меня в жертву? Тогда визирь ответил: – Но как же у тебя, о несчастный, хватило духу лишить меня моих денег и, быть может, даже жизни? Но жалость все же проникла в его сердце, и он простил сына и сказал ему: – О сын, почему ты не сказал мне, что любишь Анис-аль-Джалис и что это не твой мимолетный каприз? Потому что если ты готов был воздать должное Анис-аль-Джалис, я принес бы тебе ее

в дар! И Али-Нур отвечал: – Я готов исполнить свой долг относительно Анис-аль-Джалис! И визирь сказал ему: – В таком случае ты должен обещать мне, что никогда не вступишь в законный брак с другой женщиной кроме Анис-аль-Джалис и что ты никогда не будешь дурно обращаться с нею. И Али-Нур отвечал: – Клянусь священным Кораном не брать, пока будет жива Анис-аль-Джалис, другой законной жены, никогда не подвергать ее дурному обращению и никогда не продавать ее! После этого весь дом предался радости, и Али-Нур жил с Анис-аль-Джалис в полном счастье еще целый год. Что касается царя Солеймана-Эль-Зейни, то он забыл о десяти тысячах динариев, данных им визирю Фадледдину, а злой визирь бен-Сауи не замедлил узнать всю правду; но он еще не решался донести ее царю, зная, что отец Али-Нура пользуется уважением царя и всего населения Басры.

Между тем в это время сильно переменилась погода, и визирь Фадледдин схватил серьезную простуду и слег в постель. И состояние его ухудшалось, и он дошел до такого истощения, что превратился в тень прежнего человека. Тогда он призвал к себе Али-Нура, который не замедлил явиться с глазами полными слез. И визирь сказал ему: – О дитя мое, всякое счастье имеет свои пределы, и всякая чаша свой горький напиток. И сегодня дошел до меня черед осушить чашу смерти. И он произнес следующие строфы:

Тебя однажды может смерть забыть,
Но уж вторично больше не забудет.
И всяк из нас поспешными шагами
Стремится к бездне гибели своей.

Потом визирь сказал своему сыну: – А теперь мне остается дать тебе последнее наставление – более всего ты должен заботиться о нашей дочери Анис-аль-Джалис, твоей жене. И после этого он испустил последний вздох, и весь дворец огласился криками и воплями; и весть эта дошла до самого султана, и весь город оплакивал его. И после похорон Али-Нур заперся в своем доме, и он отказывался видеться с другими в течение долгого времени. Но однажды в дверь его дома постучал сын одного из старых друзей его отца. И он поцеловал руку Али-Нура и сказал ему: – О господин мой, каждый человек живет в своих потомках; не следует вечно печалиться, и не забывай слова Пророка Магомета, который сказал: – Исцели душу свою и не носи траура по созданиям Аллаха! И Али-Нур решил положить предел своей печали. И с этого дня он открыл двери своего дома и начал принимать всех своих друзей. И в их обществе Али-Нур проводил время среди забав и непрестанных празднеств, делая своим друзьям щедрые подарки. И его управляющий, придя в ужас от этого поворота дел, явился однажды и сказал: – О господин мой, разве ты не знаешь, что излишняя щедрость истощает богатство? И тот, кто дает без счета, беднеет? Но Али-Нур насмешливо посмотрел на него и сказал: – Я могу сказать тебе лишь одно: пока ты видишь по своим счетам, что у меня остается, чем уплатить за завтрак, не смей расстраивать меня! И с этого дня Али-Нур не сдерживал более своей природной доброты, которая заставляла его отдавать все, что было у него, друзьям и даже посторонним людям. И так он прожил целый год, и каждое утро он давай пир своим друзьям, и каждый вечер он давал другой пир, приглашая лучших певцов и самых известных танцовщиц.

Но однажды управляющий пришел к Али-Нуру чрезвычайно расстроенным. И Али-Нур спросил его: – Что случилось с тобою, и почему лицо твое

перекосилось? И управляющий ответил: – О господин мой, то, чего я так опасался для тебя, наступило! Теперь у тебя не осталось ничего, чем я мог бы заведовать. И у тебя нет ни имущества и ни одной вещи, которая стоила бы хоть один обол. Как раз в это время один из друзей Али-Нура подслушал этот разговор и поспешил передать его другим. Тогда один из гостей повернулся к Али-Нуру и сказал: – О господин мой, я хотел бы удалиться, так как жена моя должна родить в эту ночь, и я не могу оставить ее одну! И Али-Нур разрешил ему удалиться. Тогда поднялся другой и сказал: – О господин мой Али-Нур, я должен сейчас же отправиться к моему брату, который празднует сегодня обрезанье своего сына! И Али-Нур отпустил и его. И потом каждый из гостей вставал и под каким-нибудь предлогом просил разрешения уйти, и наконец Али-Нур оказался совершенно один.

Тогда он позвал Анис-аль-Джалис, рассказал ей все случившееся и добавил: – Я не жалел ничего для моих друзей и истратил на них все мое состояние! И я не могу верить, что теперь они оставят меня в несчастии! И Анис-аль-Джалис отвечала ему: – Клянусь Аллахом, они ничем не помогут тебе! И Али-Нур сказал: – Я сейчас же отправлюсь к каждому из них и буду стучаться в двери, и каждый великодушно даст мне денег; таким образом я составлю капитал, с которым я могу начать торговлю. И он пошел в ту улицу, где жили его друзья, постучался в первую дверь, и сказал открывшей двери негритянке: – Скажи твоему господину, что Али-Нур у его дверей ждет выражения его великодушия! И негритянка пошла предупредить своего господина, который закричал ей: – Скажи ему, что меня здесь нет! И негритянка вернулась и передала это Али-Нуру. И тот подумал в душе: – Он прячется от меня! Но все остальные не будут такими подлецами! И он постучался в дверь другого своего друга и велел передать ему те же слова, но и этот друг послал ему сказать, что его нет дома. Тогда Али-Нур произнес следующий стих:

Едва успел я к дому подойти,
Как пустота лишь мне отозвалася,
И видел я, что все бежали прочь,
Боясь, что я явился испытать
В своем несчастье их великодушье!

Потом он сказал: – Клянусь Аллахом, я должен побывать у всех в надежде, что хоть один из них сделает то, чего не хотели сделать все эти предатели. Но он не нашел ни одного, который решился бы показаться ему или дать ему хотя бы кусок хлеба. После этого он возвратился к Анис-аль-Джалис, которая посоветовала ему начать продавать мебель и драгоценности, которые находятся в их доме. И это даст возможность просуществовать еще некоторое время. И когда в доме уже не осталось ничего, что можно было продать, Анис-аль-Джалис обратилась к заплакавшему Али-Нуру и сказала: – О господин мой! Разве ты забыл, что я была куплена за десять тысяч золотых динариев покойным твоим отцом? Выведи меня на невольничий базар и продай! И я надеюсь, что Аллах сделает так, что я буду продана за цену еще более высокую, чем в первый раз. Что же касается нашей разлуки, то если у Аллаха записано, что мы должны вернуться друг к другу, то мы и вернемся друг к другу! А Али-Нур отвечал ей: – Я никогда не соглашусь расстаться с тобою, хотя бы даже на один час! Тогда Анис-аль-Джалис начала говорить с Али-Нуром самыми ласковыми словами, доказывая, что нет никакого другого средства избежать бедности. И тогда Али-Нур вывел ее на невольничий базар, и сказал

самому известному маклеру: – Тебе следует знать, о маклер, цену той, о которой ты будешь выкрикивать на базаре. Смотри же, не ошибись только!

И маклер пошел на место, где по обыкновению сходились купцы. И когда маклер увидал, что это место наполнилось толпою маклеров и покупателей, он взобрался на большой камень и закричал: – О славнейшие из купцов Басры и Багдада, вот сегодня я представляю на вашу оценку благородную жемчужину, которая стоит более, чем все собранные здесь сокровища. Подойдите сюда, чтобы увидеть ее собственными глазами! И он дал им возможность увидеть Анис-аль-Джалис, и все согласились, чтобы цена для начала торгов была объявлена в четыре тысячи динариев. И тотчас же один купец поднял цену, закричав: – Четыре тысячи пятьсот динариев! А как раз в это самое время визирь бен-Сауи въехал на невольничий базар и увидел, что Али-Нур стоит рядом с маклером. Услыхав, как назначалась цена за белую рабыню, он подумал: – Если Али-Нур продает свою рабыню, значит, у него нет больше ни обола! О как это освежает мое сердце! И он подозвал выкрикивавшего и сказал ему: – Я сам желаю купить эту рабыню. Приведи ее, чтобы я мог видеть ее! И маклер снял с Анис-аль-Джалис покрывало перед визирем. И при виде всех совершенств этой молодой женщины он удивился и сказал: – Какая назначена за нее цена? И маклер отвечал: – Четыре тысячи пятьсот динариев! И визирь сказал: – Хорошо, я беру ее за эту цену! С этими словами он посмотрел на купцов, которые не осмелились повысить цену, страшась мести визиря. И маклер не мог ничего поделать; разыскав Али-Нура, он сказал ему: – О господин мой, какое несчастие! Рабыня ускользнула из наших рук за самую смешную цену! Злой визирь бен-Сауи догадался, что это твоя собственность, и не допустил нас подняться до настоящей цены. И я знаю, что этот проклятый визирь самый плохой плательщик в мире; он напишет верительное письмо на одного из своих поверенных, а сам прикажет ему, чтобы он не платил совсем. И ты будешь ходить к нему каждый день, чтобы он заплатил тебе, и поверенный будет говорить тебе: – Я заплачу тебе завтра! И это завтра не придет никогда.

При этих словах Али-Нур впал в сильнейший гнев и спросил у маклера: – Но что же теперь делать? И тот отвечал: – Послушайся меня! Я выведу Анис-аль-Джалис на середину базара; а ты бросишься за мною, отнимешь у меня невольницу, и скажешь ей: – Несчастная! Куда ты пошла еще? Ведь я пришел сюда, только для того, чтобы унизить тебя и укротить твой невыносимый характер? После этого ты ударишь ее и уведешь обратно! И все присутствующие поверят, что ты привел свою невольницу на базар только затем, чтобы проучить ее! И Али-Нур сказал: – Вот это прекрасная мысль! И когда маклер взял за руку Анис-аль-Джалис и подвел ее к визирю, Али-Нур приблизился к ним, грубо схватил ее, ударил кулаком и закричал: – Несчастие на твою голову! Разве не знаешь ты, что я вывел тебя на базар, только чтобы укротить твой характер? Уж не думаешь ли ты, что мне нужны деньги от этой мнимой продажи? Возвращайся же поскорее домой! При этих словах визирь бен-Сауи закричал: – Несчастие на твою голову! Ты говоришь так, будто у тебя осталось вообще что-нибудь для купли-продажи. Мы знаем, что у тебя нет более ни обола!

Услыхав это, все маклеры обратили взоры на Али-Нура, который был любим всеми ими, так как они помнили еще его отца, сильного и доброго визиря Фадледдина. И купцы начали делать

друг другу знаки глазами, как бы говоря: – Поддержим Али-Нура! И они сказали: – Поистине, это дело нас не касается! И Али-Нур, который был полон задора и отваги, одной рукой схватил визиря, стащил его с седла и бросил на землю. Потом он ударил его кулаком в челюсть и выбил у него несколько зубов; и кровь потекла по бороде визиря. При виде этого невольники, сопровождавшие визиря, обнажили сабли и хотели изрубить Али-Нура в куски. Но окружающие не позволили им этого и кричали: – Во что вы вмешиваетесь! Ваш господин – визирь, но и этот – сын визиря! Разве вы не боитесь, что они завтра помирятся, и тогда вы понесете последствия за это? И невольники воздержались вмешиваться. И когда Али-Нур устал наносить удары, он отпустил визиря, который весь в грязи и крови на глазах всей толпы направился ко дворцу султана. Что же касается Али-Нура, то он взял Анис-аль-Джалис за руку и возвратился в свой дом.

И вот визирь пришел во дворец царя в самом жалком виде, и он остановился у входа во дворец и начал кричать: – О царь! Вот обиженный! И царь, увидав, что это его визирь бен-Сауи, исполнился изумления и спросил: – От кого ты претерпел подобное обращение? И визирь отвечал: – Знай, о царь, что я сегодня выехал на невольничий рынок с намерением купить себе кухарку; и я увидел там на базаре молодую невольницу, подобной которой я не видел до этого во всей своей жизни. И маклер сказал мне: – Кажется, она принадлежит Али-Нуру, сыну покойного визиря бен-Кхакана. Быть может, о повелитель мой, ты помнишь, как передал некогда десять тысяч динариев визирю бен-Кхакану, для того чтобы он купил для тебя самую красивую невольницу. И бен-Кхакан, разыскав такую, подарил ее своему сыну. А тот после смерти своего отца вступил на путь расточительности. И когда у него не осталось на жизнь ни одного обола, он вывел на базар невольницу с целью продать ее. И тотчас же купцы начали наддавать цену, и когда я увидел эту невольницу, то решил купить ее для моего повелителя султана, который отпустил уже когда-то на это значительную сумму. Но маклер указал мне на собственника молодой невольницы, а тот подскочил как бешеный и сказал мне: – О злосчастный! Я предпочел бы продать ее еврею или христианину, чем уступить ее тебе, хотя бы ты наполнил золотом то большое покрывало, которым она закутана! Тогда я отвечал ему: – Но я желаю приобрести ее для нашего господина султана! При этих словах, он бросился к узде моего коня и бросил меня на землю. И после этого, без всякого уважения к седой моей бороде, он начал бить меня и привел меня в то плачевное состояние, в котором ты видишь меня в эту минуту, о справедливый царь! И все это произошло потому, что я хотел сделать приятное моему султану и купить ему молодую невольницу, которая принадлежит ему по праву. Выслушав этот рассказ, царь пришел в такой гнев, что на его лбу выступил пот, и он сделал знак, и тотчас предстали пред ним сорок телохранителей, вооруженных большими мечами. И султан сказал им: – Ступайте тотчас к дому бывшего моего визиря бен-Кхакана и разрушьте его до основания; потом схватите Али-Нура его и его невольницу, свяжите им руки и представьте мне. И сорок телохранителей тотчас же повинвались приказу.

Но так случилось, что во дворце султана был молодой служитель по имени Санджар. Он воспитывался вместе с молодым Али-Нуром, к которому чувствовал большую привязанность. И он находился здесь в то самое время, когда султан отдал свое жестокое распоряжение.

И Санджар бросился бежать к дому Али-Нура и, найдя его, сказал своему другу: – Спасайся и спасай свою невольницу, потому что султан своим приказом послал на вас сорок телохранителей, вооруженных мечами! Вот сорок динариев, которые могут быть тебе полезны в эту минуту. Бегите, пока вас не настигла беда! Тогда Али-Нур уведомил обо всем Анис-аль-Джалис, которая закуталась в свое покрывало; и оба они вышли из города и пришли к морскому берегу. Там они нашли корабль, уже готовый распустить свои паруса. И когда капитан закричал своим людям: – Снимите канаты! Али-Нур спросил его: – Куда плывете вы, о капитан? И он отвечал! – В обитель мира, в Багдад!... На этом месте Шахразада заметила наступление утра и прервала свое повествование. И когда наступила тридцать четвертая ночь, она сказала:

ночь тридцать четвертая

О счастливый царь, до меня дошло, что когда капитан сказал Али-Нуру: – В Багдад! Али-Нур сказал ему: – Обождите нас минутку, мы тоже собираемся туда! И в сопровождении Анис-аль-Джалис он вступил на корабль; и тотчас же корабль распустил все свои паруса и помчался, как большая белая птица. Вот что случилось с Али-Нуром и Анис-аль-Джалис. Что касается сорока телохранителей, то они ворвались в дом Али-Нура и тщательно обыскали его, но не нашли там никого. Тогда в ярости они разрушили дом до основания и доложили султану, что все поиски их были напрасны. И тогда султан приказал своим глашатаям прокричать по всему городу следующее: «Если кто-нибудь из вас встретит сына покойного визиря бен-Кхакана, да представит он его между рук султана; и он получит в награду тысячу динариев! Тот же, кто увидит его и скроет, понесет тяжкое наказание». Вот что было с султаном и его телохранителями.

Между тем Али-Нур и Анис-аль-Джалис подъехали к Багдаду, и капитан корабля сказал: – Вот этот счастливый город, который не знает ни утренних холодов, ни зимы, который стоит в тени розовых кустов и вечно погружен в весеннюю прохладу, среди цветов, садов и журчащих ручейков! И Али-Нур, передав капитану пять динариев за проезд, покинул с Анис-аль-Джалис корабль. И по воле рока они остановились у сада, обнесенного высокой стеной. Перед воротами в него было чисто выметенное и хорошо политое место с резными скамьями. И они расположились на одной из этих больших скамеек, и с наслаждением вдыхали нежный ветерок, и им было так хорошо, что они вскоре уснули, покрывшись большим одеялом. А этот сад носил название «Сада Утех», и посреди его стоял дворец, который назывался «Замок Чудес», и все это принадлежало халифу Гарун-аль-Рашиду. Когда халиф чувствовал стеснение в груди, он приходил рассеяться в этот сад и в этот дворец.

И халиф поручил сторожить этот дворец и этот сад старику по имени шейх Ибрагим; и он бдительно смотрел за тем,

Léon Carré

чтобы любопытные не проникали в сад и не таскали из него цветы и плоды. И вот, делая обычный обход вокруг сада, он увидел на скамейке двух спящих людей, укрытых одним одеялом. И он пришел в негодование, подумав: – Вот нашлось двое, дерзнувших поглумиться над приказанием халифа, который дал мне право подвергнуть наказанию всякого, кто приблизится к этому дворцу. И шейх Ибрагим готов был уже отстегать спящих, но вдруг подумал: – Ты собираешься избить людей, которых совсем не знаешь! Быть может, это чужестранцы, которых сама судьба направила к тебе. И шейх Ибрагим поднял одеяло, которым были покрыты молодые люди, и остановился, пораженный дивной красотой их лиц. И тогда он закрыл одеялом спящих и принялся растирать ноги Али-Нура, к которому почувствовал внезапное влечение. И тут Али-Нур проснулся и пришел в крайнее смущение. Он взял руку почтенного шейха и поднес ее к своим губам и потом к своему лбу, и сказал: – О господин, мы чужестранцы! Кому принадлежит этот сад? И шейх Ибрагим, чтобы немножко похвастаться, сказал: – Этот сад и этот дворец перешли ко мне по наследству от моих предков! Тогда Али-Нур и Анис-аль-Джалис поднялись и, следуя за шейхом Ибрагимом, вошли в ворота сада.

Али-Нур видел много прекрасных садов в Басре, но ничего подобного этому саду он не видел даже во сне. Большие ворота были покрыты вьющимися виноградными лозами, с которых свешивались великолепные гроздья – одни красные, точно рубин, другие – черные, точно эбеновое дерево. Аллея, в которую они вошли, была осенена фруктовыми деревьями, гнувшимися под тяжестью спелых плодов. Среди ветвей щебетали птички на своем языке воздушных мотивов. Что же касается цветов, то они были точно перлы и кораллы; розы были прекраснее самых прекрасных щечек; и фиалки были темнее пламени горящей серы; тут были цветы мирта; тут были, и желтофиоли, и лаванды, и анемоны. И на венчиках всех их сверкали слезинки росы; и ромашка улыбалась нарциссу всеми своими зубками; и нарцисс смотрел на розу своими глазами, глубокими и черными. И вся земля была покрыта бесконечно пестрым цветочным ковром. И шейх Ибрагим, не желая показаться негостеприимным, пригласил их войти в Замок Чудес. И когда Али-Нур и Анис-аль-Джалис вступили в обширную залу замка, они остолбенели, ослепленные ее великолепием.

Между тем шейх Ибрагим принес им разной еды, и они вдоволь поели; потом они умыли руки, подошли к окну и залюбовались на деревья, покрытые прекрасными плодами. И Али-Нур повернулся к Ибрагиму и сказал ему: – О шейх, неужели у тебя не найдется ничего для утоления нашей жажды? Тогда Ибрагим принес им фарфоровый кувшин со свежей ключевой водой. Но Али-Нур сказал ему: – Совсем не того хотелось мне! И шейх отвечал: – Значит, тебе хочется вина? Али-Нур сказал: – Конечно! И шейх Ибрагим сказал: – Да избавит меня от этого Аллах! Вот уже тринадцать лет, как я воздерживаюсь от этого злополучного напитка, ибо Пророк наш проклял того, кто пьет перебродивший напиток, и того, кто готовит его, и того, кто разносит его для продажи! Тогда Али-Нур сказал: – Позволь мне, о шейх, сказать тебе пару слов! Тот отвечал: – Говори! И Али-Нур сказал: – Я научу тебя, как исполнить мое желание, и притом так, что ты не будешь ни пить, ни приготовлять напитка, ни разносить его для продажи. Возьми два динария и эти две драхмы, садись на осла, поезжай на базар и остановись у дверей торговца розовой водой; у него всегда в лавке найдется вино. Останови первого прохожего, и попроси его купить вина на два динария, и

дай ему две драхмы за труд. И он взвалит кувшины с вином на спину осла, и не ты понесешь вино, а осел, и не ты купишь его, а прохожий, и не ты будешь пить его, а мы, и так ты не будешь ни пьющим, ни приготовляющим, ни разносящим!

Услышав это, шейх расхохотался и сказал: – Клянусь Аллахом, я не встречал ранее юношу, одаренного таким умом, и такого очаровательного! И шейх Ибрагим, который до этого не хотел выдавать, что во дворце есть всевозможные напитки, сказал Али-Нуру: – Вот ключи от моего погреба. Ты можешь пройти туда и взять все, что только тебе понравится. И Али-Нур отправился в погреб, и то, что он увидел там, повергло его в изумление: на полках были расставлены кувшины, одни из золота, другие из серебра, а третьи из хрусталя. Али-Нур вернулся в залу и поставил драгоценные кувшины на ковер. Он наполнил вином стеклянные кубки и начал пить вместе с Анис-аль-Джалис. И тогда на их щеках заиграл румянец, глаза заблестели, и Анис-аль-Джалис распустила свои волосы. Увидев это, шейх Ибрагим в глубине души сказал себе: «Почему я не должен веселиться вместе с ними?» И Али-Нур, словно угадав его мысли, взял кубок, наполнил его, подал шейху и сказал ему: – О шейх, бери и пей! И ты узнаешь все наслаждение увидеть дно кубка! И Али-Нур, желая во что бы то ни стало напоить шейха, осушил до дна кубок, наполнил его и опять осушил до дна, а затем упал на пол и притворился спящим. Тогда Анис-аль-Джалис сказала старику: – О шейх Ибрагим, смотри, он постоянно так ведет себя со мною! Он принимается пить, а потом засыпает и оставляет меня одну; и у меня нет никого, кто мог бы выпить со мною!

Тогда шейх Ибрагим, который под влиянием ее певучего голоса почувствовал, что у него задрожали все мышцы, сказал ей: – Поистине, невесело пить в одиночестве! И Анис-аль-Джалис наполнила свой кубок, протянула его старику и сказала: – Возьми этот кубок и выпей его ради моего удовольствия! Ты этим заслужишь мою благодарность! И шейх Ибрагим взял у нее кубок и осушил его до дна. И Анис-аль-Джалис снова наполнила кубок. И старик взял кубок и поднес его к своим губам, но как раз в эту минуту Али-Нур внезапно поднялся со смехом и сел на своем ложе...

Дойдя до этого места, Шахразада заметила приближение утра и умолкла, отложив до следующего вечера продолжение своего рассказа. И когда наступила тридцать пятая ночь, она сказала:

Счастливый царь, до меня дошло, что Али-Нур разразился громким смехом, сел на своем ложе и сказал Ибрагиму: – Что это, почтенный шейх? Не умолял ли я тебя присоединиться к нам, и не отказывался ли ты от этого? Тогда шейх Ибрагим поспешил сказать: – Клянусь Аллахом! Виновата во всем она! Она так упрашивала меня! Тогда Али-Нур и Анис-аль-Джалис залились смехом, и все трое

продолжали пить до исхода первой трети ночи. И тогда Анис-аль-Джалис сказала Ибрагиму: – О позволь мне зажечь одну из свечей? И он отвечал, уже на половину пьяный: – Хорошо, но только одну свечу! Но Анис-аль-Джалис зажгла все свечи в восьмидесяти подсвечниках залы. Тогда Али-Нур сказал Ибрагиму: – О шейх, не позволишь ли ты мне зажечь один из светильников? И шейх Ибрагим отвечал: – Хорошо, но только один! И Али-Нур зажег, но только не один, а все восемьдесят светильников. И весь дворец был залит светом.

Но по воле судьбы халиф Гарун-аль-Рашид как раз в это время подошел к одному из окон своего дворца, выходившему на реку Тигр. И он увидел весь этот блеск огней, светившихся в воздухе и отражавшихся в воде. И позвал своего визиря Джафара-аль-Бармаки и крикнул ему: – О проклятый, разве ты не видишь, что мой Замок Чудес весь сияет огнями! И ты не знаешь, кто этот дерзкий, который осмелился зажечь в нем все люстры и все светильники! О горе тебе! И Джафар догадался, что старый Ибрагим совершил какую-то неосторожность, и поскольку сердце его было исполнено доброты, то он решил выгородить шейха Ибрагима. И он сказал халифу: – О эмир правоверных! Шейх Ибрагим обратился на прошлой неделе ко мне с такими словами: – Я хотел бы получить разрешение халифа отпраздновать обрезание моих сыновей в зале Замка Чудес. И я тогда сказал ему: – О шейх, ты можешь заняться приготовлениями к этому празднеству! Я же буду иметь у халифа аудиенцию и передам ему твое желание. Я же совершенно забыл передать тебе его просьбу!

Тогда халиф сказал Джафару: – Вместо одного преступления ты совершил два. Ты не передал мне просьбу шейха и не сделал для него, чего он ожидал от тебя. Ведь он хотел намекнуть тебе, что нуждается в некотором пособии, чтобы покрыть свои издержки. А ты не дал ему ничего! И Джафар сказал: – О эмир правоверных, я совершенно забыл об этом! Тогда халиф ответил: – Хорошо! Прощаю тебя на этот раз! Но теперь мы должны немедленно отправиться к шейху Ибрагиму и провести с ним и с его гостями остаток этой ночи. И Джафару пришлось повиноваться, но он был страшно расстроен и не знал, что делать. И халиф, и Джафар в сопровождении меченосца Масрура направились в сторону Замка Чудес, из предосторожности переодевшись купцами. И халиф сказал: – Прежде чем войти в замок я должен незаметно видеть, кто в гостях у шейха Ибрагима и какие подарки принесли ему. И халиф увидел высокое ореховое дерево, и сказал: – О Джафар! Я хочу взобраться на это дерево и оттуда заглянуть внутрь замка. И халиф взобрался на дерево и добрался до ветви, которая приходилась прямо против одного из окон. И он увидел молодого человека и молодую женщину, и они были, как две луны, и он увидел шейха Ибрагима, сидевшего между ними с кубком в руке.

И видя шейха Ибрагима в таком состоянии, халиф почувствовал, что между его глаз выступает от гнева пот, но он сказал Джафару: – Никогда во всей моей жизни не видел я такого поразительного зрелища, как это собрание этих почтенных шейхов, благоговейно исполняющих религиозные обряды обрезания. Полезай на это дерево и поспеши заглянуть на них! И Джафар, почувствовав глубокое смятение, взлез на дерево и заглянул в залу. И он увидел трех пьющих: шейх Ибрагим держал в руке кубок, а Али-Нур и Анис-аль-Джалис смотрели на него, заливаясь смехом. При виде этого Джафар не мог более сомневаться

в своей гибели. Однако халиф сказал ему: – О Джафар, благословен будь Аллах, причисливший нас к тем, кому было дано этой ночью созерцать обряды очищения, а не разврата! Но мне хотелось бы знать, кто привел сюда этих двух молодых людей. Поистине, еще никогда глаза мои не видели такой красоты, совершенства и грации стана, какими обладают этот юноша и эта молодая девушка! Тогда Джафар стал молить о прощении. И халиф простил его, сказав: – Полезем же опять на дерево и будем любоваться на них с нашей ветви. И оба взобрались на дерево и уселись на ветви его, прямо против окна, и смотрели на происходившее перед их глазами.

Как раз в эту минуту шейх Ибрагим говорил: – О владычица моя, вино наших холмов заставило меня сбросить бесплодную суровость нравов и осветило все их безобразие! Но счастье мое не может быть полно, пока я не услышу, как звучат под твоими пальцами струны гармонии! И он встал, и вернулся через несколько минут с лютней в руке. И Анис-аль-Джалис искусно настроила струны. После она взяла несколько аккордов, и струны зазвучали с такой мощью и с таким выражением, что, казалось, могли расплавить железо, и пробудить мертвого, и тронуть сердце из камня и стали. И Анис-аль-Джалис запела, а халиф должен был употребить все свои усилия, чтобы не закричать от радости. И, наконец, он воскликнул: – Клянусь Аллахом, никогда в моей жизни не слыхал я такого чудесного и обаятельного голоса, как голос этой молодой невольницы! Потом халиф и Джафар спустились с дерева, и халиф сказал: – Теперь я хочу войти в залу, и присесть к этим молодым людям, и заставить эту молодую невольницу петь передо мной! А Джафар отвечал: – О эмир правоверных, если ты появишься среди них, они будут очень смущены, а шейх Ибрагим, наверное, умрет от страха! Тогда халиф сказал: – В таком случае ты должен придумать какой-нибудь способ, чтобы мы могли не испугать этих людей, придя к ним неузнанными.

Вслед затем халиф и Джафар направились в сторону большого пруда, расположенного посредине сада. Этот пруд изобиловал рыбой, и халиф запрещал рыбакам входить сад и ловить в нем рыбу. Но в тот вечер, когда ворота сада были отперты, в сад вошел рыбак и подумал: «Вот прекрасный случай для удачного лова!» И этого рыбака звали Карим, и он был известен многим. И он забросил свои сети в пруд и начал выжидать, и напевал следующие прекрасные стихи:

О бедный путник на волнах коварных!
Ты мчишься вдаль, опасности презрев.
Доколь напрасно будешь ты метаться,
И сам поймешь, что счастье не придет,
Пока за ним ты гонишься так
страстно?

В это время халиф подошел к нему, стал позади и воскликнул: – О Карим! И Карим оглянулся и при свете луны узнал халифа Гарун-аль-Рашида. Тогда ужас сковал его члены, но потом он пришел в себя и сказал: – Клянусь Аллахом, о эмир правоверных, не думай, что я из упрямства иду против твоих повелений, меня побудили к этому многочисленная семья и ужасная нищета! И халиф сказал: – Хорошо, я согласен притвориться, что не видел тебя. Но не хочешь ли ты закинуть свои сети, чтобы испытать мое счастье? Тогда рыбак обрадовался и закинул сети в пруд, призывая благословение Аллаха; и когда он вытащил их, то нашел в них множество всевозможной рыбы. И халиф очень обрадовался и сказал: – Теперь, о Карим, снимай с себя одежду! И Карим снял платье, все

покрытое разноцветными заплатами, переполненное клопами и блохами в таком количестве, что они могли покрыть собою всю поверхность земли; потом он снял тюрбан, сшитый из случайно подобранного тряпья, и он был переполнен вшами – большими и малыми. И халиф снял первое платье из искандерского шелка, потом второе платье из баальбакского шелка, потом свою бархатную куртку и камзол; и он сказал рыбаку: – Возьми это платье и надень его на себя! Потом халиф взял кафтан рыбака и его тюрбан, надел их на себя и сказал Кариму: – Теперь ты можешь идти!

И хотя халиф почувствовал, что вся кожа его наводнена клопами и вшами, нашедшими себе убежище в лохмотьях рыбака, он взял корзину из пальмовых листьев, в которой была рыба, прикрытая свежей травой, и с этой ношей направился к Джафару. И увидев его, Джафар воскликнул: – О Карим, беги поскорее отсюда, потому что сам халиф тут в саду! А халиф рассмеялся и воскликнул: – Клянусь Аллахом! Это я, о Джафар, и ты не узнал меня! И шейх Ибрагим не узнает меня! И халиф подошел к двери дворца и постучал в нее. И шейх Ибрагим поднялся и спросил: – Кто там? И халиф отвечал: – Рыбак Карим! Я узнал, что у тебя гости, и принес тебе чудесную рыбу, свежую и еще трепещущую. И оказалось, что Али-Нур и Анис-аль-Джалис очень любили рыбу. И, услышав от рыбака, что его рыба жива и трепещет, они обрадовались, и Анис-аль-Джалис воскликнула: – Впусти его поскорее сюда с рыбой, которую он принес!

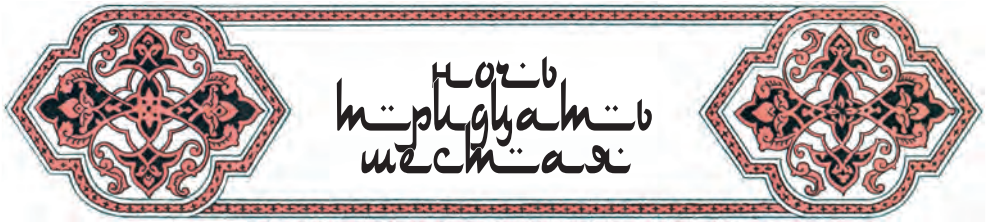
Тогда шейх Ибрагим отпер дверь, и переодетый рыбаком халиф вошел в залу и показал им рыбу в корзине. И тогда Анис-аль-Джалис воскликнула: – Клянусь Аллахом, это прекрасная рыба! Жаль, что она не изжарена! И халиф сказал: – Я сейчас же изжарю ее и подам ее вам! И халиф отправился в шалаш, в котором жил шейх Ибрагим, и нашел все, что требовалось для приготовления рыбы: всякую утварь, соль и тимьян, и лавровый лист, и прочее. И он взял сковороду и поставил ее на огонь, положил масла и, когда оно вскипело, он взял рыбу, которую очистил от чешуи, промыл, посолил и слегка обвалял в муке, и положил ее на сковороду. И когда рыба хорошенько прожарилась с одной стороны, он перевернул ее на другую сторону с изумительным искусством, и когда он убедился, что она готова, он снял ее со сковороды, положил на листья банана и отнес пировавшим. И юный Али-Нур и Анис-аль-Джалис и шейх Ибрагим принялись есть рыбу, и когда они насытились, Али-Нур опустил руку в карман, вынул три золотых динария, протянул их рыбаку и сказал ему: – Прости, что я не могу дать тебе больше, возьми же то, что я могу дать тебе в моем настоящем положении! И халиф взял монеты, поднес к своим губам, потом ко лбу и положил деньги в карман.

Но более всего занимала халифа мысль о том, чтобы заставить молодую невольницу играть и петь. И вот он сказал Али-Нуру: – О господин мой, твое великодушие останется навеки в моей голове! Но самое горячее мое желание состоит в том, чтобы эта невольница поиграла на лютне и спела, ибо пение всегда приводит меня в восторг! Тогда Анис-аль-Джалис взяла лютню, извлекла из нее несколько звуков, как бы пробуя ее, и вдруг, с силой проводя по струнам, пропела следующие строфы, приведя в восторг слушателей:

Под нежными, воздушными перстами
Красавицы высокой, стройной, гибкой
Запела лютня, и моя душа
В одно мгновенье разлучилась с телом!

И Анис-аль-Джалис продолжала играть на лютне и с таким совершенством, что у присутствующих помутился рассудок, и халиф был на вершине блаженства, и страсть закипела в нем с такой силой, что он не мог более сдержать восторга своей души и начал восклицать: – Ах! Йа Аллах! Тогда Али-Нур, который привык отдавать без колебания своим приглашенным все, что нравилось им, сказал: – О рыбак, если тебе так приглянулась эта невольница, то я даю ее тебе в дар. Отныне она принадлежит тебе. Тогда Анис-аль-Джалис обратила к нему свой взор, отуманенный слезами, и сказала: – О господин мой! Неужели ты оттолкнешь меня? Умоляю тебя, не уходи! Услышав эти слова, халиф опечалился, сознавая, что он был причиной разлуки этих двух молодых людей, и вместе с тем он был поражен той легкостью, с какой Али-Нур поднес ему в дар это чудо из чудес. И он сказал ему: – О юноша, признайся без боязни – ты хочешь уступить мне эту молодую женщину, чтобы покрыть свои долги? И Али-Нур ответил: – Клянусь Аллахом, о рыбак! Меня и эту невольницу постигла удивительная судьба... И халиф воскликнул: – Поспеши же рассказать нам твою историю! Тогда Али-Нур, полагая, что он говорит с рыбаком Каримом, подробно рассказал ему всю свою историю с начала и до конца.

Когда халиф вполне разобрался во всем услышанном, он сказал юноше: – Куда же думаешь ты направиться, о господин мой Али-Нур? И тот отвечал: – Земли Аллаха пространны бесконечно! Тогда халиф сказал ему: – Я – темный рыбак, но я сейчас же напишу письмо, которое ты передашь султану Басры, и когда он прочитает его, ты увидишь благоприятные последствия! На этом месте Шахразада заметила приближение утра и приостановила нить своего рассказа. А когда наступила тридцать шестая ночь, она сказала:



Мне довелось слышать, о благословенный царь, что на слова рыбака о письме султану Басры Али-Нур отвечал: – Слыхал ли кто-нибудь на земле, чтобы рыбак переписывался с царями? Это небывалая вещь! И халиф возразил: – Ты прав, но в детстве я учился в той же школе, где учился будущий султан Басры, и мы были большими друзьями. Но потом он сделался царем, тогда как я по воле Аллаха стал простым рыбаком. Но так как душа его не надменна перед Аллахом, то дружба наша продолжается и поныне; и нет такой вещи, о которой я просил бы его и которой он не исполнил бы тотчас же. Тогда Али-Нур сказал: – Хорошо, но я должен видеть это собственными глазами. И халиф взял чернильницу, калам и лист бумаги и стал писать: «Во имя Аллаха Всеблагого и Всемилостивого! Письмо это посылается мною, Гарун-аль-Рашидом султану Басры Могаммаду-бен Солейману эль-Зейни. Напоминаю, что ты был назначен моим наместником в одном из моих царств! Поэтому, как только ты прочитаешь эти строки, ты встанешь с трона и посадишь на свое место подателя этого

письма Али-Нура, который будет царем Басры вместо тебя. Остерегайся откладывать исполнение моей воли! И да будет над тобой благословение Аллаха!» Затем халиф, не сообщая содержания письма, запечатал его и передал Али-Нуру. И тот спрятал письмо в свой тюрбан, вышел из дворца и отправился в Басру, в то время как покинутая им Анис-аль-Джалис заливалась слезами.

Что же касается халифа, то шейх Ибрагим, который все еще принимал его за рыбака Карима, закричал на него: – О гнуснейший из рыбаков! Ты принес три рыбы, которые стоят не более двадцати медных полушек, а получил за них три золотых динария, и ты хочешь еще взять эту молодую невольницу! Ах, негодяй! При этих словах халиф подошел к окну и захлопал в ладоши. В тот же миг Джафар вбежал в залу, снял с халифа лохмотья рыбака и надел на него платье из шелка и золота. Тогда Ибрагим с ужасом узнал своего господина и не мог поверить, спит он или бодрствует. Он совершенно отрезвился, припал лицом к земле и произнес следующие строфы:

Прости мой грех, о ты, что выше всех
Земных созданий! Ведь великодушье
К рабу владыка должен проявлять!

И халиф сказал шейху Ибрагиму: – Я прощаю тебя! Потом он обратился к оробевшей Анис-аль-Джалис и сказал ей: – Теперь, ты знаешь, кто я. И ты принадлежишь мне, потому что я желаю тебя и потому что Али-Нур так великодушно уступил тебя мне. И знай, что в награду за этот дар я назначил его султаном Басры. И вскоре я поручу тебе отвезти ему великолепную почетную одежду, и ты станешь султаншей Басры! После этого халиф взял Анис-аль-Джалис в свои объятия, и оба они провели эту ночь. Вот что было с халифом и с Анис-аль-Джалис.

Что же касается Али-Нура, то он прибыл в Басру, подошел ко дворцу султана и испустил громкий крик. И султан спросил об этом крике и приказал привести к себе этого человека. И представ перед султаном, Али-Нур вынул из тюрбана письмо. И султан распечатал письмо и узнал почерк халифа. И прочитав письмо, он поднес его три раза к своим губам и к своему лбу и сказал: – Слушаю и повинуюсь Аллаху всевышнему и халифу, эмиру правоверных! И он готов был сложить с себя власть и передать ее Али-Нуру, но в это время к нему вошел визирь бен-Сауи, заклятый враг отца Али-Нура. И султан передал ему письмо эмира и сказал: – Читай! И визирь, прочитав письмо, стал вне себя от печали; и вдруг он оторвал нижний край письма с печатью халифа, положил его себе в рот, разжевал его и выплюнул вон. Тогда султан в гневе вскричал: – Горе тебе! Какой дьявол побудил тебя к подобному делу? И Сауи отвечал: – О царь, этот негодяй никогда не видал халифа. Это просто мошенник, исполненный хитрости и злобы! Он, вероятно, нашел бумагу, писанную рукою халифа, и, подделав его почерк, написал то, что ему вздумалось! Если бы действительно халиф послал к тебе этого человека, он дал бы ему в провожатые кого-нибудь из своих придворных. Но этот человек явился сюда один!

При этих словах визиря Сауи султан поверил, что Али-Нур преступник, и он закричал своим телохранителям: – Схватите его! И телохранители схватили Али-Нура и принялись бить его палками, пока он не лишился чувств. Потом султан приказал надеть ему оковы на ноги и на руки и потребовал к себе старшего тюремщика, которого звали Кутаит. И визирь сказал ему: – Именем нашего повелителя султана приказываю тебе взять этого человека, и бросить его в одну из ям, вырытых в темнице, и пытать его днем и

Léon Carré

ночью! И Кутаит увел с собой Али-Нура в темницу. Однако когда он вошел в темницу вместе с Али-Нуром, он снял с него оковы и сказал: – О господин мой, знай что я многим обязан покойному визирю, твоему отцу. Поэтому не бойся ничего! И он обращался с Али-Нуром с необыкновенным вниманием и заботой, отправляя каждый день визирю донесение, что тот подвергается самым ужасным пыткам. И так длилось сорок дней.

Когда же наступил сорок первый день, во дворец прибыл богатый подарок, присланный халифом султану Басры. Но султан не понимал, по какому случаю халиф посылает ему этот подарок, и он собрал своих эмиров, чтобы узнать их мнение об этом. Тогда некоторые из них высказали предположение, что, может быть, халиф предназначил этот подарок новому султану. Тогда визирь бен-Сауи воскликнул: – Не говорил ли я тебе, что нужно избавиться от этого Али-Нура! И султан воскликнул: – Ты, кстати, напомнил мне о нем. Приведи его поскорее сюда и отруби ему голову!

И визирь бен-Сауи приказал объявить через глашатаев о казни Али-Нура. И все жители Басры предались печали и залились слезами. А бен-Сауи взял десять стражей, побежал к тюрьме и приказал тюремщику скорее привести Али-Нура. Тогда Кутаит сказал: – Он теперь в плачевном состоянии от перенесенных им пыток. Впрочем, я сейчас же исполню твое приказание. И тюремщик побежал к Али-Нуру и объяснил ему, что случилось. Потом он помог ему снять с себя чистое платье и облачиться в подобающие узнику старые лохмотья и в таком виде повел его к визирю Сауи. И тот, увидав Али-Нура, воскликнул: – Знай, что я сегодня же отрублю тебе голову, несмотря на недовольство всех жителей Басры. И визирь велел своим стражам схватить Али-Нура и посадить его на спину осла. Но стражи колебались, заметив, что толпа смотрит на Али-Нура и говорит ему: – Прикажи, и мы закидаем камнями этого человека, хотя бы из-за этого нам пришлось погибнуть. Но Али-Нур сказал: – Не делайте этого, о нет! Разве вы не слыхали стихов поэта:

Все на земле мы срок определенный
Должны пробыть и после умереть!
Но если б даже лев меня повлек
В дремучий лес, – до истеченья срока
Мне опасаться все же нет причины!

И стражи посадили Али-Нура на спину осла и прибыли с ним под самые окна султана, выкрикивая: «Вот какое наказание ожидает того, кто подделывает письма!» Потом они поставили Али-Нура на место, где проливалась кровь казненных. И палач подошел к Али-Нуру и сказал: – Если ты желаешь чего-нибудь, приказывай, и я исполню твое желание! Ибо знай, что тебе осталось жить несколько минут, до тех только пор пока султан не подойдет к окну! А визирь бен-Сауи вскочил со своего места и в бешенстве закричал палачу: – Чего ты ждешь еще, чтобы отрубить ему голову? А вся толпа восстала против визиря и начала осыпать его бранью. И вдруг послышался глухой гул, и он приближался, наполняя собою весь воздух. И этот гул остановил внимание царя; он выглянул из окна дворца и спросил: – Что там случилось? Но визирь Сауи отвечал: – Теперь не до этого! Прежде нужно отрубить голову этому человеку! Но султан сказал: – Замолчи, о Сауи! И дай нам узнать, что это такое! И оказалось, что это был гул, поднятый конями всадников Джафара, великого визиря халифа. Появление их объяснялось следующим. Халиф после ночи, проведенной с Анис-аль-Джалис, не вспоминал целых тридцать дней обо всем происшедшем с Али-Нуром. Но в одну ночь, проходя

мимо помещения Анис-аль-Джалис, он услышал плач и нежный голос, который напевал следующие стихи:

Будь ты вдали иль близко от меня,
Всегда, желанный, тень твоя со мною!
И мой язык, на радость мне, всегда
Твое, о чудный! повторяет имя!

Когда по окончании пения рыдания усилились, халиф отворил дверь и вошел в комнату. И он увидал плачущую Анис-аль-Джалис. При виде халифа она бросилась к его ногам, трижды поцеловала их, а потом произнесла следующие строфы:

О благородный, знаменитый родом,
О ствол, согбенный тяжестью плодов,
О плод прекрасной, благородной крови!
Позволь тебе напомнить слово то,
Что дали мне твое великодушье
Безмерное и доброта твоя!

И халиф вспомнил об Али-Нуре, немедленно вызвал к себе Джафара и сказал ему: – Вот уже тридцать дней, как я не слышу ничего об Али-Нуре бен-Кхакане! И я опасаюсь, что султан Басры казнил его. Но клянусь могилой моих отцов, если его постигло несчастие, я накажу смертью виновного! Сейчас же отправляйся в Басру и привези мне известия об Али-Нуре! И Джафар прибыл в Басру и, увидав разъяренную толпу, спросил: – Что означает эта сумятица? И тысячи голосов из народа рассказали ему все, что приключилось с Али-Нуром бен-Кхаканом. Тогда Джафар пришпорил коня, прибыл ко дворцу, поднялся к султану и велел телохранителям немедленно привести Али-Нура, и они тотчас же отправились за ним на место казни. И как только они привели Али-Нура, Джафар велел им арестовать самого султана и его визиря эль-Могин бен-Сауи. Вслед затем он назначил Али-Нура султаном Басры и возвел его на трон на место Могаммада эль-Зейни, которого он заключил в темницу вместе с визирем. И Джафар остался еще три дня в Басре, как это предписывалось обычаем. А наутро четвертого дня Али-Нур сказал Джафару: – Поистине, мне страшно хочется видеть эмира правоверных! И Джафар одобрил это, сказав: – Сотворим нашу утреннюю молитву и отправимся в Багдад!

И они, захватив прежнего султана эль-Зейни и визиря бен-Сауи, в сопровождении телохранителей направились в Багдад. И Али-Нур скакал на коне рядом с Джафаром, пока они не прибыли в Обитель мира, Багдад. И они явились к халифу, и Джафар рассказал ему всю историю Али-Нура. Тогда халиф подозвал к себе Али-Нура и сказал: – Возьми же меч и отруби голову твоему врагу, этому негодяю бен-Сауи! И Али-Нур взял меч и подошел к бен-Сауи. Но тот взглянул на него и сказал: – О Али-Нур! я поступал, как повелевал мой темперамент; и я не мог освободиться от него. Ты же действуй согласно твоему темпераменту! И Али-Нур отбросил от себя меч, и сказал халифу: – О эмир правоверных, он обезоружил меня! Тогда халиф подал знак своему палачу, и палач одним ударом отрубил голову негодяю бен-Сауи. А халиф позвал Анис-аль-Джалис и возвратил ее Али-Нуру, и одарил их многими имениями и большими богатствами, и дал им один из самых красивых в Багдаде дворцов, и назначил им огромное содержание из казны. И он сделал Али-Нура своим приближенным и собеседником, и все они прожили в счастье и благополучии до самой смерти.

Но – продолжала Шахразада – не думай, о царь благословенный, что история Али-Нура и Анис-аль-Джалис также необычайна, как история Ганем-бен-Эйюба и его сестры Фетны. И царь Шахрияр сказал: – Клянусь Аллахом, я совсем не знаю этой истории!

История Ганема-бен-Эйюба и сестры его Фетны

Шахразада сказала: – Сказывали мне, о царь благословенный, что в давние времена жил купец, богач и отец двух детей. Звали его Эйюбом. Сына его звали Ганем-бен-Эйюб и был он хорош собою, как полная луна среди ночи, и одарен он был красноречием и чарующею мягкостью слова. А дочь купца звали Фетной, и умирая, отец оставил ей с братом большие богатства... Но в эту минуту своего рассказа, Шахразада заметила, что приближается утро, и приостановила свой рассказ. А когда наступила тридцать седьмая ночь, она сказала:

Купец Эйюб, умирая, оставил детям огромные богатства: сто грузов шелковых материй, парчи и других ценных тканей и сто сосудов, наполненных чистым мускусом. Грузы были упакованы, и на каждом тюке было написано «В Багдад», потому что Эйюб не думал, что умрет так скоро, и собирался в Багдад, чтобы продать там свой товар. И по прошествии траура, молодой Ганем стал собираться в Багдад на место отца. Он попрощался с родными и всеми жителями своего околотка, нанял верблюдов, нагрузил их своими товарами и вместе с другими купцами благополучно прибыл в Багдад.

Приехав туда, он нанял прекрасный дом, который наполнил роскошной мебелью, великолепными коврами, диванами и подушками и стал думать о продаже своих товаров на базаре. Он сложил в один тюк десять штук прекрасных тканей и тонких шелковых материй, и на каждой была надпись с крайней ценой, и

он пошел к тому месту, где торговали купцы. Они приняли его с большим радушием и повели к базарному шейху, который, только взглянув на его товары, сейчас же купил их у него. И Ганем-бен-Эйюб нажил два золотых динария на каждый динарий товара. И он был доволен таким барышом и продолжал продавать таким же образом ежедневно ткани и мускус, наживая по два на один динарий, и так в течение целого года.

В начале второго года он по обыкновению отправился на базар и увидел, что все лавки закрыты. А день был непраздничный, и он удивился и спросил о причине. Ему отвечали, что умер один из главных купцов, и все на его похоронах, и если он тоже пойдет проводить покойника, то ему это зачтется. И Ганем поспешно направился к указанному ему месту. Он смешался с толпою купцов, направлявшихся к кладбищу, и оказался у здания с куполом, в котором надлежало предать покойного земле. Родственники умершего открыли склеп, опустили в него тело и закрыли крышку. Потом чтецы Корана стали читать над могилой священные стихи книги, и все купцы благоговейно их слушали. И хотя Ганем спешил вернуться к себе, он из уважения остался слушать вместе с другими. Погребальные обряды кончились только к вечеру. И после щедрого угощения купцы по обычаю молча сели в кружок и собирались пробыть до самого утра, Ганем же стал сильно беспокоиться по причине оставленных дома товаров, и он сказал себе: «Я приезжий и слыву за очень богатого человека. А потому, если я на целую ночь уйду из дома, воры могут обокрасть его дочиста».

И беспокойство его усиливалось, и он решился встать, извинился перед присутствующими и поспешно ушел. Он шел в темноте по тропинке до самых городских ворот. Но так как было уже около полуночи, то городские ворота были заперты, и вдалеке слышен был только лай собак и завывание шакалов. Тогда в страхе он воскликнул: – О Аллах! Прежде я боялся за свои товары, а теперь боюсь за свою жизнь! И он пошел назад, стараясь найти приют, где мог бы провести ночь. Наконец, он нашел окруженную стенами погребальную мечеть. Ганем вошел через дверь в стене и лег спать; но сон не приходил среди могил. Тогда он встал, выглянул наружу и увидел в стороне городских ворот какой-то свет. И он заметил, что свет приближается к нему. Тогда Ганем, испугавшись, запер дверь на задвижку и влез на верхушку пальмы, которая росла во дворике мечети. Оттуда он разглядел трех негров; двое несли большой ящик, а третий нес фонарь и мотыги. Приблизившись, они остановились, и один из носильщиков сказал: – Что с тобою, Сауаб? И тот ответил: – О Кафур, смотри – дверь, которую мы оставили открытой вечером, теперь заперта! Тогда третий негр, которого звали Бакитой, сказал им: – Разве вы не знаете, что землевладельцы приходят сюда отдыхать и запираются вечером из боязни перед такими неграми, как мы; потому что мы забираем их и жарим, чтобы полакомиться их белым мясом.

Тогда Кафур и Сауаб сказали негру Баките: – Поистине, если есть между нами глупец, то это ты! Но Бакита ответил: – Вы поверите мне, когда войдете внутрь и увидите там кого-нибудь. И я даже заранее говорю, что этот кто-то, испугавшись нашего фонаря, наверняка влез на верхушку пальмы. При этих словах исполненный ужасом Ганем сказал себе: «Один Аллах силен и могуществен! Кто мог бы теперь спасти меня от погибели?» А оба негра, несшие ящик, сказали несущему фонарь: – О Сауаб, влезь на забор и спрыгни во двор и отвори нам дверь, потому что наши плечи

устали от этой ноши. Если ты сделаешь это, мы обещаем отдать тебе самого толстого и самого жирного из тех, кого поймаем там, и изжарим для тебя. Но Сауаб ответил: – Хотя нам поручили этот ящик, но по моему глупому разуму лучше избавиться от него, перебросив его через стену; ведь нам приказано отнести его именно сюда! Но двое других негров сказали: – Если мы бросим этот ящик через стену, он, наверное, разобьется! Сауаб же сказал: – Я боюсь, что внутри спрятались разбойники, которые убивают и грабят прохожих! Но двое других ответили: – Неужели ты так глуп, что веришь таким басням! И, сказав это, двое негров поставили ящик на землю, влезли на стену, спрыгнули во двор, отворили дверь, внесли ящик и снова заперли дверь. И один из них сказал: – О братья мои, отдохнем, прежде чем начнем рыть яму, в которую нам приказано спрятать этот ящик, содержимое которого нам неизвестно. И чтобы приятно провести недолгий отдых, пусть каждый из нас, черных евнухов, расскажет почему он стал евнухом! Но в эту минуту Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно прервала свой рассказ. А когда наступила тридцать восьмая ночь, она сказала:

ночь тридцать восьмая

Мне сказывали, о царь, что когда один из негров предложил, чтобы они рассказали о причинах своего евнушества, негр Сауаб заговорил первый и сказал:

ИСТОРИЯ НЕГРА САУАБА, ПЕРВОГО СУДАНСКОГО ЕВНУХА

Знайте же, братья мои, что мне едва исполнилось пять лет, когда торговец невольниками увез меня в Багдад и продал одному военному. У этого человека была трехлетняя дочь. Меня воспитывали вместе с нею и мною забавлялись, когда я играл с нею, танцевал и пел для нее; и все любили маленького негритенка. И мы росли вместе, и мне исполнилось двенадцать лет, а девочке десять. И вот однажды я нашел ее одну в уединенном месте после купания; от нее распространялось благоухание, она была прелестна и вся сияла; а лицо ее было как луна в четырнадцатую ночь. Увидев меня, она подбежала, и мы принялись играть и возиться и шалить, и она прижималась ко мне, и обнимала меня. И вот – сам не

Léon Carré

знаю как – я бросился на нее и в один миг лишил ее невинности. И когда дело было кончено, девочка снова принялась обнимать и ласкать меня; но я остолбенел, ужасаясь того, что сделал, и, вырвавшись, убежал, и спрятался у одного из друзей своих, молодого негра. А девочка вернулась домой; и мать ее заметила беспорядок ее платья, и осмотрела ее тело, и увидела то, что увидела! И она лишилась чувств от волнения и гнева.

Когда же она пришла в себя, то приняла всякие предосторожности, чтобы скрыть случившееся от мужа своего, отца девочки. Два месяца ждала она терпеливо, узнав в это время, кто виновник. И она делала мне маленькие подарки, чтобы заставить меня вернуться в дом моего хозяина. И когда я вернулся, она продолжала молчать об этом деле. По прошествии двух месяцев девочку обручили с молодым цирюльником, который работал на отца и потому часто бывал в доме. И когда стали думать и о свадьбе, то привели цирюльника с инструментами; меня схватили, связали, и я стал евнухом. Свадьба состоялась, и, чтобы заставить приглашенных поверить девственности дочери, мать зарезала голубя и окрасила его кровью рубашку новобрачной и, по обычаю, велела передавать ее из рук в руки в конце ночи между приглашенными на свадьбу женщинами, которые плакали от умиления. И с тех пор я жил в доме моей молодой госпожи и супруга ее, цирюльника. И я мог без помех наслаждаться красотою и совершенством ее прелестного тела, потому что отрезано было у меня не все, и я целовал и обнимал мою госпожу до самой ее смерти. А когда умер ее муж и ее родители, я перешел в собственность казны и сделался одним из придворных евнухов. Таким-то образом я и стал вашим товарищем! Тут негр Сауаб замолчал, а второй негр, Кафур, начал так:

ИСТОРИЯ НЕГРА КАФУРА, ВТОРОГО СУДАНСКОГО ЕВНУХА

Знайте же, о братья мои, что мне было восемь лет в начале этой истории. Но я уже был весьма опытен в искусстве лгать, хотя делал это не чаще раза в году. Поэтому торговец невольниками захотел избавиться от меня и велел глашатаю кричать на базаре: – Кто хочет купить негритенка с норовом? И скоро один человек из торговцев подошел к глашатаю и спросил: – Какой же у него норов? И тот ответил: – Он лжет один раз в год. И торговец сказал: – Я его покупаю! Тогда глашатай призвал свидетелей, отвел меня в дом моего нового господина, взял плату за куртаж и ушел. А я остался у нового господина до конца года, и без всяких приключений. Но наступил новый год, и он обещал быть благодатным, поэтому купцы стали задавать пиры в садах, и каждый по очереди тратился на угощение, пока не наступил черед моего господина. Тогда он пригласил купцов и велел принести яств и напитков; и все сели есть и пить. В это время господину моему понадобилась одна вещь, которую он забыл дома, и он сказал мне: – О невольник, беги поскорее домой, спроси у госпожи твоей такую-то вещь и возвращайся немедля! И я поспешно направился к дому.

Когда же я был уже около него, то принялся громко кричать и ронять

крупные слезы. И женщины высовывались из окон, и жена моего господина услышала мои крики и отворила мне дверь. И все спрашивали меня о причине моего приезда. И я ответил со слезами: – Господин мой, находясь в саду с гостями, отошел к стене за надобностью. И вдруг стена обрушилась, и господин мой исчез под ее развалинами. Тогда, обезумев от ужаса, я поспешил сюда. И когда жена и дочери услышали мои слова, они принялись громко кричать, бить себя по лицу и по голове. Потом жена моего господина, как обыкновенно делается в случаях неожиданной смерти главы дома, стала переворачивать все вверх дном, ломать мебель и разбивать все, что могло быть разбито. И она закричала мне: – Негодяй Кафур, что же ты стоишь! Иди же, помогай мне уничтожить всю эту утварь и расколотить этот фарфор! Тогда я принялся все разбивать и портить шкафы, драгоценную мебель и фарфоровую посуду; я жег ковры, постели, занавеси, дорогие ткани и подушки; покончив со всем этим, я стал разрушать самый дом, потолки и стены и уничтожил все, сверху донизу. И все это время я плакал и вопил: – О мой несчастный господин! После этого моя госпожа и ее дочери сняли с себя покрывала и с распущенными волосами вышли на улицу, сказав мне: – О Кафур, веди нас к месту, где господин твой погиб под развалинами. И я пошел, не переставая кричать: – О мой бедный господин! И мало-помалу к нам присоединились жители всех улиц, по которым мы проходили; и все били себя по лицу и плакали. И некоторые посоветовали жене моего господина отправиться прежде всего к вали и рассказать ему о несчастии. И все пошли к вали; я же сказал, что пойду к развалинам, под которыми погиб мой господин... Но на этом месте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и приостановила свой рассказ. А когда наступила тридцать девятая ночь, она сказала:

ночь тридцать девятая

И говорили мне, о благословенный царь, что евнух Кафур продолжал свой рассказ так: – Тогда я побежал в сад; а женщины и все остальные отправились к вали и рассказали ему, в чем дело. Тогда вали сел на лошадь, взял с собою землекопов с инструментами, мешками и корзинами, и все направились к саду, следуя данным мною указаниям. Я же посыпал голову землей и пришел в сад, крича: – О моя бедная госпожа! Какая женщина будет так добра ко мне, как моя бедная госпожа! И мой хозяин изменился в лице и спросил: – Что случилось, скажи? Я сказал ему: – О господин мой, я нашел твой дом разрушенным, а госпожу и детей ее погребенными под развалинами! Стены дома и стены конюшни обрушились на все, что было живого в доме, даже на баранов, гусей и кур! И все обратилось в бесформенную массу и исчезло под обломками. Никого не осталось! И он сказал мне: – И даже старшего сына моего? И я сказал: – Увы! Нет более ни дома, ни его обитателей. И даже не осталось следа всего этого! Когда господин мой услышал слова мои,

свет померк у него в глазах, он зашатался и стал рвать одежду, бороду и срывать с головы тюрбан. И он вскрикивал: – О дети мои! О жена! Какое несчастие может сравняться с моим? И все купцы принялись стонать и плакать, чтобы выразить ему свое сочувствие, и также разорвали на себе одежды.

После этого мой господин в сопровождении гостей вышел из сада, продолжая бить себя по лицу. Но едва переступил он за ворота сада, как увидел облако пыли и услышал жалобные крики. И скоро заметил он вали, а за ними женщин его дома, и всех, кто пристал к ним по пути из любопытства. И все были в слезах, и все стонали. И при виде супруги своей и своих детей господин мой остановился, как вкопанный; потом он стал смеяться, и все бросились обнимать его. И жена его сказала: – Благословен Аллах за то, что дал нам увидеть тебя невредимым! Но как же ты успел высвободиться из-под развалин? И если бы не ужасное известие, которое привез нам Кафур, ничего не случилось бы и у нас дома! И он вскричал: – Какое известие? Она отвечала: – Кафур приехал с непокрытой головой, в разорванной одежде и вскричал: – Господин мой присел около забора за надобностью, как вдруг стена обрушилась и заживо похоронила его! Тогда господин мой, в свою очередь, сказал: – Клянусь Аллахом! Но Кафур только что пришел ко мне, крича: – Моя госпожа только что погибла, и со всеми своими детьми, под развалинами дома!

Вслед затем господин мой повернулся в мою сторону и позвал меня страшным голосом. И он сказал мне: – Ах ты негодный раб! Сын блудницы и тысячи собак! Ах ты проклятый! Зачем причинил ты нам всю эту смуту? Клянусь Аллахом, я сдеру кожу с твоего мяса и отделю мясо от твоих костей! Тогда я без всякого страха сказал ему: – Ты не сделаешь мне ничего, так как купил меня при свидетелях с моим норовом, и ты знал, что я лгу каждый год один раз. Впрочем, все, что я теперь сделал, только половина моей ежегодной лжи, и что до окончания года я исполню и другую половину! При этих словах господин мой вскричал: – О гнуснейший из негров! Как! Все, что ты наделал теперь, только половина? Ступай вон, собачий сын, я прогоняю тебя! Отныне ты свободен! А я отвечал: – Клянусь Аллахом! Я не уйду от тебя до тех пор, пока не выполню второй половины моего обмана. Только после этого ты можешь привести меня на базар и продать. А до тех пор ты не можешь покинуть меня, потому что я не знаю никакого ремесла, которым мог бы себя пропитать. И все что я говорю тебе, законным образом будет признано свидетелями, при которых ты меня покупал!

Между тем как мы разговаривали таким образом, пришедшие на похороны стали спрашивать, в чем дело. И когда им объяснили, что ложь эта – мое дело, и прибавили, что это только половина, все были сильно озадачены и нашли, что и первая половина слишком велика. И все ругали меня напропалую. Но я смеялся и говорил: – Как можно упрекать меня, коль скоро меня купили с норовом? И когда мой господин удостоверился, что дом его обращен в груду развалин и что я всего более содействовал его разрушению, он еще более взбесился и сказал: – В жизни не видел я такого ублюдка, как этот негодный негр! И он еще уверяет, что это только половина лжи! Чем же была бы полная ложь? В таком случае это было бы разрушение целого города! Затем он потащил меня к вали, который велел отсчитать мне столько палок, что я лишился чувств и упал в обморок. И пока я находился в таком состоянии, привели цирюльника с инструментами, и он оскопил меня и прижег рану каленым

железом. И, очнувшись, я убедился, что буду евнухом до конца своих дней.

Тогда господин мой сказал мне: – Как ты жег мое сердце, пытаясь отнять у него то, что для него всего дороже, так и я жгу твое сердце, отнимая у тебя то, что тебе всего дороже! Потом он повел меня на базар и продал гораздо дороже того, за что купил, так как я, сделавшись евнухом, поднялся в цене. С той поры я постоянно сеял смуту и раздор во всех домах, куда меня брали в качестве евнуха; и я все время переходил от одного господина к другому, пока не сделался собственностью казны.

Выслушав этот рассказ Кафура, третий негр, которого звали Бакитой, обращаясь к товарищам, сказал:

ИСТОРИЯ НЕГРА БАКИТЫ, ТРЕТЬЕГО СУДАНСКОГО ЕВНУХА

Знайте – все, что мы только что слышали, достойно только смеха. Я же расскажу вам причину своей кастрации, и вы увидите, что я заслужил и худшего! Но подробности этой истории так богаты происшествиями, что не время рассказывать их. Иначе рассвет застанет нас прежде, чем мы успеем закопать принесенный нами ящик; а тогда мы можем подвергнуться большой опасности. Сделаем же работу, для которой нас прислали сюда, а после я расскажу вам, почему я стал евнухом. После этих слов все трое при свете фонаря принялись копать яму по величине ящика. И они вырыли яму глубиною в половину человеческого роста и поставили в нее ящик. Потом они взяли свои инструменты и фонарь и быстро удалились. Ганем же, продолжавший укрываться на верхушке пальмы и все слышавший, еще не решался спуститься с пальмы, опасаясь темноты, и стал ждать первых проблесков зари. На рассвете он спустился вниз и вытащил ящик из ямы.

Тогда Ганем взял камень и стал ударять по замку, и, наконец, сломал его. И он поднял крышку и увидел спящую отроковицу несравненной красоты. Вся она была покрыта драгоценными камнями и всякого рода украшениями. На ее шее было золотое ожерелье, в ушах серьги из одного чудного большого камня, а на ногах и на кистях рук браслеты из золота и бриллиантов, и все это должно было стоить дороже, чем все царство султана. Разглядев красавицу, Ганем убедился, что она не подвергалась насилию со стороны евнухов, и он взял ее на руки и положил на землю. Отроковица вдохнула свежий воздух, глубоко вздохнула и чихнула; при этом изо рта у нее выпал кусок банжа, который мог бы усыпить и слона. И отроковица открыла, наконец, глаза, взглянула вокруг себя и в испуге воскликнула: – Горе мне! Я здесь одна среди могил! Кто же похитил меня из моего дворца и бросил сюда между могильными камнями? А Ганем сказал: – О царица красоты, я Ганем-бен-Эйюб, и здесь нет дворца, но есть раб твой, посланный самим Вездесущим, чтобы защитить тебя от всякой неприятности и доставить тебя на твое место! Тогда отроковица приложила руку к сердцу и сказала своим сладостным голосом: – О благословенный молодой человек, не можешь ли сказать, кто принес меня сюда? И он ответил: – О госпожа моя, три негра-евнуха принесли тебя

сюда в ящике. Потом Ганем рассказал отроковице всю историю – как случилось ему освободить ее из ящика, и затем он попросил ее, чтобы она рассказала о причине происшествия с нею. Но красавица ответила: – Да будет прославлен Аллах за то, что Он послал мне тебя! А теперь прошу, положи меня опять в ящик, иди на дорогу за каким-нибудь погонщиком мулов и вели ему отвезти ящик в дом твой. И тогда ты увидишь, сколько прибыли ты извлечешь из всего этого, и тогда ты узнаешь о моих приключениях. При этих словах Ганем тотчас же побежал за погонщиком, и через несколько минут вернулся с ним и с мулом погонщика, и помог погонщику поставить ящик на спину мула, и поспешно направился домой.

И во время пути Ганем почувствовал, что любовь к отроковице проникла в его сердце; и он был наверху блаженства при мысли, что она скоро будет принадлежать ему, эта отроковица, за которую, если бы она была рабыней, дали бы на базарном аукционе не менее десяти тысяч золотых динариев, и на которой было несметное богатство дорогих тканей и драгоценных украшений! И, предаваясь этим радостным мыслям, он торопился домой. Наконец, предшествуя мулу, он пришел домой, помог снять ящик и внести его в дом... Но на этом месте рассказа Шахразада увидела, что приближается утро, и скромно приостановила свое повествование. Но когда наступила сороковая ночь, она сказала:

ночь сороковая

И так, Ганем благополучно прибыл к себе в дом с ящиком, из которого вынул отроковицу. Она осмотрела дом и увидела, что это прекрасный дом, украшенный коврами ярких и веселых цветов и весь обитый многоцветными тканями и обоями, ласкавшими глаз; и стояла в нем драгоценная мебель и много других вещей; и увидела она большие тюки с товарами и ценными тканями, шелком и парчой и пузыри с мускусом. И она поняла, что Ганем богатый купец. Тогда она подняла покрывало, которым было покрыто ее лицо, посмотрела на молодого Ганема и увидела, что он достоин любви, и она полюбила его и сказала ему: – О Ганем, видишь, я не закрываю перед тобою лица своего! Но я очень голодна. И Ганем побежал на базар, купил зажаренного в печи ягненка, блюдо пирожного лучшего качества, которое взял у самого знаменитого в Багдаде продавца сластей, Гаджи-Солеймана, поднос с миндалем, фисташками и всякого рода плодами и кувшины, наполненные старым вином, и, наконец, цветы всех возможных сортов. И принес он все это домой и уложил в большие фарфоровые чаши, а цветами украсил драгоценные вазы и поставил все это перед отроковицей. И оба принялись за еду с удовольствием и ели, пока не насытились, после чего Ганем принес напитки, и оба они принялись пить и играть, и лица их воспламенились, щеки покрылись румянцем, а глаза сделались чернее и ярче. И тогда она обвила руками его шею и принялась обнимать, ласкать и говорить тысячу сладостных слов. И Ганем почувствовал, как

любовь внедряется к нему в тело и в сердце. Потом оба стали есть и пить, а когда наступила ночь, Ганем зажег люстры, принес музыкальные инструменты, смеялся и пел самые пламенные песни. И это еще более усилило страсть, которою они воспламенились друг к другу. Да будет благословен Тот, Кто сливает сердца и соединяет влюбленных! Они прекратили свои игры только с появлением утренней зари и уснули в объятиях один другого, ничего не совершив окончательного.

Не успел Ганем проснуться, как тотчас же захотел исполнить долг гостеприимства и поспешил в лавки купить мяса, овощей, плодов, цветов и вин; и принес все это он домой и сел рядом с отроковицей; и оба ели, пока не насытились, после чего Ганем принес напитки, и оба они принялись пить, пока лица их не воспламенились, щеки не покрылись румянцем, а глаза не сделались ярче. Тогда Ганем сказал: – О владычица души моей, позволь поцеловать тебя в уста, чтобы этот поцелуй освежил пламень, горящий во мне! И она отвечала: – О, Ганем, дай мне опьянеть и забыться; и тогда я позволю тебе сорвать поцелуй с моих уст. И начиная понемногу пьянеть, она сбросила с себя все одежды, оставила одну тонкую рубашку с золотыми блестками. Увидав ее такою, Ганем воспламенился еще сильнее, и сказал: – О госпожа моя, позволишь ли мне теперь поцеловать тебя в уста? А отроковица отвечала: – Тому препятствует нечто написанное на шнуре моего исподнего платья! После этого Ганем почувствовал, что обезумел от страсти. А отроковица не позволила ему ничего, продолжая, однако, доказывать, что разделяет его любовь; и так продолжалось до конца дня. Тогда Ганем зажег все люстры, бросился к ее ногам и прильнул устами к этим дивным ногам, и он спрятал голову свою между ними и упивался нежным и теплым телом, благоухавшим мускусом, и розой, и жасмином. И она трепетала, как трепещет птица. И Ганем воскликнул: – О госпожа моя, сжалься над рабом твоим, плененным любовью к тебе! Тогда отроковица сказала ему: – О свет моих очей, я охвачена твоею любовью и вся связана с тобою! Но я никогда не позволю тебе обладать мною! При этих словах она прижалась к нему и стала обнимать и ласкать и многое обещать ему. И они прекратили свои ласки только с наступлением утра, но отроковица не сказала ему, почему не может принадлежать ему вполне.

И то же самое повторялось каждый день и каждую ночь, и так продолжалось целый месяц. И любовь их друг к другу только росла. Но в одну из ночей, оба опьянели от вина и неудовлетворенного желания, и Ганем скользнул рукою по дивному ее телу и дошел до шнурка, стягивавшего исподнее платье. И тогда отроковица проснулась и сказала Ганему: – Что же хочешь ты сделать со мною, о Ганем? И он отвечал: – Хочу обладать тобою и разделить с тобою мое блаженство. Тогда она сказала: – О Ганем! Я открою мою тайну. Быть может, после этого ты признаешь, что я имею для своего отказа причину. И она приподняла край своей рубашки, взяла шнурок исподнего платья и сказала: – О Ганем, прочти то, что написано на конце шнурка! И Ганем прочел начертанные на нем золотыми буквами слова: «Я твоя и ты мой, о потомок дяди Пророка!» Тогда Ганем с волнением произнес: – Поспеши объяснить мне все это! И отроковица сказала: – Знай, Ганем, что я любимица халифа Гарун-аль-Рашида; и слова, написанные на шнурке, доказывают тебе, что я должна принадлежать ему одному. Имя мое – Куат-аль-Кулуб. С детства я воспитывалась во дворце халифа и стала так хороша, что он заметил меня и увидел, сколько во мне совершенств, исходящих

от благости моего Создателя. И халиф полюбил меня, и взял меня, и дал мне помещение во дворце и десять молодых невольниц. Потом он подарил мне все те драгоценности, которые ты видел в том ящике. И он предпочел меня всем женщинам дворца и даже любимой жене своей Сетт-Зобейде.

Поэтому Зобейда возненавидела меня, и, когда халиф был в отсутствии, она призвала к себе одну из моих служанок и сказала: – Когда госпожа твоя заснет, ты положишь ей в рот кусок банжа, а раньше положи ей банжа и в питье. Я же вознагражу тебя, даруя богатство и свободу! И, радуясь ожидавшей награде, она дала мне питья, в которое был подмешан банж. И не успела я испить, как упала на пол в судорогах, и мне казалось, что я ухожу в другой мир. Увидев меня спящей, Зобейда положила меня в ящик. Потом позвала трех евнухов и, щедро одарив их, велела унести меня на кладбище, куда ради моего спасения Аллах привел тебя на верхушку пальмы! И благодаря тебе я нахожусь теперь в твоем гостеприимном доме! Но меня заботит, что я ничего не знаю о том, что сделал халиф, когда не нашел меня во дворце. И меня связывает этот шнурок, не позволяющий отдаться тебе.

Выслушав этот рассказ и узнав, какие узы привязывают аль-Кулуб к эмиру всех правоверных, Ганем не смел более и взглянуть на отроковицу; и понял он, какое несчастие его страсть и как печальна его участь. Тогда отроковица подошла к Ганему и, чтобы утешить его, испробовала все средства кроме одного; но Ганем уже не смел отвечать на ласки любимицы эмира правоверных. А Куат-аль-Кулуб, не ожидавшая такой быстрой перемены со стороны Ганема, удвоила свои ласки. Но Ганем и слышать не хотел ни о чем подобном, а так как наступало утро, он поспешил уйти на базар и не приходил домой целый час, и, узнав высокое звание своей гостьи, он сделал для нее еще более обильные покупки. Но не успел он войти к ней с ними, как она прижалась к нему и с глазами, потемневшими от страсти и влажными от желания, сказала, улыбаясь: – Клянусь Аллахом! Как долго тебя не было со мною, о желанный моего сердца! Не час, а целый год пробыл ты вдали от меня! Я чувствую теперь, что не могу сдержать себя! Страсть моя нестерпима, и я сгораю от нее! О Ганем, возьми меня, я умираю! Но Ганем оттолкнул ее от себя и сказал: – О госпожа моя, да предохранит меня от этого Аллах! Ибо не может принадлежать рабу то, что принадлежит господину! И он вырвался из ее объятий и забился в угол, печальный и озабоченный. А затем Ганем вытащил постели, как то делал он каждый вечер, и вместо того чтобы соединить их вместе, он устроил их каждую отдельно. И раздосадованная Куат-аль-Кулуб сказала ему: – Для кого же эта вторая постель? И он сказал: – Одна для тебя и другая для меня! И с этой ночи мы так и будем спать; потому что не может принадлежать рабу то, что принадлежит господину. Тогда аль-Кулуб сказала: – О дорогой господин мой, оставим эту устарелую мораль! – Приди ко мне, Ганем, я открываю перед тобою все мое! О Ганем, возьми этот цветущий ротик, и это тело, созревшее твоим желанием! Ганем же сказал: – Да предохранит нас от этого Аллах!

Тогда отроковица заплакала, взяла лютню свою и запела:

Я так прекрасна и стройна! К чему же
Меня бежишь ты? Погляди, как всюду
Я хороша! И как полна чудес!
Ужель меня не хочешь ты сорвать?..
Взгляни – газель я! Стройные газели
Ведь созданы Аллахом для охоты.
Я стройная, влюбленная газель
И для сетей я создана, охотник!

Но Ганем не захотел нарушить уважения, должного халифу, и, несмотря на все желание отроковицы, продолжал отказываться от нее. Что же до Зобейды, то, избавившись от соперницы, она скоро пришла в большое затруднение и сказала себе: – Что отвечу я халифу, когда он спросит меня о Куат-аль-Кулуб? И решила она позвать старую женщину, добрым советам которой она доверяла, и открыла она ей свою тайну и спросила: – Что делать мне теперь, когда случилось то, что случилось? И старуха ответила: – Я могла бы указать тебе много способов скрыть от халифа все, но я укажу тебе на самый легкий, верный и скорый. Позови плотника и вели ему вытесать деревянную куклу, имеющую вид покойника. И вели опустить ее в могилу со всяким торжеством и прикажи всем невольницам и невольникам облечься в траурные одежды и обтянуть черным весь дворец до приезда халифа. И когда удивленный халиф спросит, что все это значит, ему скажут: – О господин наш, твоя любимица Куат-аль-Кулуб умерла по воле милосердого Аллаха! И госпожа наша Зобейда отдала ей все почести и велела похоронить во дворце под выстроенным для нее куполом! Тогда халиф заплачет, и позовет чтецов Корана, и заставит их день и ночь читать над могилой погребальные стихи. А если халиф станет подозревать тебя и захочет открыть могилу, чтобы удостовериться, какою смертью умерла его любимица, тебе нечего бояться, о госпожа моя! Потому что когда отроют могилу и халиф захочет приподнять саван, чтобы увидеть свою любимицу в последний раз, ты, госпожа моя, должна помешать ему, сказав: – О эмир правоверных, закон не позволяет смотреть на обнаженное тело мертвой женщины! Тогда халиф убедится в смерти своей любимицы, и велит закопать ее, и будет тебе благодарен за все, что ты сделала!

Сетт-Зобейда, выслушав старуху, поняла, что совет ее превосходен, и тотчас же богато одарила ее, дала ей прекрасное, почетное платье и много денег, и велела ей самой все исполнить. И старуха поспешила заказать плотнику куклу и принесла эту куклу Сетт-Зобейде; и вдвоем одели они куклу в роскошные одежды Куат-аль-Кулуб, и завернули ее в богатейший саван, и устроили богатые похороны, и опустили в могилу под дорогим куполом, нарочно для того построенным, и зажгли люстры и восковые свечи, и постлали ковры вокруг могилы для молитв и похоронных обрядов. Потом Зобейда приказала обтянуть черными тканями весь дворец и велела всем невольницам одеться в траурные платья. Между тем халиф вернулся из далекого путешествия и увидел он служителей и невольниц своей любимицы в печальных одеждах и задрожал от предчувствия; и вышла к нему и Сетт-Зобейда, также одетая в траур. А когда он спросил о причине всего этого, ему сказали, что Куат-аль-Кулуб умерла. И когда он пришел в себя, то, не снимая дорожного платья, направился к тому месту дворца, где находилась могила Куат-аль-Кулуб. И увидел он факелы, и свечи, и ковры, разостланные кругом. При виде этого он благодарил и хвалил Зобейду за ее хороший поступок и вернулся во дворец.

Но халиф скоро стал сомневаться, и, чтобы избавиться от мучивших его подозрений, он велел раскопать могилу и вынуть из нее тело любимицы, что и было исполнено. И благодаря уловке Зобейды халиф увидел завернутую в саван деревянную куклу и поверил, что это тело его любимицы. И велел он положить его обратно в могилу и приказал, чтобы пришли чтецы Корана, которые принялись читать погребальные молитвы, между тем как сам он сидел на ковре и так много плакал, что лишился, наконец, чувств от слабости и печали. И целый месяц халиф

приходил на могилу и плакал горькими слезами. Но на этом месте своего рассказа Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно приостановила свое повествование. Но когда наступила сорок первая ночь, она сказала:

О благословенный царь, рассказывали мне, что халиф в течение целого месяца не переставал приходить на могилу своей любимицы. А в последний день месяца молитвы и чтение Корана продолжались от зари и до зари; и только после этого все могли уйти к себе. И после, истощенный слезами и усталостью, он вернулся во дворец свой и погрузился в тяжелый сон между двумя невольницами, которые сидели у его ложа, оберегая его сон. Одна из них сидела у его ног, а другая – у изголовья.

Час спустя, когда сон халифа не был уже так глубок, он услышал, как женщина, сидевшая у его изголовья, говорила сидевшей у его ног: – Какое несчастие, о подруга моя! Наш господин, должно быть, ничего не знает, раз проводит ночи у могилы, в которой лежит деревяшка, сработанная плотником. Интересно, что же сталось с аль-Кулуб? На что женщина, сидевшая у ног, ответила: – Мне это известно от любимой невольницы нашей госпожи Зобейды. Та призывала невольницу и дала ей банжа, чтобы усыпить Куат-аль-Кулуб; и когда она уснула, госпожа наша приказала положить ее в ящик, который отдала трем евнухам, Сауабу, Кафуру и Баките, приказав похоронить ее в яме. Тогда первая невольница со слезами на глазах спросила: – О скажи мне поскорее: умерла ли этой страшной смертью милая госпожа наша? И женщина, сидевшая у ног, ответила: – Да избавит Аллах ее молодость от смерти! Нет, она не умерла, потому что я слышала, как Зобейда говорила своей любимой невольнице: – Я узнала, что аль-Кулуб спаслась из ямы и что она теперь в доме молодого купца по имени Ганем-бен-Эйюб; и вот уже четыре месяца, как она там!

И невольницы еще некоторое время проговорили об этом, а калиф слышал их слова. И когда невольницы перестали говорить, халиф вдруг поднялся с подушки и закричал страшным голосом от ужасного гнева при мысли, что его любимица в течение четырех месяцев находится в доме молодого человека по имени Ганем-бен-Эйюб. И он призвал к себе визиря Джафара-аль-Бармакии сказал ему: – О Джафар, возьми с собою стражу и узнай, где дом купца из Дамаска по имени Ганем-бен-Эйюб. Оцепите этот дом, вырвите оттуда Куат-аль-Кулуб и приведите ко мне дерзкого, которого я предам пытке! И Джафар выслушал и повиновался. Он взял стражу и городского вали с его людьми, и все отправились на поиски и нашли дом Ганема. В эту минуту Ганем только что вернулся с базара, где закупал припасы на тот день, и сидел рядом с Куат-аль-Кулуб, а перед ними стояло жаркое из фаршированной баранины и множество других блюд, и они ели с большим удовольствием. Услышав шум на дворе, Куат-аль-Кулуб выглянула в окно и увидела, что дом со всех сторон окружен

стражей и меченосцами, и всадниками, и военачальниками, и во главе их увидела городского вали и визиря Джафара. И она убедилась, что халифу все известно; но в то же время она угадала также, что халиф ревнует к Ганему, у которого она пробыла четыре месяца. При этой мысли она пожелтела, прекрасные черты ее лица исказились, и в страхе повернулась она к Ганему и сказала ему: – О милый, беги! А он отвечал: – О свет очей моих, как могу я убежать из дома, окруженного со всех сторон врагами? А она ответила: – Не бойся ничего! И тотчас же она раздела его и одела в старое поношенное платье, поставила ему на голову поднос с хлебом и сказала: – Иди теперь, тебя примут за трактирного слугу, и никто не сделает тебе зла. Обо всем остальном не заботься; я сумею все уладить, ибо знаю, какую власть имею над халифом! При этих словах ее Ганем поспешно вышел из дома и прошел между рядами стражи, держа котел на голове, и с ним ничего не случилось.

А визирь Джафар вошел в дом и увидел прекрасную Куат-аль-Кулуб, успевшую нарядиться в самые богатые одежды свои, и украсить себя всеми драгоценностями своими, и собрать в ящик золотые украшения, и драгоценные камни, и всякие дорогие вещи. Едва Джафар вошел в комнату, как она встала, поклонилась ему и сказала: – О Джафар, свершилось предначертанное Аллахом, и я предаю себя в твои руки! Но Джафар отвечал: – О госпожа моя, халиф приказал мне взять Ганема-бен-Эйюба! Скажи, где он! И она ответила: – Ганем уехал несколько дней тому назад в Дамаск повидаться с матерью и сестрою своей. Больше я ничего не знаю. Что же до этого ящика, то я положила в него все самые драгоценные вещи мои и хочу, чтобы ты отправил его во дворец эмира правоверных! И Джафар отвечал: – Слушаю и повинуюсь! Потом он взял ящик, приказал людям своим нести его и, осыпав Куат-аль-Кулуб знаками внимания, попросил ее следовать за ним к эмиру; и все вышли, но только после того, как, исполняя приказ халифа, ограбили дочиста дом Ганема-бен-Эйюба.

Когда Джафар рассказал халифу о прибытии во дворец Куат-аль-Кулуб, тот, будучи уверен, что Ганем сделал с ней все, что можно сделать с молодой и прекрасной женщиной, не захотел даже взглянуть на Куат-аль-Кулуб, приказав запереть ее в комнате, приставив к ней старуху. Что же касается Ганема, то халиф приказал искать его повсюду; сверх того, он взял лист, чернильницу и калам и написал дамасскому султану такое письмо: «Его владычеству султану Могаммад-бен-Солейману-эль-Зейни, наместнику Дамаска, от эмира правоверных Гарун-аль-Рашида, пятого халифа славных потомков Бани-Аббаса. Во имя бесконечно-благого и милосердого Аллаха! О наместник наш, ты узнаешь, что купец из твоего города, по имени Ганем-бен-Эйюб пришел в Багдад, соблазнил и насиловал мою невольницу. И он укрылся от моей мести в твоем городе, и ты должен взять его и дать ему пятьсот ударов ремнем. Потом ты проведешь его по всем улицам города, а глашатай будет кричать: «Вот чему подвергается раб, похищающий собственность господина!» Затем ты пришлешь его ко мне, чтобы я мог подвергнуть его пытке. И ты должен разорить его дом до основания, и так как у Ганема-бен-Эйюба есть мать и сестра, ты возьмешь их, разденешь донага и выгонишь после того, как в течение трех дней они будут стоять нагие на глазах у всех жителей города. Поспеши же и с полным усердием исполни наш приказ! Уссалам».

Когда султан Могаммад получил письмо халифа, он приложил его к губам и ко лбу, а прочитав, велел глашатаям ходить по городу и кричать: «Пусть

те, кто хочет грабить, идут к дому Ганема-бен-Эйюба и грабят, как им угодно!» И султан со своею стражею направился к дому Эйюба и постучался у дверей. Когда сестра Ганема Фетна отворила, она закрыла лицо свое уголком головного покрывала и побежала предупредить мать. А та сидела под куполом гробницы, которую велела построить в память о сыне, почитая его умершим, так как целый год ничего о нем не слышала. И она сказала дочери, чтобы та впустила султана, и он подошел к гробнице, и увидел плачущую мать Ганема, и сказал ей: – Я пришел за твоим сыном, чтобы отправить его к халифу. Она же отвечала: – Сын мой Ганем, плод чрева моего, ушел от меня и сестры своей вот уже больше года, и мы не знаем, что с ним сталось! Но султан не мог не привести в исполнение приказ халифа. И дом Ганема был разрушен, его мать и сестра были раздеты и через три дня изгнаны из Дамаска.

Что же до самого Ганема, то, выйдя из Багдада, он шел целый день, не принимая ни пищи, ни питья; и голод и печаль ослабили его. Умирая от усталости, он дошел до селения, вошел во двор мечети, упал на циновку, прислонился к стене и так пробыл с беспорядочно бьющимся сердцем до утра. А утром жители селения пришли в мечеть и, увидев его лежащим без чувств, принесли горшочек с медом и два хлеба; они напоили его и дали рубашку, правда, заплатанную и полную вшей. Ганем открыл глаза, но не мог выговорить ни слова. От горя и лишений он заболел и пролежал на старой циновке в мечети целый месяц. Тело его ослабло, лицо изменилось в цвете; блохи и клопы ели его; и был он так жалок, что однажды молельщики в мечети решили отвезти его в Багдадскую больницу. И они пошли за погонщиком и сказали ему: – Положи этого больного на спину верблюда, отвези в Багдад и оставь у дверей больницы, а мы заплатим тебе что следует за верблюда и труд! И погонщик поднял Ганема, взвалил на спину верблюда и повез в Багдад. И по дороге две бедно одетые женщины увидели больного и сказали: – Как этот больной похож на нашего Ганема! Не может быть, чтобы это был он, этот человек, худой, как тень! И обе женщины стали плакать, думая о Ганеме, потому что это были его мать и сестра Фетна, изгнанные из Дамаска и шедшие в Багдад. А погонщик, сидя на осле, прибыл в Багдад, и так как было еще очень рано, он положил Ганема на ступени у запертых дверей и вернулся в свое село.

Когда проснувшиеся жители увидели лежащего на циновке и исхудалого, как тень, человека, они, окружив его, стали делать множество предположений. В то время мимо проезжал базарный шейх, который, велев толпе расступиться, увидел больного и сказал себе: «Клянусь Аллахом! Если он ляжет в больницу, можно сказать, что он приговорен к смерти, потому что за ним не будут ходить, как следует! Возьму-ка я его лучше к себе, и Аллах вознаградит меня за это в своих райских садах!» И шейх приказал своим невольникам взять молодого человека, перенести его в дом и положить на кровать с хорошей постелью. И, придя в дом, он сказал жене: – Вот гость, которого посылает нам Аллах! Ты будешь заботливо служить ему. И сейчас же жена базарного шейха нагрела воды в котле, вымыла больного, одела в одежды мужа своего, принесла стакан сорбета и опрыскала лицо его розовой водой. Тогда силы стали возвращаться к Ганему, а с ними и воспоминание о его подруге Куат-аль-Кулуб.

А что до Куат-аль-Кулуб, то когда халиф так разгневался на нее... На этом месте своего повествования Шахразада увидела, что наступает утро, и приостановила свой рассказ. Но когда наступила сорок вторая ночь, она сказала:

ночь сорок вторая

Я узнала, о царь, что Куат-аль-Кулуб оставалась в запертой комнате восемьдесят дней, не видясь ни с кем во дворце. И халиф совершенно позабыл о ней, но в один из дней, проходя мимо комнаты Куат-аль-Кулуб, он услышал, как она печальным голосом говорила сама с собою: – О друг мой Ганем, как прекрасна душа твоя! Ты был почтителен к жене того, кто изгнал женщин из твоего дома, и ты спас честь жены того, кто покрыл тебя позором! Но настанет однажды день, когда и ты, и халиф предстанете перед Единым Судией, и ты победишь своего притеснителя, и Аллах будет твоим заступником! И когда халиф понял смысл этой жалобы, в которой он увидел свою несправедливость к Ганему. И он послал главного евнуха за Куат-аль-Кулуб. И она явилась к нему с глазами полными слез и печальным сердцем; и халиф сказал ей: – Ты обвиняла меня в несправедливости и упрекала за то, что я нехорошо поступил с тем, кто сделал мне добро! Кто же это? И Куат-аль-Кулуб ответила: – Это Ганем-бен-Эйюб! Клянусь тебе, о халиф, что никогда не совершал он надо мною ничего дурного! Тогда халиф воскликнул: – Поистине нет мудрости ни в ком кроме Всеведущего Аллаха! Поэтому проси, и все желания твои будут исполнены! Тогда Куат-аль-Кулуб воскликнула: – О эмир правоверных, я прошу у тебя Ганема-бен-Эйюба! И чтобы я была ему любящей супругой! И халиф сказал ей: – Обещаю тебе это великодушно, и он будет осыпан почестями! Тогда Куат-аль-Кулуб сказала: – О эмир правоверных, неизвестно, где находится Ганем; и сам дамасский султан не знает, что с ним сталось. Позволь мне самой искать его в надежде, что Аллах поможет мне найти его. И халиф ответил, что ей позволяется это сделать. И Куат-аль-Кулуб почувствовала, как сердце ее расцветает от радости, и она вышла из дворца, взяв с собою тысячу золотых динариев.

В первый день она заходила к шейхам всех кварталов и улиц Багдада, но ничего не узнала. Во второй день она посетила главного базарного шейха и рассказала, в чем дело. На третий день отправилась она на базар торговцев золотыми и серебряными вещами и передала их шейху динарии для раздачи бедным чужеземцам, и шейх сказал ей: – О госпожа моя, как раз в моем доме призревается больной чужеземец, имя которого мне неизвестно. Должно быть, это сын благородных родителей, потому что, несмотря на худобу, лицо его прекрасно. По всей вероятности, он пришел в такое состояние вследствие несчастной любви. При этих словах сердце Куат-аль-Кулуб сильно забилось, и все ее внутренности затрепетали. И шейх велел базарному мальчику проводить ее до своего дома. Войдя в дом, Куат-аль-Кулуб поклонилась жене шейха и после обычных приветствий спросила: – Не можешь ли сказать мне, где находится больной чужеземец, которому вы дали приют у себя в доме? И жена шейха показала ей пальцем на кровать и сказала: – Наверное, это человек благородного происхождения, потому что все

в нем указывает на это. И Куат-аль-Кулуб увидела на кровати слабого и исхудалого, как тень, человека и не узнала в нем Ганема, но почувствовав к нему жалость, она отдала тысячу золотых динариев жене шейха золотых мастеров и просила ничего не жалеть для больного.

И после ходила она по разным базарам и проводила время в беспрерывных поисках, и однажды шейх пришел к ней и сказал: – О госпожа моя, ты поручила мне приводить к тебе проезжающих через Багдад чужеземцев, и вот перед тобой две женщины, одна замужняя, а другая девица. Обе они, по вероятности, высокого происхождения, на это указывают их лица и осанка; но одежда их самая жалкая, а на шее у них сума, как у нищих. И глаза их полны слез, а сердце – печали. И когда молодая Фетна и ее мать (а это были именно они) вошли к Куат-аль-Кулуб, она взглянула на них, заплакала и воскликнула: – Клянусь Аллахом! Эти женщины не привыкли к нищете! Я вижу по их лицам, что они родились среди почестей и богатства! При этих словах мать и дочь стали плакать и вспоминать о Ганеме-бен-Эйюбе. И мать Ганема сказала: – О госпожа! Мы ищем сына моего Ганема-бен-Эйюба! При этом имени Куат-аль-Кулуб громко вскрикнула, потому что поняла, что это мать и сестра Ганема. Она бросилась в их объятия и сказала: – Надейтесь на Аллаха и на меня, о сестры мои, потому что этот день будет последним днем ваших бедствий! На этом месте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и приостановила свой рассказ. А когда наступила сорок третья ночь, она сказала:

Узнала я, о царь, что Куат-аль-Кулуб сказала матери и сестре Ганема: – Перестаньте предаваться печали! Потом она обратилась к золотых дел мастеру, дала ему тысячу золотых и сказала: – Отведи их в дом свой, и пусть супруга твоя окружит их вниманием!

На другой день Куат-аль-Кулуб отправилась в дом шейха. Не успела она войти, как супруга шейха встретила ее, поцеловала у нее руки и благодарила за щедрость; потом она позвала мать и сестру Ганем, которые были в гамаме, и вышли оттуда совершенно преображенные, с лицами, сиявшими красотою и благородством. И Куат-аль-Кулуб осведомилась у супруги шейха о больном. И она взяла с собою обеих женщин, и все вошли к молодому человеку и сели вокруг него, и во время беседы произнесено было имя Куат-аль-Кулуб. Как только молодой человек услышал это имя, бледное лицо его тотчас же покрылось румянцем, он поднял голову и с глазами полными жизни воскликнул: – Где ты, о Куат-аль-Кулуб? И тогда Куат-аль-Кулуб, узнав голос Ганема, лишилась чувств и упала навзничь. А мать Ганема и сестра его Фетна, услышав эти слова, бросились к Ганему и принялись кричать и плакать от радости. Потом Куат-аль-Кулуб пришла в себя и, несколько успокоившись, сказала ему: – Слава и благодарение Аллаху, дозволившему, наконец, мне, матери и сестре свидеться с тобою! И рассказала она ему все,

что случилось, и прибавила: – Халиф милостиво настроен к тебе, и он дарит меня тебе! Услышав это, Ганем был на вершине радости и целовал руки Куат-аль-Кулуб, которая целовала его в голову и в глаза.

Потом она поспешила во дворец, открыла ящик, в котором хранились драгоценности, вынула много динариев, и купила прекраснейшие одеяния из самых лучших тканей, и приготовила цыплят и вареное мясо, и купила хорошего вина, и три дня кормила и поила их при себе. И когда они почувствовали, что жизнь возвращается к ним, Куат-аль-Кулуб повела их в гамам и велела им переменить одежду. Сама же она пошла к халифу и объявила о возвращении Ганема-бен-Эйюба, и матери его, и сестры Фетны, не забыв сказать, как она хороша, свежа и прекрасна. Тогда халиф сказал Джафару: – Приведи ко мне Ганема-бен-Эйюба! И Джафар отправился в дом шейха, а пришедшая ранее него Куат-аль-Кулуб сказала Ганему: – О Ганем, теперь тебе надо показать халифу всю силу твоего красноречия, твердость сердца и чистоту слов! Потом она дала ему много динариев и сказала: – Не забудь бросать золото горстями, когда будешь проходить мимо евнухов и слуг!

И Джафар привел Ганема к эмиру правоверных, и Ганем был тверд сердцем, был приятным рассказчиком, увлекательно говорил и восхитительно импровизировал. И халиф был очарован чистотой языка и красноречием Ганема.Но на этом месте своего повествования Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно приостановила свой рассказ. А когда наступила сорок четвертая ночь, она сказала:

ночь сорок четвертая

И узнала я, о царь веков, что когда Ганем-бен-Эйюб очаровал халифа Гарун-аль-Рашида, тот сказал: – Расскажи мне всю твою историю, не скрывая ничего! И Ганем рассказал халифу всю свою историю с начала и до конца. И халиф убедился в невинности Ганема и в чистоте его намерений, и тогда он сказал ему: – Прошу тебя, освободи мою совесть от несправедливости, которую я совершил по отношению к тебе! И халиф возвысил Ганема до высших степеней в государстве и подарил ему дворец, и назначил богатое жалованье. А Ганем поспешил взять к себе в новый дворец мать и сестру свою Фетну. А халиф, узнав, что у Ганема есть сестра чудной красоты, попросил ее у Ганема, и тот ответил: – Она слуга твоя, а я раб твой! И халиф дал Ганему сто тысяч золотых динариев и велел написать свадебный договор Фетны. И в тот же день халиф с одной стороны и Ганем с другой вошли каждый к жене своей. И халиф так остался доволен ночью, проведенною в объятиях Фетны и достигнутым результатом, что велел позвать писарей и приказал записать историю Ганема, чтобы она повергала в изумление и могла служить поколениям. Но, – продолжала Шахразада, – не думай, о царь веков, что эта история более удивительна, чем история Омара-аль-Немана и сыновей его Шаркана и эль-Макана! И царь Шахрияр сказал: – Ты можешь рассказать эту историю?

История царя Омара-аль-Немана и двух его удивительных сыновей, Шаркана и Даул-Макана

Шахразада сказала царю Шахрияру: – Рассказывали мне, о царь благословенный, что был в Багдаде царь, который назывался Омар-аль-Неман. Он был грозен в своем могуществе и подчинил себе всех возможных царей. И был он так горяч, что никто не мог соперничать с ним в борьбе и в беге, и, когда он входил в ярость, из ноздрей его вылетало пламя. Он покорил себе все страны, и победоносные войска его проникали в самые отдаленные земли. Власть его простиралась на восток и на запад, и он рассылал гонцов своих до самых крайних пределов земли, чтобы оповещать повсюду о том, что происходило в его империи, и, возвращаясь назад, гонцы докладывали, что властители земли почтительно признают верховенство его. Он простирал над ними покров своего великодушия и заливал их волнами щедрости своей; он воцарил между ними мир и тихое согласие, ибо воистину велик он был и возвышен душою. И отовсюду притекали к престолу его дары и приношения, а также постоянная дань из разных стран и со всех концов земли.

И был у царя Омара-аль-Немана сын по имени Шаркан. И он превосходил храбростью своею самых храбрых героев и поражал их, выходя на бой, и бесподобно владел копьем, мечом и луком. И отец любил его безмерно и назначил его преемником престола. И достигнув двадцатилетнего возраста, он уже взял приступом немало крепостей, и покорил немало стран, и прославил имя свое по лицу всей земли. Но у царя Омара не было других детей кроме Шаркана. И хотя он имел четыре законных жены; но только одна из них дала ему сына, а три другие остались бесплодными. Кроме жен царь Омар имел триста шестьдесят наложниц; и каждая из них была иного племени. И все они жили в двенадцати зданиях – по числу месяцев года; и здания эти опоясывали собою дворец; и в каждом было по тридцати наложниц; и каждая в своем отдельном помещении. И царь Омар проводил с каждою из них одну ночь в году и не видел ее более до следующего года. И так поступал он всегда в течение очень долгого времени,

недаром славился он своим мужественным характером. И вот однажды, по произволению Повелителя всех тварей, одна из наложниц понесла; и весть эта дошла до царя, который радостно воскликнул: – Да будет угодно Аллаху, чтобы все потомство мое состояло лишь из детей мужского пола! Потом он приказал занести в книгу летописей тот день, когда забеременела наложница его, и начал осыпать ее милостями своими. Между тем, Шаркан... Но в этот момент своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и отложила рассказ свой до следующего дня. А когда наступила сорок пятая ночь, она сказала:

ночь сорок пятая

Между тем царский сын также узнал о беременности наложницы и сильно опечалился потому, что новорожденный мог сделаться его соперником в наследовании престола; и решил он в своей душе непременно погубить ребенка наложницы в случае, если он окажется мальчиком. Вот такие мысли были у Шаркана! Что же касается самой наложницы, то это была молодая рабыня-гречанка по имени Сафия*. Она была прислана в дар царю Омару греческим царем Кайссарии, вместе с множеством других роскошных подарков. Из всех молодых рабынь дворца она была, несомненно, самая красивая лицом, самая красивая и самая тонкая в талии и самая пышная в бедрах. При этом она была одарена редким умом, и в течение ночей, которые царь Омар проводил теперь с нею, она нашептывала ему нежнейшие и проникновенные слова, которые очаровывали его чувства и льстили его гордости. И так продолжалось до тех пор, пока не истек срок ее беременности. Тогда она села в кресло и отдалась родовым мукам, и стала горячо молиться Аллаху, и Аллах, без сомнения, услышал ее.

А царь Омар, между тем, поручил евнуху немедленно доложить ему о рождении ребенка, и о том, какого он будет пола, а Шаркан, со своей стороны, возложил такое же поручение на другого евнуха. Едва Сафия разрешилась от бремени и повивальные бабки приняли ребенка, как они возвестили всем присутствующим: – Это девочка! И лицо ее прекраснее луны! Тогда евнух царя поспешил довести об этом до сведения своего господина; а евнух Шаркана – своего. Но едва только евнухи удалились, как Сафия сказала повивальным бабакам: – О постойте! Я чувствую во внутренностях моих еще что-то! И снова охватили ее родовые муки, и снова она стала кричать; и с помощью Аллаха она родила второго ребенка, и это был мальчик, прекрасный, как полная луна, со лбом, блиставшим белизною, и с цветущими розовыми щечками. Тогда все присутствовавшие рабыни и прислужницы предались ликованию и наполнили дворец криками радости, так что остальные наложницы, поняв, в чем дело, готовы были зачахнуть от зависти.

* *Сафия* – прозрачная, чистая, как вода.

Léon Carré

Что же касается царя Омара, то едва он узнал новость, как возблагодарил Аллаха, и побежал в покои Сафии, и взял ее голову в руки, и поцеловал ее в лоб. Затем он склонился над новорожденными и поцеловал их. И царь назвал новорожденного Даул-Макан*, а девочку – Нозату-Заман**. Затем царь избрал кормилиц и нянек для двух младенцев, а также рабынь и прислужниц; потом он приказал одарить всех живущих во дворце. А когда жители Багдада узнали новость об этом двойном рождении, они разукрасили город свой и осветили его цветными огнями. И в течение четырех лет царь не пропускал ни одного дня без того, чтобы не узнавать о здоровье Сафии и ее детей; при этом он послал Сафии бесчисленное множество разных драгоценных украшений, платьев, шелковых тканей, золота, серебра и всевозможных чудесных вещей.

Между тем Шаркан продолжал воевать и сражаться, брать города и прославлять свое имя в битвах, и не ведал он о том, что делалось дома, потому что узнал от евнуха только о рождении сестры своей. И вот однажды, когда царь Омар восседал на своем престоле, в залу вошли придворные и, облобызав землю между рук его, сказали: – О царь! Посланники от царя Афридония, властителя Рума и Константинии, просят разрешить им повергнуть к стопам твоим их почтительные чувства. И царь принял их благосклонно, и посланники, облобызав землю перед ним, сказали: – О великий и всеми чтимый царь! Мы посланы к тебе царем Афридонием, престол которого находится в Константинии. Он собирается пойти войною против тирана, царя Гардобия, властителя Кайссарии. Причина же этой войны состоит в следующем: глава одного из арабских племен нашел во вновь завоеванной стране клад древних времен. Он заключал в себе несметные богатства, и между прочими сокровищами в нем нашлись три округленные и белые геммы величиною со страусовое яйцо. А известно было, что геммы эти заключают в себе чудесные свойства и в том числе – способность предохранять от лихорадок и горячек. Особенно чувствительны к этим их свойствам были новорожденные. И когда арабский начальник узнал об удивительных свойствах этих гемм, он решил немедленно послать их в дар царю Афридонию вместе с большею частью найденного им редкостного клада.

Тогда снарядил он два корабля, из которых один должен был везти сокровища, а на другом должны были ехать люди, охраняющие их от нападения воров и неприятелей. И корабли отплыли, держа путь в нашу сторону. Но в гавани неподалеку от нашей страны на них напали солдаты вассала нашего, царя Гардобия. Они овладели кораблями, перебили всех людей и отняли все сокровища и между ними три чудесные геммы. Когда это дошло до нашего царя, он немедленно выслал против Гардобия отряд своего войска; но он был уничтожен; а вслед за ним и второй отряд. Тогда царь наш разгневался и поклялся, что встанет во главе всех войск своих и не вернется, пока не разгромит все царство Гардобия и не сравняет с землею все его крепости. И теперь, о великий султан, мы приехали, чтобы просить о твоей могущественной поддержке. И царь наш вручил нам дары всевозможных видов, которые он просит тебя принять милостиво и благосклонно, как это подобает твоему великому сердцу!..

Но в этот момент Шахразада увидела, что занимается свет утренней зари, и умолкла. А когда наступила сорок шестая ночь, она сказала:

* *Даул-Макан* – свет этого места.

** *Нозату-Заман* – очарование своего времени.

ночь сорок шестая

И царь Омар принял дары не без удовольствия и велел оказать посланным все подобающие им почести. Затем он собрал своих визирей, и один из них, всеми уважаемый и любимый почтенный старец Дандан, сказал: – Правда, о великий султан, что царь Афридоний христианин и не верит в закон Аллаха, и тот, против которого он просит нашей помощи, тоже неверный. Поэтому дела их не должны были бы интересовать правоверных! Однако я советую оказать поддержку Афридонию и послать ему войско, над которым ты поставил бы сына своего Шаркана. Помогая царю Афридонию победить его врага, ты извлечешь из этого несравненные выгоды, и все будут смотреть на тебя, как на истинного победителя. И подвиг этот станет известен во всех странах, и слух о нем дойдет до запада. И тогда западные цари будут искать твоей дружбы и направят к тебе многочисленных посланцев с всевозможными подношениями и необыкновенными подарками.

Выслушав визиря Дандана, султан Омар нашел, что совет этот заслуживает всяческого одобрения, и сказал: – Ты словно создан для того, чтобы быть вдохновением царей! А потому тебя нужно поставить в авангарде, а Шаркан будет командовать только арьергардом. Затем царь Омар призвал своего сына, рассказал, что говорили посланные и что предложил визирь Дандан, и приказал ему готовиться к отъезду. И Шаркан, почтительно выслушав отца своего, избрал из солдат десять тысяч великолепных всадников, которых он щедро осыпал золотом и богатствами; и он сказал им: – Теперь я вам даю три дня отдыха и свободы! И десять тысяч всадников облобызали землю в знак послушания, и пошли отдохнуть, и снарядиться в дорогу. А Шаркан пошел в оружейную и выбрал себе прекрасное оружие с золотою насечкою и надписями по слоновой кости и черному дереву. Затем он направился к дворцовым конюшням, где были собраны прекраснейшие лошади Аравии, и каждая имела свою родословную в висевшем на шее кожаном расшитом золотом мешочке. И Шаркан взял себе караковую лошадь с лоснящеюся шерстью, с широкими копытами, с великолепным высоко приподнятым хвостом и тонкими, как у газели, ушами.

И через три дня солдаты собрались в полном порядке за городом; и царь Омар также вышел, чтобы проститься с сыном своим Шарканом. И он подарил ему при расставании семь сундуков, доверху наполненных деньгами, и приказал ему во всем советоваться с мудрым Данданом; и Шаркан обещал все исполнить. Тогда царь обратился к визирю Дандану и поручил его вниманию сына своего Шаркана. А визирь облобызал землю перед ним и ответил: – Слушаю и повинуюсь! Затем Шаркан вскочил на свою лошадь и велел пройти мимо царя главным начальникам и всему своему десятитысячному войску. Потом он поцеловал руку царю Омару, и все двинулись среди грохота военных барабанов и звуков

флейт и рожков. А над ними поднимались военные значки и развевались по ветру знамена. А посланники царя Афридония служили проводниками.

И так войска шли двадцать дней, останавливаясь по ночам для отдыха. И пришли они в поросшую лесом долину, полную журчащей воды. И Шаркан приказал разбить лагерь и объявил трехдневный отдых. И всадники спешились и разбили палатки, и визирь Дандан приказал поставить свою палатку в самой середине долины, и тут же рядом находились палатки посланных царя Афридония. А Шаркан приказал страже своей оставить его одного и затем, бросив поводья, он пустил вольным шагом своего скакуна, желая самолично обследовать всю долину. И так продолжал он объезжать долину, пока не истекла четверть ночи. Тогда сон тяжело пал на веки его, но так как он имел привычку спать, не сходя с лошади, то он пустил свою лошадь шагом и заснул. Лошадь шла до самой полуночи, и вдруг остановилась посреди лесной глуши, и сильно ударила копытом. Шаркан проснулся и увидел себя в лесу, который был освещен лунным сиянием. И прямо напротив него луна серебрила лесную прогалину; и так прекрасна была эта прогалина, что казалось, такие места могут быть только в раю. И Шаркан услышал, как бы поблизости, дивно прекрасный голос и смех. И какой смех! Слыша его, смертный мог потерять голову от нежного сладострастия и желания испить его на смеющихся губах, а потом умереть.

Тогда Шаркан соскочил с лошади и пошел между деревьями, разыскивая, откуда шли голоса; и вышел на берег реки с весело бегущей и поющей водою. Шаркан осмотрелся и увидел, что на противоположном берегу поднимаются освещенные луною стены белого монастыря с высокой, смотрящей в небо башнею. И подножие этого монастыря купалось в свежих водах реки; а напротив расстилался луг, на котором сидели десять женщин, окружавших одиннадцатую. И эти десять женщин, подобные лунам, одеты были в легкие, широкие и мягкие одежды. Что же касается женщины, которую окружали десять белых молодых рабынь, то она была как луна в самое полнолуние. Брови ее были изогнуты прекрасными дугами, лоб подобен первому свету утра, веки обрамлены бархатистыми изогнутыми ресницами, а волосы на висках завивались очаровательными завитками; и вся она была само совершенство, как описывается в следующих стихах поэта:

Она идет! Взгляни на эти щечки,
На розы их! Я знаю всю их нежность,
И всю их свежесть дивную я знаю!
Взгляни, как мягко черный локон вьется
Над белизною гордого чела!

Ее-то голос и слышал Шаркан. И теперь, не переставая смеяться, она говорила по-арабски окружавшим ее молодым рабыням: – Ну-ка, кто из вас хочет побороться со мной? Пусть те, которые хотят, встанут! Тогда одна из молодых девушек поднялась и попробовала бороться со своей госпожой, но была сейчас же опрокинута на землю; то же самое повторилось и с другою, и с третьей, и со всеми. Но тут из лесу внезапно появилась старуха, которая, обращаясь к юной победительнице, сказала: – Неужели ты думаешь, что это торжество – повалить на землю бессильных молодых девушек? Если ты в самом деле умеешь бороться, потягайся со мною! Я стара, но могу еще одолеть тебя! Тогда молодая победительница, хотя и сильно разгневанная, сдержалась, улыбнулась и сказала старухе: – О госпожа моя, ради Мессии, неужели ты в самом деле хочешь бороться со мной, или ты только

пошутила? И старуха отвечала: – Я говорю серьезно!..На этом моменте своего повествования Шахразада заметила, что уже близок рассвет, и скромно умолкла. А когда наступила сорок седьмая ночь, она сказала:

ночь сорок седьмая

О царь благословенный, говорили мне, что старуха сказала: – Я говорю серьезно! Тогда прекрасная победительница вскочила и бросилась к старухе, которая при этом чуть не задохнулась от злобы, так что все волосы ее поднялись на теле, как иглы ежа. И старуха сказала: – Клянусь Мессией! Мы будем бороться не иначе, как совершенно раздевшись! И она скинула все свои платья и развязала шальвары, и обвязала только платок вокруг талии, представ во всем своем ужасном безобразии, похожая на змею с черными и белыми пятнами. Затем она обернулась к молодой женщине и сказала: – Чего ты ждешь! Сделай то же, что и я. Тогда молодая женщина стала снимать одну за другой свои одежды и, наконец, сбросила и свои шальвары из чистейшего шелка. И тогда открылись во всей прелести своей, словно выточенные из мрамора, бедра ее. И обе женщины бросились друг на друга и сплелись руками.

А Шаркан смотрел на безобразие старухи и на прелестную молодую женщину с ее стройными членами. И, подняв голову к небу, он стал молить Аллаха, чтобы Он даровал молодой женщине победу над старухой. И вот молодая женщина, схватив левой рукой старуху за горло, правую свою руку продела между ее ног и подняла ее на воздух, и бросила к своим ногам на землю, и ноги старухи открыли все смешные и безобразные подробности ее морщинистого тела. И всю эту сцену освещала луна! Тогда Шаркан начал так смеяться, что опрокинулся навзничь. Но он сейчас же поднялся и сказал себе: «Я вижу, что эта старуха – христианка так же, как и молодая победительница». Затем он приблизился к месту борьбы и увидел, что молодая женщина набросила на обнаженную старуху покрывало из тонкого шелку и помогала ей одеваться, говоря: – О госпожа моя, прости, ибо я боролась с тобою по твоей собственной просьбе; и если ты упала, то потому, что выскользнула из моих рук, но, слава Аллаху, ты ведь ничего не повредила себе? Но старуха ничего не ответила и быстро скрылась в монастыре.

И на лугу осталась только группа из десяти молодых девушек, окружавших свою юную госпожу. И Шаркан сказал в душе своей: «Мне было предначертано заснуть на лошади и проснуться в этих местах, и это послужит к благу моему. Ибо я надеюсь, что эта соблазнительная молодая женщина, со столь совершенными мускулами, и ее столь же обольстительные подруги не откажутся удовлетворить огонь желания моего!» И он вскочил на лошадь и пустил ее вскачь по направлению к лугу, и лошадь помчалась, как стрела, пущенная из лука мощной рукой. Увидев это, молодая женщина вскочила, подбежала к берегу реки и одним ловким прыжком перескочила ее. И стоя

на другом берегу, она закричала своим высоким голосом: – Кто ты такой, что не боишься заносить на нас саблю свою, как настоящий солдат между солдатами! Откуда ты и куда едешь? И будь правдив в словах своих, ибо ты находишься в таком месте, откуда тебе трудно будет выбраться целым и невредимым. Стоит мне крикнуть, и сейчас же прибегут четыре тысячи христианских воинов! Скажи, чего ты хочешь, а если ты заблудился в лесу, мы укажем тебе дорогу. Говори!

В ответ Шаркан сказал: – Я чужестранец и мусульманин. И я разыскиваю себе какое-нибудь молодое тело, которое могло бы утолить огонь моего желания в эту ночь! А тут я вижу десять молодых рабынь, которые пришлись бы мне весьма по вкусу и которых я бы мог вполне удовлетворить со своей стороны! Тогда молодая женщина сказала: – Дерзкий солдат! Знай, что эта добыча, о которой ты говоришь, совсем не для тебя! И я должна была бы кликнуть воинов и велеть им схватить тебя! Но я сочувствую судьбе чужестранцев, особенно если они так молоды и привлекательны, как ты. Ты говоришь о добыче для твоих желаний... хорошо! Я согласна, но с тем условием, что ты выйдешь на борьбу со мной. Если тебе удастся побороть меня, то и я, и все эти молодые девушки будут твоими. Но если ты окажешься побежденным, то ты сделаешься моим рабом! А Шаркан подумал про себя: «Неужели она не понимает, насколько я силен и сколь неравною будет борьба ее со мной?» Затем он сказал: – Я обещаю, что не прикоснусь к своему оружию и буду бороться тем способом, какой ты сама назначишь. Если я окажусь побежденным, то у меня достаточно денег, чтобы уплатить мой выкуп; но если я поборю тебя, я овладею тобой. Тогда молодая девушка разбежалась и перескочила через реку на берег, где находилась лужайка. И, заливаясь смехом, она сказала Шаркану: – Уезжай лучше! Ибо утро уже близко, и скоро сюда придут воины и схватят тебя. А разве сможешь ты им противиться, если каждая из рабынь моих могла бы побороть тебя? С этими словами, молодая женщина хотела удалиться к монастырю, не вступая в борьбу.

Тогда изумленный Шаркан решился остановить молодую женщину и сказал ей: – О госпожа моя, откажись, если хочешь, от борьбы со мной, но ради Аллаха не оставляй меня здесь одного, ибо я чужестранец и человек с сердцем! Тогда она улыбнулась и сказала: – Чего же ты хочешь, чужестранец? Говори, и желание твое будет исполнено! И он ответил: – Могу ли я удалиться отсюда, не изведав твоего гостеприимства?! Посмотри, я стал рабом среди рабов твоих! Она ответила, подкрепляя слова свои улыбкой: – Ты прав, о чужестранец, одно только черствое сердце может отказать в гостеприимстве! И потому я уделю тебе место в голове и глазах моих! С этой минуты ты гость мой! Тогда Шаркан преисполнился радости и поехал рядом с молодой женщиной. И они прибыли к подъемному мосту, который был перекинут через реку как раз против главных дверей монастыря. Тут Шаркан сказал молодой женщине: – О царица красоты, не согласишься ли ты, не входя в монастырь, поехать со мною в город мой Багдад? Тогда ты узнаешь, кто я! На эти слова красавица ответила: – Так значит, ты хочешь меня похитить и отвезти к этому ужасному царю Омару, у которого есть триста шестьдесят наложниц по числу дней года! И в течение одной ночи в году я буду удовлетворять желания его, чтобы оказаться затем брошенной! Эти нравы подходят только для мусульман! Если бы ты был сам Шаркан, сын царя Омара, войска которого находятся на нашей земле, то и тогда я не стала бы слушать

тебя! О, если бы я только могла, я пошла бы в лагерь их, чтобы собственной рукой убить Шаркана, ибо он враг наш. А теперь пойдем со мной, о чужестранец! На этом месте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила сорок восьмая ночь, она сказала:

Ночь сорок восьмая

Говорили мне, о царь веков, что молодая женщина сказала Шаркану, не догадываясь о том, кто он был: – Пойдем со мной, о чужестранец! И узнав о той вражде, какую молодая женщина питала к нему, Шаркан был чрезвычайно уязвлен. А она медленно пошла через подъемный мост, направляясь к монастырю. А Шаркан шел за нею и смотрел на ее роскошные бедра, опускающиеся и поднимающиеся, как волны в море. И он вспомнил следующие строфы поэта:

Взгляни на стройность бедер
серебристых,
И засияет полная луна
Перед восторга полными очами.

И они подошли к большим входным воротам и, войдя, направились по длинной галерее, состоявшей из десяти арок, поддерживаемых алебастровыми колоннами. И посреди каждой арки висела лампа из горного хрусталя, сверкавшая, как солнце. Тут вышли навстречу им молодые прислужницы, на лбу которых были шелковые повязки, усыпанные драгоценными камнями. И они повели молодых людей в главную залу монастыря. И Шаркан увидел, что на дверях и стенах были большие занавесы, украшенные наверху золотыми коронами; а пол состоял из мозаики разноцветного мрамора; и посреди залы бил фонтан с двадцатью четырьмя золотыми пастями, из которых лилась вода, журча, как музыка. В глубине залы была обтянутая шелком кровать, какие бывают только в царских дворцах. И молодая женщина сказала Шаркану: – Ложись, господин мой, а рабыни мои услужат тебе. И когда Шаркан взобрался на кровать, молодая женщина вышла из залы. И так как она не возвращалась, Шаркан спросил девушек, куда она пошла, и они ответили: – Она пошла спать, а мы останемся здесь, чтобы исполнять твои приказания.

И Шаркан не знал, что и думать. Тогда молодые девушки принесли ему на больших блюдах драгоценной работы разные превосходные яства всех возможных сортов; и он стал есть, пока не насытился. Затем ему принесли золотой кувшин с прекрасным вином, и, выпив его, он заснул и проснулся только утром. И он увидел, что в залу вошли двадцать молодых девушек подобных луне. Они окружали свою госпожу, одетую в пышные царственные одежды. Талия ее казалась еще тоньше, а бедра еще роскошнее под охватывавшим их поясом с драгоценными камнями. И вся она была похожа на цветок из прозрачного хрусталя с нежно покачивающимся серебряным стебельком посредине. Груди ее выступали еще заметнее и казались еще роскошнее. И, окруженная справа и слева

молодыми девушками, которые поддерживали концы ее платья, она шла, слегка покачиваясь и разливая вокруг себя необычайное очарование. Как только Шаркан увидел ее, разум его затмился от волнения чувств, и он позабыл своих солдат и советы своего отца. Очарованный ее прелестями, он поднялся и проговорил следующие стихи:

На пышных бедрах мерно колыхаясь,
Она идет; стройны и гибки члены,
Как персик грудь с отливом
золотистым...
Красавица, сокровища твои
Я вижу ясно зоркими глазами,
Что проникают через все преграды!

Тогда молодая женщина подошла к нему и посмотрела на него долгим взглядом. Затем она вдруг сказала ему: – Ты Шаркан! Я больше не сомневаюсь в этом. Спокойно ли ты провел эту ночь? И не притворяйся; ибо притворство и ложь не подобают величайшему из царей. И Шаркан понял, что отрекаться бесполезно, и ответил ей: – О прелестная! Да, я Шаркан ибн-Омар. Я тот, которого заставила страдать судьба, бросив во власть твою! Сделай же со мною все, что хочешь, о незнакомка с черными глазами! Тогда незнакомка задумалась и, посмотрев на Шаркана, сказала: – Разве ты забыл, что ты гость мой? Отбрось же всякие опасения, ибо отныне ты находишься под покровом моим. Сказав это, она села подле него и с милой улыбкой принялась болтать. И появились служанки, которые несли на головах большие подносы, уставленные всевозможными блюдами, тогда как другие служанки несли графины и сосуды с напитками. Но Шаркан не решился отведать этих блюд; но молодая женщина первая протянула руку и отведала от каждого блюда. И Шаркан устыдился своих подозрений и принялся есть, и она с ним, пока оба не насытились. Затем молодая женщина наполнила золотой кубок и выпила его; затем снова наполнила его и протянула ему; и он тоже выпил. И она сказала ему: – О мусульманин, ты видишь, как легка и приятна может быть жизнь! На этом моменте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и с обычною скромностью умолкла. А когда наступила сорок девятая ночь, она сказала:

ночь сорок девятая

Рассказывали мне, о царь благословенный, что молодая незнакомка сказала Шаркану: – О мусульманин, ты видишь, как легка и приятна может быть жизнь! Затем оба они продолжали пить, пока вино не проникло в их разум, и в сердце Шаркана не заиграла любовь. Тогда молодая женщина сказала одной из своих любимых прислужниц: – Принеси поскорее музыкальные инструменты! И та вернулась в сопровождении молодых девушек, которые несли дамасскую лютню, персидскую арфу, татарскую цитру и египетскую гитару. И молодая женщина взяла лютню, искусно настроила ее и запела своим чарующим голосом, более чистым и приятным, чем бьющая из скалы вода. Слушая ее голос, Шаркан, который

к тому времени уже довольно много выпил, совершенно опьянел и потерял сознание. А когда он пришел в себя, молодой женщины уже не было. И Шаркан осведомился о ней у рабынь, и они ответили: – Она пошла к себе спать. И сильно расстроенный этим Шаркан сказал: – Да развернет Аллах покров свой над нею!

На следующее утро молодая рабыня вошла к нему, чтобы отвести его в покои своей госпожи. И снова его приветствовали звуки инструментов и стройные голоса певиц. И когда хозяйка дома увидела Шаркана, она поднялась, и пошла навстречу ему и, взяв его за руку, посадила его рядом с собою, и с участием спросила его, как он провел ночь. Затем они стали разговаривать, и она спросила его. – Знаешь ли ты, что говорят поэты о влюбленных? Он сказал: – Да, о госпожа моя, я знаю некоторые стихи. И прочел следующее:

Прекрасная обманщица! Лишь смерти
Моей ты жаждешь! Все твои желанья
К тому летят! И все ж тебя одну лишь
Желаю я из всех прекрасных жен!

И Шаркан прибавил: – Знай, о госпожа моя, что я нахожусь в совершенно таком же положении, ибо ты хочешь, чтобы я умер пред тобою! На эти слова молодая женщина улыбнулась, но ничего не сказала. И они продолжали пить до наступления утра; тогда она поднялась и скрылась. А Шаркану пришлось провести и эту ночь в полном одиночестве на своем ложе. А когда наступило утро, прислужницы по обыкновению пришли к нему и, облобызав землю между рук его, сказали: – Сделай милость и пойди с нами к госпоже нашей, которая ожидает тебя! Тогда Шаркан поднялся и пошел за рабынями, и вошел в залу, где находились статуи и картины, изображавшие животных и птиц. И молодая женщина поднялась ему навстречу и, взяв Шаркана за руку, усадила его рядом с собой и сказала ему: – Принц Шаркан, ведь ты, конечно, играешь в шахматы. Он сказал: – Конечно, о госпожа моя! И тогда молодая женщина с улыбкой придвинула шахматы и начала играть. А Шаркан вместо того, чтобы внимательно следить за игрою, взглядывал ей в лицо и играл чрезвычайно рассеянно, ставя коня вместо слона, а слона вместо коня. И она обыграла его, а потом и во второй раз, и в третий, и в четвертый, и в пятый. Потом она стала смеяться и сказала: – Теперь ты побежден во всех отношениях! И он ответил: – О владычица моя, когда имеешь дело с тобою, легко оказаться побежденным! Тогда она велела разостлать скатерть, и они поели и умыли руки, а затем принялись за различные напитки. Потом она взяла арфу, извлекла из нее несколько протяжных, отрывистых звуков и запела:

Никто не властен избежать судьбы,
Будь та Судьба сокрыта иль ясна,
Будь лик ее печален или светел.
Забудь же все, о друг, и наслаждайся
Ты красотой и жизнью, если можешь.

Она умолкла, и только арфа звучала еще под ее тонкими хрустальными пальцами. А Шаркан, совершенно очарованный, утопал в беспредельных желаниях. И вдруг оба они услышали за стенами дома ужасающий шум; и, посмотрев в окно, увидели толпу христианских воинов с обнаженными мечами, и они приближались, крича: – Наконец-то ты попал к нам в руки, о Шаркан! Настал день твоей погибели! Услышав эти слова, Шаркан подумал о предательстве; но, обернувшись к молодой женщине, он увидел, как она, вся бледная, бросилась из дому и, подбежав к воинам, сказала: – Что вам нужно? Тогда начальник их выступил вперед и сказал: – О славная царица наша Абриза, разве ты не знаешь, кто находится

в этом монастыре? Тогда царица Абриза сказала им: – Но о ком же вы говорите? Они сказали: – Мы говорим о том, кого называют разрушителем городов, об ужасном Шаркане-ибн-Омар, который не пропустил ни одной крепости, не сравняв ее с землею. А теперь отец твой, владыка Кайссарии, и наш владыка, узнал, что принц Шаркан находится здесь. Ибо Шаркана видели в лесу, и он направлялся к этому монастырю. И слава тебе, царица, что ты захватила этого льва в сети!

При этих словах царица Абриза гневно взглянула на начальника воинов и сказала: – А как тебя зовут? Он ответил: – Я раб твой, патриций Массура. Она сказала: – Как же ты осмелился, дерзкий, вступить в этот монастырь, не испросив на это мое позволение? И он ответил: – О владычица моя, ни один из привратников не заградил мне путь. А теперь, согласно приказанию отца твоего, мы ждем, чтобы ты выдала нам этого Шаркана, самого страшного из всех мусульманских воинов! Тогда царица Абриза сказала: – Клянусь Мессией, здесь действительно находится один человек, но это просто чужестранец, который просил у нас приюта. И к тому же, если бы даже этот чужестранец и был Шаркан, то разве обязанности гостеприимства не повелевают мне защищать его от всевозможных врагов? Но патриций Массура сказал: – Царица Абриза, я не могу вернуться к царю Гардобию, отцу твоему, иначе, как вместе с тем, кого он приказал нам схватить. Полная негодования, она ответила: – Ты должен сражаться, когда можешь, потому что за это тебе платят, но не смей вмешиваться в дела, которые тебя не касаются! А если ты попробуешь тронуть Шаркана, – допуская, что этот чужестранец действительно Шаркан, – то ты поплатишься за это жизнью своею! И Массура сказал: – О горе! Если бы даже я мог избежать твоего гнева, мне не избежать гнева царя, а потому, если бы этот Шаркан вышел сюда, я приказал бы моим воинам немедленно схватить его! Тогда Абриза сказала: – Слишком много ты говоришь для воина! И слова твои преисполнены дерзости! Разве ты забыл, что вас здесь сто воинов против одного? Поэтому, если ты не лишился последних остатков мужества, ты должен биться с ним один на один. А если ты будешь побежден, на место тебя выйдет другой и будет биться с ним, и так до тех пор, пока вы не победите Шаркана! И это решит, кто из всех вас действительно герой! Но на этом моменте своего повествования Шахразада увидела, что занимается утренняя заря, и скромно умолкла. А когда наступила пятидесятая ночь, она сказала:

ночь пятидесятая

Говорили мне, о царь благословенный, что молодая царица Абриза сказала: – И тогда мы посмотрим, кто из вас всех действительно герой! А патриций Массура ответил: – Клянусь Мессией, я первый выйду на бой! И Абриза отыскала Шаркана и сообщила ему о всем происшедшем, не говоря только о том, кто была она сама. Тогда Шаркан понял, насколько он был неправ в своих мыслях об этой великодушной женщине, и он стал

упрекать себя за то, что так дурно думал о ней. И он бросился прямо к христианским воинам, держа свой меч и свой щит. И когда Массура увидел приближающегося Шаркана, он прыгнул на него и изо всех сил ударил его. Но Шаркан отбил выпад и нанес ему такой ужасный удар, что меч его вышел, блистая, из живота Массуры, пронзив его внутренности. При виде этого молодая царица сказала про себя: «Вот настоящий герой, с которым я могла бы побороться в лесу!» Затем она обернулась к воинам и закричала: – Чего же вы ждете? Разве вы не хотите отмстить за смерть патриция?

Тогда подошел огромными шагами великан с лицом, дышавшим яростью – это был брат Массура, но Шаркан и ему нанес такой удар, что меч, блистая, вышел из живота его. Тогда стали подходить один за другим остальные воины; но Шаркан всех их подверг такой же участи, и меч его не переставал сверкать над их головами. Так он перебил пятьдесят человек. Когда остальные увидели, что сталось с их товарищами, они бросились на Шаркана все вместе, но Шаркан встретил их так, как если бы вместо сердца в груди его был камень, и перебил всех, как семя, которое молотят в воздухе. Тогда царица Абриза подошла к Шаркану и обняла его, и с жаром поцеловала; затем она стала считать убитых и насчитала восемьдесят; что же касается двадцати остальных, то им удалось, несмотря на раны, убежать и скрыться. А Шаркан вытер окровавленный меч и, увлекаемый Абризою, вернулся в монастырь. И когда они вошли в большую залу, Абриза, улыбаясь от удовольствия, взяла руку Шаркана и поднесла ее к своим губам. Затем она приподняла свое платье, из под которого показалась юбка из плотно сомкнутых железных колец и шпага из тонкой индийской стали, и Шаркан с удивлением спросил ее: – Зачем на тебе эта юбка и эта шпага, о госпожа моя? Она сказала: – Я поспешила одеться таким образом, чтоб прибежать к тебе на помощь; но рука моя оказалась тебе ненужною!

Затем царица Абриза обернулась к Шаркану и сказала: – Теперь я открою тебе то, что до сих пор было скрыто от тебя! Знай, о Шаркан, что я единственная дочь греческого царя Гардобия, властителя Кайссарии, и что зовут меня Абризою. Неумолимый враг мой – старуха, с которой я боролась на берегу реки. Ее зовут Зат-ад-Давахи, Матерью Бедствий; она была кормилицей у моего отца и ее слушаются и боятся во дворце. О причине вражды между мною и ею ты узнаешь со временем. Не сомневаюсь, что Зат-ад-Давахи готова на все, чтобы погубить меня, особенно теперь, когда я сделалась причиною смерти главы патрициев и воинов; и она скажет моему отцу, что я приняла мусульманство. Поэтому единственное, что мне остается, – это уехать из моей страны как можно дальше; и я прошу тебя помочь мне в этом. При этих словах Шаркан почувствовал, что грудь его расширяется от радости, и все его существо расцветает; и он сказал: – Клянусь Аллахом! Кто осмелится приблизиться к тебе, пока душа моя не оставила моего тела? И она сказала: – Теперь сердце мое успокоилось. Но я должна попросить тебя еще об одной вещи. Ты должен вернулся в Багдад вместе со всеми твоими солдатами! И Шаркан сказал: – О госпожа моя, отец мой послал меня, чтобы я сражался с отцом твоим, против которого просил у нас помощи царь Афридоний. Ибо отец твой овладел тремя драгоценными геммами, которым приписывают чудесные свойства!

Тогда Абриза ответила: – Проясни взор свой, ибо сейчас я расскажу тебе истинную историю вражды нашей с царем Афридонием. Знай, что у нас, греков, бывает ежегодный праздник, который

празднуется в этом монастыре. И в известное число все христианские цари съезжаются сюда из своих стран, а также и все знатные люди, и богатые купцы, и празднество это продолжается целых семь дней. И вот однажды я сама приехала сюда в числе других посетителей, и здесь же была дочь царя Афридония по имени Сафия, которая состоит теперь наложницей отца твоего и имеет от него двух детей. Но в то время она была еще молодой девушкой. Когда наступил день отъезда, Сафия сказала: – Я хочу вернуться в Константинию не по суше, а по морю. И она взошла на корабль вместе со своими спутницами и принадлежавшими ей вещами, и корабль отплыл от берега. Но едва только он вышел в открытое море, как неблагоприятный ветер отклонил корабль с пути. И Провидению угодно было, чтобы как раз в это время поблизости оказался большой корабль, наполненный пятьюстами христианскими воинами, и все они были вооружены, закованы в железо и только и ждали подходящего случая совершить грабеж. И как только они увидели корабль, на котором находилась Сафия, они подплыли к нему, и, забросив на него железные крюки, овладели им и потащили его на буксире. Но поднялась страшная буря, которая разбила корабли и выбросила их на наш берег. Тогда на них набросились наши люди и, убив пиратов, овладели всеми богатствами и девушками, в числе которых была и Сафия. Затем они привезли девушек в дар моему отцу, а богатства оставили у себя. Тогда отец мой отобрал пять девушек, отличавшихся особенно красотою, и послал их в дар царю Омару. Между ними находилась и Сафия, дочь царя Афридония, но мы и не подозревали об этом. Так Сафия и сделалась наложницей отца твоего.

Но вот в начале этого года отец мой получил письмо от отца царя Афридония. В нем между прочим было сказано следующее: «Два года тому назад ты отнял у пиратов молодых девушек, в том числе и дочь мою Сафию; и я только теперь узнал об этом, ибо ты ни о чем не известил меня, о царь Гардобий! И это составляет величайшее оскорбление для меня, и, если ты не хочешь сделаться моим врагом, ты должен немедленно отослать мне дочь мою Сафию целою и неприкосновенною. В противном случае тебе придется испытать самое ужасное возмездие от моего гнева». И когда отец мой прочел это письмо, он был чрезвычайно смущен, ибо юная Сафия была отправлена в дар твоему отцу, и не было уже никакой надежды вернуть ее неприкосновенною, ибо царь Омар сделал ее матерью и притом без малейшего затруднения с ее стороны. И отец мой не мог сделать ничего другого, как написать царю Афридонию письмо, в котором он излагал ему все происшедшее, извиняясь в своем неведении относительно того, кто была Сафия. Получив это письмо, царь Афридоний впал в невероятную ярость, кипя ужасным гневом, он сказал: – Возможно ли, чтобы дочь моя, руку которой оспаривают все христианские цари, сделалась рабыней мусульманина! Клянусь Мессией! Я обрушу на этого мусульманина такую месть, что о ней долго будут говорить Восток и Запад!

И тогда царь Афридоний отправил к твоему отцу послов с богатыми дарами и попросил о помощи. На самом же деле все это было сделано, чтобы заманить тебя и твоих всадников в ловушку и так удовлетворить свое мстительное чувство. Что же касается трех гемм, то они действительно существуют. Они были собственностью Сафии, потом попали в руки пиратов, а затем в руки моего отца, который подарил их мне, и я покажу их тебе. Но теперь ты должен подумать, как отыскать своих всадников и вернуться с ними в Багдад!

Выслушав эти слова, Шаркан поднес руку Абризы к своим губам и сказал: – Хвала Аллаху! Он поставил тебя на моем пути, чтобы ты сделалась причиной спасения моего и моих товарищей. Но я не допущу, чтобы ты осталась здесь одна, поедем, дорогая Абриза, со мною в Багдад! Но Абриза сказала ему: – Отправляйся как можно скорее, чтобы захватить находящихся в твоем стане послов царя Афридония, и заставь их рассказать всю правду. Я же присоединюсь к тебе через три дня, и тогда мы вместе отправимся в Багдад. Потом она поцеловала его, и Шаркан поцеловал ее. И она заплакала так, что от слез ее растаяли бы камни. А Шаркан, увидев эти залитые слезами глаза, почувствовал еще большую нежность и скорбь в своем сердце и также заплакал. Затем он покинул Абризу, и, переехав через мост, пустил коня идти между деревьями и, наконец, выехал на поляну, на которой увидел трех всадников. И он извлек уже из ножен шпагу свою, ожидая схватки, как вдруг узнал их: это были визирь Дандан и два главных эмира из его свиты. И три всадника спешились и подошли к Шаркану, а он рассказал им свое приключение во всех подробностях. Тогда решено было поспешно снять лагерь и вернуться в Багдад. И по прошествии нескольких дней они достигли известных им границ и оказались в безопасности.

Шаркан поручил командование авангардом визирю Дандану, а сам остался со ста избранными воинами в арьергарде. И вскоре Шаркан со своими воинами вступил в узкое ущелье, расположенное между двумя высокими горами. И едва они вошли туда, как увидели, что на противоположном конце ущелья поднялась густая пыль, из которой вскоре показались сто всадников, скрытых под кольчугами и стальными забралами. И, приблизившись, они закричали: – Сложите оружие, о мусульмане, в противном случае души ваши оставят ваши тела! При этих словах глаза Шаркана метнули молнию гнева, щеки его загорелись, и он закричал: – Ах, вы, собаки! Вы угрожаете нам после того, как имели дерзость вступить на нашу землю! Неужели вы думаете, что вам удастся вырваться целыми из наших рук? И Шаркан бросился на врага. И сто его всадников понеслись на сто всадников христиан, и две массы людей с сердцами более твердыми, чем скала, смешались в одну массу; и тела переплелись с телами; и лошади вздымались на дыбы и тяжело падали на других лошадей, и слышны были только удары металла о металл. Бой длился до наступления ночного мрака. Тогда противники разошлись и стали считать оставшихся. Но Шаркан среди всех своих людей не нашел ни одного тяжело раненого. И на вопрос почему такое возможно, ему ответили: – Знай, что среди этих христиан есть удивительный герой – их начальник. Каждый раз, когда кто-нибудь из нас попадался под его руку, он отворачивался, чтобы не убить его, и таким образом давал ему возможность спастись от смерти! При этих словах Шаркан впал в смущение, а потом сказал: – С завтрашнего утра мы опять пойдем в атаку на них, и мы будем молить Владыку неба о победе! И на этом решении все они заснули. Что касается христиан, то они сказали своему вождю: – Завтра мы сомкнем свои ряды и поразим их одного за другим! И на этом решении они также заснули.

Но едва только заблистало утро и взошло солнце, Шаркан сел на свою лошадь и, став между двумя рядами выстроившихся всадников, сказал им: – Смотрите, враги наши уже в боевом порядке, Бросимся же на них, но будем биться один на один. Пусть кто-нибудь из вас выедет из строя и вызовет на бой одного из христианских воинов. Тогда один из всадников выехал из строя и

закричал: – Эй, вы! Есть ли между вами бесстрашный боец, который вышел бы на бой со мною? И тотчас из среды христиан выехал всадник, одетый в золото и шелк и весь покрытый железом; лицо у него было розовое, и щеки с нежным пушком, как у девушки. И подняв шпагу, он бросил лошадь свою на мусульманского бойца, и одним ударом копья выбил его из седла, и заставил сдаться. И в тот же миг другой христианин выехал из рядов на середину ристалища навстречу другому мусульманину, который был братом плененного. И борьба их скоро кончилась победой христианина. И так продолжали они попарно меряться силами, и каждый раз борьба оканчивалась пленением мусульманина, и, когда наступила ночь, двадцать воинов из числа мусульман оказались плененными.

Увидев это, Шаркан был чрезвычайно взволнован; и он сказал своим товарищам: – То, что случилось с нами, в высшей степени необыкновенно. Но завтра я сам вызову на бой главу этих христиан. А затем я узнаю, что заставило их напасть на нас. И если он откажется объяснить нам это, мы убьем его. И на этом решении все они заснули до утра. А утром Шаркан выехал к неприятельским рядам, и он увидел, что навстречу ему подвигается глава христиан. На плече его поверх кольчуги развевалась голубая атласная мантия, а в руке он держал обнаженную шпагу из индийской стали; и на лбу его вороной лошади блестело, как звезда, белое пятно величиною с серебряную драхму. И лицо этого всадника отличалось детскою свежестью, а розовые щеки были нежны и покрыты пушком. И молодой всадник обратился к Шаркану на арабском языке с чистейшим выговором, и сказал ему: – О Шаркан, о сын Омара-аль-Немана, приготовься к борьбе, ибо она будет жестока! А так как ты являешься главою своих солдат, а я главою моих, то да будет между нами условлено, что победитель в этой борьбе овладеет солдатами побежденного и будет признан их главою. И они схватились в геройской схватке, осыпая друг друга ударами; и, глядя на них, можно было думать, что это две горы столкнулись между собою. И они не переставали биться до черной ночи. Тогда они разошлись, и Шаркан сказал своим товарищам: – Никогда не встречал я подобного бойца! Каждый раз, когда противник его находится в опасности, он только слегка касается незащищенного места своим копьем; я ничего не понимаю более во всем этом приключении!

На следующий день битва возобновилась, но опять без определенного исхода. На третий же день посреди боя молодой христианин пустил свою лошадь вскачь и внезапно остановил ее, неловко дернув за поводья; тогда лошадь взвилась на дыбы, и молодой человек упал на землю. Тогда Шаркан соскочил с лошади и, подняв саблю, хотел заколоть его. А христианин закричал: – Разве рыцарская честь позволяет поступать так с женщиной? При этих словах Шаркан, с удивлением посмотрев на молодого всадника, узнал в нем царицу Абризу. Тогда Шаркан бросил свою саблю и спросил: – Что все это означает, царица? И она сказала: – Я хотела испытать тебя на поле битвы и увидеть степень твоей доблести! И все мои воины, сражавшиеся с твоими, – преданные мне молодые девушки. И если бы моя лошадь не взвилась на дыбы, ты увидел бы еще и не такие вещи, о Шаркан! А Шаркан улыбнулся и ответил: – Хвала Аллаху, который свел нас, о царица Абриза, о владычица времен!

И царица сейчас же отдала приказ вернуть Шаркану двадцать пленников. А Шаркан обернулся к молодым девушкам и сказал: – Цари считали бы за честь иметь отряд таких героев, как вы! Затем

Léon Carré

две сотни всадников направились к Багдаду и шли целых шесть дней, пока, наконец, не увидели сверкавшие вдали минареты Города мира... Дойдя до этого места своего повествования, Шахразада увидела, что занимается утро, и скромно умолкла. А когда наступила пятьдесят первая ночь, она сказала:

ночь пятьдесят первая

Мне довелось слышать, что они увидели сверкавшие вдали прославленные минареты Города мира. Тогда Шаркан попросил царицу Абризу и ее товарок снять доспехи и надеть женские одежды. Затем он отправил в Багдад несколько своих товарищей, чтобы они известили о прибытии его и царицы Абризы, отца его, Омара-аль-Немана. И к вечеру они спешились, разбили палатки и заснули глубоким сном.

А на рассвете Шаркан, царица Абриза и все всадники направили свой путь к городу. И навстречу им выехал великий визирь Дандан со свитою в тысячу всадников, и затем все они вместе вступили в город. И Шаркан вошел во дворец, и царь обнял его и стал расспрашивать обо всем происшедшем. И Шаркан рассказал ему всю историю с молодою Абризою, а также сообщил о предательстве царя Константинии и о гневе его по поводу наложницы Сафии, которая оказалась дочерью самого царя Афридония. Выслушав этот рассказ, царь Омар почувствовал живейшее желание увидеть царицу Абризу, и он думал про себя, какое наслаждение было бы чувствовать на своем ложе упругость закаленного в битвах стройного тела этой девушки. Ибо царь Омар был старик с более крепкими мускулами, чем у молодых людей. И он не опасался за свое мужское достоинство и выходил победителем из объятий самых пламенных женщин. А Шаркан не мог и думать, что отец его имеет виды на царицу, и он поспешил представить ее.

Царь отпустил всех своих придворных и всех рабов кроме евнухов. И Абриза подошла к нему и обратилась к нему с речью, исполненной самой очаровательной простоты и изящества. Тогда царь Омар пришел в величайший восторг и благодарил ее за все, что она сделала для сына его Шаркана. Тогда Абриза подняла маленькое покрывало, которое было спущено на ее лицо: и оно открылось во всей своей ослепительной красоте, так что царь Омар-аль-Неман едва не лишился рассудка. И он сейчас же приказал отвести для нее и для ее товарок роскошнейшее помещение в самом дворце и назначил ей штат, подобающий ее сану. И затем только он спросил ее о трех драгоценных геммах. Тогда Абриза сказала ему: – Эти геммы принадлежат мне самой, и сейчас я покажу их тебе! И она открыла принесенный ящик, вынула из него шкатулку, в которой оказался футляр из чеканного золота. И она открыла этот футляр, и в нем засверкали три блиставшие белизной драгоценные геммы. И Абриза предложила их в дар царю Омару за оказанное ей гостеприимство. Затем она вышла, и царь почувствовал, что с ее уходом сердце его словно вышло из груди.

Затем он подозвал сына своего, Шаркана, подарил ему одну из гемм и сказал: – Я подарю другую сестре твоей, а третью – твоему маленькому брату. При этих словах Шаркан был неприятно поражен и, повернувшись к своему отцу, сказал: – О отец, разве у тебя есть другой сын, кроме меня? Царь сказал: – Разумеется, ему шесть лет, он родился одновременно от рабыни моей, Сафии, дочери царя Константинии! И Шаркан готов был разорвать на себе платье от досады и злобы; однако он сдержался и сказал: – Да будет над ними обоими благословение Аллаха Всевышнего! Но отец заметил его волнение и сказал ему: – О сын мой! Разве ты не знаешь, что ты один будешь наследником престола после моей смерти? Но Шаркан не был в состоянии что-либо ответить и вышел из тронного зала. Абриза же, увидев, что лицо его мрачно, обратилась к нему с нежными расспросами, и Шаркан, рассказав ей о причине своей грусти, сказал: – Но что более беспокоит меня, так это то, что я видел, как глаза моего отца загорелись от желания обладать тобой. На это Абриза ответила: – Успокой душу свою, о Шаркан! Ибо отец твой овладеет мной разве только мертвою! Будь же покоен, о Шаркан, и прогони заботу свою! Затем она приказала принести есть и пить, но Шаркан ушел к себе спать с тоской в душе.

Что же касается царя Омара, то он отправился к наложнице своей Сафии, держа в руке две драгоценные геммы на золотых цепочках. И подошли к нему двое его детей, и царь поцеловал их, повесил каждому на шею по драгоценной гемме и сказал им всем: – О Сафия, ведь ты дочь царя Афридония! Зачем ты скрыла это от меня и помешала мне оказать тебе почет, подобающий твоему сану? А Сафия сказала ему: – О царь великодушный, ведь ты и так уже осыпал меня своими дарами и милостями, и ты сделал меня матерью двух детей, прекрасных, как луна. И царь Омар был очарован этим ответом, полным такта, мудрости и деликатности. И он приказал отвести для Сафии еще более прекрасный дворец и увеличил ее штат и содержание. Но ум и сердце его по-прежнему были заняты мыслью о царице Абризе. И он проводил у нее все ночи, бросая ей разные намеки. Но Абриза отвечала только одно: – О владыка времен, я не чувствую никакой склонности к мужчинам! И все это еще более возбуждало и мучило его. Тогда он призвал к себе визиря Дандана, и открыл ему свою любовь к очаровательной Абризе, и сказал, что отчаялся когда-либо обладать ею. И визирь сказал царю своему: – Возьми кусочек снотворного банжа, и, когда при наступлении ночи будешь пить вместе с Абризой, незаметно положи его в ее кубок, и не успеет она дойти до своей постели, как окажется в твоей власти. И ты сможешь сделать с нею все для успокоения своей страсти. И царь решил, что совет этот превосходен.

Тогда он подошел к одному из своих шкафов и достал из него кусочек банжа до такой степени сильного, что его запах мог бы усыпить даже слона. И с наступлением ночи он пошел к царевне Абризе и стал болтать с ней. И потом оба стали пить, поощряя к этому друг друга, пока Абриза не поддалась опьянению. И тогда царь вынул из кармана кусочек банжа, незаметно бросил его в кубок с вином и, предлагая его молодой девушке, сказал: – О возьми этот кубок и выпей напиток желания моего! И царица Абриза со смехом осушила его. И тогда все завертелось у нее перед глазами, и, едва успев дойти до своего ложа, она упала на спину, раскинув руки и ноги. И царь Омар приблизился к Абризе, и кто может знать меру всего, что произошло тогда. Когда все было кончено, царь вышел в соседнюю комнату и позвал к ней любимую

рабыню Абризы. И та нашла свою госпожу распростертой на спине и со страшно бледным лицом. И она обрызгала ее розовой водою, а губы и рот ее омочила водою из померанцевых цветов. Тогда Абриза чихнула и открыла глаза. Увидав свою любимую служанку, она сказала ей: – Что случилось со мной? Я чувствую такую слабость. И служанка рассказала ей, в каком виде она ее нашла. И тогда Абриза поняла, что царь Омар совершил над нею непоправимую вещь. И горе ее было так велико, что она приказала никого не впускать в свои покои.

Тогда царь Омар стал ежедневно посылать к Абризе большие подносы со всевозможными блюдами, и напитками, и чашами с фруктами и вареньями, и фарфоровыми бокалами с сиропами и сладостями. Но она по-прежнему сидела, запершись в своих покоях, пока не заметила, что беременна. Тогда весь мир потускнел перед ее глазами, и она сказала себе: – Я дурно поступила, покинув мое царство! И вот теперь мужество мое покинуло меня, и силы мои изменили мне! Вместе с невинностью я лишилась и доблести своей. Если я разрешусь от бремени в этом дворце, я сделаюсь предметом насмешек для всех мусульманок, которые живут здесь и узнают, каким образом я потеряла невинность. А если я вернусь к отцу, то с какими глазами я предстану перед ним! И тогда Абриза сказала своей любимой служанке: – Мне непременно нужно уйти из этого дворца и, несмотря на все случившееся, вернуться к своему отцу и своей матери, ибо, если труп начинает издавать запах, позаботиться о похоронах его должны родные. И она начала тайно собираться к отъезду. И когда царь поехал на охоту, а Шаркан отправился к границам империи, чтобы осмотреть укрепления, Абриза сказала служанке: – Мы должны бежать в эту ночь! Тебе придется найти человека, который согласился бы сопровождать нас, ибо я не имею более сил удержать самого легкого оружия. И служанка ответила: – О госпожа моя! Я знаю одного человека, который мог бы защищать нас, – это негр Гадбан, состоящий стражем при дверях нашего дворца; я много раз давала ему денег за услуги. И служанка пошла к негру Гадбану и сказала ему: – О Гадбан! Настал день твоего счастья. Чтобы воспользоваться им, ты должен сделать все, что скажет моя госпожа. И она повела его к царевне Абризе.

Вид этого негра страшно не понравился Абризе, но, несмотря на отвращение, какое он вызывал в ней, она сказала: – О Гадбан, способен ли ты оказать нам поддержку в наших злоключениях? Тогда Гадбан, который при виде Абризы почувствовал, что сердце его воспламеняется любовью, ответил: – О госпожа моя, я сделаю все, что ты мне прикажешь! А Абриза сказала: – Я прошу тебя приготовить нам двух мулов для наших вещей и двух лошадей для нас самих и вывести отсюда меня и рабыню мою. И я обещаю тебе, что как только все мы приедем в нашу страну, я женю тебя на красивейшей из гречанок, которую ты сам себе выберешь. И мы осыплем тебя золотом и богатствами. При этих словах Гадбан воскликнул: – О госпожа моя, я сейчас же приготовлю верховых лошадей, и все, что нужно! А сам он подумал про себя: – Какая удача! Я наслажусь телом этих двух лун, а если они вздумают сопротивляться, я убью их и украду все их богатства! И он стал делать приготовления к отъезду; и всем троим удалось незаметно выйти из дворца. На четвертый день пути царица Абриза почувствовала родовые муки и, не имея более сил терпеть, сказала своей служанке: – Встань передо мною на колени, чтобы помочь мне в родах! Но в это время негр Гадбан, глядя на царицу, пришел в сильнейшее возбуждение. И, не имея сил совладать с собой, он

сказал ей: – О госпожа моя, позволь приблизиться к тебе!

Но на этом месте своего повествования Шахразада заметила, что занимается утренняя заря, и отложила продолжение своего рассказа до следующего дня. А когда наступила пятьдесят вторая ночь, она сказала:

Ночь пятьдесят вторая

Рассказывали мне, о царь благословенный, что ужасный негр Гадбан сказал царице: – О госпожа моя, позволь мне, пожалуйста, овладеть тобою! Тогда царица Абриза сказала: – О сын рабов! Ты осмеливаешься приходить в возбуждение передо мною! Какой позор для меня оказаться теперь беззащитною в руках последнего из чернокожих рабов! Несчастный! Пусть только Аллах поможет мне освободиться от этого состояния и излечиться от моих женских недугов, которые делают меня бессильною, и я накажу твою дерзость собственною рукой! Скорее я сама себя убью и покончу со всеми страданиями моей жизни, чем позволю тебе прикоснуться ко мне! Тогда негр Гадбан, видя, что Абриза ни за что не сдастся, не мог удержать своего бешенства; и он бросился на нее и приколол ее своим мечем. А после он завладел мулами, на которых были навьючены все вещи Абризы, и, быстро погоняя их, скрылся в горах.

Что же касается царицы Абризы, то, испуская последний вздох, она родила сына, который остался на руках ее служанки, которую звали Марджаной, и она, посыпав голову свою прахом земным и разорвав свои одежды, воскликнула: – О госпожа моя! Как тебе, воинственной, пришлось покончить жизнь от руки злосчастного черного раба! Но тут Марджана заметила на горизонте облачко пыли; оно быстро приближалось, и из него появились воины и всадники. Это было войско царя Гардобия, отца Абризы. Ибо до него дошли слухи о бегстве Абризы из монастыря; и он тотчас направил свое войско к Багдаду и прибыл к тому месту, где только что погибла его дочь. При виде окровавленного тела царь лишился чувств; а когда он пришел в себя, Марджана сообщила ему всю историю и сказала: – Убийца твоей дочери – один из негров царя Омара, царя, овладевшего твоею дочерью! При этих словах мир потемнел в глазах Гардобия, и он замыслил страшную месть. Но он принужден был сначала вернуться домой, чтобы исполнить обязанности погребения.

Прибыв в Кайссарию, царь Гардобий позвал свою кормилицу Зат-ад-Давахи и сказал ей: – Смотри, что мусульмане сделали с моею дочерью! Царь их похитил ее невинность, а раб хотел изнасиловать и убил ее! Но я клянусь Мессией отомстить за мою дочь и смыть с себя этот позор, в противном случае я предпочту убить себя собственной рукой! Тогда Зат-ад-Давахи сказала ему: – Не беспокойся об этом, о царь. Я заставлю мусульманина искупить все преступления его. Ибо я убью его и детей его, и так, что о смерти их будут рассказывать истории во всех странах света. Но ты должен

в точности выполнить все, что я тебе скажу. Призови во дворец пять самых красивых молодых девушек Кайссарии, девственных и отличающихся особенно округленными грудями. И призови в то же время величайших ученых из мусульманских стран и прикажи им воспитать этих молодых девушек согласно их правилам. Пусть они обучат их мусульманскому закону и истории арабов и, кроме того, пусть преподадут им искусство держать себя, вежливость, способ разговаривать с царями и забавлять их, и познакомят их с лучшими стихами и способами декламировать их, и научат сочинять поэмы и речи, и петь песни. И пусть воспитание это продолжается хоть десять лет, ибо мы помним, что арабы пустыни говорят: отмщение возможно и по истечении сорока лет. Этот мусульманский царь имеет слабость к своим рабыням; ведь он имеет уже триста шестьдесят наложниц кроме тех ста девушек, которые были оставлены у него покойной царицей Абризой. Посредством этой его склонности я и погублю его!

При этих словах царь Гардобий обнял Зат-ад-Давахи, поцеловал ее в голову и немедленно послал людей на розыски мусульманских ученых и девственных молодых красавиц. На этом месте Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьдесят третья ночь, она сказала:

Рассказывали мне, что царь Гардобий послал на розыски мусульманских ученых и красавиц, отличавшихся округленностью грудей. И он поручил ученым избранных девушек и просил дать им самое тщательное мусульманское воспитание. И ученые в точности выполнили приказание царя. Что же касается царя Омара, то узнав о бегстве Абризы, он чрезвычайно разгневался и воскликнул: – Как могло случиться, что женщина вышла из моего дворца и никем не была замечена? А в это время вернулся из своего путешествия Шаркан, и он узнал об исчезновении Абризы. И с этого дня Шаркан не мог выносить вида отцовского дворца, с каждым днем он становился все более печальным, пока царь однажды не сказал ему: – Отчего ты желтеешь лицом и худеешь телом? И Шаркан ответил: – О отец мой, пребывание в этом дворце становится нестерпимым для меня. Поэтому прошу назначить меня начальником дальней крепости, где я похороню себя на остаток моих дней! Затем он проговорил этот стих:

Жить в удаленьи будет мне отрадней,
Чем здесь остаться. Там мои глаза
Не будут видеть, уши не услышат
Того, что здесь напоминает мне
Утраченную милую подругу!

Тогда царь Омар понял причину скорби своего сына и назначил его правителем далекой Дамасской провинции. И Шаркан простился со своим отцом и матерью, и пустился в путь, и остановился, только когда прибыл в Дамаск. Что же касается царя Омара, то вскоре ученые сказали ему: – О властелин наш, мы можем

Léon Carré

возвестить тебе, что дети твои окончили обучение и знают все наставления мудрости и вежливости, и словесность, и правила поведения. И действительно, он мог убедиться, что сын его Даул-Макан стал замечательным юношей, который отличался благочестием, предпочитая всему на свете общество ученых, поэтов и людей, изучивших право и Коран. И случилось однажды, что Даул-Макан увидел паломников, шедших из Ирана в Мекку. И тогда он побежал к сестре своей и сказал ей: – О Нозхату! Меня мучит желание посетить гробницу Пророка, но я боюсь, что отец наш откажет мне по молодости моих лет. Поэтому я хочу уйти в паломничество тайно от всех, а главное от отца нашего! Тогда сестра его, возгоревшись тем же желанием, воскликнула: – Клянусь, о брат мой, что и я пойду с тобой и не откажусь от посещения гробницы Пророка! И Нозхату оделась в мужское платье, захватила немного денег и вышла в полночь, направляясь прямо к дверям дворца. Там она встретила брата, который ожидал ее с двумя верблюдами. Он помог сестре взобраться на одного из них, а сам сел на другого; и под покровом ночи оба незаметным образом присоединились к паломникам. И Аллаху угодно было, чтобы путешествие совершилось в полном благополучии. И вскоре все паломники прибыли в святую Мекку.

Здесь Даул-Макан и Нозхату предались безмерной радости, исполняя согласно священные обряды; и когда они обходили Каабу, счастью их не было границ! И перед тем, как расстаться с паломниками, Даул-Макан сказал Нозхату: – О сестра моя! Я хотел бы посетить и святой город Авраама, друга Аллаха, который евреи и христиане называют Иерусалимом. И Нозхату тоже выразила такое желание. Согласившись между собою, они воспользовались отъездом маленького каравана и отправились в святой город Авраама. По пути в Иерусалим Даул-Макан и Нозхату заболели лихорадкой, но молоденькая Нозхату вскоре выздоровела, а состояние ее брата только ухудшалось. В Иерусалиме они наняли маленькую комнатку в одной из гостиниц, и Даул-Макан распростерся в углу, мучимый болезнью. И так как его болезнь продолжалась, Нозхату истратила со временем последние свои драхмы. Тогда она послала на базар мальчика из гостиницы, дав ему одно из своих собственных платьев. И мальчик продал его и выручил немного денег. И Нозхату продолжала поступать так ежедневно, продавая что-нибудь из своих вещей, пока у нее не осталось ничего кроме старого платья, в которое она была одета, и старой скатерти, которая служила подстилкою для нее и ее брата. И в тот же вечер Даул-Макан пришел в чувство и, обернувшись к сестре, сказал: – О Нозхату! Мне очень хотелось бы поесть шашлыка! А Нозхату ответила: – О брат мой, на что же купить мяса? Однако не беспокойся, завтра же утром я наймусь к кому-нибудь служанкою и так заработаю, что нам нужно. И на следующий день, едва только рассвело, она встала, покрыла голову куском старого плаща, который дал ей сосед их по гостинице, и, обняв брата, вышла в слезах из гостиницы, не зная, куда, направиться.

И весь день Даул-Макан ждал возвращения сестры, но настала ночь, а она не возвращалась. То же было на следующий день и на следующую ночь. Тогда Даул-Макан почувствовал великий страх за сестру; к тому же он уже два дня оставался без пищи. Тогда он сделал усилие и стал звать слугу гостиницы, который услышал его; и Даул-Макан попросил донести его до базара. Тогда слуга снес его на базар и положил у дверей одной разоренной лавки. И все базарные торговцы столпились вокруг него и стали причитать над

ним и жалеть его. И торговцы поспешили сделать сбор для него у базарных купцов и купили ему пищи. А так как сбор дал тридцать драхм, один славный человек сказал: – Самое лучшее будет перевезти этого юношу в Дамаск и поместить его там в больницу, ибо без ухода он умрет на улице. И добрые люди с базара наняли верблюда и сказали погонщику отвезти его в Дамаск, чтобы поместить в больницу, где он может выздороветь. А погонщик сказал: – Клянусь вам в этом головою моей! А про себя он подумал: «Как я повезу в Дамаск человека, который того и гляди умрет!» Однако он заставил своего верблюда опуститься на землю и поместил на него больного. Но пройдя несколько улиц, погонщик остановился, снял лишившегося чувств Даул-Макана, положил его на кучу хвороста, служившего для отопления гамама, и быстро удалился.

И когда на рассвете следующего дня к куче хвороста подошел истопник гамама, он увидел как бы бездыханное тело, и сказал про себя: «Кто мог бросить это мертвое тело, вместо того чтоб похоронить его?» Но в то время Даул-Макан сделал движение, и тогда истопник воскликнул: – Да это без сомнения какой-нибудь потребитель гашиша! Но, нагнувшись, он увидел, что это был совсем молодой человек, отличавшийся необыкновенною красотою. Тогда истопник почувствовал жалость и вздохнул: – Я неосмотрительно осудил этого больного чужестранца, тогда как Пророк наш велел быть милосердными и гостеприимными относительно чужестранцев, особенно больных! И истопник гамама понес молодого человека к себе домой и поручил своей жене ухаживать за ним. И она разостлала ковер, положила на него чистую подушку и осторожно уложила больного гостя. Потом она согрела воды и омыла руки, ноги и лицо молодого человека. Истопник же купил на базаре розовой воды и сахару, и обрызгал водой лицо молодого человека, и напоил его сорбетом из розовой воды и сахара. Потом он вынул из ящика чистую рубашку, надушенную цветами жасмина, и надел ее на молодого человека. И Даул-Макан почувствовал, что в него вливается какая-то свежесть, оживляя его подобно восхитительному морскому ветерку...

На этом моменте своего повествования Шахразада заметила, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила пятьдесят четвертая ночь, она сказала:

НОЧЬ ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Дошло до меня, что Даул-Макан, почувствовав, как в него вливается свежесть, приподнял голову. Увидев это, истопник воскликнул: – Хвала Аллаху, возвращающему здоровье! И в течение трех дней истопник поил больного разными освежающими напитками и розовой водою, окружая его нежными заботами. Тогда Даул-Макан смог, наконец, открыть глаза и посмотреть на свет и начал свободно дышать. И тогда истопник возблагодарил Аллаха, и побежал на базар, и купил десять самых лучших цыплят, и велел своей жене: – Ты должна ежедневно резать

по два из них, одного утром, другого вечером, и кормить ими больного. И жена истопника сейчас же зарезала цыпленка и сварила его; потом она дала больному есть цыпленка и суп, который сварился из него. И в то время, как он ел, вошел истопник и увидел, что жена его точно исполняет его предписания; и он сел у изголовья молодого человека и спросил: – Как ты себя чувствуешь, о дитя мое? Он ответил: – Чувствую себя окрепшим, да вознаградит тебя Аллах щедротами своими! И истопник был чрезвычайно обрадован; он пошел на базар и принес оттуда фиалкового сиропа и розовой воды, и дал ему пить того и другого. А между тем, он получал в гамаме только по пять драхм в день; и из этих пяти драхм он тратил по две драхмы на Даул-Макана. И так тратился он в течение месяца, по истечении которого все следы болезни Даул-Макана исчезли.

Тогда истопник предложил Даул-Макану принять ванну и, получив согласие, посадил его на осла, и шел до гамама, поддерживая его с величайшею заботливостью и вниманием. И он ввел его в гамам, и принялся растирать тело Даул-Макана. Но в то время вошел растиральщик гамама и очень смутился, увидев, что истопник исполняет его обязанности, но истопник сказал: – Я рад услужить тебе и этому молодому человеку, который гостит в моем доме. Тогда растиральщик позвал цирюльника, который побрил Даул-Макана. Потом истопник надел на него тонкую рубашку, одно из своих платьев и красивый тюрбан, и привез его домой. А к этому времени весь дом был вымыт, а скатерти, ковры и подушки вычищены. Тогда истопник стал поить Даул-Макана супом, пока тот не насытился. Тогда Даул-Макан возблагодарил Аллаха за все щедроты Его и за свое выздоровление и сказал истопнику: – О! Как должен я благодарить тебя за все, что ты для меня сделал! Но истопник сказал: – Оставь это, сын мой; и если я о чем-нибудь попрошу тебя теперь, так это чтобы ты сказал мне откуда ты родом и как твое имя?

Услышав эти слова, Даул-Макан воскликнул: – Хвала Тому, Кто возвращает жизнь костям безжизненным! А ты, отец мой, должен знать теперь, что облагодетельствованный тобою не принадлежит к числу неблагодарных. И скоро, я надеюсь, ты сможешь убедиться в этом. Но скажи мне, где я нахожусь? И истопник сказал: – В святом городе Иерусалиме. Тогда Даул-Макан рассказал истопнику все свои приключения, ничего не сказав ему, однако, о своем происхождении, и спросил: – Как далеко отсюда до Дамаска? И истопник ответил: – Нужно шесть дней, чтобы доехать туда. Но разве я могу отпустить тебя в Дамаск одного? Я слишком боюсь за тебя! Поэтому, если ты хочешь совершить это путешествие, я поеду с тобою и склоню к этому и жену мою. И повернувшись к жене, истопник сказал: – Не пожелаешь ли ты ехать с нами в прелестный город Дамаск, ибо мне очень тягостно расстаться с нашим гостем здесь и отпустить его одного по незнакомым дорогам в город, жители которого, как говорят, весьма склонны к развращенности и излишествам? И жена истопника воскликнула: – Разумеется, я поеду с тобою. И тут же истопник собрал домашние вещи и утварь, циновки, подушки, кастрюли, чугуны, ступки, подносы и матрацы и продал их с аукциона на базаре. И за все это получил он пятьдесят драхм, которые начал расходовать с того, что нанял осла для путешествия. В этом месте своего рассказа Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила пятьдесят пятая ночь, она сказала:

Ночь пятьдесят пятая

Передавали мне, о царь благословленный, что истопник нанял осла, на которого посадил Даул-Макана, а сам он и жена его шли позади, пока не прибыли в Дамаск. И остановились они в хане и пробыли там пять дней, после чего изнуренная утомительною дорогою жена истопника заболела лихорадкой и немного дней спустя умерла. И Даул-Макан был очень огорчен ее смертью, душа его погрузилась в печаль, и он сказал убитому горем истопнику: – Не горюй, отец мой, всем нам доведется выйти в одну и ту же дверь. А истопник ответил Даул-Макану: – Да вознаградит тебя Аллах за твое сострадание, о дитя мое! К чему предаваться огорчению, когда все предопределено! Пойдем же посмотреть на город Дамаск, потому что я хочу, чтобы ты был весел. И Даул-Макан сказал: – Твоя мысль – приказ для меня!

Тогда принялись они с Даул-Маканом расхаживать по базарам и улицам Дамаска. Наконец, подошли они к большому зданию, у дверей которого они увидели много лошадей и верблюдов, которых погонщики навьючивали матрацами, подушками, тюками, ящиками и всякого рода кладью. И Даул-Макан спросил: – Кому принадлежат все эти лошади, верблюды и ящики? И один из слуг ответил ему: – Это подарки дамасского вали; они назначаются царю Омару. Когда Даул-Макан услышал эти слова, глаза его наполнились слезами. Тогда добрый истопник сказал ему: – О дитя мое, будь благоразумен! С великим трудом мы вернули тебе здоровье, а теперь ты хочешь снова заболеть от слез! Мне кажется, ты не перестаешь думать о твоем родном крае и о твоих родных! На что Даул-Макан сказал: – Да, отец мой! И я прощусь с тобою и уеду с этим караваном, который пойдет с частыми привалами, и я не буду слишком уставать и так доберусь до Багдада, моего родного города. Истопник же ответил: – И я с тобою! Я не могу расстаться с тобою, и как начал охранять тебя, так и буду продолжать. И Даул-Макан был чрезвычайно обрадован таким счастливым обстоятельством. Он горячо поблагодарил истопника и сказал: – Поистине, что ты для меня делаешь, и брат не сделает для родного брата! Потом оба дождались ночной прохлады и пустились в путь вместе с караваном, направлявшимся из Дамаска в Багдад.

Что касается сестры Даул-Макана, то она решила приискать себе место служанки в каком-нибудь именитом семействе и так заработать немного денег, чтобы покупать брату кусочки жареной баранины. Она пошла по улицам наудачу, не зная, куда направиться; и пока блуждала таким образом по улицам, она увидела бедуинского шейха с пятью другими бедуинами. Он взглянул на нее долгим взглядом, и тотчас же явилось у него желание овладеть этой девушкою, голова которой была накрыта куском старого плаща, но прелести которой еще резче выступали из-под лохмотьев. Остановившись перед нею, он сказал: – О молодая девица, свободная ты

или невольница? Я спросил тебя об этом потому, что у меня было шесть дочерей; и я потерял пятерых из них, и у меня остается только одна, живущая у меня в доме в печальном одиночестве. И если ты свободна, я попросил бы тебя быть моей приемной дочерью, войти в мою семью, чтобы дочка моя забыла печаль, гнетущую ее со времени смерти сестер. Когда Нозхату услышала такие слова, она смутилась и сказала: – О шейх, я чужеземка, и у меня есть больной брат. Я согласна быть подругой твоей дочери, но с условием, чтобы иметь возможность каждый вечер навещать его. Тогда бедуин ответил: – Разумеется, и, если хочешь, мы перенесем твоего брата к себе, чтобы он не оставался один.

Бедуин говорил так убедительно, что девушка решилась последовать за ним. Но коварный думал только об обольщении, потому что у него не было ни дома, ни детей. Скоро он подошел к месту, где уже все было приготовлено для отъезда: верблюды были навьючены, а мехи наполнены водой. Бедуин сел на верблюда, посадил на него Нозхату позади себя, и они поскакали. Тогда Нозхату поняла, что бедуин похитил ее, и стала плакать по себе, но бедуин, не обращая никакого внимания на ее стенания, продолжал путь до рассвета и, наконец, добрался до места вдали от всякого жилья. Тогда он слез с верблюда, снял с него рыдавшую Нозхату и в бешенстве сказал ей: – О презренная, перестанешь ли ты плакать, или ты предпочитаешь быть засеченной насмерть? При этих словах сердце бедной Нозхату возмутилось, и она воскликнула: – О зловещий человек, как смеешь ты нарушать свое слово и отрекаться от своих обещаний? Что же хочешь ты сделать со мною? Услышав эти слова, взбешенный бедуин поднял плеть и закричал: – Низкая горожанка, ты, кажется, любишь, чтобы плеть гуляла по твоей спине! Если ты не перестанешь говорить слова, которые дерзкий язык твой осмеливается бросать мне в лицо, я отрежу его! При этой угрозе бедная девушка, не привыкшая к таким грубым речам, задрожала от ужаса, закрыла голову покрывалом и произнесла следующие строчки:

Увы! Как долго я жила спокойно
И счастливо, окружена заботой, –
И как теперь несчастна и жалка!
О, кто пойдет в жилище мне родное
И передать мои возьмется слезы
Тому, по ком струятся их ручьи?..

Тогда бедуин, от природы обожавший поэзию, почувствовал жалость к несчастной, дал ей кусок ячменной лепешки, отер ее слезы и сказал: – Знай, что я не хочу тебя ни в наложницы, ни в невольницы, но я хочу продать тебя какому-нибудь богатому купцу, который устроит тебе счастливую жизнь, как, впрочем, и я бы устроил. И я отвезу тебя в Дамаск. И Нозхату ответила: – Да исполнится воля твоя! И тотчас же все сели на верблюдов и направились к Дамаску; и Нозхату опять сидела на верблюде позади бедуина. А так как голод давал себя чувствовать, она съела кусок лепешки, которую дал ей похититель. На этом месте своего рассказа Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила пятьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь пятьдесят шестая

И дошло до меня, о царь благословенный, что Нозхату и ее похититель скоро прибыли в Дамаск и остановились в хане Султани. А так как Нозхату была бледна от огорчения и не переставала плакать, то бедуин сказал ей с гневом: – Если ты не перестанешь плакать, то потеряешь свою красоту, и тогда тебя можно будет продать разве какому-нибудь безобразному жиду! Потом бедуин запер Нозхату в одной из комнат и поспешил на невольничий базар, где сказал работорговцам: – У меня есть невольница из Иерусалима, и у нее есть больной брат, которого я должен был оставить у моих родных. Поэтому тот из вас, кто купит ее, должен успокоить ее, сказав, что брат ее находится в Иерусалиме в доме его самого, то есть покупателя. Тогда один из купцов спросил: – Какого она возраста? И бедуин ответил: – Это очень молодая девушка, уже вышедшая из детства. Она умна, вежлива, полна совершенств и красоты. К несчастию, она похудела и несколько потеряла округлость тела. Но все это легко поправить заботливостью. Тогда купец сказал: – Если она действительно такова, как ты говоришь, я куплю ее, но деньги отдам тебе после того, как перепродам ее. Знай, что я предназначаю ее царю Омару, господину Багдада и Хорасана, сын которого, доблестный Шаркан, правит в нашем Дамаске. Я отправлюсь к нему и расскажу, в чем дело, а он даст мне письмо к царю Омару, и тот купит ее у меня за хорошую цену. Тогда я и заплачу тебе по нашему уговору. И бедуин отвечал: – Я согласен. Тогда оба они направились к месту, где была заперта Нозхату, и бедуин сказал: – Смотри, вот она там. Я позволяю тебе подойти к ней и хорошенько рассмотреть, но не пугай ее и говори с ней ласково.

Торговец вошел за перегородку и сказал девушке: – Мир тебе, о молодая девица! И Нозхату ответила голосом сладким, как сахар, и с самым превосходным произношением: – И тебе мир и благословение Аллаха! Торговец был очарован этими звуками, и он сказал себе: – Аллах! Как она привлекательна! А Нозхату подумала: – У этого старика почтенный и располагающий к себе вид. Дай Бог, чтобы я сделалась его невольницей, чтобы избавиться от этого грубого бедуина с его свирепым нравом! Поэтому я должна отвечать умно и дать заметить мою приветливость. И когда торговец спросил ее: – Как ты поживаешь, молодая девушка? Она скромно тихо ответила: – О почтенный старец, каждый человек несет свою судьбу, как говорит наш пророк Магомет, да будет над ним благословение Аллаха! Когда торговец услышал это, ум его затрепетал от радости, и он сказал себе: – Без сомнения, я получу за нее от царя Омара, что хочу! Потом он обратился к бедуину и сказал: – Эта невольница восхитительна! Сколько ты за нее хочешь? А бедуин вскричал: – Как ты смеешь говорить такое! Теперь она вообразит, что в самом деле восхитительна, и я потеряю над нею всякую власть! Ступай вон! Тогда купец понял, что бедуин – грубое животное; поэтому он попытался выйти из затруднения, сказав: – О шейх бедуинов, я покупаю ее, несмотря на все ее недостатки! Я предлагаю за нее сто золотых динариев, кроме залога и пошлин, которые беру на себя. Но бедуин закричал в бешенстве: – Иди прочь! И за двести динариев не уступлю я даже старой тряпки, которою покрыта ее голова! Я оставлю ее при себе и увезу в пустыню пасти верблюдов и молоть зерно! А так как торговец не двигался с места, бедуин закричал ему: – Я ничего не продаю! Поворачивайся и уходи, а не то услышишь от меня вещи, которые тебе не понравятся!

Тогда купец подумал: «Без всякого сомнения, этот бедуин необыкновенный глупец! Но я все же сумею заставить его выпустить добычу, потому что эта девушка стоит целого клада драгоценностей». Поэтому, удерживая бедуина за край плаща, он спокойно сказал ему: – О шейх бедуинов, не волнуйся! Я вижу, ты не привык к покупкам и продажам. Для этих дел нужно много терпения и умения. Поверь, я дам тебе все, что ты хочешь. Но прежде мне нужно взглянуть на лицо невольницы, как всегда делается в таких делах. И бедуин сказал: – Смотри на нее, сколько хочешь, и, если хочешь, раздень донага и трогай ее повсюду, как тебе угодно. Но купец, подняв руки к небу, воскликнул: – Да хранит меня Аллах обнажать ее, как невольницу! Я хочу взглянуть только на ее лицо. Но на этом месте своего рассказа Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь пятьдесят седьмая

Узнала я, о царь благословенный, что купец сказал: – Я хочу видеть только ее лицо. И он подошел к Нозхату и кротко спросил: – Как твое имя? И она ответила со вздохом: – Мое прежнее имя – Упоение временем, а новое – Гнет времени. При этих словах купец почувствовал, что слезы выступили у него на глазах. А бедуин подошел к Нозхату с поднятою плетью и сказал: – Что ты там болтаешь, показывай свое лицо, и делу конец! Тогда Нозхату горестно сказала купцу: – О почтенный старик, избавь меня от этого разбойника! Иначе нынешнею же ночью я убью себя! Тогда купец сказал бедуину: – О шейх бедуинов, эта девушка только обуза для тебя. Продай ее мне за какую хочешь цену! Но бедуин снова закричал: – Ты должен назначить цену, иначе я увезу ее в пустыню пасти верблюдов! Тогда купец сказал: – Семьдесят тысяч динариев! Но бедуин ответил: – Знай, о купец, что я истратил на одни ячменные лепешки для нее девяносто тысяч золотых динариев! Тогда остолбеневший от безумия этого животного купец сказал: – Но, послушай, все члены вашего племени и одной сотни динариев не проели на ячмене! Я скажу тебе мое последнее слово, и, если ты не согласишься, я пойду к нашему повелителю Шаркану и скажу ему о дурном обращении твоем с этой молодой невольницей, которую ты, конечно, украл, о разбойник! Сто тысяч динариев! Тогда бедуин ответил: – Уступаю! И купец повел бедуина и молодую невольницу к себе и полностью заплатил ему условленную сумму. И бедуин сел на своего верблюда и отправился в Иерусалим, говоря себе: «Если сестра принесла мне сто тысяч динариев, то и брат доставит мне, по крайней мере, столько же. А потому пойду искать его». И, приехав в Иерусалим, он стал разыскивать Даул-Макана; но так как тот уже уехал с истопником, то корыстолюбивый бедуин не нашел его. Что же касается молодой Нозхату... Но в это время Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьдесят восьмая ночь, она сказала:

Alon Carré

ночь пятьдесят восьмая

Что касается молодой Нозхату, то добрый купец привел ее в дом свой, дал ей богатое одеяние, потом пошел к золотых дел мастерам и ювелирам, и выбрал для нее драгоценные украшения, и отнес их домой, и передал ей в руки, и сказал: – Теперь я требую от тебя, чтобы ты, когда я приведу тебя к нашему правителю Шаркану, сказала ему в точности, за какую именно цену я тебя купил, чтобы и он не забыл упомянуть о ней в письме, которое я желаю получить от него к царю Омару. И я хотел бы, чтобы Шаркан дал мне пропускной лист на то, чтобы товары мои не оплачивались бы пошлинами и сборами при въезде в Багдад. При этих словах Нозхату вздохнула, и глаза ее омочились слезами. Тогда купец спросил: – О дочь моя, почему каждый раз, как я называю Багдад, слезы появляются у тебя на глазах? Разве у тебя есть там кто-нибудь, кого ты любишь, родственник или купец? Тогда Нозхату сказала: – Клянусь Аллахом! Я не знаю там никого кроме самого царя Омара. Я воспитывалась в его дворце вместе с его родной дочерью. И он был очень расположен ко мне; и всякая моя просьба была бы для него священна. И потому, если ты желаешь от него милости, принеси мне перо, чернильницу и лист бумаги, и я напишу письмо, которое ты передашь в собственные руки царя Омара, и скажешь ему: – О царь, твоя невольница Нозхату испытала превратности судьбы; и она была куплена и меняла господ и дома; и в настоящую минуту она находится в доме твоего представителя в Дамаске. И она шлет тебе поклон и пожелание мира!

Услышав эти необычайные слова, купец был на вершине удивления, и в его сердце возросло расположение к Нозхату; и преисполненный уважения к ней, он спросил: – О чудная девушка, ты наверняка была похищена из дворца. И, вероятно, ты сведуща в науках и в чтении Корана. И Нозхату сказала: – Я знаю Коран и медицинские науки; комментарии к сочинениям Гиппократа, к которым сама составила примечания; я читала философские книги и логику; я чертила все геометрические фигуры; я говорила со знанием дела об архитектуре; я долго изучала гигиену, синтаксис, грамматику и историю языка; я посещала общество ученых, и я сама автор нескольких книг о красноречии и арифметике; и я запомнила все, чему училась! И я напишу тебе это письмо хорошо рифмованными стихами, чтобы во время пути в Багдад ты мог иметь удовольствие читать его, не нуждаясь в книгах для дороги, потому что оно будет услаждать твое уединение!

Тогда бедный купец остолбенел от удивления и воскликнул: – О Аллах! Счастливо жилище, которое приютит тебя! И как счастлив будет тот, кто будет жить под одним кровом с тобою! И он почтительно принес ей чернильницу и другие принадлежности. И Нозхату взяла калам, обмакнула его в пропитанный чернилами тампон, попробовала его сперва на ногте и написала все, как говорила. И когда она закончила, то посыпала песком лист бумаги и подала его купцу,

который почтительно взял его, приложил к губам, потом ко лбу, спрятал в кусок атласной материи и воскликнул: – Слава Тому, Который создал тебя, о дивное существо! В этом месте своего рассказа Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила пятьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь пятьдесят девятая

Узнала я, о царь благословенный, что купец не знал, чем угодить своей гостье; и он выказывал ей все знаки уважения и восхищения; и подумал он, что нужно предложить ей пойти в гамам. И он позвал лучшую массировщицу и сказал ей, что она должна заботиться о молодой девице, и прибавил: – А когда она вымоется, ты позовешь меня. И пока Нозхату мылась, купец пошел на базар, и купил разного рода плоды и сорбеты, и поставил все это на место, на котором Нозхату должна была одеваться. И массировщица по окончании купанья завернула Нозхату в надушенные полотенца, и обе они принялись есть плоды и пить сорбеты. И в эту минуту пришел купец, неся ящик из сандалового дерева. И он открыл его, призывая имя Аллаха, и приступил к одеванию Нозхату, чтобы вести ее затем к Шаркану. Купец подал тонкую шелковую рубашку и вытканный золотом головной шарф, стоивший тысячу динариев. Потом надел ей платье, все вышитое золотыми нитями, а на ноги – башмаки из красного сафьяна, усеянные золотыми блестками и украшенные цветами, в которые вкраплены были жемчужины и драгоценные камни. Потом он продел ей в уши подвески из жемчуга, каждая из которых стоила по тысяче золотых динариев, а на шею надел золотое ожерелье филигранной работы и опоясал ее десятью рядами янтарных шариков и золотых полумесяцев; и в каждом янтарном шарике горел рубин, а в каждом полумесяце было девять жемчужин и десять бриллиантов. Так была одета Нозхату, и было на ней украшений более, чем на сто тысяч золотых динариев.

Тогда купец вышел с нею из гамама, и все прохожие изумлялись ее красоте и убранству и восклицали: – О Аллах! Блажен человек, кому она принадлежит! И купец прибыл во дворец, вошел к Шаркану, поцеловал землю между рук его и сказал: – Я принес тебе несравненный подарок, соединяющий в себе все качества и упоения! Тогда Шаркан сказал ему: – Поспеши показать мне его! И купец поставил Нозхату перед своим повелителем. Но Шаркан не узнал в этой красавице сестру свою, которую, впрочем, никогда и не видел по причине зависти, которую почувствовал при рождении брата своего Даул-Макана. И беспредельно было его восхищение при виде этого дивного стана и дивных форм, в особенности же, когда купец прибавил: – Кроме красоты, дарованной ей природой, она сведуща во всех гражданских, политических и математических науках. И она может ответить на все вопросы величайших ученых Дамаска и всего государства. Ни минуты не колеблясь, Шаркан сказал купцу: – Скажи казначею, чтобы он уплатил тебе ее стоимость! Тогда купец сказал: – О доблестный царевич, девушку эту я предназначал

твоему отцу, но твое желание господствует у меня в уме и сердце! Взамен же я прошу тебя освободить от пошлин и налогов мои товары. И Шаркан сказал: – Дарую тебе это. Но скажи мне, во что обошлась тебе эта молодая девица? И купец ответил: – В сто тысяч золотых динариев. Шаркан тотчас же призвал казначея и сказал ему: – Уплати немедленно этому почтенному купцу двести тысяч золотых динариев и сверх того еще сто двадцать тысяч. И кроме, того пусть отныне знают, что с него не должно требовать никакого налога. Затем Шаркан призвал четырех дамасских кади и сказал им... Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила шестидесятая ночь, она сказала:

ночь шестидесятая

Призвав кади, Шаркан сказал им: – От сей минуты я дарую свободу этой молодой невольнице и делаю ее своею супругой. И кади написали свидетельство об освобождении Нозхату, а потом и ее брачный договор, скрепив его печатью. А Шаркан велел раздать большое количество золота всем присутствующим, чтобы заявить о своей радости. Затем Шаркан отпустил всех присутствовавших кроме кади и купца. И он сказал им: – Хочу, чтобы вы выслушали слова, которые скажет нам эта молодая девица для доказательства своего красноречия. И Шаркан велел поставить молодую девицу за занавес, чтобы она могла свободно говорить, не стесняясь перед чужими людьми. И как только занавес опустился, служанки окружили свою новую госпожу и помогли ей освободиться от некоторых одежд; и они восхищались ею и удивлялись ее совершенствам, и в радости своей целовали ей руки и ноги. И они восхищались ее вежливостью и красотою, ее обращением и умом, и говорили друг другу: – Нам сказали, что это освобожденная невольница, но, поистине, она может быть только царицей и дочерью царя. И тогда Шаркан позвал ее с той стороны занавеса и сказал: – О прелестная девушка, посвященная во все науки и украшение нашего века, мы готовы выслушать от тебя несколько дивных слов! Тогда молодая Нозхату голосом сладким, как сахар, ответила из-за занавеса: – Твое желание – приказ, и, чтобы удовлетворить его, я скажу, о господин мой, слова о трех вратах жизни.

СЛОВА О ТРЕХ ВРАТАХ ЖИЗНИ

И Нозхату, стоя за занавесом, сказала: – Прежде всего, о доблестный Шаркан, скажу о первых вратах: об искусстве поведения. Знай же, что жизнь имеет цель, и что цель жизни заключается в развитии усердия. Главное же и прекраснейшее усердие – рвение к вере.

Но никто не достигает его иначе, как путем горячей и страстно-деятельной жизни. И такою жизнью можно прожить

во всех четырех великих путях человечества: в управлении государством, в торговле, в земледелии и в ремеслах. Что касается управления государством, необходимо, чтобы те немногие, которые призваны управлять миром, были одарены великим политическим знанием, совершенною тонкостью ума и совершенным искусством управления. И ни в каком случае не должны они руководиться своим нравом, а только великим замыслом, цель которого – всевышний Аллах. И наш пророк Магомет (да будут над ним мир и благословение!) сказал: «Две силы управляют миром, и, если они прямы и чисты, мир идет по прямому пути; если же они испорчены и дурны – мир впадает в испорченность; это – власть и наука». И мудрый сказал: «Царь должен быть стражем веры, всего священного, а также прав своих подданных. Но прежде всего он должен заботиться о поддержании согласия между теми, кто владеет пером, и теми, кто владеет мечом: потому что тот, кто не уважает владеющего пером, падет и встанет горбатым». И великий Кезра, царь персидский, написал однажды своему сыну, которому он поручил главное из своих войск: «О сын мой»...

Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно приостановила свой рассказ. Но когда наступила шестьдесят первая ночь, она сказала:

Великий Кезра написал однажды своему сыну: «О сын мой, не поддавайся жалости, она нанесла бы ущерб твоей власти, но не поступай и слишком жестоко, потому что жестокость породила бы среди твоих солдат возмущение!»

Известно нам также следующее: Один араб пришел к халифу Абу-Джаффару-Абдаллах-аль-Мансуру и сказал ему: – Мори голодом свою собаку, если хочешь, чтоб она тебя слушалась. И калиф рассердился на араба. И араб сказал ему: – Но смотри также, чтобы прохожий не дал куска хлеба твоей собаке, потому что тогда она убежала бы от тебя и пошла бы за прохожим! Тогда аль-Мансур понял и воспользовался советом, и отпустил он араба с подарком.

Рассказывают также, что халиф Абд-Эль-Малек-бен-Меруан написал однажды так брату своему: «Ты можешь обходиться без своих советников и писцов, потому что они будут сообщать тебе только то, что тебе самому известно; но никогда не пренебрегай своим врагом: только от него узнаешь ты истинную силу твоих войск».

Говорят, что достойный удивления калиф Омар-ибн-аль-Хаттаб любил повторять следующие слова: «Нет богатства, которое стоило бы больше, чем ум, нет лучшего пробного камня, чем развитие ума, и нет славы большей, чем та, которая дается изучением и знанием». И тот же Омар сказал: «Есть три разряда женщин: добрая мусульманка, которая озабочена только мужем и смотрит только на него; мусульманка, которая в браке видит только возможность иметь детей; и блудница, служащая ожерельем на шее всех. Так и мужчин три разряда: мудрый,

который размышляет и поступает обдуманно; еще более мудрый, который размышляет и спрашивает совета у просвещенных людей; и, наконец, безумный, у которого нет никакого суждения и который никогда не спрашивает совета у мудрых». И в то время, как Нозхату хотела развивать эту мысль, она услышала, что по другую сторону занавеса кади восклицали: – О Аллах! Никогда не слышали мы таких прекрасных слов, как те, которые сказала эта молодая девица; но мы хотели бы теперь услышать что-нибудь о двух других вратах!

Тогда Нозхату искусно перешла к другому и сказала: – Я буду говорить об усердии на трех других путях человеческой жизни, а теперь время сказать о вторых вратах. Это врата хорошего обхождения и развития ума. Они самые широкие из всех, потому что это врата совершенств. В них входят только те, над главою которых покоится прирожденное благословение. Я приведу вам только некоторые их черты... Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно приостановила свой рассказ. Но когда наступила шестьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь шестьдесят вторая

Я приведу вам только некоторые их черты. Однажды халифу Моавиаху доложили о забавном колченогом Аба-Бар-бен-Каиса, который ждал у дверей. И халиф сказал: – Скажите ему, чтобы он вошел. И колченогий вошел, и халиф сказал ему: – О Аба-Бар, что ты думаешь обо мне! И колченогий ответил: – Но мое ремесло состоит в том, что я брею головы, подстригаю усы, ухаживаю за ногтями, выдергиваю волоски, чищу зубы и иногда пускаю кровь из десен. Тогда халиф сказал ему: – А что ты думаешь о себе самом? И колченогий Аба-Бар сказал: – Я ставлю одну ногу перед другой и медленно передвигаю ее, следя за нею глазом. Халиф спросил еще: – А что ты думаешь о своих начальниках? Тот ответил: – Я им кланяюсь, не делая других движений, и жду ответа на мой поклон. Тогда халиф спросил: – А что ты думаешь о своей жене? И Аба-Бар ответил: – Моя супруга, как и все женщины, была сотворена из последнего ребра, которое было плохим и искривленным. – А что ты делаешь, когда хочешь с нею спать? Он ответил: – Я говорю с ней ласково, чтобы расположить ее к себе, потом горячо целую ее, а когда она придет в то состояние, которое ты понимаешь, о эмир правоверных, я ложусь и делаю свое дело. После этого я бегу совершать омовение и славлю Аллаха за его благодеяния! Тогда халиф воскликнул: – Ты прекрасно ответил, и потому я хотел бы, чтобы ты попросил у меня чего-нибудь. А колченогий Аба-Бар сказал: – Я попрошу только о том, чтобы правосудие было одинаково для всех! А халиф Моавиах сказал: – Если бы во всей Иранской стране был только один такой мудрец, этого было бы достаточно.

Вот и в царствование халифа Омара-ибн-аль-Хаттаба казначеем был старый Моаикаб... Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно приостановила свой рассказ. А когда наступила шестьдесят третья ночь, она сказала:

ночь шестьдесят третья

В царствование халифа Омара-ибн-аль-Хаттаба казначеем был старый Моаикаб. И младший сын Омара пришел однажды к нему, и Моаикаб дал ребенку серебряную драхму. Но некоторое время спустя халиф призвал Моаикаба к себе и сказал ему: – О расточитель! Что ты сделал! Эта серебряная драхма есть кража у всего мусульманского народа! И Моаикаб признал, что то была ошибка, и во всю остальную жизнь свою не переставал говорить: – Где найдется на земле столь великий человек, как Омар?

Рассказывают также, что халиф Омар вышел однажды погулять ночью в сопровождении почтенного Аслам-Абу-Зеида. И увидел он вдали пылающее пламя, и подошел, и увидел бедную женщину, разжигавшую костер под котелком; и около нее было двое тщедушных детей, которые жалобно стонали. И Омар сказал: – О женщина! Что же делаешь ты здесь в холодную ночь? Она же ответила: – Я согреваю воду, чтобы дать напиться моим умирающим от голода и холода детям; но наступит день, когда Аллах спросит у халифа Омара за то, что мы находимся в такой нищете. Тогда переодетый халиф спросил: – Но разве ты думаешь, что Омар знает о твоей нужде? И она ответила: – Зачем же ему быть халифом, если он не знает о нужде каждого из своих подданных? Тогда халиф сказал Асламу-Абу-Зеиду: – Пойдем скорей отсюда! И он быстро дошел до своих амбаров и вытащил мешок с мукой и кувшин, наполненный бараньим жиром, и сказал: – Помоги мне взвалить это на спину, о Абу-Зеид! Но тут Абу-Зеид воспротивился: – Позволь мне нести все это, о эмир правоверных! Но халиф сказал: – Разве тебе придется нести тяжесть моих грехов в день воскрешения мертвых? И заставил он взвалить на свои плечи и мешок, и кувшин с бараньим жиром. И подойдя к бедной женщине, он положил жир и муку в котелок над костром, и сам наклонялся над огнем, чтобы раздувать его. Когда же пища была готова, Омар предложил ее женщине и маленьким детям, и они наелись досыта. И Омар оставил им мешок с мукой и кувшин с жиром и ушел, говоря Абу-Зеиду: – О Абу-Зеид, свет этого огня просветил меня!

В этом месте своего рассказа Шахразада увидела, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила шестьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь шестьдесят четвертая

И узнала я, о царь благословенный, что молодая Нозхату продолжала так: – Однажды родственник Омара, Гафза, пришел к нему и сказал: – О эмир правоверных, последний поход твой доставил тебе много денег. Потому я по праву родства пришел попросить их у тебя немножко. Но Омар ответил ему: – О Гафза, Аллах поставил меня стражем достояния мусульман. Я не прикоснусь к нему ради моего родства с твоим отцом, и так не будут нарушены интересы всей совокупности моего народа!

Тут Нозхату на минуту умолкла, а потом сказала: – Теперь я буду говорить о третьих вратах; это врата добродетели. Я буду приводить примеры из жизни сподвижников Пророка и праведных людей из мусульман. Нам передают, что Гассан-аль-Басри сказал: «Нет ни одного человека, который перед смертью не пожалел бы о трех вещах: о том, что ему не удалось воспользоваться всем, что он скопил в течение своей жизни, о том, что ему не удалось достичь того, на что он постоянно надеялся, и о том, что не мог осуществить долгое время обдумываемый замысел».

Когда Абдаллах-бен-Шеддад почувствовал приближение смерти, он призвал сына своего и сказал: – Вот мои последние советы: храни благочестие по отношению к Аллаху у себя дома и в обществе людей; будь всегда правдив в своих речах; всегда прославляй Аллаха за его дары, потому что благодарение ведет за собою новые благодеяния. И знай, сын мой, что счастье не в накопленном богатстве, а в благочестии; Аллах же даст тебе все.

Рассказывают также, что, когда благочестивый Омар-бен-Азиз сделался халифом, он собрал всех членов своей семьи, которые были очень богаты, и заставил их отдать ему все свои богатства, которые он немедленно возвратил в казну. Тогда все они пошли к Фатиме, тетке халифа, которую Омар очень уважал, и просили ее вывести их из затруднения. И Фатима пошла к халифу, молча села на ковер и после того, как халиф спросил ее о причине визита, сказала: – О эмир правоверных, тебе известно, по какой причине я пришла сюда. Тогда Омар-бен-Азиз сказал: – Аллах послал своего пророка Магомета для того, чтобы он был бальзамом для людей и утешением для будущих поколений. Тогда Магомет взял все, что счел нужным, но оставил людям поток для утешения жажды до конца веков. На мне же, халифе, лежит долг не давать этому потоку ни уклоняться от его пути, ни затеряться в пустыне.

Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила шестьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь шестьдесят пятая

И узнала я, о царь благословенный, что молодая Нозхату так продолжала свой рассказ: – Тогда Фатима, услыхав такой ответ халифа, пошла к его родственникам и сказала им: – Вы не ведаете, как богаты вы тем, что имеете халифом Омара-ибн-Азиса!

И тот же халиф Омар-ибн-Азис, умирая, собрал вокруг себя всех детей своих и сказал им: – Благоухание бедности приятно Господу! Тогда один из присутствовавших, Мосслим-ибн-Малек, сказал: – О эмир правоверных, как можешь ты оставлять детей своих в бедности, когда ты мог бы сделать их богатыми, черпая из казны? Тогда умирающий халиф сильно вознегодовал и сказал: – О Мосслим, мне пришлось присутствовать на погребении одного из моих предшественников, и глаза мои видели нечто и поняли. И тогда я поклялся себе не

поступать так, как он поступал при своей жизни, если когда-нибудь мне придется быть халифом.

И узнала я, что в царствование Омара-ибн-Азиса один человек отправился повидаться с другом своим, пастухом, и увидел он среди стада двух собак дикого вида и спросил: – На что тебе эти ужасные собаки? А пастух ответил: – Это не собаки, а ручные волки. Они не приносят вреда стаду, потому что я голова и управляю ими. А когда голова здорова, то здорово и тело.

А однажды халиф Омар-ибн-Азис проповедовал с кафедры, построенной из высохшей грязи. И один из присутствовавших сказал ему: – О эмир правоверных, эта кафедра недостойна халифа, ибо она не окружена даже цепью. Позволь нам соорудить ее. На что халиф ответил: – О неужели вам бы хотелось, чтобы в день суда Омар явился с обрывком этой цепи на шее?

Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила шестьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь шестьдесят шестая

И узнала я, что после этого молодая Нозхату продолжала: – О эмир правоверных, слышала я, что жил царь из предшественников твоих, и он сказал однажды сидевшим вокруг него: – О скажите, есть ли между вами кто-нибудь, знавший царя, равного мне по благополучию и по щедрости? Среди же присутствовавших находился человек, освященный паломничеством и одаренный истинною мудростью, и сказал он: – О царь, слава твоя и благополучие вечны или преходящи, как и все прочее? И царь ответил: – Преходящи. Человек же ему: – Как же можешь ты ставить такой важный вопрос о предмете, столь преходящем и за который ты когда-нибудь должен будешь держать ответ? Царь отвечал: – Ты сказал истину, о достойнейший! Что же должен я теперь делать? Человек же сказал: – Ты должен очистить себя. Тогда царь снял с себя корону, и надел платье пилигрима и пошел в священный город.

В эту минуту из-за занавеса раздались восклицания кади и купца: – Йя Аллах! Как это восхитительно! Тогда Нозхату прервала свой рассказ и сказала: – Эти ворота добродетели заключают в себе так много еще более высоких примеров, что мне невозможно было бы рассказать обо всех в один день! В этом месте своего рассказа Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно отложила его до следующего раза. А когда наступила шестьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь шестьдесят седьмая

И дошло до меня, о царь благословенный, что Нозхату с этими словами умолкла. Тогда кади воскликнули: – О царь нашего времени, эта молодая девушка – чудо всех веков! Мы не видели никого, кто бы мог сравниться с нею. И, сказав так, они встали, поцеловали землю между рук Шаркана и вышли своей дорогой. Тогда Шаркан позвал своих слуг и сказал им: – Вы должны поспешить с приготовлениями к свадьбе. И служители немедленно приготовили все, что было им приказано. И с наступлением вечера начался пир, столы были накрыты, и подано было все, что может удовлетворить чувства и радовать глаз. И все приглашенные ели и пили досыта. Тогда Шаркан велел позвать всех знаменитых певиц Дамаска, и дворец наполнился звуками, и радость наполнила все сердца. С наступлением же ночи весь дворец засиял огнями, а эмиры и визири приветствовали Шаркана и желали ему всех благ.

И в то время придворные женщины повели Нозхату в спальню, и раздели ее, и хотели приступить к омовениям, но увидели, что это излишне для ее благоухающего тела. Тогда женщины дали Нозхату советы, которые обыкновенно даются молодым девицам в брачную ночь, пожелали ей всяких радостей и, надев на нее только тонкую рубашку, оставили ее одну на постели. А Шаркан далек был от мысли, что эта чудная девушка – его сестра. Поэтому в эту ночь он сочетался с молодой Нозхату, и радости обоих были велики; и с той же ночи Нозхату понесла, не преминув сказать об этом Шаркану.

И Шаркан был чрезвычайно обрадован, и наутро он приказал врачам записать этот счастливый день; и позвал он своего секретаря и продиктовал ему письмо отцу своему, царю Омару, в котором сообщал, что женился на молодой девице, купленной им у одного торговца, одаренной красотою, мудростью и всеми совершенствами знания и воспитания; что он дал ей свободу, чтобы сделать ее своею законною супругою, и что он имеет намерение послать ее в Багдад для посещения отца своего, сестры своей Нозхату и брата своего Даул-Макана. По написании письма, Шаркан запечатал его и отдал гонцу, который немедленно отправился в Багдад и по прошествии двадцати дней возвратился с ответом от царя Омара. И в этом ответе было написано так... Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила шестьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь шестьдесят восьмая

Говорили мне, что царь писал так: «Письмо это пишет огорченный, подавленный горестью и печалью царь Омар возлюбленному сыну своему Шаркану. Знай, что после отъезда твоего в Дамаск, стены дома так давили мою душу, что, изнемогая от печали, я поехал на охоту дабы рассеять мое огорчение. И оставался я на охоте в течение месяца, в конце которого узнал, что брат твой Даул-Макан и сестра твоя Нозхату

уехали с пилигримами. Они воспользовались моим отсутствием, и брат твой убежал с сестрою своею, взяв с собою так мало, что едва могло хватить на дорожные расходы. И теперь у меня нет известий о детях моих; пилигримы вернулись без них, и никто не может сказать мне, что с ними сталось. И я облекся по ним в траур и утопаю в печали. Шлю пожелания мира тебе и всем, кто с тобою!»

Несколько месяцев спустя Шаркан решился рассказать своей супруге о несчастии, постигшем его отца; раньше же он не хотел тревожить ее, потому что она была беременна. Теперь же, когда она родила, Шаркан вошел к ней и взял дочку на руки. И в то время, как он смотрел на нее, он увидел у нее на шее, на золотой цепочке, один из драгоценных камней Абризы. Увидев его, Шаркан так заволновался, что закричал: – Откуда у тебя этот камень, о невольница? При слове «невольница» Нозхату, задыхаясь от гнева, вскричала: – Как смеешь ты звать меня невольницей, когда я твоя царица?! Тайна не может долее сохраняться! Я Нозхату-Заман, дочь царя Омара-аль-Немана! И когда Шаркан услышал эти слова...

Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Когда же наступила шестьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь шестьдесят девятая

И узнала я, что, когда Шаркан услышал такие слова, он остолбенел от ужаса; потом он стал бледнеть и упал без чувств. Когда же он пришел в себя, то спросил Нозхату: – Действительно ли ты дочь царя Омара? Драгоценный камень на шее девочки доказывает, что это правда; но дай мне еще и другие доказательства. Тогда Нозхату рассказала ему свою историю, и Шаркан сказал себе: «Как мог я жениться на собственной сестре! Чтобы поправить дело, я выдам ее замуж за одного из моих приближенных». И Шаркан сказал: – О Нозхату, знай, что ты моя сестра, потому что я Шаркан, сын царя Омара, но ты никогда не слышала обо мне во дворце нашего отца! Да простит нас Аллах!

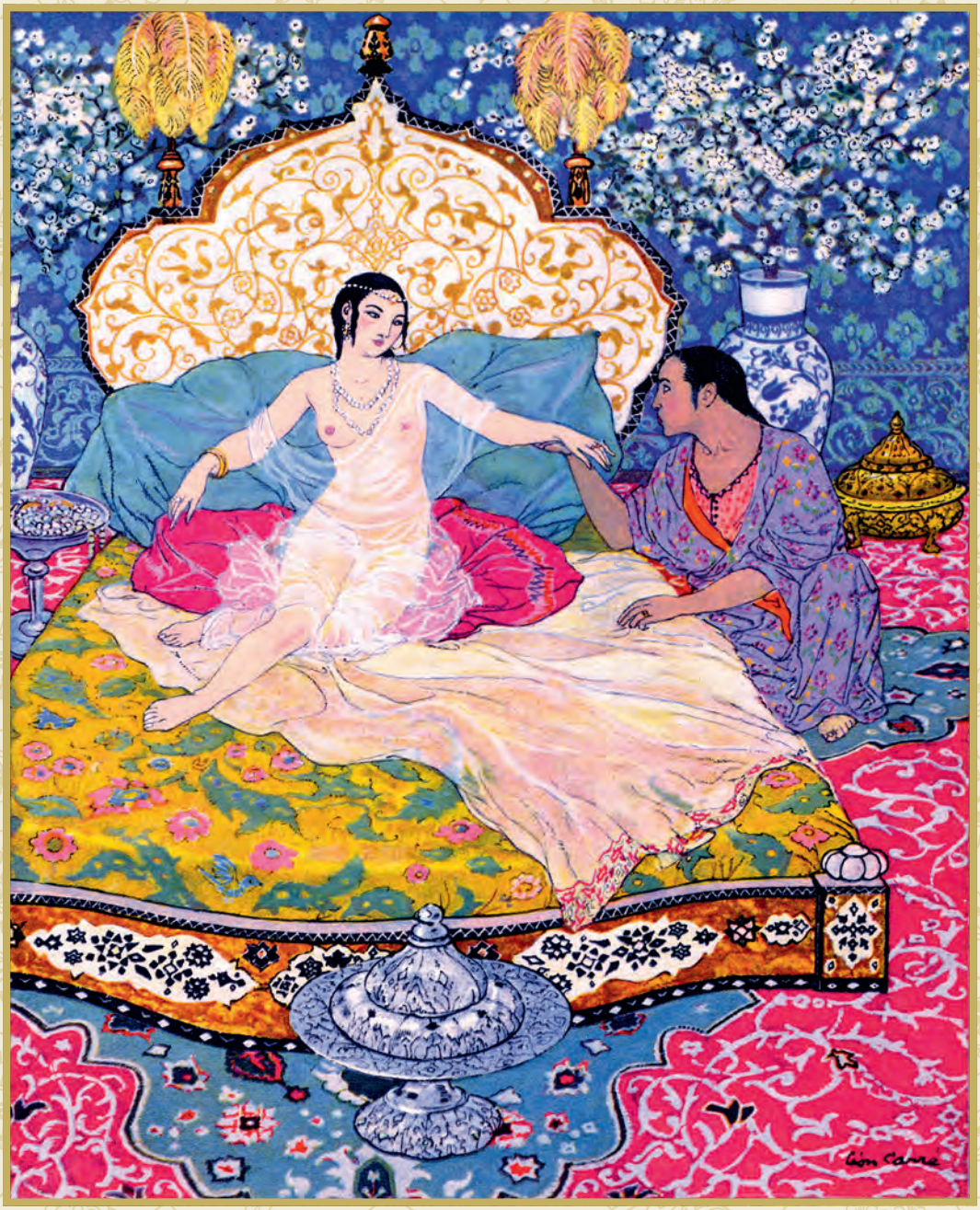
Когда Нозхату услышала эти слова, она испустила громкий крик и начала бить себя по лицу, говоря: – Мы совершили страшную ошибку! Что отвечу я отцу и матери, когда они спросят: – Откуда у тебя эта девочка? И Шаркан сказал: – Лучше выдать тебя замуж за моего придворного; ты сможешь воспитывать нашу девочку в его доме, как будто это его собственная дочь, и никто ничего не узнает. Это лучший способ поправить дело. И тогда Нозхату сказала ему: – Я согласна, но ты должен выбрать имя для нашей дочери. И Шаркан ответил: – Я назову ее Кудая-Фаркан. И Шаркан призвал своего старшего придворного, выдал за него замуж Нозхату и щедро одарил его. И старший придворный увел Нозхату и ее дочь к себе в дом и окружил ее почетом и щедростью, а девочку поручил кормилицам и служанкам. А Даул-Макан и истопник гамама собирались между тем ехать в Багдад с дамасским караваном.

Тем временем прибыл другой гонец от царя Омара со вторым письмом

Шаркану. И вот что было в этом письме: «О возлюбленный сын мой, ты должен по получении этого письма прислать ко мне с караваном молодую супругу твою, которую я очень желаю увидеть, в особенности желая испытать ее знания и развитие ее ума. Потому что во дворец мой только что прибыла почтенная старая женщина с пятью отроковицами. И они знают все, что может узнать человек в науках. Язык бессилен описать все качества этих отроковиц и мудрость старухи, потому что они обладают всеми совершенствами. Поэтому я пожелал оставить их у себя во дворце, и я спросил у старухи их цену, и она ответила: – Я могу продать их за сумму, составляющую ежегодную дань с Дамаска. И я согласился на эту цену и оставил их во дворце, в ожидании скорой присылки ежегодной дани, которую жду от твоей заботливости, о дитя мое! И не забудь прислать ко мне и молодую супругу твою, знания которой будут нам полезны, чтобы судить об учености пяти отроковиц. Обещаю, что если твоя супруга победит их своею ученостью и развитием ума, то я пришлю тебе этих отроковиц в дар и сверх того подарю тебе ежегодную дань с Багдада». И когда Шаркан прочитал это письмо отца своего... В этом месте своего рассказа Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила семидесятая ночь, она сказала:

ночь семидесятая

Дошло до меня, что Шаркан, прочитав это письмо, призвал к себе зятя своего и сказал ему: – Пошли сейчас же за невольницею, которую я выдал за тебя замуж. И Нозхату пришла, прочитала письмо и сказала: – Горячее желание мое – увидеть родных моих, и я прошу тебя отпустить меня вместе с супругом, чтобы я могла рассказать нашему отцу, что случилось со мною и бедуином, и как он продал меня купцу, и как купец продал меня тебе, и как ты выдал меня замуж за старшего придворного, разведясь со мною ранее, чем провел первую ночь. И Шаркан позвал старшего придворного и сказал ему: – Ты отправишься в Багдад во главе каравана, отвозящего отцу моему дань города Дамаска, и возьмешь с собою супругу твою. И старший придворный отвечал: – Слушаю и повинуюсь. Тогда Шаркан велел приготовить для путешествия великолепные носилки и прекрасного верблюда, а другие носилки для Нозхату, и дал старшему придворному письмо к царю Омару, и простился с ними, оставив у себя девочку по имени Кудая-Фаркан, на шее у которой висел на золотой цепочке один из драгоценных камней несчастной Абризы. Он поручил девочку дворцовым кормилицам, и, когда Нозхату убедилась, что ее дочка ни в чем не нуждается, она уселась на верхового верблюда и заняла место с супругом своим во главе каравана. В эту ночь истопник и Даул-Макан, гулявшие по Дамаску, увидели верблюдов, мулов и людей с факелами. И Даул-Макан спросил у одного из слуг: – Кому принадлежат все эти вьюки? А человек отвечал: – Это дань Дамаска царю Омару. И когда Даул-Макан спросил, кто начальник каравана, ему ответили: – Старший


Léon Carré

придворный, муж молодой невольницы, которая сведуща в науках. Тогда Даул-Макан заплакал, вспомнил о сестре своей Нозхату и родном крае; и он сказал истопнику: – Поедем за этим караваном! И истопник согласился и приготовил все нужное, приладив вьючное седло к ослу и мешок с припасами, и помог Даул-Макану сесть на осла. Тогда Даул-Макан сказал ему: – Садись позади меня. Но истопник не согласился, говоря: – Если случится, что я очень устану, я сяду на один час позади тебя, чтобы отдохнуть. Тогда Даул-Макан сказал: – О брат мой, я ничего не могу сказать теперь; но по приезде я сумею вознаградить тебя за твою верную службу и преданность.

Между тем караван, пользуясь ночной прохладой, двинулся в путь; истопник пешком, а Даул-Макан на осле последовали за ним, а старший придворный и супруга его Нозхату, окруженные многочисленною свитою, ехали впереди на породистых верблюдах. И шел караван всю ночь до восхода солнца. А когда стало слишком жарко, сделали привал под тенью кучки пальм. А после снова пустились в путь и шли, пока не дошли на близкое расстояние от Багдада, и это узнали по свежему ветерку, который мог дуть только из Багдада. Но тут Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила семьдесят первая ночь, она сказала:

ночь семьдесят первая

И узнала я, что когда на Даул-Макана повеяло ветром родного края, сердце его наполнилось воспоминанием о сестре его, и стал он думать о горести родителей, когда они увидят его возвращающегося без нее; и заплакал он, и проговорил такие строчки:

О ты, предмет любви моей! Ужель
Приблизиться к тебе не суждено мне?
Предмет любви!.. Ужель молчанье это
Восторжествует над моей мольбой?

Тогда истопник сказал ему: – Довольно слез. К тому же мы сидим у палатки старшего придворного и его супруги. Но он отвечал: – Не мешай мне проливать слезы и петь стихи, которые хоть немного гасят пламя моего сердца! И, не слушая истопника, он повернулся лицом к Багдаду и продолжил. А в эту минуту Нозхату в своей палатке не могла заснуть, предаваясь печальным мыслям, и она услышала голос, певший такие стихи:

Блаженства луч сверкнул и вновь
померк.
Но вслед за тем сгустился сумрак ночи
Еще черней. Так для меня утратил
Свой нежный вкус тот кубок дорогой,
В котором с другом пил я наслажденье.

И Нозхату, услышав это пение, позвала евнуха, спавшего у входа в ее палатку, и сказала ему: – Беги скорее за человеком, который спел эти стихи и приведи его ко мне! Тогда евнух сказал: – Но я спал и ничего не слышал! Она же сказала ему: – Так нужно! Тот, кого найдешь ты не спящим, и будет певец, которого голос я только что слушала. И евнух пошел

искать певца. Но тут Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла.

А когда наступила семьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь семьдесят вторая

Узнала я, что евнух пошел искать человека, который пел. Но напрасно смотрел он во все стороны, – не спящим он нашел только истопника гамама, так как Даул-Макан лишился чувств от своей тоски. А истопник при виде евнуха, казавшегося при свете луны рассерженным, испугался, думая, что Даул-Макан своим пением разбудил супругу старшего придворного, и прикинулся спящим. Но евнух уже заметил его и спросил: – Это ты пел стихи, которые слышала моя госпожа? Но истопник воскликнул: – О нет, это не я! Евнух спросил: – Так кто же тогда? Укажи его мне, ведь ты слышал и видел его, так как не спал. А истопник, испугавшись за Даул-Макана, ответил: – Я скажу тебе всю правду! Пел кочевник, только что проехавший здесь на верблюде. И он-то и разбудил меня своим проклятым голосом! Евнух не поверил, но вернувшись к своей госпоже, сказал: – Это кочевник, который уже уехал на своем верблюде!

Тем временем Даул-Макан очнулся, и в душе его возникли далекие видения; и в сердце его зазвучали голоса невидимых флейт, и овладело им непреодолимое желание вылить в песне все то, что наполняло его душу. И сказал он истопнику: – Я хочу пропеть дивные стихи, которые успокоят мое сердце! Истопник же сказал: – Разве ты не знаешь, что случилось? Только вежливым обращением с евнухом удалось мне избавить нас от погибели. А Даул-Макан спросил: – О чем ты говоришь? Истопник ответил: – Сюда приходил евнух с перекошенным злобою лицом, и он осматривал всех спавших людей; и он спросил меня, не мой ли голос был слышен. Но я ответил: – Это пел кочевник, проезжавший на верблюде! Но он не вполне поверил, и, уходя, сказал: – Если ты услышишь этот голос, схвати того человека и выдай его мне, чтобы я мог привести его к госпоже моей! Тогда Даул-Макан воскликнул: – Кто же может запретить мне петь стихи, которые мне нравятся? Я непременно должен петь! И пусть будет, что будет! Истопник же сказал: – Разве ты забыл, что вот уже полтора года, как ты со мною, и ни в чем ты не мог упрекнуть меня? Зачем хочешь ты теперь заставить меня уйти? Молю тебя, не нарушай покоя своими стихами, которые, я это признаю, полны красоты! Но Даул-Макан не в силах был удержаться и запел во весь голос:

Мы знали дни веселия и смеха,
Мы знали ночи сладостных улыбок!
Ах, где вы, где вы, радостные дни,
Когда с прелестной Нозхату-Заман
Там расцветал Даул-Макан
прекрасный?..

И, пропев эти слова, он упал без чувств, а истопник прикрыл его своим плащом. А Нозхату, услышав стихи, в которых приводилось ее имя и имя

брата, сперва задохнулась от рыданий, а потом закричала евнуху: – Человек, который пел в первый раз, только что пропел и во второй раз! Клянусь Аллахом, если ты не приведешь его ко мне немедленно, я велю дать тебе палок! Возьми же сто динариев, дай их человеку, который пел, и попроси его прийти сюда; а если он откажется, дай ему этот кошелек, в котором тысяча динариев, и не медли! Но тут Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила семьдесят третья ночь, она сказала:

ночь семьдесят третья

И дошло до меня, что евнух опять пошел искать человека, который пел; и принялся он ходить между рядами людей, разыскивая не спящих. И подошел к истопнику, сидевшему без плаща и, схватив его за руку, закричал: – Это ты пел! Но остолбеневший от ужаса истопник воскликнул: – Нет, клянусь Аллахом! Это не я! Но евнух сказал: – Хорошо, если так, то иди и скажи это сам моей госпоже, которая не верит мне! Тогда истопник сказал: – О превосходный служитель, поверь мне и вернись спокойно в палатку; и если опять послышится голос, один буду виновен! И чтобы успокоить и удалить евнуха, он наговорил ему много лестных слов. Тогда евнух оставил его в покое; но вместо того, чтобы вернуться к своей госпоже, он спрятался неподалеку от истопника и стал следить за ним. Между тем Даул-Макан очнулся, и истопник сказал ему: – Встань, я расскажу тебе, что приключилось с нами из-за твоих стихов! И он рассказал ему, в чем дело. Но Даул-Макан ответил: – О я ничего не хочу знать, и у меня нет причины сдерживать мои чувства, когда мы так близко от родины! Тогда перепуганный истопник сказал ему: – Именем Аллаха заклинаю тебя не петь стихов до тех пор, пока не будешь у себя дома! Пойми, что супруга старшего придворного хочет наказать тебя, потому что ты не давал ей спать, а она устала от дороги и нездорова! Но Даул-Макан, не обращая внимания на слова истопника, в третий раз возвысил голос и от всей души запел. И тут перед ним внезапно появился евнух. Увидя это, бедный истопник так поражен был страхом, что убежал бегом и издали стал смотреть, что случится. А евнух почтительно приблизился к Даул-Макану и сказал ему: – Мир тебе! Но тут Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила семьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь семьдесят четвертая

И дошло до меня, о царь благословленный, что евнух сказал: – О господин мой, вот уже в третий раз посылает меня госпожа моя за тобою, потому что хочет видеть тебя. Но Даул-Макан отвечал: – Что это за собака, имеющая дерзость присылать за мною? И Даул-Макан принялся ругать евнуха. А тот ничего не отвечал, так как госпожа приказала ему обращаться с певцом кротко и привести его добровольно. Поэтому евнух сказал ему: – Я пришел только для того, чтобы умолять тебя направить твои великодушные стопы в нашу сторону для разговора с моей госпожой, пламенно желающей тебя видеть. К тому же она сумеет вознаградить твое внимание к ней. Тогда Даул-Макан согласился встать и идти за евнухом в палатку, между тем как бедный истопник, продолжая дрожать от страха, следовал за ним издали, думая про себя: – Какое несчастие постигает его молодость! Наверное, завтра с восходом солнца его повесят!

А Даул-Макан и евнух пробирались между спавшими людьми и животными и, наконец, подошли к палатке Нозхату. И евнух вошел один, чтобы предупредить свою госпожу, говоря ей: – Я привел к тебе того человека. Он молод и красив, и держит он себя, как знатный человек. При этих словах Нозхату почувствовала, как ускорилось биение ее сердца, и она сказала евнуху: – Попроси, чтобы он еще раз пропел свои стихи, а потом узнай, как его имя и откуда он родом. Тогда евнух вышел и сказал Даул-Макану: – Госпожа моя просит, чтобы ты спел свои стихи, а она послушает тебя в палатке. И она хочет также знать твое имя и откуда ты родом. А он ответил: – Что касается моего имени, то оно давно стерто, а сердце мое сгорело, и тело мое разрушено. И я стал, как пьяница, злоупотреблявший вином! И я стал, как лунатик! И я стал, как безумный! Когда Нозхату услышала эти слова, она принялись рыдать и сказала евнуху: – Спроси его, не потерял ли он дорогое существо: мать, отца или брата? И евнух вышел и спросил, а тот отвечал: – Увы, я потерял все это и сверх того потерял сестру, о которой не имею никаких вестей, потому что судьба разлучила нас! А Нозхату при этих словах, переданных ей евнухом, сказала: – Да пошлет Аллах утешение этому молодому человеку и да соединит он его со всеми, кого он любит! Но тут Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила семьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь семьдесят пятая

И узнала я, о царь благословенный, что Нозхату сказала евнуху: – Пойди попроси его спеть нам стихи о горечи разлуки. И евнух передал просьбу своей госпожи. Тогда Даул-Макан, сидя недалеко от палатки, пропел следующие строки:

В стихах изящных с рифмой
сладкогласной
Довольно пел я про тоску разлуки,

Про торжество жестокое ее,
Про отдаленье, что меня терзало.
Теперь хочу я лишь про радость петь,
Лишь обо всем цветущем и прекрасном,
В моих стихах чеканенных искусно,
Украшенных отделкой золотой.

Тогда Нозхату не могла более сдержать себя и лихорадочным движением руки приподняла дверную занавеску палатки, и увидела певца при свете луны. И бросилась она из палатки с протянутыми руками, восклицая: – О брат мой! О Даул-Макан! И тот взглянул на молодую женщину и также узнал в ней сестру свою Нозхату. И бросились они в объятия друг к другу, а потом оба лишились чувств. Когда евнух увидел это, он совершенно опешил; однако поспешил взять в палатке большое одеяло и покрыл их, чтобы скрыть от случайных глаз. И скоро Нозхату очнулась, а за нею и Даул-Макан. И он прижал сестру к груди своей, и слезы радости залили его глаза. Потом Нозхату пригласила брата взойти с нею в палатку и сказала: – О брат мой, расскажи мне теперь все, что случилось с тобою! Но Даул-Макан сказал ей: – Нет, прежде рассказывай о себе ты! Тогда Нозхату передала брату обо всем, случившемся с нею, не пропуская никакой подробности. Потом она прибавила: – Что касается мужа моего, то я сейчас познакомлю тебя с ним, и он хорошо примет тебя, потому что это очень достойный человек. Но прежде расскажи мне обо всем, что случилось с тобою!

И Даул-Макан исполнил ее просьбу, закончив рассказ свой так: – Теперь ты знаешь, до какой степени истопник гамама был добр ко мне. Заботясь обо мне, он истратил все деньги, которые сберег для себя; он ходил за мною днем и ночью и поступал со мною, как не всегда поступает родной отец, брат или верный друг. И он лишал себя пищи, чтобы накормить меня, и шел пешком, чтобы я мог ехать на его осле. Поистине, если я остался жив, то этим обязан ему! Тогда Нозхату сказала: – Мы вознаградим этого человека за все, что он сделал! Потом она позвала евнуха и сказала ему: – Добрый слуга, ты принес мне радостную весть и можешь оставить себе кошелек с тысячью динариев, которые я дала тебе. Беги теперь скорей к господину твоему и скажи, что я желаю его видеть! И старший придворный тотчас же пришел в палатку своей супруги. И он очень удивился, увидев у нее незнакомого молодого человека среди ночи. Но Нозхату поспешила рассказать ему все о себе и брате и прибавила: – О достойный царедворец, вместо того, чтобы жениться на невольнице, ты женился на дочери самого царя Омара!

Старший придворный, выслушав этот необыкновенный рассказ, был наверху блаженства. Узнав, что сделался зятем царя Омара, он подумал: – Меня, вероятно, назначат правителем лучшей из областей! Потом он приблизился к Даул-Макану и поздравил его с избавлением от всех зол и со счастливой встречей с сестрой. И тотчас приказал слугам разбить палатку для гостя; но Нозхату сказала: – Это не нужно, мы с братом были так долго в разлуке, что рады будем жить под одним кровом до возвращения домой. И старший придворный ответил: – Пусть будет так, как ты желаешь! Потом он прислал им сиропов, плодов и всякого рода сладостей, и прислал он Даул-Макану три великолепных одеяния, и велел приготовить для него породистого верблюда. Потом стал он прогуливаться перед своею палаткой, и грудь его расширялась при мысли о будущем своем величии.

Когда же наступило утро, придворный поспешил в палатку супруги, чтобы приветствовать шурина. И Нозхату сказала ему: – Не следует забывать об

истопнике; нужно сказать, чтобы евнух приготовил ему хорошее верховое животное. Он не должен быть удален от нас! И придворный сделал необходимое распоряжение, а евнух ответил: – Слушаю и повинуюсь! Он взял с собою несколько слуг своего господина и пошел искать истопника. Он нашел его в хвосте каравана дрожащим от страха и седлающим своего осла, чтобы как можно скорее покинуть место, где у него отняли друга его Даул-Макана. При виде подбежавших евнуха и невольников, он помертвел от страха. И он не сомневался, что Даул-Макан предал его мести супруги старшего придворного. И евнух закричал ему: – О лжец!.. Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила семьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь семьдесят шестая

Узнала я, о царь благословенный, что евнух закричал испуганному до смерти истопнику: – О лжец! Зачем сказал ты мне, что не знаешь, кто пел стихи! А певец был твоим спутником! Поэтому отсюда до Багдада я не отступлю от тебя ни на шаг; а по приезде тебя постигнет та же участь, как и твоего товарища! При этих словах испуганный истопник застонал: – Со мною случится то, чего я хотел избежать! А невольники, не обращая внимания на слезы истопника, посадили его на одну из великолепнейших лошадей своего господина. И евнух сказал им: – Будьте его сторожами во все время пути; каждый волос, спавший с головы его, принесет гибель кому-нибудь из вас! И когда истопник увидел себя окруженным невольниками, он окончательно убедился, что его ждет смерть, и он сказал евнуху: – О великодушный начальник, тот молодой человек мне не брат и не родственник. Я нашел его умирающим на куче отбросов у дверей гамама и поднял его ради Аллаха! И я ничего не сделал достойного наказания! Между тем караван пустился в путь, а евнух шел и забавлялся над истопником, говоря время от времени: – Ты нарушил сон нашей госпожи, ты и тот молодой человек; и тогда ты ничего не пугался! Однако на каждом привале евнух приглашал истопника поесть из одного с ним сосуда и выпить из узкогорлого кувшина. Но несмотря на это слезы не высыхали на глазах истопника.

Что касается Нозхату и Даул-Макана, то они продолжали направляться к Багдаду во главе каравана. И вот после последней ночной остановки, когда собирались снова пуститься в путь, они увидели перед собою густое облако пыли, и это облако постепенно затемнило небо и погрузило их в тьму. Тогда придворный с пятьюдесятью всадниками двинулся по направлению к облаку пыли. Скоро пыль рассеялась, и они увидели войско с развевающимися знаменами. И отделился от войска отряд воинов и поскакал навстречу; и каждого мамелюка окружило по пяти всадников. Увидев это, изумленный старший придворный спросил их: – Кто вы такие? Они же ответили: – Но кто вы сами? Старший придворный

ответил: – Я старший придворный дамасского эмира Шаркана, сына царя Омара. Меня посылает Шаркан к своему отцу в Багдад с данью от Дамаска и подарками. При этих словах воины вынули платки, закрыли ими глаза и стали плакать. А начальник их подошел к удивленному придворному и сказал: – Увы! Царя Омара нет в живых! Он умер от отравы! Достойный царедворец, мы проводим тебя к великому визирю Дандану, который в середине войска; и он подробно расскажет тебе об этом несчастии.

И проводили его к визирю Дандану, и вошел он в его палатку, и рассказал ему о своем поручении, и перечислил все подарки, которые вез он царю Омару. При этом имени великий визирь заплакал и сказал придворному: – Когда царь умер, народ поднялся, чтобы узнать, кого следует избрать ему преемником. И сошлись все на том, что следует спросить мнения четырех великих кади Багдада. И они решили, что наследовать престол должен Шаркан, правитель Дамаска. И я во главе войска выступил в Дамаск к Шаркану уведомить его о смерти отца и сообщить об избрании его на престол. Но я должен тебе сказать, о царедворец, что в Багдаде есть партия, благоприятствующая избранию молодого Даул-Макана. Однако давно уже никто не знает, что сталось с ним и сестрою его Нозхату-Заман.

При этих словах великого визиря супруг Нозхату, хотя и весьма огорчился смертью царя Омара, однако и возрадовался при мысли о возможности для Даул-Макана сделаться царем Багдада. И, обратившись к визирю Дандану, он сказал... Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила семьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь семьдесят седьмая

И узнала я, о царь благословенный, что старший придворный обратился к великому визирю Дандану с такими словами: – То, что ты рассказал мне, странно и изумительно. Узнай же, великий визирь, что Аллах возвратил нам Даул-Макана и сестру его, Нозхату-Заман! И старший придворный рассказал всю историю брата и сестры, не забыв упомянуть, что Нозхату сделалась его супругой. Тогда визирь преклонился перед ним, признав себя его подданным. Потом собрал он всех эмиров и начальников войска и сообщил им о делах. И все приветствовали супруга Нозхату и восхищались делом судьбы, создающей такие чудеса. Затем старший придворный и великий визирь Дандан собрали эмиров и других визирей, и единогласно решено было признать Даул-Макана преемником царя Омара. И визирь Дандан от имени всех сказал: – О достойный царедворец, мы надеемся, что благодаря твоему великодушию каждый из нас сохранит свою должность при новом султане. Мы же поспешим в Багдад, чтобы достойным образом встретить молодого султана; ты же объяви ему об его избрании, состоявшемся в силу нашего решения.

И старший придворный обещал, что все сохранят свои места, и ушел он к палаткам Нозхату и Даул-Макана. И, подойдя к ним, он не хотел войти, не испросив у супруги позволения, которое, впрочем, тотчас же и было дано ему. Тогда он вошел в палатку и рассказал о смерти царя Омара и об избрании Даул-Макана. На это Даул-Макан, хотя и был сильно огорчен смертью отца своего, сказал: – Подчиняюсь воле судьбы, так как избегнуть ее невозможно, но, уважаемый шурин, как же должен я вести себя по отношению к брату моему Шаркану? Тот ответил: – Единственным справедливым решением был бы раздел империи поровну между вами, – ты был бы султаном в Багдаде, а брат твой – султаном в Дамаске. Держись твердо такого решения, и оно обеспечит мир и согласие. И Даул-Макан согласился с мнением своего шурина.

Тогда старший придворный взял царское одеяние, полученное им от визиря Дандана, и облек им Даул-Макана, и подал ему большую царскую золотую саблю, и, выбрав возвышенное место, приказал разбить на нем царскую палатку, и попросил царя провести ночь в этой палатке. И царь спал в ней до утра. Едва же успела заняться заря, как вдали послышались звуки военных барабанов. И скоро из-за облака пыли появилось багдадское войско, во главе которого визирь Дандан шел встречать царя. Тогда царь Даул-Макан... Но тут Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила семьдесят восьмая ночь, она сказала:

Ночь семьдесят восьмая

Дошло до меня, что тогда царь Даул-Макан, облеченный в царское одеяние, поднялся на ступени трона посредине палатки, положил на колени саблю, уперся в нее руками и ждал неподвижный. И тотчас же по приказу старшего придворного началось шествие для принесения поздравлений. Из навеса, ведшего в царскую палатку, выходили военачальники, по десяти человек, и они присягали в верности Даул-Макану. И когда последним вошел великий визирь Дандан, Даул-Макан пошел к нему навстречу и сказал: – Привет тебе, достойный великий визирь, дела которого благоухают высокою мудростью. И великий визирь принес присягу в верности на Книге Веры и поцеловал землю между рук царя. И тот сказал великому визирю: – В ознаменование моего вступления на престол раздай воинам дань, которую мы везем из Дамаска, не сберегая ничего. Накорми и напои их досыта. После этого, о визирь, ты придешь рассказать мне о причине смерти отца моего.

Тем временем царь сходил к сестре своей и сказал: – О сестра моя, ты еще не знаешь о причине смерти отца нашего, царя Омара. Приходи ко мне, чтобы услышать об этом из уст визиря Дандана. И привел он Нозхату под купол и опустил занавес между нею и присутствующими. И тогда сказал он Дандану: – Теперь расскажи нам подробности о смерти величайшего из царей! И визирь рассказал об этой смерти так:

ИСТОРИЯ СМЕРТИ ЦАРЯ ОМАРА И ДИВНЫЕ СЛОВА, КОТОРЫЕ ЕЙ ПРЕДШЕСТВОВАЛИ

Однажды царь Омар позвал нас к себе, и мы увидели почтенную старую женщину в сопровождении пяти отроковиц, пяти девственниц с округленной грудью, прекрасных, как луны. И ни один язык не в силах был бы описать все их совершенства; кроме того, они изумительно хорошо знали Коран, ученые книги и изречения мусульманских мудрецов. И старая женщина приблизилась к царю, поцеловала землю перед ним и сказала: – О царь, я принесла тебе пять драгоценностей, которыми не владеет ни один царь в мире. И я прошу тебя испытать их, потому что красота является только тому, кто ищет ее с любовью. Эти слова очаровали царя Омара, и он сказал молодым девицам... Но в этом месте своего рассказа Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила семьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь семьдесят девятая

Узнала я, что царь Омар сказал девицам: – О милые девушки, пусть каждая из вас подойдет и скажет слова, могущие усладить меня! И первая отроковица приблизилась, поцеловала землю между рук царя и сказала:

СЛОВА ПЕРВОЙ ОТРОКОВИЦЫ

Узнай, о царь века, что жизнь дарована человеку, чтобы он мог развивать в себе все прекрасное, возвышаясь над заблуждениями. И цари, которые стоят первыми среди людей, должны быть первыми на пути добродетели и бескорыстия. Мудрый ум должен поступать с кротостью и судить с благожеланием. И должен он выбирать друзей с осмотрительностью; а коль он их выбрал, не должен допускать между собою и ими какого бы то ни было судьи, но во всем руководствоваться добротою; и должен стараться он никогда не нарушать их интересов, не мешать им в их привычках и не противоречить их словам. Ведь хороший друг столь драгоценная вещь! Друг – не женщина, с которою можно развестись, заменяя ее другою. Рана, нанесенная другу, не исцеляется никогда, как сказал поэт:

Не забывай, как хрупко сердце друга
И как за ним ты должен осторожно
Всегда следить и охранять его.

Léon Carré

Знай, о царь, что кади, чтобы постановить справедливое решение, должен обращаться с обеими сторонами с полным равенством, не оказывая благородному обвиняемому более уважения, чем бедному. Когда же он сомневается, то должен много размышлять и воздерживаться от приговора, если не перестал сомневаться. И сознаться в несправедливости, чтобы исправить ее, несравненно благороднее, чем всегда быть правым. И на кади лежит обязанность никогда не добиваться сознания подсудимого, подвергая его пытке или голоду, так как это недостойно мусульманина. К тому же Аль-Цари сказал: «Три вещи роняют кади: снисхождение и почтение перед высокопоставленным подсудимым, пристрастие к похвалам и боязнь лишиться своего положения». Когда однажды калиф Омар отставил от должности одного кади, тот спросил: – Почему ты отставил меня? А калиф отвечал: – Потому что твои слова переступают за пределы твоих дел.

А великий Аль-Искандер собрал однажды у себя своего кади, своего повара и своего главного писца и сказал кади: – Я поручил тебе самую высокую из моих царских обязанностей. Имей же и царскую душу! А повару сказал: – Я поручил тебе заботу о моем теле, которое отныне зависит от твоей кухни. Умей же обходиться с ним искусно и без насилия! А старшему писцу сказал: – Я поручил тебе выражать мои мысли. Так передай их во всей целости следующим поколениям при помощи твоего писания!

И, сказав это, молодая девушка отошла в ряд своих подруг. Тогда выступила вторая отроковица, у которой... Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила восьмидесятая ночь, она сказала:

ночь восьмидесятая

Тогда выступила вторая отроковица, у которой был тонкий подбородок, и, поцеловав землю между рук царя, она с улыбкой на устах сказала:

СЛОВА ВТОРОЙ ОТРОКОВИЦЫ

О благословенный царь, узнай, что Локман мудрый сказал своему сыну: – О сын мой, три вещи могут быть проверены только в трех случаях: можно узнать, действительно ли добр человек, когда видишь его во гневе; можно узнать, доблестен ли человек, только в бою, и братолюбив ли он – только в нужде! И не суди о людях по тому, что они говорят, а по тому, что они делают; но каждого человека следует судить по его намерениям, а не по его делам. Знай также, что лучшее в человеке – его сердце. Когда спросили однажды мудреца: – Кто худший из людей? – он отвечал: – Тот, кто допускает дурные чувства овладеть своим сердцем, ибо тогда он теряет всякое мужество. А наш пророк сказал: «Истинный мудрец тот, кто предпочитает вечное преходящему».

И знай также, о царь, что самое хорошее дело то, которое бескорыстно. Рассказывают, что были два брата, и

один из них сказал однажды другому: – Какой поступок был самым ужасным в твоей жизни? Тот отвечал: – Проходя мимо курятника, я протянул руку, схватил курицу, задушил и бросил ее в курятник. Это самый ужасный поступок в моей жизни. Но ты, брат, не сделал ли чего еще более ужасного? И тот отвечал: – Да, я молился Аллаху, прося у него милости. А молитва хороша лишь тогда, когда она выражает чистый полет души ввысь... В этом месте своего рассказа Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила восемьдесят первая ночь, она сказала:

ночь восемьдесят первая

И дошло до меня, о царь благословенный, что сказав это, вторая молодая девушка отступила в среду своих подруг. Тогда выступила третья отроковица, соединявшая в себе совершенства двух первых, и, приблизившись к царю Омару и поцеловав землю между рук его, она сказала:

СЛОВА ТРЕТЬЕЙ ОТРОКОВИЦЫ

Я, со своей стороны, о царь благословенный, скажу сегодня лишь немного слов, так как не совсем здорова, и к тому же мудрецы советуют нам быть краткими в речах.

Знай, о царь, что Сафиан сказал: – Если бы душа обитала в сердце человека, и у человека были бы крылья, он улетел бы в рай! И тот же Сафиан сказал: – Поистине, знайте, что даже смотреть на лицо человека, пораженного безобразием, есть тягчайший грех против духа!

И, сказав эти превосходные слова, молодая девушка присоединилась к подругам. Тогда выступила четвертая отроковица с дивными бедрами. Поцеловав землю между рук царя, она сказала:

СЛОВА ЧЕТВЕРТОЙ ОТРОКОВИЦЫ

Я, о царь, скажу слова, которые узнала из жизнеописания праведников. Рассказывают, что Башра-Босой сказал: – Остерегайтесь гнуснейшего греха! И слушавшие спросили: – Что это за грех? А он ответил: – Когда долго стоят на коленях, чтобы похвалиться благочестием.

Тогда один из слушателей вопросил: – Научи нас узнать скрытые истины и тайну вещей! Но Босой сказал ему: – Эти вещи не для стада. И мы не можем сделать их доступными стаду. Из ста праведных едва найдется пять чистых, как девственное серебро.

А шейх Ибрагим сообщает: – Однажды встретил я бедняка, который потерял медную монету. Тогда я подал ему серебряную драхму, но он не согласился ее принять, говоря: – К чему мне все серебро земли, – мне, стремящемуся лишь к вечным радостям? Передают также, что один из мудрецов сказал... Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила восемьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь восемьдесят вторая

Передают также, что один из мудрейших мудрецов сказал такое слово: – Когда Аллах желает добра кому-нибудь из слуг своих, он отворяет перед ним двери вдохновения.

И слышала я, что Малек-бен-Динар, проходя по базарам и видя предметы, которые нравились ему, выговаривал себе так: – Душа моя, это бесполезно. Я не стану слушать тебя! После этих слов четвертая отроковица отступила и присоединилась к своим подругам. Тогда приблизилась пятая отроковица, бывшая венцом всех остальных, и сказала:

СЛОВА ПЯТОЙ ОТРОКОВИЦЫ

Я скажу тебе, о царь благословенный, что дошло до меня из духовных предметов минувшего времени. Мудрец Мослима-бен-Динар сказал: – Всякая радость, не приближающая душу твою к Аллаху, есть бедствие.

Говорят, что когда Мусса (мир ему!) находился у Модаинского источника, подошли две пастушки со стадом отца их Шоаиба. И Мусса дал им напиться и напоил стадо из колоды, выдолбленной в пальмовом пне. Вернувшись домой, обе девушки рассказали об этом отцу своему, который сказал одной из них: – Вернись к тому человеку и скажи ему, чтобы он пришел к нам. И молодая девушка вернулась и, подойдя к Муссе и закрыв лицо покрывалом, сказала: – Отец зовет тебя разделить нашу трапезу. И Мусса пошел за нею. А у молодой пастушки были роскошные бедра... Но в эту минуту Шахразада заметила, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила восемьдесят третья ночь, она сказала:

ночь восемьдесят третья

А у молодой пастушки были роскошные бедра, и ветер то обволакивал ее легкое платье вокруг полных форм, то вздымал это платье. Но каждый раз, как она обнажалась, Мусса закрывал глаза, чтобы ничего не видеть. А так как он боялся, что искушение усилится, то и сказал молодой девушке: – Пусти меня лучше идти впереди. Молодая девушка удивилась и пошла за ним. И пришли они оба в дом Шоаиба. И он сказал ему: – О молодой человек, ты мой гость, а я всегда великодушен с моими гостями – таков обычай у всех моих предков. Оставайся же и обедай с нами. И Мусса остался и

обедал с ними. И в конце обеда Шоаиб сказал Муссе: – О молодой человек, ты останешься с нами и будешь пасти стадо. И через восемь лет я женю тебя на той из дочерей моих, которая ходила за тобою к источнику. И Мусса согласился и сказал себе: «Теперь я могу невозбранно любоваться ее бедрами».

Говорят, что Ибн-Битар встретил одного из друзей своих, и тот спросил его: – Где ты был все время, пока я тебя не видел? И Ибн-Битар ответил: – Я занимался с другом моим Ибн-Шеабом. Знаешь ли ты его? Тот ответил: – Он живет по соседству со мною, но я никогда не сказал ему ни слова. Тогда Ибн-Битар сказал ему: – О несчастный, разве тебе неизвестно, что того, кто не любит своих соседей, не любит и Аллах? И разве ты не знаешь, что к соседу следует относиться настолько же внимательно, как к собственному родственнику?

Говорят, что однажды Мухаммед-бен-Омар спросил у человека, жившего строгою жизнью: – Что думаешь ты об уповании на Аллаха? Человек ответил: – Если я уповаю на Аллаха, то делаю это по двум причинам: я знаю по опыту, что хлеб, съедаемый мною, никогда не съедается другим; и я знаю, что если родился на свет, то это случилось по воле Аллаха. Сказав это, пятая молодая девушка отступила и присоединилась к своим подругам. Тогда выступила старая женщина. Она поцеловала землю между рук царя Омара-аль-Немана и сказала:

СЛОВА СТАРУХИ

Мы только что слышал, о царь, назидательные речи этих молодых девушек о презрении к земному в той мере, в какой оно должно быть презираемо. Я же буду говорить о том, что знаю о делах великих наших предков. – Известно, что великий имам Аль-Шафи разделял ночь на три части: первую посвящал он науке, вторую – сну и третью – молитве. А к концу своей жизни он бодрствовал всю ночь, ничего не отдавая сну.

Тот же имам Аль-Шафи сказал: – В продолжение десяти лет моей жизни я не хотел досыта наедаться моим ячменным хлебом, потому что есть слишком много вредно. От этого тяжелеет мозг, каменеет сердце, уничтожаются способности ума и похищается всякая энергия.

В эту минуту своего рассказа Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила восемьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь восемьдесят четвертая

О царь благословенный, известно мне, что старуха продолжала так: – Говорят, что халиф Абу-Джиаффар-аль-Мансур захотел однажды назначить Аби-Ганифу своим кади и дать ему десять тысяч драхм в год. Но когда тот узнал о намерении халифа, он помолился, завернулся в белое одеяние и сел, не сказав ни слова. Тогда посланник сказал ему: – Будь уверен, что принесенные мною деньги законны и допускаются Книгой. Но Аби-Ганифа сказал ему: – Деньги эти действительно законны, но

Аби-Ганифа никогда не будет слугою тиранов!

Произнеся эти слова, старуха поправила покрывало на своих плечах и отошла к группе пяти отроковиц. И когда царь Омар услышал эти назидательные слова, он понял, что эти женщины самые совершенные из женщин своего века, и он был совершенно очарован их красотою и пламенно желал обладать ими. И он предоставил им помещение, принадлежавшее когда-то царице Абризе, и, навещая их и справляясь, не нуждаются ли они в чем-нибудь, каждый раз заставал он старуху на молитве. И так это подействовало на него, что он сказал мне: – О визирь, какое благословение иметь во дворце моем такую удивительную святую! Уважение мое к ней чрезвычайно, а любовь к этим девушкам – беспредельна. Пойдем же со мною и спросим у нее, какую цену назначает она за этих девственниц с округленными грудями. И пошли мы к ней, и старуха ответила: – О царь, знай, что цена этих молодых девушек стоит вне обыкновенных условий купли и продажи. При этих словах отец твой изумился и спросил: – Какой же ценою они покупаются? А она отвечала: – Ты должен поститься месяц, проводя дни в размышлениях, а ночи в молитве. И по прошествии поста, который очистит твое тело и сделает его достойным слияния с телом этих молодых девушек, ты можешь вполне насладиться ими. И отец твой поспешил дать согласие на это условие. И тогда она сказала ему: – Теперь принеси мне медный жбан. И царь дал ей медный жбан, и она налила в него чистой воды и произнесла над ней молитву на незнакомом языке. Потом она накрыла жбан тканью, запечатала ее своею печатью и сказала твоему отцу: – Когда пройдут первые десять дней поста, ты распечатаешь эту ткань и выпьешь этой святой воды, которая укрепит тебя и очистит от всей прежней твоей грязи, а утром одиннадцатого дня я приду к тебе. И, сказав это, старуха удалилась.

Тогда отец твой выбрал уединенную келью дворца, поставил в нее медный жбан и заперся в этой келье для того, чтобы постом заслужить прикосновение к телу молодых девушек. В этом месте своего рассказа Шахразада увидела, что приближается утро, и скромно умолкла. И когда наступила восемьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь восемьдесят пятая

Дошло до меня, что он запер дверь на ключ и немедленно приступил к посту. И когда наступило утро одиннадцатого дня, царь распечатал жбан и выпил всю воду залпом. И тотчас же благосостояние разлилось по всем его внутренностям. Не успел он выпить воду, как в дверь кельи, постучав, вошла старуха, держа в руке связку из свежих банановых листьев. И она, выслушав приветствие царя, сказала: – О царь, люди Невидимого посылают меня к тебе в знак своего благоволения; прими же эту связку банановых листьев и варенье, приготовленное руками девственниц с черными глазами. И когда наступит утро двадцать первого дня, ты снимешь листья и

съешь это варенье. И царь благодарил старуху, целовал у нее руки и с почтением проводил ее до дверей кельи.

Утром на двадцать первый день старуха явилась отцу твоему и сказала: – О царь, знай, что я имею намерение принести тебе в дар молодых девушек. Но прежде чем я передам их тебе, я поведу их к людям Невидимого, чтобы те разлили по ним благоухание, которое очарует тебя; и они вернутся к тебе с сокровищем из недр земли, данным им моими братьями Невидимого! Когда отец твой услышал эти слова, он спросил: – Когда же ты думаешь привести их ко мне? Она же сказала: – Утром тридцатого дня, когда ты закончишь пост свой и очистишь таким образом свое тело. Теперь же, если ты пожелаешь поручить мне женщину, которую любишь более, чем всех остальных твоих жен, я возьму ее к себе, чтобы очищающие милости людей Невидимого разлились и на нее. Тогда отец твой сказал ей: – У меня есть во дворце гречанка Сафия, которую я люблю; она дочь царя Афридония, и Аллах даровал мне от нее двух детей, которых, увы, я потерял много лет тому назад. Возьми же ее с собою, чтобы при ходатайстве людей Невидимого она могла найти детей, следы которых мы совершенно потеряли. Тогда старуха сказала: – Вели привести ко мне царицу Сафию! В эту минуту Шахразада заметила, что приближается утро, и скромно умолкла. Но когда наступила восемьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь восемьдесят шестая

Узнала я, что отец твой тотчас же позвал царицу Сафию и поручил ее старухе. А та зашла к себе и вернулась с запечатанным кубком; и она сказала царю Омару: – Утром тридцатого дня ты пойдешь в гамам и вернешься отдохнуть в келью твою, и выпьешь этот кубок, который окончательно очистит тебя и сделает тебя достойным царственных отроковиц! И да будут над тобою мир, милосердие и благословения Аллаха! И старуха удалилась.

Царь же продолжал поститься до тридцатого дня. После он отправился в гамам, вернулся в келью и запретил тревожить его. Мы же ждали до вечера, а затем и всю ночь, и до половины следующего дня. Но дверь кельи продолжала оставаться запертой, и мы подошли к ней и подали голос. Когда же молчание в ответ испугало нас, мы решились выломать дверь и войти. И мы вошли в келью, но вместо царя мы нашли только искрошенные, почерневшие кости его. Тогда мы лишились чувств. Когда же пришли в себя, то взяли кубок и в крышке его нашли бумагу, в которой было написано: «Пусть каждый знает, что таково наказание тому, кто растлевает царских дочерей. Этот человек послал сына своего Шаркана похитить дочь нашего царя Абризу! И он изнасиловал ее, а потом отдал черному рабу, который убил ее! И теперь, вследствие этого поступка, царь Омар перестал существовать. Я же, убившая его, мстительница Зат-ад-Давахи! И я не только убила вашего царя, но и увела царицу Сафию, и мы явимся с войском разорять дома ваши и истреблять

вас всех до единого!» Прочитав эту бумагу, мы били себя по лицу и долго плакали. Но к чему слезы, когда непоправимое совершилось?

Когда визирь Дандан окончил рассказ о смерти царя Омара, он вынул платок и заплакал. И царь Даул-Макан и царевна Нозхату, стоявшая за занавесом, также заплакали. Но визирь сказал Даул-Макану: – О царь, слезами ничему не поможешь. Твой покойный отец продолжает жить в тебе, потому что отцы живут в достойных их детях! Тогда Даул-Макан перестал плакать и сказал визирю Дандану: – Сосчитай мне все, что заключается в шкафах моего отца. И визирь перечислил все, что заключалось в шкафах казны, – деньги, богатства и драгоценные украшения. Тогда царь Даул-Макан сказал: – О визирь, ты будешь и моим великим визирем! Потом царь сказал старшему придворному: – Что касается богатств, привезенных нами из Дамаска, то следует раздать их войскам. В этом месте своего рассказа Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила восемьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь восемьдесят седьмая

Узнала я, что старший придворный открыл сундуки с богатствами из Дамаска и раздал все солдатам, а лучшие вещи – военачальникам. И после этого сняли палатки, и царь во главе войска вступил в Багдад. И вошел царь во дворец, и позвал старшего писца, и продиктовал ему письмо с рассказом обо всем случившемся к брату своему Шаркану в Дамаск. И письмо заканчивалось так: «И просим тебя, брат наш, по получении этого письма собрать войско и присоединить его к нашим силам, чтобы вместе идти войною на неверных, чтобы отомстить за смерть нашего отца». Потом он запечатал письмо собственною печатью и сказал визирю Дандану: – Ты один можешь выполнить столь затруднительное поручение. Ты поговоришь с братом моим ласково и кротко и скажешь ему от меня, что я готов уступить ему багдадский престол и быть наместником в Дамаске. И визирь Дандан в тот же вечер уехал в Дамаск.

А Даул-Макан призвал к себе истопника, осыпал его почестями и подарил ему дворец с прекраснейшими персидскими и хорассанскими коврами. И один из подданных Даул-Макана подарил ему десять молодых белых невольниц. Одна из них очень понравилась Даул-Макану, и он спал с нею, и с первого же раза она понесла. А визирь Дандан скоро вернулся и объявил, что брат его Шаркан благоприятно отнесся к его просьбе и уже пустился в путь во главе войска.

И Даул-Макан выступил из Багдада навстречу брату, и как только увидел его, соскочил с седла и бросился в объятия брата своего, который тоже слез с коня. И они долго обнимались и плакали. И, сказав друг другу слова утешения по случаю смерти отца, вернулись вместе в Багдад. И стали они созывать со всех концов страны воинов, и, пока они стекались, Шаркан рассказал Даул-Макану всю свою историю, а Даул-Макан

рассказал ему о себе, постоянно указывая на заслуги истопника. Поэтому Шаркан спросил: – Ты вознаградил этого человека за его преданность? И Даул-Макан ответил... Но тут Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно прервала свой рассказ. А когда наступила восемьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь восемьдесят восьмая

Дошло до меня, что Даул-Макан ответил ему: – Еще не вполне. Я хочу это сделать по возвращении с войны, если на то будет воля Аллаха! К этому времени все войска собрались, и оба брата стали во главе соединенных войск своих. Даул-Макан устроил достойным образом жизнь молодой невольницы, которая забеременела от него, и, простившись с нею, выступил из Багдада на войну с неверными. Авангард войск состоял из турецких воинов, военачальника которых звали Бахраман. Главу арьергарда звали Рустем, центром командовал Даул-Макан, правым крылом – Шаркан, а левым – старший придворный. А великий визирь Дандан был назначен помощником главнокомандующего. И целый месяц шли они, спрашивая, где лежат христианские страны, пока не достигли земли Румской. При их приближении население разбежалось во все стороны, известив царя Афридония о нашествии мусульман. И Афридоний велел призвать старую Зат-ад-Давахи, которая возвратила ему дочь Сафию и убедила царя Гардобия прийти на помощь Афридонию со всем своим войском. И когда старуха явилась к Афридонию, царь спросил у нее: – А теперь, когда неприятель наступает, что следует делать? И она отвечала: – О великий царь, я укажу тебе, как должно поступать... В эту минуту своего рассказа Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила восемьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь восемьдесят девятая

Дошло до меня, что старуха сказала: – О великий царь, я укажу тебе, как должно поступать, и сам шайтан со всеми своими кознями не сумеет распутать нити, которыми я опутаю наших врагов. Вот что нужно делать для их уничтожения: пошли пятьдесят тысяч воинов на кораблях, которые поплывут к Дымящейся Горе, у подошвы которой стоят лагерем наши враги. А с другой стороны, сухим путем, ты пошлешь все твое войско, чтобы застигнуть врасплох этих неверных. Так

они будут окружены со всех сторон, и ни один из них не избавится от уничтожения. И царь Афридоний принял этот план и привел его в исполнение. И корабли с воинами прибыли к Дымящейся Горе, и высадились воины, и притаились за скалами. А сухим путем явилось войско и стало перед неприятелем. Мусульманское войско равнялось ста двадцати тысячам всадников. Войско же безбожных христиан доходило до тысячи тысяч и шестисот тысяч воинов. Поэтому когда ночь спустилась на горы и долины, земля казалась раскаленной жаровней от освещавших ее огней.

Тем временем царь Афридоний и царь Гардобий созвали военачальников на совет. И решили они дать сражение мусульманам на следующий же день и со всех сторон. Но Зат-ад-Давахи встала и сказала: – О воины, битвы тел, когда души не освящены, могут иметь пагубные последствия! О христиане, перед боем вам должно приблизиться к Христу! И оба царя и воины отвечали: – Слова твои принимаются нами, о почтенная мать! В этом месте своего рассказа Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила девяностая ночь, она сказала:

ночь девяностая

Едва же настало утро, царь Афридоний по совету Зат-ад-Давахи созвал всех военачальников и велел им целовать большой деревянный крест. И старая Зат-ад-Давахи сказала: – О царь, чтобы сражение было успешно, необходимо избавиться от князя Шаркана, который стоит во главе войск. Он воодушевляет своих воинов, и, если его не будет, его войско станет нашей добычей! Пошлем к нему самого доблестного из наших воинов, чтобы вызвать на единоборство.

И царь Афридоний тотчас позвал воина Лукаса. Он был самым страшным из воинов Румской земли; никто из христиан не умел метать дротик, или ударять мечом, или колоть копьем так искусно. И он был чрезвычайно безобразен: лицом он походил на осла, при более внимательном рассмотрении оно напоминало обезьяну, а если вглядывались в него еще внимательнее, то это была настоящая жаба. И когда этот проклятый Лукас предстал перед царем Афридонием, тот сказал ему: – Я желаю, чтобы ты вышел на единоборство с злодеем Шарканом и избавил нас от приносимых им бедствий! А Лукас отвечал: – Слушаю и повинуюсь!

Царь дал ему поцеловать крест, и Лукас сел на великолепного рыжего коня, покрытого роскошною красною попоной и украшенного драгоценными камнями. И вооружился он длинным дротиком с тремя железками; и в таком виде его можно было принять за самого шайтана. Потом, предшествуемый глашатаем, он направился к лагерю правоверных. И глашатай принялся кричать по-арабски: – Эй вы, мусульмане, вот герой-боец, обративший в бегство множество войск! Это славный Лукас, сын Камлутоса! Пусть выйдет из ваших рядов ваш боец Шаркан, господин Дамаска! И если

посмеет, пусть выходит на бой с нашим исполином! Но не успел глашатай прокричать эти слова, как земля задрожала от топота, заставившего головы всех повернуться в ту сторону. Это появился сам Шаркан, сын царя Омара, и был он подобен разгневанному льву, и сидел на коне более легком, чем самая легкая из газелей. И свирепо держал он в руке своей копье и говорил такие стихи:

Есть у меня прекрасный,
быстрый конь;
Легко, как тучка, мчится он по полю.
Его люблю я. Лучше мне не надо.
Есть у меня упругое копье
С железом острым. Им я потрясаю,
И рассыпаю молнии его
Вокруг себя блестящими снопами!

Но Лукас, необразованный варвар темной страны, не понимал ни слова по-арабски. Поэтому он только дотронулся до своего лба, на котором изображен был крест, и ринулся на Шаркана. И он изо всей силы метнул свой трехконечный дротик в Шаркана. И дротик полетел, как молния. И не стало бы Шаркана, но в ту самую минуту, как дротик готов был пронзить его, Шаркан поймал его на лету. И схватил он этот дротик твердою рукою и метнул его обратно. Тогда грубый великан Лукас захотел сделать такую же ловкую штуку, какую сделал Шаркан, и протянул руку, чтобы поймать оружие на лету, но Шаркан воспользовался минутой, когда христианин оставался незащищенным, и метнул в него другим дротиком, который попал ему в лоб. И безбожная душа христианина вышла из него и погрузилась в огни адские...

В этом месте своего рассказа Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно приостановила свой рассказ. Но когда наступила девяносто первая ночь, она сказала:

ночь девяносто первая

И говорили мне, что безбожная душа христианина погрузилась в огни адские. Когда же воины христианской армии узнали о смерти своего борца, они предались жалобным стонам, а потом бросились к оружию с криками мести. И глашатаи созвали солдат, которые выстроились в боевом порядке и по знаку царей ринулись на мусульман. И началась битва, и кровь залила нивы. И крики раздавались за криками. И тела были раздавлены копытами лошадей. И люди пьянели от крови и шатались, как пьяные. И трупы громоздились на трупы, и раны ложились на раны. И продолжалась битва до наступления ночи, которая разняла сражающихся.

Тогда Даул-Макан, поздравив брата Шаркана с его подвигом, сказал визирю Дандану и старшему придворному: – Возьмите двадцать тысяч воинов и идите к морю. Там вы сядете на корабли в долине Дымящейся Горы и приготовитесь к решительной битве. Мы же притворимся, что обращаемся в бегство. И когда неверные станут нас преследовать, вы сами броситесь на них, а мы повернем и атакуем; и они будут окружены со всех сторон; и ни один из неверных не избегнет

нашего меча, когда мы закричим: «Аллах акбар!» И визирь Дандан и первый придворный немедленно приступили к выполнению этого плана.

И вот с раннего утра, когда все воины были уже на ногах и в полном вооружении, а над палатками развевались флаги и блестели со всех сторон кресты, воины обеих сторон совершили свою молитву. Правоверные прослушали первую главу Корана, а неверные стали призывать Мессию... По сигналу битва началась с еще большим ожесточением. Головы отлетали, как мячи, а земля была усеяна членами. Но вдруг, как бы вследствие внезапной паники, мусульмане повернули в тыл и побежали с поля сражения. Увидев, что мусульманское войско бежит, царь Афридоний поспешил послать вестника к царю Гардобию, войска которого до сих пор не принимали участия в битве, говоря ему: – Вот, мусульмане бегут. Теперь вы должны броситься в погоню за ними и истребить их всех до последнего! Но на этом месте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила девяносто вторая ночь, она сказала:

ночь девяносто вторая

Дошло до меня, что тогда царь Гардобий, который только и ждал случая отомстить за убийство дочери своей Абризы, закричал, обращаясь к войску: – О воины, бросимся в погоню за мусульманами, которые бегут, словно женщины! Но как только христианские воины догнали их, мусульмане остановились в своем притворном бегстве и по призыву Даул-Макана бросились на своих преследователей с криками: «Аллах акбар!» А Даул-Макан, чтобы возбудить их к битве, обратился к ним с воззванием: – О мусульмане! Вот день, когда вы откроете себе путь в рай, ибо он осенен мечами! И они устремились на противников, как львы. И этот день не был днем старости для христиан, ибо смерть косила их, не дав поседеть их волосам.

Подвиги, совершенные в этой битве, были выше всякого описания. И в то время, как Шаркан рубил в куски все, что попадалось на его дороге, Даул-Макан приказал выкинуть зеленое знамя, которое было условным знаком для воинов, оставшихся в долине. И сам он также хотел броситься в схватку. Но Шаркан приблизился к нему и сказал: – О брат мой, ты не должен подвергать себя опасностям, ибо ты необходим своему государству. Поэтому я буду биться рядом с тобою, защищая тебя от всяких нападений! Между тем мусульманские воины под командою визиря Дандана, заметив сигнал, развернулись и отрезали христианскому войску возможность спастись на своих кораблях морем. И христиане подверглись жестокому истреблению со стороны мусульманских воинов, и лишь очень немногим удалось спастись бегством. Что же касается воинов царя Афридония, которые были уверены в истреблении мусульман, то какова была их скорбь, когда они увидели бегство своих единоплеменников! И правоверные не только одержали победу, но и захватили огромную добычу. Им достались все корабли, за

Léon Carré

исключением двадцати, которым удалось отплыть в Константинию. И они овладели всеми богатствами на этих кораблях и тысячами лошадей с убранством, а также палатками и находившимися в них запасами оружия и съестных припасов. А потому велика была радость их, и горячи те молитвы, которые они возносили к Аллаху в благодарение за победу и добычу.

Что же касается беглецов, то они добрались до Константинии с душою, терзаемою воронами отчаяния. И весь город был погружен в скорбь, и здания и церкви обтянуты были траурными тканями, и повсюду раздавались крики негодования. И скорбь эта только возросла, когда из всего флота вернулось лишь двадцать кораблей, а из всего войска лишь двадцать тысяч человек. Тогда население стало обвинять своих царей в измене. И ужас царя Афридония был так велик, что желудок его перевернулся... Но дойдя до этого места, Шахразада увидела, что близится рассвет, и с обычной ей скромностью умолкла. А когда наступила девяносто третья ночь, она сказала:

ночь девяносто третья

Узнала я, что, когда желудок его перевернулся, он призвал старую Зат-ад-Давахи, чтобы посоветоваться, что ему делать. А нужно сказать, что эта старая Зат-ад-Давахи, истинная причина всех несчастий, действительно была ужасною старухой: она была хитра, коварна, полна всякого зложелательства; рот ее издавал гнилостное зловоние; веки ее были красны и без ресниц; щеки ее – дряблы и пропитаны пылью; лицо ее было черно, как ночь; глаза гноились; тело ее запаршивело, волосы были грязны; спина согнута дугой; кожа изборождена морщинами. Это была истинная язва из всех язв и ядовитейшая из змей. И эта ужасная старуха проводила большую часть времени у царя Гардобия; ей нравился его дворец, ибо в нем было множество молодых рабов, как мужского, так и женского пола, и она заставляла молодых рабов его ласкать ее; сама же она любила молодых рабынь; и ничто в мире не доставляло ей такого удовольствия, как соприкосновение их молодых тел с ее телом. И она была искусна в этих делах, и научила этому искусству всех рабынь дворца кроме стройной рабыни Марджаны и самой Абризы. А нужно сказать, что Зат-ад-Давахи полна была великодушия к тем рабам, которые поддавались ее прихотям, и полна была злобы против тех, которые не поддавались ей. Из-за такого-то отказа Абриза и сделалась предметом ненависти этой старухи.

Итак, когда старая Зат-ад-Давахи вышла к царю Афридонию, он поднялся в честь ее со своего места; и царь Гардобий сделал то же самое, а она сказала: – О царь, подумаем лучше о том, как действовать в свете истинной мудрости, и вот, что я советую тебе: ввиду того, что мусульмане спешат осадить наш город, нужно разослать по всему царству глашатаев и попросить народ собраться в Константинии, чтобы помочь нам отразить

осаждающих. И пусть соберутся сюда воины из всех укреплений и укроются за нашими стенами. Что же касается меня, о царь, то предоставь мне поступать по моему усмотрению, и скоро народная молва донесет до тебя слух о тех западнях, которые я расставлю мусульманам. И выйдя из города вместе с пятьюдесятью воинами, хорошо знавшими арабский язык, она переодела их мусульманскими купцами из Дамаска и захватила с собою сто мулов, нагруженных тюками с различными тканями, с атласом, отливающим блеском разных металлов, с драгоценной парчой и множеством других предметов роскоши. И она взяла в виде пропускного листа письмо от царя Афридония, в котором говорилось приблизительно следующее: «Купцы такие-то и такие-то – мусульмане из Дамаска, иноверцы, не исповедующие христианской религии, но так как они пребывают в нашей стране для торговли, а от нее зависит благосостояние страны, то мы даем им этот пропускной лист, чтоб никто не осмеливался наносить им ущерб и не налагал пошлин на их товары».

И переодев воинов мусульманскими купцами, старуха переоделась мусульманским отшельником, облачившись в широкое одеяние из белой шерсти. Затем она натерла себе лоб мазями, которые придали ей блеск необыкновенной святости, и велела связать себе ноги, чтобы веревки врезались в ее тело. И она сказала своим товарищам: – Теперь нужно избить меня кнутами и исполосовать до крови все мое тело, чтобы остались неизгладимые рубцы. И будьте беспощадны, ибо крайняя необходимость имеет свои законы. Затем посадите меня в ящик и привяжите его к спине одного из мулов, и идите, пока не придете к лагерю мусульман, начальником которого состоит Шаркан. А если преградят вам путь, покажите письмо Афридония, в котором вы изображаетесь купцами. И вы попросите свидания с великим Шарканом; а он станет расспрашивать, много ли вы нажили в иноверных странах, вы скажите следующее: – О царь благословленный, самым значительным и несомненным барышом от нашего торгового путешествия было освобождение святого отшельника, которого пятнадцать лет мучали в подземелье, чтобы заставить отречься от религии нашего пророка Магомета (да пребудут на нем мир и молитва!). И вот как это случилось.

Мы прожили уже некоторое время в Константинии, продавая и покупая товары, когда однажды ночью, сидя у себя в квартире и подсчитывая наш дневной заработок, мы вдруг увидели у самой стены печального человека, глаза которого были полны слезами, струившимися и по его почтенной седой бороде. И губы этого печального старца медленно шевелились, произнося следующее: – О мусульмане! Если есть между вами люди, которые в точности блюдут предписания нашего пророка (да пребудут над ним мир и молитва!), то пусть они покинут страну неверующих и направятся к войску великого Шаркана. И через три дня пути вы увидите монастырь. И в нем, в таком-то месте, вы найдете подземелье, в котором пятнадцать лет заключен отшельник из Мекки по имени Абдаллах. Он попал в руки христианских монахов, которые заключили его в это подземелье и из ненависти к его религии подвергают его ужасным мучениям. Спасение этого святого будет большою заслугою перед Всевышним. Больше я ничего не скажу вам, и да будет мир с вами! На этом месте своего повествования Шахразада заметила, что приближается утро, и по обыкновению скромно умолкла. А когда наступила девяносто четвертая ночь, она сказала:

ночь девяносто четвертая

При этих словах призрак старца рассеялся. Тогда мы упаковали все, что купили в Румской стране, и после трех дней пути мы нашли тот монастырь, о котором говорил призрак. Тогда мы распаковали часть наших товаров и до наступления ночи не переставали торговать на сельской площади. Затем под покровом мрака мы проскользнули в монастырь, проникли в подземелье и нашли святого отшельника Абдаллаха, который находится теперь в ящике, который мы привезли тебе. Когда старуха высказала все это, товарищи ее принялись сейчас же до крови бичевать ее, а затем посадили ее в пустой ящик, чтобы привести в исполнение ее коварный замысел.

Что же касается войск правоверных, то после поражения христиан они разделили захваченную добычу и стали прославлять Аллаха за Его милости. Затем Даул-Макан и Шаркан обнялись и радовались до тех пор, пока визирь Дандан не сказал им: – О цари, самым мудрым будет, если мы пустимся в погоню за побежденными и осадим их в Константинии, чтобы истребить их с лица земли. И оба царя согласились, и все войско пустилось в путь со своими начальниками во главе. И они шли через сожженные солнцем равнины, и после шести дней утомительного пути по безводным пустыням, пришли, наконец, в страну, благословленную Создателем. И эта страна, где мирно отдыхали газели и пели птицы, казалась настоящим раем со своими цветами, которые улыбались блуждающему ветерку. И братья подумали о том, что хорошо было бы некоторое время отдохнуть в этих местах. И Даул-Макан сказал Шаркану: – О брат мой, останемся здесь на два-три дня, чтобы дать солдатам подышать чудесным воздухом и напиться сладостной воды, – тогда они будут лучше сражаться против неверных.

И они провели там два дня и уже готовились складывать свои палатки, когда увидели караван дамасских купцов, возвращавшийся из страны неверных на родину. И когда солдаты загородили им путь, чтобы наказать за торговлю с неверными, купцы бросились в ноги Даул-Макану и достали письмо, служившее им пропускным листом. И Даул-Макан прочел его, так же как и Шаркан. И Шаркан сказал: – Зачем же вы, мусульмане, пошли торговать к неверным? Тогда купцы ответили: – Аллах привел нас к этим христианам, чтобы сделать нас орудием более славной победы, чем все победы войск. И Шаркан спросил: – Какая же это победа, о купцы? И они ответили: – Мы можем говорить об этом только в уединенном месте, ибо, если это дело разгласится, ни один мусульманин не сможет даже в мирное время показаться в христианских странах. Тогда Даул-Макан и Шаркан отвели купцов в палатку, где не могло быть нескромных ушей. Тогда купцы... Но, дойдя до этого места своего повествования, Шахразада увидела, что занимается утро, и скромно умолкла. И когда наступила девяносто пятая ночь, она сказала:

ночь девяносто пятая

И узнала я, что купцы рассказали братьям историю, которую сочинила старая Зат-ад-Давахи. И оба брата были растроганы, слушая рассказ об освобождении отшельника из монастырского подземелья. И они спросили у купцов: – Но где же теперь этот святой отшельник? И купцы ответили: – Мы посадили святого в ящик и, нагрузив его на спину одного из наших мулов, привезли его к вам. И купцы разгрузили мула, открыли ящик и привели святого отшельника к двум братьям. Он предстал перед ними, весь черный, как стручок кассии, – до того он был худ и сморщен; и кожа его была изборождена рубцами от ударов бича, которые можно было принять за следы врезавшихся в тело цепей. Увидев это (на самом деле, это была Зат-ад-Давахи), оба брата уверились, что перед ними находится святейший из отшельников, особенно когда они заметили, что его лоб блестел, как солнце, благодаря мази, которой коварная старуха натерла себе кожу. И они подошли к ней, прося у нее благословения со слезами на глазах, – так они были растроганы. Тогда она им сделала знак подняться и сказала: – Знаете, что я покорно подчиняюсь воле моего Владыки, ибо знаю, что Он посылает мне страдания для того, чтобы испытать терпение и смирение мое. И если я теперь радуюсь моему освобождению, то не потому, что оно прекратило мои страдания, а потому, что я нахожусь среди братьев наших, мусульман, и надеюсь умереть под ногами у лошадей воинов, сражающихся за дело Ислама! Ибо правоверные, убитые на святой войне, не умирают: душа их бессмертна!

Тогда оба брата стали целовать ее руки и хотели распорядиться, чтобы ей дали поесть, но она отказалась, говоря: – Уже скоро пятнадцать лет, как я пощусь, и теперь я не могу прервать мой пост и мое воздержание. Тогда они не стали настаивать, но, когда наступил вечер, они велели изготовить разные кушанья, но коварная старуха опять отказалась, говоря: – Теперь не время есть; нужно молиться Всевышнему. И она стала на молитву посреди палатки и молилась без отдыху три ночи. Тогда оба брата, считая ее по-прежнему святым отшельником, отвели ей особую палатку, и к концу третьего дня пришли служить ей и велели принести в ее палатку все, чего только душа может пожелать из вкусных вещей. Но она съела только кусочек хлеба и немного соли. И почтение, которое питали к ней оба брата, лишь возросло от этого, и Шаркан сказал брату: – Этот человек отрекся от всех благ мира! Подойдем к нему и попросим его побеседовать с нами, ибо завтра мы должны выступать, и это случай воспользоваться его наставлениями. А великий визирь Дандан добавил: – Я тоже хотел бы попросить этого святого отшельника молиться за меня.

Тогда все трое направились к палатке, где жила коварная Зат-ад-Давахи, и нашли ее погруженною в экстаз молитвы. Тогда они стали ждать, пока она окончит молитву, и после подошли к ней и облобызали перед нею землю,

а она поднялась и сказала: – Зачем вы пришли сюда в такой час? И они ответили: – Мы пришли, чтобы попросить твоего благословения перед великой битвой и чтобы выслушать рассказ о твоем пребывании у неверных, против которых мы выступим завтра с помощью Аллаха, чтобы истребить их всех до единого. Тогда эта старуха сказала им: – Слушайте же!

РАССКАЗ О ТОМ, ЧТО БЫЛО В МОНАСТЫРЕ

Знайте, что я долго прожил в Святых Местах в обществе благочестивых людей. И я намеревался провести остаток дней моих в тишине и покое однообразной жизни. Но однажды ночью, когда я пошел к морю, непобедимая сила внушила мне мысль идти по воде. И я к моему великому удивлению пошел по ней, даже не омочив ног. И так я прогуливался некоторое время по морю, а затем вернулся на берег. Тогда я внутренне возгордился и подумал: – Разве кто-нибудь может ходить по морю, как я! Но едва только я произнес про себя эту мысль, как Аллах наказал меня за гордость, вложив в мое сердце страсть к путешествиям. И я, покинув Святые Места, принялся бродить по лицу всей земли.

И вот однажды, проходя через Румские страны, я подошел к высокой мрачной горе, на вершине которой находился христианский монастырь, охраняемый одним монахом. Я знал его в бытность мою в Святых Местах, и он назывался Матруна. И едва он увидел меня, как подбежал ко мне и пригласил меня войти в монастырь. И он повел меня по длинной галерее, в конце которой находилась дверь в темный подвал. И он втолкнул меня туда, запер меня на ключ и продержал там сорок дней, не давая ни есть, ни пить, надеясь таким образом из ненависти к моей вере уморить меня голодом. Между тем в монастырь прибыл главный начальник монахов; и его сопровождала свита из десяти красивых молодых монахов и одной красивой молодой девушки, одетой в монашеское платье, которое облегало ее талию, округляло бедра и грудь. И один Аллах ведает, какие ужасы проделывал этот начальник монахов с этой молодою девушкою по имени Тамасиль и с молодыми монахами.

И монах Матруна рассказал начальнику о моем заключении. Тогда начальник приказал открыть дверь подземелья, говоря: – Вероятно, от этого мусульманина остался теперь только голый скелет! Но когда Матруна открыл дверь подземелья, то увидел, что я стою на коленях и читаю молитву. Тогда он закричал: – Проклятый колдун! Переломаем ему кости! И монахи стали бить меня палками и кнутами с такой яростью, что я думал, – настал мой последний час. И я понял, что Аллах послал мне эти испытания, чтобы наказать меня за мою прежнюю гордость. И после того, как монахи избили меня, они заковали меня в цепи и опять бросили в темное подземелье. И я умер бы там от истощения, но Аллаху угодно было вложить сострадание ко мне в сердце юной Тамасиль, которая каждый день тайно приносила мне

ячменный хлеб и кружку воды. И так продолжалось все время, пока начальник монахов не уехал, поручив охрану Тамасиль монаху Матруне.

Я прожил в подземелье пять лет, а молодая девушка стала так прекрасна, что могла бы затмить красотою всех красавиц своего времени. Но эта девушка – не единственная драгоценность монастыря, ибо там собрано великое множество золота, серебра, драгоценных украшений и не поддающихся исчислению богатств. Потому вы должны взять этот монастырь приступом, и я буду вам проводником и помогу вам открыть потайные хранилища с чеканными сосудами из чистого золота, и я отдам в ваши руки молодую Тамасиль, ибо, кроме своей красоты, она обладает даром пения и знает все арабские песни, как городские, так и бедуинские. И она сделает лучезарными ваши дни и сладостнейшими ваши ночи.

Выслушав эту историю, оба брата пришли в восторг, помышляя о сокровищах, какие они захватят, и о юной Тамасиль, которая, несмотря на свою молодость, была опытна в искусстве наслаждения. Но визирь Дандан выслушал эту историю с чувством величайшего недоверия. Однако он скрыл свое впечатление из опасения ошибиться. Что же касается Даул-Макана, то он хотел сам идти к монастырю во главе войска, но Зат-ад-Давахи отсоветовала ему это, говоря: – Боюсь, как бы монах Матруна при виде воинов не скрылся бы из монастыря, уведя с собою и Тамасиль. Тогда Даул-Макан велел позвать главного придворного и сказал ему: – Завтра войско выступит к Константинии, и ты заменишь меня в качестве главнокомандующего. И постарайся, чтобы войско ничего не знало о моем отсутствии. Затем Даул-Макан, Шаркан и визирь Дандан отобрали сотню наиболее храбрых воинов и сотню мулов, которых они нагрузили пустыми ящиками, предназначенными для укладки монастырских сокровищ. И они взяли с собою также Зат-ад-Давахи, которую продолжали считать отшельником, и, согласно ее указаниям, они направили путь к монастырю. Что же касается главного придворного и мусульманских войск, то на следующее утро они сняли свои палатки и направились к Константинии.

Старая же Зат-ад-Давахи, со своей стороны, тоже не теряла времени... Дойдя до этого места своего повествования, Шахразада увидела что приближается утро, и скромно приостановила свой рассказ. А когда наступила девяносто шестая ночь, она продолжила:

ночь девяносто шестая

Узнала я, что Зат-ад-Давахи не теряла времени. Едва все вышли из палаток, как она вынула из ящика пару прирученных голубей и привязала на шею каждому письмо к царю Афридонию, в котором она излагала все происшедшее и которое заканчивала так: «О царь, нужно немедленно отправить к монастырю десять тысяч наиболее испытанных и храбрых воинов всех румских войск. И когда они придут к горе, пусть до моего прибытия не трогаются с места! Тогда я отдам в их руки обоих царей,

и визиря, и сто мусульманских воинов». И посланные голуби долетели, и приручавший их сторож взял письмо, привешенное на шею голубям, и отнес его царю Афридонию. И тот приказал собрать десять тысяч воинов и дать каждому по лошади, по верблюду и по мулу, чтобы везти добычу, которую они отнимут у врага. И он велел им спешно идти к монастырю.

Когда же цари Даул-Макан и Шаркан пришли к подножию горы, им с воинами пришлось подниматься одним, поскольку Зат-ад-Давахи, ссылаясь на усталость от путешествия, сказала: – Поднимитесь раньше вы, а когда вы овладеете монастырем, я укажу вам, где спрятаны сокровища. И они быстро взобрались на стену монастыря и спрыгнули в сад. Услышав шум, прибежал монах Матруна; но они живо расправились с ним, пронзив ударом меча. И воины принялись за ограбление монастыря. Они проникли в святилище и нашли там множество драгоценностей и всевозможные дорогие вещи. И они наполнили ими ящики и мешки свои, и нагрузили ими своих мулов и верблюдов. Но девушки по имени Тамасиль они не нашли. Они обыскали весь монастырь и ждали ее в течение двух дней; но юная Тамасиль так и не появилась. Тогда Шаркан, выйдя из терпения, сказал: – О брат мой! Сердце мое тревожится мыслью о воинах, которых мы отправили в Константинию. И Даул-Макан сказал: – Я думаю, придется отказаться от этой Тамасиль, ибо мы уже долгое время прождали напрасно. Пойдем же к нашим войскам, чтобы раздавить неверных и овладеть столицей их, Константинией!

Но едва они сошли на равнину, как со всех сторон появились румские воины. Увидев их, Даул-Макан закричал: – Кто предупредил христиан о нашем присутствии в монастыре? Но Шаркан воскликнул: – О брат мой! Не будем терять время на предположения; обнажим мечи и устроим проклятым псам такое побоище, чтобы ни один не вернулся к своему очагу! На это визирь Дандан сказал: – Если бы у нас было десять тысяч воинов, они были бы беспомощны в этом узком ущелье. Однако во время, когда я воевал здесь с покойным царем Омаром, я изучил все выходы из этой долины. Следуйте же за мною, пока неверные не заняли еще всех проходов! Но когда они хотели укрыться от неприятеля, перед ними появился отшельник и закричал им: – Куда вы, о правоверные? Неужели вы бежите от врага? Разве вы забыли, что я спасся от смерти потому, что так угодно было Аллаху? Вперед, о мусульмане! А если вам суждено погибнуть, то вас ожидает рай! При этих словах души их наполнились храбростью, и все стали мужественно выжидать приближавшегося к ним врага.

И когда христиане подошли на расстояние копья и меча, их головы стали летать, словно мячи. Даул-Макан и Шаркан каждым размахом сабли отрубали по пяти голов зараз. И сто воинов задали нападавшим знатную резню; и так продолжалось до наступления ночи. Тогда правоверные удалились в пещеру у подножия горы и хотели осведомиться о судьбе отшельника, но напрасно они искали его. И Даул-Макан сказал: – Быть может, этот святой человек погиб среди схватки? Но визирь Дандан воскликнул: – О царь, я видел его во время битвы, и мне показалось, что он возбуждает к бою неверных! Но как раз в эту минуту отшельник появился у входа в пещеру, держа за волосы отрубленную голову начальника христианского войска. Увидев это, оба брата воскликнули: – Хвала Аллаху, который вернул тебя нам, святой отшельник! А коварная старуха отвечала: – Мне хотелось умереть в этой битве, но сами неверные чтили меня и отвращали от моей груди свои мечи. И я воспользовался этим доверием, чтобы приблизиться к их начальнику, и, с помощью

Аллаха, одним взмахом сабли отрубил ему голову! Что же касается меня... На этом месте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и скромно умолкла. Но когда наступила девяносто седьмая ночь, она сказала:

ночь девяносто седьмая

И дошло до меня, что Зат-ад-Давахи продолжала таким образом: – Что же касается меня, то я побегу к вашему войску, стоящему под стенами Константинии, и приведу подкрепление, чтобы спасти вас от рук неверных. Тогда оба брата поблагодарили отшельника за его самоотвержение, и сказали: – Но как ты выйдешь из этого ущелья, все проходы которого заняты христианами? Ведь они забросают тебя камнями с высоты этих скал! Но старуха ответила: – Аллах укроет меня от взглядов их, и я пройду незамеченным. Тогда Шаркан сказал: – Слова твои полны истины, ибо я видел посреди битвы твое геройское поведение, и ни один из этих псов не осмелился даже взглянуть на тебя. Теперь наступила ночь. Воспользуйся же ее мраком и ступай под покровом Аллаха! Что же касается отрубленной головы христианского военноначальника, то она лишь отрезала ее, когда он был уже убит в пылу сражения. Что же до двух царей, визиря Дандана и оставшихся воинов, которые провели ночь в пещере, то они проснулись с зарею и, совершив предписанные омовения, были готовы по призыву Даул-Макана снова броситься в битву, как львы на стадо свиней. И снова мечи ударялись о мечи, и копья о копья, и дротики пробивали кольчуги, и воины бросались в бой, как волки, жаждущие крови. И Шаркан и Даул-Макан пролили столько крови, что река, протекающая по долине, вышла из берегов. Но вот при наступлении ночи... На этом месте своего повествования Шахразада заметила, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила девяносто восьмая ночь, она сказала:

ночь девяносто восьмая

И узнала я, что при наступлении ночи каждая из сторон вернулась в свой лагерь. И мусульманских воинов оставалось всего десять человек, кроме двух царей и визиря, и они могли рассчитывать теперь, более чем когда-либо, только на свои превосходные мечи и на помощь Всевышнего. Убедившись в этом, Шаркан не мог удержаться от глубокого вздоха и сказал: – Что мы теперь будем делать? На

что исполненные веры воины ответили разом: – Ничто не совершится помимо воли Аллаха! И Шаркан провел эту ночь, не смыкая глаз. А утром он поднялся, разбудил своих товарищей и сказал им: – Нас всего тринадцать человек, и я думаю, что было бы опасно выступать против неприятеля, ибо, какие бы чудеса храбрости мы ни совершали, мы не сможем долго устоять под натиском наших бесчисленных врагов. Поэтому станем с мечами у входа в пещеру, где мы укрылись на ночь, и вызовем у наших врагов желание подойти сюда. И кто осмелится проникнуть сюда, будет изрублен в куски, ибо в этой пещере мы сильнее их. И так мы будем истреблять наших врагов, дожидаясь подкрепления.

Тогда пять воинов вышли из пещеры и, обернувшись к лагерю неприятеля, стали задирать их громким криком. И видя приближение отделившегося от неприятеля отряда, они вернулись в пещеру, расположившись у ее входа в два ряда. И каждый раз, когда христиане пробовали войти, мусульманские воины разрубали их надвое, и никто не возвращался, чтобы предупредить остальных, как опасен был такой приступ. Избиение христиан прекратилось только с наступлением ночи. Но на следующий день христиане собрались на совет и решили: – Этой борьбе с мусульманами не видно конца. Поэтому вместо того, чтобы брать пещеру приступом, обложим ее сухим хворостом и подожжем его. Тогда под угрозою сгореть они сдадутся нам, и мы поведем их как пленников к царю нашему Афридонию. В противном же случае пусть они превратятся в уголь, и да превратит их Христос в дым и сделает их ковром, разостланным под ногами христианского воинства. Сказав это, они стали поспешно собирать хворост у входа в пещеру... На этом месте Шахразада увидела, что занимается утренняя заря, и отложила продолжение рассказа до следующего дня. А когда наступила девяносто девятая ночь, она сказала:

ночь девяносто девятая

Дошло до меня, что они сложили хворост у входа в пещеру высокою грудою и подожгли. Когда находившиеся в пещере мусульмане почувствовали паливший их жар, они прижались друг к другу и бросились из пещеры, быстро проскользнув через пламя. Но они были ослеплены дымом и были брошены судьбой в руки врагов, которые хотели истребить их. Однако начальник христиан сказал своим воинам: – Подождем убивать их и отведем живыми к царю Афридонию. Наденем цепи им на шею и потащим за нашими лошадьми в Константинию! И связали их веревками и приставили к ним нескольких воинов. Затем все христианское войско принялось есть и пить; и они пили так много, что в полночь все уже лежали, как мертвецы. Тогда Шаркан сказал брату своему Даул-Макану: – Не можем ли мы выбраться из этого положения? Но Даул-Макан ответил: – О брат мой, не знаю, ибо мы, как птицы в клетке.

Но Шаркан пришел в бешенство и испустил такой глубокий вздох, что от этого усилия связывавшие его веревки порвались. Тогда он вскочил на ноги и освободил брата своего и визиря Дандана, а затем и десять мусульманских воинов, достав ключи от их цепей. Затем они вооружились оружием опьяневших христиан и взяли лошадей их, и потихоньку удалились, благодаря Аллаха за свое освобождение. И они поскакали вперед и выбрались на вершину горы. Тогда Шаркан остановился на минуту и сказал: – Теперь, когда с помощью Аллаха, мы находимся в безопасности, мы рассеемся по вершине этой горы и закричим изо всех сил: «Аллах-акбар!» Тогда скалы отзовутся нашими голосами, и нечестивые подумают, что все мусульманское войско напало на них. Растерявшись, они бросятся в потемках избивать друг друга и будут резаться так до утра. И действительно, услыхав тысячекратно перекликавшиеся в горах голоса, неверные с ужасом вскочили и схватились за свое оружие, крича: – Христос свидетель! Все мусульманское войско напало на нас! И обезумев, они бросились друг на друга и продолжали начавшуюся резню до самого утра, в то время как маленький отряд правоверных быстро удалялся по направлению к Константинии. И при свете наступающего утра Даул-Макан, Шаркан и визирь Дандан увидели, что перед ними поднялось облачко густой пыли... На этом месте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила сотая ночь, она сказала:

ночь сотая

Узнала я, что они увидели – навстречу им идет мусульманское войско во главе с эмирами Рустемом и Вахраманом. Как только эмиры увидели царя Даул-Макана, они спрыгнули с лошадей и подошли с приветствием: – Главный придворный просил нас поспешить к вам на помощь. Отшельник, шедший для этого день и ночь, сообщил нам об угрожавшей вам опасности. Узнав об этом, оба брата были чрезвычайно обрадованы и возблагодарили Аллаха за благополучное прибытие святого отшельника. И они сказали эмирам: – Нападем на неверных и захватим все их богатства. И все войско под командою Даул-Макана и Шаркана напало на лагерь неверных. Когда все христианские воины были перебиты, мусульмане овладели добычей и провели ночь в покое, поздравляя друг друга с успехом. На следующее утро Даул-Макан решил выступить в путь и сказал начальникам войска: – Теперь мы должны идти как можно скорее к Константинии и соединиться с главным придворным.

Но тут вдали поднялась черная пыль, а когда она рассеялась, из нее показалась старуха Зат-ад-Давахи в образе отшельника. И она дрожащим голосом сказала: – Я должна сообщить вам о несчастии! Братья ваши, мусульмане, под стенами Константинии подверглись нападению со стороны осажденных и разбиты. Услышав эти слова, все воины зарыдали и стали

испускать крики отчаяния. Один визирь Дандан воскликнул громким голосом: – Клянусь Аллахом, сердце мое полно отвращения к этому странному отшельнику. Прогоните от себя этого проклятого колдуна! Поспешим же скорее к Константинии! На этом моменте своего повествования Шахразада заметила, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила сто первая ночь, она сказала:

Ночь сто первая

И дошло до меня, что на эти слова Шаркан сказал визирю: – Изгони из ума своего эти нехорошие подозрения, которые доказывают только, что ты не видел, как этот отшельник во время битвы бесстрашно бросался на мечи и копья врагов!

И в это время мусульмане увидели, что навстречу им беспорядочно бежит разбитое войско, находившееся под командою главного придворного. Тогда Даул-Макан подозвал его и попросил рассказать все подробности поражения. И главный придворный, с расстройством на лице и с мукой в душе, рассказал ему все, что произошло. Когда эмиры Рустем и Вахраман отправились на помощь Даул-Макану и Шаркану, войско, стоявшее под стенами Константинии, оказалось сильно ослабленным. Главный придворный не хотел говорить об этом своим солдатам, ибо боялся, чтобы из них не нашлось какого-нибудь изменника. Но старуха, которая давно уже ожидала этого момента, сейчас же побежала к осажденным и попросила бросить ей веревку. Она привязала к ней письмо, написанное ею к царю Афридонию, в котором говорилось следующее: «Письмо это написано хитрейшей Зат-ад-Давахи, бичом Востока и Запада! Знай, о царь, что я замыслила такую хитрость, которая будет окончательною погибелью для мусульман. После того, как я завлекла в плен царя Даул-Макана, брата его Шаркана и визиря Дандана, мне удалось ослабить численность осаждающих, убедив отослать две трети войска в долину, где они будут уничтожены победоносными воинами Христа. Тебе остается сделать вылазку против осаждающих и изрубить всех их в куски!» Прочитав это письмо, царь Афридоний приказал позвать к себе царя Гардобия, который вместе с войсками пришел из Кайссарии на помощь осажденной Константинии. И прочитав письмо Зат-ад-Давахи, царь Гардобий воскликнул: – Оцени же, о царь, бесподобные хитрости кормилицы моей, Зат-ад-Давахи! А царь Афридоний ответил: – Да позволит нам Христос воспользоваться плодами хитроумных замыслов ее! И он приказал дать солдатам сигнал к атаке. Увидев христиан с обнаженными мечами, старший придворный сейчас же призвал своих людей к оружию и сказал им: – О мусульманские воины! Если вы поколеблетесь, то вы погибли; если же вы будете держаться твердо, то восторжествуете! И воины воскликнули: – Нет Бога, кроме Аллаха! А христиане стали призывать Христа. На этом моменте Шахразада увидела, что занимается утро, и умолкла. А когда наступила сто вторая ночь, она сказала:

ночь сто вторая

узнала я, что оба войска сошлись в ужасной схватке. Но что могли сделать правоверные против бесчисленного войска проклятого Рума! И вот к вечеру весь лагерь мусульман достался жителям Константинии. И после полного поражения они встретили войско царя Даул-Макана, шедшее из долины, где разбиты были христиане, собравшиеся у монастыря. Тогда Шаркан воздал хвалу старшему придворному за твердость в сопротивлении. И мусульманские воины, собравшиеся в единую армию, направились к Константинии. И подойдя к стенам города, они стали готовиться к бою. Тогда Шаркан сказал Даул-Макану: – О царь времени! Лучшее расположение войск состояло бы в том, чтобы я поместился в центре нашего войска; визирь Дандан будет командовать правым центром; эмир Тюркаш – левым, эмир Рустем – правым крылом, а эмир Вахраман – левым крылом. Ты же, о царь, останешься под покровом главного знамени, и мы будем служить укреплением тебе! И Даул-Макан приказал привести этот план в исполнение.

Между тем из рядов румских выехал всадник; он подъехал к тому месту, где находился Даул-Макан, и сказал: – Я приехал от царя Афридония, который предлагает положить конец этой войне поединком между ним и главою мусульманского воинства, доблестным Шарканом. Выслушав эти слова, Шаркан сказал: – Вернись к своему царю и скажи, что мусульманский боец Шаркан принимает вызов. И если я буду побежден, воины наши будут искать спасения в бегстве. Когда всадник передал царю Константинии этот ответ, тот чуть не подпрыгнул от радости, ибо был уверен, что убьет Шаркана.

Когда наступило утро, царь сел на боевого коня. Он держал в руке кривую саблю, а за плечом у него был лук. Подъехав к рядам мусульман, он воскликнул: – Вот я, царь Афридоний! И тут перед ним появился Шаркан верхом на коне; в руке у него был индийский меч с клинком, который мог разрубить сталь. И он закричал царю Афридонию: – Берегись, о проклятый! И Шаркан нанес ужасный удар противнику, который спасся от погибели только благодаря прыжку своей лошади. Потом оба они бросились друг на друга и не переставали наносить и отражать удары до захода солнца, без какого-либо результата для той или другой стороны. Но когда светило должно было уже закатиться, Афридоний закричал Шаркану: – Оглянись назад! Тебе привели нового коня, чтобы успешнее сражаться со мною! При этих словах Шаркан оглянулся. Но это была только хитрость, и проклятый христианин вонзил свое копье в спину Шеркану. И тот, испустив ужасный крик, упал на луку седла. А Афридоний, считая его мертвым, испустил победоносный крик и поскакал к христианскому войску. И когда мусульмане увидели, что Шаркан упал, они бросились на помощь к нему... На этом моменте повествования Шахразада заметила, что наступает утро, и прервала свой рассказ. Когда же наступила сто третья ночь, она сказала:

ночь сто третья

И дошло до меня, что визирь Дандан и эмиры подняли Шаркана, перенесли его в палатку Даул-Макана и поручили его заботам врачей. Утром Шаркан открыл глаза и сказал: – Он нанес мне рану предательским образом! Но благодаря Аллаху удар не оказался смертельным. Даул-Макан сказал: – О брат мой, я отмщу за тебя, убив этого пса Афридония! И он пришпорил своего коня, и Афридоний тоже пустил коня своего посреди ристалища. И оба бойца встретились, и силы Даул-Макана удвоились от жажды мщения, и он нанес противнику удар в шею, и меч его, пронзив забрало, кожу на шее и хребет, отделил его голову от тела. Увидев это, мусульмане помчались на христиан, и началось беспримерное избиение их, пока не наступила ночь. Тогда неверным удалось запереть ворота Константинии, чтобы помешать мусульманам проникнуть в город. А мусульмане вернулись в палатки, нагруженные добычей; и начальники их поздравили Даул-Макана. Между тем проклятая старуха, услышав известие о смерти царя Афридония, замыслила худший из своих замыслов. Она приложила мази к ранам Шаркана, а затем приказала всем выйти, чтобы он мог спокойно заснуть. И когда Шаркан погрузился в сон... На этом моменте Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила сто четвертая ночь, она сказала:

ночь сто четвертая

И узнала я, что, когда Шаркан погрузился в сон, старуха, следившая за ним, как разъяренная волчица, вытащила из одежд своих отравленный кинжал и занесла его своею злодейскою рукой, и опустила на шею Шаркана, отделив голову от туловища. И так погиб от руки проклятой старухи несравненный герой Шаркан, сын царя Омара. И, удовлетворив свою жажду мести, старуха положила подле отрубленной головы письмо, в котором она говорила: «Письмо это написано той, которая сделалась известна своими подвигами под именем Зат-ад-Давахи. Знайте, что это я имела счастье погубить царя Омара, и я же была причиной вашего истребления в долине монастыря; и я же собственною рукою отрубила голову начальнику вашему Шаркану. И я надеюсь, что мне удастся также отрубить голову царю вашему Даул-Макану и визирю его Дандану. И знайте, что никогда вам не удастся привести в исполнение свои

намерения; и вы погибнете все до единого под стенами Константинии от моих хитроумных замыслов, и с помощью Христа, Господа нашего».

Положив это письмо, старуха выскользнула из палатки и вернулась в Константинию, чтобы сообщить христианам о совершенном ею злодеянии. Что же касается убийства Шаркана, то в тот час, когда оно совершилось, на великого визиря Дандана напала бессонница и беспокойство, и он почувствовал такую тяжесть, как если бы весь мир навалился на грудь его. Он вышел из палатки, чтоб подышать воздухом; и увидел вдали отшельника, быстро удалявшегося из лагеря. Тогда он подумал: – Принц Шаркан остался один; пойду поговорить с ним, если он не спит.

Когда же он вошел в палатку, то увидел лужу крови на земле и отрезанную голову Шаркана. И визирь Дандан испустил такой ужасный крик, что разбудил всех спавших, и скоро весь лагерь был на ногах. Когда же царь Даул-Макан прибежал в палатку и увидел визиря Дандана, плакавшего подле безжизненного тела принца Шаркана, он воскликнул: – О Аллах! О какой ужас! И упал без чувств... Тут Шахразада увидела, что близко утро, и со свойственной ей скромностью замолкла. А когда наступила сто пятая ночь, она сказала:

ночь сто пятая

Узнала я, что при виде мертвого брата Даул-Макан воскликнул: – О брат мой! Какой демон привел тебя в это непоправимое состояние? И он залился слезами и зарыдал. Но тут визирь Дандан увидел письмо, прочитал его и воскликнул: – Вы видите теперь, почему этот отшельник внушал мне такое отвращение! А царь Даул-Макан сказал: – Я схвачу эту старуху и заживо прибью гвоздями к воротам Константинии! Потом он устроил торжественные похороны своему брату Шаркану, повелев воздвигнуть ему памятник из алебастра и золота у подножия холма. И он не переставал плакать, пока визирь Дандан не пришел к нему и не сказал: – О царь, к чему скорбь о непоправимом, тогда как все предначертано, и все должно прийти в свое время! Поднимись же, о царь, и подумай о том, чтобы достойно окончить осаду столицы неверных!

И в то время, как визирь Дандан ободрял царя Даул-Макана, прибыл посланец из Багдада со следующим письмом от сестры его Нозхату: «Сообщаю тебе, о брат мой, доброе известие! Супруга твоя, молодая раба, благополучно родила тебе ребенка мужского пола, блистающего красотою, как луна в месяце Рамадан. И астрономы предсказывают, что дитя это совершит разные подвиги, ибо рождение его сопровождалось всевозможными чудесными явлениями. Извещаю тебя также, что все мы находимся в добром здоровье, и особенно друг твой истопник, который процветает и желает, так же как и все мы, получить какие-нибудь известия о тебе. И да пребудут вокруг тебя мир и всяческое благоденствие». Прочитав это письмо, Даул-Макан воскликнул: – Теперь, когда Аллах даровал мне сына, сердце мое понемногу

оживает. И нам должно теперь заключить траур по моему покойному брату. И визирь велел разбить палатки вокруг могилы Шаркана, где разместились чтецы Корана и имамы; и он велел зарезать множество баранов и разделить мясо их между солдатами. И утром Даул-Макан подошел к могиле Шаркана, которая была обтянута драгоценными тканями из Персии и Кашмира... На этом моменте повествования Шахразада увидела, что занимается утро, и скромно умолкла. А когда наступила сто шестая ночь, она сказала:

ночь сто шестая

И стало мне известно, что подойдя к могиле брата, Даул-Макан проговорил следующие строфы:

О мой Шаркан, о брат мой,
ты не видишь,
Как по щекам мои струятся слезы
И чертят строки, полные значенья
Яснейшего, чем плавный ритм стихов;
Значительные, горестные строки!

Проговорив эти строчки, Даул-Макан залился слезами, и так завершился траур по Шаркану. Но Даул-Макан не утешился и продолжал грустить о разлуке с братом, и однажды он сказал визирю Дандану: – Что мне сделать, чтобы прогнать тоску, которая теснит мне душу? И визирь ответил: – О царь, я знаю средство против твоих страданий, а именно – рассказать тебе историю из времен, о которых говорится в летописях. В царствование покойного отца я развлекал его по ночам, рассказывая ему чудесную сказку или читая стихи арабских поэтов. И сегодня же ночью я расскажу тебе одну историю, которая приведет тебя в восторг. При этих словах визиря царь Даул-Макан почувствовал, что сердце его забилось от нетерпения, и он мог думать только о том, как бы скорее настала ночь, чтобы услышать обещанную сказку. И едва только стала спускаться ночь, Даул-Макан приказал зажечь факелы в своей палатке и велел принести подносы с яствами и напитками, потом он призвал эмиров Вахрамана, Рустема и Тюркаша и старшего придворного. И когда все собрались, он позвал визиря Дандана и сказал ему: – О визирь мой, ночь уже распростерла над нашими головами свое широкое одеяние, и мы ждем обещанного тобою рассказа, чтобы насладиться им. Но в эту минуту Шахразада заметила, что наступает утро, и отложила продолжение до следующей ночи. А когда наступила сто седьмая ночь, она сказала:

ночь сто седьмая

И дошло до меня, что визирь Дандан ответил: – Знай, о царь благословенный, что история Азиза и Азизы и всего, что случилось с ними, способна рассеять все горести твоего сердца! Вот эта история.

ИСТОРИЯ АЗИЗА И АЗИЗЫ

Был в далекие времена в Персии город из городов, и название ему было Зеленый город. И царя того города звали Солейман-шах. Он отличался справедливостью, великодушием, осмотрительностью и ученостью. И шла добрая слава о нем, внушая доверие купцам и караванам. Но для полного счастья ему недоставало жены и детей. И был у Солейман-шаха визирь, который походил на него своею щедростью и добротою. И вот однажды, когда царя особенно тяготило его одиночество, он сказал ему: – Визирь, силы мои слабеют, и вижу я теперь, что холостое состояние не согласно с природой, в особенности для царей, которые должны передать престол потомкам своим. Скажи, что думаешь об этом. Тогда визирь сказал ему: – Знай же, о царь, что мне не было бы приятно, если бы неизвестная невольница сделалась супругою моего господина; потому что как узнает он о ее происхождении и о чистоте ее крови. Дитя, рожденное от такого союза, всегда будет лживым и преисполненным пороков ублюдком по причине гнусностей, которые он совершит в будущем. Такое происхождение походит на растение, сгнивающее раньше, чем достигнет полного роста. Поэтому не жди, о царь, от своего визиря, чтобы он предложил тебе купить невольницу, хотя бы то была красивейшая из откроковиц земли. Но если ты хочешь выслушать совет мой, то я полагал бы, что следует выбрать супругу из царской семьи, происхождение которой известно.

На это царь Солейман-шах сказал: – О визирь, если ты найдешь такую женщину, я готов взять ее в законные супруги! А визирь сказал ему: – Благодаря Аллаху, дело твое сейчас же может быть устроено. Знай, о царь, что у Зар-шаха, господина Белого города, есть дочь несравненной красоты. И как могу я достойно описать ее темные веки, волосы, ее стан, такой тонкий, что его совсем не заметно, и полноту ее бедер и того, что их поддерживает и округляет? Никто не может подойти к ней, не остолбенев от удивления. И о ней сказал поэт:

О девушка с прекраснейшею грудью!
Твой тонкий стан нежнее гибкой ивы,
Стройней и выше райских тополей!

Услышав эти строчки, царь задрожал от удовольствия, а визирь продолжал: – Поэтому я полагаю, следует как можно скорее послать к Зар-шаху человека достойного доверия, деликатного, умеющего держать себя и опытность которого была бы тебе известна. И ты поручишь ему добиться согласия отца молодой девушки. Поистине, эта царевна – единственно достойная тебя супруга, она – прекраснейший из драгоценных камней на всей поверхности земли и за ее пределами! При этих словах

царь Солейман вздохнул от удовольствия и сказал своему визирю: – Кто же лучше тебя сумеет привести к благополучному концу это щекотливое дело? И визирь по приказу царя Солеймана тотчас же приступил к дорожным приготовлениям. Он взял с собою богатые подарки: драгоценные украшения, золотые и серебряные вещи, шелковые ковры, драгоценные ткани и благовония. Не забыл он взять также десять отборных лошадей чистейшей арабской крови. Взял он также богатое оружие с золотою чернью и нефритовыми рукоятками и золотые кольчуги, не говоря уже о ящиках, нагруженных всякого рода сластями: лакомствами из абрикосов, нарезанных тонкими ломтиками, душистыми вареньями, ароматным миндальным тестом, напитанным росным ладаном и тысячью других лакомств, предназначенных для приобретения расположения молодых девушек. Затем приказал он навьючить все эти ящики на мулов и верблюдов; и взял с собою сто молодых всадников, и сто молодых негров, и сто молодых девушек, предназначенных для сопровождения невесты на обратном пути. И уехал он со своим караваном и шел днем и ночью, перебираясь через горы, долины и реки до тех пор, пока не остался только день пути до Белого города.

Тогда визирь остановился отдохнуть на берегу реки и послал гонца, чтобы известить о своем прибытии царя Зар-шаха. И выслушав прибывшего гонца, царь Зар-шах был чрезвычайно обрадован и отдал эмирам своим приказ выйти навстречу к знатному посланнику царя Солейман-шаха, власть которого почиталась в самых отдаленных краях и на землях самого Белого города. Что же до великого визиря царя Солейман-шаха, то после ночевки он направился к Белому городу и с восходом солнца был уже у городских ворот. И увидел он идущих к нему навстречу визиря царя Зар-шаха с придворными и первыми людьми царства. И после обычных приветствий и поклонов с обеих сторон караван и сопровождавшие его вошли в Белый город. Дойдя до царского дворца, визирь сошел с лошади и вступил в тронный зал. В нем он увидел трон из тончайшего белого мрамора, украшенный вставленными в него жемчужинами и драгоценными камнями. На нем была подушка из зеленого атласа, вышитая золотыми блестками и украшенная золотою бахромою и золотыми же кистями. А на троне сидел царь Зар-шах... Но в эту минуту Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила сто восьмая ночь, она сказала:

Ночь сто восьмая

И рассказал визирь Дандан, что на том троне сидел царь Зар-шах, окруженный представителями царства и стражей. Увидя это, визирь почувствовал, что вдохновение засияло в его уме, и он повернулся к Зар-шаху и сымпровизировал следующие строфы:

Ничто мой слух не усладит отрадней,
Как голос тех, кто песней восхваляет
Тебя, Зар-шах, владыка всех сердец!
И если, раз взглянув тебе в лицо,
Мне больше в жизни не дано увидеть

Еще хоть раз прекрасные черты,
Я все ж богатым навсегда останусь.

Тогда царь велел ему приблизиться к трону, посадил его рядом и разговаривал с ним довольно долго, выказывая знаки своего расположения. После этого царь пожелал остаться с глазу на глаз с визирем; и все вышли, за исключением старых придворных. Тогда визирь царя Солейман-шаха после поклона сказал: – О великий царь! Цель моего прихода – просить у тебя руки прекрасной, благородной и скромной дочери твоей для моего господина царя Солейман-шаха, славного властителя Зеленого города! И я привез тебе богатые подарки в доказательство пламенного желания господина моего породниться с тобою!

Когда царь Зар-шах услыхал эту речь, поклонился визирю и сказал ему: – О мудрый и красноречивый визирь, я почту за величайшую честь принадлежать к семье царя Солеймана! Поэтому дочь моя с настоящей минуты его собственность! И тотчас же призвал он кади и свидетелей, которые составили договор между царем Зар-шахом и царем Солейман-шахом о браке дочери первого из них. И царь радостно приложил этот договор к губам, и устроены были торжественные празднества и розданы были подарки бедным так же, как и богатым. Потом он велел приготовить все для дороги и выбрал невольниц для своей дочери. И велел он изготовить для нее паланкин из литого золота, украшенный жемчугом и самоцветными камнями, который поставили на спины мулов. И при свете утра, когда все двинулись в путь, паланкин казался жилищем духов, а окутанная покрывалами девушка – прекраснейшей из райских гурий.

Царь Зар-шах проводил караван, простился с дочерью и спутниками ее и вернулся в город, преисполненный надежд на будущее. Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно отложила свой рассказ. Но когда наступила сто девятая ночь, она сказала:

НОЧЬ СТО ДЕВЯТАЯ

И дошло до меня, что визирь Дандан рассказал, как караван благополучно совершил путешествие, приблизившись к Зеленому городу, и был послан гонец с известием о его приближении. Узнав о прибытии супруги, Солейман-шах затрепетал от радости и приказал своему войску идти навстречу к новобрачной; и глашатаи призывали весь город присоединиться к этой встрече. И когда наступила ночь, именитые люди города осветили дорогу, ведшую ко дворцу. И все стали в два ряда вдоль пути. И большие барабаны рокотали, трубы пели, знамена развевались над головами, и благовония горели в курильницах. И среди всего этого, сопутствуемая своими невольницами, новобрачная в роскошном одеянии прибыла во дворец Солейман-шаха.

Невольницы распрягли мулов, взяли паланкин на плечи и донесли его до потайной двери. Здесь служанки сменили невольниц и ввели новобрачную в ее комнату. И казалась она среди всех

женщин луною среди звезд. Потом служанки стали в два ряда от дверей спальни до конца коридора. И тогда Солейман-шах вошел в комнату с кроватью из слоновой кости, которая была украшена жемчугом и самоцветными камнями и на которой вся благоухающая лежала молодая девушка. И Аллах воспламенил сердце царя великою страстью и дал ему любовь к этой девственнице. И он обладал ею и, утопая в блаженстве, забыл на этом ложе все свои горести.

И целый месяц оставался царь в комнате своей молодой супруги, так понравились они друг другу; и с первой же ночи царица понесла. После того царь занялся делами своего царства; а когда наступал вечер, он посещал комнату своей супруги, и так до девятого месяца. Когда же царица почувствовала приближение родов, она села на стул для рожениц, и Аллах облегчил ей муки родов, и родила она мальчика, на котором лежала печать счастья и удачи. И царь, узнав это, возрадовался беспредельно и, взяв на руки ребенка, поцеловал его между глаз и увидел, до какой степени подходят к нему слова поэта:

Кормилицы с роскошными грудями
Не приучайте вы его к изгибам
Прелестных станов!
Ведь седлать он будет
Лишь львов могучих царственные спины
Или горячих бурных скакунов!

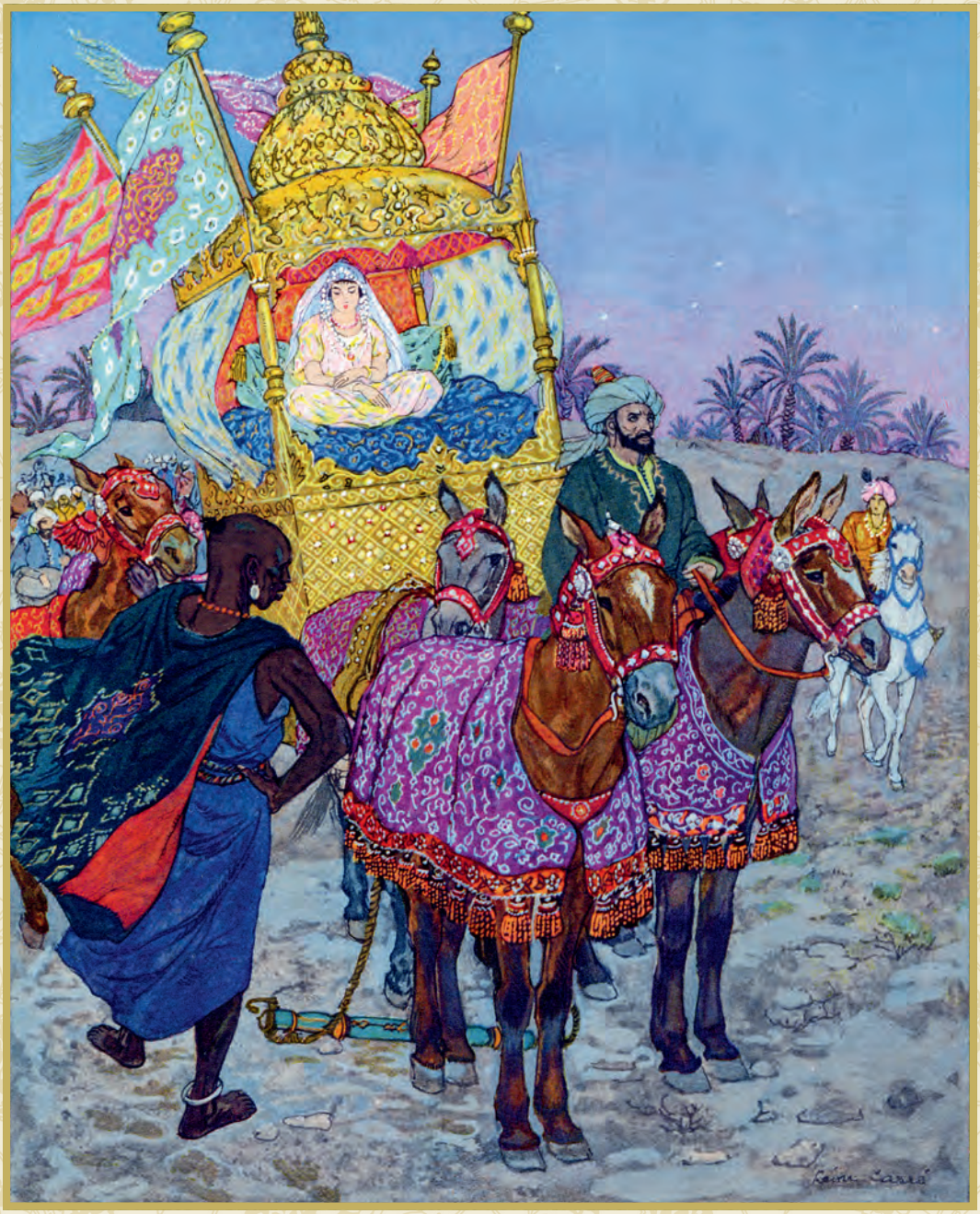
Тогда повитухи перерезали пуповину и провели черной краской черту, удлиняющую глаза. А так как это был сын и внук царей, и мать его была царской дочерью, и он сиял красотою, то его назвали Диадемом. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила сто десятая ночь, она сказала:

ночь сто десятая

Его назвали Диадемом; и шли дни, и протекли годы, и, когда мальчику минуло семь лет, Солейман-шах приказал учить его чистописанию, словесности, законоведению и правилам хорошего поведения. И учили его до достижения им четырнадцатилетнего возраста. Тогда царь передал его из рук ученых в руки учителя верховой езды, и он выучил его ездить верхом, метать копье и дротик и охотиться с ястребом. И когда ему исполнилось пятнадцать лет, наружность его так очаровывала всех, что поэты посвящали ему все самые нежные оды свои; и самые холодные и чистые из мудрецов таяли от восторга при виде этого обаятельного молодого человека. И когда ему минуло восемнадцать, нежный пушок покрыл розовую ткань его щек, а черная амбра украсила белизну его подбородка. И все очи помутились от такой красоты, и сказал о нем поэт:

Его глаза!.. Приблизиться к огню
И не обжечься, более возможно,
Чем устоять пред лучезарным взглядом!

Когда же он возмужал, его стали считать образцом красоты во всех мусульманских странах. Поэтому все



окружающие пламенно желали, чтобы он царствовал в стране, как царил в сердцах.

В это время принц Диадем пристрастился к охоте, и однажды велел своим невольникам взять припасов на десять дней, и отправился с ними на охоту с борзыми. И шли они четыре дня, пока не добрались до местности, орошаемой множеством источников и ручьев, в которой жили всякого рода дикие животные. И была в тот день охота удачна, и затравили много газелей и другой дичи. И по окончании охоты царевич сел отдохнуть на берегу речки и разделил дичь между охотниками. Потом он заснул в этом месте и проспал до утра.

А наутро увидел он неподалеку от себя большой караван, пришедший ночью, и заметил он множество людей, черных невольников и купцов, идущих к речке для совершения омовений. Тогда принц послал спросить у незнакомцев, откуда они и какого звания. И гонец, вернувшись, доложил: – Эти люди сказали мне: «Мы купцы и расположились здесь лагерем, привлеченные дивной водой протекающих здесь источников. И нам нечего бояться, так как находимся мы на земле царя Солейман-шаха, мудрое управление которого успокаивает всех путешествующих. И мы несем ему в дар множество прекрасных вещей, в особенности для сына его, прекрасного принца Диадема». И услыхав это, принц Диадем с друзьями своими и охотниками направился к палаткам каравана.

Когда купцы увидели приближающегося царского сына, они выбежали к нему навстречу и разбили для него почетную палатку из красивого атласа, украшенную разноцветными изображениями птиц и животных. И положили для него подушку на шелковый ковер, края которого украшены были каймой, усыпанной изумрудами. И царевич оперся на подушку, и приказал купцам развернуть товары. Затем он выбрал то, что ему понравилось, и, несмотря на то, что купцы несколько раз отказывались, щедро заплатил за все. Потом, велев невольникам собрать покупки, он хотел снова вернуться к охоте, как вдруг увидел среди купцов молодого... Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и, как всегда, скромно умолкла. И когда наступила сто одиннадцатая ночь, она сказала:

ночь сто одиннадцатая

Среди купцов принц Диадем увидел молодого человека изумительной красоты. Но бледное лицо его носило следы большой печали. Тогда Диадем подошел к нему и спросил, кто он и почему так печален. При этом молодой человек сказал только два слова: – Я Азиз! И разразился рыданиями. Тогда царевич сказал: – О Азиз, знай, что я друг тебе. Скажи же мне причину твоего огорчения. Но Азиз вместо ответа пропел такие стихи:

Ее опасны черные глаза,
Когда полны истомой сладострастной;
Как сталь мечей разят они сердца.

Тогда Диадем не стал настаивать на других разъяснениях и спросил: Но

почему не показал ты мне своих товаров? А тот ответил: – У меня нет ничего достойного царского сына. Но Диадем заставил Азиза показать свои товары, и, не рассматривая прекрасных тканей, царевич купил их все, не считая, и сказал: – А теперь не расскажешь ли мне о своем горе? И если кто-нибудь притесняет тебя, я покараю притеснителей, а если долги тяготят тебя, я готов уплатить их. Но при этих словах Азиз только пропел:

Азиза, милая! Плеяды дальних звезд
Доступнее, чем ты!
Куда пойду я без тебя, несчастный?
Как вынесу ужасную разлуку?

Во время этого пения, царевич перебирал ткани, чтобы отвлечь внимание Азиза от его печали. И вдруг из них выпал четырехугольный кусок вышитой шелковой материи, которую Азиз поспешил поднять. Он сложил его, дрожа всем телом, и подложил себе под колено. Когда же царевич заметил смущение прекрасного Азиза, он, сгорая от беспредельного любопытства, воскликнул: – О Азиз, что ты так скрываешь! Азиз же отвечал: – Знай же, о господин мой, что история этого четырехугольного куска ткани необыкновенна и полна для меня сладких воспоминаний. И я расскажу все подробности; они наверное заинтересуют тебя и послужат назиданием для всех, выслушавших их со вниманием.

И Азиз вынул материю из под колена и развернул ее. И Диадем увидел два четырехугольника; на одном разноцветными шелками и золотыми нитями была вышита газель, а на другом та же газель, но вышитая серебряными нитями, и на шее у нее было ожерелье из червонного золота, на котором висело три восточных хризолита. При виде столь дивной вышивки царевич воскликнул: – О Азиз, расскажи поскорее о себе и о той, которая вышила этих газелей! Прекрасный же Азиз сказал принцу Диадему: – Знай, молодой господин мой... Но, дойдя до этого места своего повествования, Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто двенадцатая ночь, она сказала:

ночь сто двенадцатая

И дошло до меня, что Азиз ответил принцу Диадему: – Знай, что отец мой был знатным купцом, и я был его единственнным сыном. Но у меня была рано осиротевшая двоюродная сестра Азиза, которая воспитывалась в доме моего отца. Умирая, дядя мой заставил моих родителей поклясться, что они обвенчают нас по достижении совершеннолетия. Поэтому нас никогда не разлучали, и мы спали на одной постели, и дочь моего дяди обвивала меня своими руками и прижималась ко мне бедрами, засыпая в моих объятиях. Между тем мы достигли требуемого возраста, и отец мой сказал матери: – Нужно в этом году женить нашего сына Азиза на его двоюродной сестре. И тотчас же стал готовиться к пиршествам и отправился приглашать родственников

и друзей, говоря им: – В эту пятницу после молитвы мы напишем брачный договор между Азизом и Азизой.

И мать моя пошла предупредить об этом всех женщин своего круга. И, чтобы встретить с подобающим почетом приглашенных, женщины нашего дома вымыли пол приемной залы, и устлали его коврами, и украсили стены красивыми тканями, хранившимися в больших сундуках. А я отправился в гамам, принял ванну и облачился в великолепное платье. И я направился к мечети, чтобы сотворить молитву, как вдруг вспомнил одного друга, которого я забыл пригласить. И я, направившись к нему, заблудился в узеньком переулке, в котором никогда не бывал. И так как тело мое было покрыто испариной по причине теплой ванны и нового платья, сделанного из плотной материи, я присел на скамью, стоявшую у стены; но прежде чем сесть, я вынул из кармана платок, шитый золотом, и разостлал его на сидение. И нестерпима была жара в тот день, и пот струился с моего лба на лицо, и мне нечем было обтереть его, потому что платок был подо мною, и я был весь в поту; и терзания мои усиливали испарину. Наконец, собирался я уже поднять полу моей одежды, чтобы обтереть крупные капли пота, струившиеся по моим щекам, как вдруг передо мною упал белый шелковый платок; и один вид его освежал душу, а аромат его способен был исцелить всякую болезнь. И я подобрал его и поднял голову, и глаза мои встретились с глазами молодой особы – той самой, о господин мой, которая впоследствии вышила мне первую газель на четырехугольном куске парчи. И в бронзовой раме верхнего этажа я увидел... Но тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила сто тринадцатая ночь, она сказала:

ночь сто тринадцатая

И дошло до меня, что визирь Азиз увидел в бронзовой раме окна верхнего этажа улыбающееся лицо молодой девушки, для описания красоты которой у него не хватало слов. И едва она заметила его пристальный взгляд, как приложила палец к губам; потом согнула средний палец и прижала его к указательному пальцу левой руки, и затем поднесла оба пальца к своей груди. После этого она, захлопнув окно, исчезла. Ошеломленный Азиз напрасно пожирал глазами окно, надеясь снова увидеть это видение, покорившее его душу, но окно не открывалось. И прождав на этой скамье до захода солнца и потеряв всякую надежду, он направился к своему дому, по дороге развернув брошенный девушкой платок, аромат которого доставлял ему неизъяснимое наслаждение. И он увидел на одном из углов платка стихи, написанные тонким замысловатым почерком:

Мой друг сказал мне:
«Почему твой почерк
Так вымучен и тонок?
Почему он с каждым днем
становится сложнее?»
Я отвечала:
«Ужели ты так прост, что не умеешь
Заметить тут всех признаков любви?»

А в другом углу красовались стихи, написанные более крупным почерком:

Коль смерти всей душой ты жаждешь,
Ее найдешь под взглядом ты ее,
Что поражает всех в нее влюбленных.

Тогда Азиз окончательно обезумел, но все-таки вернулся домой. И он нашел дочь своего дяди в слезах, и она стала расспрашивать о причине его опоздания; и сообщила, что все приглашенные гости долго ждали, а затем удалились, и каждый пошел своей дорогой. Затем она прибавила, что разъяренный отец Азиза поклялся отложить свадьбу до будущего года! Тогда Азиз рассказал ей свое приключение во всех подробностях. И она сказала ему: – О сын моего дяди, знай, что я готова служить тебе всем сердцем, чтобы вернуть спокойствие твоей душе. Я постараюсь устроить тебе свидание с женщиной, без сомнения влюбленной в тебя. Ибо ее знаки означают, что она назначает тебе свидание через два дня: два пальца, прижатые к ее груди, означают число дней, а прикосновение пальца к губам означает, что ты для нее душа, дающая жизнь телу. Моя любовь к тебе столь безгранична, что я возьму вас обоих под мое крылышко.

Тогда Азиз стал благодарить ее за добрые слова, наполнявшие надеждой его сердце; и он оставался дома два дня, выжидая часа свидания. И когда он приблизился, Азиза собственноручно надушила его благовониями... В эту минуту Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто четырнадцатая ночь, она сказала:

ночь сто четырнадцатая

И Азиз так продолжил свой рассказ в присутствии принца Диадема: – И дочь моего дяди надушила меня со словами: – О возлюбленный мой, я желаю тебе обрести мир душевный, ибо я буду счастлива твоим счастьем. Иди же и вернись скорее, чтобы поделиться со мной твоим приключением. Тогда я поспешил унять волнение, овладевшее мною, и вышел из дому. Я направился к тому дому в состоянии крайнего возбуждения; и как только я подошел, окно в верхнем этаже приотворилось, и я увидел ту же молодую девушку. И при виде этого божественного лица я задрожал всем телом. А девушка все смотрела на меня, глаза ее светились огнем страсти, и в руках она держала зеркало и красный платок. Не говоря ни слова, она обнажила руки до плеч, раздвинула пять пальцев правой руки, прижала их к груди и просунула руку за окно, держа зеркало и красный платок. Она три раза махнула платком, потом сложила его, а после захлопнула окно и исчезла. И я не знал, должен ли оставаться или уходить; и в недоумении я провел долгие часы, не спуская глаз с окна. И когда я вернулся домой, то опустился на пол в самом жалком состоянии. И дочь моего дяди бросилась ко мне на помощь, и осыпала поцелуями мои глаза, и тихим голосом стала расспрашивать о причине моего печального вида. Тогда, несмотря на усталость, я передал ей, что

произошло, повторяя все жесты прелестной незнакомки. И дочь моего дяди сказала: – О Азиз, я усматриваю из этих жестов, что молодая девушка пришлет тебе весточку через пять дней, и ты получишь ее у красильщика на углу переулка. Тогда я воскликнул: – Я действительно видел лавочку еврея-красильщика на углу переулка! И я зарыдал от нахлынувших на меня чувств. А Азиза сказала мне: – Влюбленные обыкновенно терпят долгие годы в ожидании и все-таки не падают духом, а ты не более недели назад познакомился с терзаниями любви и уже впал в беспримерную тоску! Встань и подкрепи себя этими яствами, которые я приготовила тебе. Но я не в состоянии был принять ни кусочка пищи, и я потерял сон, пожелтел в лице и совершенно изменился. Ибо в первый раз я познал горечь любви.

В течение пяти дней я страшно похудел, а дочь моего дяди проводила дни и ночи у моего изголовья, развлекая меня любовными историями; и я не раз замечал, как она украдкой отирала слезы. По истечении пяти дней она проводила меня в гамам, потом она одела меня и сказала: – Беги скорее на свидание! И да поможет тебе Аллах добиться твоей цели, и да исцелит Он твою душу! Но, к несчастию, это было в субботу, и лавка еврея-красильщика была заперта. И я присел у дверей лавки и ждал до заката солнца. И когда страх ночного мрака овладел мною, я вернулся домой точно пьяный, не сознавая, что делаю. И я увидел в комнате мою бедную Азизу; голосом, полным скорби, она произносила печальные стихи о терзаниях несчастной любви. Заметив меня, она подошла ко мне, пытаясь скрыть свою тоску, и спросила: – О дорогой брат, почему ты возвращаешься сюда ночью вместо того, чтобы провести ночь у твоей возлюбленной?

Тогда полагая, что она издевается, я толкнул ее так грубо, что она упала и ударилась об угол дивана; и на лбу ее образовался шрам, из которого полилась кровь. Но бедная дочь моего дяди не произнесла ни слова порицания; она спокойно отерла кровь, повязала лоб платком и, как ни в чем не бывало, сказала мне кротким голосом... Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла, не желая злоупотреблять данным ей разрешением. А когда наступила сто пятнадцатая ночь, она сказала:

ночь сто пятнадцатая

И сказала мне кротким голосом: – Прости меня великодушно и расскажи, что произошло, чтобы я могла помочь тебе! И когда я рассказал ей о своей неудаче, Азиза сказала: – Ты достигнешь своей цели, ибо девушка хочет лишь узнать силу твоей любви и твое постоянство. Завтра садись пораньше под ее окном, и ты наверное найдешь благополучное разрешение, соответствующее твоим желаниям! Потом дочь моего дяди присела на край мягкого тюфяка, на котором я растянулся, и всю ночь навевала на меня прохладу своим веером, говоря мне сладостные речи, полные ласки и нежности. Я же думал в это время: «О что за безумие быть влюбленным!»

Когда же настало утро, я отправился в переулок к окну молодой девушки. И не успел я присесть на скамью, как отворилось окно, и перед моими восхищенными глазами появилась прелестная головка той, которая успела овладеть всей моей душой. И она держала в руках мешочек, зеркало, горшок с цветами и фонарь. Затем она вложила зеркало в мешочек и швырнула его в комнату, потом жестом полным очарования распустила свои черные волосы, и они тяжелой волной окутали ее всю, и даже на минуту закрыли ее лицо. Потом она поставила фонарь в горшок с цветами и, собрав все, исчезла. И окно захлопнулось, а сердце мое улетело вслед за молодой девушкой. Зная по опыту, что ждать бесполезно, я отправился в тоске домой, где застал дочь моего дяди с головой, повязанной двойной повязкой: одна из них закрывала шрам на лбу, другая – глаза, воспаленные от слез, пролитых во время моего отсутствия. И, не замечая меня, она убаюкивала себя гармонией дивных стихов, которые произносила шепотом:

Я о тебе мечтаю, мой Азиз!
Где та страна, куда из глаз ты скрылся?
Ответь, Азиз! О где твое жилище,
Возлюбленный мой странник?..

Когда она проговорила эти стихи, то обернулась и увидела меня, и тотчас же постаралась скрыть свою печаль, а я не преминул подробно передать ей таинственные жесты молодой девушки. И Азиза сказала мне: – Возрадуйся, ибо желания твои исполнены! Знай же, что зеркало, засунутое в мешок, изображает заходящее солнце: этим жестом она приглашает тебя прийти завтра вечером в ее дом; горшок с цветами означает, что ты должен войти в сад при ее доме; что касается фонаря на цветочном горшке, то смысл его ясен: когда ты придешь в сад, ты должен направиться в ту сторону, где светится огонь фонаря, и там ждать прихода твоей возлюбленной. Но охваченный разочарованием я воскликнул: – Сколько раз уже ты возбуждала надежду во мне твоими вздорными объяснениями! Как я несчастен! Однако на следующий день я решился попытать счастья и, ободряемый Азизой, принял ванну и облачился в мое лучшее платье. Провожая меня, Азиза со слезами в голосе сказала: – О сын моего дяди! Когда ты побудешь с твоей возлюбленной и получишь желанное удовлетворение, обещай мне сказать ей следующие стихи:

Влюбленные! Аллахом вас молю я,
Скажите мне, когда б без перерыва
Пылала в сердце страстная любовь,
Где б нам тогда искать освобожденья?..

Потом я удалился и, подойдя к саду, нашел калитку отворенной, в глубине я увидел зажженный фонарь и направился к нему в темноте. Когда я подошел к освещенному месту, я изумился до пределов изумления! Я очутился в великолепной зале, которая освещалась золотыми светильниками и большими хрустальными лампами, подвешенными к потолку на золотых цепях. Посредине находился бассейн, отделанный разноцветной инкрустацией, и гармоничный шум воды освежал душу. Рядом на перламутровом табурете стоял серебряный поднос, прикрытый шелковым платком, а на ковре стоял кувшин из глазурованной глины, и на его длинном горлышке красовался кубок из хрусталя и золота. Тогда я приподнял шелковый платок и увидел на подносе... В эту минуту Шахразада заметила приближение утра и умолкла, не желая злоупотреблять данным ей разрешением. Но когда наступила сто шестнадцатая ночь, она сказала:

ночь сто шестнадцатая

И визирь Дандан продолжал так рассказ прекрасного Азиза: – И я увидел на подносе четыре жареных цыпленка, приправленных тонкими пряностями; и стояли еще на нем четыре фарфоровые чашки, и в первой из них была маллагабия*, посыпанная толчеными фисташками и корицей; во второй – протертый изюм, надушенный розовой водой; в третьей – баклава**, разделенная на пласты несравненной нежности; в четвертой – катаефы***, так обильно начиненные, что готовы были лопнуть! Вот что было на одной половине подноса. А другая половина подноса была уставлена фигами, покрытыми морщинами зрелости, лимонами, виноградом и бананами. Тогда я отогнал печальные мысли и предался радости. Но так как тут не было раба, который стал бы прислуживать мне, я вооружился терпением. Но прошел целый час, а потом и другой, и третий... Тогда я начал чувствовать терзания голода, так как я давно ничего не ел, удрученный моей страстью.

И не в состоянии долее бороться с овладевшим мною голодом, я набросился на восхитительные катаефы, а потом на ломтики сочной баклавы, потом очистил всю чашу белой маллагабии, доставляющей такое освежение сердцу. Потом я перешел к цыплятам и съел их всех, до того искусно сделан был подкисленный зернами гранатов фарш, которым они были начинены. После я перешел к фруктам, и долгим и искусным выбором их приятно услаждал свое небо. Наконец, я утолил жажду, черпая из глиняного кувшина. И как только наполнился желудок мой, мною овладела страшная истома, и я опустился на подушки, лежавшие на коврах, и погрузился в глубокий сон.

Когда же я проснулся утром, то лежал уже не на мягком ковре, а на голом мраморе, и на животе моем лежала щепотка соли и кучка толченого угля; и я не видел нигде и следа живого существа. И велико было мое замешательство и мое удивление; и я раскаялся в неспособности моей противостоять бессоннице и утомлению. И я побрел печально к дому, где застал бедную мою Азизу. Увидав меня, она быстро встала и, отерев слезы, приветствовала меня ласковыми словами. И я поспешил рассказать ей, что случилось со мною. Тогда она сказала мне с испугом: – Клянусь Аллахом, боюсь, что незнакомка подвергнет тебя тяжелым испытаниям. Ведь соль означает, что она находит тебя крайне безвкусным, ибо ты дозволил сну овладеть тобою; а уголь означает: «Да покроет Аллах лицо твое чернотою, о ты, любовь которого полна лжи!» Теперь ты видишь, что эта женщина отнеслась к тебе с полным презрением, выразив, что ты способен только есть, пить и спать. Да избавит тебя Аллах от влечения к этой бессердечной женщине!

* *Маллагабия* – блюдо из молока, риса и крахмала.

** *Баклава* – слоеное тесто, начиненное фисташками и миндалем.

*** *Катаефы* – шаровидные пирожки, начиненные орехами.

Услыхав эти слова, я воскликнул: – Клянусь Аллахом, женщина эта права: влюбленные не должны поддаваться сну! Скажи, ради Аллаха, что делать мне теперь? Дойдя до этого места, Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила сто семнадцатая ночь, она сказала царю Шахрияру:

ночь сто семнадцатая

Рассказывали мне, что визирь Дандан так продолжал рассказ, который прекрасный Азиз излагал принцу Диадему: – И бедная Азиза, любившая меня беспредельной любовью, сказала мне: – О дорогой Азиз мой! Возвратись сегодня вечером на то же самое место и берегись поддаваться искушению сна! А для этого необходимо воздерживаться от пищи, ибо она отягчает чувства. И прошу тебя, после того, как девушка даст удовлетворение твоим желаниям, скажи ей стихотворение, которое ты заучил. И да хранит тебя Аллах и защитит тебя от всяких козней! Тогда я стал молить Небо о скорейшем наступлении ночи. И когда день пришел к концу, я вышел из дому. Придя в сад, я нашел, как и накануне, великолепно освещенную залу и в ней подносы, уставленные разными яствами, пирожными, фруктами и цветами. И как только запах яств усладил мои ноздри, я не мог уже сдерживаться и ел до насыщения, а потом утолил жажду из большого глиняного кувшина. И скоро веки мои отяжелели, и, чтобы бороться со сном, я начал приподнимать их моими пальцами, но напрасно.

Тогда я сказал себе: – Я прилягу лишь на минутку, но спать я не буду, о нет! И я взял подушку и подложил ее себе под голову. Но проснулся я лишь на другой день в жалком сарае, и я нашел на животе моем кость от бараньей ноги, круглый мячик, косточки фиников и зерна сладких рожков, а рядом лежали две серебряные драхмы и нож. Тогда я вскочил на ноги и взбешенный тем, что случилось со мною, схватил нож и побежал домой, где я застал бедную Азизу, жалобно произносившую следующие стихи:

О слезы глаз! Вы растопили сердце
И размягчили тело все мое,
Мой друг ко мне все более жесток!

Тогда я, вне себя от бешенства, вывел ее из задумчивости несколькими бранными словами. Но она крепко прижала меня к своей груди и, несмотря на то, что я пытался оттолкнуть ее, сказала – О мой бедный Азиз, я вижу, что ты и в эту ночь дозволил сну одолеть тебя? Тогда, не в состоянии сдерживать себя, я опустился на ковры, задыхаясь от злости, а дочь моего дяди стала обмахивать меня веером и говорить ободряющие слова, уверяя, что все устроится. И по ее просьбе я перечислил ей все те предметы, которые я нашел на животе при моем пробуждении. И она сказала: – Знай же, что круглый мяч означает... Но в эту минуту Шахразада заметила, что приближается утро, и, как всегда, остановилась в своем повествовании. А когда наступила сто восемнадцатая ночь, она сказала:

ночь сто восемнадцатая

най – мяч означает, что твое сердце склонно витать в воздухе; финиковые косточки означают, что подобно им ты лишен сладости; зерна сладких рожков, плодов дерева Айюба*, отца терпения, должны напомнить тебе об этой добродетели, столь драгоценной для влюбленных; что касается кости от бараньей ноги, то она не подлежит объяснению! Тогда я воскликнул: – Но ты забыла о ноже и двух серебряных драхмах! И Азиза, задрожав, сказала мне: – О Азиз, мне страшно за тебя! Две серебряные драхмы – ее глаза. И она хочет сказать тебе: «Клянусь моими глазами, если ты заснешь тут снова, я зарежу тебя!» О сын моего дяди, страшно мне за тебя! Тогда я сказал ей: – Если тебе дорога жизнь моя, скажи, как найти выход из этого? И она сказала: – Ты должен внять моим словам, иначе все погибло! Ты должен спать тут до вечера, тогда ты в состоянии будешь противостоять ночью искушению сна. И когда ты проснешься, я дам тебе есть и пить, и тогда тебе бояться нечего. И дочь моего дяди заставила меня улечься и нежными движениями стала растирать мои члены, и под влиянием этого массажа я уснул, а вечером при моем пробуждении она поспешила дать мне поесть; и она сама клала мне куски в рот, и я совершенно насытился. Потом она вымыла мне руки и окропила меня душистой водой. После принесла красивое платье, облачила меня в него и сказала: – Если Аллаху будет угодно, эта ночь будет для тебя ночью твоих желаний! Но не забывай моей просьбы! Скажи ей стихотворение, которое я заставила тебя заучить!

И я прибыл в сад и снова вошел в залу, и опустился на богатые ковры. И так как я был сыт, то смотрел равнодушно на подносы, просидев до половины ночи. Однако, когда прошло три четверти ночи, голод опять заговорил во мне, и он так усилился, что я не мог противостоять влечению моей души. Я приподнял шелковые платки и наелся досыта, и выпил стакан вина, потом другой, и так до десяти. Тогда голова моя отяжелела, но я крепился и вертел головой во все стороны. И в ту минуту, когда я уже готов был поддаться сну, я услышал шелест шелковых материй. И я едва успел вскочить на ноги и вымыть руки и рот, как увидел, что занавес в глубине залы поднялся. И окруженная молодыми рабынями, прекрасными, как звезды, вошла она. И была она точно сама луна. На ней было платье из зеленого атласа, все шитое красным золотом. И она улыбнулась мне и сказала: – Это очень мило! Как удалось тебе на этот раз побороть сон? И я ответил: – Предчувствие твоего появления освежило мне душу! Тогда она подмигнула рабыням, и они удалились, оставив нас одних в зале. И она села рядом со мною, и прижалась ко мне своей грудью, и обвила мою шею своими руками. И я прильнул к ее губам, я сосал ее верхнюю губу в то время, как она сосала мою нижнюю губу; и мы вместе опустились на ковры. И я развязал шнурки ее одежд; и мы обнимались, и целовались, и

* *Айюб* – исламский пророк; соответствует библейскому Иову.

ласкали, и кусали друг друга. И она упала в мои объятия, задыхаясь от желания. И эта ночь была сладостной ночью для моего сердца.

Когда же наступило утро, и я хотел проститься, она остановила меня и сказала: – Подожди немного! Мне нужно передать тебе одну вещь... В эту минуту Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто девятнадцатая ночь, она сказала:

ночь сто девятнадцатая

И молодой Азиз так продолжил свое повествование: – Она остановила меня и сказала: – Мне нужно передать тебе одну вещь и дать тебе добрый совет! Услыхав эти слова, я присел рядом, а она достала кусок парчи, на котором была вышита газель, и передала мне парчу со словами: – Это работа моей приятельницы, принцессы Камфарных и Хрустальных островов. Знай, что этот предмет будет иметь невероятное значение в твоей жизни. И тогда я стал горячо благодарить ее и, прощаясь с нею, забыл сказать стихи, о которых говорила дочь моего дяди.

Когда я пришел домой, я застал Азизу в ужасном состоянии: ее черты носили печать страдания но, сделав усилие над собой, она поднялась, прижала меня к своему сердцу и спросила: – Сказал ли ты ей стихи, о Азиз? А я, смутившись, отвечал: – Я совершенно забыл о них! И виноват в этом этот кусок шелковой материи. И я развернул перед нею парчу и показал эту газель. Тогда Азиза разразилась громкими рыданиями и воскликнула: – Умоляю тебя, не забудь в следующий раз сказать ей эти строфы! И она повторила мне свои стихи, и я хорошо запомнил их. Когда же наступил вечер, она сказала мне: – Вот близится твой час, о Азиз! Да приведет тебя Аллах невредимым к желанной цели! Придя в сад, я вошел в залу, где нашел уже мою возлюбленную, которая давно ждала меня; и она тотчас же привлекла меня к себе, и поцеловала меня, и усадила рядом с собою; потом, когда мы насытились яствами и напитками, мы вполне отдались друг другу. И бесполезно описывать наши забавы, продолжавшиеся до самого утра. И на сей раз я не забыл произнести стихи Азизы:

Влюбленные! Аллахом вас молю я,
Скажите мне, когда б без перерыва
Пылала в сердце страстная любовь,
Где б нам тогда искать освобожденья?..

Не могу передать, какое действие произвели эти стихи на мою подругу; ее сердце смягчилось, она залилась слезами и произнесла следующие строфы:

Хвала и честь душе великодушной
Соперницы! Она все знает тайны
И их хранит безмолвно. И, страдая
От дележа, безропотно молчит.
Известно ей достоинство терпенья!

И я постарался удержать в памяти эту строфу, чтобы передать ее Азизе. И когда я вернулся домой, я нашел Азизу, лежавшую на тюфяках. Ее лицо было

покрыто страшной бледностью, она печально взглянула на меня и сказала едва слышным голосом: – Ты не позабыл мою просьбу? И я сказал, что сделал это, и повторил стихи, произнесенные моей возлюбленной. Слушая их, Азиза тихо заплакала, а потом прошептала следующие слова поэта:

Кто не способен умолчать о тайне
Иль вынести с терпеньем испытанье,
Себе лишь смерти может ждать
в удел.
Когда умру я, мой привет пошлите
Вы той, кем жизнь загублена моя!

Потом она добавила: – Прошу, когда будешь у твоей возлюбленной, передай ей эти стихи! И да будет жизнь твоя сладка, о Азиз! И вот, когда спустилась ночь, я вернулся в сад и нашел мою подругу, ожидавшую меня в зале. И мы ели, пили и всячески забавлялись, и я вспомнил обещание, данное мною Азизе, и передал ее стихи. Но едва только моя подруга услышала их, как отстранилась от меня и в ужасе закричала: – Клянусь Аллахом! Особа, которая произнесла эти стихи, в эту минуту уже не числится в списке живых! Надеюсь, что она не родственница тебе! Тогда я сказал ей: – Это моя невеста, дочь моего дяди! Тогда она воскликнула: – Почему же ты скрыл это от меня? Клянусь Аллахом, я не позволила бы себе похитить у нее жениха, если бы знала об этих узах! Но скажи мне, знала ли она о наших свиданьях? Я сказал: – Разумеется! И она сама толковала мне знаки, которыми ты объяснялась со мною! Тогда она воскликнула: – Значит, ты причина ее смерти! Поспеши же к ней и узнай, что случилось!

И я поспешно удалился, озабоченный этим печальным предсказанием. И когда я подходил к нашему дому, то услышал крики женщин, предававшихся печали. И одна из соседок сказала мне: – Азизу нашли распростертой на полу без признаков жизни. Я бросился в дом, и моя мать закричала мне: – Ты ответишь перед Аллахом за ее смерть! О сын мой, каким недостойным женихом был ты!.. Но на этом месте своего повествования Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто двадцатая ночь, она сказала:

ночь сто двадцатая

И она собиралась осыпать меня бранью, когда вошел мой отец; тогда она умолкла, не желая бранить меня в его присутствии. И отец мой приступил к исполнению похоронных обрядов, и мы провели три дня в палатках, на могиле Азизы, читая Священную Книгу. И сердце мое было объято жалостью к покойнице. И мать моя сказала мне: – Ради Аллаха, о Азиз! Расскажи мне теперь, чем ты так поразил эту несчастную, что она умерла от горя? Когда она уже собиралась покинуть землю, то повернулась ко мне, открыла на минуту глаза и сказала: – О прошу тебя передать твоему сыну мое последнее наставление! Когда он отправится в то место, где он обыкновенно бывает, пусть произнесет перед уходом следующие слова:

Как смерть сладка в сравнении с изменой!

Потом она добавила: – И я буду охранять его и после моей смерти, как охраняла его, пока была жива! После этого она достала из-под подушки вещь, которую поручила передать тебе, но при этом она заставила меня поклясться, что я вручу тебе ее, когда ты будешь оплакивать ее смерть и искренно скорбеть о ней. И я буду хранить эту вещь, о сын мой, и вручу ее, лишь когда увижу, что ты возвратился к лучшим чувствам. И после этого мать оставила меня одного. А я в ту пору думал лишь о том, как бы позабавиться и развлечься. И не было для меня ничего более привлекательного, как свидания с моей возлюбленной. И как только спустились сумерки, я поспешил в ее дом; и я нашел ее поджидавшей меня с таким нетерпением, как будто она сидела на горячих угольях. И она подбежала ко мне, и повисла на моей шее, и стала расспрашивать меня о моей двоюродной сестре Азизе; и когда я рассказал ей подробности ее смерти, ею овладела безмерная жалость. И тогда я сказал ей: – И она горячо просила мою мать передать мне – для того, чтобы я, в свою очередь, передал тебе ее последние слова:

Как смерть сладка в сравнении с изменой!

Услыхав это, молодая девушка воскликнула: – Да будет над нею милость Аллаха! Ибо знай, что этими словами она спасает тебя от коварного замысла, которым я хотела погубить тебя. При этих словах я изумился свыше меры и воскликнул: – Что я слышу? Мы были связаны пылкой любовью, а ты решила погубить меня! Она отвечала: – О наивный! Вижу, ты не догадываешься, на какие предательства способны женщины! Знай, что ты обязан твоей двоюродной сестре освобождением из моих рук. И я должна покориться, но только под условием, что ты никогда не взглянешь ни на одну женщину кроме меня, будь она молода или стара. Не то горе тебе! Смотри же, не забывай этого условия! А теперь я хочу обратиться к тебе с одной просьбой... В эту минуту Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто двадцать первая ночь, она сказала:

ночь сто двадцать первая

А теперь я хочу обратиться к тебе с одной просьбой. Проведи меня к гробнице бедной Азизы; я хочу написать на ее камне несколько сочувственных слов. И я ответил: – Мы сделаем это завтра, но объясни мне теперь значение этих слов: «Как смерть сладка в сравнении с изменой». Но она ни слова не хотела сказать мне по этому поводу. А утром, на рассвете, она поднялась, взяла кошелек, наполненный динариями, и сказала мне: – Теперь проводи меня к ее могиле, ибо я хочу выстроить над ней купол! И я отвечал: – Слушаю и повинуюсь. И я пошел впереди нее, и она следовала за мною, раздавая нищим деньги из кошелька и говоря: – Это за упокой души Азизы! И так мы дошли до могилы, и она бросилась на мраморную плиту и залилась

слезами. Потом она вынула из мешочка золотой молоточек и начертила на гладком мраморе следующие стихи:

Пускай Аллах вознаградит тебя
За все страданья, и тебя поставит
На высшую вершину он в Раю!

Потом она поднялась и направилась со мною в обратный путь. И вдруг с нею произошла странная перемена: она сделалась нежна ко мне и несколько раз повторила: – Ради Аллаха, не оставляй меня никогда! И я поспешил выразить ей мое повиновение. И я продолжал проводить с нею ночи, и я носил великолепные платья и тончайшие рубашки, и я достиг пределов тучности, и не знал ни горестей, ни забот, и лишился даже воспоминания о бедной дочери моего дяди. И вот в начале второго года такой жизни, выходя из гамама, был я в самом блаженном настроении, и ощущение бытия было особенно сладостно для меня в этот день. И в этом состоянии мною овладело желание излить душу на груди моей подруги. И я направился к ее дому и, переходя через глухой переулок, увидел старуху, которая шла навстречу мне, держа в руке фонарь, освещавший дорогу перед ней, и какое-то письмо в свертке. И я остановился; тогда она, пожелав мне мира, сказала... Дойдя до этого места, Шахразада увидела приближение утра и умолкла. А когда наступила сто двадцать вторая ночь, она сказала:

ночь сто двадцать вторая

Тогда, пожелав мне мира, старуха сказала: – Сын мой, если ты умеешь читать, возьми это письмо и прочитай мне его. И я развернул письмо и прочитал его. В нем говорилось, что отправитель письма находится в добром здравии и шлет поклоны сестре и родителям. И, услыхав это, старуха подняла руки к небу и, пожелав мне всякого благополучия за добрую весть, сказала: – О господин мой! Я хочу попросить тебя об одной милости. Благоволи последовать до дверей нашего дома, чтобы прочитать еще раз, стоя за дверью, это письмо, ибо женщины, живущие в нашем доме, отнесутся с недоверием к моим словам, в особенности же дочь моя, которая очень привязана к своему брату, отправителю этого письма; и вот уже десять лет прошло с тех пор, как он отправился путешествовать, и это первая весточка от него, которого мы уже оплакивали, как умершего. Прошу же тебя, не отказывай мне в этом! И я согласился исполнить просьбу старухи, и она пошла вперед, и вскоре мы пришли к дверям какого-то дворца. Когда я подошел вплотную к двери, старуха закричала что-то на персидском языке. И тотчас же за полуотворенной дверью появилась стройная улыбающаяся молодая девушка с босыми ногами. Мраморный пол только что мыли; и она приподнимала руками складки своих шальвар, чтобы не замочить их, и рукава ее также были приподняты до самых плеч, обнажая руки ослепительной белизны. Изящные ножки ее были украшены золотыми бубенчиками, усеянными драгоценными камнями, а на руках блестели тяжелые браслеты,

переливавшиеся огнями всех цветов; в ушах сверкали серьги с подвесками из чудесного жемчуга, а на шее – тройное ожерелье из бесподобных драгоценных камней; на голове красовался платочек из тончайшей ткани, усеянной алмазами.

Увидев меня, молодая девушка прикинулась чрезвычайно изумленной, и, повернув ко мне свое лицо с большими глазами, она спросила нежным голосом, который показался мне восхитительнее всего, что я слышал в моей жизни: – О мать моя, так это он будет читать нам письмо? И молодая девушка протянула руку, чтобы передать мне письмо, которое она взяла из рук матери. Но когда я наклонился, чтобы взять из ее рук письмо, я неожиданно почувствовал толчок в спину. Старуха втолкнула меня в прихожую, а сама быстрее молнии вошла вслед, захлопнув дверь. И я очутился пленником среди двух женщин, не зная, что они собираются сделать со мною. Но не успел я... В эту минуту Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто двадцать третья ночь, она сказала:

ночь сто двадцать третья

Едва успел я дойти до середины коридора, как девушка повалила меня на землю и стала с душить меня в объятиях. И после разных странных движений она стала растирать меня с такой яростью, что я дошел до потери сознания и закрыл глаза, как идиот. Тогда она помогла мне встать, взяла меня за руку и в сопровождении матери ввела меня в свои покои. И я опьянел от действия ее пальцев, необыкновенно искусных в массаже. И она сказала мне: – Открой глаза! И я увидел себя в зале таких невероятных размеров, что она могла служить скаковым полем для упражнений всадников; и зала эта была вымощена мрамором, и она была уставлена мебелью, обитой парчой и бархатом. И в глубине был обширный альков, в котором виднелась кровать из золота с инкрустациями из жемчуга и драгоценных камней. И девушка к моему изумлению назвала меня по имени и сказала: – О Азиз, скажи, что ты предпочитаешь: жизнь или смерть? Я сказал ей: – Жизнь! Она продолжала: – В таком случае, ты должен сделаться моим мужем! Но я воскликнул: – Лучше смерть, чем брак с такой развратницей! Она сказала: – О Азиз, женись на мне, и ты избавишься от дочери Далилы-Пройдохи. Я сказал: – Кто же это? Я никогда не слыхал о ней. Тогда она засмеялась: – Как, Азиз! Но ведь она твоя любовница, уже год и четыре месяца как ты живешь с нею! Берегись ее козней! Сколько преступлений совершено ею над ее любовниками! И я крайне изумляюсь, что вижу тебя целым и невредимым!

При этих словах я дошел до пределов удивления и спросил: – О госпожа моя, как ты узнала все эти подробности, совершенно не известные мне? Она отвечала: – Прежде чем объяснить тебе все это, я желаю узнать из твоих уст историю твоих приключений с нею. И тогда я рассказал молодой девушке все, что было между мною и моей возлюбленной, и все, что было с Азизой. Услышав имя Азизы, она залилась горячими слезами и сказала мне: – Не подлежит сомнению, что ты

обязан своим спасением только вмешательству бедной Азизы! Теперь, когда ты лишился ее, берегись сетей дочери коварной Далилы-Пройдохи... Но я не вправе открыть тебе больше, ибо нас связывает страшная тайна! И я сказал: – Знай еще, что перед смертью Азиза велела мне сказать той, которую ты называешь дочерью Далилы-Пройдохи, такие слова: «Как смерть сладка в сравнении с изменой». И она воскликнула: – О Азиз, именно эти слова и спасли тебя от верной смерти! Живая или мертвая, Азиза продолжает охранять тебя! Знай же, что я давно возгорела желанием овладеть тобою, но только сегодня мне удалось, наконец, завлечь тебя! Ты молод, о Азиз, и не предполагаешь, на какие хитрости способна такая старуха, как моя мать! Покорись же судьбе, и ты не нахвалишься своей женой. Ибо я хочу соединиться с тобой законным браком перед Аллахом. И все желания твои будут тотчас же исполнены, и у тебя будут богатства, и великолепные ткани для платьев, и никогда я не позволю тебе развязывать кошелек твой, ибо у меня ты всегда найдешь свежий хлеб и полный кубок. И в уплату я потребую только одного! Я спросил: – Чего же? Она сказала: – Чтобы ты делал со мной то же, что делает петух! Я сказал с изумлением: – Что же делает петух? При этих словах девушка залилась смехом, и она стала топать ногами от восторга и захлопала в ладоши. Потом она сказала мне: – Ремесло петуха, о Азиз, состоит в следующем: есть, пить и упражняться в любви. Услыхав эти слова, я смутился и сказал: – Клянусь Аллахом, я не знал, что это можно назвать ремеслом! Она ответила: – Это прекраснейшее ремесло, о Азиз! Встань, опояшь себя ремнем, укрепи свой дух и примись за дело! И она закричала матери. – Иди скорее!

И в комнату вошла ее мать в сопровождении четырех свидетелей. Каждый из них держал в руке зажженный факел, и после приветствий они уселись в круг. Тогда девушка поспешила опустить вуаль на лицо, и свидетели написали брачный договор; и она признала в нем, что получила от меня десять тысяч динариев для покрытия всех расходов, и заявила себя моей должницей перед Аллахом и своей совестью. Потом она раздала вознаграждение свидетелям, и вслед за ними исчезла и старуха-мать, и мы остались одни в большой зале с четырьмя просветами... В эту минуту Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто двадцать четвертая ночь, она сказала:

ночь сто двадцать четвертая

Мы остались одни в большой зале с четырьмя просветами. И молодая девушка стала раздеваться и приблизилась ко мне в одной рубашке из тончайшей ткани. И были на ней еще тонкие шальвары, но она поспешила сбросить их, и повела меня в глубину алькова, и тут бросилась на большую кровать, и сказала мне, задыхаясь: – Теперь это разрешено законом. И нет ничего постыдного в том, что законно! И она растянулась рядом со мною, гибкая и стройная, и прижала меня к себе. И я не

мог более противостоять ее желаниям, и наши крики, вопли и поцелуи наполнили весь дом и взволновали всю улицу. И после этого мы уснули, обнявшись.

И утром, когда я собирался удалиться, она подошла ко мне и сказала: – Куда ты, Азиз? Неужели же ты думаешь, что выйти из этого дома так же легко, как легко было войти в него? Неужели же ты забыл, что сочетался со мною законным браком? Дверь этого дома открывается только один раз в год. Ты можешь проверить мои слова! Тогда я вскочил и бросился к входной двери; и она была заколочена и забита наглухо. И я вернулся к молодой девушке, а она улыбнулась и сказала мне: – О Азиз, знай, что здесь имеется обильный запас муки, круп, свежих и сушеных плодов, масла, сахара, варенья, баранов, цыплят и других продуктов, которых хватит на несколько лет. И ты останешься здесь целый год со мною! Покорись же судьбе и прогони с лица это выражение досады и тоски! Тогда я со вздохом сказал: – Нет спасения и могущества вне Аллаха! Она же сказала: – О чем вздыхаешь ты, раз уже представил доказательства твоего искусства в ремесле петуха? И мне не оставалось другого выхода, как подчиниться ее желаниям.

И остался я в этом доме, совершенствуясь в ремесле петуха в течение целого года. И я так искусно справлялся со своей задачей, что жена моя скоро забеременела и в конце года родила ребенка. И только тогда я услышал скрип входной двери и возрадовался освобождению. Когда же дверь отворилась, я увидел множество носильщиков, нагруженных припасами для будущего года. И я вскочил с места и собирался поскорее выбежать на улицу, но она удержала меня за полу моего платья и сказала мне: – О Азиз, подожди, по крайней мере, до того часа, когда ты вошел ко мне год назад! И я согласился, и, когда надвинулись сумерки, она проводила меня до порога и не хотела отпустить меня, пока я не поклялся ей вернуться раньше утра, когда дверь снова запиралась. И я поклялся в этом Священной Книгой!

Я вышел на улицу и направился к дому моих родителей, но, проходя мимо сада той, которую жена моя называла дочерью Далилы-Пройдохи, я увидел, что сад открыт, а в глубине его светится огонь фонаря. Тогда я почувствовал волнение, и я сказал в душе моей... Дойдя до этого места, Шахразада увидела, что близится утро, и скромно умолкла. Но когда наступила сто двадцать пятая ночь, она сказала:

ночь сто двадцать пятая

почувствовал волнение и даже гнев; и я сказал в душе моей: «Я отсутствовал целый год и нахожу теперь все в прежнем виде! О Азиз, ты должен узнать, что сталось с твоей прежней возлюбленной!» И я пошел быстрее, и вошел в залу, и нашел там мою подругу, сидевшую в печальной позе. Глаза ее были влажны от слез, и лицо необыкновенно бледно и печально. И увидев меня, она попробовала встать, но снова опустилась от волнения. Когда же к ней вернулась способность речи, она сказала с чувством: – Хвала Аллаху, который привел тебя сюда, о Азиз! Я ждала тебя здесь каждую ночь;

смотри, как изменило меня это долгое ожидание! Ах, скажи мне, Азиз, что удерживало тебя так долго вдали от меня? Тогда я, о принц Диадем, рассказал ей все подробности моего приключения.

Когда молодая женщина услышала, что я женат, она точно остолбенела от негодования и, придя в себя, воскликнула: – Ах, гнусный изменник! Теперь никто не спасет тебя из моих рук! И теперь мне незачем щадить тебя, раз у тебя есть жена и ребенок. Я питаю отвращение к женатым людям, и забавляюсь я только с холостыми мужчинами. Теперь ты больше не нужен мне, но я не допущу, чтобы ты достался другой! При этих словах, сказанных страшным голосом, десять молодых рабынь, более сильных, чем самые сильные негры, бросились на меня и повалили на землю. И молодая женщина взяла острый нож и сказала: – Мы зарежем тебя, как похотливого козла! Так я отомщу за себя и за бедную Азизу, которую ты свел в могилу! Готовься к смерти! Дойдя до этого места своего повествования, Шахразада увидела, что близится утро, и скромно умолкла. А когда наступила сто двадцать шестая ночь, она сказала:

ночь сто двадцать шестая

И я не сомневался в моей смерти, ведь две рабыни сидели на моем животе, две другие держали мои ноги, и еще две прижали всей своей тяжестью мои колени. И она с помощью двух других рабынь принялась бить меня палкой по пяткам. Тогда я воскликнул: – Я предпочитаю смерть таким пыткам! Тогда она, отточив страшный нож о свою туфлю, сказала своим рабыням: – Натяните кожу на его шее! В эту ужасную минуту Аллах навел меня на последние слова Азизы, и я воскликнул: – Как смерть сладка в сравнении с изменой! Услыхав это, она испустила страшный крик и воскликнула: – Да помилует Аллах твою душу, о Азиза! Ты только что спасла от неминуемой смерти сына твоего дяди! Но ты, Азиз, не думай, что отделался этим, ибо я непременно должна отомстить тебе и этой беспутнице, которая так долго не пускала тебя ко мне. Эй девушки! Свяжите ему покрепче ноги!

И она поставила на очаг кастрюлю из красной меди, в которую положила масла и мягкого сыру, и она подождала, пока сыр разошелся в кипящем масле, и наклонилась ко мне, и развязала мои шальвары. И я задрожал всем телом от ужаса, ибо догадался о ее намерении. Тогда, о принц Диадем, я от боли лишился чувств, а когда пришел в себя, увидел, что рабыни накладывают мне на рану кипящее масло с мягким сыром, и это сразу остановило кровотечение. После этого молодая женщина сказала мне с презрением: – Возвращайся туда, откуда пришел! Ты больше не нужен мне, так как я взяла у тебя единственную вещь, которая могла служить мне. И она прогнала меня из своего дома, говоря: – Благодари Аллаха за то, что голова еще держится на твоих плечах!

Тогда я, едва передвигая ноги, дотащился до дома моей жены. Найдя дверь отворенной, я скользнул в дом и опустился на подушки в большой зале. И тут

прибежала моя жена и, увидев бледность моего лица, заставила меня рассказать обо всем и показать мою рану. И я не мог перенести вида этой раны и лишился чувств. Когда я пришел в себя, то увидел себя лежащим на улице, потому что жена моя, увидев, чем я стал, выбросила меня из своего дома. Тогда, полный отчаяния, я направился к нашему дому и бросился в объятия моей матери, которая давно оплакивала меня. И, увидев меня бледным и обессиленным, она зарыдала... В эту минуту Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто двадцать седьмая ночь, она сказала:

ночь сто двадцать седьмая

И она зарыдала, а я вспомнил о моей бедной Азизе, которая умерла, не проронив ни одного упрека; и в первый раз я пожалел о ней и залился слезами раскаяния. И мать сказала мне: – Бедное дитя, несчастия преследуют дом наш: твой отец умер! При этом известии я точно остолбенел и в этом состоянии оставался всю ночь. Утром мать заставила меня подняться, но я был точно прикован к месту и не отводил глаз от угла, где обыкновенно присаживалась моя бедная Азиза, и мать моя сказала мне: – Ах, сын мой, вот уже десять дней прошло с тех пор, как твой отец твой умер в милосердии Аллаха! Я сказал: – О мать моя, не говори пока об этом! Теперь вся душа моя полна мыслью о бедной Азизе, и я не могу посвятить мою скорбь другим воспоминаниям. И мать моя замечала искренность моей печали и старалась облегчить мои страдания. И так шли дни, и вот однажды мать моя села рядом со мною и сказала мне проникновенным голосом: – Сын мой, теперь, наступило время вручить тебе вещь, которую передала мне для тебя перед смертью бедная Азиза. Она открыла сундучок и вынула оттуда кусок драгоценной парчи, на которой вышита вот эта вторая газель, которую ты видишь, о принц Диадем! И ты видишь эти стихи, образующие тут чудесную кайму:

Ты сердце мне желанием наполнил,
Чтобы его безжалостно разбить.

При чтении этих строф я залился обильными слезами и, разворачивая материю, выронил листочек бумаги, на котором... В эту минуту Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто двадцать восьмая ночь, она сказала:

ночь сто двадцать восьмая

Я выронил листочек бумаги, на котором рукою Азизы были начертано следующее: «О возлюбленный мой, ты был мне дороже моей жизни. Но даже после смерти я буду молить Аллаха ниспослать тебе успех у всех избранниц твоего сердца. И знаю я, что тебе не миновать несчастий, которые готовит тебе дочь Далилы-Пройдохи. Пусть вырвут они из твоего сердца злосчастную любовь к коварным женщинам и научат тебя не привязываться к ним в будущем! Этот подарок тебе – кусок парчи, на которой вышита газель. Прислана она мне царской дочерью Сетт-Донией, принцессой Камфарных островов. Когда ты отправишься разыскивать ее, знай, о Азиз, что несравненные прелести этой принцессы не предназначаются тебе. Не вздумай воспламениться любовью к ней, ибо для тебя встреча с нею будет спасением от всяких бед, и тогда кончатся все терзания твоей души».

При чтении этого письма я выплакал все слезы моих глаз. И в состоянии безнадежной печали я пробыл в течение целого года, а потом стал подумывать об отъезде, желая разыскать принцессу Сетт-Донию. И мать моя, поощряя меня в этом намерении, сказала: – В нашем городе стоит купеческий караван, готовящийся к отъезду; присоединись к нему! Когда ты вернешься из путешествия, ты забудешь обо всем, что отягчает твою душу! И я последовал совету матери и, накупив товаров, присоединился к купцам и всюду следовал за ними. И каждый день я садился в уединенный уголок и брал эту материю – память бедной Азизы! – и расстилал ее перед собою, и проливал слезы, глядя на нее. И так продолжалось до тех пор, пока мы не достигли после года странствований границы земель, где царствовал царь Шахраман – отец принцессы Донии.

И прибыв в это царство, я подумал: «О Азиз, бедный калека, чем могут быть теперь для тебя все молодые девушки на свете – для тебя, уподобившегося женщине!» Дойдя до этого места, Шахразада заметила приближение утра и остановилась. А когда наступила сто двадцать девятая ночь, она сказала:

ночь сто двадцать девятая

Чем могут быть теперь для тебя все молодые девушки на свете! Однако, припоминая слова бедной Азизы, я стал обдумывать, каким путем добиться свидания с царской дочерью Сетт-Донией. И однажды, гуляя в садах, окружавших город, я подошел к калитке сада, усаженного прекрасными деревьями. У входа сидел старик-сторож с добродушным лицом, на котором лежала печать благословения Аллаха. И я приблизился к нему и после приветствий спросил: – Кому принадлежит этот сад? И он сказал: – Дочери царя Сетт-Донии! И ты можешь погулять в нем и насладиться ароматом цветов. И я сказал: – Как благодарен я тебе! Но не разрешишь ли ты мне подождать прихода царской дочери, чтобы я мог насладиться ее видом? Но

он сказал: – Клянусь Аллахом, это невозможно! И мы пошли по аллеям сада, и он привел меня в восхитительное местечко, и сорвал спелые душистые плоды, и сказал: – Услади себя ими, сын мой! Их вкус известен одной принцессе Донии! И он оставил меня на минуту и вернулся, неся жареного ягненка; и он пригласил меня разделить его трапезу.

И в это время скрипнула калитка сада. Тогда сторож сказал мне шепотом: – Скорее! Встань и спрячься в кустах! И как только я успел укрыться, я увидел у калитки сада голову черного евнуха, который громко спросил: – Есть ли кто-нибудь в саду? Принцесса Дония идет сюда. Тот ответил: – Здесь нет никого! И он поспешил к выходу и отворил настежь двери. Тогда я увидел принцессу Сетт-Донию и подумал, что сама луна спустилась на землю. И я следил за нею, но не мог даже вздохнуть от овладевшего мною волнения. И я оставался неподвижен во время ее прогулки, напоминая собой изнуренного жаждой путника на берегу озера, не имеющего силы дотащиться до прозрачной воды.

И когда принцесса удалилась из сада, я простился со сторожем и присоединился к купцам каравана, говоря себе: «Что сталось с тобою, Азиз! Женоподобное существо, неспособное покорять влюбленных красавиц! Иди же, вернись к твоей бедной матери и доживай в мире твои дни! Для тебя жизнь потеряла всякий смысл!» И отчаяние мое было так велико, что я решил не думать больше о словах Азизы, уверявшей меня, что принцесса Дония будет для меня источником счастья. И я уехал с караваном и прибыл в земли, принадлежащие царю Солейман-шаху, твоему отцу, о принц Диадем!

Когда принц Диадем услышал эту чудесную историю... Дойдя до этого места своего повествования, Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто тридцатая ночь, она сказала:

ночь сто тридцатая

Я слышала, о царь благословенный, что великий визирь, излагавший эту историю перед царем Даул-Маканом во время осады Константинии, окончив рассказ о приключениях молодого Азиза, сообщил и продолжение этой истории, в которой Азиз играет немаловажную роль, участвуя во всех удивительных происшествиях, о которых я сейчас с вашего позволения расскажу вам.

РАССКАЗ О ПРИНЦЕССЕ ДОНИИ И ПРИНЦЕ ДИАДЕМЕ

Когда принц Диадем услышал эту чудесную историю и узнал, насколько принцесса Дония красива и как искусна она в вышивании, им в тот же час овладела страсть, и решил он сделать все, чтобы увидать ее. Он взял с собою Азиза, сел на

Léon Carré

лошадь и направился к городу отца своего Солейман-шаха. И по возвращении он предоставил другу своему Азизу прекрасный дом, в котором было всего вдоволь. И, убедившись таким образом, что у Азиза нет ни в чем недостатка, он вернулся во дворец своего отца. И когда царь Солейман-шах заметил, как побледнел его сын, он понял, что на сердце Диадема лежит печаль, и он спросил у него: – Почему так изменилось лицо твое, и что так огорчает тебя? Тогда принц Диадем сказал, что влюбился в Сетт-Донию только со слов Азиза, описывавшего ее пленительную походку, глаза и прочие совершенства.

При этом Солейман-шах до крайности обеспокоился и сказал сыну: – Дитя мое, эти Камфарные острова лежат очень далеко от наших краев, а в нашем городе есть много прекраснейших девушек и красивых невольниц со всех концов земли. А если ни одна из них не придется тебе по вкусу, возьми в жены дочь одного из соседних царей, и она будет красивее и искуснее Сетт-Донии! Сын же отвечал ему: – Отец, я желаю взять себе в супруги только принцессу Донию, и я покину родной край, друзей и дом свой и убью себя из-за нее! Тогда отец, видя, что опасно противоречить юноше, сказал ему: – В таком случае дай мне время послать посольство к царю Камфарных островов, чтобы просить руки его дочери. Если же он откажет, я потрясу землю под ним и разрушу все его царство!

Сказав это, царь велел привести к себе Азиза, и спросил его: – Известен ли тебе путь, ведущий к Камфарным островам? Я хочу, чтобы ты сопровождал туда моего великого визиря, которого я пошлю к царю этого края. И Азиз ответил: – Слушаю и повинуюсь, о царь нашего времени! Тогда Солейман-шах позвал своего великого визиря и сказал ему: – Ты должен отправиться на Камфарные острова просить у царя его дочь в супруги сыну моему Диадему. Визирь выслушал и повиновался, а принц Диадем удалился в свои покои, шепча стихи о муках любви:

Спросите ночь! Она вам скажет горе
И песни слез, что грусть моя слагает
В разбитом сердце. О спросите ночь!

И как только рассвело, отец поспешил прийти к нему и увидел, что лицо его стало еще бледнее, чем накануне, и чтобы придать ему бодрости, он велел Азизу и великому визирю поторопиться с отъездом. И тотчас же пустились они в путь, и шли дни и ночи до тех пор, пока не показались перед ними те острова. Тогда визирь послал гонца к царю, чтобы возвестить о своем прибытии. И вышли навстречу к визирю и Азизу эмиры царя, и проводили их до царского дворца. И Азиз с визирем явились перед царем и вручили ему подарки Солейман-шаха; и он поблагодарил, говоря: – Принимаю от всего сердца в знак дружбы! И Азиз с визирем по обычаю отдыхали несколько дней во дворце после утомительной дороги. На пятый день визирь пошел к царю, передал свое поручение и почтительно умолк в ожидании ответа. А царь задумался, опустив голову, и долго молчал, не зная, что ответить послу. Ведь он знал, как ненавистна его дочери мысль о браке и что предложение царя будет отвергнуто, как и все другие предложения владетелей соседних земель, ближних и дальних.

Наконец, царь позвал к себе старшего евнуха и сказал: – Ступай к госпоже твоей Донии, передай ей привет визиря и его подарки и повтори в точности, что ты только что слышал из его уст. По прошествии часа он вернулся, но лицо его было вытянуто до самых ног, и сказал он царю: – О царь времен, едва успел я вымолвить предложение визиря моей госпоже, как глаза ее исполнились гнева;

и она и схватила палицу, чтобы проломить мне голову. И она гналась за мною по всем комнатам, крича: – Если отец хочет во что бы то ни стало выдать меня замуж, пусть знает, что супруг мой не успеет увидеть лицо мое: я убью его своими руками, а потом убью и себя! При этих словах евнуха... Но в этом месте рассказа Шахразада увидела, что наступает утро, и не захотела долее продолжать рассказ свой в эту ночь. А когда наступила сто тридцать первая ночь, она сказала:

Ночь сто тридцать первая

И узнала я, что при этих словах евнуха отец Сетт-Донии сказал визирю и Азизу: – Вы слышали это собственными ушами. Передайте поклон от меня царю Солейману-шаху и скажите ему, что дочь моя с отвращением смотрит на замужество. И визирь с Азизом возвратились домой и передали Солейману-шаху все, что слышали сами. При таком известии царь разгневался и хотел приказать своим военачальникам вторгнуться в пределы Камфарных островов. Но визирь сказал: – О царь, этого не следует делать, ведь я передал тебе ужасные слова, сказанные принцессой старшему евнуху! И Солейман-шах очень испугался за сына своего, вспомнив об угрозе принцессы. Тогда он велел позвать принца Диадема и рассказал ему обо всем. Но принц Диадем не только не пришел в отчаяние, но твердым голосом сказал отцу: – Не думай, что я так оставлю это дело: клянусь Аллахом, Сетт-Дония будет моей супругой! Не щадя жизни моей, дойду я до принцессы! И я приеду к ней в качестве купца!

И тогда Солейман-шах велел купить товаров на сто тысяч динариев и отдал их сыну. И дал он ему тысячу динариев золотом, и лошадей, и верблюдов, и мулов, и роскошные палатки, подбитые шелком приятных цветов. Тогда Диадем поцеловал руку у отца и пошел к матери, и та дала ему сто тысяч динариев и много плакала, желая ему счастья и благополучного возвращения домой. Но Диадем недолго оставался в покоях матери, он велел другу своему Азизу и старшему визирю собираться в дорогу. И пустились они в путь, и прибыли наконец в столицу Камфарных островов, и Диадем почувствовал, как сердце его затрепетало от радости. По совету Азиза они остановились в большом хане, наняв для себя все лавки внизу и все комнаты наверху. В лавках они разместили тюки с товарами, и визирь сказал Диадему и Азизу: – Я думаю, что вместо того, чтобы оставлять наши товары запертыми в хане, лучше будет открыть для принца Диадема как для купца большую лавку на шелковом базаре. И принц будет стоять у входа в лавку, чтобы продавать товар, между тем как Азиз будет передавать ткани и развертывать их. И поскольку оба прекрасны собою, в скором времени покупателей в этой лавке будет больше, чем у кого бы то ни было на базаре. И Диадем отвечал: – Это превосходная мысль! Потом в великолепном платье богатого купца принц пошел на шелковый базар вместе с Азизом и визирем. И когда купцы на базаре увидели его, они были ослеплены его красотою и перестали заниматься своими покупателями. И все спрашивали

себя: – Не забыл ли привратник райских садов запереть калитку, и не чрез нее ли спустился на землю этот небесный юноша?

Когда они пришли на середину базара, визирь после поклонов спросил: – О купцы, кто из вас шейх на этом базаре? Они же отвечали: – Вот он! Это был высокий старик почтенного вида с седой бородой. И он поздравил их с приездом и сказал: – Я готов оказать вам всякую услугу! Тогда визирь сказал: – О приветливый шейх, вот уже несколько лет, как я с этими двумя детьми езжу по разным краям, чтобы пополнить их образование. С такою целью мы и прибыли сюда на некоторое время. Поэтому мы просим тебя нанять для нас просторную лавку на хорошем месте, чтобы мы могли выставить в ней товары нашего далекого края. На это шейх отвечал: – Мне очень приятно исполнить ваше желание. И он повернулся в сторону юношей, и с первого взгляда был поражен их красотою, ибо этот шейх до безумия любил прекраснооких юношей. И стал он прислуживать им лучше всякого невольника и вполне отдал себя в их распоряжение. И выбрал он для них лавку на самой середине базара. Эта лавка была красивой постройки, она была украшена деревянной резьбой и снабжена полками из черного дерева; и по ночам сторож всего чаще стоял у дверей этой лавки. Тогда визирь велел принести и разложить в лавке все прекрасные ткани, парчу и все привезенные с собой драгоценности. И потом он повел обоих юношей в гамам, славившийся своею опрятностью и своим гладким мрамором. Вымывшись в бане, оба друга не захотели дожидаться визиря, так спешили они занять места в лавке. Они весело вышли и встретили старого шейха, ожидавшего их выхода из гамама. А вышли они из него еще более свежими и прекрасными... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила сто тридцать вторая ночь, она сказала:

ночь сто тридцать вторая

А вышли они из гамама еще более прекрасными; и старик мысленно сравнил их с двумя стройными молодыми оленями. И заметил он, как порозовели их щеки, и как потемнели глаза, и как посветлели лица, похожие на две молочно-белые луны. И он подошел к ним и сказал: – Надеюсь, вам было хорошо в бане! Пусть Аллах никогда не лишает вас этого удовольствия! И Диадем ответил с чарующею приветливостью: – Мы хотели бы разделить с тобою это удовольствие! И оба из уважения к его летам пошли по направлению к своей лавке, расчищая ему дорогу. И в то время, как они шли впереди, старый шейх замечал, как грациозна их походка. И не в силах сдержать свое волнение, с блистающими глазами, запыхаясь и сопя, он продекламировал следующие двусмысленные строфы:

Что удивляться, если мы, любуясь
На формы те, что сердце нам чаруют,
В них замечаем трепет? Сферы неба
В своем вращенье ведь трепещут вечно,
И все шары трепещут при движеньи.

Слушая эти стихи, юноши далеки были от понимания их смысла. Им казалось, что в них лишь тонкая похвала по отношению к ним; они были тронуты и захотели непременно в знак дружбы увлечь его с собою в гамам. И старик после некоторого сопротивления согласился и снова направился с ними к гамаму. Когда они вошли, Азиз и Диадем раздели почтенного шейха, и сами разделись, и принялись усердно растирать его, между тем как он украдкой взглядывал на них. И они не переставали растирать его и обливать водой до тех пор, пока к огорчению старого шейха ни вошел к ним визирь. Тогда они обтерли его нагретыми полотенцами, потом одели и предложили сорбета с мускусом и розовой водой. И шейх притворился интересующимся разговором с визирем, на самом же деле его внимание обращено было только на двух юношей, которые услуживали ему. Когда же визирь пожелал ему всяких благ после бани, он прочел следующие стихи:

С приходом их холмы зазеленели,
Земля трепещет и цветет опять.
И вся земля и люди все вскричали:
«Привет и дружба дорогим гостям!»

И все трое благодарили его за утонченную вежливость, а визирь сказал: – Пусть баня, милостью Аллаха, удвоит твои силы и здоровье! Потому что не вода ли истинное благо земной жизни, а гамам – место наслаждения? Шейх же сказал: – Клянусь Аллахом, это так! Вот почему гамам внушил поэтам столько дивных стихов! Не известны ли вам некоторые из них? И Диадем вскричал: – Еще бы! Слушайте вот эти:

О жизнь гамама, ты полна отрады,
Ведь самый Рай перед тобою жалок,
И если б ты был Адом, о гамам, –
С каким восторгом ввергся бы в тебя я!

И восхищенный базарный шейх воскликнул: – Клянусь Аллахом! Ты соединяешь в себе красноречие с красотою! Позвольте же и мне сказать несколько пленительных стихов. И базарный шейх, полузакрыв глаза, пропел:

Огонь гамама, жар твой – наша жизнь,
Телам ты нашим силы возвращаешь
И облегчаешь, обновляешь души!
Гамам, ты темен, несмотря на пламя,
Как вся душа, как все мои желанья!

Потом он посмотрел на юношей, с минуту любовался их красотою и, вдохновившись ею, сказал посвященные им строфы:

К жилищу их пришел я, и у двери
Был встречен я приветливой улыбкой.
Как мне не быть их прелестей рабом?!

Слушая его пение и стихи, они были восхищены искусством шейха. Но так как наступал уже вечер, они проводили его до дверей гамама, и, хотя он упрашивал их разделить трапезу в его доме, они отказались и удалились. Возвратясь домой, они ели и пили и довольные легли спать до утра. Утром же, когда открылись ворота базара, они направились к своей лавке, которую открыли в первый раз. Слуги же успели задрапировать лавку шелковыми занавесами и разостлали два роскошных ковра, из которых каждый мог стоить тысячу динариев, и положили две подушки, вышитые золотом, каждая из которых могла стоить сто динариев. А на полках из черного дерева были разложены ценные товары.

И скоро все заговорили о чудной лавке, и всем хотелось получить купленную вещь из рук юноши по имени Диадем, красота которого кружила всем головы и сводила с ума. Так шло дело некоторое время, и Диадем, ничего не

узнав о принцессе Донии, начал отчаиваться так, что потерял сон. Как вдруг однажды... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила сто тридцать третья ночь, она сказала:

ночь сто тридцать третья

Как вдруг однажды по базару проходила какая-то старая женщина, закутанная в большое черное атласное покрывало. Дивная лавка и красота молодого купца, сидевшего в ней, обратили на себя ее внимание; она обомлела и подумала в душе: «Это, наверное, какой-нибудь царь из сказочной страны!» Тогда она подошла к лавке, поклонилась молодому купцу и сказала: – Дитя мое, ты, соединяющий в себе все совершенства, здешней ли страны? И Диадем ответил своим пленительным говором: – О госпожа моя, я приехал в эти края для развлечения, а чтобы чем-нибудь заняться, я продаю и покупаю. Старуха сказала на это: – А что привез ты из дальних стран? Покажи мне самое лучшее! Я хотела бы купить очень хорошую ткань для платья принцессе Донии, дочери нашего царя Шахрамана.

При этом имени Диадем не мог совладать с волнением и закричал Азизу: – Азиз, принеси скорее самое лучшее из наших товаров! Тогда Азиз открыл потайной шкаф в стене и вынул оттуда сверток с золотыми кистями из дамасского бархата, на котором легким рисунком разбегались цветы и птицы. И Азиз принес этот сверток Диадему, который распаковал и вынул материю, предназначенную для какой-нибудь гурии или сказочной принцессы. Описать драгоценные камни и вышивки, под которыми исчезла самая ткань, могли бы только поэты в стихах, внушенных Аллахом. И когда Диадем развернул материю перед старухой, та не знала, на что и смотреть – на красоту ли платья, или на красоту черноокого юноши. И она сказала Диадему: – Материя годится. Сколько стоит она? Он же отвечал с поклоном: – Я вознагражден тем, что познакомился с тобою! А старуха воскликнула: – О дивный юноша, где найти женщину, которая бы тебя стоила! Я знаю только одну такую на земле! Но скажи мне, как твое имя? Он ответил: – Меня зовут Диадемом! Тогда старуха сказала: – Но такое имя дают только царским сыновьям! О конечно, если бы Красоте пришлось избирать царя, она выбрала бы тебя! Знай, что я отныне твоя раба! И пусть хранит тебя Аллах!

Потом она взяла драгоценный сверток и удалилась. И явилась она к Сетт-Донии, у которой была кормилицей. И Дония спросила: – О кормилица, что принесла ты мне? Покажи! И когда старуха развернула материю, глаза Донии засветились счастьем, и она воскликнула: – О какая прекрасная материя, она не из наших краев! Старуха же сказала: – Но что сказала бы ты, если бы увидела молодого купца, который дал мне ее для тебя? О Аллах, как он хорош собою! О госпожа моя, как желала бы я, чтобы этот юноша уснул на груди твоей! Но Дония закричала: – О кормилица! Как смеешь

ты говорить мне о мужчине, какой дым затмил твой рассудок? И она принялась гладить материю, повернувшись к кормилице, которая сказала ей: – Госпожа, ты очень хороша, но насколько пара прекрасных существ предпочтительна одному! И Сетт-Дония закричала: – Ни слова более! Но ступай к этому купцу и спроси его, не желает ли он чего, и отец мой тотчас же исполнит все! И старуха поспешно встала и побежала в лавку к Диадему. Увидев ее, он почувствовал, что сердце его улетает от радости, а старуха сказала: – Госпожа моя Дония кланяется тебе и велит сказать: «Если у тебя есть какое-нибудь желание, то выскажи его». При таких словах грудь Диадема расторгалась от удовольствия, и сказал он старухе: – У меня только одно желание: передай Сетт-Донии письмо и принеси мне ответ. И Диадем закричал Азизу: – Дай мне чернильницу, бумаги и калам! И когда Азиз принес ему все это, он написал такое письмо:

Посланье это в правильных стихах,
Твоей красы пленительной достойных
Написано рукой раба желаний,
Что заключен в тюрьме своей тоски,
Измучен скорбью, о едином взгляде
Он страстно молит.
Диадем, купец.

Потом, перечитав, он посыпал письмо песком, сложил, запечатал его и передал старухе. И она вернулась к своей госпоже, которая спросила: – О чем же попросил этот купец? И старуха сказала: – Вот его письмо, но мне неизвестно его содержание. И когда принцесса ознакомилась с содержанием письма, она вскричала: – О бесстыдный! Этого негодяя следует повесить у дверей его лавки! В письме говорится о любви! И старуха заметила: – Это дерзко, поэтому тебе следовало бы пригрозить ему, если он будет продолжать. Тогда Сетт-Дония сказала: – Дай мне мою чернильницу и мой калам! И написала она так в стихах:

Слепец, что мнишь добраться до
светила,
Как будто смертный мог когда-нибудь
К светилу ночи дерзко прикоснуться!
И если ты лишь повторить посмеешь
Поступок дерзкий, будешь ты распят!

Запечатав письмо, она отдала его старухе, а та передала его Диадему, сгоравшему от нетерпения. Диадем распечатал письмо, но, пробежав его, он крайне огорчился и сказал: – Она грозит мне смертью, но, хотя бы рискуя жизнью, я отвечу ей! И он написал на бумаге такие строфы:

Взамен речей вечернего привета
Она грозит мне смертью и могилой,
Не понимая, что мне смерть – Покой,
Что без судьбы ничто не совершится.
О не желайте больше ничего!
Оставьте душу схорониться мрачно
В свою любовь без счастья, без надежды!
О женщина, твое сурово сердце,
Но не надейся подавить меня
Своим ты гнетом. Соглашусь скорее
Расстаться я с надеждой и душою,
Чем так страдать от беспросветной
жизни,
Наполненной страданьем и тоской!

Старуха же, получив от него письмо, сказала: – Не предавайся печальным предчувствиям! Разве ты не само солнце? И разве она не луна? И неужели ты думаешь, что я, проведшая всю жизнь в любовных делах, не сумею соединить вашу красоту? Скоро я принесу тебе радостные вести! Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила сто тридцать четвертая ночь, она сказала:

Ночь сто тридцать четвертая

И получив письмо, старуха запрятала его себе в волосы и явилась к своей госпоже. Войдя к ней, она поцеловала у нее руку и села, не говоря ни слова. Потом она сказала: – О дочь моя, мои старые волосы спутались, прикажи одной из своих невольниц расчесать их. Но Сетт-Дония воскликнула: – Я сама расчешу их, ты так часто расчесывала мои! И когда она расплела седые косы своей кормилицы, записка выпала из них на ковер. И старуха воскликнула: – Отдай мне эту бумажку! Она верно пристала к моим волосам у молодого купца. Но Дония развернула записку и прочитала ее; и нахмурила она брови, и закричала: – Это все твои хитрости! Но из какой страны осмелился явиться ко мне этот дерзкий купец? И как мне решиться взглянуть на него? Старуха же сказала: – Его дерзость – адская дерзость! Но, госпожа моя, напиши ему еще только раз, и я ручаюсь за его покорность твоей воле! А если нет, то пусть он гибнет, и я вместе с ним! Тогда Дония взяла калам и начертала следующие стихи:

Ужель еще ты смеешь грезить,
Стан гурии сжимать в своих
объятьях?..
О как себя обманываешь ты!
А если нет, то мрачный ворон смерти
Тебе конец накаркает зловещий.
Кружить он будет над сырой
могилой,
Куда опустят твой холодный прах!

Запечатав письмо, она отдала его старухе, которая на следующее утро отнесла его Диадему. Читая жесткие слова, Диадем понял, что никогда надежда не оживит его сердца, и он сказал Азизу: – Что делать мне теперь? У меня нет более вдохновения для ответа ей! Азиз сказал: – Я напишу вместо тебя и от твоего имени. И Азиз взял бумагу и начертал следующие строфы:

О дева с черными очами,
Ужель тебе не страшен рок суровый,
Что ты находишь столько
наслажденья
В терзании несчастного раба?..
Пойми, ведь ради красоты твоей
Покинул он отца, свой дом и землю
И дев любимых жгучие глаза!

Прочитав эти строки, Диадем сказал Азизу: – Это превосходно! И отдал письмо старой кормилице. Когда принцесса прочитала послание, она закричала старухе: – Ах ты, приносящая несчастье старуха, ступай с глаз моих долой! Убирайся, или я прикажу изорвать в клочья твое тело под ремнями невольников! Тогда старая кормилица, поспешив уйти из дворца, рассказала о своей неудаче обоим друзьям. При этом известии Диадем очень расстроился, но она сказала ему: – Не беспокойся, сын мой. Затруднения только побуждают меня пустить в ход всю мою изобретательность, чтобы ты достиг своей цели. Тогда Диадем спросил: – Но скажи же, наконец, по какой причине возненавидела всех мужчин принцесса Дония? А старуха ответила: – Это по

причине сна, который ей привиделся. И вот что это был за сон.

Однажды принцесса Дония увидела во сне птицелова, расставлявшего силки на лесной поляне. Рассыпав хлебные зерна, он притаился, поджидая добычу. Среди слетевшихся птиц было два голубя: самец и самка. Самец клевал зерна и прохаживался гоголем вокруг своей подруги, не обращая внимания на силки, поэтому лапка его запуталась в петле, которая взяла его в плен. Прочие птицы улетели, но самка храбро принялась освобождать своего друга. Клювом она изорвала силки, освободила неосторожного самца и улетела с ним. И вскоре вернулись они снова клевать зерна вокруг силков. И теперь самка подошла слишком близко к силкам, в которых запуталась в свою очередь. Тогда самец вместо того, чтобы озаботиться участью своей подруги, улетел прочь, а птицелов схватил пленницу и свернул ей шею. После этого сна принцесса проснулась вся в слезах и сказала: – Все самцы таковы, и женщина не может ждать ничего хорошего от их себялюбия! Поэтому клянусь перед Аллахом, что никогда не допущу к себе мужчину!

Когда принц Диадем услышал это из уст старухи, он сказал ей: – Но разве ты не сказала ей, что не все мужчины похожи на того предателя-голубя? О прошу тебя, я должен, хотя бы ценою жизни, увидеть ее. О сделай это для меня; пусть изобретательный ум твой придумает какое-нибудь средство. Тогда старуха сказала: – Знай, что у дворца есть сад, в который принцесса приходит раз в месяц через потайную дверь, чтобы не подвергаться любопытству прохожих. Ровно через неделю наступит день прогулки принцессы. И я проведу тебя к той, кого ты любишь. Тогда Диадем вздохнул немного свободнее и, поблагодарив старуху, сказал Азизу: – Друг мой, так как мне некогда будет ходить в лавку, я уступлю ее тебе! А потом принц рассказал о сне принцессы визирю и спросил его мнения об этом. И визирь, подумав, сказал так: – Прежде всего, пойдем в сад, чтобы осмотреться. И визирь с Диадемом и Азизом направились к саду принцессы. И когда они подошли к воротам, визирь сунул в руку сторожа сто динариев и сказал ему: – Почтеннейший, нам хотелось бы войти в этот прекрасный сад и закусить среди цветов!

Старик взял деньги, ввел их в сад и принес жареной баранины и пирожные. И сели они в кружок на берегу ручейка и поели досыта. Тогда визирь сказал сторожу: – Почему дворец перед нами приходит в разрушение? А сторож воскликнул: – Клянусь Аллахом! Это дворец принцессы Донии, а она живет так одиноко, что не обращает на окружающее ни малейшего внимания. Визирь сказал: – Как жаль! Нижний этаж следовало бы побелить, хотя бы ради твоих собственных глаз. Если хочешь, я возьму все эти расходы на себя. И сторож согласился. Тогда визирь дал ему сто динариев за труды и сказал: – Сходи за каменщиками, а также за искусным живописцем. И сторож поспешил отправиться выполнять это поручение. Когда же как следует выбелили залу в нижнем этаже, живописец по приказанию визиря нарисовал расставленные силки, в которые попался голубь, а рядом голубя самца, прилетевшего освобождать свою подругу, но схваченного птицеловом и погибшего жертвою своего самоотвержения. И когда все было исполнено, они щедро вознаградили живописца, поклонились сторожу и вернулись домой.

По прошествии недели Сетт-Дония почувствовала, как недостает ей старой кормилицы, и подумала, как она была к ней безжалостна. И послала она невольника на базар, чтобы разыскать ее и привести. И невольник увидел ее и просил

от имени своей госпожи вернуться во дворец для примирения. После некоторого колебания она согласилась, и Дония поцеловала ее в щеки, а та поцеловала у нее руки, и обе прошли чрез потайную дверь и вошли в сад. А визирь с Азизом надели на принца истинно царское одеяние, которое стоило не менее пяти тысяч динариев, опоясали его золотым поясом, изукрашенным драгоценными камнями и изумрудною пряжкою, на голову надели ему белый тюрбан с тонким золотым узором и бриллиантовым пером и проводили до ворот сада.

Заметив Диадема, сторож почтительно ответил на его поклон. А так как ему не было известно, что принцесса Дония вошла в сад, он отворил ему дверь, приглашая войти. Диадем же спрятался в чащу и стал ждать там появления принцессы. А кормилица, гуляя с Сетт-Донией, сказала ей: – Ты могла бы отослать во дворец служанок, которые мешают тебе свободно наслаждаться воздухом и этой дивной свежестью. Они только стесняют тебя. Дония сказала: – Ты говоришь правду, о кормилица! И Дония продолжала свою прогулку и приблизилась к зале для дворцовых служителей, в которой визирь велел нарисовать сцену с птицеловом. И она вошла туда в первый раз в жизни, и при виде живописи на стенах пришла в беспредельное волнение, и воскликнула: – О взгляни! Это мой тогдашний сон, но совершенно наоборот! Как потрясена душа моя! И, стараясь умерить биение своего сердца, она села на ковер и сказала: – О кормилица, неужели я ошиблась? Неужели это просто сон надсмеялся над моей легковерностью? А кормилица сказала: – Бедное дитя мое, моя старческая опытность предупреждала тебя, что ты заблуждаешься!

Тем временем Диадем, как посоветовала ему кормилица, стал прогуливался, как бы любуясь красотой сада. На повороте одной из аллей, Сетт-Дония увидела его и воскликнула: – О кормилица! Видишь ли ты этого молодого человека? Не знаешь ли кто он, скажи! Та же отвечала: – Судя по наружности, это, должно быть, царский сын. Ах, как он хорош! Счастлива его возлюбленная! И украдкой она сделала знак Диадему, что он должен уйти из сада. И Диадем пошел к выходу, между тем как принцесса говорила своей кормилице: – Возможно ли, что я могу испытывать такое волнение при виде мужчины! Старуха же сказала: – Вот, о госпожа моя, ты и попалась в сети! А Дония сказала: – О добрая моя кормилица, ты должна привести ко мне этого красивого молодого человека! Беги за ним скорее, молю тебя! И старуха ответила: – Предоставь мне действовать по моему разумению. Обещаю тебе устроить этот дивный союз. И тотчас же вышла она за Диадемом, который дал ей тысячу золотых динариев, и рассказала, в каком волнений была Сетт-Дония. А Диадем спросил: – Но когда же мы соединимся? А она ответила: – Завтра, непременно. И поспешила она вернуться к своей госпоже Донии и сказала ей: – Мне удалось поговорить с ним, и завтра же приведу его к тебе. Тогда Сетт-Дония почувствовала себя на вершине счастья и дала кормилице тысячу динариев и подарков на другую тысячу.

Наутро старуха была уже у поджидавшего ее Диадема. Она развязала сверток, принесенный ею с собой, вынула женское платье, в которое одела Диадема, завесила лицо его покрывалом и сказала: – Теперь подражай женщинам – покачивай бедра вправо и влево и делай маленькие шаги. А главное, ни под каким видом не подавай голоса! И дошли они до ворот дворца, сторожем которого был старший евнух. Увидев незнакомку, он спросил старуху: – Кто же эта молодая особа, которую я никогда не видел? Вели ей подойти ко мне.

Я должен ощупать, а если нужно, то и обнажать всех новых невольниц. А эту я не знаю! Но старуха воспротивилась, говоря: – Что такое ты говоришь! Разве тебе неизвестно... Но тут Шахразада увидела, что наступает утро, и не продолжала долее своего повествования. А когда наступила сто тридцать пятая ночь, она сказала:

Разве тебе неизвестно, что за этою невольницею послала сама Сетт-Дония? Это одна из тех, которые вышивают на шелковых материях дивные рисунки? Но евнух сказал: – Мне нет дела до вышиваний! Я непременно должен осмотреть новопришедшую сверху и донизу. При этих словах старуха пришла в крайнее бешенство и закричала: – Дочь моя, извини нашего начальника! Он верно шутит! Проходи же без боязни! И Диадем прошел, покачивая бедрами и улыбаясь из-под вуали евнуху, который остолбенел при виде его красоты, сквозившей сквозь тонкую ткань. И под руководством старухи он вошел в коридор и дошел до залы, выходившей во двор семью дверями. И старуха сказала ему: – Считай двери и за седьмой ты найдешь, о юный купец, девственный цветок и сладость, носящую имя Сетт-Дония!

И переодетый в женское платье Диадем вошел в седьмую дверь. В эту минуту Сетт-Дония лежала на диване и спала. И одеждой ей служила лишь прозрачность ее белой, как жасмин, кожи. Тогда Диадем быстро освободился от стеснявших его одежд и обнял спавшую принцессу. И крик внезапно пробужденной девушки был заглушен пожиравшими ее губами. Так произошла встреча принца Диадема и принцессы Донии! И она продолжалась целый месяц, и с обеих сторон не прерывались звонкие поцелуи и смех, благословлявшие Создателя. А визирь с Азизом с тревогой ждали возвращения Диадема. И вскоре они перестали сомневаться в его гибели и не знали, что им делать. И ждали они целый месяц, оплакивая непоправимое несчастие. А когда месяц подошел к концу, визирь сказал: – Я полагаю возвратиться в страну нашу и сообщить царю о несчастии. И тотчас же собрались они в путь и уехали в столицу Солейман-шаха. Как они прибыли туда, то рассказали царю о несчастном конце их приключения и разразились рыданиями.

При этом ужасающем известии Солейман-шах почувствовал, что мир рушится под ним. Но к чему слезы и сожаления? Поэтому царь Солейман-шах, подавляя свое горе, поклялся отомстить за смерть сына своего неслыханною местью. И тотчас же велел он созвать всех людей, способных владеть мечом или копьем, и все войско с его военачальниками пустилось в путь к Камфарным островам. А в это самое время во дворце Диадем и Дония продолжали любить друг друга все сильнее и сильнее. И так продолжалось шесть месяцев. И однажды Диадем сказал Донии: – О обожаемая всего существа моего, позволь теперь поведать, кто я! Знай, о принцесса, что я царский сын, и отец мой – царь Солейман-шах. И он прислал своего визиря к отцу твоему просить руки твоей. Помнишь ли, что

ты отказалась от этого брака и грозила смертью евнуху, заговорившему об этом с тобою? В ответ на эти слова принцесса Дония еще радостнее обняла прекрасного Диадема и выразила ему самым несомненным образом свою покорность и повиновение. И после этого оба крепко заснули и не просыпались до утра.

А солнце уже встало и весь дворец был на ногах, а отец принцессы, царь Шахраман, принимал в тот день членов ювелирного цеха. И старшина их поднес царю удивительный футляр, заключавший более чем на сто тысяч динариев бриллиантов, рубинов и изумрудов. И царь Шахраман позвал старшего евнуха и сказал ему: – Отнеси этот футляр госпоже твоей Сетт-Донии. И евнух пошел во флигель дворца, в котором жила только принцесса Дония. Подойдя к ее комнате, он увидел у дверей на ковре спящую кормилицу. Он перешагнул через старуху, толкнул дверь и вошел в комнату. Каково же было его изумление, когда он увидел Сетт-Донию, спящей в объятиях молодого человека! Тогда евнух вспомнил о наказании, которым грозила ему Сетт-Дония, и подумал: – Теперь мой черед отомстить за мое унижение! И он тихонько затворил дверь, и явился к царю Шахраману и рассказал об увиденном. И царь широко раскрыл глаза и воскликнул: – Это ни на что не похоже! И он приказал евнуху привести обоих виновных. И евнух немедленно исполнил приказание. Когда любовники явились к царю, он схватил свою саблю и хотел броситься на Диадема. Но Сетт-Дония обняла его, прильнув к его устам, и закричала отцу своему: – Если так, убей нас обоих! Тогда царь велел увести принцессу в ее покои и сказал Диадему: – Кто ты? И как смел ты явиться к моей дочери? И Диадем ответил: – Знай, о царь, что твоя смерть последует за моей немедленно, а царство твое будет уничтожено! Я сын Солейман-шаха! И я взял то, в чем мне отказали! При этих словах царь смутился и стал советоваться со своим визирем. И тот сказал: – Не верь, о царь, словам этого обманщика. Одна лишь смерть может служить достойным наказанием за его вероломство. Тогда царь приказал меченосцу: – Отруби ему голову...

В этом месте своего повествования Шахразада увидела, что наступает утро, и по обыкновению умолкла. Но когда наступила сто тридцать шестая ночь, она сказала:

ночь сто тридцать шестая

Тогда царь приказал меченосцу: – Отруби ему голову. И погиб бы Диадем, если бы в ту минуту не объявили царю о прибытии послов от царя Солейман-шаха. А послами были визирь и молодой Азиз. И они узнали принца Диадема, и бросились к его ногам, и обняли их. А Диадем обнял их и в нескольких словах объяснил им, в чем дело. А они объявили царю Шахраману о скором прибытии царя Солейман-шаха и всего его войска. Когда царь Шахраман понял, какой опасности подверг бы себя, если бы казнил Диадема, он благословил Аллаха, остановившего руку меченосца. Потом он сказал Диадему: – Сын мой, извини старика, не знавшего, что хочет

Léon Carré

сделать. Тогда принц Диадем поцеловал у него руку и сказал: – О царь, ты отец мне, и мне следовало бы просить у тебя прощения за причиненное волнение! Царь же сказал: – Виноват этот проклятый евнух, которого я велю распять! Тогда Азиз и визирь стали ходатайствовать о прощении евнуха, который не помнил себя от страха, и царь простил его. Тогда Диадем сказал: – Самое важное – скорее успокоить тревогу дочери твоей Сетт-Донии, которую я люблю, как душу свою! И царь сказал: – Я сейчас же иду к ней! Но прежде он распорядился сопроводить принца Диадема в гамам, чтобы привести его в приятное расположение духа.

Потом он поспешил в покои Сетт-Донии, и он увидел ее в ту минуту, как она собиралась поразить себя в сердце концом меча, рукоятка которого упиралась в пол. При таком зрелище царь почувствовал, что разум его готов покинуть его, и закричал дочери: – Он спасен! Сжалься над отцом своим, дочь моя! Услышав это, Сетт-Дония бросила меч, а отец рассказал ей обо всем случившемся. Тогда она сказала: – Я успокоюсь лишь тогда, когда увижу моего милого! И как только Диадем вернулся из гамама, его отвели к принцессе, которая бросилась к нему на шею. Потом царь Шахраман отправил визиря и Азиза к Солейман-шаху, чтоб объявить о благополучном положении дел, и в то же время не забыл послать ему сто великолепных коней, сто одногорбых верховых верблюдов, сто негров и сто негритянок. И тогда царь Шахраман вышел навстречу царю Солейману-шаху, взяв с собою принца Диадема. И, увидав их, Солейман-шах воскликнул: – Слава Аллаху, дозволившему моему сыну достигнуть цели!

Потом Диадем бросился на шею к отцу своему, плача от радости; и отец тоже плакал. Потом позвали кади и свидетелей и составили брачный договор Диадема и Сетт-Донии, и сорок дней и сорок ночей город оставался украшенным и иллюминированным. Но Диадем не забывал услуг друга своего Азиза. И по смерти царя Солейман-шаха, когда Диадем в свою очередь вступил на престол, он назначил Азиза великим визирем. И жили они в счастье до самой смерти, единственного бедствия, которое непоправимо!

Когда визирь Дандан кончил историю Азиза и Азизы, Диадема и Донии, царь Даул-Макан воскликнул: – Этот рассказ восхитил меня чрезвычайно, так прелестен он и приятен для слушателя! Но что касается осады Константинии... Но в эту минуту Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила сто тридцать седьмая ночь, она сказала:

ночь сто тридцать седьмая

А что касается осады Константинии, то уже четыре года тянулась она без всяких решающих последствий. Поэтому царь Даул-Макан призвал трех главных военачальников и в присутствии визиря Дандана сказал им: – Вы свидетели утомления, причиняемого этою несчастною осадою. Подумайте же о том, что нам следует теперь делать! Тогда трое военачальников долго думали; а потом сказали: – О царь, визирь Дандан

опытнее нас! Тогда визирь Дандан с позволения царя сказал: – О царь времени, знай, что оставаться долее под стенами Константинии вредно для всех нас. Все мы страдаем вдали от домов наших. Поэтому мне кажется, что мы должны вернуться в Багдад с тем, чтобы позднее возвратиться сюда и разорить этот город неверных! И царь, согласившись, велел глашатаям объявить отъезд через три дня. И на третий день при развернутых знаменах все войско поднялось и направилось к Багдаду. Прибыв в Багдад, царь Даул-Макан обнял сына своего Канмакана, которому только что минуло семь лет, и велел призвать старого друга своего, истопника гамама. За это время он стал неузнаваем, так как много ел, пил и отдыхал; шея у него была толста, как шея слона, а лицо лоснилось, как только что вынутый из печи круглый хлеб. И царь Даул-Макан сказал истопнику: – О отец мой! Ты ведь спас мне жизнь! И я хочу, чтобы ты попросил у меня милости. Говори же, и Аллах услышит тебя! Тогда старый истопник сказал: – Мне бы хотелось, о царь, стать начальником истопников всех гамамов в родном городе моем! При этих словах царь и присутствующие так расхохотались, что замахали ногами в воздухе. Потом царь сказал истопнику: – Ты непременно должен просить меня чего-нибудь стоящего! Тогда истопник сказал: – Назначь меня султаном в Дамаск, на место покойного принца Шаркана! И царь Даул-Макан в тот же час велел написать бумагу о назначении истопника дамасским султаном и присвоил ему имя Эль-Заблакан.

Потом поручил он визирю Дандану сопровождать его до самого Дамаска, а затем вернуться и привезти оттуда дочь покойного Шаркана Кудая-Фаркан. Первою заботою нового султана в Дамаске было собрать великолепный конвой для сопровождения в Багдад молодой восьмилетней принцессы Кудая-Фаркан, дочери покойного принца Шаркана; и дал он ей для услуг десять молодых девушек и десять негров, и двадцать больших банок, наполненных обсахаренными финиками, облитыми ароматическим сиропом из гвоздики, и двадцать ящиков печенья слоеного, и двадцать ящиков разнообразных лакомств. И все это было навьючено на сорок верблюдов, не считая больших тюков с шелковыми материями и тканями из золотых нитей и дорогого оружия, медных и кованых золотых сосудов и вышивок. Затем караван пустился в путь, делая небольшие переходы; и через месяц волею Аллаха они все благополучно прибыли в Багдад.

Царь Даул-Макан встретил юную Кудая-Фаркан с большою радостью и передал ее на руки матери ее Нозхату и супруга ее, старшего придворного. И велел, чтобы ее обучали те же учителя, которые занимались с Канмаканом; и двое детей сделались, таким образом, неразлучными, и между ними развивалась дружба, которая с годами только росла. Но с каждым днем царь терял силы и здоровье. И положение его заметно ухудшалось, так что однажды он призвал к себе визиря Дандана и сказал ему: – О визирь мой, я решил отказаться от престола и возвести на него сына моего Канмакана. Что думаешь ты об этом?

При этих словах, визирь Дандан поцеловал землю между рук царя и сказал ему: – Намерение твое, о царь благословенный, несвоевременно потому, что сын твой Канмакан еще очень молод! Но царь возразил: – Тогда я назначу ему опекуном для управления царством старшего придворного, супруга сестры моей Нозхату! И тотчас же царь собрал своих эмиров и визирей, и назначил старшего придворного опекуном сына своего Канмакана, и завещал им сочетать браком Кудая-Фаркан и Канмакана по достижении ими совершеннолетия. И царь Даул-Макан сказал

сыну своему Канмакану: – О сын мой, я чувствую, что начинаю переходить из этого тленного мира в вечное жилище. И перед смертью только одно земное желание есть у меня: отомстить зловещей и проклятой старухе, именуемой Зат-ад-Давахи. И молодой Канмакан ответил ему: – Да будет мир в душе твоей, о отец мой! Аллах отомстит за всех через мое посредство! Тогда царь Даул-Макан почувствовал, что на душе у него прояснело, и он спокойно протянулся на ложе, с которого ему не суждено было встать.

И через некоторое время царь Даул-Макан, как и всякое созданное существо, стал тем, чем был в бездонной пучине неземной жизни. Время ведь косит все и не помнит ни о чем! Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и ничего более не рассказала в эту ночь. Но когда наступила сто тридцать восьмая ночь, она сказала:

ночь сто тридцать восьмая

И стало с Даул-Маканом, как будто он никогда и не существовал. Потому что время косит и ни о чем не помнит. Но с того дня, и в оправдание пословицы, гласящей, что «тот, кто оставил потомство, не умирает!», начались

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МОЛОДОГО КАНМАКАНА, СЫНА ДАУЛ-МАКАНА

Что касается молодого Канмакана и двоюродной сестры его Кудая-Фаркан, то как стали они прекрасны! По мере того, как они подрастали, гармоничность их черт становилась все заметнее. Поистине, их можно было сравнить с двумя ветвями, отягченными плодами, или с двумя великолепными лунами. И Кудая-Фаркан обладала всем, что может свести с ума: вдали от всех взоров она приобрела изумительную белизну, стан ее сделался настолько тонок, насколько следовало, а держалась она так же прямо, как буква алеф; бедра ее были божественны своею массивностью. А чтобы сказать слово о ее губках цвета граната, о вы, прелести спелых плодов, заговорите! Но что касается щек ее, щек! Сами розы признали бы их преимущество. Такова-то была молодая принцесса Кудая-Фаркан. А что касается ее двоюродного брата, то телесные упражнения, охота, верховая езда, бой на копьях и дротиках, метанье стрел и скачки придали гибкость его телу и закалили его душу. И вместе с тем цвет кожи его остался таким же свежим, как у девушки, а лицо его было прекраснее роз и нарциссов; и так сказал о нем поэт:

Почти дитя он, но как легкий шелк
Пушок окутал нежный подбородок,
Чтобы с годами, словно черный бархат,
Его ланиты резко оттенить.

Но следует сказать, что старший придворный, опекун Канмакана, несмотря на все благодеяния, которыми он был осыпан отцом Канмакана, захватил всю власть в свои руки и даже велел провозгласить себя преемником Даул-Макана. Но часть народа и войска остались верны потомку Омара-аль-Немана и руководились в том старым визирем Данданом. И под угрозами старшего придворного визирь Дандан удалился из Багдада и поселился в соседнем городе в ожидании поворота судьбы в пользу сироты, права которого были нарушены. Поэтому старший придворный, не боясь уже никого, заставил Канмакана и его мать запереться в их покоях и запретил дочери своей Кудая-Фаркан видеться с сыном Даул-Макана. Однако Канмакану удавалось порою видеть Кудая-Фаркан и украдкой говорить с нею. И вот однажды, когда любовь терзала его сердце сильнее, чем обыкновенно, он взял лист бумаги и написал своей подруге такие страстные стихи:

О, когда ж настанет
Конец изгнанью моему и сердце
Излечится от горечи разлуки?
Когда мои счастливые уста
Сольются вновь с возлюбленной
устами,
Узнаю ль я, возможен ли союз
Для нас с тобой хотя бы ночь одну.

Запечатав письмо, он передал его дежурному евнуху, который тотчас же вручил его старшему придворному. При чтении этого объяснения в любви тот пришел в бешенство и поклялся наказать молодого человека за такую дерзость. Однако потом он решил, что всего лучше не давать делу огласки и сообщить о нем одной только супруге своей Нозхату. Поэтому, отослав Кудая-Фаркан в сад подышать свежим воздухом, он сказал своей супруге... Но в эту минуту Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Когда же наступила сто тридцать девятая ночь, она сказала:

ночь сто тридцать девятая

Старший придворный сказал супруге своей Нозхату: – Тебе известно, что молодой Канмакан имеет влечение к твоей дочери. Поэтому следует разлучить их, так как опасно приближать огонь к дереву. Отныне дочь твоя не должна выходить из женского отделения и открывать лицо свое. А главное, не допускай никакого общения между ними. Но как только супруг ее вышел, Нозхату поспешила предупредить племянника своего Канмакана о гневе старшего придворного и сказала: – Знай, о сын брата моего, что я сумею устроить тебе тайные свидания с Кудая-Фаркан, но только из-за двери! Но Канмакан воскликнул: – Я не останусь долее ни одной минуты в этом дворце, где один я должен бы властвовать! И он надел на голову головной убор бедняков, накинул на плечи старый плащ и, не прощаясь с матерью и теткою, направился к городским воротам, имея в мешке вместо запасов один только хлебец. И как только отворились городские ворота, он вышел из города, читая такие стихи:

О сердце, отягченное любовью,
Мою сломить ты волю не сумеешь,
И не унижусь я перед тобой,
Хотя б все тело таяло от муки.

А мать его повсюду напрасно искала его. Но прошел второй и третий день, а между тем никто ничего не слышал о Канмакане. Тогда бедная мать его отказалась от пищи, и весь город узнал о ее печали, и все восклицали: – Ах, несчастное потомство царя Омара, что сталось с тобою? Что же касается Канмакана, то он продолжал свое странствие, питаясь корнями растений и запивая их водою источников и ручьев. И через четыре дня он пришел в долину, поросшую лесом, по которой протекали ручьи и в которой пели птицы. Тогда он остановился, совершил омовение и молитву, а потом лег под большим деревом и заснул. Однако в полночь среди безмолвия долины раздался голос, разбудивший его. И он пел:

О смерть, тебя желал бы я как друга,
Когда бы дни влачилися мои
Вдали от милой: ведь забыть ее
Меня ничто на свете не заставит.

При звуках этого дивного пения Канмакан поднялся и попытался разглядеть что-нибудь в темноте с той стороны, с которой слышался голос; но там ничего не было видно кроме смутных очертаний стволов деревьев. Тогда он пошел в сторону берега реки, и голос послышался отчетливее, и пел он среди ночи:

О мякоть сердца, ядовитым жалом
Тебя пронзает скорпион тоски.
Приди, мой друг! Противоядьем нежным
Душистых уст, и сладостной слюны,
И свежестью твоею излечусь я!

Тогда Канмакан еще раз попытался разглядеть что-нибудь в темноте, но ничего не увидел. Затем он взобрался на верхушку одной из скал и закричал всеми силами своего голоса... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила сто сороковая ночь, она сказала:

ночь сто сороковая

Он взобрался на верхушку скалы и закричал: – О поющий во тьме ночи! Расскажи мне о себе, твоя судьба, наверное, похожа на мою! И голос певшего ответил: – О кто же ты такой? Если ты дух, иди своим путем! Но если ты человек, жди рассвета, ведь ночь полна ловушек! И услышав такие слова, Канмакан стал ждать наступления утра. И тогда увидел он между деревьями человека в одежде бедуина пустынь, высокого ростом и вооруженного мечом и щитом; он встал и поклонился ему, а бедуин ответил поклоном на его поклон и спросил, удивляясь: – О незнакомец, в твоем возрасте не странствуют без провожатых ночью и в таком крае, где кишат вооруженные шайки. Кто же ты? И Канмакан ответил: – Моим дедом был царь Омар; отцом – царь Даул-Макан, сам же я Канмакан, сгорающий любовью к благородной сестре своей Кудая-Фаркан! Тогда бедуин сказал ему: – Но почему же,

будучи сыном царей, ты одет как бедняк и путешествуешь без достойного конвоя? Он же ответил: – Отныне я сам служу себе конвоем и прошу тебя присоединиться к нему!

При этих словах бедуин рассмеялся: – Ты говоришь, как воин, прославившийся в битвах! Но чтобы доказать тебе, как недостаточны твои силы, я сейчас же обращу тебя в своего раба! И тогда, если действительно родные твои цари, у них хватит богатства, чтобы тебя выкупить. При этих словах Канмакан преисполнился гнева и сказал бедуину: – Клянусь Аллахом, никто кроме меня не будет платить за меня выкупа! Берегись, о бедуин! И Канмакан бросился на бедуина, который полагал, что ему ничего не стоит справиться с этим ребенком. Но как он ошибался! Канмакан уперся в землю ногами, которые были более тверды, чем горы, и, утвердившись, он сжал бедуина руками так, что у того затрещали кости, и поднял его и пошел к реке. Тогда бедуин, не оправившийся от изумления при виде такой силы, закричал: – Что ты хочешь сделать со мной? А Канмакан отвечал: – Я брошу тебя в реку, и она унесет тебя в Тигр! Тогда, ввиду неминуемой опасности, бедуин воскликнул: – О юный герой, заклинаю тебя глазами возлюбленной твоей Кудая-Фаркан, пощади мою жизнь! Отныне я буду покорнейшим из твоих рабов! И тотчас же Канмакан осторожно положил его на землю, говоря: – Ты обезоружил меня этим заклинанием! И сели они рядом на берегу реки, и бедуин вынул из своего мешка ячменный хлеб, который разломил, и с той минуты закрепилась между ними искренняя дружба.

Тогда Канмакан спросил: – Теперь, когда тебе известно, кто я такой, не скажешь ли ты мне твое имя? А бедуин отвечал: – Я Сабах-бен-Ремах из племени Таишов. И вот моя история. Я был еще ребенком, когда умер мой отец. Меня взял к себе дядя и воспитал вместе с дочерью своею Нехмой. Я полюбил Нехму, а она полюбила меня, и я пожелал взять ее себе в жены; но отец ее, зная, что я беден, не соглашался на наш брак. И он обещал отдать за меня Нехму под условием, что я добуду для нее приданое, состоящие из пятидесяти коней, пятидесяти чистокровных верблюдиц, десяти невольниц и пятидесяти грузов ячменя. Тогда я рассудил, что единственный способ добыть такое приданое, – это отправиться в далекие края, чтобы нападать на купцов и грабить караваны. И, произнеся эти слова, бедуин умолк. Тогда Канмакан сказал: – Я знал, что твоя судьба сходна с моею! Поэтому мы будем биться рядом и завоюем наших возлюбленных при помощи плодов наших подвигов!

И тут вдали появилось облако пыли; оно быстро приблизилось, а когда оно рассеялось, они увидели всадника, лицо которого было желто, как лицо умирающего, а одежда пропитана кровью; и вскричал он: – О правоверные, немного воды, чтобы омыть мою рану! И поддержите меня, я умираю! А Канмакан сказал: – О всадник, дай мне руку, и я помогу тебе слезть! И взял он умиравшего, и тихонько положил его на траву, и спросил его: – Какая у тебя рана, брат? И человек показал свою спину, представлявшую одну сплошную рану. Тогда Канмакан осторожно прикрыл ее свежей травой, потом он подал пить умирающему и спросил: – Кто же так изранил тебя, несчастный брат мой?

И человек ответил: – Знай, что прекрасный конь, которого ты видишь, был причиной моего несчастия. Он принадлежал самому царю Афридонию, и все арабы пустыни знали его качества. Но такого рода конь не должен был оставаться в конюшнях царя неверных; и вот меня назначили для его похищения. И я ночью подъехал к палатке, где стоял конь, и завязал знакомство с его сторожами, и, когда они

спрашивали меня о его совершенствах, я вскочил на него и пустил в галоп. Когда сторожа опомнились, они пустились в погоню, пуская в меня стрелы и копья, из которых некоторые попали мне в спину. Но конь мчал меня быстрее падучей звезды, и им не удалось догнать меня. Но кровь моя истекла, и я чувствую, что смерть смыкает мне веки! А так как ты оказал мне помощь, то после моей смерти конь должен быть твоим. Его зовут Эль-Катуль, и это лучший образец из породы Эль-Ажуз! При этих словах араб закрыл глаза наполовину, простер руку, обратив ее ладонью к небу, и сказал: – Исповедаю, что нет иного Бога кроме Аллаха! Потом, приготовившись таким образом к смерти, он запел свою последнюю песнь:

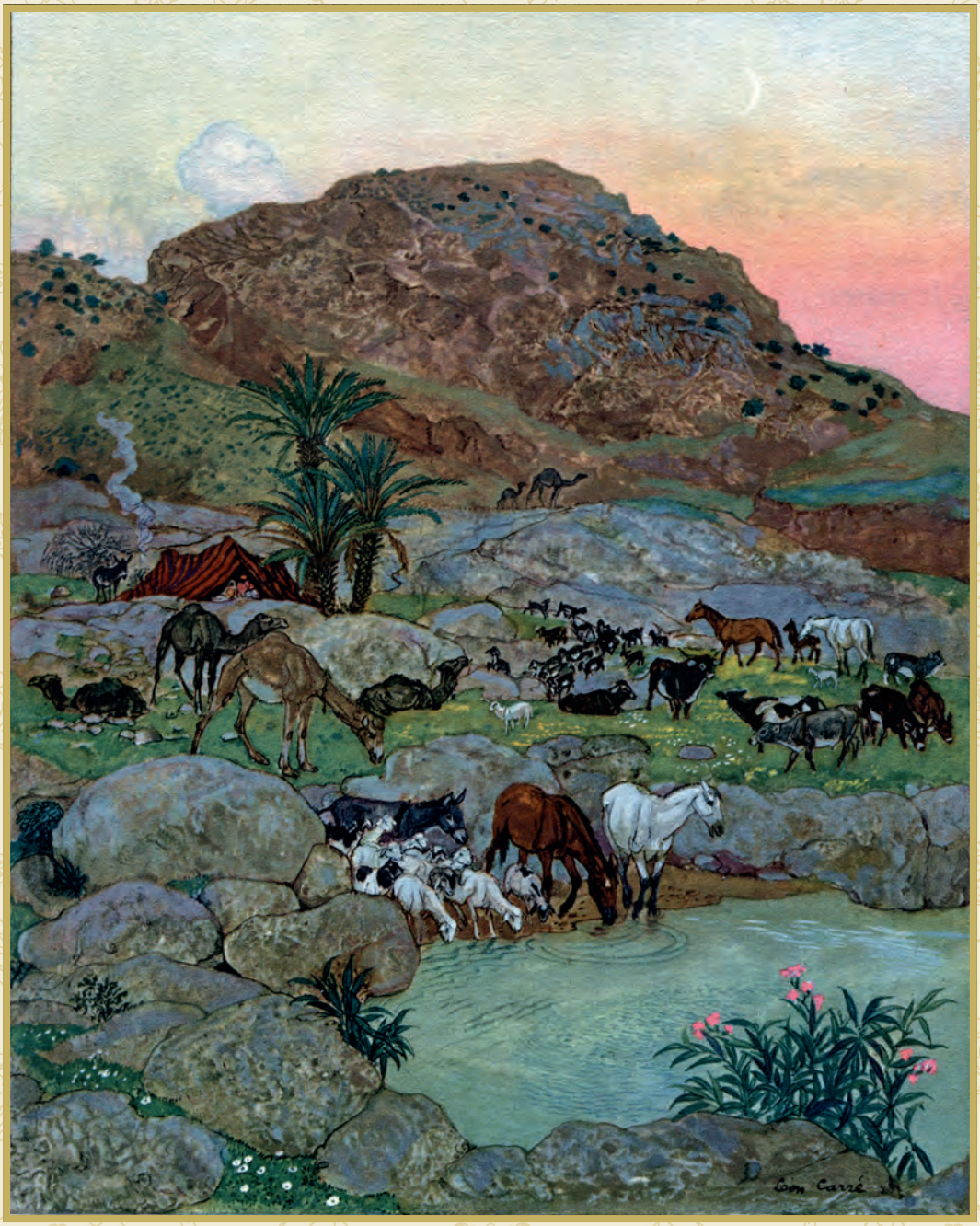
По свету я промчался на коне,
Повсюду сея ужас и несчастья.
Потоки, горы, все мне не преграда,
Для воровства, разврата, грабежей.
Я умираю, как и жил, один
И на дороге, раненый врагами,
Которых сам я грозно победил!

И, едва успев окончить эту песнь, араб захрипел и навеки закрыл свои глаза. Тогда Канмакан и его товарищ вырыли яму, в которой схоронили мертвеца, и пустились вместе по предназначенному им Аллахом пути. В этом месте своего рассказа Шахразада увидела, что наступает утро, и отложила продолжение до следующей ночи. А когда наступила сто сорок первая ночь, она сказала:

ночь сто сорок первая

И пустились они по предназначенному Аллахом пути. Канмакан сел на своего коня Катуля, а Сабах смиренно пошел пешком, так как признал его своим господином. И началась для них жизнь, полная приключений, охоты и странствий. И ценою многих опасностей накопили они несметное количество скота, коней и невольников, палаток и ковров. И Канмакан поручил Сабаху надзор за накопленным имуществом, которое следовало за ними во всех их беспрестанных набегах. И такую жизнь вели они два года. А когда же оба отдыхали, то сообщали друг другу о своих огорчениях и надеждах и вспоминали свои подвиги. И вот один из тысячи подвигов молодого Канмакана.

Однажды Канмакан верхом на своем Катуле ехал наудачу, предшествуемый своим верным Сабахом. Через некоторое время подъехали они к горе, у подошвы которой паслись верблюды, бараны, коровы и лошади, а поодаль сидели на земле вооруженные невольники. И Канмакан сказал Сабаху: – Оставайся здесь! Я один захвачу все стадо вместе со всеми невольниками! Сказав это, он издал громкий клич и помчался галопом с высоты холма подобно внезапному удару грома из разверзшейся тучи. Тогда невольники громко закричали, призывая к себе на помощь, и из палаток вышло трое воинов. Все они вскочили на коней и бросились навстречу Канмакану, крича: – Это вор, укравший Катуля! Держите вора! На это Канмакан отвечал: – Это действительно Катуль, но воры вы сами, о сыны блудницы! И Катуль ринулся, как


Tom Carré

людоед на добычу, а Канмакан со своим копьем шутя одержал победу, так как с первого же удара вонзил свое оружие в живот первого встретившегося всадника, и тоже сделал он и с двумя остальными всадниками. А невольники, увидав, какая участь постигла их господ, бросились лицом на землю и молили о пощаде. А Канмакан сказал им: – Гоните эти стада в место, где находятся моя палатка и мои невольники! И вернулся он к Сабаху, который не двигался с места во время битвы. И вдруг перед ними поднялось облако пыли, и, когда оно рассеялось, они увидели сто румских всадников. Тогда Канмакан сказал Сабаху: – Оставь меня одного справляться с этими неверными! И один поскакал им навстречу, а начальник их, подъехав к нему, сказал: – Кто ты, прелестная молодая девушка, так хорошо управляющая боевым конем? Приблизься ко мне, и я поцелую тебя в губы! Услышав такие речи, Канмакан почувствовал, как краска бросилась ему в лицо, и он закричал: – За кого ты принимаешь меня, собачий сын? Если щеки мои не обросли волосами, то рука моя докажет твою ошибку! Тогда начальник воинов, удостоверившись, что, судя по огню глаз, это был воин, закричал: – Чье же это стадо? Отдайся в наше распоряжение, или смерть тебе!

Потом он приказал одному из всадников взять его в плен. Но не успел всадник подъехать, как Канмакан ударом меча перерубил ему пополам тюрбан, голову, тело, а также седло и живот лошади. Увидев это, начальник подъехал к Канмакану и закричал: – Ты хорош собой воин, и доблесть твоя равняется красоте. Я же, Кахрудаш, геройство которого славится во всей Румской стране. Ступай с миром, потому что ради твоей красоты я прощаю тебе смерть моего всадника. Но Канмакан закричал: – Не в моем обычае, о христианин, поворачивать лошадь обратно! Берегись! И начался бой между двумя воинами, и кони их сталкивались лбами, как бодаются два барана. Несколько страшных схваток осталось без последствий. Потом вдруг Канмакан внезапно повернулся, вытянул руку с копьем и проколол живот христианину, так что сверкающее железо вышло из спины его! Увидав это, всадники Кахрудаша вверили себя быстроте бега коней своих и исчезли в облаке пыли. И после этого подвига Канмакан встретил негритянку, переходившую от племени к племени и рассказывавшую были и сказки при свете звезд. Канмакан попросил ее зайти в его палатку и рассказать что-нибудь веселящее ум и радующее сердце. И бродяга села рядом с ним на циновку и рассказала

ПОВЕСТЬ О ЛЮБИТЕЛЕ ГАШИША

Знай, молодой господин мой, что ни один рассказ не пленил так моего слуха, как история, которую я узнала от любителя из любителей гашиша! Жил однажды человек, имевший большое пристрастие к телу молодых девушек... Но в эту минуту Шахразада заметила наступление утра и по обычаю скромно умолкла. А когда наступила сто сорок вторая ночь, она сказала:

Ел человек, имевший большое пристрастие к телу молодых девушек. А так как это мясо всегда в цене, в особенности когда оно отборное и заказное, то в конце концов он разорился. И вот раз, когда шел он босой по базару, выпрашивая себе хлеб насущный, наткнулся он подошвой на гвоздь, и кровь полилась у него из ноги. И он обвязал ногу тряпкой, и пошел в гамам, и вошел в общую залу, которая все-таки была безукоризненно опрятна, и присел у края бассейна, и стал обмывать себе ногу. А рядом сидел человек, что-то жевавший. Нашему раненому бросилось это в глаза, и захотелось ему самому пожевать. И спросил он: – Что ты жуешь, сосед? А тот ответил шепотом: – Это гашиш! Если хочешь, я дам тебе кусочек. И жевавший вынул кусочек изо рта и подал его раненому. И тот взял кусочек, пожевал и проглотил целиком. И зелье подействовало быстро, и стал он смеяться, а потом опустился на мраморный пол, и овладели им разные видения.

Привиделось ему, что он лежит нагой, и что растиральщик и двое дюжих негров поворачивают, мнут и впиваются крепкими пальцами в его тело с необыкновенным уменьем. После этого они обильно поливали его водой из медных тазов и терли мочалами. Потом массировщик обвил ему голову, плечи и бедра тремя белыми, как жасмин, тканями и сказал: – Теперь время идти к ожидающей тебя супруге. Но он воскликнул: – Какая супруга? Я холостой! Но растиральщик сказал: – Не шути! Идем, она ожидает тебя с нетерпением! И пришли они в полутемную залу, где на самой середине стоял поднос с фруктами, печеньями и вазами с цветами; и тут растиральщик и двое негров удалились и исчезли. Тогда вошел отрок и сказал: – О царь времен, я твой раб! А он расхохотался и воскликнул: – Клянусь Аллахом! Здесь все объелись гашишем! Теперь меня зовут царем! И, обратившись к мальчику, он сказал: – Беги скорее и доставь сюда то, что я всего более люблю – девичье мясо первого сорта! И скоро вошла в зал отроковица, покачивая едва обрисовывавшимися еще детскими бедрами. А он при виде ее засопел, и взял девочку в свои объятия, и прижимал, и горячо целовал, но вдруг почувствовал сильный холод и проснулся. И увидел он, что окружавшие его купальщики со смехом указывали на его наготу и лили на него холодную воду целыми ведрами. Тогда он смутился, прикрыл себя и жалобно спросил у насмешников: – Зачем же вы отняли у меня девушку? При этих словах все задрожали от смеха и закричали ему: – Не стыдно ли тебе говорить так после того, как ты насладился всем, наевшись зелья?

Прослушав это, Канмакан смеялся до упаду, а потом сказал негритянке: – Какой прелестный рассказ! Прошу тебя, продолжай! Но в ту минуту, как негритянка собиралась продолжить, Канмакан заметил, что у его палатки остановился всадник; он слез с коня, пожелал мира и сказал: – Я один из гонцов, которым приказано найти принца Канмакана. Великий визирь Дандан возмутил войско против узурпатора престола и заключил этого изменника в самую глубокую из подземных темниц. Теперь голод и жажда, вероятно, уже замучили его! Но скажи мне, о господин, не встретил ли ты случайно принца Канмакана, которому должен принадлежать престол его отца? Когда же принц Канмакан... Однако в этом месте своего повествования Шахразада заметила, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила сто сорок третья ночь, она сказала:

ночь сто сорок третья

Когда принц Канмакан услышал это известие, он обратился к верному Сабаху и спокойным голосом сказал: – Ты видишь, что все случается в назначенное ему время. Мы идем в Багдад! При этих словах гонец понял, что находится пред лицом своего нового царя, и тотчас же он поцеловал землю между рук его; а Канмакан сказал негритянке: – Ты последуешь за мною в Багдад, где доскажешь мне эту сказку пустыни! И Канмакан, предшествуемый бедуином Сабахом и в сопровождении сидевшей на верблюде негритянки, отправился в Багдад на коне своем Катуле. И верный Сабах прибыл в Багдад на день ранее своего господина и взволновал он весь город. И все войско с визирем Данданом во главе вышло за городские ворота, в ожидании Канмакана, которого любили и которого еще недавно не надеялись когда-либо увидеть.

Поэтому, как только показался принц Канмакан на своем скакуне, радостные крики тысячи мужчин и женщин приветствовали его, как своего царя. По приезде во дворец Канмакан обнял великого визиря Дандана, а потом пошел поцеловать руки у своей матери, которая рыдала от радости; и после спросил у нее: – О мать моя, скажи, здорова ли двоюродная сестра моя Кудая-Фаркан! Тогда мать пошла в покои, где жили Нозхату и дочь ее Кудая-Фаркан, и вернулась вместе с ними. И с тех пор несчастие бежало из дома, в котором жило потомство царя Омара, и навеки обрушилось на всех, кто был ему врагом. И после того, как Канмакан провел счастливые месяцы в объятиях Кудая-Фаркан, сделавшейся его супругою, он созвал однажды всех своих военачальников и сказал им: – Кровь предков моих еще не отомщена! Я узнал, что Афридоний умер, но старуха Зат-ад-Давахи еще жива, и она правит делами во всех румских землях. Поэтому с завтрашнего дня, о воины, начнется война против неверных! И все присутствующие выразили одобрение, и на другой же день войско пошло на Кайсарию.

Когда же подступили они к стенам города, то увидели, что к палатке царя подходит молодой человек прекрасной наружности и почтенного вида женщина с непокрытым лицом. А в это время в палатке находились визирь Дандан и тетка Канмакана, Нозхату, пожелавшая сопровождать войско правоверных. И молодой человек попросил аудиенции, но не успел войти со своей спутницей, как Нозхату громко вскрикнула, ведь женщина эта была бывшей невольницей принцессы Абризы – Марджаной! И она сказала царю Канмакану: – О царь, я вижу, что ты носишь на шее драгоценный камень, и у принцессы Нозхату такой же. Третий камень был у царицы Абризы, и вот он! И Марджана указала на самоцветный камень, находившийся на шее у молодого человека, и воскликнула: – О царь, этот молодой человек – царь Кайсарии, Румзан, и он сын моей бедной госпожи Абризы. И это брат твой, о госпожа моя Нозхату, и он дядя тебе, о царь Канмакан!

При этих словах царь Канмакан и Нозхату обняли молодого Румзана, плача от радости, а потом Канмакан спросил его: – Скажи мне, о брат моего отца, ты, царь христианской страны, неужели и ты назарянин? На это царь Румзан воскликнул: – О нет! Добрая Марджана внушила мне простые и дивные основы нашей веры! Она не только воспитывала меня от самого рождения моего, заменяла мне отца и мать, но и сделала меня правоверным, судьба которого находится в руках Аллаха! При этих словах Нозхату усадила Марджану рядом с собою и отныне пожелала считать ее своею сестрою. Канмакан же сказал дяде своему Румзану: – О дядя мой, тебе принадлежит по праву старшинства престол мусульманского царства! Но царь Кайсарии сказал: – О племянник мой, могу ли я расстраивать порядок, установленный Устроителем! В эту минуту вмешался великий визирь Дандан и сказал им: – Всего справедливее будет, если вы будете царствовать по очереди! И они ответили: – Мысль твоя превосходна! Но в это время Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила сто сорок четвертая ночь, она сказала:

НОЧЬ СТО СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

И ответили они: – Твоя мысль превосходна, о визирь нашего отца! Тогда, чтобы отпраздновать такое счастливое событие, царь Румзан вернулся в город и велел отворить ворота мусульманскому войску. Потом он велел глашатаям кричать, что отныне ислам будет верой жителей, но христиане могут оставаться при своем заблуждении. Впрочем, никто не пожелал оставаться неверным, и в тот день исповедание веры было произнесено тысячами тысяч новых правоверных! Да будет навеки прославлен Тот, Кто послал Пророка своего для того, чтобы он был символом мира среди всех людей Востока и Запада! По этому случаю оба царя задавали большие празднества и царствовали поочередно каждый в свой день. И тогда же задумали они отомстить Зат-ад-Давахи. С этою целью царь Румзан отправил к Зат-ад-Давахи, ничего не знавшей о новом порядке вещей и полагавшей, что царь Кайсарии христианин, гонца со следующим письмом: «Славной и почтенной госпоже Зат-ад-Давахи, глазу бдящему над христианским государством, благоухающей добродетелями и мудростью, столпу церкви Христа среди Константинии от властителя Кайсарии царя Румзана из рода Гардобия Великого. Извещаем тебя, мать наша, что Царь земли и неба даровал нам победу над мусульманами, и мы взяли в плен их царя и визиря Дандана. Поэтому мы ждем твоего прибытия, чтобы вместе отпраздновать победу и на глазах у тебя отрубить головы им и всем мусульманским военачальникам. Ты можешь прибыть в Кайсарию без многочисленного конвоя, так как отныне все дороги и все области умиротворены от Ирана до Судана и от Моссула и Дамаска до крайних пределов Востока и Запада. Не забудь привезти с собою царицу Сафию, мать Нозхату, для свидания с дочерью, которая пользуется всеми доступными

женщине почестями в нашем дворце. И да хранит тебя Христос, сын Мариам». Потом Румзан запечатал письмо своею царскою печатью и отдал гонцу, который немедленно поскакал в Константинию.

До прибытия зловещей старухи, когда оба царя беседовали о предназначавшейся ей участи, доложили им, что на дворе стоит старый купец, на которого напали разбойники, и что тут же находятся и разбойники, закованные в цепи. И купец говорил, что у него два письма, которые он должен вручить царям. И оба царя сказали: – Велите ему войти. И спросили они у вошедшего старика, лицо которого носило отпечаток благости: – Что случилось с тобою, уважаемый купец? И он ответил: – О господа мои, при мне два письма, и они освобождают от пошлин мои товары. А одно из них сверх того служит мне утешением во время путешествий, потому что оно написано такими дивными стихами, что я предпочел бы лишиться жизни, чем расстаться с ним! Тогда оба царя сказали ему: – О купец, ты мог бы, по крайней мере, показать нам это письмо! И купец подал оба письма царям, а они передали их стоявшей рядом Нозхату. Но не успела она взглянуть на письма, как издала крик, пожелтела как шафран и упала в обморок. Когда же она пришла в себя, то взяла руку купца и поцеловала ее. И все присутствовавшие остолбенели при виде поступка, столь противного всем обычаям царей и мусульман. А Нозхату сказала купцу: – Неужели ты не узнаешь меня, отец мой? Или я уже так постарела с той поры? При этих словах старый купец воскликнул: – Я узнаю голос! А царица сказала: – О отец мой, я та, которая написала тебе это письмо в стихах, я Нозхату! При этом старый купец лишился чувств. И тогда как визирь Дандан опрыскивал его лицо, Нозхату обратилась к брату своему Румзану и племяннику Канмакану и сказала им: – Этот добрый купец спас меня, когда я была невольницей грубого бедуина, похитившего меня на улице Святого города!

Узнав об этом, оба царя обняли купца, а он поцеловал руки у царицы Нозхату, и все благодарили Аллаха, всех их соединившего. После оба царя назначили старого купца шейхом всех базаров в Кайсарии и Багдаде и дали ему свободный пропуск во дворец и днем и ночью. Потом они спросили: – Как же подвергся нападению твой караван? И он ответил: – Разбойники, арабы самого плохого разбора, внезапно напали на меня в пустыне. Их было более ста человек! А начальников у них было трое: один страшного вида негр, другой – ужасный курд, а третий – необыкновенно сильный бедуин! Они привязали меня к верблюду и тащили за собою, пока сами не подверглись нападению воинов, взявших их в плен. Услышав это, цари сказали одному из придворных: – Введи сюда прежде всего негра! И негр вошел. И был он безобразнее обезьяны, и глаза у него были злее тигровых глаз.

А в это время вошла Марджана, и глаза ее случайно встретились с глазами негра, и тотчас же ужасающий крик вырвался из груди ее. Как львица бросилась она на негра, впилась пальцами в его глаза, так как узнала в нем негра, убившего царицу Абризу. И царь Румзан тот час же схватил меч и отрубил негру голову. И после этого велели позвать бедуина. И едва он вошел, как Нозхату вскочила с места, и свет в глазах ее стал мраком, потому что она узнала в нем человека, который обманом захватил ее в Иерусалиме и продал, как рабыню. И царь Канмакан схватил меч и снес бедуину голову. И после этого ввели курда... В это время Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила сто сорок пятая ночь, она сказала:

ночь сто сорок пятая

И после этого ввели курда. И он рассказал, что в прошлом был погонщиком верблюдов, и оказалось, что это был тот самый погонщик, которого наняли, чтобы свезти Даул-Макана в больницу Дамаска, а он бросил его. И если бы не доброта истопника, то Даул-Макан погиб бы, брошенный на улице. И поняв это, Канмакан схватил меч, скинул голову погонщику и воскликнул: – Слава Аллаху, я отомстил этому обманщику за то, что он сделал с моим отцом! И тогда цари сказали друг другу: – Теперь нам осталось отомстить только старухе Зат-ад-Давахи!

А старуха, получив письмо царя Румзана, обрадовалась, и в тот же час собралась в путь вместе со своими людьми и с матерью Нозхату; и они ехали, пока не достигли Багдада. И узнав о скором их прибытии, Румзан сказал: – Наше дело требует, чтобы мы встретили старуху в одеждах христиан. И все надели платья, которые носили христиане Кайсарии. И они вышли навстречу старухе с тысячей всадников, и Румзан сошел с коня и поспешил к ней, а старуха узнала его и, спешившись, обняла за шею. Но Румзан так сдавил ей рукой ребра, что чуть не сломал их, и старуха спросила его: – Что это такое, о дитя мое? Но она еще не закончила этих слов, как вышли к ним Канмакан и визирь Дандан, и витязи закричали на бывших с нею невольниц и слуг и забрали всех в Багдад. И город украшали три дня, а потом вывели старуху Зат-ад-Давахи, на голове которой был красный колпак из листьев, окаймленный ослиным навозом, и глашатай кричал: – Вот воздаяние тому, кто посягает на царей, сыновей царей и царских детей! А затем ее распяли на воротах Багдада, и, когда ее люди увидели, что с ней случилось, они все приняли ислам. Вот и конец того, что до нас дошло о превратностях времени, постигших царя Омара, его сыновей Шаркана и Даул-Макана и, сына его сына Канмакана, и дочь его Нозхату, и ее дочь Кудая-Фаркан.

Царь Шахраман долго удивлялся этой истории, и потом сказал Шахразаде: – Хочу, чтобы ты мне теперь рассказала что-нибудь о животных и птицах. И Шахразада ответила: – О счастливый царь, я расскажу тебе множество таких историй. И начну я с той, что случилась с павлином и павой... Но в это время Шахразада увидела, что наступает утро, и она прекратила дозволенные речи. А когда наступила сто сорок шестая ночь, Шахразада сказала:

ночь сто сорок шестая

Занимательные рассказы о зверях и птицах

РАССКАЗ О ГУСЫНЕ, ПАВЛИНЕ И ПАВЕ

Рассказывали мне, о благословенный царь, что в древние времена жил павлин, который любил прогуливаться по лесу и ходить в обществе своей супруги на берег моря. Но вот однажды павлин решил отправиться на остров, который виден был с берега. Он был покрыт прекрасными плодовыми деревьями и орошен множеством источников. И павлин, и супруга его были в совершенном восторге от этой прогулки. Но когда они уже собирались вернуться домой, они увидели гусыню, которая бежала к ним, охваченная ужасом. И пава сказала ей: – Добро пожаловать! Ты найдешь здесь привет и ласку! Тогда гусыня стала успокаиваться, а павлин, ни на минуту не сомневаясь, что с ней случилась какая-нибудь удивительная история, спросил ее: – Что же с тобой случилось, и почему ты в таком ужасе? А гусыня ответила: – Я не могу прийти в себя от ужасного страха, который внушает мне человек. О да сохранит нас Аллах! А пава сказала ей: – Неужели ты думаешь, что человек доберется до этого острова в открытом море? О сестра моя, расскажи нам историю, которая случилась с тобою!

И гусыня сказала: – Я живу на этом острове с детства и никогда не знала здесь неприятностей или забот. Но в позапрошлую ночь, когда я заснула, спрятав голову под крыло, мне явился во сне человек, захотевший вступить в разговор со мной, и я уже собиралась ответить на его любезности, как вдруг услышала голос, который кричал мне: – Берегись, гусыня! Не доверяй сладким речам человека и его коварным манерам. Тогда я встрепенулась от сна и пустилась бежать, вытянув шею и развернув крылья. И так скиталась я то туда, то сюда, пока не почувствовала, что силы покинули меня. И я не знала, что делать, когда вдруг увидела у входа в пещеру молодого льва с кротким и добрым взглядом. И он позвал меня, говоря: – О милая малютка, приблизься, поболтаем немножко! И я была тронута его приглашением и скромно подошла к нему, а он сказал мне: – Как тебя зовут? Я ответила ему: – Меня зовут гусыней... А он сказал мне: – Я вижу тебя пораженной ужасом, но не знаю, почему это! Тогда

я рассказала ему все, что видела во сне. И каково же было мое удивление, когда он ответил: – Но ведь и мне приснился такой же сон, и я рассказал его моему отцу, льву, который тотчас же предостерег меня от человека и посоветовал мне быть настороже против его хитростей!

При этих словах ужас мой еще увеличился, и я воскликнула: – Настал момент освободиться от этого ужасного врага, и тебе одному, о сын султана животных, должна принадлежать слава убить человека! Сделав это, ты возвеличишь имя свое в глазах всех тварей неба, воды и земли! И я продолжала подзадоривать молодого льва и льстить ему, пока он не вышел из пещеры и не сказал мне, чтобы я следовала за ним. И мы пошли вместе, пока не увидели осла, который то скакал и брыкался, то бросался на землю и катался в пыли, болтая в воздухе ногами. При виде этого молодой лев удивился и окликнул осла, крикнув ему: – Эй, ты! Иди сюда! Почему поступаешь ты таким образом? И осел ответил: – О господин мой, я спасаюсь от человека! Тогда молодой лев засмеялся и сказал: – Как можешь ты при твоем росте и сложении бояться его? Осел сказал, качая головой: – Я вижу, ты совсем не знаешь этого зловредного существа! Страх мой происходит от той ужасной жизни, на которую он обрекает меня! Пока я молод и силен, я служу ему для езды. Когда же я состарюсь, он продаст меня какому-нибудь водовозу. И когда, изнемогая от дурного обращение и лишений, я околею, мой труп бросят на съедение собакам, бродящим среди куч мусора! Такова злосчастная судьба, которую готовит мне человек. О есть ли среди тварей другие, такие же несчастные, как я?

Тогда молодой лев сказал ослу: – Мне бы хотелось, чтобы ты служил мне проводником в моих поисках человека. Но осел ответил: – Мне жаль, господин мой, но я предпочитаю, чтобы между мной и им лежало расстояние в целый день пути. И я ищу теперь надежное убежище, чтобы скрыться от его хитростей и коварства. И, сказав это, осел пустился бежать. Между тем мы увидели приближавшееся облачко пыли. И когда пыль рассеялась, перед нами предстал вороной конь, красивый, стройный, с шерстью белой, как серебряная драхма, и со звездой на лбу. И лев, совершенно очарованный его изяществом, спросил: – Почему так мчишься ты среди этой пустыни? И конь ответил: – О царь животных, я конь, и я спасаюсь бегством от человека! При этих словах изумление льва достигло крайних пределов, и он сказал: – О конь, стыдно тебе бояться человека при твоих силе и росте, ибо ты можешь одним ударом ноги отправить его на тот свет. Я меньше тебя, а между тем я обещал этой гусыне, что нападу на человека и растерзаю его. Но конь посмотрел на льва с грустной улыбкой и сказал: – Отбрось от себя эти мысли, о сын султана, ибо все ничто перед хитростью человека. Когда я попадаю ему в руки, он находит средство управлять мною, как ему вздумается. Он надевает мне на ноги путы из пеньки, и я не могу двигаться. Когда же я состарюсь, он продаст меня какому-нибудь мельнику, который заставит меня день и ночь вертеть жернов мельницы. Когда же я одряхлею, мельник продаст меня живодеру, и тот зарежет меня и продаст мою шкуру дубильщику.

Молодой лев был взволнован тем, что слышал и сказал: – Я вижу, что мне необходимо избавить мир от этого зловредного существа, которого вы называете человеком. Скажи же мне, где и когда ты видел его? И конь сказал: – Я оставил его около полудня. И теперь он, вероятно, направляется сюда! И только конь успел произнести эти слова, как опять показалось облако пыли, и мы увидели,

что к нам приближается, ревя, испуганный верблюд. И когда он оказался рядом со львом, тот спросил у него: – И ты тоже, странное животное, боишься человека? На что же годятся твои огромные ноги, если ты не можешь раздавить ими его рожу! И верблюд грустно ответил: – О сын султана, взгляни на мои ноздри! Они изорваны кольцом, которое человек продевал, чтобы укротить меня и управлять мною. К этому кольцу была прикреплена веревка, которую человек вручал маленькому ребенку, и тот мог вести меня, куда захочет. Взгляни на спину мою! Она изогнулась под тяжестью ноши, которую навьючивают на меня! Когда же я состарюсь, человек извлечет пользу из моей шкуры и костей, продав их мяснику!

При этих словах льва охватило негодование, и он спросил верблюда: – Скажи мне скорее, где оставил ты человека? И верблюд ответил: – Он ищет меня и потому не замедлит появиться. Дозволь мне удалиться! И только успел он исчезнуть, как появился перед нами маленький тщедушный старикашка с хитрым морщинистым лицом. На плечах он нес корзину со столярными инструментами, а на голове – восемь деревянных досок. И лев, весьма заинтересованный этим смешным маленьким существом, направился к нему чтобы лучше рассмотреть его. А столяр распростерся перед ним на земле и сказал самым смиренным голосом: – О царь, могучий и прославленный! Я пришел к тебе просить помощи и защиты от преследующих меня несчастий! И он принялся плакать, стонать и вздыхать. Тогда лев, тронутый его слезами и жалким видом, спросил: – Кто же ты и кто притесняет тебя? И тот ответил: – О господин! Я принадлежу к породе столяров; что же касается моего притеснителя, то это человек. Каждый день он заставляет меня работать и никогда не платит мне. Поэтому, издыхая от голода, я бросил работать и обратился от него в бегство!

При этих словах лев пришел в ярость и воскликнул: – Да где же он, этот человек? Когда он попадет мне на зубы, я растерзаю его чтобы отомстить ему за всех его жертв. А человек ответил: – Он скоро покажется, ибо он пустился за мною в погоню! А лев спросил его: – Но ты-то сам, в какую сторону направляешься теперь? И человек ответил: – Я иду к визирю твоего отца, к господину леопарду, который послал за мною одного из своих зверей-разведчиков, чтобы я построил ему прочную хижину, в которой можно укрыться от нападений человека. Для этого я и несу эти доски и эти инструменты! Когда лев услышал это, он позавидовал леопарду и сказал: – Клянусь жизнью! Было бы нахальством со стороны визиря моего отца, если б его заказы исполнялись раньше наших. Ты остановишься здесь и сперва построишь такую хижину мне! А господин визирь может и подождать!

Но столяр сделал вид, что хочет уйти, и сказал льву: – О сын султана, я обещаю тебе вернуться, как только окончу работу, заказанную леопардом, ибо я страшусь его гнева! И тогда я построю тебе уже не хижину, а дворец! Но лев не захотел ничего слушать и ударил столяра лапой в грудь. Тот потерял равновесие и покатился вместе со своими досками и инструментами. И лев рассмеялся, видя ужас несчастного старикашки. А тот с покорностью принялся за дело. Он снял мерку со льва и в несколько минут построил крепко сколоченный ящик, оставив в нем лишь узенькое отверстие. И он набил больших гвоздей, острие которых было обращено внутрь, и кое-где оставил небольшие щели. Сделав все это, он почтительно пригласил льва принять во владение свое имущество. Но лев сначала поколебался и сказал: – Мне кажется, что это очень узко;

я не вижу, как могу туда проникнуть! А человек сказал: – Войди ползком; ибо, раз очутившись внутри, ты почувствуешь себя там превосходно!

Тогда лев изогнулся, проскользнул внутрь, и только хвост остался снаружи. Но столяр поспешил засунуть его туда же, и в одно мгновение он закрыл отверстие и накрепко забил его. Тогда лев попытался пошевелиться, но концы гвоздей впились ему в кожу; и он, рыча от боли, закричал: – О что за тесную хижину ты выстроил и что это за острие, которое так жестоко вонзается в меня? А человек издал радостный крик и сказал льву: – О собака пустыни, ты узнаешь, что я, человек, несмотря на свою слабость, могу восторжествовать над силой и красотой. И злодей зажег факел, обложил ящик хворостом и предал все огню. И я, оцепенев от ужаса и страха, видела, как лев горел заживо, умирая самой ужасной смертью. И человек, не заметив меня, с торжеством удалился. Тогда я поднялась и добрела сюда, где судьба столкнула меня с вами.

Когда павлин и его супруга выслушали этот рассказ гусыни... Но на этом месте Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила сто сорок седьмая ночь, она сказала:

ночь сто сорок седьмая

Когда павлин и его супруга выслушали этот рассказ, волнение их достигло крайних пределов, и пава сказала гусыне: – Сестра моя, здесь мы в безопасности. Оставайся и раздели с нами нашу судьбу, какова бы она ни была. Если же срок нашей жизни назначен, никакая сила не может его отменить! Но пока они беседовали, послышался шум шагов; и он настолько встревожил гусыню, что она устремилась к морю, крича: – Берегитесь! Хотя судьба каждого и должна свершиться, берегитесь! Но это была напрасная тревога, ибо между раздвинувшимися ветвями показалась голова косули с влажными глазами. И пава крикнула гусыне: – Вернись скорее! У нас новый гость! Тогда гусыня вернулась, переваливаясь на ходу; и косуля сказала им: – Я в первый раз здесь, и я никогда не видела земли более плодородной и травы более соблазнительной! Позвольте же мне присоединиться к вашему обществу! И все трое ответили ей: – О косуля, ты найдешь здесь довольство, привет и ласку. И все они принялись есть и пить. И они не забывали прочитать молитву утром и вечером за исключением гусыни. И вскоре она своей жизнью заплатила за эту неблагодарность по отношению к Аллаху!

Ибо однажды утром на берег был выброшен разбитый корабль; и люди высадились на остров и, заметив павлина, его супругу, гусыню и косулю, быстро направились к ним. Тогда павлины улетели, косуля в несколько прыжков скрылась от преследования, и только гусыня осталась в полном замешательстве. Ее окружили и поймали, чтобы съесть. А павлин и его супруга прежде, чем покинуть остров, крадучись, вернулись узнать о судьбе гусыни и увидели, что ее зарезали. Тогда они отыскали косулю и сообщили ей о злосчастной кончине бедной гусыни.

И все трое много плакали, вспоминая о ней, и косуля сказала: – Она была кроткая, скромная и такая хорошенькая! Но она пренебрегала своими обязанностями по отношению к Аллаху! И все трое пали ниц и стали молиться.

Рассказав эту историю, Шахразада остановилась. И царь Шахрияр воскликнул: – Неужели это все, что ты знаешь о животных? И Шахразада сказала: – Это ничто, о царь, в сравнении с тем, что я могла бы тебе рассказать о них. Но раньше, чем продолжать истории о животных, я хочу поведать тебе другую историю, которая подтвердит, насколько молитва угодна Господу:

РАССКАЗ О ПАСТУХЕ И МОЛОДОЙ ДЕВИЦЕ

Рассказывают, что в одной из горных пещер жил пастух, отличавшийся мудростью и пламенной верой. Он вел жизнь тихую и уединенную, питаясь молоком и одеваясь шерстью стада своего. И столько кротости было в этом пастухе, что дикие звери никогда не нападали на его стадо. Но однажды Аллах Всевышний захотел испытать истинную цену его добродетелей. Он повелел одному из своих ангелов переодеться женщиной и ввести в соблазн святого пастуха. И в один прекрасный день пред пастухом внезапно предстала черноокая молодая девушка. И вся пещера мгновенно наполнилась благоуханием ее, и пастух почувствовал в своем старом теле содрогание. Но он сдвинул брови и сказал: – Зачем ты пришла сюда, о неведомая мне женщина? И девушка ответила: – Посмотри на меня! Я еще не женщина, а девушка, и я пришла, чтобы отдать тело свое твоим ласкам ради собственного наслаждения! Но старик воскликнул: – О искусительница ада, удались! Но девушка стала медлительно изгибать свой стройный стан и, взглянув на старика, вздохнула: – Скажи, почему ты отказываешься от меня? Я пришла к тебе с душою, полной покорности, и с телом, млеющим от желания. Разве нагота моя не свежее, чем вода горного источника? Подойди ко мне! Трепещущие губы мои прильнут к твоему рту. Подойди ко мне! Но старик: – Уйди, о демон! Или я прогоню тебя этой суковатой палкой!

Тогда небесная девушка страстно обхватила руками его шею и прошептала: – Знаешь ли ты запах жасмина? Он покажется тебе грубым, если ты вдохнешь аромат моей девственности! Но старик воскликнул: – Вон отсюда, о искусительница! И он оттолкнул ее обеими руками! Тогда девушка сбросила одежды свои и предстала перед ним обнаженная. И старик, чтобы не видеть этой живой лилии, закутал голову плащом и закричал: – Уходи отсюда, о женщина с предательскими глазами! От самого сотворения мира ты являешься причиной наших бедствий! Но девушка продолжала: – Истинная мудрость состоит в том, чтобы обо всем позабыть на моей груди! Тогда старик повернулся

к стене и закричал: – Прочь, о лукавая. Красота твоя лжива! К тому, кто умеет молиться, является иная красота! При этих словах видение исчезло. Тогда со всех сторон к пастуху сбежались дикие животные и склонились перед ним до земли, прося его благословения! На этом моменте своего повествования Шахразада остановилась, а царь Шахрияр, внезапно опечалившись, сказал ей: – О Шахразада! Поистине пример пастуха заставляет меня задуматься! И я не знаю, не будет ли лучше для меня удалиться в пещеру и уйти навсегда от забот царской власти! Но сначала я хочу выслушать продолжение Рассказов о Зверях и Птицах! И когда наступила сто сорок восьмая ночь, Шахразада сказала:

РАССКАЗ О ЧЕРЕПАХЕ И ПТИЦЕ-РЫБОЛОВЕ

В одной из старинных книг повествуется, что птица-рыболов находился однажды на берегу реки. Между тем, как он следил за движением воды, перед ним проплыло и остановилось под утесом, с которого он наблюдал, тело человеческой породы. Он осмотрел его и заметил раны на всех частях его. И он подумал: – Это должно быть какой-нибудь разбойник, которому пришлось искупить свои злодеяния! И он намеревался наброситься на тело и оторвать от него несколько кусков, чтобы отнести их своим птенцам. Но вдруг он увидел, как небо потемнело от целой тучи больших хищных птиц, приближавшихся к телу. При виде этого птицу-рыболова объял страх; он спустился на верхушку дерева и решил ждать. И он говорил себе: – Вот я принужден был удалиться с того берега, где находятся мои дети и моя супруга. Если б я был предусмотрительнее, я сделал бы запасы на случай голодовки!

Между тем он увидел, что к дереву медленно подплыла черепаха. Она подняла голову, пожелала ему мира и сказала: – Как могло случиться, о рыболов, что ты покинул береговой откос, где я обыкновенно встречала тебя? И он ответил: – О добрая черепаха, видя, что воздушные волки готовы завладеть моим откосом, я предпочел удалиться до той поры, пока Аллаху не будет угодно сжалиться над моей бедственной судьбой. Когда черепаха выслушала эти слова, она сказала: – Я знаю, как несчастен иностранец вдали от своих и как сладко ему найти среди незнакомцев теплоту и участие. И я буду тебе внимательной и преданной подругой. Тогда рыболов воскликнул: – О черепаха, ты, жесткая с поверхности, но мягкая в душе! Мудр тот, кто умеет находить друзей, подходящих ему по натуре, ибо нельзя считать друзьями кого вынужден посещать, как я посещал птиц-рыболовов, соперничавших со мной и завидовавших моим уловам. При этих словах черепаха воскликнула: – О рыболов, спустись сюда, чтобы я могла поцеловать тебя! И рыболов спустился с дерева, и черепаха поцеловала его между глаз и сказала: – Ты не создан, чтобы жить в обществе птиц твоей

Léon Carré

породы. Останься же со мной, и жизнь будет нам легка на этом клочке земли, затерянном среди течений! Но рыболов сказал ей: – Ну, а мои дети? А супруга моя? И черепаха ответила: – Аллах велик и милосерд. Он поможет нам перенести их сюда! И тогда оба воскликнули: – Хвала Творцу! В этом месте своего повествования Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Тогда царь Шахрияр сказал ей: – О Шахразада, мне хотелось бы спросить тебя, не знаешь ли ты каких-нибудь историй о волках, например, или других столь же диких животных? И Шахразада обещала ему рассказать эти истории в следующую ночь. И когда наступила сто сорок девятая ночь, она сказала:

ночь сто сорок девятая

РАССКАЗ О ВОЛКЕ И ЛИСЕ

Знай же, о царь благословенный, что лиса, вконец измученная от вечной злобы господина своего волка, села однажды на ствол дерева и принялась раздумывать. Обрадованная одной мыслью, которая блеснула в ее голове, она пустилась разыскивать волка, которого она и встретила, наконец, в скверней-шем настроении духа. Она смиренно приблизилась к нему и облобызала землю перед ним. А волк закричал: – Что тебе нужно, собачья дочь? Лиса сказала: – Извини мою дерзость, господин, но я хочу высказать тебе одну мысль. А волк закричал: – Только не болтай слишком много, не то я переломаю тебе кости! И лиса сказала: – О господин! Человек ведет непрерывную войну против нас. По всему лесу видим мы капканы, западни и всевозможные ловушки! А потому, что ты сказал бы о союзе всех волков и всех лисиц для защиты от человека? При этих словах волк закричал лисе: – Это настоящая наглость с твоей стороны – рассчитывать на союз со мною, жалкая лисица! Вот тебе за дерзость! И волк хватил ее по спине своей лапой. Лиса поднялась, прихрамывая, приняла сокрушенный вид и сказала: – Господин, прости рабе твоей ее невоспитанность! Недаром ведь мудрец сказал: – Не заговаривай никогда и не рассказывай ничего прежде, чем тебя попросят об этом. Но более всего остерегайся расточать свои советы тем, которые могут не понять их.

Так говорила лиса волку, но про себя думала: – Придет и мое время, ибо спесь, нахальство, дерзость и глупое чванство навлекают на себя достойное наказание! Потом лиса сказала волку: – О господин мой, справедливость есть добродетель могущественных. Ведь и сам Аллах прощает виновного, если он раскаивается! Тогда волк сказал: – Я принимаю твои извинения и прощаю твои ошибки. Но ты должна стать на колени и склонить голову! И лиса стала на колени и смиренно преклонилась пред ним, говоря: – Да ниспошлет тебе Аллах торжество во всех делах твоих и да укрепит владычество твое! Тогда волк сказал: – Ну, хорошо! Теперь ступай, а если завидишь какую-нибудь дичь, беги скорее и скажи мне! И лиса поспешила на разведку.

И она прибежала в виноградник, где увидела подозрительное место, похожее на западню, и сказала себе: – Я достаточно насмотрелась на ловушки, которые испокон веков строит мне человек. Надо держать ухо востро! И она была совершенно права, ибо это была большая яма, прикрытая легкими ветвями и засыпанная поверх землею. Поняв это, лиса воскликнула: – Хвала Аллаху, который одарил меня таким прекрасным качеством, как осторожность. И она побежала к волку, которому сказала: – Я принесла добрую весть! Виноградник так хорош сегодня, ибо его хозяин умер и лежит там, прикрытый ветвями! А волк закричал: – Чего же ты медлишь, гнусная сводница! Веди меня туда! И лиса провела его к винограднику и, указывая на описанное место, сказала: – Вот здесь! Тогда волк одним прыжком вскочил на ветви, которые поддались под его тяжестью, и он провалился в глубину ямы. Видя падение врага своего, лисица пришла в такой восторг, что принялась скакать и от избытка радости, а затем подскочила к краю ямы. И с удовольствием смотрела она на волка, который взвыл, сокрушаясь при мысли о своей погибели. А волк, подняв голову, подумал про себя: «Теперь не приходится грозить ей, она одна может вызволить меня отсюда!» И он сказал лисе: – О друг мой! Я был грубоват с тобою! Но не гневись на меня за это. Но лиса ответила, насмешливо оскалив зубы: – О ты, глупейший из всех диких зверей! Вероятно, ты позабыл все свои безобразные поступки? Ты так долго угнетал меня, что теперь я имею полное право радоваться твоим несчастьям и услаждаться зрелищем твоего унижения! Тогда волк сказал: – О мудрая лиса, душа твоя выше, чем слова твои. Возьми же, пожалуйста, какую-нибудь веревку и постарайся привязать ее одним концом к дереву, а другой конец брось мне; таким образом я вскарабкаюсь по ней и выйду из этой ямы! Но лиса расхохоталась и сказала ему: – Нет уж! Раньше твоя душа выйдет из твоего тела! Я могу сравнить твою участь только с участью сокола и куропатки!

При этих словах волк воскликнул: – Что ты хочешь сказать этим? Тогда лиса сказала: – Однажды я пошла в виноградник, чтобы съесть несколько ягодок винограду. Вдруг с высоты неба низринулся большой сокол и опустился прямо на маленькую куропатку. Но куропатке удалось вырваться, и она укрылась в своем убежище. Тогда сокол сел у отверстия, служившего входом в убежище, и сказал: – Зачем ты прячешься от меня, дурочка! Разве ты не знаешь, как я заботусь о тебе. Я хотел дать тебе зерен! Выйди без страха из своей норки. И да будут эти зерна тебе приятны на вкус! Услышав эти слова, куропаточка доверчиво вышла из своего убежища, но сокол набросился на нее и запустил ей в тело свои ужасные когти. Тогда куропатка, испуская последний вздох, сказала ему: – О проклятый предатель! Да превратит Аллах в яд мясо мое в желудке твоем! И она умерла. Что же касается сокола, то он мгновенно сожрал ее. Но в ту же минуту с него опали все перья, и сам он бездыханный покатился на землю. А ты, о волк, – продолжала лиса, – попал в яму за то, что сделал мою жизнь столь тяжкою и унизил душу мою до последних пределов! Тогда волк сказал лисе: – Ради Аллаха! Помоги мне выбраться отсюда, и я буду тебе лучшим другом и советчиком! Но лиса только расхохоталась и сказала: – Мудрецы учат нас, что такие люди, как ты, неспособны к благородным чувствам. Почему бы тебе самому не найти средства выбраться из этой ямы? О как ты напоминаешь мне историю с врачом! – Какой там еще врач? – воскликнул волк.

А лиса сказала: – Жил на свете крестьянин, у которого приключилась

большая опухоль на правой руке, и это мешало ему работать. И он позвал врача, который слыл большим знатоком врачебной науки. И этот ученый пришел к больному с повязкою на глазу. И больной спросил его: – Что это у тебя с глазом, о врач? А тот ответил: – Опухоль, которая мешает мне видеть! Тогда больной закричал: – У тебя самого опухоль, и ты не можешь излечить ее! Поворачивай назад! А ты, о волк проклятый, прежде, чем мне давать советы, будь сам настолько мудр, чтоб спастись из этой ямы! Тогда волк заплакал и сказал: – О друг мой, прошу, подойди к краю ямы и протяни мне кончик своего хвоста! Я уцеплюсь за него и вылезу отсюда! И тогда обещаю тебе перед лицом Аллаха раскаяться во всех моих прежних жестокостях. Но лиса, ни мало не смягчившись, сказала: – Было бы глупо с моей стороны доверить тебе хвост свой! Нет, умирай себе там, ибо мудрец сказал: – Смерть злого есть благо для человечества!.. На этом моменте своего повествования Шахразада увидела, что занимается утро, и скромно умолкла. А когда наступила сто пятидесятая ночь, она сказала:

ночь сто пятьдесятая

Смерть злого есть благо для человечества, ибо она очищает землю! При этих словах волк укусил себе лапу от ярости, но он еще более смягчил голос и сказал: – О лиса, порода, к которой ты принадлежишь, славится благородством души, красноречием и кротостью своего характера! Прекрати же эту игру и вспомни обычаи своего рода. Но лиса начала хохотать и сказала: – Я хочу, пока ты еще не издох, всадить тебе в уши несколько изречений мудрых людей. Знай, что все можно излечить, кроме смерти, все можно испортить, кроме алмаза, и что от всего можно уйти, кроме своей судьбы! Но мне думается, ты сильно смахиваешь на змею, историю которой ты, конечно, не знаешь по своему невежеству! И так как волк признался в своем невежестве на этот счет, лиса сказала: – Была одна змея, которой удалось спастись из рук фокусника. Но, пробыв долгое время в его мешке, она так отвыкла от движения, что едва ползла по земле и была бы непременно вновь поймана, если бы ее ни заметил сострадательный прохожий. Он поднял и отогрел ее. Но как только она ожила, она запустила в него свое ядовитое жало. И человек упал мертвым!

Затем лиса взобралась на пригорок и принялась яростно выть, сзывая хозяев и сторожей, которые не замедлили сбежаться. При их приближении лиса поспешила удрать и спрятаться, но она могла видеть огромные камни, которыми забрасывали яму обрадованные хозяева, и слышала предсмертный вой врага своего, волка! Тут Шахразада смолкла на минуту, чтобы выпить стакан шербету, который подала ей маленькая Доньязада, а царь Шахрияр воскликнул: – О, я сгорал от нетерпения, ожидая смерти волка! Теперь же я желал бы выслушать что-нибудь о неосмотрительной доверчивости! И Шахразада сказала: – Слушаю и повинуюсь.

РАССКАЗ О ЛАСКЕ И МЫШИ

Жила-была одна женщина, занимавшаяся лущением кунжута. Однажды ей принесли меру кунжута наилучшего качества и сказали: – Врач предписал одному больному питаться кунжутом. И мы принесли его тебе, чтобы ты тщательно обчистила и вылущила его! И женщина сейчас же принялась за работу и к вечеру успела вылущить его. Любо было смотреть на этот аппетитный кунжут. И бродившая неподалеку ласка соблазнилась им и, дождавшись ночи, принялась перетаскивать его с подноса, на котором он был рассыпан, в свою нору. Каково же было удивление женщины при виде подноса, опустошенного ласкою, которая наблюдала за ней, притаившись в норе! И лущильщица воскликнула: – Это все проклятые мыши! Попадись мне одна, досталось бы ей от меня!

Услышав эти слова, ласка подумала: – Я должна подкрепить ее подозрения насчет мыши. И она направилась к мыши и сказала ей: – О сестра моя, всякий сосед должен быть другом соседу! Добрая женщина, которая живет в этом доме, получила меру свежего кунжута. Она и дети ее уже досыта наелись им, так что осталась одна горсточка. И я хочу, чтоб этим остатком воспользовалась ты, а не ее прожорливые дети! При этих словах мышь пришла в восторг. Не задумываясь, она побежала и вскочила на самую середину подноса. Но в ту же минуту из-за двери выскочила женщина и одним ударом палки разбила мыши голову! Так бедная мышь, поддавшись неосмотрительной доверчивости, заплатила за чужой проступок своею жизнью! При этих словах царь Шахрияр сказал: – О Шахразада! Какой урок осторожности преподает эта сказка! Но не можешь ли ты рассказать мне какую-нибудь историю о верной дружбе? И Шахразада сказала:

РАССКАЗ О ВОРОНЕ И ЦИБЕТЕ*

До меня дошло, о царь благословенный, что однажды ворон и цибет почувствовали крепкую дружбу один к другому и проводили время в прогулках и различных играх. Но однажды, когда они беседовали, раздался ужасающий рев тигра. И тотчас же ворон поспешил подняться на верхние ветви, а цибет, растерявшись, в замешательстве спросил: – Друг мой! Что делать? А ворон ответил: – Я готов на все, чтобы выручить тебя. Он полетел к стаду, находившемуся под охраной больших собак. И он нанес одной из них сильный удар клювом.

* *Цибет (цивета, виверра)* – хищный зверек, напоминающий куницу. Вырабатывает пахучее вещество цибетин, которым метит свою территорию. Оно используется в медицине и парфюмерии.

Затем он бросился на другую собаку и сделал то же самое. И собаки пустились ловить его, пока не достигли середины леса. Тогда ворон рассудил, что лай собак наполнил шумом весь лес, и тигр в перепуге должен был уже скрыться. Затем он вернулся к своему другу цибету, которого он избавил так от опасности, и зажил с ним в полном мире и благополучии! – Но я спешу, о царь благословенный, – продолжала Шахразада, – рассказать тебе историю о вороне и лисе.

РАССКАЗ О ВОРОНЕ И ЛИСЕ

Рассказывают, что один старый лис, совесть которого была отягощена многими проступками, удалился в ущелье, уведя с собой свою семью. И там он начал делать такие истребления среди дичи, что совершенно опустошил гору и кончил тем, что во избежание голодной смерти съел сначала собственных детей, а затем пожрал свою подругу. И он стал уже слишком стар, чтобы еще раз переселяться, и был недостаточно ловок, чтобы охотиться на зайцев. И вот он увидел, что на вершину дерева опустился ворон, и подумал: «Если б я мог убедить этого ворона вступить в дружбу со мною! Он доставлял бы мне пищу и избавил бы меня от одиночества, которое начинает меня тяготить!» Лис приблизился к дереву, на котором сидел ворон, и сказал ему: – О сосед мой, я чувствую себя пораженным прямо в сердце твоей неотразимой привлекательностью и ощущаю внезапную склонность к братской дружбе с тобою! А ты что чувствуешь ко мне? При этих словах ворон разразился таким хохотом, что чуть не скатился с дерева. Затем он сказал: – Изумление мое не имеет пределов. Полно, старый хитрец, избавь меня от этой дружбы, которая ничем себя не доказала! Тогда лис сказал: – О рассудительный ворон! Чтобы показать, что существа различных пород прекрасно могут быть в дружбе, я хочу рассказать историю о блохе и мыши. И ворон ответил: – Я готов выслушать эту историю, которую никогда не слышал!

И лис сказал: – Мудрецы рассказывают, что блоха и мышь избрали место жительства в доме одного богатого купца, каждая в наиболее подходящем для нее месте. И однажды ночью блоха, которой надоело сосать терпкую кровь кошки, прыгнула на постель супруги купца и принялась сосать сладкую кровь молодой женщины. Но женщина проснулась от боли и неизбежно раздавила бы блоху, если бы та не успела спрыгнуть на пол и скрыться в первой попавшейся щели. А щель та была убежищем мыши... На этом моменте своего повествования Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила сто пятьдесят первая ночь, она сказала:

ночь сто пятьдесят первая

два мышь увидела, что блоха ворвалась к ней, она крикнула ей: – Зачем явилась ты ко мне? И та ответила: – Я ворвалась сюда, чтобы спастись от смерти. Приюти меня, и я выкажу тебе благодарность. Тогда мышь сказала: – Ты можешь жить здесь в спокойствии, и будешь моей подругой. Блоха была чрезвычайно тронута и сказала: – Да приблизит Аллах ту минуту, когда я смогу отплатить тебе за твою доброту! И однажды мышь увидела, что купец пересчитывает вынутые из мешочка динарии. Затем он спрятал их под подушку и заснул. Тогда мышь сказала блохе: – Вот случай прийти мне на помощь – перенеси эти динарии в мое убежище! Но блоха грустно ответила: – Разве ты не видишь, какого я роста? Впрочем, я смогу вытащить купца из комнаты, и тогда ты перенесешь динарии в свое убежище! И мышь воскликнула: – Поспеши же устроить то, что обещала! Тогда блоха прыгнула на купца и укусила его. Он же потер укушенное место и попытался уснуть вновь. Но блоха на этот раз укусила его в чувствительное место. Тогда купец вскочил и побежал к колодцу, где стал примачивать укушенное место водою, а потом растянулся во дворе, чтобы там провести остаток ночи. А мышь в это время перенесла в свою нору золото купца. Так блоха сумела отблагодарить мышь за ее гостеприимство! И ты, о ворон, – продолжала лиса, – скоро увидишь степень моей преданности в отплату за дружеский договор, который я предлагаю заключить между нами! Но ворон ответил: – Твоя история не убеждает меня. Не пробуй поступать со мной, как воробей! И лис в изумлении спросил его: – О каком воробье ты говоришь? И ворон сказал: – До меня дошло, что один воробей находился на лугу, по которому проходило стадо баранов. Вдруг он увидел, что огромный орел низринулся на маленького ягненка и унес его. Тогда воробей подумал: «И я смогу унести барана». И он ринулся на большого барана с густой старой шерстью. Но лапки его запутались в клочьях шерсти, и он оказался пленником. Тогда прибежал пастух, вырвал перья из его крыльев и, привязав его за ногу на веревку, отдал его, как игрушку, своим ребятам, сказав им: – Это один из тех, кто захотел сравняться с сильнейшим! За это он и наказан рабством! И ты, дряхлый лис, хочешь сравняться со мною, раз имеешь дерзость предлагать мне свой союз. Убирайся поскорей! Тогда лис понял, что бесполезно пытаться надуть столь бывалого парня, как ворон. И в бешенстве он стал так сильно скрежетать зубами, что сломал себе зуб.

И такова, о благословенный царь, – продолжала Шахразада, – история о вороне и лисе! А завтра, если Господь продлит мою жизнь, я расскажу тебе историю прекрасной Шамзеннахар и князя Алибен-Бекара. И царь Шахрияр воскликнул: – О Шахразада, одно название этой истории кажется мне очаровательным, и я готов слушать тебя! Но в эту минуту Шахразада увидела, что занимается заря, и попросила царя подождать до следующей ночи. А когда наступила сто пятьдесят вторая ночь, она сказала:

НОЧЬ СТО ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

История Али-бен-Бекара и прекрасной Шамзеннахар

О меня дошло, о благословенный царь, что в Багдаде, в царствование халифа Гаруналь-Рашида, жил молодой купец по имени Абальгассан-бен-Тагер. Он был самый красивый и самый любезный из всех торговцев Большого Базара. Вот почему главный евнух дворца избрал его, чтобы он поставлял для фавориток султана всевозможные ткани и драгоценности. И он никогда не забывал предложить угощения евнухам, приходившим к нему с заказами. Вот почему молодой Абальгассан был обожаем всеми женщинами и всеми невольниками дворца. И даже сам халиф полюбил его за прекрасные манеры. И он даровал ему свободный доступ во дворец во всякое время дня и ночи. Абальгассан обладал еще даром пения и стихосложения, и халиф приглашал его к своему столу, чтобы слушать стихи безукоризненного ритма. И лавка Абальгассана была хорошо известна всем, кто причислял себя к избранной молодежи Багдада. И одним из посетителей этой лавки был потомок древней персидской династии юный князь Али-бен-Бекар.

Однажды, когда он сидел в лавке рядом со своим другом Абальгассаном, к ним приблизились десять молодых девушек, и они окружали одиннадцатую, сидевшую на муле. И она была закутана в изар из розового шелка. Ее лицо было прикрыто прозрачной вуалью, и сквозь нее светились прелестные глаза! Молодая женщина спустилась на землю и вошла в лавку с пожеланием мира Абальгассану, который отошел в сторону, выжидая ее приказаний. И она начала перебирать тканые золотом материи и драгоценности. Она отвела на минутку вуаль от своего лица, и красота ее засияла во всем блеске. И лишь только юный князь Али-бен-Бекар увидел это прелестное лицо, страсть запылала в глубине его печени. Молодая женщина тоже глубоко была потрясена; она подозвала к себе жестом Абальгассана и вполголоса спросила: – Кто этот молодой человек и откуда он? Он отвечал: – Это князь Али-бен-Бекар, потомок персидских царей! Он столь же благороден, сколь и прекрасен, и он лучший мой друг! – Он прелестен! – продолжала молодая женщина – Не удивляйся же, если

вскоре к тебе придет одна из моих невольниц, чтобы пригласить тебя и его ко мне. Я желала бы показать ему, что в Багдаде дворцы и женщины более красивы, чем при дворе царей персидских! И Абальгассан почтительно поклонился молодой женщине, а она вышла, оставив за собой тонкий аромат жасмина.

Что же касается Али-бен-Бекара, то он оставался долгое время неподвижным, не зная, что сказать, а потом спросил: – Ради Аллаха, скажи мне, кто эта молодая девушка, с которой ты, по-видимому, знаком? И Абальгассан отвечал: – Это любимая фаворитка эмира правоверных. Имя ей Шамзеннахар. И халиф воздает ей такие почести, которыми едва ли пользуется его законная супруга. У нее есть дворец, в котором она распоряжается как полновластная госпожа, не зная никакого надзора евнухов, ибо халиф доверяет ей беспредельно. И едва Абальгассан успел сообщить эти сведения, как в лавку вошла маленькая рабыня. Подойдя к Абальгассану, она сказала ему на ухо: – Моя госпожа Шамзеннахар приглашает тебя и твоего друга! Тотчас же Абальгассан поднялся, запер лавку и последовал в сопровождении Али-бен-Бекара за невольницей, которая довела их до дворца самого Гаруналь-Рашида. Не дав им времени выразить свой восторг, рабыня хлопнула в ладоши, и тотчас появилась негритянка с подносом, на котором было множество всевозможной снеди и фруктов. Когда они насытились, невольница подала им золотой кувшин с благовонной водой для рук, потом принесла духов, надушила их платья и пригласила их следовать за ней. И она ввела их в большую залу восхитительной архитектуры. Над залой высился купол, поддерживаемый восьмьюдесятью колоннами из чистейшего алебастра. И этот купол был весь расписан по золотому фону разноцветными линиями. А эта зала сообщалась прямо с садом. И вот князь Али-бен-Бекар и Абальгассан увидели сидящих вкруг десять молодых девушек, и каждая из них держала в руках какой-нибудь струнный инструмент... Дойдя до этого места своего повествования, Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила сто пятьдесят третья ночь, она сказала:

ночь сто пятьдесят третья

Каждая из девушек держала в руках какой-нибудь струнный инструмент. И по знаку невольницы все они заиграли сладостную прелюдию. И князь Али сказал своему другу: – Брат мой, я чувствую, что душа моя рыдает! Абальгассан же ответил: – Господин мой, пусть все внимание твое будет отдано этому концерту. Шамзеннахар по всей вероятности явится сюда сама! И действительно, появились двенадцать негритянок, которые несли на своих плечах трон из серебра. На этом троне сидела молодая женщина, окутанная большим покрывалом из тончайшего шелка. Негритянки опустили трон и отошли к деревьям. И, отбросив драпировки, Шамзеннахар подняла маленькую вуаль и улыбнулась князю Али. И он со вздохом взглянул на нее, и они все высказали безмолвно друг другу. Но

Шамзеннахар не могла более противиться своей страсти. Она поднялась и бросилась к дверям залы. И Али-бен-Бекар побежал в том же направлении и встретился со своей возлюбленной. И волнение их было так глубоко, что обнявшись, оба они лишились чувств.

Абальгассан отошел подальше, обдумывая не без страха последствия, которые могло иметь это приключение, если бы оно разгласилось во дворце. Но тут он заметил, что фаворитка справляется о нем, и почтительно приблизился к ней. И Шамзеннахар сказала ему: – О Абальгассан, сумею ли я оценить по достоинству добрые твои услуги! Только благодаря тебе познакомилась я с созданием, равного которому нет в мире! Затем она повернулась к Али-бен-Бекару и сказала: – О господин мой! Мой рок пригвоздил меня к этому дворцу и не дозволяет мне свободно отдаться моим чувствам! А Али отвечал ей: – Какое несчастие, что мы не можем свободно любить друг друга! И после этих слов слезы дождем залили щеки князя, и Шамзеннахар из сочувствия к нему тоже заплакала. Но Абальгассан скромно приблизился и сказал им: – Клянусь Аллахом, мне непонятны ваши слезы в то время, когда вы вместе! Наоборот, вы должны провести это время в радости и веселье! При этих словах Шамзеннахар осушила свои слезы и сделала знак. И через минуту вошли прислужницы, которые несли на головах большие серебряные подносы, уставленные всевозможными блюдами. И Шамзеннахар пригласила Абальгассана сесть против них перед блюдами, на которых круглились фрукты и красовались пирожные. И когда они поели, негритянки подали им кубки, наполненные прекрасным вином, один вид которого радовал глаза и облегчал душу. И Шамзеннахар отослала всех рабынь, оставив возле себя только певиц и играющих на разных инструментах. Тогда Шамзеннахар наполнила свой кубок вином, наполовину отпила из него и подала его князю Али, который пил из него, приложив свои губы к тому самому месту, которого касались губы его возлюбленной... В этом месте своего рассказа Шахразада увидела, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила сто пятьдесят четвертая ночь, она сказала:

Ночь сто пятьдесят четвертая

И князь пил, приложив свои губы к тому самому месту, которого касались губы его возлюбленной, в то время как струны любовно дрожали под пальцами исполнительниц. И Шамзеннахар, взяв лютню, полузакрыла глаза и от всей души пропела следующие строфы:

О сердце, сердце, заблудилось ты
В изгибах нежных царственного тела!
Но берегись – любовь стоит на страже,
И грозен яд ее смертельных стрел!

Когда Али-бен-Бекар и Абальгассан услышали это, они от восторга воскликнули: – Аллах! Аллах! Но в этот момент в залу вбежала испуганная невольница и сказала Шамзеннахар: – О моя госпожа,

Масрур, Афиф и прочие евнухи дворца стоят у дверей, и они хотят говорить с тобою! При этих словах князь Али и Абальгассан были крайне испуганы. Но Шамзеннахар сохранила присутствие духа; она спокойно улыбнулась и сказала: – Успокойтесь! Предоставьте действовать мне! Потом она приказала своей невольнице: – Ступай, задержи Масрура и Афифа, пусть они дадут нам время приготовиться к их приему! Потом она приказала рабыням запереть двери и попросила князя Али и Абальгассана остаться в зале и не бояться ничего. Она вышла в сад, села на принесенный туда трон, приняла томную позу и приказала одной из девушек растирать ей ноги. Затем она послала одну из негритянок отпереть двери Масруру и всем прочим.

Когда Масрур, Афиф и двадцать евнухов с обнаженными мечами в руках вошли и приветствовали фаворитку, Шамзеннахар сказала: – О Масрур, да будет угодно Аллаху, чтобы ты принес мне добрые вести! И Масрур отвечал: – О госпожа моя! Эмир правоверных шлет тебе свои пожелания мира и говорит, что пламенно желает видеть тебя! Но он желает узнать, желаешь ли ты сама прийти к нему во дворец или, может быть, предпочтешь принять его тут! При этих словах прекрасная Шамзеннахар сказала: – Я преданная раба эмира правоверных, и я прошу тебя передать нашему господину, что приход его озарит этот дворец. И глава евнухов с сопровождавшими его поспешно удалились. Шамзеннахар же побежала в залу, где находился ее возлюбленный, и со слезами на глазах высказала ему, какое для нее горе расставаться с ним. И князь Али сказал своей возлюбленной: – О госпожа моя, позволь мне обнять тебя! Я сохраню на своем теле любовное твое прикосновение и унесу в своей душе память о нем. Но в этот момент невольница прибежала предупредить свою госпожу о приближении халифа. Тогда Шамзеннахар, с глазами полными слез, обняла своего возлюбленного и сказала невольнице: – Проводи их как можно скорее в галерею, которая обращена одной стороной к Тигру, а другой – к саду. И когда стемнеет, ты выпустишь их на берег реки! Сказав это, Шамзеннахар подавила рыдание и побежала навстречу халифу.

А юная невольница провела князя Али и Абальгассана в указанную галерею и ушла, заперев за собою двери. По истечении некоторого времени через окна они увидели свет, который дал им возможность рассмотреть шествие, состоявшее из ста черных евнухов с пылающими факелами в руках. За ними шли сто старых евнухов, и каждый держал в руке обнаженный меч. И позади них окруженный двадцатью юными невольницами шествовал халиф Гарун-аль-Рашид. Он протянул Шамзеннахар руку, которую она поднесла к своим губам. Потом счастливый тем, что видит ее, он сказал ей: – О Шамзеннахар! Аллах даровал мне этот благословенный вечер, чтобы я мог вдосталь потешить мои глаза твоими прелестями. Потом он сел на серебряный трон, и фаворитка села перед ним... Тут Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто пятьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь сто пятьдесят пятая

Халиф сел на трон, и фаворитка села перед ним. Стоя в темноте, Абальгассан увидел, что одна из дверей галереи открылась. В нее вошла молодая невольница, которая сказала ему испуганным голосом: – О Абальгассан подымайся скорее, ты и твой товарищ. Я выведу вас обоих отсюда. Следуйте за мною, иначе все мы погибли! Они вышли из дворца и спустились до берега Тигра. Молодая девушка захлопала в ладоши, и тотчас же подплыла лодка с гребцом; он причалил к берегу и подошел к ним. Не говоря ни слова, князь Али и Абальгассан сели в лодку, а невольница извинилась, что не может сопровождать их дальше, и поспешно поднялась во дворец

Лодка подошла к противоположному берегу, и они вышли из нее. И Абальгассан сказал Али-бен-Бекару: – О друг мой, укрепи свой дух. Эти берега наводнены разбойниками и злодеями. Немного бодрости, и мы будем в безопасности в доме одного из моих друзей. И он медленно пошел со своим другом вперед. Когда же он постучался в двери, кто-то вышел отпереть их. Абальгассан и его друг были введены в дом, где по отношению к ним были соблюдены все правила гостеприимства. Они провели здесь остаток ночи, и никто не беспокоил их вопросами. Но оба мало спали в эту ночь: Абальгассан был озабочен мыслями о своих домашних, а князь Али не мог отогнать от себя образ Шамзеннахар.

Наутро они простились со своим хозяином, направились к городу и пришли на улицу, на которой стоял дом Абальгассана. Тот начал настойчиво приглашать своего друга зайти отдохнуть, так как не желал оставлять его одного. И он приказал своим слугам приготовить для него лучшую комнату. И утомленный князь Али опустился на тюфяк и на несколько часов погрузился в сон. Проснувшись, он совершил омовение, помолился и оделся, чтобы уходить; но Абальгассан удержал его, говоря: – О господин мой, не лучше ли тебе провести еще один день в моем доме! И он убедил его остаться. Но ничто не могло отвлечь Али-бен-Бекара от его печальных мыслей, и Абальгассан не захотел более удерживать его у себя. Он передал князя его слугам и обещал вернуться, лишь только это окажется возможным. Потом он отправился прямо на базар и открыл свою лавку. И лишь только он уселся в ожидании клиентов, как увидел... Но тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила сто пятьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь сто пятьдесят шестая

Абальгассан уселся в ожидании клиентов и увидел, что к нему приближается молодая невольница, поверенная Шамзеннахар. И он сказал ей: – Ах, пожалуйста, скажи мне поскорее, что сталось с твоей госпожой? Она отвечала ему – Знай, что моя госпожа находится в плачевном состоянии! Оставив вас под охраной лодочника, я поспешила к Шамзеннахар, а она была бледная, и слезы струились по ее распущенным

волосам. И эмир правоверных, крайне опечаленный, сидел возле нее. И на все вопросы, которые нам задавал халиф, желая узнать причину этой внезапной болезни, мы не ответили ни слова. Когда же халиф увидел, что может, наконец, заговорить со своей фавориткой, он сказал ей: – О свет очей моих, скажи мне причину твоей болезни, чтобы я мог хоть немного помочь тебе! Тогда она сказала разбитым голосом: – О эмир правоверных, болезнь, которой я страдаю, мимолетна! И причина ее, вероятно, в том, что я сегодня ела много разных вещей. Тогда халиф воскликнул: – О неосторожная возлюбленная моя! Ты должна беречь себя и не позволять своей душе набрасываться на все, что ей хочется! Не делай больше этого! И халиф приказал позвать всех врачей города.

Когда, наконец, халиф удалился, я смогла приблизиться к своей госпоже. И она приказала мне сбегать к тебе и узнать все новости об ее возлюбленном. При этих словах Абальгассан сказал ей: – Возвращайся к своей госпоже и передай ей мои пожелания мира. Скажи, что я советую ей быть как можно осторожнее, чтобы это дело не дошло до ушей халифа! Завтра ты вернешься опять в мою лавку. И молодая девушка поблагодарила его за добрые услуги и простилась с ним. И Абальгассан запер лавку раньше обыкновенного, чтобы бежать к дому своего друга бен-Бекара... В этом месте своего рассказа Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто пятьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь сто пятьдесят седьмая

И Абальгассан побежал к дому своего друга бен-Бекара. И он вошел в дом и нашел своего друга окруженным врачами и родственниками. Абальгассан приблизился к его изголовью и сказал: – Мир над тобой, о Али! – и подмигнул бен-Бекару глазом. Когда же все удалились, он обнял его и рассказал все, что передала ему невольница, и прибавил: – Я весь к твоим услугам. И я не буду знать отдыха до тех пор, пока не возвращу тебе покоя сердца! А бен-Бекар заплакал и сказал: – Прошу тебя, доверши твои благодеяния, проведи эту ночь со мною, чтобы я мог рассеять свои мучительные мысли! И Абальгассан остался у него, и рассказывал ему поэмы и пел ему любовные стихи. Но князь Али настолько упал духом вследствие ярких воспоминаний, которые возникли в его памяти, что опять принялся плакать. И Абальгассан провел всю эту ночь у его изголовья, ни на минуту не сомкнув глаз.

С наступлением утра он отправился открыть свою лавку и оставался в ней до самого вечера. Но в тот час, когда он собирался удалиться, увидел, что к лавке идет юная невольница Шамзеннахар. И после обычных приветствий она сказала ему: – Моя госпожа шлет Али-бен-Бекару свои пожелания мира. Она поручила мне узнать о его здоровье! Что с ним? Скажи мне! И он ответил: – О если бы ты могла видеть желтизну его лица! Он не спит, не ест, не пьет больше! Она же сказала: – Моя госпожа, которой ничуть не лучше, поручила мне

передать ее возлюбленному это послание, которое у меня в волосах. Можешь ли ты проводить меня? И Абальгассан поспешил запереть лавку и пошел в десяти шагах впереди наперсницы, которая следовала за ним... На этом месте своего рассказа Шахразада заметила приближение утра и по обыкновению скромно умолкла. А когда наступила сто пятьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь сто пятьдесят восьмая

он пошел в десяти шагах впереди невольницы, которая следовала за ним. И когда он приблизился к дому Али, сказал девушке: – Подожди меня тут. Я хочу убедиться, нет ли там чужих! И он вошел к своему другу и подмигнул ему глазом. И князь понял этот знак и сказал окружающим: – Простите меня! У меня болит живот! И когда все, простившись, удалились, Абальгассан привел невольницу, а Али сказал ей: – Будь благословенна! И молодая девушка тотчас же передала ему письмо Шамзеннахар. И Али поднес его к своим губам. Но так как он был еще слаб и не мог читать, то протянул письмо Абальгассану, который нашел в нем написанные рукою фаворитки стихи, описывавшие в самых трогательных выражениях все страдания любви. И Абальгассан сказал: – Я желаю тотчас же, о Али, заняться ответом, и ты подпишешь его! И князь пожелал, чтобы общий смысл этого письма был такой: – Если бы печаль отсутствовала в любви, влюбленные не находили бы наслаждение в переписке друг с другом! Выслушав это, Абальгассан вышел, чтобы проводить невольницу на улицу. Затем он возвратился в свой дом, начал обдумывать свое положение и так сказал сам себе: «О Абальгассан ты видишь, что дело принимает очень плохой оборот. Завтра же пойду к Али и постараюсь оторвать его от этой любви, которая может иметь плачевные последствия! Если же он не послушается меня, Аллах укажет мне, как держать себя далее!»

И Абальгассан на другое же утро отправился к своему другу бен-Бекару и сказал ему: – О Али, подумай о бедствиях, которые свалятся на наши головы, если эта интрига станет известна халифу! Эти приходы и уходы наложницы могут пробудить внимание евнухов и любопытство рабов. Упорствуя в этой безвыходной любви, ты обрекаешь на гибель и Шамзеннахар, и себя вместе с нею! Я уже не говорю о себе, потому что я буду в один миг вычеркнут из числа живущих и вся моя семья тоже! Но Али, поблагодарив своего друга за совет, объявил, что его воля более ему не подвластна и что он не согласится беречь себя, а Шамзеннахар не боится рисковать своей жизнью из любви к нему! Тогда Абальгассан, видя, что всякие слова бесполезны, распростился со своим другом и направил свой путь к дому. И в тот момент, когда Абальгассан, облокотившись на подушки, погрузился в тяжелые раздумья, его пришел навестить молодой ювелир по имени Амин. А так как он был немного осведомлен об этой любовной интриге, то спросил у него: – О Абальгассан, в каком положении любовные дела Али-бен-Бекара и Шамзеннахар?

Тот же отвечал: – О Амин! Я предчувствую, что мне не предстоит ничего хорошего!.. В этом месте своего повествования Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто пятьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь сто пятьдесят девятая

И Абальгассан сказал: – Я предчувствую, что мне не предстоит ничего хорошего! А так как ты человек надежный, хочу открыть тебе замысел, который я предполагаю привести в исполнение, чтобы вывести себя и свою семью из этого опасного положения! И ювелир сказал ему: – Ты найдешь во мне брата, который готов пожертвовать собою, чтобы оказать тебе услугу! И Абальгассан сказал ему: – Я хочу развязаться со всем, что удерживает меня в Багдаде, перевести в деньги все, что только может быть переведено, и уехать отсюда подальше, в Басру, например, и спокойно выжидать там развязки. Ибо весьма вероятно, что эта интрига в конце концов сделается известной халифу! При этих словах молодой ювелир сказал: – Поистине, о Абальгассан, твое намерение очень разумное. И если моя помощь может способствовать тому, чтобы ты уехал без угрызений совести, то я готов действовать за тебя и служить твоему другу бен-Бекару! И Абальгассан ответил: – Но как же ты сделаешь это, если не знаешь Али-бен-Бекара и не имеешь никаких связей с дворцом? Амин же отвечал: – Что касается дворца, то я имел случай продавать туда камни. Что же касается бен-Бекара, то не может быть ничего легче, как познакомиться с ним. Да успокоится твоя душа, и если ты желаешь уехать, не заботься об остальном, ибо Аллах есть привратник, который открывает, когда это нужно, все двери! И, сказав это, Амин простился с Абальгассаном и ушел от него... В этом месте своего рассказа Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто шестидесятая ночь, она сказала:

ночь сто шестидесятая

Амин простился с Абальгассаном и ушел от него. А когда по истечении трех дней он пришел к нему, то нашел его дом совершенно пустым. И он начал расспрашивать соседей, которые сказали ему: Абальгассан уехал по делам в Басру, и, как только он получит от дальних клиентов деньги, не преминет вернуться в Багдад. Тогда Амин понял, что Абальгассан поддался страху и что он нашел более благоразумным

скрыться раньше, чем известие об этом любовном приключении дойдет до ушей халифа. Тогда Амин направил свой путь в сторону жилища бен-Бекара. Здесь он попросил одного из рабов проводить его к господину, и раб впустил его в зал собраний, где совершенно бледный Али лежал на подушках. Амин пожелал ему мира, и тот ответил на его приветствие. Тогда Амин сказал: – О господин мой, хотя мои глаза еще не имели радости знать тебя до сегодняшнего дня, я пришел сообщить тебе нечто, что, по всей вероятности, будет для тебя неприятно, но равным образом я приношу с собой и лекарство, которое поможет тебе при этом! И бен-Бекар, дрожа от волнения, спросил: – Ради Аллаха! Какая могла еще случиться неприятность? И ювелир ответил: – Я всегда пользовался доверием твоего друга Абальгассана, и он ничего не скрывал от меня. И вот уже три дня, как Абальгассан исчез. А так как мне известно, что ты тоже его друг, я пришел спросить, не знаешь ли ты, где он и почему он исчез, не сказав ни слова своим друзьям?

При этих словах бен-Бекару сделалось так худо, что он едва не лишился чувств. Наконец он нашел силы произнести: – Для меня это совершенная новость! И он сказал одному из рабов: – Ступай скорее в дом Абальгассана и спроси, тут ли он или уехал. И если тебе ответят, что он уехал, спроси, в какую сторону он направился. И тотчас же раб вышел и через некоторое время вернулся и сказал: – Соседи сказали мне, что Абальгассан уехал в Басру. Но вместе с тем я нашел молодую девушку, которая тоже справлялась об Абальгассане и которая спросила меня: – Ты, без сомнения, из числа людей князя бен-Бекара? И когда я ответил утвердительно, она прибавила, что должна кое-что сообщить тебе, и сопровождала меня до самого дома. И бен-Бекар воскликнул: – Введи ее сейчас же сюда! И когда молодая девушка вошла, князь узнал невольницу Шамзеннахар. После обычных приветствий она сказала ему на ухо несколько слов, которые то озаряли, то омрачали его лицо. Тогда молодой ювелир сказал: – О господин мой, знай, что Абальгассан перед отъездом выразил мне весь свой ужас, который он испытывал при мысли, что твоя история может дойти до халифа. Но у меня нет ни жены, ни детей, ни семьи, и я готов заменить его. И даже если мое предложение тебе не нравится, не подумай, что у меня не хватит благородства сохранить тайну, которая вверена мне... В этом месте своего рассказа Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто шестьдесят первая ночь, она сказала:

ночь сто шестьдесят первая

И Амин продолжил: – Я готов воспользоваться всеми средствами, чтобы удовлетворить вашим желаниям, и я могу сделать свой дом местом твоих свиданий, о господин мой, с прекрасной Шамзеннахар. Тогда князь Али почувствовал прилив радости, и душа его оживилась, и он поднялся на своем сидении и обнял Амина, и сказал ему: – Я доверяю тебе и жду своего спасения только из твоих рук! Тогда ювелир удалился, уведя с

собою наложницу; и он довел ее до своего дома и сообщил, что здесь будет место предполагаемых свиданий князя Али с Шамзеннахар И молодая девушка поспешила уведомить свою госпожу о положении дел. И на другой же день она пришла в дом Амина, и сказала: – О Амин, моя госпожа Шамзеннахар поручила мне привести тебя к ней во дворец, где она желает поблагодарить тебя за твое добровольное великодушие и участие, с которым ты отнесся к людям, целям которых ты вовсе не обязан служить.

При этих словах ювелир задрожал всем телом, чрезвычайно побледнел и сказал: – Я прекрасно вижу, что Шамзеннахар и ты не обсудили того шага, который мне предлагаете сделать. Вы забыли, что я человек простой и что у меня нет ни известности Абальгассана, ни его отношений, которые он успел завязать среди евнухов дворца, куда он мог входить во всякое время. Как осмелюсь я войти во дворец? У меня нет мужества подвергнуть себя такой опасности! Но ты можешь сказать твоей госпоже, что мой дом наиболее подходящее место для свиданий, и мы можем здесь беседовать, не подвергаясь никакой опасности! Но девушка все-таки пыталась побудить его следовать за нею, но при этом ювелиром овладела такая дрожь, что он едва не свалился с ног. Тогда она увидела, что настаивать долее неблагоразумно, и сказала Амину: – Ты прав. Гораздо лучше убедить Шамзеннахар, чтобы она пришла сюда сама. Подожди нас тут, не отлучаясь ни на минутку!

И действительно, лишь только она переговорила со своей госпожой, та поднялась и, закутавшись в большое шелковое покрывало, последовала за наложницей, забыв про свою слабость. Наложница вошла в дом первая, чтобы посмотреть, не подвергается ли ее госпожа опасности попасться на глаза какому-нибудь рабу или постороннему, и спросила Амина: – Отослал ли ты людей из дома? А он отвечал: – Я живу здесь один со старухой негритянкой, которая ведет мое хозяйство. И наложница заперла кругом все двери и побежала за своей госпожой. При прохождении Шамзеннахар все коридоры наполнились дивным благоуханием ее одежд. Не говоря ни слова, она села на диван и оперлась на подушки, которые ювелир поспешил положить за ее спиной. Несколько отдохнув, она подняла вуаль и сняла покрывало. И молодой ювелир подумал, что видит в своем жилище само солнце. И Шамзеннахар некоторое время всматривалась в него, а потом сказала молодому человеку: – Как ты поживаешь, Амин? Ты женат или холост? И он отвечал: – Клянусь Аллахом, я холост, о госпожа моя! И у меня нет ни отца, ни матери и никого из родных. И вот для всякого дела я готов предоставить себя в твое распоряжение; и все малейшие твои желание будут над моей головой и перед моими глазами... В этом месте своего рассказа Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто шестьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь сто шестьдесят вторая

Все малейшие твои желания будут над моей головой и перед моими глазами! Кроме того, я отдаю для твоих свиданий с бен-Бекаром принадлежащий мне дом.

И Шамзеннахар ответила ему: – Какое счастье встретить друга, такого преданного, как ты! Посмотри на мою наложницу, о Амин! Она молода, мила и изящна; и я дарю ее тебе, чтобы она осветила твои ночи и освежила твои дни! И Амин посмотрел на молодую девушку и нашел, что она очень привлекательна и что у нее великолепные глаза и удивительные бедра. А Шамзеннахар продолжила: – Она пользуется безграничным моим доверием, поэтому не бойся поверять ей все, что только будет тебе говорить князь Али!

Когда же Шамзеннахар ушла, Амин побежал в свою лавку, и вынул оттуда все драгоценные вазы, кубки и серебряные чашки и перенес их в дом, в котором он предполагал принять влюбленных. Потом он пошел к своим знакомым и занял у одних ковры, шелковые подушки, фарфор, подносы и кувшины. И таким образом он великолепно обставил дом. И в это время к нему вновь пришла наложница Шамзеннахар и сказала: – О Амин, госпожа моя шлет тебе свою благодарность и поручает мне сказать тебе, что халиф уехал из дворца, и что сегодня вечером она может прийти сюда. Необходимо предупредить об этом князя Али; эта новость, вернет ему силы и здоровье! И Амин поспешил передать об этом князю Али-бен-Бекару, однако не раньше, как поставил в вазы свежие цветы, расположил в порядке подносы, полные всякого рода закусок, пирожных и напитков, и расставил у стены в наилучшем порядке лютни, гитары и другие инструменты. И ликование князя Али было безмерно, когда он узнал, что вскоре, наконец, увидит свою возлюбленную, причину его слез и радости! И он забыл все свои страдания, и цвет лица его изменился, и он весь просиял, и лицо его стало еще прекраснее, чем раньше. И он надел самые роскошные из своих одежд и совершенно бодрый, как будто он не был еще недавно у преддверия могилы, направился вместе с ювелиром к его дому. И когда они пришли, Амин настойчиво пригласил князя сесть, и оба они, тихо беседуя, стали ожидать прихода фаворитки.

Не прошло и нескольких минут, как кто-то постучал в двери, и Амин побежал отпереть их и тотчас же возвратился в сопровождении двух женщин, одна из которых была вся закутана в черный шелк... В этом месте своего рассказа Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто шестьдесят третья ночь, она сказала:

ночь сто шестьдесят третья

И одна из женщин была закутана в черный шелк. И в то время, как голос муэдзина призывал благословение Аллаха на землю, Шамзеннахар откинула свою вуаль перед глазами бен-Бекара, и оба влюбленные, увидев друг друга, упали в обморок.

Когда же они открыли глаза, то посмотрели друг на друга долгим взглядом, не будучи в состоянии выразить иным способом свою страсть. И когда

они смогли заговорить, то обменялись такими нежными словами, что Амин не мог в своем углу удержать слез. И Шамзеннахар сказала молодой девушке: – Подай мне лютню, я попробую выразить неизмеримую страсть, голос которой так силен в моей душе! И она взяла лютню и быстро настроила ее струны. И инструмент под ее пальцами то рыдал, то смеялся, и душа ее изливалась в мелодичных звуках, и, устремив свои глаза на своего друга, она запела:

Как я ждала, как жаждала тебя!
Меня ты обнял правою рукою,
А левою тебя я обнимаю!
Я пью вино любимых уст желанных,
Его ж уста впивают всю меня!
Весь улей мой, и мой весь мед
душистый!..

И тогда Амин, видя влюбленных в объятиях друг у друга и полагая, что в его присутствии нет более необходимости, скромно удалился. И он направился к дому, в котором жил обыкновенно и, совершенно успокоенный, в нем уснул до утра. А проснувшись, он увидел перед собою перекосившееся от ужаса лицо старой негритянки, которая била себя руками по щекам. И она жестом указывала на стоявшего у дверей соседа. И по просьбе Амина сосед приблизился и сказал ему: – О сосед мой, этой ночью воры, которые, вероятно, видели, как ты переносил в свой второй дом разные драгоценные вещи, дождались твоего ухода и проникли внутрь. И они увидели там гостей, которых ты поместил на эту ночь, и они, вероятно, убили их, потому что теперь не могут найти даже следов их. Что же до твоего дома, то воры разорили его, не оставив в нем ни одной циновки или подушки. Он очищен совершенно и пуст, как еще не был никогда!

При этой новости ювелир вскричал, поднимая в отчаянии кверху руки: – О Аллах! Какое горе! Мои вещи, данные мне на время друзьями, погибли безвозвратно, но это ничто в сравнении с гибелью моих гостей! И он побежал босиком и в одной рубашке к своему второму дому, и он убедился, что в залах отдается звук от их пустоты! Тогда он, плача и вздыхая, упал на пол и вскричал: – Ах! Что делать мне, о сосед мой? И сосед ответил... В этом месте своего рассказа Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто шестьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь сто шестьдесят четвертая

И сосед ответил: – Я думаю, лучшее для тебя – терпеливо подождать, пока не схватят воров, которые рано или поздно будут взяты; потому что их уже разыскивают, и не только за это воровство, но и за многие другие злодейства! И бедный ювелир вскричал: – О Абальгассан! Как благоразумно ты поступил, спокойно удалившись в Басру! И Амин печально побрел к своему жилищу. И приблизившись к дверям своего дома, Амин заметил человека, который дожидался его. И человек этот пожелал ему мира и сказал: – Я хочу сказать тебе по секрету два слова. И не лучше

ли будет нам пойти в другой твой дом? И удивленный Амин спросил: – Откуда ты знаешь меня и все мои дома? А незнакомец улыбнулся и сказал: – Я объясню тебе все это! И когда Амин приблизился с ним ко второму своему дому, незнакомец указал, что двери этого дома выломаны ворами, и поэтому здесь они ничем не ограждены от нескромного любопытства. Потом он сказал: – Следуй за мной! Я проведу тебя в одно место, хорошо мне известное!

И человек пошел вперед, а Амин последовал за ним, и они шли из одной улицы в другую, и так до наступления ночи. И когда они достигли берега Тигра, человек сказал: – Мы будем в безопасности на том берегу! И тотчас же к ним приблизился лодочник, и вскоре несколькими сильными ударами весел они были перевезены на противоположный берег реки. Тогда человек, взяв Амина за руку, повел его по узким кривым улицам. И он подошел, наконец, к низкой двери из цельного железа и, вытащив из-за пояса огромный заржавленный ключ, вложил его в замок и отпер дверь. И человек вошел в дверь, ввел в нее Амина и запер за ним дверь. Перед ними протянулся коридор, по которому надо было ползти на четвереньках. Затем они очутились в зале, освещенной одним лишь факелом. Вокруг этого факела Амин увидел десять сидящих человек, совершенно одинаково одетых и до такой степени похожих лицами друг на друга, что ему показалось, будто он видит одно лицо, повторенное десять раз зеркалами. И один и тот же десять раз повторенный голос спросил: – Знаешь ли ты нас? И Амин отвечал: – Нет, клянусь Аллахом! И десять сказали ему: – Мы воры, которые ограбили твой дом и похитили твоих гостей. Но, к несчастию, прислужница их успела сбежать через террасу! Тогда Амин вскричал: – Заклинаю Аллахом! Укажите мне, где находятся мои гости! Тогда воры простерли свои руки по направлению к запертой двери и сказали: – Не опасайся за их участь; у нас они в большей безопасности, чем в доме правителя! Знай, что мы привели тебя сюда, чтобы узнать всю правду об этих двух молодых людях, прекрасная наружность которых и благородство манер так поразили нас, что мы не осмелились допрашивать их.

Тогда Амин почувствовал облегчение и сказал ворам: – О господа мои! Я вижу, что, если приходится иметь дело с лицами, столь великодушными и столь благородными, как вы, лучший способ заслужить их доверие – не скрывать истины! Выслушайте же мою историю! И ювелир рассказал ворам всю историю Шамзеннахар и Али-бен-Бекара, не опуская ни одной подробности. И когда воры выслушали ее, они вскричали: – Какая честь для нашего дома служить убежищем для прекрасной Шамзеннахар и князя Али-бен-Бекара! И воры открыли дверь, на которую они указывали, и выпустили князя Али и Шамзеннахар и преподнесли им тысячи извинений. Потом они повернулись к Амину и сказали: – Что же касается тебя, то мы сейчас же возвратим тебе все драгоценные вещи, которые мы похитили у тебя.

И Амин так вспоминал далее свое приключение: – Затем воры повели всех нас троих на берег реки и с величайшими знаками почтения помогли нам войти в их лодку и принялись грести с такой силой, что в одно мгновение мы очутились на противоположном берегу. Но лишь только успели мы высадиться, как увидели себя окруженными со всех сторон стражами правителя, и немедленно были ими схвачены! Что же касается воров, то они с несколькими ударами весел скрылись из виду. Тогда начальник стражи приблизился к нам и угрожающим голосом спросил: – Кто вы и откуда?

Отвечайте немедленно, говорите, где живете, на какой улице и в каком квартале! Тогда, желая спасти положение, я отвечал: – О господин, мы музыканты, и эта женщина певица. Мы были на празднике, который происходил в доме особ, проводивших нас до этого места. Но начальник стражи сурово посмотрел на меня и сказал: – Вы не походите на певцов; вы мне кажетесь слишком неспокойными для людей, которые только что ушли с праздника! Эй, стражи, берите этих людей и ведите их тотчас же в тюрьму!

При этих словах Шамзеннахар решилась вмешаться и, приблизившись к начальнику стражи, сказала ему на ухо несколько слов. Они оказали на него такое действие, что он отступил на несколько шагов, поклонился до земли и тотчас отдал приказ привести две лодки. После он приказал лодочникам везти нас туда, куда мы укажем. И тотчас же лодки поехали по разным направлениям: Шамзеннахар к своему дворцу, а мы двое – к своему месту жительства. И едва мы прибыли к дому князя, я увидел, как он, обессиленный и изнуренный непрерывными волнениями, упал без чувств на руки своих служителей... Но тут Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто шестьдесят пятая ночь, она оказала:

ночь сто шестьдесят пятая

И в то время, как женщины и служители были заняты тем, что приводили князя в чувство, родные его вообразили, что я был причиной всех его несчастий. Но я сказал им: – Добрые люди, случившееся с князем так необыкновенно, что он один только может сказать вам об этом! К счастью для меня, в этот момент князь пришел в себя, и его родные не осмелились более продолжать свой допрос, а я направился со всевозможной поспешностью к своему дому. И увидев меня, моя негритянка бросилась к моим ногам и тоже хотела подвергнуть меня новым расспросам. Но я бросился, истомленный, на тюфяки и, уткнувшись лицом в подушку, заснул тяжелым сном до самого утра. А утром я сказал себе: «Теперь непременно надо пойти и принять ванну!» И я пошел в гамам, а оттуда направился к своей лавке; но лишь только я вынул ключ, чтобы отпереть дверь, как маленькая рука коснулась моего плеча. И я обернулся и узнал молодую наложницу Шамзеннахар. Но, вместо того, чтобы обрадоваться, я внезапно был охвачен страхом, что мои соседи увидят меня с нею; ибо все знали, что это невольница фаворитки халифа. И я поскорее сунул ключ в карман и, не оборачиваясь, побежал вперед, несмотря на зов девушки, которая упрашивала меня остановиться. И я продолжил свое бегство, пока не достиг дверей одной малопосещаемой мечети. И я вскочил внутрь, сбросил у дверей обувь и направился в самый темный угол, где принял положение молящегося. Но лишь только я очутился в этом темном углу, как ко мне подошла... В этом месте рассказа Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила сто шестьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь сто шестьдесят шестая

И ко мне подошла наложница и сказала: О Аллах! Если бы ты знал состояние моей бедной госпожи! Если бы ты видел ее! Кто мог бы узнать в этом бледном лице, которое может быть только у выходца из могилы, лицо лучезарной Шамзеннахар? И увидев ее, я бросилась к ее ногам и обняла их. Но она забыла о себе и думала только о лодочнике, для которого она дала мне, чтобы тотчас же передать ему, тысячу золотых динариев в виде награды за его труд. После этого силы изменили ей, и она упала без чувств на мои руки; тогда мы поспешно перенесли ее на постель; и я брызгала ей в лицо цветочной водой, и протирала ей глаза, и обмывала ноги и руки, и переменила ей все одежды, верхние и нижние. И когда я с радостью увидела, что она приходит в себя, я сказала ей: – О госпожа, Аллах да будет над тобою! Береги себя! Что будет с нами, если это продолжится еще? И она ответила: – Прежде чем умереть, я хочу узнать, что с моим возлюбленным. Ступай же, разыщи ювелира Амина, и отнеси ему эти полные золота кошельки, и попроси его принять их в возмещение убытков, причиной которых было наше присутствие в его доме!

И она протянула мне тяжелый сверток, который держала в руках и который содержал не менее пяти тысяч золотых динариев. Потом она продолжала: – Шамзеннахар поручила мне также передать тебе последнюю ее просьбу: сообщить нам все новости о князе Али-бен-Бекаре! И я не мог отказать ей в том, чего она просила у меня, как милости, и, несмотря на мое решение не вмешиваться более в эту опасную историю, я велел ей прийти вечером в мой дом, куда я не замедлю явиться со всеми необходимыми сведениями. И я вышел из мечети и направился к бен-Бекару. И я увидел, что все женщины и слуги ожидали меня и не знали, как успокоить князя Али, который беспрестанно требовал меня среди глубоких вздохов. И я нашел его с потухшими глазами, и он походил более на мертвеца, чем на живого человека. Тогда я приблизился к нему со слезами на глазах и прижал его к моей груди... В этом месте своего рассказа Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто шестьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь сто шестьдесят седьмая

Я прижал его к груди и говорил ему много приятных вещей, чтобы немного утешить его, но он сказал мне: – О Амин, я чувствую, что душа моя собирается улететь, и я хочу оставить тебе перед смертью знак моей благодарности за твою дружбу.

И тотчас рабы разложили передо мною в корзинах всевозможные ценные вещи: вазы из золота и серебра и драгоценности высокой стоимости. И он сказал мне: – Я прошу тебя принять это взамен вещей, которые были украдены из твоего дома! Знай, что все в этом мире имеет свою цель! Горе тому, кто не достиг своей цели в любви: ему не остается ничего, кроме смерти. И если бы не уважение к закону нашего пророка, я бы ускорил момент своей смерти! Тогда я сказал, что я должен передать все новости о нем наложнице, которую Шамзеннахар послала ко мне с этой целью. И я расстался с ним, чтобы рассказать ей об отчаянии князя. И когда через некоторое время я увидел ее, она была в состоянии невообразимого волнения; и из глаз ее неудержимо лились слезы. И я спросил у нее: – Ради Аллаха! Что случилось? И она с дрожью отвечала: – То, чего мы так опасались, постигло нас. Халиф узнал все! По нескромности одной из наших невольниц у начальника евнухов появились подозрения, и он начал допрашивать всех женщин Шамзеннахар. И, несмотря на их отрицание, он напал на истинный путь, вследствие противоречий в полученных им сведениях. И он довел все это дело до сведения халифа, который тотчас же распорядился привести к себе Шамзеннахар в сопровождении двадцати евнухов! Предупреди скорее князя Али, чтобы он принял все необходимые предосторожности.

Тогда свет померк перед моими глазами, но что я мог сделать перед лицом судьбы? И я вернулся к Али-бен-Бекару и, не дав ему времени потребовать у меня объяснений, вскричал: – О Али, ты должен тотчас же следовать за мною, или тебя ждет самая позорная смерть! Халиф узнал все и должен сию минуту прислать сюда, чтобы схватить тебя! Отправимся же, не теряя ни минуты, за пределы власти тех, которые ищут нас! И тотчас же именем князя я приказал рабам нагрузить трех верблюдов наиболее ценными вещами и съестными припасами для дороги, и я помог князю подняться на верблюда и сел позади него. И, как только князь простился с матерью, мы направили свой путь к пустыне... В этом месте своего рассказа Шахразада заметила приближение утра и остановилась на прерванных словах. А когда наступила сто шестьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь сто шестьдесят восьмая

Мы направили свой путь к пустыне. Но оказалось, что мы бежали от одной опасности, чтобы быть ввергнутыми в другую, еще более ужасную! В то время, как под вечер в пустыне перед нашими взорами открылся оазис, слева от нас показалась толпа разбойников, которые вскоре окружили нас. И они забрали у нас верблюдов со всей их ношей и даже сняли с нас одежды, оставив на нашем теле одни только рубахи! И после они удалились, не беспокоясь более о нашей участи. И я помог моему бедному

другу дотащиться до мечети, которую мы видели в оазисе; и мы вошли в нее, чтобы провести там ночь. И князь Али упал на землю и сказал мне: – Здесь суждено мне умереть, ибо Шамзеннахар уже нет более в живых! А в мечети в тот момент какой-то человек совершал свое моление. Когда он окончил, он приблизился к нам и сказал: – О молодые люди, вы, без сомнения, иноземцы? И я ответил: – Да, и нас ограбили в пустыне разбойники, оставив на нас только рубахи! И старик исполнился жалости к нам, попросил нас подождать и вскоре вернулся со свертком, из которого он вынул одежды, в которые он попросил нас облачиться. И он просил нас следовать за ним до его дома, куда князь Али пришел только для того, чтобы упасть без дыхания на ковер. И тогда издалека вместе с ветерком через пальмы оазиса донесся голос какой-то несчастной, которая жалобным тоном пела такие стихи:

Я плакала, что юность увядает,
Но эти слезы осушила быстро,
И плачу лишь о горестной разлуке
С возлюбленным! Ах, если б знала я,
Что так близка жестокая разлука,
В далекий путь я унесла с собою
Побольше взглядов драгоценных глаз!

И лишь только Али-бен-Бекар услышал это пение, он начал прислушиваться к нему, совершенно вне себя. И когда голос умолк, он с глубоким вздохом упал и испустил дух... В этом месте рассказа Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила сто шестьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь сто шестьдесят девятая

Он испустил дух. При виде этого старик и я разразились рыданиями, и я рассказал старику печальную историю Али. Потом, с наступлением утра, я с величайшей поспешностью направился в Багдад, воспользовавшись отбытием каравана, который направлялся туда. И я пошел прямо в дом бен-Бекара, где я предстал перед его матерью, и я сказал ей: – О почтенная мать Али, Аллах повелевает, и творения Его не могут не повиноваться Ему! И когда письмо призыва написано душе, душа эта должна не медля предстать перед лицом своего Господа! При этих словах мать Али испустила крик раздирающей сердце скорби: – О горе! Значит, сын мой умер? И я опустил глаза и не мог произнести ни слова. И я увидел, что бедная мать, задыхаясь от рыданий, совершенно лишилась чувств. Когда же она смогла, наконец, выслушать меня, я рассказал ей со всеми подробностями о его смерти. Тогда она спросила: – Не сделал ли он каких-нибудь распоряжений для меня? И я ответил: – Он поручил сказать, чтобы ты перенесла его тело в Багдад. Тогда она, разорвав на себе одежды, сказала, что тотчас же отправится в оазис с караваном, чтобы перевезти тело ее сына.

А я пришел к себе и только опустил руку в карман, чтобы вынуть ключ от дверей, как увидел одетую в траур юную

наложницу Шамзеннахар. И она заставила меня войти вместе с нею в мой дом. И я спросил ее: – Как ты уже узнала печальную новость о смерти Али-бен-Бекара? Но когда я увидел, что она заплакала еще сильнее, то понял, что она не знала еще ничего, и я передал ей обо всем случившемся, а она отвечала: – И Шамзеннахар умерла, но не так, как ты предполагаешь! Слушай же, Амин! Когда Шамзеннахар предстала перед халифом, он приблизился к ней, посадил ее рядом и голосом, звучавшим с необыкновенной добротой, сказал: – Я знаю, что у тебя много врагов в моем дворце, и они пытались повредить тебе, искажая твои поступки. Знай же, что я люблю тебя больше, чем когда-либо, и, чтобы доказать это, я отдаю приказ расширить обиход твоего дома и умножить число твоих рабов! Сбрось с себя этот печальный вид, который печалит и меня самого! И тотчас же пришли игральщицы и певицы; и явились рабы, обремененные большими подносами, гнувшимися под тяжестью всего, что на них было. И одна из певиц под аккомпанемент лютен начала такую песню:

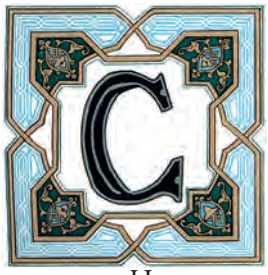
О слезы, вы коварно выдаете
Все тайны сердца, не даете вы
Сокрыть в душе печаль мою немую!
Я друга сердца потеряла здесь...

Но раньше, чем была пропета эта строфа, Шамзеннахар вздохнула и упала навзничь. И халиф быстро наклонился к ней, полагая, что она только лишилась чувств; но он поднял ее уже мертвой! Тогда он опрокинул подносы и отослал всех нас, приказав разбить лютни; и он не оставил в зале никого, кроме меня. И он взял Шамзеннахар на свои колени и плакал над нею всю ночь, приказав мне не впускать никого в залу. А на другое утро халиф поручил тело плакальщицам и обмывальщицам и отдал приказ похоронить свою фаворитку, как законную жену, и даже еще пышнее. И с тех пор никто еще не видел его в зале правосудия! Тогда я и бывшая наложница пришли к заключению, что Али-бен-Бекара необходимо похоронить рядом с Шамзеннахар. И мы подождали прибытие тела Али, и устроили ему прекрасные похороны, и нам удалось опустить его в землю рядом с могилой Шамзеннахар! И с тех пор я и молодая девушка, которая сделалась моей женой, навещаем две эти могилы, чтобы оплакивать влюбленных, которым мы были верными друзьями!

Такова, о благословенный царь, – продолжала Шахразада, – трогательная история Шамзеннахар, фаворитки халифа Гарун-аль-Рашида! И царь Шахрияр сказал: – Эта история очень опечалила меня! Тогда Шахразада сказала: – Надеюсь, о царь, что другая история, которую я собираюсь рассказать тебе, заставит забыть твою печаль! И царь Шахрияр вскричал: – Да, о Шахразада, скажи мне скорее название истории, которую ты обещаешь мне! И Шахразада сказала: – Это чудесная история о принцессе Будур... Но тут Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. Когда же наступила сто семидесятая ночь, она сказала:

ночь сто семидесятая

История принца Камаральзамана и принцессы Будур, прекраснейшей из всех лун



Слыхала я, о царь благословенный, что в древние времена жил царь по имени Шахраман, обладавший могучим войском и огромными богатствами. Но царь этот, хотя имел семь тысяч наложниц, не считая четырех законных жен, был бездетен. Аллах не дал ему сына, который мог унаследовать престол его государства. И вот однажды позвал он своего визиря и сказал: – О мой визирь! Я, право, не знаю, чему приписать мое бесплодие, от которого я так ужасно страдаю. И визирь ответил: – О царь, это чрезвычайно щекотливый вопрос, и один лишь Аллах всемогущий может разрешить его. Я же могу предложить одно только средство. Сегодня, перед тем как войти в гарем, вознеси молитву Аллаху всеблагостному с покорностью Его воле в сердце. И союз твой с супругой, которую ты изберешь себе, будет благословен свыше! И царь стал горячо благодарить великого визиря за его совет и подарил ему почетное платье. А когда наступил вечер, он вошел в женские покои, тщательно исполнив все предписания закона; и он избрал самую молодую из своих жен – девицу высокого рода, отличавшуюся особенно роскошными бедрами, и сочетался с нею в эту ночь. И с первого же раза она зачала от него; и по прошествии девяти месяцев она родила ему дитя мужского пола.

И новорожденный мальчик оказался до того прекрасен и до того похож был на луну, что отец его назвал его Камаральзаман. И когда мальчик подрос, пятнадцатилетний возраст его дал развернуться всем цветам его красоты, какие только могут прельщать взор человеческий. И с течением времени прелесть его достигла пределов возможного, и стан его был стройнее бамбуковой трости и тоньше шелковой нити. При всем том юноша был свеж, как роза, и обольстителен, как дыхание вечернего ветерка. И поэты его времени пытались воспеть поражающую их красоту и сочинили в честь его тысячи стихотворений, из которых одно гласит следующее:

Камаральзаман – луна своего века.
Его уста – пурпурный сердолик,
А зубы – жемчуг; волосы густые
Свились в кольца, черные, как ночь,
Свились и жалят, словно скорпионы,
Они влюбленных робкие сердца.

И царь Шахраман любил своего сына до такой степени, что не хотел расставаться с ним. И он хотел при жизни своей женить его и радоваться, глядя на свое потомство. И вот однажды, когда мысли эти волновали его более обыкновенного, он открылся великому визирю своему, который ответил на это: – Мысль эта превосходна, ибо брак смягчает настроение души. Тогда царь сказал своему главному евнуху пойди скорее к сыну своему и привести его. И Камаральзаман явился к своему отцу и остановился перед ним, скромно опустив глаза, как это и подобает всякому покорному сыну... На этом моменте своего повествования Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила сто семьдесят первая ночь, она сказала:

ночь сто семьдесят первая

И Камаральзаман явился к своему отцу, и тот сказал ему: – О сын мой, мне хотелось бы усладить сердце свое свадьбою твоею! При этих словах Камаральзаман изменился в лице и дрогнувшим голосом ответил: – Отец мой, я не чувствую ни малейшей склонности к браку; и душа моя не имеет никакого влечения к женщинам. Я столько читал в книгах мудрецов о злости и коварстве их, что теперь самую смерть предпочитаю союзу с ними. Вот что говорят на их счет наиболее почитаемые из наших поэтов:

О жалок тот, кто волею судьбы
Женою связан! Он погиб навеки,
Хотя б воздвиг он сотни крепостей
Из прочных плит с закрепами
стальными.

Отец мой, я не задумался бы убить себя, если бы ты захотел принудить меня к браку. Услышав это, Шахраман был чрезвычайно удивлен, и свет превратился во мрак перед глазами его. Но так как он нежно любил своего сына и не хотел причинять ему никакого огорчения, то ограничился следующими словами: – Тогда я не буду настаивать на этом вопросе, ибо я вижу, что это неприятно тебе... Но по прошествии года он снова позвал его к себе и сказал ему: – Помнишь ли ты, Камаральзаман, увещание мое и думал ли ты о том счастье, которое ты доставил бы мне, если бы согласился жениться? Камаральзаман простерся перед царем отцом своим и ответил: – Отец мой! Как я могу выйти из послушания тебе? Но что касается брака, то я тверд в решении своем не соглашаться на это, и более, чем когда-либо, книги древних и новых мудрецов поучают меня избегать женщин, чего бы это мне ни стоило, ибо они хитры, глупы и отвратительны.

Услышав эти слова, царь Шахраман понял, что и на этот раз опасно склонять к послушанию сына. И он велел позвать к себе своего великого визиря и сказал ему: – О мой визирь, Камаральзаман еще

более, чем прежде, утвердился в решении своем избегать женщин и брака! И что тут можно сделать? Тогда визирь задумался, а потом сказал царю: – О владыка, потерпи еще год, а потом ты соберешь всех эмиров, визирей и главных лиц двора, а также всех начальников дворцовой стражи, и объявишь сыну перед всеми о своем решении немедленно женить его. И тогда он не дерзнет ослушаться тебя перед этим почетным собранием и ответит тебе смиренно и с покорностью! На этом моменте повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила сто семьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь сто семьдесят вторая

И сын ответит тебе и смирением, и покорностью. И речь визиря понравилась царю, и он подарил ему одно из прекраснейших почетных платьев. Затем он терпеливо ждал в течение означенного времени, а потом позвал сына своего Камаральзамана. И когда тот предстал перед лицом отца и всего собрания, царь сказал ему: – О дитя мое, знай, что я призвал тебя, чтобы выразить мою волю: я хочу женить тебя на принцессе, достойной твоего сана! При этом на Камаральзамана нашло что-то вроде безумия; он ответил отцу в столь непочтительных выражениях, что все присутствующие опустили глаза от смущения. И царь не мог потерпеть такой дерзости в присутствии людей; он закричал на своего сына ужасным голосом: – Теперь ты увидишь, как поступают с детьми, которые не слушаются отца своего! И он приказал стражам увести его прочь и запереть в башню старой полуразвалившейся крепости, что и было немедленно исполнено. Очутившись в заключении, Камаральзаман очень опечалился и подумал: «Быть может было бы лучше, если бы я послушался отца и женился, хотя бы и против своей воли. Тогда я, по крайней мере, не попал бы в эту конуру на вершине старой башни! О проклятые женщины, вы и тут являетесь причиной моего злополучия!»

Что же касается царя Шахрамана, то он страшно сердился на визиря, который дал ему мысль собрать совет; и, позвав его, он сказал: – Это ты виноват во всем! Не дай ты мне этого злополучного совета, мне не пришлось бы жестоко поступать с моим собственным ребенком! Я не могу примириться с мыслью о том наказании, от которого страдает теперь мой сын! Тогда визирь сказал: – О царь, оставь его в заключении на две недели, и он исполнит твое желание. Тогда царь глубоко вздохнул, а затем лег в постель, где он провел бессонную ночь – так терзалось его сердце мыслью о его единственном сыне, который был его величайшею отрадою. Что же касается принца Камаральзамана, то при наступлении ночи, раб которому поручено было охранять двери, вошел к нему с зажженным светильником и поставил его в ногах у постели. И, сделав это, он удалился. Тогда Камаральзаман совершил омовение, прочел несколько глав из Корана и стал раздеваться на ночь. И он снял с себя все одежды, оставив на теле одну только рубашку,

а лоб свой он повязал голубым шелковым платком. Тогда он растянулся на своей постели и, хотя был в отчаянии от мысли, что огорчил отца своего, немедленно погрузился в глубокий сон. При этом он и не подозревал, что случится с ним в эту ночь в старой башне, охраняемой духами воздуха и земли. На этом моменте своего повествования Шахразада увидела, что занимается утренняя заря, и умолкла. А когда наступила сто семьдесят третья ночь, она сказала:

ночь сто семьдесят третья

Башня, в которой заключен был Камаральзаман, сооружена была еще во времена древних римлян; и у ее подножия был колодец, тоже чрезвычайно древний; и он служил жилищем для молодой эфриты по имени Маймуна. Она была дочерью могущественного эфрита Домриата, главы всех подземных духов. И она была очень доброю эфритой, прославившейся между всеми дочерьми духов своими добродетелями. И в ту ночь она вышла по своему обыкновению из колодца, чтобы подышать воздухом, а затем поднялась в небесную высь. И, проносясь мимо вершины башни, она с удивлением увидела светящийся там огонь. И она подумала про себя: «Нужно проникнуть туда и посмотреть, в чем дело!» И она взяла отмычку, проникла в башню, увидела лежащего у дверей раба, переступила через него и вошла в комнату. И каково же было ее удивление и очарование при виде полуобнаженного юноши, спавшего на постели!

Она опустила свои крылья, тихонько подошла, чтобы лучше рассмотреть его, и, откинув одеяло, скрывавшее лицо юноши, замерла, пораженная его красотою. Ибо прелесть, которая от него исходила, нежная окраска щек его, теплота его век с длинными ресницами, дивный изгиб его бровей – все это, вместе с опьянительным запахом его кожи и мягкими отсветами на его теле, не могло не взволновать прекрасной Маймуны, которая за всю свою жизнь не видела еще подобной красоты. И когда эфрита усладила глаза свои этим дивным зрелищем, она подумала: – Как это отец и мать этого юноши могли запереть его одного в этой башне? Неужели они не боятся злых духов, населяющих пустынные места? Клянусь Аллахом, я возьму его под свое покровительство! Потом она склонилась над Камаральзаманом, запечатлела поцелуй на его губах и щеках, прикрыла одеялом и, не разбудив, вылетела через высокое окно.

И когда она поднялась на порядочную высоту, то вдруг услышала шум и быстрые взмахи крыльев. Обернувшись, она увидела, что шум этот распространяет эфрит Данаш – один из злых духов, которые не верят в Аллаха и признают власть одного Солеймана-бен-Дауда. Заметив его, Маймуна испугалась, что разбойник увидит свет в башне, и поэтому бросилась на него, как ястреб. Однако Данаш сделал знак, что сдается, и сказал: – О дочь царя духов, заклинаю тебя талисманом со священной печатью Солеймана, не губи меня! Я же обещаю не делать ничего предосудительного! Тогда Маймуна сказала Данашу: – Хорошо, я пощажу тебя. Но

скажи мне, откуда ты летишь и куда теперь направляешься? Но только будь правдив, иначе я вырву перья из крыльев твоих и переломаю твои кости!

Тогда эфрит сказал: – О госпожа моя, знай, что я прилетел с дальних границ Китая – страны, где царствует великий Гайюр, владыка Эль-Бугура и Эль-Кусура, и где находится двор его и жены его со всеми их прелестями, и стражи всех сокровищ его! И глаза мои узрели самое прекрасное из всего, что я когда-либо видел в странствиях моих – единственную дочь его, Эль-Сетт-Будур! Волосы ее чернее, чем разлука друзей! Когда они заплетены в три косы, которые падают до ног, мне кажется, что передо мною три ночи вместе! Лицо ее! Оно было, как тот день, когда друзья встречаются после разлуки! Если я смотрю на нее в ту минуту, когда на небе блещет полная луна, я вижу две луны зараз! Щеки ее подобны анемону, разделенному на две чашечки; румянец ее подобен пурпурному вину, а нос ее тонок и прям, как клинок кинжала. Губы ее подобны цветному агату и кораллу; язык ее – само красноречие! А груди ее! Это воплощенный соблазн; они подобны по цвету чистейшей слоновой кости, и полушария их можно охватить пятью пальцами руки. На животе у нее есть ямочки, полные тени и расположенные с такой же гармонией, как арабские буквы на печати коптского писца в Египте. И над этим животом стройно покачивается талия, гибкая и словно сделанная резцом ваятеля. Что же касается тайных прелестей ее, то я отчаиваюсь изобразить их, как подобает, ибо это само совершенство. Такова, о Маймуна, юная принцесса, дочь царя Гайюра, Эль-Сетт-Будур! На этом моменте Шахразада увидела, что приближается утро, и отложила продолжение до следующего дня. А когда наступила сто семьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь сто семьдесят четвертая

Такова дочь царя Гайюра, принцесса Будур. И я должен сказать тебе также, что царь Гайюр любил ее такой горячей любовью, что ему доставляло особенное удовольствие ежедневно изыскивать для нее новые развлечения. Но так как по прошествии некоторого времени он истощил для нее все виды развлечений, он стал сооружать для нее чудесные дворцы. И он велел построить первый дворец из цельного хрусталя; второй – из прозрачного алебастра; третий – из фарфора; четвертый сделан был целиком из мозаики и драгоценных камней; пятый – из серебра, шестой – из золота, а седьмой из жемчуга и алмазов. И во всех этих дворцах царь Гайюр приказал собрать все, что могло сделать пребывание в них еще более усладительным, заботясь с особенною тщательностью о красоте фонтанов и садов.

В этих-то дворцах и жила ради развлечений дочь его Будур, но лишь по одному году в каждом дворце. Посреди всех этих прекрасных вещей красота девушки могла только утончиться и достигнуть того высшего совершенства, которое так пленило меня. И все цари, соседи по государству царя Гайюра, страстно добивались руки

этой девушки. Однако она осталась девственной, ибо до сих пор с ужасом отвергала все предложения, каждый раз ограничиваясь следующими словами: – Я сама себе царица! И как могу я вынести прикосновение мужчины к моему телу, если оно едва выносит прикосновение шелковых тканей? А царь Гайюр скорее согласился бы умереть, чем причинить неудовольствие дочери своей Будур. Поэтому он принужден был отклонять предложения соседей своих и принцев, которые приезжали с этой целью в его государство из самых отдаленных стран. Но случилось однажды, что, когда один молодой царь, превосходивший могуществом всех других, явился к нему с тою же целью, послав ему перед тем множество подарков, царь Гайюр заговорил об этом с Сетт-Будур, а она пришла в негодование и воскликнула: – Я вижу, что мне остается одно только средство покончить с этими непрерывными муками! Я возьму меч и погружу острие его себе в сердце! И царь Гайюр пришел в такой ужас, что замахал рукой и закатил глаза. Затем он приставил к Будур десять богатых опытом старух, из которых одна была ее кормилицей. И с этих пор они ни на минуту не покидали ее, поочередно сидя у дверей ее комнаты. Я же не пропускаю ни одной ночи, чтобы посмотреть на красоту принцессы и усладить чувства зрелищем ее совершенств. И я довольствуюсь тем, что осторожно целую ее лоб самым осторожным образом, хотя мне страстно хочется поцеловать ее покрепче. Но я не доверяю себе самому, зная, что если позволю себе что-нибудь, то уже не удержусь; я предпочитаю поэтому полное воздержание, чтобы не сделать чего-нибудь с девушкою. И я умоляю тебя, о Маймуна, отправиться со мною и взглянуть на подругу мою Будур, красота которой, без сомнения, очарует тебя, и совершенства которой, я уверен в этом, приведут тебя в восторг.

Так говорил эфрит Данаш, сын быстрокрылого Шамураша... На этом моменте повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила сто семьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь сто семьдесят пятая

Так говорил эфрит Данаш. А Маймуна насмешливо расхохоталась, ударила его своим крылом по животу и сказала: – Ты просто противен со своей глупой девчонкой! Я не понимаю, как ты осмелился говорить о ней, зная, что она не может выдержать никакого сравнения с прекрасным юношей, которого я люблю. А эфрит воскликнул: – Однако, я совсем не знаю твоего юного друга и прошу показать мне его, хотя я сильно сомневаюсь, чтобы он мог сравниться красотою с моею принцессою. Где же он, и кто он такой? И Маймуна сказала: – Знай, что он в таком же положении, как и твоя принцесса. Он заключен в старой башне, у подножия которой я живу в моем подземелье. Но не обольщай себя надеждой увидеть его без меня; однако я согласна показать тебе его и выслушать твое мнение. Но если ты будешь иметь наглость солгать, говоря о том, что увидишь, я вырву тебе глаза и сделаю тебя самым жалким из

эфритов. И Данаш воскликнул: – Слушаю и повинуюсь! И оба спустились с воздушной высоты на вершину башни и проникли через окно в комнату Камаральзамана. Затем они подошли к спящему юноше, и Маймуна откинула простыню, которою он был прикрыт. И, повернувшись к Данашу, Маймуна сказала: – Смотри, да не растянись от восторга! И Данаш долго всматривался в лицо и тело прекрасного юноши, после чего покачал головой и сказал: – Теперь я вижу, что друг твой ни с кем не сравним по красоте, ибо я никогда еще не видал таких совершенств в теле юноши, а ведь ты знаешь, что я имел возможность видеть красивейших из сынов человеческих. Однако форма, посредством которой он был сделан, разбилась лишь после того, как из нее вышел женский образец красоты, а именно принцесса Будур!

При этих словах Маймуна бросилась на Данаша, ударила его крылом по голове и закричала: – О подлейший из эфритов! Немедленно отправляйся во дворец Эль-Сетт-Будур и принеси сюда принцессу эту; я не намерена сопровождать тебя к этой девчонке! Когда ты принесешь ее сюда, мы положим ее рядом с моим другом и сравним их. И возвращайся скорее, иначе я изорву твое тело и брошу его на съедение воронам. И Данаш как стрела перенесся через все пространство и по прошествии часа вернулся назад со своей ношей. И принцесса, которую Данаш нес на своих плечах, была в одной рубашке, на широких рукавах которой золотом и многоцветным шелком были вышиты следующие стихи:

На смертных бросить
благосклонный взор
Препятствуют ей три соображенья:
Пред неизвестным бесконечный страх,
Перед известным ужас и смущенье,
И наконец – сама ее краса!

Тогда Маймуна сказала Данашу: – Мне кажется, что дорóгой ты забавлялся с этой девушкой, потому что хорошему эфриту не нужно столько времени, чтобы слетать в глубину Китая и вернуться оттуда по прямой дороге! Впрочем, это твое дело! Положи скорее ее рядом с моим другом, чтобы можно было сравнить их! И Данаш с предосторожностями положил принцессу на постель и снял с нее рубашку. И девушка оказалась как раз такова, как описал ее эфрит Данаш. И Маймуна должна была согласиться с ним, что сходство молодых людей было до того поразительно, что их можно было принять за близнецов, то же лицо, похожее на луну, тот же стройный стан. Тогда она сказала Данашу: – Я вижу, что действительно можно поколебаться на минуту в вопросе о преимуществах того или другого из наших друзей; но мужчина всегда должен превзойти женщину. Что ты скажешь на это, о проклятый? И Данаш ответил: – Я вижу то, что вижу, однако, если ты настаиваешь, чтобы я солгал в угоду тебе, я солгу. При этих словах взбешенная Маймуна... Но на этом месте своего повествования Шахразада заметила, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила сто семьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь сто семьдесят шестая

При этих словах взбешенная Маймуна хотела броситься на Данаша и изуродовать ему какую-нибудь часть тела, но Данаш предвидел это и, мгновенно превратившись в блоху, прыгнул на постель, где лежали молодые люди. И так как Маймуна опасалась разбудить их, она принуждена была, чтобы выманить Данаша, поклясться ему, что не сделает ему ничего дурного. И когда Данаш принял свой прежний вид, Маймуна сказала ему: – Я не вижу другого средства окончить наш спор, как прибегнув к суждению третьего лица. И она ударила ногою об пол, и пол раскрылся, и из него вышел эфрит, отличавшийся невероятным безобразием. На голове у него было шесть рогов, на спине три хвоста; и он был хромой и горбатый, глаза его помещались посредине лица, а кисти рук его, огромные, как сковороды, заканчивались львиными когтями, а на кривых ногах его были копыта. Он назывался Кашкаш и происходил из потомства Эблиса-Абу-Ганфаша. И когда этот эфрит заметил Маймуну, он облобызал перед ней землю, смиренно взглянул на нее, и, скрестив руки, сказал: – О госпожа моя, Маймуна, я раб твой и ожидаю приказаний твоих. Она же ответила: – Я хочу, чтобы ты был судьей в споре, который произошел у нас с проклятым Данашем. Ты должен беспристрастно сказать нам, кто прекраснее: этот юноша или эта молодая девушка?

Тогда Кашкаш обернулся к постели, на которой спали обнаженные молодые люди, и при виде их пришел в такой восторг, что правой рукой схватил трехконечный хвост свой и принялся плясать. После чего он сказал Маймуне и Данашу: – Клянусь Аллахом! Они равны по красоте, однако я знаю средство, которое могло бы разрешить ваш спор. И они спросили: – Скажи нам скорее, какое это средство? И эфрит Кашкаш сказал: – Думаю, единственное средство состоит в том, чтобы разбудить их, – сначала одного, потом другого, а мы станем невидимыми и незаметно для них будем наблюдать. И вы согласитесь, что тот из двух, который выкажет больше страсти к другому, должен быть признан менее красивым, ибо он окажется порабощенным чарами другого. При этих словах эфрита Кашкаша... На этом моменте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила сто семьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь сто семьдесят седьмая

При этих словах эфрита Кашкаша, Маймуна воскликнула: – Вот превосходная мысль! А Данаш опять превратился в блоху и укусил в шею Камаральзамана. И тот сейчас же проснулся и схватился рукой за укушенное место, а проворный Данаш успел уже опять превратиться в невидимого эфрита, чтобы быть свидетелем всего, что должно было произойти. А еще не совсем очнувшийся от сна Камаральзаман опустил руку, и рука эта прикоснулась к обнаженному бедру молодой девушки.

Это ощущение заставило его открыть глаза, но он сейчас же снова закрыл их, словно ослепленный. И он почувствовал подле себя тело, которое было нежнее масла, и дыхание более сладостное, чем аромат мускуса. И удивление его было не лишено приятности, и, забыв на минуту о том отвращении, какое он питал к женщинам, он принялся разглядывать очарованным взглядом все совершенства молодой девушки. И он сравнил ее сначала с жемчужиной, а потом с розой, ибо он не умел делать верных сравнений, так как всегда отказывался смотреть на женщин и ничего не понимал в их формах и прелестях. Но скоро он заметил, что последнее его сравнение было самое верное; и он склонился над этой розою, и запах ее кожи показался ему до того сладостным, что он стал наклоняться носом то к одной, то к другой части ее тела. И это доставило ему такое наслаждение, что он подумал: – А если бы я потрогал ее, что тогда было? И он стал осторожно ощупывать пальцами тело жемчужины, а потом обнял молодую девушку, думая про себя: «Странно, что на ней нет шальвар! Я непременно должен разбудить ее! Но каким образом она еще не проснулась до сих пор, несмотря на мои прикосновения?»

А молодая девушка не просыпалась потому, что эфрит Данаш погрузил ее в особенно крепкий сон, чтобы предоставить бóльшую свободу Камаральзаману. И тот прильнул губами к губам Сетт-Будур и запечатлел на них долгий поцелуй; и так как она не просыпалась, он поцеловал ее еще, потом еще раз, причем она оставалась совершенно бесчувственной. Тогда он обратился к ней, говоря: – О сердце мое! Душа моя! Пробудись! Но молодая девушка не шевелилась. Тогда Камаральзаман, видя, что призыв его остается без ответа, сказал: – Клянусь Аллахом! Я не могу больше ждать! На этом месте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и с обычной ей скромностью умолкла. А когда наступила сто семьдесят восьмая ночь, она сказала:

НОЧЬ СТО СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

И так, Камаральзаман хотел уже приступить к тому, к чему влекло его желание, как вдруг он покачал головою и подумал: «Это, конечно, отец мой велел положить эту девушку ко мне, чтобы испытать, как подействует на меня соприкосновение с женщиной. Теперь он, вероятно, стоит за стеною и подсматривает, удастся ли это. А завтра он войдет ко мне и скажет: „Ты говорил, что питаешь отвращение к женщинам. А что ты сделал ночью с молодой девушкой?" И тогда я окажусь лгуном и обманщиком. Нет, лучше уже я подожду до утра, а потом я попрошу отца дать мне эту прелестную девушку в жены. Таким образом и отец мой будет счастлив, и я смогу наслаждаться этим благословенным телом!» И к великой радости Маймуны, которая начинала уже беспокоиться, и к огорчению Данаша, который подумал, что сейчас юноша овладеет девушкою, Камаральзаман поцеловал Сетт-Будур в губы, снял у нее с мизинца бриллиантовое кольцо и надел его на свой мизинец в знак того, что отныне

он смотрит на молодую девушку, как на свою жену; затем он надел ей на палец свое кольцо, повернулся к ней спиною и, хотя и не без сердечного сокрушения, заснул.

При виде этого Маймуна пришла в восторг и немедленно превратилась в блоху. Она вспрыгнула на бедро Сетт-Будур и, в свою очередь, яростно укусила молодую девушку. И та вскочила от боли, открыла глаза, села и схватилась за укушенное место обеими руками! Но вслед за тем она испустила крик ужаса, заметив рядом с собою спавшего юношу. Но едва она взглянула на него, как ужас ее перешел в восхищение, а восхищение в наслаждение, а наслаждение в радость. И Будур подумала про себя: «О я несчастная! Теперь ты навеки опозорена! В постели у тебя юноша, которого ты даже не видала! Сейчас я кликну евнухов и прикажу им выбросить его из моих окон прямо в реку! Однако, может это муж, которого избрал для тебя отец твой?» И Будур взглянула на юношу, и была ослеплена его красотой, и воскликнула: – О сердце мое! Как он хорош! И, склонившись к его улыбающемуся во сне рту, она запечатлела поцелуй на губах его и воскликнула: – Как это сладко! Клянусь Аллахом! Его я хотела бы иметь мужем! Потом, дрожа от волнения, она ласково заговорила, стараясь разбудить его: – О друг мой прекрасный! Проснись! Обними меня, милый! Умоляю тебя, проснись же!

Но усыпленный чарами мстительной Маймуны Камаральзаман оставался неподвижным, и прекрасная Будур подумала, что призыв ее был недостаточно горяч. И, не задумываясь, смотрит ли на нее кто-нибудь или нет, она страстно прошептала ему на ухо: – Возьми меня совсем! Ведь я так нежна и покорна тебе! И ночь незаметно пролетит в страстных наших ласках! А мы будем упиваться блаженством!.. В этом месте своего повествования Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила сто семьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь сто семьдесят девятая

А мы будем упиваться блаженством! Но погруженный в глубокий сон Камаральзаман ничего не отвечал ей, и тогда прекрасная Будур сказала ему: – Ну, полно же, друг мой прекрасный! Не хитри со мною! Это ведь мой отец научил тебя схитрить со мною, чтобы победить мою гордость! Но так как Камаральзаман продолжал лежать неподвижно, Сетт-Будур, все более разгорячаясь, заговорила снова: – О царь красоты! Посмотри же на меня! Одному тебе удалось зажечь желание в спокойных очах Будур. Смотри! Ведь я умираю от любви! И молодая девушка тихонько укусила юношу за шею и ухо; но и это не подействовало. Потом Сетт-Будур осыпала поцелуями своего спящего друга, не оставив на его теле ни одного местечка, к которому она не прикоснулась бы своими губами. Затем она взяла его руки и поцеловала их одну за другою в ладонь, потом приподнялась, прижала его к своей груди и обвила руками шею его, и так обняв его, прильнув всеми членами своими к его членам, она с улыбкой заснула.

А три эфрита невидимо присутствовали при этом, не пропуская взглядом ни одного движения. И Данаш без споров должен был признать, что Будур проявила больше страсти и что он проиграл. Но Маймуна оказалась великодушной и сказала Данашу: – Что касается уплаты за твой проигрыш, то я избавлю тебя от нее! И я даже дам тебе пропускной лист, который обеспечит тебе спокойствие в твоих воздушных странствиях. После чего она ласково сказала Кашкашу: – Благодарю за совет, который ты дал нам! В награду за это я назначу тебя главою над всеми моими посланцами. Потом она прибавила: – Теперь возьмите эту молодую девушку и отнесите ее скорее во дворец ее отца. Я дарую ей свою дружбу и отныне буду с доверием относиться к ее будущему! Вы увидите, что она совершит на своем веку славные дела! И оба эфрита.... Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Когда же наступила сто восьмидесятая ночь, она сказала:

ночь сто восьмидесятая

И оба эфрита подошли к постели, подняли молодую девушку к себе на плечи и полетели с нею ко дворцу царя Гайюра. Там они осторожно положили ее на постель, а затем улетели – каждый в свою сторону. Маймуна же вернулась в свой колодец, а пробудившийся утром Камаральзаман, конечно, не нашел рядом с собой молодой девушки. Тогда он подумал: «Значит, я угадал; это было испытание, которое устроил мне мой отец. Хорошо, что я решил испросить на этот брак его согласие!» Потом он закричал лежавшему у дверей рабу: – Эй бездельник! Вставай! И когда раб принес таз и кувшин с водою, Камаральзаман совершил омовение, затем помолился и съел кусок хлеба. Потом он спросил раба: – Куда ты дел молодую девушку, бывшую здесь ночью? И тот с удивлением воскликнул: – Клянусь Аллахом, о господин мой, я не видел никакой девушки! И никто не мог войти сюда, потому что я спал у самых дверей! А Камаральзаман воскликнул: – Как ты смеешь спорить со мною? Еще раз приказываю: говори правду! Тогда раб воскликнул: – О господин мой, я решительно не понимаю, о чем ты меня спрашиваешь! Тогда Камаральзаман схватил его за шиворот, бросил наземь и начал топтать ногами. И он осыпал его ударами, но евнух испускал только какие-то нечленораздельные звуки. Тогда Камаральзаман схватил пеньковую веревку, которая служила для доставки из колодца воды, обмотал ей раба поперек тела, завязал крепко-накрепко, спустил его в колодец и погрузил в воду. А дело было зимой, и вода была пренеприятная, поэтому раб принялся просить пощады и закричал, – О господин мой, вытащи меня отсюда, и я скажу тебе всю правду!

Тогда принц вытащил его и увидел, что он дрожит, как тростник на ветру, и стучит зубами; с одежды его струилась вода, а из носа текла кровь, и ужасно он был противен в этом виде! И Камаральзаман позволил ему прежде сходить переменить платье и вытереть нос. А раб бросился прямо во дворец к отцу Камаральзамана. Между тем царь Шахраман

как раз в эту минуту разговаривал с великим визирем своим. И раб, бросившись к ногам царя, возопил: – О владыка наш султан! В доме твоем приключилось горе! Господин мой Камаральзаман проснулся сумасшедшим. А чтобы ты поверил мне, что он точно сошел с ума, знай, что он сказал мне то-то и то-то! А я, клянусь Аллахом, знать не знаю ни о какой девушке! При этих словах Шахраман закричал визирю: – Это все по твоей вине, о собака-визирь! Это ты внушил мне пагубную мысль запереть в башню сына моего! Беги скорее посмотреть, в чем дело, а потом расскажи мне! И великий визирь сейчас же вышел в сопровождении раба и направился в башню, расспрашивая по дороге о подробностях случившегося. И каково же было его изумление, когда, осторожно проникнув в комнату принца, он увидел, что Камаральзаман преспокойно сидит на своей постели и внимательно читает Коран!.. На этом месте повествования Шахразада заметила, что утро уже близко, и умолкла. А когда наступила сто восемьдесят первая ночь, она сказала:

ночь сто восемьдесят первая

Камаральзаман сидел на постели и читал Коран. Визирь приблизился к нему и после самого почтительного приветствия сказал: – Как напугал нас черномазый раб! Он пришел к нам в самом паршивом виде и сказал, будто ты сошел с ума и говорил ему о какой-то девушке, которая провела с тобою ночь и была потом похищена у тебя, – и тому подобные нелепости, и, наконец, будто ты избил его и бросил в колодец. О господин мой, не правда ли, какая это наглость со стороны этого гнусного негра? При этих словах Камаральзаман улыбнулся и сказал визирю: – Ради Аллаха! Кончил ли ты, старый греховодник, эти шутки, или же ты тоже хочешь искупаться в колодце? Если ты не скажешь, что ты и мой отец сделали с черноглазой молодой девушкой, ты расплатишься у меня за свои хитрости еще получше, чем евнух.

Тогда визирь, охваченный невыразимым беспокойством, попятился и сказал: – Ах, зачем говоришь ты такие вещи! Если это сон, который приснился тебе из-за несварения желудка, то очнись от него поскорее! При этих словах Камаральзаман воскликнул: – Чтобы доказать тебе, что я не глазами ощупывал молодую девушку, а пальцами – вот тебе! – и он так ударил визиря головою в живот, что тот растянулся на полу. Потом он обмотал бороду визиря вокруг своего кулака и начал бить, пока позволили силы. А несчастный визирь, видя, что борода его редеет, а душа, того и гляди, распростится с телом подумал: «Придется мне, видно, солгать!» И он закричал: – О господин мой, прости, что я обманул тебя! Отец твой приказал мне под страхом повешения скрыть от тебя, куда мы спрятали молодую девушку, о которой ты говоришь. Но как только ты отпустишь меня, я побегу к отцу твоему и сообщу ему, что ты хочешь жениться на ней! При этих словах Камаральзаман отпустил визиря, а тот бросился вон из комнаты и побежал, не переводя дух, прямо в тронную залу. Увидя своего визиря в плачевном состоянии, царь

Leon Carre

спросил: – Что случилось с тобою? И визирь ответил: – То, что случилось со мною, еще не так неприятно, как то, что произошло с твоим сыном, о царь! Он совсем сошел с ума! При этих словах свет померк в глазах у царя, и он сказал: – Скажи мне скорее, какой вид сумасшествия постиг сына моего? И визирь рассказал царю все подробности происшедшего. Тогда царь впал в великий гнев и закричал: – О злочастнейший из визирей! Если правда, что ты говоришь мне о состоянии сына моего, я велю распять тебя на самом высоком из минаретов! И он бросился к башне и вошел в комнату Камаральзамана.

Увидев отца своего, Камаральзаман поднялся с постели и поцеловал руку его, как это подобает доброму сыну. А царь, довольный, что видит сына своего в таком спокойном состоянии, сказал подоспевшему визирю: – Как ты смел рассказывать мне про моего сына то-то и то-то, наполняя ужасом сердце мое! Впрочем, сейчас ты собственными ушами услышишь разумнейшие ответы возлюбленного сына моего! И, взглянув на сына, он спросил его: – Знаешь ли ты, какой день у нас сегодня? – Конечно! Сегодня – суббота! Царь бросил торжествующий взгляд на испуганного визиря и продолжил: – О дитя мое, скажи мне по-арабски, какой у нас теперь месяц? И Камаральзаман ответил... Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила сто восемьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь сто восемьдесят вторая

И Камаральзаман ответил: – Разумеется! Месяц этот называется по-арабски Зуль-Клидат. За ним следуют месяцы Зуль-Гиджат, потом Могаррам, потом Сафар Рабиалауал Рабиальтгани, Гамадиалуала, Гамадиальтгание, Рагаб Шаабан Рамадан и, наконец Шауал. Тогда царь пришел в беспредельный восторг, повернулся к визирю, плюнул ему в лицо и сказал: – Если кто-нибудь и сошел с ума, то это ты, злосчастный старик! Затем отец сказал сыну: – Дитя мое, этот визирь и этот наглый раб передали мне, будто ты говорил про какую-то девушку, которая будто бы провела с тобой эту ночь! При этих словах Камаральзаман с горечью улыбнулся и сказал: – Отец мой, у меня нет ни малейшего желания продолжать эти шутки. Однако знай, что теперь я твердо намерен послушаться тебя и жениться на этой прекрасной девушке, которая по твоему повелению провела со мной эту ночь.

При этих словах царь воскликнул: – О сын мой, что такое пригрезилось тебе во сне? Что ты ел вчера вечером, что так пагубно повлияло на твой мозг? Ради Аллаха успокойся! И да будет проклят всяк, кто будет говорит еще о браке! Тогда Камаральзаман сказал отцу: – Пусть будет так, но поклянись сначала, что ты в самом деле ничего не знаешь о прекрасной девушке, которая провела эту ночь со мною? И царь воскликнул: – Клянусь тебе истиною святого имени Аллаха! Тогда Камаральзаман сказал: – А что ты скажешь, если я представлю тебе доказательство союза моего с этой девушкой? Царь сказал: – Я слушаю.

И Камаральзаман продолжил: – Вот кольцо этой молодой девушки! Что же касается моего кольца, то оно, как видишь, исчезло... На этом месте своего повествования Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила сто восемьдесят третья ночь, она сказала:

ночь сто восемьдесят третья

А оно, как видишь, исчезло! А царь воскликнул: – Дай мне ее кольцо! Взяв его, он стал вертеть его в руке, а потом отдал его Камаральзаману, говоря: – Это такое доказательство, что я совершенно смущен! Потом он набросился на визиря и закричал: – Это ты, старый сводник, подстроил всю эту историю! Но визирь упал к ногам царя и поклялся верою, что он тут ни при чем. И раб тоже поклялся в этом. Тогда царь сказал своему сыну: – Один Аллах разгадает эту таинственную историю! А Камаральзаман в сильном волнении сказал ему: – Отец мой, умоляю, вели разыскать эту прелестную девушку, одна мысль о которой приводит в трепет мою душу. Вели разыскать ее, или я умру! Тогда царь заплакал: – Велик Аллах единый, и Ему одному ведомо неведомое! Нам же остается только скорбеть о моем бессилии помочь тебе! И царь в полном отчаянии отказался заниматься делами государства своего, а Камаральзаман слег в постель и предался отчаянию при мысли о неизвестной девушке, столь загадочно исчезнувшей. Затем, чтобы предаться заботам о возлюбленном сыне своем, царь приказал соорудить среди моря дворец, соединявшийся с землей только посредством моста, и обставить его самым уютным образом для себя и для своего дитяти. И они жили там вдвоем вдали от людской суеты, не помышляя ни о чем кроме своего несчастия. И чтобы найти себе какое-нибудь утешение, Камаральзаман предавался чтению прекрасных книг о любви и стихов вдохновенных поэтов.

А с принцессою Будур было вот что. Когда эфриты положили ее на постель во дворце отца ее, ночь была уже на исходе. Вскоре занялась заря, и Будур проснулась. Она еще улыбалась своему возлюбленному и, не открывая глаз, протянула руки, чтобы обнять его, но пред ней была пустота. Тогда она очнулась и увидела, что юноши, которого она ласкала ночью, нет с нею. Тогда сердце ее задрожало, и разум чуть не отлетел от нее, и она испустила громкий крик, на который сбежались приставленные для ее охраны женщины и в том числе кормилица ее. И она спросила испуганным голосом: – Что с тобой, о госпожа моя? Что случилось? А Сетт-Будур воскликнула: – Зачем спрашиваешь меня, о лукавая! Где тот прекрасный юноша, который лежал эту ночь в моих объятиях? Кормилица же, страшно смутившись, сказала: – О принцесса! Да сохранит тебя Аллах от таких непристойных мыслей! Если ты просто шутишь, то так и скажи нам скорее! А Сетт-Будур приподнялась на постели и грозно закричала: – Я приказываю тебе, несчастная, чтобы ты сейчас же сказала мне, где тот прекрасный юноша, которому я отдалась сегодня ночью телом и сердцем своим!

При этих словах свет померк в глазах у кормилицы; она бросилась наземь и вместе с прочими старухами принялась вопить: – О позор, о госпожа моя! Да сохранит тебя Аллах от безумия и от всяких злых козней, и от дурного глаза! Право, ты шутишь! Если бы эти странные речи твои дошли до царя, мы в тот же час поплатились за них жизнью своею! Но Сетт-Будур воскликнула дрожащими губами: – Еще раз спрашиваю: скажешь ты мне или нет, где тот прекрасный юноша, любовь которого запечатлелась на теле моем? Тогда все женщины пали наземь и воскликнули: – Какое горе! Такая молодая – и сошла с ума!

В это время Шахразада увидела, что приближается утро, и по обычаю умолкла. А когда наступила сто восемьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь сто восемьдесят четвертая

Эти слова привели принцессу в такое негодование, что она схватила со стены меч и бросилась на женщин, чтобы проколоть их. Тогда, обезумев от страха, они выбежали из комнаты и, испуская вопли, прибежали в покои царя. И кормилица со слезами на глазах сообщила царю о том, что говорит им Сетт-Будур. И царь воскликнул: – Это ужасно! И хотя в эту минуту он сидел с босыми ногами и с ночным тюрбаном на голове, он бросился в комнату Будур и спросил ее: – О дочь моя! Эти сумасшедшие старухи говорят, будто сегодня ночью у тебя был кто-то. Правда ли это? И она ответила: – Разумеется, ибо это совершилось по твоей воле, и избранный тобою юноша был так прекрасен, что я сгораю от желания знать, почему ты отнял его у меня? Вот кольцо, которое он дал мне в обмен на мое! На это царь подумал про себя: «Она окончательно сошла с ума!», и сказал: – Скажешь ли ты мне, наконец, что означает столь недостойное твоего сана поведение? В ответ Будур, разодрав рубашку свою снизу доверху, зарыдала и стала бить себя по лицу. Увидев это, царь приказал евнухам схватить ее и приковать к окну комнаты, чтобы она не причинила себе какого-нибудь зла. Затем царь Гайюр в полном отчаянии стал раздумывать, какими средствами излечить дочь свою от сумасшествия. И он собрал во дворце всех ученых своего государства, врачей, астрономов и магов и сказал им: – Тот из вас, кто сумеет излечить дочь мою, получит ее от меня в супруги и будет наследником престола моего после моей смерти! А тому, кто войдет к моей дочери и не сумеет вылечить ее, я велю отрубить голову. И он разослал гонцов своих по всему государству, чтобы повсюду знали о его постановлении. И со всех сторон стали съезжаться врачи, маги и знахари, но вскоре по прибытии каждого над воротами дворца уже висела новая отрубленная голова. И в короткое время вдоль дворцового фасада развешено было сорок таких голов. Тогда остальные врачи и маги подумали: «Должно быть, болезнь неизлечима». И никто не решился больше браться за лечение.

А у Сетт-Будур был молочный брат – сын ее кормилицы – по имени Марзауан. Он изучил магию и волшебство,

индийские книги и египетские книги, разные чудодейственные письмена и науку звезд. И в самых отдаленных странах он советовался с людьми, посвященными в тайные науки. И впитав в себя все познание человеческого рода, он направился на родину свою, и первое, что он увидел при въезде в город, были сорок отрубленных голов, вывешенных над дворцовыми воротами. И в ответ на расспросы его прохожие рассказали ему о невежестве казненных врачей... На этом месте своего повествования Шахразада заметила, что уже занимается заря, и умолкла. А когда наступила сто восемьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь сто восемьдесят пятая

Прохожие рассказали ему о невежестве казненных врачей. Тогда Марзауан вошел к матери своей и после первых излияний, какие бывают при возвращении домой, подробно расспросил ее обо всем происшедшем. И узнав все, Марзауан спросил свою мать: – Не можешь ли ты тайно свести меня к принцессе Будур, чтобы я мог разузнать о происхождении ее болезни, а затем сообразить, можно ли ее исцелить? А мать его сказала: – Это трудно, но раз ты этого желаешь, переоденься в женское платье! И Марзауан сейчас же переоделся и в женском платье пошел с матерью во дворец. Стоявший настороже евнух хотел воспретить вход женщине, которую он не знал, но старуха сунула ему щедрую подачку и сказала: – О начальник дворца, принцесса Будур выразила желание видеть дочь мою, свою молочную сестру. Пропусти же нас, о отец обходительности! И евнух, польщенный этими словами и ублаготворенный подачкою, ответил: – Проходите, только не засиживайтесь там! Войдя в комнату принцессы, Марзауан откинул покрывало, скрывавшее его лицо, и прежде, чем расспрашивать Будур, хотел составить гороскоп ее. Но девушка бросилась ему на шею, узнав его. И она сказала своему молочному брату: – О Марзауан, и ты считаешь меня сумасшедшей? Но разве ты не помнишь, что сказал поэт?

Они сказали: «О, она безумна!
И я сказала: «Исцелит меня
Одно лишь средство – близость друга!»

И Марзауан сейчас же понял, что Сетт-Будур была просто влюблена, и что в этом и заключалась ее болезнь. И он сказал ей: – Расскажи мне скорее твою историю и, если это будет угодно Аллаху, я сделаюсь посредником блага твоего! Тогда Будур подробно рассказала ему свое приключение, и она залилась слезами, говоря: – Теперь все ночи и дни провожу я в слезах, и одни только любовные стихи, которые я твержу на память, немного охлаждают горящую печень мою! При этих словах Марзауан сказал несчастной Будур: – Я вижу, что ты рассказала мне все совершенно правдиво, но понять, в чем тут дело, мне очень трудно. Но будь уверена в том, что, когда я снова вернусь к тебе, я приведу к тебе за руку твоего возлюбленного! И с этими словами Марзауан вышел

из покоев принцессы и в тот же день покинул столицу царя Гайюра.

В течение месяца он переезжал из одного города в другой, и повсюду, куда бы он ни приезжал, только и было и разговоров, что о странной истории, приключившейся с Сетт-Будур. И прибыл затем Марзауан в город, расположенный у берега моря, где уже никто не слышал о Сетт-Будур, но зато все говорили о необыкновенной истории, приключившейся с принцем Камаральзаманом. И тогда Марзауан решил увидеться с принцем и сел на корабль, который отплывал как раз к островам его государства. И в течение всего переезда корабль плыл при попутном ветре, но в тот день, когда он уже приближался к столице государства, поднялась ужасная буря. Море швырнуло корабль, и он разбился об острую скалу. Но Марзауан умел превосходно плавать, поэтому из всех пассажиров корабля спасся он один, а морское течение отнесло его как раз к тому острову, на котором построен был дворец, где жил Камаральзаман со своим отцом. И судьбе угодно было, чтобы в это время приехавший к царю с отчетом визирь подошел к окну, выходившему на море. И он увидел прибитого волнами к берегу человека, и послал рабов на помощь ему, и приказал переодеть его в сухое платье, а затем привести во дворец. И вскоре Марзауан вошел в залу, где находился визирь. И тот стал расспрашивать его о том и о другом и скоро смог убедиться в широте его познаний. Тогда визирь подумал: «Вероятно, он сведущ и в медицине», – и сказал ему: – Аллах привел тебя сюда, чтобы ты излечил одного больного юношу, которого очень любит его отец... На этом месте повествования Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила сто восемьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь сто восемьдесят шестая

ношу, которого очень любит его отец и болезнь которого является причиной постоянной скорби для нас. Я говорю о принце Камаральзамане, сыне царя нашего Шахрамана, который живет здесь. Тогда Марзауан подумал: «Судьба благоприятствует мне более, чем я смел надеяться!», и он спросил визиря: – А от какой же болезни он страдает? И визирь рассказал Марзауану все приключение с Камаральзаманом. Тогда Марзауан не мог сомневаться, что принц Камаральзаман и есть тот молодой человек, который оставил в сердце Сетт-Будур незабвенное воспоминание. Но визирю он сказал только: – Если будет угодно Аллаху, я излечу его! И визирь немедленно повел его к Камаральзаману. И Марзауан был до такой степени изумлен его сходством с Сетт-Будур, что воскликнул: – О Аллах! Да благословен будет Тот, Кто создал двух столь похожих красавцев! При этих словах Камаральзаман широко открыл глаза и стал прислушиваться. А Марзауан, воспользовавшись этим вниманием юноши, произнес следующие сочиненные им стихи, которыми он хотел выразить то, что должно было остаться не понятным для визиря:

Пытаюсь здесь воспеть я совершенство
Той красоты, что всех моих страданий
Была причиной. Но, увы!
Ничто не даст мне облегченья,
Как лишь приход подруги дорогой!

Слушая эти стихи, Камаральзаман почувствовал, что удивительная свежесть успокаивает его душу, и он сделал знак визирю, чтобы тот оставил их наедине. И когда визирь повиновался, Марзауан сказал принцу на ухо: – Аллах привел меня сюда, чтобы сделать посредником между тобой и той, которую ты любишь. И он передал Камаральзаману такие подробности ночи, проведенной принцем с молодой девушкой, что никакие сомнение были невозможны. И он прибавил: – И зовут эту девушку Сетт-Будур, она дочь царя Гайюра, а мне она приходится молочною сестрою. При этих словах тоска Камаральзамана сразу утихла, и он почувствовал, что в душе его пробуждаются новые силы. Поднявшись с постели, он взял за руку Марзауана и сказал ему: – Я сейчас же поеду с тобою в страну царя Гайюра! Но Марзауан сказал ему: – Ведь это довольно далеко, и ты должен раньше окончательно восстановить свои силы! Потом мы вместе поедем туда, и ты вылечишь Сетт-Будур от ее недуга!.. На этом моменте своего повествования Шахразада заметила, что уже близок утренний рассвет, и скромно умолкла. А когда наступила сто восемьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь сто восемьдесят седьмая

Ты вылечишь Сетт-Будур от ее недуга! Между тем в залу вошел царь, и он увидел, что лицо сына его сияет. И радость царя перешла в полный восторг, когда сын его сказал: – Сейчас я оденусь и пойду в гамам. И тогда царь, одарив Марзауана подарками и почестями, приказал иллюминовать город в знак радости, роздал множество платьев придворным, осыпал всех щедротами своими и повелел выпустить из тюрем на свободу всех заключенных. И когда Марзауан заметил, что здоровье принца окончательно восстановилось, он сказал ему: – Теперь мы можем ехать; приготовься же к отъезду и отправимся! Но принц ответил: – Но отец мой никогда не решится на разлуку со мной! И я, наверное, опять заболею – и еще хуже прежнего! Но Марзауан ответил: – Я устрою все таким образом, что ничто не задержит нас. Ты скажешь царю, что хочешь подышать свежим воздухом и поохотиться со мною, и царь, без сомнения, не откажет тебе в этом.

При этих словах Камаральзаман сейчас же пошел к отцу, и царь действительно не отказал ему. Но он сказал при этом: – Поезжай, только на одну ночь! Ибо если твое отсутствие продлится на большее время, я умру от тоски по тебе! Затем царь велел приготовить двух великолепных коней и кроме того шесть запасных коней, одного дромадера, который нагружен был оружием, и одного верблюда, которого нагрузили провизией и мехами с водой. Затем царь обнял сына своего Камаральзамана и Марзауана и со слезами на глазах поручил их друг другу. Выехав

за городские стены, оба товарища отправились будто бы на охоту. Когда наступила ночь, они велели разбить палатки и после трапезы легли спать. А в полночь они сели верхом на свежих запасных лошадей и, не возбудив ничьего внимания, пустились в путь. И ехали они быстрой рысью до самого рассвета. Тогда Марзауан остановил свою лошадь и сказал принцу: – Сбрось скорее свою рубашку и шальвары! И Камаральзаман без возражений повиновался. Тогда Марзауан зарезал лошадь, обмазал ее кровью рубашку и шальвары, затем пошел с ними на перекресток двух дорог и бросил там эти одежды. Затем он вернулся к Камаральзаману и сказал ему: – Слушай! Когда пройдет два дня и царь увидит, что ты не возвращаешься, он пошлет на розыски людей, которые скоро увидят на перекрестке твою окровавленную рубашку и твои шальвары, в которые я предусмотрительно вложил несколько кусков конского мяса и две раздробленные кости. И никто не усомнится, что тебя растерзали дикие звери, а я от страха бежал! Это ужасное известие будет ударом для твоего отца, но зато какая радость ожидает его, когда он узнает, что ты жив и женат на Сетт-Будур. Выслушав эти слова, Камаральзаман сказал: – О Марзауан план твой выполнен бесподобно! Но откуда мы возьмем денег на путевые издержки? И тот ответил: – Я захватил с собою мои драгоценности, и наименее ценная из них стоит более двухсот тысяч динариев!

И они пустились в путь, пока не въехали в город царя Гайюра через главные ворота. Камаральзаман хотел сейчас же идти в дворец, но Марзауан посоветовал ему хорошенько отдохнуть в гостинице от утомительной дороги. И Марзауан воспользовался этим временем, чтобы заказать для принца набор астрономических инструментов из чистого золота и других драгоценных материалов, затем он повел его в гамам и после ванны одел в платье астролога. И дав необходимые наставления, он привел принца к царскому дворцу, а сам пошел сказать о его приезде своей матери, чтобы та предупредила принцессу Будур. И когда Камаральзаман подъехал к воротам дворца... На этом моменте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила сто восемьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь сто восемьдесят восьмая

Когда Камаральзаман подъехал к воротам дворца, он стал громко выкрикивать: – Я известный астролог, и всеми я признан без спора. Не прошу ни наград я, ни денег, ни лести, ни всякого вздора. Лишь для славы тружусь я и все выношу без укора! Привратники дворца, услышав эти слова, были поражены, ибо со времени последней казни они не видели более под стенами дворца ни одного мага. И они окружили молодого астролога, и при виде красоты и свежести его они начали умолять его удалиться от дворца, говоря ему: – Ради самого Аллаха! Разве не знаешь ты, что ожидает тебя, если ты не уедешь отсюда? Тебя постигнет та же участь, какая постигла этих несчастных, отрубленные головы которых висят над тобою! Но на эти увещания

Камаральзаман еще громче кричал: – Без осечки лечу я припадки, запоры. Не нужны мне ни клизмы, ни мазь, ни растворы. Мои средства – молитвы, слова, заговоры. И леченье мое всегда действует скоро! Тогда все присутствующие стали еще более трепетать за него, ибо полагали, что ему не справиться с неизлечимою болезнью принцессы. Между тем царь увидел толпу, окружавшую астролога, и сказал своему визирю: – Пойди и приведи мне его! И когда Камаральзаман вошел в тронную залу, царь внимательно посмотрел на астролога. И красота его до того поразила его, что он закрыл на мгновение глаза, потом открыл их и сказал ему: – Дитя мое, ты был бы еще лучше без этого одеяния врача, и, право, я был бы счастлив отдать за тебя дочь свою. Но я поклялся, что никто не останется в живых после того, как взглянет в лицо принцессе – если только он не заслужит руки ее; и я принужден буду подвергнуть и тебя казни, которой подвергнуты были сорок твоих предшественников. Согласен ли ты на такие условия? На эти слова Камаральзаман сказал: – О царь! Я знаю, чем я рискую, но вспять не пойду.

Тогда царь сказал главному евнуху: – Проводи его к заключенной! И евнух, видя, что молодой человек ускоряет шаги, сказал ему: – Несчастный, неужели ты действительно можешь вылечить ее? А Камаральзаман ответил: – Хотя желание увидеть принцессу, которая должна сделаться моей супругою, и толкает меня как можно скорее проникнуть к ней, но я предпочитаю исцелить ее, оставаясь за занавеской в ее комнате. А евнух сказал ему: – Это будет еще поразительнее. Тогда Камаральзаман сел на пол за занавесом, отделявшим комнату Сетт-Будур, и написал ей следующее письмо... Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила сто восемьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь сто восемьдесят девятая

Камаральзаман написал ей следующее письмо: «Принцессе Эль-Сетт-Будур, дочери царя Гайюра, для выражения любви. Строки эти написаны рукою Камаральзамана, сына султана Шахрамана. Если бы я захотел высказать, о принцесса, какую рану ты нанесла сердцу моему, то на земле не нашлось бы достаточно твердого тростника, чтобы начертать на бумаге столь жестокую вещь. Но знай, о дивная, что если бы чернила иссохли от этого, то кровь моя бы не иссохла и выразила бы тебе цветом своим мой внутренний огонь, который пожирает меня со времени волшебной ночи, когда ты явилась мне во сне и навеки покорила мое сердце. Я посылаю тебе твое кольцо как верное доказательство, что я обожжен глазами твоими. Как вулкан, измученный страданием, простирающий к тебе руки Камаральзаман. Я проживаю в этом городе, в „Большом Кане"».

Написав это письмо, Камаральзаман засунул в него кольцо, запечатал и вручил евнуху, который передал его Сетт-Будур. И как только она развернула письмо и увидела кольцо свое, громко вскрикнула, а потом, словно безумная, подбежала к занавеске, отдернула ее и сразу узнала

в молодом астрологе прекрасного юношу, которому она отдалась во сне. И она бросилась на шею к своему возлюбленному, и они стали целовать друг друга, как два голубя после долгой разлуки. Увидев это, евнух побежал к царю и воскликнул: – О господин мой, это ученейший из всех астрологов! Он исцелил твою дочь, лишь стоя за занавеской. Ты можешь удостовериться в этом своими собственными глазами! Тогда царь немедля направился в покои своей дочери и увидел, что евнух сказал ему правду. И он так обрадовался, что поцеловал дочь свою между глаз, и он поцеловал также Камаральзамана, который рассказал ему всю свою историю с Эль-Сетт-Будур. Выслушав эту историю, царь сейчас же приказал занести ее в летописи, и она была записана искуснейшими писцами дворца в поучение дальнейшим векам и поколениям будущего времени. Затем он велел позвать кади и свидетелей и составить брачный договор Сетт-Будур с Камаральзаманом. И он велел украсить и иллюминовать город на семь дней и на семь ночей; и все ели, пили и веселились. А Камаральзаман и Сетт-Будур предавались любви своей посреди общего ликования, благословляя Аллаха всеблагостного.

Но вот однажды ночью, после того как Камаральзаман еще более обыкновенного упился всеми прелестями своей супруги, он заснул и увидел во сне отца своего. Царь Шахраман предстал пред ним с лицом, омоченным слезами, и печально сказал ему: – Ах, Камаральзаман, зачем ты покинул меня? Ведь я умираю от тоски! Тогда Камаральзаман разбудил жену свою и стал тяжело вздыхать. И Сетт-Будур с беспокойством спросила его: – Что с тобою, око мое? Если ты слишком много скушал вчера вечером, я положу тебе на живот завернутый в салфетку горячий хлеб и дам тебе розовой воды. На этом месте повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила сто девяностая ночь, она сказала:

ночь сто девяностая

Я дам тебе розовой воды. А Камаральзаман ответил: – Мы должны завтра же отправиться в мою страну, ибо отец мой болен. Он явился мне сейчас во сне, и он ждет меня, обливаясь слезами. И Будур ответила: – Слушаю и повинуюсь. И хотя стояла еще черная ночь, она сейчас же пошла к отцу своему, царю Гайюру, который был в это время в своем гареме. И когда евнух передал царю о ее приходе, тот сказал: – Погоди, сейчас я надену тюрбан. Затем он вышел и спросил у Сетт-Будур: – Дочь моя, какого перцу ты наглоталась, чтобы прийти ко мне в этот час? А она ответила: – О отец мой, я хочу попросить, чтобы ты позволил мне ехать в царство отца супруга моего Камаральзамана. И царь сказал: – Я не противлюсь этому, но по прошествии года ты должна вернуться. И Будур поблагодарила отца за это разрешение, поцеловав его руку.

И на следующее утро царь Гайюр простился с Будур, сделав ей множество подарков из золота и бриллиантов. Затем он дал ей и ее супругу последние наставления и со слезами отпустил их в путь.

Тогда Камаральзаман и Сетт-Будур предались радостной мысли о свидании с царем Шахраманом. И прибыли на тринадцатый день пути на такой прекрасный луг, что соблазнились мыслью об отдыхе на день или два, и велели разбить палатки. И измученная дорогою Сетт-Будур вошла в свою палатку, поела немного и скоро заснула. И когда Камаральзаман покончил с разными распоряжениями, он также вошел в палатку и увидел, что молодая жена его спит. И очарованный ее красотой, Камаральзаман вспомнил слова поэта:

Когда ты спишь на пурпуре роскошном,
Твой светлый лик сияет как заря,
Твои глаза – как небо голубое!
Ты соткана из роз и из нарциссов!

Проговорив эти стихи, Камаральзаман почувствовал влечение к своей спящей жене, которой он не мог еще достаточно упиться. Но, склонившись над нею, он почувствовал под своими пальцами какой-то маленький твердый предмет. Взяв его в руки, он увидел, что это был сердолик на шелковой нити. И Камаральзаман был чрезвычайно удивлен и подумал: «Наверное, это молочный брат ее Марзауан дал ей этот камень, чтобы предохранить ее от дурного глаза». И Камаральзаман прервал начатые ласки, до такой степени заинтересовал его этот камень. И он вышел из палатки, чтоб рассмотреть его при свете, и увидел, что сердолик тот был срезан с четырех сторон, и на нем были вырезаны чудодейственные буквы и таинственные фигуры. Но в ту минуту, как он держал его перед своими глазами, чтобы лучше рассмотреть все подробности, с небесной высоты внезапно спустилась большая птица, и, с быстротою молнии налетев на него, вырвала камень у него из рук. На этом месте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила сто девяносто первая ночь, она сказала:

ночь сто девяносто первая

Птица вырвала камень у него из рук и, отлетев немного, села на вершину большого дерева. И как только Камаральзаман пришел в себя, он сейчас же решил так или иначе отнять талисман у птицы. Он поднял большой камень, побежал к дереву, на котором она сидела, и поднял уже руку, чтобы прицелиться, но в это время птица перелетела на другое дерево подальше. Тогда Камаральзаман подумал: «Вероятно, она увидела, что у меня в руке камень...» И он бросил камень на землю. Тогда птица спустилась на землю и села на известном расстоянии от Камаральзамана. И он подумал: «Она словно ждет меня». И он пошел к ней, но птица перепрыгнула немножко подальше. И так повторялось много раз в течение многих часов, пока не наступила ночь. Тогда Камаральзаман остановился, с трудом переводя дыхание. И пот выступил на его лбу, но не столько от усталости, сколько от отчаяния. Но он сказал себе: «Моя Будур может умереть от горя, если я сообщу ей о безвозвратной потере талисмана, которым она должна очень дорожить.

И если я пойду обратно в густой тьме, то могу заблудиться или встретиться с ночными зверями!» И, расстроенный этими безотрадными мыслями, он распростерся на земле в полном изнеможении. Изнуренный усталостью и волнениями, он забылся сном и проспал до утра.

Едва проснувшись, Камаральзаман решил во что бы то ни стало поймать похитительницу и снова пустился за ней в погоню; и опять началось то же, что вчера, и со столь же малым успехом. И, сорвав несколько растений и трав, он съел их, не имея никакой другой пищи, и заснул. На следующий день опять началась та же погоня, и так десять дней подряд с утра и до вечера. А на одиннадцатый день, направляемый полетом птицы, он подошел к воротам города на берегу моря. И в это время птица вспорхнула с земли, стала подниматься все выше и выше и исчезла в морском просторе. При виде этого Камаральзаман пришел в страшную ярость, но, успокоившись потом немного, он направился к городу, не переставая думать о своей возлюбленной Будур и о тех предположениях, которые она должна была делать по поводу исчезновение своего талисмана и его самого. Затем Камаральзаман вошел в городские ворота и побрел по улицам; но ни один из многочисленных обитателей города не посмотрел на него с участием, как это делают мусульмане по отношению к чужестранцам. И он шел, не останавливаясь, пока не пришел к противоположным воротам города, через которые путь вел в сады.

Там он встретил садовника, который поприветствовал его обычным приветствием мусульман. И Камаральзаман также пожелал ему мира и спросил: – Почему у всех жителей города такие негостеприимные манеры? И старик ответил: – Ты должен благодарить Аллаха, что выбрался от них невредимым. Эти люди принадлежат к черным племенам Запада. Они, неожиданно высадившись здесь на берег, перебили всех мусульман в нашем городе. Они говорят на варварском языке и едят издающие зловоние вещи, например гнилой сыр; и они никогда не умываются. И люди эти разрушили здесь все гамамы, и на их месте они выстроили лавки, в которых распутные женщины продают в качестве питья какую-то желтую пенистую жидкость, вероятно, перебродившую мочу. Что же касается жен их, то это один ужас. Они белят себе лицо толченой яичной скорлупой и не носят ни белья, ни шальвар, которые предохраняли бы их от дорожной пыли. Потому приближение их дает чувствовать себя зловонием. И посреди таких людей я заканчиваю свое существование, едва спасаясь от погибели. Ибо я, каким ты меня видишь, являюсь здесь единственным мусульманином, оставшимся в живых.

Сказав это, садовник сообразил по утомленному лицу молодого человека, что он нуждается в пище; и он отвел его в скромный домик в глубине сада и накормил. Затем он стал расспрашивать его о причине, которая привела его в этот город... В это время Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. Когда же наступила сто девяносто вторая ночь, она сказала:

ночь сто девяносто вторая

И полный благодарности Камаральзаман рассказал садовнику всю свою историю. И тот сказал: – Дитя мое, принцесса Будур, наверное, отправилась в царство отца твоего. В моем доме ты найдешь пристанище, пока Аллаху не угодно будет послать сюда корабль, на котором ты можешь переехать на ближайший отсюда остров Эбенового Дерева. А оттуда до Каледании уже не так далеко. С сегодняшнего дня я буду ходить в гавань, пока не встречу купца, который согласился бы взять тебя с собой. И садовник сделал, как обещал, но проходили дни и месяцы, а ему не удавалось найти корабля, который отправлялся бы на остров Эбенового Дерева.

Что же касается Сетт-Будур, то когда она проснулась, то не нашла подле себя Камаральзамана. С еще большим удивлением заметила она, что шальвары ее были развязаны, а сердоликовый талисман исчез. Но она подумала, что это Камаральзаман унес его, чтобы получше рассмотреть, и стала терпеливо ждать. Но, когда по прошествии некоторого времени она увидела, что Камаральзаман не возвращается, впала в невероятное расстройство. И она сказала себе: «Должно быть, случилось что-нибудь необыкновенное, если Камаральзаман ушел так далеко! О проклятый талисман, это ты причина этого несчастия! Зачем брат мой Марзауан сделал мне такой гибельный подарок?»

Когда же прошло два дня, а ее муж не вернулся, Будур скрыла скорбь свою в глубину души и запретила молодой рабыне, которая прислуживала ей, с кем-либо говорить об этом. Потом, зная о сходстве своем с Камаральзаманом, она скинула свое женское платье, достала из сундука его вещи и начала одеваться в них. Она надела полосатое платье, опоясалась поясом из чеканного золота и заткнула за него кинжал с яшмовой ручкой, украшенной рубинами. Потом она обвязала голову шелковым платком, который скрепила на лбу шнурком. Затем она взяла в руки хлыст и велела молодой рабыне одеться в платье, которое она сбросила с себя. Таким образом, глядя на служанку, все могли думать: – Это Сетт-Будур. Одевшись в платье Камаральзамана, Будур пустилась в дальнейший путь и ехала многие дни, пока не приехала к городу на берегу моря. Тогда она спросила: – Что это за город? И ей ответили: – Это столица острова Эбенового Дерева. Здесь правит царь Арманос, и у него есть дочь, красивейшая девушка царства, по имени Гайат-Альнефус...На этом месте повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила сто девяносто третья ночь, она сказала:

ночь сто девяносто третья

Узнав это, Будур послала к царю Арманосу гонца с письмом, в котором она извещала его о своем прибытии; и в письме этом она назвала себя принцем Камаральзаманом. Получив это известие, Арманос, который был в наилучших отношениях с царем Шахраманом, был чрезвычайно доволен возможностью оказать почет его сыну. В сопровождении кортежа из главных придворных он пошел навстречу с

Сетт-Будур, которую принял со всеми подобающими почестями. И они вместе совершили торжественный въезд в город, и в течение трех дней при дворе давались великолепные празднества. И переодетая Камаральзаманом Сетт-Будур побывала в дворцовом гамаме, отказавшись от чьих-либо услуг. И она вышла оттуда столь дивно прекрасной, что встречаясь с ней, все останавливались, затаив дыхание. И царь Арманос был до такой степени очарован ее прелестью и красноречием, что сказал: – Сын мой, сам Аллах послал тебя в мое царство, чтобы ты заменил мне сына, которому я мог бы передать мой престол. Хочешь ли ты, дитя мое, доставить мне эту отраду, женившись на дочери моей, Гайат-Альнефус? Она едва достигла брачного возраста; это поистине редкостный цветок, и я хотел бы, чтобы ты вдохнул в себя аромат его!

Столь неожиданное предложение повергло принцессу Сетт-Будур в величайшее смущение. И она думала про себя: «Если я отвечу, что у меня, Камаральзамана, есть уже жена, он скажет, что Коран разрешает иметь четырех законных жен; а если я скажу ему правду относительно моего пола, он может принудить меня к браку с ним самим; а если я откажусь от его предложения, его расположение ко мне превратится в ненависть, и это может погубить меня. Значит, остается принять это предложение! Сделавшись царем, я приобрету прекрасное царство, которое уступлю Камаральзаману, когда он возвратится. Что же касается Гайат-Альнефус, то я как-нибудь выберусь из этого затруднения». И она сказала Арманосу: – Я покорный сын, отвечающий послушанием на малейшее из желаний царя!.. При этих словах Арманос пришел в восторг и хотел, чтобы брачная церемония была совершена в тот же день. Он отказался в пользу Камаральзамана от престола перед своими эмирами и должностными лицами и разослал по всему государству гонцов, чтобы оповестить об этом население. И при звуках флейт и кимвалов написан был брачный договор нового царя с Гайат-Альнефус.

Вечером окруженная своими прислужницами старая царица привела новобрачную Гайат-Альнефус в покои Сетт-Будур, которую все принимали за юного царя. И когда церемонии кончились, мать Гайат-Альнефус и все прислужницы скромно удалились, оставив новобрачных в их опочивальне... На этом месте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила сто девяносто четвертая ночь, она сказала:

ночь сто девяносто четвертая

Оставшись в опочивальне наедине с юной Гайат-Альнефус, Сетт-Будур нашла ее чрезвычайно привлекательной. А та, видя, что понравилась супругу, застенчиво улыбалась, не переставая дрожать от волнения под своими покрывалами и драгоценными уборами. И когда он подошел к ней и сел с ней рядом на матрац, разостланный поверх ковра, все ее существо содрогнулось до самой глубины.

И Сетт-Будур, медленно склонившись над молодой девушкой, поцеловала ее в губы. Потом она взяла ее головку, прижала к груди своей и стала напевать ей стихи такого убаюкивающего размера, что дитя мало-помалу заснуло со счастливой улыбкою на губах. Тогда Сетт-Будур сняла с нее покрывало, уложила ее и легла рядом, сжав в своих объятиях. И так спали они обе до самого утра.

Когда же Сетт-Будур проснулась, она облачилась в царское убранство и пошла в тронную залу принимать поздравления, приводить в порядок дела, искоренять злоупотребления, назначать и смещать должностных лиц. Она отменила пошлины и налоги и осыпала щедротами войска, народ и служителей мечетей! И новые подданные вознесли молитву о благоденствии и долголетии ее. А царь Арманос с супругой поспешили к дочери своей и спросили ее, был ли ласков с ней супруг ее. И Гайат-Альнефус ответила: – Он поцеловал меня в губы, и я заснула в его объятиях, убаюканная его песнями! О как он мил! Тогда Арманос сказал: – И это все, что было между вами? Ты даже не вполне разделась? И она ответила: – Нет! Тогда отец и мать переглянулись между собою, но ничего сказали и ушли. А Сетт-Будур, покончив с делами, вернулась к Гайат-Альнефус и спросила: – Что сказали тебе, моя крошка, отец и мать? И она ответила: – Они спросили, почему я не раздевалась? Будур ответила: – За этим дело не станет. Я помогу тебе! И она сняла с нее все ее одежды, не исключая рубашки, и стала осыпать поцелуями ее тело. Потом она сказала ей: – Поцелуй же и ты меня, моя милочка. И Гайат-Альнефус прильнула своими губками к губам Будур, и крепко обнявшись, проспали они до самого утра... На этом месте своего повествования Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила сто девяносто пятая ночь, она сказала:

ночь сто девяносто пятая

Крепко обнявшись, проспали они до утра. Тогда Будур опять пошла заниматься государственными делами, а отец и мать Гайат-Альнефус отправились к дочери и спросили ее: – Не слишком ли ты разбита? А она ответила: – Нисколько! Я хорошо спала в объятиях супруга, который снял с меня одежду и осыпал поцелуями мое тело! О до чего это было приятно! И мать спросила ее: – И более ничего между вами не было? А молодая девушка с удивлением ответила: – Ничего!

Тогда царь в гневе удалился и заговорил со своей супругой так громко, что слова его донеслись до слуха девушки: – Если и в следующую ночь Камаральзаман не исполнит своих обязанностей супруга, я лишу его царской власти и изгоню его из дворца! И когда с наступлением ночи Сетт-Будур вошла в комнату Гайат-Альнефус, малютка сказала ей взволнованным голосом: – О господин мой! Отец мой хочет лишить тебя престола! И все из-за того, что ты не хочешь чего-то сделать со мною! И я весь день проплакала, думая о той мести, какую он замышлял против тебя! Поспеши же, пожалуйста, сделать то, чего хотят отец мой и мать моя! А я

вполне доверюсь твоему уменью и отдам в твое распоряжение и тело, и душу мою! При этих словах Сетт-Будур сказала молодой девушке: – Око мое! Любишь ли ты меня? Она ответила: – Как бога! Тогда Будур спросила ее: – Если ты так любишь меня, была ли бы ты довольна, если бы оказалось, что я не муж, а брат тебе? И девочка воскликнула: – Я бы умерла от счастья! А Будур сказала: – А если бы оказалось, что я и не брат тебе, а сестра? Любила ли бы ты меня? И Гайат-Альнефус сказала: – Еще больше любила бы, потому что мы никогда бы не расставалась! Тогда Будур сжала девочку в своих объятиях, поцеловала ее таким долгим поцелуем, что у обеих захватило дыхание, а потом встала и сказала: – Так взгляни на меня и будь моей сестрою! И быстрым движением руки она распахнула свое платье от ворота до пояса, обнажив свои сверкающие белизною груди, и затем сказала: – Видишь, я такая же женщина, как и ты! И я была переодета мужчиной по причине необыкновенного приключения! И Будур рассказала ей всю историю от начала до конца. Тогда маленькая Гайат-Альнефус пришла в совершенный восторг и сказала: – О сестра моя! Какой чудесной жизнью мы будем жить с тобой, ожидая возврата возлюбленного твоего Камаральзамана! Да будет угодно Аллаху, чтобы он вернулся скорее! А Будур сказала: – Тогда я отдам ему тебя, как вторую жену, и мы будем жить все вместе в полном блаженстве!

Потом они долго целовали друг друга и играли в разные игры, и Гайат-Альнефус осматривала ее тело, расспрашивая обо всем, что привлекало ее внимание. Будур же ее отвечала на ее расспросы с полною ясностью, и Гайат-Альнефус восклицала: – О Аллах! Теперь я понимаю! Когда я спрашивала у рабынь, к чему служит то-то, они подмигивали глазом и ничего не отвечали! А другие щелкали языком и тоже не отвечали! А я от ярости царапала себе щеки и громко кричала. Тогда на мои крики прибегала моя мать, и она приходила в ужасный гнев от моих вопросов. И она поднимала мое платье и начинала пребольно сечь меня, говоря: – Вот к чему служит то-то! И я пришла к убеждению, что то-то служит для сечения!.. И обе они продолжали шалить и разговаривать обо всем на свете, так что к утру Гайат-Альнефус была уже совершенно просвещена относительно назначение всех органов своего тела... В это время Шахразада увидела, что приближается утро, и по обыкновению умолкла. А когда настала сто девяносто шестая ночь, она сказала:

ночь сто девяносто шестая

Тогда, в виду того что приближался час прихода отца и матери, Гайат-Альнефус спросила Будур: – Сестра моя, что должна я сказать им? А Будур улыбнулась и сказала: – Это мы устроим! И она взяла цыпленка, удавила его, замазала его кровью полотенце и сказала: – Ты просто покажешь ей это полотенце. Тогда Гайат-Альнефус успокоилась, а Сетт-Будур отправилась руководить судебным заседанием. И при виде окровавленного полотенца, отец и мать Гайат-Альнефус расцвели от

удовольствия. И мать, полная гордости, положила полотенце на бархатную подушку и в сопровождении женщин обошла весь гарем, а царь задал большой праздник и пожертвовал для бедных огромное количество овец и молодых верблюдов. Что же касается Сетт-Будур, то она каждый день восседала на престоле острова Эбенового Дерева, привлекая к себе любовь подданных, а когда наступал вечер, она шла к подруге свой Гайат-Альнефус и, заключив ее в свои объятия, ложилась к ней на постель. И, обнявшись, они до утра тешились ласками и разными забавами, ожидая возлюбленного своего Камаральзамана.

А Камаральзаман продолжал жить в домике доброго садовника за стенами города, населенного нечистоплотными людьми из западных стран. А отец его, царь Шахраман, найдя в лесу окровавленные члены, не сомневался в том, что возлюбленный его Камаральзаман убит. Он велел соорудить сыну мавзолей, где запирался, чтобы оплакивать смерть своего ребенка. А Камаральзаман, питая надежду на прибытие корабля, который перевезет его на остров Эбенового Дерева, жил в печали и с сокрушением вспоминал о прекрасных прошедших днях. И однажды он печально сидел в саду и читал на память разные стихи, глядя на порхающих птиц, как вдруг внимание его было привлечено громким криком двух больших птиц. Он поднял голову и увидел, что птицы эти отчаянно дерутся между собою. И скоро одна из птиц скатилась бездыханной на землю, в то время как победительница взлетела на воздух и унеслась в даль. Но в ту же минуту две еще более крупных птицы слетели к мертвой птице, и одна поместилась в головах у покойницы, а другая в ногах. И обе они склонили головы и принялись плакать. Через некоторое время они выкопали могилу своими когтями и клювами и похоронили там умершую. Потом они улетели, но скоро вернулись к могиле, держа за крыло и за ноги птицу, убившую товарища, а она старалась вырваться, испуская отчаянные крики. Но они положили ее на могилу покойной и быстрыми ударами клювов распороли ей живот, чтобы отомстить ей за ее преступление, и улетели, а она продолжала биться на земле в предсмертных муках. На этом месте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила сто девяносто седьмая ночь, она сказала:

ночь сто девяносто седьмая

И в то время как птица билась на земле в предсмертных муках, Камаральзаман оцепенев от удивления, смотрел на столь необыкновенное зрелище. Затем он подошел к казненной птице и, посмотрев на ее труп, увидел посреди распоротого желудка что-то красное. Он наклонился и почти лишился чувств: он нашел сердоликовый талисман Сетт-Будур! Он принялся прыгать от радости, потом поцеловал его, завернул в кусочек холста и привязал к руке, чтобы не потерять. Успокоившись немного, он вспомнил, что садовник просил его выкорчевать старое

рожковое дерево, не дававшее более плодов. Он взял заступ и принялся за работу, но вдруг почувствовал, что заступ его ударился о какой-то твердый металлический предмет. Тогда он разрыл землю и отодвинул большую бронзовую доску. Тогда перед ним открылась лестница с десятью ступенями. Призвав на помощь Аллаха, он спустился вниз и очутился в широком сводчатом погребе старинной постройки; и в нем он нашел двадцать огромных сосудов. Он поднял крышку одного из них и увидел, что он наполнен слитками червонного золота; он поднял крышку второго сосуда, и оказалось, что он наполнен золотым порошком; тогда он открыл остальные сосуды, и оказалось, что они тоже наполнены золотом.

Оправившись от изумления, Камаральзаман вышел из погреба, прикрыв вход его бронзовой доской. Потом стал поливать деревья, помогая садовнику, который вернулся только к вечеру, сразу объявив Камаральзаману радостную вещь. Он сказал ему: – О дитя мое, скоро ты вернешься в мусульманские страны! Я нашел корабль, снаряженный богатыми купцами, который через три дня поднимет паруса. Я переговорил с капитаном, и он согласен довезти тебя до острова Эбенового Дерева! Услышав это, Камаральзаман страшно обрадовался и, поцеловав руку садовника, сказал ему: – Воистину ты принес мне добрую весть, но и я могу сообщить тебе, что обрадует тебя... В это время Шахразада увидела, что приближается утро, и по обыкновению умолкла. А когда наступила сто девяносто восьмая ночь, она сказала:

ночь сто девяносто восьмая

А я могу сообщить, что обрадует тебя. Пойди только со мною в сад, и я покажу, какое состояние посылает нам судьба! И он повел садовника к месту, где раньше стояло выкопанное рожковое дерево, поднял доску, свел старика в погреб и открыл двадцать сосудов, наполненных слитками золота и золотым порошком. А садовник поднимал руки и перед каждым сосудом восклицал: – О Аллах! А Камаральзаман сказал: – Всеблагому угодно было так вознаградить гостеприимство твое! При этих словах старый садовник только заплакал, и слезы тихо скользили по его длинной бороде. Немного оправившись от волнения, он сказал: – На что нужно такому старику, как я, все это золото? Мне довольно того, что у меня есть, и я буду совершено счастлив, если ты дашь мне только драхму на покупку савана, в который завернут бренные останки мои! Тогда Камаральзаман сказал старику: – О отец мудрости, святое одиночество изгладило перед глазами твоими законы истины и лжи, которыми живет род человеческий. Но я возвращаюсь в среду лютых тварей, именуемых людьми, и я не смею забыть об этих законах под страхом, что они загрызут меня! Если хочешь, разделим это золото: я возьму половину, а ты – другую. Тогда старый садовник ответил: – Я люблю этот источник, и этот сад, и шепот этих листьев, и это солнце, и эту землю, на которой свободно движется и удлиняется

знакомая мне тень моя. И я говорю тебе об этом, чтобы ты знал, что мешает мне отправиться вместе с тобою. Что же касается драгоценных сосудов, то возьми десять из них, а остальные оставь в погребе: они будут наградою тому, кто предаст земле мое тело. Главная же трудность состоит в том, чтобы переправить их на корабль, не возбудив жадности людей, которые живут в этом городе. Но вот что я придумал: оливы сада моего усыпаны плодами, а на острове Эбенового Дерева оливки чрезвычайно ценятся! Поэтому я куплю двадцать больших горшков, на дно которых мы положим золото, прикрыв его сверху оливками. Тогда мы сможем без опасения перенести их на отъезжающий корабль. И Камаральзаман последовал этому совету, проведя день в наполнении купленных горшков.

При этом он подумал: «Чудотворный талисман недостаточно хорошо спрятан на мне; его могут украсть у меня во время сна. Поэтому будет лучше, если я положу его на дно последнего горшка, прикрепив к слиткам золота, а сверху положу оливок!» И он сейчас же привел свой план в исполнение, закрыв последний горшок крышкой из белого дерева; а потом вырезал на нем свое имя красиво переплетающимися буквами.

На следующее утро старый садовник, чувствуя страшную слабость и сознавая, что приближаются последние часы его, не встал, оставшись на своем матраце. А днем за горшками в сад пришли моряки. И Камаральзаман повел их к забору, подле которого расставлены были в ряд все двадцать горшков, и сказал: – Они наполнены оливками самого первого сорта. Поэтому, будьте осторожны, чтобы не разбить их! Затем сопровождавший матросов капитан сказал Камаральзаману: – Не опоздай на корабль, господин, ибо завтра утром мы распустим паруса. И, взяв горшки, матросы удалились. На этом месте повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила сто девяносто девятая ночь, она сказала:

ночь сто девяносто девятая

Взяв горшки, моряки удалились. Тогда Камаральзаман пошел к садовнику и узнал, что друг его чувствует себя нехорошо. И он провел с ним весь день и не ложился спать ночью, видя, что ему становится все хуже. А утром садовник с усилием подозвал его к себе, взял его за руку и сказал: – Сын мой, слушай – нет Бога кроме Аллаха! И затем он скончался. Тогда Камаральзаман залился слезами и долго сидел подле. Затем он отдал ему последний долг, изготовил белый саван, вырыл могилу и предал тело земле. И тогда только он подумал об отъезде. Он запер ворота сада и побежал в гавань, ибо солнце было уже высоко; но он увидел, что корабль, распустив паруса, уже уносился от берега с благоприятным ветром. Увидев это, Камаральзаман пришел в полное сокрушение и печально побрел обратно в сад. Вернувшись в свой домик, он бросился на матрац и горько заплакал о себе, о своей возлюбленной Будур и о талисмане, которого он лишился во второй раз. Мысль, что он навсегда

потерял Будур, приводила его в отчаяние; и он говорил себе: «Несчастья мои начались с потерею этого талисмана, и кто знает, какие бедствия еще разразятся над моей головой?» Затем он поднялся, опять купил двадцать горшков, положил на дно их золотой песок и слитки, а затем наполнил их до краев оливками. Потом он принялся за поливку овощей и плодовых деревьев, читая на память грустные стихи о любви своей к Сетт-Будур.

Корабль же благодаря попутному ветру скоро прибыл на остров Эбенового Дерева и пристал у набережной, где поднимался дворец, в котором жила принцесса Будур под именем Камаральзамана. Увидев этот корабль, Сетт-Будур почувствовала желание осмотреть его, ведь она не теряла надежды встретить когда-нибудь на одном из кораблей супруга своего Камаральзамана. Взойдя на палубу корабля, она сказала капитану, что хочет осмотреть его судно. Уверившись, что Камаральзамана не было в числе пассажиров, она спросила капитана: – Чем же нагружен твой корабль? И он ответил: – Мы везли в трюме прекраснейшие материи и шелковые ткани из разных стран. У нас есть разные китайские и индийские лекарственные снадобья, примочки, мази и драгоценные бальзамы. У нас есть самоцветные камни, жемчуг кораллы и желтый янтарь, а также всевозможные благовония и отборные пряности: мускус, серая амбра и ладан. Наконец, на последней стоянке мы взяли оливки наилучшего качества, с тонкой кожею и сладким сочным мясом. В это время Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двухсотая ночь, она сказала:

ночь двухсотая

А по цвету эти оливки похожи на светлое масло. Услышав об оливках, которые она страстно любила, принцесса Будур спросила капитана: – И много у вас этих оливок? А он ответил: – Двадцать больших горшков. Она сказала – Скажи, а есть ли в них также фаршированные оливки, – те, из которых вынимают косточки? И капитан сказал: – Думаю, у нас должны быть горшки с такими оливками. При этих словах у принцесса сказала: – Мне хотелось бы купить один из этих горшков! И капитан ответил: – Хотя их собственник опоздал на корабль, и я не могу располагать ими, но царь может взять все, что ему угодно! Моряки принесли из трюма один из двадцати горшков, Сетт-Будур велела снять с него крышку и при виде превосходных оливок пришла в такой восторг, что воскликнула: – Я куплю все двадцать горшков. Сколько они могут стоить? И капитан ответил: – По базарной цене острова Эбенового Дерева – сто драхм горшок. И Сетт-Будур велела придворным: – Заплатите по тысяче драхм за горшок! И она сказала капитану: – Когда ты вернешься домой, ты уплатишь купцу стоимость этих оливок.

Когда же горшки были принесены во дворец, Будур и Гайат-Альнефус приказали рабыням осторожно поднять первый горшок, и высыпать все, что в нем было, на большое блюдо, чтобы можно было выбрать фаршированные оливки.

И можно представить удивление Будур и ее подруги, когда они увидели, что оливки были перемешаны со слитками золота и золотым песком! И Будур велела опорожнить все остальные горшки вплоть до двадцатого. А когда рабыни принесли двадцатый горшок, на крышке его оказалось имя Камаральзамана, а посреди высыпанных олив заблистал талисман! И Будур громко вскрикнула, поскольку сразу узнала сердолик, который носила когда-то на шелковом шнурке своих шальвар. Она схватила сердоликовый талисман и поднесла его к губам, испуская радостные вздохи; затем, отпустив всех рабынь, она сказала своей подруге: – Вот талисман, который стал причиною разлуки моей с моим обожаемым мужем. Но раз я нашла его, то надеюсь найти и того, кто станет блаженством для нас обеих.

И она послала за капитаном судна и спросила его: – Можешь ли ты сказать, чем занимается собственник этих горшков с оливками? И он ответил: – Он помощник садовника. И Будур сказала: – Знай, о капитан, что, отведав этих оливок, я догадалась – их изготовил мой бывший повар; ибо он один умел придать им остроту и сладость, которая так приятна моему вкусу. Но этот повар сбежал от меня, опасаясь, что его накажут за то, что он истязал мальчика, его помощника по кухне. Поэтому ты должен как можно скорее привезти мне этого помощника садовника, и я щедро награжу тебя, а в противном случае я запрещу тебе въезд в мое царство... На этом месте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила двести первая ночь, она сказала:

ночь двести первая

Я запрещу тебе въезд в мое царство! На эти слова капитан мог ответить только послушанием. И Аллах ниспослал ему благополучие в плавании, и через несколько дней он приехал в город неверных. Он взял наиболее надежных из своих моряков и подошел с ними к саду, где жил Камаральзаман. В эту минуту тот сидел погруженный в печальные думы, но, услышав стук в ворота, он подошел к воротам спросил: – Кто там? А капитан отвечал разбитым голосом: – Нищий, во имя Аллаха! При этих словах, сказанных по-арабски, сердце Камаральзамана забилось от сострадания, и он отпер ворота. Но его сейчас же схватили моряки, которые утащили, как и в первый раз, двадцать горшков. Затем они вернулись на корабль и пустились в путь.

Тогда капитан подошел к Камаральзаману и сказал: – Это ты истязал мальчика на царской кухне? Скоро мы приедем туда, и ты дождешься заслуженной казни! А Камаральзаман отвечал: – Клянусь устами Пророка, что я никогда не был на острове Эбенового Дерева, куда вы везете меня, и во дворце этого царя! Тогда капитан сказал: – Значит, ты никогда в жизни не был поваром и не терзал мальчика? А Камаральзаман в величайшем негодовании плюнул на землю и воскликнул: – Да будет Аллах мне заступником! Делайте со мной, что хотите, но, клянусь Аллахом, язык не повернется

у меня больше, чтоб отвечать на подобные вопросы! Между тем корабль благополучно прибыл к острову Эбенового Дерева; и капитан сейчас же привез Камаральзамана во дворец, и вскоре он был немедленно введен в тронную залу. Однако, чтобы не выдать себя, Сетт-Будур придумала чрезвычайно мудрый план, особенно замечательный для женщины.

Едва взглянув на того, кого привел к ней капитан, она немедленно узнала своего возлюбленного и страшно побледнела. Но все приписали это расстройство лица ее гневу при воспоминании об истерзанном ребенке. А смущенному Камаральзаману даже в голову не приходило, что он находится в присутствии той, из-за которой он пролил столько слез. Наконец Сетт-Будур овладела собою и сказала капитану: – Деньги за оливы оставь у себя в награду за верную службу свою! А капитан сказал: – А остальные двадцать сосудов, которые я привез в этот раз? И Будур ответила: – Поспеши принести их мне и ты получишь тысячу динариев золотом. Потом она обернулась к Камаральзаману, который стоял с опущенными глазами, и сказала придворным: – Возьмите этого молодого человека и отведите в гамам...На этом месте Шахразада заметила, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила двести вторая ночь, она сказала:

ночь двести вторая

Возьмите этого молодого человека и отведите его в гамам. А затем вы оденете его в роскошное платье и завтра утром приведете его ко мне! Затем Сетт-Будур пошла к Гайат-Альнефус и сказала ей: – Ягненок мой! Возлюбленный наш вернулся! И я придумала замечательный план, чтобы свидания наши не оказались погибельными для того, кому предстоит мгновенно превратится из садовника в царя. И Гайат-Альнефус бросилась от радости на шею Сетт-Будур. И начиная с этой ночи обе они были чрезвычайно сдержанны, чтобы во всей свежести встретить своего возлюбленного.

А утром в залу заседания приведен был Камаральзаман. Гамам вернул лицу его прежний блеск, а плотно обхватывавшие одежды обрисовывали стройность его спины. И царь сказал великому визирю: – Ты назначишь в прислужники этому молодому человеку сто рабов и будешь выдавать ему доходы с имений, достойных высокого сана, в который я возвожу его! На следующее утро Сетт-Будур, по-прежнему под именем царя острова Эбенового Дерева, отставила от должности великого визиря, а Камаральзамана назначила на его место. И тот сказал про себя: «Почести, которыми осыпает меня молодой царь, без сомнения должны иметь какую-нибудь причину! Моряки схватили меня и привезли сюда, обвиняя в том, что я истязал мальчика, будучи царским поваром. А царь вместо того, чтобы наказать меня, назначает меня на высокие должности. Клянусь Аллахом! Наверное, этот молоденький и красивый царь считает меня любителем забав. Отсюда и идет вся его

любезность! Но я не могу пойти на это. И я сейчас же откажусь от должности великого визиря и вернусь в свой сад».

И Камаральзаман пошел к царю и сказал ему: – О царь благословенный, поистине, ты осыпал раба своего почестями, которые подобают лишь старцам, поседевшим от избытка мудрости. И если все это не имеет какой-либо скрытой от меня причины, то это было бы с твоей стороны ужаснейшей расточительностью! При этих словах Сетт-Будур улыбнулась и сказала: – Причина эта заключается в той дружбе, которая внезапно зажглась от красоты твоей! Ибо я совершенно очарован нежною кожею и безмятежным выражением лица твоего. Но Камаральзаман сказал: – Да продлит Аллах дни царя! Но у раба твоего есть жена, которую он любит и о которой он плачет целые ночи напролет, с тех пор как одно странное приключение разлучило его с нею. И потому раб твой просит позволения уехать, сложив с себя все обязанности. Но Сетт-Будур взяла молодого человека за руку и сказала: – О визирь, сядь подле меня! Зачем говоришь ты об отъезде? Оставайся с тем, кто так полюбил тебя и готов разделить с тобою самый престол. И вспомни слова поэта:

Моя жена влекла меня с собой,
Чтобы любовью вместе насладиться,
И я за ней последовать решился,
Но не воскресла умершая страсть!

Проговорив эти стихи, Сетт-Будур увлекла Камаральзамана на широкий матрац, разостланный поверх ковра, а он со вздохом проговорил: – Нет прибежища кроме Аллаха! И ничто да не свершится помимо воли Его! При этих словах Сетт-Будур разразилась смехом... Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести третья ночь, она сказала:

ночь двести третья

Сетт-Будур разразилась смехом, а потом сказала Камаральзаману своим прежним сладостным и певучим голосом: – О возлюбленный муж мой! Как скоро ты позабыл прекрасные ночи, которые мы проводили с тобою! И она, сбросив с себя мужское платье и сорвав с головы тюрбан, предстала пред ним обнаженной. Тогда Камаральзаман узнал супругу свою Будур, и он прижал ее к своей груди, и она прижала его к своей груди; потом оба они, плача от радости, распростерлись на матраце, осыпая друг друга поцелуями. И она проговорила следующие строчки:

Вот милый мой! Взгляните, как прекрасен!
Как строен стан и как легка походка!
Вот он идет возлюбленный, желанный!
О девушки Аравии! Могу ли
Я позабыть все прелести его?..

Затем царица Будур рассказала Камаральзаману все свои приключения от начала до конца, и он сделал то же самое, и затем они предались страстным ласкам и так провели всю ночь до утра. Затем царица Будур пошла к царю Арманосу и

рассказала ему всю свою историю и призналась, что дочь его осталась девственной, как и раньше. Тогда государь острова Эбенового Дерева пришел в крайнее изумление, и восторгу его не было пределов. Потом он спросил Камаральзамана: – О сын царя Шахрамана, хочешь ли ты взять второй женой дочь мою Гайат-Альнефус, еще не тронутую ничьим прикосновением? И он ответил: – Мне нужно посоветоваться с супругой моей, которой принадлежит любовь моя! А Будур на это ответила: – Я сама берегла ее для тебя, чтобы отпраздновать твое возвращение! И я полна благодарности к Гайат-Альнефус за ее милые ласки и за ее гостеприимство.

При этих словах царь Арманос возрадовался радостью великой и приказал собрать всех придворных и должностных лиц государства и рассказал им историю Камаральзамана и Сетт-Будур. Потом он сообщил им о намерении своем отдать Гайат-Альнефус в замужество за Камаральзамана и сделать его царем острова Эбенового Дерева. И царь Арманос приказал немедленно позвать кади и свидетелей и написать брачный контракт Камаральзамана с Гайат-Альнефус. И по этому случаю начались дивные празднества, и щедроты посыпались на все войско и на весь народ. И Камаральзаман стал править государством, проводя поочередно одну ночь с одною своею женою, а другую – с другою. И обе они жили вместе в наилучшем согласии, отдавая ночи свои супругу, а в дневные часы услаждая ласками друг друга. Затем Камаральзаман отправил гонцов к отцу своему, чтобы известить его обо всех этих радостных событиях и сообщить ему, что он приедет к нему, как только покорит неверных, избивших мусульман в городе на берегу моря. Такова удивительная история Камаральзамана и Сетт-Будур!

И Шахразада улыбнулась, говоря эти слова. Тогда царь Шахрияр, грусть которого рассеялась после первых же слов истории Сетт-Будур, сказал ей: – Эта история восхитила мою душу! И если истории, которые ты еще расскажешь нам, будут так же интересны, то можешь сейчас же приступить к ним. Но на этом месте своего повествования Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила двести четвертая ночь, Доньязада воскликнула:

– О Шахразада, сестра моя, начинай! И Шахразада улыбнулась своей сестре, а потом, повернувшись к царю Шахрияру, сказала:

ИСТОРИЯ ЭЛЬ-АМДЖАДА И ЭЛЬ-АЗАДА

Итак, жил Камаральзаман долгое время, не зная забот и печалей, и Аллах даровал ему двух сыновей, прекрасных как две полные луны; старший из них, сын царицы Будур, назывался Эль-Амджад*, а младший, сын царицы Гайат-Альнефус, назывался Эль-Азад**. И оба они были окружены нежнейшей любовью и приучены были к прекрасным манерам и изяществу в обращении. Они изучали всевозможные науки, искусство правления и верховую езду, и во всех отношениях

* *Эль-Амджад* – Высокопрославленный.

** *Эль-Азад* – Высокосчастливый.

достигли совершенства. И они блистали такой красотой, что очаровывали как женщин, так и мужчин.

И они достигли семнадцатилетнего возраста, и все время были неразлучны друг с другом; ели и пили вместе, и все завидовали им в этом. И когда они возмужали и украсились всевозможными совершенствами, отец их приказал, чтобы во время его отсутствия они по очереди заседали в зале правосудия. И по воле рока случилось, что сердце царицы Будур запылало любовью к Азаду, сыну царицы Гайат-Альнефус, а сердце царицы Гайат-Альнефус запылало любовью к Амджаду, сыну царицы Будур. И каждая из них играла с сыном другой и целовала его, прижимая к груди своей, и каждая думала о другой, что та делает это только из материнской любви. И так прошло немало времени, и они не видели никакого средства для успокоение своей страсти и перестали есть, и пить, и лишились сна. И вот в один день, среди других дней, случилось, что царь поехал на охоту и приказал своим сыновьям по очереди заседать за него, отправляя правосудие... В этом месте повествования Шахразада заметила, что наступает утро, и по обыкновению умолкла. Когда же наступила двести пятая ночь, она сказала:

ночь двести пятая

Царь приказал заседать за него. И в первый день в зале правосудия находился Амджад, сын царицы Будур. И вот царица Гайат-Альнефус, мать Азада, написала ему такое письмо: «От несчастной тоскующей влюбленной, из любви к тебе перенесшей невыразимые страдания! Если бы я захотела описать всю тоску моего сердца, все мои вздохи и слезы, если бы я захотела описать, как терзает меня разлука и разжигает во мне пламя страсти, я бы никогда не окончила моего письма. Земля и небо тесны для меня, вся моя надежда в тебе одном. Пламя страсти пожирает меня, и горесть разлуки изнуряет меня. Если бы я описала тебе мою тоску и мое томление, для меня не хватило бы бумаги всего мира».

И царица Гайат-Альнефус завернула письмо в кусок драгоценного шелка, и надушила его мускусом и амброй; потом взяла свою головную повязку, ценность которой равнялась целому состоянию, и положила ее вместе с письмом в платок, и передала этот сверток евнуху, и приказала вручить его царю Амджаду. И евнух передал ему сверток с письмом. И царь Амджад развернул его, нашел в нем письмо и прочитал его. Когда же он узнал из него, что жена его отца изменила в своем сердце отцу его, он пришел в страшный гнев и стал поносить вероломство женщин, сказав: – Аллах да предаст проклятию легкомысленных и легковерных женщин! И он извлек из ножен меч свой... На этом месте повествования Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила двести шестая ночь, она сказала:

ночь двести шестая

Амджад извлек меч и сказал евнуху: – Горе тебе, о подлый раб! Будешь ли ты еще переносить изменнические письма жены господина твоего? О ты, черный по виду и по делам и снаружи, и внутри! И он взмахнул мечом и отделил голову евнуха от туловища. И он рассказал своей матери обо всем случившемся и сказал: – Клянусь Аллахом, если бы я не опасался совершить преступление против моего отца и моего брата, я пошел бы к царице Гайат-Альнефус и тоже снес бы ей голову! Но этими словами он лишь навлек на себя гнев своей матери. А когда царица Гайат-Альнефус узнала, как он поступил с ее евнухом, она стала проклинать его и думать, как погубить его. А царь Амджад всю ночь был болен от гнева, боли и печали.

Когда же на следующее утро в зал правосудия вступил его брат царь Азад, царица Будур послала за старой нищенкой-сводницей и открыла ей состояние своего сердца. И она взяла лист бумаги и написала следующее: «Умирающая от любовного пыла и страсти пишет красивейшему и благороднейшему из людей, недоступному в красоте своей и горделивому в прелести своей, равнодушному к той, которая унижается пред ним. Письмо мое к тому, кто зажег такую любовь в сердце моем, что тело мое тает и кожа рвется, и кости мои раздробляются. Тоска разлуки терзает меня, терпение и сон покинули меня, скорбь и бессонница неразлучны со мною. Да будет жизнь моя жертвой тебе, и да охранит Аллах тебя от всякого зла».

И царица Будур надушила письмо мускусом и завернула его в свою головную повязку из иракского шелка, и затем передала ее старухе, и приказала ей вручить ее царю Азаду. И она передала ему письмо и ждала в ожидании ответа. А царь, поняв содержание письма, пришел в величайший гнев. Проклиная неверность жен, он выхватил из ножен меч и одним ударом отделил голову старухи от туловища. После этого царь Азад разыскал брата своего и сообщил ему обо всем, что у него произошло с царицей Будур. И он рассказал ему, как он убил старуху-нищенку, и прибавил: – Клянусь Аллахом, если бы я не боялся тебя, тотчас же ворвался бы к твоей матери и снес бы ей голову с плеч. Тогда царь Амджад сказал ему: – О брат мой, вчера со мной случилось совершенно то же, что было сегодня с тобой; твоя мать прислала мне любовное письмо почти такого же содержания. И он рассказал ему обо всем, что случилось у него с царицей Гайат-Альнефус, и сказал: – Если бы я не боялся совершить преступление против тебя, я вошел бы к ней и поступил бы с ней точно так же, как и с ее евнухом. И они провели остаток ночи, проклиная вероломство женщин, и обещали друг другу держать все случившееся в тайне.

Когда же наступило утро, царь Камаральзаман вернулся с охоты. Он прошел во внутренние покои дворца и увидел, что обе жены его лежат тяжко больные. А обе они затаили злобу против сыновей своих и сговорились вместе

устранить их, так как они обесчестили себя перед ними и теперь зависели от их великодушия. И обе поднялись, поцеловали руку царя и так сказали ему, извращая истину: – Знай, о царь, что оба твои сына совершили измену против тебя и покрыли тебя позором. При этих словах свет померк в глазах царя, и от ярости гнева помрачился разум его. И он воскликнул: – Откройте мне, что случилось! И царица Будур сказала ему: – Знай, что сын твой Азад давно уже пытается соблазнить меня. И теперь он ворвался ко мне, опьяненный и с мечом в руке, и я опасалась, как бы он не обезглавил меня, как обезглавил моего евнуха, если я буду противиться ему. И он совершил насилие надо мною, и, если ты не вернешь мне похищенную им у меня честь, я убью себя собственною своею рукою! И в таком же виде рассказала ему свою историю и царица Гайат-Альнефус. И она сказала ему... Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила двести седьмая ночь, она сказала:

ночь двести седьмая

И царица сказала ему: – То же самое сделал со мной сын твой Амджад! И если ты не вернешь мне мою честь, я расскажу обо всем отцу моему, царю Арманосу! И когда царь Камаральзаман выслушал слова своих жен, он пришел в великий гнев и поспешно вышел от них, чтобы накинуться на своих сыновей и убить их собственной рукой. И он встретился со своим тестем царем Арманосом, и, когда тот увидел в его руке обнаженный меч, он спросил, в чем дело, и Камаральзаман рассказал ему обо всем, что было передано ему об его сыновьях. Тогда царь Арманос тоже преисполнился гневом против обоих юношей и сказал: – Да лишит их Аллах Своего благословения! Однако, сын мой, ты знаешь пословицу: кто не думает о последствиях, тому не благоволит судьба. Несмотря на все случившееся, они все же сыновья твои, и нельзя допустить, чтобы ты убил их собственной своей рукою и потом сожалел бы о гибели их, когда всякое сожаление будет уже бесполезно. Поэтому прикажи одному из твоих мамелюков, чтобы он вывез их в пустыню, где они будут жить вдали от твоих глаз.

Когда царь Камаральзаман услышал эти слова, он вложил меч в ножны, позвал своего казначея, весьма сведущего в разного рода делах, и сказал ему: – Ступай тотчас к моим сыновьям, свяжи им веревкой за спиной руки, запри их в ящики, положи их на мула, отправься с ними в глубину степи, и там убей их, а потом наполни их кровью две фляжки и доставь их мне! И тотчас казначей отправился к Амджаду и Азаду, и, встретив их, он положил им на плечи руки и сказал: – Сыновья мои, знайте, что я не более как подневольный раб; отец ваш приказал мне; желаете ли вы повиноваться его приказанию? Они отвечали: – Да! Тогда он связал им руки, положил их в два ящика, нагрузил ими мула и направился в степь. И он остановился в пустынном месте, снял ящики и, отперев их, вынул из них Амджада и Азада. И при виде их

красоты он не мог удержаться от слез и сказал им: – Клянусь Аллахом, мне тяжко делать вам зло, но мне приказано отцом вашим обезглавить вас. Тогда оба они воскликнули: – Делай, что приказано, мы покоряемся своей судьбе! И Азад добавил: – Ради Аллаха, убей меня прежде, чем брата моего; так мне легче будет перенести смерть! И то же самое сказал и Амджад, и он прибавил: – Брат мой моложе меня, не допусти же меня видеть его мучение! И оба они заплакали, и казначей вместе с ними... Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила двести восьмая ночь, она сказала:

ночь двести восьмая

И казначей заплакал вместе с ними. И каждый из братьев говорил другому: – Причиной всему этому ложь моей матери и твоей матери; и моя судьба постигла меня за мое отношение к твоей матери, а твоя судьба постигла тебя за твое отношение к моей матери. И Азад заплакал и вскричал: – Я хочу умереть раньше тебя! Тогда Амджад сказал: – Я предлагаю так: ты обнимешь меня, и я обниму тебя, и тогда один взмах меча лишит жизни нас обоих! И оба они крепко прижались друг к другу, и казначей вынул меч из ножен и сказал: – Ради Аллаха, нет ли у вас какого-либо поручения, которое я мог бы исполнить? Тогда Амджад сказал: – Когда ты совершишь нашу казнь и придешь к царю, а он спросит тебя: «Что услышал ты от них перед смертью?», скажи ему: «Оба сына твои шлют привет свой и поручают сказать тебе: „Ты не знаешь, невинны они или виновны, и ты казнил их, не расследовав их вины"». Когда казначей услышал эти слова, он заплакал так, что слезы оросили его бороду. И тогда Азад со слезами на глазах произнес:

Ты, что испить чашу жизни желаешь
до дна,
Знай, наша жизнь лишь жилище печали,
Только преддверие смерти она!

После этого казначей связал их вместе и занес уже свой меч, чтобы нанести им смертельный удар, как вдруг конь его испугался и помчался вдаль. Тогда казначей бросил меч и побежал за конем, так как он стоил тысячу динариев, и на нем было великолепное седло, стоившее тоже очень дорого. На этом месте своего рассказа Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести девятая ночь, она сказала:

ночь двести девятая

Он бежал за конем все дальше и дальше, пока не забежал в густые заросли кустарников, в которых конь начал храпеть, фыркать и громко ржать. И оказалось, что среди этих кустарников находился лев ужасного вида, один взгляд которого наполнял ужасом сердце. И казначей заметил, что этот лев идет прямо на него, а он даже не имел при себе меча. Тогда он сказал себе: «Я попал в эту ловушку за свой грех против Амджада и Азада, ибо поездка эта была нечестива с самого начала».

Между тем зной начал мучить Амджада и Азада, и они испытывали сильнейшую жажду. И они молили о помощи, но никто не являлся к ним; и Амджад сказал: – Если бы казначей поскорее вернулся и убил нас, это было бы легче, чем терпеть эти страшные мучение. Тогда Азад сказал: – Брат мой, будь терпелив, милость Аллаха недалека, ибо Он допустил убежать коня только по своему милосердию к нам. После этого он начал поворачиваться направо и влево, пока не освободился от опутывавших его веревок. Тогда он встал, развязал брата, взял меч казначея и сказал: – Клянусь Аллахом, мы не удалимся отсюда, пока не узнаем, что с ним случилось. И они пошли по его следам, пришли к кустарникам, проникли в них и наткнулись на льва в тот самый миг, как он накинулся на казначея. Увидав это, Амджад бросился на льва и нанес ему удар мечом между глаз; и лев упал на землю бездыханным. И казначей был крайне потрясен этим. Он бросился в ноги Амджаду и Азаду и воскликнул: – Клянусь Аллахом, какое преступление, что я хотел убить вас. Отныне я буду защищать вас жизнью своей! И после этого он обнял их и спросил... В этом месте рассказа Шахразада заметила, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила двести десятая ночь, она сказала:

ночь двести десятая

Он обнял их и спросил, как освободились они от веревок; и они рассказали ему, как все произошло. И он выслушал их и сказал: – Аллах свидетель, я не причиню вам ни малейшего вреда. Я наполню фляжки кровью этого льва, и я возвращусь к царю и скажу ему: «Посмотри, я убил обоих». А вы отправляйтесь в другие страны, и знайте, что мне тяжело расставаться с вами. И после этого оба юноши сняли свое платье и надели на себя платье, которое дал им казначей. И он связал их вещи в два свертка, наполнил фляжки кровью льва и отправился прежним путем к городу. И он прибыл к царю и поцеловал землю между рук своих, а царь спросил у него: – Исполнил ли ты долг свой? И казначей, вручив два свертка и фляжки с кровью, отвечал: – Да, господин! Тогда царь спросил: – Не давали ли они каких-либо поручений? Тогда казначей отвечал: – Они сказали мне: «Передай отцу нашему привет и скажи ему: ты неповинен в нашей смерти и крови». И царь поник головой и долго сидел так, а потом он подумал о вероломстве женщин и начал перебирать

вещи своих сыновей... В это время Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести одиннадцатая ночь, она сказала:

ночь двести одиннадцатая

Царь начал перебирать вещи своих сыновей и когда он развернул платье Азада, он нашел в кармане лист бумаги, исписанный почерком жены его Будур. И он прочитал написанное и понял, что был несправедлив к своему сыну. А когда он раскрыл платье Амджада, он нашел в боковом кармане его лист бумаги, исписанный почерком жены его Гайат-Альнефус. И он прочитал письмо и узнал, что поступил несправедливо и со вторым своим сыном. Тогда он воскликнул: – Я несправедливо казнил сыновей моих. О горе мне! И он приказал устроить две гробницы и начертал на надгробных камнях имена своих сыновей. И он проклял все радости свои и заперся, оплакивая сыновей вдали от жен, соратников и друзей.

Между тем Амджад и Азад уходили все дальше в глубину степей, питаясь травами и утоляли жажду водою из луж. И они приблизились к горам из черного кварца, которым не было видно конца. И перед этими горами дорога раздвоилась на две тропы, и одна из них вела внутрь гор, а другая – к их вершинам. И они пошли по тропе, которая вела внутрь гор. На этом месте своего повествования Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолка. А когда наступила двести двенадцатая ночь, она сказала:

ночь двести двенадцатая

Шли они по этой тропе до наступления ночи, и Азад, крайне утомленный этим странствием, сказал брату своему: – Я не могу идти далее! А Амджад отвечал: – Собери все силы свои, быть может, Аллах ниспошлет нам утешение. И после они продолжали путь уже ночью. И Азад вскоре опять со стоном сказал: – Ах, брат мой, я лишился сил! И тогда брат его Амджад взвалил его себе на плечи и пошел с ним дальше. И так шел он, пока не наступил рассвет. И он взобрался вместе с братом своим на гору и у вершины ее нашел источник, возле которого росло гранатовое дерево. И они остановились тут и оставались три дня, пока не отдохнули; а после опять тронулись в путь, и шли по горам, страдая от жажды, пока не увидели вдали город.

И они обрадовались и пошли вперед, пока не приблизились к нему. И Амджад сказал Азаду: – Брат мой, посиди здесь, а я схожу в этот город и расспрошу, как он называется и кому принадлежит, чтобы мы знали, какие страны пересекли мы в странствовании своем. А Эль-Азад отвечал ему: – Клянусь Аллахом, если ты спустишься вниз и скроешься с глаз моих, меня поглотят мрачные мысли о тебе, и я не в силах буду отделаться от них. Тогда Амджад сказал: – Ну, хорошо, иди ты, но не оставайся там слишком долго.

И Азад взял несколько динариев и спустился с горы, оставив брата одного. И вскоре он достиг города, и пошел по его улицам, и встретил почтенного шейха, борода которого ниспадала на его грудь и разделялась надвое. В руке он держал посох и был одет в роскошную одежду, а на голове у него был большой красный тюрбан. И Азад подошел к нему и спросил: – Как пройти мне на базар, о господин мой? При этом шейх рассмеялся и ответил: – Ты, вероятно, чужестранец? И Азад сказал: – Да, я здесь чужой. Тогда шейх сказал...Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести тринадцатая ночь, она сказала:

ночь двести тринадцатая

Тогда шейх сказал: – Чего же тебе нужно на базаре? И Азад ответил: – Издалека пришли мы сюда с братом, и я пришел сюда, чтобы купить чего-нибудь съестного. Тогда шейх сказал: – Знай, что я устроил празднество, и у меня теперь множество гостей, и я приготовил для них самые лучшие и изысканные кушанья. Не хочешь ли ты пойти со мною в мой дом? И я дам тебе всего, чего только ты пожелаешь; и не возьму с тебя денег. И Азад ответил: – Делай, что подсказывает тебе доброта твоя, только поторопись, потому что меня ждет брат мой.

Тогда шейх взял Азада за руку и пошел вместе с ним по узкой улице. И шли они пока не вступили в залу, в которой вокруг пылающего очага сидели сорок престарелых шейхов. И шейх сказал всем им: – О товарищи огня, какой ныне благословенный день! А потом громко крикнул: – Гхадбан! И тотчас же в залу вошел черный раб с приплюснутым носом. И по знаку шейха он положил на Азада оковы, а шейх сказал: – Запри его в подземелье и скажи рабыне, чтобы она била его днем и ночью! И раб схватил Азада, спустился с ним в подземелье и передал рабыне, чтобы она ежедневно била его и приносила бы ему только ячменный хлеб и кружку соленой воды. Между тем шейхи говорили друг другу: – Когда наступит праздник, мы принесем его на горе в жертву огню! А рабыня избила Азада так сильно, что он, обливаясь кровью, упал без чувств. Тогда она поставила у его изголовья ячменный хлеб и кружку соленой воды и ушла. И в полночь Азад пришел в себя и горько заплакал, вспоминая о прежней царской власти и могуществе... На этом месте повествования Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести четырнадцатая ночь, она сказала:

ночь двести четырнадцатая

И он долго плакал и вздыхал и, наконец, съел ячменный хлеб и выпил соленой воды. И он провел остаток ночи без сна, страдая от укусов множества блох и вшей. На следующее утро опять спустилась к нему рабыня, и она набросилась на него и начала бить его до тех пор, пока он не лишился сознания. После этого она бросила ему хлеб, и поставила возле него кружку соленой воды, и ушла, оставив его одного в железных оковах, полным горечи и истекающим кровью. И он невольно опять подумал о прежнем своем величии и горько плакал, стеная и вздыхая, и изливая в стихах скорбь свою.

Между тем брат его Амджад ожидал его до полудня, и, когда Азад не вернулся, сердце его забилось, и он почувствовал боль разлуки, и у него полились из глаз слезы. Тогда он громко воскликнул... На этом месте повествования Шахразада заметила, что приближается утро, и по обыкновению умолкла. А когда наступила двести пятнадцатая ночь, она сказала:

ночь двести пятнадцатая

Амджад громко воскликнул: – Как боялся я нашей разлуки! И он спустился с горы, вступил в город, долго шел по его улицам и, наконец, пришел на базар. И он спросил у людей, как называется этот город и кто его обитатели, и они отвечали ему: – Это город Магов, и обитатели его поклоняются огню. Тогда он, купив себе съестного, пошел в уединенное место и присел там, чтобы подкрепиться. И он опять подумал о своем брате и не мог удержаться от слез, и ел не больше того, сколько было необходимо, чтобы удержать в себе последнее дыхание жизни. И он опять начал ходить по городу, чтобы разузнать что-нибудь о брате. И он увидел мусульманина, портного, который сидел у себя в лавке; и он подсел к нему и рассказал ему всю свою историю. Тогда портной сказал ему: – Если он попал в руки мага, вряд ли уже придется тебе увидеть его... И после портной спросил Амджада: – Брат мой, не желаешь ли ты остаться у меня? И Амджад отвечал: – Охотно!

И Амджад оставался у него несколько дней, и портной старался всячески утешить его. И однажды Амджад пошел на берег моря и выкупался, и оделся во все чистое. И на обратном пути он встретил молодую девушку, стройную и пропорционально сложенную, подобной которой по красоте он ранее не

видал. И когда девушка заметила Амджада, она откинула со своего лица покрывало, взглянула на него своими блестящими глазами газели и сказала:

Тебя я видела и опустила взор,
Как пред лучом полуденного солнца,
О милый, всех затмивший красотою,
Сегодня ты еще прекраснее и лучше!

И когда Эль-Амджад понял ее слова, в нем воспламенилась страсть, и он спросил ее: – Хочешь ли ты следовать за мною? Тогда она застенчиво наклонила свою голову и процитировала такие слова: «Мужчины выше женщин по причине качеств, которыми Аллах возвысил их перед теми, и потому что мужчины свое имение употребляют на награждение женщин». И Амджад понял, что она хочет следовать за ним. И поскольку он стыдился прийти с ней к портному, он пошел вперед и шел из одной улицы в другую. Наконец, утомившись от ходьбы, она спросила его... В этом месте своего рассказа Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила двести шестнадцатая ночь, она сказала:

ночь двести шестнадцатая

Она спросила: – Господин мой, где твое жилище? И он ответил: – Недалеко отсюда. И он вышел на прекрасную улицу и шел по ней, пока не достиг ее конца. И убедившись, что эта улица глухая, он осмотрелся и увидел большую запертую на засов дверь. И Амджад сел на скамейку возле двери, а молодая девушка спросила: – Господин мой, чего же ожидаешь ты? И он ответил: – Я жду своего мамелюка, который унес ключ от дверей дома, когда я приказал ему купить всевозможных блюд и напитков. И когда прошло уже много времени, она сказала ему: – Твой мамелюк заставляет нас ждать слишком долго! И она встала, взяла камень, подошла к двери, разбила камнем засов, отперла дверь и вошла в дом, между тем как Амджад стоял неподвижно, растерявшись от страха перед владельцем дома. И девушка спросила его: – Почему же ты не входишь, свет моих очей?

И он вошел в дом, дрожа и замирая от страха перед его владельцем; и он нашел там прекрасную залу, посередине которой были расставлены усыпанные драгоценными камнями блюда с фруктами и цветами, и кувшины с вином, и подсвечники со свечами. И вся зала была устлана коврами и уставлена стульями, и весь дом, пол которого был выложен мрамором, свидетельствовал о богатстве его владельца. Когда молодая девушка увидела эту залу, она чрезвычайно обрадовалась и сказала: – Господин мой, мамелюк уже приготовил кушанья и позаботился о фруктах. Я пришла сюда как раз вовремя! И она дала Амджаду поцелуй, громкий, как треск разбиваемого ореха. А Амджад засмеялся из глубины наполненного горечью сердца, и, тяжело вздохнув, уселся, и так сказал самому себе: «Хозяин этой залы без всякого сомнения убьет меня!» А девушка засучила рукава, подвинула стол, принялась за еду и сказала: – Покушай, господин мой!

Léon Carré

Тогда Амджад тоже начал есть, беспрестанно поглядывая на дверь. А девушка, насытившись, принялась за десерт, а после открыла кувшин, наполнила кубок и предложила его Амджаду. А он так говорил самому себе: «Ах! Что будет со мной, когда придет хозяин дома и увидит нас!» И когда он взял кубок, и глаза его опять обратились к двери залы, он увидел хозяина дома. Он был конюхом царя и устроил этот зал для своего наслаждения, чтобы время от времени приходить сюда и облегчать здесь свою грудь. Звали его Багадур, он был щедр, великодушен и широко раздавал милостыню. И когда он вошел в залу... Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила двести семнадцатая ночь, она сказала:

ночь двести семнадцатая

И когда он вошел в залу, то увидел Амджада и девушку перед подносом с фруктами и кувшином с вином. И когда глаза Амджада встретились с глазами хозяина, лицо его пожелтело, а плечи задрожали. А Багадур приложил палец к своим губам, как бы говоря: – Молчи и ступай ко мне! Тогда Амджад поднялся, а девушка спросила его: – Куда ты? А он только затряс головой и жестом дал понять, что у него есть маленькая нужда. И Амджад поспешил к хозяину дома, поцеловал у него руку и сказал: – Ради Аллаха, прежде чем ты предашь меня смерти, выслушай меня! И он рассказал ему всю свою историю от начала и до конца.

Когда Багадур узнал, что он сын царя, он исполнился сочувствия к нему и сказал: – Если ты будешь повиноваться мне, я верну тебе права гражданина, если же ты не послушаешься меня, я убью тебя. И Амджад ответил: – Приказывай, что тебе угодно – своей свободой я обязан единственно твоему великодушию. И Багадур сказал: – Ступай в залу и будь совершенно покоен. Когда же войду я, ты набросишься на меня и скажешь: – Почему ты так долго не приходил? И побей меня, и, если ты окажешь мне снисхождение, я отниму у тебя жизнь. И я делаю это только чтобы почтить иноземное твое происхождение, ибо я люблю иноземцев и считаю своим долгом оказывать им гостеприимство. И Амджад вернулся в залу, и краски опять заиграли на его лице. И он сказал девушке: – Госпожа моя, ты осчастливила это место! А девушка сказала ему: – Удивительно, как ты сделался со мной любезен! А Амджад отвечал: – Я был уверен, что мой мамелюк украл у меня ожерелья из драгоценных камней, каждое из которых стоит не менее десяти тысяч динариев. Я нашел их на своем месте, но я не знаю, почему мой мамелюк до сих пор не возвращается – за это я непременно изобью его. И девушка удовлетворилась этими словами, и оба они продолжали веселиться. И тут к ним вошел Багадур, переменивший свои одежды на те, которые обыкновенно носят мамелюки. И Амджад взглянул на него гневным взором и спросил: – Почему это ты не являлся так долго, негодный мамелюк? И Амджад схватил палку и начал осторожно наносить Багадуру удары. И тогда девушка вскочила, выхватила

палку из его рук и начала так безжалостно бить Багадура, что у него потекли из глаз слезы. Наконец Амджад вырвал у нее палку, отбросил ее в сторону и сказал девушке: – Ради Аллаха, оставь его в покое; он не привык к такому обращению!

И они ели и пили до полуночи, а Багадур, устав от побоев, заснул посреди залы. Тогда опьяненная вином девушка сказала Амджаду: – Возьми меч и отруби этому мамелюку голову. Его смерть довершит наше блаженство. А если ты не хочешь подняться, я своей рукою отрублю ему голову! И она, схватив меч, бросилась на Багадура. Тогда Амджад сказал себе: «Этот человек был милостив к нам и даже назвался моим мамелюком. Как смеем мы теперь предавать его смерти?» И в то же мгновение он выхватил у девушки меч и сразу опустил его на ее шею, так что голова ее упала прямо на владельца дома. И Багадур открыл глаза и увидел, что перед ним стоит Амджад с окровавленным мечом в руке, а мертвая девушка лежит на полу. И Эль-Амджад рассказал ему все, что произошло.

Тогда Багадур встал, поцеловал Амджада и сказал: – Лучше было простить ее! Но теперь не остается ничего другого, как убрать ее до наступления дня. И он взял тело девушки, завернул его в холст, положил в корзину и сказал: – Оставайся в доме и дожидайся меня. Но если солнце взойдет, а я не вернусь, знай, что со мной что-нибудь случилось, да будет тогда мир над тобою, и весь этот дом со всеми вещами и деньгами да будет твоим. И он взвалил корзину на плечи и пошел через базар по направлению к морю, чтобы бросить тело в воду. Но тут он увидел, что за ним идет вали со своими стражами. И стража открыла корзину, нашла в ней убитую девушку и наложила на него оковы. И с наступлением утра вали доставил его к царю и рассказал о случившемся. И царь, разгневавшись, воскликнул: – Ты убивал людей и бросал их в море, получая за это деньги! Сколько убийств совершил ты? Тогда Багадур припал головою к земле... Но тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила двести восемнадцатая ночь, она сказала:

ночь двести восемнадцатая

Багадур припал головою к земле и ответил: – О господин это сделано мною... И царь приказал его повесить, а вали распорядился, чтобы по улицам города пошел глашатай и созвал народ на казнь. Что же касается Амджада, то он услышал глашатая, сзывавшего народ на казнь Багадура, и узнал, что его должны повесить около полудня. И он заплакал и вскричал: – Все мы принадлежим Аллаху! И вот хотят взять его жизнь вместо моей. Клянусь, этого не будет никогда!

И он вышел из дома, прошел через весь город и, приблизившись к вали, сказал ему: – Господин, не убивай Багадура, он невинен. Это я убил девушку! И вали взял с собою его и Багадура и поднялся вместе с ними к царю, и тот сказал: – Расскажи, как убил ты ее, и говори мне всю правду. Тогда Амджад рассказал царю все, что было с ним и его братом от начала и до конца. И царь крайне

был удивлен и сказал: – Я вижу, что ты заслуживаешь прощения; и не желаешь ли ты, о молодой человек, служить мне, приняв место визиря? И Амджад ответил: – Слушаю и повинуюсь! Тогда царь подарил Амджаду прекрасный дом с евнухами и прислугой, и назначил ему жалованье, и приказал тотчас же приступить к поискам брата. И Амджад приказал глашатаю выкрикивать на улицах имя Эль-Азада. Но глашатай не получил о нем никаких сведений, и никто даже никогда не слышал о нем.

Между тем маги продолжали истязать Азада днем и ночью, утром и вечером, пока не приблизился день их праздника. Тогда маг Баграм начал готовиться к путешествию и снарядил корабль. На этом месте своего повествования Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила двести девятнадцатая ночь, она сказала:

ночь двести девятнадцатая

Баграм снарядил корабль, положил Азада в ящик, запер его на замок и приказал перенести на корабль. И в то самое время, как Баграм отдавал приказание перенести на корабль этот ящик, Амджад любовался морем. И когда он увидел вещи, которые вносили на корабль, его сердце забилось, и он приказал оседлать ему коня. Он вскочил в седло и в сопровождении нескольких приближенных поехал к морю. И он остановился против корабля мага и велел своим людям обыскать его. И его люди обыскали корабль сверху донизу, ничего не нашли на нем и сообщили об этом Амджаду. Тогда он поехал домой, и вспоминая о брате, плакал. А маг Баграм приказал матросам распустить паруса и отправиться в путь. И плыли дни и ночи, пока не приблизились к Огненной горе; и во время этого путешествия Баграм раз в два дня выпускал Азада и давал ему немного пищи и питья. И когда они уже были вблизи Огненной горы, разразилась буря, корабль потерял курс, и волны прибили его к берегу, на котором был расположен город с замком; и этим городом правила царица Марджана.

Когда они приблизились к городу, капитан сказал Баграму: – Мы должны пристать к берегу, чтобы отдохнуть. Но если царица пошлет к нам, что должны мы отвечать? И Баграм сказал: – У меня тут есть один мусульманин, и мы оденем его мамелюком. И если царица увидит его, я скажу ей: «Я работорговец, и у меня было много мамелюков, но я продал их всех кроме одного». И они подплыли к городу и бросили якорь, и тогда на берег спустилась царица Марджана со своими телохранителями. И капитан сошел к ней на берег и поцеловал перед ней землю, а она спросила его: – Кого везешь ты на своем корабле? И капитан ответил: – О царица времен, на корабле едет купец, торгующий мамелюками. И Баграм сошел на землю вместе с Азадом, который следовал за ним в одежде мамелюка. И царица взглянула на Азада и спросила его: – Как тебя зовут? И он со слезами отвечал ей: – Мое имя – Эль-Азад. Тогда она почувствовала в своем сердце влечение к нему и спросила его: – Ты умеешь писать? Он

отвечал: – Конечно. Тогда она приказала дать ему чернильницу, тростник и бумагу и сказала: – Напиши что-нибудь, чтобы я поверила твоим словам. И когда юноша исполнил ее просьбу, она прониклась состраданием к нему. Она поднялась вместе с ним в замок и послала вестника сказать Баграму: – Если ты не отчалишь сегодня же ночью, я прикажу разбить твой корабль. И когда Баграм услышал это, он приказал матросам: – Возьмите все, что нужно вам, и наполните ваши мехи водою, чтобы мы могли отплыть отсюда в конце ночи.

А Марджана вошла с Азадом в замок, открыла окна, выходящие на море, и приказала рабыням принести обед. И когда они насытились, царица Марджана приказала принести вина... В это время Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила двести двадцатая ночь, она сказала:

ночь двести двадцатая

Марджана приказала принести вина, и Аллах зажег в сердце царицы любовь к Эль-Азаду, и она все время подливала в его кубок вина. И когда он поднялся, чтобы исполнить одно дело, то вышел из залы и шел все дальше и дальше, пока не очутился в большом саду. Исполнив свое дело, он подошел к фонтану и прилег возле него. И вино подействовало на него, и он заснул здесь. А в это время матросы Баграма вышли с мехами на берег, перелезли через ограду и пошли по дорожке, которая вела к фонтану. И когда они приблизились к нему, они нашли лежащего на земле Азада и узнали его. И когда они наполнили свои мехи, они взяли его с собою, пришли к Баграму и сказали ему: – Смотри, вот твой пленник, которого увела силой царица Марджана! И при виде его Баграм почувствовал, что сердце его уносится от радости; и он приказал немедленно же распускать паруса; и корабль вновь поплыл к Огненной горе.

А Марджана некоторое время дожидалась возвращения Азада, а потом начала искать его. И она увидела, что ведущая в сад дверь открыта, и она вышла в сад и нашла около фонтана его туфли. И она обыскала весь сад, но не нашла его. И тогда она спросила о корабле, и ей сказали, что он отплыл в первую треть ночи. Тогда она поняла, что матросы увезли Азада с собой. И сердце ее наполнилось негодованием, и она приказала немедленно снарядить десять больших кораблей. И она взошла на один из кораблей, приказала распустить паруса и сказала капитанам: – Если вы догоните корабль мага, вы получите от меня почетные одежды и награду, а если не догоните, то все вы лишитесь жизни! И они плыли на кораблях целый день и целую ночь, и второй день, и третий день, а на четвертый день они заметили корабль мага и окружили его со всех сторон. И как раз в это время Баграм вынул Азада из ящика, чтобы истязать его. И увидев, что неприятельские корабли окружили его корабль, Баграм сказал Азаду: – Горе тебе, это случилось из-за тебя! Клянусь богом, я убью тебя прежде, чем сам лишусь жизни!

И матросы подняли Азада и бросили его в море. Но Аллаху было угодно,

чтобы он спасся. Азад выплыл на поверхность и начал действовать руками и ногами. Волны подхватили его, унесли от корабля мага и, наконец, выбросили на твердую землю. И с трудом веря своему спасению, он вышел на берег, снял и просушил свою одежду, а потом оделся, не зная еще, куда ему направиться. И он отправился в путь, питаясь травою с земли и плодами с деревьев и утоляя жажду из ручьев; и так странствовал он день и ночь, пока не увидел вдали какой-то город. И он обрадовался, ускорил шаги и к вечеру достиг города. А это был тот самый город... На этом месте повествования Шахразада, заметив приближение утра, умолкла. А когда наступила двести двадцать первая ночь, она сказала:

ночь двести двадцать первая

это был тот самый город, в котором он попал в неволю к магу, и в котором его брат Амджад стал визирем. Но когда Азад достиг его, ворота уже были заперты. И тогда он пошел по направлению к кладбищу и нашел там усыпальницу, дверь которой была открыта; и он вошел в нее и лег спать, закрыв рукавом лицо.

Что же касается Баграма, то когда Марджана догнала его со своими кораблями, он при помощи волшебства ушел от нее, а затем спокойно направился к своему городу. И когда он проезжал мимо кладбища, то, руководимый роком, сошел на берег и увидел, что одна из гробниц открыта. И он заглянул в нее и увидел, что там спит человек. И он открыл его лицо, узнал Азада и, удивившись, что тот еще жив, потащил его в свой дом, в котором было подземелье, устроенное им для истязания правоверных. А у мага была дочь по имени Бустан*. И он надел на ноги Азада оковы, спустил его в подземелье и приказал дочери пытать его, пока он не испустит дух. И он запер на ключ подземелья и отдал ключ дочери. Но когда Бустан сошла вниз, чтобы начать пытку, она увидела молодого человека с прелестными чертами лица. И она тотчас же воспылала к нему любовью и сказала: – Да будут блаженны твои дни! Ты не заслуживаешь наказания, я вижу, что над тобой было совершено насилие!

При этих словах она сняла с него оковы и начала кормить куриным бульоном пока он стал так же здоров, как и раньше. И однажды, стоя у двери своего дома, она услышала, как глашатай выкрикивал: – Каждый, кто приведет к визирю юношу такого-то вида, получит столько денег, сколько потребует. Тот же, кто имеет у себя такого юношу и скроет его, будет повешен над дверью своего дома. И так как Азад рассказал Бустан все случившееся с ним, она поняла, что разыскивали именно его. Поэтому она сообщила ему об этом, и они вместе отправились к визирю. И, увидев визиря, Азад воскликнул: – Клянусь Аллахом, этот визирь – брат мой Амджад! И тот тотчас же узнал Азада и прижал его к груди, и оба они обнимались, едва не лишившись чувств от радости. И когда они пришли в себя, то пошли оба к царю и рассказали

* *Бустан* – сад.

ему о своих приключениях. И царь приказал разграбить дом Баграма... В это время Шахразада заметила приближение утра и по обыкновению умолкла. А когда наступила двести двадцать вторая ночь, она сказала:

ночь двести двадцать вторая

Царь приказал разграбить дом Баграма, а после отрубить ему голову. И Баграм был приведен и сказал царю: – О всемогущий царь, имей только немного терпения со мной. И когда Амджад и Азад рассказали ему обо всех своих приключениях, он сказал им: – Готовьтесь к возвращению домой и вы соединитесь со своими возлюбленными, как соединились Нум и Нима. Тогда они спросили его: – Что же было с Нумом и Нимой? И Баграм рассказал им эту историю, начав так:

ИСТОРИЯ О ПРЕКРАСНОМ НУМЕ И ПРЕКРАСНОЙ НИМЕ

Рассказывают, что в городе Куфе жил богатый человек, который назывался Эр-Рабиа-аль-Гатим. В первый год брака родился у него сын, отличавшийся необыкновенною красотою. Вот почему ребенка назвали Прекрасным Нумом. На седьмой день после рождение сына Рабиа пошел на базар, чтобы купить жене своей служанку. Окинув взглядом женщин и юношей, которые выставлены были для продажи, увидел он рабыню с необыкновенно кротким лицом; за спиной у нее на широком поясе спала маленькая девочка. И тогда Рабиа купил ее у торговца и ласково сказал молодой женщине: – Ступай за мной, дочь моя. И когда его супруга увидела ее, она сказала: – К чему излишние расходы; как только я оправлюсь от родов, я попрежнему буду делать все нужное в доме! А купец ответил ей: – Я купил эту рабыню ради девочки, которая у нее за спиной и которую мы воспитаем вместе с нашим сыном. Судя по чертам лица ее, девочка эта, когда вырастет, не будет иметь равных себе по красоте во всех странах Ирана, Персии и Аравии. Тогда жена купца спросила его: – Принято, чтобы господа давали имя купленным рабам своим; как хочешь ты назвать девочку? И купец ответил: – Я предоставляю это тебе. И она ответила: – Назовем ее Прекрасной Нимой! И девочка эта была воспитана с Прекрасным Нумом на равной ноге с ним. И оба росли вместе, с каждым днем все пышнее расцветая красотой; и Прекрасный Нум называл девочку родною сестрой, а она называла его братом.

Когда Прекрасный Нум достиг пятилетнего возраста, самым торжественным образом совершено было над ним обрезание. Тогда все родные, друзья и знакомые купца Рабиа выстроились в великолепное шествие со знаменами и флейтами во главе и прошли так по всем улицам Куфы. По возвращении в дом все приглашенные подходили один за другим с приветствиями и добрыми пожеланиями к купцу, говоря ему: – Да посетит тебя благословение и радость! На этом месте повествования Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести двадцать третья ночь, она сказала:

ночь двести двадцать третья

Да посетит тебя благословение! И когда дети достигли двенадцатилетнего возраста, Рабиа пошел к сыну своему и сказал: – Отныне ты не должен больше называть Прекрасную Ниму сестрой своей, ибо я должен теперь сказать тебе, что она – дочь рабыни нашей. Кроме того, она должна теперь носить на лице покрывало, ибо мать твоя сказала, что на прошлой неделе Прекрасная Нима достигла зрелости своей. Теперь мы найдем ей супруга, который будет нам преданным рабом. Тогда Прекрасный Нум сказал отцу своему: – Если она не сестра мне, то я сам хочу жениться на ней! И он пошел к матери своей и, поцеловав руку ее, сказал: – Я хотел бы сделать Прекрасную Ниму тайной супругой моей. И мать ответила: – Она принадлежит тебе, ибо отец твой купил ее на твое имя. Тогда Прекрасный Нум побежал к бывшей сестре своей и высказал ей свою любовь, и она высказала ему свою любовь, и в тот же вечер они вместе легли спать, как счастливые супруги.

И они жили так в течение пяти благословенных лет. И во всем Куфе не было более красивой, кроткой и очаровательной женщины, чем юная супруга Прекрасного Нума. И сын Эр-Рабиа и дочь рабыни проводили утра и вечера свои, живя сладостной уединенной жизнью... Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести двадцать четвертая ночь, она сказала:

ночь двести двадцать четвертая

И жили они сладостной уединенною жизнью. Но увы! Если бы человек имел крылья, то и тогда не избег бы он своей судьбы. И случилось так, что правитель Куфы услышал о красоте Прекрасной Нимы, супруги сына купца Эр-Рабиа, и подумал: «Мне непременно нужно найти какое-нибудь средство овладеть этой прекрасной Нимой! Это будет великолепный подарок владыке моему, эмиру правоверных Абд-Эль-Малеку бен-Меруану!» И правитель Куфы призвал к себе одну хитрую старуху, которой поручали отыскивать молодых рабынь, и сказал ей: – Пойди в дом купца Рабиа и познакомься с молодой женщиной, которую зовут Прекрасной Нимой и которая по слухам так блистает своей красотой! И ты должна завлечь ее сюда, ибо я хочу послать ее в дар халифу Абд-Эль-Малеку. И коварная старуха сейчас же стала готовиться к исполнению этого поручения.

Она надела на себя платье из грубой шерсти, намотала на шею огромные четки, привязала к поясу тыквенную бутылку, взяла в руки костыль и направилась усталою походкой к дому Рабиа. Подойдя к дверям его жилища, она постучала в двери, и, когда их открыл старый привратник, она сказала ему: – Я странствую, чтобы посетить все святые места и помолиться во всех достойных домах. А поскольку приближается час молитвы, то я хотела бы войти в этот дом, ведь разве есть молельня, более достойная молитвы, чем благословенное жилище Эр-Рабиа и сына его, Прекрасного Нума? И старуха стала упрашивать впустить ее, и голос ее достиг ушей Прекрасного Нума, и тот попросил старуху войти. Тогда старуха вошла с ним в покои Прекрасной Нимы и пожелала ей мира самым прочувствованным голосом. А та, увидав старицу, почтительно ответила ей: – О моя добрая тетушка! Соблаговоли отдохнуть у нас! А та ответила: – Позволь мне помолиться! И она обернулась по направлению к Мекке и опустилась на колени, сложив руки для молитвы. И так простояла она на коленях, не двигаясь, до самого вечера, и никто не осмеливался потревожить ее в столь священном деле. Наконец Прекрасная Нима осторожно приблизилась к святой и сказала ей почтительным голосом: – Матушка, дай отдохнуть твоим коленям хоть один час! Почти стол наш присутствием твоим и соблаговоли разделить с нами хлеб и соль. А старуха ответила: – Я дала обет поститься, дочь моя, но вы молоды и прекрасны, а потому ешьте, пейте и наслаждайтесь счастьем... На этом месте Шахразада увидала, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести двадцать пятая ночь, она сказала:

ночь двести двадцать пятая

Ешьте, пейте и наслаждайтесь счастьем! Тогда Прекрасная Нима пошла к господину своему и сказала ему: – Прошу тебя, убеди эту святую поселиться в доме нашем, дабы лицо ее освещало жилище наше. И Прекрасный Нум ответил: – Я уже велел приготовить ей комнату, где никто не потревожит ее. И старуха целую ночь не переставала молиться. На рассвете она умылась, пошла к Нуму и Ниме и сказала: – Да сохранит Аллах вас обоих! Раз мусульманское милосердие избрало сердца ваши жилищем своим, я счастлива воспользоваться гостеприимством вашим. Но только я попрошу вас предупредить привратника вашего, чтобы он не отказывался впускать меня сюда в те часы, когда я могу приходить! Я хочу посетить теперь святые места Куфы, где буду молиться Аллаху, чтобы он воздал вам по заслугам вашим, а затем я вернусь под гостеприимный кров ваш! Затем она покинула их после того, как оба они взяли ее руки и поднесли их к губам своим и ко лбу.

А проклятая старуха направилась ко дворцу правителя Куфы и сказала ему: – Я видела юную рабыню сына Эр-Рабиа. И она преисполнена очарования и подобна не иссякающему источнику, разливающему сладость и чистое упоение. Что сделал бы ты, если бы увидел глаза ее, подобные глазам антилопы, и ее скромные

взгляды? И правитель Куфы воскликнул: – Я мог бы только любоваться ею, ибо, повторяю, я предназначил ее для господина нашего – халифа. Поспеши же овладеть ею! А старуха сказала: – Я прошу у тебя на это месяц срока. А правитель ответил: – Я даю тебе этот срок, и я осыплю тебя щедротами, которыми ты будешь довольна. Вот тебе для начала тысяча динариев как залог доброты моей!

И старуха засунула тысячу динариев в свой пояс и начала с этого дня постоянно посещать Прекрасного Нума и Прекрасную Ниму в жилище их. И так мало-помалу старуха сделалась неизменной советницей дома. И однажды она сказала Прекрасной Ниме: – Дочь моя, плодородие еще не посетило чрево твое. Не хочешь ли ты пойти со мной испросить благословение у святых отшельников? Они исцеляют слепых и хромых, воскрешают мертвых, плавают в воздухе и ходят по воде. Что касается плодородия женщин, то это наименьший из даров, ниспосланный им Аллахом. Услышав это, Прекрасная Нима почувствовала, что душа ее взволновалась желанием иметь ребенка, и сказала: – Я должна попросить позволение на это у господина моего. Но старуха ответила: – Скажи об этом свекрови своей, этого достаточно. Тогда молодая женщина пошла к матери Прекрасного Нума и сказала ей: – Позволь мне пойти с этой святой старицей к друзьям Аллаха, и я обещаю, что буду дома до возвращение господина моего. А старуха добавила: – Клянусь Аллахом мы очень быстро обойдем святые места, и я не замедлю привести ее обратно. Тогда мать Прекрасного Нума согласилась, хотя и со вздохом. И старуха повела Ниму в уединенную беседку во дворцовом саду и, оставив ее там на минуту, побежала сообщить об этом правителю, который сейчас же явился в беседку. На этом месте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести двадцать шестая ночь, она сказала:

ночь двести двадцать шестая

А правитель сейчас же явился в беседку и, как вкопанный, остановился на пороге – так поражен он был красотой Нимы. Увидев чужого человека, она поспешила опустить на лицо покрывало и стала искать выход, чтобы убежать, но напрасно. И видя, что старуха больше не появляется, Прекрасная Нима не могла уже больше сомневаться в ее предательстве. А правитель запер двери, написал письмо халифу Меруану и, препоручив молодую женщину начальнику своей стражи, приказал ему немедленно ехать с ней и с письмом в Дамаск. И начальник стражи схватил сопротивлявшуюся Ниму, посадил ее на быстроногого дромадера, а сам сел впереди нее. И в сопровождении нескольких рабов они поспешно направились к Дамаску.

По прибытии туда начальник стражи направился во дворец эмира, вручил рабыню и письмо главному придворному и возвратился в Куфу. На следующее утро халиф сказал супруге и сестре своей: – Правитель Куфы прислал мне в дар молодую рабыню, и он пишет, что

она – дочь царя, похищенная работорговцами. Тогда сестра халифа по имени Сетт-Захия, осведомилась, в какой комнате находится молодая женщина, и сейчас же пошла к ней. Найдя ее с залитым слезами лицом и почти без чувств, Сетт-Захия прониклась состраданием к ней и спросила: – Почему ты плачешь? Разве есть место, где тебе было бы лучше, чем в Дамаске во дворце эмира правоверных? Осуши же слезы свои и скажи, как тебя зовут? При этих словах молодая женщина пробормотала: – Дома меня звали Прекрасной Нимой. И едва она произнесла эти слова, как вошел халиф. Он взглянул на Прекрасную Ниму, которая прятала от него лицо свое и увидел тонкие кисти ее рук, выступавшие из под плотно окутывавшей ее ткани. И этого было достаточно, чтобы он немедленно полюбил ее. И халиф сказал Сетт-Захии: – Я поручаю эту молодую девушку твоим попечениям и надеюсь, что через несколько дней она привыкнет к тебе и не будет такой робкой и застенчивой. Тогда Сетт-Захия повела Ниму в дворцовый гамам и одела ее после омовение в роскошное платье, и убрала волосы ее несколькими рядами жемчуга и драгоценных камней. Однако Прекрасная Нима не осушила своих слез. По прошествии некоторого времени она серьезно заболела, и прославленные врачи Дамаска, испытав над нею всю науку свою, отчаялись спасти ее.

Что же касается Прекрасного Нума, то вернувшись к вечеру в дом свой, он направился в покои матери своей и заметил, что она печально сидит, подперев рукою щеку. И он с испугом спросил у своей матери: – Где Прекрасная Нима? И мать его залилась слезами и сказала со вздохом: – Прекрасная Нима попросила у меня позволения выйти со старухой из дому, чтобы посетить святых, совершающих чудеса. И до сих пор она еще не возвращалась! И Прекрасный Нум воскликнул: – Ты видишь, что случается, когда мы даем нашим женщинам свободу, которою они не умеют пользоваться! Кто знает, быть может Прекрасная Нима заблудилась, или упала в воду, или раздавлена обрушившимся минаретом? Я сейчас же побегу к правителю и заставлю его немедленно приступить к розыску. И правитель принял его из уважение к отцу его, купцу Эр-Рабию, который считался одним из самых почтенных жителей города. И, не распространяясь даже в обычных приветствиях, он сказал правителю: – Рабыня моя исчезла из моего дома в обществе старухи, которую мы приютили у себя; и я прошу помочь мне разыскать ее. И правитель ответил: – Я все сделаю из уважения к отцу твоему. Пойди к начальнику полиции, это человек весьма опытный, и нет сомнения, что он разыщет твою рабыню.

А начальник полиции, выслушав Прекрасного Нума, сказал: – Клянусь Аллахом! Скажи мне, где находится старуха, и я немедленно отыщу твою рабыню. А Нум ответил: – Разве я пришел бы сюда, если бы знал, где она? Тогда он ответил: – Один только Аллах может открыть невидимое! Тогда Прекрасный Нум воскликнул: – На тебя одного должна упасть ответственность за все, что произошло! И я пойду к правителю с жалобой на тебя! И правитель, услышав его жалобу сказал: – Ей, стража! Приведите мне этого собачьего сына! А когда начальник полиции пришел, правитель сказал ему: – Разошли во всех направлениях своих всадников; беги сам и ищи повсюду, но ты непременно должен найти рабыню Прекрасного Нума! И в то же время он подмигнул ему, чтоб тот ничего не делал... Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и вновь умолкла. А когда наступила двести двадцать седьмая ночь, она сказала:

ночь двести двадцать седьмая

И правитель подмигнул начальнику полиции, чтобы тот ничего не делал. А Прекрасный Нум, проходив всю ночь в поисках Прекрасной Нимы, в полном отчаянии вернулся домой.

А на следующий день он слег в постель, чувствуя ужасную слабость и лихорадку. И она изо дня в день усиливалась по мере того, как он терял последнюю надежду относительно предпринятого розыска. А тем временем в Куфу приехал персиянин, весьма сведущий во врачебной науке. И купец Эр-Рабиа поспешил пригласить его к своему сыну. Тогда персиянин взял руку Прекрасного Нума, ощупал его пульс, взглянул ему в лицо и сказал купцу: – Болезнь сына твоего коренится в его сердце! Причиной ее является исчезновение любимой им особы. Но с помощью таинственных сил я укажу вам место, где она находится в настоящее время. Сказав это, персиянин вынул из мешка сверток с песком и рассыпал песок перед собой. Затем он положил на песок пять белых камешков и три черных камешка, две палочки и коготь тигра, потом разделил эти вещи на отдельные кучки, посмотрел на них, произнося несколько слов на персидском языке, и сказал: – Особа эта находится в настоящее время в Дамаске, в большом дворце, и в таком же мучительном состоянии, как и твой сын! При этих словах Эр-Рабиа воскликнул: – Что же нам делать, научи нас, и тебе не придется жаловаться на мою скупость! А персиянин ответил: – Успокойте ваши души, ибо я беру на себя соединить молодых людей, и это легче сделать, чем вы представляете себе!

Затем персиянин обернулся к распростертому на постели юноше и сказал ему: – Поднимись с постели, и да будет душа твоя отныне свободна от всякой тревоги, ибо с этой минуты ты можешь считать, что раба твоя уже возвращена тебе! И Прекрасный Нум почувствовал внезапное облегчение от слов врача, поднялся и сел, а врач продолжал: – Собери мужество в сердце своем. Изгони из него все заботы. Ешь, пей и спи! А через неделю, когда ты оправишься, я опять приду к тебе, и мы отправимся в путь.

Тогда Эр-Рабиа дал персиянину и своему сыну по пять тысяч динариев и купил верблюдов, которых велел нагрузить разными богатыми товарами, и подарил им лошадей и сопровождающих их слуг. И по прошествии недели Эр-Рабиа нашел, что сын его может спокойно предпринять путешествие в Дамаск. И Прекрасный Нум простился с отцом своим и с матерью, и, сопровождаемый добрыми пожеланиями и благословениями, выехал с ученым персиянином из Куфы.

А нужно сказать, что к этому времени Прекрасный Нум достиг полного расцвета юности своей, и щеки его покрыл шелковистый пушок, и окрасились они нежным румянцем. И ученый персиянин почувствовал на себе чары его юношеской красоты и полюбил его всей душой, и видя, что он доволен, предавался радости... В это время Шахразада увидела, что занимается утренняя заря, и умолкла. А когда наступила двести двадцать восьмая ночь, она сказала:

ночь двести двадцать восьмая

И персиянин предавался необыкновенной радости; и вскоре прибыли они в Дамаск. Там персиянин отправился на главный базар и нанял там большую лавку. Он расставил в ней на полках флаконы, мази, бальзамы и сиропы в хрустальных сосудах, и банки из персидского фаянса со старинными составами из соков редких трав. Затем он оделся в платье, какое носят всегда врачи, а на голову свою надел большой тюрбан. Потом он надел на Нума голубую шелковую рубашку и кашемировый жилет, опоясал его передником из розового шелка, прошитого золотыми нитями, и сказал ему: – С этой минуты ты должен звать меня своим отцом, а я буду звать тебя моим сыном, иначе жители Дамаска подумают, ты сам знаешь что!

И едва только открылась лавка персиянина, как жители Дамаска повалили туда толпой: одни чтобы рассказать о своих болезнях, а другие для того, чтобы полюбоваться на прекрасного юношу. И что приводило в полное изумление всех посетителей, так это способ, каким персидский врач отгадывал болезни. В течение нескольких минут он всматривался в белки глаз больного, потом подставлял ему хрустальный сосуд и говорил: – Помочись! Потом персиянин рассматривал сосуд на свет и говорил: – Ты страдаешь тем-то и тем-то. И больной всегда восклицал: – Клянусь Аллахом, это правда! И все воздевали руки, говоря: – О Аллах! Какой удивительный ученый! После этого неудивительно, что через несколько дней молва о необыкновенных познаниях персиянина дошла до ушей самого халифа и его сестры.

И вот однажды к дверям лавки подъехала на осле какая-то знатная женщина. Войдя в лавку, она вынула из-под платья сосуд, наполненный мочой, и сказала: – Знай, о властелин науки, что я привезла тебе этот сосуд от возлюбленной, – правда, сохранившей свою девственность, – владыки нашего, эмира правоверных. Ее зовут Прекрасной Нимой. Здешние врачи не могли отгадать причины ее болезни, от которой она слегла в постель. И сестра нашего владыки поручила мне отвезти этот флакон, чтобы вы открыли неизвестную доселе причину ее болезни. Тогда персиянин стал писать на бумаге какие-то вычисления с множеством цифр, причем одни цифры он писал красными чернилами, а другие – зелеными. Потом он выписал сумму красных цифр и сумму зеленых и сказал: – Я открыл болезнь! Она происходит от страсти и известна под именем дрожания сердечных опахал. Но чтобы судить, в каком состоянии находятся эти хрупкие опахала, мне нужно знать, из какой страны она происходит, сколько времени она в Дамаске, и сколько ей лет. И дама ответила: – Насколько я знаю, она выросла в Куфе, ей теперь шестнадцать лет, и она находится здесь всего несколько недель. Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и по обычаю умолкла. А когда наступила двести двадцать девятая ночь, она сказала:

ночь двести двадцать девятая

она находится здесь всего несколько недель. При этих словах ученый персиянин сказал Прекрасному Нуму, сердце которого стучало, как мельница: – Сын мой, приготовь лекарство по рецепту Ибн-Сины, который указан в параграфе седьмом. Тогда дама стала рассматривать юношу и через некоторое время спросила: – Скажи мне, о благородный персиянин, кто этот юноша? И он ответил: – Он сын мой, о достопочтенная! И старая дама продолжала разговаривать с ученым, между тем как Прекрасный Нум складывал в коробку маленькие пакетики, куда он всунул также и записочку, в которой сообщал Прекрасной Ниме о своем прибытии в Дамаск. И дама взяла запечатанную коробку, положила на столик десять золотых динариев и поспешно направилась прямо во дворец, где она сейчас же поднялась к больной. И она подошла к ней и сказала: – О дочь моя, если бы эти лекарства могли принести тебе столько пользы, сколько удовольствия доставило мне лицезрение юноши, который мне их дал!

Тогда Нима взяла коробку и посмотрела блуждающим взглядом на ее крышку. Но в ту же минуту она изменилась в лице, увидев на крышке слова, написанные куфическими буквами, непонятными для старой дамы: «Я Прекрасный Нум, сын Эр-Рабиа из Куфы». Однако у нее хватило душевных сил не выдать себя. Она раскрыла коробку, взяла один из пакетиков, проглотила лекарство и в ту же минуту она увидела записку, которую она сейчас же распечатала. Тогда она воскликнула: – О матушка, это лекарство поистине чудотворно! Принеси мне поскорее чего-нибудь поесть и попить, ибо я умираю с голоду! Тогда старая дама приказала рабам принести поднос и блюда, наполненные разными жаркими, фруктами и напитками, а сама поспешила к халифу, чтобы сообщить ему об исцелении молодой рабыни. И халиф, узнав об искусстве персиянина, сказал: – Отнеси ему от меня тысячу динариев! И старая женщина поспешила исполнить это приказание, зайдя к Ниме, которая дала ей подарок для врача в запечатанной коробке.

Придя в лавку, дама вручила врачу тысячу динариев, а коробку передала Нуму; и он нашел там запечатанную записку, в которой Нима рассказывала ему обо всем, что с ней произошло. Тогда добрая старуха, увидав, как юноша изменился в лице, спросила врача: – Почему же это сын твой едва не упал в обморок? И персиянин ответил: – Могло ли быть иначе, если рабыня, которую я вылечил, принадлежит тому, кого ты считаешь моим сыном, и кто в действительности сын купца из Куфы? И мы теперь возлагаем надежды наши на тебя, не сомневаясь, что ты поможешь нам. В залог же нашей благодарности возьми для начала тысячу динариев халифа! Будущее покажет, что благодарность за добрые дела занимает избранное место в сердце нашем! Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести тридцатая ночь, она сказала:

Ночь двести тридцатая

Благодарность за добрые дела твои занимает избранное место в сердце нашем. На что добрая дама сказала: – Вы можете рассчитывать на мое желание помочь вам! И она сейчас же отправилась к Ниме и сказала ей: – Почему ты не доверилась мне? Я клянусь соединить тебя с твоим возлюбленным, хотя бы это и стоило мне жизни! Затем она оставила залившуюся слезами радости Ниму, чтобы приготовить сверток с женским платьем, украшенным разными мелочами. Потом она вернулась в лавку, где ждал ее Прекрасный Нум. Выслушав ее, он нашел, что все задумано прекрасно, и доверил себя ее попечению. И дама переодела Нума в принесенное женское платье и подвела ему углем глаза. Затем она надела ему браслеты, украсила волосы драгоценностями и сказала: – Теперь ты должен уподобить походку свою походке молодой девушки. И Прекрасный Нум принялся повторять в лавке все движения, на которые она ему указывала. Потом добрая дама сказала: – Теперь, придав томное выражение лицу своему, следуй за мной во дворец. Когда они подошли к дверям гарема, главный евнух сказал: – Постороннее лицо не смеет входить сюда без разрешения эмира! А дама ответила: – Куда ты дел свою мудрость, о венец всех стражей! Разве ты не знаешь, что эта рабыня принадлежит сестре нашего халифа, и узнав, как ты обошелся с ее любимой рабыней, Сетт-Захия велит казнить тебя! Затем дама обернулась к Нуму и сказала ему: – Пойдем, и позабудь о невежестве этого стража, и ничего не говори об этом госпоже нашей! И войдя во двор гарема, дама сказала Нуму: – Сын мой, мы отведем тебе комнату в глубине гарема; пройди туда один. Туда же я пришлю Прекрасную Ниму, а затем позабочусь, чтобы вы оба вышли из дворца, не привлекая внимание стражи и евнухов. Тогда Прекрасный Нум вошел в галерею, но от смущения сбился с указанного пути и, повернув направо, а затем налево, прошел по коридору и отворил дверь в другую комнату. Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести тридцать первая ночь, она сказала:

Ночь двести тридцать первая

Он отворил дверь в другую комнату и очутился в высокой зале со сводчатым потолком. Пол залы был покрыт огромными кашмирскими коврами, на коврах стояли прикрытые салфетками подносы, под которыми находились, судя по форме и по восхитительному запаху, разные редкостные пирожные.

Посреди зала возвышался покрытый бархатом трон. И, не решаясь

выйти назад из опасения встретить кого-нибудь, Прекрасный Нум сел на трон и стал ожидать решения своей участи. И вскоре до него донесся шелест шелковых одежд, и он увидел молодую женщину царственной наружности без покрывала на лице и без платка на голове; за нею следовала молоденькая босая рабыня с цветами в волосах. И молодая женщина эта была сама Сетт-Захия, сестра эмира правоверных. Когда она увидела сидящую в зале закутанную в покрывало особу, она подошла к ней и спросила: – Кто ты, чужестранка? И почему ты сидишь с опущенным покрывалом в гареме, где тебя не может видеть никакой нескромный глаз? Но Прекрасный Нум предпочел хранить молчание. Тогда Сетт-Захия подумала, что причиною этого молчания было присутствия молодой рабыни. Поэтому она сказала ей: – Ступай, малютка, и постой за дверью.

Потом Сетт-Захия она подошла к Прекрасному Нуму и сказала ему: – Ты можешь говорить со мною откровенно, ибо я нахожу тебя очаровательной, моя девочка! И она, не дожидаясь ответа, взяла молодую девушку за талию и привлекла ее к себе, но с изумлением убедилась, что грудь ее была совершенно плоской, как у юноши! Тогда она захотела приподнять ее платье, но тут Прекрасный Нум поднес руку Сетт-Захии к своим губам и сказал: – О госпожа моя, я всецело доверяюсь доброте твоей и отдаюсь под твое покровительство. Я вовсе не молодая девушка – меня зовут Прекрасным Нумом. И я пришел сюда с опасностью для своей жизни, чтобы увидеть супругу мою, Прекрасную Ниму, похищенную у меня правителем Куфы, который послал ее в подарок эмиру правоверных. Во имя жизни Пророка нашего, о госпожа моя, сжалься над рабом твоим и супругой его!

И Сетт-Захия кликнула маленькую рабыню и сказала ей: – Сбегай скорее в покои Прекрасной Нимы и позови ее сюда. Затем она обернулась... На этом месте повествования Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила двести тридцать вторая ночь, она сказала:

ночь двести тридцать вторая

Затем она обернулась к Прекрасному Нуму и сказала: – Успокой свою душу; тебя ожидает только доброе. Тем временем старая дама сказала Прекрасной Ниме: – О дочь моя, твой возлюбленный ждет тебя в комнате, которую я для него приготовила! И она повела ее туда, бледную от волнения, но можно себе представить, как обе испугались, не найдя его там. Как раз в это время к трепещущей Ниме подошла рабыня и сказала: – Госпожа моя Сетт-Захия зовет тебя! И Нима не могла сомневаться, что ей грозила погибель. Шатаясь, последовала она за босой девочкой, но едва вошла в залу, как сестра халифа подошла к ней, подвела к Прекрасному Нуму и сказала им обоим: – Вот оно, счастье! И молодые люди, узнав друг друга, упали без чувств. Тогда сестра халифа привела их в сознание, опрыснув розовой водою, и сказала: – Теперь вы должны отпраздновать ваше соединение, выпить вина

за вечность вашего счастья! – и сейчас же маленькая рабыня наполнила кубки тончайшим вином и поднесла эти кубки всем присутствующим. Они выпили, и Нима, поцеловав руки у сестры халифа, пропела, обращаясь к своему возлюбленному, следующие строфы:

Склонись ко мне поближе и возьми
Ты с уст моих пурпуровые розы.
Потом коснись ласкающей рукою
Моих одежд, чтоб медленно они
С лилейных плеч к ногам моим скользили,
Чтоб пред тобой я, наконец, предстала
Во всей своей цветущей наготе!

И едва только замерли звуки лютни, как в залу вышел сам халиф. Увидев его, все трое облобызали землю перед ним. А халиф приказал маленькой рабыне разлить вино в кубки и сказал: – Выпьем за выздоровление Прекрасной Нимы! Потом он осушил кубок и, заметив присутствие не известной ему рабыни, спросил у сестры своей: – Кто эта девушка, черты которой кажутся мне такими прекрасными под этим покрывалом? И Сетт-Захия ответила: – Это подруга Прекрасной Нимы, которая не может ни пить, ни есть, когда не видит ее подле себя. Тогда халиф откинул с лица юноши покрывало; он был поражен его красотой и воскликнул: – Клянусь Аллахом, с этого вечера я сделаю и эту молодую девушку своей наложницей и назначу ей содержание, как моей законной супруге! А Сетт-Захия сказала: – Конечно, о брат мой, но мне вдруг пришла мысль рассказать тебе одну историю, которую я вычитала из книг. И халиф спросил: – Что это за история? И Сетт-Захия сказала: – Знай, что в городе Куфе жил один юноша, по имени Прекрасный Нум... В это время Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести тридцать третья ночь, она сказала:

ночь двести тридцать третья

У него была красивая рабыня, которую он любил и которая его любила, ибо оба они возросли в одной колыбели. И они наслаждались счастьем, пока судьба не похитила их друг у друга. Одна старуха увидала молодую рабыню и отдала ее в руки правителю города, который отослал ее в подарок царю нашего времени. Но сын Эр-Рабии не находил себе покоя, пока не нашел свою возлюбленную в гареме самого царя. И когда они праздновали свое соединение, в залу вошел царь. Ярость его была безгранична, и, не пожелав узнать, в чем дело, он приказал отрубить им обоим головы! И я хотела бы, о эмир правоверных, спросить, что ты думаешь о поступке этого царя, и узнать, как бы ты поступил на его месте!

И эмир правоверных ответил так: – Этот царь совершил поступок, недостойный истинного царя. Он сделал бы гораздо лучше, если бы простил молодых людей, ибо на это имелось три основания. Во-первых, молодые люди серьезно и с давних пор любили друг друга; во-вторых, они были гостями царя; а в-третьих, всякий царь должен поступать осторожно и обдуманно! При этих словах Сетт-Захия бросилась на колени

перед братом своим и воскликнула: – Ты осудил собственный поступок, который мог бы совершить! Заклинаю тебя памятью наших великих предков быть справедливым! И крайне удивленный халиф сказал своей сестре: – Ты можешь рассказать мне все с полным доверием! Тогда сестра халифа поднялась с колен и сказала брату: – Знай, что эта прекрасная молодая девушка есть никто другой, как Прекрасный Нум. А Прекрасная Нима – та молодая женщина, которая была воспитана вместе с ним и сделалась потом его супругой. А похитил ее правитель Куфы. Он солгал, говоря, что купил эту рабыню за десять тысяч динариев. Я прошу тебя наказать этого правителя и простить этих молодых людей, столь достойных оправдания! Тогда халиф сказал: – Я не имею обыкновения брать назад свои слова! Затем он посмотрел на Прекрасного Нума и спросил его: – Не можешь ли ты сказать мне, как ты попал сюда, и как узнал, что Прекрасная Нима находится в моем дворце? И Прекрасный Нум ответил: – О эмир правоверных, даруй рабу своему несколько минут внимания, и он расскажет тебе всю свою историю! И он посвятил халифа во все происшедшее, не пропустив ни одной подробности.

Халиф был чрезвычайно удивлен. Он оставил врача при своем дворце в Дамаске, и отстранил от должности правителя Куфы, и назначил на его место отца Прекрасного Нума. И жили они, наслаждаясь счастьем, и прожили долгую жизнь. Когда же Азад и Амджад услышали эту историю, они чрезвычайно удивились и сказали: – Это действительно чудесная история! Тут Шахразада заметила, что близится утро, и скромно умолкла. А когда наступила двести тридцать четвертая ночь, она сказала:

ночь двести тридцать четвертая

Наутро Эль-Амджад и Эль-Азад сели на коней, чтобы явиться к царю. Он принял их благосклонно, и когда они беседовали, то услышали вдруг, что народ в городе вопит о помощи. И вошедший приближенный сказал царю: – Перед городом расположился какой-то царь со своим войском. И Амджад сказал брату: – Я хочу отправиться и узнать, в чем дело. Он выехал за город, и конные мамелюки привели его к начальнику войска, и он увидел, что это женщина; и она сказала ему: – Знай, что я домогаюсь только одного безбородого мамелюка. И я пришла сюда только ради него. Тогда Амджад спросил ее: – О царица, как называется этот мамелюк? И царица отвечала: – Он называется Эль-Азад, а я – царица Марджана. Этот мамелюк был привезен ко мне магом Баграмом. И тогда Амджад сказал царице: – Хвала Аллаху, посылающему нам утешение! Этот мамелюк – мой брат!

И он рассказал ей все их приключения. Царица очень удивилась его рассказу, а Амджад, возвратившись к царю, сообщил ему обо всем случившемся; и все трое – царь, Амджад и Азад – поехали к царице. Но едва они вошли в ее палатку, как облако пыли заволокло горизонт. И когда оно рассеялось, все увидели

огромное войско, окружившее город, как кольцо окружает мизинец. И Амджад и Азад вскричали: – Это наши враги, и если мы не вступим в союз с царицей Марджаной, чтоб сразиться с ними, то они возьмут наш город! Когда же Амджад приблизился к врагам, он увидел, что это войско отца его матери, царицы Будур... На этом месте повествования Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила двести тридцать пятая ночь, она сказала:

ночь двести тридцать пятая

Это было войско отца его матери, царицы Будур. И когда он приблизился к царю и поцеловал землю между его рук, тот сказал: – Я могущественный царь Эль-Гайюр, и я иду этим путем, пока жива моя скорбь о моей дочери Будур. Не слышали ли вы чего-нибудь о ней и ее муже Камаральзамане? Тогда Амджад сообщил царю, что он сын его дочери Будур. И Гайюр бросился к нему на грудь, и оба они заплакали от волнения. После этого Амджад рассказал о всех своих с братом приключениях, и царь сказал: – Я хочу возвратить вас вашему отцу и примирить вас с ним. И Амджад возвратился в город и рассказал о царе Эль-Гайюре. А когда обо всем случившемся узнала царица Марджана, она сказала: – Я желаю также взять на себя труд примирить вас с вашим отцом.

И после этих происшествий вдруг поднялось облако пыли и затемнило дневной свет; и они услышали громкие возгласы и крики из него, и увидели блестящие клинки и острие копий, и услышали барабанный бой; это к городу приближались новые полчища... На этом месте повествования Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила двести тридцать шестая ночь, она сказала:

ночь двести тридцать шестая

К городу приближались новые полчища. И тогда царь сказал Амджаду: – Ступай со своим братом и разведай, что это за огромное войско! И оба они выехали из города к вновь прибывшему войску и нашли, что это войско царя островов Эбенового Дерева, в котором находился их отец Камаральзаман. Увидя его, они поцеловали землю между его рук и заплакали. А Камаральзаман бросился к ним на грудь и просил у них прощения, громко плача и прижимая их к своей груди. А после Камаральзаман сел на коня и двинулся к войску царя Эль-Гайюра. И встретились друг с другом оба царя, и удивлялись встрече их в этом месте. И вновь заклубилось облако пыли и заволокло горизонт; и все воины нового войска были одеты в черное, и посреди них ехал старый шейх в черном одеянии. И к городу приблизился посол

от этого войска, и его привели к царям Камаральзаману и Гайюру, и к царице Марджане, и к царю города; и он сказал им: – Этот царь из страны персов много лет не находит своего сына, проходя через разные страны. Тогда Камаральзаман спросил: – Как зовут вашего царя? И посол ответил: – Это царь Шахраман – повелитель Каледанских островов. Когда Камаральзаман услышал эти слова, он испустил громкий крик, а когда пришел в себя, то сказал Амджаду и Азаду: – Ступайте, мои сыновья, и принесите вашему деду добрую весть обо мне, так как он печалится о моей гибели!

После этого он рассказал присутствующим здесь царям все свои приключения, и цари удивлялись им. И все вышли из дворца, и Камаральзаман приветствовал своего отца, и они от избытка радости лишились чувств. Когда же они пришли в себя, Камаральзаман рассказал отцу обо всех своих приключениях. И после этого они женили Эль-Азада на дочери Баграма и отправились вместе с ними в город Эбенового Дерева, где царь Арманос, узнав обо всем случившемся, чрезвычайно обрадовался и поздравил их с благополучным разрешением всех недоразумений. После этого царь Гайюр, отец царицы Будур, удовлетворил свое страстное желание видеть ее. И, пробыв в течение месяца в городе Эбенового Дерева, он отправился вместе со своей дочерью... В эту минуту Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила двести тридцать седьмая ночь, она сказала:

ночь двести тридцать седьмая

Он отправился вместе с дочерью и с Амджадом обратно в свою страну. Прибыв туда, он посадил его царем вместо себя, а Камаральзаман, посадив на свое место сына Азада, поехал дальше со своим отцом царем Шахраманом на Каледанские острова; и там он правил, пока не посетила его смерть, разлучающая всех соединившихся. И когда Шахразада умолкла, царь Шахрияр воскликнул: – О Шахразада, эта история действительно очень занимательна! Я с удовольствием выслушаю еще одну, даже если мне будет угрожать смерть от бессонницы! А Шахразада улыбнулась и сказала: – О царь благословенный, тогда я расскажу тебе историю о прекрасном Ала-аль-Дин-Абу-аль-Шамате по прозванию Родимое Пятнышко! Но в эту минуту она заметила, что близится утро, и отложила эту историю до следующего дня. А когда наступила двести тридцать восьмая ночь, она сказала:

ночь двести тридцать восьмая

История Ала-аль-Дин-Абу-аль-Шамата по прозванию Родимое Пятнышко

Рассказывали мне, что в городе Каире жил некогда почтенный купеческий староста Шамзеддин, которого все почитали за честность, вежливые манеры, за сдержанную речь и за богатство. Однажды он отправился в гамам, а затем зашел к цирюльнику, которому велел обрить ему голову. И когда он посмотрелся в зеркало, которое подставил ему цирюльник, то с грустью убедился, что седые волоски в бороде его стали гораздо многочисленнее черных. И он подумал: «Седеющая борода – признак старости, а старость – преддверие смерти! Бедный Шамзеддин, ты уже близок к могиле, а у тебя еще нет потомства, и ничего не останется от тебя, как если б ты и не жил!» И полный этих грустных мыслей он вернулся домой, где супруга встретила его с улыбкой на лице и сказала: – Да принесет тебе счастье этот вечер! Но староста раздраженно ответил: – О каком счастье ты говоришь! Каждый день на базаре я вижу, как в лавках купцов сидят их дети. Один я лишен этого утешения. И часто я мечтаю о смерти, которая избавит меня от этой безрадостной жизни. В тебе одной причина нашего бесплодия! Чрево твое так же бесплодно, как трещина в иссохшей скале! Вот уже сорок лет как мы женаты, а у нас все нет детей! И ты заставила меня поклясться, что я никогда не введу в дом наш другую женщину, и я простодушно обещал тебе это. Я оставался верным моему обещанию; а ты, видя свое бесплодие, не имела великодушия снять с меня мою клятву!

Когда супруга услышала эти резкие слова, свет превратился во мрак перед глазами ее, и она закричала супругу своему: – Ах ты, старик бескровный! Ты воображаешь, что из нас двоих я виновата в нашем бесплодии? Это ты во всем виноват! Купи себе какого-нибудь снадобья, чтобы разогреть кровь свою! Тогда ты увидишь, бесплодная я или нет! При этих словах купеческий староста поколебался в своих мыслях и нерешительно сказал: – Так укажи мне место, где продают такие снадобья. И супруга его ответила: – Да у первого аптекаря найдешь ты такую микстуру! Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести тридцать девятая ночь, она сказала:

ночь двести тридцать девятая

И действительно, на следующий же день он принес пустую фарфоровую банку аптекарю и сказал ему: – Мир тебе! Я пришел за микстурой! Услышав это, аптекарь сказал про себя: «Наш староста без сомнения вздумал пошутить. Отвечу и я ему шуткой». И он сказал ему: – Еще вчера у меня было много этой микстуры, но все берут ее нарасхват, и запасы мои истощились. Спроси у моего соседа. И староста пошел к другому аптекарю, а потом к третьему, но все отказывали ему, посмеиваясь над таким необыкновенным требованием.

Тогда староста вернулся в свою лавку с полным отвращением к жизни. Но в это время он увидел, что перед его дверью остановился пьяница и потребитель гашиша по имени Сезам. Однако он почитал Шамзеддина и всегда кланялся ему до земли. И в то утро он засвидетельствовал свое почтение достойному старосте и, видя его расстроенный вид, спросил: – Какое несчастие случилось с тобою? И староста ответил: – Выслушай, что я скажу. Уже сорок лет я женат, но до сих пор не знаю даже запаха ребенка! И мне сказали, что я один виноват в этом. И ни у одного аптекаря не оказалось нужной мне микстуры. Вот почему я несчастен. Услышав эти слова, Сезам не стал смеяться, как аптекари, а поднял руку ладонью кверху и сказал: – Положи динарий в эту руку и дай мне эту фарфоровую банку. Я обстряпаю твое дело! А староста ответил: – Разве это возможно? Но если ты и в самом деле мне поможешь, благосостояние твое обеспечено. Для начала вот тебе два динария вместо одного!

И пьяница и гуляка Сезам показал себя более сведущим в науке, чем все аптекари базара. Он купил две унции сока из китайской кубебы, одну унцию масла из ионийской конопли, одну унцию свежего кариолофила, одну унцию красной серендибской корицы, десять драхм белого малабарского кардамона, пять драхм индийского имбиря, по пять драхм белого перцу и индийского перцу, унцию ягод индийской бадьяны и половину унции горного аниса. Все это он истолок, смешав вместе, потом положил в эту смесь меду, пять зерен мускуса и унцию толченой рыбьей икры. Прибавив ко всему этому еще розовый сироп, он сделал тесто и положил его в фарфоровую банку. Затем он отнес ее к Шамзеддину и сказал: – Вот эта чудодейственная микстура! Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолка. А когда наступила двести сороковая ночь, она сказала:

ночь двести сороковая

Передав банку, Сезам прибавил: – Ты должен есть это тесто за два часа до того, как пойдешь к жене своей. Перед этим ты должен еще в течение трех дней не принимать другой пищи кроме жареных голубей, рыбы с молоками и прожаренных бараньих яиц. Если после всего этого ты не будешь способен, то я позволю тебе плюнуть себе в лицо! Тогда староста подумал: «Этот Сезам, проводящий время в разврате, должен знать толк в таких снадобьях». И он примирился с супругой своей, которую он всегда любил, и оба рассказали друг другу, как тяжело им было думать о своей ссоре из-за необдуманных слов. И когда Шамзеддин тщательно выполнил все предписания Сезама, он почувствовал, что кровь его разгорячается, как во времена молодости. И он пошел к супруге своей, и в ту же ночь она забеременела, в чем они могли убедиться по прошествии трех месяцев.

Беременность прошла благополучно, и через девять месяцев супруга старосты счастливо разрешилась от бремени, но с величайшим трудом, ибо ребенок был так велик, как будто ему было не меньше году. Повивальная бабка приняла ребенка, прочла ему на ухо мусульманский символ веры и передала его матери, которая стала кормить его грудью. На седьмой день староста пошел поздравить жену свою. И она подала ему новорожденного, и Шамзеддин пришел в совершенный восторг от красоты его. И он спросил супругу свою: – Как же ты назовешь его? И она ответила: – Так как это мальчик, то первенство в этом деле принадлежит тебе. И как раз в эту минуту пеленавшая ребенка рабыня заметила на левой ягодице его маленькое родимое пятнышко. Кроме того, на обеих щеках ребенка тоже было два маленьких родимых пятнышка, похожих на черные зернышки. Тогда достопочтенный староста воскликнул: – Мы назовем его Алладин, Родимое Пятнышко!

И в течение четырех лет ребенка кормили кроме матери еще две кормилицы; и он сделался сильным, как львенок. Он был так хорош собою, что все соседские маленькие девочки любили его. Когда же отец и мать Родимого Пятнышка увидели, как все любят и балуют их сына, они стали бояться, чтобы его не сглазили. Чтобы избавить его от дурного глаза, они заперли его в подвал и стали воспитывать вдали от человеческих глаз. И Родимое Пятнышко возрастал вдали от всех, окруженный неустанными заботами рабов и евнухов. Когда же он подрос, к нему приставили наставников, которые обучили его письму, Корану и наукам. И он сделался столь же ученым, сколь прекрасным и стройным. И родители его решили не выпускать его из подземелья, пока у него не отрастет борода до самой земли. Тут Шахразада увидела, что занимается утро, и умолкла. А когда наступила двести сорок первая ночь, она сказала:

ночь двести сорок первая

Однажды раб, который приносил Родимому Пятнышку кушанья, забыл запереть двери подземелья. И юноша, увидев открытую дверь, поднялся на верхний этаж, где находилась его мать, окруженная дамами, которые пришли навестить ее.

А в это время он был прекрасен, как ангел с нежным, как у персика, пушком на щеках и двумя черными пятнышками по обеим сторонам рта. И когда женщины увидели этого незнакомого им юношу, они поспешили опустить на лицо покрывала и сказали супруге Шамзеддина: – Как не стыдно тебе впускать к нам постороннего молодого человека? Но мать Алладина ответила: – О гостьи мои, это плод чрева моего, сын старосты города Каира, вскормленный обильным молоком кормилиц и взрощенный на руках прекрасных рабынь. Это око матери своей и гордость отца своего – Родимое Пятнышко! И супруги эмиров и богатых купцов ответили: – Да пребудет имя Аллаха над ним. Однако почему ты до сих пор никогда не показывала нам своего сына? Тогда супруга Шамзеддина сказала: – Отец его решил никому не показывать сына до тех пор, пока у него не отрастет борода, ибо красота его может навлечь на него недобрые влияния. А если он вышел теперь, то тут виноват евнух, который забыл запереть дверь.

И когда гостьи, поздравив супругу старосты с прекрасным сыном, удалились, Алладин спросил свою мать: – А чем занимается мой отец? И та ответила: – Он староста всех купцов в Каире и поставщик арабского султана. И никакой товар не может был ввезен в Каир без него, и Аллах ниспослал ему неисчислимые богатства. И Родимое Пятнышко сказал: – Хвала Аллаху, который дал мне родиться сыном такого отца! И с завтрашнего дня я пойду на базар вместе с ним! Но когда мать его сообщила супругу своему все, что произошло, он сказал: – Разве ты не знаешь, что такое дурной глаз? Половина всех могил населена мертвецами, погибшими от дурного глаза! Супруга же старосты ответила: – Однако когда ты сойдешь в могилу, да будет жизнь твоя долгой, никто не захочет признать сына нашего законным наследником твоего имущества, ибо до сих пор никто не знает о его существовании! И тогда имение твое перейдет в государственную казну, а дитя твое окажется разоренным! Эти слова заставили старосту задуматься, и он ответил: – Ты права, о, женщина! С завтрашнего же дня я буду обучать нашего сына всему, что относится к торговым занятиям. И на следующее утро Шамзеддин прежде, чем отправиться на базар, свел сына своего в гамам... В это время Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести сорок вторая ночь, она сказала:

ночь двести сорок вторая

С водив сына в гамам, Шамзеддин одел его в платье из нежного атласа и освежил его стаканом шербета. Затем он сел на белого мула, посадив позади себя сына своего, и направился к базару. Увидав их, базарные купцы, покупатели и продавцы пришли в восхищение и говорили друг другу: – О Аллах! Посмотрите на этого мальчика! Ведь это сама луна в четырнадцатую ночь свою! И в это время на базар пришел Сезам, и

он также обратил внимание на прекрасного мальчика. А от постоянного употребления гашиша и опиума он уже позабыл, как составлял некогда чудодейственную микстуру для Шамзеддина. И увидав старосту с мальчиком, он принялся хихикать и отпускать грязные шутки на его счет, говоря купцам: – Посмотрите на этого старика с белой бородою! Он, как порей, снаружи белый, а внутри зеленый! И он повторял свои шуточки, пока все на базаре не уверились в том, что староста взял в свою лавку маленького мамелюка.

Когда эти слухи дошли до ушей важных купцов, старейшие из них устроили собрание, на котором Сезам продолжал плести свою чепуху, говоря: – Мы не хотим отныне иметь нашим базарным старостой эту порочную бороду! Завтра мы выберем себе другого! И купцы единогласно остановились на плане, который он им предложил. На следующее утро Сезам, чувствуя себя средоточием всеобщего внимания, подошел небрежной походкой к лавке Шамзеддина и облокотился на прилавок, а староста спросил его: – Что это такое, Сезам? Почему купцы с шейхом во главе не пришли ко мне выразить свое почтение? И Сезам ответил: – А я почем знаю? Ходят, правда, слухи по базару... Во всяком случае, я знаю, что образовалась партия, состоящая из главных шейхов, которая решила отставить тебя от должности и выбрать другого старосту. При этих словах Шамзеддин изменился в лице и спросил: – Не можешь ли ты сказать мне, на чем основано это решение? Тогда Сезам подмигнул старосте и ответил: – Ну, полно, нечего хитрить, ведь ты сам это знаешь! Этот мальчик должен быть родственником твоей супруги или сыном твоего друга, приехавшего по делам из Багдада... На этом месте своего повествования Шахразада увидела, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила двести сорок третья ночь, она сказала:

ночь двести сорок третья

При этих словах Сезама староста не мог сдержать своего негодования и воскликнул: – Замолчи! Разве ты не знаешь, что это мой ребенок? Где твоя память, о пожиратель гашиша? Разве ты не помнишь, что ты сам принес мне четырнадцать лет назад чудодейственную микстуру? Благодаря ей я познал плодородие, и Аллах даровал мне сына, а ты даже не зашел узнать, как подействовало твое средство! Что же касается меня, то я, опасаясь дурного глаза, воспитал его в подземелье нашего дома, и сегодня он в первый раз вышел со мною. Ибо мать его убедила меня взять его с собой, чтобы посвятить во все дела мои. Что же касается тебя, Сезам, то я рад, что встретил тебя и могу, наконец, избавиться от своего долга! Вот тебе тысяча динариев за услугу, которую ты оказал мне своим снадобьем!

Выслушав эти слова, Сезам побежал к купцам, чтобы рассказать, в чем дело. И они пришли к старосте, чтобы поздравить его с сыном, а Сезам от имени всех собравшихся сказал: – О достопочтенный староста! По обыкновению даже и бедные люди по случаю рождения

ребенка готовят сладкие блюда и раздают их друзьям и соседям. Когда же и мы усладимся пирожными на меду и масле, которые обыкновенно едят, молясь за новорожденного? И Шамзеддин ответил: – Завтра утром я задам вам настоящий пир в моем загородном доме. И я приглашаю вас, друзья мои, явиться в сад мой, местонахождение которого вы знаете. И вернувшись домой, староста послал в городскую печь с приказанием изжарить к утру баранов и ягнят и заказал бесчисленные блюда с пирожными; и он засадил за работу всех рабынь своего дома, искусных в изготовлении сладостей, и после всех хлопот пиршество было приготовлено на славу.

На следующее утро Шамзеддин приказал рабам разостлать в двух различных местах сада две огромные скатерти и сказал сыну: – Одна из этих скатертей предназначена для взрослых мужчин, а другая для мальчиков твоего возраста, которые придут со своими отцами. Я буду принимать бородатых мужчин, а ты позаботишься о приеме безбородых мальчиков, ибо так им будет веселее, чем в присутствии своих отцов! И Родимое Пятнышко не заметил никакой скрытой мысли в этих словах своего отца. И с приездом приглашенных Шамзеддин стал принимать мужчин, а Родимое Пятнышко – детей и юношей. И все ели, пили, пели и веселились, и радость блистала на всех лицах. Между тем среди приглашенных находился купец Махмуд аль-Бальхи, который был одним из лучших покупателей старосты. И когда он услышал веселые крики детей... В это время Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести сорок четвертая ночь, она сказала:

ночь двести сорок четвертая

А когда Махмуд аль-Бальхи услышал крики детей, он сделал вид, будто пошел по своей надобности, а сам, пробравшись между деревьями, подошел к мальчикам и остановился от восторга при виде их грациозных движений и прелестных лиц. И он заметил, что самым красивым между ними был Родимое Пятнышко. И тогда Махмуд вышел из-за дерева и подошел к мальчикам, которые принялись гикать, пробегая между его ногами. А он с улыбкой позволял им делать это; и, наконец, сказал им: – Слушайте, дети мои! Я обещаю завтра же дать вам денег, если только вы возбудите в Родимом Пятнышке склонность к путешествию и желание уехать из Каира! И мальчики ответили: – Это так легко! И тогда товарищи его перемигнулись между собою, а наиболее красноречивый из них, обращаясь к Родимому Пятнышку, сказал: – Мы говорили между собой о прелестях путешествий и о чудесных дальних странах, о Дамаске, Алеппо и Багдаде! Твой отец богат, и наверняка ты много раз сопровождал его с караванами. Расскажи нам что-нибудь о чудесах, какие ты видел! Но тот ответил: – Разве вы не знаете, что я был воспитан в подземелье! Хорошо еще, если отец мой позволит мне сопровождать его из дома в нашу лавку.

Тогда дети сказали: – Бедный! Тебя лишили самых восхитительных радостей.

Если б ты знал, какое это наслаждение – путешествовать, ты не захотел бы ни на минуту более оставаться в доме отца твоего. На это Родимое Пятнышко сказал: – Но и домашний покой имеет свою прелесть. Тогда один из мальчиков расхохотался и сказал товарищам: – Вероятно, он боится, как бы не увяли розы на его щеках! А другой прибавил: – Да ты совсем не мужчина! Неужели тебе не стыдно? Выслушав это, Родимое Пятнышко пришел в такое расстройство, что покинул гостей своих и вернулся со слезами на глазах к матери своей. И он повторил ей все насмешки, которыми его осыпали товарищи, и прибавил: – Ты видишь этот нож. Если ты не отпустишь меня путешествовать, он будет в груди моей. Видя эту столь неожиданную решимость, бедная мать должна была согласиться и сказала своему сыну: – Я обещаю помочь тебе, но, так как я уверена, что отец тебе откажет, я приготовлю запас товаров для путешествия на собственный счет. И супруга Шамзеддина приказала рабам открыть один из запасных складов и приготовить такое количество тюков, чтобы ими можно было нагрузить десять верблюдов.

Что же касается самого Шамзеддина, то он, проискав сына в саду, узнал, что тот уехал домой. И обеспокоенный староста вскочил на мула и помчался домой, где, наконец, успокоился, узнав о благополучном возвращении сына. Но каково же было его изумление, когда он увидел во дворе приготовленные к погрузке тюки, на которых написаны были места их назначения: Алеппо, Дамаск и Багдад. Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и по обыкновению скромно умолкла. А когда наступила двести сорок пятая ночь, она сказала

ночь двести сорок пятая

Тогда Шамзеддин поднялся к своей супруге, которая сообщила ему все, что произошло. Тогда староста сказал: – Я попробую его отговорить! И он позвал сына и сказал ему: – О дитя мое! Да отвратит тебя Аллах от этого злополучного плана. Разве ты не знаешь, что сказал Пророк: «Блажен человек, который питается плодами земли своей и находит удовлетворение для души своей в родной стране!» А Родимое Пятнышко ответил: – Знай, о отец мой, если ты воспротивишься моему отъезду, я надену платье дервишей и пойду пешком, обходя все земли! Тогда староста увидел, что сын его решил уехать во что бы то ни стало, и сказал ему: – В таком случае, о дитя мое, вот тебе поклажа еще на сорок верблюдов. Поезжай, и да сохранит тебя Аллах, и да уравняет Он дорогу твою! И будь осторожен, проезжая через место, которое называют Собачьей долиной. Это притон разбойников, глава которых – бедуин, прозванный Быстроногим за внезапность своих набегов. И Родимое Пятнышко ответил: – Все события исходят из рук Аллаха! И со мною случится только то, что должно случиться.

На эти бесспорные слова староста ничего более не мог ответить, и он направился к каравану, готовому уже тронуться в путь. И он отвел в сторону старого

погонщика верблюдов Камала и сказал ему: – Я поручаю тебе этого ребенка, зеницу ока моего! Затем он дал сыну тысячу золотых динариев и сказал: – Пользуясь ими, дожидайся времени, когда можно будет особенно выгодно продать наши товары. Слушайся погонщика и ничего не делай, не посоветовавшись с ним! Затем они простились, и караван тронулся в путь.

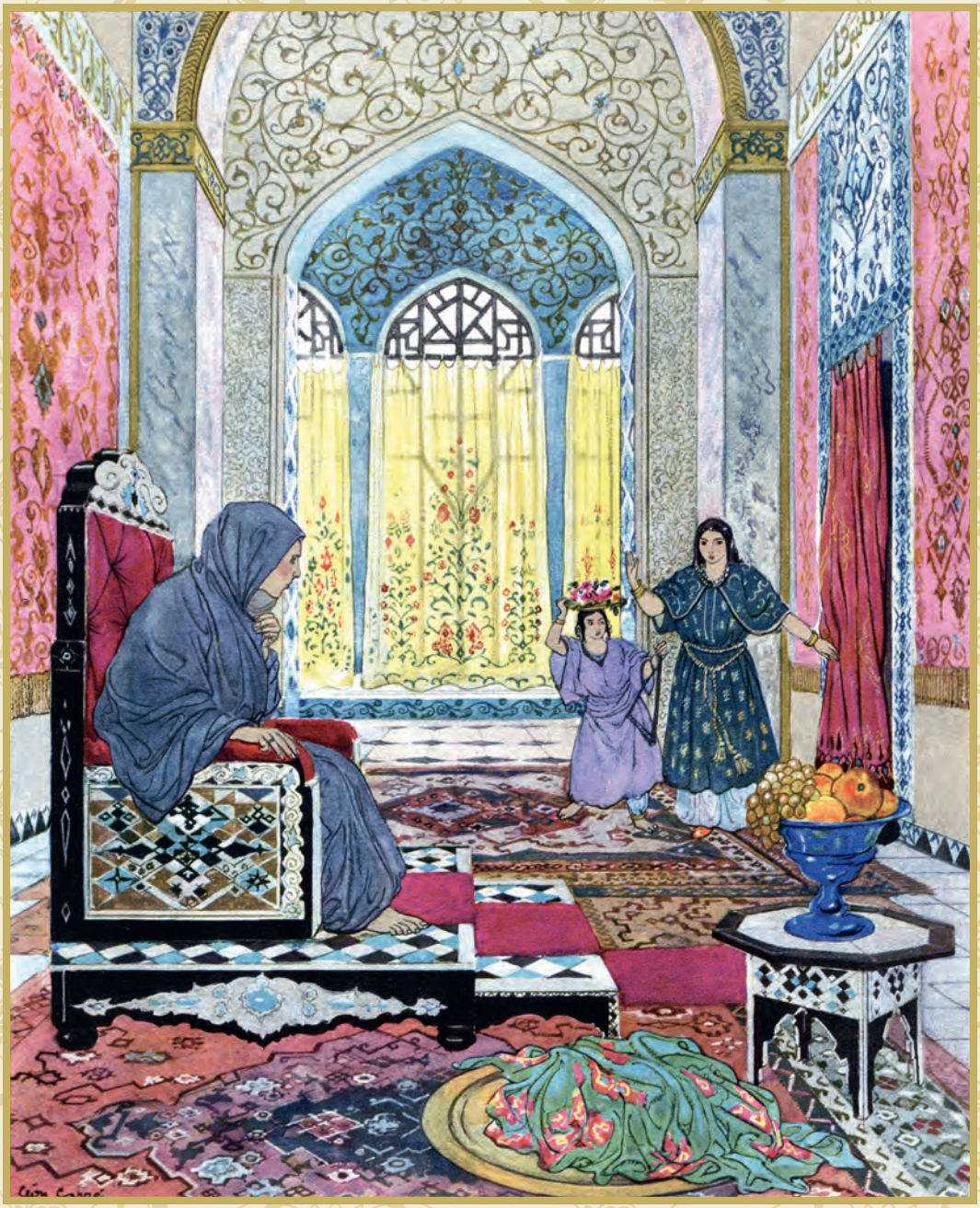
Что же касается Махмуда аль-Бальхи, то, узнав об отъезде Родимого Пятнышка, он тоже пустился с караваном в путь и вскоре догнал его. На первой же остановке аль-Бальхи разбил свои палатки рядом с палаткой Родимого Пятнышка и сказал его повару, чтобы тот не разводил огонь, так как он пригласил господина его в свою в палатку разделить трапезу. Но Родимое Пятнышко пришел в палатку аль-Бальхи в сопровождении Камала, и аль-Бальхи остался ни с чем. На следующий вечер произошло то же самое, и так было каждый вечер до прибытия в Дамаск. А в Дамаске у аль-Бальхи был собственный дом, предназначенный для приема гостей... Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и прервала свой рассказ. А когда наступила двести сорок шестая ночь, она сказала:

ночь двести сорок шестая

И аль-Бальхи послал к Родимому Пятнышку раба своего и пригласил его пожаловать в дом свой без провожатых. Но погонщик верблюдов, услышав о таком предложении, сказал: – Нет, сын мой, нужно отказаться! И Родимое Пятнышко отклонил приглашение. Но когда они выехали из Дамаска, аль-Бальхи на первой же остановке сделал приготовления к небывалому пиру и пошел с приглашением уже самолично, и на этот раз Родимое Пятнышко не имел серьезных оснований для отказа. Однако Камал сказал ему: – Как ты неосторожен! Зачем ты принял это приглашение? Ты должен был посоветоваться со мной, ибо я старик, а поэт сказал про стариков следующее:

Спросил я старца: «Почему идешь ты
Согнувшись так?» И он мне отвечал:
«Я на земле свою утратил юность,
И я согнулся, чтоб ее найти!
Теперь мне стала опытность моя
Так тяжела, что мне она на плечи
Легла тяжелым непосильным грузом
И не дает мне выпрямиться вновь!»

Но Родимое Пятнышко ответил: – О почтенный погонщик, было бы совершенно неприлично отказаться от приглашения Махмуда. Не съест же он меня! А тот воскликнул: – Клянусь Аллахом, он именно съест тебя! Ведь он уже пожрал немало народу! При этих словах Родимое Пятнышко расхохотался и поспешил к аль-Бальхи, который ничего не пожалел, чтобы как следует угостить прелестного юношу. Оба ели с большим аппетитом и пили из одного и того же кубка. А когда вино забродило в головах их, Родимое Пятнышко захотел уйти. Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила двести сорок седьмая ночь, она сказала:



ночь двести сорок седьмая

Не смотря на жалобы аль-Бальхи, Родимое Пятнышко не захотел ни минуты более оставаться в его палатке. И когда Камал увидел, что Алладин возвращается со странным видом, он спросил его: – Ради Аллаха! Что случилось? И тот ответил: – Решительно ничего! Но мы должны немедленно ехать в Багдад, ибо я не хочу более путешествовать с аль-Бальхи! И Камал сказал: – Не предупреждал ли я тебя? Но лучше остаться здесь, не разделяя каравана, чтобы не подвергнуться нападению разбойников в этих местах! Но Родимое Пятнышко приказал немедленно выезжать. И маленький караван пустился в путь, пока на заходе солнца не очутился в нескольких милях от ворот Багдада. Тогда погонщик сказал Родимому Пятнышку: – Лучше будет не останавливаться здесь на ночлег. Ибо это место – Собачья долина! Но Алладин ответил: – Я не хочу вступать в город ночью; мне хочется насладиться видом Багдада при восходе солнца! И старому погонщику пришлось повиноваться, хотя он и сознавал, как опасно было упрямство сына Шамзеддина.

Алладин же поел немного, вышел из палатки и сел под деревом при свете луны. И вскоре он услышал ужасный топот мчащихся коней и вырывающееся из сотни глоток гиканье. Обернувшись, он увидел, что на караван его напала многочисленная шайка бедуинов. Это зрелище словно приковало его к земле, и он сделался свидетелем избиения всего каравана и разграбления всех палаток. Бедуины же, овладев верблюдами, исчезли с такой же быстротой, как и явились. Тогда Родимое Пятнышко очнулся от своего оцепенения, подошел к месту, где находились палатки, и увидел, что все его люди перебиты, и Камал лежит мертвым, с грудью, пронзенной ударами копий. И, не имея сил выносить это ужасное зрелище, юноша пустился без оглядки бежать. И чтобы не привлечь внимание разбойников, он снял свои богатые одежды и остался в одной рубашке. И в таком виде, полунагой, он прибежал на рассвете в Багдад. Едва держась на ногах, он остановился перед фонтаном при входе в город и, растянувшись рядом с ним, заснул.

А Махмуд аль-Бальхи подъехал к воротам Багдада, избегнув встречи с разбойниками. Проезжая мимо фонтана у входа в город, он увидел спящего на камне полуобнаженного Алладина. Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести сорок восьмая ночь, она сказала:

ночь двести сорок восьмая

Увидев спящего полуобнаженного Алладина, аль-Бальхи спрыгнул с лошади, сел у ног юноши и стал ожидать его пробуждения. Когда же Родимое Пятнышко потянулся и открыл глаза, Махмуд взял его за руку и сказал ему ласковым голосом: – Не бойся, дитя мое, и объясни мне, пожалуйста, что с тобой произошло? Тогда Алладин, несмотря на то, что присутствие аль-Бальхи стесняло его, рассказал ему свое приключение. И аль-Бальхи сказал ему: – Хвала Аллаху, который сохранил тебе жизнь! Пойдем же со мной в дом мой, чтобы выкупаться и одеться; и с этой минуты ты можешь располагать всем моим имуществом. И он продолжал говорить с Алладином, пока не убедил его пойти в его дом.

Первой его заботою было отвести Алладина в гамам и вымыть его там без помощи служителей. Затем он одел его в драгоценное платье и повел в зал, где принимал своих друзей. Оба они уселись на коврик, на блюдах были поданы яства, и они стали есть, а затем принялись пить избранные вина, налитые в кувшины. Тогда аль-Бальхи проговорил следующую строфы:

О трепет мой, когда его глаза
Своим сияньем мне смущают душу!
О сладкий трепет первого желанья,
Что пробудилось в молодой груди!

Но Родимое Пятнышко, ухватив их темный смысл, поднялся и сказал хозяину: – Поистине, я не понимаю твоей настойчивости! И он поспешно покинул его дом. Очутившись на улице, он принялся бродить по городу. Становилось уже темно; и он решил провести ночь в мечети. И тут он увидел, что к нему приближаются два человека. Старший из них остановился перед ним и, посмотрев на него с большим вниманием, спросил: – Ты чужеземец, дитя мое? И Алладин ответил: – Я из Каира. Мой отец – староста купцов этого города. Тогда старик повернулся к своему спутнику и сказал ему: – Аллах благоприятствует нам! Мы не надеялись так скоро найти чужеземца, которого искали... Тут Шахразада увидела, что близится рассвет и умолкла. А когда наступила двести сорок девятая ночь, она сказала:

ночь двести сорок девятая

Мы искали чужеземца, который может вывести нас из затруднения! Мы просим от тебя услуги, за которую дадим тебе пять тысяч динариев и коня в тысячу динариев. По нашим законам, когда мусульманин скажет своей жене: «Ты трижды отвергнута!» и захочет потом еще раз взять ее в жены, то надобно, чтобы другой мужчина сперва законно повенчался с отвергнутой женщиной, и потом, в свою очередь, отверг ее, проведя с ней хотя бы одну только ночь. И тогда только первый муж может снова взять ее как законную жену. Именно таков случай молодого человека, который пришел со мной. Он позволил себе на днях поддаться припадку гнева и крикнул супруге

своей, моей дочери: – Уйди из дома моего! Ты отвергнута трижды! И дочь моя опустила покрывало на лицо свое перед мужем, ставшим чужим для нее. Она забрала свое приданое и вернулась в мой дом. Но теперь муж ее страстно желает снова взять ее к себе. И я согласился на это. И мы отправились искать мужчину, который мог бы служить временным предшественником его на одну ночь. А ты чужестранец в городе нашем, и все это совершится тайно, лишь в присутствии кади.

Бедственное положение, в котором находился Алладин, побудило его согласиться на это предложение, и он сказал себе: «Я получу пять тысяч динариев, возьму и коня в тысячу динариев и сверх того проведу ночь в объятиях с женщиной». И он сказал обоим мужчинам: – Клянусь Аллахом, я согласен! Тогда прежний муж женщины сказал Родимому Пятнышку: – Я должен сказать тебе, что люблю супругу свою до крайности! И я боюсь, что найдя ее по своему вкусу, ты откажешься отдать ее мне. Поэтому ты должен будешь в присутствии кади обязаться уплатить мне десять тысяч динариев, если не согласишься развестись с ней на следующий день. И Алладин принял это условие, так как твердо решил провести с упомянутой женщиной только одну ночь.

И когда они, заключив это соглашение, вышли от кади, отец разведенной женщины ввел Родимое Пятнышко в свой дом, а сам отправился к дочери и сказал ей: – Я нашел тебе красивого мальчика, который, надеюсь, понравится тебе. Проведи с ним ночь и не отказывай себе ни в чем. Ведь не всякую ночь приходится заключать в объятия столь обворожительного юношу! Что же касается первого мужа, то он отправился к одной опытной старой женщине и сказал ей: – Прошу тебя, выдумай что-нибудь, чтобы помешать юноше, которого мы нашли, приблизиться в эту ночь к разведенной супруге моей! И старуха ответила: – Нет ничего легче! И она закуталась своим покрывалом... В это время Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести пятидесятая ночь, она сказала:

ночь двести пятидесятая

И она закуталась покрывалом, вошла в дом разведенной и, увидав там Родимое Пятнышко, сказала ему: – Я пришла к разведенной женщине, чтобы втирать ей в тело мазь, как делаю это ежедневно, чтобы излечить ее от проказы. И Алладин воскликнул: – Да охранит меня Аллах! Разве эта разведенная жена больна проказой? А я-то должен был эту ночь провести с нею! И старуха ответила: – О сын мой, тогда лучше воздержись от брачных объятий! И, оставив его совершенно оторопевшим, она пошла и убедила разведенную в том же относительно юноши, посоветовав и ей воздержание, чтобы не осквернить себя.

Что до Родимого Пятнышка, то он поел и напился, и, чтобы занять время, стал напевать лирические строфы, голосом более сладостным, чем был голос юного Давида перед лицом Саула. И когда молодая женщина услышала из своих

покоев этот голос, она сказала себе: «Что болтала мне эта старуха? Разве пораженный проказою может обладать таким чудным голосом? Я сейчас позову его и посмотрю своими собственными глазами, не налгала ли эта старуха. Но сперва я отвечу ему». И она взяла лютню и запела голосом, который мог задержать полет птиц в глубине небес. Когда Родимое Пятнышко услышал это пение, он подумал: «Что говорила мне эта старая торговка мазями? Такой чудный голос не может принадлежать прокаженной!» – и, подхватив услышанный напев, он запел голосом, от которого могли бы заплясать скалы.

Тогда молодая женщина подбежала, приподняла занавес, отделявший ее от молодого человека, и предстала глазам его, подобная луне, выходящей из облаков. И она сделала ему знак, чтобы он вошел, и пошла, двигая бедрами так завлекательно, что подняла бы на ноги даже немощного старика. Но Родимое Пятнышко все еще не решался приблизиться, удерживаемый страхом заражения. Тогда молодая женщина в мгновение ока сбросила с себя сорочку и шальвары и предстала вся обнаженная и чистая, как самородное серебро, и стройная и крепкая, как ствол молодой пальмы. И Родимое Пятнышко сбросил рубашку и шальвары и предстал в совершенной наготе, чистый, как ключевая вода. Тогда молодая женщина, уже не сомневалась в хитрости старой сводницы и, ослепленная прелестями молодого человека, бросилась к нему и заключила его в свои объятья. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила двести пятьдесят первая ночь, она сказала:

ночь двести пятьдесят первая

Проснувшись утром, Родимое Пятнышко сказал своей временной супруге Зобейде: – Мне жаль, что я принужден расстаться с тобой. Ведь, предвидя возможность коварства с моей стороны, твой отец и твой первый муж заставили меня подписать контракт, принуждающий меня уплатить им десять тысяч динариев, если я не откажусь от тебя сегодня же утром. А у меня в кармане ни единой драхмы. Уж лучше мне уйти, ибо иначе мне грозит тюрьма! Выслушав эти слова, юная Зобейда воскликнула: – Милый мой, я люблю тебя больше, чем все услады мира, и я клянусь, что мы изобретем какой-нибудь способ, чтобы никогда более не расставаться: ибо я предпочитаю умереть, чем принадлежать кому-нибудь другому после тебя! Сюда скоро придет за тобой мой отец и поведет тебя к кади, чтобы исполнить формальности контракта. Тогда ты скажешь кади: «Я уже не хочу разводиться, ибо считаю, что каждый волосок этой женщины стоит десяти тысяч динариев, потому я оставляю у себя обладательницу этих драгоценных волос». Тогда кади скажет: «Это твое право! Но ты должен заплатить первому супругу десять тысяч динариев». А ты наверняка уже произвел на старого кади сильное впечатление, и я уверена, что по твоей просьбе он даст тебе отсрочку, чтобы уплатить этот. А до тех пор Аллах поможет нам!

Выслушав эти слова, Родимое Пятнышко подумал и сказал: – Это можно! И в ту же минуту невольница за занавесом сказала: – Госпожа моя, твой отец! Тогда Родимое Пятнышко оделся и поспешил выйти к отцу Зобейды. И оба они вместе с первым мужем, присоединившимся к ним на улице, отправились к кади. И предположения Зобейды оправдались в точности. В ответ на просьбу Алладина кади сказал: – Этот человек, сделавшийся мужем по праву, пользуется отсрочкой в виду его положения в качестве иностранца. И потому мы даем ему десятидневную отсрочку, чтобы уплатить свой долг. И Родимое Пятнышко весьма приветливо распрощался со всеми и поспешил к супруге своей, нежной Зобейде... На этом месте своего рассказа Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести пятьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь двести пятьдесят вторая

И Зобейда поздравила Родимое Пятнышко с достигнутым успехом и дала ему сто динариев с целью устроить для них пир, который продолжился бы всю ночь. И оба они ели и пили до насыщения. И счастливые до крайних пределов они долго отдыхали в объятиях друг друга. А затем они зажгли все светильники и устроили такой концерт, что, слушая их, скалы пустились бы в пляс. И тогда внезапно раздался стук в дверь дома, и Родимое Пятнышко пошел отворять. Между тем в эту ночь халиф Гарун-аль-Рашид, почувствовав стеснение в груди, сказал визирю своему Джафару, меченосцу Масруру и любимому поэту своему, сладостному Абу-Новасу: – Пойдемте прогуляться по улицам Багдада, чтобы найти, чем развлечься и облегчить сердце! И все четверо оделись персидскими дервишами и отправились бродить по улицам Багдада в надежде на какое-нибудь забавное приключение. И услышав пение и игру на инструментах в доме Зобейды, они постучали в дверь без малейшего стеснения.

Когда Родимое Пятнышко увидел дервишей, то, зная долг гостеприимства, принял их весьма радушно, а они спросили: – Во имя Аллаха! Не настоящая ли певица так чудесно пела здесь? А Родимое Пятнышко ответил: – О нет, это пела моя супруга. И он рассказал свою историю с начала и до конца, не выпуская ни одной подробности. Тогда халиф в образе дервиша, почувствовав к Алладину внезапное расположение, сказал ему: – Сын мой, я начальник братства дервишей Багдада, и десять тысяч динариев не являются с нашей стороны жертвой. Я обещаю тебе доставить их в течение десяти дней. Но попроси свою супругу спеть нам что-нибудь из-за занавеса, чтобы возвысить нам душу. И Зобейда охотно согласилась спеть для дервишей. И радость их была велика, и они провели всю ночь, слушая ее чудесное пение.

С наступлением утра мнимые дервиши распростились с Алладином, а в середине дня Родимое Пятнышко увидел перед домом пятьдесят нагруженных мулов, на одном из которых сидел молодой

абиссинец-невольник. Увидев Родимое Пятнышко, он соскочил с седла, поцеловал землю перед юношей и сказал ему: – О господин мой, я послан из Каира к тебе отцом твоим Шамзеддином. И я привез тебе пятьдесят тысяч динариев в ценных товарах и подарок от твоей матери, предназначенный супруге твоей Сетт-Зобейде. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила двести пятьдесят третья ночь, она сказала:

ночь двести пятьдесят третья

Подарок этот состоял из золотого игольника, украшенного драгоценными каменьями, и золотого кувшина. Изумленный и обрадованный Алладин развернул переданное невольником послание и прочитал следующее: «Знай, о возлюбленный сын мой, что весть о постигшем твой караван несчастье дошла и до меня. И я тотчас же снарядил для тебя новый караван из шестидесяти мулов, нагруженных товарами ценою в пятьдесят тысяч золотых динариев. Сверх того мать твоя посылает в подарок супруге твоей игольник и кувшин, которые, осмеливаемся думать, будут приятны ей. Мы не без некоторого изумления узнали об обстоятельствах твоего брака. Но раз ты находишь эту молодую женщину по вкусу, то хорошо сделал, оставив ее у себя. Товары, которые доставит тебе абиссинец Салим, послужат для уплаты суммы, которую ты должен первому ее мужу в качестве возмещения. Мать твоя и все наши шлют тебе свои сердечные приветствия. Живи долго счастливым».

Неожиданное прибытие богатств повергло Родимое Пятнышко в необычайное волнение. И он поднялся к супруге своей и сообщил ей о происшедшем. И тут постучали в дверь отец Зобейды и первый ее муж. Они пришли, чтобы попытаться уговорить Родимое Пятнышко развестись по полюбовному соглашению. Но Родимое Пятнышко ответил: – Аллах послал мне богатство, чтобы я мог щедро вознаградить моего предшественника. Я отдам ему пятьдесят мулов с товарами и оставлю себе лишь подарок, предназначенный моей супруге – игольник и кувшин! Но если Зобейда согласится вернуться к своему прежнему мужу, то я согласен освободить ее! Тогда отец Зобейды спросил ее: – Согласна ты вернуться к своему первому мужу? И она ответила, замахав руками: – О Аллах! Он не сумел оценить моих прелестей! Я останусь у юноши, сумевшего узнать меня во всех отношениях! И Родимое Пятнышко продолжил наслаждаться очаровательной Зобейдой. И каждый вечер после пира и брачных объятий он устраивал с нею концерт, слушая который, птицы задержали бы свой полет в глубине небес.

Однако вскоре он вспомнил об обещании, данном ему начальником дервишей, и сказал супруге своей: – Это начальник обманщиков. Клянусь Аллахом! Если я встречу его, то скажу ему, что думаю о его лживых обещаниях. И в этот же вечер он по обычаю собирался устроить концерт, как вдруг услышал стук в дверь. Открыв ее и увидав прежних

четырех дервишей, он расхохотался им в лицо и сказал: – Добро пожаловать, обманщики! Я все же приглашаю вас войти, ибо Аллах избавил меня от ваших услуг. И он попросил Зобейду спеть им что-нибудь из-за занавеса. И когда начальник дервишей вышел за своей надобностью, поэт Абу-Новас наклонился к уху Родимого Пятнышка и сказал ему... Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. Но когда наступила двести пятьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь двести пятьдесят четвертая

Поэт Абу-Новас сказал Алладину: – Дорогой хозяин, как мог ты поверить, что отец твой прислал пятьдесят мулов, нагруженных богатствами? Ведь чтобы добраться из Багдада в Каир, нужно, по меньшей мере, сорок пять дней! Как же мог отец твой менее чем за десять дней узнать о гибели твоего каравана? Тогда Родимое Пятнышко воскликнул: – Клянусь Аллахом! Радость моя была так велика, что я не успел поразмыслить об этом. Но скажи мне в таком случае, откуда же прислан караван? И Абу-Новас ответил: – Ах, если б ты был столь же проницателен, сколь прекрасен, то угадал бы в нашем начальнике эмира правоверных Гарун-аль-Рашида, а в другом дервише – визиря Джафара-Бармекида, а в третьем – меченосца Масрура. Я же твой почитатель – поэт Абу-Новас. При этих словах Родимое Пятнышко был до крайности поражен и робко спросил: – Но чем же заслужил я все эти благодеяния со стороны халифа? И Абу-Новас ответил: – Своей красотой! Во время этих переговоров халиф вернулся, и тогда Родимое Пятнышко преклонился перед ним и сказал: – О эмир правоверных, да сохранит тебя Аллах нашему почитанию! А халиф, улыбнувшись, сказал ему: – Я жду тебя завтра во дворце. Затем он удалился, сопровождаемый Джафаром, Масруром и Абу-Новасом.

На следующий день Алладин, заботливо одетый и снаряженный Зобейдой, направился во дворец, прихватив с собой ящик с подарками. И, поднявшись в зал заседаний, он приветствовал халифа в стихах с хорошей рифмой, и халиф ответил: – Будь желанным гостем во дворце моем, с нынешнего дня я назначаю тебя на высокую должность старосты Багдадских купцов. И с этого дня Родимое Пятнышко начал постоянно являться к халифу. Едва прошло так два-три дня, как халифу сообщили о внезапной смерти его главного виночерпия, и халиф тотчас же назначил Родимое Пятнышко на эту должность и положил ему богатейшее жалованье. И таким образом он уже не расставался с ним. Еще через день первый придворный поцеловал землю перед троном халифа и сказал ему: – О эмир правоверных, правитель дворца твоего только что скончался! И халиф немедленно назначил Родимое Пятнышко правителем дворца на место покойного, и таким образом тот должен был неотлучно находиться при халифе... На этом месте повествования Шахразада заметила, что приближается утро, и приостановила свой рассказ. А когда наступила двести пятьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь двести пятьдесят пятая

И с этого дня Родимое Пятнышко постоянно проводил дни во дворце, возвращаясь домой лишь поздно ночью. И расположение халифа к Родимому Пятнышку росло с каждым днем. И однажды халиф давал концерт, на котором за занавесом пела самая красивая из всех его наложниц. Вдруг халиф посмотрел на Родимое Пятнышко и сказал ему: – Друг, моя фаворитка нравится тебе, я читаю это в твоих глазах! С этой минуты она принадлежит тебе! Но Родимое Пятнышко ответил: – О повелитель правоверных, избавь недостойного раба твоего от принятия того, что принадлежит господину! Тогда халиф сказал ему: – Ты, может быть, прав. Твоя жена стала бы завидовать моей бывшей фаворитке! Пусть же тогда остается она во дворце! Затем он сказал визирю Джафару: – Ты должен немедля купить на невольничьем рынке за десять тысяч динариев самую красивую невольницу и тотчас отправить ее в дом Родимого Пятнышка! И Джафар вместе с Алладином отправились на невольничий рынок.

Между тем вали города также отправился в тот день на рынок, чтобы купить невольницу сыну своему, только что достигшему возраста зрелости. А сын его отличался таким безобразием, что у беременной женщины при виде его мог случиться выкидыш, был он искривленный, с зловонным дыханием, с косыми глазами и с огромным ртом, за что прозвали его Разбухший Пухляк. И судьбе угодно было, чтобы в тот день на рынке встретились Джафар и Родимое Пятнышко с вали и сыном его Разбухшим Пухляком. И они осмотрели бесчисленное множество молодых девушек-гречанок, абиссинок, китаянок и персиянок и собрались уже уходить, не остановив на этот день своего выбора ни на одной, когда к ним подошел сам начальник маклеров, держа за руку девушку более прекрасную, чем полная луна в месяце Рамадане. При виде ее Разбухший Пухляк начал громко пыхтеть, чтобы выразить свое желание, а Родимое Пятнышко сказал Джафару: – Это как раз то, что нужно! Тогда визирь спросил маклера: – Какая цена назначена за нее? И тот ответил: – Восемь тысяч динариев! Тогда Разбухший Пухляк воскликнул: – Я даю восемь тысяч! Но Родимое Пятнышко сказал: – Десять тысяч динариев! И тогда маклер сказал: – За десять тысяч динариев невольница Жасмин! – и передал ее Родимому Пятнышку. При виде этого Разбухший Пухляк бросился на землю, болтая руками и ногами от злости. Алладин же увел невольницу Жасмин к себе и познакомил ее с супругой своей Зобейдой, которая одобрила его выбор, и он взял ее как вторую жену.

А Разбухшего Пухляка привели домой, где он бросился на постель и не хотел более ни есть, ни пить и почти потерял рассудок. А в это время в дом кади случайно зашла старая женщина – мать знаменитого сидящего в тюрьме вора, известного в Багдаде под именем Ахмада Шелудивого. Он был настолько искусен в деле воровства, что мог вырвать у человека ресницы, не будучи даже им

замеченным. И мать Ахмада зашла к матери Разбухшего Пухляка и спросила ее, каким недугом страдает ее сын. И узнав всю его историю, она воскликнула: – О госпожа моя, мой сын сумеет найти средство, чтобы отдать прекрасную Жасмин в руки твоего сына! Тогда мать Разбухшего Пухляка в тот же вечер приукрасилась, надушилась, пошла к супругу своему и сказала: – Поклянись мне разводом, что ты исполнишь, о чем я попрошу! И когда он поклялся, она разжалобила его судьбой престарелой матери вора и добилась обещания его освободить.

И на следующее утро вали явился в тюрьму и спросил Ахмада: – Ну что, бандит, раскаиваешься ли ты в твоих преступлениях? И тот поклялся в этом. Тогда вали привел его к халифу, который был чрезвычайно удивлен, увидев его еще в живых, но, выслушав вали, сказал: – Я осведомлен о твоих проделках, но хочу помочь тебе утвердиться в своем раскаянии, а так как никто не знает воров лучше, чем ты, то я назначаю тебя начальником полиции в Багдаде! И Ахмад Шелудивый облобызал руки халифа и вступил в исполнение своих обязанностей. И вскоре его мать по секрету рассказала ему обстоятельства его освобождения и попросила изобрести что-нибудь, чтобы похитить невольницу у Родимого Пятнышка. Выслушав эти слова, Ахмад Шелудивый сказал свой матери: – Дело будет сделано сегодня вечером, ибо нет ничего легче. Тут Шахразада увидела, что брезжит утро, и умолкла. А когда настала двести пятьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь двести пятьдесят шестая

Между тем в эту ночь халиф вошел в покои своей супруги; по обыкновению оставив на столике свои янтарные четки, свою саблю с рукояткой, выложенной рубинами величиной с голубиное яйцо, свою царскую печать и маленькую золотую лампу, светившую ему во время ночных осмотров дворца. И все это было известно Ахмаду Шелудивому и послужило ему для выполнения его плана. Когда ночью рабы погрузились в сон, он взобрался по веревочной лестнице в павильон супруги халиф, и в мгновение ока завладел всеми четырьмя драгоценными предметами. Затем он пробрался во двор Родимого Пятнышка, где поднял одну из мраморных плит и зарыл под ней украденные предметы, опустив, однако, себе в карман золотую лампу.

Когда же халиф поутру не нашел своих драгоценных вещей, он облекся в одежду ярости из красного шелка. А когда он надевал ее, это было признаком ужаснейших бедствий над головами всех окружающих. И он вошел в залу совета, сел на трон и приказал привести к себе вали и нового начальника полиции. И увидав Ахмада Шелудивого, халиф сказал ему: – Если ты не сумеешь до наступление ночи отыскать драгоценные вещи, то голова твоя будет вывешена на воротах дворца! И тот, облобызав землю, ответил: – О эмир правоверных, вор будет открыт. Но я прошу выдать мне фирман о разрешении делать обыск у всех обитателей дворца и даже у великого визиря Джафара, и у Родимого Пятнышка!

И халиф велел тотчас выдать ему упомянутый фирман. Тогда Ахмад немедленно приступил к обыскам и после Джафара и вали явился в дом Родимого Пятнышка, и, получив на то его соизволение, стал обходить двор кругом, постукивая тяжелой палкой по мраморным плитам. И когда известная ему плита издала глухой звук, он воскликнул: – Клянусь Аллахом там должно быть подземелье, в котором скрыт клад былых времен. Тогда Алладин сказал стражам: – Приподнимите эту плиту! И они вонзили свои инструменты в скважины мраморной плиты, и перед всеми предстали сабля, печать и четки!

При виде этого Родимое Пятнышко упал без чувств. Когда же халифу вручили пропавшие вещи, сообщив об открытии их в доме правителя дворца, он долго оставался безмолвным, а потом сказал начальнику стражи: – Повесить его! И тот арестовал Алладина; имения его были переданы в казну, а обе женщины должны были быть проданы как невольницы. И тогда отец Разбухшего Пухляка заявил, что берет ту, которую купил Джафар, а начальник стражи велел отвести к себе в дом Зобейду. Между тем этот начальник был другом Родимого Пятнышка, и он поклялся спасти его жизнь. Он пошел в тюрьму, осмотрел всех осужденных на казнь и выбрал одного, поразительно похожего на Родимое Пятнышко. И он увел его с собой и сдал его палачу, который перед толпой накинул ему веревку на шею и вздернул его на воздух. А начальник стражи выпустил ночью Алладина из тюрьмы, провел его к себе и сказал: – Рано или поздно, сын мой, истинный виновный будет открыт. Тебе же невозможно более оставаться в Багдаде. Мы идем сейчас же в гавань, чтобы оттуда отплыть в Искандарию*, где ты в спокойствии будешь ожидать дальнейших событий. Добравшись до гавани, они нашли корабль, который собирался отплыть в Искандарию. И начальник стражи, передав Родимому Пятнышку немного денег, со слезами поцеловал его и расстался с ним, сказав, что привезет его обратно в Багдад, когда истинный виновный будет открыт.

На следующий день после казни Алладина халиф сказал Джафару: – Как может в столь прекрасном существе скрываться столь безобразная душа? А тот ответил: – О повелитель правоверных, в глазах его такой отблеск духовной красоты, что разумение мое отказывается верить этому факту! Тогда Халиф сказал: – Я хочу взглянуть на тело, качающееся на виселице! И когда Джафар снял с повешенного саван, халиф воскликнул: – Это совсем не он! Посмотри на его подошвы: на них татуировки, которых не было у Родимого Пятнышка! Но в ответ Джафар заметил только: – Лишь одному Аллаху известна тайна всех вещей. И халиф с этого дня изгнал из памяти своей воспоминания о Родимом Пятнышке. Когда же невольницу Алладина привели к Разбухшему Пухляку, он хотел подойти и обнять ее. Но Жасмин вдруг выдернула из-за пояса кинжал и воскликнула: – Отойди, или я убью тебя этим кинжалом! Я предпочитаю умереть, чем отречься от любви господина моего, будь он жив или мертв! Тогда супруга вали надела на нее платье из козьей шерсти и послала ее на кухню, чтобы чистить лук и разводить огонь под котлами.

Между тем нужно вспомнить, что Жасмин с первой же ночи брака забеременела от Родимого Пятнышка. И вскоре в доме вали она родила ребенка мужского пола, прекрасного, как месяц, которого назвала Асланом. Через два года он стал крепким и очень красивым мальчиком. И судьбе его угодно было, чтобы однажды он взобрался по ступеням кухонной лестницы и очутился в зале, где

* *Искандария (или Искандерия)* – Александрия.

сидел вали. При виде этого ребенка, сходство которого с Родимым Пятнышком было полное, вали почувствовал, что слезы навертываются ему на глаза. И он велел позвать Жасмин и спросил ее: – Кто же отец этого мальчика? И она ответила, проливая слезы: – Отец его – мой супруг Родимое Пятнышко! Но теперь, о господин мой, он твой сын! И сильно взволнованный вали сказал невольнице: – Пусть будет, как ты сказала. Отныне он мой сын. С этого дня ты должна внушить ему, что у него никогда не было другого отца!

И вали дал ему тщательное воспитание, и научил его ездить верхом, владеть оружием, понимать геометрию и поэзию. И с четырнадцати лет Аслан был возведен халифом в звание эмира. Но судьбе угодно было, чтобы он повстречал однажды Ахмада Шелудивого у дверей шинка. Тот был пьян и, хвастаясь, вытащил из своего кармана золотую лампу. И когда Аслан заинтересовался ею, Ахмад поведал ему всю ее историю. Когда же Аслан передал матери своей, что слышал про эту лампу, она громко вскрикнула и упала без чувств... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила двести пятьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь двести пятьдесят седьмая

При этих словах молодая женщина громко вскрикнула и упала без чувств.

Когда же мать Аслана пришла в себя, она сказала сыну сквозь слезы: – Дитя мое, Аллах открыл истину! Знай же, что вали лишь приемный отец тебе; отец же твой – мой супруг Родимое Пятнышко, который был наказан вместо настоящего виновника. Тогда юный Аслан поспешил к начальнику дворцовой стражи и сказал ему: – О друг моего отца, заклинаю тебя отмстить его убийце! И до крайности изумленный начальник стражи сказал Аслану: – Да будет благословен Аллах, бросающий свет во тьму! С завтрашнего дня он отомстит за тебя! А назавтра халиф устроил турнир, во время которого один из игроков пустил мяч прямо в лицо халифу таким сильным ударом, что он, без сомнения, стоил бы ему глаза. Однако юный Аслан с бесподобной ловкостью так свирепо отбросил этот мяч в противоположном направлении, что тот выбил из седла всадника, его пустившего. И халиф после турнира собрал своих эмиров, позвал юного Аслана и сказал ему: – О доблестный сын вали Багдада, я хочу, чтобы ты сам оценил, какой награды ты достоин! Говори! Тогда юный Аслан сказал: – Я прошу о мести! Кровь отца моего еще не искуплена! Знай, что истинный отец мой – Родимое Пятнышко! Его погубил начальник полиции Ахмад Шелудивый. Вели обыскать его, и ты найдешь в его кармане доказательство его измены! Тогда халиф сделался желтым, как шафран, и страшным голосом приказал начальнику стражи: – Обыщи при мне начальника полиции!

Тогда старый друг Родимого Пятнышка в одно мгновение обыскал карманы Ахмада и вытащил оттуда золотую лампу. И Ахмад Шелудивый был схвачен стражами, избит палочными ударами и, наконец, признался во всем. Тогда

халиф сказал Аслану: – Ты повесишь его собственными руками! Когда правосудие было совершено, Аслан сказал халифу: – О повелитель правоверных, если ты разрешаешь мне обратиться к тебе с просьбой, я прошу возвратить мне моего отца! Но халиф в ответ лишь простонал: – Но бедный твой отец, вероятно, умер, хотя это и не вполне достоверно... Тогда начальник стражи приблизился к халифу и сказал: – О повелитель правоверных, твой прежний верный слуга, Родимое Пятнышко, жив! Я спас его, устроив так, чтобы вместо него повесили обыкновенного преступника. И теперь Родимое Пятнышко находится в Искандарии и, должно быть, стал лавочником на рынке. При этих словах халиф обрадовался: – Ты должен привезти его ко мне в самый краткий срок. И начальник стражи тотчас же пустился в путь.

Что же касается Родимого Пятнышка, то, прибыв в Искандарию, он отправился на базар, где нанял лавку, хозяин которой скоропостижно скончался. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила двести пятьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь двести пятьдесят восьмая

И Родимое Пятнышко в течение долгих лет удачно вел торговлю, получая хорошую прибыль. Но однажды он вдруг заметил на одной из дальних полок какой-то красный и блестящий предмет. Он взял его и убедился, что это драгоценный камень-талисман, на гранях которого были вырезаны какие-то письмена. И пока он разглядывал талисман, перед его лавкой остановился морской капитан, который после приветствий спросил: – Согласен ли ты продать мне этот камень за восемьдесят тысяч золотых динариев? А Родимое Пятнышко подумал: «Клянусь Аллахом, эта гемма должна быть сказочно драгоценна! Я представлюсь несговорчивым!» И он ответил: – Ты, конечно, шутишь! Эта гемма стоила мне сто тысяч динариев звонкою монетою! И тот сказал: – Так ты согласен отдать ее за сто тысяч? И Родимое Пятнышко ответил: – Идет. Но это только для тебя! И капитан поблагодарил его и сказал: – Ты должен пойти со мной на корабль, где получишь эту сумму! Но когда Родимое Пятнышко поднялся на палубу, вдруг паруса корабля были распущены, и он понесся по морю. А капитан, подойдя к оцепеневшему от ужаса Алладину, сказал ему: – Через несколько дней мы прибудем в христианскую Геную, и ты увидишь, какая участь тебя ждет там!

И когда корабль прибыл в гавань Генуи, какая-то старуха в сопровождении двух мужчин явилась на корабль за Родимым Пятнышком. Она провела его через город в монастырскую церковь и сказала: – Отныне ты будешь каждый день с зарею отправляться в лес за дровами, мыть пол церкви и монастыря, затем молотить рожь и печь хлебы в печи. А в послеполуденные часы ты будешь загонять прохожих в церковь на проповедь, если же они будут отказываться, то вот тебе жезл с железным крестом на конце, которым ты будешь убивать их по приказанию короля. Проговорив это, старуха ушла, а

Léon Carré

Родимое Пятнышко сказал себе: «Клянусь Аллахом! Все это чудовищно!» Но в это время между колоннами церкви появилась женщина, которая подошла к нему и сказала: – Да будет благословен Аллах, дозволивший нам соединиться! Знай же, Родимое Пятнышко, что это я велела доставить тебя сюда против твоей воли. Я дочь короля этого города, принцесса Мариам. Волшебство, которому я обучилась, открыло мне твое существование и твою красоту. Волшебный камень, который ты нашел в своей лавке, был помещен на одну из ее полок моим капитаном, чтобы завлечь тебя на корабль. И ты вскоре убедишься в той чудесной силе, которую дает мне этот камень. Но прежде всего ты обвенчаешься со мной! Тогда Родимое Пятнышко спросил: – Но обещаешь ли ты отвезти меня в Искандарию? И она ответила: – Нет ничего легче! Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила двести пятьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь двести пятьдесят девятая

И принцесса потерла сердолик и сказала: – Доставь мне походную кровать! И сразу появилась кровать; оба поместились на ней, принцесса повернула сердолик стороной, на которой была вырезана птица, и кровать, проскользнув в окно, понесла их в Искандарию. И когда они сходили на землю, то встретили стражника, который рассказал Родимому Пятнышку обо всем произошедшем в Багдаде, включая рождение сына его Аслана, и он добавил: – Повелитель правоверных желает видеть тебя как можно скорее! И Алладин ответил: – О, конечно! Но позволь мне сначала отправиться в Каир. И кровать перенесла их в мгновение ока в Каир на улицу, где находился дом Шамзеддина. И когда мать с отцом открыли им, то упали без чувств на руки своего сына. Отдохнув, все вместе взобрались на кровать, которая перенесла их в Багдад, где халиф осыпал почестями и должностями Родимое Пятнышко и отца его Шамзеддина, и сына его Аслана. И они зажили в Багдаде, безгранично счастливые, и жили многие годы до тех пор, пока не пришла к ним Разлучница друзей! Окончив эту историю, Шахразада сказала: Теперь я расскажу о приключениях мудрой Симпатии. Но тут она заметила, что занимается утро, и отложила рассказ свой до следующего дня. А когда наступила двести шестидесятая ночь, она сказала:

ночь двести шестидесятая

Рассказ о мудрой Симпатии

Жил в Багдаде купец, который вел обширнейшую торговлю. Но он не был счастлив, потому что ни от одной из многочисленных супруг своих не дождался он ребенка. Но однажды, усердно попостившись и помолившись, он провел ночь с самою молодою из своих жен, и милостью Всевышнего с той самой ночи она понесла. И через девять месяцев она благополучно родила прекрасного мальчика, которого купец назвал Абул-Гассаном. И когда наступила для него пора учения, его научили читать великие слова Корана, красиво писать, сочинять стихи, считать и стрелять из лука. И стал он образованнее всех людей своего поколения. И к различным знаниям присоединялось у него чарующее обаяние и совершенная красота. И когда отец его почувствовал приближение смерти, он сказал сыну: – Я завещаю тебе большое состояние, много богатств и земель, и я советую тебе пользоваться всем этим без излишеств. Затем старый купец умер от своей болезни, и по прошествии времени Гассан мало-помалу стал забывать советы отца своего и кончил тем, что уверился в неиссякаемости своего счастья и богатства.

И стал он предаваться всякого рода удовольствиям: посещать певиц и женщин, поедать ежедневно множество пищи, откупоривать сосуды со старым вином и тратить все, что могло быть истрачено. И в конце концов он проснулся однажды утром нищим, и из всех слуг и женщин осталась у него только одна невольница. Но именно она была жемчужиною из всех невольниц Запада и Востока. Ее звали Симпатией, и ни одно имя не согласовалось так с качествами носившей его, как в этом случае. Симпатия была стройна, как буква алеф, и такая тоненькая и нежная, что само солнце не могло удлинить ее тени на земле. Красота и свежесть ее лица были изумительны; рот ее, казалось, запечатан был печатью Солеймана, как бы для того, чтобы тщательно хранить жемчужное сокровище, в нем заключавшееся. Перси ее напоминали два прелестно разъединенных граната, а остальное тело было округло и пышно. В этом месте своего рассказа Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила двести шестьдесят первая ночь, она сказала:

ночь двести шестьдесят первая

Убедившись в своем разорении, Гассан лишился сна и перестал принимать пищу, но невольница его Симпатия решилась спасти его во что бы то ни стало. Она украсила себя всем, что осталось от ее драгоценностей, и сказала своему господину: – Аллах прекратит твои напасти при моем посредстве. Для этого тебе надо пойти к эмиру Гарун-аль-Рашиду и продать меня ему за десять тысяч динариев. И Гассан нашел, что план этот недурен, и потому привел Симпатию к халифу, который спросил у нее: – Обладаешь ли ты какими-либо знаниями? И она ответила: – О господин мой, я сведуща во всех науках, и так далеко простираются мои знания, что пределы их могут быть различаемы лишь теми редкими людьми, которые долгие годы изнуряли себя изучением премудрости. Я изучала стихосложение, гражданское право, музыку, астрономию, геометрию, арифметику и законоведение. Я знаю наизусть Великую Книгу, и сколько в ней строк, слов и букв: согласных и гласных. Мне знакомы логика, архитектура, философия и риторика. Кроме того, я пою в совершенстве, танцую, как птичка, играю на лютне и на флейте, а также на всех струнных инструментах. Когда я мигну, то пронзаю как стрелой; когда потрясу браслетами, то ослеплю; мое прикосновение дает жизнь!

Услышав эти слова, халиф был изумлен и очарован, и он сказал Гассану: – Я прикажу произвести испытание твоей невольницы, чтобы убедиться, действительно ли она так учена, как хороша собою. И если она выдержит это испытание, я не только уплачу тебе десять тысяч динариев, но и осыплю тебя почестями. И халиф велел позвать величайшего из своих ученых, Ибрагима-бен-Саиара, изучившего до самой глубины все человеческие науки. Он велел также позвать поэтов, чтецов Корана, врачей, астрономов, философов, законоведов и богословов. И когда все собрались в приемном зале, халиф объяснил им, в чем дело. И все сели в кружок на ковре, между тем как посередине, на золотом сидении, поместили Симпатию, с лицом прикрытым легким покрывалом, сквозь которое блестели ее глаза и сверкали зубы из-за улыбавшихся губ... В этом месте рассказа Шахразада заметила наступление утра и умолкла. Но когда наступила двести шестьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь двести шестьдесят вторая

И халиф Гарун-аль-Рашид сказал всем присутствующим: – Я призвал вас сюда для того, чтобы вы испытали познание этой отроковицы! Кто из вас всего более сведущ в Коране и заветах Пророка? И когда один из ученых поднялся, Симпатия сказала ему: – Спрашивай меня, как хочешь, по своему предмету! И ученый чтец Корана спросил: – О молодая девушка, скажи мне, каким

Léon Carré

образом знаешь ты, что есть Бог? И она отвечала: – Посредством разума! А это двойной дар: он и врожденный, и приобретенный. Врожденный – тот, который Аллах вселил в сердца избранных слуг своих, дабы они шли путями истины. А приобретенный разум у хорошо одаренного человека является плодом воспитания и неустанного труда. Он сказал: – Прекрасно! Но где пребывает разум? Она ответила: – В сердце нашем. И отсюда внушения его поднимаются к нашему мозгу и поселяются в нем. Он сказал: – А какие деяния наиболее благочестивы? Она ответила: – Их шесть: молитва, милостыня, паломничество, борьба против дурных побуждений и всего беззаконного и, наконец, священная война! Он воскликнул: – Прекрасный ответ. А в чем польза молитвы? – Молитва не имеет никакой земной полезности. Она только духовная связь между Творцом и Его созданием. Но она может принести десять духовных плодов: она просвещает сердце, озаряет лицо, угодна Всемилосердному, возбуждает бешенство в Злом Духе, привлекает милосердие, удаляет злые козни, предохраняет от зла, предохраняет от вражеских намерений, укрепляет колеблющийся ум и сближает раба с его Господином!

Тогда ученый чтец Корана воскликнул: – Этот ответ поистине превосходен. А что делают ангелы и демоны при человеке, совершающем омовение? И Симпатия ответила: – Когда человек приступает к омовениям, ангелы становятся по его правую сторону, а демоны – по левую, но, как только он произнесет слова: «Во имя Аллаха!», демоны обращаются в бегство, ангелы же подходят к нему, развертывая над головою его лучезарный квадратный балдахин, который и поддерживают за четыре конца, и поют хвалы Аллаху, и молят об отпущении грехов того человека. Но если он забудет призвать имя Аллаха или если перестанет произносить его, демоны возвращаются... В этом месте рассказа Шахразада заметила наступление утра и скромно умолкла. Но когда наступила двести шестьдесят третья ночь, она сказала:

ночь двести шестьдесят третья

Демоны возвращаются и употребляют все свои усилия, чтобы смутить его душу, внушить ему сомнение и охладить его ум и благочестие. Ученый муж сказал: – Хорошо отвечено! Можешь ли сказать теперь, что требуется для совершения молитвы? Она продолжала: – Потребные для молитвы условия суть столпы, которые поддерживают ее. Первее всего доброе намерение; затем формула Такбира, состоящая в произнесении следующих слов: «Аллах выше всего!» Затем прочтение Фатихи, первой главы Корана; затем нужно распростереться лицом к земле; потом подняться; потом произнести исповедание веры; потом сесть, упираясь на пятки; обратиться с пожеланием к Пророку, говоря: «Да будут над ним молитвы и мир Аллаха!», и, наконец, пребывать в добром намерении. Другие условия хорошей молитвы извлечены только из Сунны (книги преданий), а именно: поднять руки

к небу, обращая ладони кверху, по направлению к Мекке; вторично прочесть Фатиху; прочесть другую главу из Корана; произносить разные другие благочестивые предания и заканчивать пожеланиями Пророку (Да будут над ним мир и молитвы!).

Ученый муж сказал: – Превосходно! Скажи мне теперь о посте. Симпатия ответила: – Пост есть воздержание от пищи, питья и чувственных наслаждений в течение дня до заката солнца в месяце Рамадане, как только заметят новолуние. Следует также во время поста воздерживаться от пустых речей и от всякого рода чтения, за исключением Корана. Ученый спросил: – Но нет ли вещей, которые, на первый взгляд, нарушают действительность поста, но которые, по учению Книги, ничего не убавляют из его значения? Она ответила: – Действительно, есть вещи, допускаемые при посте. Таковы: помады, мази, бальзамы; краски для глаз и глазная примочка; дорожная пыль; проглатывание слюны; взгляд, брошенный на иностранку и на мусульманку; кровопускание и банки, простые и с насечками. Все это допускается при посте.

Ученый сказал: – Превосходно! Теперь я хочу, чтобы ты сказала о паломничестве. Она ответила: – Паломничество в Мекку, или хадж, есть обязанность, которую каждый мусульманин должен выполнить, по крайней мере, один раз в жизни и по достижении зрелого возраста. Для этого нужно соблюсти различные условия. Следует облечься в плащ паломника или играм, воздерживаться от сношений с женщинами, обрить волосы на теле, обрезать ногти и закрыть голову и лицо. В Книге преданий имеются и другие предписания. Но здесь Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила двести шестьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь двести шестьдесят четвертая

Когда истолкователь Книги выслушал эти ответы, он подумал, что она знает столько же, сколько он сам. А Симпатия слегка улыбнулась и сказала: – Я бы хотела в свою очередь задать тебе вопрос. Можешь ли, о ученый чтец Корана, сказать мне, на каких основах покоится Ислам? Он подумал и сказал: – Их четыре: вера, просветленная разумом; прямота; знание своих обязанностей, своих точных прав и скромность; исполнение принятых обязательств. А она продолжала: – Позволь мне задать тебе еще один вопрос. И если ты не решишь его, я получу право сорвать с тебя плащ, отличающий ученого чтеца Книги! И он сказал: – Задавай вопрос свой, о невольница! И она спросила: – Каковы ветви Ислама? Ученый задумался и не знал, что ответить. Тогда халиф сказал Симпатии: – Ответь сама на этот вопрос, и плащ ученого будет принадлежать тебе! Симпатия поклонилась и ответила: – Ветвей Ислама двадцать: строго соблюдать учение Книги; сообразоваться с преданиями и с устным учением нашего святого Пророка; никогда не совершать несправедливости; употреблять лишь дозволенную пищу; никогда не употреблять запрещенной;

наказывать злоумышленников, чтобы не усиливать злых путем снисходительности добрых; раскаиваться в своих проступках; основательно изучать религию; творить добро и врагам; быть скромным в жизни; помогать служителям Аллаха; избегать всяких нововведений и перемен; выказывать мужество в несчастии и твердость в испытаниях; прощать, когда мы сильны и властны; быть терпеливыми в несчастии; познавать Аллаха Всевышнего; познавать Пророка (над ним мир и молитвы!); противиться внушениям Духа Зла; противиться страстям и дурным побуждениям; предаться всецело служению Аллаха с полным доверием и полною покорностью!

Когда халиф выслушал этот ответ, он приказал тотчас же сорвать плащ с ученого и отдать его Симпатии, что и было немедленно исполнено к великому смущению ученого, который вышел из залы, опустив голову. Тогда поднялся со своего места другой ученый, славившийся своими тонкими богословскими познаниями, и он обратился к ней и сказал: – Можешь ли ты, о невольница, сказать, что такое нечто, что такое его половина и что такое менее чем нечто? Она, не колеблясь, ответила: – Нечто – это правоверный, половина его – лицемер, а менее, чем нечто, – неверный! Он сказал: – Верно! А где пребывает вера? Она ответила: – В четырех местах: в сердце, в голове, в языке и в членах нашего тела. Сила сердца заключается в радости, сила головы – в познании истины, сила языка – в искренности, а сила остальных членов – в покорности! В этом месте рассказа своего Шахразада заметила наступление утра и умолкла. Но когда наступила двести шестьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь двести шестьдесят пятая

Когда ученый богослов прослушал этот ответ, он воскликнул: – Я признаю это, о невольница! Тогда Симпатия взглянула на халифа и сказала: – О повелитель правоверных, позволь и мне задать вопрос моему экзаменатору и взять у него плащ, если он не в состоянии будет ответить! И, получив разрешение, она спросила ученого: – Можешь ли ты, о почтенный шейх, сказать, какую обязанность следует исполнять прежде всех остальных, хотя она и не главнейшая? Ученый не знал, что ответить, а отроковица поспешила сорвать с него плащ и сама ответила следующим образом: – Эта обязанность омовений, так как предписывается очищать себя перед малейшим религиозным обрядом и перед всеми действиями, предусмотренными Книгою преданий.

После этого Симпатия окинула всех вопросительным взглядом, на который ответил один из славнейших ученых, не имевший себе равного в знании Корана. Он встал и сказал Симпатии: – О молодая девушка, преисполненная ума и очарований, можешь ли, так как ты знаешь книгу Аллаха, дать нам образец точности твоих знаний? И она ответила: – Коран состоит из ста четырнадцати сурат, или глав, из которых семьдесят были продиктованы в Мекке и сорок четыре – в Медине. Он разделяется на шестьсот двадцать

один отдел, или «ашар», и на шесть тысяч двести тридцать шесть стихов. Он заключает в себе семьдесят девять тысяч четыреста тридцать девять слов и триста двадцать три тысячи шестьсот шестьдесят шесть букв, и с каждой связано десять особых качеств.

Мы находим в нем имена двадцати пяти пророков: Адама, Нуха, Ибрагима, Измаила, Исаака, Якуба, Юссефа, Эль-Иоша, Иунеса, Лота, Салеха, Гуда, Шоаиба, Дауда, Солеймана, Зоуль Кефеля, Эдриса, Элиаса, Иаие, Захарии, Эйюба, Муссы, Гаруна, Иссы (Иисуса) и Магомета (да будут надо всеми ними мир и молитва!). Мы находим там название девяти птиц или крылатых животных: москита, пчелы, мухи, удода, ворона, саранчи, муравья, птицы абабиль и птицы Иссы (мир и молитва Ему!), которая есть не что иное, как летучая мышь. Но тут Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила двести шестьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь двести шестьдесят шестая

Когда ученый услышал такие ответы Симпатии, он не мог удержаться от восклицания: – Свидетельствую, о эмир правоверных, что никто не может сравниться знаниями с этой молодой девушкой! Тогда Симпатия попросила позволение задать вопрос шейху и сказала ему: – Можешь ли сказать мне, в каком стихе двадцать три раза повторяется буква каф, в каком шестнадцать раз повторяется буква мим и в каком сто сорок раз повторена буква аин? Ученый стал в тупик и не мог привести ни малейшей цитаты, а Симпатия, взяв у него плащ, поспешила указать требуемые стихи, при всеобщем удивлении присутствующих.

Тогда поднялся медик, известный обширностью своих знаний. Он обратился к Симпатии и сказал ей: – Ты превосходно говорила о духовных предметах, пора заняться телом. Объясни нам, о прекрасная невольница, человеческое тело, его образование, его нервы, кости и позвонки, и почему Адам был назван Адамом! Она ответила: – Имя Адам происходит от арабского слова адим, означающего кожу, поверхность земли, и было дано первому человеку, созданному из глыбы земли различных частей света. Действительно, голова Адама была создана из земли Востока, грудь его из земли Каабы, а ноги из земли Запада. Аллах образовал тело, снабдив его семью входными отверстиями и двумя выходными: два глаза, два уха, две ноздри и рот, а с другой стороны два выходных отверстия. Затем Творец, чтобы дать Адаму темперамент, соединил в нем четыре элемента: воду, землю, огонь и воздух. Таким образом, желчный темперамент приобрел природу огня, который горяч и сух; нервный темперамент получил природу земли, которая суха; лимфатический – природу воды, которая холодна и сыра, а сангвинический – природу воздуха, который горяч и сух. После этого Аллах закончил образование человеческого тела. Он ввел в него триста шестьдесят проводов и двести сорок костей. Он дал ему три инстинкта: инстинкт жизни, инстинкт воспроизведения и инстинкт аппетита.

Потом вложил Он в него сердце, селезенку, легкие, шесть кишок, печень, две почки, мозг и органы воспроизведения. Он наделил его пятью чувствами, руководимыми семью духами жизни. Что касается порядка органов, то Аллах поместил сердце с левой стороны и под ним желудок и легкие, чтобы они служили сердцу опахалом; печень направо, чтобы охранять сердце, сплетение кишок и ребра. Что касается головы, то она состоит из сорока восьми костей; в груди заключаются двадцать четыре ребра у мужчины и двадцать пять у женщины: это дополнительное ребро служит к тому, чтобы заключать ребенка в чреве матери и поддерживать его. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила двести шестьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь двести шестьдесят седьмая

ченый медик не мог не выразить удивления и спросил: – А какие причины производят головную боль? Она отвечала: – Головная боль зависит главным образом от того, что пищу вводят в желудок ранее, чем прежняя успела перевариться. Обжорство – причина всех болезней, опустошающих землю. Тот, кто желает продлить свою жизнь, должен придерживаться умеренности и, кроме того, вставать рано, избегать поздних бдений, не предаваться половым излишествам, не злоупотреблять кровопусканиями и банками и, наконец, следить за своим желудком. Для этого он должен разделить свой желудок на три части, из которых одну будет наполнять пищей, другую водой, а третью оставлять пустою, для того чтобы она была свободной для дыхания и для того чтобы в ней могла помещаться душа.

Он сказал: – Ответ твой разумен. Не можешь ли сказать нам что-нибудь о кровопускании? Она ответила: – Кровопускание необходимо для всех тех, у кого слишком много крови. Его следует делать натощак в весенний безоблачный день, когда нет ни ветра, ни дождя. Если такой день выдастся во вторник, то кровопускание приносит большую пользу, в особенности, если этот день будет семнадцатым днем месяца. Действительно, нет ничего лучше кровопускания для головы, глаз и крови. Но нет ничего хуже кровопускания, если его производят в большую жару или холод, если в то же время едят соленое, острое и если дело бывает в среду или субботу. В этом месте рассказа Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила двести шестьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь двести шестьдесят восьмая

Прослушав ответы прекрасной Симпатии, медик не мог не признаться, что невозможно уличить ее в незнании, и хотел вернуться на свое место. Но Симпатия помешала ему знаком и сказала: – Нужно, чтобы и я, в свою очередь, поставила тебе вопрос: можешь ли сказать мне, о ученый, какой предмет бывает кругл, как земля, и помещается в глазу, то разлучаясь с ним, то проникая в него, разлучаясь на ночь и соединяясь днем, выбирая обычное местопребывание на окраинах? Как ни старался ученый, ему не удалось ответить, и Симпатия, отняв у него плащ по предложению халифа, ответила сама: – Это пуговица и петля!

После этого поднялся с места знаменитый астроном и спросил Симпатию: – Где восходит солнце, и куда оно садится? Она ответила: – Знай, что солнце восходит из источников Востока и исчезает в источниках Запада. Этих источников сто восемьдесят. Солнце – султан дня, а луна – султанша ночи. И Аллах сказал в своей книге: «Я дал солнцу его свет и луне ее блеск и указал им их места для того, чтобы вы могли знать счет дням и годам. Я установил предел течению светил и запретил луне достигать солнца, а ночи опережать день! Таким образом, день и ночь, мрак и свет, никогда не смешивая свою сущность, непрестанно отождествляются!»

Прослушав этот ответ, астроном был восхищен глубиною познаний молодой Симпатии. Ему захотелось, однако, смутить ее более трудным вопросом, и он спросил: – О отроковица, как ты думаешь, будет ли дождь в этом месяце? Тогда мудрая Симпатия опустила голову, долго размышляла, а потом сказала халифу: – О эмир правоверных, я прошу дать мне твою саблю, чтобы отрубить голову этому астроному, который неверующий! Ибо есть пять вещей, известных одному только Аллаху: день смерти, пойдет ли дождь, пол ребенка во чреве матери, событие завтрашнего дня и место, где должен умереть каждый человек! На что астроном улыбнулся и сказал ей: – Этот мой вопрос был только для того, чтобы испытать тебя. Но в этом месте своего рассказа Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила двести шестьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь двести шестьдесят девятая

Тогда Симпатия сказала: – Теперь моя очередь спрашивать тебя. На какие три класса делятся звезды? Напрасно ученый поднимал глаза к небу – ответить он не мог. Тогда Симпатия, сорвав с него плащ, сама ответила на свой вопрос: – Звезды делятся на три класса сообразно своему назначению: одни подвешены к небесному своду, как факелы, и служат тому, чтобы освещать землю; другие висят в воздухе на невидимом прикреплении и освещают моря; а звезды третьей категории подвижны, и ими двигают по произволу пальцы Аллаха. Услышав эти слова, астроном

признал, что обладает гораздо меньшими знаниями, чем прекрасная отроковица, и удалился из зала. Тогда место его занял философ, который спросил Симпатию: – Можешь ли сказать что-нибудь о богохульстве? Она ответила: – На это отвечу словами нашего Пророка, который сказал: «Богохульство вращается среди сынов Адама, как кровь обращается в жилах, коль скоро они поносят землю, и плоды земные, и часы жизни земной. Величайшее богохульство есть богохульство против времени и мира, потому что время это сам Бог, а мир создан Богом!»

Тогда философ спросил: – Кто был тот человек, молитва которого совершалась ни на небе, ни на земле? Она ответила: – Это Солейман, молившийся на ковре, висевшем между небом и землей! Он сказал: – Объясни мне следующее: человек взглянул утром на невольницу и совершил противозаконный поступок. На эту же самую невольницу он взглянул в полдень, и поступок его стал законным. Он взглянул на нее после полудня, и снова поступок стал незаконным; при солнечном закате ему дозволяется глядеть на нее; ночью это ему запрещено, а утром он может свободно подойти к ней! Как столь различные обстоятельства могут так чередоваться в течение одного дня и одной ночи? Она ответила: – Очень просто! Утром невольница принадлежала другому, и потому поступок этот незаконен. В полдень он ее купил, после полудня он вернул ей свободу. При закате солнца он взял ее в жены; ночью он решил развестись с ней, но утром он снова женился.

Философ сказал: – Это верно! А что создано руками Всемогущего, тогда как все остальные предметы были созданы простым усилием божественной воли? Она ответила: – Четыре предмета были созданы самими руками Аллаха: престол, райское древо, Эдем и Адам, а для создания всех остальных вещей Он сказал: «Да будут!» И они были! Тогда он спросил: – Какой предмет был сперва деревянным, а затем получил жизнь? Она ответила: – Это посох, брошенный Моисеем и превратившийся в змея. Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила двести семидесятая ночь, она сказала:

ночь двести семидесятая

Тогда ученый сказал: – Разгадай загадку: «У меня нет ни мяса, ни крови, ни перьев, ни пуха; но меня едят вареным, печеным или таким, каким я есть, и весьма трудно узнать, жив я или мертв; я цвета серебра и золота». Она ответила: – Это яйцо! Тогда ученый сказал: – Разгадай другую загадку: «Я ем, не имея ни рта, ни желудка, и питаюсь деревьями и животными. Пища поддерживает во мне жизнь, а всякое питье убивает меня!» – Это огонь! – Разгадай другую загадку: «Это два друга, проводящие все ночи, прижавшись один к другому. Они стражи дома и разлучаются только с наступлением утра!» – Это двустворчатые двери! – Что значит следующее: «Я тащу за собою длинный хвост, у меня есть ухо, но я ничего им не

слышу, и я делаю одежду, но никогда не ношу ее». Она ответила: – Это иголка! Но ученый продолжал: – Можешь ли ты сказать мне, о чем идет речь в такой загадке: «Он строен, нежен и восхитителен на вкус; он прям как копье, но не имеет железного острия; он полезен своей сладостью, и его охотно едят вечером в Рамадане». Она ответила: – Это сахарный тростник!

Тогда он сказал: – Не можешь ли ответить мне кратко, без лишних слов: Что слаще меда? Что острее меча? Что действует быстрее яда? Какое удовольствие длится мгновение? Какой самый счастливый день? Какая радость длится неделю? Какой долг уплачивает и самый злой из людей? Какую му́ку испытываем мы до самой могилы? В чем радость сердца? В чем мучение нашего ума? В чем печаль жизни? Для какого зла нет исцеления? Какой стыд несмываем? И она ответила: – Любовь к детям слаще меда! Язык острее меча! Дурной глаз действует быстрее яда! Наслаждение любви длится мгновение! Самый счастливый день тот, в который получается барыш от предприятия! Радость, продолжающаяся неделю, это радость первых дней брака! Долг, который уплачивает каждый, это смерть! Дурное поведение детей – вот мука, испытываемая нами до самой могилы! Радость сердца – это жена, покоряющаяся своему мужу! Мучение ума – это дурной слуга! Печаль жизни – это бедность. Дурной характер – вот зло, для которого нет исцеления! Несмываемый стыд – это бесчестие дочери!

И халиф Гарун-аль-Рашид был до крайности поражен таким умом и такими познаниями, и он приказал ученому отдать плащ отроковице. Затем он встал и воскликнул: – Да будет милость Аллаха над теми, кто обучал тебя! И он велел отсчитать десять тысяч динариев для Гассана и сказал Симпатии: – Скажи мне, о дивная отроковица, желаешь ли ты вступить в мой гарем и иметь отдельный дворец или же возвратиться к прежнему господину твоему? Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила двести семьдесят первая ночь, она сказала:

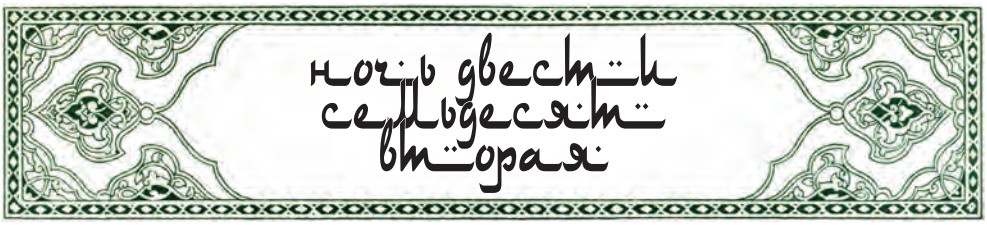
ночь двести семьдесят первая

Услышав эти слова, Симпатия поцеловала землю между рук халифа и ответила: – Да проявит Аллах свои милости на господина нашего халифа! Но раба его желает вернуться в дом прежнего хозяина своего! И халиф нисколько не обиделся таким предпочтением и тотчас же согласился на ее просьбу. Затем он назначил Гассана на высокую придворную должность и приблизил его к себе. Такова, о царь благословенный, – продолжала Шахразада, – была история мудрой Симпатии. Но заметив, что царь Шахрияр насупил брови и задумался не предвещавшим ничего доброго образом, она поспешила приступить к рассказу о приключениях поэта Абу-Новаса, между тем как задремавшая Доньязада внезапно проснулась при имени Абу-Новаса и, широко раскрыв глаза, приготовилась слушать с величайшим вниманием.

Рассказ о приключениях поэта Абу-Новаса

Рассказывают, что однажды халиф отправился на прогулку, чтобы немного развлечься. Он дошел до павильона, на пороге которого спал черный евнух. Перешагнув через него, он проник в залу и увидел освещенную двумя факелами кровать с опущенными занавесями. Подойдя к кровати, он приподнял занавес и остолбенел от восхищения, увидев спящую прекрасная молодую невольницу, единственным покровом которой служили ее распущенные волосы. Наклонившись над молодым личиком, он поцеловал его в маленькое черное родимое пятно, притаившееся в левом уголке ее губ. И как ни легок был этот поцелуй, он разбудил молодую женщину, которая, узнав халифа, встала в сильнейшем испуге. Но халиф успокоил ее, и тогда она сказала: – Я страдаю от суровости судьбы, о эмир правоверных. Сын твой, Эль-Амин, купил меня недавно за десять тысяч динариев, чтобы подарить меня тебе. Но супруга твоя, узнав об этом, передала меня черному евнуху, который запер меня в этом уединенном павильоне!

Когда халиф услышал эти слова, он обещал молодой женщине подарить ей отдельный дворец. Потом он, овладев ею, вышел, разбудил евнуха и велел ему привести во дворец стихотворца Абу-Новаса, ибо халиф имел обыкновение посылать за ним каждый раз, как его что-нибудь озабочивало, чтобы выслушивать его импровизации или заставлять его перекладывать в стихи какое-нибудь приключение, которое сам ему рассказывал. В этом месте своего рассказа Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила двести семьдесят вторая ночь, она сказала:



Евнух поспешил исполнить приказ и скоро вернулся, поддерживая стихотворца, опьяневшего от вина. Халиф подошел к нему, взял за руку и пошел вместе с ним к павильону, где находилась отроковица. Когда Абу-Новас увидел сидевшую на кровати, одетую в голубой атлас, с лицом, слегка прикрытым голубым шелковым покрывалом, отроковицу с большими черными глазами и с улыбкой на лице, он сразу отрезвился. А отроковица предложила халифу поднос с вином, и тот выпил все вино, бывшее в кубке. И скоро он почувствовал действие опьяняющего напитка. И в эту минуту халифу пришла фантазия попугать Абу-Новаса: он вскочил и бросился на него с мечом, притворяясь, что хочет отрубить ему голову. Испуганный Абу-Новас заметался по комнате с громким криком, а халиф преследовал его по всем углам и колол его концом меча. Наконец он сказал ему: – Довольно! Иди на свое место и выпей! В то же время он сделал знак отроковице, которая спрятала кубок под платье. Но Абу-Новас заметил это и сымпровизировал:

Увы, как странно это приключенье!
Бесхитростная девушка внезапно
В коварную воровку обратилась
И спрятала мой кубок золотой
В своей одежде, там, где так хотел бы
Я скрыться сам! Но где – я не скажу
Из уваженья к мудрому халифу!

Прослушав эти стихи, халиф засмеялся и в виде шутки сказал: – С сегодняшнего дня ты будешь начальником всех багдадских сводней. Абу-Новас тотчас же ответил: – В таком случае, о повелитель правоверных, прошу тебя сказать, не имеешь ли ты надобности в моих услугах и в настоящую минуту? При этих словах халиф воспылал гневом и закричал евнуху, чтобы тот позвал меченосца Масрура, палача. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила двести семьдесят третья ночь, она сказала:

ночь двести семьдесят третья

Несколько минут спустя явился Масрур, и халиф приказал ему обезглавить Абу-Новаса. Но тот пользовался во дворце большой славой за свои шутки, и все женщины вступились за него. И халиф помиловал Абу-Новаса, подарил ему почетное платье, большую сумму денег и по-прежнему продолжал приглашать его к себе. Когда Шахразада закончила рассказ о приключениях стихотворца Абу-Новаса, царь Шахрияр сказал: – Поспеши рассказать мне о каком-нибудь путешествии, потому что в нынешнюю ночь бессонница мучает меня, как никогда! При этих словах Шахразада воскликнула: – Я знаю рассказы о путешествиях, и они самые удивительные и самые занимательные из всех мною переданных. Ни в одной книге нет рассказа, могущего сравниться с рассказом о Синдбаде-мореходе!

Рассказ о Синдбаде-мореходе

В о времена халифа Гарун-аль-Рашида жил в Багдаде человек, которого звали Синдбад-мореход. Это был человек с внушавшим уважение лицом. Бороду его убелили годы, черты лица были красивы и приятны, и выражались в них степенность, доброта, благородство и величие. Однажды он пригласил в свой дом много почтенных людей. В зале, где они собрались, было много разных цветов и лакомств, и подносов с жареными яствами, и напитков из виноградного сока. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила двести семьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь двести семьдесят четвертая

И хозяин сказал своим гостям: – Знайте, что в моей судьбе много было удивительного, и я хочу рассказать вам все мои приключения и все испытания, постигшие меня прежде, чем я достиг такого благополучия.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ СИНДБАДА-МОРЕХОДА

Отец мой был богатейшим купцом. И он был настолько осмотрителен, что оставил мне, еще ребенку, богатое наследство после своей смерти, много имущества, земель и сел. Когда я сделался взрослым человеком, я на все это наложил руку, и мне нравилось пить необыкновенные напитки, щеголять в дорогих одеждах и угощать друзей и товарищей. Я был убежден, что все это будет продолжаться всегда. И продолжал я так жить, пока однажды не пришел в разум и не увидел, что богатство мое прожито и положение изменилось. Тогда мной овладели страх и уныние перед тем, что старость придется проводить в нищете. Тогда же вспомнил я слова господина нашего Солеймана-бен-Дауда, которые любил повторять покойный отец мой: «Существует три вещи, предпочтительные трем другим: день смерти

предпочтительнее дня рождения, живая собака лучше мертвого льва и могила лучше бедности». Тогда я решил действовать. Я продал все уцелевшее недвижимое имущество и, собрав три тысячи драхм... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила двести семьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь двести семьдесят пятая

Собрав три тысячи драхм, я побежал на базар, где и запасся различными товарами, которые перенес на готовое к отплытию судно. И вместе с другими купцами я вышел в море, и судно пошло из одного моря в другое, от одной земли к другой! И повсюду, где мы выходили на берег, мы продавали свои товары и покупали другие с большой для себя выгодой. Однажды мы заметили вынырнувший из моря остров, у берегов которого капитан судна решил бросить якорь. И мы отправились на берег, захватив съестные припасы и утварь. Некоторые взялись разводить огонь и готовить пищу, а другие гуляли, отдыхая от утомительного путешествия. И вдруг мы почувствовали, что весь остров дрожит, а капитан наш закричал с судна страшным голосом: – Спасайтесь! Спешите! Бросайте вещи и спасайте жизнь свою! Остров – это гигантский кит! Он живет в этом море с древних времен, и вы нарушили его покой, разводя огонь на его спине. Сейчас он погрузится в море, и море поглотит вас навеки! При этих словах капитана судно снялось с якоря, а кит погрузился в море со всеми бывшими у него на спине людьми, и сталкивавшиеся между собою волны сомкнулись над ними. Я был в числе брошенных, но Аллах спас меня от потопления, послав мне под руку большой кусок дерева. Я уцепился за него, в то время как судно скрылось из виду. И боролся я с бездной целую ночь и целый день, пока течение не прибило меня к скалистым берегам какого-то острова. Душа моя оживилась и оживила онемевшее тело. Чтобы ходить, я принужден был смастерить себе пару костылей. И я стал медленно прохаживаться между деревьями, срывая с них плоды.

Передвигаясь таким образом, увидел я вдруг привязанную к столбику дивную кобылу. Лошадь была так хороша, что я захотел подойти к ней поближе, но в ту же минуту из-под земли вышел человек, подошел ко мне большими шагами и закричал мне: – Кто ты, и почему ты зашел сюда? Я отвечал ему: – Я чужестранец, что плыл с другими путешественниками и тонул вместе с ними, и волны прибили меня к этому берегу. Услышав мои слова, он взял меня за руку и привел в подземную пещеру, где принес чего-то поесть. Я поел досыта, и душа моя успокоилась. Потом он стал расспрашивать меня о моих приключениях, и я рассказал ему все с начала и до конца, а потом прибавил: – Клянусь тебе Аллахом, не осуждай меня за вопрос: по какой причине ты живешь в этом подземелье, и почему ты привязал ту кобылу на берегу моря! И он ответил мне: – Знай, что нас несколько человек, и мы поставлены в нескольких местах... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила двести семьдесят шестая ночь, она сказала:

Léon Carré

ночь двести семьдесят шестая

Знай же, что мы поставлены в нескольких местах, чтобы сторожить лошадей царя Михражана. Каждый месяц, в новолуние, каждый из нас приводит сюда породистую кобылу, привязывает ее на берегу и спешит спрятаться в подземную пещеру. Тогда, привлеченный запахом самки, выходит из воды морской конь, осматривается направо и налево и, не видя никого, бросается на кобылу. Потом, покончив свое дело, он старается увести ее с собою в море. Но она привязана и не может за ним следовать; тогда он громко кричит и бьет ее головою и ногами, и кричит все громче и громче. Тогда мы слышим его голос и понимаем, что он кончил свое дело; и выходим мы со всех сторон и бежим к нему с громкими криками, которые пугают его и заставляют вернуться в море! Кобыла же через некоторое время приносит жеребенка несравненной красоты, которому и цены нет. И именно сегодня ждем мы морского коня. Я же обещаю тебе, что как только мы покончим с этим делом, я отвезу тебя к царю Михражану и покажу тебе наш край. При этих его словах морской конь вышел из воды и ринулся к кобыле. И когда все было кончено, все сторожа окружили меня, и вскоре мы сели на корабль и отплыли в земли царя Михражана. И по прибытии меня проводили во дворец царя Михражана, которому я был представлен. И, выслушав мой рассказ, царь сказал мне много благосклонных слов и благодаря моим познаниям по морской части назначил меня управляющим всех портов и гаваней своего острова и регистратором всех прибывающих и отплывающих судов.

Однако новые заботы не заставили меня забыть о родине. И однажды, стоя на берегу и исполняя свою должность, я увидел, что в гавани появилось большое судно. И я отправился к его капитану, чтобы переписать груз. И после переписи я спросил его: – Нет ли еще чего-нибудь на твоем судне? Он же ответил: – Есть еще несколько товаров в трюме, но их хозяин утонул. И взволнованный я вскричал: – А как звали того купца? – Его звали Синдбадом-мореходом! При этом я всмотрелся в капитана и узнал в нем хозяина судна, на котором отправился в свое путешествие! И я закричал: – Я Синдбад! – и после рассказал капитану, как удалось мне спастись. А капитан, выслушав слова мои, воскликнул... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила двести семьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь двести семьдесят седьмая

капитан воскликнул: – Как смеешь ты уверять, что ты Синдбад-мореход, когда мы своими глазами видели, как он утонул вместе с другими купцами! Тогда я ответил ему: – Выслушай меня, и я докажу тебе, что я действительно Синдбад! И я рассказал капитану различные случаи, которые имели место во время нашего плавания. Тогда он перестал сомневаться, поздравил меня со спасением и приказал выдать мне мои товары, которые я велел отнести на базар, уверившись, что все в целости. На базаре я продал большую часть товара с барышом во сто на один, но оставил несколько ценных вещей, которые отложил в подарок царю Михражану. Затем я пошел во дворец, чтобы поблагодарить его за его щедроты и покровительство, мне оказанное. Он отпустил меня, сказав несколько трогательных слов, и на прощанье подарил мне несколько весьма ценных вещей. И я поспешил к отплытию судна, которое тотчас же распустило паруса. Плавание наше было благополучно, хотя продолжалось много дней и ночей, и с радостью в сердце достигли мы, наконец, благословенного родного города моего Багдада.

И я вошел в дом свой, где встретил родных и друзей здоровыми. И забыл я среди новой жизни своей о превратностях судьбы, об испытанных опасностях, о тоске изгнанничества, о мучениях и утомлении в пути. У меня было много прекрасных друзей, и жил я счастливо и весело, без забот и без неприятностей, долгое время пользуясь всею душой всем, что нравилось мне, и наслаждаясь дивными яствами и драгоценными напитками. Таково было мое первое путешествие! Но завтра, если будет угодно Аллаху, я расскажу вам о втором моем путешествии, которое еще необычайнее первого! В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила двести семьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь двести семьдесят восьмая

Когда наутро вновь собрались гости, они сели вокруг скатерти, на которой были расставлены: жареная ягнятина, золотистые цыплята, а также фисташковое, ореховое и виноградное тесто. И пили они и ели, и, когда все насытились, Синдбад заговорил среди молчаливых слушателей своих.

ВТОРОЙ РАССКАЗ СИНДБАДА-МОРЕХОДА

Я вел, поистине, счастливейшую жизнь, когда однажды задумал снова пуститься в путь, ибо душе моей захотелось порадоваться на далекие края и острова и посмотреть с любопытством на незнакомые предметы, не упуская, однако, из вида торговлю в различных странах. Я отправился на базар, накупил товаров и перенес их на внушавшее мне доверие судно. Плавание было как нельзя более

благоприятно, пока мы не пристали к острову, поросшему высокими деревьями и орошенному чистыми водами, но не имевшему ни одного жителя. Взяв с собою кое-что из съестного, я отправился к ключу с прозрачной водой и с необыкновенным удовольствием принялся за еду. Легкий ветерок пел вполголоса и приглашал к отдохновению. Я растянулся под деревом и задремал среди свежести и ароматного воздуха. Проснувшись, я заметил, что остался один; судно отплыло, не заметив моего отсутствия. Тогда пришел я в несказанное отчаяние; от скорби и огорчения я почувствовал, что печень моя готова лопнуть. И я бросился на землю, заранее оплакивая свою смерть и говоря: – Мы все принадлежим Аллаху, и все должны вернуться к Нему!

Но вскоре я понял, что мои жалобы ни к чему не ведут. Я встал и влез на вершину дерева, откуда принялся внимательно смотреть во все стороны. И мне показалось, что вдали виднеется гигантский белый призрак. Я слез с дерева и с большою осторожностью стал подвигаться в его сторону. Приблизившись, я увидел, что это громадный купол ослепительно белого цвета, широкий в основании и очень большой высоты. Я попытался влезть на него, но никак не мог удержаться на нем. В то время, как я раздумывал, как отыскать двери этого купола, я вдруг заметил, что день превращается в ночь. Я поднял голову и увидел громадную птицу с необъятными крыльями. Она летела перед солнцем, совершенно заслоняя его и разливая мрак над островом. И тогда я вспомнил, что во времена моей юности рассказывали мне моряки о необычайных размеров птице по имени Рох, которая живет на далеком острове и может поднимать слона. И решил я, что белый купол, у которого я стоял – яйцо этого самого Роха. И едва успел я сообразить это, как птица спустилась на яйцо, как бы собираясь высиживать его. Она прикрыла его своими необъятными крыльями, поставив ноги на землю, и тотчас же заснула. Тогда я, лежавший на земле как раз у одной из ее ног, показавшейся мне толще ствола старого дерева, быстро встал, размотал материю своего тюрбана... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила двести семьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь двести семьдесят девятая

Я размотал материю своего тюрбана и свил из нее толстую веревку. Этой веревкой я крепко привязал себя к одному из когтей птицы, сказав себе: «Громадная птица куда-нибудь да полетит и, возможно, принесет меня, где живут люди». Однако, несмотря на мои движения, птица так же мало обращала внимания на мое присутствие, как если бы я был ничтожной мухой! В таком положении оставался я всю ночь, а на рассвете птица поднялась с яйца, издала ужасающий крик и взлетела. Она поднималась все выше, а потом спустилась на землю с такой быстротой, что я перестал чувствовать собственную тяжесть. Я поспешил развязать свой тюрбан и отбежал от гигантской птицы как можно дальше. И вскоре я

увидел, как она снова взвилась в воздух, держа в когтях что-то длинное и черное. То была неслыханно длинная змея отвратительного вида. Взволнованный до крайности, я посмотрел вокруг себя и увидел, что нахожусь в глубокой долине, окруженной со всех сторон такими крутыми горами, что нечего было и думать взобраться на них. Убедившись в этом, я подумал: «О какое бедственное положение! Я каждый раз избегаю одной беды лишь для того, чтобы попасть в другую, и еще более ужасную!»

И все-таки я поднялся и вдруг увидел, что вокруг меня повсюду разбросаны были крупные и мелкие алмазы. В некоторых местах они образовали целые кучи в рост человека. Но между этими кучами было несметное число змей, которые были толще и длиннее пальм и, без сомнения, каждая могла проглотить целого слона. Объятый ужасом, я продолжал бродить по алмазной долине до самой ночи. Наконец, заметил я невдалеке пещеру, вход в которую был очень узок, но в которую все же мог пролезть человек. Я подошел, проник туда, завалил вход камнем из предосторожности и подумал: «Завтра я выйду и увижу, что готовит мне судьба». Утром я отвалил камень и увидел, как в нескольких шагах от меня упал большой кусок мяса. Тогда вспомнил я, что когда-то слышал от странствующих купцов, что они придумали любопытный способ добывания драгоценных камней из недоступных мест. Они резали баранов, разделяли мясо на крупные части и бросали их в долину, где алмазы глубоко вдавливались в мясо. Громадные орлы и Рохи набрасывались на эту добычу, чтобы унести ее своим птенцам. Тогда люди бросались на птиц с громким криком, заставляя их выпустить мясо и улететь. Тогда осматривали они мясо и выбирали из него алмазы. И я подумал, что смогу выбраться из этой долины, где ждала меня неминуемая смерть. Я стал собирать алмазы, отбирая самые крупные и красивые. Я набил ими карманы, все платье, рубашку и даже нижнее белье. Затем я снова размотал свой тюрбан... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила двести восьмидесятая ночь, она сказала:

ночь двести восьмидесятая

Затем я размотал свой тюрбан, опоясался им и крепко привязал его концами к груди своей кусок мяса. Я простоял так некоторое время и вдруг почувствовал, что меня уносят в воздух мощные когти Роха. В один миг я был унесен на вершину горы, в гнездо Роха, который собрался было клевать мясо и мое собственное тело, но тут послышался гам, птица испугалась и улетела. Я распутал свои привязи, встал на ноги и увидел, что ко мне приближается какой-то купец. Он обшарил кусок мяса, и, не найдя в нем ни одного алмаза, взглянул на меня с бешенством и закричал: – Кто ты? И по какому праву ты ограбил меня? Я отвечал: – Не бойся, я не вор, а такой же человек, как и ты. И я хочу доказать тебе, что имею добрые намерения, подарив тебе несколько алмазов, которые собрал в этой бездне, в которую никогда не заглядывал глаз

человека! И тотчас же вынул я из своего пояса несколько прекрасных образцов и отдал их ему. Тогда владелец бараньего мяса невообразимо обрадовался и принялся горячо благодарить меня. Он позвал находившихся по соседству других купцов, и я рассказал им о своем необыкновенном приключении. Тогда купцы, едва опомнившись от изумления, поспешили накормить и напоить меня и отвели в палатку, где сторожили мой сон целый день и целую ночь.

Купцы увели меня с собою, а я всею силою души почувствовал радость избавления от неслыханных опасностей. Я обменял у них свои алмазы на золотую и серебряную монету, которой было так много, что она едва поместилась в трюме корабля, на который меня привели. Затем мы поплыли от острова к острову, из края в край, делая то там, то здесь покупки, продавая и меняя. И прибыли мы, наконец, в благословенную Басру, а оттуда по реке поднялись до города мира, Багдада. И поспешил я в свое жилище, обогащенный значительными суммами динариев и прекраснейшими алмазами, которые у меня не хватало духу продать. Потом я весело пользовался жизнью, сладко ел и сладко пил, одевался в роскошные одежды и не лишал себя общества пленительных особ. Каждый день навещали меня многочисленные именитые гости, которые просили рассказать о моих путешествиях и ознакомить их с делами в далеких краях. Мне же действительно приятно было передавать им свои познания, и все уходили, поздравляя меня с избавлением от таких страшных опасностей, и удивлялись им до крайних пределов изумления. Так окончилось мое второе путешествие. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолка. А когда наступила двести восемьдесят первая ночь, она сказала:

ночь двести восемьдесят первая

Синдбад умолк, а невольники подали разнообразные яства и питие всем гостям, которые крайне изумлялись всему слышанному. Потом Синдбад-мореход любезно пригласил всех принять участие в пиршестве следующего дня. И когда они явились, Синдбад-мореход приступил, окруженный внимательными и степенными слушателями, к своему новому удивительному рассказу.

ТРЕТИЙ РАССКАЗ СИНДБАДА-МОРЕХОДА

Среди пленительной жизни, которую я вел после своего возвращения из второго странствия, я совершенно забыл обо всех испытанных мною раньше муках и опасностях и вскоре стал томиться однообразием моего существования в Багдаде. Душа моя пламенно стремилась к переменам и ко всему, что дает путешествие. И вот, запасшись богатыми местными товарами, я выехал из Багдада в Басру. Здесь я нашел большой корабль,

уже переполненный пассажирами и купцами, которые все были честные и добросердечные люди. Поэтому я решился ехать с ними; и не успели мы вступить на корабль, как он уже развернул паруса. Дела наши шли превосходно; мы совершали прогулки, поучаясь всему, что встречали нового. Мы были вполне счастливы и дошли до предела радости и веселия.

Однако однажды мы вдруг увидели, что капитан наш стал бить себя изо всех сил по лицу и швырнул на пол свой тюрбан. Потом он застонал и закричал: – Знайте, что судьба послала нас к острову обезьян, с которого никто не возвращался живым! И не успел еще капитан кончить свои объяснения, как мы увидели, что корабль наш окружен множеством мохнатых существ, между тем как на берегу другие обезьяны завывали и рычали так страшно, что мы оледенели от ужаса. Обезьяны напирали на нас со всех сторон и уже начали забирать все, что нам принадлежало. Они были очень безобразны: мохнаты, глаза у них были желтые, лица – черные; росту они были небольшого, не более четырех пядей, а ужимки их и крики были ужаснее всего, что только можно выдумать в этом роде. Что касается их речи, то, что ни говорили они, как ни ругались, щелкая челюстями, мы, несмотря на все наше внимание, не могли ничего понять. Вскоре приступили они к исполнению самого пагубного из своих намерений. Они взобрались на мачты, распустили паруса, перегрызли зубами снасти и, наконец, завладели рулем. Маленькие обезьяны заставили нас одного за другим высадиться на берег и оставили нас там. Затем они вернулись на корабль, который им удалось направить в открытое море, и исчезли вместе с нашими товарами. Поставленные в такое беспредельно затруднительное положение, мы пошли вглубь острова, где нашли несколько плодовых деревьев и ключевую воду; и это позволило нам оттянуть, насколько возможно, смерть, казавшуюся нам неизбежной. И в это время мы заметили между деревьями большое, и, как нам показалось, заброшенное здание. Мы подошли поближе и увидели, что это дворец... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила двести восемьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь двести восемьдесят вторая

Дворец этот был окружен крепкими стенами. Мы вошли в отворенную дверь черного дерева и очутились в обширнейшей зале. Пол ее был усеян костями, из них некоторые побелели, другие были еще свежи. Однако поскольку мы изнемогали от усталости, то растянулись на полу и заснули глубоким сном. Но вскоре нас заставил вскочить какой-то грохот, и мы увидели перед собою существо с пальму вышиной и более отвратительное, чем все обезьяны, взятые вместе. Глаза у него горели, как раскаленные угли, передние зубы были длинны и выступали, как клыки кабана, рот огромный, точно отверстие колодца, губы висели до самой груди, уши спускались до самых плеч, а когти были крючковаты, как у льва. При виде этого

зверя мы затряслись от ужаса, а он протянул руку и схватил меня, как узелок с тряпьем, и стал щупать, как мясник баранью голову. Но, по всей вероятности, я ему не понравился, так как жир давно исчез из-под моей кожи вследствие усталости и огорчений. Он швырнул меня на пол и схватил моего соседа, но также отбросил его прочь. И так он перебрал всех купцов и дошел, наконец, до капитана корабля. А тот был жирный и мясистый человек, и великан схватил его, как ягненка, одним ударом раздробил ему череп, взял огромный вертел и проткнул его насквозь. И он развел огонь в печи, всунул в огонь вертел с капитаном и принялся медленно поворачивать его. Потом он вынул его из огня и ногтями рознял его на части, как разнимают цыпленка. Проделав это, он в мгновение ока пожрал все. После этого он обглодал кости, высосал из них мозг и бросил их в кучу отбросов.

Пообедав, страшный великан растянулся на скамье и захрапел, как буйвол, которого режут. Когда мы убедились, что он заснул, мы вышли из оцепенения и стали говорить друг другу: – Зачем не утонули мы в море, это все же было бы лучше, нежели быть изжаренными на огне. Это отвратительная смерть! Но что же нам делать? Мы вышли из здания и пробродили по острову, разыскивая какое-нибудь убежище, но все наши поиски были напрасны; на острове не было никакого места, где бы можно было укрыться. Тогда один из нас сказал: – Выслушайте меня, товарищи! Не находите ли вы, что лучше убить черного человека, чем быть им съеденными? Тогда я поднял палец и сказал: – А затем мы воспользуемся бревнами, которыми усеян берег. Построим плот, на котором мы уйдем с этого проклятого острова, после того как избавим мир от этого гнусного пожирателя мусульман. Мы могли бы пристать к какому-нибудь другому острову и ждать там милости судьбы, которая, быть может, пошлет нам на помощь какое-нибудь судно, чтобы возвратиться на родину! Во всяком случае, если плот наш и погибнет, а мы утонем, то все-таки не попадем на жаркое. В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила двести восемьдесят третья ночь, она сказала:

ночь двести восемьдесят третья

И пошли мы тотчас же на берег и построили плот, на который мы сложили плоды и годные для еды травы. Потом мы вернулись во дворец и взяли два длиннейших железных вертела. Мы накалили их докрасна на огне, потом ухватились за холодные концы, осторожно подошли к великану и разом воткнули оба вертела в его глаза. Черный человек страшно закричал, а мы покатились на пол. Он бросился ощупью ловить нас, протягивая руки в пустое пространство, рыча и бросаясь во все стороны. Но мы успевали уворачиваться направо и налево, так что ему не удалось никого схватить. Видя, что все усилия его напрасны, он ощупью добрался до двери и вышел вон, страшно завывая. Мы же направились к морю, отвязали плот

и отплыли от берега, как вдруг увидели, что на берегу появился слепой великан в сопровождении великанши, еще более ужасной и отвратительной, чем он сам. Они стали хватать огромные камни и бросать ими в наш плот. Им удалось потопить всех моих спутников за исключением двух. Мы же трое смогли спастись от града камней и уплыть далеко в море.

Ветер подхватил нас и через два дня прибил к новому острову. Мы выбрались на берег, влезли на большое дерево, на котором и заснули. Утром, когда мы проснулись, первым представившимся нашим испуганным глазам предметом была огромная змея, смотревшая на нас горящими глазами. Она схватила одного из моих товарищей и проглотила его до самых плеч, а потом вторым глотательным движением проглотила и с головой. И тотчас же услышали мы, как затрещали кости несчастного в желудке змеи, которая спустилась с дерева и оставила нас объятыми ужасом и горем. И подумали мы: «О Аллах, каждый новый род смерти гнуснее предыдущего». Мы спустились с дерева, сорвали несколько плодов, которые были нами съедены, и утолили жажду водой из ручья. После этого мы стали бродить по острову, разыскивая убежище. Наконец, мы нашли дерево необычайной высоты. С наступлением ночи мы взобрались на него и уже засыпали, когда разбудил нас свист и треск ломавшихся ветвей. И прежде, чем мы успели сделать попытку к спасению, змея схватила моего товарища, сидевшего на дереве ниже меня, и в один глоток проглотила три четверти его тела. Потом я услышал, как затрещали кости моего товарища, которого она окончательно поглотила. Я же оставался неподвижным на дереве до самого утра.

На следующий день я пошел к берегу, взял большую доску и привязал ее во всю длину к подошвам. Потом я взял другую доску и привязал ее к левому боку; потом еще доску к правому боку, четвертую к животу, а пятую, еще более длинную и широкую, – к голове. Таким образом, я окружил себя как бы дощатой стеной, которая ограждала меня со всех сторон от пасти змеи. Устроив все это, я стал ждать, что пошлет мне судьба. И вскоре змея нашла меня, бросилась и хотела проглотить, но ей мешали доски. Она долго ползала вокруг, стараясь найти удобное место, и я чувствовал на лице ее зловонное дыхание. Наконец, взбешенная до последней степени, змея оставила меня в покое и уползла. Тут Шахразада, заметив, что наступает утро, умолкла. Но когда наступила двести восемьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь двести восемьдесят четвертая

Тогда я освободился от привязей, прикреплявших меня к доскам. Затем я стал бродить по острову и вскоре увидел вдали корабль, шедший на всех парусах. И я размотал полотно моего тюрбана, привязал его к ветви дерева, поднял высоко над головою и начал махать им, стараясь быть замеченным. Судьбе угодно было, чтобы старания мои не остались напрасными. И увидел я, что корабль направляется к берегу; и вскоре

я был взят на борт корабля. Капитан и его люди накормили меня и дали новую одежду, и сердце мое постепенно утихло, а душа успокоилась; я почувствовал, что покой и благосостояние овладевают моим изнуренным телом. Плавание наше было удачно, и по воле Аллаха мы благополучно прибыли к острову по имени Салахата. Когда купцы вышли на берег, а я, по неимению товаров, оставался на палубе, капитан сказал мне: – Знай, что несколько лет назад у нас на корабле был путешественник, который заблудился на одном из островов. С тех пор мы ничего не слышали о нем, но у нас на корабле до сих пор хранятся его товары. И мне пришло в голову поручить их тебе, чтобы ты продал и получил куртаж с прибылей, а оставшиеся деньги по возвращении в Багдад я передам его родным. Владельца этих товаров звали Синдбадом-мореходом.

Эти слова капитана изумили меня до крайности, и я воскликнул: – Да ведь это я, Синдбад-мореход, родом из Багдада! Я заснул у источника, у которого закусывал, а когда проснулся, корабль был уже далеко. Меня видели купцы с Алмазной горы, и они могут удостоверить, что я действительно Синдбад-мореход! В это время один из вернувшихся на корабль купцов внимательно посмотрел на меня и, всплеснув руками, воскликнул: – О Аллах! Это ведь Синдбад-мореход – человек, подаривший мне прекрасные алмазы! Тогда капитан корабля обнял меня, как родного сына и поздравил с моим спасением. Затем он приказал отвезти мои товары на берег, чтобы я продавал их в свою пользу. И я выручил огромный барыш, вознаградивший меня за все утраченное до сей поры. Затем мы продолжали наше плавание и по воле Аллаха прибыли наконец в Багдад. Затем Синдбад-мореход, как и в предыдущие дни, пригласил всех к себе на следующий день послушать рассказ о четвертом своем путешествии. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила двести восемьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь двести восемьдесят пятая

ЧЕТВЕРТЫЙ РАССКАЗ СИНДБАДА-МОРЕХОДА

И Синдбад-мореход сказал: – Ни радости, ни веселье багдадской жизни не в силах были заставить меня отказаться от путешествий. Об испытанных же мною опасностях я совершенно забыл, и душа моя не замедлила указать мне на все преимущества новых странствований. И однажды я взял множество ценных товаров и из Багдада направился в Басру, где сел на корабль вместе с несколькими именитыми купцами. Сначала морской путь наш был вполне благополучен. Но однажды страшный ветер поднял все море, которое бросилось на корабль и унесло в воду всех пассажиров и меня вместе с ними. По милосердию Аллаха мне

попалась под руку корабельная доска, за которую я и нескольких других купцов смогли ухватиться. В конце концов ветер и течение выбросили нас полумертвых от холода и страха на берег острова. Всю ночь мы пролежали в изнеможении на берегу, а наутро отправились вглубь острова, где увидели жилище, из которого вышли совершенно нагие черные люди. Они приказали нам сесть и поставили перед нами подносы с едой. Товарищи мои начали есть с жадностью, но во мне вид странных блюд не возбуждал аппетита. По мере еды товарищами моими овладела непомерная алчность – они продолжали поглощать все, что им подавали. Затем голые люди принесли сосуд с мазью и принялись натирать ею моих товарищей. Я продолжал отказываться от яств и не позволил натирать себя мазью. Это и спасло меня. Дело в том, что голые люди оказались людоедами! Их царю каждый день подавали на жаркое откормленного человека!

Сделав такое открытие, я беспредельно встревожился по поводу участи моих товарищей, которые вскоре совершенно оскотинились от чрезмерного поглощения пищи. Я же от голода и страха превратился в тень самого себя. Поэтому жители острова перестали обращать на меня внимание, найдя меня, вероятно, недостойным быть поданным царю на жаркое. Отсутствие надзора позволило мне однажды отдалиться от их жилища. По дороге я встретил пастуха, пасшего стадо, состоявшее из моих несчастных товарищей, оглупевших от обжорства. И я поспешил убежать от них как можно дальше, до такой степени мучительно было мне смотреть на них. Солнце уже село, а я все продолжал идти из страха снова попасть в руки черных людоедов. И шел я шесть дней подряд, питаясь одними травами. Утром на седьмой день... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила двести восемьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь двести восемьдесят шестая

утром на седьмой день я добрался до противоположного берега острова и увидел белых людей, говорящих на арабском языке. Я подбежал к ним и рассказал все, что со мной случилось. Рассказ мой удивил их до крайности и, поздравив меня с избавлением от людоедов, они увели меня на свою лодку и увезли на свой остров. На том острове был многолюдный город, где всего было вдосталь, но по его улицам ездили всадники без седел и стремян. И когда я выразил удивление по этому поводу, мне сказали: – Что же это за вещь – седло? И тогда я предложил изготовить седло, чтобы все смогли убедиться в его удобстве. И мне дали плотника, которому я сказал, что и как надо сделать. Потом я сам обил седло шерстью и кожей и украсил его золотыми вышивками и кистями. Затем позвал я кузнеца и научил его, как изготовить удила и стремена; и он все это прекрасно исполнил. И когда конь был взнуздан и на него надели сбрую, то отвели его к царю, который сел на лошадь и сразу нашел все очень удобным. Тогда все вельможи царства также

захотели иметь седла и заказали их мне. И они так щедро за них платили, что в короткое время я сделался богатым человеком. Царь же по своей милости дал мне в жены красивую женщину, богатую деньгами и добрыми качествами. И я достиг пределов радости и процветания, мечтая лишь о том, что когда-нибудь возвращусь в Багдад, увозя с собою супругу свою, которую я очень полюбил.

Однако вскоре жена моя заболела, пролежала несколько дней в постели и умерла, несмотря на то, что я денно и нощно ходил за ней. И я предался горю, которое переросло в ужас, когда соседи сказали мне: – Знай, что у нас каждый муж, переживающий жену, должен быть зарыт живым в землю вместе с умершей женой, и что каждая жена, пережившая мужа, должна быть похоронена в одной могиле с умершим мужем. И это ненарушимо! У нас все, не исключая царя, должны подчиняться этому установленному предками закону! И когда сам царь явился утешать меня по случаю предстоящих собственных моих похорон, я убедился, что не избежать мне гибели. И вскоре меня привели к подошве горы, рядом с которой находился большой колодец. В него опустили гроб моей супруги, а затем все схватили меня, обвязали меня под руки веревкой, привязали ко мне кувшин с водой и семь хлебов и спустили на дно колодца. Когда я был уже на дне, они закричали мне: – Развяжи веревки, чтобы мы могли их вытащить! Но я не хотел развязывать, надеясь, что они вытащат меня. Тогда они бросили на меня веревки, заложили отверстие колодца камнями и ушли, не слушая моих жалобных воплей... В этом месте рассказа своего Шахразада увидела, что занимается утро, и скромно умолкла. Но когда наступила двести восемьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь двести восемьдесят седьмая

Зловоние этого подземного места заставило меня зажать нос, ибо оно было наполненной трупами, старыми и новыми. И я бросился на землю и воскликнул: – Ах, зачем не погиб ты в Алмазной долине! Зачем не съели тебя людоеды! Все лучше этой ужасающей смерти! Тем не менее я не решался умирать голодной смертью, отвязал кувшин, поел и попил как можно меньше, чтобы сберечь на другие дни. Через несколько дней отверстие колодца над головой моей вдруг открылось, и оттуда спустили гроб с мертвецом, а за ним его жену вместе с кувшином воды и семью хлебами. Тогда я схватил большую человеческую кость и ударил ею женщину несколько раз по голове. Убедившись, что она умерла, я завладел ее хлебами и водой, таким путем добыв съестных припасов еще на несколько дней. Через некоторое время я увидел в сумраке пещеры какую-то бегущую тень. Тогда я побежал за нею, натыкаясь на каждом шагу на кости мертвецов, и вскоре мне показалось, что в глубине пещеры я вижу то сияющую, то угасающую звездочку. Я пошел дальше по тому же направлению, и каково же было мое волнение, когда я увидел, что тень была просто каким-то животным, а звездочка – отверстием, вырытым им,

чтобы приходить в пещеру и пожирать трупы. И я пролез в отверстие и очутился на свежем воздухе.

Осмотревшись, я увидел, что нахожусь на берегу моря, а гора позади меня крута и неприступна. Я попытался взбираться на нее, но напрасно. Тогда, чтобы не умереть с голода, я пролез в пещеру, чтобы взять хлеб и воду. Потом мне пришло в голову собрать с мертвых драгоценности: браслеты, жемчуг, рубины, дорогие ткани, золотые и серебряные предметы. Все это я связал в тюки, свернутые из одежд мертвецов, и отнес свою добычу на морской берег. И размышляя о своем положении, увидел я судно, проходившее на довольно близком расстоянии от моей горы. Я поспешно встал, размотал полотно своего тюрбана и принялся широко размахивать им, и кричать, бегая взад и вперед по берегу. По милости Аллаха на судне заметили мои сигналы и отвязали лодку, чтобы взять меня к себе на палубу. И увезли они меня и мои тюки. И я сказал капитану, что я купец, которого волны выбросили на этот берег после кораблекрушения, умолчав и о браке моем, и о погребении. И капитан сказал: – Не тебя первого спасаем мы на море! Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Когда же наступила двести восемьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь двести восемьдесят восьмая

При этих словах капитан приказал развернуть паруса и продолжать путь прежним курсом. И вскоре волею всевышнего Аллаха я в добром здоровье и нагруженный разнообразными богатствами прибыл в родной Багдад. Так говорил в тот день Синдбад-мореход. И не забыл он и на этот раз снова пригласить всех на следующий обед, во время которого он начал новый свой рассказ.

ПЯТЫЙ РАССКАЗ СИНДБАДА-МОРЕХОДА

Вернувшись из четвертого путешествия, я вскоре забыл о прошлых страданиях и помнил только о превосходных барышах, доставленных мне моими необыкновенными приключениями. Поэтому не удивляйтесь, если скажу вам, что я не замедлил повиноваться голосу души, подстрекавшему меня предпринять новое путешествие. Я поехал с накупленными товарами в Басру, пошел в гавань и там купил для себя один понравившийся мне корабль. Я согласился также принять в качестве пассажиров несколько человек купцов, которые понравились мне и честно заплатили за свой проезд. Плавание наше было счастливо благодаря попутному ветру и отсутствию бурь. После разных стоянок мы пристали однажды к необитаемому острову, на котором виднелся белый купол. Рассмотрев его повнимательнее, я угадал, что это яйцо Роха. Но я ничего не сказал

об этом пассажирам, а они от нечего делать начали бросать в него камни. Кончилось тем, что они разбили его, а появившегося птенца убили и разрезали на куски. Когда, вернувшись на корабль, они рассказали мне об этом, я испугался до крайности и воскликнул: – Мы пропали! Надо скорее плыть отсюда! И мы развернули паруса и вышли в море.

Однако вскоре мы заметили, что два облака покрыли солнце. Это были два громадных Роха, отец и мать того, который был убит. И скоро они очутились над нашими головами, и у каждого в когтях было по скале величиной больше нашего корабля. Один из Рохов уронил скалу, но капитан успел увернуть корабль, и скала упала в море, которое разверзлось так, что мы увидели дно морское. Но в ту же минуту другой Рох выпустил из когтей свою скалу, и она обрушилась на корму, разбивая руль и унося в море половину корабля. Из купцов и матросов одни были раздавлены, другие потонули. Мне же удалось всплыть на поверхность и уцепиться за одну из досок. При помощи попутного ветра я добрался до какого-то острова и бросился в изнеможении на песок. Придя в себя, я отправился осматривать остров, и оказалось, что на этот раз судьба перенесла меня в дивный сад, полный золотистых плодов и птиц с тысячью различными голосами. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила двести восемьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь двести восемьдесят девятая

Осматривая местность, дошел я до широкого ручья, на берегу которого сидел почтенный старик в плаще из древесных листьев. И я подумал, что он, вероятно, также потерпел кораблекрушение, и пожелал ему мира. В ответ он ничего не ответил, а только сделал рукой знак, что просит меня помочь ему перебраться через ручей. Подумав, что это будет добрым делом, я нагнулся и посадил его себе на плечи. Перенеся его на другую сторону ручья, я сказал ему: – Слезай осторожнее, почтенный шейх! Но он и не думал двигаться, крепко стиснув мне шею ляжками и всеми силами вцепившись в мои плечи. Я удивился до крайности и взглянул на его ноги. И они показались мне черными, обросшими шерстью и жесткими, как кожа буйвола, и я испугался. Я попытался освободиться, но он так сильно сдавил мне горло, что я был близок к задушению, и все потемнело в моих глазах. Это принудило меня повиноваться, и старик заставил меня знаком пойти к деревьям, плоды которых он начал есть. И всякий раз, как я останавливался против его воли, или слишком быстро шел, он так сильно бил меня ногами, что я поневоле должен был слушаться. Целый день он понукал меня, как вьючное животное и даже ночью не оторвался от моей шеи. И так оставался он у меня на плечах денно и нощно, заставляя носить его. Никогда ранее тело мое не испытывало такого дурного обращения, как от этого старика, который был сильнее и крепче молодого погонщика ослов.

Но однажды я сорвал несколько гроздей винограда и выжал их сок

в поднятую с земли сухую тыкву, которую я предварительно выдолбил. Я закупорил тыкву, поставил ее на солнце, и через несколько дней сок превратился в вино. Я попробовал его, повеселел и начал смеяться во все горло. Когда старик увидел меня в таком необычном расположении духа, он приказал мне передать ему тыкву. Я не смел ослушаться и дал ему тыкву, хотя и неохотно. Он попробовал вино и, найдя его приятным, выпил все до последней капли. Вино не замедлило оказать свое действие; сперва он стал подпрыгивать у меня на плечах, а потом мускулы его ослабели. Он начал качаться из стороны в сторону и уже едва держался у меня на плечах. Тогда я быстрым движением освободил шею от его ног и швырнул его на землю. Потом бросился к нему и, схватив большой камень, так ловко направлял удары, что размозжил ему череп. В этом месте рассказа своего Шахразада увидела, что наступает утро, и по обычаю умолкла. Когда же наступила двести девяностая ночь, она сказала:

При виде трупа старика, я бросился бежать, вскоре достигнув того самого места, на которое выбросило меня море во время крушения корабля. И судьбе угодно было, чтобы как раз в эту минуту матросы со стоявшего на якоре судна причалили к берегу, чтобы сделать запас пресной воды. Они окружили меня, и я рассказал им обо всем, что случилось со мною, а они воскликнули: – Этого шейха моряки знали под именем Морского старика! Он душил своими ногами каждого, кем успевал завладеть. Благословен Аллах, избавивший тебя! Потом они увезли меня на свое судно, и после нескольких дней пути мы вошли в гавань одного приморского города. Я сошел на берег, и один из купцов сказал мне: – Возьми мешок, набей его мелкими камнями и делай то, что будут делать прочие жителям, и ты хорошо заработаешь. И я сделал так, как он мне посоветовал, присоединившись к толпе жителей, выходящих из города. Вскоре все мы пришли в долину, поросшую высокими деревьями, ветви которых гнулись под тяжестью кокосовых орехов. И жители принялись бросать камнями в обезьян, сидящих на этих деревьях. И я стал делать то же, что и они. Обезьяны же рассвирепели и отвечали нам, швыряя с деревьев кокосы. Мы же стали собирать орехи и наполнять ими свои мешки. И я стал каждый день так собирать орехи и продавать их в городе, пока не собрал денег, давших мне возможность сесть на корабль и отправиться в Жемчужное море, где я нанял добывателей жемчуга. С ними я имел необыкновенную удачу и в короткое время собрал громадное состояние. Тогда я сел на корабль, отправлявшийся в Басру, куда и прибыл после счастливейшего плавания. Оттуда я направился в Багдад и поспешил на свою улицу и в дом свой, где встретили меня родные и друзья с радостью и восторгом. Покончив с этим своим рассказом, Синдбад-мореход на другой день после роскошного пира рассказал следующее.

ШЕСТОЙ РАССКАЗ СИНДБАДА-МОРЕХОДА

Однажды, после возвращения моего из пятого путешествия, сидел я как-то перед дверьми своего дома, чувствуя себя на вершине удовольствия, когда мимо меня проехали купцы, возвращавшиеся, по-видимому, из странствия. При виде их я решил снова пуститься в путь. Я накупил роскошных и ценных товаров, годных для перевозки морем, навьючил тюки и отправился из города Багдада в город Басру. Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. Но когда наступила двести девяносто первая ночь, она сказала:

ночь двести девяносто первая

А в Басре нашел я большой корабль, полный купцов и знатных людей, которые везли с собой роскошные товары. Я велел нагрузить мои тюки вместе с другими на этот корабль, и мы вышли в море. И поплыли мы из одного места в другое, из одного города в другой, продавая, покупая, теша глаза свои видом чужеземных стран, и все время сопутствуемые благоприятной погодой. Но однажды ветер внезапно налетел на наш корабль со страшной силой, сломав руль, и капитан воскликнул: – Клянусь Аллахом! Мы попали в ужасную беду без малейшей надежды на спасение! И корабль понесло на скалу, и он ударился о нее и разбился, разлетевшись в щепы, и все в нем находившиеся погрузились в воду. Одни утонули, а другие успели спастись. Я же был в числе тех, которым удалось уцепиться за скалу. Она находилась на большом острове, берега которого были покрыты обломками разбившихся кораблей. Я стал ходить между ними и вскоре увидел маленькую речку с тихими водами, которая текла в расположенный у подошвы скалы грот. И я заметил, что берега этой реки были усеяны рубинами, драгоценными камнями всех цветов, алмазами самых разнообразных форм и драгоценными металлами. И все эти драгоценные камни были так многочисленны, как простые камешки в русле обыкновенной реки. И вся почва вокруг блистала и сверкала их отсветами и огнями до такой степени, что глаз не мог вынести этого блеска. Но все эти богатства никому не могли быть полезны, ибо всякий приближавшийся корабль разбивался о скалу: и никто не мог на нее подняться, настолько она была неприступна.

Мы оставались некоторое время на берегу, не зная, что предпринять; затем, найдя кое-какие припасы, мы разделили их между собой. Спутники мои, не привыкшие к приключениям, съели все разом, и потому по прошествии некоторого времени все погибли один за другим за неимением пищи. Я же ел всего один раз в день и понемногу. Притом я нашел еще некоторое количество провизии, о которой, конечно, и не подумал сообщить своим товарищам. Те из нас, которые умерли

раньше, были погребены остальными, после того как их обмыли и завернули в саваны, изготовленные из материй, найденных на берегу. Скоро к лишениям нашим присоединилась еще и повальная болезнь живота, происшедшая вследствие сырого морского климата. И товарищи мои умерли все до одного, и я сам собственными руками вырыл могилу для последнего из них. У меня оставалось уже очень мало припасов, и видя, что близится минута моей смерти, я принялся плакать над собою, думая: «Зачем не умер я раньше своих товарищей, которые отдали бы мне последний долг, обмыв и похоронив меня!» Тут Шахразада увидела, что близок рассвет, и умолкла. А когда наступила двести девяносто вторая ночь, она сказала:

ночь двести девяносто вторая

И тогда я принялся рыть глубокую яму, говоря себе: «Когда я почувствую приближение последних минут, я влезу в эту яму, где и умру, а ветер засыплет ее песком». Продолжая эту работу, я упрекал себя в глупости, что покинул родную страну, несмотря на все, что мне пришлось вынести во время предыдущих моих путешествий. Но эти мысли скоро сменились иными размышлениями, и я сказал себе: «Клянусь Аллахом! Уходящая в гору река должна, без сомнения, выходить где-нибудь с другой стороны. И я думаю, что единственно осуществимый план, чтобы выбраться отсюда, состоит в том, чтобы отдаться течению воды». И приободренный этими мыслями, я собрал большие вязанки прутьев и крепко связал их веревками, а сверху закрепил несколько найденных на берегу больших деревянных досок. Когда работа эта была кончена, я нагрузил мой плот несколькими мешками, наполненными всякого рода драгоценными камнями, не забыв также взять с собой остаток провизии. Я взял две дощечки вместо весел и вверил себя воле Аллаха. И плот был увлечен течением под своды грота, и оно уносило меня все дальше вглубь, а русло речки то расширялось, то вновь суживалось, а сумрак вокруг меня сгущался. Тогда, бросив весла, я повалился на плот ничком, чтобы не разбить себе голову о своды, и забылся в глубоком сне.

Проснувшись, я увидел себя среди долины; плот мой был привязан у берега реки, а вокруг меня толпились люди. Когда они заговорили со мной, я не понял ни слова. Но тут ко мне подошел человек и сказал по-арабски: – Откуда ты прибыл в нашу страну? Мы пришли сюда, чтобы орошать наши поля и увидели плот, на котором ты спал. Когда же они выслушали рассказ мой, то были совершенно поражены и решили привести меня к своему царю, чтобы и он услышал о моих приключениях. Я же, со своей стороны, согласился немедленно, и они увели меня с собой. Выслушав мой рассказ, царь, который назывался Серендиб, пришел в крайнее изумление, а я развязал перед ним захваченные мною мешки с драгоценными камнями. Я выбрал по образчику каждой породы камней и преподнес их ему в подарок. А он со своей стороны осыпал меня почестями и попросил меня поселиться в его

собственном дворце. И я начал расспрашивать царя о его стране, и узнал, что его остров имел восемьдесят парасангов в длину и восемьдесят в ширину и что на нем находится самая высокая во всем свете гора. На ее вершине жил в течение некоторого времени отец наш Адам. Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести девяносто третья ночь, она сказала:

ночь двести девяносто третья

Однажды царь стал расспрашивать меня об общественных делах в Багдаде и о способе управления халифа Гарун-аль-Рашида. И выслушав мои рассказы, царь сказал мне: – Я вижу, халиф познал искусство управления своим государством, и потому я хочу приготовить ему достойный подарок и послать его с тобой! И вот из чего состоял его подарок. Там была большая ваза, вытесанная из цельного куска рубина. Там был ковер, сделанный из змеиной кожи с чешуями величиной в золотой динарий, которая излечивала от всех болезней тех, кто на ней спал. Там было два слоновых клыка, каждый длиною в двенадцать локтей. И сверх того была еще покрытая драгоценностями прекрасная молодая девушка. И царь, вручив мне письмо к эмиру правоверных, немедленно вызвал к себе капитана корабля, заплатил ему за мой проезд и подарил мне много драгоценных вещей, которые я храню и до сих пор.

Распрощавшись с царем и со всеми друзьями, которых я приобрел в течение моего пребывания на этом прелестном острове, я сел на корабль, который тотчас поднял паруса. Мы отчалили под хорошим ветром, вверяя себя милосердию Аллаха, и через много дней вполне благополучно прибыли в Басру. Оттуда я поспешил отправиться в Багдад, где передал халифу письмо и подарки, рассказав ему о своих приключениях. И халиф ответил: – Письмо, которое я только что прочитал, подарки и твои речи доказывают мне, что, царь Серендиб превосходный человек, сведущий в правилах мудрости и обходительности. Счастлив народ, им управляемый! Затем халиф подарил мне почетную одежду и пожелал, чтобы история эта была записана самыми искусными писцами. И вновь зажил я в богатстве и почестях среди родных своих и друзей, забывая о прошедших невзгодах. Но завтра я расскажу вам историю седьмого путешествия, которое чудеснее и изумительнее всех прочих. И когда на следующий день все приглашенные собрались вновь, Синдбад-мореход заговорил так:

СЕДЬМОЙ РАССКАЗ СИНДБАДА-МОРЕХОДА

Знайте, о друзья мои, что однажды халиф сказал мне: – Синдбад, надо отправиться к царю Серендибу, чтобы отвезти ему в ответ мои подарки. Никто

не знает пути, который ведет в это царство, кроме тебя, и Серендиб будет конечно очень рад снова увидеть тебя! Приготовься же ехать сегодня же! И он приказал выдать мне десять тысяч золотых динариев на путевые издержки и вручил мне письмо, написанное его собственной рукой, и подарки, предназначенные для царя Серендиба. Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила двести девяносто четвертая ночь, она сказала:

ночь двести девяносто четвертая

Выслушав приказ халифа, мне пришлось ехать, и против желания на этот раз сел я в Басре на готовящийся к отплытию корабль. Судьба нам благоприятствовала, и спустя два месяца мы прибыли на остров в полном благополучии. И царь Серендиб, увидав меня, просиял и был весьма доволен учтивостью халифа. А я не захотел оставаться дольше, чем требовалось, и поспешил вернуться в Басру. Ветер был нам сначала благоприятен, но спустя неделю капитан пожелтел лицом и сказал нам: – Просите Аллаха спасти нас! Ибо течение отклонило нас с пути и бросило в пучину морей всего света! Услышав эти слова, мы были поражены до крайности и спрашивали себя с ужасом, что должно случиться с нами. И вскоре мы увидели плывущее к кораблю чудовище величиною с гору. И оно внезапно прыгнуло среди волн, которые расступились, образуя бездну, открыло пасть, более огромную, чем пропасть, и на три четверти проглотило наш корабль со всем в нем находящимся. Я же успел прыгнуть в море в то время, как оставшаяся четверть корабля исчезала в глубине его пасти. Мне удалось уцепиться за одну из досок, и, преодолев тысячи трудностей, пристал я к острову, который был покрыт плодовыми деревьями и орошен рекой с превосходной водой. И тогда мне пришло на мысль снова построить себе плот и отдаться течению потока. Заметив на деревьях весьма крепкие вьющиеся растения, я употребил их на то, чтобы связать между собою толстые ветви. Таким образом я изготовил плот, на который сел, говоря себе: «Если я буду спасен, то благодаря Аллаху!»

Едва я отвязал плот от берега, как он был с невероятной быстротой увлечен потоком. У меня закружилась голова, и я упал без чувств, как опьяневший цыпленок. Когда же я пришел в сознание, то оцепенел от ужаса. Река представлялась теперь потоком кипящей пены, который с грохотом ударялся о скалы, устремляясь в бездну, которую я скорее почувствовал, чем увидел. Несомненно, я должен был разбиться насмерть, слетев в нее, кто знает с какой высоты! При этой ужасной мысли я уцепился за плот и невольно закрыл глаза, чтобы не видеть себя раздавленным и превращенным в кашу. И вдруг вместо того, чтобы скатиться в пропасть, я почувствовал, что плот мой остановился. Открыв на минуту глаза, я увидел себя захваченным вместе с плотом в огромную сеть, которую какие-то люди накинули на меня с берега. И я был притянут к земле и там был вынут наполовину мертвым и наполовину живым из

петель сети, в то время как плот мой вытаскивали на берег. И в то время как я лежал дрожащий от холода, ко мне приблизился почтенный шейх с седою бородой, и, произнося приветствие, укрыл меня теплыми одеждами, которые принесли мне величайшее облегчение... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила двести девяносто пятая ночь, она сказала:

ночь двести девяносто пятая

Тогда я смог приподняться, хотя дар речи еще не вернулся ко мне. И я был введен в дом этого старца, и вся семья приняла меня с большим радушием и с выражениями дружбы. Мне дали кушанье лучшего качества и воду, приятно благоухающую цветами. И в течение трех дней за мной ухаживали с большой предупредительностью, и я почувствовал, что силы мои восстановились, а душа моя и сердце успокоились. На утро четвертого дня старец сел подле меня и сказал: – Да будет благословен Аллах, поставивший нас на пути твоем! Кто ты и откуда ты прибыл? И я, горячо поблагодарив старца за то, что спас он мне жизнь, рассказал ему всю свою историю с начала и до конца, не опуская ни одной подробности. Старец был страшно изумлен и сначала не мог говорить, до того он был потрясен всем, что услышал от меня; затем он сказал: – Теперь, о гость мой, скажи, не продашь ли ты мне свой редкостный товар? И хотя я не понимал, о каком товаре он говорит, ибо я был совершенно неимущ, я ответил: – Это, конечно, можно! И тогда мы пошли на базар, где я увидел свой плот, окруженный толпой купцов, которые смотрели на него и восклицали: – О Аллах! Какой чудный сорт сандала! Тогда я понял, что это был за товар, и я нашел весьма важным для его продажи принять достойный и сдержанный вид. И торг был открыт, и цена стала расти, и купцы продолжали надбавлять ее до десяти тысяч динариев! Тогда покровитель мой подошел ко мне и сказал: – Дитя мое, было бы лучше согласиться на предложенную цену. Но я, если хочешь, за свой счет прибавлю еще сто динариев. И я согласился, а старец приказал своим рабам отнести сандаловый плот в свои амбары и тотчас отсчитал мне все деньги.

Затем мы ели, и пили, и весело беседовали. После чего он сказал: – Дитя мое, я достиг весьма преклонных лет, но у меня нет детей мужского пола, которые бы могли быть со временем наследниками моего имущества. Но у меня есть дочь, совсем еще юная, полная обаяния и прелести, которая будет по смерти моей очень богата. И вот я хотел бы отдать ее тебе в жены с условием, что ты согласишься поселиться в нашей стране и жить одной с нами жизнью. Ты сделаешься таким образом господином всего, что я имею и чем управляет рука моя. И ты займешь мое место и во власти, и в обладании всем моим имением! И я ответил ему: – Клянусь Аллахом, ты мне все равно, что отец, и я готов поступить согласно твоей воле! На этом месте своего рассказа Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила двести девяносто шестая ночь, она сказала:

ночь двести девяносто шестая

И старец послал за кади и за свидетелями, и он обвенчал меня со своей дочерью и задал нам изобильный пир. И я нашел его дочь совершенством красоты и привлекательности. Она была украшена драгоценностями и богатыми уборами, и наряжена в шелка и парчу и в узорные и в самоцветные каменья; и то, что было надето на ней, стоило десятки тысяч золотых монет, и никто не мог бы сделать точную оценку всего этого. И мы полюбили друг друга и долго оставались вместе, находясь на вершине счастья. И когда спустя некоторое время отец моей супруги отошел в вечность, мы устроили пышные похороны, и я взял в свои руки все, что ему принадлежало, и мне представилась возможность изучить обычаи обитателей города. И я заметил к величайшему изумлению, что у мужчин этого города каждую весну за плечами вырастали крылья. Они пользовались ими, чтобы улетать из города, оставляя на земле лишь женщин и детей, которые не обладали такой способностью. И со временем мне стало стыдно быть единственным мужчиной, принужденным оставаться в городе среди женщин и детей. Тогда я пошел к человеку, которому оказывал немало одолжений, и сказал ему: – Ради Аллаха, позволь прилепиться к тебе и улететь с тобой в небеса! Сначала он не хотел меня слушать, но мне удалось убедить его согласиться. И я обвился руками вокруг его пояса, и он понес меня в воздушные пространства. И мы поднялись так высоко в глубину небесной лазури, что я смог услышать звуки пения ангелов под сводами небес. Тогда я воскликнул: – Хвала Аллаху в глубине небес! Но едва я произнес я эти слова, как мой крылатый носитель испустил ужасающее проклятие, стремглав спустился вниз и сбросил меня на вершину пустынной горы.

Тогда я подумал: «Всякий раз, как я избавляюсь от одного бедствия, попадаю в другое, еще худшее! В сущности же я вполне заслуживаю все, что случается со мною», и я сказал своему спутнику: – Разве так друзья поступают с друзьями? Он же ответил: – Ты должен знать, что именно благодаря тебе и тому, что ты не вовремя произнес его Имя, ты и был сброшен на землю. Это Имя действует на всех нас таким образом. По этой-то причине мы и не произносим его никогда! Тогда я сказал ему: – Извини меня и не осуждай, так как я, право, не мог предвидеть пагубных последствий призывания его Имени! Обещаю тебе не произносить его во время обратного пути, если ты согласишься теперь перенести меня в дом мой! Тогда крылатый нагнулся, взял меня к себе на спину и в одно мгновение ока перенес меня на террасу моего дома. Когда это увидела жена моя, она сказала: – Не следует тебе посещать жителей этого города: это братья демонов, но отец мой не принадлежал к их обществу и не жил их жизнью. Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. Но когда наступила двести девяносто седьмая ночь, она сказала:

ночь двести девяносто седьмая

И моя жена предложила мне: – Отправимся в Багдад на твою родину! Продай наше имущество, наш дом и имение и купи хороших товаров на часть вырученной суммы. Среди твоих родных и друзей мы сможем жить в мире и безопасности, почитая Всевышнего Аллаха! Тогда я принялся за продажу всех вещей, продавая каждую в свое время, и продал все, что досталось мне от дяди моего, шейха, покойного отца моей супруги, да будет милостив к нему Аллах. И обратил я таким путем в золото все, что нам принадлежало; и получил я стократную прибыль. Устроив это дело, я взял жену свою и накупленные мною товары, нанял себе судно и волею Аллаха совершил счастливое и выгодное плавание. Плыли мы от острова к острову и из морей в моря и благополучно прибыли в Басру, где остановились на короткое время. Потом вверх по реке мы доплыли до мирного города Багдада. Тогда с женою и богатствами своими направился я на свою улицу и в дом свой, где родные встретили меня с изъявлениями великой радости и очень полюбили супругу мою, дочь шейха. И поспешил я окончательно устроить свои дела, убрал в склады мои прекрасные товары, запер свои богатства и мог, наконец, спокойно принимать поздравления друзей и близких, которые, сосчитав, сколько времени я находился в отсутствии, увидели, что седьмое и последнее путешествие мое продолжалось ровно двадцать семь лет. Я же рассказал им во всех подробностях свои приключения за это долгое время; и дал я обет, который, как видите, свято соблюдаю: никогда не предпринимать ни сухопутного, ни морского путешествия. И не забыл я возблагодарить Аллаха Всевышнего за то, что столько раз, и несмотря на повторение моих ошибок, Он избавлял меня от опасностей и вернул в круг семьи и друзей! Таково было это седьмое и последнее путешествие, которое окончательно излечило меня от страсти к приключениям!

Так дочь визиря, Шахразада, окончила свой рассказ о Синдбаде-мореходе. А затем она сказала: – Следующий рассказ, который я приготовила для тебя, о царь благословенный, будет занимательнее всех уже прослушанных тобою! Можешь судить уже по одному его заглавию: Рассказ о прекрасной Зуммуруд и Алишаре, сыне Эв-Меджда. И царь взял ее в свои объятия и провел с ней остаток ночи. А когда настала двести девяносто восьмая ночь, Шахразада сказала:

ночь двести девяносто восьмая

Рассказ о прекрасной Зуммуруд и Алишаре, сыне Эв-Меджда

Сказывают, что в древние времена жил в Хорассане богатейший купец по имени Эв-Меджд, имевший сына прекрасного, как полная луна, которого звали Алишаром. И однажды Эв-Меджд почувствовал приближение смерти и сказал сыну: – Мой конец близок, и я хочу дать тебе добрые советы. Не бывай в свете, ибо свет подобен кузнецу: если он не сожжет тебя огнем кузни, то задушит своим дымом. Делай добро и не жди награды за него. Не расточай богатств, которые я тебе оставляю. Уважать тебя будут только сообразно с тем, чем владеет рука твоя. Не пренебрегай советами опытных людей и не почитай бесполезным просить совета у тех, кто может его дать. Кроме того, сын мой, дам тебе и еще один совет: остерегайся вина! Оно отнимает рассудок и делает тебя предметом насмешек и презрения. О дитя мое, не забывай моих слов. Будь хорошим сыном. И пусть благословение мое покоится на тебе во всю твою жизнь! И, сказав это, старый купец закрыл глаза, поднял указательный палец, произнес исповедание веры и скончался. Похоронив его, Алишар начертал на надгробном камне такие строчки:

Из праха я родился, и во прах
Вернулся вновь, и прахом стал я снова!
Как будто я и не жил на земле!

Вначале Алишар следовал отцовским советам, но по прошествии года его прельстило общество бессовестных прелюбодеев. И погрузился он в разврат по самое горло; он плавал в вине и безумных расходах, говоря себе: «Я хочу пользоваться настоящим и ловить наслаждение, потому что живешь только раз». И Алишар так предавался всяким излишествам, что скоро принужден был продать лавку, дом и мебель. Друзья, которых он роскошно угощал, теперь нашли предлоги, чтобы выпроводить его. И, дойдя до крайней степени нищеты, стал он просить милостыню, переходя от дверей к дверям. И дошел он однажды до базарной площади, где увидел большую толпу. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила двести девяносто девятая ночь, она сказала:

ночь двести девяносто девятая

увидел он, что посреди купцов и покупателей стояла молодая белая невольница, красивая и прелестно сложенная: стан ее был строен, как пальма, розы расцветали на ее щеках, и как прекрасны были ее груди и все ее формы! О ней можно было сказать словами поэта:

Где тот язык, что сможет описать
Главнейшее, сверкающее чудо:
Роскошных бедер блеск и белизну?

Когда Алишар взглянул на красавицу, им овладело восхищение, и он забыл на минуту о своей нищете, а купцы еще ничего не знали о его разорении. И тогда маклер предложил цену в тысячу динариев и сказал красавице: – О госпожа моя Зуммуруд, взгляни на благородных покупателей и укажи на того, который сумеет тебе понравиться, а я предложу ему купить! Тогда прекрасная отроковица рассмотрела покупателей одного за другим с величайшим вниманием, и взор ее остановился, наконец, на Алишаре, который был необыкновенно хорош собою. И молодая Зуммуруд указала на него маклеру и сказала: – О маклер, желаю этого молодого человека с милым лицом и гибким станом; я нахожу его прелестным, и кровь его близка мне, и легок он как северный ветерок; о нем, наверно, сказал поэт:

О господин, о юноша прекрасный,
Тобой любуясь, я лишаюсь сил!
Не убивай меня своим ты взглядом.
О пусть твое смягчится сердце
И столь же нежным станет как твой стан!

При этих словах маклер поднял руки к небу от восхищения и воскликнул: – О счастлив тот, кто будет иметь эту жемчужину в своем доме и станет хранить ее, как величайшее сокровище! И подошел он к Алишару, на которого указала отроковица, и поклонился ему до земли. В этом месте рассказа своего Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила трехсотая ночь, она сказала:

ночь трехсотая

И маклер сказал Алишару: – О господин мой, великое счастье тебе купить это сокровище за сотую долю его настоящей стоимости! Но Алишар опустил голову и сказал себе в глубине души: «У меня не на что купить кусок хлеба, а меня считают достаточно богатым, чтобы купить эту невольницу! Как бы там ни было, я не скажу ни да, ни нет, чтобы не покрыть себя стыдом перед всеми

Léon Carré

купцами!» И поскольку он стоял неподвижно, Зуммуруд сказала маклеру: – Возьми меня за руку и подведи к нему; я сама хочу поговорить с ним и заставить его решиться купить меня; я решила принадлежать ему и никому другому! И отроковица встала перед молодым человеком во всей живой красе и сказала ему: – О господин мой возлюбленный, о юноша, заставляющий меня пылать любовью, я хочу быть твоей рабой, все равно за какую цену! Вижу, что ты находишь цену в тысячу динариев слишком высокой. Предложи девятьсот, и я твоя. А он покачал головою и не сказал ничего. Она же продолжала: – Так купи меня за восемьсот! Он покачал головою, а она сказала: – За семьсот! И она продолжала сбавлять цену и сказала: – За сто, только за сто! Тогда он сказал ей: – О госпожа моя, знай же, наконец, что я не имею ни ста, ни даже одного динария! У меня нет ни серебряной, ни золотой монеты, ни золотого динария, ни серебряной драхмы. Поэтому не теряй со мною времени и ищи другого покупателя!

Тогда Зуммуруд сказала: – Все равно покупай: ударь по руке моей и окружи рукою мой стан: как тебе известно, это знак согласия! И она вынула из кармана кошелек и сказала: – Тут тысяча динариев, отдай девятьсот моему хозяину, а сто оставь для наших первых расходов! И отсчитав деньги, Алишар взял невольницу за руку и увел ее с собою. Когда же он привел ее к себе, Зуммуруд удивилась, увидав, что все жилище состояло из жалкой комнаты, в которой вместо мебели лежала лишь драная циновка. Тогда она передала ему другой кошелек с тысячью динариев и сказала: – Беги скорее на базар и купи мебель и ковры, а также пищу и питье. Сверх того принеси мне кусок дамасской шелковой материи гранатового цвета, и несколько катушек золотых и серебряных нитей, и шелку семи различных цветов. Не забудь также купить мне длинных иголок и золотой наперсток! И Алишар немедленно исполнил ее приказание. И сели они оба, ели, пили и были довольны. После того провели они ночь в объятиях друг у друга, и любовь нерушимо укрепилась в их сердцах. А наутро Зуммуруд сшила дивный занавес, украсив его искусными изображениями птиц и животных. И Алишар пошел на базар и продал его одному купцу за пятьдесят динариев. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста первая ночь, она сказала:

ночь триста первая

Потом он снова купил шелковую ткань, золотые и серебряные нити и отнес все Зуммуруд, которая вышила ковер, который также был продан за пятьдесят динариев. И жили они так, пили, ели и любили друг друга целый год. Однажды Алишар вышел из дома, неся сверток с вышиванием, который дала ему Зуммуруд. Придя на базар, он передал сверток глашатаю, который принялся расхваливать и выкрикивать товар перед купцами. Проходивший мимо христианин подошел к глашатаю и предложил за ковер шестьдесят динариев вместо пятидесяти. Но Алишар, не забывший

предостережение Зуммуруд, не хотел продавать ему ковер. Тогда христианин предложил сто динариев, и глашатай убедил Алишара отдать ковер за эту цену. Однако идя домой, Алишар заметил, что христианин следит за ним. И когда он дошел до дверей своего дома, то закричал ему: – Зачем идешь ты за мною по пятам? Тот же ответил: – О господин мой, я случайно пришел сюда. Прошу тебя, дай мне глоток воды! И Алишар вошел в дом и взял кувшин с водой, чтоб подать его христианину. Взволнованная долгим отсутствием Алишара, Зуммуруд обняла его и спросила: – Почему так долго не возвращался ты сегодня? И куда ты несешь этот кувшин? Он сказал: – Я хочу дать напиться глашатаю, который проводил меня до дому! Но этот ответ не успокоил ее. Алишар же увидел христианина уже в сенях, так как дверь оставалась открытой, и он закричал ему: – Как смеешь ты входить в мой дом без позволения? Христианин же ответил: – Дай мне только перевести дух, и я уйду! И взял он кувшин и напился.

Но прошел час, а христианин не двигался с места. Тогда Алишар закричал: – Убирайся сейчас же! Но христианин отвечал: – Я уже утолил жажду, но голод так сильно терзает меня, что я рад был бы куску сухого хлеба и луковице! Алишар закричал ему: – Ступай прочь! У меня в доме ничего нет! А христианин ответил: – Прошу тебя именем Аллаха, сходи на ближайший базар и купи мне пшеничную лепешку, чтобы не было сказано, что я вышел из твоего дома, не отведав хлеба и соли! Услышав это, Алишар сказал: – Я пойду на базар и принесу тебе поесть. Жди меня и не трогайся с места! И он поспешил на базар, где купил жареный на меду творог, огурцов, бананов, слоеных пирожков и только что испеченного хлеба. Он принес все это христианину и сказал: – Вот тебе пища! Но тот стал отказываться, говоря: – Господин мой, ты такой щедрый, но разве ты не закусишь вместе со мною? Народная мудрость говорит – тот, кто отказывается трапезничать с гостем, неизбежно должен быть ублюдком. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила триста вторая ночь, она сказала:

А такие слова нельзя было возразить, и Алишар сел рядом с христианином и начал рассеянно есть вместе с ним. Христианин же, воспользовавшись этой рассеянностью, очистил банан и ловко всунул туда банж с опиумом. Он опустил банан в белый мед и предложил его Алишару, говоря: – О господин мой, именем твоей веры, прими этот сочный банан, очищенный мною для тебя! Алишар проглотил банан и лишился чувств. Тогда христианин бросился на улицу, где за углом стояли люди, во главе которых был старый Рашидеддин. Он был родным братом христианина Барсума, только что предавшего Алишара. Этот Рашидеддин лишь притворялся мусульманином. Сопровождаемый своими людьми,

он проник в дом Алишара, бросился на прекрасную отроковицу, заткнул ей рот и перенес ее на спину мула. Добравшись до своего дома, Рашидеддин приказал отнести Зуммуруд в самую отдаленную комнату и сказал ей: – Теперь ты в моей власти, и ты должна отречься от своей нечестивой веры и стать христианкой. При этих словах глаза Зуммуруд наполнились слезами, и она воскликнула: – О злодей! Ты можешь разрезать меня на куски, но тебе не удастся заставить меня отречься от моей веры. Тогда старик взял бич и принялся жестоко истязать тело Зуммуруд. А она при каждом ударе восклицала: – Нет Бога кроме Аллаха, и Магомет пророк Его! Тогда велел он рабам бросить ее в кухню к служанкам и ничего не давать ей: ни пить, ни есть.

Алишар же пролежал в бесчувственном состоянии до следующего дня. Очнувшись, он позвал Зуммуруд, но никто не откликнулся. Тогда вспомнил он о христианине и уже не сомневался в похищении своей возлюбленной. И бросился он вон из дома и стал ходить по улицам с блуждающим взглядом, крича: – Зуммуруд! Зуммуруд! И бродил он так, пока не встретила его старая женщина, сказавшая ему: – Дитя мое, будь спокоен и да вернется к тебе разум. Алишар же ответил ей: – Рассудок потерял я от ее отсутствия! Вглядевшись в Алишара, добрая старуха поняла, что это страждущий влюбленный, и сказала ему: – Дитя мое, расскажи мне о своем горе. Быть может, Аллах поставил меня на пути твоем для того, чтобы я помогла тебе. Тогда Алишар рассказал ей о своем приключении с христианином. Добрая старуха выслушала его рассказ, подумала и сказала: – Ступай купи мне корзину, что носят разносчики, а также украшения и другие вещи, которые продают женщинам торговки. И я обойду весь город, продавая эти вещи. Так мы с помощью Аллаха нападем на след твоей возлюбленной. В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста третья ночь, она сказала:

ночь триста третья

Алишар заплакал от радости, и поцеловал руки у доброй старухи, и сделал все по ее указаниям. Старуха же вернулась домой, переоделась, поставила себе на голову корзину, взяла в руки посох и принялась обходить гаремы в различных кварталах города. Так добралась она и до дома старого Рашидеддина. Когда старуха постучалась, ей отворила дверь рабыня. И старуха сказала: – Дочь моя, я продаю красивые вещицы. Есть ли у вас покупатели? Невольница ввела ее в кухню, где ее тотчас же окружили женщины. Она была сговорчива при продаже и внушила к себе доверие. И тут она заметила лежавшую на полу Зуммуруд и тотчас убедилась, что это именно та, кого она ищет. Подойдя к отроковице, она сказала: – Дочь моя, Аллах послал меня к тебе на помощь! Ты Зуммуруд, возлюбленная Алишара! Завтра вечером будь готова к похищению. Стань к окну кухни и, когда услышишь свист, без боязни выходи на улицу. Там будет стоять сам Алишар, и он освободит

тебя! И Зуммуруд поцеловала руки у старухи, которая поспешила удалиться. Она же рассказала обо всем случившемся Алишару, и он горячо благодарил ее.

На другой день, когда стемнело, Алишар направился к дому, описанному старухой. Он сел у стены и стал ждать, когда стемнеет. Но усталость овладела им, и он уснул. И пока он спал, судьба направила к нему одного из проворных воров. Он стащил с Алишара прекрасный тюрбан и плащ и проворно нарядился во все это. В ту же минуту окно отворилось. Подняв голову, он увидел женщину, которая делала ему какие-то знаки. Это Зуммуруд принимала его за Алишара. Не понимая, в чем дело, вор подумал: – А что, если я свистну? И он свистнул. Тогда Зуммуруд спустилась из окна при помощи веревки. Вор же взвалил ее к себе на спину и побежал. Заметив такую необычную силу у своего носильщика, Зуммуруд чрезвычайно удивилась и провела рукою по его лицу. И она заметила, что все оно обросло волосами. Тогда она стала бить вора по лицу и кричать: – Кто ты? Кто ты такой? А так как в эту минуту они находились в чистом поле среди ночи, то вор остановился, положил отроковицу на землю и крикнул ей: – Я Дживан-курд, самый страшный человек из шайки Ахмада Эд-Донафа. Нас сорок молодцов, и все мы по очереди насладимся тобой! Зуммуруд поняла весь ужас своего положения и заплакала, приговаривая: – Нет Бога кроме Аллаха! Каждый несет судьбу свою и не может избегнуть ее. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста четвертая ночь, она сказала:

ночь триста четвертая

Курд Дживан снова взвалил на плечи отроковицу и побежал, пока не донес ее до пещеры, которую разбойничья шайка избрала себе жилищем. Там Дживан передал Зуммуруд своей матери и сказал ей: – Позаботься хорошенько об этой газели. Я же иду искать товарищей и вернусь с ними не ранее завтрашнего полудня. Тогда старуха дала напиться Зуммуруд и сказала: – Как счастлива ты, что молода и привлекательна! Зуммуруд же завернула себе голову покрывалом, легла на землю и пролежала так до самого утра. Ночью же она размышляла и говорила: – Клянусь Аллахом! Я спасу свою душу и не продам им своего тела! Наутро она подошла к старухе, поцеловала у нее руку и сказала: – Я хорошо отдохнула, добрая матушка. Выйдем со мною на солнышко, и я причешу тебя! Старуха отвечала: – Это прекрасная мысль, дочь моя! И вышла она с Зуммуруд из пещеры и уселась на солнце, сняв с головы платок. А Зуммуруд стала расчесывать ей волосы так медленно, что старуха, убаюканная этим движением, глубоко заснула. Не теряя времени, Зуммуруд побежала в пещеру, надела мужское платье и обмотала голову тюрбаном. Она быстро вышла, оседлала лошадь и поскакала. И так скакала она десять дней и десять ночей. На одиннадцатый день утром она выбралась из пустыни и увидела перед собою зеленеющий луг и большие деревья, там было также много птиц

и целые стада газелей. Зуммуруд отдохнула в этом пленительном месте, потом снова села на лошадь и поехала по дороге к большому городу, верхушки минаретов которого уже блестели на солнце.

Подъехав к городским воротам, она увидела громадную толпу, которая при виде ее стала радостно кричать. И тотчас же выехали из ворот к ней навстречу эмиры и военачальники, которые распростерлись на земле. Со всех сторон раздавались возгласы: – Да дарует твой приезд благословение мусульманскому народу, о царь вселенной! Зуммуруд же, остававшаяся в мужском платье, ничего не понимала и, наконец, спросила у людей, взявших ее лошадь под уздцы: – Что случилось в вашем городе? И чего хотите вы от меня? Тогда старший из придворных, поклонившись до земли, сказал ей: – Господь, дарующий блага, привел тебя к нам, чтобы возвести тебя на престол нашего царства! В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста пятая ночь, она сказала:

ночь триста пятая

Знай, что по обычаю этого города, если умирает царь, не оставивший наследника, мы должны идти на эту дорогу и ждать первого прохожего, которого пошлет нам судьба, чтобы мы признали его нашим царем! И сегодня мы имели счастье встретить тебя! Зуммуруд же была одарена ясным и светлым умом, поэтому она не смутилась и сказала: – Я соглашаюсь быть вашим царем! И не думайте, что я какой-нибудь турок низкого происхождения. Вы видите перед собою знатного человека, бежавшего из дома вследствие ссоры с родными и решившегося разъезжать по свету, ища приключений. И стала она во главе шествия и торжественно вступила в город. И придворные сошли с коней, на руках отнесли ее в большой приемный зал дворца, посадили на золотой трон, надели на нее знаки царской власти, распростерлись перед нею и произнесли присягу в верности. Зуммуруд начала свое царствование с того, что отменила таможенные пошлины и другие сборы, велела выпустить из тюрем заключенных и исправила все ошибки прежних правителей. И приобрела она любовь высших и низших, и все, считая ее мужчиной, изумлялись ее воздержанности и целомудрию. Но Зуммуруд не чувствовала себя счастливой; она постоянно думала о своем милом Алишаре, которого не могла разыскать, несмотря на поиски по ее приказанию. Поэтому она молилась и постилась в течение года. И все женщины во дворце восклицали: – Какое несчастие для нас, что царь наш так набожен и воздержан!

В конце года Зуммуруд созвала всех вельмож города и задала им такой пир, которого никто еще не видывал. И в конце пира Зуммуруд сказала гостям: – Отныне я буду звать на такое пиршество весь народ мой, чтобы каждый мог принять в нем участие! И в начале месяца глашатаи стали ходить по улицам города, крича: – Все, богатые и бедные, сытые и голодные, спешите к павильону на площади!

И повешен будет всякий, не пришедший туда! По этому приглашению толпа народа разместилась в зале, а царь внимательно разглядывал всех так пристально, что каждый говорил соседу: – Не знаю, по какой причине царь так упорно смотрит на меня! Среди обжор, набрасывавшихся на пищу, находился и усыпивший Алишара негодяй Барсум. Когда он, растолкав всех соседей, захватил себе много еды, один из его соседей сказал ему... В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста шестая ночь, она сказала:

ночь триста шестая

Не стыдно ли тебе протягивать руку к тому, что стоит далеко от тебя, и брать для себя одного такое большое блюдо? Разве тебе неизвестно, что учтивость повелевает нам брать только то, что стоит перед нами? А другой сосед прибавил: – Пусть же это блюдо ляжет камнем на твой желудок и перевернет кишки! Но Барсум лишь грубо крикнул ему: – Это кушанье для людей воспитанных! И тут Зуммуруд узнала его и сказала стражам: – Приведите скорее ко мне этого человека! И стражи бросились к Барсуму и потащили за ноги к царю среди удивленных гостей, которые тотчас же перестали есть и стали шептать друг другу: – Вот что значит быть обжорой и захватывать пищу у других. И все внимательно следили за тем, что происходило. А Зуммуруд спросила: – Скажи мне, как твое имя и по какой причине пришел ты в наш край? Негодяй ответил: – О царь, зовут меня Али, а ремеслом я портной. Тогда Зуммуруд сказала одному из своих царедворцев: – Ступай и принеси скорее мой стол с прорицательным песком и медное перо. И как только было исполнено ее приказание, Зуммуруд рассыпала песок и медным пером начертила на нем изображение обезьяны и несколько линий. Потом, подумав несколько минут, подняла голову и громким голосом, который был услышан всей толпой, она закричала: – О собака, как смеешь ты лгать царям? Разве ты не христианин, и разве имя твое не Барсум? При этих словах пораженный христианин упал на колени и сказал: – Смилуйся, о царь времен! Я действительно христианин и приехал сюда, чтобы похитить мусульманку, которая убежала из нашего дома! Тогда Зуммуруд позвала меченосца с помощниками и сказала им: – Уведите эту собаку за город, сдерите с него кожу, а тело сожгите и бросьте в помойную яму! И они исполнили этот приказ, который народ нашел справедливым.

Когда же наступил следующий месяц, все снова принялись пить, есть и веселиться, но каждый прикасался только к тем блюдам, которые стояли перед ним. Тем временем вошел человек устрашающей наружности. Он шел быстро, расталкивая всех на своем пути. И Зуммуруд узнала своего похитителя, ужасного Дживана-курда, одного из сорока разбойников. Он вошел вместе с другими в павильон... В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила триста седьмая ночь, она сказала:

ночь триста седьмая

Он вошел в павильон и сел против подноса с рисовой молочной кашей. И Зуммуруд сказала стражам: – Скорей приведите ко мне этого человека! Когда приволокли к ней курда, Зуммуруд спросила его: – Как тебя зовут? Каким ремеслом ты живешь? Что заставило тебя приехать в наш город? Он же отвечал: – Зовут меня Османом, я садовник по ремеслу! Зуммуруд же воскликнула: – Пусть принесут мне столик с песком и медное перо! И она начертила пером буквы и фигуры на рассыпанном песке, подумала и, подняв голову, сказала: – Горе тебе, негодный лжец. Мои вычисления на песке сказали мне, что зовут тебя Дживаном-курдом и по ремеслу ты вор, убийца и разбойник. Слыша такие слова царя, курд пожелтел и сказал: – Ты сказал истину, о царь. Но я раскаиваюсь с этой минуты и буду вести правильную жизнь! Но Зуммуруд отдала приказ: – Уведите его, сдерите с него кожу и набейте ее, как чучело! И стражи исполнили все, как было сказано. В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила триста восьмая ночь, она сказала:

ночь триста восьмая

В это время третьего пира все снова собрались в павильон и принялись есть, пить и веселиться. И вдруг вошел человек с белой бородой, в котором Зуммуруд узнала негодного христианина, старика Рашидеддина. И случилось так, что судьба привела его в этот город к этому павильону. А Зуммуруд, узнав христианина, закричала своим стражам: – Приведите ко мне этого человека! И стражи бросились и потащили за бороду того человека прямо к царю, который спросил у него: – Как твое имя? Чем занимаешься? По какому поводу пришел к нам? И тот отвечал: – Имя мое Рустем, я нищий дервиш. Тогда Зуммуруд воскликнула: – Подайте перо и песок! И когда принесли ей все это, она рассыпала песок, начертала на нем буквы и фигуры, подумала, потом подняла голову и сказала: – Ты лжешь, проклятая собака! Имя твое Рашидеддин; занимаешься ты тем, что похищаешь мусульманских женщин и запираешь их у себя в доме. Ты притворяешься мусульманином, а на самом деле ты христианин!

И остолбенев от ужаса, негодяй сознался в своих преступлениях. Тогда Зуммуруд сказала стражам: – Схватите его

и дайте ему по тысяче ударов на каждую подошву, а потом сорвите с него кожу, а с телом поступите, как поступили с телами тех двух собак. И это было тотчас же исполнено. После этого все снова принялись за еду, удивляясь мудрости и прозорливости царя, прославляя его справедливость и правосудие. Однако Зуммуруд не чувствовала себя счастливой. Она говорила себе: «Благодарение Аллаху, помогавшему мне отомстить тем, кто делал мне зло! Но все это не возвращает мне моего возлюбленного Алишара!» И она по-прежнему проливала слезы, запершись у себя во дворце. А в начале следующего месяца опять созвали народ на пир. И тогда в павильон вошел молодой человек. Он казался слабым, немного бледным и усталым. И Зуммуруд с первого взгляда узнала Алишара, сердце ее сильно забилось и успокоилось, лишь когда его к ней привели. Что касается самого Алишара, то вот что было с ним... На этом месте своего рассказа Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила триста девятая ночь, она сказала:

ночь триста девятая

Когда он проснулся, солнце уже встало, и купцы начинали открывать свои лавки. Удивившись тому, что спит на улице, он прикоснулся рукою ко лбу и заметил, что тюрбан его исчез, также и плащ. Тогда начал он понимать, что случилось, и в сильном волнении побежал к доброй старухе, прося ее навести справки. Она охотно согласилась, ушла, и вернулась через час с расстроенным лицом и с растрепавшимися волосами, и сообщила, что Зуммуруд исчезла. При этих словах у Алишара потемнело в глазах, и пришел он в отчаяние. И болел он целый год, а старуха не покидала его ни на минуту и уже не знала, что и делать. Однажды она сказала ему: – Дитя мое, укрепи свои силы и иди искать ее по разным странам и городам. Никогда не знаем мы, откуда придет спасение! Тогда, приготовив все к дороге, он простился со старухой и направился на поиски. И дошел он, наконец, до города, где царствовала Зуммуруд, и вошел в павильон, где давался пир, и сел перед блюдом риса, посыпанного сахаром. А так как он был очень голоден, то засучил рукава и приступил к еде. Зуммуруд же, следившая за ним, сказала себе: «Пусть утолит он прежде свой голод, а потом велю привести его к себе». А когда увидела, что он закончил, то сказала стражам: – Подойдите к этому молодому человеку и самым учтивым образом пригласите его поговорить со мною. И Алишар поклонился и поцеловал землю между рук царя, который дрожащим голосом спросил у него: – Как твое имя? И по какому поводу покинул ты родину и пришел в наш далекий край? Он же ответил: – О царь благословенный, имя мое Алишар, я купеческий сын из страны Хорассан. Занимался я торговлей, но разные бедствия заставили меня отказаться от этого дела. Что касается повода, по которому я явился сюда... На этом месте Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста десятая ночь, она сказала:

ночь триста десятая

Явился я сюда, чтобы разыскать ту, которую я любил, которую потерял и которая была мне дороже жизни! И, проговорив это, Алишар залился слезами, и сделалась у него такая икота, что он лишился чувств. Тогда несказанно растроганная Зуммуруд приказала своим слугам обрызгивать ему лицо розовой водой. Когда Алишар очнулся, Зуммуруд сказала: – Теперь пусть принесут мне столик с песком и медное перо! И она взяла перо и, начертав буквы и линии, сказала тихо, но так, чтобы слышал весь народ: – О Алишар, сын Эв-Меджда, прорицающий песок подтверждает твои слова! Ты сказал правду. Да успокоится душа твоя, и да освежится сердце твое! И я могу предсказать, что скоро Аллах возвратит тебе твою возлюбленную! После того она распустила собрание и приказала двум евнухам свести Алишара в баню, а после одеть в платье из царского шкафа, посадить на коня из царских конюшен и привести его к ней с наступлением ночи. И евнухи повиновались исполнить приказ своего царя.

Зуммуруд же с нетерпением ждала наступления ночи, чтобы остаться наедине с дорогим ее сердцу. И как только солнце закатилось, она сняла с себя одежду и, оставаясь в одной шелковой рубашке, легла на ложе. И спустила она занавеси, чтобы оставаться в темноте, и велела двум евнухам привести Алишара. Когда он вошел к царю, то поцеловал землю между рук его, приветствовал его и затем умолк, ожидая вопросов. Тогда Зуммуруд обратилась к нему и сказала: – Подойди ко мне, молодой человек. Хорошо ли ты вымылся и освежился? Он ответил: – Да, о господин мой! Она спросила: – Наверное, баня возбудила твой аппетит, о Алишар. Прежде всего, утоли свой голод и жажду, а потом подойди ко мне ближе. И Алишар насытился, выпил по чашке каждого напитка и робко подошел к царскому ложу. Тогда царь взял его за руку и сказал ему: – Ты очень нравишься мне, молодой человек. Нагнись и растирай мне ноги! И Алишар, засучив рукава, принялся растирать ноги царя. Через некоторое время царь сказал ему: – О прекрасный молодой человек, растирай мне все тело! Но Алишар с величайшим смущением сказал: – Извини меня, господин мой, но я не умею растирать тело. Что умею, то я уже сделал. В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и по обыкновению умолкла. Но когда наступила триста одиннадцатая ночь, она сказала:

ночь триста одиннадцатая

Что умею, то я уже сделал! При этих словах Зуммуруд притворилась взбешенной и воскликнула гневным голосом: – Как ты смеешь ослушаться меня! Поспеши же исполнить мою волю! А не то я велю отрубить тебе голову! Тогда, доведенный до полного отчаяния, Алишар повиновался. Но тут с удивлением заметил он, что прикасается к мягкому и округлому женскому телу, и волнению его не было пределов. Этой минуты как раз и ждала Зуммуруд. Она вдруг засмеялась во все горло и сказала Алишару: – Как мог ты не узнать меня, рабу твою, о возлюбленный господин мой? Я ведь невольница твоя, Зуммуруд! Неужели не узнаешь ты меня по всем этим признакам? При этих словах Алишар внимательнее вгляделся в царя и узнал в нем свою возлюбленную Зуммуруд. Он взял ее в свои объятия и целовал ее, полный радости и счастья. А Зуммуруд со смехом спросила: – Ну что? Не будешь ли и теперь ты противиться моим желаниям? Но вместо ответа Алишар прижал ее к себе, и они слились в горячем поцелуе. В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и по обыкновению скромно умолкла. Но когда наступила триста двенадцатая ночь, она сказала:

ночь триста двенадцатая

Когда же наступило утро, Зуммуруд облеклась в царские одежды, велела собраться на большом дворе своим визирям, эмирам, военачальникам и именитым людям города и сказала им: – Повелеваю вам, о мои верные подданные, отправиться на дорогу, где вы встретили меня, чтобы приискать кого-нибудь другого и избрать его в цари на мое место. Ибо я решил отречься от престола и уехать в страну этого молодого человека, которого выбрал себе другом на всю жизнь. На эти слова все присутствующие отвечали повиновением. Невольники тотчас принялись готовить все к отъезду и наполняли ящики съестными припасами, роскошными вещами, драгоценностями, золотом и серебром. Все это навьючили они на спины мулов и верблюдов. Зуммуруд и Алишар сели в изукрашенный паланкин, прикрепленный к спине верблюда, и в сопровождении двух маленьких евнухов благополучно возвратились в Хорассан, где находился их дом. Алишар роздал щедрую милостыню бедным и сиротам и богато одарил друзей и соседей своих. И жили Зуммуруд и Алишар долгие годы среди многочисленных детей, дарованных им Создателем. И достигли они крайних пределов радости и блаженства, продолжавшихся до той поры, когда посетила их разрушительница всех радостей. Но, – продолжала Шахразада, обращаясь к царю Шахрияру, – не думай, что эта история восхитительнее рассказа о шести молодых девушках, из которых ни одна не походила на другую! И если этот рассказ не превосходит все уже слышанное тобою, вели отрубить мне голову без малейшего промедления! И Шахразада продолжила:

Рассказ о шести молодых девушках, из которых ни одна не походила на другую

Говорят, что в день из дней эмир правоверных Эль-Мамун сел на трон свой и призвал к себе не только визирей, эмиров и главных начальников, но и всех стихотворцев и всех людей, пленявших своим умом. Ближайшим же из всех собравшихся был Магоммад-Эль-Бассри. И халиф Эль-Мамун сказал ему: – О Магоммад, я желаю, чтобы ты рассказал мне что-нибудь такое, чего я никогда не слышал. Тот же ответил: – О эмир правоверных, ничего нет легче! Знавал я богатого человека родом из Йемена, который переселился в наш Багдад, чтобы вести спокойную жизнь. Звали его Али-Эль-Ямани. Он велел перевезти из Йемена свое имущество, а также гарем, состоявший из шести юных невольниц. Первая из них была белая, вторая – темнокожая, третья – толстая, четвертая – тонкая, пятая – златокудрая, а шестая – черная. Все шесть были верхом совершенства, обладали умом и превосходно изучили искусство танцев и музыки. В этом месте рассказа своего Шахразада заметила наступление утра и умолкла. Но когда наступила триста тринадцатая ночь, она сказала:

Белую отроковицу звали Лицом Луны; темнокожую – Угольком в Огне; толстую – Полной Луной; тонкую – Райской Гурией; златокудрую – Солнцем Дня; а черную – Зеницей Ока. Однажды Али-Эль-Ямани, радуясь спокойной жизни, которой наслаждался в Багдаде, и находясь в тот день в особенно хорошем расположении духа, позвал всех невольниц в залу, чтобы провести с ними время, беседуя, попивая

вино и занимаясь музыкой, и они бесконечно развлекались разного рода играми и забавами. Когда воцарилась полная веселость, Али-Эль-Ямани наполнил кубок вином и, обращаясь к Лицу Луны, сказал ей: – О милая белая невольница, сыграй и спой нам что-нибудь своим восхищающим голосом! И Лицо Луны взяла лютню и исполнила несколько прелюдий, от которых камни заплясали от радости и все руки поднялись к небу! Потом, аккомпанируя себе на лютне, она пропела такие стихи:

Мой нежный друг – далек он или
близок –
В моих очах свой лик запечатлел,
И на моих ему покорных членах
Свое он имя начертал навек.

Слушая ее, хозяин радовался, а когда она кончила, прикоснулся губами к кубку с вином, подал отроковице, и она выпила его. Наполнив же кубок вторично, он обратился к темнокожей невольнице и сказал ей: – О Уголек в Огне, о целительница души, дай услышать твой голос и спой по своему выбору стихи, но не томи меня, однако же, своим огнем! И Уголек в Огне взяла лютню и перестроила ее на другой лад; потом заиграла она вступление, от которого заплясали камни и забились сердца, и стала петь:

Клянусь тебе твоим лицом любимым,
Люблю тебя, тебя лишь одного,
Твоей любви не изменю до смерти!
О светлый образ, красоты покровом
Окутанный, ты учишь и прекрасных
Тому, чем быть умеет Красота!
Влечет сердца твое очарованье:
Ты лучшее, чистейшее созданье,
Изваянное благостью Творца!

И, прикоснувшись губами к вину, хозяин предложил его отроковице. И снова наполнил он кубок и обратился к невольнице, отличавшейся значительной дородностью: – О Полная Луна, тяжелая по наружности, но легкая и симпатичная по крови, не споешь ли нам песню со стихами, светлыми и ясными, как твое тело! И дородная отроковица настроила лютню и запела так, что задрожали сердца и затрепетали твердые скалы:

Когда б могла я нравиться тебе,
О ты, предмет моих желаний
страстных,
То весь бы мир я вызвала на бой –
И мне была б одна твоя улыбка
Наградой высшей. Если бы ко мне,
К моей душе, что по тебе тоскует,
Ты подошел своей походкой гордой,
Цари вселенной все могли б исчезнуть –
Я никогда не вспомнила б об них!
Когда б ты принял дар любви
смиренной,
Мое все счастье было б с той поры
Сидеть у ног твоих, о драгоценный,
Осыпанный дарами Красоты!

Эта песня тронула сердце хозяина, и он подал вино отроковице. И снова налил он кубок и обратился к тоненькой невольнице: – О стройная Райская Гурия, теперь твоя очередь восхищать нас дивным пением. И отроковица наклонилась над лютней и пропела следующее:

В делах любви, где тот судья верховный,
Что судит всех? Он нас бы уравнял,
Отдав ему моей любви избыток,
И равнодушьем наделив меня!

Слушая эти стихи, хозяин был радостно взволнован и, прикоснувшись к вину, предложил его отроковице, которая выпила его. Затем снова наполнил он кубок... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста четырнадцатая ночь, она сказала:

Наполнив кубок, обратился он к златокудрой невольнице: – О Солнце Дня, не споешь ли нам стихи о любви? И невольница наклонила златокудрую головку и, пленив слушателей тихими звуками своего голоса, развернула его затем во всем дивном его объеме:

Я вопрошаю раненое сердце:
«О почему же от любовных ран
Не хочешь ты, о сердце, излечиться?
Как можешь ты не внять моим мольбам?»,
Но мне в ответ молчит больное сердце
И вечно вновь летит к его стопам!

Выслушав эту песню, хозяин омочил свои губы в вине и предложил кубок невольнице. Потом он обратился к черной невольнице: – О Зеница Ока, спой нам стихи, и пусть будут они дивны и румяны, как солнце! Тогда та взяла лютню и пропела мелодию, которую сочинила сама к стихам свободного размера:

Струитесь слезы из очей печальных,
Кончину сердца моего оплачьте,
Спаленного огнем моей любви.
Всему причиной мой жестокий друг,
Что для соперниц мог меня покинуть.

Слушая эти стихи, хозяин был взволнован и предложил кубок отроковице, которая и выпила его. После этого невольницы попросили его сказать, чей голос и чьи стихи были особенно приятны ему. И Али-Эль-Ямани был поставлен в крайне затруднительное положение. Наконец, он решился заговорить и сказал: – По совести, я не могу отдать предпочтение ни одной из вас. Придите же, ягнята мои, и обнимите меня все вместе! При этих словах все шесть отроковиц бросились в его объятия и ласкались к нему целый час. Затем поставив их в кружок перед собою, он сказал им: – Сам я не хотел отдавать предпочтение которой-нибудь из вас. Но то, что не сделано мною, может быть сделано вами самими. Я хочу, чтобы каждая из вас воздала себе хвалу, которой заслуживает, указав на свои преимущества и достоинства, и унизила прелести соперницы. В борьбе этой вы должны сражаться только прекрасными словами, цитатами из произведений мудрецов и опираться на Коран. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста пятнадцатая ночь, она сказала:

Léon Carré

есть отроковиц повиновались, и началось очаровательное состязание. Прежде всех встала белая невольница, знаком пригласила черную стать перед нею и тотчас же сказала: – В книгах ученых людей сказано, что Белизна говорила так: – Я свет сияющий! Цвет мой ясен и очевиден! Чело мое сияет блеском серебра, а красота моя внушила поэту такие стихи:

Беляночка с блестящей гладкой кожей,
Она, как перл, заботливо хранима.
Ее же стан – то ветка гибкой ивы,
Что, трепеща, несет свои листы:
За эту ветвь охотно отдадим мы
Весь пышный сад и все его цветы!

Но я продолжаю! Цвет мой, цвет дня, померанцевого цветка и жемчужной утренней звезды! И еще сказано в книге: «Те, кто сумел сохранить лицо свое белым, то есть чистым и незапятнанным, будут в числе избранных милосердием Аллаха». Следовательно, мой цвет – царь всех цветов. Разве не знаешь ты, что снег, падающий с неба, всегда бел? Разве не известно тебе, что правоверные для своих тюрбанов отдали предпочтение белой кисее? Но я не хочу более распространяться о своих достоинствах и хочу поскорее разобрать тебя, о черная, цвета чернил и навоза! Но прежде вспомни стихи поэта, в которых говорится о черном и белом:

Не знаешь разве, что цена жемчужин
От белизны зависит их молочной,
А что ты угля черного мешок
И сам легко за драхму покупаешь?

При этих словах белой невольницы господин сказал ей: – Довольно! Теперь очередь черной! Тогда Зеница Ока, стоявшая до тех пор неподвижно, взглянула на Лицо Луны и сказала ей: – Известно ли тебе, о невежественная белая, то место в Коране, где Всевышний клянется мраком ночи и светом дня? Так вот, Аллах в этой клятве упомянул сначала ночь, а потом уже день. Разве черный цвет волос не есть украшение юности, подобно тому, как белый цвет признак старости и конца земных радостей?.. В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила триста шестнадцатая ночь, она сказала:

ночь триста шестнадцатая

если бы черный цвет не ставился выше всех остальных цветов, всемилостивый Аллах не сделал бы его столь дорогим глазу и сердцу. Поэтому так верны слова поэта, который восхвалял этот цвет в таких строчках:

Коль так люблю я черный тела цвет,
То потому, что юно это тело.
А белизна – о как она противна!
И к белому я савану не в силах
Пылать любовью; к волосам седым
Я не склонюсь с лобзанием горячим.

Потом, когда же собираются близкие друзья, как не ночью? И как должны быть

благодарны мраку ночи влюбленные за то, что она скрывает их ласки, ограждает от нескромных взоров и порицаний. Ты действительно бела, но бела ведь и зловонная проказа! И если ты сравнила меня с чернилами, то разве позабыла, что чернилами написана книга Аллаха и что черен драгоценный мускус, который дарят друг другу цари? Когда Зеница Ока кончила, Али-Эль-Ямани сказал: – Без сомнения, вы обе говорили прекрасно. Теперь черед двух других!

Тогда поднялись толстая и стройная, и стали они одна против другой, и Полная Луна приготовилась говорить первая. Она разделась, обнажив роскошные формы свои. Оставила она на себе только одну рубашку из прозрачной ткани. И обратилась она к сопернице своей... В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила триста семнадцатая ночь, она сказала:

ночь триста семнадцатая

И обратившись к стройной сопернице, она сказала: – Слава Аллаху, сотворившему меня дородной, положившему подушки во всех изгибах моего тела и не отказавшему мне в мускулах для того, чтобы я могла, дав врагу удар кулаком, превратить его в мармелад из айвы. О стройная и тонкая, знай, что мудрецы сказали: «Радость и сладость жизни состоят из трех вещей: вкушать мясо, обнимать мясо и сливаться с мясом». Сам Аллах в своей Книге велит приносить в жертву жирных баранов или телят. О каких пернатых всего более сожалели в пустыне бежавшие из Египта израильтяне? Разве не о перепелах, мясо которых сочно и жирно? Выслушай то, что сказал поэт о жирных женщинах, к числу которых принадлежу и я:

Взгляни, как бедра пышные колышет
Ее походка: точно бурдюки,
Наполненные соком виноградным,
Они сулят нам наслаждений тьму!

С кем можно сравнить тебя, о тонкая, как не с общипанным воробьем. Ляжки твои похожи на кочергу, а все тело сухо и твердо, как столб виселицы. О тебе, тощая женщина, сказал поэт:

О да хранит всегда меня Аллах
От худощавой женщины объятий!
Ее все члены сухи и костлявы
И как рога вонзаются мне в тело;
Я просыпаюсь вечно в синяках.

Прослушав эти слова Полной Луны, Али-Эль-Ямани сказал: – Довольно! Теперь очередь Райской Гурии! Тогда стройная отроковица улыбнулась и сказала Полной Луне: – Хвала Аллаху, создавшему меня по образу гибкой ветви тополя, ствола кипариса и колеблющейся лилии! Никогда, о дородная, не слышала я, чтобы любовник хвалил свою возлюбленную, говоря: «Она громадна, как слон!» Наоборот, я всегда слыхала, что любовник говорит: «Стан ее тонок, гибок и изящен! Когда садится она ко мне на колени, то не падает как тяжесть, а опускается, как птичье перышко». Знай

же, что меня сравнивают с гибкой лозой, небрежно обвившейся вокруг пальмового ствола. Я стройная газель с влажными и томными глазами. Что касается тебя, о жирная... В этом месте Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста восемнадцатая ночь, она сказала:

ночь триста восемнадцатая

Что касается тебя, о жирная, то ты ходишь, переваливаясь, как утка, а ешь, как слон. Ты ненасытна в наслаждении и несносна во время покоя. Когда любовник вздыхает в твоих объятиях, ты едва можешь дышать, а когда он обнимает тебя, ты обливаешься потом. Во время сна ты храпишь, когда бодрствуешь – отдуваешься, как буйвол. Жизнь твоя проходит в том, что ты жуешь, как корова. Ты неряха, и в бане ты не в состоянии обмыть всех частей своего тела. Несомненно, о тебе сказано у поэта:

Она толста, как мех, вином налитый,
Ее же бедра – точно две горы;
Она идет – и вся земля трясется.

Прослушав это, Али-Эль-Ямани сказал: – Воистину, ты обладаешь замечательным даром слова. И ты прекрасно говоришь, Полная Луна. Но теперь пора вам сесть и дать говорить златокудрой и темнокожей! Тогда Солнце Дня и Уголек в Огне поднялись, и златокудрая сказала сопернице: – Обо мне говорил Аллах, когда сказал: «Желтый цвет веселит глаз!» Мой цвет дает золоту его цену и солнцу красу. Я даю цвет драгоценным камням, шафрану и созревшему зерну. Но когда твой цвет замечается на чем-нибудь, предмет теряет свою цену. Нет ничего более пошлого и менее красивого! Посмотри на буйволов, ослов, волков и собак. У них темная шерсть! Назови блюдо, в котором был бы приятен твой цвет. Только грязная медь похожа на тебя! Ты не бела и не черна. А потому тебе не могут быть присвоены достоинства этих двух цветов! Тогда темнокожая отроковица улыбнулась, и зубы ее засверкали, как жемчуг. Она обладала грациозными формами и черными, как уголь, волосами, которые падали тяжелыми косами на ее грациозную спину. И она сказала своей сопернице: – Слава Аллаху, соединившему во мне с дивным искусством самые нежные оттенки и самые привлекательные формы. Все поэты наперебой воспевали меня на всех языках... Один поэт сказал...

Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста девятнадцатая ночь, она сказала:

ночь триста девятнадцатая

Во всех брюнетках смысл есть
затаенный,
Коль ты его сумеешь отгадать,
Ты никогда уж более не взглянешь
На прочих женщин.

о ты, о желтая, твой цвет напоминает глиняные миски, охру и желтый мышьяк. Лицо твое похоже на желтую медь. О тебе сказал поэт:

Меня судьба женою наградила,
Окрашенной столь ярко-желтым
цветом,
Что у меня кружится голова,
И резь в глазах, и в сердце все мутится.

Услышав эти слова, Али-Эль-Ямани так смеялся, что упал навзничь, после чего сказал обеим отроковицам, что они могут идти на свои места. И он подарил всем отроковицам одинаково прекрасные платья и драгоценности – земные и морские.

Таков, о эмир правоверных, – продолжал Мохаммад-Эль-Бассри, – рассказ о шести отроковицах, которые продолжают жить в мире и согласии в доме господина своего Али-Эль-Ямани. Халифу очень понравился этот рассказ, и он сказал: – О Мохаммад, возьми шестьдесят тысяч динариев, передай их от меня этому Ямани и скажи, что я желаю приобрести его невольниц! И Мохаммад-Эль-Бассри поспешил взять деньги и отправился к хозяину невольниц. Ямани не посмел отказать халифу, и Эль-Бассри отвел шестерых невольниц к халифу. Увидав их, тот пришел в беспредельный восторг и от разнообразия цвета их кожи, и от изящной манеры держать себя. И дал он каждой из них место в гареме и наслаждался их красотою и совершенствами. Между тем Эль-Ямани, сожалея об уступке халифу, послал ему полное отчаяния письмо с такими стихами:

О пусть летит мой горестный привет
К красавицам, со мною разлученным!
Они – мой слух, они – мои глаза,
Питье и пища, сад и жизнь моя!
С тех пор как с ними я на век расстался,
Ничто не может веселить мне сердца,
И сон бежит от утомленных глаз!
О для чего ревнивее я не был,
О для чего я их не заключил
В своих глазах и не спустил над ними
Своих я век ревнивую завесу!

Прочтя это письмо, отличавшийся великодушием халиф, тотчас же подарил каждой из шести невольниц по десяти тысяч динариев и приказал немедленно отдать их прежнему владельцу. Когда Эль-Ямани увидел их прекрасными и счастливыми, он почувствовал безмерную радость и продолжал жить с ними среди веселья до дня последней разлуки! Но, продолжала Шахразада, не думай, о царь благословенный, что все слышанное тобою может сравниться с историей Медного города, которую расскажу тебе в следующую ночь, если, впрочем, таково будет твое желание! И когда наступила триста двадцатая ночь, она сказала:

Чудесная история Медного города

Говорят, был в Дамаске царь, и звали его Абдалмалек-бен-Мерван. Он любил беседы с мудрецами своего царства и беседовал с ними о господине нашем Солейман-бен-Дауде, о добродетелях его, о власти его над населяющими воздух эфритами, над духами морскими и подземными. Однажды халиф слушал рассказ о старинных медных кувшинах. Известный путешественник Талеб-бен-Сехл рассказывал: – О эмир правоверных, в древние времена в медные кувшины заключены были духи, не покорившиеся велениям Солеймана. Их запечатали страшной печатью и бросили на дно бушующего моря у берегов Магриба. Халиф очень удивился и сказал Талебу-бен-Сехлу: – О Талеб, мне очень желательно посмотреть на эти медные кувшины, заключающие в себе превращенных в дым эфритов. Тот отвечал ему: – Тебе стоит только послать письмо Магрибскому наместнику твоему, эмиру Муссе, и он не замедлит исполнить приказание. И Абдалмалек тотчас же сказал Талебу: – Возьми денег из казны моей и людей для охраны и отвези письмо Муссе.

И тем же часом Талеб поспешно отбыл в Магриб. Эмир Мусса принял его с радостью и почетом, а Талеб вручил ему письмо халифа. Мусса прочел его и приказал позвать шейха Абдоссамада. И когда тот пришел, эмир почтительно поклонился ему и сказал: – О шейх, эмир правоверных велит мне разыскать древние медные сосуды, в которые заключены были господином нашим Солейманом-бен-Даудом непокорные духи. Они лежат на дне моря у подошвы горы. Ты, без сомнения, знаешь и эту гору, и это море! Шейх подумал и ответил: – О эмир! Путь туда очень труден по причине недостатка воды. Требуется около двух лет, чтобы добраться туда. Народ живет на самой вершине той горы в городе, куда еще никто не проникал, и город тот называется Медным! И если ты непременно желаешь предпринять туда путешествие со мной, то вели навьючить верблюдов мехами с водой и провиантом и возьми с собою как можно меньше стражи. Когда же все будет готово, сделай свое завещание, и отправимся в путь. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста двадцать первая ночь, она сказала:

ночь триста двадцать первая

Выслушав это, Мусса собрал своих военачальников и высших чиновных людей, написал свое духовное завещание и назначил преемником сына своего Гаруна. После этого он велел готовиться к отъезду, взял с собою несколько отборных людей и в сопровождении шейха Абдоссамада и гонца халифа Талеба, направился к пустыне с тысячью верблюдов, навьюченных водою, и тысячью других, нагруженных разными съестными припасами. Караван шел дни и месяцы, не встречая на своем пути ни одной живой души. И путешествие продолжалось среди безмолвия до тех пор, пока однажды не заметили путники вдали что-то вроде блестящего облака, к которому они и направились. И узнали они, что это здание с высокими стенами, построенное из китайской стали и поддерживаемое четырьмя рядами золотых колонн, имевших четыре тысячи шагов в окружности. На двери черного дерева висела огромная доска из красного металла, с начертанной надписью, которую шейх Абдоссамад перевел так: «Войди сюда и узнай, что случилось с теми, кто были повелителями! Они погибли все, едва успели отдохнуть под тенью моих башен». Мусса был чрезвычайно взволнован и прошептал: – Нет иного бога, кроме Аллаха! Войдем! И, сопровождаемый своими спутниками, он вошел во дворец. Перед ними высилась башня, у подножия которой четыре ряда могил окружали хрустальный саркофаг, на котором была надпись из драгоценных камней: «Смерть настигла меня, и всею властью своею не мог я оттолкнуть ее, и войска мои не могли защитить меня от нее! Соблюдай душу свою! Наслаждайся в мире спокойною жизнью! Завтра смерть похитит тебя». Долго стояли они перед саркофагом, повторяя эти мрачные слова. Потом направились к запертой двери башни, на которой была следующая надпись: «Научись, путник, примером моим не ослепляться обольщениями! В моих покоях была тысяча девственниц царской крови. Мои супруги дали мне многочисленное потомство. Я владел несметными сокровищами. И думал я, что могущество мое вечно, а жизнь моя продлится века. Но умер я, и дворец мой сделался убежищем смерти. Если хочешь знать мое имя, то вот оно: Куш-бен-Шеддад-бен-Аид Великий!»

Услышав эти высокие истины, Мусса и его спутники разразились рыданиями. Затем они вошли в башню и стали ходить по пустынным залам. И пришли они в залу, в которой потолок был в виде купола. Посреди нее стоял огромнейший стол из сандалового дерева с надписью: «В давно прошедшее время за этот стол садилась тысяча кривых царей и тысяча царей, обладавших обоими глазами. Теперь все они одинаково слепы в своих могилах!» Изумление эмира Муссы только возрастало от всех этих загадок. Он записал эти слова на своем пергаменте и вышел из дворца... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста двадцать вторая ночь, она сказала:

ночь триста двадцать вторая

Выйдя из дворца, Мусса и его спутники направились к Медному городу. И шли они три дня до вечера. И увидели они тогда на высоком подножии, освещенном красными лучами заката, силуэт неподвижного всадника с поднятым копьем, железо которого казалось раскаленным огнем одного цвета с пылавшим на горизонте светилом. И всадник, и конь, и подножие были медные, и на металле копья огненными буквами горела следующая надпись: «Дерзкие путники, дошедшие до воспрещенных земель! Если путь к городу вам неизвестен, поверните меня руками вашими на подножии моем и направьтесь к той стороне, к которой я обернусь лицом». Тогда Мусса подошел к всаднику и толкнул его рукой. И тотчас же всадник повернулся, и лицо его остановилось в направлении противоположном тому, по которому шли путешественники. И шейх Абдоссамад признал, что ошибся и что всадник вернее указывает путь. Тотчас же он повернул караван и вступил на новый путь, и шел по нему целые дни и другие дни до тех пор, пока к наступлению ночи не дошел до столба из черного камня, к которому приковано было цепью странное существо. Только половина его тела виднелась над землею, остальная глубоко ушла в землю. Выступавшая из земли часть туловища казалась порождением чудовища, рожденного адскими силами. Она была черна и огромна, как ствол засохшей и потерявшей свою листву старой пальмы. У чудовища было два громадных черных крыла и четыре руки, из которых две напоминали когтистые лапы львов. На ужасающем черепе его дико вращались, стоявшие ежом жесткие, как хвост дикого осла, волосы. В глазных впадинах его сверкали огненные глаза, между тем как посередине лба с двумя бычьими рогами открывался неподвижно устремленный глаз, из которого исходили зеленые лучи, напоминавшие глаза тигров и пантер. И шейх закричал чудовищу: – Именем Господа, кто ты и за что подвергся этой каре?

И чудовище ответило: – Я эфрит Дайш Алаймош, и я был военачальником духов, не покорявшихся Солейману-бен-Дауду, и сторожем агатового идола в стране, управлявшейся Морским царем. А у него была дочь, слух о красоте которой дошел до ушей Солеймана. И он отправил гонца к Морскому царю просить ее руки, приказал разбить агатового идола и признать, что нет бога кроме Аллаха, и что Солейман пророк его! И когда Морской царь отказался разбить идола, Солейман собрал войска людей, джинов, зверей и хищных птиц. И затем Солейман вторгнулся в пределы царства Морского царя и выстроил войска свои в боевом порядке. Восседая на троне из порфира и золота, он подал знак к началу битвы. Тотчас же раздался шум и гам от топота зверей, от полета джинов и птиц и от движения людей. Я подал сигнал своим войскам и во главе их бросился на корпус враждебных джинов. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста двадцать третья ночь, она сказала:

Jean Carré

ночь триста двадцать третья

Я постарался напасть на военачальника, как вдруг увидел, что он превратился в огненную гору, которая изрыгала целые потоки пламени. Долго защищался и нападал я, пока не увидел, что мы неизбежно будем раздавлены численностью неприятеля. Тогда я подал сигнал к отступлению, но нас преследовали со всех сторон. Я был пойман и прикован к этому столбу до скончания времен. Все джины, которыми я командовал, были превращены в дым и заключены в медные кувшины, которые запечатали печатью Солеймана, и их бросили в море у того места, где оно омывает стены Медного города. Что касается людей, живших в этой стране, то не знаю, что с ними сталось. Но если вы пойдете в Медный город то, быть может, узнаете, что случилось с ними! Когда чудовище умолкло, эмир Мусса и его спутники решили дождаться утра и тогда уже подойти к городским воротам.

Едва стала заниматься заря, как эмир Мусса разбудил своих спутников и снова пустился с ними в путь. И вскоре увидели они перед собою грозные медные стены, гладкие и высокие. Но ворот они не нашли. И ходили они вдоль стен до самого вечера, все-таки надеясь увидеть какой-нибудь вход, но так его и не обнаружили. Тогда эмир Мусса приказал спутникам своим остановиться для отдыха и принятия пищи. А сам же с шейхом Абдоссамадом и Талебом бен-Сехлом взобрался на высокую гору с намерением осмотреть окрестности. В этом месте своего рассказа Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила триста двадцать четвертая ночь, она сказала:

ночь триста двадцать четвертая

Сначала они ничего не могли разглядеть в темноте, но вдруг над вершиной горы засияла луна. И они увидели зрелище, от которого у них сперлось дыхание в груди. У их ног лежал город, походивший на сонное видение. Под белым светом высились купола дворцов, террасы домов и тихие сады. Освещаемые луной каналы тысячью серебристых нитей проходили под купами деревьев. И все это объято было могильным безмолвием. Здесь не было, казалось, ни одной живой души, но стояли здесь огромные всадники, высеченные из мрамора, и крылатые звери, застывшие в движении. А в небе кружили тысячи громадных вампиров, и безмолвие нарушалось лишь

Leon Carré

криком невидимых сов. Мусса и его спутники, безмерно удивляясь, спустились с горы и увидели на медных стенах четыре надписи, которые шейх Абдоссамад смог перевести. Первая гласила: «О сын человеческий! Есть царь вселенной, рассеивающий народы и войска и бросающий их в тесные недра могил. И душа их, проснувшись в уравнивающей всех земле, видит их превращенными в груду пепла и праха». Надпись вторая гласила: «О сын человеческий! Как можешь ты доверять мирской суете? Разве не знаешь ты, что это временное пристанище?» Третья надпись гласила: «О сын человеческий! Проходят дни, и ты равнодушно смотришь, как жизнь твоя приближается к своему концу. Подумай о дне последнего суда пред лицом твоего Господа!» И в сильном волнении Мусса прослушал последнюю надпись: «О сын человеческий! Ты утопаешь в наслаждениях и не видишь, что на плечах твоих уже сидит смерть, следящая за всеми твоими движениями! Тебя стережет небытие!»

Тогда Мусса, не будучи уже в силах сдерживать волнение, принялся плакать. И говорил он себе: «Одному Аллаху известны судьбы, и долг наш в том, чтобы преклоняться в безмолвной покорности». И он вместе со своими спутниками направился к лагерю и приказал своим людям немедленно построить длинную лестницу, которая помогла бы им влезть на верхушку стен и оттуда попытаться проникнуть в город, не имевший ворот. И тотчас же принялись люди искать дерева и толстые ветви; они связали их своими тюрбанами и построили крепкую лестницу. Тогда они перенесли ее в удобное место, подперли большими камнями и, призывая имя Аллаха, начали медленно взбираться по ней. В этом месте рассказа своего Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста двадцать пятая ночь, она сказала:

ночь триста двадцать пятая

Мусса и его спутники пошли по стене и увидели две башни, соединенные медными дверями. На этих дверях было изображение золотого всадника с протянутою рукою. На его ладони были начертаны слова, которые шейх Абдоссамад перевел так: «Потри двенадцать раз гвоздь, находящийся в моем пупе». Тогда эмир Мусса подошел к всаднику и потер гвоздь двенадцать раз. И дверь отворилась, обнаружив витую лестницу из красного гранита. Тогда Мусса и его спутники спустились по лестнице в залу, выходившую на улицу, где стояли воины, вооруженные луками и мечами. И Мусса обратился к тому, кто казался их начальником, пожелав ему мира, но человек не пошевелился. Тогда эмир Мусса, видя, что эти стражи не понимали по-арабски, сказал шейху Абдоссамаду: – О шейх, поговори с ними на всех языках, какие знаешь. Но ни один из стражей даже не пошевелился. Тогда Мусса не захотел более настаивать, и они пошли дальше.

И шли они до тех пор, пока не подошли к базару, который был полон продававших и покупавших людей. Но Мусса и его спутники заметили, что и

продавцы, и покупатели застыли в своих движениях и позах. Когда они проходили, все молчали, так что среди всеобщего безмолвия под сводами базара раздавались только их шаги. Пройдя базар, они очутились на обширной площади. В ее глубине между медными колоннами, служившими подножием для огромных золотых зверей с распущенными крыльями, возвышался мраморный дворец с медными башнями по бокам. Дворец охраняли неподвижные люди, вооруженные копьями и мечами. Во дворец вела золотая дверь, и Мусса со спутниками вошли в него. Вдоль всего здания шла галерея, служившая арсеналом. Повсюду висело дивное оружие, украшенное драгоценными инкрустациями. По всей галерее были расставлены скамьи черного дерева, украшенные золотом и серебром. На них сидели или лежали воины в парадной одежде, но они не делали ни малейшего движения... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста двадцать шестая ночь, она сказала:

ночь триста двадцать шестая

Они продолжали идти по галерее, верхнюю часть которой украшал карниз с выгравированной золотыми буквами надписью. Вот ее перевод, сделанный шейхом Абдоссамадом: «Во имя Неизменного, Властителя судеб! О сын человеческий, поверни голову, и ты увидишь смерть, готовую отнять у тебя жизнь! Не предавайся миру и его утехам! Бойся смерти! Почитание Господа и боязнь смерти – основа всякой мудрости! Таким образом, ты пожнешь добрые дела, которые окурят тебя благоуханием в день Страшного Суда». Записав на пергаменте эти слова, Мусса открыл большую дверь, и все вошли в залу с водоемом из белого мрамора. Над водоемом высился шатер из шелковых тканей. Затем они вошли во вторую дверь и очутились во второй зале. Они нашли ее наполненной золотыми и серебряными монетами и самоцветными камнями. Следующая зала была наполнена оружием из драгоценных металлов. Потом вошли они в четвертую залу, занятую шкафами из драгоценного дерева, где хранились роскошные одеяния и ценные ткани. Отсюда направились они к дверям, которые отворились и дали им доступ в пятую залу. Вся она была наполнена вазами и сосудами для питья, для яств и для омовений.

Полюбовавшись всем этим, они хотели уйти, как вдруг заметили занавес из шелка, скрывавший одну из стен залы. За ним они увидели большую дверь, искусно выложенную слоновою костью и черным деревом и запертую тяжелыми серебряными задвижками. Шейх Абдоссамад нашел пружину, дверь отворилась и пропустила путников в залу, высеченную в виде купола из цельного мрамора. Посреди возвышалось нечто вроде кафедры, обтянутой шелковыми тканями. Тут Мусса и его спутники остолбенели от удивления: под бархатным пологом, усеянным алмазами и драгоценными камнями, на ложе из шелковых ковров покоилась отроковица дивной красоты. Рядом стояли двое вооруженных рабов:

черный и белый. У самого ложа стоял мраморный стол со следующими выгравированными словами: «Я дева Тадмар, дочь царя амалекитян, и это мой город. Ты, которому удалось проникнуть сюда, можешь унести все, что тебе понравится. Но не дерзай касаться меня рукой». Когда Мусса оправился от волнения, он сказал своим спутникам: – Пора нам удалиться отсюда и отправиться на берег моря, чтобы найти медные кувшины. Вы можете взять в этом дворце все, что прельстит вас. Но не поднимайте руки на царскую дочь и не прикасайтесь к ее одежде. В этом месте рассказа своего Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста двадцать седьмая ночь, она сказала:

ночь триста двадцать седьмая

Тогда Талеб-бен-Сехл сказал: – О эмир, ничто в этом дворце не может сравниться с красотою этой отроковицы, которую мы можем предложить халифу! Такой подарок имеет более цены, чем все кувшины с эфритами, лежащие на дне морском! И он хотел взять ее на руки, но вдруг упал, пронзенный мечами и копьями двух рабов. При виде этого Мусса приказал своим спутникам поспешить и удалиться из дворца. Когда же они пришли на берег моря, то увидели множество черных людей, сушивших свои сети. И эмир Мусса сказал старшему из них: – О почтенный шейх, мы пришли сюда от имени нашего халифа искать кувшины, в которых заключены эфриты со времен пророка Солеймана! И старик ответил по-арабски: – Сын мой, знай, что люди Медного города заколдованы и останутся в таком состоянии до дня Суда. Что же до кувшинов с эфритами, то мы можем дать их сколько угодно. Но прежде, чем их распечатать, следует похлопать по ним, добившись от тех, кто внутри, чтобы они признали истинность миссии пророка Магомета. Так же мы хотим подарить вам двух дочерей Морского царя! И старик вручил Муссе двенадцать медных кувшинов, запечатанных печатью Солеймана, и двух морских царевен. Тело их до пупа походило на человеческое, а далее шел рыбий хвост. Они не понимали ни одного из известных языков и ничего не говорили, а на все обращенные к ним вопросы только улыбались глазами. Мусса и его спутники поблагодарили старика за его доброту и пошли к Дамаску, куда и прибыли благополучно после долгого путешествия.

Халиф Абдалмалек был очарован рассказом Муссы обо всех его приключениях и собственноручно распечатал все кувшины один за другим. И выходил из каждого густой дым, затем страшный эфрит бросался к ногам халифа, восклицая: – Прошу Аллаха и тебя, о господин наш Солейман, простить меня за мое возмущение! И затем исчезал сквозь потолок. Такова, о благословенный царь, история Медного города, – сказала Шахразада, – Но я хочу в нынешнюю же ночь передать тебе прелестный рассказ о том, что случилось с Ибн-аль-Мансуром! Удивившись, царь Шахрияр сказал: – Я вовсе его не знаю! Тогда Шахразада улыбнулась и сказала:

Рассказ о том, что случилось с Ибн-аль-Мансуром и двумя отроковицами

Известно, что халиф Гарун-аль-Рашид страдал частыми бессонницами. Однажды ночью он позвал меченосца Масрура, сторожившего дверь царской опочивальни, и сказал ему: – Придумай что-нибудь для моего развлечения, ибо я никак не могу заснуть! И тот ответил: – Господин, в твоем дворце имеется триста женщин. Я пойду предупредить их. Но халиф сказал: – Моя душа ни к чему такому не стремится! Тогда Масрур сказал: – Прикажи, и я созову багдадских ученых и поэтов. Халиф ответил: – Масрур, душа моя этого не желает! Тогда Масрур продолжил: – Господин мой, в твоем дворце имеются очаровательные виночерпии. Если прикажешь, я призову их к тебе! Но халиф ответил: – Душа моя ничего этого не желает сегодня ночью! Тогда Масрур сказал: – В таком случае, господин мой, отруби мне голову! Это, быть может, единственное средство развеселить тебя. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Когда же наступила триста двадцать восьмая ночь, она сказала:

При этих словах Гарун-аль-Рашид захохотал и сказал: – Эй, Масрур! Посмотри, нет ли в приемной зале человека, которого можно с удовольствием послушать? Масрур вышел, но скоро вернулся и сказал халифу: – Там никого нет кроме старого негодяя Ибн-аль-Мансура из Дамаска! Аль-Рашид сказал: – Вели ему поскорее войти! И когда тот пришел, халиф сказал: – Привет тебе, о Мансур! Расскажи мне о каком-нибудь

приключении твоем! Тогда Мансур сказал: – Знай, о эмир правоверных, что както я отправился в Басру, чтобы провести несколько дней у эмира Магомета-аль-Гашами. Но тебе известно, что в Басре семьдесят улиц. Поэтому через некоторое время я вдруг увидел, что заблудился. Я свернул в какой-то переулок и зашел в тупик, где стоял красивый дом. Рядом была мраморная скамья, осененная зеленью виноградной лозы, и мне захотелось сесть здесь и перевести дух. И в то время, как я вытирал пот и громко дышал, я услышал, что в саду женский голос пел жалобную мелодию на такие слова: «С того дня, как покинул меня молодой олень, сердце мое сделалось приютом печали. Разве, как думает он, так преступно давать любить себя молодым девушкам?» Голос этот был так прекрасен, что я подумал: «Певица, должно быть, дивное создание». И я подошел ко входу и увидел посреди сада двух молодых девушек, из которых одна, по-видимому, была госпожой, а другая – служанкой. И обе они были необыкновенно хороши собою.

И поскольку я не в силах был удержаться от восклицания, молодая девушка заметила меня и опустила на лицо свое покрывало. А служанка подбежала ко мне, окинула меня взглядом и сказала: – О шейх! Как не стыдно тебе разглядывать женщин у них же в доме! Разве твоя седая борода не внушает тебе уважение к тому, что его достойно? Я ответил, и так громко, что меня могла услышать другая молодая девушка: – О госпожа моя, ты права, старость моя несомненна, но что касается стыда... В этом месте рассказа своего Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста двадцать девятая ночь, она сказала:

ночь триста двадцать девятая

Но что касается стыда, то это другое дело! Мое вторжение имеет причину, которая может извинить его. Я чужестранец и умираю от жажды! Тогда госпожа сказала молодой невольнице: – Милая, принеси ему напиться! Девушка подала мне чашку, наполненную холодной водой, и я стал пить медленно, украдкой бросая восхищенные взгляды на молодую госпожу. Когда же молодая девица заметила, что моя медлительность преступает все дозволенные пределы, она сказала мне: – О шейх, чего же ты ждешь еще? И я ответил: – О госпожа моя, я думал о хозяине этого дома. В былое время он был моим лучшим другом! Его звали Али-бен-Магомет, и он был старшиной ювелиров Басры! Вот уже несколько лет, как я потерял его из виду. Позволь же спросить у тебя – не оставил ли он потомство? Тогда глаза молодой девушки наполнились слезами, и она сказала: – Знай, о шейх, что он умер, оставив единственную дочь Сетт-Бадр, наследницу его имений и громадных богатств. Тогда я воскликнул: – Я Ибн-аль-Мансур, из Дамаска, один из тех, кого господин наш халиф Гарун-аль-Рашид почтил своею дружбой! Клянусь Аллахом! Сетт-Бадр – это ты, о госпожа моя! Но лицо твое носит следы печали! Быть может, Аллах посылает меня для того, чтобы я исцелил ее! И она ответила: – Привет тебе в моем доме, ты

Léon Carré

найдешь здесь дружеское гостеприимство! Обещай мне свято хранить мою тайну! Знай, что я влюблена, и возлюбленный далеко. Это эмир Жобайр, глава племени Бани-Шайбанов. Он самый восхитительный молодой человек во всей Басре и Ираке! Но он изменил мне вследствие пустого подозрения! И ладно бы еще, если он приревновал меня к мужчине! Но Жобайр обвиняет меня в любви к девушке, которая служит нам теперь! Тогда я воскликнул: – Но на чем эмир основывал свои подозрения? И она ответила: – Однажды любимая моя невольница убирала мне волосы. Она взглянула на меня и, находя меня прекрасной, обвила руками мою шею, поцеловала в щеку и сказала: – Госпожа моя, я хотела бы быть мужчиной и любить тебя по-другому! В эту минуту и вошел эмир. Он бросил на нас странный взгляд и удалился, прислав мне записку с такими словами: – Любовь может быть счастлива только тогда, когда нет раздела! И с того дня я уже не видела его.

Тогда я сказал: – В таком случае я хочу соединить вас снова! И она воскликнула: – Благословен Аллах, поставивший тебя на моем пути! Я напишу эмиру письмо, и ты передашь его ему, стараясь вразумить его! И Сетт-Бадр написала: «Возлюбленный мой, к чему эта долгая разлука? Скажи, зачем открыл ты дверь клеветникам моим? Сбрось прах дурных мыслей и возвращайся ко мне, не медля ни минуты! Каким праздничным днем для нас обоих будет день нашего примирения!» И она запечатала письмо и передала его мне. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста тридцатая ночь, она сказала:

ночь триста тридцатая

Вместе с письмом она дала мне также кошелек с тысячью динариями, и я направился к жилищу эмира Жобайра, отца которого я также знавал. Эмир же, узнав мое имя, сразу принял и обнял меня, а я, увидав необычайную красоту этого молодого человека, встал как вкопанный. А он спросил: – Не могу ли я узнать, в чем причина этого визита? Тогда я вынул из-за пазухи письмо и вручил ему. Он взял его, прочел, разорвал в клочки и сказал: – О Мансур! Не думай, что тебе первому дают подобное поручение. Оставайся у меня и отдохни столько времени, сколько пожелает душа твоя! И я ел, пил и беседовал с эмиром, и, когда я уже собирался уйти, он вручил мне кошелек с тысячью динариев, прося принять их за беспокойство. И когда я возвратился к Сетт-Бадр, она сказала: – О Мансур, я предполагаю о неудаче твоей миссии! У влюбленных сердец есть глаза, которые видят то, чего другие не могут и подозревать! Потом, подняв глаза к небу, она прибавила: – О Аллах Господи, сделай так, чтобы вся моя любовь к Жобайру перелилась, ради его мучения, в его сердце! Потом она поблагодарила меня за то, что я сделал для нее, и я отправился в Багдад.

На следующий год по обыкновению своему я снова посетил Басру по своим делам. И я сказал себе: «Клянусь Аллахом, я должен узнать продолжение приключения обоих любовников! Прежде всего я отправился я в дом Сетт-Бадр.

Садовая калитка была заперта. Тогда я заглянул в сад сквозь решетку и увидел в аллее новый мраморный памятник, но не смог прочитать на нем надгробной надписи. И сказал я себе: «Так, значит, ее уж нет. Как жаль, что навеки погибла такая красота». В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила триста тридцать первая ночь, она сказала:

ночь триста тридцать первая

Тогда, с сердцем, сжимавшимся от тоски, решился я идти во дворец к эмиру Жобайру. Но в нем я не нашел ни одного живого существа, могущего сообщить мне что-нибудь о живущих внутри. Увидав все это, я воскликнул: – Верно, умер и он. Но тут ко мне подошел черный невольник и сказал резким голосом: – Замолчи! Зачем говоришь ты, что эмир Жобайр умер? Слава Аллаху, господин наш живет среди почестей и богатств. Я же спросил: – Почему же здесь такое запустение вокруг дома? А он ответил: – Причина всему этому – любовь! Эмир жив, но он без движения лежит на своей постели. Услыхав такие слова, я сказал: – Ступай скорее к нему и скажи: «Ибн-аль-Мансур ждет у дверей твоих». И негр ушел, а потом вернулся и сказал, что господин его может принять меня.

Я нашел эмира лежащим на постели; его едва можно было узнать. Он открыл глаза и сказал мне: – Привет тебе! Один ты еще можешь спасти меня! Я хочу послать письмо к Сетт-Бадр, ибо ты сумеешь убедить ее ответить! И он сел на постели, развернул лист бумаги и написал: «О жестокая и любимая мною, я лишился рассудка и утопаю в отчаянии. Возвращаюсь к тебе с израненным сердцем и умоляю о прощении. Если желаешь моей смерти, забудь о великодушии». Он запечатал письмо и отдал его мне. Я же, пройдя по двору, без доклада вошел в приемную залу, где с удивлением увидел белых молодых невольниц, среди которых находилась полная жизни и здоровья, хотя и облеченная в траур, Сетт-Бадр. Увидав меня, она сказала: – Привет тебе, Мансур! Этот дом – твой дом! И я ответил: – Да удалится отсюда всякая беда, о госпожа моя! Но почему ты носишь одежду печали? И она ответила, залившись слезами: – О Мансур! Умерла моя милая девушка! Я же вынул из-за пояса письмо и сказал: – От твоего ответа, о госпожа моя, зависит жизнь или смерть эмира! Только ожидание этого ответа еще и привязывает его к земле! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила триста тридцать вторая ночь, она сказала:

ночь триста тридцать вторая

Сетт-Бадр взяла письмо, прочла, улыбнулась и сказала: – Стоило мне только отнестись к нему с пренебрежением, и он загорелся ко мне небывалой страстью! Я же ответил: – Ты права! И даже имеешь право еще с большей горечью отзываться о нем. И я добавил: – Но что будешь ты делать одна со своей печалью в этом дворце? При этих моих словах глаза ее наполнились слезами, и она сказала: – О Мансур, думается, ты сказал правду. Я отвечу ему! И она взяла бумагу и написала такое письмо: «О возлюбленный мой, я никогда не могла понять причины нашей разлуки. Всякая ревность должна умереть вместе с жертвой Разлучницы. Снова вместе будем мы упиваться блаженством». Потом она отдала письмо мне. Я же, обрадованный, побежал к эмиру Жобайру. Пробежав письмо, он издал громкий крик радости. И тут услышали мы за дверью звон браслетов и шелест шелка, а минуту спустя увидели и молодую девушку. Любовники подбежали друг к другу, обнялись с восторгом и прильнули друг к другу губами. И эмир позвал одного из невольников, что-то приказал ему, и вскоре вошел кади и свидетели, которые и составили брачный договор. Я же хотел удалиться, но меня пригласили на пир, длившийся до зари.

Утром я совершил омовения и утреннюю молитву. После этого я сел в приемной комнате, куда вскоре пришли и молодые супруги, свежие и веселые после брачной ночи. Я пожелал им доброго утра и поздравил, а затем спросил: – Клянусь Аллахом! Эмир Жобайр, объясни мне, что могло так раздражить тебя, что ты решился, на собственное свое горе, расстаться с твоей Сетт-Бадр? Эмир же улыбнулся и сказал мне: – О Мансур, теперь, когда любимица Сетт-Бадр умерла, угасла и моя досада. Я могу открыть тебе причину нашей размолвки. Она произошла от того, что лодочник подслушал однажды их шутливые речи во время прогулки по реке. Он сказал мне: – Господин, как можешь ты терпеть женщину, которая смеется над тобой с любимой невольницей? У меня потемнело в глазах, я побежал к Сетт-Бадр и увидел то, что увидел. И этого было достаточно, чтобы утвердить меня в моих подозрениях... В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста тридцать третья ночь, она сказала:

ночь триста тридцать третья

Я побежал к Сетт-Бадр и увидел, то, что увидел, и утвердился в своих подозрениях. Но теперь все позабыто! Тут Ибн-аль-Мансур прервал свой рассказ, поскольку услышал громкий храп халифа. Тогда он выскользнул в дверь, которую отворил ему старший евнух. Шахразада замолчала, а царь Шахрияр сказал: – А теперь расскажи мне о средстве против женщин, мучающих супругов ненасытностью своих желаний! Шахразада подумала и сказала: – Тогда я расскажу тебе такую историю!

Рассказ о мяснике Вардане и дочери визиря

Говорят, что жил в Каире человек по имени Вардан, мясник по ремеслу. Каждый день приходила к нему в лавку молодая красавица, прекрасная и телом, и лицом, но глаза ее носили печать утомления, а цвет лица был очень бледен. Она приходила всегда в сопровождении носильщика, несшего за плечами корзину, выбирала самое нежное мясо, платила за все золотом в два или более динариев, укладывала мясо в корзину носильщика и продолжала обходить базар, останавливаясь у каждой лавки и покупая что-нибудь у каждого торговца. И так продолжала она поступать долгое время до того дня, когда мясник Вардан, заинтересованный до последней крайности видом, молчаливостью и обращением своей молодой покупательницы, решил выяснить дело, чтобы избавиться от преследовавших его мыслей. Увидав однажды носильщика, который проходил по базару один, он позвал его и спросил: – О носильщик, я встревожен по поводу молодой женщины, которой ты услуживаешь ежедневно! Кто она? И тот ответил: – Покончив с покупками, она ведет меня со всею ношей до входа в сады великого визиря. Тут она завязывает мне глаза, берет за руку и ведет к лестнице, по которой спускается вместе со мной. Потом она отбирает у меня корзину, дает полдинария за труды, пустую корзину и ведет с завязанными глазами до калитки сада. Но никогда не мог я узнать, кто она и что делает она с этим мясом, плодами и всеми вещами, которые покупает на базаре!

На другой день, когда Вардан увидел в обычный час молодую женщину с носильщиком, он пошел за нею до самых садов визиря, а потом спрятался за деревьями, чтобы ждать возвращения носильщика. И увидел он, как она подошла к обломку скалы, отвернула его и исчезла на лестнице. Подождав немного, он вошел на подземную лестницу, и вот что увидел по его собственным словам. Он говорил так: – Увидел я проход, в глубине которого мерцал свет. Я осторожно дошел до двери, из-за которой доносились смех и рычание. Тогда я приложил глаз к скважине и увидел молодую женщину с громадной обезьяной с человеческим лицом. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста тридцать четвертая ночь, она сказала:

ночь триста тридцать четвертая

Я остолбенел, а потом ворвался в комнату, размахивая мясницким ножом. И я бросился на огромную обезьяну, лежавшую без движения, ударил ее ножом по шее и разом отрубил голову. Молодая женщина увидела меня с окровавленным ножом в руке и закричала от ужаса. Я пытался утешать ее, но это не помогало. Тогда я вышел наружу и обратился к знающей старухе, лечившей разными снадобьями. Я рассказал ей все, что случилось, и сказал: – Добрая тетушка, прошу тебя, придумай средство, которое могло бы успокоить эту женщину! Тогда взяла она миску, положила в нее разных трав, кипятила их с час и сказала: – Лекарство готово. Тогда я попросил ее спуститься со мною в подземелье. И старуха вошла в комнату, нагрела жидкость и пустила пар в самую внутренность молодой женщины. И вдруг я увидел, как из нее выскочили два угря: один желтый, а другой черный. В этом месте рассказа своего Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила триста тридцать пятая ночь, она сказала:

ночь триста тридцать пятая

При виде этих двух угрей старуха была бесконечно обрадована и воскликнула: – Сын мой, возблагодари Аллаха! Лекарство подействовало! Теперь, когда они вышли из нее, молодая женщина будет спокойной и перестанет жить беспорядочной жизнью! И, в самом деле, я мог убедиться, что она успокоилась, и без всякого колебания я просил выдать ее за меня замуж. Она согласилась, так как привыкла ко мне. И с тех пор жили мы счастливейшею жизнью и взяли к себе в дом старуху, которая произвела это чудесное излечение и научила нас способу излечивать ненасытные желания. Слава Тому, Кто не умирает и держит в руке своей царства и государства!

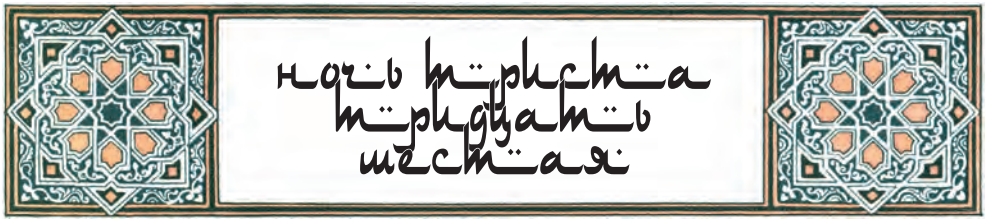
И, – продолжала Шахразада, – вот, о благословенный царь, все, что я знаю о способе успокаивать женщин со слишком беспокойным нравом! А царь Шахрияр сказал: – Желал бы я знать этот способ в прошедшем году, чтобы пустить пару в проклятую, которую застал в саду с черным рабом. Но ты оставь теперь свои ученые рассказы и поведай мне сегодня ночью что-нибудь более удивительное, чем все мною слышанное; грудь у меня сжимается сегодня сильнее прежнего! А Шахразада сказала: – Могу и это! И тотчас же начала:

Rabu Carro

История Ямлики, подземной царицы

Рассказывают, что жил некогда в Греции мудрейший Даниал. У него были ученики, но не было сына, который бы мог стать наследником его книг и рукописей. И он решил молить Создателя, и жена ученого почувствовала себя беременной. Даниал же подумал: «Моя смерть близка, и я не уверен, найдет ли мой сын мои книги в целости». И он записал на одном листке очень мелким почерком всю мудрость своих сочинений. Окончив эту работу, он из страха, что его книги и рукописи станут собственностью другого, бросил их в море, за исключением листка, о котором идет речь. И он сказал жене своей: – Мне не дано воспитать нашего ребенка. Оставляю ему этот листок бумаги – отдай его ему, когда он потребует наследства. Сказав это, мудрый Даниал скончался.

И родился у жены Даниала красивый мальчик, которого назвали Гассибом. Когда он подрос, мать послала его в школу, но он ничему не научился, и никакая работа не нравилась ему. Между его соседями были дровосеки, которые однажды сказали его матери: – Пошли сына твоего с нами рубить дрова. Мы продадим их, а прибыль поделим с твоим сыном. И мать Гассиба сейчас же купила сыну осла, веревок и топор, и дровосеки стали брать Гассиба с собой. И однажды, когда дровосеки рубили дрова, их застала буря. Они укрылись в пещере, где решили развести костер, чтобы погреться. Гассибу приказали наколоть дров для костра. И когда он колол дрова, то услышал, что его топор, ударившись о землю, издал странный звук. Тогда он стал раскапывать землю и отрыл кусок старого мрамора с медным кольцом. Тут Шахразада увидала, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста тридцать шестая ночь, она сказала:



ни укрылись в пещере, где решили развести костер, чтобы погреться. Гассибу приказали наколоть дров для костра. И когда он колол дрова, то услышал, что его топор, ударившись о землю, издал странный звук. Тогда он стал раскапывать землю и отрыл кусок старого мрамора с медным кольцом.

Гассиб позвал своих товарищей, и они подняли плиту. Под ней была глубокая яма, в которой находилось множество старых горшков с опечатанными горлышками. При помощи веревок Гассиба опустили на дно ямы, он отбил топором горлышко одному из горшков и увидал, что оттуда течет желтый мед. И Гассиб стал обвязывать горшки, а дровосеки вытаскивать их из ямы. Однако, не желая делиться с Гассибом будущей прибылью, они не стали поднимать со дна ямы его. Матери же Гассиба они сказали: – Когда мы были на горе, волк выскочил из леса, бросился на твоего сына и пожрал его вместе с ослом. При таком известии несчастная мать и бедная жена Гассиба ударили себя по лицу, плача слезами отчаяния. А оставленный в яме Гассиб заметил, что из щели в стене проходит луч света. Он расширил щель с помощью топора, пролез в отверстие и очутился в длинной подземной галерее. Он пошел по ней и очутился на берегу озера у подножия изумрудного холма.

На холме увидел он женщин восхитительной красоты, нижняя половина которых была извилиста, как у змеи. Они пели хвалебную песнь своей царице, которая, заметив Гассиба, сделала ему знак приблизиться и сказала: – Я подземная царица Ямлика, а все эти змеевидные женщины – мои подданные. Будь гостем в моем царстве и скажи, как попал ты сюда. И Гассиб сказал, как его зовут, и поведал царице всю свою историю. Этот рассказ понравился царице, и она сказала: – В ответ, о Гассиб, я расскажу тебе историю, которая будет поучительна для тебя. Знай, что в царстве Бен-Израиля был мудрый царь, который сказал своему сыну: – О сын мой Белукия, после моей смерти я советую тебе составить перечень всех вещей, находящихся во дворце. Поэтому первой заботой Белукии, когда он сделался царем, было пройти по всем залам дворца, служившим хранилищами драгоценных вещей. И в одной из зал увидел он ящик из черного дерева. Белукия открыл этот ящик и нашел в нем другой. А там лежал сверток пергамента, на котором было написано по-гречески: «Тот, кто хочет сделаться повелителем всех людей и зверей, должен найти кольцо пророка Солеймана на месте его погребения за Семью Морями. Только тому удастся это, кто найдет растение в подземном царстве царицы Ямлики и натрет его соком подошвы ног, чтобы ходить по поверхности моря. Если он овладеет кольцом, он сможет не только властвовать над всеми существами, но даже проникнуть в Страну Теней и испить от Источника Жизни, который дает красоту, юность, мудрость и бессмертие». Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила триста тридцать седьмая ночь, она сказала:

ночь триста тридцать седьмая

Прочтя пергамент, Белукия созвал всех мудрецов Бен-Израиля и спросил, знает ли кто-нибудь дорогу в царство Ямлики? И все указали пальцем на мудрого Оффана. Тогда Белукия назначил визиря своим заместителем, надел странническую одежду и, сопровождаемый мудрым Оффаном, направился в пустыню. Через некоторое время они остановились, Оффан начертил на песке магический круг и отыскал вход в подземное царство. После нескольких заклинаний земля раскрылась и дала им обоим проход до озера, находящегося перед твоими глазами, о Гассиб! Я встретила их с уважением, какое воздаю всем моим посетителям. Выслушав их рассказ, я повела их на вершину изумрудного холма. Мы подошли к кусту, который красными венчиками своих цветков пел: «Кто натрет моим соком подошвы ног, сможет ходить по всем морям, созданным Аллахом!» И Оффан тут же нарвал этих цветов, собрал их сок во флакон и сказал мне: – О царица, этот сок нужен нам, чтобы отыскать волшебное кольцо Солеймана. А я ответила: – Никто после Солеймана не может сделаться обладателем этого кольца! Но они не хотели меня слушать и простились со мной.

Через некоторое время они подошли к берегу Первого Моря, сели на песок и начали натирать подошвы своих ног соком из флакона. Затем они с большими предосторожностями вошли в море. Когда же они убедились, что могут идти по воде, то ободрились и пустились в путь. Они шли так по морю три дня и три ночи и наутро четвертого дня пришли к острову, который они приняли за рай, так были поражены его красотой... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста тридцать восьмая ночь, она сказала:

ночь триста тридцать восьмая

Луга на этом острове расстилались ковром великолепных цветов. Между белыми рядами жасминов резвились и прыгали легкие газели. Деревья с большими яркими цветами шелестели ветвями. Белукия и Оффан восхищенно прогуливались до самого вечера, наслаждаясь этими чудесами. Когда же наступила ночь, они взлезли на дерево, намереваясь там заснуть. Вдруг остров наполнился ужасным рычанием, и они заметили, что из воды выходят морские чудовища, каждый с блестящим камнем в пасти. В ту же минуту со всех сторон показались львы, тигры и леопарды. Морские животные встретились на берегу с земными, и все разговаривали между собой до самого утра. А потом морские животные возвратились в море, а дикие звери ушли в лес. Белукия и Оффан, которые всю ночь не могли сомкнуть глаз, побежали к берегу, где натерли ноги волшебным соком, чтобы продолжать свое морское путешествие.

По Второму Морю подошли они к подножию горной цепи из магнита. Там на берегу они увидали готового броситься

на них тигра, и у них едва хватило времени отбежать по морю на безопасное расстояние. Во время перехода по Третьему Морю дул сильный ветер, что делало передвижение очень утомительным. К счастью, на рассвете они подошли к острову, где на деревьях росли засахаренные фрукты. Путешественники оставались там целых десять дней, чтобы досыта насытиться и восстановить силы. По Четвертому Морю они шли четыре дня и четыре ночи и дошли до острова, представлявшего из себя груду белого песка. На острове не было видно ни дерева, ни стебля травы. По Пятому Морю они шли один день и одну ночь и наутро подошли к маленькому острову с хрустальными горами. Эти горы были покрыты удивительными деревьями с желтыми цветами. При наступлении ночи эти цветы заблистали, как звезды, и их блеск осветил весь остров. Они провели восхитительную ночь, а на следующий день натерли ноги драгоценной жидкостью и отправились по Шестому Морю. На этом месте своего рассказа Шахразада, заметив наступление утра, скромно умолкла. А когда наступила триста тридцать девятая ночь, она сказала:

ночь триста тридцать девятая

Они шли по Шестому Морю довольно долго и подошли к острову, на деревьях которого были подвешенные за волосы человеческие головы. Вечером же они увидели, как из волн вышли двенадцать Дочерей Моря несравненной красоты с жемчужными ожерельями на шее. Они стали хороводить и петь при лунном свете и, наконец, удалились, плывя по воде. Белукия и Оффан не захотели оставаться на этом странном острове и двинулись дальше по Седьмому Морю. Этот последний переход длился целых два месяца, и, чтобы не умереть с голода, они ловили рыб и ели их сырыми. Наконец, они подошли к острову Семи Морей, где должно было лежать тело Солеймана с волшебным кольцом на пальце. Остров был покрыт фруктовыми деревьями и орошен многочисленными источниками. Но когда Белукия хотел сорвать яблоко с ветки, вдруг появился громадный великан, который прорычал ужасным голосом: – Неужели вы забыли, о сыны человеческие, что Адам ослушался повеления Аллаха, вкусив этих запрещенных плодов? С того времени мне поручено сторожить это дерево. И если вы к нему прикоснетесь, то будете рассечены надвое! И Белукия и Оффан поспешили удалиться вглубь острова, где нашли другие плоды и насытились ими.

Проблуждав целый день, они подошли к холму с гротом, свод и стены которого были из алмазов. Внутри в обширной зале стояла золотая постель, на которой лежал Солейман-бен-Дауд. Его можно было узнать по волшебному кольцу, испускавшему потоки света. Его рука с кольцом на мизинце лежала на груди, а другая была вытянута и держала золотой скипетр, украшенный изумрудами. При виде всего этого Белукия и Оффан почувствовали благоговение, и Оффан сказал: – Я подойду к ложу, а ты говори слова заклинаний, которым я научил тебя,

Léon Carré

чтобы кольцо соскользнуло с пальца. И Белукия начал произносить заклинания, а Оффан приблизился к ложу и протянул руку, чтобы снять кольцо. Но Белукия от волнения перепутал волшебные слова, и тотчас же с потолка упала капля жидкого алмаза, которая сожгла Оффана, в несколько мгновений превратив его в кучку пепла. Когда Белукия увидел, какое наказание понес Оффан за свою нечестивую попытку, он побежал к выходу, направляясь прямо к морю. Он уже собирался уйти по воде с этого острова... Тут Шахразада, заметив наступление утра, замолкла. А когда наступила триста сороковая ночь, она сказала:

ночь триста сороковая

Но Белукия понял, что этого нельзя больше сделать, так как вместе с Оффаном был сожжен и чудодейственный флакон. Тогда он упал духом и принялся бродить по острову. Вскоре он заметил столб пыли, а в нем целое войско всевозможных духов. Он дождался, пока предводитель этого удивительного войска ни подошел к нему и ни спросил: – Кто ты такой, и как попал ты на этот остров? А Белукия ответил: – О предводитель храбрых, я Белукия, царь Бен-Израиля. И я сбился с пути на море. Но позволь мне спросить тебя, кто ты и кто все эти воины? И тот ответил: – Мы джины, идущие из Белой Земли, где живет наш царь, могущественный Сакр. Если хочешь, мы можем взять тебя с собой и представить нашему повелителю. Белукия согласился, и был тотчас же перенесен джинами в местопребывание царя Сакра. Он увидал равнину, изрезанную каналами, русла которых были из золота и серебра. Эта равнина была усажена деревьями из изумрудов с плодами из рубинов. Среди равнины возвышался шатер, в котором на золотом троне сидел царь Сакр, окруженный придворными. Царь предложил ему сесть и спросил его имя. И Белукия сказал, кто он такой, и рассказал всю свою историю, с начала до конца. Царь Сакр и все окружавшие его были крайне удивлены, слушая этот рассказ. Затем по знаку царя джины-служители принесли подносы и блюда для пиршества. И все усердно принялись есть и пить. И тогда царь Сакр сказал Белукии: – О Белукия, теперь в нескольких словах я расскажу тебе нашу историю. Дойдя до этого места своего рассказа, Шахразада заметила наступление утра и скромно умолкла. А когда наступила триста сорок первая ночь, она сказала:

ночь триста сорок первая

О Белукия, знай, что в начале начал Аллах сотворил огонь, заключив его в семи сферических областях. Первую область он назвал Геханнам и предопределил ее нераскаявшимся созданиям. Вторую область в виде бездны он назвал Лази и назначил тем, кто после прихода пророка Мохаммада не пожелал стать верующими. Затем он устроил третью область, придав ей вид котла с кипящей водой. Он назвал ее Эль-Яхим и заключил туда демонов. После этого он устроил четвертую область Саир и назначил ее жилищем Эблиса, вождя падших ангелов. Потом он указал границы пятой области, дал ей имя Сахар и предназначил ее лгунам. Сделав это, он выкопал громадную пещеру, наполнил ее зачумленным воздухом, назвал ее Гитмат и предназначил ее для пыток христиан и евреев. Что касается седьмой области, названной Гавья, то это было запасное помещение, вполне готовое заключить излишек евреев и христиан.

Первыми существами, созданными Аллахом из огня, были два джина-стража, Калит и Малит. Одному он придал форму льва, другому – волка. Льву он дал мужские органы, а волку – женские. От первого соединения Калит и Малит произошли драконы, змеи, скорпионы и разные вонючие животные. От второго их соединения произошли семь самок и семь самцов, одним из которых был Эблис. Когда он ослушался Аллаха, то был ввергнут в четвертую область вместе с теми, которые поддерживали его. Эблис и его потомство населили Ад демонами. Что касается других созданий обоего пола, происшедших от Калит и Малит, то они вступали в союзы между собой: их потомками стали джины, которых ты видишь перед собой. Вот в немногих словах наше происхождение. Мое царство расположено семью ярусами, которые покоятся на плечах джина. Этот джин стоит на скале, лежащей на спине быка, а этот бык поддерживается огромной рыбой, которая плавает на поверхности Моря Вечности. Ад со своими Семью Областями покоится в пасти чудовищного змея, который останется неподвижным до дня Суда. Но тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила триста сорок вторая ночь, она сказала:

ночь триста сорок вторая

Вот, о Белукия, в кратком пересказе наша история. Я должен еще сказать, что наш возраст всегда одинаков благодаря Фонтану Жизни, из которого мы пьем. Теперь же, чтобы отблагодарить тебя за внимание, с каким ты слушал меня, я прикажу отнести тебя в твое царство. И Белукия поблагодарил царя Сакра за гостеприимство и влез на спину сильного эфрита, который в мгновение ока перенес его на знакомую землю. И когда Белукия намеревался уже войти в свою столицу, он заметил между двух гробниц плачущего молодого человека восхитительной красоты. Он приблизился к нему и сказал: – О юноша! Почему я вижу тебя плачущим среди этих гробниц?

ИСТОРИЯ ПЕЧАЛЬНОГО ЮНОШИ

Тогда юноша сказал царю Белукии: – Знай, что я – царский сын, и моя история удивительна. Я родился в земле Кабул, где царствует царь Тигмос, мой отец, владыка Афганистана. Что касается моей матери, то она дочь царя Варавана, владыки Хорассана. Мое же имя Яншах. С раннего детства отец мой заставил меня обучаться разным наукам, искусствам и телесным упражнениям. Однажды во время охоты, в которой участвовали мой отец и все его военачальники, я заметил газель необычайной красоты. Сопровождаемый своими мамелюками, я пустился за нею. Мы преследовали ее до широкой и глубокой реки. Газель бросилась в воду и поплыла, а мы соскочили со своих лошадей, прыгнули в рыбацкую лодку и быстро двинулись в погоню. Но едва доплыли мы до середины реки, как лодку понесло по воле ветра и сильного течения. Таким образом несло нас всю ночь, весь день и всю следующую ночь. Лишь на третье утро мы смогли причалить к земле, на которую выбросило нас течение. Между тем отец мой, узнав о нашем исчезновении, отправил разведчиков на мои поиски, а мать моя надела траурное платье. Мы же, причалив к берегу, увидели человека и спросили у него, где находимся. Но человек этот отозвался на наш вопрос каким-то замогильным голосом. На этом месте повествования Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда настала триста сорок третья ночь, она сказала:

ночь триста сорок третья

Одним взмахом этот человек рассек себя пополам и разделился на две части. В тот же миг появились и другие похожие на него люди. Разделившись надвое, они накинулись на трех моих мамелюков и принялись пожирать их живыми. Я же и остальные три мамелюка в ужасе бросились в лодку и поспешно удалились от берега, предоставляя себя на волю течения. Нас несло до следующего дня, и мы пристали к земле, покрытой огромными садами. Мы сошли на берег и вскоре дошли до дворца из белого мрамора. Он был пуст, и я решился сесть на золотой трон, а мои мамелюки расположились на сидениях из слоновой кости. Вдруг мы услыхали шум и увидали процессию, состоявшую из обезьян. Великий визирь обезьян склонился передо мной и сказал на человеческом наречии, что он и весь его народ признали меня своим царем и назначили моих трех мамелюков

начальниками над их войском. Потом он пригласил меня сделать смотр войску перед битвой, которую мы должны дать их старинным врагам – гулам, обитавшим в соседней земле. Слуги подвели к нам четырех огромных собак, которые должны были служить нам в качестве лошадей. И мы поехали впереди бесчисленной армии моих подданных.

Через некоторое время мы очутились перед высокой черной горой – местом обиталища гулов. Они не замедлили явиться и стали осыпать нас градом камней; мои подданные отвечали тем же. Я и мои мамелюки выпустили на гулов множество стрел, и так мы одержали победу. Когда же обезьяны пустились преследовать гулов, мы решили избавиться от своих новых подданных и поскакали галопом в противоположную сторону. После долгого перехода мы увидали большую скалу, обтесанную в форме стола. На ней была надпись на еврейском языке: «О царь обезьян, если хочешь избавиться от твоего царства, знай, что две дороги открываются перед тобой для спасения. Одна, короткая, идет направо к берегу океана, пересекая пустыни, наполненные злобными джинами. Другая, длиною в четырехмесячный переход, идет налево, пересекая долину Муравьев. Избегнув муравьев, ты дойдешь до Огненной горы, у подножья которой лежит город евреев. Я, Солейман-бен-Дауд, написал это для твоего спасения». Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста сорок четвертая ночь, она сказала:

Мы поспешили пойти по левой дороге, которая должна была привести нас к городу евреев. Но не успели мы сделать однодневный переход, как заметили обезьян, которые быстро приближались к нам, испуская крики радости. И тут мы заметили, что из долины выступило войско громадных муравьев. Они хватали обезьян в свои клещи и разом разрезали их надвое; обезьяны же бросались десятками, чтобы убить только одного муравья. От этих муравьев погибли и мои мамелюки, лишь мне одному удалось спастись. Оплакивая потерю своих спутников, я доскакал до реки и переплыл ее, оставив свое верховое животное. Затем я вылез на берег и через много дней пути дошел до горы, у подошвы которой увидал город евреев. Я вошел в город, никого не встретив на улицах; ведь была суббота, день праздника у евреев. Я вошел в первый попавшийся дом и очутился в зале, где сидели почтенные люди. Я почтительно поклонился им и сказал: – Я сын царя Тиглоса, владыки Кабула... Тогда человек, казавшийся шейхом, молча указал мне на поднос, уставленный удивительными кушаньями. Тогда я стал есть и пить, а, когда я закончил, шейх евреев знаком велел мне уйти.

Выйдя на улицу, я услыхал глашатая, который кричал: – Пусть тот, кто хочет получить тысячу золотых и обладать невольницей несравненной красоты, следует за мною, чтобы совершить работу, отнимающую час времени! И я сказал ему: – Я берусь за эту работу! Тогда он

взял меня за руку и привел в роскошно обставленный дом, где на троне из черного дерева сидел старый еврей. Глашатай поклонился, представляя меня, и сказал: – Вот чужестранец, который откликнулся на призыв, выкрикиваемый мною в продолжение трех месяцев! При этих словах хозяин дома накормил и напоил меня и дал мне тысячу золотых монет. Он приказал одеть меня в шелковое платье и отвести к молодой невольнице. Он предлагал мне ее заранее взамен будущей работы, о которой я не имел понятия. Тут Шахразада заметила, что занимается заря, и умолкла. Но когда наступила триста сорок пятая ночь, она сказала:

ночь триста сорок пятая

Невольники отвели меня в комнату, где ждала меня молодая девушка. И я ел и пил с нею и провел с ней три ночи, а утром четвертого дня старик призвал меня и спросил: – Готов ли ты теперь исполнить работу, за которую я тебе заплатил? И я объявил, что готов, хотя не имею понятия, в чем она состоит. Тогда старый еврей приказал привести двух мулов. Он сел на одного и велел мне следовать за собой. И мы приехали к подножию высокой и отвесной горы. Старый еврей протянул мне нож и сказал: – Всади его в живот твоего мула! Я сделал это, а потом по приказанию еврея ободрал шкуру и очистил ее. Тогда он сказал мне: – Ты должен растянуться на шкуре, чтобы я мог зашить тебя внутри ее. Я повиновался, старик старательно зашил меня в шкуре и сказал: – Вскоре большая птица бросится на тебя и отнесет в свое гнездо на вершину горы. Тогда разрежь шкуру ножом и выходи; птица испугается и улетит. Тогда начинай собирать драгоценные камни, которыми усеяна вершина горы, и бросай их мне. Затем ты спустишься и последуешь за мной. И едва он окончил говорить, как я почувствовал, что поднимаюсь в воздух. Когда меня опустили на землю, я прорезал ножом мешок и высунул голову. Это испугало огромную птицу, и она улетела. Тогда я стал собирать драгоценные камни и бросать их вниз. Но когда я захотел слезть, то заметил, что вниз нет никакой тропинки, а старый еврей, собрав камни, сел на осла и быстро удалился.

В поисках пути вниз я проблуждал два месяца, пока не очутился в конце горной цепи у входа в великолепную долину. Там я увидел огромный дворец. Подойдя к нему, я заметил сидевшего на лавке старца; в руке он держал рубиновый скипетр, а на голове у него была бриллиантовая корона. В ответ на мое приветствие он сказал: – Знай, сын мой, что этот дворец построен нашим повелителем Солейманом, и я поставлен здесь начальником всех земных птиц, которые прилетают сюда ежегодно для оказания мне почестей. Ты можешь ходить всюду в этом дворце, за исключением одной залы, которая открывается золотым ключом, а он находится среди ключей, которые я тебе дам. И я проник во все комнаты, которые были разделены на части, чтобы служить клетками для птиц. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста сорок шестая ночь, она сказала:

ночь триста сорок шестая

Наконец, я дошел до двери, отпиравшейся золотым ключом. Я не мог противиться любопытству и проник в запретное место. И я увидал залу, пол которой был выложен драгоценными камнями; посреди был бассейн и фруктовые деревья. Среди них я увидел трон, сделанный из цельного рубина. Я уселся на него и увидел, что к бассейну прилетели три белые голубки. Они сели на борт бассейна, отбросили свой наряд из перьев и явились в белой, как жасмин, наготе своей под видом трех прекрасных молодых девушек. Не в состоянии обуздать свое волнение, я побежал к бассейну. Девушки же испустили крик ужаса, выпрыгнули из воды и побежали к своим покрывалам из перьев, которые набросили на свою наготу. Затем они взлетели на высокое дерево и там стали смеяться, глядя на меня. Тогда я приблизился и сказал им: – О владычицы! Кто вы? И самая юная ответила: – Мы дочери царя Насра, живущего в алмазном дворце. Если ты хочешь познакомиться со мной покороче, проследуй за мной во дворец моего отца. И она улетела, скрывшись из глаз вместе с сестрами; я же упал без чувств под дерево.

Когда я пришел в себя, старик брызгал на меня цветочною водою. И он сказал: – Разве я не запрещал тебе открывать эту дверь? Я же воскликнул: – Я видел голубок и прошу сказать мне, где находится алмазный дворец, в котором они живут! Он же ответил мне: – Знай, что царь Наср – один из могущественнейших начальников джинов, и я сомневаюсь, чтобы он отдал одну из своих дочерей тебе в жены. Лучше вернись в свою страну. Я же ответил: – Благодарю тебя, но я отказываюсь возвращаться к своим родителям, если не увижу еще раз молодую девушку, которая говорила со мной. Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. Но когда наступила триста сорок седьмая ночь, она сказала:

ночь триста сорок седьмая

Тогда старик сказал мне: – Я вижу, твое сердце переполнено страстью, поэтому я укажу тебе средство, как снова увидеть ее. Терпеливо жди возвращения голубок. Дай им время раздеться и сойти в бассейн, а потом завладей их одеждами из перьев. Они начнут молить тебя возвратить им оперения, а ты скажи: «Я отдам их после того, как возвратится шейх!» И жди моего возвращения; я найду средство повернуть

обстоятельства в твою пользу. Я поблагодарил начальника птиц и спрятался за деревья. И вскоре я услыхал шум крыльев и раздававшийся с высоты смех. И я увидал, как три голубки опустились на край бассейна, и та, что говорила со мной, сказала: – Что стало с тем молодым человеком, которого мы видели? А сестры ответили: – О Шамза, не предавайся излишнему беспокойству! И все трое погрузились в воду, сняв с себя оперение. Я же подождал, пока они ни доплыли до середины бассейна, завладел одеянием девушки, которую полюбил, и крикнул ей: – О голубка моя, выйди из бассейна для беседы со мной! Но она сказала: – Я нагая, и не могу в таком виде выйти! Отойди, чтобы хоть сестры мои могли одеться. И я встал позади рубинового трона, а старшие сестры вышли и быстро укрылись своими одеяниями. Они выщипали несколько перьев, сделали что-то вроде маленького передника, опоясали им младшую сестру и крикнули мне: – Ты можешь теперь подойти!

И я бросился к милой Шамзе и стал целовать ее ноги. Мне удалось увлечь ее на рубиновый трон, и она охватила мою шею руками и отвечала поцелуем на поцелуй. В это время вошел шейх и сказал: – Я восхищен, о дочь моя, что ты выбрала этого молодого человека. Знай же, что его отец – царь Тигмос, владыка Афганистана. И ты хорошо сделаешь, если уговоришь своего отца дать тебе свое согласие. Обещай мне быть верной своему супругу и никогда не покидать его. И прекрасная Шамза дала клятву перед почтенным шейхом, а он сказал: – Возблагодарим Высочайшего за ваш союз, дети мои. Теперь ты, Яншах, можешь отдать ей одеяние, потому что она больше не покинет тебя. И он повел нас в залу, где стояли подносы с восхитительными яствами. И Шамза попросила своих сестер отправиться во дворец ее отца, чтобы объявить ему о свадьбе. В этот момент повествования Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста сорок восьмая ночь, она сказала:

ночь триста сорок восьмая

И мы уснули в объятиях друг друга, вкушая высший предел блаженства. Утром же Шамза надела свой плащ из перьев, разбудила меня и сказала: – Настало время отправиться в алмазный дворец, поспеши одеться! Когда я был готов, Шамза сказала мне: – Сядь мне на плечи и держись крепче! И она понесла меня по воздуху со скоростью молнии и опустила меня недалеко от дворца. И джины-служители побежали известить царя Насра о нашем прибытии. Отец Шамзы был чрезвычайно рад увидеть меня. Он подарил мне почетное платье и повел меня к царице, а та поздравила дочь с удачным выбором. Потом она подарила ей множество драгоценных камней, и после в честь нас начались празднества, которые продолжались тридцать дней и тридцать ночей. После я выразил желание представить супругу своим родителям. И царь велел соорудить великолепный трон, на котором духи понесли нас с такой быстротой, что в два дня мы совершили путь, равный двухлетнему переходу. Мы

без препятствий достигли дворца в Кабуле. И когда отец мой и мать увидали меня после долгой разлуки, они много плакали, целуя меня и мою возлюбленную Шамзу.

К концу года пребывания в Кабуле моя супруга захотела повидать своего отца и мать. И мы снова уселись на трон, который наши духи-служители понесли по воздуху с огромной скоростью. Мы останавливались только по вечерам, чтобы отдохнуть. Во время последней остановки Шамза захотела выкупаться в реке. Она разделась, вошла в воду и вдруг испустила крик и упала. Я поспешил вынуть ее из воды и отнести на берег, но не успел я оказать ей помощь, как она уже была мертва – на ее пятке был след от укуса водяной змеи. Обливаясь слезами, я выстроил гробницу, которую ты видишь. Что же касается второй гробницы, то это моя собственная. И я провожу теперь свои дни, предаваясь горестным воспоминаниям! Лишь только печальный юноша окончил рассказывать свою историю, он зарыдал. На этом месте своего повествования Шахразада заметила, что занимается заря, и замолкла. А когда наступила триста сорок девятая ночь, она сказала:

ночь триста сорок девятая

Тогда Белукия сказал юноше: – О брат мой! Твоя история удивительна и необыкновенна. Да поддержит тебя Аллах в твоей скорби! И после этих слов утешения Белукия направился в столицу, куда и прибыл без приключений после пятилетнего отсутствия. Когда же царица Ямлика закончила рассказывать эти истории юному Гассибу, он сказал: – О царица, я лишь бедный дровосек, и у меня в доме остались мать и жена. Позволь мне возвратиться к ним, чтобы они не умерли с горя. При этих словах Ямлика сказала Гассибу: – Я позволю тебе вернуться, но при одном условии. Ты должен мне поклясться, что никогда в жизни не войдешь в гамам – иначе тебя ждет погибель. И я не могу теперь сказать тебе ничего более. Молодого Гассиба крайне удивила эта просьба, но он не стал прекословить и обещал царице Ямлике никогда не мыться в гамаме. Тогда царица дала ему в провожатые одну из своих змеевидных женщин, и та привела его к выходу из ее царства. Гассиб пришел на свою улицу и постучался у дверей своего дома. И мать его, отворив дверь, испустила громкий крик, а прибежавшая на крик жена его стала целовать ему руки. Когда же все немного успокоились, мать Гассиба рассказала, что бросившие его в яме дровосеки сделались богатыми купцами. Тогда Гассиб сказал матери: – Завтра ты пойдешь к ним и скажешь, что я желаю повидаться с ними.

Как только дровосеки узнали о возвращении Гассиба, они переменились в лице, стали совещаться между собою и решили, что каждый из них даст половину принадлежащих ему богатств, а также и невольников, и земель. А Гассиб не хотел помнить зла, он принял их дары и сказал: – Что прошло, то прошло, и никакая предосторожность не может помешать тому, что должно случиться. Так Гассиб сделался богатым человеком, он стал купцом и открыл свою лавку. И однажды проходил он мимо гамама, построенного

при входе на базар. И его владелец поклонился Гассибу и сказал: – Окажи мне честь и войди в мое заведение! Но Гассиб, помнивший свое обещание, ответил... На этом месте своего повествования Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда настала триста пятидесятая ночь, она сказала:

ночь триста пятидесятая

Не могу я принять твоего предложения, поскольку дал клятву никогда не входить в гамам. Тогда хозяин гамама, не поверивший такой клятве, воскликнул: – Клянусь Аллахом, если ты будешь упорствовать, я немедленно разведусь со всеми моими женами! А прохожие, услышав речь о разводе, стали умолять Гассиба не губить человека. И видя бесполезность своих слов, они схватили Гассиба, сняли с него одежду, вылили на него ушаты воды, растерли его, намылили, обсушили, закутали полотенцами, а его голову обмотали шелковым платком. И хозяин гамама, вне себя от радости, что освободился от клятвы в разводе, принес Гассибу чашку сорбета и сказал ему: – Да будет благословенна принятая тобою ванна! Да освежит тебя этот напиток так же, как ты освежил меня! Но тут в гамам ворвались стражники, схватили Гассиба, унесли в том одеянии, в каком он был, в царский дворец и передали в руки великого визиря.

При виде Гассиба великий визирь пришел в необыкновенный восторг и просил его отправиться с ним к царю. И Гассиб, принявший уже решение покориться воле судьбы, последовал за великим визирем, который ввел его в залу, в которой царь возлежал на большой золоченой кровати, покрыв свое лицо шелковым платком. И великий визирь сказал Гассибу: – О сын ученого Даниала, мы ждем от тебя спасения нашего царя Караздана! Неизлечимая проказа покрывает его лицо и все тело! При этих словах ошеломленный Гассиб сказал визирю: – Я действительно сын ученого Даниала! Но знайте, что я совершенный невежда. Меня отдали в школу, но я ничему не научился, и мать сделала из меня дровосека. Как, о визирь полный мудрости, могу я исцелить царя, если я не знаю ни болезней, ни средств против них? Но визирь ответил: – Ты можешь исцелить царя, поскольку знаешь царицу Ямлику, а ее девственное молоко, принятое натощак, исцеляет от всех неизлечимых болезней. В эту минуту своего повествования Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила триста пятьдесят первая ночь, она сказала:

ночь триста пятьдесят первая

Услышав эти слова, Гассиб воскликнул: – О господин мой, я в первый раз слышу это имя! Но визирь улыбнулся и сказал: – О сын Даниала, у всех посетителей царицы Ямлики чернеет кожа на животе после того, как они входят в гамам. И тут визирь обнажил живот Гассиба, а тот стал как живот буйвола. От этого Гассиб чуть не лишился чувств, но визирь велел привести лучшего коня из царских конюшен, сам вскочил на другого коня, и вместе с Гассибом направился к развалинам, откуда вышел Гассиб, покидая царство Ямлики. Изучивший науку заклинаний визирь стал жечь разные благовония, и вдруг земля задрожала и разверзлась. Из нее вышли четыре огромные змеи с человеческими головами. Они несли огромный золотой чан, в котором возлежала царица Ямлика. Она взглянула на Гассиба и с упреком сказала: – Так вот как ты сдержал данную мне клятву! Но я знаю, что ты попал в гамам не по своей воле, и потому не буду наказывать тебя. И я знаю, зачем меня вызвали. Вот два флакона моего молока; подойди поближе! Гассиб подошел, и царица сказала ему шепотом: – Для исцеления только флакон, помеченный красной чертой. А если моего молока захочет выпить визирь, дай ему другой флакон. И после этих слов земля закрылась, скрыв царицу Ямлику и ее носильщиков.

Гассиб прибыл во дворец и дал царю молока из первого флакона. И сразу тело его покрылось испариной, покрытая проказой кожа стала отпадать целыми кусками, а взамен появлялась новая, нежная и белая. И царь был совершенно исцелен. Визирю же также захотелось выпить чудесного молока, и он осушил второй флакон. Но в ту же минуту тело его начало пухнуть и раздаваться во все стороны; кожа его лопнула, и он умер, а окружающие поспешили предать его останки погребению. Царь же назначил Гассиба новым визирем и дал ему в жены трех принцесс царского рода. Гассиб поселился во дворце прежнего визиря и зажил в нем с матерью, женами и невольницами в счастье и достатке. Когда он научился читать и писать, мать сказала ему: – Сын мой, умирая, отец твой оставил тебе в наследство лишь один листочек бумаги, который он поручил мне передать тебе. Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила триста пятьдесят вторая ночь, она сказала:

НОЧЬ ТРИСТА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Мать Гассиба вынула листочек бумаги, и он прочел следующее: «Всякая наука тщетна, ибо настали времена, когда Избранник Аллаха укажет людям источники мудрости. Имя его будет Магомет! Да будет над ним и всеми верующими мир и благословение до самого конца веков!» Такова, – продолжала Шахразада, – история Гассиба и царицы Ямлики. А теперь я расскажу анекдоты, взятые из «Пышного сада ума и цветника любовных приключений». И она начала так:

Пышный сад ума и цветник любовных приключений

ЛЕКАРСТВО ДЛЯ ГЛАЗА

царь благословенный, однажды халиф Гарун-аль-Рашид прогуливался вместе со своим визирем Джафаром, который пытался придумать, чем бы развлечь халифа. Заметив на дороге некого шейха верхом на осле, Джафар спросил его, куда тот направляется. И шейх ответил: – Я ищу врача, который прописал бы мне примочку для глаза! Тогда Джафар сказал: – О шейх! Что дашь ты мне, если я сам пропишу тебе здесь примочку, которая может вылечить твой глаз в одну ночь? И тот ответил: – Один только Аллах сможет вознаградить тебя по заслугам! Тогда Джафар сказал шейху: – Запомни этот рецепт: возьми три унции ветра, три унции солнечных лучей и три унции света от фонаря; осторожно смешай все это в ступке без дна. Выстави смесь на три месяца на ветер и солнце. Когда лекарство будет готово, присыпь им свой глаз, и на следующий день ты проснешься исцеленным! Услышав эти слова, шейх в знак благодарности громко испустил воздух и сказал Джафару: – Поспеши, о врач, принять выражение моей благодарности. Я пришлю тебе в подарок невольницу, всю в морщинах, как сушеная фига, и она доставит тебе столько наслаждения, что ты испустишь свой дух! Затем шейх продолжил свой путь, а халиф шлепнулся на землю, задыхаясь от смеха.

ОТРОК И ЕГО УЧИТЕЛЬ

У визиря Бадреддина был брат-отрок, одаренный несравненной красотой. И визирь пригласил к нему в качестве учителя почтенного шейха, известного чистотой своих нравов. Однако красота юноши не замедлила оказать на него свое действие. И однажды он решился поведать юноше об этом. Тогда юноша сказал ему: – Ты же знаешь, что за каждым моим движением следит брат. А шейх возразил: – Я знаю это, но терраса моего дома соприкасается с домом, в котором ты живешь. Сегодня ночью, когда брат твой заснет, я помогу тебе

перебраться через разделяющую нас стенку и уведу к себе на террасу! И юноша сказал: – Слушаю и повинуюсь. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста пятьдесят третья ночь, она сказала:

ночь триста пятьдесят третья

С наступлением ночи юноша перебрался через стенку на террасу шейха. А визирь, прежде чем лечь спать, решил взглянуть на брата и был удивлен, не найдя его. Он пустился на поиски по всему дому, затем поднялся на террасу и увидел брата своего и шейха, сидящих друг подле друга. Шейх же, заметив его приближение, пропел тут же сочиненные стихи: «Румянец рдеет на щеках его, окрашенных и пурпуром, и стыдливостью. Но как же назвать мне его? Брат его уже прозван Полной луной веры. И, поистине, светит он нам, как теперь светит луна. Назову ж я его Полной луной красоты». И визирь Бадреддин услышал эти стихи, которые заключали лестный намек на его счет, и не увидел в том, что происходило, ничего преступного. Рассказав эту историю, Шахразада продолжила:

ВОЛШЕБНЫЙ МЕШОК

Однажды визирь Джафар привел к Гарун-аль-Рашиду персиянина Али, который рассказал следующее: – Сидел я однажды в своей лавке, когда некий курд схватил маленький мешочек, выставленный у меня на окне, и хотел удалиться вместе с ним. Тогда я бросился на улицу, схватил его за полу и потребовал, чтобы он отдал мне мой мешок. Но он пожал плечами и сказал: – Этот мешок? Но ведь он принадлежит мне со всем своим содержимым. Тогда я позвал кади, а он сказал курду: – В таком случае перечисли мне предметы, которые в нем находятся! И курд, не колеблясь ни секунды, сказал: – В моем мешке находятся два хрустальных флакона, два факела, две ложки, подушка, две скатерти, два кувшина, два таза, поднос, котел, чан для воды, кухонный ковш, беременная кошка, миска с рисом, два осла, две шубы, одна корова, два теленка, верблюдица, два вола, львица и два льва, медведица, дворец и целое собрание курдов, готовых засвидетельствовать, что это мой мешок. Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила триста пятьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь триста пятьдесят четвертая

Тогда кади спросил меня: – А ты что имеешь ответить? Я же был весьма изумлен, но ответил: – Я знаю, что в мешке моем есть только разбойничий притон, город Басра и город Багдад, кузнечный горн, рыболовная сеть, пастушеский посох, двенадцать юных девственниц и тысяча проводников каравана, готовых засвидетельствовать, что этот мешок – мой мешок! Тогда курд воскликнул: – О господин наш кади! В моем мешке содержится, кроме всего прочего, два укрепленных города и десять башен, два перегонных куба, четыре шахматных игрока, один жеребец и два мерина, два длинных копья, один мальчишка и два сводника, один слепой и двое зрячих, один хромой, капитан судна и два свидетеля, готовых подтвердить, что мешок этот – мой! Я же был переполнен злобой до самого носа, но ответил спокойно: – Да укрепит Аллах разум господина нашего кади! Я должен прибавить, что в мешке этом есть, кроме прочего, лекарство против головной боли, любовные напитки, кольчуги, тысяча баранов, яблоки и фиги, привидения, двадцать певиц, пять прекрасных невольниц-абиссинок, три индианки, четыре гречанки, восемьдесят курдок, столько же китаянок, девяносто грузинок, земной рай, две конюшни, одна мечеть и один гвоздь. Он содержит еще саван и гроб для кади, если он не захочет постановить, что мешок этот – мой! Выслушав все это, кади сказал: – Или оба вы негодяи, насмехающиеся над законом, или же мешок этот – бездонная пропасть! И он велел развязать мешок; в нем лежали только косточки маслин. Тогда я заявил удивленному кади, что этот мешок принадлежит курду, мой же – исчез. Когда халиф Гарун-аль-Рашид прослушал эту историю, то повалился от смеха и дал великолепный подарок Али-персиянину. Затем Шахразада начала новую историю.

КОМУ ОТДАТЬ ПРЕДПОЧТЕНИЕ?

Однажды разговаривали две женщины, каждая из которых имела возлюбленного. Возлюбленный первой был нежный юноша с безбородым лицом, тогда как возлюбленный второй был зрелый мужчина с жесткой бородой. И женщины заспорили о достоинствах своих возлюбленных. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста пятьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь триста пятьдесят пятая

Одна говорила: – О сестра моя, как можешь ты выносить жесткую бороду своего возлюбленного во время поцелуя, когда усы его царапают своими колючками твои щеки и губы? Поверь мне, сестра моя, перемени любовника и сделай так, как я: отыщи себе какого-нибудь юношу, с покрытыми легким пухом щеками, с нежным телом, тающим под поцелуями. Клянусь Аллахом, что он сумеет

Léon Carré

возместить перед тобой отсутствие бороды многими прелестями. На эти слова подруга ответила ей: – Как ты глупа, сестра моя! Разве не знаешь ты, что огурец сладок лишь со всем своим пушком и шероховатостями? Что на свете может быть безобразнее, чем мужчина безбородый и лысый? Знай же, что борода и усы составляют для мужчины то же, что длинные косы – для женщины. Аллах создал в небе ангела, который занят исключительно тем, что воспевает хвалу Творцу, даровавшему бороду мужчинам и одарившему женщин длинными волосами! К чему советуешь ты мне выбрать себе в любовники безбородого юношу? Затем, после краткого молчания, Шахразада сказала:

ЦЕНА ОГУРЦОВ

Однажды эмир Моин встретил в пустыне араба верхом на осле и спросил, куда тот едет. И араб ответил: – Я везу эмиру Моину огурцы. Говорят, он щедрый человек, и он заплатит мне за них тысячу золотых динариев! Тогда эмир сказал: – А если он скажет, что это слишком много? – Я попрошу триста! – А если и это будет много? – Тридцать! – А если и это будет много? – Тогда я пущу своего осла в его гарем и обращусь в бегство! Услышав эти слова, Моин возвратился во дворец, и приказал впустить араба с огурцами. Когда тот добрался до дворца, он не узнал в эмире встреченного им по дороге всадника и спросил за свои огурцы тысячу динариев. Эмир же ответил: – Это слишком дорого! – Триста! – Слишком дорого! – Ну, тридцать! – Все-таки слишком дорого! Тут араб узнал в эмире человек, встреченного им в пустыне, и воскликнул: – О господин мой, вели принести тридцать, ибо осел мой привязан у ворот! При этих словах эмир расхохотался и приказал отсчитать арабу тысячу динариев. Затем Шахразада продолжила:

СЕДЫЕ ВОЛОСЫ

Однажды Аба-Суваид увидел старую женщину, которая расчесывала свои седые волосы, но лицо ее было миловидно, а цвет кожи свеж и прекрасен. И он спросил: – О старая годами, но столь юная лицом, почему не красишь ты своих волос, чтобы походить на молодую девушку? Тут Шахразада увидела, что близится утро, и умолкла. А когда наступила триста пятьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь триста пятьдесят шестая

Тогда женщина посмотрела на Аба-Суваида своими большими глазами и ответила стихами:

Когда-то красила я их,
но краска та давно исчезла,
И краска времени осталась лишь теперь.
Зачем же мне их красить вновь,
Когда могу я, если пожелаю,
Движеньем плавным пышных бедер
Как прежде возбуждать желание,
И ласками мужскими упиваться.

Затем Шахразада продолжила:

МУДРОЕ РЕШЕНИЕ

Однажды халиф Гарун-аль-Рашид сказал Джафару: – Знаю, что ты купил себе красивую невольницу, но я желаю, чтобы ты уступил ее мне за цену, которую найдешь подходящей! Но Джафар ответил: – Я не намерен продавать ее, о эмир правоверных! Халиф сказал: – Тогда отдай ее мне в подарок! Джафар ответил: – Я не намерен этого делать. Тогда халиф воскликнул: – Я клянусь, что разведусь с супругой моей Сетт-Зобейдой, если ты не продашь мне эту невольницу! Джафар ответил: – И я клянусь, что разведусь с супругой моей, если соглашусь продать эту невольницу или уступить ее тебе! Произнеся эти клятвы, оба они заметили, что зашли слишком далеко. Тогда они послали за кади Аби-Иуссуфом. Выслушав обоих, он сказал: – Разрешить этот казус очень просто. Нужно чтобы Джафар продал халифу половину невольницы, а другую половину отдал ему в дар! И это решение привело халифа в восторг, ибо оно освобождало их обоих от клятвы. Затем Шахразада продолжила:

АБУ-НОВАС И КУПАНИЕ СЕТТ-ЗОБЕЙДЫ

Халиф Гарун-аль-Рашид велел устроить в саду для своей супруги Сетт-Зобейды большой водоем для купания. И однажды, когда она разделась и пошла в воду, халиф сквозь листву стал любоваться ее белоснежной наготой. Но вдруг хрустнула ветка... Тут Шахразада увидела, что близок рассвет, и умолкла. А когда наступила триста пятьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь триста пятьдесят седьмая

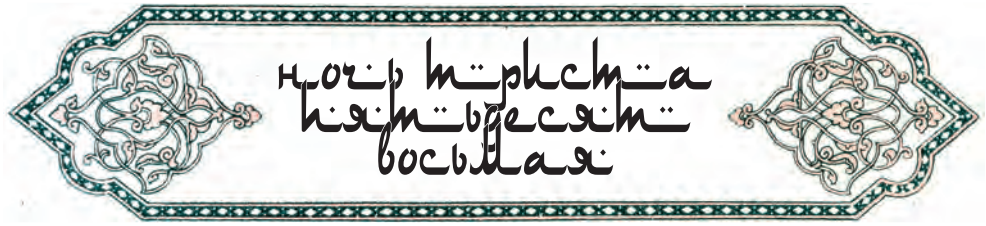
Вдруг хрустнула ветка; охваченная страхом Сетт-Зобейда обернулась и невольным движением опустила обе руки, чтобы прикрыться от нескромных взглядов. Но руки мало прикрывали ее совершенную наготу; Аль-Рашид был одновременно и восхищен, и поражен тем, что увидел, и поспешил удалиться крадучись, как и пришел. Но это зрелище пробудило в нем вдохновение, и он почувствовал расположение сочинять. И для начала он придумал легкого размера следующую строчку: «В бассейне я видел серебро...». Но сколько он ни пытал свой ум, ему никак не удавалось сочинить вторую строчку, которая бы гармонировала с первой. Тогда он решился призвать поэта Абу-Новаса и сказал ему: – Посмотрим, сумеешь ли ты сочинить коротенький стих, первая строчка которого была бы такой: «В бассейне я видел серебро...» Тогда Абу-Новас, который тоже бродил поблизости от бассейна и видел всю описанную сцену, ответил: – Слушаю и повинуюсь! И, к полному изумлению халифа, тотчас же сочинил следующие стихи:

В бассейне я видел серебро,
Молочной белизной глаза мои упились.
Там юная газель пленила душу мне,
Когда стыдливо скрыть она спешила
От смелых взоров наготу свою.

Халиф не пытался узнать, каким образом Абу-Новас смог придать своим стихам такую точность изображения, и щедро вознаградил его. А теперь, о царь благословенный, я расскажу тебе случай с ослом:

ОСЕЛ

Однажды один добрый человек шел по базару, ведя за собой на веревке осла. И опытный мошенник решил этого осла у него похитить. Он сообщил свой план одному из товарищей, и тот спросил его: – Но как же ты сделаешь это? Он ответил: – Следуй за мной, и ты увидишь! На этом месте своего повествования Шахразада увидела, что наступает утро, и со скромностью умолкла. А когда наступила триста пятьдесят восьмая ночь, она сказала:



Вор приблизился к человеку сзади, осторожно снял веревку с осла, надел ее на себя и пошел за ним, как вьючное животное, а товарищ его удалился вместе с выпущенным на волю ослом. Когда мошенник убедился, что осел уже далеко, то внезапно остановился на месте. Чувствуя сопротивление, человек обернулся, чтобы выбранить осла, и пораженный воскликнул: – Кто ты? А мошенник ответил: – Я твой осел, о мой господин! В молодости я настолько предавался всевозможным порокам, что моя мать прокляла меня, и я превратился в осла. Но сегодня она решила меня простить и вернула мне человеческий облик. Тогда простак воскликнул: – О друг мой, иди с миром и забудь дурное обращение, которому я подвергал тебя! Спустя несколько дней бедняк отправился на базар, где увидал своего осла. И он приблизился к ослу, который принялся кричать, узнав хозяина, и крикнул: – О неисправимый негодяй! Верно, ты опять разозлил свою мать. Клянусь Аллахом, уж не куплю тебя во второй раз! И в эту же ночь Шахразада рассказала еще:

САМЕЦ ИЛИ САМКА?

Рассказывают, между прочим, про царя Персии, великого Хозроя, что царь этот был большой любитель рыб. Однажды некий рыбак принес ему в подарок рыбу необычайной величины и красоты. Царь был в восхищении и приказал выдать рыбаку четыре тысячи драхм. Но супруга царя, прекрасная Ширин, сказала: – Непозволительно быть до такой степени щедрым, иначе всякий даритель будет рассчитывать на эту цену! Отбери эти деньги так, чтобы рыбак не имел права роптать. Верни его и спроси: – Рыба, которую ты принес мне, самка или самец? Если он ответит, что самец, отдай ему рыбу назад, говоря: – Я желал иметь самку! А если он скажет, что это самка, тоже отдай ее ему, говоря: – Я хотел иметь самца! И царь сделал так, как ему посоветовала супруга. Но рыбак оказался человеком находчивым и ответил: – Рыба эта, о царь, двуполая! При

Léon Carré

этих словах царь рассмеялся и приказал выдать рыбаку восемь тысяч драхм. Однако во дворе рыбак выронил из мешка одну драхму, начал искать ее, нашел и с большою радостью подобрал. Тут Шахразада увидела, что брезжит утро, и умолкла. А когда наступила триста пятьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь триста пятьдесят девятая

Тогда видевшая это царица воскликнула: – Вор твой рыбак. Он выронил одну драхму, и вместо того, чтобы предоставить подобрать ее какому-нибудь бедняку, подбирает ее сам! При этих словах царь Хозрой приказал вернуть рыбака и сказал ему: – О гнусное существо! Твоя скупость побуждает тебя сложить мешок, полный золота для того, чтобы подобрать драхму, упавшую на счастье бедняку! Тогда рыбак облобызал землю и ответил: – Да продлит Аллах жизнь царя! Я поднял эту драхму потому, что ценность ее в моих глазах велика: разве не носит она с одной стороны изображение царя, а с другой – его имя? Я не хотел, чтобы какой-нибудь прохожий мог наступить на нее. И я следую примеру самого царя, который поднял меня из грязи, меня, едва стоящего одну драхму! Ответ этот до того понравился царю Хозрою, что он велел выдать рыбаку еще четыре тысячи драхм и приказал глашатаям возвещать по всему царству: – Не следует никогда слушаться советов женщины! Ибо тот, кто их слушает, совершает две ошибки, желая избежать половины одной! При этих словах халиф так расхохотался, что повалился навзничь и велел дать рыбаку еще тысячу динариев. Затем Шахразада пожелала рассказать еще следующий случай:

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Однажды некий человек, ремесло которого состояло в том, чтобы бродяжничать и жить на счет других, задумал, – несмотря на то, что не умел ни читать, ни писать, – сделаться школьным учителем, полагая, что это единственное ремесло, которое даст ему возможность зарабатывать деньги, ничего не делая. Ибо известно, что можно быть школьным учителем, не имея никакого понятия о правилах и началах языка. Для этого нужно только быть достаточно изворотливым, чтобы заставить других поверить, что являешься сам большим знатоком грамматики, а все знают, что ученый-грамматик бывает обыкновенно незначительным человеком, с умом ограниченным, мелочным, плоским, неразвитым и немощным. Он увеличил число складок и пышность своего тюрбана, открыл в конце одного из переулков зал, который украсил доской и другими подобными вещами, и стал поджидать учеников. При виде столь внушительного тюрбана жители околотка не усомнились в учености своего соседа и поспешили послать к нему своих детей. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и по обыкновению скромно умолкла. А когда наступила триста шестидесятая ночь, она сказала:

ночь триста шестидесятая

Чтобы выйти из затруднения, человек стал заставлять детей, немножко умеющих уже читать и писать, учить тех, которые еще ничего не знали, а сам делал вид, что наблюдает за этим, одобряя или порицая. Школа стала процветать, и дела учителя приняли превосходный оборот. Но однажды к нему пришла женщина с письмом в руке, чтобы попросить его прочитать это письмо, как это в обычае у женщин, не умеющих читать. Учитель взял письмо и принялся хмурить брови, глядя на написанное. Полная тревоги, женщина спросила: – Не скрывай от меня ничего! Он умер? Вместо ответа он покачал головой и продолжал хранить молчание. Тогда она воскликнула: – Должна ли я разодрать свои одежды и царапать ногтями лицо свое? Он ответил: – Раздирай и царапай! При этих словах несчастная женщина понеслась в свой дом, который наполнила скорбными воплями. В это время один из родственников несчастной увидел письмо, прочитав его и сказал: – Кто возвестил тебе смерть супруга? Вот содержание письма: «О жена моя, я пребываю в полном здоровье и надеюсь быть подле тебя недели через две. Посылаю тебе кусок тонкого полотна, завернутый в одеяло. Уассалам!» Тогда женщина вернулась в школу и сказала учителю: – Не стыдно тебе так обманывать женщину и возвещать ей смерть супруга, тогда как в письме написано, что супруг мой посылает мне полотно и одеяло? В ответ на это учитель сказал: – Ты вправе упрекать меня в этом. Прости меня, ибо прочитав письмо наспех, я подумал, что полотно и одеяло присылают тебе лишь как память о твоем супруге! Затем Шахразада сказала:

НАДПИСЬ НА КУБКЕ

Халиф Эль-Мотаваккель однажды заболел, и врач его Иахиа вылечил его. Тогда со всех сторон посыпались халифу подарки. Между прочими посылками халиф получил в подарок от Ибн-Хкана юную девственницу. Представ перед халифом, девушка преподнесла ему вместе со своей красотой восхитительный хрустальный графин, наполненный дорогим вином. В одной руке держала она графин, а в другой – золотой кубок, на котором красовалась надпись... На этом месте своего повествования Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста шестьдесят первая ночь, она сказала:

ночь триста шестьдесят первая

Надпись гласила: «Какой любовный напиток или противоядие, какое лекарство или какой целебный бальзам может сравниться с этой пурпурной влагой изысканного вкуса, с этим всесильным средством против болезней тела и тоски?» Как раз в эту минуту врач Иахиа находился возле халифа. Прочитав эту надпись, он засмеялся и сказал халифу: – Клянусь Аллахом, эта девушка и целебный напиток, который она принесла тебе, больше помогут восстановлению твоих сил, чем все лекарства в мире! Затем Шахразада немедленно начала следующую историю:

ХАЛИФ В КОРЗИНЕ

История эта рассказана знаменитым певцом Ишаком из Моссула. Он повествует: – Однажды ночью возвращался я с пира от халифа Эль-Мамуна. И вдруг в переулке мне на голову спустилась на веревке большая корзина. Я стал ощупывать ее и заметил, что внутри были две подушки. И я не смог удержаться от искушения и поместился в корзину, которая тотчас же была быстро поднята на террасу, где четыре молодые девушки, не говоря ни слова, вынули меня и пригласили следовать за собою. Я же думал: «Меня принимают за того, кому было назначено свидание сегодня ночью! Но Аллах выведет меня из беды!» Тут в залу вошли десять молодых девушек; среди них выступала отроковица, которой могли бы позавидовать все звезды. Я склонился перед нею до земли, а она с улыбкой сказала: – Как же случилось, о господин, что ты влез в эту корзину? Я же ответил: – О госпожа моя, только вино заставило меня сделать это, но теперь красота твоя заменила в моем мозгу опьянение очарованием! При этих словах отроковица улыбнулась и спросила: – Каким ремеслом ты занимаешься? Я же ответил: – Я ткач в ткацком ряду в Багдаде! Она сказала мне: – Если ты обладаешь знанием поэзии, то нам не придется жалеть, что мы приняли тебя у себя! Знаешь ли ты какие-нибудь стихи? И я в ответ выбрал из известных мне стихотворений наиболее нежные и прочитал их с большим чувством. Когда я окончил, она сказала мне: – Клянусь Аллахом, я не подозревала, чтобы среди ткачей могли быть такие утонченные люди! Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста шестьдесят вторая ночь, она сказала:

После угощения она спросила: – Теперь лучшее время для беседы! Ты знаешь какие-нибудь интересные истории? Я тотчас сообщил ей целую кучу забавных подробностей о жизни царей, но она остановила меня, говоря: – Я совершенно поражена, видя ткача, так хорошо знакомого с обычаями царей! Я бы желала, чтобы ты пропел мне какие-нибудь стихи, аккомпанируя себе на лютне! А я ответил: – О госпожа

моя! Если бы ты согласилась спеть нам, чтобы ночь эта стала еще восхитительнее! Тогда она начала играть и петь, сказав: – Эти стихи принадлежат Абу-Ноину, а музыка – великому музыканту Ишаку из Массула! И мы продолжали веселиться вплоть до зари. А затем меня усадили в корзину и спустили на улицу.

Вечером я снова поспешил в переулок, где нашел спущенную корзину. Я уселся в нее и предстал перед молодой женщиной. И мы провели эту ночь, беседуя, читая стихи и слушая пение. Но я подумал о халифе и сказал себе: «Он не примет никаких оправданий, если я не расскажу ему об этом приключении». И я сказал молодой девушке: – О госпожа моя, я вижу, ты любишь пение и хорошие голоса. У меня есть двоюродный брат, который знает лучше, чем кто-либо, песни Ишака из Моссула. Не позволишь ли ты мне привести его с собою завтра? На этом месте своего повествования Шахразада заметила, что брезжит утро, и умолкла. А когда наступила триста шестьдесят третья ночь, она сказала:

ночь триста шестьдесят третья

Она ответила мне: – Если твой брат так приятен, то ты можешь его привести! Я поблагодарил ее и спустился тем же путем. Придя домой, я нашел там телохранителей халифа, которые схватили меня и повлекли к Эль-Мамуну, который закричал: – Собачий сын! Почему тебя не было вчера во дворце?! Я же в ответ рассказал ему о своем приключении со всеми подробностями, прибавив: – И отроковица ждет нас обоих в эту ночь! Выслушав слова мои, Эль-Мамун просветлел и сказал: – Ты прекрасно сделал, что подумал обо мне на эту ночь! Вечером он переоделся купцом и отправился вместе со мной в переулок. И мы были подняты в двух корзинах, и снова явилась отроковица, при виде которой халиф безумно влюбился. Вино разгорячило наши головы. И халиф, позабыв об осторожности, сказал мне: – О Ишак! Пропой нам какой-нибудь новый мотив твоего сочинения. Как только отроковица это услышала, она поспешила скрыться, как приличествовало женщине в присутствии эмира. Тогда Эль-Мамун сказал мне: – Позови мне сейчас же хозяина этого дома! И я нашел его, и он оказался визирем халифа, Хасаном-бен-Сехля! Увидав его, Эль-Мамун спросил его: – У тебя есть дочь? Он сказал: – Есть! Он сказал: – Я хочу взять ее, как законную супругу! Я даю ей в приданое сто тысяч динариев, которые ты получишь завтра утром из казны! Так и случилось, и супруга халифа была самой красивой женщиной, какую только видели глаза мои! Когда Шахразада рассказала эту историю, то тотчас начала другую:

ЧИСТИЛЬЩИК ТРЕБУХИ

Однажды в Мекке один человек приблизился к стене Каабы и воскликнул: – Да сделает Аллах, чтобы женщина эта снова разгневалась на своего мужа, дабы я мог спать с ней! Когда хаджи услышали это, они бросились на этого

человека, потащили его к эмиру и сказали ему: – Мы слышали, о эмир, как человек этот произносил святотатственные слова, держась за покрывало Каабы!

Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила триста шестьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь триста шестьдесят четвертая

Тогда эмир сказал: – Повесить его! Но человек бросился к ногам эмира и воскликнул: – О эмир, выслушай мою историю! Знай, что по ремеслу своему я собираю на улицах нечистоты и, кроме того, промываю бараньи кишки, чтобы, продавая их, зарабатывать свой хлеб. И однажды, когда я шел за своим нагруженным требухой ослом, увидел я рабов, которые гнали перед собою прохожих. Мне сказали, что гарем какого-то высокопоставленного лица должен пройти по этой улице, и потому нужно очистить ее от народа. Тогда я устроился вместе с ослом в закоулок и отвернул лицо. Но вдруг я был схвачен евнухами. В ужасе обернувшись, я увидел, что меня рассматривают тридцать молодых женщин, среди которых одна была подобна юной газели. Прохожие кричали моим похитителям: – Он ничего не совершил. Это бедняк, подметающий нечистоты и промывающий требуху! Но евнухи ничего не желали слушать и продолжали тащить меня за гаремом. Так мы достигли ворот большого дома, великолепие которого я не сумею описать. И скоро появился хорошенький маленький раб, который привел меня в гамам, где меня приняли три прекрасных невольницы. Они раздели меня, собственноручно обмыли, надушили и осушили тело мое. После они принесли мне великолепные одежды и помогли одеться, щекоча и щипая меня. На этом месте своего повествования Шахразада увидела, что занимается утро, и умолкла. А когда наступила триста шестьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь триста шестьдесят пятая

Они взяли меня под руки и, подобно новобрачному, ввели в зал, украшенный живописью. Там я увидел небрежно раскинувшуюся на ложе ту самую знатную госпожу. Она подозвала меня, и нам подали удивительные яства, которых я никогда не видел. Потом были принесены кубки с напитками, и госпожа собственноручно наполнила кубок мой и стала пить из него вместе со мной, пока мы оба не опьянели.

Тогда она сделала знак рабыням, и все исчезли, оставив нас одних. И она привлекла меня к себе и заключила в объятия, а я, как мог, услаждал ее ласками. И так покоились мы в объятиях друг друга до утра. Тогда она сказала, что настало время мне удалиться, но раньше спросила, где я живу. И она дала мне расшитый золотом и серебром платок, в котором было что-то завязано, и сказала: – Это чтобы купить корм твоему ослу! И я вышел от нее, как если б вышел из рая. Когда же я пришел в мое жилище, то развязал платок и нашел в нем пятьдесят золотых миткалей! Я зарыл их и купил себе на два медяка хлеба и луковицу, которыми и позавтракал, предаваясь мечтам по поводу случившегося со мною приключения.

С наступлением ночи за мной пришел маленький невольник. Она уже ждала меня, и я облобызал землю у ног ее. Но она тотчас улеглась вместе со мною на ложе и подарила мне благословенную ночь. Наутро она дала мне второй платок, содержащий еще пятьдесят золотых миткалей. И я продолжал жить так целых восемь дней, вкушая сладость изысканных яств и горячих объятий и получая каждый раз пятьдесят золотых миткалей. Но однажды, когда я пришел к ней, в зал вошла рабыня, сказала несколько слов на ухо госпоже своей, быстро увлекла меня из комнаты, приведя в верхний этаж, и заперла меня там. В то же время я увидел в окно, что в дом вошел молодой человек, сопровождаемый многочисленной свитой. Он вошел в залу и провел с молодой женщиной всю ночь в нежных забавах и ласках. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла... А когда наступила триста шестьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь триста шестьдесят шестая

С наступлением утра молодой человек выехал через главные ворота, сопровождаемый своею свитой. Едва он скрылся, как молодая женщина пришла ко мне и сказала: – Ты видел человека, который только что уехал. Это муж мой! И я сейчас расскажу тебе, что произошло между нами, и объясню причину, которая побудила меня выбрать тебя в любовники! Знай же, что я сидела однажды в саду подле него, как вдруг он покинул меня и исчез по направлению к кухне. Я подумала сначала, что он отправился по своей надобности; но, прождав час и видя, что он не возвращается, я направилась на кухню и увидела его в объятиях посудомойки! Тогда я решила отомстить и, обходив улицы, встретила тебя. Грязный вид и смрадный запах побудили меня выбрать именно тебя, как самого отталкивающего мужчину, какого только мне пришлось видеть. Теперь я исполнила свою клятву, и если муж мой еще раз свяжется с одной из невольниц, то я призову тебя, чтобы отплатить ему тем же! Вот почему пришел я сюда молить Аллаха, чтобы он внушил мужу вернуться в объятия служанки, дабы женщина эта вновь вызвала меня к себе! Выслушав эту историю, эмир сказал присутствующим: – Мы должны простить этому человеку его преступные слова у Каабы, ибо его история оправдывает его! Затем Шахразада сказала:

ДЕВУШКИ ИЛИ ОТРОКИ?

Мудрый Аль-Хомси повествует: – Однажды со всех мусульманских стран сошлись ученые мужи, чтобы услышать удивительную женщину, переезжавшую из страны в страну в сопровождении своего юного брата, чтобы выступать на научных собраниях. Я же попросил друга моего, ученого шейха Эль-Салхани, сопровождать меня. Мы вошли в зал, где за шелковым занавесом находилась Сетт-Захия, и уселись на одной из скамей. И я, сообщив ей имя и титулы мои, завязал с нею спор о различных толкованиях закона. Что же касается шейха Эль-Салхани, то с той минуты, как он увидел юного брата Сетт-Захии, отрока необычайной красоты, то не мог отвести от него глаз. И скоро Сетт-Захия заметила рассеянность моего спутника и, понаблюдав за ним, неожиданно окликнула его по имени и спросила... Тут Шахразада увидела, что занимается утренняя заря, и умолкла. А когда наступила триста шестьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь триста шестьдесят седьмая

Как можешь ты доказать мне превосходство мужчин и юношей над женщинами и молодыми девушками? И он ответил: – О госпожа моя, доказательство, которого ты требуешь, может быть достигнуто, с одной стороны, путем правильного умозаключения, а с другой стороны – из Книги Корана и Сунны. В Коране сказано: «Мужчины значительно превосходят женщин, ибо Аллах даровал им первенство». И еще сказано: «В наследстве доля мужчины должна быть вдвое больше доли женщины; и брат наследует вдвое больше сестры своей». Святые слова эти доказывают нам и устанавливают на вечные времена, что женщина лишь половина мужчины. Что же касается Сунны, то она учит нас, что Пророк ценил очистительную жертву мужчины вдвое более жертвы женщины. Мужчина представляет начало действенное, а женщина – начало страдательное. Значит, мужчина выше женщины. Но Сетт-Захия ответила: – О шейх! Если ты во всем ищешь совершенства, то ты бы должен был скорее предпочитать почтенных шейхов с морщинистым челом, ибо они ведь ушли гораздо далее по пути совершенства, чем отроки! И он ответил: – Но ведь ты согласишься, что ничто в женщине не может сравниться с совершенствами прекрасного юноши. Впрочем, сам Пророк, чтобы предостеречь нас от столь явного заблуждения, сказал нам: «Не останавливайте взглядов ваших на безбородых юношах, ибо глаза их пленительнее, чем очи гурий». Ты знаешь, кроме того, что высшая похвала, какую можно сделать красоте молодой девушки, это сравнить ее с прекрасным отроком. Так вот, о госпожа моя, достаточно этих доказательств, чтобы выяснить превосходство красоты юношей над красотою женщин вообще. На этом месте своего повествования Шахерезада заметила, что уже близко утро, и со скромностью умолкла. Но когда наступила триста шестьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь триста шестьдесят восьмая

Услышав эти слова, Сетт-Захия ответила: – Да простит тебе Аллах твои ошибочные доводы. Скажи мне, где тот юноша, красота которого может сравниться с красотою молодой девушки? Разве не знаешь ты, что цари и халифы, о которых говорят нам летописи, были послушными рабами женщин и считали за славу сносить их власть? Сколько таких, которые все бросили ради них: богатства, родину, отца и мать! Разве не для них воздвигают дворцы и ткут дорогие материи? Что же до слов священной Книги, то это прямая похвала гуриям рая, которые ведь женщины, а не отроки, раз они служат для сравнения. На этом месте своего рассказа Шахразада увидела, что наступает утро, и со скромностью умолкла. А когда наступила триста шестьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь триста шестьдесят девятая

Разве ты не знаешь, о шейх, что сказал об этом поэт: «Кто дерзает сравнивать юношу с девушкой? Разве осмеливался когда-нибудь человек предпочитать благоухающему лесу помет поросят!» И можно также вспомнить, что Магомет имел обыкновение повторять спутникам своим: «Три вещи заставляют меня любить этот мир: женщины, ароматы и свежесть души в молитве». Так воздадим поклонение Аллаху Всевышнему, который сумел соединить в женщинах все радости, наполняющие жизнь, и который обещал пророкам святым и правоверным как награду в раю дивных гурий. Но я вижу, что спор этот слишком разгорячил меня и заставил выйти из границ приличия, от которого никогда не должны отказываться женщины, в особенности же в присутствии шейхов и мудрецов. И я спешу попросить прощения у тех, кто мог бы к этому придраться или обидеться на это, и рассчитываю на их сдержанность по окончании этой беседы, ибо пословица говорит: «Сердце благородных мужей – могила для тайн!»

Когда Шахразада окончила эту историю, то сказала: – И вот все, о царь благословенный, что я могу припомнить из рассказов, содержащихся в цветущем саду ума и цветнике любовных приключений! И царь Шахрияр сказал: – Рассказы эти совсем очаровали меня и возбуждают во мне желание услышать еще одну историю! Шахразада ответила: – Я как раз думала об этом! И она тотчас начала:

Рассказ об удивительном халифе

Однажды ночью халиф Гарун-аль-Рашид, страдая бессонницей, позвал своего визиря Джафара и сказал ему: – Я желал бы найти себе этой ночью какое-нибудь развлечение! И они переоделись купцами и в сопровождении меченосца Масрура вышли из дворца потайным ходом. Дойдя до берега реки, они увидели старого лодочника, который собирался предаться сну. И они сказали ему: – О шейх, мы надеемся, что ты прокатишь нас по реке, чтобы мы могли насладиться свежестью ночного ветерка! И вот тебе динарий за труд! Но лодочник отвечал с ужасом: – Разве вы не видите, что к нам приближается судно, на котором находится халиф со своей свитой, а стоящий на носу глашатай кричит: «Запрещается знатным и простолюдинам кататься по реке! Виновный в нарушении приказа будет обезглавлен или повешен на мачте этого судна!» Тут Шахразада увидела, что близится утро, и умолкла. А когда наступила триста семидесятая ночь, она сказала:

Тогда Джафар сказал лодочнику: – Вот тебе два динария. Спрячь нас в лодке, чтобы мы могли видеть проезд халифа и его свиты. И старик усадил их в лодку, накинув на них черное покрывало, чтобы никто не мог их заметить. На приблизившемся судне они увидели прекрасного юношу на золотом троне. По правую руку от него стоял человек, удивительно похожий на Джафара, а по левую руку – походивший на Масрура. У подножия трона сидели двадцать певиц и столько же

игральщиц на разных инструментах. Тогда эмир воскликнул: – О Джафар, что ты думаешь об этом? Мой ум находится в страшном замешательстве. Тем временем судно успело удалиться, и, когда все вышли из лодки, халиф сказал старику: – О шейх мы чужестранцы и находимся здесь проездом; и мы любим развлекаться разными зрелищами. Хочешь взять десять динариев и ждать нас завтра в это же время? И лодочник согласился. Когда же следующей ночью они вновь увидели судно, заливающее воду ярким светом огней, халиф сказал лодочнику: – О шейх, возьми еще десять динариев, и вези нас по следам судна, и не бойся ничего, потому что нас не увидят, так как они залиты светом, а мы будем в потемках. И старый лодочник взял деньги и, трепеща от страха, начал бесшумно грести, держась следа судна. Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила триста семьдесят первая ночь, она сказала:

ночь триста семьдесят первая

Они подъехали к парку, судно пристало к берегу и вся свита высадилась из него. Старый лодочник незаметно причалил к берегу, и халиф со своими спутниками сошел на берег. Они смешались с толпой людей, державших в руках зажженные факелы, но вскоре были замечены мамелюками, которые схватили их и привели к прекрасному юноше. И он спросил: – Как попали вы сюда, и что вам нужно здесь? Они же отвечали: – Мы иностранные купцы и пришли сюда, не зная, что вход в этот сад воспрещен. И юноша сказал: – Если вы чужие в Багдаде, не бойтесь ничего! Не то я бы велел отрубить вам головы! Будьте сегодня нашими гостями! И они последовали за всеми и прибыли в великолепный дворец. И когда все насладились едой и напитками, юноша ударил по столу золотой палочкой. Тотчас в глубине залы распахнулись двери, и в нее вошли два негра, держа на плечах ложе из слоновой кости, на котором сидела прекрасная молодая невольница. Она взяла лютню и заиграла с таким искусством, что присутствующие обезумели от восторга. Потом она запела своим дивным голосом песнь о разлуке и любви.

Когда удивительный юноша услышал эту песнь, он вскрикнул, разорвал свои усеянные алмазами одежды и лишился чувств. И халиф, Джафар и Масрур успели заметить, что тело молодого человека носит следы ударов палки и кнута. Вскоре, однако, юноша пришел в себя. Он заметил, что трое приглашенных удивленно разговаривают в полголоса, и сказал им: – Почему этот удивленный вид и этот шепот? И Джафар ответил: – Мой товарищ сказал мне, что он объехал все страны и посетил много знаменитых людей и царей, но нигде не встречал человека столь великодушного, как наш хозяин. И он почувствовал изумление, видя, что ты разорвал платье, стоящее не менее десяти тысяч динариев. Тут Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила триста семьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь триста семьдесят вторая

И товарищ мой был безмерно удивлен, заметив на твоем теле рубцы и следы ударов розги и кнута! И он страстно желает узнать, благодаря какому приключению ты был подвергнут такому испытанию. При этих словах молодой человек улыбнулся и сказал: – Знайте, о господа мои, что я не халиф, а сын главы багдадских ювелиров. Зовут меня Мохаммад-Али, и мой отец оставил мне в наследство много золота, серебра, драгоценных камней, а кроме того лавки и склады. И однажды у дверей моей лавки остановилась молодая девушка в сопровождении трех других, и все они были подобны лунам. Девушка вошла в мою лавку и спросила: – Найдется ли среди твоих драгоценностей какая-нибудь красивая вещица, которая могла бы удовлетворить моему вкусу? И тогда я вспомнил о маленьком ожерелье, за которое отец мой заплатил сто тысяч динариев и которое я хранил в драгоценном ящичке, оберегая от всех любопытных взоров. И я открыл его с разными церемониями перед молодой девушкой, говоря при этом: – Не думаю, чтобы нашлось что-нибудь подобное этому у царей или султанов, как у малых, так и у великих! Когда девушка окинула взглядом это ожерелье, она воскликнула: – Вот чего я желала всю жизнь! И она сказала, что к назначенной мною цене в сто тысяч динариев прибавит еще пять тысяч динариев, чтобы ожерелье стало ее собственностью.

Потом она улыбнулась и добавила: – Я буду вечной твоей должницей из благодарности. Затем она быстро встала, вскочила на своего мула с удивительной легкостью и сказала мне: – О господин мой, не хочешь ли сейчас же отправиться со мною в мой дом с этим ожерельем и получить за него деньги? Верь мне, что для меня этот день, благодаря тебе, сделался слаще молока! Не желая противоречить ей, я приказал моим слугам запереть лавку и последовал за молодой девушкой до самого ее дома. Тут Шахразада увидела, что близится утро, и умолкла. Но когда наступила триста семьдесят третья ночь, она сказала:

ночь триста семьдесят третья

Мут я передал ей ожерелье, после чего она отправилась в свои покои, попросив меня дожидаться прихода менялы, который должен был выплатить причитавшиеся мне деньги. И тут ко мне подошла служанка и сказала: – О господин мой, госпожа моя просит тебя войти в приемную залу. И не успел я войти, как в глубине залы поднялся тяжелый занавес, и четыре молодых невольницы внесли

Cyril Corbie

золотой трон, на котором сидела молодая девушка с ожерельем на шее. При виде ее непокрытого лица я почувствовал, что сердце мое усиленно забилось. А она сделала знак слугам удалиться и сказала: – О ювелир Мохаммад-Али, знай, что я сестра великого визиря Джафара, что я люблю тебя и что я воспользовалась этим ожерельем только для того, чтобы заставить тебя прийти в мой дом. Услышав эти слова, я воскликнул: – Клянусь Аллахом, о госпожа моя, я не виноват. Ты сама была так великодушна, что приблизила меня к вратам твоего гостеприимства! Она же ответила: – Ты не должен упрекать себя ни в чем; я полная госпожа над своими поступками. Но скажи, хочешь ли ты взять меня к себе в качестве законной жены? И я воскликнул: – Конечно! Тогда она послала за кади и свидетелями. И тотчас же был написан наш брачный договор, и после нас оставили одних. Невольники принесли нам напитки, кубки и лютни, и мы пили вдвоем, пока не прояснились наши души! Тогда она взяла лютню и запела о радостях любви. А когда она кончила свою песнь, я взял у нее лютню и выразил ей стихами мою любовь. После этого мы увидели, что пора позаботиться о постели. Тогда я взял ее на руки... Дойдя до этого места рассказа, Шахразада увидела, что близится утро, и умолкла. А когда наступила триста семьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь триста семьдесят четвертая

И положил на роскошное ложе, которое приготовили для нас ее невольницы, и до самого утра держал ее в своих объятиях, как держат голубя, сложив в руке его крылья! И так я провел целый месяц без всякого перерыва, позабыв обо всех моих делах и о моей лавке. Но в первый день второго месяца супруга сказала мне: – Я должна уйти из дому на несколько часов, и я умоляю тебя не вставать с постели, пока я не вернусь домой. И я поклялся ей в том, что я не двинусь с места. Но не успела она выйти из дому, как в комнату вошла старуха и после приветствий сказала мне: – О господин мой Мохаммад, супруга эмира правоверных Сетт-Зобейда посылает меня к тебе, чтобы пригласить тебя во дворец, так как она желает видеть тебя и услышать твой голос. И советую тебе не медлить ни минуты, если ты не хочешь нажить себе врага! Эти слова заставили меня выйти из дому, несмотря на клятву, которую я дал моей супруге. Когда Сетт-Зобейда увидела меня, она улыбнулась и сказала: – Поистине, нисколько не преувеличивали те, которые описывали твои прекрасные манеры и твою изысканную речь. Я желала собственными глазами убедиться в выборе сестры Джафара. Благодарю, что ты пришел ко мне. Теперь поспеши вернуться домой раньше возвращения твоей супруги, чтобы она не подумала, что я хотела лишить ее твоей любви!

Тогда я поцеловал землю между рук ее и вышел из дворца. Когда же я пришел домой, жена моя уже вернулась. И она закричала: – Изменник! Ты не сдержал своей клятвы и отправился к Сетт-Зобейде! Но погоди, ты расплатишься за нее и за себя! И она захлопала в ладоши, и

Léon Carré

тотчас прибежал начальник евнухов ее дома, и она сказала ему: – Отруби сейчас же голову этому изменнику и лгуну! И евнух обнажил свой меч, завязал мне глаза и приготовился отрубить мне голову. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила триста семьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь триста семьдесят пятая

Но в эту минуту в комнату вошли невольницы и сказали: – О госпожа наша, прости его, потому что он не понимает всей важности своего проступка. Он не знал, что ничто не могло быть тебе столь неприятно, как его посещение твоего врага! И она ответила: – Хорошо, но я хочу оставить ему неизгладимую память его вины! И по ее приказу евнух взял кнут и дал мне пятьсот ударов по наиболее чувствительным частям моего тела. Вот отчего рубцы и шрамы, которые вы видели на моем теле. Когда истязание кончилось, она велела выбросить меня на улицу. И когда я пришел в сознание, я нашел искусного знахаря с легкой рукой, и он при помощи мазей и бальзамов залечил раны на моем теле и вернул мне здоровье. Тогда я продал все свои товары из лавки и купил юных мамелюков и судно, на котором вы видели меня этой ночью. И в компании друзей, один из которых был похож на Джафара, а другой на Масрура, я стал кататься по реке, отдаваясь иллюзии, что я халиф правоверных. Так я хотел отогнать от себя тяжелые мысли, преследовавшие меня с того дня, когда жена жестоко истязала меня.

Тогда Гарун-аль-Рашид попросил юношу разрешить ему и его товарищам удалиться. Вернувшись в свой дворец, он приказал привести к нему хозяина корабля. Когда того привели, он был до крайности изумлен, узнав в своем госте халифа, а тот спросил: – О Мохаммад-Али, желаешь ли ты, чтобы жена твоя вернулась к тебе, несмотря на ее проступок? И он ответил: – Все, что исходит из рук халифа, будет для меня милостью! Тогда халиф приказал Джафару привести сестру его, и, когда та явилась, он сказал ей: – Пусть прошлое остается прошлым, а в настоящем я желаю отдать тебя этому юноше в жены! И халиф повелел позвать кади и свидетелей и написать брачный договор, который на этот раз соединил молодых людей самым прочным образом, укрепляя за ними совершенное счастье. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста семьдесят шестая ночь, она начала следующую историю:

ночь триста семьдесят шестая

История Розы в Чаше и Услады Мира

Жил в давно прошедшие времена могущественный царь. И был у него визирь Ибрагим, а у того была дочь необычайной красоты и прелести. Она была одарена всякими совершенствами и отличалась замечательным умом и тонким обращением. Она очень любила изящество стихов и рассказы о необыкновенных вещах. И так прелестна, так кротка и так дивно хороша была эта девушка, что назвали ее Розой в Чаше. Однажды она сидела у окна и любовалась игрой в мяч. И среди игроков увидела она молодого человека с чарующим лицом и улыбкой, обнаруживавшей весело сверкавшие зубы, с гибким станом и широкими плечами. Ей так приятно было смотреть на него, что она позвала свою кормилицу и спросила у нее: – Как зовут того дивного юношу, который стоит вон там среди играющих? И кормилица ответила: – Его зовут Радость Мира. Однако я хочу сказать тебе, как опасна любовная страсть и что она может причинить много страданий и болезней. Выслушав такие слова, Роза в Чаше сказала: – О кормилица, не знаешь ли ты средство, излечивающее от любви? И кормилица ответила: – Знаю. Соединение с предметом любви! И Роза в Чаше спросила: – А как достигнуть такого соединения? И кормилица сказала: – Для этого стоит только обменяться письмами, наполненными ласковыми словами, приветствиями и лестными изъявлениями – это лучшее средство для соединения друзей. И если у тебя есть, о госпожа моя, что-нибудь на сердце, не бойся довериться мне, ибо никто не сумеет лучше меня послужить тебе и глазами, и головой, чтобы исполнить твои желания. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста семьдесят седьмая ночь, она сказала:

Когда Роза в Чаше услышала эти слова кормилицы, она обезумела от радости, но все же спросила: – О кормилица, сумеешь ли ты сохранить мою тайну? И получив в том уверение, она отдала ей бумагу, на которой были написаны стихи, и сказала: – Передай это как можно скорее Радости Мира и принеси ответ! И кормилица выполнила эту просьбу. Когда же Радость Мира развернул бумагу и прочитал ее, он написал на оборотной стороне листка следующие строки:

Вчера еще от всех оков свободный,
Любви не знал я сердцем безмятежным!
Проснулся ж ныне – и горю любовью.

Написав это, он сложил листок, поцеловал его и передал кормилице, сказав: – Мать моя, надеюсь на твою доброту, чтобы расположить твою госпожу в мою пользу! И кормилица взяла записку и поспешила вернуться к своей госпоже. А Роза в Чаше, развернув и прочтя ее, написала внизу следующие строки:

Не позабудь, что первый долг влюбленных
Скрывать любовь свою! Страшись ты
Пред чуждым взором приподнять покров,
Что нас хранит от строгих сторожей.

В этом месте рассказа своего Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. Но когда наступила триста семьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь триста семьдесят восьмая

Затем она сложила листок и передала его кормилице. Та же, выходя из дворца, повстречалась с отцом Розы в Чаше, и она была так смущена этой встречей, что не заметила, как выронила записку из складок своего пояса. А визирь поднял листок, развернул его и, присмотревшись к почерку, узнал руку дочери своей Розы в Чаше. Тогда он принес записку своей супруге, и та увидела, что это переписка между ее дочерью и Радостью Мира. Слезы подступили у нее к глазам, но она сдержала свое волнение и сказала визирю: – О господин мой, нужно подумать, как скрыть всю эту историю! Мои опасения имеют причину в том, что Роза в Чаше является любимицей султана. И тогда визирь решил выстроить на дальней горе за морем неприступный дворец, чтобы запереть в нем Розу в Чаше, снабдив ее припасами и дав ей людей, которые служили бы ей и составляли бы для нее общество. И плотники, каменщики и зодчие выстроили неприступный дворец – такой, что ничего подобного не видывали на свете.

Тогда визирь пришел к своей дочери и велел ей собираться в путь. Такой приказ заставил Розу в Чаше почувствовать всю тоску разлуки, и слезы ручьем потекли у нее из глаз. И чтобы уведомить Радость Мира, как сильна ее пламенная страсть, способная растопить самые твердые скалы, она написала на воротах следующие строчки:

Что поднести нам собралась судьба?
Смешала я напиток этот горький
С покорностью! Но вижу я, увы,
Что мне покорность не дает забвенья!

В этом месте рассказа своего Шахразада увидела, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила триста семьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь триста семьдесят девятая

Написав это на воротах, она села в свой паланкин, и караван тронулся в путь. Они проехали долины и пустыни, пересекли на корабле море и водворили молодую девушку во дворце на вершине горы. А Радость Мира, проезжая мимо ворот визиря, заметил на них стихи и едва не лишился чувств, прочитав их. Он был так взволнован, что, полный забот и тревог, пошел, куда глаза глядят. И глубоко огорченный, шел он по долинам и пустыням, пока не увидел перед собою льва с густою гривою, с головою, огромной, как купол, с пастью шире ворот и с зубами, подобными слоновым клыкам. Увидев это, он ни минуты не сомневался в том, что погиб; и он повернулся в сторону Мекки, произнес исповедание веры и приготовился к смерти. Однако в эту минуту он вспомнил, что читал в старых книгах, что лев чувствителен к лести и именно таким путем он дает приручить себя. Тогда Радость Мира начал говорить следующее: – О лев лесов, о лев долин, о лев неустрашимый, о вождь, которого боятся смелые, о царь зверей, ты видишь перед своим величием несчастного влюбленного, разбитого разлукой, доведенного страстью до безумия. Сжалься над моей тоской и над моим горем! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста восьмидесятая ночь, она сказала:

ночь триста восьмидесятая

Услышав эту речь, лев принялся играть хвостом, а потом встал и с глазами полными слез кротко подошел к Радости Мира и стал лизать ему руки и ноги. Потом он сделал знак, приказывая следовать за собою, и пошел впереди. Радость Мира пошел за львом, и так шли они некоторое время, а потом в долине он увидел следы каравана; лев же повернулся и пошел назад своей дорогой. А Радость Мира пошел по следам каравана и таким образом добрался до берега бушующего моря. Тут понял он, что купцы продолжили путь на корабле, и потерял всякую надежду когда-нибудь найти свою возлюбленную. Тогда он заплакал и сказал такие стихи:

Моя подруга далеко; терпенье
Мое иссякло – как добраться к ней
Чрез бездны моря? Как мне покориться,
Когда моя вся внутренность пылает,
И мирный сон бессонницей сменился?

Однако подумав, что в этой пустыне можно сделаться жертвой диких зверей, он взобрался на высокую гору, с вершины которой, из пещеры, раздавался человеческий голос. Он внимательно прислушался и узнал, что это голос отшельника, покинувшего мир и предавшегося благочестию. Тогда он вошел в пещеру... В этом месте рассказа своего Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста восемьдесят первая ночь, она сказала:

ночь триста восемьдесят первая

Он вошел в пещеру, пожелал мира отшельнику, а тот спросил: – Зачем ты пришел? В ответ Радость Мира рассказал все, что с ним случилось. И отшельник сказал ему: – Я уже двадцать лет живу здесь и никогда никого не видел здесь с тех пор, как пришел сюда, но вчера слышал я плач и шум, и когда посмотрел я в ту сторону, то увидел толпу людей и палатки на берегу моря. Потом я видел, как люди эти построили корабль, сели на него и исчезли. Немного времени спустя они вернулись, но их было меньше. И думаю я, что ты ищешь именно тех, которые не возвращались. В эту ночь я буду молиться и спрошу Аллаха, как должен ты поступить.

А Роза в Чаше, осмотрев дворец, в котором очутилась, велела своим приближенным расставить силки, чтобы ловить живших на острове птиц, сажать их в клетки и приносить клетки во дворец. Приказ ее был немедленно исполнен. Тогда Роза в Чаше села у окна и предалась воспоминаниям. И это разбудило в ней прежнюю пламенную страсть, жгучие желания и порывы, и заставило проливать слезы сожаления, в то же время приводя на память строчки, которые она и принялась читать вслух:

Кому излить мне жалобы любви,
Что причиняет мне разлука с другом?
Как мне забыть его, ведь он мой друг,
Моя душа и сердце, и недуг,
И скорбь моя, и врач мой всемогущий!

И когда наступила темная ночь, Роза в Чаше почувствовала, что желания пробуждаются в ней с новою силою. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста восемьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь триста восемьдесят вторая

Отшельник же после молитвы сказал Радости Мира: – Знай, что в долине растут тыквы. Спустись вниз, собери побольше высохших тыкв, свяжи их вместе и брось в море. Садись на этот плот, течение понесет тебя в открытое море, и ты достигнешь желаемой цели. И когда Радость Мира поплыл на своем плоту из тыкв, ветер понес его, и он был игрушкой бури целых три дня и целых три ночи, пока судьба не выбросила его к подошве горы, на вершине которой жила теперь Роза в Чаше. Он нашел ручей с проточной водой, утолил жажду, а затем направился внутрь острова. И там он нашел величественный дворец с крутыми стенами. И вскоре отворились ворота, из которых вышел евнух и спросил его: – Откуда ты и как добрался сюда? Он же ответил: – Я из Испагани! Мой корабль разбился, и море выбросило меня на этот остров. Услышав эти слова, невольник бросился на шею Радости Мира и воскликнул: – О друг мой! Испагань – моя родина, но, когда я был ребенком, меня похитили, сделали евнухом и продали. Сообщив это, он ввел Радость Мира в главный двор дворца. Там на ветвях деревьев висели серебряные клетки, в которых щебетали птицы, благословлявшие Творца. Он подошел к первой клетке и увидел, что в ней сидит горлица, которая сейчас же издала крик означавший: «О великодушный!» Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста восемьдесят третья ночь, она сказала:

ночь триста восемьдесят третья

Затем он подошел ко второй клетке, в которой увидел вяхиря. И как только заметила его птица, так сейчас же запела: – О Предвечный! Славословлю тебя! Потом он подошел к третьей клетке и нашел в ней соловья, который, как только увидел его, стал петь. И, слушая его, Радость Мира сказал такие строчки:

О как меня пленяет соловей
Своею нежной песнею, похожей
На томное стенание влюбленных!
Жалейте их! Они без сна проводят
Свои все ночи в муках и тоске!

Затем он подошел к четвертой клетке и увидел в ней птицу бульбуль, которая тотчас же издала несколько жалобных переливчатых звуков. Слушая их, Радость Мира глубоко вздохнул, а потом продекламировал:

О как душа восторгами трепещет!
Я о далекой милой вспоминаю,
И слез потоки льются из очей,
И вновь огнем вся внутренность пылает!
О да дарует, наконец, Аллах
Влюбленному свидание с подругой
И наслажденье чарами ее!

В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста восемьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь триста восемьдесят четвертая

Потом Радость Мира увидел дивную клетку, в которой сидел дикий голубь, а на шее у него было ожерелье из превосходного жемчуга. Услышав его жалобную песню влюбленного узника с печальным взглядом, Радость Мира произнес такие строчки:

О как найду в себе еще я силы,
Чтоб жить вдали от милой?
Ведь она мой свет и жизнь,
И все мое желанье!

Потом Радость Мира обратился к испаганскому евнуху и спросил его: – Что это за дворец, и кто живет в нем? Тот ответил: – Его построил визирь царя такого-то для своей дочери, чтобы оберечь ее от превратностей судьбы. И здесь отворяют ворота только раз в году, когда нам присылают съестные припасы! Услышав эти слова, Радость Мира подумал: «Я достиг своей цели! Но как тяжело так долго не видеть милую».

А Роза в Чаше с тех пор, как привезли ее в этот дворец, перестала находить удовольствие в пище и питье и потеряла сон. Она стала целые дни напролет бегать по дворцу и искать какого-нибудь выхода, но поиски эти оставались безуспешными. Тогда Роза в Чаше поднялась на террасу дворца... Тут Шахразада увидела, что наступает утро и умолкла. А когда наступила триста восемьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь триста восемьдесят пятая

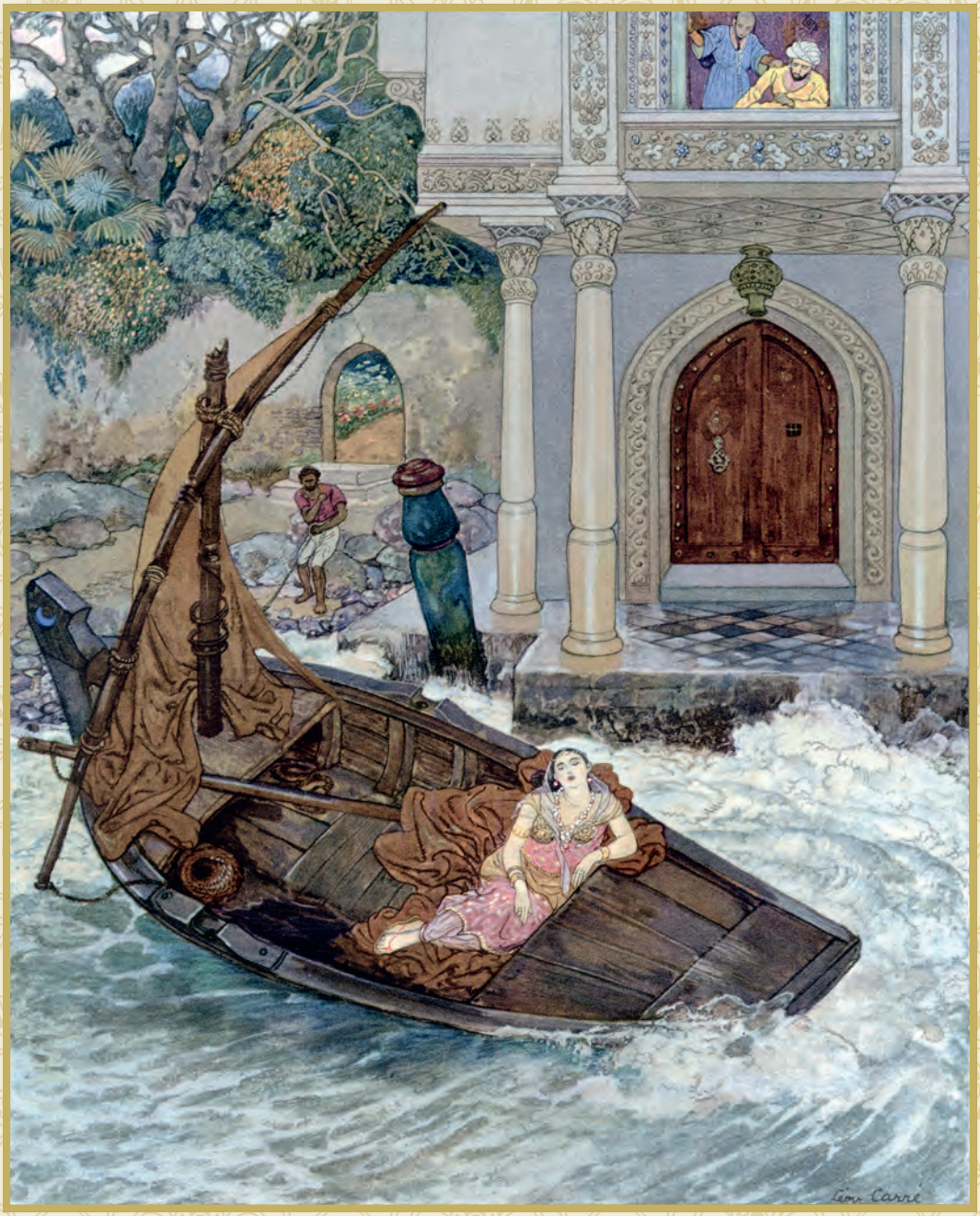
Роза в Чаше старательно обвязалась крепкими тканями и скользнула вдоль стены на землю. Она пришла на морской берег и увидела рыбака, который сидел в своей лодке и удил рыбу. И Роза в Чаше стала звать его, делая разные знаки, и рыбак приблизился и, пораженный ее красотой, сказал: – Садись ко мне в лодку, я готов отвезти тебя, куда бы ты ни пожелала! Когда же они отплыли от берега, поднялся сильный ветер, и лодка полетела так быстро, что скоро берега уж не стало видно. Через три дня буря утихла, и лодка приплыла к городу, лежавшему на берегу моря. Царь же того города, которого звали Дербасом, увидел из окна дворца причалившую лодку и приметил в ней прекрасную девушку, на шее которой было ожерелье из чудных самоцветных камней. И понял Дербас, что это, вероятно, дочь какого-либо властителя. Он вышел из дворца, направился к морскому берегу и спросил

у нее: – Откуда ты и по какой причине прибыла сюда? Она же ответила: – Я дочь визиря Ибрагима. Затем рассказала она царю всю свою историю, с начала и до конца, не скрывая от него ничего. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста восемьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь триста восемьдесят шестая

Когда царь услышал рассказ девушки, он ни минуты не сомневался в том, что она глубоко страдает от любви; он пожалел ее и сказал: – Не бойся и не опасайся ничего, ты достигла цели! Я готов помочь тебе в твоем деле и прислать тебе того, кого ты призываешь! И он позвал своего визиря и приказал ему приготовить несметное количество тюков с подарками и двинуться в путь, чтобы отвезти их отцу Розы в Чаше. И сказал он визирю: – Кроме того, ты должен непременно привезти оттуда человека по имени Радость Мира. И царь Дербас написал по этому поводу разъяснительное письмо, отдал его визирю, повторил ему свои приказания относительно Радости Мира и сказал ему: – Знай же, что, если ты не привезешь его ко мне, я отставлю тебя от должности! А тот сказал: – Слушаю и повинуюсь! И тотчас же пустился в путь со всеми подарками. Прибыв к отцу Розы в Чаше, он передал ему привет от царя Дербаса и вручил ему письмо и подарки. А тот при чтении письма, в котором говорилось о Радости Мира, сказал визирю: – Увы, где теперь Радость Мира? Он исчез. И мы не знаем, где он теперь находится. И если бы ты мог вернуть его мне, я бы дал тебе подарков вдвое больше против того количества, которое ты привез мне! Возвращайся к своему государю и скажи ему об этом. Визирь же ответил: – О государь, мой господин при расставании сказал мне: «Если не привезешь Радость Мира, ты будешь отставлен от должности визиря». Как же посмею я возвратиться без этого молодого человека? Тогда царь повернулся к своему собственному визирю, Ибрагиму, отцу Розы в Чаше, и сказал ему: – Ты возьмешь сильный конвой и поможешь визирю-послу в поисках Радости Мира! И ответил тот: – Слушаю и повинуюсь! Долго путешествовали они, и каждый раз, как попадались им на пути бедуины или караваны, спрашивали, не знают ли чего о Радости Мира. И говорили они: – Не видели ли вы такого-то человека, носящего такое-то имя, а приметы его такие-то! И люди отвечали им... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста восемьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь триста восемьдесят седьмая


Léon Carré

Мы такого не знаем. И продолжали они спрашивать в городах и селениях и искать в долинах и горах до тех пор, пока не доехали до берега моря. Тогда сели они на корабль, поплыли по морю и вскоре пристали к острову, на котором томилась ранее Роза в Чаше. Они сошли на берег, подошли к дворцу и толкнули дверь. И она тотчас же отворилась, и вышедший евнух узнал визиря Ибрагима, отца Розы в Чаше. Он поцеловал у него руку и ввел его и спутников во дворец. Войдя во двор, Ибрагим заметил человека жалкого вида, которого он не узнал и который и был Радостью Мира. Поэтому он спросил: – Откуда взялся этот человек? И ему ответили: – Это несчастный купец, потерпевший кораблекрушение и лишившийся всех своих товаров. Визирь не стал больше расспрашивать и вошел во дворец. Он направился в комнаты дочери, но не нашел ее там. Тогда поднялся он на дворцовую террасу и нашел там ткани, привязанные к зубцам и висящие до самой земли. Тогда понял он, каким образом убежала его дочь, обезумевшая от любви и горя. И сошел он затем с террасы... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста восемьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь триста восемьдесят восьмая

И приказал невольникам идти искать в горах свою госпожу. И невольники повиновались, но не нашли ее. А визирь царя Дербаса, увидав, что визирь Ибрагим потерял всякую надежду разыскать дочь и Радость Мира, решился вернуться в город царя Дербаса, несмотря на то что не мог исполнить возложенное на него поручение. Прощаясь с отцом Розы в Чаше, он сказал, указав на молодого человека: – Мне хотелось бы увезти его с собою. Может быть, благодаря его молитвам Аллах тронет сердце господина моего и помешает ему лишить меня должности! Визирь Ибрагим ответил ему: – Делай, как хочешь! И визирь царя Дербаса взял с собою молодого человека, далекий от мысли, что это и есть Радость Мира. И они начали свой путь и вскоре прибыли в город царя Дербаса. Тот же послал сказать своему визирю: – Если Радость Мира не приехал с тобою, не смей являться ко мне на глаза! Но когда визирь рассказал об этом своему спутнику, Радость Мира сказал: – Приведи меня к царю – я беру на себя доставить сюда Радость Мира! После этого визирь сел на лошадь и вместе с ним поехал к царю. И молодой человек сказал царю: – О великий царь, я знаю, где находится Радость Мира! Но скажи мне прежде, зачем он тебе нужен. И когда царь рассказал ему всю историю с начала до конца, Радость Мира сказал царю: – Вели принести мне роскошную одежду, и я сейчас же приведу к тебе Радость Мира! И когда Радость Мира оделся, он воскликнул: – Я и есть Радость Мира, бедствие завистников! Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста восемьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь триста восемьдесят девятая

Тогда удивленный царь подробно рассказал ему все о Розе в Чаше. А Радость Мира спросил его: – Можешь ли теперь сказать мне, где она находится? И царь ответил: – Она у меня во дворце! И тотчас же велел он привести кади и свидетелей и приказал им составить договор о браке Розы в Чаше и Радости Мира. Затем он немедленно отправил к отцу Розы в Чаше гонца с известием обо всем случившемся, и тот был чрезвычайно обрадован и послал царю Дербасу письмо, в котором говорил: «Так как брачный договор уже составлен, я желаю, чтобы свадьба и свадебный пир происходили в моем дворце». И тотчас же приказал он приготовить верблюдов, лошадей и людей и послал их за нареченными молодыми супругами. Всем был памятен день их прибытия в Испагань, где царствовал отец Розы в Чаше. Чтобы отпраздновать свадьбу, царь созвал всех музыкантов и задал большие пиры. И три дня продолжались празднества, во время которых царь раздал много денег народу и многим подарил почетное платье.

Что же касается новобрачных, то Радость Мира по окончании первого брачного пира вошел ночью в брачный покой Розы в Чаше, и они бросились друг к другу в объятия. Они прижались друг к другу и обнялись, и долго длилось их объятие, пока не упали они, истомленные счастьем и наслаждением. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста девяностая ночь, она сказала:

ночь триста девяностая

Их наслаждение, их счастье и их радость были так сильны, что прошло долгих семь дней и долгих семь ночей, а они и не замечали течения времени и его перемен, как будто прошло не семь суток, а один только быстротечный день. А после вернулись они во дворец и прожили они свою жизнь в блаженстве и счастье до той минуты, когда посетила их вечная Разлучница и Разрушительница радостей! Слава Вечному и Неизменному, в Котором сосредоточивается все сущее! Но не думай, о царь благословенный, – продолжала Шахразада, – что этот рассказ походит на Волшебную историю деревянного коня! И царь Шахрияр сказал: – О Шахразада, меня восхитила история про верных любовников. Поэтому я готов выслушать твою новую волшебную историю, которая мне еще неизвестна! И Шахразада сказала:

Волшебная история коня из эбенового дерева

Мне сказывали, о царь благословенный, что в стародавние времена жил могущественный персидский царь по имени Сабур, который обладал всякого рода сокровищами, а также величайшею мудростью и прозорливостью. У него было три дочери, сиявших как три луны на ясном небе, и сын, имя которому было Камар-аль-Акмар*. Ежегодно давал царь два празднества своему народу: одно в начале весны, праздник Нуруза, и другое осенью, праздник Михргана; и по случаю этих праздников раздавал он деньги и щедроты свои. И однажды, во время одного из таких празднеств, подошел к нему персидский ученый, который преподнес ему коня из эбенового дерева, самого темного и редкого цвета, инкрустированного драгоценными камнями и золотом. И было на том коне дивное седло и уздечка, и стремена, как то бывает только на царских конях. И изумился царь Сабур при виде красоты и совершенств этого коня, а потом спросил: – Какими же качествами обладает этот конь? И персиянин ответил: – О государь, конь этот обладает дивным свойством: как только сядешь на него, он летит со своим всадником по воздуху с быстротой молнии и несет его, куда тот пожелает, пролетая в один день расстояние, которое обыкновенный конь мог бы пробежать только в год времени. До крайности изумленный царь сказал персиянину: – Клянусь всемогущим Аллахом, если слова твои подтвердятся, обещаю исполнить все твои желания!

Тогда персидский же ученый сел на деревянного коня, заставил его подняться на воздух, с необыкновенной быстротой описал в воздухе обширный круг и вернулся обратно. Увидев это, царь Сабур оцепенел от изумления, а потом сказал персиянину: – О славный ученый, теперь я убедился, что ты сказал мне правду. Проси же у меня, что желаешь! Тогда ученый ответил...

Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила триста девяносто первая ночь, она сказала:

* *Камар-аль-Акмар* – луна из лун.

ночь триста девяносто первая

Тогда ученый ответил: – Прошу тебя, мой государь, выдать за меня замуж твою младшую дочь! Царь же ответил: – Твое желание будет удовлетворено! А это случилось в то время, когда царские дочери сидели за занавесом приемной залы, и они слышали слова царя. И меньшая из сестер принялась всматриваться в персиянина и увидела, что это был поседевший от времени глубокий старец. Голова эта тряслась, брови съела короста, глаза косили и были красны, щеки были дряблы, желты и усеяны рябинами, нос напоминал толстый черный баклажан, а лицо было измято, как фартук башмачника. Тогда царевна побежала в свою комнату, бросилась ничком на пол и стала рыдать и стонать от горя. Между тем царевич Камар-аль-Акмар вошел к ней в комнату и спросил, что случилось. И царевна ответила: – О брат мой, знай, что отец обещал меня безобразному старику-ученому, и мне лучше умереть! Брат принялся успокаивать ее, а потом поспешил к отцу и спросил: – Что это за ученый, которому ты обещал меньшую сестру мою? И какой это дар принес он тебе, что из-за него ты решил уморить от горя сестру мою? А персиянин был тут же и слышал слова царского сына, которые взбесили его. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста девяносто вторая ночь, она сказала:

ночь триста девяносто вторая

Но царь ответил Камар-аль-Акмару: – О сын мой, если бы ты знал, какого коня подарил мне ученый, ты бы не удивлялся этому. И тотчас же приказал он рабам привести волшебного коня. И царевич восхитился им. А так как он был превосходным наездником, то быстро вскочил на него и, поставив ноги в стремена, пришпорил его. Но конь не двинулся с места. Тогда царь сказал ученому: – Подойди и посмотри, почему он не двигается. Персиянин же, рассердившийся на царевича за то, что тот противился его браку, сказал ему: – Вот тут у седла справа есть золотой винтик; им и поднимают коня на воздух. И царевич повернул винтик, и конь тотчас же взвился и поднялся на такую высоту, что царь скоро потерял его из виду. Тогда он встревожился и спросил персиянина, как вернуть коня обратно. А тот ответил: – О государь, ты увидишь своего сына лишь в день воскресения мертвых. Ведь царевич не дал мне времени объяснить ему, как

следует пользоваться вторым винтиком; он слушался только своего самомнения и слишком скоро привел в движение коня! Тогда царь пришел в бешенство и приказал рабам отколотить персиянина палками и бросить затем в самый мрачный из казематов.

Царевич же, продолжая лететь вверх, скоро понял, какая грозит ему опасность, и какая ужасная смерть ждет его в этих небесных краях. Однако он был сметлив и быстро нашел крошечный винтик на левой стороне седла. Он повернул его, и тотчас же конь стал спускаться вниз. Царевич же стал поворачивать то один, то другой винтик, тянуть уздечку то вправо, то влево, освоив все движения коня. Тогда поднялся он на умеренную высоту и начал наслаждаться чудным зрелищем, развертывавшимся у него под ногами. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста девяносто третья ночь, она сказала:

ночь триста девяносто третья

Между тем день стал клониться к вечеру, и царевич стал смотреть вокруг себя, ища места для спокойного и безопасного ночлега. Наконец, выбор его пал на высокий дворец, стоявший в самой середине какого-то города. Он направил туда своего коня, который, как утомленная птица, тихонько опустился на кровлю дворца. Тогда царевич сошел с коня, а поскольку он ничего не ел и не пил со времени своего отъезда, он решил поискать себе пищи. Он спустился по лестнице вниз и очутился на широком дворе, вымощенном мрамором и алебастром. Но напрасно смотрел он направо и налево; ни одной человеческой души не было видно вокруг. И тут он заметил свет внутри дворца; подойдя ближе, он увидел, что это свет факела, поставленного у изголовья спящего черного евнуха. Он громко храпел и был похож на эфрита из тех, что подчинены Солейману, или на какого-нибудь духа из племени черных джинов. Рукоятка его меча сверкала от пламени факела, а над его головою, на гранитной колонне, висел мешок с его провизией.

При виде этого страшного негра, царевич прошептал: – О Аллах! О единый властитель неба и земли, избавь меня от зла, могущего приключиться со мною в этом дворце! Сказав это, он протянул руку к мешку с припасами негра, осторожно взял его и вышел из комнаты. Открыв мешок, он нашел в нем пищу лучшего качества и съел все, что было внутри; подкрепив, таким образом, свои силы. Затем он пошел к бассейну во дворе и утолил жажду чистой и сладкой водой. Потом он вернулся к евнуху, повесил мешок на прежнее место, вынул меч невольника из ножен и вышел, не зная, что пошлет ему судьба. Он вошел во дворец и дошел до двери, прикрытой бархатным занавесом. Приподняв его, он увидел широкое ложе из слоновой кости, инкрустированное жемчугом и рубинами. На ложе он увидел... В этом месте рассказа своего Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста девяносто четвертая ночь, она сказала:

Léon Carré

ночь триста девяносто четвертая

На ложе он увидел девушку, длинные волосы которой заменяли ей рубашку! Она была так прекрасна, что ее можно было принять за восходящую луну. Щеки ее походили на два нежно-красных анемона, их блеск оттенялся двумя нежными родинками с каждой стороны. При виде этой красоты, прелести и изящества Камар-аль-Акмар едва не лишился чувств. Он подошел к спящей девушке и, трепеща от радости и сладострастия, поцеловал ее в правую щеку. Девушка проснулась от этого поцелуя и воскликнула: – Кто ты и кто привел тебя сюда? Он же ответил: – Моя судьба и мое счастье! Я твой раб, влюбленный в твои глаза! При этих словах царевна Шамзеннахар сказала молодому человеку: – Быть может, ты сын индийского царя, просившего вчера моей руки, которому отец отказал? Но красота твоя покоряет меня, о господин мой! И она поцеловала его, и он поцеловал ее, и оба слились в объятиях, лаская друг друга то нежно, то дерзко.

Но в это время проснулись служанки и, увидав царевну с царевичем, закричали от волнения и побежали будить евнуха, спавшего у дверей. Выслушав их, он хотел схватиться за меч, но его не оказалось в ножнах. Он заглянул в залу, увидел на кровати молодого человека ослепительной наружности и воскликнул: – О господин мой, если ты человек, а не джин, то наша молодая госпожа достойна твоей красоты! При этом он тотчас побежал к царю, громко крича, раздирая одежды свои и посыпая себе голову пылью. Услышав крики обезумевшего негра, царь спросил у него: – Какое несчастье случилось с тобой? И евнух ответил...Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста девяносто пятая ночь, она сказала:

ночь триста девяносто пятая

О царь, поспеши на помощь к своей дочери: джин в образе царского сына овладел ею! Услышав слова евнуха, царь пришел в бешенство и бросился к комнатам царевны, где нашел бледных и дрожавших служанок. И он спросил у них: – Что случилось с моей дочерью? Они же отвечали: – О царь, когда мы проснулись, то увидели в кровати царевны юношу, и мы не можем сказать, джин он или человек. Но мы можем уверить тебя, что он любезен, скромен, благовоспитан и не способен ни на что, заслуживающее порицания! Тогда царь охладел в своем гневе; со всевозможными

предосторожностями он приподнял немного занавес и увидел лежащего около его дочери и мило разговаривающего очаровательного царевича, лицо которого сияло, как полная луна. Но это зрелище возбудило его отцовскую ревность и опасения относительно сохранения чести его дочери. Поэтому он бросился на них с мечом, но царевич, еще издали заметивший его и узнавший у девушки, что это ее отец, сам схватился за меч и так страшно закричал перед лицом царя, что тот испугался и спросил самым любезным тоном: – О юноша, человек ты или джин? И тот ответил: – Я царевич из рода Хозроев, которые, если бы захотели овладеть твоим царством, сбросили бы тебя с трона, как игрушку! Скажи мне, мог ли бы ты найти для своей дочери лучшего мужа, чем я? Видел ли ты когда-либо человека более бесстрашного или лучше одаренного, более богатого войском, рабами и землями? И царь ответил: – Нет, клянусь Аллахом! Но я желал бы, чтобы ты сделался супругом моей дочери перед лицом кади и свидетелей! И царевич ответил: – Тебе остается одно из двух... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста девяносто шестая ночь, она сказала:

ночь триста девяносто шестая

ли ты выйдешь со мной на поединок, и победивший получит престол царства, или же ты оставишь меня здесь с твоей дочерью на всю эту ночь, а завтра вышлешь против меня всех твоих всадников и рабов и скажешь им: – Этот человек просит у меня руки дочери под условием, что обратит вас всех в бегство. Если я буду убит, твоя тайна не будет раскрыта и твоя честь будет спасена. Если же я останусь победителем, ты найдешь зятя, которым могли бы гордиться славнейшие цари! И царь согласился на второе предложение, хотя был ошеломлен такою самоуверенностью и был уверен, что молодой человек погибнет в неравной борьбе. До утра он беседовал с молодым царевичем, поскольку не хотел оставлять его одного с дочерью. А на рассвете он приказал выстроить в боевом порядке войска и сказал молодому человеку: – Смелей, сын мой! Покажи нам свою доблесть! Но где же твоя лошадь? Если хочешь, можешь взять любого из моих скакунов. Но царевич ответил: – Ни одна из твоих лошадей мне не нравится, я сяду только на ту, которая привезла меня в твой город! Она стоит на крыше твоего дворца.

При таких словах царь воскликнул: – О сумасброд! Вот вернейшее доказательство твоего безумия! Разве лошадь может очутиться на крыше? Потом он сказал своему военачальнику: – Беги во дворец и возвратись сказать мне, что ты там видел. И принеси мне все, что найдешь на крыше! И посланный приехал во дворец и, взойдя на крышу, нашел там коня, показавшегося ему необыкновенно красивым, но, подойдя поближе и рассмотрев его, он увидел, что конь сделан из дерева и слоновой кости! И тогда... Но тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста девяносто седьмая ночь, она сказала:

ночь триста девяносто седьмая

И он приказал невольникам поднять деревянного коня и принести его царю. И тот, увидав коня, много любовался им, а молодой царевич сказал: – О царь, смотри хорошенько! Я вскочу на коня и галопом помчусь на твои войска, которые рассею вправо и влево; и я вселю страх и ужас в сердца твоих воинов! И Камар-аль-Акмар оперся рукою о шею коня и одним прыжком вскочил в седло. Затем он повернул винтик, поднимавший коня, и тотчас же конь запыхтел, затоптался на одном месте, бока его затрепетали, раздулись, и он быстрее стрелы взвился со своим всадником прямо к небу! Увидав это, царь едва сам не улетел от изумления и бешенства, и он закричал своим военачальникам: – Ловите его! Он ушел от нас! Но те ответили ему: – О царь, разве человек может угнаться за птицей, у которой есть крылья?

Тогда взволнованный царь вернулся к дочери и рассказал ей обо всем происшедшем. А молодая девушка, узнав об исчезновении царевича, пришла в такое отчаяние, что опасно заболела и лежала на своей постели в жару и предавалась мрачным мыслям. И что бы ни говорил ей отец, и как ни утешал ее, она не слушала и не хотела утешиться! Напротив, она еще больше рыдала, плакала, стонала, вздыхала и говорила: – Клянусь Аллахом, не хочу ни есть, ни пить до тех пор, пока Аллах не соединит меня с моим милым. Я буду только плакать и погружаться в отчаяние! И отец ее, видя, что не может утешить тоскующую дочь свою, сам очень огорчился, и печаль проникла к нему в сердце, и весь мир потемнел в его глазах. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста девяносто восьмая ночь, она сказала:

ночь триста девяносто восьмая

Царевич же Камар-аль-Акмар повернул голову своего коня в сторону родной земли, и вскоре благодаря быстрому его полету вернулся в город своего отца. Здесь он нашел отца, мать и сестер своих в траурных одеждах. И отец, увидав его и убедившись, что это действительно его сын, бросился к нему на шею и прижал к груди своей в порыве безумнейшей радости и беспредельного волнения, а мать и сестры плакали, рыдали, наперерыв покрывали его поцелуями, прыгали и танцевали от радости и счастья. Когда же все немного успокоились, Камар-аль-Акмар рассказал им все,

что приключилось с ним. И царь устроил большие празднества народу своему, но царевич, несмотря на все увеселения, никак не мог забыть царевны Шамзеннахар и постоянно думал о ней и во время еды, и во время питья. И не в силах противиться волновавшему его чувству, он вскочил на деревянного коня, и, повернув винтик, снова взлетел на воздух, и вскоре прибыл в знакомый ему город. Он спустился на кровлю дворца, осторожно сошел с лестницы, чтобы не шуметь, и направился к покоям царевны. Евнух спал, как и всегда, у дверей; он перешагнул через него и, войдя в комнаты, подошел ко второй двери. Как можно тише приблизился он к занавесу и прежде, чем приподнять его, внимательно прислушался. И услышал он, как возлюбленная его горько рыдала. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила триста девяносто девятая ночь, она сказала:

ночь триста девяносто девятая

Тогда царевич почувствовал, что сердце его разрывается в клочки. Не медля, приподнял он занавес и вошел в комнату. Увидав его, девушка бросилась к нему, обвила руками его шею, покрыла лицо его поцелуями и воскликнула: – О как я страдала от твоего отсутствия! Если бы ты не пришел теперь, я, наверное, умерла бы! Как мог ты решиться покинуть меня? Как жизнь моя сладостна около тебя! Он же сказал: – Прежде всего, принеси мне какой-нибудь пищи и питья, я голоден и изнемогаю от жажды. Тогда девушка приказала служанкам принести еду и питье; и оба принялись есть, пить и беседовать до тех пор, пока ночь не стала приходить к концу. И когда стало светать, Камар-аль-Акмар стал прощаться, чтобы уйти до пробуждения евнуха; и он сказал Шамзеннахар: – Клянусь тебе, что каждую неделю буду возвращаться к тебе! При этих словах она разразилась рыданиями и воскликнула: – Именем всемогущего Аллаха, заклинаю тебя, возьми меня с собою и увези куда хочешь, лишь бы не страдать мне от горечи разлуки! И он сказал на это: – Так вставай и едем! И она надела на себя все, что было самого драгоценного и прекрасного, не забывая ни ожерельев, ни перстней, ни браслетов, и вышла со своим возлюбленным. Камар-аль-Акмар привел ее на кровлю дворца, вскочил на коня и привязал ее к себе крепкими привязями. А затем повернул винтик, и конь взвился, унося их обоих. Увидав это, служанки стали кричать так громко, что разбудили царя и царицу, которые полуодетыми выбежали на кровлю дворца как раз в ту минуту, когда волшебный конь улетал в небо. Тогда царевичу пришло в голову, что, быть может, молодой девушке жаль расставаться с отцом и с матерью, и он спросил ее: – Скажи мне, о роскошь и восторг очей моих, не желаешь ли ты вернуться к своим родителям? Она же ответила: – Клянусь Аллахом, о господин мой, я не желаю этого! Тогда царевич пустил коня во всю прыть, и таким образом долетели они до великолепного луга, на который они и спустились. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четырехсотая ночь, она сказала:

ночь четырехсотая

Здесь они отдохнули и снова сели на волшебного коня, и понеслись во всю прыть к столице царя Сабура, к которой подлетели утром. Он спустил коня в прекрасный сад, находившийся за городом, куда отец его приходил отдыхать и подышать свежим воздухом, ввел девушку в летний флигель и сказал ей: – Я оставлю тебя здесь на короткое время и пойду предупредить отца о нашем приезде. А пока поручаю тебе смотреть за деревянным конем, которого оставил у дверей. Потом царевич простился с нею и направился к дворцу отца своего.

Когда царь Сабур увидел сына, он чуть не умер от радости и волнения, а тот сообщил ему, что привез с собой самую восхитительную из девушек Персии и Аравии! И царевич попросил отца приготовить великолепный кортеж, чтобы ввести ее в город, а сам велел приготовить для своей избранницы навес из красной, зеленой и желтой парчи, посередине которого был бы золотой, сиявший драгоценными камнями трон. И обнаженные до пояса негры понесли этот балдахин на плечах, следуя за кортежем по направлению к садам. Камар-аль-Акмар же не имел терпения ехать шагом вместе с кортежем. Поскакав по кратчайшему пути, он скоро был уже у флигеля, где оставил дочь царя Саны. Он искал ее повсюду, но не нашел ни царевны, ни деревянного коня. Тогда Камар-аль-Акмар пришел в отчаяние, стал бить себя по лицу, разодрал свою одежду и стал бегать по саду, издавая громкие вопли и призывая царевну всеми силами своей глотки. Но все было напрасно! Некоторое время спустя он немного успокоился, пришел в себя и сказал себе: «Как могла она узнать секрет управления конем, если я ничего не говорил ей об этом?»

Тогда Камар-аль-Акмар спросил у сторожей сада, не проходил ли кто из посторонних? И те в один голос ответили: – Мы не видели никого, кроме персидского ученого, собиравшего лекарственные травы! При этих словах царевич понял, что девушку похитил помилованный им ранее персиянин. Отчаяние его дошло до последних пределов, и он сказал отцу своему: – Возвращайся во дворец; я же вернусь лишь после того, как разъясню это черное дело! Видя решимость сына, царь заплакал, застонал и сказал ему: – О сын мой, молю тебя, победи свое горе и вернись к нам домой.

Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста первая ночь, она сказала:

ночь четыреста первая

затем подумай, дочь какого царя или султана пожелаешь взять себе в жены, и я сосватаю ее тебе! Но Камар-аль-Акмар не хотел обращать ни малейшего внимания на слова отца и на его мольбы; он сказал ему несколько слов на прощанье и уехал.

А освобожденный из тюрьмы персидский ученый действительно собирал в саду лекарственные травы. Так он дошел до флигеля, где была царевна, и увидел рядом творение рук своих – волшебного коня! И персиянин решил отомстить царевичу. Он подошел к царевне, поцеловал землю между рук ее и сказал: – О госпожа моя, я посланный царевича, и я должен перевести тебя в другой дом, более прекрасный и находящийся на более близком расстоянии от города. Она же сказала ему: – Скажи мне, разве царевич не мог найти менее безобразного посланца? На эти слова волшебник ответил: – Моя наружность не должна вводить тебя в заблуждение относительно моих достоинств. Что же касается царевича, то он выбрал меня посланцем именно по причине моего безобразного и отвратительного лица; и это для того, чтобы ничего не опасаться и не ревновать тебя, красавица! Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста вторая ночь, она сказала:

ночь четыреста вторая

Эти слова волшебника убедили молодую девушку. Тогда персиянин вскочил на своего коня, подхватив девушку. Он крепко привязал ее к себе и повернул винтик, который поднимал коня. Тотчас же бока его раздулись, конь задвигался и заволновался, как волны морские, а потом взвился, как птица, в один миг оставив далеко внизу город. И удивленная девушка воскликнула: – Ей ты! Куда же ты летишь, не исполняя приказа господина своего? При этих словах волшебник залился смехом и сказал: – Если ты говоришь о Камар-аль-Акмаре, то этот подросток не господин мне! Этому негодяю удалось украсть у меня дело рук моих – этого коня, но теперь я снова хозяин своего добра и заставляю вора оплакивать утрату тебя! Осуши свои слезы и освежи глаза, от меня ты будешь иметь гораздо более выгод, нежели от этого молодого дурака. Я щедр, могуществен и богат; мои слуги и рабы будут повиноваться тебе, как своей госпоже; и я буду исполнять малейшее из твоих желаний, даже ранее, чем оно будет высказано! Услыхав такие слова, девушка зарыдала; между тем как волшебник направил коня своего к стране Румов.

После длинного, но быстрого пути, он спустился на зеленый луг неподалеку от города, где царствовал могущественный царь. И именно в тот день царь вышел из города, чтобы подышать свежим воздухом, и направился к тому лугу. И увидел он ученого, стоявшего около коня и молодой девушки. Прежде, нежели волшебник успел что-либо предпринять в свою защиту, царские рабы бросились к нему, и схватили его, коня и молодую девушку, и привели к царю. И девушка на расспросы

царя о персиянине ответила: – Клянусь Аллахом! Это злой колдун, похитивший меня насилием и хитростью! Услыхав такие слова молодой девушки, царь Румов велел своим рабам отколотить волшебника палками; и они так постарались, что он едва не испустил дух под ударами. Затем царь велел отнести его в город и бросить в тюрьму, молодую девушку увел с собою, а коня велел отнести к себе, не подозревая его тайных свойств. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста третья ночь, она сказала:

ночь четыреста третья

Царевич Камар-аль-Акмар надел дорожное платье, взял с собою припасов и денег и пустился в путь с печальным сердцем и смущенным умом. И принялся он искать царевну, переходя из страны в страну, из города в город; и повсюду спрашивал он о коне из эбенового дерева, между тем как все, кого он спрашивал, до крайности удивлялись его вопросам. Продолжая свой путь, он направился к стране Румов, где услышал, как один из купцов говорил своим товарищам: – Недавно слышал я, что царь такого-то города встретил во время охоты отвратительного старика, стоявшего рядом с молодой девушкой несравненной красоты и конем из эбенового дерева и слоновой кости! Тогда Камар-аль-Акмар осведомился о местонахождении этого города и вскоре добрался до него. Но когда он захотел войти в городские ворота, стража схватила его, и по обычаю того края хотела отвести его к царю для допроса. Но было уже поздно, и стражники отвели его на ночь в тюрьму, где предложили разделить с ними ужин. Беседуя за трапезой, они рассказали, что их царь год назад встретил красивую молодую девушку, влюбился в нее и хотел жениться на ней, но бедняжка лишилась рассудка! И царь делает все возможное, чтобы исцелить ее, щедро платя врачам и астрологам, и все без пользы! А рядом с девушкой был деревянный конь, который хранится теперь вместе с прочими царскими сокровищами, и старый урод, который сидит здесь, в тюрьме, и не перестает каждую ночь стонать и жаловаться на судьбу свою.

Выслушав это, Камар-аль-Акмар сказал себе: «Наконец, попал я на желанный путь. Теперь мне следует найти средство, чтобы достигнуть цели». И когда тюремщики ушли, заперев за собой дверь, он услышал, как плакал и стонал ученый. Тогда Камар-аль-Акмар заговорил с ним по-персидски и сказал ему: – Долго ли будешь ты плакать и жаловаться? Или ты думаешь, что только с тобой случаются несчастья? Ободренный этими словами, ученый завязал с ним разговор и, не зная, кто он, принялся жаловаться на свои несчастья и неудачи. И так провели они ночь, беседуя, как добрые друзья.

На другое утро тюремщики отвели Камар-аль-Акмара к царю, и юноша сказал ему: – По ремеслу я ученый и особенно хорошо умею излечивать умалишенных. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста четвертая ночь, она сказала:

ночь четыреста четвертая

С этой целью путешествую я по разным местам и городам. Услыхав эти слова, царь обрадовался и сказал: – О превосходный доктор, ты пришел к нам именно в такое время, когда мы более всего нуждаемся в твоих услугах! И он рассказал о болезни молодой девушки, прибавив: – Если ты вылечишь ее от безумия, то можешь просить у меня чего хочешь, и все будет тебе даровано! Тот же ответил: – Прежде всего ты должен рассказать мне, сколько дней находится она в таком состоянии, а также откуда прибыли персиянин и деревянный конь! И царь рассказал всю историю с начала до конца. Тогда Камар-аль-Акмар сказал царю: – Мне нужно увидеть этого коня, осматривая его, я могу найти нечто, что может служить для исцеления девушки. С позволения царя осмотрев коня и найдя все в целости, он очень обрадовался и сказал царю: – Теперь я готов идти к молодой девушке, чтобы посмотреть, что с ней такое. Войдя в комнату, где она находилась, он увидел ее катающейся по полу и раздирающей на себе одежды. И тотчас же понял он, что все это делает она лишь для того, чтобы никто не подходил к ней! Она же, взглянув на него, тотчас узнала его, и радость ее была так велика, что она испустила громкий крик и упала в обморок. А царь не сомневался, что она испугалась врача. Но Камар-аль-Акмар наклонился к ней и, приведя ее в чувство, сказал шепотом: – О ядро моего сердца, потерпи еще немного, положение наше требует большой осмотрительности, если мы хотим избавиться от этого тирана-царя. После он подошел к царю и сказал ему: – О царь благословенный, я излечил ее тебе! Ты можешь подойти и поговорить с ней. И изумленный царь подошел к девушке, а та сказала: – Служанка твоя смущена честью, которую ты оказываешь ей своим посещением. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста пятая ночь, она сказала:

ночь четыреста пятая

При виде этого царь был вне себя от радости, и он сказал царевичу: – О мудрец, все, что случается у нас теперь счастливого, обязано твоим достоинствам и благословению, над тобою пребывающему! А тот ответил: – О царь, для окончательного исцеления необходимо, чтобы ты отправился со своею свитой к тому месту, где нашел девушку. И вели отнести туда деревянного коня, который есть один из джинов Эблиса – он-то и

вселялся в нее и делал ее безумной. Я произнесу необходимые заклинания; в противном случае этот проклятый джин вернется к ней снова. И царь Румов сказал: – Все будет по-твоему! И тем же часом в сопровождении царевича и молодой девушки он со свитой отправился на известный луг. Когда они пришли туда, Камар-аль-Акмар приказал посадить девушку на деревянного коня и держать их на довольно далеком расстоянии от царя. И он сказал ему: – Теперь я начну окуривание и заклинания, чтобы овладеть джином и сделать его отныне безвредным. Я сяду на коня и посажу девушку себе за спину. И увидишь ты тогда, как деревянный конь станет двигаться во все стороны и волноваться, а потом побежит и остановится между рук твоих. И после этого можешь делать с девушкой, что хочешь! И Камар-аль-Акмар сел на коня, крепко привязав к себе девушку. Он повернул винтик, и конь взвился вверх и исчез в воздухе.

А царь простоял на лугу полдня, дожидаясь возвращения улетевших. Но так как они не возвращались, он вспомнил о сидевшем в тюрьме старике. Призвав его к себе, он сказал: – Ах ты, обезьяний зад! Как смел ты скрыть от меня тайну заколдованного коня? Теперь он унес в воздух врача, излечившего девушку, и самую девушку. И по знаку царя к персиянину подошел меченосец и одним ударом снес ему голову. Камар-аль-Акмар же и Шамзеннахар благополучно прибыли в столицу царя Сабура и опустились на крышу дворца. Царевич поспешил увести царевну в безопасное место, сам же отправился уведомить отца и мать о своем приезде. И чтобы отпраздновать возвращение сына и прибытие царевны, царь Сабур устроил большие увеселения для жителей города, и празднества продолжались целый месяц. А Камар-аль-Акмар вошел в брачный покой и наслаждался счастьем с молодой женой долгие благословенные ночи. А царь Сабур, чтобы отныне быть спокойным, велел разломать деревянного коня и уничтожить его механизм. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста шестая ночь, она сказала:

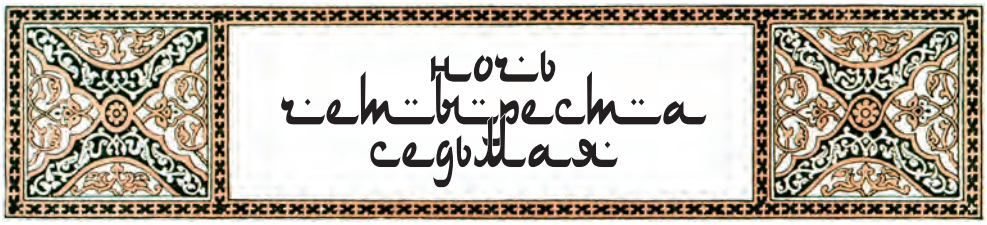
ночь четыреста шестая

И Камар-аль-Акмар и супруга его Шамзеннахар стали вести самую сладостную, тихую и спокойную жизнь до тех пор, пока не явилась к ним Разрушительница наслаждений, Разлучница обществ и друзей, Разорительница дворцов и хижин, Строительница надгробий и Поставщица кладбищ! А теперь, слава Единому Существу, не умирающему и держащему в руках своих господство над мирами и власть над Видимым и Невидимым! Закончив такими словами это свое повествование, Шахразада, дочь визиря, умолкла, а потом сказала: – Такова история Камар-аль-Акмара и супруги его Шамзеннахар. А теперь я готова, если позволишь, рассказать самую забавную из известных мне историй! И царь Шахрияр воскликнул: – Клянусь Аллахом! Ты можешь рассказывать, так как я не знаю этой истории! После этого я решу дело о твоей голове! Тогда Шахразада сказала:

Рассказ о проделках Далилы-Пройдохи и дочери ее Зейнаб-Плутовки с Ахмадом-Коростой, Гассаном-Чумой и Али-Живое-Серебро

О царь благословенный, сказывают, что в Багдаде во времена халифа Гарун-аль-Рашида жил человек, которого звали Ахмадом-Коростой, и другой, которого звали Гассаном-Чумой; оба они славились своим плутовством и воровством. Подвиги их в этом роде были изумительны, поэтому халиф, умевший извлекать пользу из всякого рода дарований, поставил их во главе полицейской службы. Ахмаду-Коросте поручено было охранять безопасность города на сухом пути, а Гассану-Чуме – на водных путях.

В то же самое время жила в Багдаде опасная старуха, которую звали Далилой-Пройдохой. Она была искусна во всякого рода проделках, воровстве, мошенничестве и всякого рода плутнях. И у нее были две дочери: одна была замужем за повесой Ахмадом-Выкидышем, а другая, Зейнаб-Плутовка, оставалась еще в девушках. И в день назначения Ахмада-Коросты и Гассана-Чумы на должности начальников полиции Зейнаб сказала матери: – Каково! Теперь они будут получать по тысяче динариев ежемесячно и пользоваться почестями. А о нашей участи никто не заботится! Придумай же, мать, какой-нибудь способ, чтобы мы могли прославиться, или проделку, которая доставила бы нам такую известность в Багдаде, чтобы слух о ней дошел до халифа, и он назначил нам достойное содержание! И мать ее ответила... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста седьмая ночь, она сказала:



обещаю тебе сыграть в Багдаде штуку первого сорта, которая превзойдет все проделки Ахмада-Коросты и Гассана-Чумы! И она оделась бедной суфией, взяла кувшин, наполнила его водою до самого горла, заткнула пробкой и положила сверху три динария. Взяв в руки маленькое знамя из красных, зеленых и желтых тряпок, такое, как носят нищенствующие суфи, она вышла из дому. И пошла она по всем кварталам города, переходя из одной улицы в другую, до тех пор, пока не дошла до дома начальника стражи халифа. А он был владельцем большого имущества, но человеком грубым и невоспитанным, поэтому звали его Мустафа-Бич-Улиц, так как у него удары всегда предшествовали слову! Он был женат на прелестной молодой женщине, которую очень любил и которой поклялся в первую же брачную ночь никогда не брать второй жены, но так было до того дня, когда он, посмотревшись в зеркало, не увидел, что в бороде его более белых волос, чем черных. И он сказал себе: «Неужели Аллах так и не наградит тебя сыном?» Выслушав же его упреки, супруга сказала ему: – Это не моя вина. Я так много употребляла трав и корней от бесплодия, что протерла несколько ступок, в которых их растирала! Не я, а ты виновник! А он ответил ей: – Хорошо! Но тогда я непременно возьму вторую жену!

Увидав после этого разговора под своими окнами старуху в одежде нищенствующих суфи, супруга Бича-Улиц сказала привратнику: – Пусти к нам эту святую, чтобы она вымолила нам милости Аллаха! Привратник же, подойдя к старухе, сказал ей: – О мать моя, дай испить из твоего кувшина, чтобы заслужить твое благословение! Тогда она повертела кувшином в воздухе, и золотые динарии посыпались на землю, как бы падая с неба! Когда же привратник поднял их и хотел отдать старухе, та сказала: – Отойди от меня с этими деньгами! Я не из тех, кто занимается мирскими делами. Ты можешь оставить эти деньги себе! Тогда привратник поднял руки к небу и воскликнул: – Слава Аллаху! Вот истинная святая! Когда же старуха пришла к супруге начальника стражи, молодой Кхатун, то остолбенела от удивления... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста восьмая ночь, она сказала:

ночь четыреста восьмая

она остолбенела от удивления при виде ослепительной красоты прекрасной Кхатун, потому что та сияла, как сокровище, обнаруженное после снятие волшебных печатей. А та, со своей стороны, поспешила броситься к ногам старухи и поцеловать у нее руки. А старуха сказала: – О дитя мое, я вижу тебя печальной и желаю, чтобы ты рассказала мне о причинах своего горя! И Кхатун рассказала про ссору с мужем и добавила: – И я боюсь теперь, что он будет иметь детей от другой женщины! А он богат землями, домами и деньгами, и если у него будет сын, то я лишусь всего! На что

старуха ответила: – Я вижу, что тебе ничего не известно об Отце Плодородия! Одного посещения этого шейха достаточно, чтобы бесплодную женщину сделать житницей плодородия. Я хочу свести тебя к нему. Не бойся сказать ему о своем горе и дай какой-нибудь обет. И по возвращении из своего путешествия ты понесешь девочку или мальчика.

При этих словах оживленная надеждой Кхатун украсилась драгоценностями и вышла из дому. И вскоре поравнялись они с лавкой молодого купца по имени Сиди-Мохзен, который был очень красивым юношей с едва пробивавшимся пушком на щеках. Он заметил красоту юницы и украдкой стал бросать на нее выразительные взгляды, что очень скоро замечено было старухой. Поэтому она подошла к Кхатун и сказала ей: – Посиди там поодаль, дочь моя, и отдохни, пока я поговорю о деле с тем молодым купцом! Кхатун повиновалась и села невдалеке от лавки юноши, который мог здесь еще лучше разглядеть ее, и он чуть не сошел с ума от первого взгляда, который она бросила на него! Когда глаза его разгорелись, старая сводня подошла к нему и спросила: – Ты ведь купец Сиди-Мохзен, не так ли? Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста девятая ночь, она сказала:

ночь четыреста девятая

Он же ответил ей: – Конечно! Она же сказала: – Я пришла сказать тебе, что эта молодая девушка дочь моя, а отец ее, богатейший купец, умер, оставив ей значительное состояние. Она уже вступила в брачный возраст и сегодня первый раз вышла из дому. И по внушению свыше я решилась предложить тебе ее в жены. На такие слова Сиди-Мохзен ответил старухе: – О мать моя, это более того, чего я когда-либо желал, но я буду спокойным, лишь когда рассмотрю ее хорошенько. Ведь мать моя перед смертью сказала мне: – Как желала бы я, чтобы ты взял себе в жены девушку, которую я осмотрела бы собственными глазами! Я же поклялся ей, что вместо нее не премину сделать это сам. Тогда старуха ответила: – Вставай, иди за мною, и я покажу ее тебе без всякого одеяния! Тогда молодой купец встал, взял кошелек с тысячью динариями, сказав себе: «Нельзя знать, что случится, а так я смогу внести деньги, требуемые брачным договором».

И дошли они до лавки красильщика, которого звали Хаг-Могамед, и который был известен всему базару как человек с извращенными вкусами. Когда старуха подошла к нему, он спросил: – Что тебе надо? И она отвечала: – Посмотри на эту очаровательную юницу, дочь мою, и на этого прелестного юношу, сына моего! Мы живем в обширном старом доме, который разваливается, и я пошла искать какого-нибудь другого дома, в котором во время ремонта я могла бы жить с детьми своими! Ты же не сомневайся в моей щедрости! При этих словах старухи сердце красильщик запрыгало от радости, и он сказал: – У меня есть дом, и в нем в верхнем этаже имеется большая комната. На что старуха сказала: – Поправка

Léon Carré

моего дома займет не более месяца, а мы здесь никого не знаем. Перегороди на две части верхнюю комнату и отдай половину нам троим. И красильщик согласился и поспешил передать три ключа, сказав ей: – Большой ключ от входной двери, малый от сеней, а витой – от верхней комнаты. Далила взяла ключи, и когда все трое подошли к дому красильщика... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста десятая ночь, она сказала:

ночь четыреста десятая

Она отперла входную дверь большим ключом и сказала тихо купцу: – Жди меня здесь, и ты увидишь, что желаешь видеть собственными глазами! Сама же она проводила прекрасную Кхатун в верхнюю комнату и сказала ей: – Дочь моя, внизу живет достопочтенный Отец Плодородия! Начни с того, что сними с себя покрывало! Но знай, что там внизу мой слабоумный сын – он помощник Отца Плодородия. Когда к шейху приходит благородная посетительница, он вырывает у нее серьги из ушей и отнимает все ее драгоценности. Потому тебе стоит оставить здесь твои украшения и твои платья. Я постерегу их в ожидании твоего возвращения от Отца Плодородия! Тогда Кхатун сняла с себя свои драгоценности и платья, оставив на себе только исподнюю шелковую сорочку, а Далила сказала ей: – Я отнесу все это в комнату Отца Плодородия, чтобы так на тебя снизошло его благословение! И она вышла, спрятав сверток под сводом лестницы. Затем она сошла к молодому купцу и сказала ему: – Сын мой, мои соседки, завистницы и клеветницы, сказали дочери моей: – Неужели мать твоя хочет выдать тебя замуж за человека, страдающего чесоткой и проказой? И я поклялась ей, что не отдам ее тебе раньше, чем она увидит тебя совершенно обнаженным! После этих слов молодой купец скинул платье, представ обнаженным и белым, как самородок серебра, и сказал: – Пусть же она придет посмотреть на меня! Тогда старуха сделала второй сверток, положив в него его кинжал из серебра и золота, а также кошелек с тысячью динариями и сказала: – Не следует оставлять тут эти соблазнительные вещи. Затем, захватив первый сверток, она вышла из дому, заперев дверь на ключ.

Затем она вернулась в красильню и сказала подмастерью-красильщику: – Господин твой прислал меня сказать, чтобы ты поспешил к нему в лавку продавца сладостей! А я постерегу лавку до твоего возвращения. И когда подмастерье вышел из лавки, она забрала вещи заказчиков и все, что только могла захватить из лавки. В то время, как она занималась этим, мимо проходил погонщик ослов, который уже целую неделю не мог найти работы, и был притом большим любителем гашиша. И старая блудница позвала его, крикнув: – Эй! Погонщик, иди сюда! Ты знаешь ли сына моего, красильщика? Тут Шахразада заметила, что брезжит утро, и умолкла. А когда наступила четыреста одиннадцатая ночь, она сказала:

ночь четыреста одиннадцатая

Погонщик же ответил: – Конечно! Тогда она сказала: – В таком случае знай, что это мой сын. Он несостоятельный должник, но каждый раз мне удавалось высвобождать его из тюрьмы. Но теперь я хочу, чтобы он объявил себя несостоятельным, и собираю вещи заказчиков, чтобы отвезти их владельцам. Вот тебе динарий за твоего осла, которого я нагружу этим тряпьем. Ты же, ожидая моего возвращения, изломай здесь все, разбей кувшины с красками и уничтожь чаны; чтобы люди, которых пошлет сюда кади, могли точно удостовериться в несостоятельности моего сына. И погонщик обещал исполнить все в точности. А старуха вернулась к себе домой и сказала дочери: – В это утро я сыграла четыре славных шутки: с молодым купцом, с супругой грозного капитана, с красильщиком и погонщиком ослов. И я привезла тебе платья и вещи на осле погонщика!

Хозяин же красильни, вернувшись в свою лавку, увидел в ней погонщика, разбивающего чаны и кувшины. А погонщик, увидав красильщика, воскликнул: – Хвала Аллаху, за твое освобождение из тюрьмы! Ведь ты был объявлен несостоятельным должником, и твоя мать приказала мне перебить здесь все, чтобы посланцам кади нечего было отобрать! Тогда красильщик на вершине изумления, воскликнул: – Но мать моя давно умерла! Погибли мои вещи и имущество всех заказчиков моих! И красильщик бросился на погонщика, схватил его за волосы и закричал: – Где она, старая блудница? А погонщик стал кричать в ответ: – Где мой осел? Отдай мне моего осла! И оба, ругаясь, начали давать друг другу тумаки, стараясь наносить удары в самые нежные места тела противника. Когда же собравшиеся вокруг люди разняли их, каждый прокричал толпе свою историю. Тогда один из присутствующих заметил: – Я нахожу, что красильщик ответственен за осла погонщика, ибо, если бы погонщик не видел, что красильщик поручил старухе сторожить свою лавку, то он, в свою очередь, не доверил бы этой старухе своего осла! А другой прибавил: – Раз ты поселил эту старуху у себя, то должен возвратить осла погонщику или же заплатить ему за убыток! Затем все, вместе с обоими соперниками, направились к дому красильщика. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста двенадцатая ночь, она сказала:

ночь четыреста двенадцатая

А юный купец ожидал внизу молодую девушку, чтобы осмотреть ее, а она ждала наверху возвращения святой старухи. И видя, что та медлит, прекрасная Кхатун в одной тонкой сорочке вышла из комнаты и спустилась по лестнице. А молодой купец, услышав ее шаги, воскликнул: – Иди сюда скорее со своей матерью, которая хочет отдать мне тебя в жены! Но молодая женщина ответила: – Мать моя умерла! А ты ведь слабоумный помощник Отца Плодородия? А он ответил: – Клянусь Аллахом, я еще не совсем слабоумный! Что же касается Отца Плодородия, то я действительно известен как таковой! Услыхав эти слова, молодая женщина покраснела и совсем не знала, как быть, а тем временем к дому подошли люди, сопровождавшие красильщика и погонщика ослов. На их стук никто не ответил, и тогда они выломали дверь и увидели совершенно нагого купца. И красильщик крикнул ему: – О сын блудницы! Где твоя мать, злосчастный? Он же ответил: – Мать давно умерла, а старуха, в доме которой я нахожусь, это моя будущая теща. И он рассказал всей толпе свою историю. Тогда они выломали вторую дверь и нашли за ней совершенно растерявшуюся почти нагую молодую женщину, тщетно старавшуюся прикрыть наготу своих удивительных бедер. И красильщик спросил ее: – Где твоя мать, сводница? И она ответила: – Мать моя давно умерла. А женщина, которая привела меня сюда, это святая, находящаяся в услужении Отца Плодородия. При этих словах все присутствующие разразились таким хохотом, что повалились на спину. Поняв, что старуха надула их, все трое потерпевших решили отомстить ей, но прежде они дали платье молодой женщине, которая поспешила вернуться в свой дом.

А красильщик с погонщиком помирились и отправились вместе с купцом к вали города, эмиру Кхаледу, которому рассказали свои приключения, требуя мщения злополучной старухе. А вали сказал им: – Обойдите весь город и попытайтесь найти эту старуху и схватить ее! Я же обещаю вам, если это удастся, подвергнуть ее пытке и вынудить у нее признание! И все трое, жертвы хитростей Далилы-Пройдохи, вышли от вали и разошлись в разные стороны в поисках проклятой старухи. А старуха в это время... Но тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста тринадцатая ночь, она сказала:

ночь четыреста тринадцатая

А старуха в это время оделась в платье самой последней служанки и подошла к улице, изукрашенной роскошными материями и разноцветными фонариками. И увидела она разукрашенный дом и узнала от гостей, которые входили и выходили, что он принадлежит старшине купцов Багдада. А у него есть дочь, помолвку которой и праздновали в этот день. И есть у него малолетний сын, которого старуха увидела на улице, сидящим на плече рабыни. И она решила похитить этого ребенка у

Léon Carré

рабыни. И она приблизилась к ней, восклицая: – О, я так запоздала с приходом к супруге старшины купцов! И она сказала рабыне, кладя ей в руку фальшивую монету: – Вот тебе динарий, поднимись к своей госпоже и скажи ей: – Твоя кормилица радуется за тебя, и потому придет навестить тебя, принеся щедрые дары всем приближенным женщинам! Поручи мне этого мальчика на время, пока сбегаешь и вернешься обратно! И рабыня передала ребенка старухе, чтобы исполнить ее поручение. А Далила поспешила улизнуть вместе с ним. Зайдя в переулок, она сняла с него драгоценные вещи и сказала себе: «Нужно извлечь из этого мальчугана все, что только возможно, например, отдав его в залог за какую-нибудь значительную сумму».

И она пошла в лавку известного ювелира-еврея и взяла у него для новобрачной пару золотых браслетов, пару жемчужных подвесков, золотой пояс филигранной работы и украшенный рубинами кинжал, оставив у него ребенка до поры, пока она не принесет деньги. А молодая рабыня, не найдя на улице ни ребенка, ни старухи, испустила громкий крик и упала ниц. И тотчас же все отправились на поиски ребенка по всем направлениям. И, наконец, старшина нашел своего ребенка почти голым на пороге лавки еврея и, обезумев от радости и гнева, бросился на еврея, крича: – Ах, проклятый! Что хотел ты сделать с моим сыном? А еврей, дрожа всем телом, ответил в крайнем изумлении: – О господин мой, я вовсе не нуждался в подобном залоге! Но старуха сама настояла на том, чтобы оставить его здесь после того, как взяла у меня на тысячу динариев драгоценностей для твоей дочери! Как раз в эту минуту появились с разных сторон три первые жертвы: погонщик, молодой купец и красильщик. И узнав, в чем дело, они ни на минуту не усомнились, что это была новая проделка злополучной старухи. И они решили продолжить ее поиски порознь, встретившись в лаке цирюльника. Тут Шахразада заметила, что близится утро, и умолкла. А когда наступила четыреста четырнадцатая ночь, она сказала:

ночь четыреста четырнадцатая

И погонщик первым увидел старуху и закричал: – Осел мой! Отдай мне моего осла! Она же ответила: – Сын мой, я знала, что ты беден, и потому вовсе не намеревалась лишить тебя твоего осла. Я оставила его у цирюльника Хаг-Массуда. Я сейчас же отправлюсь к нему и попрошу его отдать мне осла. Подожди меня одну минутку! Когда же она вошла к цирюльнику, то сказала ему: – Увы, мне! Мой сын был погонщиком ослов, но он заболел и стал сумасшедшим. С тех пор он не перестает требовать своего осла. И его ничем иным нельзя вылечить и привести в себя, как только вырвав оба коренных зуба и сделав прижигание висков каленым железом. Возьми же динарий за свои труды, и вылечи его! И цирюльник, выглянув на улицу, крикнул погонщику: – Сын мой, иди сюда! Осел твой у меня! Но как только погонщик вошел, цирюльник ударил его кулаком в живот и повалил на пол. И когда

двое подмастерьев вязали его по рукам и по ногам, цирюльник схватил клещи и вырвал ему оба коренных зуба. После чего взял щипцами накаленные докрасна гвозди, прижег ему виски, призывая имя Аллаха для удачного излечения, и сказал: – Теперь мать твоя будет довольна мною!

И пока погонщик бился в руках подмастерьев, цирюльник вошел в лавку и увидел, что в ней не осталось ничего! Бритвы, ручные зеркала из перламутра, ножницы, медные утюги, тазы, рукомойники, салфетки, скамьи – все исчезло! Не осталось ничего! И старуха также исчезла! Тогда цирюльник в беспредельном бешенстве бросился в заднюю комнату, схватил погонщика за горло, и стал трясти его, крича: – Где мать твоя сводница? А несчастный погонщик, обезумев от боли и бешенства, ответил ему: – А! Сын тысячи тряпок! Мать моя покоится в мире у Аллаха! Но тут в лавку вошли остальные трое потерпевших: красильщик, молодой купец и еврей. И узнав, что случилось, они не сомневались, что это злодеяние было совершено той же старухой. Тогда цирюльник поспешил закрыть свою лавку и присоединился к четырем жертвам, чтобы помочь им в их поисках. А бедный погонщик не переставал стонать: – Ах, мой осел! Ах, мои бедные зубы... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста пятнадцатая ночь, она сказала:

И погонщик, снова заметив на улице ту старуху, бросился к ней, крича: – Вот она! Теперь она заплатит нам за все! И они потащили ее к вали города. Но стражники дворца сказали им: – Вали отдыхает. Подождите немного, пока он проснется! И стражники передали старуху евнухам, чтобы запереть ее в одной из комнат гарема, до пробуждения вали. Попав в гарем, старая пройдоха сумела проскользнуть в покои супруги вали и после приветствий сказала ей: – О госпожа моя, муж мой, уезжая, поручил мне продать пять мамелюков. И как раз господин наш вали видел их у меня и предложил мне за них тысячу динариев, я же согласилась уступить их ему за эту цену! И вот я пришла теперь передать их ему! А случилось так, что вали действительно нужны были невольники, и он даже передал накануне супруге своей тысячу динариев для покупки их. Поэтому она нимало не усомнилась в правдивости слов старухи и спросила ее: – Где же они, эти пять невольников? Она же ответила: – Вот там под твоими окнами, во дворе дворца! И супруга вали выглянула в окно, а затем отперла свою шкатулку, вручила старухе тысячу динариев и приказала выпустить ее из дворца по потайной лестнице гарема.

Когда же вали проснулся, жена его сказала ему: – Я порадовалась за тебя по поводу тех пяти невольников которых ты нам купил! Он же спросил: – Каких невольников? – Клянусь Аллахом! Я не покупал никаких невольников. Кто сказал тебе это? Она ответила: – Старуха, у которой ты купил их за тысячу двести динариев! Она показала мне их в окно. Тогда вали спустился во двор, увидел

погонщика, цирюльника, еврея, молодого купца и красильщика, и сказал им: – Госпожа ваша продала вас мне за тысячу динариев. Работу вашу вы начнете с очистки помойных ям! При этих словах все пять истцов в крайнем изумлении воскликнули: – Мы люди свободные, которых нельзя ни продавать, ни покупать! Пойдем с нами к халифу... Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила четыреста шестнадцатая ночь, она сказала:

ночь четыреста шестнадцатая

Тогда вали сказал им: – Если вы не невольники, значит, вы мошенники! Вы привели в мой дворец эту старуху, чтобы надуть меня! Но, клянусь Аллахом, я перепродам вас каким-нибудь чужестранцам за сто динариев каждого! В это время во двор дворца вошел Бич-Улиц, который явился жаловаться вали на злоключения, постигшие его супругу. Возвратившись из путешествия, он нашел ее в постели, больную от стыда и волнения. И потому Бич-Улиц закричал вали: – Как ты позволяешь старым сводницам проникать в чужие гаремы! Я объявляю тебя ответственным за учиненное со мной мошенничество и за убытки, понесенные моей супругой! Тогда все пятеро рассказали ему свои истории, а вали, обратясь к потерпевшим, сказал: – Я беру на себя ответственность за все проделки старой мошенницы! И он дал им десять стражников для поисков, и все они вышли из дворца.

Но едва они сделали несколько шагов, как наткнулись на старуху. Им удалось поймать ее и притащить к вали, который сказал начальнику тюремной стражи: – Запри ее до завтра в подземелье! Но тюремщик ответил: – Я уверен, что она найдет способ удрать от меня! Тогда вали сказал себе: «Лучше будет оставить ее у всех на виду, чтобы завтра же предать суду». И он приказал вывести старуху за стены Багдада и привязать за волосы к столбу среди чистого поля. И он поручил пяти истцам сторожить ее вплоть до самого утра. Но пережитые волнения истощили их силы, и все пятеро мало-помалу задремали у подножия столба. Ночь близилась уже к концу, когда двое конных бедуинов приблизились к тому месту, где была привязана Далила. И один из бедуинов спросил своего спутника: – Скажи, брат, что доставило тебе наибольшее удовольствие во время твоего пребывания в полном чудес Багдаде? Тут Шахразада увидела, что забрезжило утро, и умолкла. Когда же наступила четыреста семнадцатая ночь, она сказала:

ночь четыреста семнадцатая

А другой бедуин ответил: – Я ел там чудеснейшие оладьи на меду со сливками, те самые, которые я так люблю! Тогда первый, жадно вдыхая аромат воображаемых оладий, воскликнул: – Я сейчас же отправлюсь в Багдад, чтобы отведать этого чудного лакомства! Попрощавшись со своим спутником, он подъехал к столбу и увидел привязанную Далилу, а вокруг – пятерых уснувших мужчин. И он спросил ее: – Почему привязана ты к этому столбу? Она же ответила: – У меня есть враг – пирожник – торговец оладьями с начинкой из сливок на меду. На днях, желая отомстить ему за нанесенное мне оскорбление, я плюнула на его оладьи. И вали приговорил меня к тому, чтобы быть привязанной к этому столбу, пока я не съем в один присест десять подносов этих оладий. Завтра утром мне принесут эти подносы. Но душа моя никогда не принимала оладий, так что придется мне умереть здесь от голода! Тогда бедуин воскликнул: – Если хочешь, я съем вместо тебя эти оладьи! Она же ответила: – Тебе не дадут этого сделать, если ты не будешь привязан к этому столбу вместо меня! Тогда бедуин поспешил отвязать ее и, поменявшись с ней платьем, дал привязать себя к столбу на ее место, в то время как она, облекшись в бурнус бедуина и обвязав голову его повязкой из верблюжьей шерсти, вскочила на коня и исчезла вдали по направлению к Багдаду.

Наутро, когда пятеро истцов открыли глаза, бедуин сказал им: – Где же оладьи? Желудок мой пламенно желает их! И погонщик, вскочив на ноги, спросил: – Как посмел ты отвязать старуху? Услыхав же его рассказ, все пятеро поняли, что он тоже был одурачен старухой. В это время к ним прибыл вали со своими стражниками. И он обратился к бедуину и спросил его, что случилось; и тот рассказал ему свою историю и закончил, говоря: – Оладий мне, скорее! При этих словах и вали, и стражники разразились смехом, тогда как пятеро потерпевших озирались вокруг жаждавшими мести глазами. А бедуин, поняв, что его одурачили, сказал вали: – Я, со своей стороны, одного тебя считаю ответственным за пропажу моего коня и одежды! Тогда вали был принужден взять их с собой и отправиться вместе с ними в Багдад, во дворец эмира правоверных халифа Гарун-аль-Рашида. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста восемнадцатая ночь, она сказала:

ночь четыреста восемнадцатая

И они явились в диван, куда уже раньше них явился капитан Бич-Улиц, один из главных истцов. И каждый рассказал халифу свою историю со всеми подробностями. Тогда халиф, весьма дивясь всему услышанному, сказал вали и капитану: – Вы двое должны разыскать старуху! При этих словах вали воздел руки к небу и воскликнул: – О эмир правоверных, уволь меня от этого! После всех штук, которые эта старуха сыграла со мной, я не ручаюсь, что она не изобретет опять какого-нибудь способа выйти из

затруднения, одурачив меня! Отдай лучше этот приказ самому ловкому человеку во всем Багдаде, начальнику полиции – Ахмаду-Коросте! Тогда халиф позвал его и сказал: – Послушай, в Багдаде есть старуха-пройдоха, и я вменяю тебе в обязанность отыскать ее и привести ко мне! Между тем начальником полицейской стражи Ахмада-Коросты был человек, набивший руку в такого рода поисках и прозванный Айуб-Верблюжья Спина. И он сказал Ахмаду: – В Багдаде не одна старуха, и найти ее будет очень нелегко; нас слишком мало для этого. Полагаю попросить капитана Гассана Язвительного присоединиться к нам вместе со своими сорока стражниками, ибо он более опытен в такого рода предприятиях. Но Ахмад, не желая разделить честь поимки с другим, громко ответил: – С каких это пор мы стали нуждаться в других, чтобы делать свои дела? А Гассан, услыхав такие слова, сказал себе: «Клянусь бритой головой моей! Они еще будут нуждаться во мне!» Что же касается Далилы и ее дочери, то они скоро узнали о поисках, которые халиф поручил Ахмаду-Коросте с целью схватить старую плутовку. И Далила сказала дочери: – Мне нечего опасаться всех этих людей раз Гассан не с ними, ибо он единственный человек в Багдаде, прозорливости которого я опасаюсь. А Зейнаб ответила ей: – Какой великолепный случай представляется нам теперь сыграть злую шутку с Ахмадом-Коростой и с его сорока дуракам! А Далила ответила: – Я чувствую себя не совсем здоровой и рассчитываю на тебя, чтобы одурачить этих сорок и одного разбойника! Я не сомневаюсь в твоей ловкости! И тогда Зейнаб, которая была молода, хороша собой и стройна... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста девятнадцатая ночь, она сказала:

ночь четыреста девятнадцатая

И Зейнаб накинула на лицо свое легкое покрывало и отправилась в кабачок Хаг-Карима из Моссула. И она сказала ему: – Вот тебе пять динариев, я хочу пригласить друзей в твою большую заднюю комнату с условием, чтобы посетители туда не входили! Получив согласие, она взяла осла, принадлежавшего погонщику, и коня, похищенного у бедуина, и навьючила на них матрасы, ковры, скамейки, скатерти, подносы, тарелки и прочую утварь. Затем она возвратилась в кабачок и разместила привезенные вещи в нанятой ею зале. Выйдя к дверям, вскоре увидела она десять полицейских стражей, во главе которых шел Верблюжья Спина. И он тоже увидел прекрасную девушку, которая приподняла, как бы по нечаянности, тонкое покрывало, закрывавшее ей лицо. И Верблюжья Спина был очарован юной прелестью и красотой ее, а она спросила его: – Не капитан ли ты Ахмад? И он ответил: – Нет, но я могу заменить его, ибо я начальник его полицейской стражи. Она снова улыбнулась ему и сказала: – Зайдите же сюда, добро пожаловать! И она ввела их в приготовленную залу и стала угощать вином, смешанным с сонным зельем. И вскоре все десять повалились на спину, точно пьяные слоны, и погрузились в глубокий сон. Тогда Зейнаб

вытащила их одного за другим за ноги и, навалив друг на друга в глубине зала, прикрыла их широким одеялом, задернула над ними большой занавес и снова вышла к дверям кабачка. Вскоре появился второй отряд из десяти стражей, и он подвергся той же участи, что и предыдущий, а затем и третий, и четвертый отряды. А девушка вышла поджидать прибытие самого Ахмада-Коросты. Подъехав к дверям, он воскликнул: – Где же они, все эти собачьи дети? Ведь я приказал им ждать меня здесь! Не видала ли ты их, о девушка? При этих словах Зейнаб, как бы охваченная вдруг чувством глубокого почтения, приблизилась к Ахмаду и поцеловала у него руку, говоря: – О капитан, сорок стражей передавали тебе, что увидели в переулке старую Далилу и пустились в погоню за ней, и тебе остается только подождать их в этом кабачке. И Ахмад-Короста, опьяненный прелестями плутовки, осушил одну чашу за другой и вскоре тоже свалился замертво под влиянием снотворного зелья. Тогда Зейнаб сняла с него все его платья, оставив одну сорочку и широкие шальвары; затем она обобрала других таким же точно образом. Она навьючила все вещи на лошадей Ахмада-Коросты и на осла погонщика, вернулась домой и передала все это своей матери. Тут Шахразада увидела, что брезжит утро, и умолкла. А когда наступила четыреста двадцатая ночь, она сказала:

ночь четыреста двадцатая

Ахмад же Короста и его спутники проспали два дня и две ночи, а пробудившись, убедились, что обмануты и одурачены. И когда они вышли из кабачка, то столкнулись с Гассаном Язвительным, который сразу понял, жертвами какого приключения они оказались. Подойдя к ним, он сказал: – На Тигре бывает весьма свежо по утрам, и вы совершаете неосторожность, выходя из дому в одной только сорочке. А Ахмад ответил: – Мы были одурачены одной молодой девушкой! А он ответил: – Я знаю ее и ее мать! И если хочешь, я сейчас же арестую их. Ты только должен сказать халифу, чтобы он поручил поимку старухи мне. И Ахмад, одевшись, отправился в Диван и сказал халифу: – О эмир правоверных, Гассан лучше исполнит твое поручение. Он утверждает, что старуха совершила все это, лишь чтобы привлечь твое внимание! Тогда халиф воскликнул: – Клянусь честью моих предков! Если эта старуха возвратит все, что взяла, то я прощаю ее! И халиф бросил Гассану Язвительному свой платок как залог безопасности для старухи. И тот сказал Зейнаб: – Скажи своей матери, что я принес ей от имени халифа платок безопасности с условием, что она возвратит все украденные ею вещи. А Далила сказала: – Я последую за тобой к халифу со всеми похищенными вещами!

И Далила обмотала платок вокруг шеи и принялась нагружать осла, принадлежавшего погонщику, и обеих лошадей всеми украденными вещами. Когда они кончили, Гассан сказал Далиле: – У тебя остались еще вещи Ахмада-Коросты и его сорока подчиненных. Она же ответила: – Их украла не я! Он засмеялся и

сказал: – Это правда! Эту штуку сыграла дочь твоя Зейнаб. Ну, да ладно! Эти уж пусть останутся у вас. Затем он увел Далилу-Пройдоху и всех трех животных и явился с ними перед лицом халифа. Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила четыреста двадцать первая ночь, она сказала:

ночь четыреста двадцать первая

Когда Гарун-аль-Рашид увидел эту старую чертовку, то не мог удержать своего гнева и хотел казнить ее, но Гассан, целуя руки халифа, сказал ему: – Помилуй ее, о эмир правоверных! Ты дал ей залог безопасности, и он теперь у нее на шее! И халиф ответил: – Это правда! И я прощаю ее. Потом он сказал старухе: – Поистине, коварная женщина, ты полна хитростей, и отныне ты будешь называться Далила-Пройдоха! Скажи, с какой целью одурачила ты всех этих людей и наделала нам столько хлопот, утомляя сердца наши? Тогда Далила упала в ноги халифу и ответила: – О эмир правоверных, наслушавшись о прежних проделках в Багдаде начальников твоей правой и твоей левой руки, Ахмада-Коросты и Гассана Язвительного, я вздумала совершить то же, что и они, дабы заслужить от господина нашего халифа жалованье. Тогда красильщик, цирюльник, молодой купец, капитан Бич-Улиц, еврей и вали поднялись один за другим, прося Аллаха возместить зло, принесенное им старухой. Но халиф, который был великодушен и щедр, возвратил сначала каждому из них вещи, которые были у них украдены, а затем с избытком вознаградил их из своей личной казны.

Что касается Далилы, то халиф передал ей управление над почтовыми голубями и командование над сорока неграми и сорока собаками. И халиф дал также согласие, чтобы ее дочь Зейнаб помогала ей в этом общем надзоре. И Далила в тот же день оделась в мужское платье и вступила в командование. Каждый день являлась она в Диван верхом в золотом шлеме с серебряным голубем на голове, со свитой из сорока негров, одетых в красный шелк и парчу. А чтобы украсить свое новое жилище, она развесила у себя одежды Ахмада-Коросты, Айюба-Верблюжьей Спины и их товарищей. А теперь, о царь благословенный, – продолжала Шахразада, – я должна рассказать тебе об Али-Живое-Серебро, и о его приключениях с Далилой-Пройдохой, ибо приключения эти бесконечно удивительнее всех слышанных тобою до сих пор. Но тут Шахразада, увидев, что приближается утро, снова умолкла. А когда наступила четыреста двадцать вторая ночь, она сказала:

ночь четыреста двадцать вторая

О царь благословенный, до меня дошло, что был в Багдаде такой ловкий и проворный мошенник, что стражи никак не могли поймать его, ибо всякий раз он ускользал от них, как ускользает между пальцами шарик живого серебра, который пытаются схватить. И потому-то его и прозвали Али-Живое-Серебро. До прибытия своего в Багдад он жил в Каире, и однажды, находясь в угрюмом настроении, он пошел бродить по его улицам. Он собирался войти в кабачок, где имел обыкновение напиваться, как увидел разносчика воды, который со звоном ударял две медные чашки, в которых подавал воду желающим пить. Когда водонос увидел Живое-Серебро, то ударил в честь его в свои медные чашки и запел:

О путник, погляди! Вот чистая вода,
Прекрасная на вкус и свежая всегда!
Как петушиный глаз блестящая вода!
Отрада жарких уст прохладна и чиста!

И водонос налил Али чашку, предварительно выполоскав ее, но тот выплеснул воду наземь, говоря: – Налей другую! Водонос же воскликнул: – Если ты не хочешь пить, не мешай мне продолжать путь мой! И он снова подал чашку Али. Но на этот раз Живое-Серебро выпил чашку залпом и положил в нее золотой динарий. Но водонос смерил глазами Живое-Серебро и сказал ему насмешливо: – Счастливо оставаться, господин! Мелкие людишки одно, а важные господа – совсем другое! При этих словах Али схватил водоноса за платье, наградил его несколькими тумаками и закричал: – Так золотого динария тебе мало за чашку воды? Разве ты когда-нибудь видел человека более щедрого? Водонос же ответил: – Клянусь Аллахом! Я встречал в моей жизни человека более щедрого! Тогда Живое-Серебро спросил: – Кто же этот человек? Водонос же ответил: – Садись на ступеньку фонтана, и я расскажу тебе о своем приключении. После этого Живое-Серебро отпустил водоноса; оба они сели на одну из мраморных ступеней водоема, положили около себя мех с водою, и водонос стал рассказывать... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста двадцать третья ночь, она сказала:

НОЧЬ ЧЕТЫРЕСТА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

О тец мой был водоносом, и когда он умер, то оставил мне в наследство пять верблюдов, мула, лавочку и дом. Этого было более чем достаточно для счастья человека, но бедняк никогда не бывает доволен, и я подумал: «Увеличу свое наследство торговыми делами!» И я взял в долг товаров, навьючил их на моих верблюдов и на мула и поехал торговать в Геджасс. Но торговал я так несчастливо, что потерял все, что имел, и принужден был продать верблюдов и мула для удовлетворения самых настоятельных нужд. И сказал я себе: «Если ты вернешься в Каир, заимодавцы твои схватят тебя и бросят в тюрьму». И присоединился я к каравану, шедшему в Сирию, побывал

в Дамаске и в Алеппо, оттуда отправился в Багдад. Там я пошел к начальнику корпорации водоносов и рассказал ему обо всем, случившемся со мною. Он же дал мне камзол, мех и две чашки, чтобы я мог зарабатывать себе на хлеб. И я стал обходить кварталы города, кричать и распевать, как делают водоносы в Каире.

Но скоро заметил я, что в Багдаде люди совсем не чувствуют жажды, а те, которым случайно захочется пить, ничего не хотят платить! И это потому, что вода принадлежит Аллаху! И до самого полудня не заработал я даже на лепешку и огурец. И тогда я подумал: «Лучше было бы для тебя, бедняга, умереть на родине, хотя бы и в тюрьме, нежели жить среди людей, не любящих воду». Но в это время увидел я великолепное шествие, во главе которого ехал всадник: вид его был ужасен, и все кланялись ему до земли. Тогда я спросил: – Кто этот всадник? И мне ответили: – Это шествие Ахмада-Коросты, начальника полиции, правой руки халифа, охраняющего порядок в городе. Тогда я принялся кричать нараспев по египетскому обычаю, и Ахмад, заметив меня, подъехал и сказал: – О брат-египтянин узнаю тебя по твоему пению. Дай мне чашку твоей воды! Я же рассказал ему свою историю. Тогда он закричал: – Так будь же дорогим гостем в Багдаде! И он дал мне золотой динарий и сказал людям: – Поручаю этого земляка моего вашей щедрости! Во все время его пребывания в Багдаде такова будет плата каждый раз, как он даст нам напиться! И в течении нескольких дней моя коробочка наполнялась несколько раз. Сосчитав динарии, я увидел, что их было более тысячи! И тогда я подумал: «Пора вернуться на родину, о водонос. Потому что как бы ни было хорошо в чужих краях, на родине еще лучше! К тому же у тебя долги, и их следует уплатить». И я пошел проститься с моим благодетелем, которому прочитал такие стихи... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста двадцать четвертая ночь, она сказала:

ночь четыреста двадцать четвертая

В чужой стране жилище чужестранца
Подобно зданью на песке сыпучем,
Чуть дунет ветер, зданье упадет,
И чужестранец далее уходит!
К чему тогда и строить этот дом?!

Затем я сказал Ахмаду о моем намерении вернуться домой. В ответ он дал мне сто динариев и сказал: – Мне бы очень хотелось дать тебе одно поручение. Возьми это письмо и отдай его каирскому товарищу моему, Али-Живое-Серебро, и скажи ему: – Твой старшой шлет тебе добрые пожелания! Он теперь у халифа Гарун-аль-Рашида! Прибыв в Каир, я уплатил своим кредиторам свои долги и опять сделался водоносом, каким и теперь меня видишь, о господин мой!

Когда водонос окончил свой рассказ, Али обнял его, как брата, и сказал: – Прости мой гнев. Превосходящий меня щедростью есть бывший старшой мой. Я Али-Живое-Серебро, которого ты

разыскиваешь! Радуйся в душе своей, освежи глаза и сердце свое и дай мне письмо моего старшого! Тогда водонос отдал ему письмо, и он прочел следующее: «Привет Ахмада славнейшему и первому из детей его, Али-Живое-Серебро! Знай, что наш халиф Гарун-аль-Рашид назначил меня начальником полиции, поручил охрану города и предместий и дал жалованье по тысяче динариев в месяц. И если ты хочешь открыть себе дверь к почестям и богатствам, тебе стоит только приехать в Багдад к твоему старому другу. Я обещаю доставить тебе милость халифа, место, достойное тебя и нашей старой дружбы, а также жалованье, равное моему собственному. Приезжай же, сын мой, ко мне и дай насладиться моему сердцу желанным присутствием твоим. Да будут мир и благословение Аллаха над тобою». Прочитав это письмо, Али протанцевал фантастический танец на ступенях водоема. Потом он развязал кожаный пояс и высыпал все находившиеся в нем золотые монеты в руки водоноса из благодарности за радостное известие. После этого он нарядился в длинный дорожный плащ с широкими рукавами, заткнул за кожаный пояс два кинжала и нож, вскочил на лошадь и ускакал. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста двадцать пятая ночь, она сказала:

ночь четыреста двадцать пятая

Вступив в Багдад, Али принялся искать жилище своего друга. На площади он увидел мальчиков, игравших под управлением младшего из них, которого они звали Махмудом-Выкидышем, а он был сыном сестры Зейнаб. И Али подумал: «О людях узнают от их детей». И он купил кусок сладкой халвы на кунжутном масле, подошел к игравшим детям и закричал им: – Кто хочет халвы, еще теплой? И когда Махмуд-Выкидыш подошел, он отдал ему халву, сунув ему в руку серебряную монету. Тогда Выкидыш подумал, что человек хочет подкупить его, и закричал: – Ступай прочь, меня нельзя купить! Я не делаю гадостей! Но Али сказал мальчишке: – Дитя мое, я плачу потому, что честные люди всегда платят за услуги других честных людей. Не можешь ли мне сказать, где живет Ахмад-Короста? И Выкидыш отвечал: – Ничего нет легче! Я пойду вперед, а ты иди за мною. Мальчик побежал вперед и некоторое время спустя, чтобы никто не заметил, подцепил пальцами ноги камешек и швырнул его в дверь какого-то дома. Али же, восхищенный его осторожностью и ловкостью, подумал: «В тот день, когда меня назначат начальником гвардии, я призову его присоединиться к своим храбрецам».

Али же постучал в дверь Ахмада-Коросты, и вскоре старые друзья горячо обнялись. Затем, после первых излияний и приветствий, Ахмад-Короста представил его своим сорока стражам, которые приветствовали его, как брата. Затем Ахмад-Короста задал роскошнейший пир, и пили, и ели, и веселились они всю эту ночь! На другое утро, когда настал час идти в Диван, Ахмад сказал Али: – Тебе следует быть очень осторожным в начале твоего пребывания в Багдаде. Поэтому

не выходи из дома, чтобы не возбуждать любопытство здешних жителей, от которых трудно отвязаться, ибо они липки, как клей! Не думай, что Багдад похож на Каир. Багдад – резиденция халифа, и шпионы кишат здесь, как мухи в Египте, а мошенников и негодяев здесь столько, сколько там гусей и жаб. Али-Живое-Серебро сказал на это: – Неужели я приехал в Багдад для того, чтобы меня, как девицу, заперли в четырех стенах? Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста двадцать шестая ночь, она сказала:

ночь четыреста двадцать шестая

ли имел терпение не выходить из дома целых три дня. На четвертый день он уже не мог оставаться на месте и сказал себе: «Пойду просто подышать немного воздухом и успокою свое сердце». И он стал бродить по улицам Багдада, заходя то к пирожнику, то в съестную лавку. И вдруг увидел он сорок негров, одетых в красный шелк и вооруженных большими стальными ножами. За ними в золотой каске, украшенной наверху серебряным голубем, сидела на роскошно убранном муле начальница голубиной почты, Далила-Пройдоха. Проезжая мимо Али-Живое-Серебро, которого она не знала, она отметила сходство в выражении его глаз с ее врагом Ахмадом-Коростой. Поэтому, вернувшись во флигель хана, она позвала дочь свою Зейнаб и сказала ей: – Я только что встретила на базаре молодого человека, и взгляд его удивительно напоминает нашего врага, Ахмада-Коросту! И я опасаюсь, что этот никому не известный чужестранец приехал в Багдад, чтобы сыграть с нами какую-нибудь скверную штуку! Вот почему я хочу посоветоваться со своим волшебным столиком. И она встряхнула песок по кабалистическому способу, потом составила сочетание алгебраических и алхимических знаков и сказала: – О дочь моя, этого человека зовут Али-Живое-Серебро. Ахмад-Короста призвал его в Багдад, чтобы отомстить за то, что ты, напоив его пьяным, отобрала одежды у него и у его сорока служителей!

Тогда Зейнаб подвела глаза черной краской, насурмила брови и стала прохаживаться по базарам, покачивая бедрами, играя глазами, бросая смертоносные для сердец взгляды, расточая одним улыбки, а другим – молчаливые посулы и удары насмерть ресницами. И так зажигала она внутренности у всех, пока не встретила Али. Тогда она как бы нечаянно толкнула его плечом, притворилась обиженной, что толкнули ее, и сказала ему: – Да здравствуют слепцы, о зрячий! Али же посмотрел на красавицу, взгляд которой насквозь пронзил его, и сказал: – О как ты хороша, юница, кому же принадлежишь ты? Она же ответила: – Каждому похожему на тебя прекрасному существу! И он спросил: – Так у тебя или у меня? И она ответила: – Лучше у меня. Я замужем за купцом, и муж мой уехал на целую неделю. Я же захотела повеселиться и приказала своей служанке приготовить вкусные блюда. Но так как они могут доставить удовольствие только в обществе друзей, я вышла поискать

красивого и воспитанного человека, чтобы провести с ним ночь! И когда я увидела тебя, любовь вошла ко мне в сердце.

Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста двадцать седьмая ночь, она сказала:

Ночь четыреста двадцать седьмая

Али же ответил: – Когда приглашают, нельзя отказывать! И она пошла впереди, а он следовал за нею на некотором расстоянии и думал: «Кто знает, может так случиться, что ее муж нападет на тебя во время сна и жестоко отомстит». Тем временем пришли они к большому дому, двери которого были заперты большим деревянным замком. Тут молодая женщина воскликнула: – Я потеряла ключ! Но тебе стоит лишь притронуться к замку, и дверь отворится! И Живое-Серебро положил руку на замок, а Зейнаб пробормотала имена матери Моисея, и замок тотчас же отомкнулся. Они вошли в залу, затянутую красивыми коврами. И она села рядом с ним, ела, пила и веселилась, не позволяя, однако, никаких вольностей. Каждый раз, как он наклонялся, чтобы поцеловать ее, она прикладывала руку к щеке, и молодому человеку приходилось целовать только руку. А на все его просьбы она отвечала: – Полное наслаждение возможно только ночью! Покончив с трапезою, они вышли во двор к колодцу, чтобы вымыть руки. И тут Зейнаб предалась крайнему отчаянию и вскликнула: – Мое кольцо с рубинами соскользнуло с пальца и упало в колодец, а муж купил мне его только вчера за пятьсот динариев! И Живое-Серебро ответил: – Я спущусь в колодец и найду в воде твое кольцо!

И он сбросил с себя платье, ухватился за веревку из пальмового волокна и вместе с ведром спустился в глубину колодца. Добравшись до воды, он выпустил веревку и нырнул за кольцом, а черная и холодная в темноте вода доходила ему до плеч. В ту же минуту Зейнаб-Плутовка проворно вытащила ведро и крикнула: – Можешь теперь звать на помощь друга своего Ахмада-Коросту! И она поспешила уйти, захватив вещи Живого-Серебра, и вернулась к матери. А дом, в который Зейнаб заманила Живое-Серебро, принадлежал одному из эмиров Дивана, отлучившегося по делам. Вернувшись домой и желая приступить к омовениям, он сказал конюху: – Возьми кувшин и принеси воды из колодца! И конюх пошел туда, спустил ведро, и, когда, по его мнению, оно должно было уже наполниться, хотел вытянуть его, но ведро показалось ему необыкновенно тяжелым. Тогда он заглянул в колодец и увидел, что на ведре сидит кто-то черный, показавшийся ему эфритом. Увидев это, он бросил веревку, и без памяти побежал и закричал: – В колодце поселился эфрит! Он сидит на ведре! Тогда эмир спросил: – А каков он из себя? – Ужасный и черный! И хрюкает как свинья! Эмир же сказал ему: – Приведи скорее ученых чтецов, чтобы они читали Коран над этим эфритом в виде заклинаний. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и по обыкновению умолкла... А когда наступила четыреста двадцать восьмая ночь, она сказала:

ночь четырехста двадцать восьмая

И конюх побежал за учеными чтецами Корана. Они обступили колодец и начали читать заклинающие стихи, между тем как хозяин и конюх налегли на веревку и тащили ведро. И все остолбенели, когда увидели, как тот эфрит выскочил из ведра, стал на обе ноги и закричал: – Аллах Акбар! Но эмир, быстро разобравший, что это был не эфрит, а обыкновенный человек, сказал ему: – Не вор ли ты? Али же ответил: – Клянусь Аллахом, я бедный рыбак; вихрь подхватил меня и бросил в воду, а нижнее течение притащило меня в этот колодец, где меня благодаря тебе ждало спасение! Эмир же не усомнился в справедливости этого рассказа. Он дал Али старый плащ для прикрытия наготы и отпустил, выражая сожаление, что ему пришлось так долго сидеть в холодной колодезной воде. Когда же Живое-Серебро пришел к Ахмаду-Коросте и рассказал о своем приключении, его осыпали насмешками. Больше всех смеялся Гассан-Чума, который сказал: – Та, которую ты считал замужнею, – девственница, и зовут ее Зейнаб. Она дочь Далилы-Пройдохи, нашей начальницы голубиной почты! Она и ее мать могли бы обернуть весь Багдад вокруг своего пальчика! Но скажи, что же думаешь ты делать теперь? И Али ответил: – Жениться на ней! Ибо я без памяти люблю ее! О Гассан, помоги мне!

Тогда Чума сказал: – Начни же с того, что разденься донага! И Живое-Серебро сбросил плащ, а Гассан взял горшок со смолой, вымазал ей тело и лицо Живого-Серебра, в довершение выкрасив ему губы красной краской, и сказал: – Теперь ты превратился в настоящего негра. Знай, что повар Далилы тоже негр, как и ты! Постарайся встретиться с ним и скажи: – Давно, брат мой, не пили мы бузы, нашего родного крепкого напитка. Попируем же сегодня! И когда он пригласит тебя к себе на кухню, ты напоишь его и расспросишь, какие блюда готовит он для Далилы, и какую пищу получают сорок негров, и где хранятся ключи от кухни, и где находится кладовая с провизией – одним словом обо всем. Пьяный он скажет тебе все! Когда же ты вытянешь из него эти сведения, то усыпишь его банжем, переоденешься в его платье и настряпаешь кушанья так, как тебе было указано, подмешаешь банж и так усыпишь всех. Тогда ты снимешь с них все платья и вещи и принесешь мне. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста двадцать девятая ночь, она сказала:

ночь четырехста двадцать девятая

Но если ты желаешь, чтобы Зейнаб сделалась твоей супругой, то должен также завладеть и сорока почтовыми голубями халифа, посадить их в клетку и принести мне. Выслушав все это, Али-Живое-Серебро приложил руку ко лбу, сделал как велено и узнал от повара, что тот должен готовить для Далилы и Зейнаб чечевицу, рубленое баранье мясо в кастрюле под соусом, рис с медом и шафраном и блюдо с гранатом и очищенным миндалем. А неграм он дает вареные на воде и приправленные маслом и луком бобы. Узнав это, Али усыпил банжем повара, купил на базаре нужную провизию, подмешал в нее банж и приготовил все так, что никто не заметил перемены в столе. Затем он отобрал у старухи парадное одеяние и каску, потом снял с Зейнаб всю одежду и нашел, что она дивно хороша. Потом он раздел негров, посадил всех голубей в клетку и вернулся в дом Ахмада-Коросты.

Когда же Далила-Пройдоха очнулась от сна, она побежала на голубятню, в которой не оказалось ни одного голубя. Затем она бросилась в комнату Зейнаб и нашла ее спящею и нагою. На шее ее висела на нитке бумага, и она прочитала на ней следующее: «Все это сделал я, Али-Живое-Серебро из Каира, доблестный, отважный, хитрый и ловкий». Прочитав это, Далила направилась к дому Ахмада-Коросты и постучалась в его двери. А как раз в это время Гассан-Чума, Ахмат-Короста и другие закусывали жареными голубями, редиской и огурцами. И они сказали вошедшей Далиле: – О мать наша, покушай с нами голубей! При этих словах у Далилы потемнело в глазах, и она воскликнула: – Не стыдно ли вам жарить голубей, которых халиф предпочитал даже собственным детям! Но понюхав голубиное крылышко, она воскликнула: – Клянусь Аллахом, мои голуби еще живы! Это не их мясо! Я кормила их зерном, примешивая к нему мускус, и узнала бы их мясо по вкусу и запаху! При этих словах Гассан-Чума сказал: – О мать наша, твои голуби живы! Я согласен возвратить их тебе, но только под одним условием! Далила же сказала... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста тридцатая ночь, она сказала:

ночь четыреста тридцатая

Говори! Я заранее согласна на все твои условия. Гассан же сказал: – Если хочешь получить обратно своих голубей, тебе надо лишь исполнить желание Али-Живое-Серебро. А он желает вступить в брак с дочерью твоей Зейнаб! Она же ответила: – Но я не могу заставить дочь свою выходить замуж против желания. И если он хочет сочетаться браком с моею дочерью, то должен обратиться к моему брату и ее опекуну, продавцу жареной рыбы Зораику. И она, получив голубей обратно, рассказала Зейнаб о том, что Али предлагает ей выйти на него замуж. Зейнаб же ответила: – Я ничего не имею против; потому что Али красив и мил, но Далила

возразила: – Я уверена, что прежде, чем Али добьется согласия твоего дяди, тот переломает ему руки и ноги!

Али же спросил у Гассана: – Кто такой этот Зораик? Гассан же ответил: – Этот рыбный торговец был прежде главою шайки, известной во всем Ираке. Для привлечения покупателей в свою лавочку он подвесил у ее входа кошелек с тысячью динариями и велел глашатаю кричать по всему базару: – О воры Ирака, плуты Багдада, разбойники пустыни, мошенники Египта, узнайте новость! Кто сумеет похитить кошелек, висящий в лавке торговца жареной рыбой Зораика, тот будет его законным собственником! При этом хитрый Зораик устроил так, что как только кто-то касался кошелька, сейчас же приводился в действие хитрый механизм, состоящий из ряда колокольчиков. Они поднимали такой трезвон, что Зораик слышал его даже в глубине лавки. И он бросал в вора один из лежащих у его ног тяжелых кусков свинца, ломая ему руку, ногу или даже разбивая череп. Когда Али услышал такие слова Гассана, он вскричал: – Клянусь Аллахом! Никогда не забуду я этой девушки с темными глазами! Я должен попытаться украсть этот кошелек и таким путем заставить старого разбойника согласиться на мою женитьбу. И тотчас же он нарядился в женское платье, подкрасил веки сурьмой и прикрыл лицо шелковым покрывалом. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста тридцать первая ночь, она сказала:

ночь четыреста тридцать первая

Он зарезал барана и положил себе на живот под платье его желудок, наполнив его кровью. Потом он взял зобы двух цыплят, наполнил их теплым молоком и приложил к своей груди. Чтобы еще более походить на женщину, он положил сзади несколько накрахмаленных салфеток, устроив себе, таким образом, толстый зад. Он сел на осла, подъехал к лавке торговца жареной рыбой и сказал погонщику: – Как хорошо пахнет жареная рыба, и мне, как беременной женщине, вдруг сильно захотелось этой рыбы! Принеси мне одну поскорее, чтобы я сейчас же могла съесть ее, иначе я непременно выкину здесь же на улице! Погонщик остановил осла перед лавкой и сказал Зораику: – Дай мне поскорее жареную рыбу для этой беременной женщины: от запаха жареного у нее заметался ребенок и грозит выскочить преждевременно! Но старый плут ответил: – Подожди немного! Рыба еще не прожарилась! Если же ты не можешь ждать, то поворачивай оглобли! Но в то время беременная вдруг громко вскрикнула, кровь хлынула из-под ее одежды и наводнила лавочку. Тогда погонщик закричал Зораику: – Говорил я тебе! Не хотел дать ей рыбы, и вот что случилось! Ты ответишь за это и Аллаху, и ее мужу!

Тогда, несколько встревоженный этим происшествием, Зораик, боясь выпачкаться в крови, отодвинулся в дальний угол лавки и на минуту потерял из вида кошелек, висевший у входа. Живое-Серебро хотел схватить его, но тут

во всех углах лавки зазвонили колокольчики. Зораик подбежал и сразу понял, какую штуку хотели сыграть с ним. Он схватил увесистый кусок свинца и бросил его в живот похитителя, крича: – Ах ты, висельник! На вот, получай! И Али покатился на середину улицы и чуть было не умер на месте. Однако он все-таки дотащился до дома Ахмада-Коросты, где и рассказал о своей неудавшейся попытке. Оправившись от полученного им сильного удара, Али не захотел отказаться от своего плана. Он вымылся, вычистился, нарядился конюхом, взял в одну руку пустую тарелку, а в другую – пять медных монет и отправился покупать рыбу в лавку Зораика. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста тридцать вторая ночь, она сказала:

Он подал торговцу пять медных монет и сказал ему: – Наложи мне горячей рыбы в тарелку! И тот хотел дать конюху той рыбы, которая лежала на выставке, но конюх отказался от нее, говоря: – Мне нужно горячей! Зораик же ответил: – Она еще не изжарена. Подожди, я раздую огонь! И он пошел в заднюю комнату. Живое-Серебро тотчас же протянул руку за кошельком; но вдруг вся лавка наполнилась оглушительным звоном колокольчиков, а Зораик бросился через всю лавку, схватил кусок свинца и швырнул им в голову мнимого конюха. Но Живое-Серебро избежал удара и убежал, но не потерял мужества, потому что его поддерживала любовь к Зейнаб. Он нарядился укротителем змей, вернулся к лавке, вытащил из мешка змею со вздутой шеей, принялся играть ей на флейте, а потом вдруг швырнул ее в лавку к ногам Зораика. Тот очень боялся змей и с криком кинулся в самый дальний угол лавки. Али же бросился к кошельку и хотел схватить его. Но он плохо знал Зораика. Тот так ловко пустил свинцом в змею, что раздробил ей голову, а другой кусок, пущенный в голову Али, попал в какую-то старуху и положил ее на месте. Тогда все столпившиеся люди закричали: – Ты должен отцепить свой зловещий кошелек, или мы сами отнимем его у тебя! И Зораику пришлось отцепить кошелек. Он принес его к себе в дом и велел своей жене-негритянке спрятать его в яме на кухне! И та вырыла ямку в полу кухни и зарыла в нее кошелек. Зораик же лег спать и увидел во сне, что большая птица роет клювом ямку в его кухне, достает кошелек и уносит его в когтях, взвившись в воздух. Он проснулся от страха, и разбуженная им негритянка спустилась в кухню с огнем и увидела, но не птицу, а человека, который выбегал из кухонных дверей на улицу, держа в руке кошелек. Это был Али, который не переставал следить за всеми движениями Зораика и которому удалось спрятаться за кухонную дверь. Когда Зораик удостоверился, что кошелек украден, он воскликнул: – Клянусь Аллахом, сегодня же вечером я получу его обратно! А жена сказала ему: – Если ты не принесешь его, я не отворю тебе дверей нашего дома, и

ты будешь ночевать на улице! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста тридцать третья ночь, она сказала:

ночь четыреста тридцать третья

И тогда Зораик вышел из дома и, направившись кратчайшим путем, явился к Ахмеду-Коросте раньше Али. Он знал, что Али живет у него, отворил дверь при помощи различных отмычек, которых был у него целый набор, запер ее за собою и стал ждать возвращения Али, не замедлившего явиться и постучать по своему обыкновению. Тогда Зораик, подражая голосу Гассана-Чумы, спросил: – Ты кошелек Зораика принес? Скорей просунь мне его в щель двери, раньше, чем я отворю ее; я побился об заклад с Ахмедом-Коростой, а в чем дело, расскажу после! И Зораик, заполучив кошелек, перебрался с ним на крышу, а потом на соседнюю, спустился по лестнице и отправился домой. Али же долго простоял на улице; и, наконец, ударил в дверь, вошел, разбудив всех в доме, и спросил у Гассана, в чем дело. А тот, выслушав Али, воскликнул: – Начинай сначала! Зораик отобрал свое добро! Тогда Али прибежал к дому Зораика, проник в комнату, где спала негритянка с ребенком, связал ей руки и заткнул рот кляпом. Когда же подошедший Зораик постучал в дверь, Али, подражая голосу негритянки, сказал: – Ты принес кошелек? Я отворю дверь, когда сосчитаю деньги! Я спущу тебе в окно корзинку, а ты положи кошелек в нее. Заполучив кошелек, Али удрал из дома, прихватив ребенка.

Зораик же, потеряв терпение, выломал дверь, поднялся к жене и увидел то, что увидел. Тогда он бросился к дому Ахмада и, обращаясь к Али, сказал ему: – Клянусь Аллахом, что касается кошелька, то ты выиграл его! Но отдай мне мое дитя! А Гассан-Чума ответил: – Али готов отдать его тебе вместе с кошельком, если ты согласишься выдать за него замуж дочь сестры твой Далилы, молодую Зейнаб, которую он любит! Зораик же ответил: – Неужели, Али, ты думаешь, что я могу располагать Зейнаб как жареной рыбой? Я не могу дать согласия до тех пор, пока ты не принесешь ей приданого, которое она требует. Знай, что она дала клятву принадлежать только тому, кто принесет ей в виде свадебного подарка затканное золотом платье молодой Камарии, дочери еврея Азарии, а также ее золотой венец, золотой пояс и золотую туфлю. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста тридцать четвертая ночь, она сказала:

ночь четыреста тридцать четвертая

Тогда Али-Живое-Серебро воскликнул: – Сегодня же вечером я принесу ей все эти вещи! Но Гассан-Чума возразил: – Горе тебе, Али! Разве тебе не известно, что Азария – коварный волшебник? У него под начальством все джины и эфриты! Он живет во дворце, который виден, лишь когда в нем находится сам волшебник. Самые ловкие из наших воров пытались проникнуть внутрь, но знаменитый волшебник превратил смельчаков или в мулов, или в медведей, или в обезьян. Поэтому советую тебе отказаться от этого дела! Но Али немедля отправился разыскивать лавку волшебника Азарии. На базаре ему указали на отвратительного на вид еврея, который, заперев лавку, садился на мула. Али незаметно последовал за ним и вскоре вышел из города. Тут еврей вынул из мешка горсть песка и подбросил его в воздух. И сейчас же появился великолепный дворец с обширным алебастровым портиком и мраморной лестницей, по которой еврей проехал внутрь. Вскоре он появился у окна с роскошным платьем, венцом, поясом и золотой туфлей и закричал: – О воры и мошенники Ирака, Персии и Аравии, за того, кто овладеет всем этим, я выдам замуж дочь мою Камарию!

Тогда Али закричал волшебнику: – Я желаю поговорить с тобою! И еврей ответил: – Можешь подняться ко мне! И Али рассказал ему всю свою историю. В ответ еврей лишь засмеялся, показывая страшные зубы. Тогда Али вынул меч и, направив его к груди еврея, закричал: – Если ты сейчас же не отдашь мне эти вещи и сверх того не сделаешься мусульманином, душа твоя расстанется с телом! Тогда еврей простер руку, как бы собираясь произнести основание веры, и сказал: – Да усохнет твоя правая рука! И тотчас же правая рука Али усохла, и меч упал наземь. Но Али поднял его левой рукой, а волшебник сказал: – Да усохнет левая рука! И левая рука Али иссохла, и меч упал наземь. Тогда, придя в крайнее бешенство, Али поднял ногу и хотел ударить в живот еврея, но тот сказал: – О правая нога, усохни! И поднятая нога Али усохла... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста тридцать пятая ночь, она сказала:

НОЧЬ ЧЕТЫРЕСТА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

И Али остался стоять на одной левой ноге! Тогда волшебник сказал ему: – Отказался ли ты от своего намерения? Али же ответил: – Мне непременно нужно получить вещи твоей дочери! Тогда еврей сказал ему: – Тогда я заставлю тебя их нести! И он взял чашку с водою, обрызгал ею Али, и тотчас же тот превратился в осла с громадными ушами. А еврей шепнул ему на ухо: – Ты заменишь мне мула! И он выехал на нем из заколдованного дворца, который сейчас же исчез, и погнал его к лавке.

Отперев ее, еврей привязал осла-Али к тому месту, где был привязан мул, и стал заниматься своими делами. Тем временем в лавку вошел молодой купец,

который сказал еврею: – Я разорен, вот золотые браслеты жены моей – единственное, что осталось от нашего состояния. Купи их, чтобы на вырученные деньги я мог приобрести осла и сделаться продавцом воды. Еврей же ответил: – За эти браслеты я уступлю тебе моего собственного осла, который привязан вон там за дверью! Не жалей его, а то он обленится, и навьючивай его потяжелее, потому что он молод и силен!

Продавец воды привел к себе осла и велел своей молодой и привлекательной жене задать ему корму. Но осел-Али, увидав красавицу, зафыркал, засопел, бросился на нее и стал ласкать ее по лицу своими толстыми губами. Тогда жена продавца воды закричала пронзительным голосом, и муж спросил ее: – Что с тобою? Она же плюнула ему в лицо и сказала: – Зачем ты купил этого беспутника! Он повалил меня и напал на меня! И если бы не соседки, он совершил бы надо мною страшное насилие! Тогда продавец воды осыпал осла палочными ударами, а потом отвел к еврею и заставил его взять осла обратно, отдав браслеты. Когда же продавец воды ушел, Азария сказал ослу-Али: – Если ты так доволен своим положением осла и не сдерживаешь своих прихотей, я тебя устрою иным образом. И он запер лавку, сел на осла, уехал из города и так же, как и накануне, вызвал из воздуха заколдованный дворец. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста тридцать шестая ночь, она сказала:

ночь четыреста тридцать шестая

Еврей снова пробормотал какие-то заклинания и брызнул на него несколькими каплями воды из чаши, на которой были начертаны таинственные слова, и закричал: – Превратись в медведя! И тотчас же Али-Живое-Серебро превратился в медведя. На шее у него повисла толстая цепь, железное кольцо которой было продето ему в ноздри. И еврей сел на своего прежнего мула и потащил за собою медведя-Али до самой своей лавки, рядом с которой его и привязал. Между тем мимо проходил человек, увидев медведя на цепи, он зашел в лавку и спросил у еврея: – О господин мой, не продашь ли мне медведя? Жене моей велели есть медвежье мясо и натираться медвежьим жиром, но я нигде не мог этого найти! Я сегодня же велел бы зарезать его! Услыхав это, волшебник чрезвычайно обрадовался и сказал: – Так как это для здоровья твоей жены, то бери медведя даром! И человек увел медведя и позвал мясника, который явился с двумя большими ножами. Увидав их, медведь-Али вырвался и помчался во дворец волшебника. Тогда Азария сказал себе: «Сделаю над ним еще одну попытку». И он на время возвратил Али человеческий образ, позвав дочь свою Камарию. Она же, увидав Али, нашла его таким прекрасным, что сильнейшая любовь к нему загорелась в ее сердце.

А ее отец брызнул на Али из чародейской чашки, и тотчас тот превратился в уличную собаку. Чародей ударил ее ногой и выгнал из дворца. Когда

собака-Али пришла в Багдад, ее встретили громким лаем все городские собаки, ее преследовали и кусали. Непрошеная гостья переходила с одного участка на другой, пока не укрылась в лавке, находившейся на нейтральной территории. Скупщик, которому принадлежала лавочка, схватил палку и разогнал нападающих. Тогда собака-Али, чтобы выразить свою благодарность торговцу, легла у его ног со слезами на глазах, ласкалась, лизала его и махала хвостом от умиления. Вечером же, когда торговец запер свою лавочку, собака прижалась к нему и пошла за ним в его дом. Но не успел торговец войти к себе, как дочь его закрыла лицо свое и воскликнула... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста тридцать седьмая ночь, она сказала:

ночь четыреста тридцать седьмая

Отец мой, как ты решился привести к своей дочери чужого человека! Торговец же возразил: – Здесь никого нет кроме собаки! Она же сказала: – Эта собака – Али-Живое-Серебро, заколдованный чародеем Азарией. И если он жениться на мне, я верну ему человеческий образ. Тогда торговец, обращаясь к собаке, спросил: – Ты слышала? Согласна ли ты? И собака кивнула головой в знак согласия. Но когда девушка взяла чародейскую чашку, в комнату вбежала молодая невольница и воскликнула: – Ты поклялась, когда я учила тебя чародейству, ничего не делать волшебного, не посоветовавшись со мною! А я сама хочу выйти замуж за Али-Живое-Серебро! Пусть же он будет принадлежать нам обеим и станет проводить одну ночь со мною, а другую – с тобою. Удивленный же отец девушки спросил у нее: – С каких это пор ты научилась колдовству? А она ответила: – С тех пор, как поступила к нам наша новая невольница; она же научилась этому в то время, когда служила у еврея Азарии и могла украдкой рыться в волшебных книгах этого чародея! После обе девушки взяли по волшебной чашке и, пошептав над ними, обрызгали водою собаку-Али, и Живое-Серебро тотчас же прыгнул на обе ноги, став прекраснее и моложе прежнего. Но в это время в распахнувшуюся дверь вошла третья девушка, дочь чародея, прекрасная Камария. Одной рукой она держала поднос с золотым платьем, венцом, поясом и туфлей, а другой рукой она держала окровавленную голову еврея Азарии. Поставив поднос у ног Али, она сказала ему: – Приношу тебе, Али, потому что люблю тебя, те вещи, которых ты добивался, и голову отца моего еврея! Я же теперь мусульманка! И Али ответил: – Я согласен взять тебя в жены вместе с этими двумя молодыми девушками с условием, что я подарю все эти вещи Зейнаб, которая будет четвертою женою моею, так как закон дозволяет это! И Камария согласилась, и остальные две девушки также.

Взяв поднос с вещами Камарии, Али вышел, чтобы отнести их к Зейнаб. По дороге он увидел разносчика халвы и согласился попробовать кусочек. И в ту же минуту он упал на землю недвижимый, ибо к халве был подмешан

банж, а разносчиком же был Махмуд-Выкидыш, занимавшийся обиранием прохожих. Он завладел золотым платьем и другими вещами и собирался уже бежать, как вдруг подъехал Гассан-Чума со своими сорока стражниками и арестовал его. Али дали противоядие, и уснувший проснулся. Гассан отвел его в дом Ахмада-Коросты, которому Али рассказал обо всех своих приключениях. И Ахмад сказал: – Теперь волшебный дворец чародея принадлежит тебе, так как Камария будет одною из твоих четырех жен. Там мы и отпразднуем твою четырехкратную свадьбу. Я же сейчас отнесу твои подарки Зейнаб и заставлю ее дядю согласиться на ваш брак. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста тридцать восьмая ночь, она сказала:

ночь четыреста тридцать восьмая

И Гассан-Чума велел позвать Зораика, показал ему подарки, которые тот требовал в приданое племяннице, и сказал: – Теперь отказ уже совершенно невозможен! А если нет, то обида будет уже касаться меня, Гассана! Далила же и Зейнаб приняли подарки и дали свое согласие. На другой же день Али-Живое-Серебро ступил во владение дворцом еврея Азарии; и в тот же вечер в присутствии кади и свидетелей с одной стороны, и Ахмада-Коросты с сорока стражниками и Гассана-Чумы с его сорока стражниками – с другой, написали брачный договор Али-Живое-Серебро с дочерью Далилы – Зейнаб, дочерью Азарии – Камарией, с дочерью торговца и с молодой невольницей. И по мнению всех сопровождавших женщин Зейнаб была красивее и трогательнее всех в своем брачном наряде. На ней к тому же было затканное золотом платье, золотой венец, золотой пояс и золотая туфля; остальные три девушки окружали ее, как звезды окружают луну. И празднества продолжались три дня и три ночи, и Али был беспредельно счастлив.

Рассказ Али о своих приключениях так восхитил халифа, что он приказал самым искусным из дворцовых писцов тщательно изложить всю эту историю и хранить ее в архиве вместе с документами его царствования для того, чтобы она служила и поучением, и развлечением для мусульманских народов и всех будущих верующих в Аллаха и в пророка Его Магомета, лучшего из людей (мир и молитва над ним!). Затем он назначил Живое-Серебро главным управляющим полицией, с таким же чином и такими же преимуществами, и таким же содержанием, как у Ахмада-Коросты и Гассана-Чумы. И жили все счастливо и весело до самой той поры, когда посетила их Разрушительница радостей и Разлучница друзей!

Такова-то, о царь благословенный, дошедшая до меня подробнейшая и правдивая история о Далиле-Пройдохе, дочери ее Зейнаб-Плутовке, Ахмаде-Коросте, Гассане-Чуме, Али-Живое-Серебро и рыбном торговце Зораике! Потом Шахразада прибавила: – Не думай, однако же, о царь благословенный, что эта история правдивее рассказа о Джударе-Рыбаке и его братьях. И тотчас же принялась она рассказывать:

История Джудара-Рыбака или волшебный мешок

Царь благословенный, жил в былое время купец по имени Омар, и было у него три сына: Салем, Салим и младший Джудар. Он любил меньшого более его братьев, и те стали завидовать и возненавидели Джудара. Тогда купец при свидетелях разделил свое имущество на четыре части и сказал: – Все это было моим имуществом, и я разделил его при жизни между ними, чтобы им не пришлось ничего требовать от меня, ни требовать друг у друга, и для того, чтобы после моей смерти у них не было бы причин для ссор. Четвертая же часть, которую взял я себе, должна достаться моей жене, матери этих детей, для того чтобы ей было чем жить. Вскоре после этого старик умер, а Салем и Салим стали требовать от Джудара доставшуюся ему часть. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста тридцать девятая ночь, она сказала:

Пришлось Джудару обратиться к суду и вызвать свидетелей, присутствовавших при дележе. И судья не допустил братьев захватить часть Джудара. Но это их не остановило, и они пошли к другому судье, потом к третьему и так далее, пока тяжбы не поглотили всего наследства, и все трое так обеднели, что у них не было даже медной монеты на покупку лепешки и луковицы. Тогда Салем и Салим обобрали мать свою, которая захотела их проклясть, но Джудар сказал ей: – О мать моя, не делай этого,

Аллах воздаст каждому по делам его! Ты можешь жить у меня, и я разделю с тобою последнее! И Джудар добыл рыболовную сеть и начал ловить рыбу в Ниле, и все заработанное тратил он на мать и на себя, а потому ели и пили они достаточно. А у братьев не было ничего: ни купли, ни продажи. И пришлось им обращаться к матери и унижаться до крайности, жалуясь на терзавший их голод. Сердце же матери жалостливо и сострадательно, и она давала им остатки своей трапезы. И однажды, когда они вошли к матери, вдруг вернулся Джудар. Но он не только не выказал досады, но улыбнулся братьям и сказал им: – Поистине нехорошо было с вашей стороны так долго заставлять меня скучать без вас. Для меня благословением являетесь вы оба, братья мои. Оставайтесь у меня! Аллах щедр, и у нас всего будет вдоволь! И помирился он с братьями вполне, вместе доужинали они, и братья провели ночь под его кровом.

На другой день они все вместе ели утреннюю пищу, и Джудар со своей сетью ушел с надеждой на щедроты Дающего, между тем как братья также ушли и отсутствовали до полудня, когда явились разделить трапезу с матерью. А Джудар вернулся только вечером и принес мяса и овощей, купленных на дневной заработок. И так жили они целый месяц. Джудар ловил и продавал рыбу, чтобы кормить мать и братьев, которые только ели и веселились. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста сороковая ночь, она сказала:

ночь четыреста сороковая

Однажды Джудар забросил сеть в реку, а когда вытащил ее, нашел ее пустою; он забросил ее во второй раз, и опять сеть была пуста. Он переменил место и еще, и еще, но не поймал ни единого пескаря. Огорченный, что ничего не принесет матери и братьям на ужин, он проходил мимо пекарни, в которой имел обыкновение покупать хлеб. И пекарь сказал ему: – Добро пожаловать, о Джудар. Если у тебя нет денег, все равно бери, сколько тебе нужно, я подожду! Вот тебе от меня десять медных монет, которые могут тебе понадобиться. А завтра ты принесешь мне рыбы на двадцать монет! Горячо поблагодарив пекаря, Джудар взял хлебы и монеты, говоря себе: «Завтра Господь даст мне возможность расплатиться». Утром он снова пошел на реку, но до часа послеполуденной молитвы ничего не выловил. И так не везло ему семь дней подряд, после чего напала на него тоска, и говорил он себе: «Нужно идти на озеро Карун. Может быть, там ждет меня счастье». И он пошел к озеру, лежащему невдалеке от Каира, и собирался уже закинуть свою сеть, когда подъехал к нему на муле мограбин.

На нем было роскошное платье, на его муле была великолепная бархатная попона, роскошная сбруя из золота и шелка, а на крупе висел у него мешок из цветной шерстяной ткани. И мограбин сказал: – О Джудар, ты мне нужен. Если будешь повиноваться мне, то получишь большие выгоды и огромное состояние; и будешь ты мне другом; и будешь

Léon Carré

управлять всеми моими делами! И Джудар ответил: – Скажи, что у тебя на уме, и я буду повиноваться тебе во всем! Тогда мограбин сказал ему: – Свяжи мне руки, как только можешь крепче этими шнурками! Потом брось меня в это озеро и подожди немного. Если увидишь, что рука моя высунется из воды раньше туловища моего, бросай скорее сеть в воду и вытащи меня на берег, но если не руку, а ногу мою увидишь над водою, то знай, что я умер. Тогда уже не заботься обо мне, возьми мула и мешок и ступай на базар, где найдешь еврея по имени Шамайя. Ему ты отдашь мула, а он даст тебе сто динариев; возьми их и иди путем своим. Но пусть все это останется тайной. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста сорок первая ночь, она сказала:

ночь четыреста сорок первая

И Джудар ответил: – Слушаю и повинуюсь! Он связал мограбина, и, когда все было готово, бросил его в озеро и вскоре увидел, как из воды высунулись обе его ноги. Тогда он понял, что человек этот умер. И не заботясь о нем более, Джудар отправился на базар, где увидел еврея, о котором говорилось, а он при виде мула воскликнул: – Нет более сомнения! Этот человек погиб жертвою своей алчности! И, не сказав более ни слова, он взял у Джудара мула и отсчитал ему сто динариев золотом. А тот, получив деньги, расплатился с пекарем, у которого покупал по обыкновению хлеб, накупил мяса и овощей, а потом отдал все имевшееся у него золото матери, говоря: – Оставь это себе и давай братьям, чтобы они никогда и ни в чем не нуждались! И он взял свою сеть и вернулся к берегам озера Карун, где увидел другого мограбина, очень похожего на первого. Только этот мограбин был еще роскошнее одет, а на муле была еще более великолепная сбруя. И мограбин сказал Джудару: – О бедный Джудар, мне известно все. Человек, которого ты бросил в озеро и мул которого ты продал еврею Шамайе за сто динариев, – брат мой! И я хочу, чтобы ты и мне оказал такую же услугу, как и брату! Тогда Джудар связал ему руки, поднял и бросил в озеро. Несколько минут спустя показались над поверхностью воды две ноги. И Джудар сказал себе: «Хорошо бы каждый день бросать по мограбину в воду и получать каждый раз сто динариев». И вновь еврей на базаре взял мула, дал сто динариев и заметил: – Такова награда честолюбцам!

На третий день Джудар опять пошел к озеру. И не успел он подойти к берегу, как явился третий мограбин, удивительно похожий на двух первых, но еще более роскошно одетый и на еще более великолепно убранном муле. Позади него с каждой стороны было по сумке, а в сумках по хрустальному сосуду с крышкой. Он подошел к Джудару и сказал ему: – Привет тебе, о Джудар сын Омара! Тот ответил ему тем же и подумал: «Как это они все знают меня и мое имя? Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста сорок вторая ночь, она сказала:

ночь четыреста сорок вторая

И третий мограбин сказал: – Я желаю, чтобы ты со мной поступил так же, как с двумя моими братьями! И вытащил он из сумки шелковые шнурки. Джудар же сказал: – Протяни руки, чтобы я мог связать их у тебя за спиною; ты можешь доверять мне: я превосходно топлю людей! И он скрутил ему руки и бросил в воду. Но к своему удивлению он увидел вскоре руки, а затем и голову мограбина. Тогда Джудар бросил сеть и вытащил его на берег. В каждой руке у мограбина было по красной, как коралл, рыбе. Он посадил каждую в сосуд, закрыл крышкой, заключил Джудара в объятия и сказал: – Клянусь Аллахом! Без тебя я не смог бы поймать этих двух рыб! Знай, что тот, кого ты почитаешь евреем, вовсе не еврей, а настоящий мусульманин, и он также брат мне. Отец наш был великим чародеем, и он научил нас волшебству, колдовству и искусству открывать самые сокровенные клады. После смерти отца нашего мы честно разделили его богатства, талисманы и ученые книги, но по поводу некоторых рукописей мы поспорили. Важнейшей из них была «Летопись Древних», за которую нельзя было бы заплатить даже равным ее весу количеством драгоценных камней, ведь в ней находились точные указания относительно всех скрытых в недрах земли сокровищ.

Чтобы решить наш спор относительно этой летописи, мы обратились к почтенному шейху, которого звали Коген Глубочайший. И он сказал нам: – Тот, кто желает владеть книгой, должен принести мне сокровище Шамардаль: планетный круг, пузырек с сурьмой, меч и печать! Человек, которому удалось бы овладеть этой печатью, может не бояться царей и султанов; он может стать властителем всей земли. Из меча исторгаются пламя и молнии, уничтожающие армии воинов в прах. Тот, кто владеет планетным кругом, может путешествовать по всем частям вселенной, не двигаясь с места. Для этого надо только притронуться пальцем к тому месту на круге, где он хочет быть. Если же натереть веки содержащейся в пузырьке сурьмой, то увидишь все сокрытые в недрах земли сокровища! Принимаете ли вы эти условия? Мы отвечали: – Принимаем, но мы ничего не знаем о том, где находится сокровище Шамардаль! Тогда он сказал нам... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста сорок третья ночь, она сказала:

ночь четыреста сорок третья

найте, что они находятся во власти двух сыновей Красного царя, превращенных в красных рыб и находящихся в озере Карун. По астрологическим вычислениям узнал я, что поймать их можно лишь при содействии рыбака по имени Джудар. Победивший сыновей Красного царя не утонет, и рука его прежде остального тела покажется над водою. Услыхав это, мы отвечали: – Мы хотим сделать попытку, хотя бы ценою жизни! Один только брат наш не пожелал рисковать. Тогда мы уговорили его переодеться еврейским купцом и условились, что будем отсылать к нему мула и сумку, чтобы он купил их у рыбака в том случае, если мы погибнем во время попытки! Оба брата мои погибли, и лишь мне удалось овладеть обоими сыновьями Красного царя, которые и есть те две рыбы, посаженные мною в сосуды. Они – два могучих эфрита; и теперь, овладев ими, я, наконец, могу открыть сокровища. Но для этого необходимо твое личное присутствие, ведь, по предсказанию, дело не может совершиться без тебя! Поедем же со мною в Магриб, чтобы открыть сокровище Шамардаль! Я могу дать тебе тысячу золотых динариев на расходы во время твоего отсутствия, которое продлится не более четырех месяцев.

И Джудар взял тысячу динариев и отнес матери, говоря ей: – Мать моя, молись за меня во время моего отсутствия! Она же отвечала: – Как тягостно будет для меня твое отсутствие! И как боюсь я за тебя! И Джудар, простившись с матерью, отправился к мограбину, сел за его спиною на мула и ехал так до половины послеполуденного времени. За время пути Джудар сильно проголодался... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста сорок четвертая ночь, она сказала:

так как в сумке не видно было провизии, то он и сказал мограбину: – О господин мой, ты, кажется, забыл взять провизии на дорогу! Тогда мограбин остановил мула, слез с него, взял свою сумку и спросил: – Любишь ли ты жареных цыплят? А рис на меду? А фаршированные баклажаны? Фаршированные виноградные листья? Пирожное? То-то и то-то? И он перечислил таким образом двадцать четыре блюда, между тем как Джудар думал про себя: «Откуда возьмутся все эти кушанья, если здесь нет ни кухни, ни повара?», а мограбин вытащил из сумки золотое блюдо с двумя горячими жареными цыплятами и далее все указанные блюда. При виде этого Джудар остолбенел. А мограбин сказал ему: – О Джудар, это волшебная сумка! Ей служит эфрит, который, если бы мы того пожелали, принес бы нам сейчас же тысячу сирийских блюд, тысячу египетских, тысячу индийских и тысячу китайских! И Джудар воскликнул: – О какая прекрасная сумка! Потом оба ели досыта, и мограбин вытащил из сумки золотой кувшин со свежей и сладкой водой.

И пили они и совершали омовения, и прочитали послеполуденную молитву, а потом продолжали путь. По прошествии некоторого времени мограбин спросил у Джудара: – Знаешь ли, сколько мы проехали от Каира? За два часа мы одолели расстояние, которое можно проехать разве в месяц! Знай, что этот мул – джин. В один день он пробегает обыкновенно расстояние, на которое требуется год времени, но сегодня, чтобы тебя не утомить, он шел медленно, шагом! И так через пять дней приехали они в Магриб, а затем в город Фас. Они подъехали к какому-то дому, мограбин постучался, и тотчас на пороге появилась девушка, прекрасная, как луна, и стройная, как газель, изнемогающая от жажды. И мограбин сказал ей: – О дочь моя Рахма, открой нам двери большой залы дворца! При этом мограбин снял сумки со спины мула и сказал ему: – Возвратись туда, откуда пришел! И внезапно земля раскрылась, приняв мула в свои недра, и тотчас же сомкнулась над ним. После этого они последовали за молодою девицею. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста сорок пятая ночь, она сказала:

ночь четыреста сорок пятая

Когда Джудар вошел во дворец, его ослепила красота золотых ламп и множества драгоценных камней. Они уселись на ковре, и девица подала сверток отцу, а он развернул его, вынув одеяние, стоившее, по меньшей мере, тысячу динариев. И Джудар надел это платье, уподобившись в нем какому-нибудь царю! После этого мограбин вынул из сумки множество блюд и сказал Джудару: – Извини, что подаем тебе такую малость, но мы еще не знаем твоих вкусов и предпочтений! Джудар же ответил: – Не спрашивай меня о моих вкусах и приноси мне все, что вздумаешь! И он плотно покушал в этот вечер и во все следующие двадцать дней. А утром двадцать первого дня мограбин пришел к нему и сказал: – Сегодня день, назначенный для раскрытия сокровища Шамардаль! И они вышли за городские стены, сели на мулов и в сопровождении негров прибыли к берегам реки. Негры поставили палатку, убрав ее коврами, а затем принесли сосуды с рыбами кораллового цвета и исчезли.

Тогда мограбин встал и принялся шептать заклинания до тех пор, пока рыбы не закричали из своих сосудов: – Мы здесь! О государь, сжалься над нами! И тут оба сосуда разлетелись на куски, а перед мограбином явились два существа, которые смиренно спросили: – Что намереваешься ты сделать с нами? А он ответил: – Я намерен сжечь вас, если вы не откроете мне сокровище Шамардаль! Вот рыбак Джудар, о котором написано в Книге судеб! И оба существа посмотрели на Джудара и сказали: – Теперь нет никаких препятствий! Можешь положиться на нас! И они исчезли в потоке. А мограбин взял золотую курильницу и дунул на нее. И сейчас же загорелся уголь, а мограбин посыпал на него ладан и сказал: – О Джудар, я сейчас приступлю к заклинаниям, и, раз начав их, я не смогу прерывать их, поэтому сперва я научу тебя, что должен ты сделать для достижения цели

нашего приезда в Магриб! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста сорок шестая ночь, она сказала:

ночь четыреста сорок шестая

Когда я начну говорить магические слова над курящимся ладаном, вода в потоке начнет мало-помалу убывать и, наконец, совершенно исчезнет, обнажив его русло на склоне сухого русла большую золотую дверь, высокую, как городские ворота, и на каждой створке двери два золотые же кольца. Подойди к этой двери, постучи слегка одним из колец и подожди немного. И ты услышишь, как кто-то закричит изнутри: – Кто стучится в дверь сокровищ и не умеет снять чар? Ты же отвечай: – Я Джудар-рыбак, сын Омара из Каира! Дверь откроется, появится существо с мечом в руке и скажет: – Если ты тот человек, вытяни шею, и я отрублю тебе голову! Ты же вытягивай шею без боязни, меч поднимется над тобою, но с тобой не случится ничего худого. Но если ты испугаешься, то будешь сейчас же убит. Входи затем во вторую дверь и увидишь всадника с копьем, и он скажет тебе: – Что привело тебя в это место, куда не входят ни люди, ни джины? Ты же подставь ему грудь, и он ударит, но это не причинит тебе никакого зла! Тогда иди к третьей двери, из которой выйдет стрелок с луком; ты же смело подставь грудь свою под его прицел. Из четвертой двери выскочит на тебя лев, ты же протяни ему руку – и он не причинит тебе зла. Из пятой двери выйдет негр, который скажет: «Если ты действительно тот человек, то попытайся отворить шестую дверь». За ней ты увидишь двух драконов, которые бросятся на тебя. Но не бойся их и не выказывай страха, иначе ты погиб. За седьмой дверью увидишь ты свою мать. Крикни ей: «Если ты не разденешься, я убью тебя!» И ты схватишь меч, висящий на стене, и скажешь ей: – Ну же, начинай! Она же будет стараться разжалобить тебя. Но ты не поддавайся этому, и каждый раз как она снимет что-нибудь из своего одеяния, кричи ей: «Снимай все!» И продолжай грозить ей смертью, пока она не разденется донага! Но тогда она рассеется, как пар.

Так ты разрушишь все чары и колдовства и спасешь свою жизнь. Войдя в седьмую дверь, увидишь ты груды золота. Не обращай на них внимания и иди прямо к беседке, к середине сокровищ. Подними занавес и увидишь на золотом ложе великого волшебника Шамардаля. У самой головы его блеснет что-то округлое, вроде луны: это планетный круг. Волшебник опоясан мечом, о котором я говорил тебе, на пальце у него будет печать, а на шее будет висеть пузырек с сурьмой! Не колеблясь ни минуты, бери эти четыре драгоценные предмета и спеши уйти оттуда. Но постарайся ничего не забыть из всего, чему я научил тебя, и не делай ничего противного моим указаниям. Иначе жизнь твоя будет в большой опасности! На это Джудар сказал... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста сорок седьмая ночь, она сказала:

ночь четыреста сорок седьмая

запомнил все хорошо, но какое человеческое существо в состоянии перенести эти ужасные опасности? И мограбин ответил: – Не бойся! Существа, которые будут встречать тебя у дверей, пустые призраки! И сейчас же мограбин принялся шептать магические заклинания. И вода в потоке ушла, обнаружив первую дверь. И далее все произошло так, как говорил мограбин. Каждый раз Джудар с большим мужеством разрушал все чары до тех пор, пока не показалась на пороге его мать, вышедшая из седьмой двери. И когда он закричал ей: «Раздевайся!», она сказала: – Сын мой, неужели ты захочешь заставить меня показать наготу свою? Ведь это святотатство! На это он сказал: – Ты говоришь правду! Можешь не снимать исподнего платья! И тут старуха закричала: – Он согласился! Бейте его! И тотчас посыпались ему на плечи бесчисленные, как дождевые капли, удары, и эфриты-невидимки в один миг выбросили его за последнюю дверь, а воды потока уже надвигались с грохотом, заполняя русло.

И мограбин прибежал поднять его и воскликнул: – Не говорил ли я тебе, что ты должен слушаться меня во всем? Вот видишь! Теперь мы должны ждать до будущего года, чтобы повторить нашу попытку! И тотчас явились негры и убрали все, что следует, а Джудар и мограбин на двух мулах вернулись в город Фас. Целый год прожил Джудар у мограбина, а затем тот сказал: – Идем, куда должны идти! И они вышли из города и доехали до потока. И прежде, чем начать свои магические воскурения, мограбин сказал: – О Джудар я должен дать тебе наставление! Но Джудар воскликнул: – Право, не стоит. Если бы я забыл ту порку, то забыл бы и твои превосходные прошлогодние наставления. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста сорок восьмая ночь, она сказала:

ночь четыреста сорок восьмая

ограбин же сказал: – Береги свою жизнь и не поддавайся обману, ибо на этот раз, если ошибешься, тебе не спастись! И Джудар снова преодолел чары различных дверей, дойдя до той, в которой стояла его мать. И он крикнул ей: – Сними все, проклятая! И она сняла свое исподнее белье и тотчас исчезла, как бездушный призрак! Без затруднения проник тогда Джудар к сокровищу, взял меч, снял печать,

отцепил пузырек с сурьмою, взял планетный круг и вышел из подземелья. И мограбин прижал его к своей груди, осыпал приветствиями и вызвал из воздуха двух негров, которые сложили палатку и привели мулов, на которых Джудар и мограбин доехали до города. Когда прибыли они во дворец, мограбин сказал Джудару: – О брат мой, ради меня ты покинул родной край свой! И довел ты до благополучного конца мои дела! Назначай же сам, во что ценишь ты свои услуги. Джудар же ответил: – О господин мой, я желаю получить только сумку! И мограбин сейчас же отдал ему сумку, говоря: – Ты ее действительно заслужил, но сумка не обогатит тебя! Поэтому я дам тебе также мешок, наполненный золотом и драгоценностями, чтобы, вернувшись к себе, ты мог сделаться богатым купцом и удовлетворять все потребности твои и семьи твоей, не заботясь об экономии!

И мограбин взял мешок с двойными сумками, подобный сумке для пищи, и наполнил одну из сумок золотыми монетами и слитками, а другую драгоценными украшениями и самоцветными камнями, навьючил ими мула и, прикрыв мешком для пищи, казавшимся совершенно пустым, сказал Джудару: – Садись на мула! Впереди пойдет негр, он будет показывать тебе дорогу и доведет тебя до самого дома твоего в Каире. А когда приедешь, возьми оба мешка и возврати мула негру, который и приведет его ко мне! И никому не доверяй нашей тайны! А теперь прощаюсь с тобою во Аллахе! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста сорок девятая ночь, она сказала:

НОЧЬ ЧЕТЫРЕСТА СОРОК ДЕВЯТАЯ

И Джудар, попрощавшись, сел на мула и пустился в путь, предшествуемый негром. И на следующее же утро Джудар увидел перед собою стены Каира. Подъехав к своему дому, он увидел мать свою, сидящею на пороге. Она протягивала руку прохожим, прося милостыню. Увидав это, Джудар чуть не лишился рассудка, он бросился в объятия матери, которая, узнав его, заплакала. И, захватив с собою мешки, он вошел в дом, посадил мать на циновку и спросил: – Почему ты просила милостыню? Ведь перед отъездом я дал тебе много денег? Она же ответила: – О дитя мое, братья твои выманили у меня деньги и затем прогнали меня. Он же сказал ей: – О мать моя, теперь не придется тебе страдать. Не печалься же ни о чем. Вот мешок, наполненный золотом и драгоценностями! В доме нашем будет во всем изобилие! Теперь тебе стоит только спросить блюдо, которое пожелаешь, и я дам его тебе тотчас же, не отправляясь на базар и не готовя его в кухне! Она же сказала: – Если так, то я бы хотела поесть горячей лепешки и сыру! Он же ответил: – Я нахожу, что твоему званию приличествуют: жаркое из ягненка, а также жареные цыплята и рис, приправленный индийским перцем. Нахожу также подходящими колбасы, фаршированные тыквы, фаршированную баранину, бараний бок, кенафу с миндалем, пчелиным медом и сахаром и пирожное, начиненное фисташками!

Услышав такие слова, бедная женщина испугалась и подумала, что сын ее лишился рассудка, и она воскликнула: – Но ничего такого я не вижу здесь! Тогда Джудар погрузил руку в мешок и вытащил из него на золотом блюде все, о чем говорил. И он сказал безмерно удивленной матери: – Мешок этот волшебный! Ему служит джин, повинующийся приказаниям, выраженным в таких-то словах! И он сказал ей те слова. Тогда она погрузила руку и сказала: – О служитель мешка, заклинаю тебя свойством магических имен, тобою повелевающих, принеси мне еще бока с начинкой. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста пятидесятая ночь, она сказала:

ночь четыреста пятидесятая

И тотчас же почувствовала она в руке своей блюдо, и вынула его из мешка. И это был дивно начиненный бок и пахло от него гвоздикой и другими пряностями! Тогда она сказала: – И все-таки хочу горячую лепешку и сыра: я привыкла к этой еде, и ничто не может отвлечь меня от нее! И погрузила она руку, произнесла требуемые слова и вынула то, чего хотела! Тогда Джудар сказал ей: – Когда мы закончим, нужно положить в мешок пустые блюда – этого требует талисман. А главное, никому не проговаривайся о нашей тайне; спрячь мешок в свой сундук и вынимай его только когда нужно. Однако не стесняйся; будь щедрой, наделяй соседей и бедняков; и братьев корми всеми кушаньями, и при мне, и в мое отсутствие! Не успел он проговорить это, как оба брата его вошли и увидели дивное угощение! Они только что узнали о возвращении Джудара от сына одного из соседей, который сказал им: – Ваш брат только что приехал на муле, и он был одет в неслыханно роскошное одеяние. И Джудар встал, пожелал им мира и сказал – Садитесь и разделите нашу трапезу. И сели они и ели. Когда же они насытились, Джудар сказал: – О братья мои, возьмите все остатки и наделите ими нищих нашего квартала! Они же отвечали: – Не лучше ли приберечь это на ужин! А он ответил: – В час ужина вы найдете здесь и того более! Тогда собрали они остатки и вышли оделять ими нищих, проходивших мимо, и говорили им: – Берите и ешьте. Затем принесли они пустые блюда Джудару, который передал их матери, говоря ей: – Положи их в мешок! Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста пятьдесят первая ночь, она сказала:

ночь четыреста пятьдесят первая

Вечером Джудар вынул из мешка сорок разных яств, которые мать поставила на скатерть, а потом пригласил братьев войти и покушать. И сказал он им после этого: – Возьмите остатки и раздайте нищим! И так шло дело в течение десяти дней подряд. Тогда Салем сказал Салиму: – Каким образом брат наш достает такую роскошную пищу? И сами султаны не едят лучше нас. А Салим отвечал: – Клянусь Аллахом, ничего не знаю! Только мать наша может объяснить нам это! И вошли они к матери в отсутствие брата и сказали: – О мать наша, мы очень проголодались! Она же вошла в комнату, где находился мешок, и вышла с горячими блюдами. Тогда сыновья сказали ей: – Эти блюда горячи, но мы не видели, чтобы ты раздувала огонь! Она же ответила: – Я достаю их из волшебного мешка! И объяснила она, как нужно просить, и сказала: – Храните эту тайну!

На другой день Салем сказал Салиму: – До каких же пор будем мы жить у Джудара в положении домашних слуг и питаться его милостынями? Было бы лучше завладеть этим мешком при помощи какой-нибудь хитрой уловки и пользоваться им нам одним! Салим же спросил: – Но что могли бы мы придумать? А другой брат ответил: – Мы можем продать нашего брата главному капитану Суэцкого моря, который находится теперь в Каире! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста пятьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь четыреста пятьдесят вторая

Мы пойдем к этому капитану и пригласим его и двоих его матросов к себе ужинать! Увидишь, что случится! Придя к капитану, они сказали: – Мы два брата, но у нас есть третий брат, никуда не годный молодец. И мы пришли к тебе, чтобы просить тебя купить его в гребцы на одно из твоих судов! И главный капитан ответил: – Приведите его сюда, и я берусь немедленно отправить его на море! Они же ответили: – Нам трудно будет доставить его сюда! Приходи к нам сегодня вечером, прихватив с собою двух твоих людей. Когда же он заснет, мы схватим его, заткнем ему рот платком и отдадим тебе. Он ответил им: – Хотите уступить его мне за сорок динариев? Они же сказали: – Мы согласны. Когда начнет темнеть, приходи на такую-то улицу, к такой-то мечети, и один из нас будет ждать тебя там.

И отправились они к брату своему Джудару, и сказали ему: – У нас есть друг. Можем ли мы пригласить его с братьями его отужинать у нас? И Джудар ответил: – Не стыдно ли вам спрашивать? Приведите их и угостите разными яствами, ничего не жалея! Ступайте же за своими друзьями! Тогда братья привели капитана и матросов, а Джудар попросил мать постлать скатерть и принести сорок разноцветных блюд. И ели они досыта, думая, что обязаны этим роскошным угощениям щедрости его братьев: Салема и Силима. Потом

подали сладости и печенья; и ели они до полуночи. Тогда по знаку Салема матросы бросились на Джудара, схватили его, заткнули ему рот, крепко связали руки и ноги и унесли из дома. И тотчас же отправились они в Суэц, и, как только прибыли туда, бросили его закованного в цепи в трюм одного из судов вместе с другими невольниками и каторжниками и присудили, что он целый год будет служить гребцом. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста пятьдесят третья ночь, она сказала:

ночь четыреста пятьдесят третья

Утро братья вошли к матери своей и сказали ей: – О мать наша, Джудара нигде нет. Может быть, он ушел ночью с теми моряками! Ведь брат наш уже совершил одно далекое путешествие. Она же сказала: – Да, вероятно, он уехал с ними, ничего не сказав нам. Но Аллах сумеет направить его на добрый путь; он рожден счастливцем, и скоро вернется, и привезет нам громадные богатства! Тогда братья стали повсюду искать волшебный мешок и сумки с драгоценностями; и, наконец, нашли, и сейчас же приступили они к дележу. Но они никак не могли уладить дело относительно волшебного мешка. И начался между ними спор и раздор. И они ссорились и так громко кричали, что царский стрелок, бывший в гостях в соседнем доме, услышал все, что они говорили, и понял во всех подробностях причину раздора. И он поспешил во дворец, и попросил аудиенции у египетского царя, и рассказал ему все, что слышал. Царь сейчас же велел позвать обоих братьев Джудара, и пытали их до тех пор, пока они не сознались во всем. Тогда царь отобрал у них оба мешка, а их самих велел заключить в темницу. Затем велел царь выдавать матери Джудара пенсию, которая была достаточна для удовлетворения насущных потребностей. А Джудар целый год пробыл невольником на корабле главного суэцкого капитана. Но однажды поднялась страшная буря, она бросила корабль на скалистый берег и разбила его в щепы. Все утонули, кроме Джудара, которому удалось доплыть до берега. Он дошел до табора кочевых бедуинов и рассказал им подробности своей жизни. А в таборе находился заезжий купец родом из Джедды. Его тронула участь Джудара, и он сказал ему: – Не хочешь ли поступить ко мне на службу, о египтянин? И Джудар согласился и уехал с ним. И прибыли они в Джедду, где купец выказал большую щедрость и осыпал его благодеяниями. Некоторое время спустя купец отправился паломником в Мекку, взяв его с собою.

И они прибыли в Мекку, где Джудар увидел друга своего мограбина. Выслушав его историю, он рассказал, что братья его заключены в темницу египетского царя. И Джудар пошел к купцу из Джедды и сказал: – Я только что встретил друга, который для меня дороже брата! И купец отпустил его с миром.

Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста пятьдесят четвертая ночь, она сказала:

Ночь четыреста пятьдесят четвертая

И простившись с ним, Джудар пошел к мограбину, а тот снял с пальца перстень, который Джудар принес ему в былое время из подземелья Шамардаля, и сказал: – Это кольцо имеет слугою джина по имени Гремучий Гром, и он будет исполнять все, что ты ему прикажешь. Для этого надо лишь потереть алмаз на перстне. И он потер камень, и сейчас же явился эфрит и, преклонившись перед мограбином, сказал: – Прикажи, и все будет исполнено! Мограбин же сказал: – Вот, кто отныне будет твоим господином. Служи ему хорошенько! Тогда Джудар сказал эфриту: – Вези меня в Каир! И эфрит посадил Джудара к себе на спину и к полуночи опустил в Каире рядом с домом его матери. Когда та увидела входящего к ней Джудара, она заплакала, желая ему мира, а потом рассказала о том, что случилось с его братьями. Тогда Джудар потер алмаз, и тотчас же явился эфрит, которому он сказал: – Приказываю тебе похитить братьев моих и привести их сюда! А в это время Салем и Салим лежали в темнице, испытывая страдания, тоску и огорчение по причине перенесенных пыток и лишений, так что желали себе смерти, как избавление от всех мук. Вдруг земля разверзлась у них под ногами, и явился Гремящий Гром. Не давая им опомниться, он похитил их и исчез с ними в глубинах земли, между тем как они от ужаса лишились чувств у него в объятиях и очнулись только в доме своей матери. И когда они открыли глаза, Джудар сказал им: – Тысячу приветов вам, о братья мои! Разве вы забыли меня? Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста пятьдесят пятая ночь, она сказала:

Ночь четыреста пятьдесят пятая

О ни же опустили головы и стали плакать. Тогда он сказал им: – Сатана смутил вас, и алчность заставила вас так поступать! Просите прощения у Аллаха, и Он простит вас, и я прощаю вас. И Джудар потер перстень и сказал появившемуся эфриту: – Принеси все драгоценности и все, что имеется ценного в шкафах царя, а также отнятые у братьев моих волшебный мешок и мешок с драгоценностями! И дух исполнил это приказание. Тогда Джудар сказал духу: – Построй мне роскошный дворец и укрась его всяким великолепием. И дух исчез, между тем как Джудар извлекал из мешка дивные блюда, которыми наслаждался вместе с матерью и братьями, и все

были довольны и заснули, и спали до самого утра. Дух же выбрал самых искусных в деле строительства товарищей своих; и все принялись за работу. И еще до восхода солнца дворец был выстроен и украшен. Джудар осмотрел его и нашел его несравненным, так прекрасны были его архитектура и внутреннее убранство. И Джудар снова потер перстень и сказал духу: – Приведи сорок прекрасных белых невольниц, сорок стройных негритянок, сорок юношей и сорок взрослых негров. И дух улетел с сорока товарищами своими в страны Индии, Синда и Персии; и каждый из них похищал красивейших девушек и красивейших юношей. И собрали они сорок девушек, сорок юношей, сорок негритянок и сорок негров и доставили их во дворец Джудара. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста пятьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь четыреста пятьдесят шестая

Затем дух одел юношей и негров в великолепные платья, а потом одел Салема и Салима. А тогда Джудар уподобился царю, а братья – визирям. И Джудар поместил Салема, слуг и жен его в одной части здания, а другую отдал брату Салиму со слугами и женами. Сам же с матерью поместился в главном корпусе дворца. Старший же казначей, обнаружив пропажу сокровищ, бросился во дворец и сказал царю: – О эмир правоверных, кто-то обобрал все сокровища, хранившиеся в казне! Однако двери не были взломаны, значит, не вор обокрал казну! И царь пришел в ярость и собрал Совет; и эмиры и вельможи сидели, опустив головы под сверкавшими гневом глазами царя. Но в тут вошел стрелок и сказал: – О царь времен, всю ночь я развлекался тем, что смотрел на каменщиков, а на рассвете увидел я великолепный дворец. Тогда пошел я за справками, и мне сказали: «Джудар выстроил этот дворец. Он чрезвычайно богат и много у него всего! И братьев своих освободил он из темницы. И теперь он сидит в своем дворце, как настоящий султан!» При этих словах царь сказал: – Пусть сейчас же пойдут в тюрьму и посмотрят. И доложили царю, что ни Салема, ни Салима там нет. Тогда царь вскричал: – Я знаю, кто вор. Это Джудар! Ты, визирь, сейчас же пошлешь эмира с пятьюдесятью воинами, которые схватят Джудара и братьев его; пусть опечатают все их имущество и приведут их ко мне для повешения! Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста пятьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь четыреста пятьдесят седьмая

Визирь же сказал царю: – О царь, будь снисходителен, потому что и Аллах милостив! Человек, который в одну ночь выстроил целый дворец, может никого не бояться! И царь ответил: – Так научи, что делать! А визирь ответил: – Пригласи его во дворец, я же ловко все выведаю. Если велико его могущество, мы обойдем его хитростью; если же оно не велико – возьмем силою. И когда царь согласился, визирь приказал эмиру Отману пригласить Джудара. Подойдя к дверям его дворца, он увидел евнуха на бамбуковом стуле. И евнух не обратил на него никакого внимания, как будто тут никого и не было. Тогда эмир закричал ему: – Ах ты, деготь проклятый! Не стыдно тебе сидеть предо мною, как развратный мальчишка? И Отман хотел сразить евнуха. А тот был не кто иной, как эфрит Гремящий Гром, которому Джудар поручил должность привратника. И он дунул Отману в лицо, и тот упал на землю. Тогда воины эмира бросились на евнуха, чтобы изрубить его. Но евнух проткнул некоторых собственными мечами, а остальные в ужасе убежали. И когда царь узнал про это, он закричал визирю: – Возьми сколько хочешь воинов и сам приведи его сюда! Но визирь пошел ко дворцу один. Увидав евнуха, он вежливо сказал ему: – Селям вам! Тот же ответил: – И тебе селям, о человеческое существо! Когда визирь услышал, что его называют человеческим существом, он понял, что это джин, и задрожал от страха. Потом он смиренно сказал: – Прошу тебя, пойди к своему господину и скажи ему: «Царь Шамс-аль-Даула дает пиршество в честь тебя! Он шлет тебе привет и просит не отказаться от его гостеприимства». И джин ответил: – Подожди здесь, пока я пойду спросить его, как он желает поступить. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста пятьдесят восьмая ночь, она сказала:

НОЧЬ ЧЕТЫРЕСТА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

И визирь стал ждать, а джин отправился к Джудару и рассказал ему обо всем. И Джудар ответил: – Приведи ко мне визиря! И когда визирь вошел во дворец, он был ослеплен его украшениями. И он поклонился Джудару, а тот сказал: – Если царь друг мне, то пусть сам приходит ко мне! И он потер алмазный перстень и приказал явившемуся Грому принести для визиря прекрасное одеяние. И когда визирь надел его, Джудар сказал: – Расскажи царю обо всем, что видел и слышал! Выслушав визиря, царь с конвоем поскакал к Джудару. А тот сказал эфриту: – Приведи товарищей своих, пусть они в человеческом образе встретят царя. И тотчас эфриты огромного роста встали во дворе дворца, и царь при виде их чувствовал, что сердце его сжимается от страха. Поэтому он поклонился Джудару, пожелав всякого благополучия. А тот не пригласил его сесть, и царь растерялся, не зная, уходить ему или оставаться. Но через некоторое время Джудар сказал ему: – Разве

можно притеснять беззащитных и обирать их, как ты это делаешь? И царь ответил: – О господин мой, извини меня! Алчность и честолюбие заставляли меня так поступать. И продолжал он извиняться и умолял о прощении до тех пор, пока Джудар не сказал: – Да простит тебя Аллах! И Джудар облек его в одежду безопасности и после трапезы одарил одеждою всю свиту царя. После этого простился царь с Джударом и вышел из его дворца; но в следующие дни он снова возвращался к нему и проводил с ним все время. И дружба и товарищество между ними росли и укреплялись. И так жили они некоторое время. Но однажды царь, оставаясь наедине со своим визирем, сказал ему: – Я опасаюсь, что Джудар убьет меня и отнимет у меня престол мой. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста пятьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь четыреста пятьдесят девятая

Визирь же ответил: – Могущество и богатство Джудара значительно превышают царскую власть и богатства. На что ему твой престол? Если же ты опасаешься за свою жизнь, выдай за него свою дочь, и оба вы будете стоять в одинаковых условиях! И царь согласился, и задал пир, и пригласил Джудара, который, придя во дворец, сел в большой зале среди веселия и угощения. Когда же перед дверями залы промелькнула нарядная молодая девушка, Джудар вскрикнул: – Чья это дочь, что отняла у меня рассудок? Визирь же ответил: – Это дочь царя! Если она нравится тебе, я уговорю его выдать ее за тебя замуж! Он же ответил: – Клянусь жизнью, я дам царю все, что он потребует в качестве приданого! Царь же, узнав об этом, сказал: – Никакого приданого не нужно! Принимая ее, он оказывает мне величайшую честь! И был написан брачный договор, и Джудар подарил царю мешок с драгоценностями как приданое его дочери. И Джудар стал мужем дочери царя, и они жили в мире и согласии долгие дни. Джудар и царь тоже жили в согласии долгие дни. Когда же царь умер, стали просить Джудара вступить на престол султана, и он согласился. Он назначил визирями обоих своих братьев: Салема – визирем своей правой, а Салима – визирем своей левой руки. И жили они таким образом в мире один год, не более. Но по прошествии этого времени Салем сказал Салиму... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста шестидесятая ночь, она сказала:

ночь четыреста шестидесятая

О брат мой, неужели мы всю нашу жизнь будем слугами Джудара и до самой его смерти не насладимся властью и благополучием? И Салим ответил: – Как бы нам убить его и похитить печать и мешок? Салем же сказал: – Если я придумаю, как убить его, согласишься ли видеть меня султаном, а себя визирем моей правой руки? Тогда печать будет принадлежать мне, а мешок – тебе! И пошли они к Джудару и сказали: – О брат наш, нам бы хотелось, чтобы ты пришел сегодня вечером отведать нашего стола; давно уже ты не переступал нашего порога! И Джудар ответил: – Не вижу к тому препятствий. Но не успел он проглотить и первого куска на том пиру, как распался весь на мелкие крошки: мясо в одну сторону, а кости в другую! Яд оказал свое действие! И Салем захотел снять перстень с его пальца, и так как перстень не поддавался, то он отрезал палец ножом. Тогда взял он перстень, потер алмаз и сказал явившемуся эфриту: – Убей брата моего Салима, возьми Джудара, лежащего здесь мертвым и отнеси тела их к главным военачальникам! И когда военачальники увидели бездыханные тела, они задрожали от ужаса и спросили духа: – Кто это совершил? А эфрит ответил: – Их брат Салем! И в ту же минуту вошел в залу Салем и сказал: – О начальники! Я овладел печатью, а стоящий перед вами дух – ее служитель. Хотите признать меня царем своим, или же хотите, чтобы я велел эфриту перебить вас всех от первого до последнего? И объятые страхом военачальники ответили: – Мы принимаем тебя царем и султаном! Тогда Салем распорядился похоронами братьев своих и сказал: – Теперь хочу составить договор о браке моем с женою брата моего! Ему же ответили: – Но вдове следует ждать четыре месяца и десять дней для вступления в новый брак! Он же ответил – Не признаю ничего подобного! Клянусь головою, сегодня же ночью желаю я обладать супругою моего брата! Тогда принуждены были написать брачный договор, и пошли предупредить вдову Джудара, которая ответила: – Пусть приходит! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста шестьдесят первая ночь, она сказала:

ночь четыреста шестьдесят первая

С наступлением ночи Салем вошел к супруге брата своего Джудара, которая приветствовала его добрыми пожеланиями, и предложила она ему прохладительное – кубок с шербетом. Он выпил его, и тотчас тело его распалось, и упал он бездыханный. Тогда вдова Джудара взяла волшебный перстень и разломала его в куски, чтобы отныне никто не мог заставлять его служить преступным делам, и разрезала пополам волшебный мешок, разрушая, таким образом, его чары. Вот все – продолжала Шахразада, – что знаю я о Джударе и братьях его. Но известна мне также другая удивительная история, которая называется...

История Абу-Кира и Абу-Сира

О царь благословенный, узнала я, что в городе Искандарии жил красильщик Абу-Кир и цирюльник Абу-Сир. И были они соседями по базару, так как двери их лавок соприкасались. Абу-Кир был отменный плут, гнусный лжец и гуляка! Виски его, должно быть, были вытесаны из какого-нибудь несокрушимого гранита, а голова выточена из каменных ступеней какого-нибудь еврейского храма! А не то откуда бы взялась у него такая бессовестность и дерзость во всех его злых и мерзких делах? Он не только пропивал и проедал взятые вперед деньги, но и продавал украдкой оставленные у него ткани и таким образом доставлял себе всякие удовольствия и развлечения самого первого сорта. Когда же заказчики приходили требовать свои вещи, он говорил: – О господин мой, выкрасив ткани, я развесил их для просушки на веревках перед своей лавкой. Когда же я вернулся, все исчезло; верно, украл какой-нибудь бездельник с нашего же базара! И если заказчик был человек из смирных, он отвечал: – Аллах вознаградит меня! И уходил. Но если заказчик был человек раздражительный, то он бесился, но и ему не удавалось ничего получить, поскольку в лавочке красильщика не было ничего такого, что можно было бы взять и продать. И так были одурачены все жители того квартала. И сделался Абу-Кир предметом общего презрения и попал в крайнюю нужду. Но бедный, честный и добросовестный Абу-Сир принял его и долго заботился о всех его нуждах. И однажды он стал жаловаться Абу-Киру, что лавочка его бедна, и никто не идет к нему бриться. В ответ Абу-Кир сказал: – Тогда нам стоит закрыть наши лавочки и отправиться искать более счастливой судьбы! Нам надо лишь заключить договор, что все вырученное будет добросовестно разделено между нами по возвращении домой. И должны мы также обязаться, что тот, кто найдет работу, должен содержать того, кому не удастся ничего заработать! И продолжал он говорить так красноречиво, что цирюльник Абу-Сир убедился в неотложности отъезда и поспешно принялся за дорожные приготовления. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста шестьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь четыреста шестьдесят вторая

И честный Абу-Сир запер свою лавочку; и оба они сели в гавани на корабль, уже готовый к отплытию. В числе пассажиров, число которых доходило до ста сорока человек, не было ни одного цирюльника, поэтому Абу-Сир взял все свои принадлежности, повесил тряпку на плечо и принялся ходить по палубе между рядами сидящих или лежащих пассажиров. Обрив одного, получил он за труды две лепешки, от других же получил кусок сыра и огурец. К концу дня он собрал тридцать лепешек, тридцать полудрахм, много сыру, маслин и огурцов. Молва об его искусстве дошла и до капитана, и, когда Абу-Сир обрил ему голову и пожаловался на жестокость судьбы к себе и своему товарищу, капитан сказал ему: – Приходи со своим товарищем каждый вечер ко мне обедать. И пока вы едете с нами, не заботьтесь ни о чем! Цирюльник же пошел к красильщику, которому рассказал все случившееся с ним. И Абу-Кир сказал: – Меня мутит от голода, и я не в силах подняться с места. Дай мне утолить голод этими припасами и ступай один к капитану! И красильщик набросился на пищу и глотал ее с таким же шумом, как глотает много дней не евший слон, у которого бурчит и клокочет в глотке. И глотал он кусок за куском, и не успевал проглотить один, как уже другой кусок теснил первый; и глаза красильщика расширялись и блестели, и мычал он, как бык на сено. В это время подошел матрос и сказал цирюльнику: – Капитан велел сказать тебе: – Приходи к обеду и приводи своего товарища! Тогда Абу-Сир спросил Абу-Кира: – Ну что, пойдешь со мною? Тот же ответил: – У меня нет сил идти! И цирюльник пошел один и увидел капитана, сидевшего перед скатертью, на которой расставлено было двадцать разноцветных блюд или даже более того. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста шестьдесят третья ночь, она сказала:

ночь четыреста шестьдесят третья

И капитан спросил: – Где же твой товарищ? А он ответил: – У него кружится голова от морской болезни! Капитан же сказал: – Это пройдет. И он наполнил тарелку для Абу-Сира так щедро, что каждой порции могло хватить на десять человек. Когда же цирюльник кончил, капитан дал другую тарелку, говоря ему: – А это отнеси товарищу. И Абу-Кир бросился к тарелке, которую принес ему цирюльник, и стал хватать обеими

руками, как голодный волк или лев, или коршун, кидающийся на голубей, и в несколько мгновений вычистил все. Тогда цирюльник отнес тарелку корабельным слугам и вернулся на ночь к Абу-Киру, храпевшему с таким же шумом, как вода, плескавшая в борта корабля. И в последующие дни цирюльник продолжал брить пассажиров и моряков, и каждый вечер обедал он у капитана и великодушно кормил своего товарища, который только ел и спал. И так продолжалось, пока на двадцать первый день корабль не вошел в гавань незнакомого города. Абу-Кир и Абу-Сир сошли с корабля и наняли маленькое помещение для жилья.

Цирюльник принялся за свое дело, брея на открытом воздухе то носильщиков, то погонщиков, то разносчиков и даже богатых купцов, привлеченных молвой о его искусстве. И каждый вечер он возвращался к красильщику, который поглощал лепешки, огурцы, свежий лук и шашлык. Наевшись до отвала, он говорил: «У меня до сих пор кружится голова» и снова погружался в тяжелый сон. А добрый цирюльник Абу-Сир воздерживался от малейших упреков своему товарищу-обжоре. Но по прошествии сорока дней цирюльник заболел. И вскоре он потерял сознание и лежал, как мертвец. Тогда красильщик, почувствовав укусы голода, принялся шарить в карманах товарища, неподвижно лежавшего на полу. И он нашел кошелек с деньгами, которые заработал бедняга в течение сорока дней работы в городе. Спрятав кошелек к себе в пояс и не заботясь о больном товарище, Абу-Кир запер на щеколду дверь и отправился к пирожнику, где он купил целый поднос со слоеными пирожками, которые он запил кружкою шербета с мускусом. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста шестьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь четыреста шестьдесят четвертая

Затем направился он к базару и купил себе там прекрасную одежду. Нарядившись, он принялся разгуливать по улицам и поразило его то, что все жители были одеты или в синее, или в белое платье; никаких других цветов не замечалось. Это открытие чрезвычайно удивило его. И удивление его достигло крайних пределов у дверей одного красильщика: в его лоханях он увидел одну только синюю индиговую краску. Тогда Абу-Кир вошел в лавочку, вытащил из кармана белый платок и сказал: – Мастер, сколько возьмешь за то, чтобы выкрасить этот платок? И в какой цвет ты его выкрасишь? А тот ответил: – Двадцать драхм. И, конечно, в синий, индиговый! И Абу-Кир возразил: – Но я хочу красную краску! И мастер спросил: – Что значит красная? Разве есть такая краска? Абу-Кир остолбенел и сказал: – Тогда в зеленую или в желтую! Мастер и на это ответил: – Не знаю таких! И Абу-Кир продолжал перечислять ему различные краски, но мастер ничего не понимал. Он сказал: – В этом городе нас красильщиков сорок человек, и наше ремесло передается от отца к сыну. Но чтобы можно было употреблять

Léon Carré

какую-нибудь краску, кроме синей, – этого мы никогда не слыхивали!

На это Абу-Кир сказал: – Я также красильщик и умею красить ткани не только в синий, но во множество других цветов, о которых ты и не подозреваешь. Возьми же меня к себе работать за плату, а я научу тебя всем подробностям моего искусства. Но тот ответил: – Мы не принимаем чужих! Тогда Абу-Кир пошел к другому, а потом к третьему красильщику, но все давали ему такие же ответы, как и первый, не принимая его ни мастером, ни учеником. После такого всеобщего отказа со стороны красильщиков Абу-Кир почувствовал, что печень его раздувается от бешенства, и он пошел во дворец к царю того города и сказал ему: – О царь времен, я чужеземец и по ремеслу – красильщик. И я умею красить ткани в сорок различных цветов. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста шестьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь четыреста шестьдесят пятая

А между тем вот то-то и то сказали мне здешние красильщики, которые умеют красить в одну только синюю краску. Я же могу придать ткани самый пленительный цвет: красный, розовый, ягодный, травяной, фисташковый, оливковый, угольно-черный, синевато-черный, лимонно-желтый, оранжево-желтый, золотистый и много еще других удивительных. И несмотря на это, красильщики не захотели принять меня ни мастером, ни учеником! Выслушав слова Абу-Кира, царь заволновался и сказал: – Если ты в самом деле можешь своим искусством порадовать наши глаза всеми этими дивными красками, то я сейчас же открою для тебя красильню. И если кто-то из красильщиков вздумает оскорблять тебя, я велю повесить его у дверей его же лавки!

На другой день Абу-Кир, предшествуемый двумя зодчими и двумя юношами, очищавшими ему дорогу, отправился по улицам и базарам искать место для своей красильни. Наконец, понравилась ему большая лавка в самой середине базара, и он сказал: – Вот превосходное место! Тотчас же зодчие и рабы прогнали прежнего владельца и немедленно стали ломать с одной стороны и строить с другой. И они выказывали отменное усердие, исполняя приказание Абу-Кира, сидевшего на лошади и говорившего им: «Вот здесь нужно сделать так, а там вот как». И в самое короткое время отстроили они красильню, подобной которой не было нигде на свете. Тогда царь сказал красильщику: – Теперь остается только пустить ее в ход, но без денег ничто не может идти. Поэтому вот тебе для начала пять тысяч золотых динариев. С нетерпением буду ждать доказательства твоего красильного искусства! И Абу-Кир спрятал золото у себя дома и, купив за несколько драхм необходимые краски, которые за ненадобностью лежали в лавках того города не распакованными, развел их в больших и малых чанах. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста шестьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь четыреста шестьдесят шестая

Тем временем царь прислал ему пятьсот штук белых тканей: шелковых, шерстяных и льняных, чтобы он выкрасил их по-своему. И Абу-Кир выкрасил их на разные манеры, употребляя то одноцветные, то сложные краски, так что ни одна ткань не походила на другую. Для просушки развесил он их на веревках, которые тянулись от его лавки с одного конца улицы до другого; и выкрашенные ткани, высыхая, представляли дивное зрелище. И жители города остолбенели от удивления, и все спрашивали у Абу-Кира: – Как называется этот цвет? А он отвечал им: – Гранатовый! Оливковый! Лимонный! И царь, появившийся у входа на базар, при виде переливающихся красок стольких тканей, пришел в неописанное восхищение и долго оставался неподвижным, затаив дыхание и широко раскрыв глаза. И царь, не зная, чем почтить красильщика, приказал ему стать по правую руку свою, и, когда все вернулись во дворец, Абу-Кир был осыпан золотом, подарками и всякими преимуществами.

Затем царь велел кроить из выкрашенных тканей платья для себя, для своих жен и для придворных и приказал выдать Абу-Киру тысячу новых штук тканей, чтобы и эти были им так же дивно выкрашены. И скоро на всех эмирах, а потом и на всех должностных лицах появились цветные одежды. У Абу-Кира, сделавшегося царским поставщиком, было так много заказов, что он стал самым богатым человеком города. Остальные же красильщики явились к нему извиниться в своем прежнем поведении и просили принять их учениками без жалованья. Он же не принял их извинений и прогнал со стыдом. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста шестьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь четыреста шестьдесят седьмая

После того, как Абу-Сир был брошен красильщиком, он пролежал три дня. На четвертый привратник услышал изнутри слабый стон. Тогда он отпер двери, вошел и увидел лежащего на циновке желтого и неузнаваемого цирюльника. И тот прошептал едва слышным голосом: – Не знаю, с каких пор я лежу здесь! Мне очень хочется пить, прошу тебя, возьми кошелек у моего пояса и купи мне что-нибудь подкрепиться. И привратник, не найдя денег, сказал: – Не беспокойся ни о чем. Я буду

заботиться о тебе! И он взял на себя все расходы цирюльника, и через два месяца Аллах даровал тому полное исцеление. И цирюльник сказал доброму привратнику: – Если когда-нибудь Всевышний даст мне возможность, я сумею вознаградить тебя за твои попечения! И цирюльник вновь принялся ходить по базарам, и судьба направила его как раз к тому месту, где находилась красильня Абу-Кира. И люди сказали ему: – Это лавка Абу-Кира, красильщика султана! Это великий мастер своего дела! Услышав эти слова, Абу-Сир порадовался за старого товарища и подумал: «Если он покинул тебя, то это потому, что был очень занят. А если он взял у тебя кошелек, то это потому, что ему не на что было купить краски! Но теперь ты увидишь, как обрадуется он тебе».

И цирюльник пробрался сквозь толпу и заглянул в красильню. И увидел он Абу-Кира, небрежно растянувшегося на высоком диване и целой горе подушек. Одет он был в такое одеяние, которое можно видеть только на царях. Перед ним стояли четыре молодых черных невольницы и четверо молодых белых невольников в роскошных одеждах. И показался он цирюльнику таким же величественным, как визирь, и таким же великим, как султан. Десять человек исполняли его приказания, которые он отдавал движением руки. И Абу-Сир сделал шаг вперед, думая про себя: «Подожду, чтобы он взглянул на меня, и тогда поклонюсь ему! Быть может, он и первый поклонится мне, бросится ко мне на шею, поцелует и выразит свое сожаление и утешит меня». Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста шестьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь четыреста шестьдесят восьмая

Но как только встретились глаза их, красильщик вскочил и закричал: – Ах ты, злодей, сколько раз запрещал я тебе останавливаться перед моею лавкой! Ты хочешь разорить меня! Схватите его!» И невольники бросились на цирюльника и повалили его, а красильщик дал ему сто ударов палкой и закричал: – Если ты еще раз появишься у моей лавки, я отошлю тебя к царю; он сдерет с тебя кожу и посадит на кол перед своим дворцом! Ступай вон! И бедный цирюльник, израненный и с разбитым сердцем, пришел к себе, лег на циновку и принялся раздумывать о том, что пришлось ему вытерпеть от Абу-Кира. Наутро он смог встать и вышел с намерением принять ванну в гамаме. И он спросил у прохожего: – Брат мой, как пройти к гамаму? Но прохожий ответил: – Что такое гамам? Абу-Сир же сказал: – Это место, куда ходят очищать тело от грязи и перхоти! А прохожий сказал на это: – Так ступай и выкупайся в море! Все там купаются! Мы не знаем, что называешь ты гамамом. Так Абу-Сир убедился, что жителям этого города незнакомо употребление теплых ванн, растирание, удаление перхоти и лишних волосков.

И направился он в царский дворец. Войдя к царю, он поцеловал землю между рук его и сказал: – О царь времен, я чужеземец и цирюльник. Сегодня я хотел

Léon Carré

сходить в гамам у тебя в городе, но никто не мог показать мне туда дорогу. Удивительно, что в таком прекрасном городе не имеется гамама, между тем как ничто не может быть приятнее! И цирюльник рассказал во всех подробностях о преимуществах, удобствах и удовольствиях настоящего хорошего гамама. А потом прибавил: – Язык мой скорее оброс бы шерстью, чем я сумел бы дать тебе точное понятие о гамаме и радостях, им доставляемых. Нужно испытать это, чтобы понять! Город же твой достигнет совершенства только тогда, когда в нем будет гамам! Выслушав эти слова, царь развеселился и воскликнул: – Будь желанным гостем в моем городе! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста шестьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь четыреста шестьдесят девятая

И царь собственноручно надел на него почетную одежду и сказал: – Поспеши выстроить гамам, так как я нетерпеливо желаю насладиться им. И он предоставил в его распоряжение лучших из своих зодчих, говоря им: – Вы должны построить гамам на том месте, которое он сам выберет. И Абу-Сир, обойдя весь город, нашел подходящее место, и по его указаниям построили зодчие гамам, украсив его замысловатыми рисунками, и разноцветным мрамором, и необыкновенными украшениями, пленявшими и восхищавшими взоры. На отпущенные царем деньги Абу-Сир купил льняные и шелковые полотенца, дорогие благовония, эссенции, ладан и прочее. Затем Абу-Сир научил десятерых сильных людей растиранию и мытью. И когда они вполне освоились с этим искусством, Абу-Сир велел вытопить гамам, согреть воду бассейнов, курить ладаном и другими благовониями и пустил фонтаны. И когда царь с визирями и эмирами своими вошел в главный вход гамама, глаза, и обоняние, и слух его были приятно поражены прелестным убранством, благоуханием и музыкою в водоемах фонтанов.

И Абу-Сир ввел царя в первый зал, где раздел его и обернул с головы до ног полотенцами, и ввел во вторую залу, где вместе с юношами очистил поры его тела ото всей накопившейся в них грязи. Потом вымыл он его, густо намылив мылом, окатил водой и ввел в мраморный бассейн, наполненный водой, надушенной розовой эссенцией. Здесь он оставил его побыть некоторое время, потом вывел, чтобы обмыть ему голову розовой водой и драгоценными эссенциями. И царь почувствовал себя легким, как птичка, и стал дышать всеми веерами своего сердца, и тело его стало таким гладким и упругим, что, если притронуться к нему рукою, оно издавало гармонический звук. И воскликнул царь: – Клянусь Аллахом! Никогда в жизни не чувствовал я себя таким сильным! Город мой стал городом лишь с тех пор, как построен этот гамам! И тогда царь, обсохнув под пропитанными мускусом полотенцами и напившись снегового шербета, спросил Абу-Сира... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста семидесятая ночь, она сказала:

ночь четыреста семидесятая

о сколько же ценишь ты такую баню? И он ответил: – В ту цену, которую назначит царь! И тот велел отсчитать тысячу динариев и сказал Абу-Сиру: – С этого дня ты будешь брать по тысяче динариев с каждого человека, который придет в твой гамам! Но Абу-Сир возразил: – Извини меня, о царь времен! Все люди не равны! Одни богаты, другие бедны. Если бы я стал брать с каждого клиента по тысяче динариев, гамам пришлось бы закрыть, так как бедные не в состоянии платить за баню тысячу динариев! Пусть каждый платит сообразно со своими средствами и с щедростью своего сердца! И бедняк будет давать то, что может. А что касается до этих тысячи динариев, то это подарок царя! И царь согласился с этим. А его эмиры и визири, выкупавшись в гамаме в тот день, заплатили Абу-Сиру по сто динариев золотом и, сверх того, каждый подарил ему молодого белого невольника, негра и отроковицу. Всех же эмиров и вельможей, выкупавшихся после царя, было четыреста человек, а следовательно, Абу-Сир получил сорок тысяч динариев, сорок белых юношей, сорок негров и сорок отроковиц.

Когда Абу-Сир получил золото и подарки, он приблизился к царю, поцеловал землю между рук его и сказал: – О царь благословенный, невольники хороши для царей, а не для меня. Чем мне кормить и во что одевать всю эту армию белых и черных молодых людей и отроковиц? Их молодые зубы не замедлят съесть весь мой заработок и меня самого! На это царь рассмеялся и сказал: – Ты прав. Это действительно целое войско: тебе одному не прокормить и не поместить нигде их. Чтобы избавиться от них, не хочешь ли продать их мне, по сто динариев за каждого? И Абу-Сир сказал: – Продаю их тебе за эту цену! И царь тотчас же призвал казначея, который выдал стоимость всех невольников, а царь отослал их прежним хозяевам в виде подарка. Абу-Сир же поблагодарил царя за все его милости и сказал ему: – Да успокоит Аллах твою душу, как ты успокоил мою, избавив меня от острых зубов этих прожорливых жеребят, которых один Аллах мог насытить! И снова засмеялся царь от этих слов и вернулся в свой дворец. Абу-Сир же провел всю следующую ночь у себя, складывая золото в мешки и тщательно запечатывая каждый мешок. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста семьдесят первая ночь, она сказала:

ночь четыреста семьдесят первая

И на следующий день Абу-Сир велел глашатаям кричать по всему городу: – О дети Аллаха, бегите все купаться в гамаме султана! Первые три дня бесплатно! И в течение трех дней толпы народа бросались к гамаму, получившему название Султанского Гамама, чтобы вымыться там даром. Но с четвертого дня Абу-Сир принялся получать плату за вход, причем каждый мог платить, сколько хотел при выходе из бани. И сама царица, слышавшая от своего супруга восторженные похвалы этой бане, решилась пойти один раз и попробовать. В угоду ей и чтобы приобрести клиенток, посвятил он с того дня утренние часы мужчинам, а послеполуденное время женщинам. Когда царица попробовала новый способ мытья и купанья, она пришла в такой восторг, что решила посещать гамам каждую пятницу, и вознаградила Абу-Сира так же щедро, как и сам царь, который приходил в гамам также каждую пятницу, до полудня, и каждый раз платил по тысяче золотых динариев кроме подарков. Так Абу-Сир преуспевал на пути богатства, почестей и славы! Но это не помешало ему оставаться скромным и честным.

Что касается красильщика, то и он услышал о необыкновенном гамаме, хотя еще не знал, кто там распоряжается. Войдя в гамам, он не без труда узнал цирюльника, до того изменилась к лучшему вся его наружность. Красильщик внутренне смутился, но притворился обрадованным, но Абу-Сир покачал головою и сказал: – Значит, ты забыл о том, как бил меня палкой и бесчестил перед людьми, называя вором предателем и негодяем? Абу-Кир притворился обиженным и вскричал: – Что ты говоришь? Разве тот человек, которого я бил, был ты? И он принялся клясться, что не узнал его тогда, и сказал: – Я принял тебя за другого, за вора, который уже не раз пытался украсть у меня ткани. Ты был так худ и желт, что я не мог узнать тебя! Но и ты виноват, потому что не сказал: «Вот я кто!», а я в тот день был сам не свой от множества хлопот. Прошу тебя, брат мой, прости и забудь, ибо это было предрешено нашей судьбой! И Абу-Сир ответил: – Да простит тебя Аллах, о товарищ мой, это действительно предрешено было судьбой! Что можем мы против решений, постановленных от века? Войди же в гамам, разденься и насладись освежающей и услаждающей баней. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста семьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь четырехста семьдесят вторая

И Абу-Сир рассказал обо всем, что случилось с ним после того, как по его приказанию, его избили палками. Тогда Абу-Кир сказал: – Твой гамам великолепен, но для того, чтобы он был бесподобен, ему не достает одной вещи – мази для удаления волос! Я заметил, что ты, обривши голову у клиента, выщипываешь щипчиками или бреешь бритвой волоски на других частях тела. Но ничто не может сравниться с мазью,

выводящей волосы; у меня есть рецепт, и я дам его тебе бесплатно! Возьми желтого мышьяку и негашеной извести, смешай, приливая масла, прибавь немного мускусу, чтобы заглушить неприятный запах, и сложи это тесто в глиняный горшочек. Ручаюсь за успех, в особенности, когда царь увидит, что лишние волоски падают как бы волшебством без всякого трения или вырывания, и остается совершенно чистая и гладкая кожа! Сообщив этот рецепт старому товарищу, Абу-Кир пришел во дворец и сказал царю: – Слава Аллаху, ограждавшему тебя до сих пор от зловредных рук этого неблагонамеренного человека, врага престола и религии, от этого Абу-Сира, хозяина гамама! Если ты еще раз войдешь в этот гамам, то безвозвратно погибнешь от яда! Он приготовил для тебя мазь, составленную из желтого мышьяка и негашеной извести. Он предложит тебе эту мазь и будет хвалить ее. И если намажет тебя ею, ты умрешь мучительнейшею смертью. Этот хозяин гамама – шпион, подкупленный христианским царем, чтобы извести нашего царя! Услышав такие слова, царь почувствовал, что сильнейший страх овладевает его душою, а тело начинает дрожать и сжиматься, как будто яд уже коснулся его. И сказал он красильщику: – Сейчас я пойду в гамам вместе с моим визирем, чтобы проверить твои слова. И отправился он в гамам с визирем. Там, как и всегда, Абу-Сир ввел царя в особую залу и хотел растирать и мыть его, но царь сказал ему: – Начни с великого визиря! И, обратившись к визирю, он приказал ему: – Ложись! И толстый великий визирь, волосатый, как старый козел, повиновался, растянувшись на мраморе, и дал себя намыливать, тереть и мыть. Затем Абу-Сир сказал царю: – О царь времен, я нашел мазь, так превосходно выводящую лишние волоски, что не нужно никакой бритвы! И царь сказал: – Испробуй эту мазь на визире. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста семьдесят третья ночь, она сказала:

ночь четыреста семьдесят третья

И Абу-Сир взял кусочек мази, величиною с миндалину, и помазал им нижнюю часть живота великого визиря. И царь, убедившийся в силе яда, рассвирепел, позвал слуг и, показав пальцем на Абу-Сира крикнул: – Держите этого негодяя! Затем царь возвратился во дворец и приказал позвать капитана, начальника гавани и судов, и сказал ему: – Ты должен взять изменника Абу-Сира, положить его в мешок с негашеной известью и бросить в море. Таким образом этот негодяй умрет двойной смертью: утонет и сгорит! И капитан ответил: – Слушаю и повинуюсь! Но случилось так, что капитан этот посещал гамам Абу-Сира, и тот не брал с него денег. И капитан этот вывел Абу-Сира из темницы и отвез на островок, лежавший неподалеку от города, и сказал: – У тебя, наверное, есть враги, которые оклеветали тебя перед царем. Но не бойся! На этом острове ты в полной безопасности. Ты будешь заниматься рыбною ловлею, а потом я отправлю тебя в твои края. Сказав это, капитан взял

мешок с негашеной известью и явился с ним под окна дворца, выходящие на море. А в это время царь сидел у окна и ждал исполнения своего приказа. И он протянул руку и пальцем приказал бросить мешок в море. Но сделав слишком резкое движение рукою, он уронил в море золотое кольцо. Оно было волшебным: стоило только поднять руку, на одном из пальцев которой оно было надето, и тотчас же из него вылетала молния, которая разила врага, отрывая у него голову!

Абу-Сир же, оставшись один на острове, принялся ловить рыбу в море. Закинув сеть и подождав с минуту, он вытащил ее и увидел, что она полна рыбы всех цветов и величин. И сказал он себе: «Клянусь Аллахом! Как давно не ел я рыбы! Возьму одну и велю двум поварятам, о которых говорил мне капитан, зажарить ее на оливковом масле». А капитану поручено было ежедневно доставлять свежую рыбу на царскую кухню; и он говорил Абу-Сиру о двух поварятах, которые приедут за рыбой для царского стола. В ожидании тех поварят Абу-Сир выбрал самую большую рыбу, вынул из-за пояса длинный нож и проткнул им насквозь жабры трепетавшей рыбы. Но немало был он удивлен, когда увидел, что из рыбы вышло и повисло на кончике ножа золотое кольцо, вероятно, проглоченное этой рыбой! Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста семьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь четыреста семьдесят четвертая

А кольцо это было тем самым волшебным кольцом, которое царь обронил в море со своего пальца. Абу-Сир не знал о его таинственных свойствах и надел себе на палец. В это самое время явились слуги с царской кухни и сказали ему: – О рыбак, не можешь ли ты сказать нам, где капитан, который каждый день доставляет рыбу для царя? В какую сторону он поехал? Абу-Сир махнул рукой и сказал: – Он поехал туда! Но в ту же минуту головы слуг оторвались от плеч и покатились на землю! Их убила молния кольца! И Абу-Сир начинал уже дрожать от страха при мысли о тайной силе зловредных джинов, когда увидел возвращавшегося капитана. Тот издали заметил мертвые безголовые тела на земле и блестевшее на солнце кольцо у Абу-Сира. Он сразу все понял и закричал: – О брат мой, не двигай рукою с кольцом, или я буду убит! И благополучно приблизившись, капитан сообщил о грозных свойствах кольца и прибавил: – Теперь ты можешь сразить головы твоих врагов и сорвать с плеч голову самого царя! И он посадил Абу-Сира на кораблик, отвез его в город и привел во дворец к царю.

В это самое время царь заседал в Совете, и когда он увидел входящего в зал Абу-Сира, то был уверен, что замышляют его погибель, и вскричал: – Ах ты, негодяй, как вернулся ты со дна морского, не утонув и не сгорев? Абу-Сир же в ответ рассказал о своем спасении и о чудесной находке кольца. Затем он прибавил: – И я пришел отдать тебе это кольцо в благодарность за твои прежние благодеяния и чтобы доказать тебе мою

невиновность. Говоря это, Абу-Сир снял кольцо с пальца и отдал его царю, который поспешил надеть его себе на палец, сказав: – Прошу не судить меня строго и простить за зло, которое я причинил тебе. Цирюльник же ответил: – Если ты желаешь, чтобы я снял тяжесть с твоей совести, скажи, какое же мне приписывалось преступление? Царь же сказал: – Я уверен теперь, что тебя оклеветали. Но если ты желаешь знать, то красильщик Абу-Кир сказал мне о тебе то-то и то-то! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста семьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь четыреста семьдесят пятая

В ответ Абу-Сир рассказал царю, как они с красильщиком клятвенно обещали помогать друг другу, и какие хитрости и проделки видел он со стороны красильщика, как тот велел избить его палками и, наконец, дал рецепт той мази. И прибавил Абу-Сир: – Мазь эту употребляют как наружное средство, ядом она становится, когда ее проглотишь. Тогда царь закричал страже: – Сейчас привести мне красильщика со скрученными за спиной руками! И побежали стражники, и схватили красильщика, и притащили к царю. И увидел он Абу-Сира и понял, что пропал безвозвратно. И по приказу царя стражники протащили его за ноги по всему городу, выкрикивая его злодеяния, и, наконец, посадили его в мешок с негашеной известью и бросили в море. Абу-Сиру же испросил у царя соизволения вернуться на родину, куда вскоре и прибыл в добром здравии. На берегу нашел он выброшенный морем мешок, в котором оказался труп Абу-Кира! И Абу-Сир похоронил его и поставил ему надгробный памятник, на котором была назидательная надпись:

Страшися зла!
Не опьяняйся жадно
Ты злобою из горького фиала.
В конце концов всегда наказан злой!

Затем Шахразада сказала: – Вот все, что знаю я об этом происшествии, о царь благословенный! Шахрияр же воскликнул: – Клянусь Аллахом, эта история весьма назидательна. Вот почему я желаю, чтобы ты рассказала мне еще два-три назидательных анекдота! И Шахразада сказала: – Это именно то, что я знаю лучше всего! Но в эту минуту она заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста семьдесят шестая ночь, она сказала:

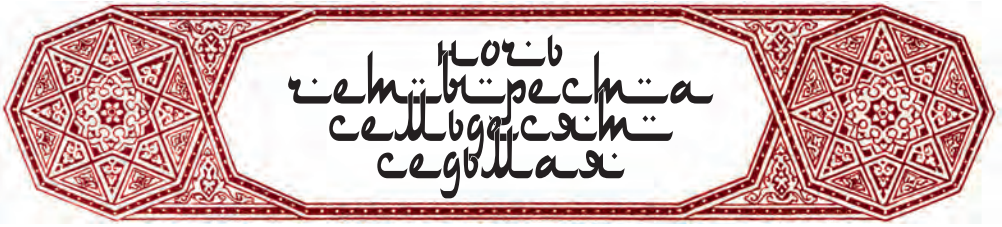
ночь четыреста семьдесят шестая

Назидательный рассказ из «Благоухающего сада»

Известны мне всего лучше назидательные рассказы из «Благоухающего Сада». Но они могут показаться грубым людям с узким умом слишком вольными! Шахрияр же ответил: – Это не должно тебя останавливать. Впрочем, если ты думаешь, что их не должна слышать девочка у твоих ног, вели ей уйти. Услышав эти слова, Доньязада, боясь, что ее прогонят, бросилась в объятия сестры, которая прижала ее к груди своей и успокоила. Потом, повернувшись к Шахрияру, она сказала: – Думаю, она может остаться! Говорить о том, что находится пониже пояса, не может считаться предосудительным, так как для чистых душ все чисто! Затем Шахразада сказала:

ПОДРОСТОК И РАСТИРАЛЬЩИК ГАМАМА

Сказывают, о царь благословенный, что у некоего растиральщика в гамаме было много клиентов из сыновей именитых и богатых людей, так как этот гамам был лучшим в городе. И однажды вошел в зал, где растиральщик ждал посетителей, молодой человек, еще не достигший возмужалости, но полный, жирный и красивый лицом. И был это сын великого визиря. Растиральщик посмотрел на нежное и мягкое тело подростка и сказал себе: «Вот так тело! Повсюду подушки, так много везде жира». И он помог ему растянуться на теплом мраморе жарко натопленной бани и с особым старанием принялся растирать его. Но когда дошел он до ляжек, то крайне удивился. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста семьдесят седьмая ночь, она сказала:



Он перестал заниматься своим делом, а молодой человек спросил: – Что с тобой, о растиральщик? И тот ответил: – Я вижу в тебе несчастнейшего человека! Ты обладаешь всеми совершенствами лица, но ты недоразвился! И сын визиря печально ответил: – Я сам горюю об этом. Рассчитываю на тебя и на твою услужливость; возьми кошелек мой. И растиральщик, взяв золото, направился домой. Там он рассказал все жене, посоветовав ей сходить в гамам к этому человеку. Ведь он не настоящий мужчина, ничего не будет серьезного, а золото останется в доме. И он сказал ей: – Ты посмеешься с ним, я же присмотрю, чтобы не мешало вам любопытство других купальщиков. И молодая женщина повиновалась, нарядившись в свою лучшую одежду. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста семьдесят восьмая ночь, она сказала:

Ночь четыреста семьдесят восьмая

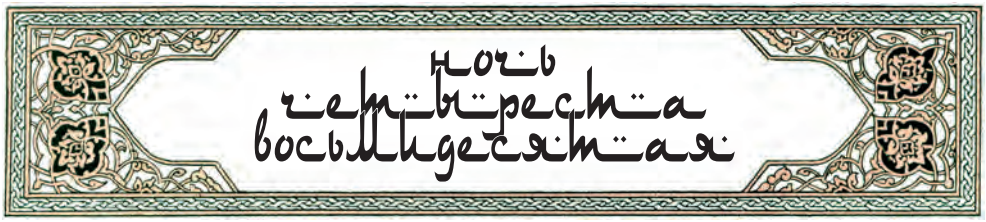
И растиральщик привел свою жену к сыну визиря. Войдя в залу, где он лежал на мраморе, растиральщик оставил их вдвоем, а сам встал за дверью, чтобы не давать любопытным заглядывать внутрь. А молодые люди понравились друг другу; растиральщик мог в этом убедиться, выглядывая из-за решетки двери. Однако, боясь, чтобы бесчестие его не стало известным, он не стал кричать и ломиться в дверь, а только вполголоса говорил жене: – О почему же ты не выходишь? Уж поздно, тебе пора идти кормить ребенка! Наконец, несчастный растиральщик пришел в отчаяние; ревность душила его, и, взбежав на крышу гамама, он бросился с нее вниз головою и разбился до смерти. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста семьдесят девятая ночь, она сказала:

Ночь четыреста семьдесят девятая

История эта доказывает, что истинно мудрый не должен судить лишь по внешним признакам. Царь же сказал: – Воистину, Шахразада, этот рассказ чрезвычайно занимателен. И слушая его, ум мой так отдохнул, что я сейчас же готов прослушать еще какую-нибудь совершенно необычайную историю! И Шахразада, улыбнувшись, сказала: – История, которую расскажу теперь, придется тебе как раз по вкусу!

Рассказ об Абдаллахе Земном и Абдаллахе Морском

Рассказывают люди – но Аллах все знает лучше всех! – что жил человек, рыбак по ремеслу, и звали его Абдаллах. Ему приходилось кормить жену и девять детей, а был он так беден, что все имущество его состояло из одной рыболовной сети. Сеть эта кормила его и семью и была единственным спасением для этих людей. Поэтому каждый день отправлялся он к морю ловить рыбу. Если улов был мал, он продавал его и истрачивал выручку на детей, но если улов был богат, то, продав его, он приказывал жене готовить превосходный обед, покупал плоды и тратил все, пока в руках не оставалось ничего. И говорил он себе: «Хлеб на завтрашний день получится завтра». И жил он так изо дня в день, не задумываясь о будущем. Но вот однажды жена его родила десятого мальчика, так как и остальные девять были мальчики благословением Аллаха! И именно в тот день в бедном жилище Абдаллаха не было решительно ни куска хлеба. И жена сказала мужу: – О господин мой, в доме прибавился лишний жилец, а дневного пропитания у нас еще нет. Не пойдешь ли поискать чего-нибудь такого, что могло бы поддержать нас в эту трудную минуту? И он ответил: – Пойду, поручая себя милости Аллаха, и закину сеть на счастье новорожденного, чтобы узнать, что сулит ему судьба! И жена сказала ему: – Надейся на Аллаха! И взял Абдаллах свою сеть на плечи и пошел на берег моря. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста восьмидесятая ночь, она сказала:



И закинул сеть Абдаллах, говоря: – О Аллах, сделай, чтобы жизнь его была легкой, а не трудной, обильной, а не скудной! Но вытянув сеть, он нашел ее наполненной лишь морской травой. Тогда рыбак опечалился и сказал себе: «Неужели Аллах создал этого младенца, не назначая для него никакого пропитания?» И пошел он закидывать сеть в другое место. С большим трудом вытащив сеть, он нашел в ней дохлого осла, разбухшего и издававшего нестерпимую вонь. И поспешно освободив свою сеть, Абдаллах сказал себе: «Так вот она, щедрость Аллаха! Дохлый осел – это что ли доля моего бедного новорожденного?» И долго стоял глубоко опечаленный рыбак, прежде чем решился закинуть сеть еще раз, испросив прощение у Аллаха за только что произнесенные необдуманные слова и сказав: – Благоприятствуй этому новорожденному, о Ты, расточающий своим созданиям милости и заранее определяющий их судьбу. Я же обещаю Тебе, что со временем он посвятит Тебе всю свою жизнь». Закинув сеть в третий раз, Абдаллах с великим трудом вытащил ее на берег, до крови натерев руки веревками. Каково же было его удивление, когда в сети увидел он человеческое существо с рыбьим хвостом. Абдаллах ни на минуту не усомнился, что видит перед собою одного из эфритов, которые восстали против господина нашего Солеймана, сына Дауда, заключены были в кувшины из меди и брошены в море. И сказал он себе: «Он один из них. Вода с годами разъела медь, он вышел из кувшина и уцепился за мою сеть». И, закричав от страха, рыбак побежал по берегу, вопя: – Смилуйся, о эфрит Солеймана! Но в ответ он услышал: – Не беги от меня! Я не эфрит, а такой же человек, как и ты. Помоги мне выпутаться из этой сети, и я щедро вознагражу тебя! При этих словах сердце рыбака успокоилось, он остановился и медленными шагами вернулся к своей сети. И сказал он пойманному в сети... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста восемьдесят первая ночь, она сказала:

НОЧЬ ЧЕТЫРЕСТА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Так значит ты не джин? Кто же бросил тебя в море? А тот ответил: – Я один из детей моря. Мы живем и дышим в воде, как вы на земле. Мы верим в Аллаха и Пророка Его; мы добры и оказываем помощь братьям нашим на поверхности земли. Хочешь, мы заключим договор, по которому каждый из нас обяжется быть другом другому. Ты ежедневно будешь приносить растущие у вас плоды: виноград, смоквы, арбузы, дыни, персики, сливы, гранаты, бананы и финики. Я же взамен буду давать тебе морские плоды: кораллы, жемчуг, аммониты, бериллы, изумруды, сапфиры, рубины и другие драгоценные камни моря. Согласен ли ты? В ответ рыбак воскликнул: – Да кто же не согласился бы на это? И Абдаллах освободил из сети жителя моря и спросил его: – Как твое имя? Тот ответил: – Меня зовут Абдаллах. А как зовут

тебя, брат мой? Рыбак ответил: – Меня также зовут Абдаллах! Тогда Морской воскликнул: – Ты Абдаллах Земной, а я Абдаллах Морской! Поэтому мы вдвойне братья: и по имени, и в силу нашей дружбы. Подожди одну минуту, о друг мой, я нырну и вернусь к тебе с моим первым морским подарком! И тотчас же Абдаллах Морской прыгнул в воду и исчез. Тогда, видя, что по прошествии довольно долгого времени он не возвращается, Абдаллах Земной стал сожалеть, что освободил Морского из сети, и сказал в душе своей: «Кто знает, вернется ли он? Наверное, он только посмеялся надо мною и наговорил мне все это только для того, чтобы я освободил его. Ах, зачем я не оставил его у себя! Я бы мог показывать его городским жителям и получать за это много денег. И носил бы я его также и по домам богатых людей, которые не любят беспокоиться, и показывал бы за деньги, и мне платили бы щедро». Так жаловался он в душе своей, говоря себе: «О рыбак, ты выпустил из рук улов свой». Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста восемьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь четырёста восемьдесят вторая

Но в ту же минуту Морской выплыл на берег и сел рядом с Земным. В обеих руках он держал жемчуг, кораллы, изумруды, яхонты и рубины. При виде драгоценных камней рыбак был чрезвычайно обрадован. Он спрятал их за пазуху, а Морской сказал: – Не забывай нашего уговора! Приходи сюда каждый день до солнечного восхода! И простился он с ним, и погрузился в море. Рыбак же вернулся в город радостный и веселый и начал с того, что отправился к пекарю, помогавшему ему в черные дни, и сказал ему: – О друг мой, благосостояние мое утвердилось милосердием и щедростью Аллаха и ради счастья моего новорожденного ребенка! И все, что дам тебе, ничто в сравнении с тем, что ты сделал для меня, когда нужда держала меня за горло! Возьми вот это! И он протянул полную горсть самоцветных камней и сказал: – Прошу, одолжи мне немного денег, пока не продал я на базаре эти морские камни. Удивленный до крайности и, несмотря на сопротивление рыбака, пекарь поставил себе на голову корзинку с хлебами и донес ее до самого его дома, и ушел затем, поцеловав у него руки. Рыбак же передал корзину матери своих детей, а потом поспешил отправиться покупать для них ягнятину, цыплят, овощи и плоды. И заказал он жене своей роскошный обед. И ел он сам, ели жена и дети этот обед и беспредельно радовались появлению на свет новорожденного младенца, принесшего им счастье и богатство.

Затем Абдаллах рассказал жене обо всем случившемся с ним, и жена радовалась всему этому, но и сказала: – Никому не говори об этом. Иначе наживешь себе больших хлопот с чиновниками! А рыбак ответил: – Разумеется! Никому не скажу, кроме пекаря! Хотя обыкновенно следует скрывать свое счастье, но не могу скрыть его от первого благодетеля моего! На следующий день поутру Абдаллах-Рыбак с корзиной, наполненной прекрасными

Léon Carré

плодами всех сортов и цветов, отправился на морской берег. Он поставил корзину на песок, ударил в ладоши и закричал: – Где ты, Абдаллах Морской? И тотчас же из глубины вод раздался голос: – Я здесь, я к твоим услугам! И Морской появился на берегу. После добрых пожеланий рыбак подал ему корзину с плодами. Морской взял, поблагодарил и исчез в глубине моря. Но несколько минут спустя он появился снова, неся в руках корзину, наполненную вместо плодов всеми сокровищами моря. Простившись с другом, рыбак поставил корзину себе на голову и пошел в город. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста восемьдесят третья ночь, она сказала:

ночь четырехсотвосемьдесятпятая

Когда рыбак поравнялся с пекарней, пекарь сказал: – Мир тебе! Я только что послал к тебе на дом поднос с сорока сладкими пирогами, которые испечены особо для тебя, и в тесто которых я, не жалея, положил очищенного масла, корицы, кардамону, мускатного орешка, куркумы, аниса и укропа! Рыбак же опустил руку в корзину, взял три пригоршни самоцветных камней и передал пекарю. Дома он выбрал лучшие камни, завернул их в лоскуток и отправился на базар. Остановившись перед лавкой шейха ювелиров, он развернул свои дивные камни и сказал ему: – Не желаешь ли купить? Шейх взглянул на рыбака глазами, преисполненными недоверия, и закричал своим слугам: – Задержите его! Это тот самый вор, который украл драгоценности супруги султана и о котором нам дали знать! И приказал он бить рыбака палками и привести к царю. Абдаллах же, между тем молчал, ничего не отрицая. Когда все пришли в Совет, шейх ювелиров сказал царю: – О царь времен, вот преступник в руках твоих, а вот драгоценные камни, которые мы нашли у него! И приказал царь старшему евнуху: – Ступай показать эти камни твоей госпоже! Она же, взглянув на них, сказала: – Эти камни много прекраснее утраченных мною; подобных им нет и в целом мире! Когда царь узнал от евнуха ответ царицы, он страшно разгневался на шейха ювелиров и на его товарищей за то, что они задержал невинного, и закричал: – Ах, вы злодеи! Разве не знаете вы, что нет богатства невозможного в судьбе истинного правоверного, как бы внезапно и дивно ни было его обогащение? И вы спешите обвинять бедняка под тем только предлогом, что богатство его слишком значительно для него. И вы обходитесь с ним, как с вором, вы бесчестите его перед людьми! И ни одной минуты не подумали о том, что когда Аллах раздает свои милости, Он никогда не скупится! Ступайте, негодяи! Удалитесь с глаз моих. И да лишит вас Аллах навсегда своих благословений! И прогнал он их с позором. Царь же повернулся к Абдаллаху и сказал: – О бедняк, не бойся ничего! Защиту тебе даю я! Однако не пожелаешь ли сказать мне, каким образом достались тебе эти драгоценные камни? Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста восемьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь четыреста восемьдесят четвертая

И рыбак ответил: – Это дар моего друга – Абдаллаха Морского! И он рассказал царю о приключении своем, и дивился царь щедротам Аллаха по отношению к правоверным; и сказал он рыбаку: – О рыбак, богатство должно быть ограждаемо, и богач должен занимать высокое место! И я хочу оградить тебя от превратностей судьбы. Лучшим средством для этого будет женить тебя на моей дочери и назначить тебя великим визирем, завещая тебе престол после моей смерти! И рыбак ответил: – Слушаю и повинуюсь! Затем царь отправил в дом рыбака женщин, опытных в деле одевания и украшений. Этим женщинам приказано было нарядить жену рыбака и его десять детей, посадить их в паланкин, несомый двадцатью неграми, и доставить во дворец впереди великолепного шествия при звуках музыки. И этот приказ был исполнен, и царица встретила жену рыбака с необыкновенным вниманием, между тем как царь принимал детей, сажал их по очереди к себе на колени и отечески ласкал как собственных детей.

После этого царь выдал замуж за визиря Абдаллаха свою единственную дочь, которая стала второю женою его. По случаю бракосочетания царь велел устроить большое празднество для народа и солдат, а также украсить и иллюминовать город. И в эту ночь Абдаллах насладился и узнал разницу между молодым девственным телом царской дочери и старой поношенной кожей своей первой жены. На другой день царь, вставший ранее обыкновенного вследствие волнений вчерашнего дня, увидел, как новый великий визирь вышел из дворца, неся на голове корзину, наполненную плодами. Он окликнул его и спросил: – Зять мой, что это ты несешь? Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста восемьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь четыреста восемьдесят пятая

Тот же ответил: – Это корзина с плодами, которые я несу другу моему, Абдаллаху Морскому! Царь сказал на это: – Иди к своему другу, и да хранит тебя Аллах! И когда Абдаллах проходил по базару, открывавшие лавки купцы узнавали его и говорили: – Это Абдаллах, зять царя; он идет на море обменивать плоды на драгоценные камни! И пришел он, таким образом, на море и увидел Абдаллаха Морского, которому отдал плоды, получив взамен новые драгоценные камни всех цветов. Затем вернулся

он в город и подошел к пекарне своего друга пекаря, и увидел, что дверь его лавки заперта. И тогда нашел он дом пекаря, и постучал у его дверей. А пекарь, узнав Абдаллаха, бросился к нему на шею и сказал: – Я слышал, что тебя арестовали, как вора; и, боясь быть арестованным в качестве сообщника, я спрятался у себя в доме. Тогда Абдаллах рассказал ему обо всем случившемся с ним с начала и до конца и прибавил: – Возьми эту корзину со всем, что в ней заключается. Она принадлежит тебе, это назначено судьбой. Затем он возвратился во дворец с пустой корзиной, и царь сказал ему: – Вот видишь, друг твой Морской, покинул тебя! Абдаллах же ответил: – Нисколько! Я отдал драгоценные камни другу моему пекарю, который в былое время, когда я нуждался, кормил меня, детей моих и жену мою. Царь нашел это чрезвычайно назидательным и спросил: – А как зовут твоего друга? Он ответил: – Абдаллах-Пекарь. При этих словах царь восхитился и воскликнул: – А меня зовут Абдаллах-Царь! Нас всех зовут слугами Аллаха! А так как все слуги Аллаха равны перед Всевышним и братья по вере, и происхождению, то я хочу, чтобы ты сейчас же пошел за другом своим Абдаллахом-Пекарем и привел его сюда, потому что я хочу назначить его своим вторым визирем! И в тот же день царь облек его в знаки визирата. И прежний рыбак Абдаллах блистательно исполнял свои новые обязанности, не забывая ходить к Абдаллаху Морскому и относить ему корзину плодов сообразно со временем года. А когда не бывало плодов ни в садах, ни у продавцов, он наполнял корзину изюмом, миндалем, орехами, фисташками, винными ягодами, сухими абрикосами и другими сухими плодами всех цветов и всех сортов. И каждый раз приносил он на голове корзину с драгоценностями. И так шло дело целый год. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста восемьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь четыреста восемьдесят шестая

Но однажды Абдаллах Земной стал беседовать с Морским о морских жителях, и спросил он у него: – О брат мой, хорошо ли у вас там? Тот ответил: – Если хочешь, я возьму тебя с собой и радушно приму у себя в доме! Земной же ответил: – Но скажи вначале, не опасно ли тебе остаться на суше? Тот ответил: – Без сомнения. Тело мое иссохло бы, и ветры убили бы меня своим дуновением. Тогда Земной сказал: – Так и я! Я создан для жизни на земле. А если бы я погрузился в глубину моря, вода задушила бы меня, и я лишился бы жизни! Но Морской сказал на это: – Не бойся, я принесу тебе особую мазь, и воды моря не причинят тебе никакого вреда. Ты получишь возможность исходить море во всех направлениях, не подвергаясь нигде никакой опасности. И Земной ответил: – Принеси мне твою мазь, и я испробую ее!

Морской погрузился в море, вернулся, держа в руках сосуд, наполненный мазью, и сказал: – Эта мазь приготовлена из печеночного жира рыбы дандан. Это величайшая из морских рыб – она может проглотить верблюда или слона. Тогда

Земной сказал: – В таком случае избавь меня от визита к тебе; я боюсь встречи с такой рыбой, которая может меня съесть! Морской же возразил: – Не бойся! Эта рыба ест самых мелких морских тварей, а мясо человека для нее – страшный яд. При виде человека дандан спасается бегством, до такой степени он опасается людей! К тому же он по запаху узнает свой жир, которым ты будешь намазан, и не сделает тебе никакого зла! Успокоенный такими заверениями друга, Земной сказал: – Возлагаю упование мое на Аллаха и на тебя! Затем он разделся, выкопал в песке яму и спрятал в ней свою одежду, чтобы никто не украл ее во время его отсутствия. Потом натер себя с ног до головы тем жиром, не забывая малейших отверстий. Тогда Абдаллах Морской взял товарища за руку и погрузился с ним в глубины морские. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста восемьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь четыреста восемьдесят седьмая

И тяжесть моря не душила Земного, и дышалось ему лучше, чем под небесным сводом. И он открыл глаза и увидел, как море над ним развертывается изумрудным шатром, а под ногами расстилаются края, в которые не заглядывал человеческий глаз. И видел он леса красных и розовых кораллов, ветви которых стояли в полной неподвижности. Раковины тысячи различных форм и окрасок блестели своими яркими цветами. Вокруг него проносились рыбы, походившие на цветок, и рыбы, напоминавшие плоды, и рыбы, похожие на птиц, и еще другие, в червонно-золотой и серебряной чешуе, похожие на больших ящериц, а еще другие, напоминавшие коров, собак и даже людей.

И Абдаллах Земной увидел ряд изумрудных пещер. У входа лежали прекрасные, как луны, девушки с волосами цвета янтаря. И они нисколько не отличались бы от земных девушек, если бы не хвост, которым оканчивалось их тело. То были Морские Девы! И Земной спросил Морского: – Почему я не вижу среди них мужчин? Морской же ответил: – Это девственницы, они ждут супруга, который придет и выберет из них ту, которая ему понравится. В других местах моря есть города, населенные жителями мужского и женского пола, и оттуда выходят юноши, ищущие себе подруг; а здесь имеют право жить только девушки, которые стекаются сюда со всех концов нашего царства. У нас нет брака; когда нам нравится девушка, мы берем ее; а когда перестает нравиться, покидаем ее, и она понравится другому. Но, брат мой, я хочу поскорее доставить тебя в тот город, поскольку если бы я и тысячу лет употребил, показывая тебе наше царство и города, в нем находящиеся, я все же не успел бы показать тебе всего! И Абдаллах Морской пронес его к одной из пещер и сказал: – Войди, о брат мой! Это мой дом! И Земной увидел жену Морского с двумя детьми, которые грызли по рыбе, как земные дети грызут огурцы. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста восемьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь четырёста восемьдесят восьмая

И дети нашли его очень забавным, и они плясали и кричали: – Это Бесхвостый! Тогда Земной сказал Морскому: – Неужели ты привел меня сюда, чтобы сделать посмешищем твоих детей и жены? Морской же отвечал: – Не обращай внимания: им не хватает разумения, но знай, что у нас хвост считается необходимой принадлежностью каждого живого существа! В это время вошло десять высоких и сильных существ, которые сказали хозяину: – О Абдаллах, царь только что узнал, что ты принимаешь Бесхвостого. И он желает осмотреть его и узнать, как устроено его тело. При этих словах Морской сказал своему гостю: – Мы не можем не повиноваться приказам нашего царя! И взял Морской своего гостя и привел его к царю. Когда царь увидел Земного, то принялся хохотать и сказал: – Добро пожаловать, о Бесхвостый! Как же это так вышло, что у тебя нет хвоста? Земной же ответил: – О царь! Жители земли все такие. И пожелал царь узнать названия разных невиданных им частей тела, и к чему они служат человеку. И Абдаллах объяснил ему. И царь и его приближенные долго смеялись, а Абдаллах Земной поднял руки к небу и воскликнул: – Слава Аллаху, сотворившему то, чем гордятся в одном мире и что служит посмешищем в другом. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила четыреста восемьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь четырёста восемьдесят девятая

И стесняясь тем, что служит предметом любопытства для морских жителей, он не знал, что делать, но царь сказал ему: – О Бесхвостый, ты позабавил меня. Проси у меня, что пожелаешь! Абдаллах же ответил: – Я хочу вернуться на землю, захватив много морских драгоценностей! И царь согласился, и тогда все морские принести большие пустые раковины и наполнили их самоцветными камнями всех сортов. И Абдаллах Земной простился с царем и в сопровождении друга своего переступил пределы морского царства, и снова увидел себя на земле, под небесным сводом. И жил он с тех пор счастливо и добродетельно, пока не посетила его Разрушительница человеческих радостей. Тут Шахразада сказала: – О царь, этот рассказ не более достоин восхищения, чем который расскажу тебе теперь. И царь Шахрияр ответил: – Можешь рассказывать! И Шахразада начала так:

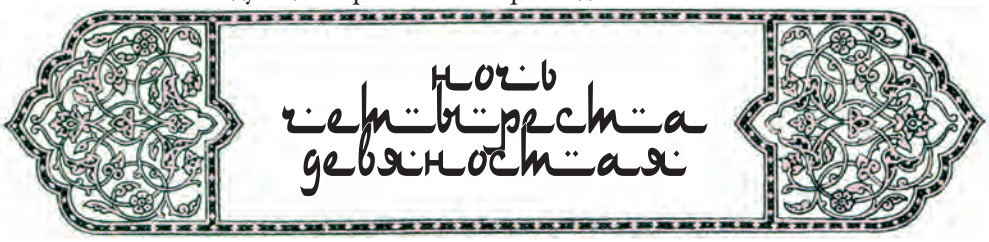
Gordon Browne

История желтолицего юноши

О благословенный царь, рассказывают, что халиф Гарун-аль-Рашид вышел однажды среди ночи из своего дворца в сопровождении визирей Джафара и Фазиля, любимца своего Абу-Ишака, поэта Абу-Новаса, меченосца Масрура и начальника полиции Ахмада Шелудивого. Переодетые купцами, они направились к берегу Тигра и уселись в лодку, которую предоставили течению реки. Ибо Джафар, заметив, что халиф чем-то озабочен, уверил его, что верное средство против скуки – видеть, чего еще не видел, слышать, чего еще не слышал, и побывать там, где еще не бывал. И когда лодка неслась мимо окон одного дома над рекой, они услышали дивный голос, который выводил под аккомпанемент лютни следующие строки:

Доколь от счастья будешь ты бежать?
Проснись скорее; ведь жизнь человеку
Лишь как залог на краткий срок дана!
Но чаша здесь и кравчий недалеко!
Вглядись в него и чашу ты прими;
Его так томны веки; взгляд глубокий
Тебя манит; не отвергай его!
Я розами усеяла живыми
Его ланиты, но, когда хотела
Я их сорвать в расцвете их красы,
Я вместо них нашла уже гранаты!
Таких даров не презирай, о сердце!
Его ланит прекрасен нежный пух!

Услышав это, халиф воскликнул: – О Джафар, как прекрасен этот голос! И тот ответил: – О господин наш, никогда еще не слышал я более пленительных звуков. Но слышать голос за стеной – значит только наполовину слышать его! Тут Шахразада увидела, что близится утро, и умолкла. А когда наступила четыреста девяностая ночь, она сказала:



Тогда халиф сказал: – Войдем, о Джафар, в этот дом и попросим его хозяина оказать нам гостеприимство. И они причалили к берегу, постучались в двери дома, и, когда им отворил евнух, они обратились к нему с просьбой впустить их в дом. Тогда евнух пошел предупредить своего хозяина, который не замедлил выйти. Приветствовав всех, он ввел их в большую залу. По знаку хозяина в нее вошли невольницы с подносами, уставленными различными блюдами. И когда все поели и попили, Джафар сказал: – О хозяин наш, мы пришли сюда, чтобы послушать чудесный голос, который доносился к нам из этого дома, когда мы были на реке. Тогда хозяин дома сказал: – Я рад служить вам! И он ударил одну руку о другую и сказал прибежавшим на этот зов невольницам: – Скажите вашей хозяйке Сетт Джамиле, чтобы она спела нам что-нибудь! И несколько минут спустя за большой занавеской в глубине залы послышался голос, которому не было равного во всем мире, и ему нежно аккомпанировали лютни и цитры:

Ах, дни бегут от девушки влюбленной,
И тщетно жаждет вновь она увидеть
Предмет своих желаний и любви.

Голос умолк, а восхищенный халиф сказал хозяину дома: – Обладательница этого голоса страдает, вероятно, от разлуки со своим возлюбленным? И он внимательно взглянул на хозяина, как бы желая прочесть на его лице объяснение. И он увидел, что это юноша необыкновенной красоты, но с лицом желтым, как шафран. И он добавил: – Мы желали бы также узнать, родился ли ты желтолицым или приобрел этот цвет лица впоследствии? И желтолицый ответил: – О гости мои, желтый цвет моего лица обусловлен очень странным происшествием. Подарите же мне ваш слух и внимание вашего ума! И все ответили: – Мы сгораем от нетерпения! Тут Шахразада увидела приближение утра и умолкла. А когда наступила четыреста девяносто первая ночь, она сказала:

НОЧЬ ЧЕТЫРЕСТА ДЕВЯНОСТО ПЕРВАЯ

И желтолицый юноша сказал: – Знайте, что я родом из Омана, где отец мой был знатным купцом, у него было тридцать кораблей, и после его смерти все его богатства перешли ко мне. И вот однажды гости мои стали восторгаться чудесами Басры и Багдада, прославляя жизнь в этих странах. И я был до того очарован, что принял решение отправиться туда. Я поспешил продать с аукциона все мое имущество, мои владения, товары и суда за исключением одного, которое я оставил для себя. Захватив тысячи динариев, не считая драгоценностей, самоцветных камней и слитков золота, которые хранились в сундуках, я сел на судно и отплыл в Басру, где пересел на другое судно и поднялся по Тигру до самого Багдада. И я отправился в кархаский квартал, где жили самые знатные лица,

и нанял великолепный дом в улице Зафаран, куда и перенес все свои вещи и все драгоценности.

И я облекся в лучшие мои одежды и вышел погулять по наиболее людным улицам города. И я следовал за толпой и шел туда, куда шли другие, и так дошел я до Карн-аль-Сирата, который служит конечным пунктом для всех прогулок в Багдаде. И тут среди многих прекрасных зданий я увидел одно, которое было красивее других. Оно выходило фасадом на реку, и у входа на мраморном пороге сидел почтенный старик в белой одежде и с белой бородой, спускавшейся до самого пояса. Вокруг него стояли пять прекрасных, как луны, отроков, надушенных самыми изысканными благовониями. Привлеченный красотой старца и окружавших его отроков, я спросил у одного прохожего: – Кто этот почтенный шейх? И как зовут его? И он ответил: – Это шейх Тагер-Абул-Ола, покровитель юношей! И все, входящие в его дом, могут вволю пить, есть и забавляться. Тут Шахразада увидела, что близится утро, и умолкла. А когда наступила четыреста девяносто вторая ночь, она сказала:

ночь четыреста девяносто вторая

При этих словах я пришел в безграничный восторг, подошел к шейху и, пожелав ему мира, сказал: – Слава Тому, Кто поставил на моем пути этого шейха! Ибо я отправился из моей страны в Багдад только для того, чтобы найти человека, подобного этому! О господин мой, я желал бы провести ночь в твоем доме! Вот тебе триста динариев. Тогда он подозвал одного из отроков, и тот взял меня за руку и повел в гамам того дома и приготовил мне чудесную ванну, и выказывал мне самое заботливое внимание. После он повел меня к павильону и постучал в одну из его дверей. И нам отворила двери молодая девушка с приветливым лицом. Она взяла меня за руку, ввела в комнату с фантастическими украшениями, села возле меня, сделала знак невольницам, и они принесли нам золотой поднос, на котором были жареные цыплята, перепела, голуби и фазаны. Во всю мою жизнь не пробовал я более тонких блюд, чем эти, и не пил более сладких напитков, чем те, которыми она угощала меня.

По истечении месяца за мною пришел отрок и отвел меня к седому шейху, которому я отвесил шестьсот динариев. И он позвал другого отрока, и тот свел меня в гамам, где служил с еще большей заботливостью, чем первый, а затем подвел к помещению, дверь которого охраняли четыре маленьких невольницы. Увидав нас, они побежали предупредить госпожу свою. И дверь отворилась, и я увидел перед собой юную христианку из страны франков, гораздо более прекрасную, чем первая, и богаче одетую. И она, улыбаясь мне, взяла меня за руку и ввела меня в свою комнату, поразившую меня богатством убранства и отделки. И она сказала мне: – Добро пожаловать, прекрасный гость. Тут Шахразада увидела, что занимается утренняя заря, и со скромностью умолкла. А когда наступила четыреста девяносто третья ночь, она сказала:

Léon Carré

ночь четыреста девяносто третья

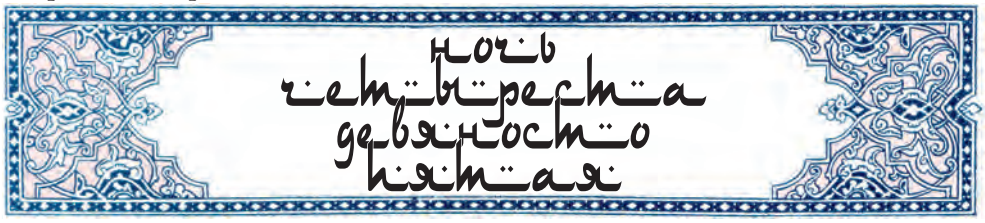
На обладала прекрасным голосом и уменьем играть на сладкозвучных инструментах, и с ней провел я еще целый месяц. И когда отрок снова пришел за мною, я сказал седому шейху: – Клянусь Аллахом! Я хочу всегда жить в твоем гостеприимном доме, где находишь и отраду очей, и усладу чувств, и избранное общество! И шейх был весьма доволен моими похвалами и, чтобы выразить свое удовольствие, сказал мне: – Сегодняшняя ночь является ночью необычайного празднества, принимать участие в котором могут лишь избранные посетители моего дома. Мы называем эту ночь ночью чудных видений. Поднимись на террасу, чтобы убедиться в этом собственными глазами! И первое, что я заметил, поднявшись туда, был большой бархатный занавес, разделявший террасу на две части. За ним на роскошном ковре, освещенные луною, покоились молодая девушка и ее возлюбленный. И я, при виде ее несравненной красоты, был ошеломлен и очарован, и долго глядел на нее, затаив дыхание, и не знал, где я нахожусь. Наконец, смог я выйти из этой неподвижности и, будучи не в силах успокоиться, не узнав, кто они, спустился с террасы и побежал к молодой женщине, и рассказал ей, что видел. А она увидела, в каком состоянии я нахожусь, и сказала мне: – Но что тебе за дело до этой молодой девушки? Я ответил: – Она вырвала и разум мой, и совесть! Она сказала мне с улыбкой: – Так ты желал бы обладать ею? Я же отвечал: – В этом заветное желание души моей, ибо она царит в сердце моем! И она сказала мне: – Знай, что девушка эта – дочь самого шейха Тагера-Абул-Ола, и все мы лишь рабыни ее. Это плод, достойный царских уст. Я же ответил: – Я готов истратить все свое состояние! И я провел всю ночь, не смыкая глаз, настолько ум мой был занят мыслью о ней. На следующий же день я поспешил облечься в лучшие свои платья и, одетый по-царски, предстал перед шейхом Тагером и отвесил ему пятнадцать тысяч динариев. Он взял их и сказал одному из отроков: – Проводи господина твоего к госпоже твоей, такой-то! И отрок повел меня и ввел в покой, подобного которому по богатству и красоте глаза мои не видели на всем лице земли. И я увидел молодую девушку, сидящую в небрежной позе, с веером в руке. Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила четыреста девяносто четвертая ночь, она сказала:

ночь четыреста девяносто четвертая

дух мой был сразу поражен очарованием, о почтенные гости мои! Ибо она была, поистине, как луна в четырнадцатый день своего появления, и уже одним своим ответом на мое приветствие она окончательно похитила мой разум звуком голоса своего, более певучего, чем созвучие лютни; и поистине, вся она была прекрасна; и во всем со всех сторон грациозна и равно хороша. И о ней, без сомнения, говорит поэт:

Когда б нагая на волнах морских
Солено-горьких вдруг она явилась,
То все бы море сделалось бы сладким
От уст ее пленительно медовых.

И я приветствовал ее пожеланием мира, и она ответила мне таким же приветствием и сказала: – Ласка, радушие и щедрость да встретят гостя! И она взяла меня за руку и усадила подле себя; и молодые девушки с чудными грудями пришли и стали подавать нам на подносах прохладительные напитки, как того требует гостеприимство, и изысканные плоды, редкие варенья и восхитительное вино, какое пьют лишь в царских хоромах; и они поднесли нам также розы и жасмины, в то время как душистые кустарники и алоэ, курившиеся в золотых курильницах, распространяли вокруг нас свои сладкие благоухания. И я провел с нею месяц за месяцем в течение долгого времени до тех пор, пока вследствие столь значительных трат у меня не осталось более ни одного динария. И тогда, размышляя о том, что я вскоре принужден буду расстаться с нею, я не мог удержать слез моих, лившихся целыми реками по моим щекам, и не различал я более дня от ночи. Тут Шахразада увидела, что занимается утро, и умолкла. А когда наступила четыреста девяносто пятая ночь, она сказала:



она, увидав меня в слезах, спросила: – О чем ты плачешь? Я же сказал: – О госпожа моя, о том, что у меня нет больше денег, а поэт говорит:

Ах, нищета нас делает чужими
И в собственных домах; зато богатство
Нам родину создаст и на чужбине!

Вот почему я плачу, о свет очей моих; я плачу, опасаясь, что отец твой разлучит меня с тобою! Она же сказала мне: – Милый мой, оставь все опасения на этот счет, ибо в сердце моем горит великая любовь к тебе. Я буду каждый день давать тебе мешок с пятьюстами динариями из моего личного состояния, ты же будешь передавать его моему отцу! Тогда я в радости своей почувствовал себя легким, как птица, и поцеловал ее руку, и остался с ней. Но вскоре возлюбленная моя в припадке гнева больно ударила одну из рабынь, и та воскликнула: – Клянусь Аллахом, я нанесу такой же удар твоему сердцу, какой ты нанесла мне! И она побежала к отцу подруги моей и открыла ему, как было дело, с

начала и до конца. И тогда старый Тагер крикнул мне: – Уходи! Я не хочу ни отколотить тебя, ни бранить! Но поспеши исчезнуть, ибо если ты на беду останешься еще в нашем городе Багдаде, то твоя кровь брызнет выше головы твоей!

Тогда я принужден был удалиться наперекор своему влечению, не зная, куда идти в этом городе, расположение которого совсем не знал, несмотря на то, что прожил в нем шестнадцать месяцев. И я чувствовал, что на сердце мое тяжело наваливаются все невзгоды мира, а дух мой подавлен отчаянием, печалями и заботами! И я спросил себя: – Как могло случиться, что прибыв сюда из-за моря, имея тысячу тысяч золотых динариев и тридцать кораблей, истратил я все свое состояние в доме этого злосчастного старика и вышел от него теперь обнаженным, с разбитым сердцем и оскорбленной душой? Погруженный в эти грустные мысли, я очутился на берегу Тигра и увидел корабль, направлявшийся вниз по течению к городу Басре. И я отправился на корабль этот и предложил капитану свои услуги в качестве матроса, дабы этим заплатить за проезд. И таким-то образом доехал я до Басры. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и со скромностью умолкла. А когда наступила четыреста девяносто шестая ночь, она, сказала:

ночь четырехсто девяносто шестая

Там я немедленно направился на рынок, ибо меня терзал голод, и обратил на себя внимание продавца сластей, который оказался старинным другом отца моего. И я рассказал ему обо всем, что случилось со мною. И он сказал мне: – О Аллах! Так разумные люди не поступают. Но что прошло – прошло. Не согласишься ли ты остаться у меня записывать приход и расход моего товара, получая за это серебряную драхму в день? И я остался у него в качестве писца, записывая приход и расход купли и продажи. И я прожил у него до тех пор, пока не скопил сто золотых динариев. И тогда судьбе угодно было, чтобы однажды издалека приплыл корабль, нагруженный разными товарами, которых я ждал. И владельцы начали продажу, а купцы надбавляли цену, пока стоимость первого мешочка драгоценностей не поднялась до четырехсот динариев. И владетель мешка, знававший меня, когда отец мой стоял во главе торговли Омана, спросил меня: – Почему же ты не надбавляешь цену, как другие купцы? Я ответил: – Клянусь Аллахом, из всех благ мира у меня осталось лишь сто динариев! И я был страшно смущен, произнося эти слова, и капли слез скатились из глаз моих. И владелец мешка проникся участием к моему тяжелому положению и сказал купцам: – Будьте свидетелями: я продаю этому молодому человеку за сто динариев этот мешок со всем, что в нем содержится, хотя знаю, что истинная его стоимость равняется тысяче динариев. Это подарок ему от меня.

И пораженные купцы засвидетельствовали, что они видят и слышат, и купец вручил мне мешок со всем, что в нем заключалось. И я поблагодарил его за его великодушие, и нанял себе лавку, и стал продавать и покупать, получая ежедневно

довольно значительный барыш. А среди вещей в мешке находился кусок красной черепаховой чешуи. Судя по таинственным письменам, начертанным с обеих сторон, это был, вероятно, амулет, изготовленный каким-нибудь мудрецом, весьма сведущим в приготовлении амулетов. Я несколько раз объявлял через глашатая о продаже его, но за него предлагали лишь от десяти до пятнадцати драхм. Тогда я, не желая уступить его за столь ничтожную цену, и в предвидении случая продать его с большей выгодой, бросил этот кусок черепаховой чешуи в угол лавки, где он и пролежал целый год. Тут Шахразада увидела, что занимается утро, и умолкла. А когда наступила четыреста девяносто седьмая ночь, она сказала:

НОЧЬ ЧЕТЫРЕСТА ДЕВЯНОСТО СЕДЬМАЯ

Но однажды, когда я сидел в лавке своей, ко мне вошел чужестранец и приветствовал меня пожеланием мира, и, заметив кусок чешуи, несмотря на покрывавшую его пыль, воскликнул: – Хвала Аллаху! Наконец нахожу я то, что искал! Согласен ли ты продать мне это? Я сказал: – А сколько предлагаешь? Он ответил: – Пятьдесят динариев золотом! Я же подумал – настолько высокой показалась мне эта цена, – что он насмехается надо мной, и сказал с раздражением: – Ступай себе своей дорогой! В ответ он сказал мне: – Тысячу динариев! А я ответил еще раз: – Ступай себе своей дорогой! Тогда он стал набавлять одну тысячу динариев за другой, пока не дошел до тридцати тысяч динариев. Тогда я обратился к собравшимся присутствующим и сказал: – Я беру вас в свидетели этой продажи! Но хочу сначала узнать от покупателя, что будет он делать с этим куском чешуи! А он ответил: – Заключим сначала сделку, а затем я расскажу тебе о свойствах и пользовании этой вещи! И он достал мешок золота, отсчитал мне тридцать тысяч динариев, взял амулет и положил его себе в карман.

Затем он голосом, полным глубокой насмешки, сказал мне: – Клянусь Аллахом! Если бы ты сумел твердо держаться в этой продаже, то я бы принужден был заплатить за этот амулет не тридцать тысяч динариев, а тысячу тысяч динариев, если не больше! Услыхав эти слова, я ощутил сильнейшее потрясение внутри; вся кровь отхлынула от моего лица, и вместо нее появилась эта желтая окраска, которая и осталась у меня с тех пор. И я оставался некоторое время в отупении, но потом сказал чужестранцу: – Не можешь ли ты теперь рассказать мне о свойствах этого куска черепаховой чешуи? И он ответил мне: – Знай, что у царя Индии есть любимая дочь, с которой никто не сравнится красотою, но она подвержена жестоким головным болям. И отец ее, испробовав все средства, которые бы могли ее облегчить, велел созвать самых мудрых книжников, ученых и прорицателей, но ни одному из них не удалось избавить голову ее от болей, которые мучили ее. Тут Шахразада увидела, что близится утро, и со скромностью умолкла. А когда наступила четыреста девяносто восьмая ночь, она сказала:

ночь четырехста девяносто восьмая

Тогда я, присутствовавший на этом собрании, сказал царю: – Я знаю человека по имени Садаллах-Вавилонец, который не имеет себе равного в знании таких лекарств. И царь ответил мне: – Иди к нему! Я же сказал: – Дай мне сто тысяч динариев и кусок красной черепаховой чешуи темно-красного оттенка! Получив это, я отправился в страну Вавилонскую. И я предстал перед Садаллахом, вручив ему сто тысяч динариев и кусок черепаховой чешуи. И я попросил его изготовить всесильный амулет против головных болей. И мудрец вавилонский начертал на этом куске чешуи полные таинственности волшебные письмена, и я взял этот амулет и возвратился к царю Индии. И как только он приложил этот амулет к челу дочери своей, она была исцелена в тот же час и в тот же миг. И царь осыпал меня богатыми дарами, а дочь царя привязала амулет к своему ожерелью и больше не расставалась с ним.

Но однажды царевна во время прогулки на лодке неловким движением оборвала нить ожерелья, амулет упал в воду и исчез. И в ту же минуту она вновь стала одержима ужасными головными болями. Я же, узнав, что шейх Садаллах к тому времени скончался, по приказу царя отправился искать пропавший амулет. И чужестранец, рассказав мне эту историю, стянул пояс свой и ушел.

Я же, снова сделавшись богатым, отправился в Багдад к своей возлюбленной. Ибо с тех пор, как мы расстались с нею, она и днем и ночью наполняла мысли мои; и свидеться с нею было целью моих желаний и всей моей жизни. И разлука лишь разжигала пламя души моей и возбуждала дух. И я спросил о ней у молоденького мальчика, который сторожил входную дверь. И он сказал мне: – Радость покинула этот дом, и несчастье слетело на нас с тех пор, как нас покинул молодой человек из Омана, называвшийся Абуль-Гассан аль-Омани. Молодой купец этот целый год жил с дочерью шейха Тагера. Но так как по прошествии этого времени у него не осталось больше денег, то хозяин наш прогнал его из дому.

Но молодая госпожа наша, любившая его пылкой любовью, была так потрясена этим расставанием, что захворала тяжкой болезнью, которая чуть не свела ее в могилу.

Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила четыреста девяносто девятая ночь, она сказала:

ночь четырехста девяносто девятая

Тогда шейх Тагер, раскаявшись в том, что сделал, разослал гонцов во все стороны, чтобы отыскать юного Абуль-Гассана, но до сих пор ни один не напал на его след. И потому дочь шейха находится теперь при последнем издыхании! И шейх Тагер был от всего этого в таком горе, что продал молодых девушек и молодых мальчиков и горько раскаялся перед Аллахом Всевышним. Тогда я сказал юному невольнику: – Ступай же к господину своему и скажи, что у дверей его дома стоит сам Абуль-Гассан аль-Омани! И шейх тотчас узнал меня и стал со слезами обнимать, и привел к дочери своей. И как только она увидела и узнала меня, так лишилась чувств и долго не могла прийти в себя. Наконец, она смогла подняться и, плача от радости, бросилась ко мне, и долго оставались мы в крайнем волнении и блаженстве.

А когда мы в состоянии были обратить внимание на то, что происходило вокруг, то увидели кади и свидетелей, которых шейх поторопился призвать и которые тут же написали нам брачный договор наш. И свадьбу нашу отпраздновали с неслыханной роскошью, среди празднеств и ликований, длившихся тридцать дней и тридцать ночей. С тех пор дочь шейха Тагера – возлюбленная супруга моя. Это она пела здесь грустные песни. Они нравятся ей потому, что заставляют ее сильнее чувствовать полное счастье, в котором протекают дни нашего союза, благословленного рождением сына, столь же прекрасного, как его мать! И его хочу я представить вам о, гости мои. Тут Шахразада увидела, что близится утро, и со скромностью умолкла. А когда наступила пятисотая ночь, она сказала:

ночь пятисотая

Сказав это, желтолицый юноша вышел и вернулся, ведя за руку мальчика десяти лет, прекрасного, как месяц в четырнадцатый день своего появления. И халиф со своими спутниками были до крайности восхищены как красотой, грациозностью и приветливостью ребенка, так и необычайной историей отца его. А на следующий день халиф позвал Масрура и сказал ему: – Ты должен сложить в этой зале все подати, собранные золотом с Багдада, Басры и Хорасана! Затем халиф приказал привести к нему Абул-Гассана Аль-Омани. И когда того привели, халиф сказал ему: – Знай, что я был твоим вчерашним гостем, а все собранное здесь золото – мой подарок тебе, чтобы вознаградить тебя за то, что ты упустил при продаже волшебной черепаховой чешуи! Услышав эти слова, Абул-Гассан был так взволнован, что желтая окраска сошла с его лица, и вместо нее прихлынула алая кровь, которая вернула ему прежний румянец, равный в блеске своем луне в ночь полнолуния. Такова, – продолжала Шахразада, – история желтолицего юноши. Но она не может сравниться с историей Цветка-Граната и Улыбки-Луны! И Шахрияр воскликнул: – Поспеши же рассказать мне ее! И Шахразада сказала:

История Цветка-Граната и Улыбки-Луны

О царь благословенный, жил некогда в городе Хорасане царь по имени Шахраман. И было у него сто наложниц, но ни от одной из них не удалось ему иметь детей, хотя бы даже женского пола. И не мог он забыть тоску своего одиночества без потомства и скорбь о том, что некому передать по наследству престол, завещанный ему его отцами и дедами. Но однажды купец привел к нему невольницу, окутанную покрывалом из синего шелка с золотыми полосками. И когда купец снял его, весь зал осветился красотой ее, и волосы ее упали ей на спину семью толстыми косами, которые касались браслетов на ее ногах, подобно роскошным волнам волос, спускающимся до земли за крупом чистокровной кобылицы. И царственный стан ее был дивно строен и мог поспорить в гибкости с тонким стеблем ивовых ветвей. Ее очи, черные и удлиненной формы, были полны молний, пронизывающих сердца, и один вид ее мог исцелять болящих и калек. Тут Шахразада увидела, что близится утро, и со скромностью умолкла. А когда наступила пятьсот первая ночь, она сказала:

И царь был очарован до крайней степени восхищения, и велел дать купцу десять тысяч динариев золотом, и сказал управляющим дворца: – Отведите ее в гамам, чтобы снять с нее следы долгого пути, и отведите ей помещение в том крыле дворца, окна которого выходят на море. И приказания царя были исполнены, и царь, с нетерпением ожидавший этой минуты, вошел к ней. Он сел возле молодой девушки и

нежно прижал ее к груди своей. Потом посадил ее на колени и поцеловал в губы, но она не говорила ни слова и подчинялась ласкам его, не оказывая сопротивления, но и не выказывая нежной готовности. И царь приказал подать роскошное угощение и принялся подносить куски к ее губам. И он потихоньку спрашивал ее, как ее имя и из какой она страны. Но она оставалась безмолвной и даже не поднимала головы, чтобы взглянуть на царя, который подумал: «Быть может, она нема? Но невозможно, чтобы Творец создал такую красоту и лишил ее речи».

Затем он позвал прислужниц, чтобы подать себе умыть руки, и спросил их шепотом: – В то время, как вы услуживали ей, слышали вы от нее хоть слово? И они ответили: – Мы ни разу не видели, чтобы она пошевелила губами, чтобы сказать нам: «Это хорошо. То не хорошо», и мы не знаем, незнание ли это нашего языка или немота. Услыхав эти слова прислужниц, царь был до крайности изумлен и, полагая, что молчание это происходит от какого-нибудь тайного горя, захотел развлечь ее. Он велел созвать всех своих любимых наложниц, чтобы она забавлялась и играла с ними. И одни стали играть на музыкальных инструментах, другие пели или плясали. И все веселились, кроме молодой девушки, которая по-прежнему неподвижно сидела на своем месте, опустив голову, скрестив руки и не говоря ни слова. Тогда царь почувствовал, что грудь его сжалась, и он приказал женщинам удалиться. Оставшись с молодой девушкой один, он приблизился к ней и принялся раздевать ее. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот вторая ночь, она сказала:

ночь пятьсот вторая

Он осторожно снял окутывавшие ее покрывала и семь различных по тканям и по цвету одежд, в которые она была облечена, и, наконец, тонкую сорочку и широкие шальвары с кистями из зеленого шелка. И он увидел тело ее, блиставшее белизной, подобное в своей чистоте девственному серебру. И он почувствовал к ней сильную любовь, ибо она была нетронута и девственно чиста. И царь так привязался к своей новой невольнице, что покинул ради нее всех других женщин дворца и прежних своих любимиц, и государственные дела, и целый год прожил с нею вдвоем, ни на минуту не утомляясь все новыми и новыми прелестями, которые открывал в ней каждый день. Но со всем тем ему по-прежнему не удалось добиться от нее ни единого слова или даже знака одобрения и хоть сколько-нибудь заинтересовать ее в том, что он делал с нею и около нее.

И однажды царь сидел возле своей безучастной невольницы и говорил ей: – О свет очей моих, разве не знаешь ты, какую любовь я чувствую к тебе? Ради тебя покинул я и прежних любимиц моих, и наложниц, и дела государства моего. Вот уже более года, как я испытываю терпение души моей над причиной безучастности твоей и не могу отгадать ее! Если ты действительно нема, то дай мне понять это

знаками. Если же нет, то да внушит тебе Аллах в благости своей прервать, наконец, это молчание, которого я ничем не заслужил. Но если мне навеки отказано в этом утешении, то да угодно будет Аллаху, чтобы ты сделалась беременною от меня и подарила мне желаемого сына, который бы мог наследовать мой престол, завещанный мне моими отцами и дедами! Разве не видишь ты, что я старею одиноким, не имея потомства, и что скоро уже не смогу даже надеяться дать зачатие чреву молодой женщины, ибо буду слишком разбит бременем лет и печалью? Если ты испытываешь ко мне хоть жалость или расположение, ответь мне; скажи мне только, беременна ли ты, или нет, заклинаю тебя именем Аллаха над тобою! При этих словах прекрасная невольница, которая, по своему обыкновению, слушала царя, не поднимая глаз и сжав руки на коленях в полной неподвижности, внезапно улыбнулась и заговорила так... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот третья ночь, она сказала:

ночь пятьсот третья

царь великодушный, знай, что Аллах услышал молитву твою, ибо я беременна от тебя! Иначе я не сказала бы тебе ни одного слова до самой моей смерти. И как же было мне не хранить молчание, когда, низведенная на положение невольницы, я оказалась вдали от родины бедною чужестранкой с разбитым сердцем, навсегда разлученной с матерью моей, с братом и со всей родней? А безмерно обрадованный царь отвечал: – Я вхожу в горести твои, но как можешь ты так говорить, когда ты госпожа и царица в этом дворце; и все, что есть в нем, – твоя собственность, и сам я раб твой, готовый служить тебе. Если же ты горюешь о разлуке с родными твоими, то почему же не сказала ты об этом мне, чтобы я послал за ними и здесь же соединил их с тобой? В ответ невольница сказала царю: – Знай, что меня зовут Гуль-и-Анар, что на языке моей родины означает Цветок-Граната. Я родилась в море, где отец мой был царем. Однажды я не поладила с матерью моей и с братом; и я поклялась, что не останусь больше в их обществе, но выйду на берег и отдамся первому из обитателей земли, который понравится мне.

И я поднялась на поверхность воды, вышла на берег какого-то острова и растянулась тут же, в лунном сиянии. И ласкаемая береговым ветерком, я незаметно погрузилась в сон. Но я внезапно проснулась и увидела себя во власти какого-то мужчины, который взвалил меня к себе на спину, отнес на рынок и продал с публичного торга, где и купил меня тот купец, у которого ты сам купил меня, о царь! Такова моя история! И я, вступая сюда, намеревалась при первом насилии с твоей стороны броситься в море из окон этой комнаты, чтобы возвратиться к матери моей и брату. Но видя, что сердце твое поистине любит меня, я чувствовала, что твое обращение со мной начинает подкупать меня; и, наконец, видя себя беременной от тебя, я сама полюбила тебя и оставила всякую мысль о том, чтобы вырваться отсюда и прыгнуть

в море, мою родину. И как осмелилась бы я сделать это теперь, когда я беременна и когда мать и брат мои, узнав о моем браке с обитателем земли, может быть, умерли бы от горя! Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот четвертая ночь, она сказала:

ночь пятьсот четвертая

Выслушав эту речь, царь поцеловал супругу свою и сказал ей: – О Цветок-Граната, о свет очей моих, что за чудеса ты поведала мне! Но я не совсем представляю себе существование морских существ. Скажи мне, как возможно жить в воде, не задыхаясь и не захлебываясь? И Цветок-Граната ответила: – Знай, что благодаря чудесной силе слов, начертанных на печати Солеймана-бен-Дауда, мы живем на дне моря, как живут на земле; и мы дышим в воде, как дышат в воздухе; и вода, вместо того, чтобы душить нас, поддерживает нашу жизнь. Что же до нашего царства, то оно гораздо обширнее, чем все царства земли, и разделено на округа, в которых есть большие города. Народы наши различного вида: одни – рыбы, другие – полулюди с хвостом, заменяющим им ноги; другие же настоящие люди, верующие в Аллаха и Пророка Его и говорящие на том наречии, слова которого вырезаны на печати Солеймана. Тела наши одарены чудесной подвижностью и способностью скользить. Нам не нужно ни лошадей, ни повозок, хотя они у нас и имеются на всякий случай для празднеств. Но я не хочу дольше беседовать о подводных странах, ибо собираюсь в течение совместной жизни нашей рассказать тебе целую массу других подробностей, которые окончательно ознакомят тебя с этим заинтересовавшим тебя вопросом.

Теперь же я хочу говорить о женских родах. Ибо знай, о господин мой, что роды женщин моря совершенно не сходны с родами женщин земли! А так как время моих родов уже близко, то я весьма опасаюсь, что повивальные бабки твоей страны не сумеют принять их у меня, как следует. Потому я прошу тебя позволить мне вызвать к себе мать мою, брата и прочих родственников. Я помирюсь с ними, и двоюродные сестры мои, руководимые моей матерью, будут следить за правильностью моих родов и ухаживать за новорожденным наследником престола твоего. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот пятая ночь, она сказала:

ночь пятьсот пятая

При этих словах царь воскликнул: – Желание твои для меня закон, но скажи мне, как сможешь ты в такое короткое время предупредить твою мать, брата и двоюродных сестер и вызвать их до начала твоих родов, время которых уже близко? На это юная царица ответила: – О господин мой, смотри! И Цветок-Граната вынула из-за пазухи два кусочка дерева алоэ, положила их в золотую курильницу, зажгла и произнесла над курильницей непонятные заклинания. В ту же минуту море расступилось, и из него вышел стройный юноша с чуть пробивающимися усами цвета морской волны. За ним из моря вышла старуха с седыми волосами; за ней следовали пять молодых девушек, имевших некоторое сходство с Цветком-Граната. И юноша, и все шесть женщин подошли по морю, не замочив ног, к самым окнам дворца, и с легкостью вспрыгнули на окно. И царевич, и мать его, и двоюродные сестры бросились на шею Цветку-Граната, и горячо расцеловали ее, плача от радости, и сказали ей: – Как хватило у тебя сердца покинуть нас и в течение четырех лет оставлять нас без известий о тебе, не указав даже места, где ты находишься?

И Цветок-Граната при этих словах облобызала руку матери своей и брата своего, и поцеловала своих двоюродных сестер и, усадив всех около себя, рассказала им свою историю с начала и до конца. Тогда мать ее ответила: – О дочь моя, увидав тебя в этом дворце князя земли, мы очень боялись, что ты несчастна. И мы готовы были умолять тебя последовать за нами на нашу родину, ибо ты знаешь нашу любовь к тебе, и степень уважения и привязанности к тебе, и наше желание видеть тебя счастливой, спокойной и беззаботной! Но раз ты утверждаешь, что ты счастлива, то чего больше могли бы мы желать для тебя? Тут Шахразада увидела, что близится утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот шестая ночь, она сказала:

ночь пятьсот шестая

И Цветок-Граната ответила: – Да, я чувствую себя здесь на вершине покоя, радости, почета и удовлетворения всех моих желаний! И она пошла к царю, который сидел, спрятавшись в соседней комнате, и сказала ему: – О господин мой, ты, конечно, слышал все. И мать моя, и брат, и двоюродные сестры сказали мне, что не хотят вернуться на родину раньше, чем увидят тебя и выскажут тебе свои приветствия, и дружески побеседуют с тобой! И царь тотчас же поднялся и отправился вместе с Цветком-Граната в покой, где находились ее родственники. И царь долго беседовал с ними с полной задушевностью, а потом сам проводил каждого в отведенное ему помещение.

И родственники Цветка-Граната оставались во дворце среди празднеств и увеселений, задаваемых в честь их прибытия, до родов царицы, которые не замедлили наступить. И в указанный срок, окруженная заботами двоюродных сестер своих, она родила розовенького и пухленького ребенка мужского пола.

Завернув в роскошные пеленки, его поднесли царю Шахраману, который принял его с таким восторгом и радостью, которых ни пером, ни словом нельзя описать. В благодарение за радость эту он щедро наделил бедняков, вдов и сирот и велел открыть тюрьмы, и отпустить на свободу своих рабов обоего пола, но рабы не пожелали свободы, настолько хорошо им жилось у такого господина. Затем, по прошествии семи дней непрестанного ликования, и среди полного благоденствия, Цветок-Граната с согласия супруга своего, своей матери и двоюродных сестер дала своему сыну имя Улыбка-Луны. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот седьмая ночь, она сказала:

ночь пятьсот седьмая

Тогда брат Цветка-Граната, царевич Салех, взял малютку на руки и принялся целовать и ласкать его на тысячу ладов, нося его по комнате и держа перед собою на весу. Вдруг, внезапно разбежавшись, он с высоты дворца прыгнул в море и исчез в нем вместе с малюткой. При виде этого царь Шахраман принялся испускать отчаянные крики, но Цветок-Граната уверенным голосом сказала царю: – О царь времен, будь уверен, что ребенок не подвергнется никакой опасности со стороны моря, ведь половину своей крови он получил от меня и может безнаказанно жить в воде так же, как и на земле. Будь уверен, что брат мой не замедлит возвратиться вместе с ребенком в полном здравии! Но царь успокоился лишь тогда, когда увидел, как из разверзшихся недр моря вышел, держа малютку на руках, царевич Салех и, поднявшись на воздух в один прыжок, вернулся в высокую залу через то же окно, из которого выскочил. И малютка был так же спокоен, как и на груди матери своей. Царевич Салех же сказал: – Будь спокоен на его счет, ибо он теперь навсегда предохранен от опасностей воды, от утопления, удушения, промокания и других подобных вещей. Он может в продолжение всей своей жизни погружаться в море и свободно прогуливаться там, ибо я снабдил его теми преимуществами, которые даны нашим собственным детям, рожденным в море.

При этих словах царь обнял царевича и горячо поблагодарил его. А затем он уговорил его провести еще сорок дней во дворце вместе с матерью его и двоюродными сестрами среди празднеств и увеселений. Но по прошествии этого времени царевич явился к царю и поцеловал землю перед ним. И царь спросил: – Говори, о Салех! Чего желаешь ты? Он же ответил: – О царь времен, мы утопаем в милостях твоих, но явились просить у тебя разрешения отправиться домой, ибо души наши горячо желают увидеть вновь нашу родину, родных наших и наши жилища, с которыми мы уже так давно расстались! Слишком продолжительное пребывание на земле вредно для нашего здоровья, ибо мы привыкли к жизни под водою. Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот восьмая ночь, она сказала:

ночь пятьсот восьмая

И царь ответил: – Какое это горе для меня, о Салех! Он же сказал: – И для нас также! Но мы будем возвращаться от времени до времени, чтобы засвидетельствовать тебе наше уважение и повидаться с Цветком-Граната и Улыбкой-Луны. И они друг за другом выпрыгнули из окна и погрузились в море. Что же касается маленького сына Улыбки-Луны, то мать кормила его грудью до четырех лет, дабы он всосал с молоком ее все морские достоинства. И увеличивались сила его и привлекательность. Достигнув пятнадцати лет, он стал самым мудрым и образованным из царских сыновей своего времени. И он был прекрасен, и не преувеличил тот поэт, который сказал о нем:

В тени его прекрасных томных век
Скрываются губительные стрелы
И с каждым взглядом насмерть всех разят!

И царь, чувствуя себя уже близким к пределу жребия своего, созвал визирей своих и вельмож царства своего. При них он сошел с трона, снял венец с головы своей и собственноручно надел его на голову сына своего Улыбки-Луны, заставил его подняться и сесть на трон. И чтобы еще более отметить, что передает ему отныне всю власть и могущество свое, он поцеловал его руку и затем поместился ниже, по правую руку от него. И тотчас же новый царь Улыбка-Луны принялся судить, решать текущие дела, защищая права слабых против сильных и бедняков против богачей и вершить правосудие с мудростью и справедливостью. И так жили они среди благополучия и любви подданных своих в продолжение года, в конце которого старый царь Шахраман почувствовал однажды, что сердце его сильно забилось. На этом месте своего повествования Шахразада увидела, что близится утро, и со скромностью умолкла. А когда наступила пятьсот девятая ночь, она сказала:

ночь пятьсот девятая

Успев только поцеловать супругу и сына своего, он умер с полным спокойствием. И глубока была печаль и скорбь Цветка-Граната и царя Улыбки-Луны, и они целый месяц оплакивали его, никого не видя. И лишь по прошествии очень долгого времени удалось заставить юного царя вновь заняться делами государства своего. И он вновь взял в свои руки власть и стал творить правосудие при всеобщем

одобрении и уважении как великих, так и малых; и так прошел один год. Но однажды царевич Салех вышел из моря повидать сестру свою и вошел в покой, где находились царица и Улыбка-Луны. И они принялись беседовать о том и о сем, и Улыбка-Луны растянулся на диване и положил голову на подушки. И полагая, что племянник его уснул, Салех сказал своей сестре: – Сыну твоему скоро минет семнадцать, и в этом возрасте уже необходимо подумать о том, чтобы женить его, выбрав ему среди дочерей моря царевну, равную ему по привлекательности и красоте! И Цветок-Граната ответила: – Таково и мое тайное желание, и я прошу тебя напомнить мне девушек нашей стороны, ибо я так давно покинула море, что не помню уже, какие из них красивы. Тогда Салех принялся перечислять самых прекрасных царевен моря, но Цветок-Граната каждый раз отвечала: – Ах, нет, я не хочу эту из-за матери ее, а эту из-за ее отца, а эту из-за тетки ее, у которой слишком длинный язык, а эту из-за ее властолюбия и глупых глаз!

И так подряд отвергла она всех царевен, которых Салех называл ей. Тогда Салех сказал: – О сестра моя, ты, конечно, права, что так строго выбираешь супругу сыну своему, не имеющему себе равных ни на земле, ни под водой! Но я уже перечислил тебе всех молодых девушек, которые имеются у нас, и мне остается предложить тебе еще только одну! Тут он остановился в нерешительности и сказал: – Я должен сначала убедиться, что племянник мой заснул, ибо я не могу говорить с тобой об этой молодой девушке при нем: у меня есть особые причины, чтобы принять эту предосторожность. Тут Шахразада увидела, что близится утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот десятая ночь, она сказала:

ночь пятьсот десятая

Тогда Цветок-Граната подошла к сыну, потрогала и послушала, как он дышит; и так как он казался погруженным в глубокий сон, она сказала Салеху: – Он спит. Ты можешь выкладывать, что есть! И он сказал: – Я принял эту предосторожность потому, что собираюсь теперь говорить с тобою об одной морской царевне, руки которой необычайно трудно добиться, но не из-за нее самой, а из-за ее отца. А ты знаешь, что у нас, мусульман, любовь чаще проникает через уши, чем через глаза, так как лица женщин и девушек наших скрыты целомудренными покрывалами. И царица сказала: – Ты прав, ибо любовь, подобная вначале струе меда, нередко превращается потом в соленое море гибели! Но поспеши назвать мне имя той царевны! И он сказал: – Это царевна Гемма, дочь морского царя Саламандра. Она обворожительна; ни на земле, ни в подводных царствах не видано было подобной красоты! Какие волосы! Какие глаза! И что за стан, нежный и упругий, и лениво округлый со всех сторон без исключения! И когда она покачивается, то вызывает зависть ветвей пальмы! Поднимет она свое покрывало, и солнце и луна кажутся пристыженными! И Цветок-Граната

ответила: – Вот воистину, та, которая подходит в супруги сыну моему!

Но Салех прибавил: – Но что сказать тебе об отце царевны Геммы? Это грубиян, невежа, отвратительное существо! Он уже отказал в руке своей дочери нескольким морским царевичам, сватавшимся к ней, и даже с позором выгнал их, переломав им кости! И потому я не вполне уверен, как он примет нас и какими глазами посмотрит на наше предложение! И я нахожусь вследствие этого в крайнем смущении и нерешительности! Царица же ответила: – Дело это весьма щекотливое! И мы должны хорошенько обдумать его и не трясти дерева раньше, чем созреет плод. И Салех заключил: – Да, подумаем, а потом посмотрим. В эту минуту Улыбка-Луны сделал вид, что просыпается. Он поднялся со своего ложа, как если бы и не слышал ничего, и спокойно потянулся, но внутри сердце его пылало любовью, и все коробилось как на жаровне, полной горячих угольев. Тут Шахразада увидела, что занимается утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот одиннадцатая ночь, она сказала:

ночь пятьсот одиннадцатая

Но он не подумал сказать об этом хоть одно слово матери и дяде своему и рано ушел к себе, и провел всю ночь в одиночестве, терзаемый этим столь новым для него мучением и размышляя, каким образом скорее достигнуть цели своих заветных желаний. И наутро он сказал своему дяде Салеху: – Мне хочется погулять по морскому берегу, ибо чувствую стеснение в груди, и я прошу тебя сопровождать меня в этой прогулке! И долго ходили они вместе, и Улыбка-Луны не говорил ни слова дяде своему. И он был бледен, и слезы стояли у него на глазах. Но вдруг он остановился и, глядя на море, пропел следующие стихи:

Если спросят меня:
«Что милей для тебя,
Твоя жизнь или милой вид?»
Сердце скажет мне: «Я горю, я в огне,
Боль лишь Гемма мою утолит».

Когда Салех услышал это, он воскликнул: – О Аллах! Ты слышал вчера мой разговор с твоею матерью! И Улыбка-Луны ответил: – О дядя, мне нужно царевну Гемму, и никакой другой, иначе я умру! И я хочу сейчас же пойти вместе с тобою к царю Саламандру!

Когда царевич Салех увидел, что племянник тверд в этом своем решении, он снял со своего пальца перстень, на котором были вырезаны какие-то особенные слова, и надел его на палец племянника своего, говоря: – Этот перстень предохранит тебя от опасностей и окончательно наделит тебя нашими морскими свойствами! И тотчас же прибавил: – Делай то же, что я! И он легко поднялся на воздух, покинув утес. И Улыбка-Луны, подражая ему, оттолкнулся ногой от земли и, покинув утес, поднялся вместе с дядей на воздух. И затем, описав в воздухе нисходящую дугу к морю, они оба погрузились в воду. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот двенадцатая ночь, она сказала:

ночь пятьсот двенадцатая

И Салех показал племяннику свое подводное жилище, и престарелая царица приняла у себя сына дочери своей и с волнением поцеловала его. И когда Улыбка-Луны удалился вместе со своими тетками, желавшими показать ему все диковинки дворца, Салех поспешил рассказать матери своей о любви, овладевшей сердцем его племянника. И он прибавил: – И он явился сюда лишь для того, чтобы просить руки Геммы у отца ее! Когда бабушка Улыбки-Луны услышала эти слова, то пришла в сильнейшее негодование и жестоко упрекала Салеха за то, что он был недостаточно осторожен, говоря о царевне Гемме в присутствии Улыбки-Луны, и сказала ему: – Ты отлично знаешь, что царь Саламандр – человек жестокий, полный высокомерия и ограниченности, и что он отказал уже многим молодым царевичам. И ты не боишься поставить нас в унизительное положение по отношению к нему, заставляя нас обращаться к нему с предложением, которое он, без сомнения, отвергнет. И тогда мы, всегда столь дорожившие честью нашей, будем глубоко унижены и возвратимся от него с вытянутым носом. Право, сын мой, ты не должен был ни в каком случае называть имя царевны этой при сыне сестры твоей, хоть будь он усыплен сонным зельем. Салех же ответил: – Да, но теперь дело уже сделано, и юноша безумно влюблен в эту молодую девушку и заявил мне, что умрет, если не будет обладать ею! И престарелая царица, видя, что ничего больше не остается, сказала со вздохом: – Насколько было бы лучше не затевать этого опасного предприятия! Но раз такова судьба, я соглашаюсь отпустить туда тебя. Отправляйся без него и будь осторожен в словах, дабы не привести в ярость царя Саламандра, который не считается ни с чем и обходится со всеми одинаково нахально! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот тринадцатая ночь, она сказала:

ночь пятьсот тринадцатая

Салех взял два больших мешка с ценными подарками для царя Саламандра, взвалил их на спину двум рабам и направился к его дворцу.

Прибыв во дворец, царевич Салех вошел в залу, в которой на троне из изумрудов и яхонтов сидел Саламандр Морской. И Салех высказал ему пожелания мира и сложил у ног его два больших мешка, наполненных великолепными дарами. И царь ответил на

приветствие Салеха и, пригласив его сесть, сказал: – Добро пожаловать! Выскажи мне просьбу, ради которой пришел ко мне: ибо, когда делают подарок, хотят получить взамен что-нибудь равноценное! Тогда Салех склонился перед царем и сказал: – Знай, о достославный, великодушный, щедрый и величайший царь, что я пришел к тебе лишь посредником, чтобы просить у тебя твою редчайшую жемчужину, неоцененную драгоценность твою, твое скрытое сокровище, дочь твою царевну Гемму, в жены племяннику моему, царю Улыбке-Луны, сыну царя Шахрамана и царицы Цветка-Граната, сестры моей, и господину Белого Города и земных царств, простирающихся от границ Персии до крайних пределов Хорасана! Когда царь Саламандр услыхал это, он пришел в беспредельную ярость, судорожно сдвинул брови и с налившимися кровью глазами закричал: – О собака, разве подобные тебе могут произносить имя моей дочери? Кто же ты, как не пес песий сын? И кто таков племянник твой Улыбка-Луны? И кто же отец его? И кто сестра твоя? Все вы псы, песьи дети! Потом повернулся он к своей страже и закричал ей: – Эй вы! Возьмите этого сводника и переломайте ему кости!

И стражники бросились на Салеха и хотели повалить его; но, быстрый, как молния, он вырвался у них из рук и выбежал из дворца. А тут к великому удивлению увидел он тысячу всадников на морских конях, и была на них стальная броня, и вооружены они были с ног до головы, и все они были ему родня или принадлежали к числу домашних его! Они только что прибыли сюда, посланные матерью его, царицей, которая предвидя, что царь Саламандр может оказать ему дурной прием, озаботилась из предосторожности прислать эту тысячу всадников, чтобы защитить его от всяких случайностей. Тогда Салех в коротких словах рассказал им о только что происшедшем и закричал им: – А теперь гонитесь за этим глупым и безумным царем! И соскочили с коней своих всадники, обнажили мечи и всей массой своей вторглись в тронный зал вслед за Салехом. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот четырнадцатая ночь, она сказала:

ночь пятьсот четырнадцатая

А царь же Саламандр, увидав этот поток вражеских воинов, не растерялся и закричал своей страже: – Гоните прочь этого козла и его подлое стадо! И обе стороны сшиблись, как валы бурного моря! И сабли их закружились в воздухе и принялись исполнять решение судьбы! И доблестный Салех, герой с гранитным сердцем, человек сабли и копья, разил головы и пронзал груди. О как ужасна была эта резня! Сколько женщин овдовело, сколько осталось сирот! А битва продолжалась с ожесточением, удары сыпались, тела стонали от ран и подводные земли дрожали от столкновения тяжелых воинов. Но вскоре борьба стала стихать, и сердца стражников Саламандра уподобились горшкам; и все до последнего легли они вокруг трона своего

царя. И Салех мощным ударом поверг царя на землю и держал крепко, пока воины его не скрутили ему руки за спиной.

А царевна Гемма, услыхав шум битвы, убежала вместе с одною из своих служанок, которую звали Миртой, и, поднявшись на поверхность воды, продолжала бег свой до тех пор, пока не добралась до пустынного острова, где и укрылась на вершине высокого дерева. Молодой же царь Улыбка-Луны, робевший перед бабкой своей, не решился явиться к ней после того, как дядя его Салех подвергся из-за него опасности. И он решил вернуться к матери своей и вынырнул на поверхность моря, но дороги он не знал, заплутал, и прибыл на тот самый пустынный остров, на котором укрылась царевна Гемма. И не подозревал он, что предназначила ему таинственная судьба. Растянувшись под тем самым деревом, на котором находилась царевна, он взглянул на его вершину и увидел лицо царевны. И показалось ему сперва, что это сама луна смотрит на него сквозь листву. Но вглядевшись внимательнее, он убедился, что это человеческая красота и что с дерева на него смотрит девушка, прекрасная, как луна. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот пятнадцатая ночь, она сказала:

ночь пятьсот пятнадцатая

И подумал он: – Клянусь Аллахом! Сейчас взберусь на дерево, поймаю ее и спрошу, как ее зовут. Она удивительно похожа на описание царевны Геммы, сделанное моим дядей Салехом. И кто знает, может быть, это она сама? Может быть, она убежала из отцовского дворца с самого начала битвы! И, взволновавшись до крайности, он вскочил, поднял глаза к девушке и сказал: – О высшая цель всех желаний, кто ты и по какой причине находишься на вершине этого дерева? И она улыбнулась и сказала певучим, как пение водяных струй голоском: – О прелестный юноша, я царевна Гемма, дочь морского царя Саламандра! Здесь я потому, что покинула и отца, и семью, чтобы избежать печальной участи побежденных. Увы! О как тяжело изгнание вдали от близких! И крупные слезы упали из ее прекрасных глаз на лицо Улыбки-Луны, поднимавшего руки к небу от волнения, охватившего его, и, наконец воскликнувшего: – О царевна, мечта бессонных ночей моих, умоляю, сойди ко мне с дерева, потому что я царь Улыбка-Луны, сын Цветка-Граната, царицы, которая, как и ты, уроженка моря! Спустись ко мне, потому что меня убил твой взгляд, и заполонила твоя красота!

Девушка казалась восхищенною и воскликнула: – Так это ты, красавец Улыбка-Луны, племянник Салеха и сын царицы Цветка-Граната? Он же ответил: – Ну, да! Спустись с дерева, прошу тебя! При этих словах она соскользнула с дерева, а Улыбка-Луны прижал ее к груди и стал покрывать поцелуями, между тем как она отвечала на каждую его ласку. И он продолжал ласкать ее на тысячу ладов. Потом, сгорая желанием насладиться ее телом, он смелой рукой дотронулся до кистей шнурка. И девушка, как бы желая

Alan Carr

помочь ему, встала, отошла на несколько шагов, и вдруг протянув руку по направлению к нему, плюнула ему в лицо и закричала: – Покинь свой человеческий образ и превратись в большую белую птицу с красным клювом и красными ногами! И тотчас же остолбеневший от удивления Улыбка-Луны превратился в неспособную к полету птицу. И посмотрел он на девушку, а в глазах у него стояли слезы. Тогда царевна позвала служанку свою и сказала ей... Тут Шахразада заметила, что занимается заря, и умолкла. А когда наступила пятьсот шестнадцатая ночь, она сказала:

ночь пятьсот шестнадцатая

Возьми эту птицу, это племянник Салеха-сводника – величайшего врага отца моего, который сражался против отца моего. Отнеси ее на Сухой Остров неподалеку отсюда, чтобы она издохла там от голода и жажды! Ведь царевна оказала так много любезности лишь для того, чтобы приблизиться к Улыбке-Луны и превратить его в птицу, так отомстив за отца и за его воинов. И служанка Мирта взяла птицу, но у нее не хватило духу отнести ее на Сухой Остров, где ждала бы ее верная смерть! И сказала она себе: «Лучше отнесу ее куда-нибудь, где она будет ждать свою судьбу! Кто знает, может быть, госпожа моя раскается, и, когда гнев ее пройдет, она станет упрекать меня за то, что я слишком поспешно исполнила ее приказание!» И отнесла она пленницу на Зеленеющий Остров, где росли всякого рода плодовые деревья и протекали свежие ручейки, и оставила она там птицу, сама же вернулась к своей госпоже.

А в это время Салех велел заковать в цепи царя Саламандра, запер его в одном из покоев дворца, а себя провозгласил царем вместо него. Потом он поспешил искать повсюду царевну Гемму, но, разумеется, не нашел. И не нашел он также и Улыбку-Луны. И он принужден был послать печальное известие своей сестре. И царица Цветок-Граната поспешила опуститься на дно морское, и старуха-мать среди рыданий двоюродных сестер рассказала ей всю историю с начала и до конца, а потом прибавила: – Дочь моя, твоя душа не должна предаваться чрезмерной печали, ведь нет причины, чтобы брат твой не разыскал, в конце концов, твоего сына! Ты же хорошо сделаешь, если возвратишься в свое царство, чтобы управлять делами и скрывать ото всех исчезновение твоего сына. Аллах позаботится об остальном. И Цветок-Граната ответила: – Я вернусь к себе. Но прошу тебя и умоляю, не переставай думать о моем сыне, и пусть никто не прекращает розысков. Если же с ним случится беда, я этого не переживу, ведь я живу только ради него и радуюсь только, когда вижу его! И царица ответила: – От всего сердца обещаю! Не беспокойся же по этому случаю и успокой свой ум вполне! Тогда Цветок-Граната простилась с матерью, с братом и родственницами и со стесненным сердцем и опечаленной душой вернулась в свое царство. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда настала пятьсот семнадцатая ночь, она сказала:

Léon Carré

ночь пятьсот семнадцатая

превращенный в птицу Улыбка-Луны продолжал удивляться, видя себя в птичьем образе. И напрасно пробовал он свои крылья, они не могли поддерживать его в воздухе, потому что птица была очень тяжела. И примирился он, наконец, со своею участью и продолжал жить печальною жизнью на острове. Но однажды, когда он печально прогуливался на своих длинных птичьих ногах, удрученный заботой, увидел его птицелов, собиравшийся расставлять свои силки на острове. И он подкрался к птице и накинул на нее свою сеть. И он сказал себе: «Никогда в жизни не видал я такой птицы. Поэтому я отнесу ее к царю; он удивится ее красоте и вознаградит меня, как следует». И, вернувшись в город, откуда пришел, он принес птицу царю, который восхитился красным цветом ее клюва и крыльями. И купил царь птицу, дав птицелову за нее десять динариев золотом. Тогда царь велел сделать большую клетку и запер в нее красивую птицу.

Затем он сказал одному из рабов своих: – Беги скорее и скажи госпоже своей царице, что я купил необыкновеннейшую птицу, пусть она придет полюбоваться на нее вместе со мною! И раб поспешил позвать царицу, которая не замедлила явиться. Но увидав птицу, она закрыла лицо свое покрывалом и сказала: – О царь, знай, что это не птица, а мужчина, такой же, как и ты! Это царь Улыбка-Луны, сын Шахрамана и Цветка-Граната, морской царицы. Его превратила царевна Гемма, дочь Саламандра Морского, которая таким образом отомстила за участь отца своего, побежденного дядей Улыбки-Луны! Услышав это, царь беспредельно изумился и воскликнул: – Заклинаю тебя Аллахом, о дочь моего дяди, сообщи мне обо всем поподробнее! И царица, которая была...

Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот восемнадцатая ночь, она сказала:

ночь пятьсот восемнадцатая

И царица, которая была знаменитейшей волшебницей своего времени, рассказала ему все дело, не опуская ни одной подробности. И царь дивился до чрезвычайности и, обратившись к птице, спросил: – Правда ли все это? А птица в знак утверждения опустила голову и забила крыльями. Тогда царь сказал своей супруге: – Да благословит тебя Аллах! Поспеши избавить его от этих чар. И тогда царица взяла

чашку с водой, произнесла над ней неведомые слова, и вода в чашке закипела. И она брызнула той водой на птицу, та задрожала, встряхнулась, и вернулся к Улыбке-Луны его прежний образ. И восхищенный царь, увидав перед собою прекрасного юношу, воскликнул он: – Клянусь Аллахом, ты заслуживаешь свое имя! И Улыбка-Луны рассказал царю всю свою жизнь, не пропуская ни одной подробности, и добавил: – О царь времен, мне очень бы хотелось возвратиться в мое царство! И сейчас же царь велел приготовить корабль со всем необходимым снастями, матросами, капитаном, а также и запасом провизии, и царь Улыбка-Луны после прощальных пожеланий и изъявлений благодарности сел на корабль и вверился своей судьбе.

Пять дней спустя после отъезда поднялась страшная буря, которая разбила корабль о прибрежные скалы. Один только Улыбка-Луны успел спастись, благодаря своей непромокаемости, и добрался до берега. Вдали вырисовался перед ним расположенный на горе город. И внезапно с вершины горы понеслось к нему бесчисленное множество лошадей, мулов и ослов. И они окружили его и принялись делать знаки, говорившие: «Возвращайся откуда пришел!» А так как он не двигался с места, то лошади начали ржать, мулы пыхтеть, а ослы реветь, но в этом ржании, пыхтении и реве слышалось горе и отчаяние. А некоторые прямо плакали, посапывая. И нежно и ласково толкали они мордами Улыбку-Луны, стоявшего неподвижно и не хотевшего возвращаться в воду. И когда вместо того, чтобы отступить, он двинулся по направлению к городу, четвероногие также пошли, кто впереди, кто за ним, точно устраивая ему погребальное шествие. И это производило тем более сильное впечатление, что в их криках и завываниях Улыбка-Луны узнавал точно какое-то неопределенное арабское песнопение, подобное пению чтецов Корана у гроба мертвеца. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот девятнадцатая ночь, она сказала:

ночь пятьсот девятнадцатая

И Улыбка-Луны, не зная, спит он или бодрствует, дошел до самого входа в город. И увидел он сидевшего у входа в лавку шейха с белою бородою, которому и поспешил пожелать мира. Тот ответил на его приветствие и знаками руки велел удалиться четвероногим. Тогда, отвечая на расспросы шейха, Улыбка-Луны в нескольких словах рассказал о себе, а потом спросил: – О почтеннейший, не скажешь ли ты, что это за город, и кто были эти странные животные, сопровождавшие меня своими жалобами? И шейх ответил: – Знай, что город этот называется Городом Чар, а царицу его зовут Альманакх. Это опасная волшебница, и ее постоянно пожирает огонь желания! Каждый раз, встречая молодого красивого чужеземца, она соблазняет его, истощает своими ласками сорок дней и сорок ночей, а затем превращает в животное. И сама она превращается то в кобылу, то

в ослицу и продолжает пользоваться ласками превращенных в животных людей бесчисленное множество раз. Затем снова принимает человеческий образ, чтобы искать новых жертв среди встречающихся ей молодых людей. Что касается ослов, мулов и лошадей, которые спустились к тебе навстречу, то это именно те молодые люди, которых превратила царица.

Меня же царица Альманакх боится потому, что я владею в большей степени, чем она, искусством колдовства. Но я верую и в Аллаха, и в Пророка, и не пользуюсь колдовством со злыми целями! Потому что зло в конце концов всегда падает на того, кто его творит! Не успел шейх проговорить эти слова, как появилось великолепное шествие из тысячи прекрасных, как луна, девушек, одетых в пурпур и золото. Они выстроились в два ряда вдоль лавки шейха, очистив место для еще более прекрасной юницы, сидевшей на арабской лошади, на которой сверкали драгоценные камни. И это была царица Альманакх. Она остановилась у лавки, сошла с лошади при помощи двух невольниц, державших лошадь под уздцы, и вошла к старому шейху, которому поклонилась с большою почтительностью. Потом села она на диван и прищуренными глазами посмотрела на Улыбку-Луны. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот двадцатая ночь, она сказала:

ночь пятьсот двадцатая

И Улыбка-Луны почувствовал, что его точно прокололи дротиком или обожгли раскаленным углем. И молодая царица обратилась к шейху и сказала ему: – О шейх Абдурахман, откуда такой юноша? Не одолжишь ли мне его на одну ночь? Я побеседую с ним и возвращу его тебе завтра утром целым и невредимым. И тот ответил: – Это сын брата моего. Дашь ли клятву, что не подвергнешь его чарам? И Альманакх согласилась, и велела отсчитать шейху тысячу золотых динариев в знак благодарности, а Улыбку-Луны, покорившегося своей участи, увезла с собою во дворец. И волшебница, разгоревшись страстью к юноше, принялась осыпать его такими необычайными ласками, что он запел и заплясал всем своим существом. И не была она нисколько не груба с ним, поэтому и он отвечал ей тем же, и ласки их длились без конца. И оставался он у чародейки сорок дней и сорок ночей, и проводили они все время в пирах, плясках, пении, ласках и беспредельном веселии.

Когда же наступил вечер сорокового дня, волшебница около полуночи встала с постели, взяла с подноса горсть ячменных зерен и бросила их в водоем. И зерна сразу проросли, колосья созрели и пожелтели. И волшебница собрала зерна, истолкла их в ступке, подмешала к муке какой-то порошок и замесила тесто, придав ему вид пирожка. Потом положила его на жаровню, пропекла, завернула в салфетку и спрятала в шкаф. А Улыбка-Луны все это видел, притворяясь спящим. И пришел он тогда в лавку шейха и сказал ему: – Клянусь Аллахом, добрый шейх, царица все время обращалась со

мною с большою деликатностью и ничем не обидела меня. Но сегодня ночью я заметил, что она встает; и увидев, что лицо у нее горит, как в огне, я притворился спящим и видел, что она занимается чем-то опасным. Вот почему я пришел посоветоваться с тобою. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот двадцать первая ночь, она сказала:

ночь пятьсот двадцать первая

И Улыбка-Луны рассказал о ночных операциях волшебницы. Тогда шейх Абдурахман преисполнился гнева и закричал: – Ах, она коварная предательница, не держащая слова! Пора мне положить конец ее злодеяниям! И он дал Улыбке-Луны лепешку, совершенно похожую на ту, которую испекла чародейка, и сказал: – Такими лепешками и превращает она своих любовников в животных, которыми полон наш остров. Не прикасайся к пирожку, который она поднесет тебе! Постарайся, чтоб она проглотила кусок моей лепешки, и делай все то, что будет делать она. И, вернувшись во дворец, Улыбка-Луны сказал волшебнице: – О госпожа моя, я навестил дядю и принес тебе один из его прелестных пирожков. И, не желая быть невежливой, Альманакх съела кусочек. Потом она предложила Улыбке-Луны отведать и ее лепешки. Но он лишь притворился, что проглотил кусочек, а сам сунул лепешку себе за ворот. Тогда волшебница брызнула на него водой и закричала: – Ослабевший юноша, будь сильным ослом! Но каково же было ее удивление, когда она увидела, что юноша брызнул на нее в ответ и закричал – О вероломная, становись ослицей! И в ту же минуту волшебница Альманакх была превращена в ослицу. А Улыбка-Луны вскочил к ней на спину и поспешил к шейху Абдурахману.

И шейх надел ей на шею двойную цепь, которую прикрепил кольцом к стене, и сказал Улыбке-Луны: – Теперь я сниму чары, которыми множество молодых людей были превращены в животных. И я хочу, хотя и тяжело мне расставаться с тобою, чтобы ты вернулся в свое царство и прекратил тревогу твоей матери и твоих подданных. Сказав это, шейх положил два кольца между губ своих и издал сильный свист, на который явился высокий джин с четырьмя крылами. И шейх сказал ему: – О Молния! Возьми на плечи Улыбку-Луны и перенеси его во дворец в Белом Городе! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот двадцать вторая ночь, она сказала:

ночь пятьсот двадцать вторая

Джин опустил голову, а Улыбка-Луны взобрался на его шею и свесил ноги ему на грудь. И джин полетел с быстротой почтового голубя, шумя крыльями, точно ветряная мельница. И летел он один день и одну ночь, покрыв пространство в шесть месяцев пути. Достигнув Белого Города, он опустил Улыбку-Луны на террасу его собственного дворца и исчез. И Улыбка-Луны бросился в объятия матери своей, которая, увидев сына, лишилась чувств от радости. Но она скоро пришла в себя и долго плакала от счастья, между тем как двоюродные сестры обнимали ноги брата, старая бабка держала его за одну руку, а дядя Салех – за другую. И когда все заговорили, то рассказали друг другу обо всех приключениях своих. После этого Улыбка-Луны сказал: – Теперь мне остается только жениться! И я продолжаю желать брака только с царевной Геммой! И сейчас же послал он за Саламандром, и рабы привели его с цепями на руках и на ногах. Улыбка-Луны приказал их снять, поцеловал его руку и сказал: – О царь, прошу выдать за меня замуж дочь твою Гемму. И если ты не пожелаешь этого, то я умру. Если же согласишься, то снова станешь царем своего царства, а я буду рабом твоим! Тогда Саламандр обнял Улыбку-Луны и сказал: – Никто не достоин моей дочери более тебя! А так как она покорная мне дочь, то от всего сердца даст свое согласие!

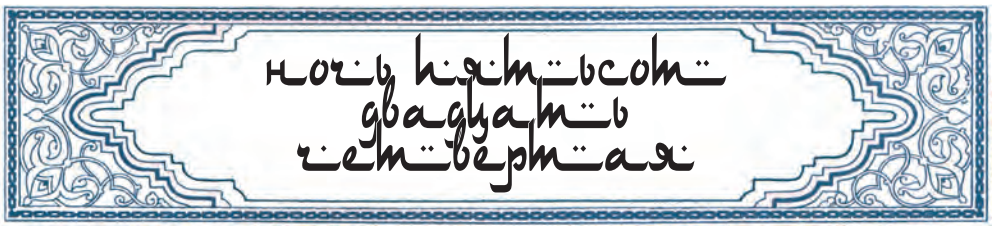
И он велел позвать с моря гонца, которому приказал отправиться на остров за царевной и привезти ее. И гонец исчез, и скоро вернулся с царевной и служанкой ее Миртой. Тогда Саламандр обнял дочь, а потом сказал ей, указывая на Улыбку-Луны: – Знай, дочь моя, что я обещал тебя в жены этому милостивому царю, сыну царицы морской, так как он самый привлекательный и самый могущественный, и самый знатный из всех. Поэтому нахожу, что он создан для тебя, а ты создана для него. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот двадцать третья ночь, она сказала:

ночь пятьсот двадцать третья

При этих словах отца своего царевна скромно потупила глаза и отвечала: – Если таково желание твое, то отныне образ того, кого ты избрал для меня, буду хранить в глазах моих, а он сам будет жить в моем сердце! И царь Салех и царица Цветок-Граната велели позвать кади и свидетелей, чтобы написать брачный договор царя Улыбки-Луны и царевны Геммы. И свадьбу отпраздновали с большою торжественностью и роскошью. А потому, слава Аллаху, соединяющему прекрасное и отдаляющему радость лишь для того, чтобы даровать счастье! Тут Шахразада умолкла, а царь Шахрияр сказал: – До сегодняшнего дня я не знал, что происходит под водами. Но не знаешь ли ты какой-нибудь дьявольской истории? И Шахразада ответила: – Именно такую историю я сейчас и расскажу тебе! И она начала:

Зимний вечер Ишаха из Моссула

Любимый певец Аль-Рашида, музыкант Ишах из Моссула, рассказывал: «Однажды ночью я сидел у себя дома зимою, грел руки над медной жаровней и не надеялся, что в такую непогоду меня посетит кто-нибудь из друзей. И я невольно вспомнил об очаровательной девушке, которую в былое время знавал во дворце. И воспоминание это до такой степени овладело мною, что я громко вскричал: – Ах, если бы молодая Саида была здесь, она рассеяла бы мою грусть своим нежным голосом! И не успел я выразить свое желание, как кто-то постучался в дверь, и молодой голосок вздохнул: – Может ли возлюбленный войти к своему другу? И я побежал отворить дверь, и увидел на пороге столь желанную Саиду в каком-то необыкновенном наряде! На ней было короткое платье из зеленого шелка, а на голове золотая ткань, которая не могла защитить ее от дождя и от воды, лившей с крыш. К тому же она, по-видимому, все время шла по грязи, о чем ясно свидетельствовали ее ноги. Увидав ее в таком состоянии, я воскликнул: – О госпожа моя, к чему же выходить в такую погоду и в такую ночь! Она же сказала мне своим милым голоском: – Но разве я могла не преклониться пред желанием, которое передал мне твой гонец? Я же, хотя и никого не посылал к ней, не хотел показать, до какой степени ум мой взволнован всем этим; и я сказал ей: – Слава Аллаху, дозволившему нам увидеться! Поистине, если бы ты не пришла, я сам пошел бы к тебе, до такой степени в этот вечер ум мой был занят тобою. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот двадцать четвертая ночь, она сказала:



И я стал омывать ноги моей подруги, и надел на нее прекрасное платье из зеленого шелка, и посадил ее рядом с собою. И когда она выпила вместе со мною из кубка, я сказал: – О глазок мой, радость не полна без пения и музыки! И она ответила: – Ты прав. Но сегодня вечером мне хотелось бы послушать пение человека из простого народа. И я выглянул наружу, и к великому удивлению своему увидел слепого нищего. И я спросил его: – Ты умеешь петь? И он ответил: – Люди говорят, что умею. Тогда я ввел его в дом, и он спросил: – У кого я нахожусь в гостях? И я ответил: – У Ишаха, сына Ибрагима из Моссула! А он сказал: – Я слыхал о тебе. Дай мне услышать твой голос, который, говорят, хорош. Это начинало забавлять меня, и, взяв лютню, я запел, как мог лучше, а нищий насмешливо сказал мне: – Из тебя мог бы выйти превосходный певец! Такая похвала звучала, как порицание, и я отбросил лютню, а нищий спросил: – Никто здесь больше не играет? Тогда моя подруга взяла, хотя и неохотно, лютню и спела, как могла лучше. Но нищий прервал ее пение и сказал: – Тебе надо еще поучиться! И взбешенная подруга моя бросила лютню, а я, обернувшись к слепому, сказал: – Клянусь Аллахом, душа наша не может дать больше того, на что способна! Впрочем, мы всячески старались доставить тебе удовольствие. Теперь твой черед показать нам, чем ты владеешь, чтобы отплатить нам вежливостью! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот двадцать пятая ночь, она сказала:

ночь пятьсот двадцать пятая

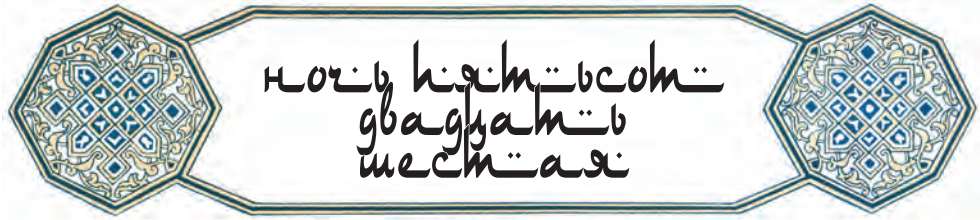
С лепой улыбнулся, рот его растянулся до ушей, и он сказал мне: – Начни с того, что принеси мне лютню, к которой еще не прикасалась ни одна человеческая рука! И я принес ему совершенно новую лютню, которую и вложил ему в руки. Он слегка притронулся к струнам, и с первых звуков узнал я, что этот слепой нищий во много раз превосходил всех музыкантов нашего времени. И пока он играл, моя подруга позволила ласкать и целовать себя, не опасаясь, что это увидит наш гость. Он же ни с чем не сравнимым голосом пропел такие строчки:

Ах, часто я ласкаю с упоеньем
Все прелести возлюбленной моей,
Ее целую мраморную грудь,
Иль жадными устами приникаю
К гранатам сочным пламенных ланит,
И вновь, и вновь я ласки начинаю!

Услыхав это, я подумал, что старик лишь притворяется слепым, и решил получше разглядеть его лицо. Но когда я принес свечу, слепой исчез, а вместе с ним исчезла и девушка! А между тем двери и замки оставались запертыми изнутри, и тогда я убедился, что сам Эблис похитил у меня девушку, которая была лишь призраком». Тут Шахразада умолкла, но видя, что царь Шахрияр насупил брови, она рассказала следующее:

Египетский феллах и его белые дети

Каирский губернатор, эмир Могаммед, рассказывал в книге летописей следующее: «Объезжая Верхний Египет, я остановился однажды ночевать в доме одного феллаха. Это был пожилой человек, кожа у него была чрезвычайно темного цвета, а борода уже седела. Но заметил я, что у него были малолетние дети, кожа которых была чрезвычайно бела. Щечки у них были румяные, волосы белокурые, а глаза голубые. И на мой вопрос, отчего это так, он сказал: – По ремеслу я возделыватель льна; отец мой и дед также сеяли лен. Однажды в Акре, которая в ту пору была в руках франков, я занимался продажей моего льна. И ко мне подошла покупать его молодая франкская девушка с открытым лицом по обычаю франков, и я мог свободно любоваться ее красотою и свежестью. И чем более смотрел я на ее лицо, тем сильнее овладевала моим рассудком любовь! И старался я как можно медленнее отпускать ей лен. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот двадцать шестая ночь, она сказала:



Старался я ей как можно медленнее отпускать лен. Наконец, завернул я ей сверток, уступив очень дешево. И ушла она, а я долго следил за нею взглядом. Несколько дней спустя она снова пришла за льном, и я продал ей еще дешевле. И поняла она, что я влюблен в нее, и вскоре пришла она в сопровождении старой женщины, которая оставалась при ней все время, пока шла покупка. И старуха появлялась каждый

раз, когда молодая приходила за льном. В один из таких приходов, так как любовь совершенно завладела моим сердцем, я отвел старуху в сторону и сказал ей: – Не можешь ли ты сблизить меня с нею, я же сделаю тебе подарок? Старуха же ответила: – Я могу это устроить при условии, что дело останется тайной; кроме того, тебе придется заплатить сто динариев! Я же ответил: – О спасительница моя, если бы душа и жизнь моя должны были бы идти в уплату за ее благосклонность, я отдал бы и жизнь, и душу. А что касается денег, то это уже не такое важное дело! А старуха сказала: – О господин мой, у этой девушки нет места для таких свиданий, потому что она еще девственница и ничего не понимает в таких вещах. Поэтому ты должен принимать ее у себя, она будет приходить и оставаться у тебя до утра! Уговорившись с нею, я отправился домой, чтобы приготовить все, что нужно по части блюд и питья. И вскоре увидел я франкскую девушку и ввел к себе в дом, и пил и ел вместе с нею. И когда я уже лежал рядом с девушкою, которая любовно прильнула ко мне, я сказал себе: «Не стыдно ли тебе перед Всевышним Аллахом развратничать с этой христианкой, которая не твоей расы и не твоего закона! Господь, будь свидетелем, что я целомудренно воздерживаюсь от связи с этой дочерью франков».

И когда наступило утро, франкская девушка встала и ушла сильно опечаленная. Я же снова принялся продавать лен. Но тянуло меня к этой девушке до смерти потому, что она была прекрасна, как луна. И не в силах я был противиться искушению, и думал я про себя: «Да кто же ты таков, о феллах, чтобы так обуздывать свое желание обладать этой юницей? Разве ты аскет, суфий, евнух или кастрат?» И я отыскал на базаре старуху и сказал ей: – Я желал бы второго свидания! Но она гневно посмотрела на меня и сказала: – Разве люди твоей веры так обращаются с девушками? Никогда более не увидишь ты ее, разве только захочешь уплатить мне пятьсот динариев! И затем ушла она. Я же, сгорая любовью, отсчитал пятьсот динариев.... Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот двадцать седьмая ночь, она сказала:

ночь пятьсот двадцать седьмая

И собирался я уже отнести их старухе, как вдруг услышал глашатая, который кричал: – Мусульмане, проживающие в нашем городе, знайте, что перемирие, заключенное нами с вами, кончено. Вы должны возвращаться в свои края! Услышав это, я поспешил продать оставшийся у меня на руках лен, собрал долги, купил товаров, которые могли быть проданы в наших краях. Затем я покинул Акру с тысячью сожалений в сердце, тоскуя о христианской девушке, овладевшей моим умом и мыслями, и отправился в Дамаск. Торговля моя шла прекрасно, и я получил возможность с большою выгодою торговать христианскими пленницами. Три года прошло после моего приключения в Акре, и мало-помалу горечь внезапной разлуки с франкской девушкой начинала смягчаться в моем сердце. Но однажды я

показал султану Саладину красивую невольницу, а он пожелал ее купить. Я уступал ее за сто динариев, но у султана было только девяносто, так как все деньги его казны шли на войну с неверными. Тогда Саладин сказал одному из своих стражей: – Отведи этого купца в палатку с пленницами, пусть он выберет себе одну взамен тех десяти динариев, которые я ему должен. И войдя в палатку, я заметил франкскую девушку, в которую был так влюблен в Акре. С той поры она сделалась женой одного из франкских начальников кавалерии. И я увел ее, привел в свою палатку, и сказал: – О юница, разве не узнаешь меня? Я тот, к кому ты приходила в Акре, и кто воздержался от обладания тобою, и от кого ты ушла опечаленной! Она же подняла голову и сказала: – То, что произошло, составляет тайну исламической веры, и я свидетельствую, что нет Бога кроме Аллаха, а Магомет Пророк Его! И таким образом она торжественно исповедала нашу веру и облагородилась Исламом! Я же со своей стороны подумал: «Клянусь Аллахом, не буду обладать ею до тех пор, пока не дам ей свободу и не соединюсь с ней законным браком».

И тотчас же пошел я к кади и рассказал ему, в чем дело. И он пришел в мою палатку вместе со свидетелями, чтобы написать брачный договор. После этого я обладал ею, и она забеременела от меня. И поселились мы в Дамаске. И вскоре туда приехал посланник франкского короля, посланный к султану Саладину для обмена пленных. И все пленные были возвращены франкам в обмен на пленных мусульман. Но в списке посланника недоставало еще жены военачальника, который был первым мужем моей супруги. И султан послал свою стражу искать ее повсюду, и сказали стражникам, что она находится у меня в доме, и они пришли требовать ее у меня. И я изменился в лице, и со слезами сказал жене, в чем дело. Но она сказала: – Отведи меня к султану! Я знаю, что скажу ему! И взял я жену свою и, закрытую покрывалом, привел ее к Саладину. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот двадцать восьмая ночь, она сказала:

ночь пятьсот двадцать восьмая

И обратился он к моей жене и спросил ее: – Желаешь ли вернуться на родину с посланником или предпочитаешь остаться при муже? И она ответила: – Я остаюсь с мужем, так как я мусульманка и ношу под сердцем его дитя, а у франков нет мира душе моей! И сильно раздосадованный посланник топнул ногой и сказал мне: – Так уведи эту женщину! И взял я жену мою за руку и вышел из залы. Впоследствии увез я ее сюда, в Египет. И она сделала меня отцом этих белых детей, благословляющих своего Создателя. И до сего дня жили мы счастливо, пожиная то, что посеяли! Тут Шахразада умолкла, а царь Шахрияр сказал: – Как счастлив этот феллах! А Шахразада сказала: – Без сомнения, но он не счастливее Калифа-рыбака. И царь спросил: – А что это за история? И Шахразада сказала:

Рассказ о Калифе и халифе

О царь благословенный, в древние времена жил в Багдаде рыбак, и звали его Калифом. Он был так беден, что не мог жениться и оставался поэтому холостым. Однажды десять раз под рядзакидывал он сети и ничего не выловил. Сначала он до крайности был раздосадован, но потом смирил свои дурные мысли, сказав себе: «Да простит мне Аллах движение души моей! Будем же принимать и светлые, и черные дни такими, какими приходят они, и да преисполнится грудь наша терпения для перенесения несчастий! Незадача подобна нарыву, который прорывается и уничтожается лишь терпеливым уходом». Затем он бодро встал и, засучив рукава, закинул сеть свою как только мог дальше и подождал довольно долго. После он изо всех сил принялся ее тащить, но сеть была так тяжела, что он должен был делать это со всякими предосторожностями, чтобы не порвать ее. Наконец, это удалось ему; и когда сеть очутилась перед ним, он с сильно бившимся сердцем открыл ее, но нашел он в ней только большую обезьяну, кривую и искалеченную. И увидев это, несчастный Калиф воскликнул: – Злой рок преследует меня сегодня! И он захотел избить обезьяну, чтобы сорвать на ней свое зло. Но вдруг она зашевелила языком и сказала: – О Калиф, удержи руку твою и не бей меня! Закинь лучше еще раз сеть свою в воду, вверяя себя Аллаху, дающему тебе хлеб насущный! И удивленный безмерно Калиф закинул сеть, и, когда он захотел вытянуть ее, она показалась еще более тяжелой, нежели в первый раз. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот двадцать девятая ночь, она сказала:

В ней оказалась другая обезьяна, но уже не кривая и не калека, но очень красивая: с подведенными глазами, с ногтями, выкрашенными лавзонией, и с белыми, красиво расставленными зубами. Одета была обезьяна в приятную для глаз красную с голубым одежду, и были у нее на ногах браслеты, а в ушах золотые серьги. И, глядя на рыбака, она смеялась и щурила глаза. Тогда раздосадованный Калиф закричал ей: – А ты кто?

И обезьяна с красивыми глазами ответила: – Я принадлежу господину моему, еврею-меняле Абу-Сааду, и мне он обязан своим состоянием и успехом в делах просто потому, что утром он прежде всего видит мое лицо, а вечером со мною с последнею прощается перед сном! На это Калиф воскликнул: – Так значит, несправедлива поговорка о том, что самое зловещее лицо – лицо обезьяны? Потом, повернувшись к первой обезьяне, он закричал ей: – Слышишь? Сегодня утром лицо твое принесло мне только усталость и огорчение! Но обезьяна с красивыми глазами сказала: – Оставь в покое брата моего и выслушай же меня, наконец. Чтобы испытать верность моих слов, начни с того, что привяжи меня к концу веревки, привязанной к твоей сети, и брось ее в воду еще раз. И увидишь ты тогда, могу ли я приносить счастье. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот тридцатая ночь, она сказала:

ночь пятьсот тридцатая

И Калиф послушался обезьяну. Закинув сеть, он выловил толстую, как баран, рыбу, глаза которой блестели, как два золотых динария, а чешуя сверкала, как алмаз. И обезьяна с красивыми глазами сказала ему: – Теперь положи эту рыбу в корзину и неси ее в Багдад. Найди на базаре лавку моего господина Абу-Саада и скажи ему: – Я сегодня закинул сеть на твое имя, и Аллах послал мне эту рыбу, лежащую здесь в корзине! Тогда он возьмет рыбу, дав тебе динарий. Но ты возврати ему деньги и отказывайся каждый раз, хотя бы он предложил тебе столько золота, сколько весит эта рыба! Тогда он спросит тебя: – Скажи мне, чего же ты желаешь? А ты ответь: – Встань и скажи: «Будьте свидетелями вы все, присутствующие на базаре, что я согласен обменять обезьяну Калифа-рыбака на мою собственную обезьяну, что я меняю свое счастье на его счастье и мою долю на его долю». И если еврей согласится на такую сделку, я, сделавшись твоею собственностью, каждым утром буду желать тебе доброго дня, а вечером – доброго вечера; и таким образом принесу тебе счастье, и ты будешь зарабатывать по сто динариев в день. Еврей же будет видеть каждый день кривую обезьяну-калеку, и Аллах ежедневно будет огорчать его каким-нибудь новым незаконным побором, или тяжелой заботой, или притеснением.

Выслушав эту речь обезьяны, Калиф ответил: – Принимаю твой совет, царица всех обезьян. Но что же мне сделать с этой зловещей кривой обезьяной? И ответила

ему красивая обезьяна: – Отпусти ее и меня, чтобы вернулись мы в воду. Калиф так и сделал. Потом он взял рыбу, обмыл ее, положил на зеленую, свежую траву, прикрыл травою, взял корзину к себе на плечо и пошел в город, распевая во все горло. И таким образом дошел он до базара менял и прошел мимо всех лавок, пока не дошел до лавки еврея. И увидел его самого, величественно восседающим посередине лавки, на диване, а вокруг него толпилось бесчисленное множество слуг всякого возраста и цвета; и походил он, таким образом, на какого-нибудь царя Хорасанского! И убедившись, что это тот самый еврей, Калиф подошел к нему и остановился. А еврей поднял голову и, узнав его, сказал: – Благоденствие и семейное счастье тебе, о Калиф! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот тридцать первая ночь, она сказала:

ночь пятьсот тридцать первая

Скажи, какое у тебя дело, и чего ты желаешь? Рыбак же ответил: – Сегодня утром я закинул сеть на твое счастье и нашел в ней вот эту рыбу! И, говоря это, он осторожно вынул рыбу из травы и подал ее меняле. И он нашел ее восхитительной, и сказал одному из своих молодых невольников: – Возьми эту рыбу, отнеси ко мне в дом и скажи дочери моей Сааде, чтобы она вычистила ее, изжарила половину в масле, а другую испекла и держала горячей до тех пор, пока я не вернусь домой! И еврей концами пальцев подал динарий Калифу, говоря ему: – Возьми это себе и истрать на свою семью! И Калиф взял золото и сделал уже несколько шагов к выходу, когда вдруг вспомнил совет обезьяны. Он вернулся, бросил динарий еврею и сказал ему: – Бери свое золото и отдай рыбу бедняку! Или ты думаешь, что можно безнаказанно смеяться над такими бедняками, как я? Когда еврей услышал эти слова, он подумал, что Калифу захотелось пошутить. Засмеявшись, он подал ему пять динариев вместо одного. Но Калиф сказал ему: – Нет, клянусь Аллахом! Неужели ты, в самом деле, думаешь, что я соглашусь продать свою рыбу по такой смехотворной цене? Не хочу я твоих динариев!

При таких словах еврей рассердился и закричал: – О рыбак! Ты приносишь мне рыбу, которая не стоит и динария, я даю тебе пять, и ты все еще не доволен. Да не с ума ли ты сошел? Да скажешь ли ты мне, наконец, за какую цену хочешь продать мне рыбу? Калиф отвечал: – Не хочу продавать ее ни за серебро, ни за золото, а лишь за твои слова. Тогда еврей подумал, что рыбак хочет заставить его отречься от его собственной еврейской веры! От гнева и негодования у него чуть не выскочили глаза, дыхание сперлось, и воскликнул он: – Ах ты, обрезок ногтей мусульманских! Так ты хочешь заставить меня отречься от закона и веры отцов?! И позвал он слуг своих и закричал им: – Хватайте его и отколотите хорошенько палками, чтобы кожа у него висела клочьями! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот тридцать вторая ночь, она сказала:

И тотчас же слуги принялись бить его, пока он не скатился со ступеней лавки! Но, несмотря на полученные удары, Калиф встал и как ни в чем не бывало сказал: – Не бойся за меня: палочных ударов я могу вынести столько, что не снести и десяти ослам. Мне это нипочем! Тогда еврей сказал ему: – Скажи мне, чего хочешь, я же, клянусь своей верой, исполню это! Тогда Калиф ответил: – Я прошу у тебя за эту рыбу только два слова! И не подумай, что дело идет о переходе в мусульманскую веру! Я желаю, чтобы ты встал и сказал: «Будьте свидетелями моих слов, о жители базара, о честные купцы: я добровольно соглашаюсь обменять мою обезьяну на обезьяну Калифа и поменяться с ним своим счастьем и своей судьбой!» Выслушав рыбака, еврей сказал: – Если только в этом твоя просьба, то исполнить ее мне нетрудно! И тотчас же встал он и произнес слова, о которых просил Калиф-рыбак. А тот при этом взял свою корзину, сети и вернулся на берег. Там, доверяя обещанию обезьяны с красивыми глазами, он закинул сети, вытащил их, и нашел в них рыб всех сортов. В это время проходила мимо женщина, и купила она себе рыбы на один динарий. Потом подошел невольник и купил рыбы на другой динарий. И так продолжалось до тех пор, пока не продал он на сто динариев в один этот день! Тогда ликующий рыбак взял свои деньги и вернулся в свою жалкую хижину. Но когда наступила ночь, он стал беспокоиться и сказал себе: «Вдруг халиф Гарун Аль-Рашид узнает о моих ста динариях золотом. И пришлет он ко мне свою стражу и велит сказать: – Дай мне их взаймы! Тогда я сделаю жалобное лицо и отвечу: – О эмир, я беден, у меня нет, и никогда не будет такой суммы денег! Тогда, чтобы добыть от меня деньги, он отошлет меня к начальнику полиции Ахмеду-Коросте, который будет бить меня палками до тех пор, пока я не отдам свои сто динариев. А чтобы не сознаваться, я должен приучить свою кожу к ударам, хотя, благодарение Аллаху, она и без того уже порядочно зачерствела! Но нужно, чтобы она и вовсе ничего не чувствовала, а то природная чувствительность может заставить меня сознаться под палками в том, в чем не желает сознаваться моя душа!» После таких размышлений Калиф, не колеблясь, приступил к исполнению намерения, внушенного ему его душой. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот тридцать третья ночь, она сказала:

Он разделся донага, схватил плеть со ста восьмьюдесятью узлами и принялся ударять ею по своему телу, крича так, как будто он видел перед собою начальника полиции: – Клянусь Аллахом, это ложь! О Аллах! Я бедный рыбак! У меня ничего нет! А соседи, слышавшие крики и удары плетью в ночной тишине, стали тревожиться и сказали себе: «Что же такое случилось с этим бедняком, что он так кричит? Может, к нему забрались воры и хотят избить его до смерти?» И поскольку крики, стоны и удары не прекращались, но еще более усиливались, люди толпой сбежались к дому Калифа. И влезли они на соседнюю крышу, и с нее перескочили на крышу Калифа, и вошли к нему через верхнее отверстие. И нашли они его одного и голого, ударяющего себя плетью и уверяющего кого-то в своей невинности. Но Калиф закричал им: – Чего вам всем от меня надобно? Разве я не хозяин своей кожи и не могу без помех приучать ее к ударам? Разве я могу знать, что ждет меня в будущем? Вам бы лучше также прописать себе такую порку! Вы, не менее, чем я, можете подвергнуться незаконным поборам и притеснениям! Услыхав это, соседи попадали на пол от смеха, а потом ушли тем же путем, как и пришли. Калиф же, наконец, устал, но не хотел сомкнуть глаз из боязни воров, так сильно озабочивало его только что приобретенное богатство. Утром перед отправлением на работу, он все еще думал о своих ста динариях и сказал себе: «Если я их оставлю у себя в доме, их, наверное, украдут; если я их спрячу в пояс свой, это заметит какой-нибудь разбойник, подстережет меня в пустынном месте, бросится на меня, убьет и ограбит. Поэтому я сделаю лучше». И он разорвал свою одежду, сшил из ее части мешок, спрятал в него золото и повесил его себе на шею при помощи бечевки. Затем взял сети, корзину и палку и направился к берегу. И он закинул сети в воду. Но движение его было так неосторожно, что мешок с золотом последовал за сетями, и силою течение его повлекло в глубину моря. Тогда Калиф разделся в один миг, бросив платье на берегу, и нырнул за мешком, но найти его ему не удалось. Тогда он нырнул во второй, в третий раз, но все было напрасно. В отчаянии вышел он на берег и хотел одеться, но убедился, что остатки его одежды исчезли. Тогда он воскликнул: – Ах, мерзавцы, они украли у меня платье! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот тридцать четвертая ночь, она сказала:

ночь пятьсот тридцать четвертая

И решился он за неимением лучшего завернуться в свою сеть, взял в руки палку, повесил корзину за спину и принялся большими шагами ходить по берегу взад и вперед, вправо и влево, задыхаясь и волнуясь, как взбешенный верблюд. А в то время в Багдаде жил поверенный халифа по имени Ибн-аль-Кирнас. И однажды он привел к халифу невольницу невиданной красоты, прелести, изящества и совершенства. Кроме чарующей

наружности она обладала ученостью, знала все искусства, стихосложение, играла на разных инструментах, пела и танцевала. Звали ее Сила-Сердец, и была она черноволоса, а кожа ее отличалась удивительной свежестью. И воспылал халиф такою страстью к ней, что покинул всех своих фавориток и целый месяц оставался в ее покоях, выходя только по пятницам на молитву. И вельможи царства нашли это чрезвычайно опасным и попросили визиря Джафара поправить дело. И вошел он в мечеть и долго беседовал с халифом о любви и ее опасностях. Но халиф ответил ему: – О Джафар, я ни при чем в этом выборе – виновато мое сердце, которое дало себя опутать путами любви, и я не знаю, каким способом освободить его! Визирь же сказал на это: – Я могу указать тебе средство, чтобы сердце твое освободилось от пут любви. Ты должен по временам отправляться на охоту или на рыбную ловлю. Возможно, рыболовные сети помогут тебе освободиться от сетей, в которых держит тебя любовь!

И халиф ответил: – Твоя мысль превосходна, и сейчас же мы отправимся гулять! И они вышли из мечети, сели каждый на мула и поехали за город, чтобы погулять по полям. А день был жаркий, и аль-Рашид сказал: – Меня мучит жажда! И Джафар ответил: – Я вижу что-то на бугорке. Это, вероятно, какой-нибудь садовник или кто-нибудь, сажающий огурцы! И так как поблизости от него, наверное, есть вода, я привезу ее! Аль-Рашид же ответил: – Мой мул быстрее, чем твой! Оставайся же здесь и жди конвоя нашего, я же сам отправлюсь к этому садовнику. И аль-Рашид в один миг доскакал до того человека, который был не кто иной, как рыбак Калиф. И увидел аль-Рашид, что на нем не было одежды, а только одни сети, что он весь в пыли и в поту, что глаза у него красны, и взор блуждающий, и что на него страшно смотреть. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот тридцать пятая ночь, она сказала:

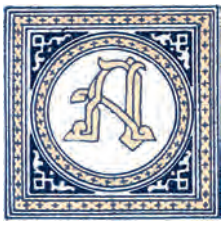
ночь пятьсот тридцать пятая

Халиф пожелал ему мира, и Калиф ответил тем же, бросив на него злобный взгляд. А Гарун сказал ему: – О человек, не дашь ли мне глоток воды? А Калиф ответил: – Слепой ты, что ли? Разве не видишь воду, которая течет за этим бугром? Тогда Гарун объехал бугор и спустился к Тигру, где утолил свою жажду. Потом он вернулся к Калифу и сказал: – Ты, вероятно, рыбак. Но что же сделал ты со своим платьем? А Калиф уже не сомневался, что видит перед собою вора, укравшего его на берегу. И он бросился на аль-Рашида и закричал: – Отдай мне мои вещи, или ты предпочитаешь затанцевать под ударами моей палки? Тогда халиф, взглянув на огромную дубину рыбака, снял свое прекрасное атласное одеяние и сказал: – Возьми это платье взамен твоих потерянных вещей! И Калиф надел его, но, найдя его слишком длинным, отрезал ножом всю нижнюю его треть, из которой устроил себе тюрбан. Затем он спросил халифа: – Скажи,

сколько ты зарабатываешь в месяц? И тот в шутку ответил: – Десять динариев. На это Калиф сказал с глубоким соболезнованием: – Клянусь Аллахом, о бедняк, мне жаль тебя! Не хочешь ли поступить ко мне на службу, чтобы научиться рыболовству? Иди же скорее и начни учиться ловить рыбу!

Тогда калиф слез с мула, привязал полы рубашки к поясу и стал рядом с рыбаком, который сказал ему: – Возьмись за конец этой сети, перекинь ее на руку вот так и закинь в воду вот этак. И аль-Рашид исполнил все в точности и спустя некоторое время хотел сеть вытащить, но она была так тяжела, что он один не мог с ней справиться, и Калиф должен был помогать ему. Вдвоем вытащили они сеть на берег, между тем как рыбак кричал своему помощнику: – О проклятый, если сеть будет разорвана о камни, я уж тебе задам. И как ты взял мою одежду, так я отниму у тебя твоего мула! Но, к счастью для Гаруна, сеть была цела, невредима и полна превосходнейшей рыбы! И рыбак сказал Гаруну: – Ты очень некрасив собою, но, клянусь Аллахом, если ты будешь стараться, то со временем из тебя выйдет отличный рыбак. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот тридцать шестая ночь, она сказала:

НОЧЬ ПЯТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ



пока поезжай на базар и купи там две большие корзины, в которые я уложу эту рыбу. Я же буду сторожить рыбу до твоего возвращения. И не зевай на базаре, иначе моя палка прогуляется по твоей спине! И халиф сел на своего мула и, хохоча до упаду, приехал к Джафару, который, воскликнул: – О эмир правоверных, почему ты так долго отсутствовал и что случилось с твоим платьем? В ответ Рашид рассказал все, что произошло между ним и Калифом-рыбаком, и добавил: – Рыбы я наловил изумительное количество! И я обещаю по динарию за каждую рыбу всем, кто пойдет покупать мой улов у хозяина моего Калифа. И Джафар, рассмеявшись, сказал: – Тогда иду сгонять к вам покупателей! И он крикнул конвойным: – Эй! Бегите на берег и принесите рыбы эмиру правоверных! И тотчас же весь конвой побежал к указанному месту. И они окружили Калифа, как ястребы, а он, раздавая удары направо и налево, успел спасти от разграбления лишь две превосходные рыбы. И один из конвойных, негр, закричал ему: – Продай мне свою рыбу за какую хочешь цену, а не то получишь это копье в живот!

Калиф же ответил: – Не закалывай меня, негодяй! И вылез он из воды и с презрением бросил рыбу негру, который поднял ее и завернул в роскошно вышитый платок. Потом он опустил руку в карман за деньгами, но в кармане ничего не оказалось; и сказал он тогда рыбаку: – Клянусь Аллахом, о рыбак, тебе не везет; у меня нет ни драхмы в кармане! Приходи завтра во дворец и спроси негра-евнуха Сандала. Слуги приведут тебя ко мне, и ты встретишь у меня щедрое гостеприимство и получишь то, что даст тебе твое счастье, и уйдешь затем с

миром. Калиф не осмелился перечить, но бросил на евнуха взгляд более красноречивый, нежели тысяча самых ужасных ругательств, и пошел по направлению к Багдаду, ударяя одною рукою о другую, и с горечью и насмешкой говоря себе: «Воистину, вот благословенный день моей жизни». И вошел он в городские ворота и дошел до входа на базар. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот тридцать седьмая ночь, она сказала:

ночь пятьсот тридцать седьмая

Когда прохожие увидели Калифа, несущего на спине сети, и вместе с тем одетого в роскошное платье и тюрбан, стоившие не менее тысячи динариев, они пошли за ним, чтобы узнать, в чем дело. Но тут пора узнать о том, что случилось во дворце во время отсутствия Гаруна-аль-Рашида. А случились там крайне важные вещи. Супруга аль-Рашида и двоюродная сестра его, Сетт-Зобейда, не могла ни есть, ни спать с того дня, как прибыла во дворец молодая девушка, сделавшаяся исключительною любимицею эмира правоверных. Душа Зобейды была переполнена ревнивыми чувствами, которые женщины всегда питают к своим соперницам. Она желала отомстить за постоянное оскорбление, умалявшее ее и в ее собственных глазах, и в глазах окружающих, и ждала только удобного случая, который бы развязал ей руки. И когда халиф уехал на рыбную ловлю, она велела приготовить в своих покоях роскошный пир, на который пригласила Силу-Сердец. И та тотчас повиновалась, не зная, что готовят ей таинственные предначертания судьбы. Она взяла с собой музыкальные инструменты и последовала за старшим евнухом в покои Сетт-Зобейды.

Когда же она явилась к супруге халифа, то несколько раз поцеловала землю между рук ее, потом поднялась и бесконечно приятным голосом сказала: – Мир пологу и дивному покрывалу этого гарема, мир той, которая принадлежит к числу потомков Пророка и унаследовала добродетели Аббасидов. Да продлит Аллах счастье госпожи нашей до тех пор, пока дни и ночи будут сменять друг друга! И, произнеся это приветствие, она отступила в ряды других женщин и служанок. Тогда Сетт-Зобейда, лежавшая на большом бархатном диване, медленно подняла глаза свои на любимицу халифа и пристально посмотрела на нее. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот тридцать восьмая ночь, она сказала:

ночь пятьсот тридцать восьмая

И ослепила ее красота этой девушки, волосы у которой были темнее ночи, щеки ее напоминали лепестки розы, груди походили на гранаты, глаза сверкали, веки были полны неги, лоб сиял, а лицо было прекрасно, как луна. Мускус мог бы добываться из отвердевшего дыхания ее; ветви деревьев качались гибкостью ее стана; луки воинов сгибались лишь в подражание ее бровям, а морские кораллы получали свою окраску от ее губ. Это действительно было чудо красоты, она была гордостью своего времени и славой Того, Кто создал ее и довел свое создание до такого совершенства! Рассмотрев ее во всех подробностях, Сетт-Зобейда сказала: – Добро пожаловать к нам, о Сила-Сердец! Развлеки нас своим искусством исполнения! И тогда девушка взяла тамбурин и, аккомпанируя себе, запела таким дивным голосом, что птицы небесные остановили свой воздушный полет. Потом она взяла тростниковую флейту и восхитила всех присутствующих мелодией, исполненной на ней. Потом она взяла лютню, настроила ее, прижала к себе, наклоняясь над ее округлостью с нежностью матери, склоняющейся к ребенку, и исполнила прелюдию в четырнадцати различных тонах и пропела длинную песню, аккомпанируя себе на лютне, приведя в восторг всех, кто видел и слышал ее. Затем Сила-Сердец встала и протанцевала. После этого она стала показывать разные фокусы с кубками и другие, и все это с такою ловкостью и искусством, что сама Сетт-Зобейда, несмотря на свою ревность, досаду и желание мести, чуть не влюбилась в нее и не призналась в своей любви. Но она во время подавила в себе этот порыв, подумав, однако, в душе своей: «Конечно, Аль-Рашида нельзя порицать за то, что он влюбился в нее». Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот тридцать девятая ночь, она сказала:

НОЧЬ ПЯТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

И ненависть взяла у нее верх над первым ее чувством. И Сетт-Зобейда велела подмешать к предложенным Силе-Сердец лакомствам сильную дозу снотворного банжа. И как только фаворитка прикоснулась губами к кусочку такого лакомства, голова ее запрокинулась, и она впала в глубокий обморок. Притворяясь огорченною, Сетт-Зобейда приказала невольницам отнести ее в потайную комнату. Потом велела распространить известие о ее смерти, происшедшей будто бы от того, что она подавилась. Было устроено подобие торжественных похорон, и на скорую руку был воздвигнут памятник в дворцовом саду. Когда же халиф возвратился во дворец, то евнухи, которым Сетт-Зобейда пригрозила повешением в случае, если они проболтаются, сказали так: – Увы, господин наш, твое отсутствие причинило Силе-Сердец такую печаль, что она скончалась внезапною смертью! Услыхав это, калиф залился слезами, а затем заперся в своих покоях, не желая принимать супруги своей и

никого из приближенных. Зобейда же, видя, что хитрость ее удалась, приказала тайно положить Силу-Сердец в платяной сундук и велела двум доверенным рабам вынести его из дворца и продать первому попавшемуся покупателю под условием, что не будут поднимать крышку.

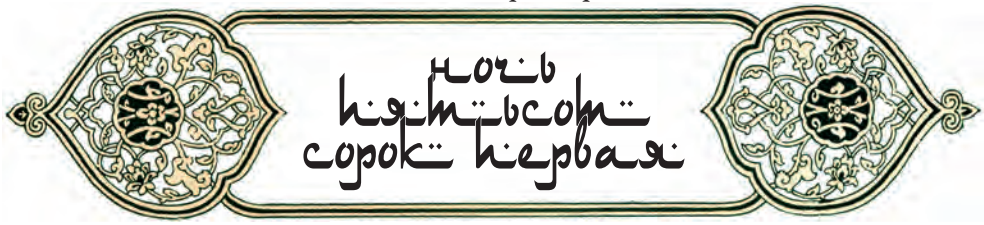
И вот рыбак-Калиф на другой день после рыбной ловли проснулся, и первая мысль его была о негре, не заплатившем ему за две рыбины, и сказал он себе: «Пожалуй, всего лучше будет пойти справиться во дворец об этом проклятом евнухе, как он сам же это советовал. А если он не захочет платить, клянусь Аллахом, я ему задам». И пошел Калиф ко дворцу. Когда же он явился туда, то нашел всех в необыкновенном волнении и смятении; и у самого входа увидел он негра Сандала, сидевшего среди почтительной группы других евнухов, споривших и размахивавших руками. И пошел он к нему, и когда молодой мамелюк хотел загородить рыбаку дорогу, тот оттолкнул его и выругался. Услыхав это ругательство, Сандал обернулся и узнал Калифа-рыбака. Евнух засмеялся и велел ему подойти; и Калиф подошел и сказал: – Клянусь Аллахом! Я узнал бы тебя из тысячи, о мой белокуренький! Евнух расхохотался при этих словах и дружелюбно сказал ему: – Присядь на минутку, о господин мой Калиф. Я сейчас уплачу тебе свой долг! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот сороковая ночь, она сказала:

И опустил он руку в карман, чтобы отдать ему деньги, но тут появился визирь Джафар, который знаком руки дал понять, что желает говорить с Сандалом. Когда же Калиф увидел, что евнух от него уходит, он подумал, что негр не хочет платить, и издали крикнул ему: – О господин мой, Пустое Брюхо! Я умоляю тебя отдать, что следует, чтобы я мог уйти! Джафар услышал это и, не понимая, в чем дело, спросил у евнуха: – Что случилось с этим бедным человеком? Евнух же ответил: – О господин наш, это рыбак, чью рыбу ты приказал отнести халифу. Я обещал ему деньги за две рыбы и велел прийти, чтобы я расплатился с ним. Вот почему этот простак обращается ко мне с такими словами! Джафар же в ответ сказал евнуху: – Он пришел как нельзя более кстати! Халиф нынче крайне опечален, душа его скорбит по причине смерти его любимицы Силы-Сердец, и я напрасно старался утешить его всеми способами. Быть может, при помощи этого Калифа-рыбака нам удастся развеселить его. Задержи его, а я постараюсь узнать, как смотрит на это халиф. И евнух Сандал ответил: – Слушаю и повинуюсь! Когда же он приказал мамелюкам задержать рыбака, Калиф крикнул: – Так я и знал! Ах ты, мерзкий негодяй, я пришел за тем, что мне следует, а меня хотят вести в тюрьму под предлогом недоимки!

Что же касается халифа, то Джафар, войдя к нему, нашел его в беспредельной печали: халиф обхватил свою голову обеими руками, а грудь его разрывалась от рыданий. И шептал он такие строчки:

Меня сурово люди упрекают
За то, что нет мне в скорби утешенья!
Но как могу в разлуке с нею жить,
С малюткой милой, чье воспоминанье
Мне умиленьем наполняет душу,
О никогда ее мне не забыть!

И тогда Джафар сказал халифу: – Мир тебе, о эмир правоверных, о защитник веры нашей! А халиф взглянул на Джафара глазами, полными слез, и ответил... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот сорок первая ночь, она сказала:



И тебе, о Джафар, мир и благословение Аллаха! Тогда Джафар сказал: – О господин наш, у входа во дворец стоит Калиф-рыбак, который очень недоволен тобою. Он говорит: «Не понимаю, что со мною случается! Я учил его ловить рыбу, и не только не сказал он мне спасибо, но еще и уехал за корзинами, и до сих пор не вернулся! Разве так поступают хорошие ученики?» Когда халиф услышал это, он, несмотря на душившие его рыдания, не мог удержаться от улыбки и сказал Джафару: – Именем Аллаха, я должен сегодня же отдать ему то, что следует. Если Аллах чрез мое посредство пошлет ему муки и страдания, то он получит их полностью; если же, напротив, Он предназначил ему благосостояние и счастье, то он их получит. Сказав это, халиф взял лист бумаги, разрезал его на мелкие куски и сказал: – О Джафар, напиши на них суммы от одного до тысячи динариев, а также название всех должностей моего царства, а затем напиши на других двадцати клочках все роды наказаний и пыток, от палочных ударов до смертной казни! И Джафар сделал, что было ему указано, а халиф бросил все бумажки в золотой тазик и сказал: – О Джафар, позови Калифа-рыбака. Я прикажу ему вытащить один из этих кусков бумаги и дарую ему все, что будет на нем написано, что бы там ни значилось!

И Джафар потащил рыбака во дворец, говоря ему: – О Калиф, ты сейчас предстанешь перед лицом эмира правоверных! И, приподняв широкий занавес, он втолкнул его в приемную залу, где сидел на троне сам Гарун-аль-Рашид, окруженный своими эмирами и придворными чинами. Калиф же нисколько не смутился, но, внимательно вглядевшись в восседавшего во всей своей славе Гаруна-аль-Рашида, подошел к нему и, громко рассмеявшись, сказал: – Ах, так вот ты где! Как ты думаешь, честно это было с твоей стороны заставить меня одного сторожить рыбу, когда я научил тебя рыболовству и поручил тебе купить мне две корзины? Ты бросил меня без всякой защиты от целой кучи евнухов, которые налетели, как стая коршунов, и украли у меня рыбу, за которую я получил бы, по меньшей мере, сто динариев, и, кроме того, по твоей же милости происходит со мною все это и держат меня здесь среди этих людей! Но скажи мне, кто посадил тебя на этот стул? Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот сорок вторая ночь, она сказала:

ночь пятьсот сорок вторая

При этих словах Калифа Гарун улыбнулся, взял в руки тазик с бумажками и сказал: – Подойди сюда, о Калиф, и вытяни одну бумажку. А Калиф расхохотался и воскликнул: – Как! Ты сделался звездочетом! А вчера был учеником у рыбака! Если берешься за все, то никакого из этого прока не выйдет! Брось это и возвращайся ко мне ловить рыбу! При этом он подошел, ругаясь, к золотому тазику и, тяжело опустив в него руку, вытащил целую пригоршню бумажек. Но Джафар велел ему взять только одну. Тогда Калиф оттолкнул его локтем, снова опустил руку и на этот раз вынул только один билетик. И он развернул бумажку, держа ее вверх ногами, так как не умел читать. Тогда визирь взял ее, прочел, поднял руки к небу и воскликнул: – Один Аллах Всемогущ и Славен! А халиф улыбаясь, спросил: – Хорошие вести, надеюсь? Говори! Должен ли я сойти с престола? Следует ли возвести на него Калифа? Или следует его повесить? Джафар же с сожалением сказал: – О эмир правоверных, здесь написано: «Сто палок рыбаку Калифу!» И тотчас меченосец Масрур схватил безумно вопившего рыбака, распластал его и отсчитал ему сто палочных ударов по спине. Рыбак же, не чувствовавший никакой боли, так как успел закалить свою кожу, вскочил как ни в чем не бывало и воскликнул: – О Аллах! С каких это пор порядочные люди позволяют себе такие штуки? Джафар же, у которого была добрая душа и жалостливое сердце, уговорил халифа позволить рыбаку вытянуть еще одну бумажку! И халиф сказал: – Хорошо! Пусть вытянет второй билет!

Тогда Калиф снова опустил руку в тазик и вынул бумажку, которую и передал Джафару. Тот развернул, прочитал и молча опустил глаза. Гарун спокойным голосом спросил: – Почему же ты молчишь? Джафар же ответил: – О эмир правоверных, на этой бумажке ничего не написано! Она пустая! И Гарун сказал: – Вот видишь! Не у нас ждет этого рыбака счастье! Скажи же ему, чтобы он скорее уходил с глаз моих долой. Я достаточно насмотрелся на него! Но Джафар сказал: – О эмир правоверных, заклинаю тебя священными заслугами твоих предков, позволь рыбаку вытянуть еще один билет. Быть может, он таким путем получит возможность прокормить себя! И Аль-Рашид ответил: – Хорошо, пусть возьмет третий билет, но больше ни одного! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот сорок третья ночь, она сказала:

ночь пятьсот сорок третья

Калиф вытащил еще один билет. Джафар взял его и прочел: «Один динарий». Услышав это, Калиф-рыбак воскликнул: – Проклятие! За сто палок один динарий! Вот так щедрость! Да отплатит тебе за это Аллах в день последнего суда! Халиф же смеялся от души, а Джафар взял рыбака за руку и вывел из тронной залы. А у ворот дворца евнух Сандал сказал Калифу: – О рыбак, возьми эти сто динариев за рыбу, которую я вчера купил у тебя! И ступай с миром! И обрадованный Калиф взял кошелек и пошел домой. Проходя по базару, он увидел старика, перед которым стоял сундук, и старик, продавая его, кричал: – О благородные жители нашего города, кто из вас желает выгодно поместить свои деньги, получить сто на сто, купив сундук с не известным нам содержимым, хороший сундук из дворца Сетт-Зобейды, супруги эмира правоверных? Предлагайте цену! И да благословит Аллах того, кто больше даст на аукционе!

Сначала никто из купцов не решался купить сундук с неизвестным содержимым, но торг все-таки начался. Купцы стали набивать цену, и предложение дошло до ста динариев. Тогда старик закричал: – Кто больше? Последний предлагал сто! Больше никто? Тогда Калиф возвысил голос и сказал: – Сто и один динарий! При этих словах купцы подумали, что нищий рыбак шутит и засмеялись. Но Калиф распустил свой пояс и громко повторил: – Сто и один динарий! Тогда аукционист, не обращая внимания на смех торговцев, сказал: – Именем Аллаха! Сундук за ним! Калиф высыпал деньги в руки продавца, а базарный носильщик Зораик, пришедший ранее прочих носильщиков, взвалил сундук к себе на спину и пошел с ним за Калифом. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот сорок четвертая ночь, она сказала:

ночь пятьсот сорок четвертая

Калиф же шел и думал: «У меня же не осталось ни золота, ни серебра, ни меди. И каким же образом заплачу я этому проклятому носильщику, когда приду домой? И зачем понадобилось мне купить этот злосчастный сундук? И как могла прийти мне в голову такая мысль? Но что предначертано судьбой, то должно случиться! Я же, чтобы вывернуться из этого дела с носильщиком, заставлю его побегать по улицам, пока он не выбьется из сил. Тогда он сам не захочет идти дальше. А я воспользуюсь его отказом и, в свою очередь, откажусь платить ему, и сам понесу свой сундук!» И он принялся водить его по всему городу, из улицы в улицу, и так с полудня до заката солнца. Носильщик выбился из сил, начал роптать и спросил: – О господин мой, да где же дом твой? Заплати мне, что следует, и бери свой сундук! Калиф же ответил: – У меня нет с собою денег, я оставил их дома, а где мой дом – забыл! Но в это время один из знакомых Калифа, проходя мимо, хлопнул его по плечу

и сказал: – Да это ты, Калиф! Что же ты делаешь в этом квартале, так далеко от своего дома, который у рыбного рынка, в квартале Равассинов? И носильщик сказал Калифу: – Да лишит тебя Аллах хлеба насущного! Сколько раз прошли мы мимо твоего злосчастного дома, а ты и не подумал остановиться перед ним!

И он заставил рыбака дойти до его дома и, отирая крупные капли пота, сказал: – Посмотрим теперь, как вознаградишь ты меня за всю усталость, причиненную мне без всякой надобности! Калиф же ответил: – Тебе будет щедро заплачено! Чего хочешь, золота или серебра? Выбирай! И Калиф, оставив носильщика с сундуком у дверей, вошел в свою квартиру и скоро вышел оттуда с ужаснейшею плетью, ремни которой были усеяны острыми гвоздями и которою можно было одним ударом уложить верблюда! И он бросился на носильщика, размахивая плетью, и ударил его по спине так, что носильщик завыл, бросился бежать и исчез за перекрестком. А Калиф потащил покупку в свое жилье. Но шум привлек соседей и, увидев странную одежду Калифа, облеченного в атласное платье, доходившее только до колен, и атласный тюрбан из той же материи, украшавший его голову, и, заметив сундук, соседи сказали: – О Калиф, откуда у тебя это платье и этот тяжелый сундук? А он ответил: – От моего ученика Гаруна-аль-Рашида. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот сорок пятая ночь, она сказала:

ночь пятьсот сорок пятая

Услышав такие слова, жильцы перепугались и говорили друг другу: – Лишь бы только не услыхал кто-нибудь этого безумца! А то его непременно повесят, а жилища наши разорят и сравняют с землей. И чтобы скорее покончить с этим делом, соседи помогли ему перенести сундук в его жилье, а оно было такое тесное, что сундук занял все помещение, точно оно было футляром, нарочно для него приготовленным. И Калиф, не находя места, где бы лечь спать, принялся открывать сундук, но тот не открывался. Он попробовал сломать висячий замок, но это ему не удалось! Тогда он сказал себе: «Подожду до завтра, чтобы лучше рассмотреть и придумать, как взяться». И он растянулся на сундуке во весь свой рост и вскоре заснул. Но час спустя он вдруг проснулся в ужасе, почувствовав, что в сундуке что-то движется. Сон сразу покинул его, и, обезумев от страха, он закричал: – Там, несомненно, джины! И он бросился на улицу и закричал изо всей мочи: – Помогите! О соседи! На помощь! И жильцы проснулись в испуге и выскочили, и все спрашивали: – Да что с тобою, Калиф? А он отвечал: – Скорей, дайте скорей лампу, ко мне пришли джины! И рассмеялись соседи, а один из них в конце концов принес свет. И взял Калиф свет и вернулся к себе уже более спокойный.

Но когда он наклонился над сундуком, ему вдруг послышался голос, говоривший: – Ах, где же я? И Калиф, хотя и умирал от страха, все же вооружился всем

Léon Carré

своим мужеством, взял большой камень, разбил замок и разом открыл крышку сундука. И увидел он внутри сундука томно лежавшую с полуоткрытыми глазами молодую девушку, прекрасную, как гурия, и сверкавшую драгоценными каменьями. То была Сила-Сердец; и лежала она бледная, прекрасная и пленительная! Увидав ее, рыбак, не видавший никогда не только такой красоты, но и просто открытого лица женщины, упал перед нею на колени и спросил: – Именем Аллаха, о госпожа моя, кто же ты? Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот сорок шестая ночь, она сказала:

ночь пятьсот сорок шестая

А она, вдыхая полною грудью воздух, окончательно пришла в себя и спросила: – Где Жасмин? Где Нарцисс? То были имена двух девушек-невольниц, прислуживавших ей во дворце. Калиф же, воображая, что она просит жасминов и нарциссов, ответил: – Клянусь Аллахом! О госпожа моя, у меня только несколько сухих цветков лавзонии! Услыхав эти слова, девушка широко открыла глаза и спросила: – Кто ты? И где я? И это было сказано голосом слаще сахара, и сопровождало эти слова очаровательное движение руки! Калиф же ответил: – О госпожа моя, я Калиф-рыбак, а ты находишься у меня в доме! И Сила-Сердец спросила: – Так, значит, я уже не во дворце халифа Гаруна-аль-Рашида? И он ответил: – Нет, клянусь Аллахом! Ты у меня, в жилье, которое стало дворцом, потому что приютило тебя! И ты стала моей рабой в силу купли и продажи, так как я купил тебя сегодня вместе с сундуком твоим с аукциона за сто и один динарий! И перенес я тебя спящую сюда в этом сундуке! И узнал я о твоем присутствии только благодаря твоим движениям, которые сперва сильно напугали меня! Теперь же я вижу, что звезда моя всходит при счастливых предзнаменованиях, между тем как прежде она стояла так низко и так печально! Но расскажи мне историю твоей жизни, которую я не знаю!

Тогда Сила-Сердец взглянула на Калифа, улыбнулась и сказала: – Знай же, о Калиф, что вся моя история заключается в двух словах. Ревность соперницы моей, супруги халифа Гаруна-аль-Рашида, повергла меня в то положение, от которого ты избавил меня к счастью для твоей собственной судьбы! Я действительно Сила-Сердец, любимца эмира правоверных. Что касается тебя, то счастье твое с этого дня обеспечено! Калиф же спросил: – Но разве этот Гарун – это тот самый малый, которого я учил ловить рыбу? И страшилище, которое я видел во дворце сидящим на стуле, – тоже он? Она ответила: – Именно он! Калиф же сказал: – Клянусь Аллахом, в жизни своей не встречал я такого скверного музыканта и такого мерзавца! Он не только обокрал меня, но еще дал сто палок и заплатил за это один динарий! Если я когда-нибудь встречу его, то распорю ему живот этим колом! Но Сила-Сердец сказала: – Оставь этот непристойный способ выражения, так как при

том новом положении, которое ожидает тебя, тебе нужно выработать учтивость и хорошее обхождение! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот сорок седьмая ночь, она сказала:

Ночь пятьсот сорок седьмая

Когда Калиф услышал эти слова Силы-Сердец, он почувствовал внезапную перемену во всем существе своем. Ум его просветлел и утончился, а понимание вещей расширилось. Таким путем вследствие кротких слов Силы-Сердец рыбак Калиф, грубый и малопонятливый до тех пор, с каждой минутой становился все более утонченным человеком с благородным обхождением и даром красноречия. И он спросил Силу-Сердец: – О госпожа моя! Что могу я сделать для тебя? Она же ответила: – Мне нужны только калам, чернильница и лист бумаги. И Калиф достал все эти вещи у соседей, а Сила-Сердец написала длинное письмо, передала его Калифу и сказала: – Возьми эту записку и отнеси ее на базар доверенному халифа Ибн-аль-Кирнасу, лавку которого знают все! И Калиф побежал на базар и нашел нужную лавку, и учтиво поклонился ювелиру, пожелав ему мира. Ювелир же, едва взглянув на него, спросил: – Что тебе надо? Вместо ответа Калиф подал письмо. Ювелир взял его концами пальцев и положил около себя, даже не развернув, так как принял его за просьбу о милостыне. И он сказал одному из своих слуг: – Дай ему полдрахмы!

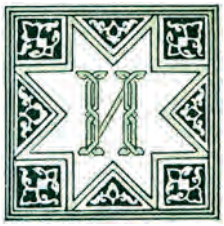
Но Калиф с большим достоинством отказался и сказал ювелиру: – Мне не нужна милостыня! Я прошу тебя только прочитать это письмо! Тогда ювелир поднял записку, развернул и прочел; и вдруг приложил он ее к губам, и почтительно положил себе на голову. И позвал он двух старших служащих своих и сказал им: – Отведите этого почтенного человека в лавку менялы моего Мохзена, чтоб он дал ему тысячу золотых динариев. Потом как можно скорее снова приведите его сюда ко мне! И служащие отвели Калифа к меняле, которому и сказали: – О Мохзен, дай этому почтенному человеку тысячу динариев золотом. И меняла отсчитал тысячу золотых динариев и отдал их Калифу, который затем вернулся к Ибн-аль-Кирнасу, а тот сказал невольникам своим... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот сорок восьмая ночь, она сказала:

Ночь пятьсот сорок восьмая

роводите этого господина в гамам и сделайте ему ванну первого сорта! Сказав это, Кирнас отправился в указанное Калифом жилище за Силой-Сердец. Калифа же невольники поручили лучшим банщикам, и те очистили его от целого груза всякой грязи, от вшей и клопов. И ухаживали они за ним и освежали, а затем надели на него роскошное шелковое платье и отвели в дом Кирнаса, который уже прибыл к себе вместе с Силой-Сердец. И она сказала Калифу: – Теперь ты должен обнаружить весь свой ум и все твои достоинства! Ты пойдешь отсюда во дворец эмира правоверных, попросишь аудиенции и после должных приветствий скажешь халифу: – О эмир правоверных, в память того обучения, которое ты получил от меня, прошу почтить меня своим посещением в эту ночь!

И когда Калиф пришел ко дворцу, с трудом узнавший его евнух Сандал со всех ног бросился в тронную залу и сказал халифу: – О эмир правоверных, не знаю, что случилось, но Калиф-рыбак сделался царем. Он идет сюда, одетый в платье, стоящее не менее тысячи динариев, и его сопровождает блестящая свита! Гарун же сказал: – Вели ему поскорее войти сюда! И ввели Калифа в тронную залу, где во всей славе своей сидел Гарун-аль-Рашид. И поклонился Калиф, как умеют кланяться только важнейшие из эмиров, и сказал: – Мир тебе, о повелитель правоверных. Да продлит Всевышний дни твои и прославит царствование твое и сан твой, и возвысит его до высочайшей степени! И видя и слыша все это, халиф изумился до чрезвычайности и спросил: – Откуда у тебя это прекрасное одеяние? И рыбак ответил: – Из моего дворца, и я пришел, чтобы просить тебя озарить его своим присутствием сегодня же ночью. Изумление Аль-Рашида росло; наконец, он улыбнулся и сказал: – Я твой гость? Пусть будет так! Я один, или все, кто здесь со мною? Рыбак ответил: – Ты, и все, кого пожелаешь привести. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот сорок девятая ночь, она сказала:

ночь пятьсот сорок девятая



Гарун приблизился к Калифу и сказал ему: – Сегодня ночью мы твои гости! А Калиф, вручив Джафару адрес своего нового жилища, возвратился к Силе-Сердец. Когда же наступил вечер, халиф в сопровождении Джафара, Масрура и нескольких приближенных сел на коня и отправился в дом, куда его пригласили. И вошел халиф в большую залу с высоким потолком. Посередине находился трон из золота и слоновой кости. И встретивший Гаруна Калиф попросил его сесть на этот трон. И тотчас же вошли слуги с огромными золотыми и фарфоровыми подносами; молодые виночерпии поднесли им драгоценные кубки, наполненные прохладительными и усладительными напитками. Потом подали дивные блюда: фаршированных гусей, жареных цыплят, ягнят и всякого рода птиц, зажаренных

на вертеле. Затем подали вина и сладости. И разноцветные вина сверкали в хрустальных сосудах и в золотых кубках, украшенных драгоценными каменьями! И приходивший все в большее и большее изумление халиф сказал, наконец, Джафару: – Клянусь жизнью головы моей! Не знаю, чем должен я всего более восхищаться: великолепием приема или утонченным и благородным обхождением нашего хозяина! Поистине, это превосходит мое понимание!

Между тем Калиф, на минуту удалившийся, вернулся после новых приветствий и добрых пожеланий и сказал халифу: – Не позволит ли своему рабу эмир правоверных привести сюда певицу, играющую на лютне, чтобы усладить вечерние часы? Во всем Багдаде нет более опытной певицы и более искусной музыкантши! И Гарун ответил: – Без сомнения, это разрешается тебе! И Калиф, войдя к Силе-Сердец, сказал ей, что минута наступила. Тогда Сила-Сердец завернулась в свой широкий изар и накинула на лицо легкое шелковое покрывало. Калиф взял ее за руку и в таком виде ввел в залу, которая затрепетала от ее царственной походки. И халиф не узнал ее, а она, сев поблизости, настроила лютню и запела:

О ночь любви, могла ли бы я жить,
Коль на тебя утратила б надежду?

Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот пятидесятая ночь, она сказала:

НОЧЬ ПЯТЬСОТ ПЯТИДЕСЯТАЯ

Услышав этот голос, звуки которого были так памятны ему, халиф взволновался чрезвычайно, сильно побледнел и, как только отзвучали последние слова песни, упал, лишившись чувств. Все окружили его, а Сила-Сердец подозвала Калифа и сказала ему: – Скажи, чтобы все вышли в соседнюю комнату и оставили бы нас одних на минуту! И Калиф попросил гостей удалиться, а Сила-Сердец сбросила быстрым движением изар и покрывало. Она подошла к халифу, опрыскала его розовой водой и привела в чувство. И калиф открыл глаза и, увидав Силу-Сердец, чуть было вторично не упал в обморок, но она поспешила поцеловать у него руку, и беспредельно взволнованный халиф воскликнул: – Не настал ли день воскресения мертвых, или все это сон? Она же рассказала ему в коротких словах обо всем, что случилось с нею, прибавив: – И нашим счастьем мы обязаны Калифу-рыбаку! И, выслушивая все это, Аль-Рашид то плакал и рыдал, то смеялся от радости. И он назначил Калифа губернатором области с жалованьем по десять тысяч динариев в месяц, а Сила-Сердец выбрала среди дочерей эмиров и именитых людей девушку, которая стала его супругой! И перестал Калиф быть холостяком и жил долгие годы со своей молодой женой, которая была самой прекрасной и самой скромной из женщин своего времени. Потом Шахразада сказала: – Но этот рассказ не удивительнее того, что я приготовила для тебя на остаток этой ночи! Он называется...

Приключение Гассана Аль-Басри

В отдаленные времена жил царь Кендамир, которому подвластны были Индия, Синд и Китай, а также многие народы, живущие в странах варварских. Он был герой по своей неукротимой храбрости и доблестнейший всадник, умевший играть копьем и страстно любивший турниры, охоту и воинственные предприятия, но более всего любил он беседы с обаятельными людьми и на пирах давал почетное место стихотворцам и рассказчикам. Дворец его был излюбленным местопребыванием всех, кто умел складывать стихи или оживлять словом давно прошедшие времена. И с рассказчиками своими и стихотворцами он обращался с таким же вниманием, как со своими визирями и эмирами. Но вскоре царь Кендамир переслушал все известные арабам, персам и индусам сказки. И увидел он, что ему нечего более слушать. Тогда он приказал привести своего любимого рассказчика Абу-Али, который был так красноречив, что мог растянуть сказку на целый год. И сказал ему царь: – Отец красноречия, я хочу, чтобы ты нашел какую-нибудь необыкновенную сказку, мне еще не известную. Если тебе удастся очаровать меня прекрасными словами, я подарю тебе обширные земли, и, если пожелаешь, сделаю тебя наследником моего престола. Но если тебе этого не удастся, ты будешь посажен на кол! Услышав такие слова царя Кендамира, Абу-Али попросил дать ему год отсрочки, чтобы дать возможность найти, что требуется. И царь согласился, но с условием, что в течение этого времени Абу-Али не будет выходить из своего дома! Тогда тот призвал пятерых из своих самых верных мамелюков, дал каждому по пять тысяч динариев золотом и сказал: – Вы должны спасти меня от рук царя, найдя для меня «Рассказ о приключениях Гассана Аль-Басри». И он сказал первому мамелюку: – Ты отправишься в Индию и Синд. И сказал он второму: – А ты в Персию и Китай. А третьему сказал: – Ты должен изъездить Хорассан и принадлежащие к нему земли! И сказал он четвертому: – Ты осмотришь весь Магриб с востока на запад. И сказал он пятому: – Ты же посетишь страну Египетскую и Сирию. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот пятьдесят первая ночь, она сказала:

ночь пятьсот пятьдесят первая

И простились они с ним и разошлись по пяти различным направлениям. Через одиннадцать месяцев четверо вернулись ни с чем, и старый сказочник Абу-Али написал завещание в ожидании своей страшной смерти. Пятый же мамелюк, Мобаран, почти потеряв надежду на успех, направился в Дамаск. И, проходя по базару, он увидел множество людей, бежавших в одном направлении. И когда он спросил одного из бегущих, куда все так спешат, тот ответил: «В залу, где находится шейх Ишах-аль-Монабби, дивный рассказчик нашего города, повествующий изумительнейшие в мире вещи». И Мобаран тоже пустился бежать, расталкивая направо и налево жителей, и бросился к зале, где заседал шейх Ишах-аль-Монабби. Когда же он вошел в залу, то увидел почтенного шейха с лицом, отмеченным благословением, с сияющим лбом и степенным голосом. И он продолжал рассказ, начатый более месяца тому назад. И вдруг он поднялся, не в силах сдерживать свой пыл, и принялся бегать по всей зале, из одного конца в другой, махая мечом героя, разившего головы врагов, и он кричал: «Смерть предателям! Да погибнут они в геенне огненной! Да предохранит воина Аллах! Где наши сабли, где наши палицы, чтобы лететь к нему на помощь? Вот он! Он победоносно вышел из схватки, раздавив врагов с помощью Аллаха! Слава Всемогущему, слава отцу доблести! И пусть воин идет теперь в палатку, где ждет его возлюбленная, и пусть красота девушки заставит забыть об опасностях, которым он подвергался ради нее! Слава Аллаху, сотворившему женщину для того, чтобы проливать бальзам в сердце воина и зажигать огнем его внутренности». Так шейх Ишах закончил это заседание, и восхищенные слушатели встали и, повторяя последние слова рассказчика, вышли из залы. А Мобаран, восхищаясь таким изумительным искусством, подошел к Ишаху и, поцеловав у него руку, сказал ему: – О господин мой, я чужестранец, и я пришел издалека, чтобы предложить тебе в подарок от господина моего Абу-Али из Хорассана тысячу золотых динариев. И это потому, что он считает тебя лучшим из рассказчиков нашего времени и желает тем выразить тебе свое восторженное удивление! И шейх ответил: – От всего сердца принимаю подарок твоего господина и хотел бы, со своей стороны, послать ему что-нибудь через тебя.

Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот пятьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь пятьсот пятьдесят вторая

Тогда мамелюк Мобаран сказал: – Абу-Али щедро наделен благами мира, и желает он только одного – украсить ум свой тем, чего еще не знает. И ничто не тронуло бы его так, как если бы ты передал ему «Рассказ о приключениях Гассана Аль-Басри», если только он тебе известен. И шейх ответил: – Твое желание будет удовлетворено, так как из всех рассказчиков на земле я один знаю его! Но ты должен поклясться, что ни одного слова из него ты не скажешь невеждам, лицемерам и неверным, которые не смогут извлечь из него полезного поучения! И, получив согласие, шейх Ишах подал Мобарану чернильницу и калам и сказал ему: – Пиши! И стал он диктовать слово за словом всю историю приключений Гассана Аль-Басри, такой, какой она была ему известна.

А между тем несчастный сказочник потерял уже последнюю надежду на спасение. Но как раз в это время мамелюк Мобаран, размахивая рукописью, вошел в его дом и, поцеловав руку господина своего, передал ему драгоценные листы, на первом из которых большими буквами написано было заглавие: «История приключений Гассана Аль-Басри». Увидав это, Абу-Али обнял своего мамелюка, посадил его рядом с собою по правую руку, а затем осыпал его почестями и благодеяниями. Он даровал ему свободу и подарил десять чистокровных коней, пять кобылиц, десять верблюдов, десять мулов, трех негров и двух мальчиков. После этого он взял избавлявшую его от казни рукопись, переписал ее на великолепную бумагу золотыми буквами и красивейшим почерком. И употребил он на этот труд девять дней, едва успевая сомкнуть на минуту глаза или съесть финик. А на десятый день, в тот самый час, в который предстояло ему быть казненным, он положил рукопись в золотой ларец и пошел к царю. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот пятьдесят третья ночь, она сказала:

ночь пятьсот пятьдесят третья

И царь Кендамир немедленно созвал своих визирей, эмиров и старших придворных и сказал Абу-Али: – Слово царей непреложно! Читай же нам обещанный рассказ! И вынул Абу-Али дивную рукопись и приступил к чтению истории. И когда он закончил, беспредельно восхитившийся царь подарил ему целую область своего царства с городами, селами и укрепленными замками и оставил его при себе в качестве самого близкого товарища и наперсника. А история та рассказывала, что в давние времена в Басре жил красивейший и изящнейший юноша, которого звали Гассаном* и, воистину, никогда не подходило человеческое имя до такой степени к наружности своего обладателя. После смерти отца Гассан оказался единственным наследником отцовского достояния. Но так как он был очень дурно воспитан

* *Гассан* – красивый.

Léon Carré

родителями своими, то поспешил сблизиться со сверстниками и в их обществе проел все сбережения отца своего, задавая пиры и предаваясь расточительности. Тогда мать его, имевшая жалостливое сердце, не будучи в силах видеть его огорчение, пожертвовала собственною долею наследства и открыла для него мастерскую серебряных изделий на базаре.

И вскоре благодаря красоте Гассана его мастерская сделалась местом, около которого всегда толпились торговцы, женщины, дети, собиравшиеся сюда, чтобы посмотреть, как действует он своим молотком, и восхищаться им без помех. И однажды к лавке подошел персиянин с длинной, седой бородой и в тюрбане из белой кисеи. В руке он держал старую книгу. И стоял он до тех пор, пока прохожие не разошлись для совершения послеполуденной молитвы. Тогда он вошел в лавку и сказал Гассану: – Дитя мое, у меня нет сына, и я хотел бы усыновить тебя, чтобы научить тебя тайнам моего единственного в мире искусства. Душа моя и дружба к тебе, зародившаяся в ней, побуждают меня открыть тебе то, что я до этого дня так тщательно скрывал, чтобы после моей смерти ты стал бы носителем моего знания. Так я избавлю тебя от этого маловыгодного кузнечного ремесла, которым ты занимаешься среди пыли, угля и огня! Гассан же ответил: – Клянусь Аллахом! О достопочтенный, я ничего лучше не желаю, как быть твоим сыном и наследником твоих знаний! Когда ты хочешь посвятить меня? Тот же ответил: – Завтра! И он поцеловал голову Гассана, а затем вышел, не прибавив более ни слова. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот пятьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь пятьсот пятьдесят четвертая

На другой день Гассан отпер свою лавку раньше всех остальных торговцев. И тотчас же вошел к нему персиянин и спросил: – Женат ли ты, Гассан? Тот ответил: – Я холост несмотря на то, что мать не перестает уговаривать меня жениться! И персиянин сказал: – Прекрасно! Если бы ты был женат, то не мог бы постигнуть всех моих знаний! Разведи огонь в горне, поставь тигель на огонь и пусти в ход мехи! Потом возьми тот старый медный поднос, разрежь его ножницами на мелкие куски, положи их в тигель и раздувай огонь до тех пор, пока они не расплавятся! И когда Гассан сделал все это, персиянин открыл свою книгу, стал что-то читать над кипевшею жидкою массою на незнакомом языке, а потом закричал: – Гакх! Макх! Бакх! О медь, превратись в золото! И он вынул из складок своего тюрбана бумажный пакетик, взял из него щепотку желтого порошка и бросил его в тигель. И тотчас же расплавленная масса затвердела и превратилась в лепешку из чистейшего золота. И он сказал остолбеневшему от удивления Гассану: – Пойди на базар, продай эту золотую лепешку, а деньги спрячь у себя дома, не говоря ни слова о том, что знаешь! Гассан же в ответ сказал: – Как хотелось бы мне узнать от тебя тайну твоего искусства!

Тогда персиянин рассмеялся и сказал: – Наука и ее тайны не познаются

Léon Carré

на улице! Если ты имеешь твердое намерение учиться, тебе стоит собрать свои инструменты и проследовать в мое жилище. После этих слов Гассан без всякого колебания встал, собрал свои инструменты, запер мастерскую и последовал за персиянином. Но по дороге он вспомнил о своей матери; он остановился и, опустив голову, погрузился в глубокие размышления. Персиянин же, обернувшись, засмеялся и сказал ему: – О Гассан! Если бы твоя рассудительность равнялась твоей привлекательности, ты не стал бы колебаться перед ожидающей тебя прекрасной будущностью! Впрочем, сын мой, чтобы у тебя не оставалось ни малейшего сомнения относительно моих намерений, я могу открыть тебе тайны моих знаний и в твоем собственном доме! И Гассан ответил: – Клянусь Аллахом, это успокоило бы мою мать! Персиянин сказал: – Иди же вперед и показывай мне дорогу. И пошел Гассан впереди, а персиянин за ним; и пришли они таким образом к матери. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот пятьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь пятьсот пятьдесят пятая

Гассан бросился к матери и предупредил ее, что персиянин пришел к ним в гости. Но мать сказал: – Связь хлеба и соли священна для нас, но эти мерзкие персияне нисколько не почитают ее! Он же возразил: – Когда ты увидишь этого почтенного ученого, ты не захочешь отпустить его из этого дома! Она же сказала: – Нет, клянусь могилою твоего отца, я не останусь в доме, пока будет здесь этот еретик. Однако, так как он уже в доме нашем, то я приготовлю для вас еду, а сама уйду к соседям. И пока Гассан беседовал с персиянином, она постелила скатерть и положила на поднос жареных цыплят, огурцов и десять сортов печений и варений, а сама спряталась у соседей. И персиянин принялся за еду и сказал Гассану: – Мой порошок не что иное, как квинтэссенция сгущенного эликсира, который извлечен мною из тысячи трав и тысячи веществ – одни сложнее других. И я добился этого открытия путем тяжелого труда, с которым и ты ознакомишься когда-нибудь! И он передал пакетик с порошком Гассану, который принялся его рассматривать, не заметив, как персиянин подмешал ему в пирожное кусок банжа. И Гассан, проглотив это пирожное, тотчас скатился на пол без чувств.

И тогда персиянин стянул пояс свой и, подойдя к Гассану, перегнул его пополам, голову к коленям, и привязал ему руки к ногам. Потом взял сундук и уложил в него Гассана вместе с золотом, добытым алхимическими операциями. Затем вышел позвать носильщика, взвалил ему сундук на спину и велел нести к морю, где стоял уже готовый к отплытию корабль. Капитан приказал сниматься с якоря, и корабль на всех парусах стал удаляться от берега! А мать увидела, что сын ее исчез вместе с сундуком, и поняла она, что Гассан навеки потерян для нее и что приговор судьбы свершен. Тогда предалась она отчаянию, била себя по лицу, разорвала одежды свои, стонала, рыдала, кричала, проливала

слезы и говорила: – О дитя мое! О кровь сердца моего! И всю ночь бегала она, как безумная, по всем соседям, спрашивая о сыне, но все было напрасно. Соседки пытались утешить ее, но она оставалась безутешной. И с той поры ночи и дни проводила она в слезах и печали у памятника, который велела воздвигнуть в самом доме своем и на котором написала имя сына своего Гассана и число того дня, когда был он у нее отнят. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот пятьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь пятьсот пятьдесят шестая

А персиянин же, уплывший в море с сундуком, был опасным чародеем и звали его Бахрам Гебр. Когда корабль прибыл к месту своего назначения, он велел вынести сундук на берег и привел Гассана в чувство, дав понюхать уксусу. И Гассан, взглянув на персиянина, понял, что тот обманул его, и сказал: – Что все это значит? Разве между нами не было хлеба и соли? А Бахрам расхохотался и воскликнул: – Чего это ты вздумал говорить мне о хлебе и соли, мне, поклоннику Огня, Солнца и Света? Я уже имел таким образом в своей власти девятьсот девяносто девять молодых мусульман, мною похищенных, ты же тысячный и, несомненно, красивейший из всех. Не думал я, что ты так легко попадешь в мои сети! Но, слава Солнцу! Ты в моих руках и скоро увидишь, как много люблю я тебя! Взгляни на эту высокую, остроконечную гору, возвышающуюся над морем. Это Гора Облаков. Здесь-то и находятся необходимые для превращения в золото вещества! Если ты дашь провести себя на ее вершину, клянусь тебе Огнем и Светом, ты не будешь иметь повода к раскаянию! На вершине мы станем собирать стебли растений, растущих над облаками. И тогда я укажу, что ты должен делать! Гассан, на которого помимо его воли действовали слова чародея, не посмел отказать ему и сказал: – Слушаю и повинуюсь!

Тогда Бахрам сказал ему: – Скоро увидишь ты, как много выиграешь, если будешь следовать моим советам! Гассан же спросил: – Но как же мы поднимемся на эту гору, отвесную, как стена? И чародей ответил: – Не смущайся этим затруднением! Мы взлетим туда легче птицы! Сказав это, персиянин вытащил из своей одежды маленький медный барабан, на котором натянута была петушиная кожа и написаны были таинственные слова. И он принялся стучать пальцами по этому барабану. И тотчас же поднялось облако пыли, из которого раздалось конское ржание. И в один миг явился перед ними большой черный крылатый конь, который стал бить землю копытом, извергая пламя из ноздрей своих. Персиянин тотчас же вскочил на коня и помог Гассану сесть позади него. Конь забил крыльями и полетел. И скорее, чем успеет человек опустить веко или открыть глаз, он опустил их на землю на вершине Горы Облаков. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот пятьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь пятьсот пятьдесят седьмая

Тогда персиянин засмеялся и воскликнул: – Теперь, Гассан, отрекись от своей веры и признай единственным божеством Огонь, отца Света! А Гассан на это воскликнул: – Нет Бога, кроме Аллаха! И Магомет пророк Его! А ты безбожник и еретик, и Всемогущий покарает тебя чрез мое посредство! И он бросился на чародея, вырвал у него из рук барабан и толкнул его изо всей силы к краю скалы. И безбожный чародей полетел в пропасть и разбился о прибрежные скалы. Гассан же, привесив барабан к поясу, осмотрелся и увидел вдали огонек. И подумал Гассан: «Там, где огонь, должны быть и люди!» И он пошел по направлению к этому огню и, подойдя к цели, рассмотрел, что это золотой дворец с золотым куполом, поддерживаемым четырьмя высокими золотыми колоннами. И вверяясь судьбе своей, он подошел к входной двери, вытесанной из цельного изумруда, вошел в нее и проник во двор. Там он заметил двух девушек ослепительной красоты, сидевших на мраморной скамье и игравших в шахматы. И одна из них подняла голову и сказала другой: – Посмотри, сестра, наверное, это один из тех несчастных, которых каждый год приводит на Гору Облаков чародей Бахрам. Но каким образом удалось ему спастись из рук этого дьявола? При этих словах Гассан приблизился к девушкам и, бросившись к их ногам, рассказал в коротких словах свою историю. И одна из девушек сказала – О сестра моя, с этой минуты, клянусь Аллахом, я буду почитать братом этого молодого человека и хочу делить с ним удовольствия и радости счастливых дней и печали и огорчения менее счастливых! И она взяла Гассана за руку и помогла ему подняться. Потом, не выпуская его руки, она ввела его во дворец, где прежде всего предложила ему ванну в гамаме, что вполне освежило его; затем надела она на него роскошное одеяние, отбросив его прежнее платье, запылившееся во время дороги, и вместе с сестрою ввела она его в собственную свою комнату, причем поддерживала его под руку с одной стороны, между тем как сестра поддерживала с другой. И обе молодые девушки пригласили его сесть между ними и закусить. Потом старшая сказала младшей... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот пятьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь пятьсот пятьдесят восьмая

О Нераспустившаяся Роза, теперь твоя очередь рассказать брату и нашу историю. И младшая девушка сказала: – Знай, о прекраснейший, что мы

принцессы! Сестру мою зовут Зерно Мирта, но у нас есть еще пять сестер, более красивых, чем мы; они теперь на охоте, но скоро вернутся. Старшую из нас всех зовут Утренняя Звезда, вторую – Вечерняя Звезда, третью – Сердолик, четвертую – Изумруд, а пятую – Анемон. Я же младшая из всех семи. Мы дочери одного отца, но не одной матери; я же и Зерно Мирта – мы дочери одной матери. Отец наш – один из могущественных царей джинов, гордый тиран, который, не почитая никого достойным быть супругом одной из его дочерей, поклялся никогда не выдавать нас замуж. Чтобы быть уверенным, что воля его никогда не будет нарушена, он спросил у своих визирей: – Не знаете ли вы такого места, куда не проникают ни люди, ни джины и которое могло бы служить жилищем моим дочерям? Тогда визири ответили: – Это Гора Облаков, на которой в прежние времена жили эфриты, восстававшие против велений Солеймана. Там стоит золотой дворец, построенный некогда эфритами-мятежниками и служивший им убежищем, но с тех пор дворец был покинут, и никто не живет в нем. Климат в той местности благоприятный, там много деревьев, плодов, превосходной воды, которая холодна, как лед, и сладка, как мед.

Услышав это, отец наш отослал нас сюда под громадным конвоем джинов. Мы же, прибыв сюда, увидели, что этот пустынный и безлюдный край богат лесами, зелеными лугами, плодовыми садами и обильными ключам. Ручейки бегут здесь, чтобы любоваться на улыбающиеся им цветы и отражать их в зеркале своих вод. Воздух наполнен здесь щебетанием птиц и ароматами, а земля чиста и благоухает, сияя всеми красотами Рая. Поэтому мы не почувствовали себя несчастными, живя в таком краю и в этом золотом дворце. Мы сожалели об одном: что лишены общества человека, лицо которого было бы приятно для глаз при утреннем пробуждении и сердце которого было бы любяще и благожелательно! Вот почему, о Гассан, мы так обрадованы твоим приходом! Тем временем прибыли пять других принцесс. Восхищенные и очарованные наружностью прекрасного юноши, они встретили его самым любезным образом. И после первых приветствий они заставили его поклясться, что он останется у них на долгое время. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот пятьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь пятьсот пятьдесят девятая

Гассан, не видевший тому препятствий, от всего сердца поклялся им в этом. И остался он у них в этом дивном дворце и с того дня сделался товарищем их и на охоте, и на прогулках. Но однажды вдруг увидели они быстро приближавшийся и гремевший, как гром, столб пыли, затемнивший небо и скрывший лицо солнца. И объятые ужасом принцессы сказали Гассану: – Беги и спрячься в садовой беседке!

Между тем пыль рассеялась, и из-за нее появилось целое войско джинов. То был конвой, присланный царем Дженистана, чтобы доставить его дочерей на большое празднество, которое он собирался устроить в честь одного из соседних царей. Узнав об этом, Нераспустившаяся Роза побежала к Гассану и сказала: – О брат мой, ты дождешься нашего возвращения; вот ключи от всех комнат, но только, умоляю тебя, не отпирай комнаты, в ключ от которой вставлена бирюза! Гассан же, почувствовав себя одиноким после отъезда сестер своих, стал обходить комнаты одну за другою. И дошел он таким образом до двери, которую отпирал ключ, украшенный бирюзой. И он подумал: «Кто знает, почему Нераспустившаяся Роза так уговаривала меня не отпирать эту дверь? Что может быть там такого таинственного, чтобы уже нельзя было и взглянуть? Лучше сейчас же отпереть ее и посмотреть, что в комнате, хотя бы меня встретила там сама смерть!» И вставил он ключ в замочную скважину, и повернул без затруднения – дверь отворилась без шума, как бы сама собою; Гассан вошел в комнату. Но, как он ни осматривался во все стороны, ничего не было видно: ни мебели, ни ковра, ни циновки. Но, обходя комнату, он заметил в углу прислоненную к стене лестницу из черного дерева, верхушка которой выходила в отверстие на потолке. Гассан поднялся по лестнице до потолка и высунулся в отверстие. Просунув туда голову, он очутился на свежем воздухе вровень с террасой, находившейся над потолком комнаты. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот шестидесятая ночь, она сказала:

ночь пятьсот шестидесятая

Тогда Гассан вышел на террасу и увидел прекраснейшую из долин, когда-либо восхищавших человеческие взоры. У ног его дремало тихое озеро, в которое гляделась вся красота небес. Тысячи птиц пели гимн ночи, а шелковистая скатерть вод, обрамленная высоким лесом, обмывала подножие дворца. От него спускалась к самой воде мраморная лестница, далее была эстрада, окруженная четырьмя легкими колоннами из розового алебастра. Ослепленный всем этим, Гассан не смел пошевелиться, боясь нарушить дивный мир этого места, как вдруг увидел он, что с неба спускаются к озеру большие птицы. Они сошли на берег озера; и было их десять. Их прекрасные белые перья волочились по траве, между тем как сами птицы шли, небрежно покачиваясь. И вдруг все десять грациозным движением сбросили с себя перья и явились в образе десяти нагих девушек. Они со смехом прыгнули в воду и наслаждались купаньем и резвились, играя друг с другом. И самая красивая из них гонялась за ними, обвивалась вокруг них, ласкалась тысячью ласк, щекотала и покусывала их со смехом.

Выкупавшись, они вышли на берег, и красивейшая из них вошла на эстраду и села на трон, и единственной ее одеждой были ее волосы. И Гассан, созерцая ее красоту, почувствовал, что теряет рассудок, и подумал: «Теперь я понимаю, почему Нераспустившаяся Роза запрещала

мне отпирать эту дверь!» И продолжал он смотреть и любоваться красотою нагой девушки. Воистину и без сомнения, это было совершеннейшее из созданий, вышедших из рук Творца. Черные глаза ее были прекраснее, и блеск их был сильнее, чем у газели, стройностью и гибкостью стана она превосходила араку. Черные волосы ее были густы и темны, как зимняя ночь. Ротик был подобием розы и печати Солеймана. Зубы напоминали молодую слоновую кость и нить жемчужин, шея ее была серебряным слитком, тело ее имело множество извилин и ямочек, ноги ее были тяжелы, упруги и вместе с тем гибки; они казались подушками, набитыми страусовым пером. Такова была девушка, в царственной наготе своей севшая на трон на берегу озера. Отдохнувши после купания, она сказала подругам своим: – О царевны, пора подумать об отъезде, потому что край наш далек. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот шестьдесят первая ночь, она сказала:

ночь пятьсот шестьдесят первая

Тогда они облекли ее снова в перья, сами оделись таким же образом и все вместе улетели. Остолбенев от изумления, Гассан следил за ними глазами и долго продолжал вглядываться в далекий горизонт, охваченный такою сильною страстью, какой не внушала ему ни одна земная дева. И, погрузившись в глубокую задумчивость, он произнес следующие строки:

Какое утро свежею росою
Тебя кропит прелестная беглянка?
Одета светом и красой своей,
Явилась ты терзать мне сердце...

И так томился он целый день в ожидании ночи, чтобы снова выйти на террасу в надежде, что птицы возвратятся. Но никто не явился ни в эту, ни в следующие ночи. Тем временем семь принцесс возвратились с празднеств. Младшая, не успев даже переменить дорожного платья, побежала искать Гассана. И нашла она его в его комнате, лежащим на постели, побледневшим и сильно изменившимся; глаза его были закрыты, и слезы медленно текли у него по щекам. Увидав это, молодая девушка бросилась к нему, обняла его шею руками, как сестра обнимает брата, поцеловала его в лоб и сказала: – О возлюбленный брат мой, сердце мое разрывается, видя тебя в таком положении! Скажи мне, чем страдаешь ты, чтобы я могла найти для тебя целебное средство! Заклинаю тебя священной привязанностью, нас соединяющей, не скрывай своего горя и своего недуга от сестры, которая готова тысячу раз пожертвовать жизнью своею, чтобы только спасти твою жизнь!

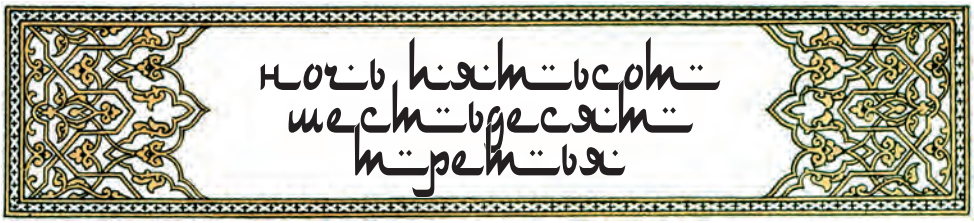
И вне себя от печали, она осыпала его поцелуями и, приложив руки к груди его, стояла на коленях у его ложа и молила его. И обильные слезы потекли из глаз Гассана, и вздохнул он: – Ах сестра, чем можешь ты помочь тому, кто страдает по собственной вине? Боюсь, что тебе остается только дать мне умереть от

горя и несчастия! Но девушка воскликнула: – Имя Аллаха над тобою и вокруг тебя, о Гассан, что такое говоришь ты? Если бы даже пришлось душе моей расстаться с телом, я не могла бы не прийти к тебе на помощь! Тогда Гассан с рыданиями в голосе сказал ей: – Так знай же, о сестра моя, что вот уже десять дней, как я не принимаю пищи! И рассказал он ей о своем приключении, не пропуская ни одной подробности. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот шестьдесят вторая ночь, она сказала:

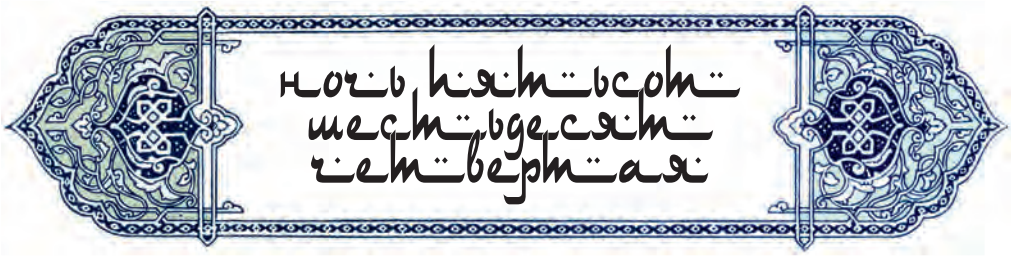
ночь пятьсот шестьдесят вторая

Выслушав рассказ Гассана, Нераспустившаяся Роза выказала сострадание и сказала: – О брат мой, советую тебе хранить это в тайне, иначе ты можешь навлечь на себя гибель. И если мои сестры будут огорчаться твоим изнуренным видом, отвечай им: «Это потому, что я слишком долго томился в одиночестве и горевал от разлуки с вами». И Гассан обнял Нераспустившуюся Розу и почувствовал, что душа его успокаивается от того, что избавился он от опасения прогневать сестру своим неповиновением относительно запретной двери! И он вздохнул свободно и попросил чего-нибудь поесть. А Нераспустившаяся Роза поспешила к сестрам и сказала им: – Увы, бедный брат мой Гассан очень болен от разлуки с нами! И принцессы поспешили принести ему пищу и питье, и старались они утешать и развлекать его. И в продолжение целого месяца осыпали они его своими заботливыми попечениями, а потом отправились по своему обыкновению на охоту. И тогда Нераспустившаяся Роза взяла Гассана за руку и отвела его на террасу, возвышавшуюся над озером. Здесь она спросила его: – Скажи теперь, ягненок мой, в которой из беседок над озером ты увидел ту, которая причиняет тебе столько волнений? И он ответил: – Не в беседке увидел я ее, а сперва в воде, а потом на троне, на той эстраде!

При этих словах девушка побледнела и воскликнула: – Горе нам! Ведь это была дочь царя джинов. У него семь дочерей, и та, которую ты видел – меньшая. Она самая красивая и самая воинственная из девственниц, окружающих царя; она превосходит всех остальных храбростью и ловкостью, и зовут ее Сияние! Она прилетает сюда с каждым новолунием вместе с дочерями вельмож своего отца. Что же касается плащей из перьев, в которых они носятся по воздуху, как птицы, то эти одеяния и помогут достигнуть нашей цели. Знай, что единственный способ овладеть ею – похитить ее волшебное одеяние. Для этого тебе стоит ждать здесь украдкой ее возвращения. Ты воспользуешься минутой, когда она спустится в озеро купаться, и похитишь ее плащ, но только один плащ! Таким образом ты овладеешь и ею самою. И не поддавайся ее мольбам, не отдавай плаща, иначе ты погиб безвозвратно, и мы все будем жертвами ее мщения! Схвати ее за волосы и тащи за собою, и она подчинится и будет слушаться тебя! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот шестьдесят третья ночь, она сказала:



При этих словах Гассан почувствовал, что новая жизнь вливается в него и возвращает ему силы. На другой день он дождался ночи и спрятался за эстрадой на берегу озера. И вскоре послышался шум крыльев, птицы прилетели, спустились к озеру и сбросили плащи из перьев. И дивная дочь царя царей джинов погрузила в воду свое ослепительно-прекрасное тело. И была она еще красивее и пленительнее, чем в первый раз. Гассан же, несмотря на свое восхищение, смог схватить плащ из перьев царской дочери и спрятаться за эстраду. Когда красавица вышла из воды, она убедилась, что плащ ее исчез. Она вскрикнула от испуга и отчаяния, и, услыхав ее крик, подруги бросились узнать, в чем дело. Поняв, что случилось, они схватили свои плащи, накинули перья и быстрее, чем преследуемые соколом голубки, вспорхнули и исчезли в воздухе. Тогда дрожавший от волнения Гассан выскочил из своей засады, бросился к девушке, схватил ее за волосы, навертел их вокруг своей руки и заставил следовать за собою. А она закрыла глаза и, покорившись судьбе своей, пошла за ним. Гассан же отвел ее в свою комнату, запер там и побежал известить сестру свою об удаче. Когда Нераспустившаяся Роза вошла в комнату Гассана, безутешная красавица сказала ей: – Как! Это ты, Нераспустившаяся Роза! Как позволяешь ты сынам людей так обращаться с дочерью твоего царя! И сестра Гассана ответила: – О царевна, знай, что юноша, подстерегший тебя во время твоего купанья, ни с кем не сравнимый. Обращение его так очаровательно, что он не мог иметь ни малейшего намерения обидеть тебя. И судьбе угодно было, чтобы этот юный красавец страстно влюбился в твою красоту; влюбленных же следует извинять! Если бы ты знала, как он был болен с того дня, как впервые увидел тебя! Он едва не лишился самой жизни! И продолжала она рассказывать царевне о том, как сильна страсть, загоревшаяся в сердце Гассана, и кончила так: – Не забывай, о госпожа моя, что он выбрал именно тебя из десяти подруг твоих, как самую прекрасную и дивную! И слушая эти речи сестры Гассана, красавица Сияние поняла, что нечего было и думать о побеге, и ограничилась тем, что глубоко вздохнула с покорностью судьбе. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот шестьдесят четвертая ночь, она сказала:



И Нераспустившаяся Роза принесла ей великолепное платье, потом подала ей пищу и всячески старалась развеселить ее. И красавица немного утешилась и сказала: – Вижу я, судьбе угодно, чтобы я рассталась с отцом моим и родными! Я должна покориться велениям судьбы! Тогда сестра Гассана побежала к брату и сказала ему: – Поспеши к своей возлюбленной! Целуй ее ноги, руки и голову. И только после этого заговори с ней ласково и красноречиво! И Гассан вошел к царевне, которая, несмотря на свою досаду, была тронута его необыкновенной красотой. И он говорил ей: – О госпожа моя! Молю, успокой свое сердце, потому что участь твоя преисполнена счастья! У меня относительно тебя только одно намерение – быть твоим верным рабом. Я не совершу никакого насилия над тобою, но женюсь на тебе по закону Аллаха и Пророка Его! И тогда я повезу тебя в Багдад, на мою родину, где куплю тебе невольников и невольниц и жилище, достойное тебя своим великолепием!

Так говорил Гассан красавице по имени Сияние! А в это время с охоты возвратились сестры Нераспустившейся Розы. И они увидели, что он здоров и что щеки его засияли. Их приятно удивила такая перемена; и старшая из девушек заподозрила, что для этого есть особая причина, но на ее расспросы Гассан сказал Нераспустившейся Розе, сильно покраснев: – Говори лучше ты! Мне же слишком стыдно объяснять им причину моей перемены. И рассказала она всю историю, прибавив: – И можно извинить Гассана потому, что девушка прекрасна! Ах, если бы вы знали, как она хороша собою! Язык мой оброс бы шерстью раньше, чем успела бы я описать ее прелести. Слава Тому, Кто создал сияние ее жасминно-белой наготы! Красота ее темени и блеск глаз превосходят газель, а гибкость стана затмевает араку! Волосы ее черны и густы, как зимняя ночь. Рот ее, напоминающий розу – сама печать Солеймана; зубы ее – точно молодая слоновая кость, или жемчужное ожерелье, или льдинки одинаковой величины. Шея ее – точно слиток серебра; тело ее извилисто, ямочки повсюду; бедра тяжелы и в то же время тверды и гибки как подушки, набитые страусовым пером; и все тело ее – долина наслаждения. Вот, о сестры мои, что по первому взгляду могла я рассмотреть в царевне Сияние, дочери царя Дженистана. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот шестьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь пятьсот шестьдесят пятая

Когда молодые девушки услышали такие слова сестры своей, они с восхищением воскликнули: – Ты прав, о Гассан, что влюбился в такую великолепную девушку! Но, ради Аллаха, поспеши привести нас к ней, чтобы мы могли увидеть ее собственными глазами! И Гассан повел их в ту часть дворца, где находилась царевна Сияние. Они же, увидев ее несравненную красоту, сказали ей: – О дочь царя нашего, твое

приключение с этим юношей необычайно. И мы все здесь стоящие предсказываем тебе в будущем счастье и уверяем тебя, что во всю твою жизнь тебе придется только радоваться жизни с этим юношей, деликатности его обращения, ловкости его во всем и привязанности к тебе! И Нераспустившаяся Роза подошла к ней, взяла ее руку и сказала Гассану: – Протяни руку! И Нераспустившаяся Роза взяла ее и соединила с рукою царевны Сияние, говоря: – Волею Аллаха обручаю вас! И вне себя от счастья Гассан прочел следующие строчки:

Из дев, рожденных Евой, из красавиц,
В небесных обитающих садах,
Нет ни одной, чтобы с тобой сравнилась!

И царевна спросила: – Так он поэт? А все ответили: – Он импровизирует и сочиняет с изумительною легкостью поэмы, оды и тысячи стихов, в которых всегда замечается живое чувство! И эти слова победили сердце невесты. Она взглянула на Гассана, и глаза ее улыбнулись из-под длинных ресниц. Гассан же, только ждавший знака этих глаз, взял ее на руки и унес в свою комнату. И там с ее согласия он взял все то, что можно было взять, и распечатал все, что было запечатано! И насладился он до последних пределов наслаждения; и она также. И в краткое время испытали они все радости мира. И любовь к юноше внедрилась в сердце царевны с беспредельною страстностью. И Гассан провел с ней сорок дней среди всех радостей, доставляемых любовью. Но на сороковой день Гассан увидел во сне свою мать, упрекавшую его в том, что он забыл о ней, между тем как она денно и нощно проливает слезы над гробницею, которую велела построить в своем доме. И проснулся он со слезами на глазах. И сестры его, услыхав, что он плачет, встревожились, и спросила его Нераспустившаяся Роза: – Что с тобой, ягненок мой? Тогда слезы еще обильнее потекли у Гассана; и рассказал он о своем сне. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот шестьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь пятьсот шестьдесят шестая

Тогда сестры сказали Гассану: – Мы не можем мешать тебе возвратиться на родину к любимой матери. Но каким же образом думаешь ты вернуться в Басру? И тогда он вспомнил о волшебном барабане, который отнял у чародея Бахрама, и воскликнул: – Вот каким образом! Но я не умею им пользоваться! Тогда Нераспустившаяся Роза сказала Гассану: – Я научу тебя, как с ним обращаться! Она взяла барабан, прижала к животу и сделала вид, как будто барабанит по нему пальцами. И тотчас же со всех концов появились вьючные и верховые верблюды. И сестры выбрали лучших, навьючив на них тюки, подарки, разные вещи и дорожную провизию. На спину одногорбого верблюда прикрепили роскошный двухместный паланкин для супругов. И с быстротой птицы полетел караван по равнинам и пустыням и милостью Аллаха без помех достиг Басры. И на стук в дверь пришла ее

отворить, дрожа на своих слабых ногах, мать Гассана. И, несмотря на ослабевшие от слез глаза, она узнала его. Тогда из груди ее вырвался глубокий вздох, а Гассан бросился к ней на шею, и нежно обнялись они, плача от радости. И когда после долгих слез немного пришли они в себя, Гассан принялся рассказывать матери все свои приключения, от внезапного исчезновения своего до возвращения в Басру, не забыв ни одной подробности.

Тогда, беспредельно удивлялась тому, что слышала, мать сказала сыну: – Не знаю, Гассан, но мне кажется, что Басра не достойна высокого звания твоей супруги; и для нас во всех отношениях лучше было бы переселиться в Багдад под благодетельное крыло халифа Гарун-аль-Рашида. К тому же мы внезапно разбогатели, и я очень боюсь, что, если останемся в Басре, где нас все знают за бедняков, мы обратим на себя внимание и подвергнемся подозрению и обвинению в том, что занимаемся алхимией! Всего лучше будет, если мы как можно скорее уедем в Багдад, где с самого начала прослывем князьями или эмирами, приехавшими из далеких краев. Гассан же ответил матери: – Это превосходная мысль! И тотчас же продал он вещи и дом. А после этого взял волшебный барабан и забил пальцами по петушиной коже. И тотчас же явились из воздуха верблюды. Гассан взял то, что было у них самого драгоценного и легкого на вес, и, усевшись в паланкин, погнал верблюдов рысью. И через короткое время прибыли они к воротам Багдада. Гассан купил за сто тысяч динариев великолепный дворец и привел туда свою мать и свою супругу.

И ничего не жалел он для того, чтобы дом его был первым в Багдаде. И после девяти месяцев счастливой жизни и заботливого питания супруга Гассана благополучно разрешилась от бремени двумя мальчиками-близнецами, красивыми, как луны. И назвали одного Нассером, а другого – Мансуром. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот шестьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь пятьсот шестьдесят седьмая

Но по прошествии года Гассану захотелось увидеть сестру свою, Нераспустившуюся Розу. И он стал собираться в путь, сказав матери: – Прошу тебя: во время моего отсутствия тщательно храни плащ из перьев жены моей. Я спрятал его в потайном месте дома. Если жена моя увидит этот плащ, она вспомнит о своей способности летать по воздуху и ее непреодолимо потянет улететь отсюда! Если же случится такое несчастие, я умру с горя! Не пускай ее никуда из дома и не позволяй ей выходить на террасу; я очень боюсь, что так или иначе она соблазнится воздушным пространством. Если не исполнишь просьбы моей, то погубишь меня! Мать же Гассана отвечала: – Да хранит меня Аллах от ослушания, дитя мое! Поезжай и не беспокойся, успокой свой ум. Но не знали они, что готовит им неведомое в книге судеб, между тем как красавица Сияние слышала каждое их слово и запечатлевала их в своей памяти. Гассан же простился с матерью, обнял жену

и сыновей... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот шестьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь пятьсот шестьдесят восьмая

Затем побарабанил он по петушиной коже и сел на тотчас же явившегося верхового верблюда, который побежал или, вернее, полетел, поглощая пространство, и скоро стал лишь точкой на горизонте. Супруга же Гассана ни на шаг не отдалялась от его матери, и так было два дня. Но утром третьего дня она поцеловала руку старой женщины, пожелала доброго дня и сказала: – О матушка, мне очень бы хотелось сходить в гамам, я не купалась с тех пор, как кормлю Нассера и Мансура! Но старуха сказала: – Какие необдуманные слова, дочь моя! Идти в гамам, да это чистая беда! Как ты можешь идти туда без того, чтобы супруг твой не посмотрел, все ли там чисто и не падают ли там с потолка тараканы, жуки и мокрицы! Я же сама не могу сопровождать тебя, потому что слишком стара и слаба. Но если желаешь, я велю согреть воды здесь и сама вымою тебе голову, и ты отлично вымоешься в нашем домашнем гамаме! Но Сияние ответила: – О госпожа моя, с каких же это пор запрещают женщинам ходить в гамам? Аллах! Увы! Моя молодость! Меня подозревают и не доверяют моему целомудрию! Мне остается только умереть! И, проговорив это, она заплакала, зарыдала и призвала на свою голову самые черные беды!

Тогда мать Гассана сжалилась над нею и к тому же поняла, что отныне невозможно заставить ее отказаться от ее намерения. И, несмотря на свою глубокую старость и настоятельное запрещение сына, она приготовила все, что требуется для бани по части белья и благовоний. Потом сказала: – Да хранит нас Аллах от гнева твоего супруга! И вышла старуха из дворца и сопроводила Сияние в знаменитейший из гамамов города. Ах, лучше было бы, если бы мать Гассана не обращала внимания на ее жалобы и не переступала бы через порог этого гамама! Но кто может читать в книге судеб кроме единого Всевидящего? И когда красавица Сияние, предшествуемая матерью Гассана, которая несла узел с чистым бельем, вошла в гамам, все женщины, отдыхавшие в центральной зале, вскрикнули от восхищения и изумления, до такой степени поразила их ее красота. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот шестьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь пятьсот шестьдесят девятая

И они не могли отвести от нее глаз. Так ослеплены они были ее красотою, когда молодая женщина была еще закутана в покрывало! Но каков был их восторг тогда, когда она сбросила все покровы! Женщины, бывшие в гамаме, покинули свои бассейны и места для отдыха, чтобы посмотреть на нее. А среди них находилась одна из невольниц Сетт-Зобейды, супруги халифа Гарун-аль-Рашида. И эта молодая невольница, которую звали Тохва, была поражена ее совершенством. И когда Сияние выкупалась и оделась, Тохва последовала за нею на улицу, и шла за нею, пока Сияние и мать Гассана не дошли до своего дома. Тогда молодая невольница приложила пальцы к губам, послала красавице звонкий воздушный поцелуй и бросила ей розу. Затем воротилась она во дворец халифа и поспешила к госпоже своей Сетт-Зобейде. А та, заметив бледность и волнение своей любимой невольницы, спросила: – Где же ты была, о милая, что вернулась такою бледною и взволнованною? Та ответила: – В гамаме, о госпожа моя! Тогда Сетт-Зобейда спросила: – Что же ты видела там, что так расстроилась?

Невольница же ответила: – Я видела то, что отняло у меня рассудок! И Сетт-Зобейда рассмеялась и сказала: – О ком говоришь? Та сказала: – Какая лань и какая газель могут сравниться с нею красотою и очарованием? И Сетт-Зобейда сказала: – О глупая Тохва, да назовешь ли ты, наконец, ее имя? И невольница ответила: – Я не знаю его, о госпожа моя! Но, клянусь твоими благодеяниями! Ни одно земное создание не может сравняться с нею! Мне сказали в гамаме, что она супруга богатого купца Гассана Аль-Басри. Ах, госпожа моя, если ты видишь меня дрожащею между рук Твоих, то причиной тому волнение, возбужденное ее красотою! При этих словах невольницы Сетт-Зобейда была до крайности поражена и сказала ей: – Но, Тохва, уверена ли ты, по крайней мере, что ты не во сне видела такое чудо красоты? Та отвечала: – Клянусь головою, я только что видела ее и послала воздушный поцелуй и розу этой красавице, подобной которой не встретить ни у арабов, ни у турок, ни у персиян. Тогда Сетт-Зобейда воскликнула: – Тогда нужно и мне взглянуть на эту жемчужину! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот семидесятая ночь, она сказала:

ночь пятьсот семидесятая

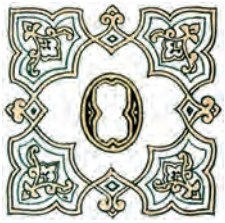
И тотчас же она позвала меченосца Масрура и сказала ему: – Поспеши во дворец, у которого двое ворот: одни – выходящие на реку, а другие – в город. Там спроси живущую в нем молодую женщину и приведи ее ко мне. И выбежал он стремглав из дворца и поспешил во дворец, который действительно был дворцом Гассана. И сказал он матери его, пришедшей отворять на его стук: – Госпожа моя, Сетт-Зобейда, супруга Гарун-аль-Рашида, желает видеть молодую красавицу, живущую в этом

Léon Carré

доме, чтобы убедиться, что молва не преувеличивает ее прелести и великолепие ее красоты. И я, Масрур-меченосец, обязуюсь привести вас обратно целыми и невредимыми. Тогда мать Гассана поняла, что всякое сопротивление бесполезно и даже опасно. И взяла она детей, посадила их себе по одному на каждую руку и сказала их матери: – Уж если нам приходится уступить желанию Сетт-Зобейды, идем все вместе! И Масрур пошел впереди, а за ним следовала мать Гассана, неся на руках детей, а за нею – закутанная в покрывала Сияние.

Масрур довел их до широкого и низкого трона, на котором окруженная толпою невольниц величественно сидела Сетт-Зобейда. Повернувшись в сторону вошедшей супруги Гассана, она сказала ей: – Почему не снимаешь ты покрывал? Здесь нет мужчин! И подозвала она Тохву, которая подошла, краснея, к Сиянию, притронулась к краю ее покрывала, а затем приложила к губам и ко лбу пальцы, касавшиеся ткани. Потом она помогла ей откинуть большое покрывало, а сама приподняла малое, закрывавшее лицо. О Сияние! Ни полная луна, выходящая из-за облака, ни солнце во всем его блеске, ни нежное покачивание ветви под дуновением весеннего воздуха, ни сумеречный ветерок, ни смеющаяся вода и ничто чарующее взоры, слух и ум смертных не могло бы восхитить смотревших на тебя так, как сделала это ты! От твоей красоты осветился и заблестел весь дворец! От радости при виде тебя сердца в груди запрыгали и заплясали, как ягнята! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот семьдесят первая ночь, она сказала:

ночь пятьсот семьдесят первая



Очнувшись от потрясения, причиненного зрелищем такой необыкновенной красоты, Сетт-Зобейда подошла к Сиянию, обняла ее, посадила ее рядом с собою и сказала: – О царица очарований, твоя красота выше всяких слов! Скажи мне, о совершенная, умеешь ли ты петь, танцевать, знаешь ли музыку? Сияние ответила: – О госпожа моя, я не умею ни петь, ни играть на лютне, но я обладаю одним искусством, которое покажется тебе чудесным: я летаю по воздуху, как птицы! При этих словах Сетт-Зобейда сказала: – Если ты хочешь увлечь наши души за собою, не согласишься ли ты полететь без крыльев? А красавица сказала: – Вот именно крылья-то и есть у меня, но они не при мне! Мой плащ из перьев заперт в сундуке, стоящем у нас в доме! Тогда Сетт-Зобейда закричала: – Эй, Масрур! Беги скорее в дом этих господ и принеси плащ из перьев, который заперт в потайном сундуке!

И Масрур побежал на поиски, и нашел нужный сундук, и принес тот плащ Сетт-Зобейде, которая долго рассматривала его, а потом передала красавице. Тогда Сияние, убедившись, что все цело, развернула плащ, вошла в него, запахнула полы и стала похожа на большую белую птицу! И, о изумление присутствовавших! Она сперва скользнула вперед, а потом поднялась, покачиваясь, до потолка!

Потом она спустилась, взяла детей своих на плечи, взлетела на верхнее окно и села на подоконник. Отсюда она закричала: – Слушайте меня! Я покидаю вас! Потом повернулась к бедной матери Гассана, которая, обезумев от горя, рыдала, упав на ковер, и сказала ей: – Меня огорчает разлука с тобой и сыном твоим Гассаном, супругом моим. Мое отсутствие разорвет его сердце и омрачит вашу жизнь; но, увы! Что же мне делать! Воздух пьянит мою душу, и я должна улететь в пространство. Но если твой сын захочет когда-нибудь встретиться со мною, ему стоит только отправиться за мною к островам Вак-Вак. Прощай же, мать моего супруга!

Произнеся эти слова, Сияние поднялась на воздух и исчезла в вышине с обоими детьми своими. Бедная мать Гассана едва не умерла от горя, а Сетт-Зобейда сказала ей: – Ах мать моя, почему не предупредила ты меня, что супруга твоего сына из рода воздушных джинов? Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот семьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь пятьсот семьдесят вторая

И Сетт-Зобейда сказала ей: – Прошу тебя, добрая мать моя, простить мне мое незнание и не слишком осуждать меня за необдуманный поступок мой! А бедная старуха отвечала ей: – О госпожа моя, я одна виновата! Каждый несет свою судьбу на плечах! Мне и сыну моему суждено умереть от горя! Сказав это, она вышла из дворца и кое-как дотащилась до своего дома. И велела она воздвигнуть три гробницы: одну большую и две маленьких, и около этих гробниц проводила она ночи и дни в слезах и стенаниях.

А Гассан, проведя три месяца с принцессами, собрался уезжать, чтобы не тревожилась мать и супруга его. И побарабанил он по петушиной коже, и навьючил явившихся верблюдов золотыми и серебряными слитками и драгоценными каменьями. И вскоре он во главе каравана благополучно прибыл в город Мира – Багдад. Но, войдя в дом свой, Гассан с трудом узнал свою мать – до такой степени изменили несчастную слезы, посты и бессонные ночи. И не видя ни жены, ни детей, он спросил у матери: – Где жена? Где дети? Мать же могла ответить ему только рыданием. Гассан побежал по комнатам и увидел открытый и пустой сундук, в котором хранился волшебный плащ. И, обернувшись, заметил он три гробницы! Тогда упал он во вес свой рост лбом на камни, и разорвал на себе одежды, и посыпал голову свою пылью. Потом вдруг бросился он к своему мечу и хотел проколоть им себя. Но мать бросилась между ним и мечом, простирая руки. И прижала она его голову к своей груди, хотя он от отчаяния извивался, как змея. И стала она ему рассказывать мало-помалу обо всем случившемся в его отсутствие и так заключила свой рассказ: – Как ни велико наше горе, отчаяние не должно овладевать твоим сердцем, так как ты еще можешь встретиться с супругой своей на островах Вак-Вак. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот семьдесят третья ночь, она сказала:

ночь пятьсот семьдесят третья

Тогда Гассан, оживившись, сказал матери: – А где же они могут находиться, эти острова, имя которых похоже на крик хищной птицы? На Индийских или Синдских морях, на Персидских или Китайских? И, чтобы узнать об этом, он пошел к ученым при дворе халифа, но все ему отвечали: – Мы этого не знаем. Тогда Гассан решил вернуться к семи принцессам, зовущим его братом, и спросить у них о пути к островам Вак-Вак. И он простился с матерью, смешав свои слезы с ее слезами, сел на верблюда и благополучно прибыл во дворец на Горе Облаков. И рассказал он сестрам всю свою печальную историю с начала и до конца, а потом прибавил: – И я пришел спросить у вас, каким путем мог бы я добраться до островов Вак-Вак.

Услышав эти слова, сестры Гассана долго смотрели друг на друга, не произнося ни слова, а потом воскликнули: – Подними руку к небесному своду, Гассан, и попробуй коснуться его. Это легче, чем добраться до островов Вак-Вак, где находятся твоя жена и дети! Но Нераспустившаяся Роза нежно обвила его шею руками, поцеловала и сказала: – Но ты знаешь, о брат мой, что судьба каждого должна свершиться! Мужайся, я сделаю все возможное, чтобы доставить тебе средство встретиться с твоею женою и детьми, если на то будет воля Аллаха. Ах, этот проклятый плащ из перьев! Сколько раз думала я о том, что надо тебе посоветовать сжечь его, но каждый раз не решалась сказать тебе это из боязни рассердить тебя. Мы постараемся помочь тому твоему горю, которому можно помочь! И, обратившись к сестрам своим, она умоляла их присоединиться к ней, чтобы узнать, каким путем Гассан может доехать до островов Вак-Вак. И сестры обещали ей помочь от всего сердца. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот семьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь пятьсот семьдесят четвертая

У семи принцесс был дядя Абд-аль-Каддус, брат их отца, который особенно любил старшую из сестер. Он подарил ей наполненный благовониями мешочек и сказал, что их надо зажечь, когда понадобится его помощь. И старшая сестра подумала, что, быть может, дядя и выведет бедного Гассана из затруднения. И она взяла щепоть благовоний, бросила их на уголья и мысленно призвала своего дядю. Как

только над жаровней показался дым, тотчас же поднялось облако пыли, и из него появился сидящий на белом слоне шейх Абд-аль-Каддус. И молодая девушка бросилась к нему на шею, поцеловала у него руку, после приветствий рассказала ему историю Гассана и прибавила: – И я прошу тебя сказать нашему брату, каким путем мог бы он добраться до островов Вак-Вак. При этих словах шейх покачал головою и сказал Гассану: – Знай, сын мой, что ты напрасно мучишься. Тебе невозможно ехать на острова Вак-Вак, хотя бы вся летучая кавалерия джинов, бродячие кометы и крутящиеся планеты пришли к тебе на помощь! На этих островах живут амазонки-девственницы, а царствует там отец твоей жены, царь Дженистана. От этих островов, куда никто не ездил, отделяют тебя семь обширных морей, семь бездонных долин и семь гор без вершин. И находятся эти острова на краю света, и за ними уж не имеется ничего известного! Поэтому я думаю, что всего благоразумнее было бы тебе вернуться домой или же остаться здесь с твоими сестрами, которые прелестны! Что же касается островов Вак-Вак, то забудь и думать о них! Услышав слова шейха, Гассан пожелтел, как шафран, а принцессы зарыдали. При виде всего этого старик и сам растрогался. Сочувствуя их горю, он повернулся к жалобно стонавшим принцессам и сказал им грубоватым голосом: – Замолчите! И принцессы удержали вылетавшие у них из горла стоны и с тоской ждали, что скажет им дядя. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот семьдесят пятая ночь, она сказала:

НОЧЬ ПЯТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Тогда Абд-аль-Каддус положил руку на плечо Гассана и сказал ему: – Сын мой, мужайся! С помощью Аллаха я поправлю твое дело. И шейх посадил Гассана позади себя на громадного белого слона, и тот, быстрый как сверкающая молния, углубился в пространство, пожирая под своими ногами расстояние. И в три дня и три ночи пролетели они путь, на который требуется семь лет. И прилетели они к голубой горе, все окрестности которой были также голубые, а посреди той горы находилась пещера, запертая дверью из голубой стали. Абд-аль-Каддус постучался в эту дверь, и из пещеры вышел голубой негр, державший в одной руке голубую саблю, а в другой – голубой щит. Шейх быстро вырвал это оружие из рук негра, и тот пропустил их. Тогда прошли они по широкой галерее к двум громадным золотым дверям. Шейх велел Гассану подождать и исчез за одной дверью. Через час он вернулся, держа за повод голубую лошадь, оседланную и взнузданную во все голубое, и приказал Гассану сесть на нее. И он отворил вторую дверь, и увидели они перед собою громадное голубое пространство. И сказал шейх Гассану: – Решаешься ли ты ехать и встретить бесчисленные опасности, тебя ожидающие? И Гассан ответил: – Я предпочитаю тысячу раз встретить смертельную опасность, лишь бы не страдать от мук разлуки!

Тогда шейх дал Гассану письмо, на котором голубыми чернилами написано было: «Славному и знаменитому шейху, господину нашему, достоуважаемому Отцу Перьев!» Потом Абд-аль-Каддус сказал: – Твоя лошадь привезет тебя к черной пещере в черной горе. Тогда слезай, пусти лошадь одну в эту пещеру и ты увидишь, что из дверей выйдет черный старик в черной одежде с длинной белой бородой. Это и есть Отец Перьев. Он один на всей земле может помочь тебе в твоем безумно отважном предприятии! Поэтому ты должен расположить его к себе. Поцелуй у него руку, передай это письмо и повинуйся ему во всем. И Гассан простился с Абд-аль-Каддусом, пришпорив голубого коня. И тот заржал и полетел как стрела! И в течение десяти дней Гассан предоставлял коню лететь, как ему угодно; и летел он так, что не могли обогнать его ни птицы, ни вихри. И пролетел он пространство, которое можно было бы пробежать только в десять лет времени. Наконец, прибыл он к подошве черных гор, вершины которых были невидимы. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот семьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь пятьсот семьдесят шестая

Приближаясь к этим горам, конь стал замедлять полет свой и долетел до входа в черную пещеру среди скал, которые были чернее ночи. И он слез с коня, пустил его в пещеру и сел ждать у входа. И вышел к нему почтенный старец, Отец Перьев. Гассан бросился на колени перед ним, поцеловал у него руки и подал письмо Абд-аль-Каддуса. И тот сделал знак, чтобы Гассан следовал за ним, и повел его в пещеру. И пришли они в зал: в каждом из четырех углов его было по старику в черном одеянии. Вокруг каждого было семь учеников, которые переписывали рукописи, читали и размышляли. И все приветствовали Отца Перьев, а он велел Гассану рассказать о своих приключениях. И все время, пока он рассказывал, мудрецы не прерывали его, но, когда он окончил, все воскликнули: – О почтеннейший учитель, участь этого молодого человека достойна жалости, быть может, мы поможем ему?

Услышав эти слова, Гассан бросился к ногам шейха, покрыл голову полой его одежды и, обвив его колени руками, умолял возвратить ему супругу и детей. И поцеловал он также руки всех шейхов, которые присоединили свои мольбы к его мольбам, прося своего учителя, Отца Перьев, сжалиться над несчастным! И шейх ответил: – Клянусь Аллахом! Не видел я ранее человека, который так пренебрегал бы жизнью своей. Он не знает, чего хочет и что его ожидает, этот безумно смелый человек. Но я хочу сделать для него все, от меня зависящее! И, сказав это, Отец Перьев целый час предавался размышлению среди почтительных учеников своих, а потом сказал Гассану: – Прежде всего, я дам тебе нечто, могущее предохранить тебя от опасности! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот семьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь пятьсот семьдесят седьмая

И он вырвал из бороды своей клок волос и сказал: – Когда будешь находиться в опасности, тебе стоит только сжечь этот клок волос, и я немедленно явлюсь к тебе на помощь! Потом он ударил в ладоши, и тотчас же явился крылатый эфрит. И Отец Перьев сказал Гассану: – Садись, сын мой, на спину к этому эфриту, и он перенесет тебя в область облаков, а оттуда опустит тебя на землю из белой камфары. Дальше тебе придется идти одному. И когда выйдешь ты из края белой камфары, перед тобою будут острова Вак-Вак. Там Аллах позаботится о тебе! Тогда Гассан снова поцеловал руки Отца Перьев, сел на плечи эфрита и поднялся с ним на воздух. И тот отнес его в область облаков, а оттуда спустился в край белой камфары, оставил его там и исчез. И Гассан пошел по блестящей и ароматной поверхности, а потом по густой траве. И наткнулся он в ней на что-то очень большое и увидел, что это ухо великана. И разбуженный великан зарычал, поднялся и подхватил Гассана за шею. И держал он его на весу, как сокол держит в когтях воробья, собираясь приплюснуть к земле и искрошить ему кости. Но Гассан, поняв, что его ожидает, стал отбиваться изо всех сил и закричал: – Ах, кто спасет меня? О великан, сжалься надо мною!

Услышав эти крики Гассана, великан сказал: – О Аллах! Недурно поет эта птичка! Мне нравится ее щебетанье! Отнесу-ка я ее нашему царю! И осторожно держа его за ногу, чтобы не помять, он вошел в густой бор, где посреди лужайки сидел на камне царь великанов. Вокруг него стояла стража из пятидесяти великанов ростом в пятьдесят локтей. И тот, который держал Гассана, подошел к царю и сказал: – О царь наш, вот птичка, которую я поймал за лапку и принес тебе, потому что она приятно щебечет. И ударив Гассана слегка по носу, он сказал: – Спой-ка царю! А Гассан, не понимая языка, на котором говорил великан, подумал, что настал его последний час. И он стал отбиваться, крича: – Ах, кто меня спасет? Ах, кто избавит меня? Царь же затрясся от радости и сказал великану: – Эта птичка прелестна! Скорее посади ее в клетку и повесь в комнате моей дочери, чтобы птичка развлекала ее своим пением и щебетаньем.

Тогда великан посадил Гассана в клетку и поставил ему туда две большие чашки: одну для пищи, другую для воды. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот семьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь пятьсот семьдесят восьмая

И просунул он в клетку две жердочки, чтобы он мог петь и прыгать, и отнес клетку в комнату царской дочери и повесил у изголовья девицы. Когда царская дочь увидела Гассана, она восхитилась его лицом и красивыми формами. Чтобы приручить его, она говорила нежным голосом, хотя Гассан не понимал ничего из ее разговора. И однажды царевна вынула Гассана из клетки, чтобы вычистить ее, а ему переменить одежду. И когда раздела его, то увидела, что он сложен совершенно так же, как великаны ее отца, хотя все было у него несравненно меньших размеров. И подумала она: «О Аллах! Никогда до этого дня не видела я таких птиц». И она стала вертеть его во все стороны и заметила, что он волнуется от ее прикосновений. И, желая ответить ему тем же, она прижала его к себе и стала ласкать его, как человека, и предлагать ему тысячу разных вещей не словами, потому что птица не могла бы понять, но знаками и действиями. И с того часа Гассан сделался близким другом царской дочери. Но, несмотря на то, что ему хорошо жилось в клетке, Гассан не забывал цели своего путешествия, которая, как он знал, была уже недалека! Чтобы выйти из затруднительного положения, он охотно обратился бы к волшебному барабану и к данному ему мудрецом пучку волос. Однако, переменяя ему платье, дочь царя великанов отняла у него эти драгоценные предметы. И каждый раз, как он требовал барабан, ему отвечали страстными ласками, и каждый раз, как он просил отдать ему пучок волос, великанша заключала его в свои объятия, так что через несколько дней он пришел в такое состояние, что боялся подать малейший знак сделать какое бы то ни было движение, опасаясь нападения ужасной великанши. И положение Гассана не менялось; он лишь худел и желтел в своей клетке, не зная, на что решиться. И вот однажды великанша после удвоенных ласк заснула, держа его в объятиях, и выпустила его. Гассан тотчас же бросился к сундуку, где лежали его вещи, взял пучок бороды и сжег один из волосков, мысленно призывая Отца Перьев. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот семьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь пятьсот семьдесят девятая

И задрожал дворец, и одетый во все черное шейх вышел из-под земли перед Гассаном и спросил его: – Что тебе нужно? И рассказал ему Гассан все, что делал со времени прибытие своего в край белой камфары, и прибавил: – И клянусь Аллахом, если я хотя бы один день еще останусь при этой великанше, душа моя вылетит у меня из носа! Шейх же сказал ему: – Я предупреждал тебя о том, что тебе придется испытать! И учти, что на островах Вак-Вак волосы мои потеряют свою силу, и ты будешь предоставлен одним средствам своим. А Гассан ответил: – Все равно, я должен идти искать жену мою! Тот, кому суждено жить десять лет, не умрет на девятом

году! Если судьбе угодно, чтобы я умер на этих островах, то пусть так будет. Поэтому, умоляю тебя, достопочтенный шейх, укажи мне туда путь! Тогда, вместо всякого ответа, шейх взял его за руку и сказал ему: – Закрой глаза и открой их! И закрыл Гассан глаза; а потом тотчас снова открыл их. И увидел он себя на берегу острова, где гальки были самоцветными камнями разных цветов. Из прибрежных камней и морской пены появились стаи больших белых птиц. Вся стая налетела на него вражеским вихрем, грозно стуча клювами и махая крыльями. Из горла всех этих пернатых вылетел глухой, тысячу раз повторяемый крик, в котором Гассан различил, наконец, слоги «Вак-Вак» – название этих островов. И услышал он глухой рокот под ногами и увидел вдали разраставшееся облако, из которого постепенно выступали, блестя на солнце, концы копий, верхушки шлемов и воинские доспехи. Амазонки! То были воительницы, сидевшие на рыжеватых кобылицах с длинными хвостами. Вооруженные как для битвы, воительницы держали каждая по тяжелой сабле на боку, по длинному копью в одной руке и по множеству страшного оружия в другой, а под ними было по четыре дротика. И когда они увидели Гассана, все вдруг остановили своих бешено скакавших кобылиц. И широкие ноздри трепетавших от бега животных дрожали в лад с трепетавшими ноздрями воительниц; а открытые лица, смотревшие из-под шлемов, были прекрасны, как луны; а округлые и тяжелые крупы их продолжали рыжие крупы кобылиц и сливались с ними; а длинные, волнистые волосы, темные, светлые и черные, смешивались с волосами хвостов и грив; а металлические шлемы и изумрудные панцири сверкали на солнце, не сгорая. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот восьмидесятая ночь, она сказала:

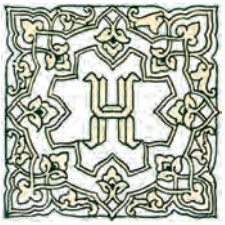
ночь пятьсот восьмидесятая

И подошла к нему амазонка, ростом выше остальных и с лицом, скрытым опущенным забралом. И Гассан бросился к ее ногам и сказал: – О госпожа моя, сжалься над несчастным, который разыскивает свою жену и детей! Услышав это, всадница приказала знаком своим воительницам удалиться. Она внимательно посмотрела на Гассана, а потом подняла забрало. Увидав ее лицо, Гассан громко вскрикнул: вместо молодой женщины, он увидел некрасивую старуху, у которой толстый нос был, как баклажан, брови кривые, щеки морщинистые и отвислые, глаза косые, и казалось, что в каждом из девяти углов ее лица сидело по бедствию! Чтобы не видеть этого безобразия, Гассан закрылся полою своей одежды. Старуха же приняла это за знак уважения; ее тронула такая почтительность, и она сказала: – О чужестранец! С этой минуты ты будешь пользоваться моим покровительством! Однако необходимо, чтобы тебя никто не видел на этом острове! И она ушла, а несколько минуть спустя возвратилась с панцирем, саблей, шлемом и другим оружием, ни в чем не отличавшимся от амазонского. И подала она все

это Гассану, который переоделся и рассказал затем о своих приключениях, не опуская ни малейшей подробности.

Когда старуха узнала все о Гассане и увидела его горе, она сказала ему: – Клянусь тебе, о Гассан, что и мать не принимает такого участие в своем ребенке, какое я принимаю в тебе. Быть может, твоя жена находится среди амазонок. Завтра я покажу тебе их всех нагими в море. Все они пройдут перед тобою, чтобы ты мог различить среди них свою супругу! И успокоила она его, утверждая, что таким путем он найдет красавицу Сияние! И провела она с ним целый день, водила его по острову и заставляла его любоваться на все тамошние чудеса. И полюбила она его великою любовью и говорила ему: – Успокойся, дитя мое! Я держу тебя в глазах моих. И если бы ты попросил, я от всего сердца отдала бы тебе всех моих воительниц, которые все молоды и девственницы! Гассан же ответил ей: – О госпожа моя, клянусь Аллахом, только смерть заставит меня покинуть тебя! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот восемьдесят первая ночь, она сказала:

ночь пятьсот восемьдесят первая



а другой же день, согласно обещанию, старуха явилась во главе своих воительниц. Переодетый амазонкой Гассан сидел на скале, возвышавшейся над морем. И по знаку военачальницы, воительницы сбросили оружие и панцири и явились во всей блестящей и стройной красоте. И вышли девушки из своих одежд, как лилии из своих листьев и розы из шипов. Белые и легкие, окунулись они в море. И пена морская смешалась с их распущенными волосами, а волны, поднимаясь, продолжали возвышение их девственных крупов. И казались они лепестками, брошенными на поверхность воды. Но среди стольких гибких станов, черных очей, белых зубов, волос всех оттенков и крупов Гассан, как ни смотрел, не узнал несравненной красоты возлюбленной красавицы своей Сияния. И сказал он старухе: – О добрая мать, ее нет среди них! А старая всадница ответила: – Кто знает, может, расстояние мешает тебе различить! И ударила она в ладоши, и девушки вышли из воды и одна за другою, гибкие и стройные, прошли они перед скалою, имея единственным украшением рассыпавшиеся по спине волосы и неся лишь собственное обнаженное тело. И Гассан увидел, что увидел, но они не могли сравниться красотою и прелестью с Сиянием! И Гассан сказал: – О госпожа моя, ни одна из этих молодых девушек ни вблизи, ни вдали, не походит на Сияние! И удивленная старая воительница ответила: – Тогда остаются только семь дочерей нашего царя! Расскажи мне, по какому признаку могу узнать твою супругу, и опиши мне ее особенности!

Гассан же ответил: – Нет слов, способных выразить все ее совершенства. Лицо ее бело, как благословенный день. Стан ее так тонок, что солнце не может отбросить от него тени на землю. Волосы ее черны и длинны и лежат на спине, как ночь над днем. Груди ее прорывают самые плотные ткани. Она гибка, как ветвь

Léon Carré

жасмина, зубы ее подобны льдинам, у нее родимое пятнышко на правой щеке, ротик ее подобен сердолику, щеки – анемоны, а бедра ее гибки, и ослепительны, и широки, как мраморный водоем. И, сказав все это, Гассан воскликнул: – Мучение мое так же горько, как мучение дервиша, потерявшего свою чашку, или как боль человека, у которого отрезаны руки и ноги! Когда старая амазонка услышала это, она погрузилась в глубокое раздумье, а потом сказала Гассану: – Ты губишь себя и меня вместе с собою! Описанная тобою молодая женщина, несомненно, одна из семи дочерей нашего могущественного царя! Безумна твоя отвага, и ты напрасно льстишь себя надеждой! Между тобою и ею такое же расстояние, как между небом и землею. И если ты будешь упорствовать в своем намерении, то готовишь себе неминуемую гибель! Откажись от своего дерзкого плана и не подвергай опасности свою жизнь. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот восемьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь пятьсот восемьдесят вторая

Эти слова старухи потрясли Гассана, и с беспредельным отчаянием он воскликнул: – Так значит, мне нужно возвратиться ни с чем после того, как я пришел из таких далеких краев? Она же ответила: – Чтобы отклонить тебя от будущего предприятия твоего, я хочу, чтобы ты выбрал из молодых воительниц ту, которая тебе всего более нравится, и я отдам тебе ее взамен супруги твоей! А затем ты вернешься с ней на родину, и тебя не постигнет там месть нашего царя! Иначе моя и твоя гибель неминуемы! Но Гассан ответил на этот совет старухи лишь новыми мольбами. Старуха же, донельзя растроганная его горем, сказала ему: – Что же хочешь ты, чтобы я сделала для тебя? Уже и теперь, если узнают, что я показала тебе своих воительниц, которых не видел ни один мужской глаз, не бывать мне живой! Гассан же воскликнул: – О госпожа моя, я не бросал нескромных взглядов на этих молодых девушек и не обращал внимания на их наготу! Старуха же сказала: – Если ни одна из этих девушек не нравится тебе, то я готова наделить тебя богатствами так щедро, что ты будешь богат до конца дней своих. Лишь вернись домой!

Но Гассан бросился к ногам старухи и сказал ей со слезами: – Как я могу покинуть этот остров, не увидев мою возлюбленную? И старая амазонка сжалилась над ним и сказала: – Вижу, что влюбленный теряет слух и понимание! Я начну заниматься твоим делом, о бедный мой! Покидаю тебя, чтобы идти во дворец царицы этого острова, который и есть один из островов Вак-Вак. Каждым управляет одна из дочерей нашего царя; все дочери одного отца, но не одной матери. Управляющая здесь – старшая из сестер, Нур-аль-Гуда. Я постараюсь расположить ее в твою пользу. Успокой же свою душу, освежи глаза и жди меня со спокойным сердцем. И когда она дошла до царевны, та сейчас же встала в знак уважения к ней, обняла ее, посадила рядом с собою и сказала: – Да будут благоприятны известия, приносимые мне тобою! А если у тебя

есть просьба ко мне или желаешь просить какой-нибудь милости, то говори! Я слушаю тебя со вниманием. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот восемьдесят третья ночь, она сказала:

Ночь пятьсот восемьдесят третья

И старая амазонка ответила: – О дочь моя, я хочу сообщить тебе о необыкновенном происшествии, которое послужит тебе развлечением. Знай, что я нашла на берегу острова горько плакавшего молодого человека. Он сказал, что он ищет свою супругу! И он дал ее описание, сильно взволновавшее меня по поводу тебя и сестер твоих. На это царевна Нур-аль-Гуда закричала старой амазонке: – О проклятая старуха, как смела ты привести самца в наши владения? Разве не боишься ты наказания, которое навлекут на тебя моя месть и мой гнев? Ступай и приведи поскорее ко мне этого человека, осмелившегося переступить нашу границу! И старуха, от страха не различая правой руки от левой, пошла за Гассаном. И как только увидела его, сказала: – Вставай, о тот, чей конец уже близок. Иди к царице, которая хочет говорить с тобой! И пошел Гассан за старухой, говоря себе: «О Аллах! В какую бездну буду я ввергнут!» И придя во дворец к царевне, он поцеловал землю перед ее троном и рассказал ей всю свою историю. Тогда царевна Нур-аль-Гуда, покачав головою, сказала: – Без сомнения, если бы твоя супруга не желала более свидеться с тобою, она не открыла бы твоей матери, в какое место уходит. Но также следует сказать, что, если бы она действительно любила тебя, она никогда не покинула бы тебя! Тогда Гассан поклялся самыми страстными клятвами, что супруга тысячу раз доказала ему свою привязанность, но не в силах была противостоять своей природной склонности летать птицей по поднебесью! И прибавил он к этому: – О царица, я рассказал тебе печальную повесть моей жизни! И вот я стою перед тобою, умоляя тебя милостиво простить мою дерзкую попытку и помочь мне найти мою супругу и моих детей! Именем Аллаха моего, о государыня моя, не отталкивай меня! Выслушав эти слова Гассана, царевна сказала ему: – Какую бы ни придумывала я казнь за твое преступление, ни одна не была бы достаточна, чтобы наказать твою дерзость! Тогда старуха, несмотря на то, что оцепенела от страха, бросилась к ногам своей госпожи, взяла полу ее одеяния, накрыла ею себе голову и сказала: – О великая царица, по праву воспитавшей тебя кормилицы прошу – не спеши казнить его, тем более, что он несчастный чужеземец, преодолевший многие опасности и испытавший много злоключений! Прими в соображение, что только любовь побудила его предпринять эту роковую попытку, а влюбленным следует прощать многое. И знай, что никто из сынов человеческих не умеет так слагать стихи и импровизировать оды, как он! Тебе стоит только открыть лицо твое, и ты сама увидишь, как он будет прославлять твою красоту! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот восемьдесят четвертая ночь, она сказала:

Ночь пятьсот восемьдесят четвертая

И царевна сделала вид, что уступает просьбе своей кормилицы, и, подняв покрывало, показала лицо свое. При виде этого лица Гассан вскрикнул так громко, что задрожал дворец, и воскликнул: – О Аллах! Моя супруга походит на нее, как одна долька боба походит на другую! Услыхав это, царица расхохоталась и сказала Гассану: – О любезный, не скажешь ли, в чем похожа я на твою жену, и в чем разница между нами? Он же ответил: – О царица, ты похожа на мою супругу глазами, сияющими ярче звезд, свежестью цвета лица твоего, пурпуром щек, правильною линией твоих грудей, нежностью голоса, легкостью и изяществом стана и многими другими прелестями, о которых умолчу, потому что они скрыты. Но, всматриваясь в твою красоту, я нахожу и различие, которое не могу выразить словами! Когда царевна Нур-аль-Гуда услышала эти слова, она поняла, что сердце его никогда не привяжется к ней. Это раздосадовало ее, и она сказала себе: «Я отомщу и Гассану, и его жене, и вымещу на них мое справедливое неудовольствие». Но эту мысль она скрыла в глубине души своей и сказала старухе: – Посети каждую из шести сестер моих и скажи им, что разлука с ними тяготит меня чрезвычайно. Пригласи их от моего имени и приведи с собою! Но не сообщай им о прибытии к нам молодого чужеземца, разыскивающего свою супругу. Ступай, не медли! И старухе, быстрее молнии помчавшейся к островам, где обитали сестры Нур-аль-Гуды, без труда удалось уговорить пять первых сестер. Но когда она прибыла на седьмой остров, где у отца своего жила меньшая сестра, ей лишь с большим трудом удалось заставить принять приглашение Нур-аль-Гуды. Ибо когда меньшая царевна пошла к отцу просить позволения отправиться в гости к старшей сестре, царь сильно встревожился и воскликнул: – Ах, дочь моя возлюбленная, что-то говорит сердцу моему, что я уж более не увижу тебя, если ты выйдешь из этого дворца. К тому же сегодня ночью я видел ужасающий сон, который я расскажу тебе, о зеница ока моего. Мне снилось, что я гуляю среди сокровищ, и взор мой остановился на семи драгоценных камнях, сверкавших особым блеском. И прекраснее всех был самый маленький из камней. Но вдруг птица какой-то необыкновенной породы, схватила его и улетела.

Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и со скромностью умолкла. А когда наступила пятьсот восемьдесят пятая ночь, она сказала:

Ночь пятьсот восемьдесят пятая

Проснувшись, я призвал толкователей снов, и они сказали мне: – О царь наш, семь драгоценных камней – это семь дочерей твоих, и самый маленький камень – это меньшая дочь твоя, которая будет отнята силой у твоего любящего сердца. На это Сияние (а это была именно она) ответила: – Отец мой, тебе нечего беспокоиться, я ведь не покину пределов нашего царства; на наших островах какого врага можем мы опасаться? Кто мог бы добраться до островов Вак-Вак чрез Горы Облаков, Голубые Горы, Черные Горы, Семь Долин, Семь Морей и Камфарную Землю, тысячу раз не лишившись жизни во время пути? Прогони же тревогу, освежи глаза и успокой свое сердце! Услыхав такие слова дочери, царь, хотя и неохотно, согласился отпустить ее, дав конвой из тысячи амазонок, и нежно обнял ее на прощанье. И Сияние простилась с ним и, поцеловав детей своих, о существовании которых никто и не подозревал, так как со дня прибытия своего она поручила их двум преданным ей невольницам и спрятала в верном месте. А в это время Нур-аль-Гуда приняла старшую из шести сестер, которую звали Благородство Крови. На ней было голубое шелковое платье, и была она еще красивее Нур-аль-Гуды. И приблизилась она к трону и поцеловала руку у сестры своей, которая спросила Гассана: – Не это ли супруга твоя? И Гассан ответил: – Клянусь Аллахом, она дивно прекрасна, как луна при своем восходе; волосы ее черны, как уголь, щеки нежны, рот улыбается, грудь высока, и в ее честь я скажу:

Ее увидев стройный, тонкий стан
И пышность бедер, вы принять могли бы
Ее за гибкий гнущийся тростник,
Что погружен в песчаный
холм зыбучий...

Но между нею и супругою моею есть различие, которое язык мой отказывается вымолвить! Тогда Нур-аль-Гуда знаком велела ввести вторую сестру. И девушка вошла в платье абрикосового цвета. И была она еще прекраснее первой и звали ее Счастье Дома. И, поцеловав ее, сестра посадила ее рядом с первой и спросила у Гассана, признает ли он в ней свою супругу. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот восемьдесят шестая ночь, она сказала:

НОЧЬ ПЯТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

И Гассан ответил: – О госпожа моя, эта похищает рассудок у тех, кто на нее смотрит, и приковывает сердца тех, кто приближается к ней; и вот какие она внушает строчки:

Луна весны средь зимней грустной ночи
Не так прекрасна, как приход твой, дева!

Такою вижу ее, о госпожа моя! Но между нею и супругою моею есть различие, описать которое бессилен мой язык. Тогда Нур-аль-Гуда сделала знак, и вошла третья сестра в платье из гранатового

шелка; и была она еще прекраснее двух первых, и звали ее Ночная Луна. И Гассан сказал: – О госпожа моя и венец главы моей, эта способна похитить разум у мудрейших, и восхищение ею внушает мне такие строчки:

Ты грации исполнена, идешь
Походкой плавной, как газель воздушна,
И с каждым шагом чудные глаза
Смертельные вокруг бросают стрелы.

Но все же душа моя отказывается признать в ней мою супругу, несмотря на чрезвычайное сходство черт лица и походки! Четвертая сестра была одета в платье из желтого шелка с продольными и поперечными разводами. Увидав ее, Гассан произнес:

Когда я приближаюсь к ней,
Меня тотчас, как двое часовых,
Отталкивают груди молодые,
Обточены и тверды, как гранит.

Однако, о госпожа моя, и не она моя супруга, хотя сходство поразительно во многих отношениях! Тогда Нур-аль-Гуда приказала ввести пятую сестру. Ее звали Белая Заря, и была она легка, как молодая косуля. Увидав ее, Гассан сказал:

Когда встаешь ты в красоте своей,
Чтоб взоры смертных ослепить,
То бедра твои твердят:
«Останься, не вставай!
Нам тяжело нести всю пышность
эту!» ...

И все присутствовавшие изумлялись необыкновенному дарованию Гассана; и сама царица, несмотря на свою досаду, не могла не выразить ему своего восхищения. А старая амазонка сказала ей: – О госпожа моя, я не обманула тебя, говоря о дивном даровании этого молодого стихотворца. Прошу тебя забыть о дерзости его предприятия и оставить при себе в качестве поэта. И Нур-аль-Гуда ответила: – Хорошо, но прежде я желала бы покончить с испытанием. Введи поскорее мою меньшую сестру.

И старуха привела меньшую сестру, которую звали Украшением Мира. И когда Гассан увидел приближавшуюся Сияние, он громко вскрикнул. Услыхав этот крик, Сияние обернулась, потрясенная тем, что видит супруга своего, о котором думала, что он далеко, и она ответила криком, лишившись чувств. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот восемьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь пятьсот восемьдесят седьмая

Тогда Нур-аль-Гуда не в силах была долее скрывать свою ревность и бешенство. И она закричала своим амазонкам: – Выбросьте его вон из города! Потом царица закричала приведенной в чувство сестре: – О развратная! Ты не только вышла замуж без согласия отца твоего, но еще бросила мужа и дом твой! Такая гнусность может быть омыта только кровью твоею! И она приказала служанкам: – Принесите лестницу, привяжите к ней эту преступницу и бейте розгами до крови! И она написала отцу

своему письмо, в котором во всей подробности описывала приключения Гассана и сестры своей. И когда царь прочитал это письмо, у него потемнело в глазах, и он ответил, что преступницу следует казнить смертью. А выброшенный за город Гассан стал, полный отчаяния, бродить по морскому берегу, все-таки надеясь чем-нибудь помочь своему горю. И встретил он вскоре двух маленьких амазонок лет десяти, которые дрались на кулачках. Невдалеке от них лежала брошенная на песке кожаная шапка с изображением каких-то фигур и знаков. Гассан подошел к девочкам, попробовал их разнять и спросил, из-за чего они поссорились. И они сказали, что поссорились из-за этой кожаной шапки. Тогда Гассан спросил, не хотят ли они выбрать его своим судьей, чтобы помирить их. Когда девочки согласились, Гассан поднял шапку и сказал: – Ну, хорошо! Я брошу в воздух камень, и та из вас, которая принесет его мне, и получит шапку. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот восемьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь пятьсот восемьдесят восьмая

И Гассан поднял на берегу гальку и швырнул ее изо всех сил. Пока же девочки бежали за камешком, Гассан надел шапку на голову, чтобы примерить, да так в ней и остался. Несколько минут спустя девочки возвратились, и та, которой удалось схватить камешек, закричала: – Где ты, человек? Я выиграла! Добежав до того места, где стоял Гассан, она стала осматриваться по сторонам. Гассан же подошел к ней, тронул за плечо и сказал: – Я здесь! Но девочки так перепугались, что побежали со всех ног так, будто гнался за ними какой-нибудь джин из самых опасных. Гассан же сказал себе: «Нет сомнения! Эта шапка – волшебная! Она делает невидимым того, кто ее наденет». И тотчас же, надев ее, возвратился он в город, вошел во дворец и нашел там старую амазонку, которая была по приказу царицы прикована цепью к железному кольцу на стене. Он снял свою шапку; старуха увидела его и воскликнула: – Ах, горе тебе, Гассан! Царица уже пожалела, что не велела казнить тебя, и теперь все ищут тебя! Спасайся бегством! Но Гассан в ответ рассказал ей о шапке, разрезал путы старухи, взял ее за руку и надел шапку-невидимку. И они оба стали невидимыми, и старуха привела его в темницу, где лежала супруга его Сияние, привязанная волосами к лестнице и ожидавшая казни. И Гассан сбросил шапку, бросился к ней и обвил ее руками своими. А она со слезами на щеках спросила его: – Не сошел ли ты с неба, о супруг мой?! Беги отсюда, пока не нашли тебя, предоставь меня моей участи и возвращайся, откуда пришел, чтобы не имела я огорчение видеть и тебя жертвою жестокосердия моей сестры! Гассан же ответил: – О возлюбленная моя, о свет очей моих, знай, что я выйду из этого дворца только с тобою и нашею покровительницею, вот этою доброю женщиною. А если ты хочешь знать, каким способом я это сделаю, то я покажу тебе эту шапку. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот восемьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь пятьсот восемьдесят девятая

И Гассан надел волшебную шапку и внезапно исчез, а потом, явившись снова, рассказал, каким образом Аллах бросил ее на его пути, чтобы она стала причиной их избавления! И Сияние со слезами радости и раскаяния сказала Гассану: – Все наши муки произошли по моей вине, потому что я покинула наше жилище в Багдаде без твоего позволения. Но теперь я поняла, что жена должна уметь ценить своего мужа! Прости мою вину, молю о прощении и Аллаха, и тебя! И будь снисходителен ко мне, так как душа моя не в силах была противостоять волнению, охватившему ее при виде плаща из перьев! Гассан же ответил: – Клянусь Аллахом! Виновен я, оставивший тебя одну в Багдаде. И он посадил ее себе на спину, взял за руку старуху и надел шапку. Все трое стали невидимыми, вышли из дворца и направились к седьмому острову, где были спрятаны их дети: Нассер и Мансур. Найдя их живыми и здоровыми, Гассан поручил малюток старухе, которая посадила их себе на плечи. Потом, никем не видимая, Сияние взяла три новых плаща из перьев. Надев их, все трое, держась за руки, без сожаления покинули острова Вак-Вак и улетели в Багдад. И спустились они на кровлю своего дома, сошли по лестнице и вошли в залу, где находилась бедная мать Гассана, которая от горя и беспокойства давно одряхлела и почти лишилась зрения. Увидав сына своего с женою и детьми, она упала к ним в объятия. Гассан привел ее в чувство, обливая ее слезами, и нежно прижал ее к груди своей. И Гассан рассказал матери своей обо всех дивных приключениях своих, которые бесполезно повторять. И с этой поры жили они вместе, счастливые и довольные.

Когда Шахразада кончила эту сказку, маленькая Доньязада бросилась к ней на шею и сказала: – О сестра моя, как дивно хороша эта сказка и как приятно было ее слушать! Ах, как люблю я Нераспустившуюся Розу! А Шахразада ответила: – Эта история ничто в сравнении с рассказом об Историческом выстреле! И царь Шахрияр воскликнул: – Что это за выстрел? Я о нем ничего не знаю. И он подумал про себя: «Я казню ее только после того, как она расскажет об этом». В эту минуту Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила пятьсот девяностая ночь, она сказала:

ночь пятьсот девяностая

Этот рассказ, о царь, передан нам «Советом веселых и не соблюдающих приличий людей». Я сейчас же и расскажу его! И Шахразада сказала:

Leon Carré

Совет веселых и не соблюдающих приличий людей

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫСТРЕЛ

Сказывают, что в Йемене жил бедуин Абул-Госсейн, который очень давно уже отказался от кочевой жизни и сделался именитым горожанином и одним из богатейших купцов. В первый раз женился он еще в молодости, но Аллах призвал к себе его жену после года супружества. Поэтому вскоре вступил он в переговоры со старыми женщинами, устроительницами браков, и нашел себе невесту, прекрасную, как луна, когда она отражается в море. По случаю свадьбы задал он пир, на который пригласил всех друзей и знакомых. И все ели, пили, радовались и веселились. И молодую провели семь раз и показали каждый раз в другом платье, и одно было великолепнее другого. Затем старые женщины отвели молодую в брачную комнату и всячески приготовили ее в ожидании супруга. Тогда Абул-Госсейн вошел к новобрачной и приблизился к ложу, на котором скромно ждала его юница, как вдруг... О несчастие! Прочь от нас Нечистая Сила! Все женщины немедленно повернулись к соседкам и заговорили громкими голосами, делая вид, что ничего не слышали, и юница не засмеялась, а принялась звонить в свои браслеты. Но Абул-Госсейн, смущенный до последней степени, вышел во двор под предлогом неотложной надобности, оседлал свою лошадь, вскочил в седло и умчался в сумрак ночи. И жил он в чужих краях десять лет, и каждый раз, как вспоминалось ему неприятное приключение, он гнал от себя это воспоминание, как гонят зловоние. Но к концу десяти лет им овладела тоска по родине. Он нарядился дервишем и пришел в свой родной город.

И встретил он там девочку лет десяти, которая спросила у сидящей рядом старухи: – О матушка, в каком году я родилась? И старуха ответила: – Ты родилась как раз в ту ночь, когда Абул-Госсейн выстрелил, как из ружья! Когда несчастный услышал эти слова, он повернул обратно и провел остаток своей жизни на чужбине. Потом Шахразада в ту же ночь рассказала следующее:

ДВА ШУТНИКА

Рассказывают также, что в былое время в Дамаске жил человек, славившийся своими веселыми проделками и шутками, а другой – пользовавшийся известностью по причине таких же качеств, жил в Каире. Дамасский шутник, много слышавший о каирском, очень желал с ним познакомиться, тем более, что люди беспрестанно говорили ему: – Без сомнения, египтянин гораздо хитрее, умнее, способнее и забавнее тебя! С ним веселее, чем с тобою! И однажды покинул он родной город Дамаск и прибыл в Каир, где нашел соперника своего. И человек из Дамаска сказал человеку из Каира: – Клянусь Аллахом, я приехал, чтобы посмотреть на веселые проделки и шутки, которыми ты беспрестанно смешишь город. Не хочешь ли показать мне свое искусство? И тот согласился. И пошли они вместе, и, проходя по цветочному рынку, составили себе букет из гвоздик, роз, майорана, жасмина, мяты и базилика. И пришли они в мечеть, вошли во двор и против фонтана для омовений увидели сидевших на корточках людей. И человек из Каира сказал человеку из Дамаска: – Если бы тебе предстояло сыграть с ними штуку, как ты бы взялся за это дело? Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот девяносто первая ночь, она сказала:

ночь пятьсот девяносто первая

И тот ответил: – Я как бы нечаянно подошел бы сзади с колючей сеткой и исколол бы им спины! Но человек из Каира сказал: – Эта шутка тяжеловесна и груба. Право, неделикатно так шутить! И, сказав это, он с любезным видом подошел к сидевшим людям и каждому предложил пучок цветов. И всякий отвечал ему в крайнем негодовании: – Да разве мы на пиру сидим? А все, собравшиеся во дворе мечети, при виде их негодующих лиц покатывались со смеха. Тогда человек из Дамаска сказал человеку из Каира: – Клянусь Аллахом, ты победил меня! И справедлива пословица: «Хитер и тонок как египтянин – он и в игольное ушко пролезет». И в ту же ночь Шахразада рассказала следующее:

ЖЕНСКАЯ ХИТРОСТЬ

Слышала я, что одна женщина высокого звания, муж которой подолгу отлучался из дома, не устояла против соблазна и выбрала себе юношу, и полюбили они друг друга до чрезвычайности. Но однажды седобородый шейх пристал к юноше с недостойными предложениями, а юноша за это ударил его по лицу. А шейх пожаловался вали на такое обращение, и тот заключил юношу в тюрьму. Тогда молодая женщина отправилась к вали похлопотать за юношу, назвав его своим братом. А вали, прельстившись ею, сказал: – Я готов освободить твоего брата! Но сперва войди в гарем моего дома, куда я приду поговорить с тобой об этом деле! Но она поняла, чего он хочет, и сказала себе: «Клянусь Аллахом! Ты коснешься меня лишь тогда, когда перестанут расти абрикосы». И она ответила: – Лучше было, если бы ты сам пришел переговорить ко мне в дом. И вали беспредельно обрадовался этому, а она объяснила, как найти ее жилище. И вышла она от вали, взволнованного, как бурное море, и отправилась к городскому кади. Где повторилась та же история. Потом она пошла к царскому визирю, который тоже пригласил ее в свой гарем и которого она пригласила к себе в дом. Потом она отправилась к царю того города, который тоже подумал: «О Аллах! Какой лакомый кусочек!» И она попросила его отдать приказ об освобождении несправедливо заключенного в тюрьму брата, пригласив царя быть гостем в ее доме. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот девяносто вторая ночь, она сказала:

ночь пятьсот девяносто вторая

Затем женщина отправилась к столяру и сказала ему: – Сегодня вечером пришли самой большой шкаф с четырьмя ярусами, расположенными один над другим, и чтобы в каждом ярусе была отдельная дверь, которую можно было бы хорошенько запирать на висячий замок! Столяр ответил: – Клянусь Аллахом, о госпожа моя, шкаф не может быть готов к вечеру! Но она сказала: – Я заплачу, сколько захочешь! И столяр ответил: – В таком случае все будет готово. Но не нужно мне ни золота, ни серебра, о госпожа моя, заплати мне иным образом, ты понимаешь каким. На такие слова столяра молодая женщина ответила: – О благословенный плотник, не понимаешь ты ничего! Клянусь Аллахом, разве пригодна эта жалкая комната за твоей лавкой для такой беседы, какую ты желаешь повести? Приходи лучше сегодня вечером ко мне в дом, после того как отошлешь шкаф, и ты найдешь меня готовой пробеседовать

с тобою до утра! Но шкаф ты сделаешь уже не в четыре, а в пять ярусов. Мне нужно именно пять для того, чтобы спрятать в него все, что имею! И, оставив ему свой адрес, она вернулась домой и стала ждать приглашенных. И не успели носильщики принести заказанный шкаф, как постучался к ней вали того города. И подала она ему, как на пирах распутных людей, платье из желтого шелка и колпак такого же цвета. Но когда вали нарядился в это платье и приготовился веселиться, в дверь кто-то сильно постучал. И женщина сказала испуганному вали, что это внезапно вернулся ее муж, и спрятала его в нижнем ярусе шкафа. А стучавший был кади. Его она нарядила в красное платье с колпаком. Но едва он подписал приказ об освобождении ее брата, снова постучали у дверей. И молодая женщина закричала: – Это возвращается муж мой! И заставила она кади влезть во второй ярус шкафа, а сама пошла отворять двери. То пришел визирь. И с ним случилось то же самое, что и с двумя первыми посетителями; и наряженный в зеленое платье и в зеленый колпак, он был втиснут в третий ярус шкафа в ту самую минуту, как явился, в свою очередь, и царь того города. И царя нарядили в голубое платье и голубой колпак, а в ту минуту, как он хотел исполнить то, зачем пришел, в дверь постучали. Молодая женщина перепугалась, и пришлось царю лезть в четвертый ярус шкафа, где он и присел в весьма неудобном положении, так как был очень толст.

Тогда вошел столяр и в виде платы за шкаф хотел броситься на молодую женщину. Но она сказала ему: – Зачем ты сделал пятый ярус шкафа таким маленьким? А он ответил: – Клянусь Аллахом! Туда можно поместить даже меня! И в доказательство своих слов столяр влез на пятый ярус, где и был заперт на ключ. Тогда молодая женщина взяла приказ, данный ей кади, и пошла освобождать своего юношу из тюрьмы. А тем временем возвратился супруг молодой женщины. И он спросил соседей, почему никто ему не открывает. Но они не могли ничего сказать. Тогда, после напрасных ожиданий, все вместе выломали они двери и вошли в дом, но в доме было пусто, и стоял только один шкаф, откуда слышались голоса. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот девяносто третья ночь, она сказала:

ночь пятьсот девяносто третья

Тогда они убедились, что в нем поселились джины и предложили сжечь шкаф со всем, что в нем заключалось. Но из шкафа послышался голос кади: – Остановитесь, добрые люди! Мы не джины и не воры! И в коротких словах рассказал он о хитрости, жертвой которой они все сделались. Тогда соседи освободили пятерых заключенных, и, увидав их в странных одеяниях, никто не мог удержаться от смеха. А царь, чтобы утешить мужа, у которого убежала жена, назначил его вторым визирем! Окончив так рассказ свой, Шахразада сказала царю Шахрияру: – Но не думай, о царь, что все это может сравниться с рассказом о Сне наяву. И она продолжила...

СОН НАЯВУ

В былые времена жил в Багдаде молодой человек по имени Абул-Гассан. Каждый вечер он приглашал к себе домой прохожего чужеземца и угощал, как только мог лучше. Однако на другой день он говорил: – О гость мой, знай, что я поклялся не видеться два дня подряд с одним и тем же чужеземцем, хотя бы он был обаятельнейший из людей. Поэтому я должен расстаться с тобою; и прошу тебя – если встретишь меня на багдадских улицах, сделай вид, что не узнаешь меня! И вот однажды перед заходом солнца он заметил богатого купца, одетого по обычаю купцов из Моссула и сопровождаемого рабом внушительного вида. Был же это переодевшийся халиф Гарун-аль-Рашид, но Абул-Гассан, не узнав его, пригласил к себе в дом, в нескольких словах рассказав о своем обычае. И когда халиф выслушал Абул-Гассана, он пожелал с ним поближе познакомиться и принял его предложение. И в тот вечер мать Гассана подала им поджаренные в масле и начиненные рубленым мясом лепешки, потом гуся, начиненного изюмом и фисташками и, наконец, соус с голубями! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот девяносто четвертая ночь, она сказала:

Затем мать Гассана принесла подносы, полные изюма, фиников и груш, а когда они приступили к напиткам, халиф сказал Абул-Гассану: – О господин мой, теперь, когда между нами уже стояли хлеб и соль, не скажешь ли, какая причина заставляет тебя так поступать с незнакомыми тебе чужеземцами? И Абул-Гассан ответил: – Знай, что отец мой после смерти своей оставил мне состояние, позволявшее

жить в полном довольстве. Тогда я разделил полученное наследство на две части: одну я обратил в золото, другую оставил в недвижимости. И стал я полными горстями сыпать золото в обществе сверстников, которых я угощал с щедростью эмира. И жизнь наша была полна наслаждений и удовольствий. Но к концу первого же года у меня не осталось ни одного динария, а когда я захотел просить о помощи друзей моих, то увидел, что они все исчезли. Тогда я поклялся никогда не общаться с моими земляками и давать гостеприимство только чужеземцам. И поняв, что продолжительные связи мешают вкушать во всей полноте радости дружбы, я поклялся никогда не видеть два дня подряд одного и того же чужеземца у себя в доме. Выслушав это, халиф сказал: – Клянусь Аллахом, я восхищаюсь тобой чрезвычайно, но то, что ты сказал мне о завтрашней разлуке нашей, причиняет мне огорчение. И потому мне хотелось чем-нибудь выразить свою благодарность за оказанное тобой гостеприимство. Прошу тебя, выскажи какое-нибудь желание, и я клянусь исполнить его. И не бойся пожелать слишком многого, так как милостью Аллаха я богатый купец и с Его помощью ничто не покажется мне слишком обременительным. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот девяносто пятая ночь, она сказала:

ночь пятьсот девяносто пятая

На эти слова Абул-Гассан ответил: – Благодарю тебя за доброе желание, но я доволен своею участью и не знаю, чего просить! Халиф же возразил: – Именем Аллаха, не отвергай моего предложения, иначе я уйду с огорченным сердцем. Тогда Абул-Гассан, видя, что нельзя отказываться, воскликнул: – Хорошо, я придумал! Но, без сомнения, желание мое безумно и один только халиф мог бы его исполнить! Или же я сам мог бы исполнить его, сделавшись хотя бы на один день халифом вместо господина нашего Гаруна-аль-Рашида! И халиф спросил тогда: – И что бы ты сделал, если бы на один день превратился в халифа? Абул-Гассан же ответил: – Во главе участка, в котором я живу, стоит такой безобразный и гнусный человек, что, без сомнения, он родился от гиены и борова. От него разит смрадом, потому что рот его не рот, а помойная яма; рыбьи глаза его косят во все стороны и готовы вывалиться к его ногам; распухшие губы его имеют вид злокачественной язвы, а когда он говорит, то брызжет слюной; уши у него, как у борова; щеки его похожи на обезьяний зад; челюсти его беззубы, и тело его поражено всякого рода болезнями от гнусных привычек. Нет мерзости, которую он бы не совершил, нет клеветы, которую он бы не распространил, а так как душа его переполнена всякою мерзостью, то его старушечья злость обрушивается на честных, смирных и опрятных людей. И два его подельника не лучше. И если бы я сделался на один день эмиром правоверных, я не старался бы ни разбогатеть, ни обогатить своих родных, но поспешил бы избавить наш участок от этих ужасных негодяев. Таким путем я возвратил бы спокойствие

жителям нашего квартала. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот девяносто шестая ночь, она сказала:

ночь пятьсот девяносто шестая

Выслушав речь Абул-Гассана, халиф сказал ему: – Я уверен, что если бы эмир правоверных узнал о твоем желании, он поспешил бы передать тебе свою власть на один день! Но Абул-Гассан ответил: – Клянусь Аллахом! Все, что мы говорим теперь, только шутки! И я уверен, что, если бы халиф узнал о моем странном желании, он велел бы посадить меня в дом умалишенных. Тогда халиф взял кубок и налил в него вина, ловким движением всыпав в него критского банжа высшего качества, и он сказал Гассану: – Выпей на здоровье и на удовольствие! И тот осушил кубок одним глотком. И банж тотчас же подействовал, и Абул-Гассан повалился на пол головою вперед. Тогда халиф велел находившемуся при нем рабу взвалить Абул-Гассана себе на плечи и принести его во дворец. И раб по приказу надел на него ночные одежды халифа и уложил на его постель. Тогда халиф созвал всех своих придворных и сказал им: – Завтра утром вы все должны обращаться с этим человеком совершенно так же, как обращаетесь со мною. Называйте его эмиром правоверных и не перечьте ему ни в одном из его желаний. И выслушав приказ халифа, все присутствовавшие отвечали: – Слышать – значит повиноваться! Тогда Аль-Рашид сказал Джафару и меченосцу Масруру, которые оставались в комнате: – Вы слышали мои слова. Делайте вид, что принимаете его за меня, как бы он ни разуверял вас. Награждайте, наказывайте, вешайте, убивайте, назначайте на должности, увольняйте, исполняя все его приказания, а я спрячусь поблизости и буду видеть и слышать все, что будет происходить! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот девяносто седьмая ночь, она сказала:

ночь пятьсот девяносто седьмая

На следующее утро халиф поспешил спрятаться за занавесом в комнате, где спал Абул-Гассан. А Джафар, Масрур и все вельможи, дамы и невольники заняли обычные места сообразно своим званиям. И заранее назначенный невольник подошел к Абул-Гассану и поднес ему под нос тампон с уксусом. И тот вышел из своего оцепенения и открыл глаза. Но, увидав себя на роскошном ложе из красной с золотом

парчи в окружении визирей, эмиров, черных евнухов и музыкантов, он снова закрыл глаза, так как был убежден, что окружавшее его – сонная греза. Но в эту самую минуту визирь Джафар, троекратно поцеловав землю, сказал ему почтительным голосом: – О эмир правоверных, позволь рабу твоему разбудить тебя – час утренней молитвы настал! При этих словах Абул-Гассан протер глаза, ущипнул себя за руку так сильно, что закричал от боли, и сказал себе: «Клянусь Аллахом, это не сон! Я стал халифом!» И сел он на постели очарованный и в величайшем изумлении и говорил себе: «О Аллах! Не странно ли это? Где же ты, Абул-Гассан? Грезишь ты или нет? С каких пор у тебя этот дворец, эта постель, эти вельможи, евнухи и очаровательные певицы?»

В эту минуту меченосец Масрур приблизился к постели, троекратно поцеловал землю и сказал Гассану: – О эмир правоверных, позволь последнему из рабов твоих сказать, что время идти в совет заниматься делами царства! Приходивший все в большее изумление Абул-Гассан не знал, на что решиться и, наконец, бросив свирепый взгляд на Масрура, гневно спросил его: – Кто ты такой? И кто я? И Масрур почтительно ответил: – Ты господин наш, эмир правоверных, халиф Гарун-аль-Рашид, потомок дяди Пророка. А говорящий с тобою – бедный, презренный, ничего не значащий Масрур, почтенный великой обязанностью носить меч воли нашего господина. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот девяносто восьмая ночь, она сказала:

ночь пятьсот девяносто восьмая

Выслушав эту речь, Абул-Гассан упал на подушки и корчился от смеха так, что ноги закидывались у него за голову. А за занавесом Гарун-аль-Рашид надувал щеки, чтобы заглушить встряхивающий его смех. Немного успокоившись, Гассан знаком подозвал к себе одну из молодых невольниц и, протянув ей палец, сказал: – Укуси меня, и я увижу, сплю я или нет! А девушка, знавшая, что халиф видит и слышит все, сказала себе: «Вот случай показать эмиру, что я могу сделать для его развлечения». И, стиснув зубы изо всей силы, она прокусила палец Гассан до кости. И тот, закричав от боли, воскликнул: – Ай! Теперь вижу, что не сплю! И он спросил у девушки: – Можешь ли сказать, что узнаешь меня? И невольница ответила: – Ты господин мой, эмир правоверных, Гарун-аль-Рашид, наместник Аллаха! При этих словах Абул-Гассан воскликнул: – Ну вот, в одну ночь ты сделался наместником Аллаха, о Абул-Гассан! В эту минуту старший евнух подошел к постели и, троекратно поцеловав землю, сказал: – Да простит меня господин наш! Но в этот час господин наш отправлялся обыкновенно в кабинет удобств! И, взяв его под руку, он помог ему встать с постели. И как только встал он на ноги, вся комната и весь дворец задрожали от крика, которым приветствовали его присутствовавшие: – Да дарует Аллах победу халифу! Тогда Гассан, подумав немного, громким

Léon Carré

и решительным голосом закричал присутствующим: – Я не Абул-Гассан! Пусть посадят на кол того, кто говорит, что я Абул-Гассан! Я сам Гарун-аль-Рашид!

И в это время приблизился к нему Джафар, и достал он из-под плаща большую связку бумаг, и стал читать их одну за другою – то были прошения. Но Абул-Гассан ни на минуту не затруднился ими, хотя и никогда не занимался подобными делами. О каждом деле он высказывался с таким тактом и чувством справедливости, что халиф, спрятавшийся за занавесом в тронной зале, был поражен и удивлен. Когда Джафар закончил доклад, Гассан призвал к себе начальника полиции и сказал ему: – Возьми стражников и ступай в такой-то участок на такую-то улицу, в такой-то дом. Там ты найдешь скверную свинью – шейха того участка и двух его товарищей, таких же гнусных каналий. Задержи их и, чтобы приучить их к тому, что им придется испытать, начни с того, что дай каждому из них по четыреста палок по подошвам! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила пятьсот девяносто девятая ночь, она сказала:

ночь пятьсот девяносто девятая

Затем ты посадишь их на шелудивого верблюда, и проведешь по всему городу, и велишь глашатаю кричать: – Вот начало наказания клеветников, обидчиков женщин и тех, кто плюет на честных людей! После этого ты утопишь их в выгребной яме, находящейся при доме соседа его, Абул-Гассана. Выслушав эти слова, начальник полиции Ахмед-Короста, получивший от Джафара предписание исполнять все приказания Абул-Гассана, поцеловал землю между его рук и вышел из тронной залы. Гассан же продолжал назначать, увольнять и решать текущие дела до тех пор, пока не вернулся начальник полиции. И спросил его Абул-Гассан: – Исполнил ли ты мой приказ? И начальник полиции вынул из-за пазухи протокол о приведении приговора в исполнение. Тогда Абул-Гассан подозвал главного казначея и сказал ему: – Возьми мешок с тысячью золотыми динариями, найди в том участке дом Абул-Гассана и скажи его матери: – Этот мешок с золотом посылает тебе господин наш халиф. Этот подарок ничтожен в сравнении с твоими достоинствами. Но в настоящее время казна пуста, и халиф сожалеет, что сегодня не может сделать для тебя больше! И главный казначей ответил, что слышит и повинуется, и поспешно ушел исполнять приказ.

Затем великий визирь Джафар и меченосец Масрур помогли Гассану встать, взяв его один под правую, а другой под левую руку. И отвели они его до дверей внутренних женских покоев, где был подан обед. И дежурные дамы заменили тотчас же Джафара и Масрура и ввели его в залу пиршества. И раздались чарующие звуки лютен, гитар, флейт, гобоев и кларнетов, сопровождавших свежие голоса молодых девушек так мелодично и так стройно, что беспредельно восхищенный Абул-Гассан не знал, на что решиться, и наконец, сказал себе: «Теперь невозможно более сомневаться!

Я действительно эмир правоверных Гарун-аль-Рашид. Все это не может быть сном. Иначе как бы мог я слышать, чувствовать, ходить? Эти почести, это внимание, все для меня! Я – халиф!» Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестисотая ночь, она сказала:

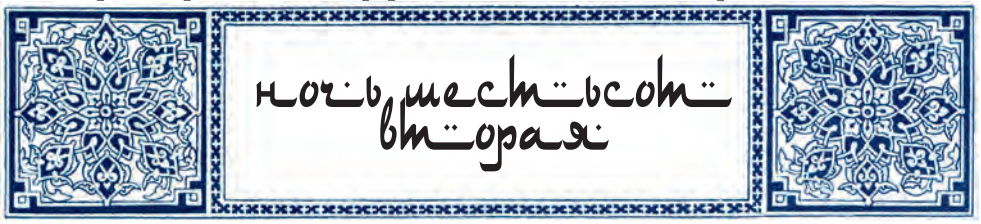
ночь шестисотая

И посмотрел он вправо и влево; и то, что он увидел, еще более утвердило в нем уверенность в его царском достоинстве. Золото блестело повсюду, приятнейшие краски сплетались в разнообразные узоры на обивке стен и коврах, а золотые люстры с семью шандалами проливали несравненный свет. Посреди залы на низких табуретках стояли большие подносы, покрытые дивными яствами, а вокруг стояли, ожидая приказаний, семь девушек ослепительной красоты, одетые в платья разных цветов и покроев. И начал он есть, но вскоре заметил, что девушки не смеют прикасаться к пище. И просил он их не стесняться, собственноручно предлагая им отборные куски. Потом спросил каждую, как ее зовут, и они ответили: – Нас зовут Зерно Мускуса, Алебастровая Шея, Розовый Лепесток, Сердце Граната, Коралловый Ротик, Мускатный Орех и Сахарный Тростник! Услышав такие прелестные имена, он воскликнул: – Клянусь Аллахом, эти имена так подходят вам! И продолжал он во все время трапезы говорить им любезности, что спрятавшийся за занавесом халиф, не раз поздравил себя с тем, что устроил себе такое развлечение. Когда трапеза была кончена, девушки удалились, а евнухи отдернули широкий занавес, за которым открылась другая зала, где были поданы плоды на золотых подносах. Восхищенный Абул-Гассан увидел ряды разнообразных редких и превосходнейших плодов. Перед каждым подносом стояла молодая девица, одна другой прекраснее и наряднее. И Абул-Гассан рассмотрел их одну за другою и был восхищен их красотою. И пригласил он их сесть вокруг него, и, чтобы заставить их есть, подавал он им то смокву, то гроздь винограда, то ломтик арбуза, то банан. Халиф же все слышал, и много забавлялся, и был все более и более доволен, наблюдая Абул-Гассана во всех проявлениях его нрава. Когда же Абул-Гассан отведал всех плодов на подносах, он поднялся с места и, поддерживаемый евнухами, перешел в третью залу, которая была, несомненно, красивее двух первых. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот первая ночь, она сказала:

ночь шестьсот первая

десь стояли семь больших подносов, на которых в хрустальных банках и серебряных позолоченных тазиках было превосходное варенье всех цветов и всех сортов. Гассан отведал понемногу ото всех ароматных сладостей и угостил ими девушек, которых опять-таки пригласил составить ему компанию. И каждой из них сумел он сказать приятное слово, в ответ на спрошенное имя. Четвертая зала была самая удивительная. Под спускавшимися с потолка золотыми люстрами стояли семь молодых девушек в легких шелковых одеяниях. Все они имели разный цвет кожи и не походили одна на другую: первая была темнокожая, вторая черная, третья белая, четвертая имела кожу золотистого цвета, пятая была полна, шестая худощава, у седьмой были рыжие волосы. Абул-Гассану тем легче было рассматривать их, что формы их явственно выделялись под прозрачной, тонкой тканью. И одна из девушек незаметно бросила в кубок щепоть сонного порошка и сказала: – О эмир правоверных, выпей этот кубок, он развеселит тебя! И Гассан разом осушил кубок, пролепетал что-то невнятное и свалился на пол.

Тогда халиф вышел из-за занавеса, едва стоя на ногах от смеха. Он приказал подбежавшим невольникам снять с Гассана царское одеяние и надеть на него его прежнее платье. Затем он позвал раба, унесшего Гассана, и приказал ему снова взвалить его на плечи, отнести домой и положить на кровать. Халиф же говорил себе: «Если бы это продолжалось, то я или умер бы от смеха, или сошел бы с ума». И раб, взвалив себе на плечи Абул-Гассана, вынес его из дворца через потайную дверь и поспешил отнести его на его кровать, в его дом; и, уходя, затворил дверь. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот вторая ночь, она сказала:



бул-Гассан проспал до следующего полудня и, не открывая глаз, подумал: «Изо всех девушек я предпочитаю Сахарный Тростник, затем Коралловый Ротик и только на третье место ставлю Жемчужную Связку, белокурую, которая подавала мне последний кубок вчера». Но, открыв глаза, он увидел себя в своей комнате, и вообразив, что грезит именно теперь, он закричал во все горло: – Где ты, Джафар, и ты, Масрур, собачий сын! На этот крик прибежала его мать, и Гассан закричал ей: – Кто ты, старая женщина? Она же сказала: – О Аллах, я мать твоя! А ты мой сын Абул-Гассан! Ты, кажется, не узнаешь меня? Но Абул-Гассан закричал ей: – Ступай прочь, проклятая! Ты говоришь с эмиром правоверных Гарун-аль-Рашидом! Услышав это, старуха воскликнула: – Молю тебя, не кричи таких безумных слов! Соседи услышат, и мы пропали! Отгони от себя опасные сны, которые тебе привиделись, и выпей, чтобы успокоиться, воды из этого кувшина! И Гассан выпил воды и сказал несколько успокоившись: – Может быть, и в самом деле я Абул-Гассан!

Но какими чарами влезли мне в голову все эти безумства? В ответ старуха сказала: – Слушай, сын мой, что расскажу тебе! Это, я уверена, доставит тебе большое удовольствие. Знай, что начальник полиции приходил вчера от имени халифа арестовать шейха нашего участка и его двух помощников; им дали каждому по четыреста палок по подошвам и водили по городу на шелудивом верблюде, лицом к хвосту, а женщины и дети плевали на них и свистали. После этого всех троих бросили в нашу выгребную яму! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот третья ночь, она сказала:

ночь шестьсот третья

Но Абул-Гассан, выслушав этот рассказ, лишь утвердился в мысли о своем наследственном достоинстве эмира правоверных. И сказал матери: – О злосчастная старуха! Знай, что это я сам дал приказ начальнику полиции Ахмеду-Коросте наказать трех негодяев нашего участка! После этих слов мать, уже не сомневаясь, что сын ее сошел с ума, стала громко жаловаться и ударять себя в грудь от отчаяния. При виде этого Абул-Гассан, не помня себя от бешенства, закричал громовым голосом: – Я Гарун-аль-Рашид, а если ты сомневаешься в этом, то я вобью тебе в голову эту уверенность палкой! На это мать сказала ему: – О сын мой, как ты мог забыть уважение к матери, девять месяцев носившей тебя под сердцем своим и кормившей тебя грудью! И как ты можешь быть так неблагодарен халифу, который прислал мне с казначеем мешок с золотом, да еще извинялся, что сумма невелика!

После таких слов у Абул-Гассан исчезли последние сомнения относительно своего звания, и он окончательно убедился, что всегда был халифом, так как сам послал мешок с золотом матери Абул-Гассана. И уже не в силах более сдержать себя, он бросился на мать с палкой и принялся осыпать ее ударами, крича, что он халиф Гарун-аль-Рашид. И бедная мать завыла, призывая на помощь соседей, и крича: – О беда моя! Скорей сюда, мусульмане! А Гассан, которого эти крики приводили только в еще сильнейшее раздражение, продолжал осыпать ударами старуху, приговаривая время от времени: – Эмир правоверных я или нет? Мать же, несмотря на удары, отвечала: – Ты сын мой Абул-Гассан Беспутный! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот четвертая ночь, она сказала:

ночь шестьсот четвертая

Между тем соседи, сбежавшись на крик, отняли палку у Гассана и возмущенно спрашивали: – Не с ума ли ты сошел, что поднял руку на мать свою? Тот же, сверкая от бешенства глазами, кричал в ответ: – Собачьи дети, ступайте прочь! Я ваш господин, халиф Гарун-аль-Рашид! Услышав это, соседи убедились в его безумии. Они связали ему руки и ноги и, не обращая внимания на его сопротивление, повели в больницу для умалишенных. Там служители заперли его в клетку и для начала лечения угостили пятьюдесятью ударами хлыста. И с того дня он ежедневно получал по пятьдесят ударов, так что по прошествии десяти дней переменил кожу, как змея. Тогда он одумался и подумал: «Должно быть, я неправ, раз все считают меня сумасшедшим. Но не сон же все, что случилось во дворце! Не стану более раздумывать об этом, а то в самом деле лишусь рассудка».

И когда его мать, вся в слезах, пришла проведать его и узнать, опомнился ли он от своего заблуждения, он ответил на ее привет спокойным голосом, как человек в полном разуме: – Спасение и милосердие Аллаха, и благословение Его над тобою, о мать моя! И мать, глубоко обрадованная, что он называет ее матерью, сказала: – Благословен Аллах, возвративший тебе разум и установивший потрясенный мозг твой! Гассан же с глубоким сокрушением ответил: – Прошу прощение у Аллаха и у тебя, о мать моя! Не понимаю, как мог я держать такие безумные речи. Верно Шайтан вселился в меня и подтолкнул меня на это! Без сомнения, другой человек совершил бы еще большие безумства! Но все это кончено, и я опомнился от своего заблуждения! При этих словах мать почувствовала, как слезы печали превращаются у нее в слезы радости и воскликнула... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот пятая ночь, она сказала:

ночь шестьсот пятая

Дитя мое, сердце мое возрадовалось, как будто я во второй раз произвела тебя на свет! Благословен Аллах во веки веков! Ты ни в чем не виноват, ведь все злое, случившееся с нами, произошло от иностранного купца, которого ты пригласил в ту ночь есть и пить с тобою и который ушел от нас утром, не заперев за собою двери. А ты знаешь, что каждый раз, как дверь остается отворенной до восхода солнца, Шайтан входит в дом и вселяется в его обитателей! И Абул-Гассан ответил: – Ты права! Это дело Шайтана! Тогда мать Абул-Гассана пошла за привратником, и тот, убедившись, что сын ее пришел в себя, вывел его из клетки и освободил от цепей. И, едва держась на ногах, Гассан добрел домой и пролежал там несколько дней, пока не зажили его раны от полученных ударов. Тогда он решил вести прежнюю жизнь и пошел на мост ждать нового чужеземного гостя.

А именно в этот день Гарун-аль-Рашид снова переоделся купцом и тайно вышел из своего дворца в поисках

Léon Carré

какого-нибудь приключения. И халиф, узнавший через своих соглядатаев о том, что пришлось испытать Абул-Гассану в доме умалишенных, решил вознаградить его за все им претерпленное и отблагодарить за удовольствие, испытанное в его обществе. Поэтому он пришел на мост, подошел к Гассану и сказал ему: – Селам тебе, друг мой! Душа моя желает обнять тебя! В ответ же Гассан воскликнул негодующим тоном – Ступай своей дорогой, о зловещее лицо, причина всех моих бед! Ступай прочь и покажи мне ширину своей спины! Но халиф обнял Гассана и сказал ему: – Ах, друг мой! Если правда, что мое присутствие было причиной несчастья для тебя, я готов загладить невольно причиненный тебе ущерб. Расскажи мне, что пришлось тебе испытать, чтобы я мог помочь твоему горю! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот шестая ночь, она сказала:

ночь шестьсот шестая

Тогда Абул-Гассан, покоренный ласковым обращением, рассказал обо всем, что видел в действительности и что сделал внушением Шайтана, а также о тех мучениях, которые вытерпел в доме умалишенных, и о скандале, произведенном всем этим делом в квартале, и о дурной славе, упрочившейся за ним среди соседей! И он засучил рукава, обнажил плечи и спину и показал халифу рубцы от ударов. Тогда халиф почувствовал сострадание к несчастному Абул-Гассану, и он сказал ему: – Именем Аллаха, брат мой, приведи меня еще раз на ночь в дом свой, и Аллах вознаградит тебя сторицей! В ответ же Гассан сказал: – Я уступаю твоим настояниям, хотя и весьма неохотно. Взамен я прошу только, чтобы ты не забыл запереть за собою дверь, когда будешь уходить утром! И халиф клятвенно обещал это.

Когда они вошли в дом, невольник подал им ужин и напитки. И вскоре мозги их оживились под влиянием винных паров. Тогда халиф ловко навел разговор на любовные темы и спросил своего хозяина, приходилось ли ему влюбляться. И Абул-Гассан ответил: – Я умею оценить достоинства женщины, в особенности если она похожа на одну из тех девушек, которую показал мне Шайтан в одном из фантастических снов. Если бы я встретил такую девушку, я женился бы на ней! Но такого рода женщины встречаются лишь у эмира правоверных или разве только у великого визиря Джафара! Сказав это, Гассан залпом осушил кубок, который налил и подал ему халиф, и сейчас же свалился на ковер. Ведь халиф и на этот раз подмешал к вину немного критского сонного порошка. И тотчас же, по знаку своего господина, невольник взвалил к себе на спину Абул-Гассана и вышел из дома, а халиф на этот раз не забыл тщательно притворить за собою дверь. И пришли они во дворец и пробрались во внутренние покои через потайную дверь. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот седьмая ночь, она сказала:

ночь шестьсот седьмая

Тогда халиф велел положить Абул-Гассана на свою кровать, как и в первый раз, и велел переодеть его так же, как и тогда. И отдал он такие же, как и в прошедший раз, разнообразные приказания, и утром спрятался за занавес. И когда Абул-Гассан открыл глаза, он увидел себя окруженным двадцатью восемью девушками, которых он видел тогда в различных залах по семи в каждой; и в один миг узнал он их так же, как и комнату, обивку стен и убранство. Широко открыв глаза, сел он на постели и несколько раз провел рукою по лицу, чтобы убедиться, что не спит, и воскликнул: – Горе тебе, Абул-Гассан! Теперь это сонное видение, а завтра – воловьи жилы, цепи, больница для сумасшедших и железная клетка! О гнусный купец! Ты, наверное, опять забыл запереть дверь и впустил Шайтана, а с ним и наваждение в мой дом. Потом он зажмурился, затем снова открыл глаза и воскликнул: – О бедный Абул-Гассан! Всего лучше для тебя было бы заснуть и проснуться лишь тогда, когда Злой Дух выйдет из твоего тела! При этом он закрылся одеялом с головою и, чтобы уверить себя, что спит, принялся храпеть, как верблюд. И видя, и слыша это из-за занавеса, халиф едва не задохнулся от смеха.

Абул-Гассану же не удалось уснуть, потому что Сахарный Тростник, следуя полученным инструкциям, села на краю кровати и милым своим голоском сказала: – О эмир правоверных, предупреждаю твое высочество, что настал час утренней молитвы! Но Абул-Гассан закричал глухим голосом из-под одеяла: – Да смутится лукавый! Прочь от меня, Шайтан! Но нисколько не смутившись, Сахарный Тростник продолжала: – Эмиру правоверных, без сомнения, приснился дурной сон! Не Шайтан говорит с тобою, а я, маленькая Сахарный Тростник, о эмир правоверных! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот восьмая ночь, она сказала:

ночь шестьсот восьмая

При этих словах Абул-Гассан отбросил одеяло и увидел, что на краю постели сидит его любимица, Сахарный Тростник, а перед ним стоят и другие девушки. Увидав их всех, он протер глаза так, что едва не вдавил их себе в череп и воскликнул: – Кто вы? И кто я? И все хором отвечали: – Слава господину нашему, халифу Гаруну-аль-Рашиду, эмиру правоверных, царю мира! Абул-Гассан же сказал себе: «Сейчас увижу, сплю я или

нет». И он сказал Сахарному Тростнику: – Подойди сюда, милая, и укуси меня за ухо! И та впилась своими зубками в его мочку так жестоко, что он завыл ужаснейшим образом и воскликнул: – Да, разумеется, я эмир правоверных, сам Гарун-аль-Рашид! И он отбросил одеяло, спрыгнул с кровати, сорвал с себя одежду и принялся отплясывать среди всеобщего смеха и шума. И стоявший за занавесом халиф уже не в силах был сдерживать смех и, раздвинув занавес, закричал: – О Абул-Гассан! Ты, верно, поклялся уморить меня от смеха! И остолбеневший вместе с другими Абул-Гассан остановился, увидел халифа, и тотчас узнал в нем купца из Моссула.

Тогда, с быстротой сверкнувшей молнии он разгадал шутку. Но, не растерявшись, Абул-Гассан подошел к халифу и громко на него закричал: – А, так вот где ты, купец! Погоди, я покажу тебе, как оставлять незапертыми двери в домах честных людей! Халиф же засмеялся во все горло и ответил: – Клянусь, брат мой, я вознагражу тебя за все причиненные тебе неприятности! Говори, и все, что ни попросишь, будет исполнено! И Абул-Гассан поцеловал землю между рук халифа, и, подумав, ответил: – Я хочу попросить позволить мне всю жизнь мою прожить под сенью халифа! И чрезвычайно тронутый бескорыстием Абул-Гассана, халиф сказал: – С этой минуты выбираю тебя своим товарищем и братом и разрешаю тебе свободный вход и выход во дворец во всякий час дня и ночи, не спрашивая аудиенции и пропуска. И халиф назначил Абул-Гассану роскошное помещение во дворце и в виде первого жалованья выдал ему десять тысяч золотых динариев. И обещал ему, что сам будет заботиться о том, чтобы он ни в чем не нуждался. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот девятая ночь, она сказала:

ночь шестьсот девятая

Тогда Абул-Гассан побежал к матери и объяснил ей, как халиф сыграл с ним всю эту штуку для своего развлечения. Затем он вернулся во дворец, где не только не сделался дерзким и надменным, но стал еще более веселым человеком, который каждый день развлекал халифа и придворных своими речами и шутками. И однажды Сетт-Зобейда сказала супругу: – Ты, верно, заметил, что Абул-Гассан и Сахарный Тростник обмениваются взглядами, в которых выражается любовь. Что думаешь ты о браке между ними? И халиф ответил: – Не вижу препятствий. И он немедленно позвал кади и свидетелей, которые написали брачный договор. По этому случаю во дворце даны были большие празднества, по окончании которых супруги могли наслаждаться счастьем в полном спокойствии.

И проводили они жизнь, тратя деньги без счета, и вскоре истратили на пиры и развлечения все, что имели. А халиф, занимаясь государственными делами, забыл назначить Гассану сроки для получения им содержания. Поэтому супруги проснулись однажды и увидели, что им нечем платить отпускавшим им в долг поставщикам. И из скромности не решились

они идти просить халифа или Сетт-Зобейду. Тогда они опустили головы и принялись раздумывать о своем положении, но Абул-Гассан сказал: – Без сомнения, мы были очень расточительны! Но я уверен, что ты не откажешься помочь мне при этих обстоятельствах. Знай же, что нам остается только одно средство выпутаться из затруднения! Это смерть! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот десятая ночь, она продолжила:

ночь шестьсот десятая

При этих словах испуганная Сахарный Тростник воскликнула: – Клянусь Аллахом, я не хочу умирать! Это средство ты можешь употребить для себя одного! А Гассан ответил: – Если бы вместо быстрого ответа ты спросила бы у меня разъяснения, то обрадовалась бы этой смерти! Ведь нам предстоит умереть мнимою смертью! Тогда Сахарный Тростник рассмеялась и спросила: – А как же это сделать? А он ответил: – Как только я притворюсь мертвым, ты завернешь меня в саван, и начнешь издавать пронзительные крики, и раздирать на себе одежду! Когда ты приведешь себя в полный беспорядок, иди к своей госпоже Сетт-Зобейде и расскажи ей о моей смерти; и ты увидишь, как войдет золото к нам в дом! На это Сахарный Тростник ответила: – На такую смерть можно согласиться! Я помогу тебе! А каким образом я должна умереть? А он ответил: – Начни с того, что я тебе сказал теперь. А затем нам поможет Аллах! И он растянулся посредине комнаты, притворившись умершим.

Тогда Сахарный Тростник исполнила все, что приказал Абул-Гассан, и с лицом, желтым как шафран, и с распущенными волосами, она отправилась к Сетт-Зобейде и так застонала, что могла растрогать каменную скалу. И та не усомнилась, что смерть похитила мужа у ее любимицы. И после выражений соболезнования, она позвала свою казначею и сказала ей: – Возьми из моих денег десять тысяч золотых динариев и принеси их этой убитой горем женщине, чтобы она могла похоронить своего мужа. И казначея велела нагрузить мешок с золотом на плечи одного из евнухов, который отнес его в покои Абул-Гассана. И убитая горем Сахарный Тростник поцеловала руку у своей госпожи и возвратилась в свои покои. Тогда Абул-Гассан освободился от савана и сказал своей супруге: – Теперь твоя очередь умирать, а моя – добывать второй мешок! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот одиннадцатая ночь, она сказала:

ночь шестьсот одиннадцатая

И он закутал жену в саван и велел ей не подавать признаков жизни. После этого он, раздирая одежды и дергая себя за бороду, вбежал к халифу и закричал: – О бедная Сахарный Тростник! Что станется со мною без тебя? И халиф понял, что Гассан пришел известить о смерти жены своей, и он был чрезвычайно огорчен и не мог удержаться от горючих слез. Потом ему пришла та же мысль, как и Сетт-Зобейде; он позвал казначея и сказал ему: – Выдай десять тысяч динариев Абул-Гассану на погребение умершей супруги его! И казначей поспешил исполнить приказание. А Гассан принял еще более убитый вид, поцеловал руку у халифа и, рыдая, удалился. Когда он пришел в комнату, где ждала его закутанная в саван Сахарный Тростник, он воскликнул: – Смотри! Вот мой мешок! И он притащил мешок с золотом на середину комнаты, и, освободив Сахарный Тростник от савана, сказал ей: – Но это еще не все! Теперь надо сделать так, чтобы халиф и Сетт-Зобейда не разгневались на нас, когда узнают о нашей плутне! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот двенадцатая ночь, она сказала:

ночь шестьсот двенадцатая

Халиф же отправился к Сетт-Зобейде, чтобы выразить ей свое соболезнование по поводу смерти ее любимой невольницы. Услыхав слова утешения, она чрезвычайно удивилась и воскликнула: – Скорее мне нужно выражать тебе соболезнование! Желаю, чтобы ты на многие годы пережил товарища своего Абул-Гассана! Тогда халиф, обернувшись к Масруру, сказал: – Клянусь Аллахом! Что думаешь ты об этих словах своей госпожи? Я прихожу утешать ее, а она пытается огорчить меня, объявляя заведомо ложное известие. Поговори с ней! И Масрур сказал Сетт-Зобейде: – О госпожа моя, Абул-Гассан жив, он горько оплакивал смерть жены своей, которая умерла ночью от несварения в желудке! В ответ же она воскликнула: – Я знаю, что говорю; и моя казначея скажет тебе, во что обошлись мне похороны Абул-Гассана! Тогда халиф вскричал: – Не лишилась ли ты рассудка? Говорю тебе, что умерла Сахарный Тростник! И он сказал Масруру: – Поспеши в покои Абул-Гассана, чтобы узнать, хотя я и так знаю, кто из двух супругов скончался! Затем он сказал Сетт-Зобейде: – Я хочу побиться об заклад, что я прав! И она ответила: – Согласна! Если проиграю, я отдам тебе мой павильон с картинами! Халиф же сказал на это: – А я, со своей стороны, предлагаю мой увеселительный дворец. Он во многом превосходит и ценностью, и красотой твою картинную галерею! А Сетт-Зобейда обиделась и сказала: – Освятимка лучше наш заклад. И халиф согласился, и они прочли вместе первую главу Святой книги, чтобы скрепить свой заклад. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот тринадцатая ночь, она сказала:

ночь шестьсот тринадцатая

И стали они ждать возвращение Масрура враждебно настроенные друг против друга. А Гассан, увидав приближавшегося Масрура, сказал Сахарному Тростнику: – Его посылают к нам вследствие спора, возникшего по нашему поводу между халифом и Сетт-Зобейдой. Ложись скорее и притворяйся опять покойницей! И Абул-Гассан завернул ее в саван. В эту минуту вошел Масрур. И он обнял Гассана и, опечаленный, поспешил обратно к халифу, чтобы отдать отчет в том, что видел. Он вошел к Сетт-Зобейде и сказал: – Да продлит Аллах жизнь госпожи нашей! Усопшая лежит посредине комнаты, и от нее уже идет дурной запах. При этих словах Масрура халиф выразил полное удовольствие, а Сетт-Зобейда принялась бранить Масрура и с негодованием сказала халифу: – Как можешь ты доверять этому лжецу? И она бросила туфлю в Масрура и закричала ему: – Прочь отсюда, о собачий сын!

И разгневанная Сетт-Зобейда сказала халифу: – Чтобы доказать, что права именно я, хочу послать кого-нибудь, чтобы узнать, кто проиграл. И зная, до какой степени раздражительна его супруга, халиф немедленно согласился на ее требование. А Сетт-Зобейда позвала кормилицу, пользовавшуюся ее полным доверием, и сказала ей: – О кормилица, иди в дом Абул-Гассана и посмотри, кто умер там: Абул-Гассан или супруга его. И возвращайся скорее, чтобы доложить мне, что видела и узнала! И кормилица, несмотря на свои старые ноги, скорыми шагами направилась к дому Абул-Гассана. А он, заприметив ее еще издали, со смехом сказал супруге своей: – О Сахарный Тростник, теперь я умер. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот четырнадцатая ночь, она сказала:

ночь шестьсот четырнадцатая

И он завернулся в саван и растянулся на полу, и кормилица вошла и увидела то, что увидела! И, сильно опечаленная, она оправилась к госпоже своей. Выслушав ее, Сетт-Зобейда сказала халифу: – Следует повесить дерзкого евнуха Масрура! И встревоженный халиф велел позвать его, но Масрур закричал ей: – Как смеешь ты нагло лгать и срамить свои седины? А та закричала в ответ: – Ты лжешь, черномазый! Тут Сетт-Зобейда разразилась рыданиями и в изнеможении бросилась на постель. Увидав

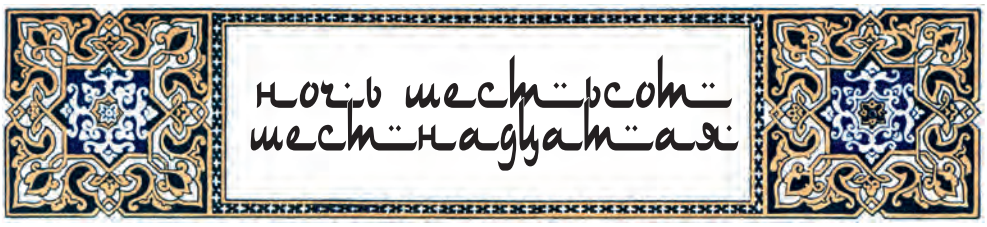
все это, до крайности озадаченный халиф сказал: – Лжет не один только Масрур. Я тоже лжец и кормилица лгунья, и ты тоже лгунья, о супруга моя! Остается только идти в дом Абул-Гассана и собственными глазами увидеть, кто из нас лжет и кто говорит правду! И он попросил Сетт-Зобейду сопровождать его и вместе с Масруром и кормилицей направился он к дому Абул-Гассана. Увидав их приближающееся шествие, Сахарный Тростник сильно встревожилась и вскрикнула: – Клянусь Аллахом! Не каждый раз, когда бросают кувшин, остается он целым! Но Гассан засмеялся и сказал: – Умрем теперь оба! И завернул он жену свою в саван, а сам завернулся в кусок шелковой материи и лег рядом с ней. Когда Сетт-Зобейда увидела это зрелище, она сильно побледнела, изменилась в лице и упала без чувств на руки своих служанок. Придя же в себя, она воскликнула: – Увы, о Сахарный Тростник, ты не могла пережить супруга и умерла от горя! Но халиф, понимавший дело иначе, сказал Сетт-Зобейде: – Клянусь Аллахом! Не Сахарный Тростник умерла от огорчения, а бедный Абул-Гассан не мог пережить супруги своей! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот пятнадцатая ночь, она сказала:

ночь шестьсот пятнадцатая

Сетт-Зобейда же ответила: – Ты почитаешь себя правым, потому что этот проклятый раб налгал тебе! Пусть скорее приведут слуг Абул-Гассана! Они сумеют ответить, кто из супругов умер первым, ведь они одевали своих господ в погребальные одежды! А Халиф добавил: – Я же обещаю десять тысяч золотых динариев тому, кто принесет мне это известие! Но не успел халиф произнести эти слова, как из-под савана, лежавшего с правой стороны тела, раздался голос: – Пусть отсчитают мне десять тысяч динариев. Объявляю господину нашему халифу, что это я, Абул-Гассан, умер вторым, от горя разумеется! И как только раздался этот голос, Сетт-Зобейда и все женщины, объятые ужасом, громко вскрикнули и бросились к дверям, между тем как, напротив, халиф, сейчас же угадавший, какую шутку сыграл с ним Абул-Гассан, разразился таким хохотом, что опрокинулся навзничь посредине залы и воскликнул: – Клянусь Аллахом, теперь уж мне придется умереть от смеха! Потом, когда халиф перестал смеяться, а Сетт-Зобейда успокоилась, Абул-Гассан и Сахарный Тростник вышли из своих саванов и среди всеобщей веселости решились рассказать о причине, заставившей их сыграть такую шутку. Абул-Гассан бросился затем к ногам халифа, а Сахарный Тростник обняла колени своей госпожи, и оба с опечаленными лицами попросили прощение. И халиф даровал им обоим прощение, и велели выдать им десять тысяч динариев, выигранных ответом Абул-Гассана, и еще другие десять тысяч по случаю избавления их от смерти. И приказал он ежемесячно выдавать Абул-Гассану содержание равное тому, которое получал великий визирь. Закончив так свой рассказ о Сне наяву, Шахразада так приступила в ту же ночь к другой истории:

Любовные приключения Зейн-аль-Мавассиф

Передавали мне, что в давно протекшие времена жил прекрасный юноша по имени Анис, и был он самым богатым, щедрым, утонченным и привлекательным из юношей своего времени. И однажды увидел он во сне, что играет с четырьмя красивыми птицами и одной голубкой ослепительной белизны. Но вдруг большой ворон бросился на голубку и унес ее, разогнав и четырех милых птичек – подруг ее. Проснувшись, Анис отравился искать человека, который истолковал бы ему этот сон. Он долго бродил, не находя никого, пока не поравнялся с красивым жилищем, из которого доносилось пленительное женское пение. Желая узнать, кто это поет, он заглянул в полуоткрытую дверь, и увидел великолепный сад, в котором были обвитые зеленью и цветами беседки и целые рощи роз, жасминов, фиалок и нарциссов. И привлеченный прелестью этого места, Анис вступил в сад и увидел он среди зелени группу, состоявшую из нескольких молодых девушек. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот шестнадцатая ночь, она сказала:



И направился он в их сторону, и увидел девушку, лежавшую на бархатном ковре и опиравшуюся на подушки. И была она бела и прекрасна, как луна, а брови у нее были нежны и тонки, как арка из драгоценного мускуса; большие черные глаза грозили гибелью и убийством, а коралловый ротик ее был величиною с мускатный орешек. Увидав Аниса, она спросила: – Как тебя зовут? Он же отвечал: – Раб твой Анис, о госпожа моя!

Она же сказала: – Ты нравишься мне, о Анис! Не умеешь ли ты играть в шахматы? Получив утвердительный ответ, она подала знак одной из четырех девушек, и та принесла шахматную доску, на которой стояли красные фигуры из рубина и белые из горного хрусталя. И игра началась, и Анис, обращавший несравненно более внимание на прелести партнерши своей, нежели на игру, быстро проиграл. Тогда девушка сказала ему: – Чтобы ты был внимательнее к игре, мы будем играть на деньги, и каждый из нас поставит по сто динариев. Анис согласился, а девушка, которую звали Зейн-аль-Мавассиф, сняла прикрывавшее ей волосы шелковое покрывало и явилась ослепительным столбом света. И Анис, не в силах оторвать глаз от своей партнерши, делал не те ходы и проиграл пять партий подряд по сто динариев за каждую. Тогда Зейн-аль-Мавассиф сказала ему: – Вижу, что ты так же невнимателен, как и прежде. Поставим ставку покрупнее! Тысячу динариев за партию!

Несмотря на это, Анис продолжал быть рассеянным и снова проиграл. Тогда она сказала ему: – Поставим все твое золото против всего моего золота! Он согласился и проиграл. Затем он поставил свои лавки, свои дома, свои сады, своих рабов и проиграл все это одно за другим. И не осталось у него ничего. Тогда Зейн-аль-Мавассиф сказала: – Ты безумец, но я не хочу, чтобы ты раскаивался в том, что познакомился со мною. Отдаю тебе все, что ты проиграл. Вставай, Анис, и возвращайся с миром, откуда пришел. И когда он отказался, она сказала: – Тогда иди и позови сюда кади и свидетелей, чтобы они написали дарственную на выигранное мною имущество! И приведенный Анисом кади, хотя при виде Зейн-аль-Мавассиф у него едва не выпал из пальцев калам, составил акт и велел обоим свидетелям приложить к нему свои печати. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот семнадцатая ночь, она сказала:

ночь шестьсот семнадцатая

Тогда Зейн-аль-Мавассиф, смеясь, сказала Анису: – Теперь ты можешь уходить! Он же сказал: – Неужели ты отпустишь меня, не удовлетворив моего желания? Она же ответила: – Я согласна, но ты должен принести мне четыре пузыря чистого мускуса, четыре унции серой амбры, четыре тысячи кусков золотой парчи и привести четырех оседланных мулов. И он ответил: – Аллах поможет мне! У меня есть друзья, которые дадут мне взаймы, сколько нужно. Но когда Анис ушел, Зейн-аль-Мавассиф сказала своей служанке: – Ступай за ним и, когда увидишь, что все друзья отказали ему, приведи его ко мне! И когда друзья отказали Анису и выпроводили его вон, служанка ввела его в залу, где находилась ее госпожа. И когда красавец Анис вновь увидел Зейн-аль-Мавассиф во всем блеске ее красоты, он остановился ослепленный и спросил себя: «Не одна ли это из тех новобрачных, которых можно видеть только в раю?»

А Зейн-аль-Мавассиф посадила Аниса рядом с собою, и служанки подали им ароматные яства. И ели они оба до

насыщения и лакомились. И принесли им вино, и пили они из одного и того же кубка. И Зейн-аль-Мавассиф нагнулась к Анису и сказала ему: – Мы вместе ели хлеб и соль, и теперь ты мой гость! И, хочешь ли, нет ли, я отдаю тебе все, что выиграла у тебя! И Анис принужден был принять в виде дара все, что принадлежало ему. И бросился он к ногам девушки и много благодарил ее. Но она подняла его и сказала: – Если ты, Анис, действительно хочешь поблагодарить меня, на этот раз серьезно докажи, что ты хороший игрок. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот восемнадцатая ночь, она сказала:

ночь шестьсот восемнадцатая

Анис же ответил: – Клянусь Аллахом, о госпожа моя, ты увидишь, что победа останется за мною! И сыграл он партию в шахматы с величайшим искусством и вниманием, и признала она его победителем. Тогда, утопая в блаженстве телом и душою, они отдохнули, наконец, в объятиях друг у друга, и Зейн-аль-Мавассиф сказала Анису: – Настал час заслуженного отдыха, о непобедимый Анис! Но я хочу, чтобы еще лучше судить о твоих достоинствах, узнать, так же ли хорошо ты слагаешь рифмы, как играешь в шахматы! Не можешь ли ты изложить в стихах эпизоды нашей встречи и нашей игры так, чтобы они запечатлелись в памяти? Анис ответил: – Это не затрудняет меня, о госпожа моя! И в то время, как Зейн-аль-Мавассиф обвивала рукою его шею, он начал так:

Восстаньте все, чтобы услышать повесть
Про девушку четырнадцати лет,
Что встретил я в саду, подобном раю.
Ее уста – фиал неистощимый
Душистого и старого вина;
Ее слюна – кристальней струй фонтана;
Ее же зубки – словно ожерелье
Жемчужин белых с глубины морей.
А шейка так стройна и грациозна,
Как шея легкой, стройной антилопы;
Ее же грудь – как мрамор белоснежный;
На ней два кубка дивные лежат...

И далее он пересказал в стихах всю приключившуюся с ним историю. И слушая эту сочиненную в ее честь оду, Зейн-аль-Мавассиф пришла в восхищение и расцвела от радости. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот девятнадцатая ночь, она сказала:

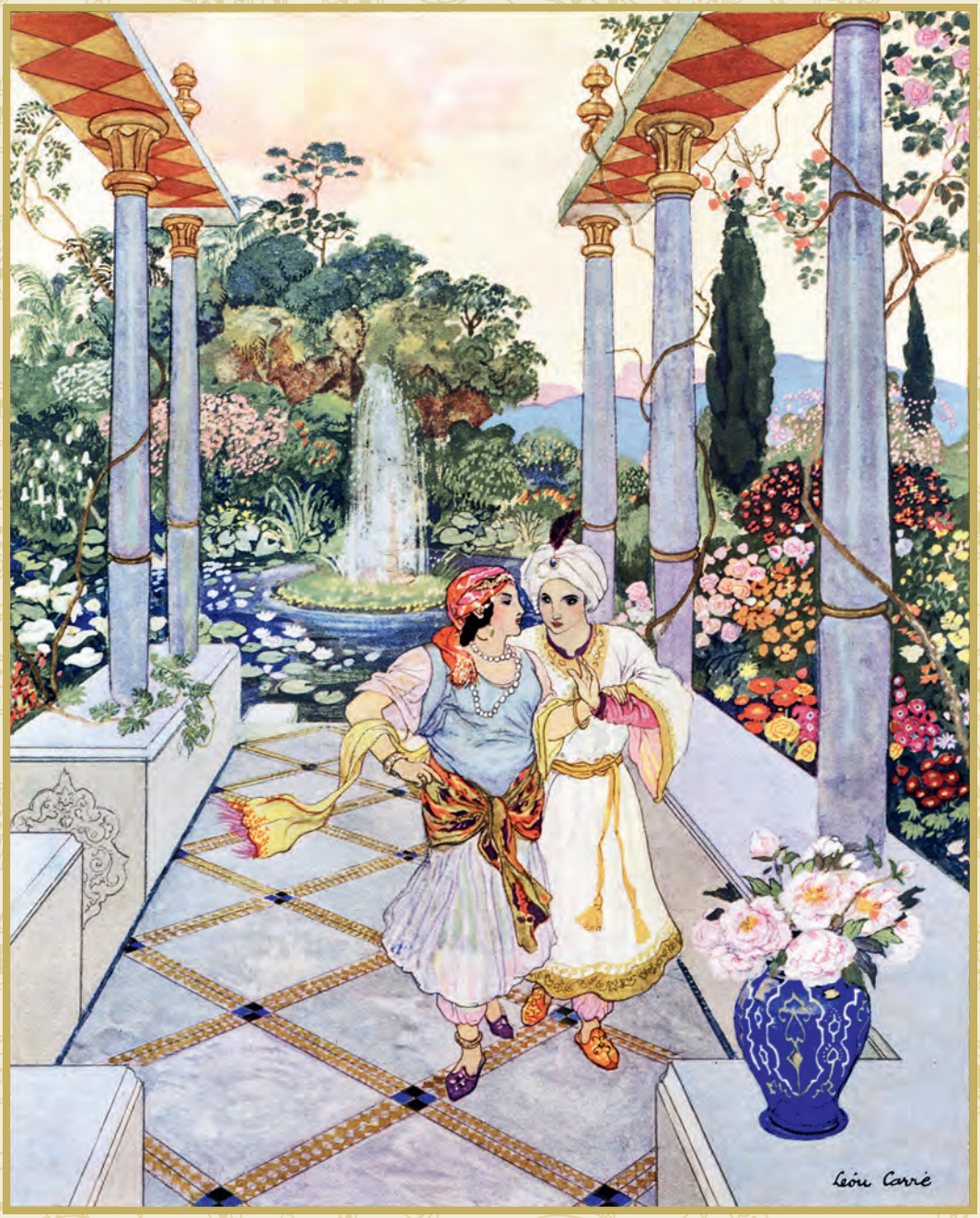
ночь шестьсот девятнадцатая

И сказала она Анису: – О как это дивно хорошо! Клянусь Аллахом, я хочу жить только с тобою! И провели они вместе много дней среди игр и самых нежных ласк. Однако вскоре Зейн-аль-Мавассиф, бывшая замужней женщиной, получила письмо от своего супруга еврея, извещавшего о своем возвращении, и воскликнула: – Теперь наша жизнь будет испорчена! Мой муж ревнив до крайности, и нам будет трудно не возбуждать в нем подозрений! Но, подумав, она сказала: – Единственное средство для тебя быть вхожим в наш дом после его приезда, это выдать себя за торговца пряностями и благовониями! Между тем муж возвратился из путешествия и был крайне удивлен, увидев, что жена его пожелтела с ног до головы. А плутовка натерла свое тело шафраном. И когда муж спросил, чем она больна, она ответила: – Я пожелтела от тревоги по причине твоего отсутствия! Сделай милость, не уезжай так надолго! И найди себе компаньона, чтобы я не волновалась за тебя!

И успокоенный купец отправился в свою лавку, где его уже ждал Анис, предложивший ему пряности и благовония по очень дешевой цене. Муж Зейн-аль-Мавассиф был так доволен этим, что предложил ему товарищество, если только Анис сможет представить достаточный капитал. И, не откладывая дела, они составили договор и приложили к нему в присутствии свидетелей свои печати. И в тот же вечер супруг Зейн-аль-Мавассиф пригласил нового компаньона в свой дом разделить с ним трапезу. Но Зейн-аль-Мавассиф, притворившись рассерженной, воскликнула: – Клянусь Аллахом, как смеешь ты приводить к нам в дом чужеземцев? Должна ли я забыть скромность, подобающую молодым женщинам только потому, что ты нашел себе компаньона? Но он ответил: – С каких это пор решили мы подражать мусульманам, которым закон повелевает прятать жен? И во время трапезы Анис и Зейн-аль-Мавассиф не подали и виду, что знают друг друга. А еврей, заметив, что Анис ведет себя с большим тактом и изумительною скромностью, не преминул пригласить его разделить с ним трапезу и на следующий день. Но вскоре еврей заметил, что происходит нечто странное, каждый раз как Анис у него в гостях. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот двадцатая ночь, она сказала:

ночь шестьсот двадцатая

У него в доме была ручная птица, которая очень любила своего хозяина. Но во время отсутствия еврея, птица перенесла свою привязанность на Аниса. И она встречала его радостным криком и ласкалась к нему. И вскоре заметил еврей и другую странную вещь. Супруга его во время сна стала произносить имя Аниса тем страстным языком, на котором изъясняются влюбленные. И тогда подумал: «Клянусь Пятикнижием! Мне следует испытать жену мою! Если она выдержит, значит дело


Léon Carré

с птицей и сны – пустая случайность и не имеют значения». И он за очередной трапезой объявил жене и компаньону, что вали зовет его к себе для какого-то крупного заказа. Но вместо того, чтобы идти к вали, он поднялся на верхний этаж своего дома, откуда мог видеть все, что происходит в комнате. И скоро ему пришлось стать свидетелем и поцелуев, и неистово-страстных ласк. И принужден он был целый час наблюдать любовную сцену. А после он сошел в залу, как будто ничего не ведая. Но при этом он подумал: «Клянусь Муссой! Я сожгу сердца их разлукой». И он сказал своей жене, что ему придется надолго уехать, и на этот раз он возьмет ее с собой. Услыхав это, несчастная Зейн-аль-Мавассиф пожелтела, и глаза ее наполнились слезами, и не могла она вымолвить ни одного слова. Потом она встала и принялась готовиться к отъезду с помощью служанок и под наблюдением еврея, супруга своего. И не знала она, как передать печальное известие Анису. Наконец, воспользовавшись свободною минутою, она начертала на входной двери несколько прощальных строк своему другу. Затем она села на приготовленного для нее верблюда, и караван пустился в путь. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот двадцать первая ночь, она сказала:

ночь шестьсот двадцать первая

А молодой Анис, на другое утро заметив, что еврей-купец не пришел на базар, напрасно прождал его прихода до вечера. Тогда решил он узнать о причине его отсутствия. И пришел он к входной двери, и прочитал оставленную надпись, и узнал у соседей, что хозяин дома уехал в далекое путешествие с женой, служанками и множеством тюков. Тогда Анис стал бродить по саду, как безумный, а потом, изнемогая от стольких огорчений, лег на землю и заснул. И возлюбленная явилась ему во сне; и был он счастлив с нею, сжимая ее в своих объятиях. Но вдруг он пробудился, и все исчезло. И в утешение себе он мог только сымпровизировать такие строчки:

Привет тебе, о мой любимый образ!
Ко мне пришел ты под покровом тьмы
И на мгновенье утолил страданья
Моей любви! Ах, сны лишь остаются
Для утешенья всем, как я, несчастным!

Так жаловался молодой Анис. И продолжал он жить под сенью покинутого дома, уходя из него к себе лишь для того, чтобы немного подкрепиться пищей. Караван же после месяца пути остановился недалеко от города, лежавшего на морском берегу. Там еврей снял с жены своей роскошную одежду, взял хлыст и сказал ей: – Ах ты, дрянная развратница, твое грязное тело может быть очищено только этим! И, не обращая внимания на ее крики и мольбы, он больно отхлестал ее. Потом бросил он на нее старый плащ из грубой волосяной материи и пошел в город за кузнецом. В этом месте своего рассказа Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила шестьсот двадцать вторая ночь, она сказала:

ночь шестьсот двадцать вторая

И сказал он кузнецу: – Ты должен подковать ноги этой невольницы; она будет возить меня! Но ослепленный красотою Зейн-аль-Мавассиф кузнец плюнул еврею в лицо, побежал к вали того города и рассказал ему, что видел. И стражники вали привели к нему красавицу-невольницу, еврея и всех женщин каравана. И вали спросил Зейн-аль-Мавассиф: – Как зовут тебя, дочь моя, и кто этот безобразный человек? И она ответила: – Я раба твоя, Зейн-аль-Мавассиф, а этот еврей похитил меня у отца моего и матери моей, изнасиловал и хотел принудить к отречению от святой мусульманской веры отцов моих. И когда служанки подтвердили слова своей госпожи, вали обратился к еврею и со сверкающими глазами закричал ему: – Горе тебе, враг Аллаха! Зачем ты мучил эту девушку и пытался ввергнуть ее в ужасные заблуждения твоей проклятой веры? Еврей же отвечал: – Клянусь головою Муссы и Ааруна! Эта моя законная жена! Тогда вали закричал: – В палки его! И стражники повалили его на землю и дали ему сто палочных ударов по подошвам, сто ударов по спине и сто ударов пониже спины. А так как он продолжал вопить, утверждая, что Зейн-аль-Мавассиф – его законная жена, то вали сказал: – Коль скоро он не хочет сознаваться, отрезать ему руки и ноги! Тогда еврей воскликнул: – Если для моего спасения нужно только это, то я сознаюсь, что эта женщина не жена мне и что я похитил ее из ее семьи!

Тогда вали приказал бросить еврея в тюрьму. А Зейн-аль-Мавассиф поцеловала ему руку, в сопровождении служанок возвратилась к палаткам и приказала погонщикам пуститься в обратный путь. И караван шел беспрепятственно и к вечеру третьего дня прибыл к христианскому монастырю, в котором жило сорок человек монахов и патриарх. И патриарх этот, которого звали Данис, сидел у монастырских ворот в то время, когда молодая красавица проезжала мимо на своем верблюде. Он сделал знак каравану остановиться и, поклонившись, пригласил молодую женщину слезть с верблюда и отдохнуть со всеми своими провожатыми. И он горячо уговаривал ее переночевать в монастыре, уверяя, что ночью по дорогам бродит множество разбойников. И Зейн-аль-Мавассиф не отказалась от предлагаемого ей гостеприимства. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот двадцать третья ночь, она сказала:

ночь шестьсот двадцать третья

Патриарх же Данис послал к молодой женщине самого красноречивого из своих монахов, но тот при виде этого светила красоты почувствовал, что тысячи нитей связывают ему язык, и служанки вытолкали его из комнаты. Тогда патриарх послал к ней другого монаха, но и с ним случилось то же, что и с первым. И каждый раз посланный для переговоров монах возвращался, не добившись ничего и не исполнив поручения своего патриарха. Когда патриарх вспомнил пословицу: «Если хочешь почесаться, чешись собственными ногтями», и он сам вошел в комнату, где находилась Зейн-аль-Мавассиф. Но и с ним случилось то же, что и с монахами: и у него язык оказался связанным тысячью нитей. И, провожаемый смехом и шутками молодых женщин, вышел он, повесив нос, из комнаты. А Зейн-аль-Мавассиф сказала своим спутницам: – Клянусь Аллахом, нам следует убираться из этого монастыря! И под покровом ночи все пять женщин выскользнули из монастыря, сели на своих верблюдов и продолжали путь свой в родную страну. А патриарх и сорок монахов, проснувшись на следующее утро, заметили исчезновение Зейн-аль-Мавассиф, и вот что они сымпровизировали:

Сбирайтесь, братья! Покидает вас
Моя душа; мой смертный пробил час!
В моих костях огонь любви пылает,
А сердце жжет и пожирает страсть;
Я весь томлюсь по красоте волшебной,
Что, к нам явившись, ядом стрел коварных
Из-под ресниц потупленных очей
Навеки нас смертельно поразила.

Покончив с пением, монахи долго плакали. И они решили нарисовать по памяти изображение беглянки, но безуспешно. А затем смерть положила предел их мучениям после того, как они сами вырыли себе могилы в монастыре. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот двадцать четвертая ночь, она сказала:

ночь шестьсот двадцать четвертая

Караван после счастливого путешествия прибыл в родной край. В это время Анис, лежа на постели, ясно и отчетливо увидел во сне вернувшуюся возлюбленную свою. А так как он верил снам, то, проснувшись, он встал и направился к дому Зейн-аль-Мавассиф, чтобы убедиться, что сон его сбылся. И прошел он в сад, а потом вошел в комнату, где Зейн-аль-Мавассиф уже ждала его прихода. И упали они в объятия друг к другу, и долго обнимались, расточая друг другу страстные выражения своей любви. И рассказали они все друг другу, прерывая свой рассказ лишь для нежных поцелуев. И жили они счастливо до той поры, пока не пришла та, которая беспощадно косит и юношей, и молодых дев. И так закончив эту историю, Шахразада в ту же ночь рассказала следующее:

Léon Carré

Рассказ о молодом лентяе Абу-Магомете

Однажды к халифу Гарун-аль-Рашиду пришел молодой евнух, державший в руках корону из червонного золота, украшенную жемчугом и всякого рода самоцветными камнями. И он поцеловал землю между рук халифа и сказал: – О эмир правоверных, госпожа наша Сетт-Зобейда велела сказать тебе, что на вершине этой дивной короны недостает крупного драгоценного камня, и она желает, чтобы ты велел разыскать такой. И халиф велел своим визирям, эмирам, старшим придворным и военачальникам искать такой драгоценный камень у ювелиров, но не нашли они ничего отвечающего желанию Сетт-Зобейды. И доложили они халифу о неудачных поисках своих. И халиф очень огорчился и сказал им: – Как может это быть, что халиф и царь царей не может получить такой ничтожной вещи, как камень? Горе вашим головам! Ступайте и ищите у торговцев! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот двадцать пятая ночь, она сказала:

И все торговцы, как один, говорили: – Господин ваш халиф может найти такую драгоценность только у человека из Басры по имени Абу-Магомет Мягкие Кости! И халиф, услыхав это, приказал своему визирю Джафару дать знать эмиру Басры, чтобы тот разыскал этого человека и как можно скорее прислал бы его в Багдад.

И Джафар тотчас же написал об этом письмо и поручил меченосцу Масруру, не медля ни минуты, доставить его в Басру, эмиру Эль-Зобейди, правителю того

города. Поручив приказ халифа, Эль-Зобейди приказал проводить посла к Абу-Магомету Мягкие Кости. И тот, приняв посланца халифа и стражу эмира города Басры и узнав, в чем дело, сказал: – Я раб эмира правоверных. Мы можем отправляться в Багдад! И вышел он вместе с ними, и в то время, как они садились на своих лошадей, спешившие услуживать ему рабы помогли ему вдеть ногу в стремя и сесть на белого, как чистое серебро, мула, седло и сбруя которого сверкали всеми огнями золота и украшавших их драгоценных камней. Масрур и молодой Абу-Магомет поехали во главе конвоя и выехали из Басры по дороге в Багдад. И после благополучного пути прибыли они в Город Мира и вошли во дворец эмира правоверных.

И Абу-Магомет, три раза поцеловав землю между рук халифа, после должных приветствий сказал: – Если дозволишь, господин наш халиф, я прикажу открыть сундуки, привезенные мною как дар верноподданного своему государю! И халиф сказал: – Не вижу тому препятствий. Тогда Абу-Магомет, открыв первый сундук, вынул из него, между прочими диковинами, три золотых дерева, ветви которых были из золота, листья из изумрудов и аквамарина, а плоды: апельсины, яблоки и гранаты – из рубинов, жемчуга и топазов. И в то время, как халиф восхищался красотою этих деревьев, молодой человек открыл второй сундук. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот двадцать шестая ночь, она сказала:

ночь шестьсот двадцать шестая

И между прочими великолепными вещами он вынул из него палатку из шелка и золота, украшенную жемчугом, желтыми яхонтами, изумрудами, рубинами, сапфирами и многими другими самоцветными камнями. И сейчас же палатка сама раскинулась посредине зала, и так быстро, так правильно и аккуратно, как будто работало над нею двадцать ловких невольников, а три дивных дерева сами стали у входа в палатку и защищали ее своею тенью. И когда халиф немного пришел в себя от удивления, вызванного в нем всеми этими предметами, он сказал молодому человеку: – Не можешь ли сказать мне, откуда у тебя все эти вещи? Ведь мне известно, что отец твой ставил банки в гамаме и умер, не оставив тебе никакого наследства! Как же случилось, что ты достиг в такое короткое время такого богатства?

И Абу-Магомет ответил: – Знай же, о эмир правоверных, что я действительно сын бедного человека, который оставил после своей смерти меня и мать мою без всяких средств к существованию. С самого детства моего я был вялым и ленивым мальчиком. Я был так ленив, что если солнце палило мою непокрытую голову в самый полдень, у меня не хватало воли укрыться в тени. Когда умер отец мой (да смилуется над ним Аллах!), мне было пятнадцать лет, но я походил на двухлетнего ребенка, так как не хотел ни работать, ни двигаться. Бедная мать моя принуждена была работать на соседей для моего прокормления, а

я проводил целые дни, лежа на брюхе и не имея силы даже настолько, чтобы отгонять мух, облеплявших мне лицо. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот двадцать седьмая ночь, она сказала:

ночь шестьсот двадцать седьмая

Но однажды мать моя, промучившись на работе целый месяц, вошла ко мне, держа в руке пять серебряных монет, плод всего ее труда, и решительно сказала: – Дитя мое, по счастью я только что узнала, что сосед наш шейх Музаффар отправляется в Китай! Возьми же эти серебряные драхмы, пойди к нему и попроси его купить на них в Китае товаров, которые ты продашь потом с выгодой здесь! И клянусь, если ты не послушаешься, я перестану кормить, и поить тебя, и оставлю умирать с голода! И поняв, что на этот раз она приведет свои угрозы в исполнение, я с трудом сел, издав глухое ворчанье. И я сказал матери: – Поддерживай меня, чтобы я мог идти! И я пошел медленным шагом, останавливаясь, чтобы отдышаться, и свешивая голову на плечо, как умирающий. И дошел я до шейха Музаффара, который не отказал в моей просьбе. Он взял те пять драхм; и, спрятав их в свой пояс, сказал: – Да благословит это дело Аллах!

И Аллах благословил его путешествие в Китай. И купил он, а также и бывшие с ним купцы то, что собирались купить, и продал то, что собирался продать, и заключил все сделки, которые предстояло заключить. И во время дальнейшего пути корабль пристал к одному острову, чтобы запастись съестными припасами. И когда шейх уже возвращался на корабль, он увидел на берегу торговца обезьянами, и среди них была одна, поражавшая своим жалким видом, облезлая, дрожавшая от холода и со слезами на глазах. И шейх Музаффар, обладавший сострадательным сердцем, сжалился над бедной обезьяной и купил ее у торговца за пять моих драхм, подумав в душе своей: «Это ровно столько, сколько дал мне сирота! Куплю ему это животное, чтобы он мог показывать его на базарах и зарабатывать хлеб себе и своей матери». И велел он одному из матросов взять обезьяну на борт корабля. Но перед самым отплытием увидели они рыбаков, которые ныряли на дно морское и каждый раз появлялись на поверхности воды, держа в руках раковины, наполненные жемчугом. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот двадцать восьмая ночь, она сказала:

ночь шестьсот двадцать восьмая

И принесла она свой улов шейху и сделала ему несколько знаков рукою, означавших: «Привяжи мне что-нибудь на шею». И вот шейх привязал ей на шею мешок, а обезьяна снова прыгнула в море и вернулась с мешком, наполненным раковинами, и в них был жемчуг еще крупнее и еще прекраснее первого. И несколько раз подряд прыгала она в море, и каждый раз приносила шейху полный мешок своего дивного лова. И все удивлялись и говорили друг другу: – Эта обезьяна владеет тайной, которую мы не знаем. Но все это пойдет на пользу Абу-Магомету Мягкие Кости! Затем распустили они паруса и покинули жемчужный остров. И после счастливейшего плавания прибыли в Басру. И шейх Музаффар в сопровождении своих рабов пришел к нам в дом, приказал поставить мешки с жемчугом в сенях и сказал мне: – Вот что приобрел ты за свои пять драхм! А что до обезьяны, то обращайся с ней хорошо, потому что она приносит благословение!

И обезьяна стала жить в нашем доме, следуя за мною повсюду. И однажды она знаками дала понять мне, что ей нужна чернильница, бумага и калам. И когда я принес ей все это, она взяла калам и написала: «О Абу-Магомет, достань мне белого петуха! И приходи в сад». Прочитав это, я пошел за белым петухом и побежал в сад, чтобы отдать его обезьяне, которую застал держащею в руках змею. Она спустила ее на петуха, и тот убил ее. Потом в противность тому, как обыкновенно делают петухи, он съел змею, всю без остатка. Тогда обезьяна взяла петуха, вырвала у него все перья и одно перо за другим посадила в саду. Потом убила петуха и полила его кровью все перья. И взяла она затем петушиный зоб, вычистила его и положила посредине сада. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот двадцать девятая ночь, она сказала:

ночь шестьсот двадцать девятая

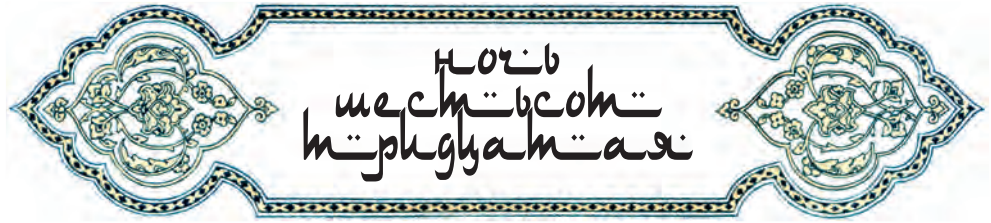
После этого она становилась перед каждым пером, крича что-то непонятное, а потом прыгнула высоко в воздух и исчезла. И в ту же минуту петушиный перья превратились в золотые деревья с ветвями и листьями из изумрудов и аквамаринов, а вместо плодов повисли на них рубины, жемчуг и всякого рода самоцветные каменья. А петушиный зоб превратился в волшебную палатку, которую я позволил себе предложить тебе, о эмир правоверных, вместе с тремя деревьями из моего сада! И разбогатев от этих сокровищ, я попросил себе в жены дочь кади города Басры. И теперь живу я с нею в счастье и наслаждении! Прослушав этот рассказ, халиф Гарун-аль-Рашид воскликнул: – Милости Аллаха безграничны! И он отпустил из Багдада Абу-Магомета только после того, как осыпал его почестями и подарками. Закончив так, Шахразада сказала: – Но эта сказка, о царь, ничто в сравнении с той, которую расскажу тебе следом! И сказала она...

История юного Нура и мужественной франкской девушки

Был в древности в стране Египетской купец по имени Корона, который всю жизнь свою провел в странствованиях по морям и землям. Снискав богатство, счастливый и всеми уважаемый, он отказался от путешествий, чтобы благодетельствовать в своем дворце. Покои его, гарем, шкафы и сундуки его были полны сокровищ, но самым дорогим из них был его собственный сын Нур, мальчик четырнадцати лет, про которого поэт сказал так:

Его глаза стрелкам дарують стрелы,
Чтобы пронзать влюбленные сердца!

И вот однажды, когда очаровательный юноша, сын купца Корона, сидел в лавке отца своего, к нему подошли несколько товарищей его... На этом месте своего повествования Шахразада увидела, что наступает утро, и со скромностью умолкла. А когда наступила шестьсот тридцатая ночь, она сказала:



И они предложили ему отправиться вместе с ними гулять в саду, принадлежавшем одному из них, и он ответил: – Я должен сначала спросить позволения у отца моего. И купец Корона дал ему разрешение и снабдил его кошельком, полным золота, дабы он не был в тягость своим товарищам. Тогда Нур и другие мальчики сели на мулов и ослов и скоро подъехали к саду, заключавшему все, что может ласкать глаз и услаждать вкус. И они вошли туда через сводчатые ворота, прекрасные, как врата рая, и выстроенные

из чередующихся рядов разноцветного мрамора, и обвитые виноградными лозами, отягченными гроздями винограда, красного, черного, белого и золотистого, о которых поэт сказал:

О винограда кисти, налитые
Вином душистым, вы вкусней сорбета
И в черный цвет как вороны одеты;
Ваш темный блеск меж зелени ветвей
Подобен блеску юных женских пальцев,
Лавзонией окрашенных недавно.

И сторож сада скоро провел юношей по различным аллеям к крытой беседке, утопающей в густой зелени. И он пригласил их войти отдохнуть, и усадил на парчовых подушках вокруг бассейна, наполненного водой, и попросил юного Нура занять место посредине. И он поднес ему, чтобы освежить лицо, опахало из страусовых перьев. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот тридцать первая ночь, она сказала:

ночь шестьсот тридцать первая

Затем юноши, сняв плащи и чалмы свои, принялись болтать и беседовать между собою, и не могли оторвать глаз от прекрасного товарища своего Нура. После еды мальчики вымыли руки с мылом, смешанным с мускусом, и вытерли их шелковыми салфетками, затканными золотом. И хозяин сада наполнил вином большой кубок и пустил его вкруговую. Но когда черед дошел до юного Нура, то он принял кубок с некоторым смущением, ибо он еще никогда не пил вина, и небо его не ведало вкуса крепких напитков, так же, как тело не знало прикосновений женщины. А товарищи его знали о девственности Нура и решили, приглашая его в эту поездку, расшевелить и пробудить его в этом отношении. И увидав, что он колебался прикоснуться к кубку, юноши принялись нарочно хохотать, и раззадоренный Нур решительно поднес кубок к своим губам и осушил его до последней капли. Тогда легкий хмель опьянения стал бродить в его голове, а один из молодых людей воскликнул, обращаясь к хозяину: – Все это хорошо, о щедрый друг! Но ведь наслаждение наше не может быть полным без пения и музыки женских уст. И владелец сада вышел из залы пиршества и вскоре возвратился назад, ведя за руку молодую девушку, одетую в синий шелк. Это была стройная египтянка, восхитительного сложения, прямая, как буква алеф, с вавилонскими глазами, волосами черными, как ночная тьма, и кожей белой, как самородное серебро или как очищенная миндалинка. И она была так прекрасна и так ослепительна в своей темной одежде, что можно было принять ее за луну летней поры, среди темной зимней ночи. И юный владелец сада сказал девушке: – О прекрасная повелительница светил, мы призвали тебя сюда, чтобы угодить гостю и другу нашему Нуру, который впервые почтил нас сегодня своим посещением! Тогда юная египтянка села возле Нура, бросив на него взгляд необычайной выразительности. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот тридцать вторая ночь, она сказала:

ночь шестьсот тридцать вторая

Затем она достала из-под своего покрывала индийскую лютню. Затем, приподняв рукава до локтей и обнажив свои руки, она прижала лютню к груди, как мать прижимает ребенка, и стала щекотать ее ногтями пальцев своих. И лютня вздрогнула и звучно застонала от этого прикосновения, а девушка пропела стройно и звучно такие строчки про нее:

Когда меня прозрачными ногтями
Касается прекрасная рука,
Тогда мои трепещут сладко струны,
Удары я с блаженством выношу.
В награду же за рабство отдыхаю
Я на груди прекрасной юных дев,
И руки их любовно обнимают
Мой тонкий стан. Аккордами своими
Я привлекаю тех друзей, что любят
Веселые собрания; и песней,
Что я от птиц своих переняла,
Без кравчего я опьянять умею!

Затем прекрасная египтянка на минуту перестала играть, а потом, обратив томный взгляд свой на юного Нура, вновь запела, подыгрывая себе на лютне. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот тридцать третья ночь, она сказала:

ночь шестьсот тридцать третья

Ты обладаешь четырьмя вещами,
Потребными для полного блаженства:
Подругой, другом, золотом, вином.
Спеши, спеши воспользоваться счастьем,
Ведь завтра все исчезнет. Торопись же
Ты наслажденья кубок осушить!

Услышав эти стихи, юный Нур, опьяненный вином и любовью, устремил пламенный взгляд на прекрасную невольницу, которая ответила ему поощрительной улыбкой. Тогда он склонился к ней, увлеченный желанием, и она тотчас подвинулась к нему, поцеловала его между глаз и отдалась вся в объятия его. И Нур, уступая волнению крови и охватившему его пламени, прильнул губами к устам девушки, вдыхая аромат ее, как благоухание розы. И когда владелец сада увидел, в каком состоянии находится Нур, он сделал знак другим юношам, которые поднялись один за другим и вышли из залы.

Как только молодая девушка осталась одна с прекрасным Нуром, она сбросила с себя все украшения и одежды. И, поцеловав его между глаз, она сказала: – Знай,

глазок мой, что ты понравился мне, и я отдаю тебе все, что имею! Возьми уста мои, возьми мой язык и все мое тело! И Нур принял ее чудный дар и с лихвой отблагодарил ее. И молодая женщина, удивленная и очарованная, воскликнула: – Как это удивительно! А он засмеялся и сказал: – Когда ударяют кремень, всегда сыплются искры. И так, среди роз и веселья, юный Нур узнал впервые радости любви в объятиях египтянки, прекрасной, здоровой и белой, как очищенная миндалинка. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот тридцать четвертая ночь, она сказала:

ночь шестьсот тридцать четвертая

И насладившись объятиями, юный Нур поднялся, ибо звезды уже заблестели на вечернем небе. И, несмотря на горячие мольбы красавицы, он не захотел долее медлить и расстался с нею, чтобы поспешить домой. Когда же мать его, встревоженная отсутствием сына, заметила, что он под хмельком, она сказала ему: – Если отец твой узнает, чем пахнет от тебя, будет несчастье! И мать поспешила подвести его к постели и, уложив, накрыла его. Но в эту минуту в комнату вошел купец Корона, который был строгим блюстителем заветов Аллаха, запрещающего правоверным хмельные напитки. И наклонился он к Нуру, чтобы спросить, как он себя чувствует. Но, услышав запах его дыхания, он в негодовании крикнул: – Распутный сын! Ты преступил закон Аллаха! И он начал жестоко бранить его, а Нур, находившийся в состоянии опьянения, поднял руку и залепил отцу своему удар кулаком, который попал ему по правому глазу. И старик, возмущенный до последней степени, поклялся на следующий же день выгнать его из дома, предварительно отрубив ему правую руку.

Когда мать Нура услышала эту грозную клятву, против которой бессильны были все мольбы, раскаяния и заклинания, она разодрала одежды свои от отчаяния и всю ночь провела в причитаниях и слезах у постели сына своего. И наутро она сообщила пришедшему в себя Нуру о совершенном им проступке и о страшной клятве отца его. Затем она сказала ему: – Увы нам! Сожаления теперь уже бесплодны! Тебе надо как можно скорее покинуть дом отца твоего! Уезжай, сын мой, в город Аль-Искандрию; вот тебе кошелек с тысячью золотых динариев и еще сто динариев. И она принялась плакать, обнимая сына. Тогда Нур, пролив немало слез раскаяния, попрощался с матерью и тайком вышел из дому. Не теряя времени, он добрался в гавань, где сел на корабль, на котором спустился вниз по Нилу до Аль-Искандрии. И юный Нур нашел, что это чудный город, населенный удивительно милыми людьми и обладающий чудным климатом, садами, полными плодов и цветов, прекрасными улицами и великолепными базарами. И ему нравилось бродить по различным кварталам города и по всем базарам, переходя с одного на другой. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот тридцать пятая ночь, она сказала:

ночь шестьсот тридцать пятая

И на базаре цветов и плодов он увидел персиянина, который вез за седлом очаровательную девушку, которая была бела, как желудь в скорлупе своей. Под крутыми дугами бровей ее, словно под охраной натянутого лука, блестели большие черные глаза. А за легкой тканью, окутывавшей ее, скрывались несравненные сокровища: щеки гладкие, как атлас; зубы как два ряда жемчужин; грудь, возвышающаяся, как грозное укрепление; бедра волнистые и ляжки, подобные жирным бурдюкам сирийских баранов. И Нур, увидав эту девушку, пошел за нею. На рынке невольников персиянин передал ее глашатаю, чтобы он начал торги. И тот, раздвинув толпу, закричал: – О покупатели! Оценивайте и говорите! И подошел прежде всех старик, бывший синдик того города, и он сказал: – Даю девятьсот двадцать пять динариев! И поскольку никто не хотел надбавить цену из уважения к почтенному синдику, глашатай обернулся и спросил девушку: – Согласна ли ты, о царица светил, принадлежать ему? А девушка ответила из-за своих покрывал: – Не стыдно ли тебе перед Аллахом отдавать девушек моего достоинства таким старикам, которых не раз ругали жены за их неспособность!

Когда присутствующие услыхали такие слова, они чрезвычайно оскорбились таким неуважением к синдику. А глашатай сказал девушке: – Клянусь Аллахом, ты заставила почернеть мое лицо перед этими купцами! Как можешь ты говорить такие вещи о нашем синдике, человеке уважаемом, мудреце и даже ученом? Но она ответила: – Ах! Если это ученый, то тем лучше! Пусть послужит это ему уроком. На что они, слабосильные ученые? Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот тридцать шестая ночь, она сказала:

ночь шестьсот тридцать шестая

Тогда глашатай, чтобы девушка не продолжала оскорблять старого синдика, поспешил продолжать торги. Тогда приблизился другой купец, но, увидав его, девушка громко рассмеялась и сказала: – Следует отрезать порядочный кусок баклажана, который заменяет ему нос! И толстоносый купец так рассердился, что дал глашатаю несколько ударов по затылку, а тот закричал девушке: – Клянусь Аллахом! Не можешь ли ты сдерживать свой дерзкий язык и не мешать мне зарабатывать себе на хлеб? И тут подошел

третий купец, имевший необычайно длинную бороду, а девушка воскликнула: – У этого человека природа нарушила свои порядки: это баран с толстым хвостом, но хвост вырос у него на подбородке! При этих словах глашатай пришел в полное отчаяние и воскликнул: – Клянусь Аллахом, я не могу продолжать! А персиянин, нисколько не смущенный, обратился к девушке и сказал ей: – Пойдем, дочь моя! В конце концов, мы найдем подходящего покупателя!

И в это время она заметила молодого Нура и сказала персиянину: – Вот тот, кого я желаю! Продай меня ему! И с решимостью подошла она к Нуру и сказала ему, бросив на него взгляд полный соблазнов: – Разве я не хороша, о господин мой, что ты ничего не предложил за меня на торгах? А он ответил: – О госпожа моя! Если бы я был в своем крае, я купил бы тебя ценою всех богатств, которыми располагаю. Но здесь я только чужеземец, и все мое богатство заключается в кошельке с тысячью динариев! И она сказала: – Предложи их за меня, и ты не пожалеешь о своей покупке! И Нур, не в силах противостоять чарам устремленного на него взора, распустил свой пояс и передал золото персиянину. И заключили они торговую сделку, и все присутствовавшие сказали: – Аллах! Они созданы друг для друга! А персиянин сказал Нуру: – Да послужит она для тебя благословением! Радуйтесь вместе молодости вашей! Вы оба равно заслуживаете ожидающего вас счастья. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот тридцать седьмая ночь, она сказала:

НОЧЬ ШЕСТЬСОТ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Тогда Нур поспешил нанять комнату, извинившись, что не может предложить ничего лучшего. Она же сняла с пальца кольцо с дорогим рубином и сказала: – Продай это на базаре и купи все, что нужно для пиршества. И поспешил Нур исполнить ее приказание и не замедлил возвратиться, нагруженный всякого рода припасами. И когда они насытились, он взял ее руку, поцеловал и сказал: – Именем Аллаха, о госпожа моя, не скажешь ли мне теперь, как твое имя и откуда ты родом? Она же ответила: – Знай, что зовут меня Мариам, и что я единственная дочь могущественного царя франков из города Константинии. Поэтому не удивляйся, что я получила прекраснейшее образование и что меня обучали всякого рода учителя. Но однажды я заболела и дала обещание, что если здоровье вернется ко мне, я отправлюсь на богомолье в монастырь, весьма чтимый всеми франками. И выздоровев, я села на корабль, но, как только мы потеряли из виду землю, на судно напали мусульманские морские разбойники. Меня и всю мою свиту отвезли в Египет и продали там персидскому купцу, который, по счастью для моей девственности, был евнух. Через некоторое время он тяжело заболел, и я выходила его. Тогда он обещал в благодарность уступить меня только тому, кого выберу я сама.

При этих словах она быстрым движением сбросила всю одежду. И увидел

Нур, что царевна была белой, как льняная ткань, и шел от ее тела сладкий аромат амбры. И сжал он ее в своих объятиях и гладил он ее нежную шею, и терялась его рука в волнах ее кудрей, и раздавались его поцелуи, как звук падающих в воду звонких мелких камней; и пил он сладость с ее губ! Она же выказала дарования и дивные способности, которыми обладала, так как в ней соединялись сладострастие гречанок с любовными свойствами египтянок, порывы арабских девушек с горячностью эфиопок, искренность и робость франкских девушек и осведомленность индианок, опытность дочерей Кавказа и страстность дочерей Нубии, кокетливость женщин Йемена и мускульная сила женщин Верхнего Египта, миниатюрность членов китаянок, мощность женщин Ирака и нежность персиянок. И слава Аллаху, не создавшему более чарующего зрелища, нежели зрелище, представляемое двумя счастливыми любовниками. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот тридцать восьмая ночь, она сказала:

ночь шестьсот тридцать восьмая

Когда они проснулись на другое утро, ласки их были еще многочисленнее. Поэтому франкская царевна, чрезвычайно изумленная тем, что в сынах мусульманских соединяется так много дарований, сказала себе: «Если такая религия развивает у людей так много мужества, героизма и добродетелей, такая религия есть, бесспорно, лучшая из всех религий!» И тотчас же она пожелала облагородить себя Исламом. И по совету Нура подняла она палец и произнесла: – Признаю и свидетельствую, что нет Бога кроме Аллаха и что Магомет пророк Аллаха! Совершив это важное дело (слава Аллаху!), они оба покинули ложе наслаждений и удалились в кабинеты, чтобы затем приступить к омовениям и предписанным молитвам. Затем они пили и ели, а потом вели занимательную и дружескую беседу. И Нур все более и более восхищался многочисленностью знаний царевны, ее умом и проницательностью.

Что же касается отца Мариам, то он разослал во все стороны всадников, чтобы искали они царевну. Но все возвратились через некоторое время, ничего не узнав. Тогда призвал он начальника полиции, маленького старичка, кривого на правый глаз и хромого на левую ногу, но истинного дьявола среди шпионов, и велел ему объехать все мусульманские страны и не возвращаться, пока он не найдет царевны. И начальник полиции вскоре напал на след царевны и прибыл в Аль-Искандрию. И увидав там царевну, он затрясся от радости и бросился к ней навстречу. Но царевна, которая уже успела приобрести мусульманские добродетели и научилась пристойному обращению с мужчинами, отвесила здоровую пощечину безобразному франкскому послу и закричала ему: – Проклятая собака! За каким делом приехал ты в мусульманские края? Неужели ты думаешь, что я покорюсь тебе? Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот тридцать девятая ночь, она сказала:

ночь шестьсот тридцать девятая

Франк же ответил: – О царевна, отец твой умирает от горя, зная, что ты в плену у неверных, а мать твоя не осушает слез, думая обо всех оскорблениях, которым ты подвергалась в руках этих разбойников и насильников! Но Мариам отвечала: – Я нашла здесь покой душе моей, и не покину я эту благословенную страну! Тогда хромоногий франк подал знак своим невольникам, которые тотчас же окружили ее, заткнули ей рот платком и с наступлением ночи доставили на корабль, отправлявшийся в Константинию. А молодой Нур, напрасно прождавший Мариам, стал в поисках ее бродить по улицам и дошел до гавани. Здесь лодочники сказали ему, что только что доставили на отплывшее судно девушку, приметы которой вполне совпадали с теми, которые он давал им. И когда Нур, узнал это, к нему подошел какой-то старик и сказал: – Не отчаивайся, дитя мое! Я капитан, и сегодня ночью судно мое тоже отправляется в Константинию с сотней мусульман на своей палубе. Тебе стоит только сесть на мой корабль, и ты найдешь предмет своих желаний! И со слезами на глазах Нур поцеловал руку моряка-капитана и поспешил на его корабль, который на всех парусах полетел по морю. Но по прибытии в Константинию их окружили франкские солдаты, охранявшие берег. По приказу царя, желавшего мстить всем чужеземным купцам за оскорбления, причиненные его дочери в мусульманских краях, их бросили в тюрьму.

А царевна Мариам прибыла в Константинию как раз накануне того дня. И как только весть о ее возвращении распространилась по городу, жители украсили все улицы в ее честь, и все население вышло к ней навстречу. Царь и царица верхом на конях и вместе со всеми придворными встретили ее на берегу. И царица, нежно обняв дочь, прежде всего с тоской и тревогою спросила ее, девственница ли она еще или же, к несчастию и позору своего имени, лишилась неоценимого сокровища. А царевна, расхохотавшись при всех присутствовавших, ответила: – О чем ты спрашиваешь, мать моя? Разве тебе неизвестно, что в мусульманских книгах сказано: «Ни одна женщина не состарится девственницей в Исламе». В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила шестьсот сороковая ночь, она сказала:

ночь шестьсот сороковая

Когда царица услышала такой непредвиденный ответ, и к тому же в присутствии всего двора, она вся пожелтела и без чувств упала на руки своих служанок. Царь же почувствовал, что желчный пузырь лопается у него в печени, и, негодуя до последней степени, он увел царевну и поспешил вернуться во дворец, где визири его сказали ему на собранном совете: – Есть только одно средство для очищения царевны от мусульманской скверны: надо омыть ее в мусульманской крови. Надо вывести из тюрьмы сто мусульман и отрубить им головы! Пусть соберут их кровь и выкупают в ней царевну, как бы в виде нового крещения! И царь согласился, и отрубил палач головы всем купцам, собирая в большой таз кровь, которая текла из обезглавленных тел. Но когда настал черед Нура, какая-то старуха подошла к царю и сказала: – О царь, сто голов уже отрублено, и таз полон крови. Отдай мне этого молодого мусульманина для служения в церкви!

И царь позволил это, и старуха, бывшая главною охранительницею церкви, дала ему длинную черную одежду, широкий пояс и научила прислуживать в церкви. И на седьмой день старуха сказала Нуру: – Знай, что сегодня очищенная кровавым крещением Мариам придет в церковь, чтобы вымолить себе отпущение своих прежних грехов. И когда я уйду спать, ты будешь служить ей, если это понадобится. И Нур, скрывая радость, ответил: – Я понял, о госпожа моя! И вскоре одетая в черное с ног до головы царевна Мариам вошла в церковь, двери которой отворила ей старая охранительница, и медленными шагами направилась к внутренней часовне весьма мрачного вида. Тогда старуха, не желая мешать ее молитве, удалилась, напомнив Нуру, что он должен сторожить у дверей. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот сорок первая ночь, она сказала:

ночь шестьсот сорок первая

Когда Нур убедился, что старуха заснула и храпит, как людоедка, он вошел в часовню и дрожащим голосом сказал: – Я Нур, о Мариам! И царевна подумала сперва, что это сон, а потом бросилась в его объятия. А когда они нашли силы говорить, то рассказали друг другу обо всем, что случилось с ними со дня разлуки. Затем царевна сбросила траурные одежды, и, поцеловав его перед уходом, сказала: – Я придумала способ вырваться из этого края! Тебе надо отворить церковную дверь, выходящую к морю, и добраться до берега. Там увидишь ты небольшое судно, капитан которого протянет тебе руку. Но не торопись; подожди, чтобы он назвал тебя по имени! Обо мне же не беспокойся: я сумею встретиться с тобою беспрепятственно. И Нур с наступлением ночи, заслышав храп старухи, забрал все драгоценности, хранившиеся в подвале, и спрятал в свой пояс все золото и серебро. И дошел он до берега, и капитан судна, назвав его по имени, принял его со всяким радушием. И тотчас же дан

был знак к отплытию. Но один из матросов возвысил голос и сказал: – О капитан, но мы получили приказ от нашего царя напасть на след мусульманских разбойников, которые грозили похитить царевну Мариам. А капитан взбесился до последней крайности и закричал: – Кто смеет ослушаться моих приказаний? И, выхватив саблю, он одним ударом снес голову тому, кто говорил. И окровавленная сабля засверкала среди ночи, как факел. Но этот решительный поступок не помешал остальным матросам продолжать роптать. А потому все они в один миг разделили участь товарища под быстрою, как молния, саблей капитана, который столкнул их тела в море. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот сорок вторая ночь, она сказала:

ночь шестьсот сорок вторая

После этого он обернулся к Нуру и закричал: – Развязывай канаты и ставь паруса, а я встану к рулю! И маленькое судно, управляемое твердой рукой капитана, полетело на всех парусах в открытое море и, подгоняемое попутным ветром, направилось к Аль-Искандрии. А бедный Нур говорил себе: «Что станется со мною с этим свирепым человеком? Не выйду я живой из его рук». И всю ночь предавался он этим скорбным мыслям, присматривая за парусами и снастями. А наутро капитан вдруг бросил тюрбан к своим ногам, громко расхохотался, сорвал свою бороду и усы, и Нур узнал царевну Мариам! И он бросился к ее ногам и признался, что боялся ужасного капитана, а царевна много смеялась, направив судно в ближайшую гавань. На берегу они наняли нескольких матросов и опять пустились в море. И Мариам, превосходно изучившая мореплавание, отдавала необходимые приказания во все время пути. А ночью она ложиться около своего возлюбленного Нура и вкушала с ним всю сладость любви среди морской свежести под открытым небом. И вскоре прибыли они к мусульманской земле, и Нур сошел на берег за покрывалом для Мириам и другими необходимыми покупками.

А царь франков, узнав, что дочь его пропала, а в порту нашли обезглавленные тела матросов, закипел бешенством, призвал начальника гавани и хромоногого визиря и закричал им: – Дочь моя, без сомнения, уехала в мусульманские края к своим насильникам. Если вы не привезете ее сюда живой или мертвой, я велю посадить вас обоих на кол! И они немедленно отплыли на корабле в Аль-Искандрию, куда и прибыли одновременно с беглецами. И тотчас же узнали они небольшое судно, привязанное у берега, и царевну Мариам, сидевшую на палубе. И посадили они в лодку вооруженных людей, которые неожиданно напали на судно царевны, схватили ее, заткнули ей рот и перенесли ее на свой корабль, а маленькое судно подожгли. И вышли они в открытое море и направились в Константинию, где передали царевну Мариам отцу ее... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот сорок третья ночь, она сказала:

ночь шестьсот сорок третья

Когда царь франков увидел ее, он в сильном гневе закричал: – Горе тебе, проклятая дочь! Ты отреклась от веры предков твоих! Готовься к смерти, тебя повесят у дверей церкви! Но в это время старый визирь дошел, хромая, до трона и, получив соизволение говорить, сказал: – О царь времен, знай, что недостойный раб твой давно уже очарован прелестями царевны. И я прошу выдать ее за меня замуж. Я так безобразен, что этот брак послужит ей карой за ее ошибки! И я обязуюсь держать ее взаперти во дворце моем. И царь ответил: – Твоему желанию нет препятствий. Но что будешь ты делать с этой головней, зажженной адским огнем? А визирь ответил: – Клянусь Мессией! Я же сумею действовать так осмотрительно, что супруга моя не будет предаваться предосудительным излишествам. А царь франков сказал: – О хромоногий, предупреждаю тебя, если ты выпустишь мою дочь из своего дворца, то голова твоя немедленно слетит с плеч! И после свадебной церемонии отвратительный старый визирь должен был войти в комнату царевны.

А Нур, вернувшись на берег, узнал, что экипаж франкского корабля неожиданно напал на привязанное неподалеку судно и сжег его, похитив с него перед тем молодую женщину. При этом известии Нур изменился в лице и едва не лишился чувств. Между тем к собравшейся толпе подошел шейх, в комнатах которого жили Нур и царевна после своей первой встречи. Он узнал бедного Нура, спросил его о причине его жалкого вида и, узнав в чем дело, сказал: – Пойдем со мною, сын мой! Ты молод, и вместо того, чтобы приходить в отчаяние, ты должен пользоваться своею молодостью и своим здоровьем. Пойдем, род красивых девушек еще не угас в нашей стране! Мы сумеем найти тебе египтянку, прекрасную и опытную в любви, которая, без сомнения, вознаградит тебя за потерю этой франкской царевны. Но Нур ответил: – Клянусь Аллахом, я хочу возвратиться в город царя франков и вырвать оттуда мою возлюбленную! Ничто не помешает мне сделать это, даже подвергаясь опасности положить за это драгоценную жизнь души моей! А так как волею судьбы в гавани в это время находилось судно, готовое к отплытию на острова франков, молодой Нур поспешил сесть на него. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот сорок четвертая ночь, она сказала:

ночь шестьсот сорок четвертая

Léon Carré

Царь же франков, поклявшийся Мессией истребить мусульман на земле и на море, снарядил сто военных кораблей, чтобы преследовать мусульманские суда, опустошать берега и повсюду сеять разорение и смерть. Поэтому судно, где находился Нур, было взято в плен одним из этих военных кораблей, а случилось это в день бракосочетания кривого визиря и царевны Мариам. И царь приказал посадить на кол всех взятых в плен мусульман перед воротами дворца, в котором справляли свадьбу. И это зверское приказание было исполнено, и оставался один только молодой Нур, когда к царю приблизился кривой визирь и сказал: – О царь времен, я обещался умертвить у моих дверей мусульманина, чтобы призвать благословение на мой брак. Позволь мне забрать этого пленника! Получив согласие, визирь велел заковать Нура в цепи и до казни держать в конюшне своего дома.

А в конюшне кривого визиря стояло два коня благороднейшей арабской крови, но у одного из них было бельмо на глазу. Визирь пробовал его лечить, но только усилил болезнь. Когда же визирь привел Нура в конюшню, тот, заметив это бельмо, стал улыбаться. И на вопрос визиря, в чем причина улыбок, Нур ответил: – Во всем христианском царстве не нашлось человека, чтобы вылечить эту лошадь! Я же это могу! Что дашь ты мне, если завтра глаза этой лошади будут здоровы, как здоровы глаза газели? И визирь ответил: – Я обещаю тебе свободу и назначу тебя начальником моих конюшен! И визирь развязал Нуру руки, а тот взял сала, воску, известь, чесноку, смешал все это с густым соком, выжатым из луковиц, сделал пластырь и приложил его к больному глазу лошади. После этого он лег на плохую кровать, стоявшую в конюшне, и предоставил Аллаху заботу об излечении. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот сорок пятая ночь, она сказала:

ночь шестьсот сорок пятая

На другое утро визирь увидел, что глаз у лошади был ясен и чист, как свет дня. И тотчас же он назначил Нура начальником своих конюшен и отвел ему квартиру против собственных покоев. И когда наступил седьмой день празднеств, и вечером того дня безобразный старик должен был войти в комнату царевны, Мариам сидела в печали у окна, предаваясь своим горьким мыслям. И тут под окном раздался прекрасный молодой голос, певший среди вечерней тишины арабские стихи о разлуке любовников. И Мариам сейчас же узнала голос Нура и беспредельно взволновалась. Но она сумела овладеть собою, чтобы не выдать себя перед окружавшими ее служанками. Затем, отпустив их, она взяла лист бумаги и написала: «Во имя Аллаха Милосердого и Милостивого! В первый час ночи возьми двух коней, отведи их за город за ворота Султаниэ и жди меня там. А если спросят у тебя, куда ведешь

лошадей, отвечай, что ты ведешь их прогуляться немного». Затем она сложила это письмо, завернула в шелковый платок и, помахав им Нуру, бросила платок в окно. И Нур нашел письмо, прочел его и приложил к губам и ко лбу в знак согласия.

А этим вечером по окончании свадебных празднеств кривой и безобразный старик вошел в комнату царевны, чтобы совершить то, что должен был совершить. Но царевна подавила свое отвращение и, пригласив его сесть рядом с нею, сказала: – Не будем терять время на пустые приветствия! Где ужин? Я очень голодна и, прежде всего, нам следовало бы покушать! И старик позвал рабов, и были поданы подносы, заставленные редкими яствами из всего, что летает по воздуху, плавает в морях, ходит по земле и растет на деревьях. И оба принялись за ужин; и царевна принуждала себя подавать ему куски; старик же был восхищен ее вниманием, и грудь его расширялась от радости при мысли, что ему будет гораздо легче добиться цели, нежели он ожидал. Но вдруг он упал на спину и лишился чувств; царевна ловко всыпала ему в кубок щепотку марокского банжа, способную свалить и слона. Слава Аллаху, не дозволяющему безобразию осквернять красоту! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот сорок шестая ночь, она сказала:

ночь шестьсот сорок шестая

Когда визирь скатился на пол, как нажравшаяся свинья, царевна наполнила драгоценностями два мешка, сняла со стены меч, омоченный в крови львов, спустилась по веревке из окна во двор и, никем не замеченная, направилась к воротам Султаниэ. Увидав Нура, он крикнула ему: – Следуй за мною! И Нур тоже вскочил на коня и скакали они всю ночь до зари. Затем остановились они отдохнуть и рассказали друг другу обо всем, что претерпели во время разлуки. Утолив жажду водою из ручья и освежившись плодами с деревьев, растянулись они на траве. И спали они до середины дня и пробудились, лишь услышав, что земля дрожит от топота целых тысяч копыт. Целое войско гналось за ними!

Дело в том, что царь франков не был спокоен относительно брака дочери своей со стариком, давно утратившим силы. И велико было его удивление, когда он нашел его распростертого на полу и без чувств. И царь велел вспрыснуть уксуса в нос визирю, который тотчас же пришел в себя. Царь же громовым голосом закричал ему: – О проклятый, где дочь моя Мариам? И визирь ответил: – О царь, я не знаю! Тогда взбешенный царь обнажил саблю свою и одним ударом разрубил надвое голову своего визиря; и душа его вылетела из челюстей. И узнав о двух конях, царь не сомневался, что дочь его снова сбежала с начальником конюшни. И призвал он своих военачальников и приказал им во главе войска пуститься в погоню за ней. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот сорок седьмая ночь, она сказала:

ночь шестьсот сорок седьмая

И когда Мариам увидела приближавшуюся армию, она вскочила на коня и закричала Нуру: – Оставайся позади, я одна нападу на наших врагов и буду защищать и тебя, и себя, хотя они бесчисленны, как песок морской!

И наклонилась она над конем своим и поцеловала его в шею. И сын аравийских степей затрепетал, заржал и ринулся вперед быстрее ветра. А Мариам, издав ужасающий крик, атаковала правое крыло франков и сразу сразила девятнадцать голов их всадников. Увидав это, царь подозвал военачальника Барбу, который был искусным воином и первым из вельмож царства. И сказал ему царь: – О Барбу, ты видишь опустошение, произведенное этой недостойной дочерью! Приведи ее ко мне мертвою или живою! И Барбу тотчас же бросился вперед, крича, как взбешенный слон. А царевна со своей стороны, зарычала, как львица, защищающая своих львят; и быстрая, как хищная птица, ринулась навстречу противнику. И оба сшиблись, как две движущиеся горы, и бешено давали отпор друг другу, вопя, как демоны. И пыль, поднятая копытами их лошадей, скрывала их по временам от взоров. И борьба их продолжалась час с равным геройством с обеих сторон.

И тогда Барбу метнул в царевну первый из четырех дротиков, и тот полетел из его руки, как ослепляющая глаз молния. Но царевна быстро отклонила его саблей наотмашь, и дротик со свистом воткнулся вдали в песок. Тогда Барбу метнул второй дротик, но и этот удар оказался напрасным. И такая же участь постигла и третий, и четвертый дротики. Тогда взбешенный и пристыженный Барбу зарычал, как лев, и изо всех сил бросил в противницу огромную палицу. Долетев до Мариам, она сгубила бы ее без возврата, если бы царевна не схватила ее на лету. И она удержала ее в руке своей, и потрясла ею в воздухе! И как волчица ринулась она на Барбу и закричала ему, между тем как дыхание у нее шипело, как шипит ехидна: – Горе тебе, проклятый! Приходи учиться управлять палицей!

И Барбу, потеряв всякую храбрость и присутствие духа, побежал, защищая себя щитом. А героическая царевна, покружив в воздухе тяжелой палицей, метнула ею ему в спину. И сбросила она Барбу с коня, переломив ему четыре ребра. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот сорок восьмая ночь, она сказала:

ночь шестьсот сорок восьмая

И покатился он в пыль, корчился, плавая в своей крови и раздирая землю ногтями. Здесь смерть и настигла его. И когда царь франков увидел его гибель, он от горя разорвал свои одежды и вызвал второго военачальника, которого звали Барту и который был известен между франками своею неустрашимостью и доблестью в единоборстве. И сказал ему царь: – О Барту! Отомсти за смерть Барбу, товарища твоего по оружию! И поскакал тот прямо на царевну, и бешеным галопом налетел на нее, целясь копьем, железное острие которого походило на жало скорпиона. И сшиблись они в бурной схватке. И противники, окутанные густою пылью, раздавали друг другу удары, от которых стонал воздух. И долго бились они так с бешенством в душе и бросая один другому ужасающие ругательства. И скоро Барту, видя превосходство противника, сказал себе: «Клянусь Мессией, настал час выказать всю мою мощь». И схватил он пику, предвестницу смерти, взмахнул ею и метнул в царевну.

Но она следила за движениями Барту и угадала его намерение. И когда пика подлетела к ней, она схватила ее внезапно на лету и, повернувшись к остолбеневшему от удивления военачальнику, ударила его этим же оружием в самую середину живота и проколола его насквозь, так что конец пики вышел, сверкая, из позвонков. И упал Барту как обрушившаяся башня; и эхо повторило звон его оружия. И душа его встретилась с душою его товарища и осталась навеки в неугасаемом пламени, зажженном гневом Верховного Судьи. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот сорок девятая ночь, она сказала:

ночь шестьсот сорок девятая

Тогда царевна прогарцевала вокруг войска, закричав: – Где рыцари? Где герои? Стыд вам всем, трепещущим перед рукою женщины! Тогда царь франков, доведенный до отчаяния потерею двух военачальников, призвал третьего, Фассиана, и сказал ему: – Твой черед сражаться! Отомсти за гибель твоих товарищей! И Фассиан поскакал галопом, издавая такие страшные звуки, что от них могли вздуться паруса корабля. А Мариам ринулась навстречу, и сшиблись они как две горы. Фассиан бросился на царевну и хотел нанести ей бешеный удар, но она увернулась, ударила по его копью и переломила его надвое. Потом она сделала быстрый поворот и наконечником копья ударила противника между плеч с такою силою, что выбила его из седла. И, сопровождая это движение страшным криком, она бросилась на него в ту минуту, как он лежал на спине, и одним ударом пригвоздила его к земле копьем, проткнув ему рот. Тут прочие воины почувствовали, что панический ужас овладевает ими, и искали они спасения в бегстве, и сверкали их пятки. А Мариам мчалась за ними до вечера, усеивая землю убитыми вдоль и поперек. И возвратилась она потом к

возлюбленному своему Нуру, и долго обсуждали они, в каком месте поселиться, и решили испробовать климат Дамаска. И пустились они в путь, направляясь к этому прелестному городу. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот пятидесятая ночь, она сказала:

ночь шестьсот пятидесятая

царь франков, потрясенный поражением своего войска, созвал государственный совет и спросил, что ему теперь делать. И патриархи думали целый час, а потом ответили: – Мы полагаем, о царь времен, что тебе остается только одно после всего, что произошло. Надо послать письмо и подарки могущественному главе мусульман халифу Гарун-аль-Рашиду, который царствует в странах и землях, куда прибудут беглецы. В письме, которое ты напишешь ему собственноручно, дай ему всякого рода обещания и уверения в дружбе, чтобы он согласился задержать беглецов и под конвоем прислать их тебе в Константинию.

И царь франков последовал их коварному совету. Он взял бумагу и калам и написал письмо халифу Гарун-аль-Рашиду, в котором послал выражение почтения, дружбы и просил вернуть дочь, а за это обещал он построить в своей столице мечеть и прислать неописуемые сокровища, подобных которым не видал ни один человек. Запечатав это письмо, царь франков отдал его новому визирю, назначенному на место кривого и хромого старика, и наказал непременно отдать письмо в собственные руки халифа. И визирь, поцеловав землю между рук царя, пустился в путь. Получив письмо, Аль-Рашид благоприятно отнесся к заключавшемуся в нем требованию, хотя и исходило оно от басурманского царя. И велел он сообщить наместникам всех мусульманских областей приметы царевны Мариам и ее спутника, и наказал им разыскать их, а по разыскании немедленно прислать беглецов ко двору под надежным конвоем.

А Мариам вместе с Нуром благополучно прибыла к воротам Дамаска несколько дней спустя после того, как быстрые гонцы халифа успели передать вали того города касавшийся их приказ. А так как Мариам с Нуром не знали того, что их ожидает, то без всякого опасения назвали себя при въезде в город. И сейчас же узнали их, и стража арестовала их. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот пятьдесят первая ночь, она сказала:

ночь шестьсот пятьдесят первая

стражники, не позволив им войти в город и окружив грозным оружием, принудили следовать за ними в Багдад, куда они прибыли, измученные усталостью, после десяти дней пути ускоренным шагом по пустыне.

Представ перед лицом халифа, они распростерлись перед ним, а он взглянул на Мариам и был восхищен стройностью ее стана и красотою ее лица, и спросил он ее: – Ты ли дочь франкского царя? Она же ответила: – Я раба твоя, о эмир правоверных! Тогда он взглянул на Нура, был очарован его молодостью и спросил его: – Как смел ты похитить эту франкскую царевну? И Нур в ответ рассказал во всех подробностях свое приключение халифу. Тот же рассказал Мариам про письмо ее отца с просьбой отправить ее обратно и спросил: – Что скажешь ты на это? И Мариам твердым голосом ответила: – Я приняла мусульманство и верую в единого Аллаха, так можешь ли ты отослать меня в страну неверных? И халиф в ответ воскликнул: – О дочь моя, да не допустит никогда Аллах, чтобы я выдал неверным мусульманку! Радуйся же, веселись и изгони из сердца своего всякую тревогу! И скажи мне, не пожелаешь ли ты выйти замуж за этого сына каирского купца? И Мариам ответила утвердительно, и немедленно велел халиф призвать кади и свидетелей и в тот же час составили они брачный договор. Потом халиф велел приблизиться визирю, посланнику царя франков, и сказал ему: – Ты видишь собственными глазами, что я не могу исполнить требование твоего господина, ибо принцесса Мариам, сделавшись мусульманкой, присоединилась к нам. И этим я совершил бы проступок, за который должен был бы дать ответ Аллаху и пророку Его в день страшного Суда! Ибо написано в книге Аллаха: «Никогда не будет дано неверным одержать верх над правоверными». Возвратись же к господину твоему и сообщи ему о том, что видел и слышал. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот пятьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь шестьсот пятьдесят вторая

когда посол понял, что халиф не хочет выдать ему дочь царя франков, он дал волю своему гневу и воскликнул: – Будь она еще в двадцать раз более мусульманкой, я все-таки должен отвезти ее к господину моему! При этих словах халиф, взбешенный до последней степени, велел трубить послу голову, а Мариам сорвала саблю, которую визирь франков носил на боку, и, взмахнув ею, одним ударом отсекла ему голову и выбросила ее за окно. И халиф осыпал Мариам и Нура богатыми подарками и позволил им уехать в Каир, где они прожили много лет в величайшем спокойствии и счастье. И закончив так эту историю, Шахразада сказала: – Но в эту ночь, о царь благословенный, чтобы закончить наше бдение, я хочу рассказать лишь коротенькую историйку из «Уроков великодушия и житейской мудрости». И она сказала:

Уроки великодушия и житейской мудрости

САЛАДИН И ЕГО ВИЗИРЬ

Дошло до меня, что визирь султана Саладина имел в числе любимых невольников своих молоденького мальчика совершенной красоты и необычайной привлекательности. И однажды Саладин увидел его и, окинув мальчика взглядом полным восхищения, сказал визирю: – Я вижу, ты нашел средство покорить нас красотою светила и пленить нас глазами месяца. А визирь при этом подумал: «Поистине, мне невозможно долее оставлять у себя этого отрока, после того как султан обратил на него внимание». И он приготовил богатый подарок, вручил его мальчику и сказал: – Ты отнесешь этот подарок господину нашему султану и сам будешь частью подарка! И подарок этот пришелся необычайно по сердцу Саладину, и он не преминул вознаградить визиря за эту жертву, осыпав его милостями и богатствами и выказывая ему при каждом удобном случае свое милостивое к нему расположение. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот пятьдесят третья ночь, она сказала:

ночь шестьсот пятьдесят третья

Между тем у визиря было много врагов и завистников, которые пытались очернить его в мнении султана. И они сказали ему, что визирь горько упрекает себя за этот дар султану и в досаде позднего сожаления кусает себе пальцы. Тогда султан призвал мальчика и продиктовал как бы от его лица следующее письмо визирю: «О прежний господин мой, ничто не может заставить меня забыть твою доброту, и я очень прошу

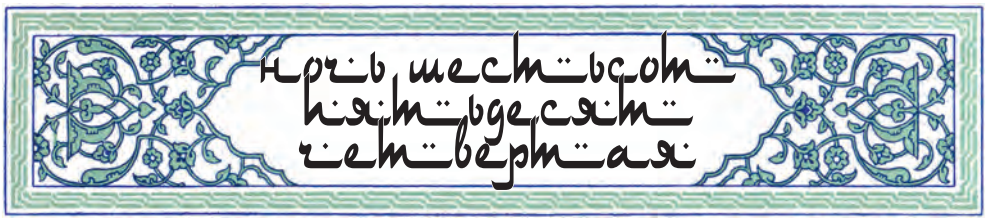
найти средство взять меня обратно от султана». И султан поручил маленькому невольнику передать это письмо визирю. А визирь, взяв письмо, даже не распечатал его и написал на обратной стороне следующее:

Я не из тех, чей разум безответно
Любви покорен; также не из тех,
Над кем тайком завистники смеются!
Коль я душой пожертвовал своей,
Она уж в тело больше не вернется!

Получив такой ответ, Саладин возликовал и не преминул прочесть его вслух перед вытянувшимися носами завистников. А теперь, – продолжила Шахразада, – рассказав, как воля мудрого помогает ему побеждать страсти, я хочу рассказать историю страстной любви! И она сказала:

МОГИЛА ВЛЮБЛЕННЫХ

Абдаллах в писаниях своих повествует: «Однажды ночью, когда я сидел недалеко от священной могилы Пророка, я увидел юношу, лицо которого было залито слезами. На мой вопрос о причине горя он сказал мне: – Знай же, что я Отбах, сын Аль-Хубаба. Вчера, когда я совершал молитву в мечети, туда взошли несколько женщин столь прекрасных, что хотелось умереть, глядя на них. И они сопровождали совсем еще молоденькую девушку, прелесть которой затмевала чары ее спутниц. И вдруг луна эта приблизилась ко мне среди толпы правоверных и сказала: – Я давно ищу случая заговорить с тобой! Что сказал бы ты о соединении с той, которая мечтает быть супругой твоей? Но раньше, чем я успел открыть рот, она скрылась среди своих подруг. Они вышли из мечети и исчезли в толпе богомольцев. И я не видел ее больше с той минуты. Но до тех пор, пока мне не будет дано вновь увидеть ее, я не буду знать счастья. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила шестьсот пятьдесят четвертая ночь, она сказала:



Так говорил он, и щеки его, покрытые легким пушком, все больше краснели. И я сказал ему: – О брат мой! Я готов помочь тебе отыскать предмет твоих мечтаний. На следующий день мы пошли в мечеть, но к великому разочарованию не увидели девушки, которую искали. Но я проскользнул через толпу к ее бывшим спутницам и разузнал от них, что девушка та была еще девственна, и что зовут ее Рийа, и что она дочь предводителя племени Бани-Сулаимов, и что он увез ее собой на берега Евфрата. И я подождал, пока в мечеть собрался народ, и, поклонившись, сказал: – О правоверные! Каково ваше мнение об Отбахе и его отце? И все ответили в один голос: – Это арабы благородного племени! Тогда я сказал: – Знайте же, что Отбах сгорает пламенной страстью, и я пришел просить вас упрочить счастье его! Сопроводите нас к предводителю Бани-Сулаимов, дабы просить у него дочь его Рийу в жены брату вашему Отбаху! И все ответили мне, что согласны.

И мы погнали лошадей во весь опор, и застали шатры Бани-Сулаимов в шести днях пути от Медины. И шейх Аль-Бентриф вышел из шатра своего и сказал: – Добро пожаловать, о благородные гости! И он отдал приказания рабам своим принять нас как следует. Невольники разостлали в честь нас ковры и зарезали несколько баранов. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот пятьдесят пятая ночь, она сказала:

Ночь шестьсот пятьдесят пятая

Тогда я сказал Аль-Бентрифу: – Мы явились просить у тебя благородную дочь твою Рийу в жены Отбаху, сыну Аль-Хубаба. И отец Рийи ответил: – О братья арабы, я пойду узнать ее мнение! И он ушел с таким лицом, которое ясно показывало, что он думает иначе, чем говорит. Рассказав дочери своей о случившемся, он воскликнул: – Клянусь Аллахом, никто, кроме сына дяди твоего не вступит в родословную мою! Но я скрою отказ свой, потребовав за тебя огромный выкуп. И вернувшись к нам, он сказал: – Дочь моя не противится, но требует выкуп в тысячу браслетов червонного золота, пять тысяч золотых монет, ожерелье из пяти тысяч жемчужин, тысячу кусков индийской шелковой ткани, двенадцать пар сапог из желтой кожи, десять мешков фиников из Ирака, тысячу голов скота, пять ящиков мускуса и пять коробов амбры! И Отбах ответил: – Я не только уплачу просимый выкуп, но еще прибавлю сверх того.

Тогда я вернулся в Медину вместе с Отбахом, где нам удалось собрать указанные вещи. И мы возвратились к шатрам Бани-Сулаимов и вручили наши покупки Аль-Бентрифу. И он, не имея возможности взять назад свое слово, начал свадебные празднества, продолжавшиеся сорок дней. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот пятьдесят шестая ночь, она сказала:

Ночь шестьсот пятьдесят шестая

Затем мы приготовили роскошные носилки, поместили на них новобрачную и тронулись в путь, сопровождаемые караваном нагруженных верблюдов. И Отбах трепетал от счастья в ожидании дня, когда он останется наедине со своей возлюбленной. Во время всего пути он ни на минуту не покидал ее, сидя вместе с нею в ее паланкине.

Но нельзя избежать своей судьбы, даже спасаясь от нее на крыльях. Внезапно

на наш караван напали вооруженные всадники из племени Бани-Сулаимов. Они были посланы шейхом, чтобы отбить у нас его дочь. И в пылу схватки друг мой Отбах, получив сильный удар копьем, упал бездыханным в мои объятия. При виде этого юная Рийа с громким криком бросилась к трупу своего возлюбленного. И всю ночь провела она над ним, оплакивая его. Когда же наступило утро, мы нашли ее умершей от отчаяния. Да упокоит Аллах их обоих в милосердии своем! И мы вырыли им в песке общую могилу, похоронили их рядом и посадили рядом красивое дерево неизвестной породы, которое стали называть Деревом Влюбленных». Тут Шахразада, заметив что царь Шахрияр стал мрачен, слушая эту историю, поспешила в ту же ночь рассказать историю Хинды и ее развода.

РАЗВОД ХИНДЫ

Рассказывают, что юная Хинда, дочь Аль-Немана, была настоящая газель по стройности, грации и чудным глазам. Когда молва о ее красоте достигла Аль-Хайажа, правителя Ирака, он посватался к ней и, заплатив большой выкуп, увез Хинду в дом свой. Но Аль-Хайаж к великому несчастию своему страдал бессилием. И Хинда, узнав причину его воздержанности, горевала об этом. И однажды Аль-Хайаж услышал, как она напевала следующие строчки:

О кобылица крови благородной,
Арабской крови, Хинда молодая!
Осуждена ты горестной судьбой
Прожить всю жизнь с негодным старым мулом!

И когда Аль-Хайаж услышал это, он, совершенно расстроенный, послал за кади, чтобы устроить развод. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот пятьдесят седьмая ночь, она сказала:

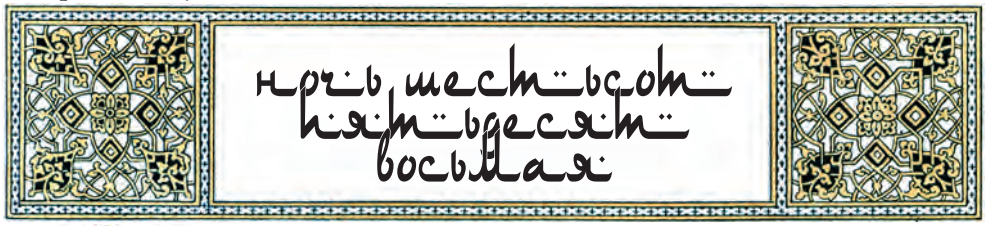
НОЧЬ ШЕСТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Хинда, узнав об этом, воскликнула: – Хвала Аллаху, желание мое исполнилось, и я свободна возвратиться в дом отца моего!

Между тем халиф Абд-Аль-Малек, наслышавшись о несравненной красоте и уме Хинды, послал просить ее в жены себе. И она согласилась, написав халифу: «Я поеду с условием, чтобы Аль-Хайаж босиком вел под уздцы верблюда моего во время переезда в твой дворец!» И халиф послал Аль-Хайажу такой приказ, а тот мог лишь повиноваться приказаниям халифа. По дороге Хинда, высунув голову в дверцы носилок, бросила на землю золотой динарий и сказала бывшему супругу своему: – Подай мне эту серебряную монету! И тот поднял монету, говоря: – Это золотой динарий, а не серебряная монета! А Хинда воскликнула: – Хвала Аллаху, превращающему серебро в золото, несмотря на прикосновение к грязи! Прослушав эту историю, Шахрияр сказал Шахразаде: – Мне хотелось бы теперь послушать какую-нибудь чудесную историю. И Шахразада начала так:

Чудесная история о зеркале девственниц

Жил-был в давно минувшую пору в Басре некий султан Зеин, юноша очаровательный и прелестный, полный доблести и великодушия, благородства и силы. Но он был расточитель богатств, мотовство которого не знало ни удержу, ни меры. И так он, наконец, истощил все наследственные богатства свои. Тогда юный султан Зеин пожалел, что не подумал раньше сберечь хоть что-нибудь на черный день и решил сбежать, предоставив на произвол судьбы своих наложниц, жен и государственные дела. Но тут он вспомнил слова отца своего, сказавшего перед смертью: «Если судьба когда-нибудь обратится против тебя, то ты найдешь в шкафу бумаг сокровище, которое даст тебе силу выдержать все удары судьбы». И он бросился к шкафу бумаг и нашел в нем небольшую, тяжелую шкатулку. Открыв ее, он нашел маленькую записочку со словами: «Пойди в такое-то место дворца, возьми заступ и рой землю, призывая имя Аллаха». И юный султан захватил кирку и направился в подземелье, находящееся под дворцом. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот пятьдесят восьмая ночь, она сказала:



Он зажег факел, и принялся усердно рыть, и поднимал плиты одну за другою, пока не обнаружил под одной из них дверь со стальным замком. И он разбил его, открыл дверь и спустился в обширную залу, в которой стояли десять больших урн из алебастра и порфира. И он подошел к одной из урн, снял крышку и увидел, что она была полна до краев золотым песком. И он поспешил снять крышку следующей урны и увидел,

что она наполнена до краев золотыми динариями. И он осмотрел одну за другой все десять урн и увидел, что алебастровые были до краев полны золотым песком, а все порфировые сестры их наполнены золотыми динариями. И юный Зеин стал прыгать и веселиться, и наклонил он к себе один из алебастровых сосудов и стал сыпать золотой песок на голову, на плечи, на живот и на все тело свое. И в то же время он наклонял урны из порфира, и золотые динарии шумно сыпались на пол, будя звоном и звяканьем своего падения дрожащее эхо.

Когда же юный султан искупался таким образом в золоте, наслаждаясь им, чтобы скорее забыть призрак нищеты, который еще так недавно грозил ему, он поднялся, весь блестя золотыми песчинками, и несколько успокоившись, принялся тщательно осматривать все с величайшим любопытством, удивляясь, что отец его, царь, сумел вырыть это подземелье и выстроить эту восхитительную залу настолько в тайне, что никто во дворце никогда ничего не слышал о ней. И внимательный взгляд его заметил в уголке скрытую между двумя хрустальными колонками маленькую шкатулочку, точь-в-точь похожую, но только меньшого размера, на ту, которую он нашел в шкафу бумаг. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот пятьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь шестьсот пятьдесят девятая

Он открыл ее и нашел там золотой ключик, украшенный драгоценными камнями. И он принялся искать повсюду, для чего он мог бы предназначаться. Наконец, нашел он в одном из стенных украшений замочную скважину. Он вставил в нее ключ, и пружина поддалась, и отрылась новая потайная дверь. И он проник в другую залу, еще более великолепную, чем первая. Посреди стояли шесть молодых девушек, и каждая была выточена из цельного алмаза. И заметил он, что они окружают подставку с шелковой полосой, на которой были вышиты следующие слова:

Иди в Каир и разыщи ты там
Невольника седого Мубарака:
В тебе признает моего он сына
И отведет в то место, где сокрыта
Светлейшая из несравненных дев.
Купи ее. Тебе она до гроба
И взор, и чувство будет услаждать.

И юный Зеин сказал себе: «Эта седьмая дева, должно быть, действительно нечто дивное, если отец мой уверяет, что она стоит всех этих вместе взятых». И он провел часть ночи, перенося золото в свои покои, а на следующий день отправился в Египет, поручив великому визирю своему управлять страною во время его отсутствия. И беспрепятственно прибыл он в Каир, где нашел дворец Мубарака, который оказался старшиной купеческого общества. И невольники доложили о прибытии гостя и провели его в великолепную залу, где на шелковом диване сидел хозяин дворца. И он после обычных приветствий стал беседовать с юношей, соблюдая обязанности гостеприимства и

не спрашивая его о цели посещения. Тогда Зеин начал сам рассказывать о себе, говоря: – О господин мой, я приехал из Басры, чтобы найти человека, который был некогда в числе невольников покойного царя, которому я прихожусь сыном. И если ты спросишь, как имя мое, то я скажу тебе, что зовут меня Зеин. Ибо я-то и есть теперь султан Басры. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила шестьсот шестидесятая ночь, она сказала:

ночь шестьсот шестидесятая

При этих словах Мубарак облобызал землю у ног Зеина и воскликнул: – Хвала Аллаху, дозволившему соединение господина с рабом его! Приказывай, и я отвечу тебе покорностью и послушанием. Тогда Зеин рассказал ему все, что с ним случилось, а Мубарак в ответ поведал, что седьмая алмазная дева находится во дворце Старика с Трех Островов. А эти Острова расположены в стране, доступ в которую обыкновенным людям воспрещен. И он добавил: – Тем не менее я могу проводить тебя туда, ибо знаю заклинание, которое нужно произнести, чтобы проникнуть туда. И царевич ответил: – Я готов испытать все опасности, чтобы приобрести эту дивную алмазную деву, ибо ничто не случится, кроме того, что должно случиться! И, совершив омовения и молитву, они сели на коней и тронулись в путь. И они ехали много дней и ночей, пока не доехали до подошвы высокой горы с остроконечной вершиной, заслонявшей весь горизонт своей непроницаемой стеной. Тут Мубарак вытащил из кармана старую книгу с непонятными письменами и принялся громко читать стихи на непонятном языке. И гора тотчас расступилась, оставив проход, достаточно широкий, чтобы мог пройти человек. И Мубарак взял царевича за руку и повел вперед. И когда через час дошли они до другого конца прохода, обе половины горы соединились вновь так плотно, что между ними нельзя было вонзить и кончик иголки.

Они очутились на берегу озера и увидели, что вдалеке виднелись три острова, покрытые густой растительностью. И весьма изумленный Зеин спросил: – Как же мы переправимся через это озеро, обширное, словно море? А Мубарак ответил: – Через несколько минут подойдет лодка и переправит нас на эти острова, где находится владетель алмазной девы. Только умоляю тебя, что бы ни случилось и что бы тебе ни пришлось увидеть, не высказывай никаких размышлений об этом. И в особенности, о господин мой, сколь ни покажется тебе странным лицо лодочника, и что бы ты ни заметил в нем необычайного, остерегись сделать малейшее движение. Ибо, если уже войдя в лодку, ты будешь иметь несчастье произнести хоть одно слово, лодка вместе с нами пойдет ко дну! И сильно взволнованный Зеин ответил: – Я буду держать свой язык за зубами, а рассуждения свои в уме! В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила шестьсот шестьдесят первая ночь, сказала:

Léon Carré

Ночь шестьсот шестьдесят первая

И в это время к берегу причалила лодка из сандалового дерева и со снастями из шелка. Тело у лодочника было, как у человека, а голова его походила на голову слона с двумя большими ушами. И лодочник вытянул хобот свой и перенес им в лодку одного за другим обоих путешественников. И тотчас же развернул и приподнял он свои огромные уши и они надулись, точно паруса. И лодка понеслась по озеру, точно большая птица. И на берегу одного из островов лодочник хоботом поставил путников на берег и исчез вместе со своей лодкой. Мубарак и царевич пошли вглубь острова по дорожке, вымощенной драгоценными камнями всех цветов, и подошли к дворцу, выстроенному целиком из изумрудов. К главным воротам из золота вел мост из драгоценной черепаховой чешуи. Тут Мубарак, дав царевичу необходимые наставления, начал говорить заклинания, заговоры и заклятия, не имевшие для Зеина никакого смысла. И тотчас солнце скрылось за тяжелыми черными тучами, и весь остров окутала густая тьма, и блеснула длинная молния, за которой последовал удар грома. И поднялся вдруг страшный ветер, и услышали они ужасающий крик, который потряс воздух; и содрогнулась земля. Когда Зеин увидел и услышал все это, то почувствовал, что его охватило сильное волнение, но он старался не показать этого, думая про себя: «Клянусь Аллахом! Это дурное предзнаменование». Но Мубарак, угадывавший его чувства, улыбнулся и сказал: – Не бойся, о господин мой! Знамения эти, напротив, должны скорее успокоить нас. С помощью Аллаха, все идет пока хорошо! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот шестьдесят вторая ночь, она сказала:

Ночь шестьсот шестьдесят вторая

И в эту минуту появился перед ними Старик с Трех Островов. И он приблизился к Зеину, а тот, не забыв высказать ему все приветствия и похвалы, которым научил его Мубарак, изложил цель своего прибытия на остров. Тогда Старик улыбнулся и сказал Зеину: – Знай, что я обещал отцу твоему взять тебя под свое покровительство, и я готов дать тебе алмазную деву, которая одна стоит всех других вместе взятых, но я смогу сделать этот подарок не иначе, как в обмен за другой, о котором я попрошу тебя! Ты должен привести ко мне красавицу пятнадцати лет, которая была

бы девственно чиста! И Зеин воскликнул: – Клянусь Аллахом, мне будет очень легко сделать это, ибо ничто не встречается так часто в наших краях, как пятнадцатилетние девушки, одновременно и девственные, и прекрасные! При этих словах старик расхохотался и сказал с жалостью в голосе: – Если ты думаешь, что девушки, которыми ты обладал, были девственны, то заблуждался! Женщины имеют тысячи способов, чтобы заставить поверить девственной чистоте своей; и они ухитряются обманывать самых опытных в этом деле мужчин.

И он добавил: – Невозможно сыну Адама узнать по лицу дочери Евы, девственна она или нет. Это знание принадлежит лишь Аллаху и избранникам его. Но я дам тебе особое зеркало. Как только ты увидишь пятнадцатилетнюю девушку безупречной красоты, которая покажется тебе девственной или же которую будут выдавать за таковую, тебе нужно будет только заглянуть в это зеркало. И не бойся подробно рассматривать ее изображение в зеркале: ибо, глядя на него, ты не посягнешь на чистоту тела ее, как это бывает, когда смотрят на самое тело. И если девушка окажется уже не девственной, то ты увидишь, что зеркало как будто отпотело и подернулось дымкой. Если же Аллаху угодно будет, чтобы девушка эта была невинна, ты сможешь увидеть это в зеркале, ибо поверхность его останется при этом светлой, ясной и чистой. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот шестьдесят третья ночь, она сказала:

Ночь шестьсот шестьдесят третья

И Зеин, взяв зеркало, направился вместе с Мубараком обратно к озеру. И лодочник с головой слона явился к ним со своей лодкой и перевез их так же, как в первый раз. И гора снова расступилась, чтобы дать им пройти. И они поспешили отыскать своих невольников, которые стерегли лошадей, и возвратились, наконец, в Каир. Там Мубарак сказал Зеину: – У меня есть здесь среди прочих знакомств одна изворотливая старуха, которой я могу поручить привести сюда всех молодых девушек пятнадцати лет, какие есть не только в Каире, но и во всем Египте. И пусть она приводит лишь тех, которых сочтет достойными для подарка царям и султанам. И я пообещаю ей, чтобы разжечь ее усердие, богатый бакшиш. Мы же остановим выбор свой на той, которая покажется нам самой прекрасной и купим ее. Если же она будет знатного рода, ты обвенчаешься с нею, для виду не прикоснувшись к ней. Так ты сдержишь свое слово, данное Старику с Трех Островов, который, в свою очередь, исполнит свое обещание и в обмен за прекрасную пятнадцатилетнюю девушку отдаст тебе алмазную деву!

И Зеин согласился на это, а Мубарак пошел к упомянутой старухе, и, вложив ей в руку значительный бакшиш, сообщил ей о цели, приведшей его к ней. И старуха в ответ сказала: – О господин мой, клянусь Аллахом, я посвящу себя тому, чтобы угодить тебе свыше твоего требования. Ибо знай, что у меня под рукой есть юные девственницы

пятнадцатилетнего возраста, несравнимые по грации и красоте, и притом все дочери почтенных и именитых людей. И я приведу к тебе всех их одну за другой; и ты будешь в большом затруднении, когда придется тебе выбирать между этими лунами, которые все одна другой восхитительнее! Так говорила старая плутовка. Но, несмотря на всю свою опытность и сметливость, она ничего не знала о зеркале. И потому-то она так уверенно вышла из дому и пошла бродить по городу, чтобы, путем обычных своих уловок и приемов отыскать нужных ей молодых девушек. Тут Шахразада заметила, что наступает утро и умолкла. А когда наступила шестьсот шестьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь шестьсот шестьдесят четвертая

И она привела во дворец Мубарака первую партию отобранных молодых девушек. И глядя на их опущенные глаза, невинные лица и скромные манеры, никто не мог усомниться в чистоте этих красавиц. Но ничто не могло обмануть зеркало! Каждый раз, как в залу входила новая девушка, царевич Зеин поворачивал к ней зеркало и смотрел на него. И она появлялась в нем совершенно обнаженная, несмотря на окутывавшие ее многочисленные одежды; и каждый раз царевич убеждался, что она уже далеко не девственна, и изумлялся тому, насколько мог бы обмануться он без помощи волшебного зеркала. И он обтирал каждый раз обшлагом своего рукава густой пот, покрывавший поверхность зеркала после каждого такого отражения. И старуха, поощряемая надеждой на вознаграждение, привела к нему вторую партию девушек, а потом третью, и четвертую, и пятую партию, но с таким же неуспехом, как и в первый раз. И Зеин видел египтянок и копток, нубиянок и абиссинок, аравитянок и бедуинок. В числе их было несколько девушек бесподобной красоты, но среди всех них не нашлось ни одной, которая была бы вполне девственна, чиста и невинна!

Поэтому царевич и Мубарак отправились в Сирию продолжать поиски свои. Но с уроженками Сирии случилось то же, что и с египтянками, и с другими; ибо, несмотря на скромные манеры и чистоту взоров их, все они оказались лишенными невинности. И все сводницы и разные другие старухи принуждены были убраться восвояси с носом, вытянувшимся до земли. Тогда Зеин сказал Мубараку: – Мне кажется, нам нечего больше делать в этой стране, и мы должны искать в иных краях то, чего мы желаем. И, по-моему, бесполезно ехать куда-либо, кроме как в Ирак. Ибо только там можем мы надеяться найти то, что ищем. Снарядим же наш караван и отправимся в Багдад, город мира. И когда караван был снаряжен, они двинулись через пустыню в Багдад и прибыли в Город мира целыми и невредимыми. Там они наняли дворец на берегу Тигра и стали вести роскошный образ жизни, держа открытый стол и задавая пиры, раздавая оставшееся беднякам и дервишам. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот шестьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь шестьсот шестьдесят пятая

А среди них был один по имени Абу-Бекр, который ненавидел всех богачей за то одно, что они были богаты. И однажды он пришел в мечеть и, став посредине толпы молящихся, воскликнул: – О правоверные, в нашем околотке поселились два богатых чужестранца, но мы не можем быть уверены, что это не мошенники, награбившие свои богатства. И нам надо написать жалобу к халифу, дабы он велел разобрать это дело! Затем все собравшиеся приняли это. Между тем Мубараку стало известно обо всем, происшедшем в мечети; и он стал опасаться, что благодаря этому он не сможет внушать доверие сводницам и свахам.

Потому он положил шестьсот золотых динариев в мешок, пришел к дервишу и сказал ему: – О господин мой, я пришел к тебе от имени эмира Зеина, который много слышал о мудрости твоей и твоих познаниях. И он поручил мне передать тебе в дар этот кошелек, и весьма извинялся, что он так мало соответствует громадным заслугам и достоинствам твоим. Тогда дервиш Абу-Бекр стал весьма кроток в своих намерениях. И он пришел в мечеть и воскликнул: – О братья мои, спешу сказать вам, что те два чужестранца, о которых я необдуманно отзывался вчера, оказались людьми, полными благородства, такта и других неоценимых достоинств и свойств! Сведения, которые я собрал о них, установили, что один из них – эмир с большими заслугами, и его присутствие может быть благодетельным для нашего околотка. Изгладив таким образом впечатление от речи, произнесенной им накануне, Абу-Бекр пошел домой, надел новый кафтан, и отправился к царевичу Зеину. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот шестьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь шестьсот шестьдесят шестая

Он склонился до земли перед царевичем, и они принялись беседовать, как хорошие друзья. И дервиш, очарованный обхождением царевича, спросил: – О повелитель мой, какую цель ты преследуешь в нашем городе? Я рад помочь тебе в чем-либо! И царевич ответил: – Мечта моя, чтобы взять в жены девушку пятнадцати лет, которая была бы и необычайно прекрасна, и вполне девственна. Это побудило меня приехать в Багдад после того, как побывал я в Египте и в Сирии. И дервиш ответил: – Это

вещь редкая, но я знаю, где найти эту жемчужину! Но Зеин сказал ему: – Вполне ли ты уверен в ее девственности? Ибо она не только в том, чтобы никто не касался тела ее, но и в том, чтобы никто его не видал! Я же могу убедиться в этом, лишь взглянув на нее, совершенно одетую и окутанную покрывалом! Тогда дервиш отправился разыскивать эту девушку, а это была дочь старшины дервишей Багдада. Отец воспитал ее вдали от нескромных взоров согласно наставлениям Священной книги. И была она была бела и изящна, и прекрасного сложения. Над широкими, округлыми бедрами ее возвышался тонкий стан, что же до прочих прелестей ее, то никто не смог бы описать их, ибо никто никогда не видел тела ее.

И Абу-Бекр явился в дом шейха дервишей и после обмена приветствиями сообщил ему во всех подробностях как обстоит дело, прибавив: – Благородный и богатый эмир этот готов заплатить тебе какой угодно выкуп за дочь твою; но он требует, чтобы ему позволили раз взглянуть на нее совершенно одетую и скрытую под покрывалом. И старшина дервишей, поразмышляв об этом, ответил: – Это возможно! И он пошел к супруге своей и сказал ей: – Возьми дочь нашу Латифу и иди за дервишем Абу-Бекром который отведет тебя во дворец, где судьба дочери нашей ожидает ее. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот шестьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь шестьсот шестьдесят седьмая

И супруга шейха дервишей, причесав и одев дочь свою, последовала за Абу-Бекром, который привел их во дворец, где ожидали их Зеин и Мубарак. И царевич при ее появлении почувствовал, что разум его покидает его, ибо среди всех женщин он не видел ни одной, которая могла бы хотя бы сколько-нибудь равняться с ней в красоте. И явилась она в зеркале отраженная и нагая, и он мог убедиться, что девственность ее неприкосновенна. И царевич понял, что нашел, наконец, девушку, которую искал, и Мубарак передал шейху дервишей предложение царевича, и, получив его согласие, вызвал кади и свидетелей, и был заключен брачный договор. И сразу после свадебных празднеств юная девственница была помещена в носилках на спине верблюда, и караван с ней направился вновь к Трем Островам. Но за время долгого путешествия Зеин стал чувствовать себя очарованным прелестью обворожительной девушки, ставшей законной супругой его. И в первый раз испытал он силу настоящей любви, о которой до тех пор и не подозревал.

Между тем они теми же способами, что и прежде, достигли острова, где жил старик. И тот, внимательно взглянув на девушку, сказал Зеину: – О султан, девушка, которую ты привез, именно такая, как я и желал. Что же касается тебя, то тебе остается только возвратиться в государство твое, где в подземелье ты найдешь седьмую красавицу, которую я обещал тебе. При этих словах прелестная Латифа, также успевшая привязаться к прекрасному Зеину, заплакала. А он, весьма опечаленный, сказал

ей: – Ты разведена! И он пустился вместе с Мубараком в обратный путь, в Басру. И в продолжении всего путешествия он не переставал думать об этой столь очаровательной и кроткой Латифе; и он горько упрекал себя в том, что обманул ее, дав ей поверить, что она стала супругой его. Прибыв в Басру, царевич Зеин решился сойти в подземелье... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот шестьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь шестьсот шестьдесят восьмая

Там он увидел прежние шесть фигур на прежних местах и взглянул на золотую подставку. На ней во весь рост стояла, улыбаясь, нагая девушка, блиставшая ярче алмаза, в которой царевич Зеин с величайшим волнением узнал ту, которую отвез на Острова. Оцепенев, он мог только открыть рот, не будучи в состоянии произнести ни слова. И Латифа сказала ему: – Да, это я, Латифа, которую ты никак не ожидал здесь видеть! Ты ведь шел с надеждой найти здесь нечто более драгоценное, чем я! Но Зеин в ответ воскликнул: – Клянусь Аллахом, о госпожа моя, я сошел сюда против желания сердца моего, занятого лишь тобою! И благословен будет Аллах, дозволивший нам соединиться! И тут раздался удар грома, от которого содрогнулось все подземелье, и появился Старик с Трех Островов. Приблизившись к Зеину, он вложил его руку в руку девушки и сказал: – О Зеин, с самого твоего рождения я взял тебя под свое покровительство. И чтобы упрочить твое счастье, я должен был дать тебе единственное сокровище, которое прекраснее всех алмазных статуй – эту юную девственницу. Ибо девственность в соединении с красотою тела и достоинством души есть противоядие, которое избавляет от всяких лекарств и заменяет все богатства! И, сказав это, он исчез. А Зеин и Латифа полюбили друг друга великой любовью и прожили долгие годы жизнью самой изысканной и полной наслаждений до тех пор, пока не явилась к ним неизбежная Разлучница друзей и сообществ!

Когда Шахразада окончила эту историю, она сказала: – О царь! Эта история удивительна, но может ли она сравниться с историей про Волшебную Лампу? И царь Шахрияр спросил: – Что это за волшебная лампа, о которой я ничего не знаю? И Шахразада сказала: – Это лампа Аладдина! Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот шестьдесят девятая ночь, она начала так:

ночь шестьсот шестьдесят девятая

Аладдин и Волшебная Лампа

Дошло до меня, что жил в древности бедный портной, и был у него непутевый сын по имени Аладдин*, который не слушался родителей и не хотел работать в мастерской. После смерти отца он продолжал беспутничать, проводя целые дни вне дома, а мать его день и ночь пряла шерсть, чтобы заработать на хлеб. Таким образом Аладдин достиг пятнадцатилетнего возраста. И был он красив и строен; черные глаза его были великолепны, а лицо было как жасмин. И однажды на базарной площади подошел к нему дервиш, пришедший из глубины Магриба, и спросил: – Дитя мое, не ты ли Аладдин сын такого-то портного? А тот ответил: – Да, но отец мой давно умер. При этих словах дервиш из Магриба бросился на шею к Аладдину и воскликнул: – Знай же, что я твой родной дядя. О бедный брат мой! Отныне ты заменишь в сердце моем отца своего, ибо в пословице сказано: «Не умер тот, кто оставил потомство!» И человек из Магриба вынул из пояса своего десять золотых динариев, положил их в руку Аладдину и сказал: – Передай эти деньги жене моего покойного брата и скажи, что дядя твой надеется лично ее приветствовать и взглянуть на места, где покойный провел свою жизнь.

И Аладдин радостно побежал домой и рассказал обо всем матери своей. Она же удивленными глазами посмотрела на сына своего и сказала: – Я знаю, что у тебя был дядя, но он умер уже много лет тому назад. И никогда не слышала я, чтобы у тебя был еще другой дядя! Аладдин же, со своей стороны, ничего не сказал ей о подарке человека из Магриба. А на другой день утром он уже поджидал Аладдина на базаре. Подойдя к нему быстрыми шагами, он с нежностью его поцеловал, дал два динария и сказал: – Ступай к матери и скажи ей: – Дядя мой имеет намерение прийти сегодня вечером поужинать вместе с вами: вот деньги, чтобы ты могла приготовить превосходные блюда! И Аладдин, показав дяде дорогу к своему дому, побежал к матери, а человек из Магриба пошел своей дорогой. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот семидесятая ночь, она сказала:

* *Аладдин* – торжество веры.

ночь шестьсот семидесятая

Аладдин же возвратился домой и отдал матери два динария, и она подумала: «Может, у мужа моего и были еще братья». И она, накупив все необходимое, принялась за стряпню. Когда все было готово, в дверь постучали, Аладдин открыл и увидел человека из Магриба; за ним стоял носильщик, на голове у которого был целый воз плодов, печений и напитков. Аладдин ввел их обоих в дом. Носильщик поставил свою ношу и, получив плату, ушел. Дервиш же приветствовал супругу брата своего, восклицая: – О несчастная судьба моя – потерять тебя, о брат мой, зеница ока моего! И продолжал он плакать и жаловаться, и мать Аладдина уже не сомневалась, что это родной брат ее покойного мужа. И она стала утешать его ласковыми словами до тех пор, пока он не успокоился и не сел за ужин. И тогда сказал он ей: – Знай, о жена покойного брата моего, что прошло уже тридцать лет с той поры, как я уехал в чужие края путешествовать по странам Индии и Синда. И был я в Египте, и жил в великолепном городе Маср, который есть чудо света! И я уехал в центральный Магриб, где и прожил двадцать лет.

Но однажды задумался я о родном крае и о брате моем. И загорелось во мне желание увидеть кровь мою; и стал я плакать о том, что живу на чужбине. И тогда я приготовился к отъезду и, прочитав молитву, сел на лошадь и направился на родину. И прибыв после многих опасностей в свой родной город, я встретил этого ребенка, игравшего со своими товарищами. А так как кровь всегда узнает родную ей кровь, я, не колеблясь ни минуты, признал в нем сына брата моего. И забыл я в ту же минуту свою усталость и заботы и готов был улететь от радости. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот семьдесят первая ночь, она сказала:

ночь шестьсот семьдесят первая

Так говорил человек из Магриба. И увидел он, что при упоминании о муже, мать Аладдина горько плакала. И чтобы утешить ее, он спросил Аладдина: – Сын мой, какое же ты знаешь ремесло и как помогаешь бедной матери своей? Услышав это, Аладдин уперся глазами в землю, а мать его сказала: – Клянусь Аллахом! Он ничего не умеет. Никогда не видела я такого непутевого ребенка! День-деньской бегает он с уличными детьми, в то время как глаза мои износились от слез и работы по ночам!

Тогда человек из Магриба сказал Аладдину: – О сын моего брата, зачем идешь ты путем бродяжничества? Какой стыд, Аладдин! У тебя есть рассудок, дитя мое, и ты сын хорошей семьи! Тебе стоит только выбрать ремесло по своему вкусу, и оно защитит тебя от ударов судьбы. Говори, и я помогу тебе всеми силами моими, дитя мое! Но Аладдин стоял и молчал, как бы давая понять, что не желает никакого ремесла, а хочет оставаться бродягой.

Тогда человек из Магриба подошел к нему с другой стороны. Он сказал: – Коль скоро ты питаешь отвращение к ремеслам, я готов открыть тебе прекрасную лавку шелковых тканей на большом базаре! Я доставлю в нее дорогие ткани и парчу самого высокого качества. И получишь ты привычку продавать и покупать, брать и отдавать. И приобретешь добрую славу в городе. Что скажешь на это, о сын мой? И когда Аладдин понял, что может сделаться важным человеком, одетым в красивую одежду, с шелковым тюрбаном на голове и разноцветным поясом вокруг стана, он чрезвычайно обрадовался. Он взглянул на человека из Магриба, улыбнулся и склонил голову на бок, что ясно означало: «Принимаю». Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот семьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь шестьсот семьдесят вторая

Тогда человек из Магриба сказал Аладдину: – Завтра я куплю тебе одежду, какую носят богатые купцы. После этого мы поищем хорошую лавку, в которой ты и устроишься. Мать же Аладдина, слушая эти речи, помолодела лет на двадцать. И в эту ночь Аладдин не сомкнул глаз от радости, думая об ожидавшей его приятнейшей жизни. А на другой день рано утром человек из Магриба постучал у дверей, взял Аладдина за руку, и ушел с ним на базар. И купил он ему шелковое платье, полосатое и блестящее, а также тюрбан из шелковой кисеи, затканной золотыми нитями, кашемировый пояс и сапоги из красного сафьяна. И человек из Магриба заплатил за все, не торгуясь, и повел Аладдина в гамам, вошел с ним в отдельную залу, вымыл его собственными руками и вымылся сам. После Аладдин оделся в то роскошное платье, надел тюрбан и красные сапоги. И стал он в таком наряде похожим на сына какого-нибудь царя или султана. И человек из Магриба привел Аладдина к матери его и сказал: – О жена брата моего, я вполне надеюсь, что он будет достойным сыном отца своего! Но извини, если завтра я не открою ему обещанной лавки. Ты знаешь, что по пятницам базары закрыты и нельзя заниматься делами. Но в субботу дело будет сделано, если то будет угодно Аллаху! Завтра же я поведу Аладдина в загородные сады, куда отправляются гулять богатые купцы, чтобы он привык к зрелищу роскоши и большого света. Ведь до сих пор он водился только с детьми; теперь нужно, чтобы он узнал взрослых и чтобы они узнали его! И он простился с матерью Аладдина, обнял племянника и ушел. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот семьдесят третья ночь, она сказала:

ночь шестьсот семьдесят третья

Наутро человек из Магриба зашел за Аладдином, и они вместе вышли за городские ворота. И дошли они, наконец, до подошвы горы в глубине пустынной долины. Здесь человек из Магриба сказал Аладдину: – Собери сухие ветви и принеси их мне! И когда Аладдин сделал это, человек из Магриба вынул из пояса огниво, высек огонь и зажег костер. Затем он открыл черепаховую коробку, взял из нее щепоть порошка и бросил его в огонь. И поднялся густой дым, который он стал разводить руками, бормоча какие-то заклинания. И в ту же минуту скалы заколебались, земля приоткрылась, образовав отверстие, на дне которого обозначилась плита с бронзовым кольцом. Увидав это, испуганный Аладдин пустился бежать. Но человек из Магриба догнал его и влепил ему такую пощечину, что чуть не выбил все зубы. Затем он сказал скатившемуся на землю Аладдину: – Я поступил с тобою так, чтобы сделать из тебя настоящего человека! Выслушай меня, и ты скоро забудешь все неприятности, которые случились с тобою! Под этой плитой находится клад, записанный на твое имя. Ты один можешь поднять ее, а я сам, несмотря на все мое могущество, не могу наложить руку на бронзовое кольцо, и мне нельзя проникнуть в подземелье! Поэтому тебе надлежит сделать то, чего не могу сделать я сам! Для этого тебе надо лишь в точности исполнить то, что я прикажу тебе! И ты завладеешь кладом, который мы разделим на две равные части. Выслушав эти слова, бедняга Аладдин сразу забыл о своей усталости и о полученной им пощечине и ответил... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот семьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь шестьсот семьдесят четвертая

О дядя, приказывай! И человек из Магриба обнял его и сказал: – Спустись в яму, возьмись за бронзовое кольцо и приподними плиту! Но Аладдин возразил: – Но как же я подниму один такую тяжесть? А человек из Магриба ответил: – Тебе надо только произнести свое имя, имя отца твоего и деда! Тогда Аладдин спрыгнул в яму, потянул за кольцо и сказал: – Я Аладдин, сын портного Мустафы, сына портного Али! И без всякого труда поднял он плиту и увидел ступени, которые вели к двери из красной меди с толстыми гвоздями. А человек из Магриба сказал ему: – Спустись, и дверь

Léon Carré

сама отворится перед тобою. Ты увидишь бронзовые лохани с расплавленным золотом и лохани с золотым песком и золотыми динариями. Не прикасайся к ним, иначе превратишься в глыбу черного камня. Иди прямо, поднимись по лестнице на террасу и увидишь нишу, а в ней на бронзовом подножии найдешь ты медную лампу. Возьми ее, спрячь за пазуху и возвратись ты ко мне тою же дорогою, по которой шел. Ибо лампа эта – цель нашего путешествия и основа нашего богатства в будущем! Сказав это, человек из Магриба снял свое кольцо, надел его Аладдину на большой палец и сказал: – Это кольцо оградит тебя от всех опасностей! Будь смел в сердце своем; ты уже не ребенок, а мужчина! С помощью Аллаха с тобою не случится ничего дурного, и мы будем богаты благодаря этой лампе! Тогда Аладдин, почувствовав необыкновенную смелость, сбежал по ступеням и вошел в дверь, половинки которой отворились при его приближении. Не забывая ничего из наставлений человека из Магриба, он дошел до последней двери, вошел в нее, поднялся по лестнице на террасу и направился прямо к нише. И увидел он на бронзовом подножии горевшую лампу. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот семьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь шестьсот семьдесят пятая

И увидел он на бронзовом подножии горевшую лампу. Он взял ее, вылил содержимое на землю и спрятал ее за пазуху. Спустившись с террасы, он увидел деревья со странными плодами. Одни были белы и прозрачны, как хрусталь, другие были цвета граната; были темно-зеленые и светло-зеленые, были голубые, желтые и фиолетовые. И бедняк Аладдин не знал, что это были бриллианты, рубины, изумруды, сапфиры, аметисты и топазы. И подумал он, что это просто цветные стеклянные игрушки, и он захотел сорвать несколько, чтобы подарить их бывшим товарищам своим. И наполнил он ими пояс, карманы и насыпал их между рубашкой и телом. И нагруженный таким образом возвратился он ко входу в подземелье, где с нетерпением ждал его человек из Магриба. И как только Аладдин появился на первой ступени лестницы, человек из Магриба закричал ему: – Где же лампа? Дай ее скорее мне! Но Аладдин ответил: – Подожди, она застряла между стекляшками, которыми я набил всю свою одежду! Но человек из Магриба, убежденный, что Аладдин говорит это для того, чтобы оставить лампу себе, закричал страшным голосом: – О собачий сын! Отдай мне эту лампу или умри! Аладдин же, испугавшись такого бешенства и опасаясь, что ему дадут вторую пощечину, сказал себе: «Ворочусь ка я лучше в подземелье и подожду там, чтобы он успокоился! И он повернулся и снова вошел в подземелье. Увидав это, человек из Магриба дошел до последних пределов бешенства и воскликнул: – Проклятый! Ты будешь наказан! И в тот же миг плита, которою закрывался вход в подземелье, легла на прежнее место. И так Аладдин оказался заперт в подземелье. А человек из Магриба был вовсе не дядей

Аладдина, а знаменитым чародеем, родившимся в Африке, откуда происходят самые зловредные чародеи и колдуны...

Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот семьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь шестьсот семьдесят шестая

С самой молодости своей он упорно изучал колдовство, алхимию, астрологию, окуривание и чародейства. После тридцатилетних упражнений он при помощи колдовства узнал, что в далеком уголке земли находится волшебная лампа, свойство которой доставлять счастливцу, которому удастся завладеть ею, могущество, превышающее власть царей и султанов. Тогда чародей в точности определил местонахождение подземелья со всем, что в нем заключалось. При помощи волшебного столика он узнал, что клад и волшебная лампа записаны подземными силами на имя Аладдина, сына Мустафы-портного, и что он один может отворить подземелье и унести лампу, между тем как всякий другой неминуемо погибнет, если сделает малейшую попытку проникнуть туда! Вот почему он стал разыскивать Аладдина и почему, найдя его, он прибегнул ко всякого рода хитростям и уловкам, чтобы расположить его к себе и завести в то пустынное место, не возбудив подозрения ни с его стороны, ни со стороны его матери. Когда же Аладдину удалось добыть лампу, он поспешил потребовать ее только потому, что хотел отнять лампу и навеки замуровать Аладдина в подземелье.

Аладдин же, увидев, что мраморная плита заткнула отверстие, стал звать дядю и клясться, что отдаст ему лампу. Но крики и рыдания его не могли быть услышаны чародеем, который был уже очень далеко. И видя себя погребенным живым в четырех стенах этого погреба, мрачного и ужасного, он первый раз в жизни подумал о доброте своей бедной матери, и много вздыхал он, и ломал он себе руки, как то делают люди, дошедшие до отчаяния. И тут Аладдин нечаянно потер кольцо, которое надел ему на большой палец чародей, чтобы предохранить от опасностей, ожидавших его в подземелье. И не знал проклятый человек из Магриба, что именно это кольцо должно было спасти жизнь Аладдина. И тогда внезапно встал перед Аладдином огромный великан-эфрит, подобный черному негру, с головой, похожей на котел, страшным лицом и огромными красными сверкающими глазами. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот семьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь шестьсот семьдесят седьмая

И сказал эфрит ему голосом, подобным раскатам грома: – Раб твой между рук твоих! Говори, чего хочешь? Я слуга кольца на земле, в воздухе и на воде! Аладдин вовсе не отличался храбростью, и он страшно испугался, но в этом погребе, где он уже ждал смерти от голода и жажды, вмешательство ужасного эфрита показалось ему спасением. И он нашел силы ответить: – О великий шейх эфритов, выведи меня поскорее из этого погреба! И едва успел Аладдин произнести эти слова, как земля над его головою заколебалась, раскрылась, и в один миг был он вынесен из погреба на то самое место, где человек из Магриба зажигал костер. Эфрит исчез, а Аладдин глубокою ночью, измученный и задыхающийся, вернулся в дом своей матери, с тоской и тревогой ожидавшей его возвращения. И мать поспешила принести ему еду и питье, и принялся он глотать с такою поспешностью, что мать сказала ему: – Если ты так спешишь, чтобы скорее рассказать мне то, что имеешь рассказать, то у нас много времени впереди! И Аладдин, немного передохнув, принялся рассказывать все, что с ним случилось, с начала и до конца, не забывая ни о пощечине, ни об оскорблении, ни об остальном. Окончив рассказ свой, он распустил пояс и высыпал на пол весь дивный запас прозрачных и разноцветных плодов, нарванных им в саду. Тут же лежала и лампа вместе с драгоценными камнями. И прибавил он в заключение: – Вот, о мать, мое приключение с этим проклятым чародеем, и вот все, что принесло мне мое путешествие в подземелье! И мать прижала к себе сына и стала целовать, и укачивать его. И Аладдин, не спавший три ночи, занятый своим приключением с человеком из Магриба, укачиваемый матерью, не замедлил закрыть глаза и заснул у нее на коленях. И со множеством предосторожностей положила она его на матрац, а сама легла около него, и заснула.

На другой день Аладдин сказал матери, что приключение исправило его навсегда от лени и праздности. И он добавил: – Оставь свою пряжу до другого раза, я пойду на базар к медникам и продам им эту лампу. За нее дадут сколько-нибудь, и мы проживем сегодня на эти деньги. Но мать нашла, что лампа слишком запущена, и она взяла немножко золы, развела водой и принялась чистить лампу. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот семьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь шестьсот семьдесят восьмая

Но не успела она начать тереть ее, как вдруг явился перед нею ужаснейший огромный эфрит и сказал ей оглушительным голосом: – Я слуга лампы! Говори, чего хочешь? И мать Аладдина приросла к месту от ужаса; она не вынесла зрелища такого отвратительного и ужасного существа и упала в обморок. Но Аладдин, уже немного привыкший к такого рода существам, схватил лампу и сказал эфриту: – О слуга лампы,

принеси мне поесть самых лучших вещей. И джин исчез, но минуту спустя вернулся, неся на голове большой поднос из массивного серебра, на котором стояло двенадцать золотых блюд, а в них были приятно пахнувшие и превосходные на вид и на вкус кушанья и две бутылки превосходного вина. Тогда Аладдин, обрызгав лицо матери розовой водой, привел ее в чувство и сказал: – Не бойся ничего! Вставай и кушай! Благодарение Аллаху, здесь есть, чем подкрепить твои силы и утолить наш голод. И Аладдин рассказал ей о том, что произошло и как служитель лампы немедленно исполнил его приказание.

Тогда мать Аладдина, слушавшая его рассказ с возрастающим страхом, сильно взволновалась и воскликнула: – Ах, сын мой, заклинаю тебя молоком, которым вскормила твое младенчество, забрось подальше эту волшебную лампу и отделайся от кольца, дара проклятых эфритов. Я не вынесу вторично вида этих ужасных и отвратительных лиц и, наверное, умру. Я не хочу иметь дело ни со слугою кольца, ни со слугою лампы. И желаю я, чтобы ты не говорил мне о них, что бы ни случилось. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот семьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь шестьсот семьдесят девятая

На другой день Аладдин, не желая снова подвергать испугу мать свою, взял одно из золотых блюд, спрятал под полу и пошел в лавку к одному еврею, который был хитрее самого шайтана. Осмотрев блюдо, еврей небрежно спросил у Аладдина: – Сколько же хочешь за него? Аладдин же, вовсе не знавший цены подобному товару, ответил: – Я полагаюсь на твою оценку и на твою добросовестность! Еврей же выдвинул ящик, скрытый в стене его лавки, вынул золотую монету, не составлявшую и тысячной доли стоимости блюда, и, подавая ее Аладдину, сказал: – Клянусь Моисеем и Аароном! Никогда не дал бы такой суммы кому-нибудь кроме тебя! Но это только потому, что надеюсь иметь тебя своим клиентом и на будущее время! И Аладдин поспешил взять золотой динарий, и так был доволен, что, не оборачиваясь, побежал домой во все лопатки. И мать его отправилась на базар покупать все необходимое. И в тот день они ели и были довольны.

И с той поры, как только они нуждались в деньгах, Аладдин шел на базар в лавку того же еврея и относил золотое блюдо, за которое тот давал по динарию. И так он продал ему все двенадцать блюд. Когда же деньги в доме иссякли, Аладдину пришлось вновь прибегнуть к волшебной лампе. Он потер ее, и тотчас же появился джин, который сказал Аладдину: – Раб твой здесь, между рук твоих! Говори, чего хочешь? Аладдин же ответил: – Желаю, чтобы ты принес поднос с блюдами, совершенно такими же, как и в первый раз! И джин исчез, и менее, чем в мгновение ока, возвратился с подносом, а затем исчез неизвестно куда. Немного спустя вернулась мать Аладдина, и удивилась она не менее, чем в первый раз. И, несмотря на страх, внушаемый ей служителем лампы, она ела с большим аппетитом; и она,

и Аладдин не в силах были оторваться от подноса до тех пор, пока не насытились; и встали они из-за стола лишь с наступлением ночи, соединив, таким образом, обед с ужином. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот восьмидесятая ночь, она сказала:

ночь шестьсот восьмидесятая

Когда же яства на подносе иссякли, Аладдин снова взял одно из золотых блюд и отправился на базар, чтобы продать его еврею. Однако по дороге его окликнул почтенный мусульманский шейх, пригласив зайти в лавку. И он сказал Аладдину: – Сын мой, я много раз замечал, что ты несешь под полою какую-то вещь в лавку моего соседа еврея. Знай же, что евреи – прирожденные враги мусульман; они считают, что имеют право присваивать себе наше имущество. И если ты продаешь что-нибудь, покажи это прежде мне; и я оценю это по настоящей стоимости. Тогда Аладдин вытащил из-под платья золотое блюдо и сказал: – Я отнес еврею уже двенадцать таких блюд и получал по динарию за каждое! При этих словах старый золотых дел мастер пришел в сильнейшее негодование и воскликнул: – Проклятый еврей, собачий сын! Это блюдо сделано из чистейшего золота, и стоит оно двести динариев! Но увы, так как у нас нет свидетелей, то мы не можем посадить на кол этого проклятого еврея! И Аладдин с удовольствием продал ему блюдо за такую хорошую цену. И после он и остальные одиннадцать блюд отнес к тому же честному мусульманину. Разбогатев таким путем, Аладдин и его мать продолжали вести скромную жизнь, раздавая бедным и нуждающимся излишки своего достатка. А за это время Аладдин продолжал изощрять свой ум в общении с именитыми купцами. И в самое короткое время он сделался благовоспитанным человеком, завязав постоянные сношения с ювелирами. Присмотревшись к драгоценным камням, он узнал, что плоды, принесенные им из подземного сада, на самом деле, – неоценимые сокровища, которыми не обладают даже богатейшие цари и султаны! А так как он сделался очень рассудительным, то имел осторожность не говорить об этом никому. Он тщательно собрал все эти каменные плоды и спрятал их в нарочно купленный для того сундук. И скоро пришлось ему испытать последствие своего благоразумия самым блестящим и великолепным образом. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот восемьдесят первая ночь, она сказала:

ночь шестьсот восемьдесят первая

Однажды на базаре появились глашатаи султана, которые кричали громкими голосами: – Повелевается всем сейчас же запирать лавки и запереться в домах ваших, ибо единственная жемчужина, молодая госпожа наша Бадруль-Будур, пройдет здесь, отправляясь в гамам. И кто взглянет на нее, будет наказан смертью! Да ведает это тот, кто желает сохранить кровь в жилах своих! Услышав это, Аладдин почувствовал непреодолимое желание взглянуть на дочь султана, о которой говорил весь город, прославляя ее красоту и совершенства. Поэтому он побежал в гамам и укрылся за входною дверью незамеченным. И вскоре увидел он царевну, которая, переступив порог гамама, открыла лицо свое, явившись во всем солнечном блеске красоты своей. То была девушка пятнадцати лет стройная, как буква алеф. Стан ее соперничал в гибкости с молодою ветвью дерева, а чело сияло, как серп луны в месяце Рамадана. Брови ее были очерчены безукоризненно. Глаза были большие и томные, как у жаждущей газели; веки были похожи на два лепестка розы, а зубы – на ряд льдинок одинаковой величины. И Аладдин, увидев ее, почувствовал, что кровь в три раза быстрее обращается в его голове. Только теперь узнал он, что не все женщины похожи на его мать.

И когда он немного пришел в себя, то выскользнул из своего угла и возвратился домой в потрясенном состоянии. И полный смутных и бурных мыслей и с сердцем, охваченным любовью, упал он на диван и оставался неподвижным. И мать стала упрашивать, чтобы он съел что-нибудь, но он лишь сидел, опустив глаза, и оставался задумчивым, бледным и унылым до следующего дня. Тогда мать Аладдина со слезами на глазах сказала ему: – О сын мой, не терзай моего сердца молчанием своим. Если ты болен, я сейчас же пойду за врачом. Как раз теперь в нашем городе находится знаменитый врач, которого пригласил султан для совета. Только и речи, что о его знаниях и чудодейственных лечебных средствах. Хочешь, я пойду за ним и приведу его к тебе. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот восемьдесят вторая ночь, она сказала:

НОЧЬ ШЕСТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Тогда Аладдин поднял голову и печальным голосом ответил: – Знай, о мать, что я здоров. Но вчера я видел дочь султана, царевну Бадруль-Будур, при входе в гамам. И, взглянув на нее, я понял, что существует красота! И теперь я никуда не гожусь! И я приду в себя, только когда султан отдаст за меня свою дочь! Услышав эти слова, мать Аладдина подумала, что сын ее сошел с ума, и сказала ему: – Дитя мое! Приди в себя! Брось эти безумные мысли! Аладдин же ответил: – Слова же твои не заставят меня отказаться от мысли о женитьбе на Бадруль-Будур, столь прекрасной дочери султана! И я твердо решился просить руки у ее отца! И кому же могу я доверять, как не

тебе? Пойди к султану просить, чтобы он выдал за меня свою дочь! А она воскликнула: – Да хранит меня Аллах от подобного предприятия! Ты сын беднейшего в городе портного. Как же осмелился ты думать о царевне, которую отец ее не выдаст и за сына султана?

Аладдин же ответил: – Умоляю тебя, сделай то, о чем прошу тебя! Иначе смерть будет для меня предпочтительнее жизни! А если дело идет только о богатом подарке для того, чтобы добиться, чего так желает душа моя, ну, так я думаю, что ни один человек не может соперничать со мною в этом случае! Знай, о мать, что эти разноцветные плоды, которые я принес из подземного сада и которые принимал за простые и ничего не стоящие стекляшки, пригодные разве для детских игр, – драгоценные камни; и ни один султан в мире не обладает ничем подобным. Впрочем ты сама будешь судить об этом, несмотря на малую опытность свою в таких делах. Для этого тебе стоит только принести мне из кухни фарфоровое блюдо, в котором они могли бы поместиться, и сама увидишь, какое это будет дивное зрелище. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот восемьдесят третья ночь, она сказала:

ночь шестьсот восемьдесят третья

Тогда удивленная мать Аладдина принесла большое фарфоровое блюдо, а он принялся укладывать на него драгоценные камни. И когда он кончил, она принуждена была закрыть на минуту глаза, так ослепил ее их блеск. И сказала она, наконец: – Теперь вижу, что этот подарок может быть принят и султаном. Это правда! Но если султан примет твою просьбу, он станет спрашивать о твоем звании и положении. А я должна буду сказать, что ты никаким ремеслом не занимаешься и что отец твой был бедным портным из базарных портных. Но Аладдин возразил: – Не беспокойся! Султан не будет задавать тебе таких вопросов, когда увидит драгоценные камни, уложенные, как плоды, на фарфоре! Поэтому не заботься о том, чего не может случиться. Иди к нему и не забывай, что у меня есть еще лампа, которая заменит мне всякие доходы и всякие ремесла. И продолжал он говорить с матерью так горячо и с такою уверенностью, что, в конце концов, убедил ее совершенно.

И она надела самое лучшее свое платье, завязала фарфоровое блюдо в шелковый платок и направилась во дворец султана. И старший из секретарей султана стал вызывать просителей одного за другим, и начали разбирать дела. И просители уходили, одни довольные исходом своего дела, другие с длинными лицами, а другие и вовсе не были вызваны по недостатку времени. И мать Аладдина была именно в числе этих последних. И вышла она из дворца, возвратилась домой и сказала Аладдину, нетерпеливо ее ожидавшему: – Извини свою мать, я не привыкла к дворцам. Вид султана так смутил меня, что я не смогла приблизиться, чтобы изложить ему мою просьбу. Но завтра я буду смелее! И Аладдин был все-таки счастлив, узнав, что не было более неприятной причины для возвращения фарфорового

Léon Carré

блюда в руках матери. И утешал он себя мыслью, что хотя дело и отложено, но все-таки будет исполнено. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот восемьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь шестьсот восемьдесят четвертая

На другой день мать снова отправилась во дворец. И вошла она в зал совета и стала в первом ряду перед султаном. Но, как и в первый раз, она не могла ни сделать шага вперед, ни обратить на себя внимание секретарей каким-нибудь движением. И заседание было закрыто без всякого для нее результата! И пришла она сообщить Аладдину о своей неудаче, но обещала успех на следующий раз. И так проходила бы она долго, если бы сам султан не сказал на седьмой день своему великому визирю: – Взгляни на эту старую женщину, которая держит что-то в шелковом платке. Вот уже несколько дней приходит она на каждое заседание и стоит неподвижно, ни о чем не прося. Вели ей подойти! И визирь рукою приказал ей подойти. И бедная женщина поцеловала землю между рук султана и оставалась в этом положении, пока визирь не помог ей встать. Тогда султан сказал ей: – О женщина, вот уже несколько дней ты стоишь неподвижно, ни о чем не прося. Скажи же мне, чего желаешь, чтобы я мог оказать тебе справедливость. И мать Аладдина, ободренная приветливым голосом султана, ответила: – О господин наш, просьба моя может показаться странной и необыкновенной! Султан же, как человек добрый, обещал ей безопасность и велел удалить из залы всех присутствующих, чтобы женщина могла говорить, не стесняясь. И оставил он при себе только одного визиря. И сказал он ей: – Говори и не стесняйся, о женщина! Аллах простит и помилует тебя во всем, что ты можешь сказать или потребовать! Тогда мать Аладдина принялась рассказывать все, что случилось с ее сыном с того дня, как он услышал глашатаев, объявлявших жителям приказ запереться в домах своих. И не преминула она упомянуть, в каком состоянии находится Аладдин, грозивший, что убьет себя, если не выдадут за него замуж царевну. И она добавила: – И мне остается только, о царь времен, умолять твое величие не обвинять меня за безумие сына моего и извинить меня, если материнская любовь побудила меня передать тебе такую странную просьбу! Султан же, слушавший с большим вниманием, не только не пришел в негодование, но добродушно засмеялся и сказал ей: – О бедняжка, а что у тебя такое в этом платке, который ты держишь за четыре уголка? Тогда мать Аладдина развязала платок и поднесла султану блюдо, на котором были уложены драгоценные камни. И султан был изумлен их красотою, и долго смотрел он на них, и щупал их в бесконечном восхищении. Наконец, он сказал визирю: – Не правда ли, молодой Аладдин, присылающий мне такой прекрасный подарок, заслуживает того, чтобы я принял его просьбу и выдал за него замуж дочь мою Будур? Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот восемьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь шестьсот восемьдесят пятая

При таком вопросе визирь изменился в лице и ответил с печалью в голосе: – Да, о царь времен, но твоя светлость забывает, что ты обещал дочь свою моему сыну! Поэтому, если этот подарок так понравился тебе, дай мне три месяца срока, и по окончании этого срока я обязуюсь найти еще более прекрасный подарок, который сын мой поднесет нашему султану! Султан же ответил: – Я согласен, но, если по прошествии этих трех месяцев тебе не удастся найти для твоего сына приданое, которое превосходило бы то, что предлагает мне эта женщина от имени сына своего Аладдина, я уже ничего более не могу сделать для твоего сына! Потом он сказал матери Аладдина с большою приветливостью: – Ты можешь вернуться радостно к твоему сыну и сказать ему, что брак может состояться не ранее, как через три месяца, потому что нужно время для приготовления приданого моей дочери. И взволнованная до крайности мать Аладдина пожелала султану долгой жизни и на крыльях радости полетела в дом свой. И Аладдин заметил, что счастье сияет на лице ее, и, подбежав к ней, волнуясь, спросил: – О мать моя, жить мне или покончить с собою? А она в изнеможении опустилась на диван и, сняв покрывало с лица, сказала: – Я пришла с доброю вестью! Подарок твой принят с радостью, и дочь султана обещана тебе! Но брак твой с Будур может состояться не ранее, как через три месяца! Причиной тому великий визирь, да проклянет его Аллах и да пошлет ему все худое! Он что-то прошептал султану, посоветовав ему отложить торжество! И я очень озабочена тем, что он мог шепнуть султану! Ведь если бы не он, брак мог бы состояться сегодня же или завтра, до такой степени государь был восхищен самоцветами на фарфоровом блюде! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот восемьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь шестьсот восемьдесят шестая

Аладдин затрясся от радости, и поцеловал у матери своей руку, и много благодарил ее за все понесенные ею ради этого щекотливого дела труды. И с этого дня с крайним нетерпением стали они считать часы, отделявшие их от счастья, которого ожидали для себя по прошествии трех месяцев. Но однажды мать Аладдина заметила, что все лавки на базаре украшены фонариками и разноцветными полосками.

И когда она спросила о причине таких украшений, торговец маслом ответил: – Клянусь Аллахом! Может, ты чужеземка и потому не знаешь, что дочь султана, царевна Будур, выходит замуж за сына великого визиря? И мать Аладдина, услыхав эти слова и обезумев от огорчения, прибежала домой и, задыхаясь, сказала Аладдину: – Дитя мое, судьба развернула перед тобою страницу бедствий в своей книге! Счастье, к которому ты шел, рассеялось раньше, нежели осуществилось! Увы, султан забыл о данном нам обещании! Именно сегодня он выдает дочь свою за сына великого визиря. Весь город украшен по случаю этой свадьбы!

Услыхав это известие, Аладдин почувствовал, что вся кровь прилила у него к мозгу и лихорадочно забилась в ушах. И стоял он с минуту в недоумении, как одурелый, и казалось, что он сейчас упадет и сразу умрет. Но он овладел собою, вспомнив о волшебной лампе. Он достал ее из того места, куда спрятал, и потер. И в тот же миг слуга лампы явился перед ним и сказал: – Раб твой здесь, между рук твоих! Говори, чего хочешь? Аладдин же сказал ему: – Знай, что султан обещал выдать за меня свою чудную дочь Будур. Теперь же он забыл о своем обещании и выдает замуж дочь свою за сына великого визиря! Это не должно случиться! Сегодня, как только новобрачные возлягут на брачное ложе, ты похитишь их и вместе с этим ложем перенесешь сюда! Эфрит же приложил руку ко лбу и ответил: – Слушаю и повинуюсь! И затем исчез. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот восемьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь шестьсот восемьдесят седьмая

И Аладдин вернулся к матери, спокойно побеседовал с ней о том и о другом, а потом заперся в своей комнате и стал ждать возвращения эфрита. Когда же новобрачные остались одни и не успели еще обменяться ни малейшею ласкою, они вдруг почувствовали, что кровать приподнимается, и не могли понять, что с ними делается. И в один миг были они перенесены из дворца в комнату Аладдина. Они были сильно испуганы, а Аладдин сказал эфриту: – Мне остается приказать тебе, чтобы ты схватил этого молодого сводника и запер его на всю ночь в кабинет удобств. Завтра же утром приходи сюда снова за моими приказаниями! И дух лампы грубо схватил сына визиря и запер его в кабинет удобств, ткнув его головою в зловонное отверстие.

Аладдин же, оставшись наедине с дочерью султана, ни минуты не думал злоупотреблять своим положением. Он склонился перед нею и голосом, дышавшим страстью, сказал: – О царевна, если ты находишься здесь, то это лишь для того, чтобы не подвергаться ласкам этого глупца, сына визиря твоего отца! Я же, хотя обещали тебя мне в жены, не коснусь тебя до того времени, когда ты будешь моею законною супругою! Царевна же ничего не поняла из этих слов Аладдина, потому что была сильно испугана и ничего не знала о данном отцом ее обещании.

И не зная, что сказать, она много плакала. Аладдин же положил между собою и ею обнаженную саблю, чтобы показать, что скорее убьет себя, чем прикоснется к царевне. И он спокойно заснул, так же мало заботясь о столь желанном для него присутствии Будур, как если бы лежал один на своей холостой постели. Царевна же во всю ночь не могла сомкнуть глаз от ужаса и изумления. Но она далеко не настолько была достойна сожаления, как сын визиря, который находился в кабинете удобств, с головой, погруженной в отверстие, и не мог пошевелиться по причине ужасающего дуновения, которым обдал его эфрит, чтобы придать ему неподвижность. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот восемьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь шестьсот восемьдесят восьмая

На другое утро эфрит явился к Аладдину, и тот сказал ему: – Вытащи сына визиря из кабинета удобств и положи его на кровать, на прежнее его место, а потом перенеси их обоих во дворец султана, откуда ты их взял. И следи, чтобы они не прикасались один к другому! И когда эфрит перенес новобрачных в дворцовую спальню, сын визиря побежал очистить себя от нечистот, а в это время в спальню вошли султан и его супруга, желавшие поздравить дочь свою и пожелать ей счастья. И спросили они ее: – Ах, скажи нам, как провела ты эту первую ночь и как обращался с тобою супруг твой? А дочь в ответ разразилась рыданиями и посмотрела на них полными слез глазами. Но они подумали, что стыдливость новобрачной не позволяет ей отвечать и что плачет она из приличия; и супруга визиря сказала царевне: – Ну же, дочь моя, и я также выходила замуж в свое время! Но не манерничала так, наподобие обиженной курицы! На эти слова матери бедная царевна стала рассказывать обо всем случившемся так, как могла она судить по тому, что видела своими глазами. Она сказала, как перенесена была в спальню дома, которого до тех пор никогда не видела, как супруг ее был разлучен с нею, и как всю ночь на его месте находился прекрасный молодой человек, который положил между ними обоими обнаженную саблю, и как утром супруг ее вернулся в постель и поспешил в гамам, чтобы очистить лицо от ужаснейшей дряни, его облеплявшей! И, рассказав все это, она зарылась головою в подушку и горько зарыдала. Когда султан и султанша выслушали все, что сказала им их дочь Будур, они остолбенели и переглянулись выпученными от изумления глазами; лица их вытянулись, и подумали они, что дочь их сошла с ума в эту первую ночь своего брака.

Тогда мать царевны сказала: – Никому не рассказывай об этом, ведь если люди услышат от тебя такое, то примут тебя за сумасшедшую! Будь же весела, дочь моя, и поскорее забудь все происшествия этой ночи! Затем султанша встретила своего зятя и принялась расспрашивать его обо всем случившемся. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот восемьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь шестьсот восемьдесят девятая

Но он не захотел признаваться и сказал: – Клянусь Аллахом, что же такое случилось, что, расспрашивая меня, вы смотрите на меня так странно? И султанша убедилась в том, что все рассказанное ее дочерью есть лишь дурной сон. Аладдин же упивался славной штукой, которую сыграл с сыном визиря. Но этого было ему мало, поэтому, как только наступила ночь, он снова потер лампу и приказал явившемуся духу сделать все, как в прежний раз. И дух не замедлил вернуться со своею ношею, которую поставил в комнате Аладдина, а сына визиря отнес в кабинет удобств и уткнул его головою в прежнее место. Аладдин же снова занял пустое место около царевны, и, положив рядом саблю, отвернулся к стене и спокойно заснул. А на другой день все произошло совершенно так, как и накануне: эфрит положил злополучного супруга рядом с Будур и доставил их вместе с кроватью во дворец. Султан после второй ночи пришел в спальню один, ибо хотел сам расспросить дочь свою. А сын визиря, услыхав шаги султана, выбежал из комнаты, чтобы смыть с себя нечистоты в гамаме. И султан приблизился к ложу своей дочери и сказал ей: – Надеюсь, ты не видела в нынешнюю ночь страшного сна? Не можешь ли сказать мне, как провела ты эту ночь? Но вместо ответа, царевна разразилась рыданиями. И так как она не переставала плакать, он разозлился, вытащил саблю из ножен и закричал: – Если ты сейчас же не скажешь мне правды, голова слетит у тебя с плеч!

Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот девяностая ночь, она сказала:

ночь шестьсот девяностая

Тогда бедная царевна, вдвойне испуганная, разбитым голосом сказала: – О возлюбленный отец мой! Не сердись на меня! Если бы ты захотел выслушать меня теперь, когда здесь нет матери, и она не возбуждает тебя против меня, то, наверное, ты извинил бы меня, и пожалел меня, и принял бы меры, чтобы помешать мне умереть от стыда и страха! Сжалься же надо мною, отец, и имей сострадание к моим горестям и волнениям. И султан, сердце которого было жалостливо, поцеловал и успокоил свое дорогое дитя. И царевна, спрятав лицо свое на груди отца, рассказала ему, ничего не забыв обо всем, что случилось с ней неприятного в эти последние

две ночи, и заключила рассказ свой, прибавив: – Расспроси сына визиря, и он подтвердит мои слова! И тотчас же султан призвал своего великого визиря, и закричал ему: – Где твой негодяй сын? И что говорит он обо всем случившемся за эти две ночи? Ступай и принеси мне ответ! И великий визирь, повесив нос, пошел искать сына, которого нашел в гамаме, смывавшим с себя нечистоты. И закричал он ему: – О собачий сын, почему скрыл ты от меня истину? Сын же опустил голову и сказал: – Увы! Только стыд помешал мне открыть тебе неприятнейшие приключения этих двух ночей. И я предпочитаю смерть такой жизни! И клянусь перед тобою трижды, что желаю окончательного развода с дочерью султана! Это единственный способ избавиться от этих унижений! Я буду тогда иметь возможность уснуть на моей постели, вместо того, чтобы проводить ночи в кабинетах удобств!

Тогда визирь оставил сына и явился к царю. И стоял он перед ним, опустив голову. А царь спросил у него: – Что имеешь сказать? И тот ответил: – Клянусь жизнью, то, что рассказала тебе царевна, – истинная правда. И хотя сын мой не виноват, не следует подвергать царевну новым неприятностям из-за него. Если позволишь, лучше было бы разлучить отныне супругов разводом! Царь же сказал: – Клянусь Аллахом, ты прав. Но если бы муж моей дочери не был бы твоим сыном, я избавил бы от него мою дочь не иначе, как его смертью. Хорошо, пусть разведут их! И тотчас же царь велел объявить о разводе дочери своей Будур с сыном великого визиря, дав понять, что они и не принадлежали друг другу и что царевна не утратила своей девственности. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот девяносто первая ночь, она сказала:

ночь шестьсот девяносто первая

Когда Аладдин вместе со всеми городскими жителями услышал, как глашатаи объявили о разводе Будур, он возликовал и стал спокойно ждать. Когда же по истечении трехмесячного срока мать Аладдина вошла в залу совета, султан тотчас узнал ее. И он сказал великому визирю: – Благословен Аллах, не допустивший женитьбы твоего сына, чтобы напомнить мне о данном мною слове! Визирь же, сильно досадовавший в душе своей, ответил: – Когда хочешь выдать замуж дочь свою, следует наводить справки о женихе! Мне же известно, что это сын бедного портного, умершего в нищете. Откуда же богатство у сына портного? И мы не знаем, так ли богат этот Аладдин, как можно судить по его подарку! Чтобы убедиться в этом, стоит потребовать для царевны приданое, которое мог бы представить лишь сын какого-нибудь царя или султана. Тогда царь сказал матери Аладдина: – Знай, о тетка, что я не забыл о своем обещании! Но ты скажешь сыну своему, что брак его с Будур состоится, как только он принесет мне сорок больших блюд литого золота, наполненных до краев такими же драгоценными камнями. И эти блюда

должны принести во дворец сорок молодых невольниц, прекрасных как луны, а перед ними должны идти сорок молодых и крепких невольников.

И мать Аладдина, ошеломленная таким непомерным требованием, ушла домой и сказала сыну своему: – Ах, сын мой, я с самого начала советовала тебе не думать о браке с царевной Будур! Новое требование царя столь непомерно! И это наверняка опять вина проклятого визиря. Я видела, как он наклонялся к уху царя и что-то шептал ему! Откажись от своего намерения, Аладдин, оно приведет тебя к неминуемой гибели! Но тот только улыбнулся и сказал матери: – Клянусь Аллахом, когда ты вошла с перекошенным лицом, я подумал, что ты принесла мне очень плохую весть! Но теперь вижу, ты всегда озабочиваешься такими вещами, о которых не стоит и думать! Освежи же глаза свои и успокойся! А со своей стороны подумай только о том, чтобы приготовить нам поесть, так как я очень голоден. Мне же предоставь удовлетворить царя. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот девяносто вторая ночь, она сказала:

ночь шестьсот девяносто вторая

И как только мать ушла на базар, Аладдин потер лампу, рассказал явившемуся эфриту о требованиях царя и добавил: – Вот, что я требую от тебя! И дух исчез, но минуту спустя явился снова, а за ним шли восемьдесят невольников. И женщины несли на головах по блюду из литого золота, до краев наполненному жемчугом, бриллиантами, рубинами, изумрудами и тысячью других драгоценных камней, которые были много великолепнее тех, что поднесены были султану на фарфоровом блюде. И Аладдин сказал вернувшейся с базара матери: – Прошу тебя, прежде чем приготовить обед, проводи этих людей к султану! И как только первые невольники показались на улице, стали собираться любопытные; когда же выступило все шествие, громадная толпа наводнила улицу. И весь базар сбежался, чтобы полюбоваться изумительным зрелищем: на головах невольниц сияли золотые блюда с драгоценными каменьями; у золотых поясов негров сверкали самоцветные камни, а на их головах искрились парчовые шапочки с покачивающимися эгретками.

И как только султан увидел во дворе дворца своего этот великолепный кортеж, он приказал принять всех прибывших. И смотрел он в изумлении попеременно на сорок золотых блюд и на то, что в них заключалось, на молодых невольниц, принесших блюда, и на сопровождавших их молодых негров. И не мог он вымолвить ни слова, ни оторвать глаз от всех чудес, которые видел перед собою. Наконец, повернулся он к своему визирю и сказал: – Что должны мы думать о человеке, могущем собрать и прислать нам все это в такой короткий срок? И чем становятся достоинства дочери моей перед лицом такого обилия красоты? Я не потерплю убытка, если выдам ее замуж за такого богатого, такого щедрого и такого великолепного человека, как Аладдин! И, обернувшись

к остальным визирям, эмирам и именитым людям, он вопрошал их взглядом. И все ответили троекратным поклоном до земли, в знак согласия своего с тем, что сказал царь. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот девяносто третья ночь, она сказала:

ночь шестьсот девяносто третья

Тогда царь перестал колебаться и сказал матери Аладдина: – О достоуважаемая, прошу тебя передать сыну твоему, что я жду его прихода, чтобы сочетать его браком с моею дочерью Будур! И мать Аладдина с быстротой ветра понеслась домой, чтобы сообщить сыну обо всем происшедшем. Тот же попросил позволения удалиться в свою комнату, где снова потер волшебную лампу и сказал явившемуся эфриту: – Теперь я желаю идти в баню! А после бани хочу, чтобы ты принес мне такое платье, какого нет ни у одного из величайших царей мира, и такое великолепное, чтобы знатоки могли оценить его, по крайней мере, в тысячи тысяч золотых динариев. И эфрит посадил Аладдина к себе на плечи и принес его в гамам из нефрита и прозрачного алебастра. И тотчас же молодые эфриты посадили Аладдина поудобнее на мраморную скамью и принялись тереть и мыть его разными душистыми водами; и растирали они его с изумительным искусством и окатили его водою из мускатных роз. И почувствовал он себя легким, как готовая улететь птичка. И принес ему эфрит лампы одеяние, с великолепием которого ничто не могло сравниться.

И тогда сказал ему Аладдин: – Теперь приведи мне чистокровную лошадь, какой нет ни у кого из могущественнейших государей в мире. Нужно, чтобы одна ее сбруя стоила, по крайней мере, тысячу тысяч золотых динариев. И ты приведешь мне сорок восемь молодых, красивых и стройных невольников, чтобы они открывали передо мною шествие. И сверх того не забудь приискать для моей матери двенадцать прекрасных, как луны, девушек, одетых с большим вкусом и великолепием, и каждая из них должна нести в руках по роскошному платью, такому, какое могла бы, не брезгуя, надеть царская дочь. Наконец, ты дашь каждому из моих сорока восьми невольников по мешку с пятью тысячами золотых динариев, чтобы они повесили себе эти мешки на шею, а я мог иметь их под рукою для того, чтобы употреблять их как мне вздумается. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот девяносто четвертая ночь, она сказала:

ночь шестьсот девяносто четвертая

И дух ответил, что слушает и повинуется, и выполнил все в точности. Тогда Аладдин простился с матерью, сел на лошадь и выехал со двора своего дома. И, несмотря на то, что в первый раз в жизни садился на коня, он держался на нем с таким изяществом и твердостью, что ему могли бы позавидовать лучшие из наездников. Как только кортеж показался на улице, собрались со всех сторон любопытные. По приказанию Аладдина невольники брали золото из мешков и бросали его народу, теснившемуся по дороге. И так, сопровождаемый всеобщим восторгом, Аладдин прибыл во дворец, где все уже было готово для почетного приема, подобающего жениху царевны Будур. Восхищенный его осанкой и красотою, и роскошью его одеяния, султан обнял его, как родного сына. И он повел его в большую приемную залу и посадил его рядом с собою на трон, и сказал: – Без сомнения, Аладдин, какой царь не пожелал бы тебя в супруги своей дочери! И велел он приготовить роскошный стол в тронной зале, и сел за него один с Аладдином, приказав служить великому визирю, нос которого становился все длиннее. А после обеда султан призвал кади и свидетелей и велел им написать брачный договор Аладдина и царевны Будур. И Аладдин сказал царю: – Если бы я повиновался великой любви, которую испытываю к моей супруге, я сегодня же вечером проник бы в брачную комнату для довершения союза. Но я желаю, чтобы это совершилось во дворце, достойном царевны и принадлежащем собственно ей самой. Поэтому позволь мне отложить довершение моего счастья до тех пор, пока не построю этот дворец в самый краткий срок. Султан же ответил: – Бери против моего дворца какой хочешь участок. Но прошу тебя поторопиться, ибо я желаю перед смертью налюбоваться на потомство свое. И Аладдин сказал: – Да успокоит царь ум свой! Дворец будет построен так быстро, как только можно пожелать. И простился он с султаном, возвратился домой, сообщил матери обо всем происшедшем и удалился в свою комнату. В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила шестьсот девяносто пятая ночь, она сказала:

ночь шестьсот девяносто пятая

И потер он волшебную лампу, и сказал явившемуся эфриту: – Хочу, чтобы в возможно короткий срок ты выстроил мне против султанского дворца другой дворец, достойный моей супруги. Позаботься, чтобы посредине этого дворца возвышался большой хрустальный купол, опирающийся на колонны из литого золота и литого серебра, а в куполе должно быть девяносто девять окон, украшенных бриллиантами, рубинами, изумрудами и другими самоцветными камнями; девяносто же девятое окно должно остаться неоконченным, не в архитектурном строении, а по части орнамента, так как у меня есть особая мысль по этому поводу. И не забудь разбить

прекрасный сад с водоемами и фонтанами и устроить обширные дворы. А главное, о эфрит, припаси мне в подвале, место которого ты мне укажешь, богатую казну, наполненную золотыми динариями. Во всем остальном по части кухни, конюшен, прислуги, предоставляется тебе полная свобода, так как доверяю твоей рассудительности и твоему усердию! И дух ответил: – Слушаю и повинуюсь!

На другой же день Аладдин нашел, что все было исполнено с изумительною роскошью и великолепием. И он похвалил эфрита за быстроту, хороший вкус и уменье, а затем прибавил: – Ты забыл только протянуть ковер от дверей моего дворца до дверей султана, чтобы супруга моя не трудила ног, делая этот переход! И дух ответил: – Это будет исполнено сейчас! И в мгновение ока великолепный бархатный ковер протянулся между обоими дворцами. И когда великий визирь увидел новый дворец, он отправился доложить об этом султану, говоря: – Не может быть в том сомнения, что супруг Сетт-Бадруль-Будур – знаменитый волшебник! Но султан ответил: – Ты удивляешь меня, о визирь, желая внушить, что дворец, о котором ты мне докладываешь, дело волшебства! Тебе известно, что человек, который поднес мне такие дивные подарки, должен обладать несметным богатством и, располагая значительным количеством рабочих, в состоянии выстроить дворец и в одну ночь! И не ослепляет ли тебя зависть, и не она ли побуждает тебя к злословию, по отношению к зятю моему Аладдину? И визирь, поняв из этих слов, что султан полюбил Аладдина, не посмел настаивать, боясь повредить себе, и благоразумно умолк. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот девяносто шестая ночь, она сказала:

ночь шестьсот девяносто шестая

Когда же эфрит перенес Аладдина обратно в старый дом, он сказал матери, что наступило время идти во дворец султана, чтобы взять новобрачную и отвести ее в построенный им дворец. И Аладдин отправился в свой новый дворец, а мать его к султану. А тот приказал старшему евнуху ввести ее в гарем к Будур. И царевна посадила ее рядом с собою и угощала различными лакомствами. Когда же наступила минута прощания, царевна Будур с большою нежностью поцеловала отца и мать и поплакала, как того требовало приличие. Затем, поддерживаемая матерью Аладдина, направилась она к новому дворцу по бархатному ковру, между тем как на ее пути раздавалась дивная музыка. А вдали весь народ, сбежавшийся вокруг обоих дворцов, приветствовал новобрачных громким ликованием, и радостный гул сливался со всем этим торжеством и великолепием.

Наконец, царевна дошла до входа в новый дворец, где ожидал ее Аладдин. И с улыбкой на лице вышел он к ней навстречу; и была она очарована, увидев его таким красивым и блестящим. И сели они перед золотыми подносами, которые озаботился приготовить эфрит лампы; и Аладдин сидел посредине, имея по

правую руку свою супругу, а по левую – мать. И приступили они к трапезе при звуках невидимого оркестра, состоявшего из эфритов обоего пола. И Будур, восхищенная всем, что видела и что слышала, говорила себе: «Никогда не воображала я, что могут существовать такие чудеса». Она даже перестала есть, чтобы лучше слышать пение и музыку эфритов. Аладдин же и его мать не переставали услуживать ей и подливать напитков, без которых впрочем, она могла бы обойтись, так как и без них опьянела от восторга. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот девяносто седьмая ночь, она сказала:

ночь шестьсот девяносто седьмая

когда наступила ночь, угощение было убрано, и тотчас же вошла в залу целая толпа танцовщиц. Она состояла из четырехсот молодых девушек, одетых, как цветки, и легких, как птички. И при звуках воздушной музыки они стали танцевать разные танцы, которые можно видеть только в райских селениях. Тогда Аладдин направился с супругой своею в брачную комнату. И молодые невольницы сняли одежды с Будур, оставили на ней ровно столько, сколько нужно на ночь. И, пожелав им счастья и радости, оставили их одних в опочивальне. И, наконец, Аладдин мог соединиться с дочерью султана. И ночь их не имела себе подобных. А на другой день после ночи, полной наслаждения, Аладдин направился во дворец отца своей супруги и сказал султану: – О царь времен, прошу тебя озарить своим присутствием мое жилище и разделить с нами первую трапезу после нашей свадьбы. И султан без всяких отговорок принял приглашение, тотчас же поднялся и в сопровождении великого визиря и эмиров пошел к дворцу своей дочери.

И повсюду увидел он роскошь, великолепие, богатство, вкус и гармонию! И удивлялся он чрезвычайно, вместе с тем заметив, что одно окно осталось недоконченным. И Аладдин сказал ему на это: – Я хотел, чтобы твое величество докончило этот труд, чтобы так запечатлеть на камне этого дворца твое славное имя. И царь, чрезвычайно польщенный таким вниманием Аладдина, приказал привести самых искусных ювелиров, чтобы докончить инкрустации окна. А затем он пошел проведать дочь свою и уже по ее улыбке увидел, что излишне настаивать на ответе. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот девяносто восьмая ночь, она сказала:

ночь шестьсот девяносто восьмая

И обнял царь Аладдина, и поздравлял его, и отобедал с ним, найдя, что никогда не ел ничего такого превосходного. Между тем пришли ювелиры и золотых и серебряных дел мастера, которым царь показал недоделанное окно. И мастера принялись рассматривать инкрустацию остальных окон расширенными от удивления глазами. И сказали они царю: – О царь времен, в наших лавках не найдется и сотой доли драгоценных камней, нужных для украшения этого окна! Тогда царь велел принести драгоценные камни, поднесенные ему в подарок Аладдином, а когда и этого оказалось мало, царь сказал своим стражам: – Ступайте в дома моих великих и малых визирей, эмиров и всех богатых людей моего царства и возьмите у них добровольно или насильно все имеющиеся у них драгоценные камни! Но когда возвратилась стража, обобравшая богатых людей, мастера сказали: – Клянемся Аллахом, нам требуется материалу в восемь раз более этого, что имеем теперь! Сверх того, нам требуется три месяца на это дело, если даже будем работать денно и нощно! При этих словах царь чрезвычайно огорчился от стыда перед своим бессилием при таких тягостных для царского самолюбия обстоятельствах.

Аладдин же обратился к стражам и сказал им: – Возвратите драгоценные камни их владельцам! А царю он сказал: – Позволь мне заменить тебя в деле украшения этого окна! И когда царь удалился к своей дочери, Аладдин вынул из перламутрового шкафа волшебную лампу и потер ее. И сказал он появившемуся эфриту: – Сделай девяносто девятое окно подобным всем остальным окнам дворца! И раньше, чем нужно жаждущему, чтобы выпить стакан воды, были готовы все орнаменты окна. И пошел Аладдин за султаном, и тот убедился, что работа закончена в такой короткий срок, хотя золотых дел мастера требовали для нее три месяца срока. И султан пришел в неописуемое восхищение, поцеловал Аладдина и сказал ему: – Ах, сын мой Аладдин, чем более тебя узнаю, тем более восхищаюсь тобою. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила шестьсот девяносто девятая ночь, она сказала;

ночь шестьсот девяносто девятая

И послал царь за великим визирем и сказал ему с насмешкой: – Ну, скажи, визирь, что думаешь об этом? Визирь же, не забывавший о своей неудаче, все более убеждался в том, что Аладдин колдун, еретик и алхимик. Но не сказал он ничего об этом султану, видя, как привязался он к своему зятю, и, не споря с ним, произнес лишь: – Аллах мудрее всех! Что же касается чародея из Магриба, ставшего причиной всех этих событий, то он возвратился к себе на родину, в далекий Магриб. И все это время печалился он неудачным исходом своего путешествия и сожалел о трудах, которым напрасно подвергал себя из-за волшебной лампы. И не проходило дня, чтобы он не

вспоминал с горечью в сердце обо всем этом и не проклинал и Аладдина, и ту минуту, когда его встретил. И однажды ему захотелось узнать подробности смерти Аладдина. Он взял свой столик с песком, разровнял его, расставил значки, мужские, женские, матерей и детей, пробормотал заклинания и сказал: – Песок, песок, скажи мне, что сталось с волшебною лампою и какою смертью умер негодяй по имени Аладдин?

И он потряс песок, и образовался гороскоп. И беспредельно изумленный человек из Магриба узнал, что Аладдин жив и здоров, что он владеет волшебной лампой, что живет он в роскоши и почете, что женился он на царевне Будур, которую любит и которая отвечает ему тем же. И, наконец, что повсюду называют его не иначе, как эмиром Аладдином! И когда чародей узнал при помощи колдовства то, чего никак не ожидал, он пришел в бешенство и плевал на землю, приговаривая: – Плюю на твое лицо, о сын ублюдков! Плюю на твою голову, о сводник Аладдин, собака, собачий сын, висельник, чумазое лицо! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семисотая ночь, она сказала:

Ночь семисотая

Час времени плевал он и топтал ногами воображаемого Аладдина, осыпая его самыми разнообразными оскорблениями. Но успокоившись немного, решил он отомстить Аладдину и, ни минуты не колеблясь, пустился в путь. И на другой же день после своего приезда на место встречи с Аладдином стал он посещать самые многолюдные места; и повсюду все только и говорили, что об эмире Аладдине, о красоте эмира Аладдина, о щедрости эмира Аладдина, о роскоши у эмира Аладдина. И сказал себе колдун: «Клянусь светом и огнем! Скоро это имя будет произноситься лишь по случаю смертного приговора!» И увидел он дворец Аладдина, и в крайней степени ярости вернулся в свою нанятую комнату, где взял столик для гадания, и гороскоп открыл ему, что лампа оставлена Аладдином в этом дворце. Тогда отправился он на базар и купил дюжину новых медных ламп. Положив их в корзину, он стал ходить по улицам и кричать: – Новые лампы! Меняю новые лампы на старые!

И так дошел он до площади, на которой находился дворец, и принцесса Будур услышала странные выкрики магрибца. И она рассмеялась, а одна из ее служанок сказала: – О госпожа, я как раз видела старую медную лампу в комнате господина нашего Аладдина. Позволь же мне показать ее этому магрибцу, чтобы узнать, в самом ли деле он так глуп! А принцесса Будур ничего не знала о существовании волшебной лампы, поэтому она ответила: – Да, разумеется! И невольница пошла в комнату Аладдина, взяла волшебную лампу, передала ее евнуху, а тот спустился на площадь и позвал магрибца. Увидев лампу, волшебник сейчас же протянул руку с быстротой коршуна, нападающего на голубку, схватил ее и спрятал к себе за пазуху. Потом, подставив евнуху корзину,

он сказал: – Возьми любую! И евнух выбрал самую блестящую и всего лучше отполированную и поспешил отнести ее госпоже своей Будур, которая вдоволь посмеялась над глупостью магрибца. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот первая ночь, она сказала:

ночь семьсот первая

Волшебник же бросил свою корзину в толпу мальчишек и пустился бежать. Он исчез в переулках и добравшись до пустынного квартала, вынул лампу из-за пазухи и потер ее. И явился эфрит лампы, отвечая на призыв, и сказал он: – Раб твой между рук твоих! Я остаюсь рабом лампы. Говори, чего хочешь? И магрибец сказал ему: – Приказываю тебе взять дворец Аладдина и перенести его со мной и со всеми существами и находящимися внутри вещами в край мой, далекий Магриб. И меня самого перенесешь ты туда вместе с дворцом! И слуга лампы ответил: – Слушаю и повинуюсь! И в мгновение ока дело это было сделано. А отец Будур на другой день решил посетить любимую дочь свою, но на месте, где возвышался чудесный дворец, увидел он лишь одну широкую площадь, изрытую ямами из-под фундамента. И убедившись, что дворец исчез, несчастный отец стал бить себя по рукам, и рвал он бороду свою, и плакал, хотя еще не сознавал всей глубины своего несчастья. Потом призвал он своего визиря, и тот, выглянув по приказу отца Будур в окно, поднял руки к небу и воскликнул: – Да бежит от нас Лукавый! Дворец исчез! Потом, обращаясь к султану, он сказал: – О господин мой, неужели и теперь ты не поверишь, что дворец, архитектурою и украшениями которого ты так любовался, был ни чем иным, как делом искуснейшего колдовства? И султан опустил голову, раздумывая, а потом на лице его отразилось страшное бешенство, и он закричал: – Где он, этот злодей, этот проходимец, этот колдун, обманщик, сын тысячи собак, которому имя Аладдин? А визирь, торжествуя и ликуя, ответил: – Его нет, он на охоте! Но он велел ждать себя сегодня до полуденной молитвы! Если желаешь, я берусь сам осведомиться у него о том, куда исчез дворец и все, что в нем было. Царь же ответил: – Нет, клянусь Аллахом! С ним должно поступить, как с вором и лжецом. Пусть стража приведет его ко мне закованного в цепи! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот вторая ночь, она сказала:

ночь семьсот вторая

И визирь тотчас же передал этот приказ начальнику стражи. А тот с сотней всадников встретил Аладдина у городских ворот и сказал: – О господин мой, сделай милость, извини нас, но султан, а мы рабы его, приказал нам заковать тебя в цепи, как преступника! Клянусь Аллахом, мы ничего не знаем о причине его воли! Тогда Аладдин слез с лошади и сказал: – Делайте со мною, что приказано! И стражники, сожалея, надели ему на шею толстую и тяжелую цепь и потащили его в город. А так как Аладдин своею добротой и щедростью приобрел всеобщее расположение, то прохожие пошли за ним следом, и одни вооружились саблями, другие дубинами, третьи палками и камнями. И все кричали, протестовали и грозили оружием страже, которой лишь с величайшим трудом удалось проникнуть во дворец. И как только Аладдин предстал пред султаном, тот закричал на него: – Ах ты, проклятый обманщик! Где дворец, где моя дочь, ядро моего сердца, мое единственное дитя? Аладдин же залился слезами и сказал: – О царь времен, я не знаю этого! Султан же сказал: – Я не прошу тебя восстановить твой проклятый дворец, но приказываю тебе возвратить мне дочь мою. И если ты этого не сделаешь, я велю казнить тебя!

Бесконечно взволнованный, Аладдин подумал и сказал: – О царь времен, если судьбе угодно, чтобы голова моя была отрублена за преступление, которого я не совершал, никакая сила в мире не может спасти меня! Я только прошу у тебя перед смертью отсрочку, чтобы разыскать мою возлюбленную супругу, исчезнувшую вместе с дворцом в то время, как я был на охоте. Султан же ответил: – Я согласен. Но знай, что в каком бы месте земли ты ни спрятался, я сумею настигнуть тебя и покарать! После таких слов Аладдин вышел, понурив голову, из дворца, и очутился в толпе, и с блуждающим взором спрашивал он себя: «Где мой дворец? Где моя супруга?» И все видевшие и слышавшие его говорили про себя: «Бедный! Он сошел с ума! Это оттого, что впал в немилость у султана, и от того, что был на волосок от смерти!» Аладдин же, заметив, что теперь он для всех лишь предмет жалости, удалился быстрыми шагами, и никто не решился пойти за ним. И вышел он из города и бродил по окрестностям, сам не зная, что делает. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот третья ночь, она сказала:

НОЧЬ СЕМЬСОТ ТРЕТЬЯ

И дошел он до реки, и хотел броситься в воду, и утопить в ней свою жизнь и свою скорбь. Но в эту минуту он вспомнил, что он – верующий мусульманин, и вместо того, чтобы броситься в воду, совершил омовения перед вечерней молитвой. Сев на корточки на берегу реки, он взял воды в ладонь и стал тереть ею себе пальцы, руки и ноги. При этих движениях он потер и кольцо, данное ему в подземелье человеком из

Магриба. И тотчас же явился эфрит кольца и сказал: – Раб твой между рук твоих! Говори, чего хочешь? И Аладдин, приятно удивленный его появлением, встал и сказал: – О эфрит кольца! Возврати мне дворец мой и мою супругу Будур! Однако эфрит кольца ответил: – О господин кольца, это не в моей власти! Это дело касается той области, которая во власти лампы! Тогда Аладдин сказал ему: – В таком случае, перенеси меня самого в то место, где находится дворец мой! На это эфрит ответил, что слушает и повинуется; и в мгновение ока перенес он его в сад под окна дворца Будур, а сам исчез.

При виде дворца Аладдин почувствовал, как радостно забилось у него сердце, как успокоилась его душа, и освежились его глаза. И он встал под окнами супруги своей Будур так, чтобы она могла его заметить. А она с тех пор, как волшебник похитил ее вместе с дворцом, пребывала в глубокой горести от разлуки с отцом и супругом и от постоянных покушений на нее со стороны проклятого магрибца, которому, однако, не уступала. Она вставала с постели с первыми лучами зари, а ночью плакала и не могла уснуть, предаваясь своим печальным мыслям. И не спала она, не ела и не пила. В тот же вечер волею судьбы к ней вошла служанка, чтобы попытаться развлечь ее. И открыла она одно из окон залы и, выглянув в это окно, сказала: – О госпожа моя, посмотри, как хороши деревья сегодня вечером и какой прелестный воздух! Потом вдруг она громко вскрикнула: – О Аллах! Вот Аладдин, господин наш! Он стоит под окнами дворца! Тогда Будур бросилась к окну и увидела Аладдина, а он увидел ее. И сердца их едва не улетели от радости. И служанка отворила потайную дверь, Аладдин поднялся в комнату своей супруги и принял ее в свои объятия. И обнимались они, опьянев от радости, плача и смеясь в одно и то же время. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот четвертая ночь, она сказала:

ночь семьсот четвертая

А когда они немного успокоились, принцесса рассказала Аладдину обо всем, что случилось во дворце во время его отсутствия, добавив, что только после перенесения в Магриб колдун открыл ей силу лампы. Аладдин же без малейшего упрека спросил у нее: – Чего же хочет от тебя этот проклятый? И она сказала: – Каждый день он всячески старается соблазнить меня. Но до сих пор он видел от меня одно презрение и каждый раз уходил он от меня, повесив нос и согнув спину. А я каждый раз боялась, что он прибегнет к насилию! А что до лампы, то он всегда держит ее у себя за пазухой.

Тогда Аладдин сказал ей: – Я знаю, каким способом может быть наказан наш коварный враг. И он потер волшебное кольцо и сказал явившемуся эфриту: – Принести мне критского банжа, один прием которого способен свалить слона! И эфрит вручил Аладдину маленький футляр с банжем. Аладдин же вручил его супруге своей и сказал: – Я спрячусь в этот шкаф, а ты сделаешь то-то и то и скажешь ему это и то. И Будур, несмотря

на отвращение, которое внушала ей предстоявшая роль, приказала служанкам своим подать ей прекраснейшее из платьев своего гардероба. Затем стянула она свой стан украшенным бриллиантами поясом, украсила шею ожерельем из жемчужин, из которых одна была величиною с грецкий орех; на руки и на ноги она надела золотые браслеты, драгоценные камни которых дивно сочетались своими цветами с красками остального наряда. И в небрежной позе легла она на подушки в ожидании волшебника. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот пятая ночь, она сказала:

ночь семьсот пятая

И когда тот явился, дочь султана пригласила его сесть возле нее на софу и сказала: – Не удивляйся перемене во мне; я по природе не склонна к печали, и мой веселый нрав взял верх над моею тревогою и грустью. К тому же я совершенно уверена, что Аладдина уже нет в живых, и ни слезы мои, ни мое сожаление не могут возвратить к жизни мертвеца. Вот почему я решила забыть печаль и не отвергать более твоего внимания и расположения ко мне. Но я еще не предлагала тебе прохладительных напитков в знак дружбы! И когда служанка подала поднос с шербетом, он взял кубок и сказал: – О царица, этот напиток не может освежить меня больше улыбки глаз твоих! Но осушив его, он в тот же миг покатился к ногам Будур, которая успела заранее добавить в кубок банж. Тут Аладдин вышел из шкафа, бросился к магрибцу и вытащил спрятанную лампу. Он потер ее и приказал эфриту перенести дворец со всем содержимым на прежнее место. И дух ответил: – Слышать значит и повиноваться! И в мгновение ока совершилось это перенесение, и затем в наслаждениях счастливо провели они вместе эту ночь. А на другое утро султан остолбенел от удивления, увидев, что на площади снова стоит великолепный дворец. И он, забыв о своем султанском достоинстве, побежал, размахивая руками и крича от радости, толкая стражников и привратников. И, несмотря на свои преклонные лета, взбежал он одним духом на алебастровую лестницу и вбежал в залу, где, улыбаясь, ждали его Аладдин и Будур. Увидав его, оба они побежали к нему навстречу. И обнял султан свою дочь, проливая слезы радости с бесконечным умилением; и она также. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот шестая ночь, она сказала:

ночь семьсот шестая

И когда он в состоянии был, наконец, открыть рот, то сказал: – О дочь моя, расскажи, ничего не скрывая, обо всем, что случилось с тобою! И Будур рассказала без перерыва отцу все свое приключение, не пропуская и не забывая ни одной подробности. И когда она окончила, Аладдин указал султану на лежавшее за занавесом бездыханное тело волшебника и сказал: – Вот настоящий виновник наших несчастий и моей опалы! Но Аллах наказал его! И султан, вполне убедившись в невиновности Аладдина, обнял его, прижал к груди и сказал: – О сын мой Аладдин, прости меня за дурное обращение с тобою! Но я заслуживаю прощения твоего по причине привязанности моей к единственной дочери моей Будур. И Аладдин простил султана, а тот велел глашатаям объявить, что дает свободу заключенным в знак всеобщей радости; и велел он раздать много денег бедным и нуждающимся. А вечером приказал он иллюминировать весь город, а также дворец Аладдина и Будур.

И зажил Аладдин со своей супругой счастливою и безмятежною жизнью. Но однажды заметил он, что лицо ее печально и блекло. И подошла она к нему и сказала: – О господин мой! Аллах, осыпавший нас обоих своими дарами, до сих пор отказывает нам в утешении иметь ребенка. Мы давно уже женаты, а в моих внутренностях не зарождается новая жизнь. Я пришла умолять тебя, чтобы ты позволил мне призвать во дворец старую и святую женщину Фатьму, прибывшую в город несколько дней тому назад. Все почитают ее за удивительные исцеления и уменье лечить, а также за то, что одним прикосновением рук своих избавляет она женщин от бесплодия. Тут Шахразада заметила, что наступает утро и умолкла. Когда же наступила семьсот седьмая ночь, она сказала:

ночь семьсот седьмая

Аладдин, не желая противиться супруге своей, охотно согласился исполнить ее просьбу. Его евнухи разыскали святую старуху и привели ее во дворец. Она опиралась на длинную палку, лицо ее было густо завешено покрывалом, а вокруг ее шеи в три ряда обмотаны были длинные четки. И Будур набожно поцеловала у нее руку, попросила благословения и сказала: – О святая Аллаха, я прошу Его даровать мне ребенка! И святая женщина долго молилась за нее, прося Аллаха продлить и увеличить ее счастье. Тогда Будур спросила: – Скажи, что должна я сделать, чтобы заслужить Его милость! Нет ничего невозможного для супруга моего, эмира Аладдина! При этих словах глаза святой засверкали необычайным светом сквозь покрывало, и она сказала: – Дочь моя, чтобы ты избавилась от бесплодия, необходимо привесить к куполу этой залы яйцо птицы Рок, живущей на высочайшей из вершин Кавказа. И по мере того, как ты будешь смотреть на это яйцо целыми днями, внутреннее устройство твоего тела видоизменится и оживит в тебе материнство!

На это принцесса воскликнула: – О мать моя, я не знаю, какая это птица Рок, и никогда не видела ее яиц, но я уверена, что Аладдин может достать их с высочайшей вершины Кавказа! Тогда, несмотря на все усилия и мольбы преисполненной благодарности Будур, желавшей подарить старухе несколько дорогих ожерелий и других драгоценностей, она не захотела оставаться во дворце ни минуты долее и ушла, отказавшись от подарков. Спустя несколько минут после ухода святой, Аладдин вернулся к своей супруге и нежно обнял ее, как это всегда делал после того, как отлучался хотя бы и на самое короткое время. Но она показалась ему рассеянной и чем-то озабоченной; и с тревогой в душе спросил он ее о причине... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот восьмая ночь, она сказала:

ночь семьсот восьмая

Тогда Будур сказала ему: – Я непременно умру, если не получу, как можно скорее, яйца птицы Рок, живущей на самой высокой из вершин Кавказа! Это посоветовала мне святая старуха как самое действенное средство от бесплодия. И Аладдин ответил: – Клянусь головою и глазами моими, у тебя сейчас же будет яйцо Рока! И он ушел в свою комнату и потер лампу, которую теперь постоянно держал при себе. И он сказал явившемуся эфриту: – Принести мне гигантское яйцо птицы Рок, обитающей на высочайшей из вершин Кавказа! Но едва лишь Аладдин произнес это, глаза эфрита засверкали, и закричал он таким ужасным голосом, что весь дворец потрясен был до самого основания: – Презренный! Что осмелился ты потребовать? Разве не знаешь ты, безрассудный, что я и лампа, и все духи-слуги лампы, мы рабы великого Рока, отца яиц? Счастлив ты, что носишь на пальце кольцо, преисполненное благодатных свойств. Иначе пропал бы ты совсем! Ошеломленный же Аладдин сказал: – Клянусь Аллахом! Это требование внушено супруге моей святой старухой, целительницей бесплодия!

Тогда эфрит внезапно успокоился и сказал: – Знай, что особа, которую ты называешь святою старухою, – переодетый женщиною мужчина, и он родной брат уничтоженного тобой врага. И похож он на своего брата, как одна половинка боба на другую. И он искуснее в деле колдовства и коварнее своего старшего брата. И он решил отомстить вам всем за его смерть. И удалось ему пробраться сюда и внушить жене твоей зловредное требование, являющееся опаснейшим покушением на моего главного господина, Рока! Проговорив все это, эфрит исчез. Тогда Аладдин поспешил к супруге своей, и, ничего не открывая ей из того, что только что сообщил ему эфрит, сказал, что хочет сам, стоя за занавесом, внимательно выслушать указания святой старухи. И Будур сейчас же вновь послала за старухой. И она пришла в залу и, не снимая покрывала своего, подошла к Будур. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот девятая ночь, она сказала:

ночь семьсот девятая

Тогда Аладдин выскочил из того места, где прятался за занавесом, бросился на нее и одним ударом снес ей голову с плеч! При виде этого Будур в страшнейшем испуге воскликнула: – Какой ужас! Но Аладдин только улыбнулся и вместо всякого ответа взял за чуб отрубленную голову и поднял ее. И, остолбенев от удивления, Будур увидела, что голова обрита, как у мужчины, за исключением чуба посредине, а лицо обросло бородой. И Аладдин поспешил рассказать всю правду о мнимой святой и мнимой старухе. И сказал он в заключение: – О Будур, возблагодарим Аллаха, навсегда избавившего нас от наших врагов! И бросились они в объятия друг к другу, благодаря Аллаха за Его милости. И с тех пор жили они счастливо вместе с матерью Аладдина и отцом Будур. И родились у них дети, прекрасные, как луны. И после смерти султана Аладдин вступил на престол, и ничто не нарушало их счастья до неизбежного появления Разрушительницы наслаждений и Разлучницы друзей. И, рассказав эту историю, Шахразада сказала: – Вот и все, благословенный царь, что знаю об Аладдине и волшебной лампе! Но Аллаху все лучше известно! Когда же настала семьсот тридцатая ночь, царь Шахрияр сказал:

ночь семьсот тридцатая

Этот рассказ восхитителен, Шахразада, но он удивляет меня своею скромностью. Шахразада же сказала: – В таком случае позволь мне рассказать тебе о Камаре и сведущей Халиме. А царь Шахрияр воскликнул: – Разумеется, Шахразада! Но она улыбнулась и ответила: – Но, прежде всего, чтобы открыть тебе значение дивной добродетели, именуемой терпением, и заставить тебя ждать, не гневаясь на слугу твою, которая предназначена Аллахом твоему роду, я сейчас расскажу тебе о способе приобрести истинное знание жизни! Царь же сказал: – Поспеши указать мне способ такого приобретения. Но, какую же участь предназначает мне Аллах через твое посредство, коль скоро я не имею потомства? А Шахразада ответила: – Позволь ничего пока не говорить тебе о том, что таинственно совершилось в те двадцать ночей молчания, которые ты милостиво даровал мне, чтобы я могла отдохнуть по случаю моего нездоровья, и во время которых служанка твоя узнала о готовящейся для тебя блестящей судьбе! Затем Шахразада, сказала:

Leon Carré

Притча об истинном знании жизни

Рассказывают, что жил некогда молодой человек, которым владела жажда познаний. И узнал он, что в отдаленной стране живет кузнец, обладающий познаниями всех ученых. И тогда молодой человек взял дорожный мешок, палку и отправился в путь, чтобы сделаться учеником того мудреца. Через сорок дней и сорок ночей утомительного пути он благополучно прибыл в город, где жил кузнец, явился к нему в лавку и встал перед ним в почтительном положении. И кузнец спросил у него: – Чего желаешь, сын мой? А тот ответил: – Учиться науке! Тогда кузнец вложил ему в руки веревку от кузнечного меха и велел тянуть. Новый ученик повиновался, и в этой работе стали проходить дни, недели и месяцы его жизни. И так прошло пять лет, в течение которых ученик без передышки тянул веревку мехов, и никто не говорил с ним ни слова. Но если кто-нибудь из прочих учеников желал получить ответ на какой-либо вопрос, он записывал его и подавал учителю, входя утром в кузницу. И если вопрос заслуживал ответа, учитель писал ответ на стене своей кельи. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила семьсот тридцать первая ночь, она сказала:

И по прошествии пяти лет кузнец сказал: – Сын мой! Ты можешь возвратиться на родину, ибо теперь ты воспитал жизнь твоего сердца, приобретя добродетель, именуемую терпением! И ученик возвратился на родину, в среду друзей своих просвещенный; и стала ему жизнь ясной и понятной. Тогда царь Шахрияр воскликнул: – О Шахразада! Мой ум в сегодняшний вечер склонен к таким рассказам! Тогда Шахразада сказала:

Фаризада Розовая Улыбка

Дошло до меня, что в былые времена жил в Персии справедливый Хозрой-шах, который имел обыкновение гулять по городу ночью в одежде чужеземного купца. И однажды, приложив глаз к щели дверей бедного дома, он увидел трех молодых красивых девушек, беседовавших по окончании трапезы. И первая сказала: – Мое желание сделаться женою султанского пирожника. Вы ведь знаете, как люблю я пирожные! А вторая сказала: – А я, сестры мои, удовольствовалась бы замужеством с султанским поваром. Это позволило бы мне отведать необыкновенных яств, которые едят лишь во дворце султана! Меньшая же сестра, намного превосходившая остальных своей красотой, на вопрос о своем желании, смущенно ответила голосом нежным, как журчание ручейка: – О сестры мои, я желала бы выйти замуж за господина нашего султана, чтобы дать ему благословенное потомство! И Хозрой-шах нашел все это очень забавным и захотел исполнить то, чего желали девушки. На следующий день, выполняя приказ шаха, визирь привел сестер из указанного ему дома во дворец. Султан же, сидевший на троне, сказал им: – Мир вам, о девушки! Сегодня исполнятся ваши желания, а они мне известны, так как цари знают все. Старшая выйдет замуж за моего главного пирожника, а вторая будет женою моего старшего повара! Сказав это, царь обратился к младшей, которая была так взволнована, что сердце у нее замерло.

И посадил шах ее рядом с собою и сказал: – Ты царица! Этот дворец – твой дворец, а я твой супруг! И в тот же день свадьба султанши была справлена с неслыханным великолепием, а свадьба двух других сестер – по обычаю простых людей. И глядя на благополучие меньшой сестры своей, испытывали они муки ненависти. И зависть проникла в их сердца, и замыслили они погубить меньшую. А через девять месяцев милостью Аллаха она родила сына, прекрасного, как серп молодой луны. Старшие же сестры, исполнявшие обязанности повитух, нашли способ разбить сердце молодой матери. Они положили новорожденного в плетеную корзинку, заменив ребенка дохлым щенком, уверив всех дворцовых женщин, что его и родила султанша. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот тридцать вторая ночь, она сказала:

ночь семьсот тридцать вторая

При этом известии у Хозроя-шаха потемнело в глазах и, беспредельно огорченный, заперся он в своих покоях. Султанша же погрузилась в печаль. А тетки бросили корзинку с младенцем в воды канала, протекавшего у самого дворца.

Но судьбе угодно было, чтобы ее увидел управляющий садами султана. Он притянул ее к берегу, осмотрел и нашел в ней красавца-ребенка. И удивился он и обрадовался, ибо страдал с супругой своей от бездетности. Поэтому побежал он в конец сада, где находился его дом, и взволнованным голосом сказал жены своей: – Вот дар Щедрого в этот благословенный день! Пусть это дитя будет нашим сыном! И рассказал он жене, как нашел корзинку, качавшуюся на воде канала; и утверждал, что Аллах посылает им этого ребенка, вняв их постоянным молитвам. И жена его взяла ребенка и полюбила его. Слава же Аллаху, вложившему в сердце бесплодных женщин чувство материнства! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот тридцать третья ночь, она сказала:

ночь семьсот тридцать третья

На следующий год безжалостно обманутая бедная мать произвела на свет другого сына, еще более прекрасного. Но преисполненные ненависти сестры ее опять тайком унесли ребенка в корзинке на канал. А всем во дворце они показывали котенка, уверяя, что им только что разрешилась от бремени султанша. И до крайности пристыженный султан предался бы порывам бешенства, если бы не была ему знакома покорность велениям неисповедимой справедливости. Сердце султанши было полно горечи и отчаяния и плакала она горючими слезами. А что касается ребенка, то Аллах, охраняющий судьбу младенцев, заставил управляющего садами снова заметить корзинку. И он снова спас ребенка и отнес его к жене своей, которая полюбила его, как собственное дитя. Аллах же даровал плодородие султанше, которая родила и третьего ребенка. А сестры ее, ненавистничество которых еще не было удовлетворено, поступили с новорожденной девочкой так же, как поступили раньше со своими племянниками. Но и ее приютил сострадательный управляющий, как и двух братьев ее.

Но на этот раз сестры положили на место новорожденной слепую мышь. И султан не смог уже сдержать своего

гнева и вскричал: – Аллах проклинает род мой из-за женщины, которую я взял себе в жены. Я женился на чудовище! Только смерть может избавить от нее мое жилище! И приговорил он к смерти султаншу, но, когда увидел в слезах ту, которую любило его сердце, султан почувствовал великую жалость. И велел он увести ее и запереть в отдаленную каморку во дворце. И годы потекли с одинаковой быстротою над головами невинных и над головами виновных. И трое приемных детей управляющего, достигнув юношеского возраста, стали ослеплять взоры всех своею красотою. Старшего звали Фарид, а второго Фаруз. Младшая же Фаризада была улыбкой самих небес. Когда она смеялась, смех ее звучал, как золотые динарии, а улыбки ее были распускающимися на пурпурных губках розами. Вот почему называли ее «Розовой Улыбкой». И все дивились ее красоте, уму, кротости и ловкости. И радуясь красоте приемных детей своих, управляющий садами дожил до глубокой старости. Тут Шахразада увидела приближение утра и умолкла. А когда наступила семьсот тридцать четвертая ночь, она сказала:

ночь семьсот тридцать четвертая

И тогда султан отпустил его со службы, подарив великолепное имение с обширным парком, где и умер он в Господе вместе с супругой своей, окруженный любовью и заботами. И плакали по нем его приемыши, как ни один родной отец не был оплакиваем своими детьми. И унес он с собой под могильную плиту тайну их рождения, которая и ему самому не вполне была известна. А в имении его продолжали жить юноши и их маленькая сестра. И так как их воспитывали мудро и просто, то ничего иного и не желали они, как жить в мире и дружбе, в тишине и спокойствии. Фарид и Фаруз часто ездили на охоту в леса и луга, окружавшие их владения, а Фаризада любила гулять в садах. И однажды какая-то старушка попросила разрешить ей отдохнуть часок под тенью этих прекрасных садов. Фаризада же предложила ей пищу и питье, и гуляли они вместе в садах. И спросила тогда Розовая Улыбка старуху, нравятся ли ей эти места. А старуха после размышления ответила: – Я провела жизнь мою, странствуя по землям Аллаха, и никогда еще не доводилось мне отдыхать в таком прелестном месте. Но, госпожа моя, я желала бы, чтобы ты имела в этом прекрасном саду три единственных в своем роде предмета, которых в нем нет! Фаризада была чрезвычайно удивлена, узнав, что в ее саду недостает трех несравненных вещей, и она сказала старухе: – Сделай милость, добрая мать моя, скажи мне поскорее, какие же это три несравненных и мне неизвестных предмета? А старуха отвечала: – О госпожа моя, в благодарность за гостеприимство твоего сострадательного сердца, оказанное мне, чужой старухе, я поведаю тебе об этих трех предметах. В этом месте своего повествования Шахразада заметила, что занимается заря, и умолкла. А когда наступила семьсот тридцать пятая ночь, она сказала:

ночь семьсот тридцать пятая

Знай, о госпожа моя, что первый из этих предметов есть Говорящая Птица Булбуль-Газар! Все бесконечное число птиц признают его превосходство и красоту. Второй несравненный предмет – это Поющее Дерево! Ни ветерок, играющий листьями деревьев, ни лютни, ни арфы, ни гитары не издают таких стройных звуков, которые могли бы сравниться с хором тысячи невидимых ртов, заключающихся в листьях Поющего Дерева. А третий из этих несравненных предметов – Вода Золотые Струи. Все воды земли и моря признают ее превосходство и ее красоту. Одна капля этой воды, если бросить ее в пустой водоем, раздувается и не перестает бить, никогда не переливаясь через край водоема. Этой-то золотой водой, прозрачной, как прозрачный топаз, любит утолять свою жажду Булбуль-эль-Газар – Говорящая Птица; и той же золотой водой, свежей, как свеж топаз, любят утолять свою жажду тысячи невидимых ртов дерева с поющими листьями. И если бы все эти дивные вещи находились в твоем саду, как прославилась бы твоя красота! Когда Фаризада Розовая Улыбка выслушала слова старухи, она воскликнула: – О мать моя, как все это восхитительно! Но ты не сказала мне, где находятся эти три несравненные предметы! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот тридцать шестая ночь, она сказала:

ночь семьсот тридцать шестая

А старуха, уже собиравшаяся уходить, ответила: – О госпожа моя, эти три чуда, достойные глаз твоих, находятся в одном месте, у границ Индии. Дорога же туда проходит именно позади имения, в котором ты живешь. Если захочешь послать за ними кого-нибудь, то тебе стоит только сказать человеку, чтобы он шел по этой дороге двадцать дней, и на двадцать первый пусть спросит у первого встречного: – Где Говорящая Птица, Поющее Дерево и Вода Золотые Струи? И прохожий этот непременно укажет. И да наградит Аллах твое великодушное сердце обладанием этих созданных для твоей красоты предметов. Сказав это, старуха закуталась в покрывало и удалилась, шепча благословения. А в душе Фаризады росло непреодолимое желание овладеть этими чудесами или хотя бы взглянуть на них. И все уголки любимого Фаризадой сада лишились своего очарования, и плакала она, гуляя по аллеям.

Между тем братья ее возвратились с охоты, и, увидав ее в слезах, спросили: – О сестрица, где розы твоей радости и золото твоего веселья? Расскажи нам о своем горе, если не сомневаешься в нашей любви! И Фаризада сказала им: – О братья мои, я разлюбила мои сады! В них нет Говорящей Птицы, Поющего Дерева и Вод Золотые Струи! И она рассказала братьям о посещении доброй старухи и обо всем, что та поведала ей. Братья же, выслушав ее, чрезвычайно удивились и сказали: – О сестра, успокой свою душу и освежи глаза свои! Все эти предметы, хотя бы они находились на вершине горы Каф, мы достанем тебе. Но она в испуге закричала им: – О нет! Не уезжайте! А старший, Фарид, сказал: – Твое желание для нас дороже глаз и головы, о Фаризада! Но я старший брат, и я должен взять на себя исполнение твоего желания. Лошадь моя еще не расседлана, она довезет меня, не ослабевая, до границ Индии, где находятся эти три чуда, которые я привезу тебе, если позволит Аллах! И повернувшись к брату своему Фарузу, он сказал ему: – Ты останешься здесь, чтобы охранять нашу сестру дома! Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила семьсот тридцать седьмая ночь, она сказала:

ночь семьсот тридцать седьмая

И вскочил он на лошадь, поцеловал сестру свою и сказал ей: – Не бойся, мое отсутствие будет недолгим. Впрочем, чтобы не мучилась ты беспокойством без меня, вот тебе нож! Если лезвие его будет чисто и ясно, это будет означать, что я нахожусь в добром здравии. Если же оно потускнеет, ты будешь знать, что со мной случилось несчастье. Если же капли крови закапают с него, можешь быть уверенной, что меня уже нет в живых! И сказав это, Фарид поскакал на своем коне по дороге, ведущей в Индию. И ехал он двадцать дней и двадцать ночей по пустынным местам, где присутствовал один Аллах. А на двадцатый день увидел он под деревом престарелого шейха, лицо которого исчезало под его длинными волосами и необычайно длинной бородой. Без сомнения, то был старый отшельник, давно удалившийся от мира. И Фарид слез с лошади, приветствовал старика, и тот ответил, но голос его был заглушен густотою усов и бороды. Тогда Фарид, достал из дорожного мешка ножницы и сказал шейху: – О достопочтенный, позволь мне немного позаботиться о тебе. А так как со стороны шейха не последовало отказа, он подравнял ему бороду и усы так, что шейх помолодел лет на двадцать.

И старый шейх улыбнулся путешественнику и спросил его ясным и чистым голосом, кто он и куда едет. Фарид же поспешил ответить: – Я приехал из далекого края искать Говорящую Птицу, Поющее Дерево и Воду Золотые Струи. Не можешь ли ты сказать мне, где их найти? При этих словах шейх от сильного волнения перестал перебирать свои четки, а затем сказал: – Конечно, о сын мой, я знаю место, где находятся эти предметы, и знаю дорогу, ведущую к ним. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот тридцать восьмая ночь, она сказала:

Léon Carré

ночь семьсот тридцать восьмая

Но я не могу решиться подвергнуть тебя страшным опасностям такого предприятия. Поспеши лучше назад и возвратись в свой родной край! Сколько уже до тебя прошло здесь молодых людей, и никто из них не вернулся! Фарид же, не теряя мужества, ответил: – Добрый дядя, укажи мне только путь и не беспокойся обо всем остальном! Аллах дал мне руки, умеющие защитить своего владельца! И когда старик увидел, что нельзя отговорить молодого путешественника от его предприятия, он вытащил из привязанного к поясу мешка гранитный шарик и сказал: – Садись на лошадь и брось его перед собой. Он покатится, а ты следуй за ним. Когда он остановится, привяжи к нему лошадь, а сам поднимайся на гору. Повсюду будут реветь голоса, от которых леденеет кровь, но ты не слушай их, иначе, если послушаешь и обернешься, будешь превращен в черный камень! А когда поднимешься ты на вершину, найдешь там в клетке Говорящую Птицу и спросишь у нее, где Поющее Дерево и Вода Золотые Струи.

Тогда Фарид вскочил на лошадь, бросил перед собою шарик, тот покатился, и конь Фарида ринулся за ним. И так мчался он, преодолевая все препятствия, пока не доскакал до первых камней горы. Тут Фарид слез с лошади, обмотал ее поводья вокруг шарика и принялся взбираться на гору. И по мере того, как он поднимался, земля стала покрываться глыбами черного базальта. И не знал он, что то были тела молодых и знатных людей, предшественников его в этих печальных местах. И вдруг из среды скал раздался крик, подобного которому он не слыхивал во всю свою жизнь, и за этим криком последовали скоро, справа и слева, другие крики, в которых не было ничего человеческого.

Одни из голосов вопили: «Задержите его! Убейте его!», другие кричали: «Толкните его в пропасть!», а третьи манили: «Эй, красавчик! Иди сюда!» Но Фарид продолжал взбираться на гору, не теряя мужества. Голоса же умножались и становились ужаснее; порою их дыхание почти касалось его лица, и Фарид невольно задрожал, забывая совет старика; и под влиянием одного, более сильного голоса, обернулся. И в тот же миг он превратился в глыбу черного базальта! И то же случилось с лошадью у подножья горы, а шарик покатился назад к дереву, под которым сидел старик. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила семьсот тридцать девятая ночь, она сказала:

ночь семьсот тридцать девятая

И в тот же день Фаризада побледнела, увидав, что лезвие ножа потускнело. И упала она на руки прибежавшего брата ее Фаруза и воскликнула: – Ах, Фарид мой, зачем отпустила я тебя? Что сталось с тобою в этих чужих краях? А Фаруз же решил, что он должен ехать на поиски брата и в то же время привезти три предмета, из-за которых он теперь должен быть в неволе. И он дал Фаризаде, жемчужное ожерелье и сказал: – Если жемчужины перестанут перебираться под твоими пальцами, это будет знаком, что меня постигла одинаковая участь с нашим братом! И пустился он в путь по дороге в Индию и доехал до старика, сидящего под деревом. И после положеных приветствий, старик на просьбу царевича уведомить его об участи, постигшей брата, всячески старался отклонить его от затеянного предприятия. Но убедившись, что настояния его не приведут ни к чему, он дал ему гранитный шарик, который привел Фаруза к подошве роковой горы. И тот, не слушая угроз и призывов, дошел уже до половины пути, как вдруг услышал позади себя: – Брат мой! Не беги от меня! И, позабыв осторожность, Фаруз обернулся и был превращен в глыбу черного базальта. А Фаризада заметила, что зерна ожерелья приклеились одно к другому. И, подавив свою печаль и не теряя времени на бесплодные жалобы, она переоделась всадником, надела доспехи и поехала на коне по той же дороге, по которой следовали ее братья. Тут Шахразада заметила, что наступает ночь и умолкла. А когда наступила семьсот сороковая ночь, она сказала:

ночь семьсот сороковая

На двадцатый день встретила она старого шейха, и на ее расспросы о братьях он рассказал, что знал о них, и добавил: – О дочь моя, вот гранитный шарик, который поведет тебя по их следам. Но освободишь ты их лишь после того, как овладеешь тремя чудесными предметами. А так как ты подвергаешь свою жизнь опасности лишь из любви к братьям, а не потому, что тебя побуждает желание овладеть невозможным, то невозможное будет рабом твоим. Проговорив это, старик вручил Фаризаде гранитный шарик; потом он вынул из-за пояса клок шерсти и сказал: – Пусть дочь человеческая при помощи этого клочка шерсти победит все козни Невидимого! И разделив клочок на две части, он вложил каждый в каждое из ушей ее, а потом знаком руки приказал ей ехать. И Фаризада смело бросила шарик по направлению к горе. Достигнув скал, она оставила лошадь и начала взбираться вверх. И голоса снова подняли ужасающий гам. Но она не разбирала отдельных слов, а потому не испытывала никакой боязни. И, не ослабев, добралась она до вершины горы, где на золотом цоколе стояла золотая клетка. А в ней сидела Говорящая Птица. И Фаризада бросилась к ней, схватила клетку и закричала: – Птица! Я держу тебя! Ты не уйдешь от меня! И она вытащила из ушей клочки шерсти, которые делали ее глухою

на все призывы и угрозы Невидимого. А все голоса уже смолкли, и глубокая тишина водворилась на горе. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот сорок первая ночь, она сказала:

ночь семьсот сорок первая

И среди этого безмолвия в прозрачном воздухе, звонко раздался голос Говорящей Птицы. И запела она своим певучим голосом:

Твоя я верная раба,
Приказывай, о Фаризада.
О Фаризада, прикажи!

Тогда попросила она указать ей, где находится Поющее Дерево. И Булбуль пропела, что оно на противоположном склоне горы. Фаризада пошла туда и увидела на склоне огромное дерево, и услышала пение, доносившееся из тысячи невидимых ртов. Булбуль же объяснила ей, распевая, что достаточно отломить ветку этого Дерева-музыканта и посадить ее, и сейчас же пустит она корни и сделается таким же огромным и прекрасным деревом. И Фаризада сорвала ветку с Поющего Дерева, а Птица указала ей место за голубой скалой, где находилась Вода Золотые Струи. И Фаризада направилась туда и увидела тонкую струйку источника, подобную расплавленному золоту, и набрала эту воду в хрустальную вазу. И таким-то образом Фаризада Розовая улыбка овладела тремя несравненными предметами. Тут Шахразада заметила, что занимается заря, и умолкла. А когда наступила семьсот сорок вторая ночь, она сказала:

ночь семьсот сорок вторая

И сказала она Птице Булбуль: – О прекраснейшая из птиц, у меня есть и еще просьба к тебе – мои братья! В ответ Птица пропела:

О роза, царственная роза,
Кропи ты камни на горе
Водою из хрустальной вазы!

И взяла Фаризада в одну руку хрустальную урну, а в другую – золотую клетку и Поющую Ветвь и пустилась в обратный путь. И встречая черный камень, она кропила его каплями Воды Золотые Струи. И камень принимал человеческий образ. Фаризада не пропустила ни одного камня и так нашла Фарида и Фаруза. Они обняли сестру свою, а все пробужденные от каменного сна поцеловали ее руку. И вместе спустились они в долину и сели

на коней, которых Фаризада тоже освободила от сковывавших их чар. И направились они все к дереву старика, но его уже не было на лугу, и дерево его также исчезло. И Птица Булбуль объяснила, что как учитель стирается перед лицом своей науки, так и старик, сидевший под деревом, исчез после того, как передал свою мудрость Фаризаде. И все освобожденные тронулись в путь. И на двадцатый день вечером Фаризада, Фарид и Фаруз благополучно прибыли в свое жилище.

Фаризада привесила клетку с Птицей Булбуль в саду, и все птицы слетелись приветствовать ее, и признали ее красоту и превосходство. И подошла Фаризада к большому алебастровому водоему, на который имела обыкновение любоваться, и влила в него одну каплю из хрустальной урны. И золотая капля раздулась, и поднялась сверкающими снопами, и не переставала бить вверх, распространяя свежесть морской пещеры. И посадила Фаризада ветвь Поющего Дерева, и та пустила корни и превратилась в прекрасное дерево, от которого понеслось дивное пение. Фаризада возобновила свои прогулки по садам, беседуя с Говорящей Птицей, слушая Поющее Дерево и любуясь на Воду Золотые Струи. А Фарид и Фаруз предавались охоте, бродя по лесам и полям. И вот однажды на лесной тропинке встретились они с султаном, охотившимся в том же лесу. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот сорок третья ночь, она сказала:

И соскочили они с коней и распростерлись перед ним. Султан чрезвычайно удивился, встретив в этом лесу богато одетых и незнакомых ему всадников. Он велел им встать и был поражен их красотой, и некоторое время молча разглядывал их. И на расспросы султана ответили братья: – О царь времен, мы сыновья умершего раба твоего, бывшего управляющего садами. Мы живем в доме, которым обязаны твоей щедрости! Прости нас, что не являлись между великодушных рук твоих, но у нас есть меньшая сестра, которую мы охраняем с такою любовью, что не можем и думать о разлуке с ней! И султан был чрезвычайно тронут такою дружбой и почувствовал желание посетить их жилище, и сейчас же выразил он это юношам, которые отвечали повиновением.

Узнав о том, Фаризада не знала, что приготовить, чтобы достойно принять султана. И она посоветовалась с Птицей Булбуль, а та пропела: – Огурцы, начиненные жемчугом! И Фаризада, удивившись, сказала: – О Птица! О чем ты говоришь! Да это неслыханное кушанье! Если царь желает отобедать у нас, то значит, он желает кушать, а не глотать жемчужины! Ты, верно, хотела сказать: «Огурцы с начинкой из риса!» Но Говорящая Птица вскричала с досадой: – Начинка из жемчуга, жемчуга, жемчуга! А не рис, не рис, не рис! И Фаризада, во всем доверявшая чудесной Птице, заказала своей поварихе блюдо огурцов с начинкой из жемчужин. А так как в доме не было в них недостатка, то нетрудно было найти их в достаточном количестве. Между тем султан вошел

в сад, и Фаризада, закрыв лицо свое покрывалом, поцеловала его руку. И услышал он дивные звуки Поющего Дерева, и увидел не иссякающие струи фонтана, и услышал взволнованный голос Говорящей Птицы: – Добро пожаловать, султан Хозрой-шах! Добро пожаловать! И когда султан собирался расспросить Фаризаду и ее братьев о происхождении не понятных для него чудес, она пригласила его в беседку. И сел султан на почетном месте, и подали ему огурцы, начиненные белым жемчугом. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот сорок четвертая ночь, она сказала:

ночь семьсот сорок четвертая

И султан, любивший огурцы с начинкой, был удивлен до крайних пределов, когда увидел внутри жемчуг, и воскликнул он: – С каких пор жемчуг заменяет рис и фисташки? А Птица пропела: – А с каких пор дети персидской султанши превращаются при своем рождении в животных? Если ты поверил такому невероятному обстоятельству, то и теперь не имеешь права удивляться! При этих словах султан схватился за голову и зарыдал. А Птица запела снова: – Подними покрывало перед отцом твоим, о Фаризада! Это дочь твоя, о царь! И в ту же минуту царь, взглянув на Фаризаду и на ее братьев-красавцев, узнал в них себя. И в то время, как султан Хозрой-шах еще стоял безмолвно и недвижимо от волнения, Говорящая Птица быстро рассказала ему и его детям их истинную историю. И не успела она окончить свое повествование, как уже султан и его дети обняли друг друга, и смешались их слезы и лобзания. Слава Аллаху, Великому и Неисповедимому, соединяющему тех, кого разлучил! И поспешили дети к своей матери! Но не будем описывать того, что произошло, когда бедная мать, томившаяся в своей уединенной каморке, снова увидела султана, супруга своего, и признала себя матерью Фаризады Розовой Улыбки и двух юношей-красавцев – братьев ее. И жили они долгие годы весело и счастливо, пока не явилась и к ним Разлучница друзей.

Когда Шахразада окончила это свое повествование, она сказала: – О царь времен! Желаю, чтобы и рассказ о Камаре и сведущей Халиме понравился тебе не менее этого! Но если позволит Аллах и если разрешает царь, я начну его завтра! И царь Шахрияр, помнивший притчу об истинной мудрости, сказал: – Я подожду до завтра! И когда наступила семьсот сорок пятая ночь, Шахразада сказала:

ночь семьсот сорок пятая

Gian Carlo

Рассказ о Камаре и сведущей Халиме

Жил в стародавние времена уважаемый купец Абд Эль-Рахман, которого Аллах наградил дочерью и сыном. Дочь назвал он Утренней Звездой, по причине совершенства ее красоты, а сына Камаром, потому что он был прекрасен, как луна в полнолунии. Опасаясь дурного глаза, отец держал детей своих взаперти до четырнадцати лет, допуская к ним лишь старую невольницу. Но однажды жена сказала ему: – Почему не берешь ты сына своего на базар, чтобы люди узнали его? Иначе никто не будет и подозревать о существовании у тебя наследника, и казна наложит руку на твое имущество! Тоже и дочь наша; я хотела бы, чтобы о ней узнали наши знакомые. Так найдется для нее и жених, и мы порадуемся ее счастью!

И купец Эль-Рахман ответил: – Разумеется, но я держу детей взаперти от дурного глаза! Она же сказала: – Возложи свое упование на Аллаха, и Он сумеет охранить наше дитя. Я приготовила для Камара тюрбан, в который зашила серебряный футляр со священными стихами, предохраняющими от всякого зла! Поэтому ты без всякого страха можешь увести его на базар! И, поддавшись уговорам жены, купец взял сына за руку и вышел вместе с ним из дома.

И как только они вышли на улицу, обступили их прохожие, изумленные красотою юноши. При входе на базар после приветствий отцу Камара они восклицали: «О Аллах! Солнце взошло вторично сегодня утром!» И все восхищались и желали юноше всего хорошего, толпясь вокруг него. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот сорок шестая ночь, она сказала:

Отец же с трудом сдерживал гнев и отвечал грубостями, но все на это не обращали внимания, предаваясь созерцанию необыкновенного красавца, пришедшего на базар в этот благословенный день. И купец, в окружении мужчин и женщин, в душе проклинал жену, осыпая ее мысленно бранными словами. Наконец он растолкал толпу, поспешил к своей лавке, отпер ее и посадил в нее Камара так, чтобы прохожие могли видеть его лишь издалека. И весь базар стал толпиться у лавки; скопище именитых и простых людей росло и увеличивалось. Между тем к лавке подошел старый дервиш. Он поглаживал свою седую и длинную бороду, а присутствующие сторонились перед ним из уважения к его старости. И взглянул он на юношу глазами полными слез, и сел на скамью поближе к нему. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила семьсот сорок седьмая ночь, она сказала:

Ночь семьсот сорок седьмая

Когда люди заметили восторг дервиша, они стали говорить: – Дервишу понравился хорошенький мальчик! Купец же сказал себе: «Всего умнее будет пораньше вернуться домой». И он сказал дервишу: – Нам нужно запирать лавку! Когда же купец и его сын направились к воротам базара, дервиш последовал за ними, постукивая своей палкой. Купец же, не смея обругать дервиша при людях, обернулся и спросил: – Что тебе нужно? А тот ответил: – О господин мой, я желал бы, чтобы ты пригласил меня переночевать. Ведь приглашенный – гость самого Аллаха, да прославлено будет Его имя! И купец сказал: – Добро пожаловать, гость Аллаха! А себе сказал при этом: «Если у него дурные намерения, я убью его и плюну на его могилу».

И ввел он его в дом свой, и велел негритянке принести пищу и питье. И когда дервиш окончил трапезу, Эль-Рахман сказал сыну: – Ступай к нашему гостю и побеседуй с ним; рассказы дервишей обогащают ум слушателя. И если возьмет он тебя за руку, не отнимай руки, будь послушен, как следует по отношению к человеку преклонного возраста! Сам же он поднялся на верхний этаж, откуда мог слышать все, что будет происходить в зале. И увидел купец, что дервиш вел себя пристойно. И, успокоившись относительно дервиша, Эль-Рахман спустился в залу и сказал ему: – О брат мой, объясни мне причину твоего интереса к сыну моему. И дервиш ответил: – Знай, что я бедный дервиш, странствующий по землям Аллаха. Однажды судьба привела меня в город Басру, и увидел я, что все лавки открыты, но в них нет ни купцов, ни покупателей. И так пустынны были улицы, что не было на них ни кошек, ни собак. И сказал я в душе своей: «Куда же ушли все жители со своими кошками и собаками, покинув свои товары?» Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот сорок восьмая ночь, она сказала:

ночь семьсот сорок восьмая

И мне уже становилось страшно от звука собственных шагов в этой пустыне, как вдруг услышал я приближавшуюся музыку. И смущенный всем, что видел, я подумал, что город заколдован, а музыканты эти – зловредные джины. Испугавшись, бросился я в одну из лавок и спрятался за мешком с бобами. Едва успел я примоститься поудобнее, как увидел ослепительное шествие. Сорок девушек шли во всей красе без покрывал, а предшествовала им группа музыкантш и танцорок. И увидел я лошадь со звездочкой на лбу, которую вели две негритянки. На лошади сидела молодая женщина, свежесть и красота которой лишили меня рассудка.

И когда шествие исчезло, все купцы точно выросли из земли и заняли свои обычные места у лавок. Я решился подойти к одному из прохожих и спросил его, что означает только что виденное мною зрелище. Но прохожий взглянул на меня с испугом и опрометью пустился бежать от меня. Я же подошел к другому прохожему и повторил тот же вопрос. Но он притворился, что не видит и не слышит меня, и продолжал идти своей дорогой. Тут Шахразада заметила, что занимается заря, и умолкла. А когда наступила семьсот сорок девятая ночь, она сказала:

ночь семьсот сорок девятая

И никто не хотел отвечать на мои расспросы; и все бежали от меня, будто я размахивал мечом, собираясь рубить всем головы. Тогда я сказал себе: «Для разъяснения дела зайди в лавочку цирюльника, ведь у него слова всегда висят на кончике языка». И я вошел в цирюльню, щедро расплатился и спросил, кто была та необыкновенная красавица. И цирюльник также остолбенел, но все же ответил: – Если хочешь спасти свою голову, убирайся из нашего города, иначе ты пропадешь безвозвратно! Здешние жители мрут, как саранча, если им не удается спрятаться перед прохождением шествия! И я вышел от цирюльника и успокоился, лишь очутившись за городскими стенами. Придя же в ваш город, увидел я сына твоего, красота которого напомнила мне красоту той несравненной девушки в Басре, ибо он похож на нее, как брат на сестру. И так растрогало меня это сходство, что я не в силах был сразу покинуть его. Сказав это, дервиш призвал благословение на хозяев и ушел, вздыхая. А молодой Камар всю ночь не сомкнул глаз, до такой степени рассказ о необыкновенной

léon carré

девушке взволновал его. И наутро он сказал матери своей: – О мать, я должен ехать в Басру, где ждет меня судьба! Отец Камара пытался отговорить сына, но тот сказал: – Если я не уеду сейчас в Басру, то непременно умру! И отец и мать Камара, ввиду таких решительных речей, могли только покориться тому, что предначертано судьбою. И мать дала сыну мешочек, в который спрятала сорок алмазов и изумрудов и сказала ему: – Береги его, он пригодится тебе, когда будешь нуждаться в деньгах. Отец же дал ему девяносто тысяч золотых динариев на пребывание в чужих краях и поручил сына начальнику каравана, который отправлялся в Ирак. И Аллах благословил их путь, и прибыл Камар, сопровождаемый родительскими напутствиями, благополучно в Басру. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот пятидесятая ночь, она сказала:

ночь семьсот пятидесятая

В пятницу лавки были открыты, но продавцы и покупатели отсутствовали. И услышал он музыку и спрятался, как то сделал дервиш. И увидав красавицу, он был охвачен таким волнением, что чуть не лишился чувств. Когда же улицы вновь оживились, Камар нашел цирюльника, который брил когда-то голову дервишу. После приветствий он подал ему кошелек с золотыми динариями и сказал: – О отец легкой руки, я чужеземец, запри лавку свою и расскажи мне о причине, по которой базары ваши пустеют по пятницам. И цирюльник, подкупленный щедростью молодого человека, ответил: – Это тайна, в которую я не пытаюсь проникнуть, но раз ты принимаешь это дело близко к сердцу, я познакомлю тебя с моей женой. Она знает все, что делается в городе, так как продает духи во все гаремы Басры. Вставай и пойдем в дом мой! А Камар, оказавшись в доме цирюльника, взял полную горсть золотых динариев, высыпал их на колени его жене, и сказал: – Извини за эту малость и расскажи мне, матушка, все о том, что знаешь! И жена цирюльника сказала: – Знай, что султан Басры получил однажды в дар от индийского султана дивную жемчужину, которая родилась, наверное, от какого-нибудь солнечного луча. Она была бела и золотиста, и, казалось, внутри у нее переливался целый пожар в море молока. И пожелал царь носить ее на шее своей. Он призвал всех ювелиров Басры и сказал им: – Тот, кто проколет эту царицу жемчужин, может просить у меня чего хочет, но, если он повредит жемчужину, я велю отрубить ему голову! И все ювелиры испугались браться за работу, и лишь их шейх, мастер Обейд, согласился. Он долго рассматривал жемчужину, а потом сел на пол, вынул из пояса несколько тонких инструментов, зажал жемчужину большими пальцами ног своих и с невероятною ловкостью просверлил ее насквозь без малейшего изъяна. И повесил себе ее царь на шею на шелковом шнурке и посмотрел вокруг себя озаренными радостью глазами. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот пятьдесят первая ночь, она сказала:

ночь семьсот пятьдесят первая

После этого царь сказал Обейду: – О мастер Обейд, выражай теперь свое желание! И ювелир ответил: – Да продлит Аллах дни царевы! Но у раба, имевшего великую честь дотронуться своими немощными руками до чудесной жемчужины, есть молоденькая жена. И мне хотелось бы пойти узнать мнение жены своей по поводу просьбы, которую разрешает ему наш великодушный господин, и посмотреть, не имеется ли уже у нее какого-нибудь желания, предпочтительного тому, которое я сам мог бы придумать. Аллах наделил ее не только молодостью и обворожительностью, но и изобретательным умом, проницательностью и большой рассудительностью! Царь же сказал: – Ступай же скорее и принеси мне ответ, потому что я не успокоюсь до тех пор, пока не исполню своего обещания!

И ювелир пошел к жене своей и рассказал ей, в чем дело. А молоденькая женщина воскликнула: – Слава Аллаху, день мой наступает раньше времени! У меня, действительно, есть желание и мысль, правда, довольно странная, которую хочу привести в исполнение! Мое желание не будет стоить ни единой драхмы царской казне. Ступай к царю и попроси, чтобы он позволил мне кататься каждую пятницу, и с такой же свитою, как у царских дочерей, по базарам и улицам Басры, и чтобы никто, под страхом смертной казни, не смел тогда показываться на улице. И я желаю, чтобы лавки оставались открытыми во время прохождения моего шествия! А люди все, большие и малые, будут прятаться в мечетях, и двери мечетей будут заперты, чтобы никто не высовывался и не смотрел. Вот и все, чего желаю от царя в награду за то, что ты потрудился просверлить жемчуг! Услыхав это, ювелир удивился до чрезвычайности, но так как он любил жену, да к тому же был стар и очень некрасив собою, то он не захотел противоречить, а ограничился тем, что ответил: – Твое желание свято!

Тогда ювелир передал царю желание своей супруги, а тот сказал: – Тому нет препятствий! И тотчас же велел глашатаям объявить по всему городу, что каждую пятницу, за два часа до молитвы, жители, оставляя лавки свои открытыми, должны прятаться в мечети и не сметь выглядывать из них под страхом смертной казни. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот пятьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь семьсот пятьдесят вторая

И сказав это, жена цирюльника прибавила: – Но, я вижу, что ты еще чего-то желаешь от меня, например, чтобы я указала тебе способ еще раз увидеть дивную красавицу, супругу старого ювелира! И Камар ответил: – Таково желание моего сердца, и, чтобы увидеть ее, я готов отдать все, чем владею! Тогда она указала ему все, что хотела указать для достижения им желаемой цели, и прибавила: – Когда же исполнишь все, что я указала тебе, принеси сто динариев золотом для мужа моего, цирюльника, потому что он бедный человек!

Камар же ответил, что слушает и повинуется. Он пришел на базар ювелиров, нашел лавку шейха ювелиров Оста-Обейда, поклонился ему с большим почтением, вынул из своего кошелька отборный камень, но менее ценный из всех имевшихся у него, и сказал: – О господин, мне очень желательно, чтобы ты сделал мне оправу, достойную этого камня. И с этими словами подал двадцать золотых монет, говоря: – О мастер, это лишь небольшой задаток из той суммы, которую уплачу тебе за твою работу! И дал он по золотому каждому из многочисленных учеников, а также и каждому из многочисленных нищих, которые появились на улице, заметив, что в лавку вошел богато одетый молодой чужестранец. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот пятьдесят третья ночь, она сказала:

ночь семьсот пятьдесят третья

А Обейд занялся изготовлением перстня, и к вечеру того же дня окончил работу. А так как молодой человек должен был зайти за перстнем только на следующий день, то мастер взял перстень с собой, показал его своей молодой жене и сказал: – Он для молодого чужеземца, который много прекраснее этого дивного камня. Глаза у него мечут стрелы, щеки подобны лепесткам анемона, рот его подобен печати Солеймана, губы красны, как сердолик, а шея подобна шее антилопы. Так описывал золотых дел мастер своей супруге молодого Камара, не замечая, что слова его внезапно зажгли в сердце молодой женщины страсть, тем более пламенную, что предмет оставался невидимым. Но жена ювелира ничем не обнаружила волновавших ее чувств и лишь сказала: – Точно для меня это сделано! Посмотри, как хорошо сидит! А ювелир ответил: – Клянусь Аллахом, я завтра же попрошу владельца продать мне перстень и принесу его тебе!

А Камар вручил сто золотых монет жене цирюльника, а она сказала ему: – Когда увидишь ювелира, не бери у него перстня. Скажи, что он тебе слишком тесен, и подари ему его. Потом дай ему другой камень, прекраснее первого, и попроси сделать для него оправу. И дай ему шестьдесят динариев для него и по два каждому из его учеников в виде награды. Да не забудь и нищих, стоящих у дверей. Тогда дела примут благоприятный для тебя оборот. И не забудь также прийти ко мне и сообщить о ходе дела,

да принеси что-нибудь для мужа моего! Камар же ответил: – Слушаю и повинуюсь! И на другой день пошел он на базар к ювелиру Обейду, который после приветствий подал ему перстень. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот пятьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь семьсот пятьдесят четвертая

Камар же сделал вид, что примеряет его, а затем сказал: – Клянусь Аллахом! Оправа хороша, но перстень мне немного тесен. Знаешь что! Я отдаю его тебе, чтобы ты подарил его одной из многочисленных невольниц твоего гарема! А теперь вот другой камень, который больше первого нравится мне, и он будет еще лучше в оправе. И он подал камень в семьсот золотых динариев и шестьдесят золотых, сказав: – Это тебе и ученикам на шербет. И вышел он, раздавая направо и налево золотые монеты нищим, собравшимся у дверей лавки. Мастер же, вернувшись домой, не мог нахвалиться перед женою щедрым чужеземцем. И он отдал ей подарок клиента, а она надела перстень на палец и спросила: – А не заказывал ли он тебе второго? Муж ответил: – Ну, да! И он уже готов. И она взяла второй перстень и сказала: – Мне хотелось бы оставить его у себя! А муж сказал: – Кто знает? Этот человек способен подарить мне и второй! Тем временем Камар вручил жене цирюльника четыреста золотых динариев, а она сказала она ему: – Дело подвигается, как нельзя лучше. Подари и второй перстень, сказав, что он слишком широк. Дай ему другой драгоценный камень, из тех, что стоят по тысяче динариев; дай двести динариев хозяину и по пять каждому из учеников. И принеси что-нибудь супругу моему! И когда Камар в точности последовал этим советам, беспредельно смутившийся ювелир сказал ему: – О господин мой, не пожелаешь ли почтить мой дом своим присутствием и осчастливить меня, поужинав со мною сегодня вечером? Сердце мое чувствует твои благодеяния и привязалось к великодушной руке твоей! И когда Камар согласился, ювелир привел его в дом свой.

Однако жена ювелира не нарушила обычая, по которому женщины никогда не появляются во время трапез. Но не успели Камар и его хозяин отведать шербета, как оба уснули глубоким сном, так как молодая женщина насыпала сонного порошку им в кубки. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот пятьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь семьсот пятьдесят пятая

Тогда молодая женщина подошла к Камару и бросилась целовать губы и щеки прекрасного юноши так страстно и горячо, что из них брызнула алая кровь. И целую ночь напролет, ласкала она его. Когда же занялась заря, она положила Камару в карман четыре косточки ягненка и вдунула ему и старому ювелиру в ноздри противосонный порошок. И вскоре порошок подействовал, спящие проснулись, и старик воскликнул: – О Аллах! Как крепко спится в этой комнате! Каждый раз, как засну здесь, просыпаюсь только поздним утром! Камар же почувствовал, что губы и лицо у него горят, как в огне. И он сказал об этом ювелиру, а тот ответил: – Пустяки! Наверное это накусали москиты! Мы имели неосторожность спать без полога! Камар же после завтрака отправился к жене цирюльника и все ей рассказал. Она же засмеялась и сказала: – В самом деле, москиты? И твое посещение дома той, которую любишь, не имело иных последствий? А он ответил: – Нет, клянусь Аллахом! Вот разве я нашел у себя в кармане бабки, которыми играют дети! Она же взяла их, осмотрела и воскликнула: – Какой же ты недогадливый, сын мой! Знаки на лице твоем – не укусы москитов, а следы страстных поцелуев той, кого ты любишь. А эти кости, положенные ею тебе в карман, упрек за то, что ты спал, между тем как мог провести с нею ночь гораздо приятнее. Она хотела тем сказать тебе: «Ты ребенок и спишь по ночам. Вот же тебе детская игрушка!» Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот пятьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь семьсот пятьдесят шестая

А супруга старого ювелира наутро спросила мужа: – Надеюсь, что ты пригласишь гостя своего еще раз. Ты обязан это сделать за его щедрость! И когда Камар снова пришел в лавку, хозяин пригласил его опять; и в эту ночь, как и в предыдущую, все произошло таким же порядком. Когда же Камар отправился отдавать отчет жене цирюльника, то нашел у себя в кармане нож. А та, увидав его, воскликнула: – Твоя возлюбленная грозит убить тебя, если опять найдет тебя спящим! Чтобы не заснуть, сделай вид, что пьешь, а сам вылей содержимое кубка на пол и притворись затем спящим. И Камар последовал этому совету. И когда жена ювелира вошла в залу, Камар смеясь, вскочил на ноги и поклонился до земли молодой женщине. Она же спросила его: – Кто научил тебя такой уловке? Камар не скрыл от нее, что поступал, следуя советам жены цирюльника. Она же улыбнулась и сказала: – Отныне ты будешь иметь дело только со мною. И не пожалеешь! И, сказав это, она привлекла к себе юношу и научила его всему, чего он еще не знал. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот пятьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь семьсот пятьдесят седьмая

А Камар оказался весьма понятливым учеником. И когда Халима успокоила пожиравшее ее пламя, она сказала своему возлюбленному: – Знай, что я хочу провести с тобою всю мою жизнь, покинув моего старого и безобразного мужа. Поэтому если мой старый супруг пригласит тебя еще раз, отвечай ему: «Я боюсь злоупотреблять твоим вниманием, удерживая тебя четыре ночи подряд вдали от твоего гарема». И ты попросишь его нанять для тебя дом по соседству от нас под предлогом, что вам удобнее будет обмениваться вечерними посещениями. И Камар ответил: – Слушать значит повиноваться! И когда он исполнил, что было сказано, старый ювелир нанял соседний дом для своего молодого друга. А опытная Халима, сохраняя дело в большой тайне, велела пробить дверь в смежной между обоими домами стене и скрыть ее с обеих сторон шкафами. И на следующий день Камар чрезвычайно удивился, когда его возлюбленная неожиданно вошла в его комнату. После этого Халима, еще вся трепещущая от удовлетворенной страсти, сказала Камару: – Теперь я переоденусь невольницей, а ты веди меня в лавку моего мужа; и ты скажи ему, что только что купил меня на базаре невольниц. И увидим, раскроет ли ему, наконец, глаза эта проделка! И она встала и, переодевшись невольницей, последовала за своим возлюбленным в лавку ювелира.

Когда же они вошли в лавку, Камар сказал старику: – Вот невольница, которую я только что приобрел за тысячу золотых динариев. Нравится ли она тебе? С этими словами он приподнял покрывало с ее лица; и Обейд едва не лишился чувств, когда увидел свою жену; и на ней были все драгоценности его собственной работы и кольца, подаренные ему Камаром. И он вскричал: – Как зовут эту невольницу? А Камар сказал: – Халима! Тогда ювелир почувствовал, что горло его сжимается, и упал навзничь. А Камар и молодая женщина воспользовались его обмороком и поспешили удалиться.

Обейд же пришел в себя и побежал домой, где увидел свою жену в том же самом наряде, в каком только что видел ее в лавке. И он воскликнул: – Да сразит Аллах Лукавого! Я только что видел невольницу, которую готов был принять за тебя! И он побежал к Камару, а Халима, воспользовавшись шкафом в стене, очутилась там раньше мужа. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот пятьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь семьсот пятьдесят восьмая

И несчастный Обейд, смущенный столь поразительным сходством, мог только пробормотать: – Аллах велик! Он создает игру природы и все, что Ему заблагорассудится!

И он вернулся в свою лавку. А Халима после ухода мужа пробралась к Камару и сказала: – Ты видишь, нет никакой возможности раскрыть глаза этому старику! Нам остается только бежать отсюда! Верблюды уже навьючены, и караван ждет только нашего прибытия, чтобы тронуться в путь! И они последовали к тому месту, где дожидался их караван, и бежали из города, и благополучно прибыли в Египет. И, войдя в дом свой, Камар рассказал отцу своему всю свою историю, с начала и до конца. А отец, узнав о приключениях сына, воскликнул: – О сын мой, ты будешь проклят, если не откажешься от мысли связать себя браком с этой женщиной, вышедшей из глубины ада! Позволь мне подыскать для тебя подругу среди юных дочерей наиболее почтенных семейств нашего города!

И Камар, поддавшись его увещаниям, велел запереть Халиму и не выпускать ее до дальнейших распоряжений. А потом он обручился с дочерью каирского кади, и по этому случаю был устроен праздник для всех бедняков города. И Камар заметил среди них несчастного старика с лицом, обезображенным усталостью и страданиями. Узнав в нем ювелира Обейда, он сообщил об этом отцу своему. А тот, желая исправить зло, которое причинила старику его развратная жена, приказал отвести его в гамам, а после дать роскошные одежды. И когда это было исполнено, старик рассказал, что был ограблен в пустыне разбойниками, а отец Камара сказал ему: – Знай же, что жена твоя Халима здесь, в павильоне, который ты видишь вдали перед собою, а вот и ключ от него! И ювелир взял ключ, пошел к павильону, отпер его и вошел к своей жене. И он охватил руками ее шею и задушил со словами: «Так умирают все развратницы твоей породы». Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот пятьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь семьсот пятьдесят девятая

Отец же Камара, желая загладить вину своего сына, выдал замуж дочь свою, Утреннюю Звезду, за ювелира Обейда. А царь Шахрияр, выслушав эту историю, сказал Шахразаде: – Такой именно конец приличествовал бы многим из тех историй, которые ты рассказывала мне! Признаюсь, я нередко испытывал раздражение, когда узнавал, что некоторых женщин постигла судьба, далеко не соответствовавшая моим взглядам. Ибо тебе известно, как поступил я с моей лживой и бесстыдной женой – да не смилуется над нею Аллах! – и со всеми ее вероломными невольницами! Но Шахразада, не желавшая, чтобы царь слишком долго останавливался на подобных мыслях, поспешила приступить к следующему рассказу.

Рассказ о Бараньей Ноге

Рассказывают, что жила в Каире молодая женщина, одаренная необычайной хитростью и ловкостью. К тому же Аллах, распределяющий по Своему усмотрению добродетели и пороки, одарил ее пылким темпераментом, и она так умело устроила свои дела, что сочеталась законным браком с двумя мужьями, и один не знал о существовании другого. Первый из них, Гарам, был ночным вором, а второй, Акил, – дневным мошенником. И когда один из них возвращался к ночи домой, то другого, выходившего на работу по ночам, уже не оказывалось дома. Но вот однажды вор Гарам сказал своей супруге, что дело чрезвычайной важности заставляет его отлучиться на неопределенное время из дому. И она выразила свое огорчение и не хотела отпустить его, пока не заставила принять множество несомненных доказательств своей любви. И радостно настроенный Гарам, захватив мешок с приготовленными супругой припасами, отправился своей дорогой. А волею судеб оказалось, что Акил-мошенник также собирался уехать загород, и он пришел сообщить жене об этом. И молодая женщина, выказав и второму своему мужу, как печалит ее разлука с ним, вручила ему мешок с припасами. И случилось так, что оба вора встретились в хане, в котором каждый остался переночевать. И они решили продолжать путь вместе, ибо Пророк сказал: «Добрый товарищ в пути лучше всяких припасов». И первый стал вынимать из мешка свою провизию, и второй тоже стал выкладывать на циновку содержимое своего мешка. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила семьсот шестидесятая ночь, она сказала:

И когда они выложили на циновку все из мешков, они с удивлением заметили, что припасы-то у них совершенно одинаковые. И изумление их дошло до крайних пределов, когда они убедились, что обе половинки бараньей ноги у каждого подходят одна к другой с необычайной точностью. И вор сказал мошеннику: – Могу ли узнать, откуда ты взял эту половину бараньей ноги? И тот ответил: – Мне дала ее в дорогу дочь моего дяди! И вскоре после взаимных вопросов и ответов оба плута пришли к убеждению, что с первого же дня свадьбы оба они, не подозревая этого, делили ложе и очаг с одной женщиной. И хотя это прискорбное открытие чуть было не привело их к драке, они были достаточно благоразумны, чтобы решить – надо вернуться домой и все выяснить о проделках этой пройдохи.

Когда же молодая женщина увидела обоих мужей своих, она поняла, что обман ее обнаружен, и подумала: «Сердце самого черствого мужчины не может противостоять слезам любимой женщины». И она разразилась рыданиями и бросилась к ногам мужчин, умоляя их о пощаде. И чары ее подействовали на их сердца, и сказали они ей: – Ты должна решить, кого из нас ты выбираешь себе мужем! При этих словах молодая женщина подумала и сказала: – Я одинаково полюбила вас обоих, но вот, что я предлагаю. Я выберу себе в мужья того из вас, кто даст мне наиболее блестящее доказательство своей воровской ловкости. Выслушав эти слова, оба стали готовиться к испытанию. Акил в сопровождении своего товарища Гарама пошел на базар менял, подкрался к гулявшему у лавок еврею и вытащил из кармана его кафтана мешок, наполненный золотыми динариями. Затем он в уединенном месте развязал мешок, сосчитал находившиеся в нем золотые монеты, взял оттуда десять динариев, а вместо них положил свое медное кольцо. После этого он завязал мешок и, приблизившись к ограбленному еврею, ловко сунул ему мешок в карман его кафтана. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила семьсот шестьдесят первая ночь, она сказала:

ночь семьсот шестьдесят первая

Затем мошенник закричал во все горло: – Презренный сын Аарона, наступил час расплаты! Возврати мне сейчас же мешок мой или отправляйся со мною к нашему кади! Еврей же чрезвычайно удивился и стал утверждать, что нападающий ошибается. Но Акил схватил его за бороду и, сопровождаемый криками и смехом толпы, притащил к кади и сказал: – О господин наш кади, этот израильтянин похитив у меня мешок с золотом, осмеливается спокойно расхаживать по базару, словно безупречный мусульманин! Дозволь рабу твоему просить тебя приказать обыскать вора моего, дабы уличить его в воровстве! И кади приказал стражникам обыскать еврея, и они нашли на нем мешок, о котором шел разговор.

А обвиняемый с громкими стенаниями стал утверждать, что мешок – его законная собственность, и в нем ровно пятьсот золотых динариев. Акил же воскликнул: – Врешь, собака! Это мой мешок, и в нем только четыреста девяносто динариев и медное кольцо с моей печатью. И кади открыл мешок при свидетелях, и содержимое его подтвердило показания мошенника. И кади передал мешок Акилу и приказал тут же наказать палками еврея, онемевшего от изумления!

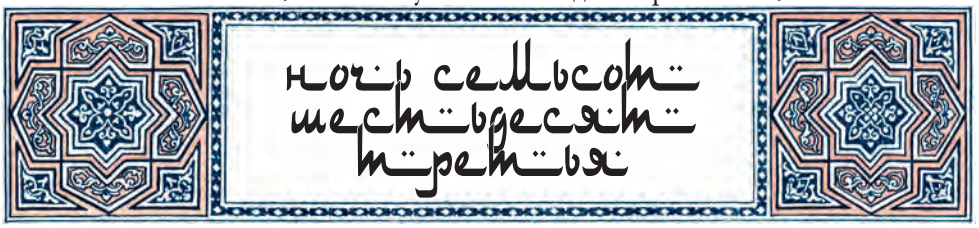
Когда же Гарам увидел, что проделка Акила увенчалась успехом, он сказал: – Тебе удалось посмеяться над бородой еврея, да еще и над кади. Я же думаю обратиться к самому султану. И ты должен стать свидетелем всего, что произойдет! И Акил был сначала напуган дерзостью этого предприятия, но ему стало стыдно идти на попятный, и он помог своему товарищу перебросить веревочную лестницу через стену, окружавшую дворец. Оба они вскарабкались по ней, спустились с противоположной стороны и вступили во дворец под покровом ночи. И Гарам приподнял занавес и показал своему спутнику спящего султана, подле которого находился молоденький мальчик. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот шестьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь семьсот шестьдесят вторая

Увидев это, охваченный страхом Акил чуть не упал навзничь, а Гарам ловко приблизился к задремавшему мальчику, скрутил его и подвесил, как какой-нибудь куль, к потолку. Затем он сел на его место и принялся щекотать пятки царя. И когда тот открыл глаза, Гарам, подражая голосу мальчика, сказал султану: – О царь времен! Если твоя милость не спит, не желаешь ли, чтобы я рассказал что-нибудь? И когда султан позволил, Гарам сказал: – Жил-был, о царь времен, в некотором городе некий вор по имени Гарам и некий мошенник по имени Акил, которые состязались между собой в ловкости и смелости. И вот что однажды предпринял каждый из них!.. И так далеко Гарам зашел в своей наглости, что сообщил ему и о том, что происходило в его собственном дворце, изменив только имя султана и место происшествия. И, окончив рассказ свой, он спросил: – А теперь, о царь времен, кого из двух товарищей находит твоя милость более искусным? И султан ответил: – Да уж бесспорно вора, проникшего в царский дворец! Тогда Гарам под предлогом, что ему нужно пойти по своей надобности, вышел из комнаты, отыскал товарища своего, и вместе они выбрались из дворца. А на следующее утро султан был крайне изумлен, найдя мальчика связанным, как в той истории, которую ему рассказывали. Но он не рассердился на того, кто посмеялся над ним, а велел объявить через глашатаев, что прощает его и обещает большую награду. И Гарам явился во дворец, а султан назначил его начальником полиции всего своего государства. А молодая женщина выбрала Гарама и зажила с ним в наслаждениях и радости. И тут Шахразада немедленно начала рассказывать следующую удивительную историю:

Ключи судьбы

Дошло до меня, что султан Египта бен-Тхейлун был мудрым и добрым государем. Однажды он призвал к себе всех сановников дворца своего, чтобы расспросить каждого из них об обязанностях и окладе, который получали они от казны. И он говорил самому себе: «Если найду, что у кого-нибудь тяжелые обязанности и небольшое жалованье, то облегчу его службу и увеличу оклад; если же найдется кто-нибудь со значительным окладом, но с легкой службой, то уменьшу ему жалованье и прибавлю работы». Первыми явились его визири – почтенные старцы, с длинными белыми бородами и с отпечатком мудрости на лице. Затем явились вали областей и начальники войска. Последним же представился ему престарелый шейх, с лицом, покрытым морщинами, и сгорбленной спиной. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот шестьдесят третья ночь, она сказала:



И султан спросил его, какова его должность во дворце. И шейх ответил: – О царь времен, я храню шкатулочку из чистого золота, порученную мне покойным отцом твоим. Клянусь Аллахом, я не знаю, что в ней находится! За эту службу я получаю по десяти золотых динариев ежемесячно! И султан, удивившись, сказал: – Это большой оклад за такую легкую службу! Принеси мне эту шкатулку как можно скорее! И шейх поспешил исполнить приказание и открыл ее в первый раз по приказанию султана. Но в шкатулке была лишь рукопись, начертанная на куске кожи серны, и на дне какой-то красный порошок. И когда султан не мог разобрать ни единого

слова в неизвестных письменах, он призвал к себе знаменитых мудрецов Египта, Сирии, Персии и Индии; но ни один из них не мог сказать, на каком языке написана эта рукопись. Тогда султан объявил по всему государству, что он пожалует величайшую награду тому, кто сможет только указать ему человека, настолько ученого, чтобы разобрать эти незнакомые письмена. И вскоре явился к султану старик в белой чалме и сказал: – Да продлит Аллах жизнь господина нашего султана! Раб, которого ты видишь пред собой – старый служитель отца твоего, покойного султана Тхейлуна. Лишь сегодня я возвратился из изгнания, на которое был осужден. Да смилуется Аллах над усопшим, приговорившим меня к этой ссылке! В этом месте своего повествования Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот шестьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь семьсот шестьдесят четвертая

Я же явился, чтобы сказать – рукопись на коже серны может прочесть лишь ее законный владелец, шейх Гассан-Абдаллах. Он сорок лет назад был брошен в темницу по приказанию покойного султана, который хотел силой принудить его прочитать ее. Тогда султан послал начальников стражи осмотреть все тюрьмы в надежде найти Абдаллаха. И судьбе было угодно, чтобы шейх оказался еще жив. Начальники стражи одели его в почетную одежду и привели к султану. А тот вручил ему свиток и сказал: – О почтенный шейх, я не хочу долее удерживать у себя эту вещь, которая принадлежит не мне! И Абдаллах ответил: – О повелитель наш! То, в чем отказал я насилию, я охотно уступлю доброте! Знай, что отец мой был одним из самых богатых купцов Каира, а я единственный его сын. Но по прошествии многих лет, полных покоя, я стал жертвой судьбы. Чума унесла моего отца, пламя пожрало дом мой, а волны поглотили мои торговые корабли. Оставшись неимущим и нагим, как ребенок, только что вышедший из чрева матери, я мог надеяться лишь на милосердие Аллаха и сострадание правоверных. И я принялся ходить по дворам мечетей с нищей братией Аллаха и жил в обществе велеречивых монахов. И я до крайности терзался нищетой своей и нищетой матери моей, моей супруги и детей. И однажды супруга моя сняла с себя последнюю одежду и со слезами отдала ее мне, говоря: – Попытайся продать ее на рынке, чтобы купить кусок хлеба для детей наших. И я взял одежду жены, чтобы продать ее, и в это время встретил бедуина на рыжей верблюдице. Увидав меня, он соскочил с нее и сказал мне: – Аллах велик и милостив, о брат мой! Но не ты ли шейх Гассан-Абдаллах? И он заключил меня в свои объятия, а я повел его в дом свой, страдая от мысли, что мне нечего предложить гостю своему. Когда же я пришел домой и сообщил жене о встрече с бедуином, она сказала мне: – Чужеземец – гость, посланный Аллахом! Продай платье, которое я дала тебе, и на вырученные деньги купи, что нужно для гостя. Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила семьсот шестьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь семьсот шестьдесят пятая

Но бедуин, заметив, что я стараюсь пронести мимо спрятанное под одеждой платье, воскликнул: – Ты, видно, собираешься пойти продать с молотка платье матери твоих детей, чтобы исполнить по отношению к гостю обязанности гостеприимства! Вот десять золотых динариев, возьми их и купи нам всего, что нужно! И я взял золотые монеты и благополучие возвратилось в дом мой. И каждый новый день гость мой вручал мне такую же сумму, и я тратил ее согласно приказанию его, и так продолжалось шестнадцать дней.

Но на шестнадцатый день утром бедуин сказал мне: – О Абдаллах, не хочешь ли продаться мне? Я хочу купить тебя! И я хочу, чтобы ты сам назначил цену, за которую ты согласен продаться! Я же, ни на минуту не сомневаясь в том, что он говорит это в шутку, ответил, шутя: – Цена свободного человека назначена в Писании в тысячу динариев, если он был убит сразу. Но если его убивают в несколько приемов, нанеся ему три или четыре раны, или же если его режут на куски, то цена его поднимается до полутора тысячи динариев. И бедуин сказал мне: – Я нахожу это вполне подходящим, и уплачу тебе эту сумму, если ты согласишься на эту продажу! Поняв тогда, что гость мой не шутит, я подумал: «Это Аллах посылает тебе этого бедуина, чтобы спасти детей твоих от голода и нищеты. И если тебе суждено быть изрезанным в куски, то ты не сможешь избежать этого».

И я ответил: – Я согласен продаться тебе! И я пошел к матери моей, к моей супруге и к детям своим и рассказал о предложении бедуина. А они стали бить себя в грудь, восклицая: – О горе на головы наши! Что хочет сделать с тобой этот бедуин? И все плакали... Тут Шахразада заметила, что близко утро, и умолкла. А когда наступила семьсот шестьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь семьсот шестьдесят шестая

И я был в величайшем затруднении и думал про себя: «Не пренебрегай случаем, который посылает тебе Аллах! Деньгами, которые предлагает тебе бедуин за продажу себя, ты обеспечишь хлеб своей семье. Но для чего хочет он купить тебя? Если бы еще ты был юным безбородым мальчиком. Но борода твоя точно шлейф Агари! И ты не соблазнишь даже туземца Верхнего Египта! Верно, он хочет умертвить тебя

в несколько приемов, раз он платит тебе согласно второму условию». Тем не менее я решил быть твердым и сказал бедуину: – Я принадлежу тебе! Тогда он вынул из своего пояса полторы тысячи золотых динариев, отдал их мне и сказал: – О брат мой, ты можешь оставить свои опасения, ибо жизнь твоя будет невредима. Я хотел только иметь приятного и верного товарища для долгого путешествия, которое намереваюсь предпринять. Ибо пророк сказал: «Товарищ – это лучший запас для путешествия». Тогда, передав жене деньги и успокоив ее, я купил по указанию бедуина верблюдицу, славившуюся быстротой хода. И я наполнил мешок необходимыми для длинного пути припасами. И когда все приготовления были окончены, я помог господину моему влезть на его верблюдицу, сам сел на свою, и, призывая имя Аллаха, мы тронулись в путь. И скоро достигли мы пустыни, где парил лишь дух Аллаха, и не видно было ни малейших следов путешественников на сыпучем песке. А бедуин руководился среди необозримой пустыни этой какими-то особыми указаниями, доступными лишь ему да его верблюдице. И мы ехали под жгучим солнцем целых десять дней, и каждый из этих дней показался мне длиннее ночи, полной ужасных сновидений. А на одиннадцатый день мы подъехали к необъятной равнине, почва которой вся блестела и, казалось, состояла из серебряных пластинок. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот шестьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь семьсот шестьдесят седьмая

Посреди равнины возвышалась высокая колонна из гранита. На вершине этой колонны стоял юноша из красной меди, с протянутой вперед правой рукой, из которой свешивались, с каждого из пяти пальцев, по ключу. И бедуин сказал мне: – Теперь ты можешь отплатить мне, если хочешь, и вернуть свободу. Ты силен, ловок и можешь попасть в цель. Возьми же лук и постарайся сбить эти ключи! И он протянул мне лук какой-то необычайной формы. И первой же стрелой я сшиб первый ключ, и был он золотым. Но бедуин не взял его и сказал: – Оставь его себе в награду за ловкость! И я положил его в пояс свой, не зная, что то был ключ бедствий! Второй сбитый ключ был серебряным. И я не знал, что то был ключ страданий. И бедуин также отдал его мне. После двумя стрелами я сшиб железный и свинцовый ключи. Один из них был ключ славы, а другой – мудрости и счастья. И бедуин подхватил их, испуская радостные восклицания. И он сжал меня в своих объятиях и сказал: – Отныне ты принадлежишь себе! И я поцеловал ему руку и хотел сшибить последний ключ из меди, не подозревая, что это – ключ смерти. Но бедуин опустил руку мою, и стрела попала мне в левую ногу, сильно ее поранив. И это было началом ряда моих бедствий!

Тогда бедуин перевязал рану мою и помог взобраться на верблюдицу. И после трех дней езды, весьма болезненной для моей пораненной ноги, мы выехали на луг, где росли деревья неизвестной

мне породы, на которых красовались великолепные золотисто-алые спелые плоды. И я поспешил сорвать один из плодов и укусил его. Но увы, я не смог потом разжать челюстей и стал задыхаться. И я стал кататься по земле с вылезающими на лоб глазами. Бедуин же, увидав меня в таком состоянии, сильно испугался. Поняв же причину моего мучения, он попытался освободить мои челюсти. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот шестьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь семьсот шестьдесят восьмая

Но все усилия его лишь увеличивали мои страдания. И видя это, он оставил меня и пошел подбирать под деревьями опавшие плоды. И внимательно осмотрев их, он выбрал один из них, а другие отбросил. И снова подойдя ко мне, он сказал: – Посмотри на этот плод Гассан-Абдаллах. Ты видишь насекомых, которые грызут и точат его! Так вот эти насекомые и будут лекарством в беде твоей. Но нужно быть спокойным и терпеливым! Если посадить их на плод, закрывающий рот твой, они примутся грызть его, и через три дня ты будешь освобожден! И зная, что он человек бывалый, я предоставил ему действовать, как он находил нужным, думая про себя: «О Аллах! Три дня и три ночи такого мучения! О! Насколько лучше было бы умереть». И бедуин, усевшись рядом, сделал то, что сказал, посадив на плод спасительных насекомых. И в то время, как точильщики начали свою работу, бедуин вынул запасы и принялся есть и пить. Я же провел всю ночь и весь следующий день в мучениях. И кроме боли в челюстях и в ноге, я мучился еще от жажды и от голода. Но наутро третьего дня я почувствовал, что челюсти мои разжимаются, и я отбросил этот проклятый плод. Освобожденный таким образом, я прежде всего озаботился обыскать мешок с припасами и пощупать мех с водой. Но я убедился, что господин мой истощил все запасы в течение этих трех дней моего мучения, и я принялся плакать, обвиняя его в моих страданиях.

В ответ на это бедуин сказал: – Не тревожься ни о чем и будь спокоен, ибо моя опытность позволит мне найти и здоровую, и освежающую пищу. И он подошел к кусту какого-то растения с толстыми мясистыми листьями, покрытыми шипами, и стал срезать некоторые из них своим мечом. Он снял с них кожицу и вынул какую-то желтую сладкую мякоть, похожую вкусом на маслины. И он дал мне этой мякоти, и я ел ее до тех пор, пока не насытился и не освежился. Тогда я начал немного забывать о своих мучениях, надеясь, что эту ночь я проведу в спокойном и глубоком сне, сладости которого уже так давно не испытал. Когда взошла луна, я разостлал на земле плащ из верблюжьей шерсти и собирался заснуть, но тут бедуин сказал мне: – О Абдаллах, теперь ты сможешь показать, действительно ли ты чувствуешь ко мне признательность. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот шестьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь семьсот шестьдесят девятая

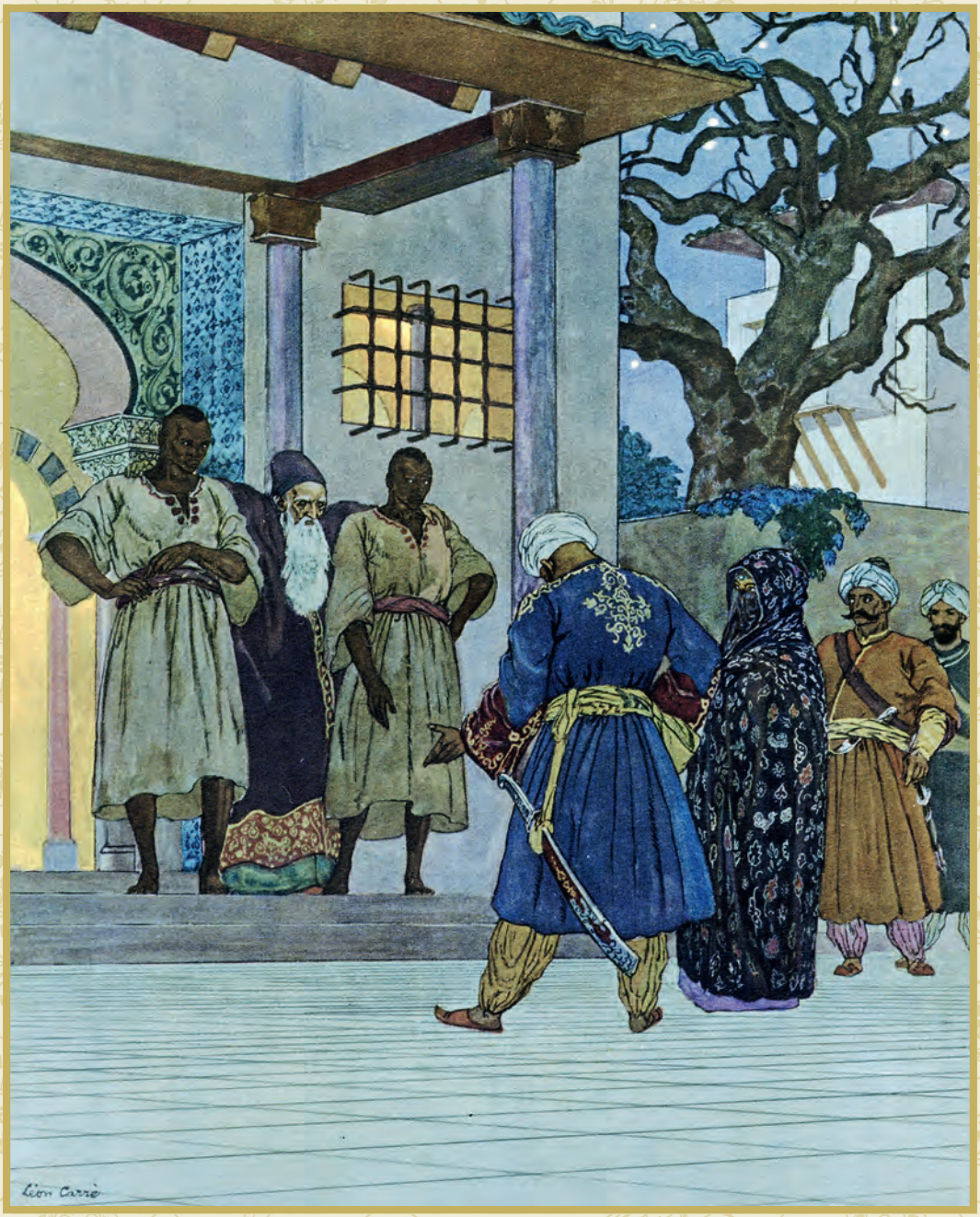
Я желал бы, чтобы ты взобрался на эту гору и прочитал бы на вершине утреннюю молитву. Но берегись, чтобы сон не овладел тобою, ибо испарение почвы этой вредны до чрезвычайности! И я, не забыв, что бедуин давал денег на хлеб для детей моих, ответил послушанием, и стал взбираться на гору. Несмотря на болезненное состояние ноги моей, я достиг вершины к середине ночи. Но утомление последних дней было так велико, что я повалился на землю и проспал до утра. Когда же я проснулся, то увидел, что ноги мои, сделавшись толстыми, как у слона, отказывались поддерживать тело мое, а мой живот раздулся, как бурдюк. Но из опасения прогневать бедуина, я все же кое-как поднялся и прочитал утреннюю молитву. Восходящее солнце освещало мое жалкое тело и отбрасывало огромную тень к западу. Затем я решил спуститься с горы, но склон ее был так крут, а я так слаб, что ноги мои подогнулись, я упал и покатился вниз с ужасающей быстротой.

И я перестал катиться лишь в том месте, где сидел бедуин. Он чертил какие-то линии на песке с глубоким вниманием и, не оборачиваясь ко мне, воскликнул: – О Аллах! Благодаря тебе я измерил тень, которую бросала голова твоя с вершины горы! Иди скорее, помоги мне рыть яму там, где я воткнул свое копье! Но я ответил лишь жалобными стенаниями. Тогда, увидав, в каком состоянии я нахожусь, он крикнул мне: – О неосторожный! Ты, видно, спал-таки на горе! Ядовитые испарения проникли в твою кровь и отравили тебя! Но не отчаивайся, я сейчас вылечу тебя! Говоря это, он вытащил из-за пояса нож с тонким и острым лезвием...

Тут Шахразада увидела, что близок рассвет и умолкла. А когда наступила семьсот семидесятая ночь, она сказала:

ночь семьсот семидесятая

И он сделал мне несколько глубоких надрезов на животе и на ляжках. И из них потекла вода, опухоль опала и я сразу почувствовал облегчение. И мы принялись рыть и вскоре отрыли гроб из белого мрамора. Бедуин приподнял его крышку и нашел там кости и свиток из кожи серны с письменами. И бедуин принялся его внимательно читать. Глаза его засверкали от радости, и он воскликнул: – Я знаю теперь путь в таинственный город, где найдем мы зачаток всех драгоценных


Léon Carré

металлов – красную серу! Но я, испуганный при одной мысли о дальнейшем путешествии, воскликнул: – Ах, повелитель мой, я бы предпочел жить в бедности, но здоровым в Каире, чем быть богатым, но претерпевать мучения! Но бедуин, не обращая внимания на мои сетования, сделал большой запас съедобных растений и влез на свою верблюдицу. И мне волей-неволей пришлось сделать то же. И мы снова пустились в путь, огибая гору, и ехали еще три дня.

На четвертый день мы увидели поток ртути, преграждавший нам путь. Через него был перекинут такой узкий и скользкий мостик, что одаренный разумом человек не стал бы пытаться перейти по нему. Но бедуин соскочил на землю и вынул из сумки шерстяные бабуши, которые надел на ноги, и дал мне такие же. И он твердыми шагами перешел по мосту; я принужден был следовать за ним, и дошел до другого берега. После нескольких часов ходьбы мы пришли в долину, окруженную со всех сторон черными утесами. Охваченный ужасом, я хотел бежать из этого страшного места, но всюду вокруг меня поднимались черные утесы, словно стены глубокого колодца. И я, плача, закричал бедуину: – Зачем привел ты меня к смерти путем страданий и несчастья! Никогда не увижу я больше ни детей, ни их матери, ни матери своей! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот семьдесят первая ночь, она сказала:

ночь семьсот семьдесят первая

В ответ бедуин сказал мне: – Будь мужчиной, Абдаллах, не теряй мужества. Ты скоро вернешься домой богатым, как богатейший из царей! Если ты хочешь, чтобы мы достигли цели нашего путешествия, ты должен только взять лук и идти по этой долине до тех пор, пока не встретишь большую змею с черными рогами. Ты убьешь ее и принесешь мне ее голову и сердце! И я, весь дрожа, взял лук и стрелы и направился к черным утесам, где кишели страшные гады. И мне недолго пришлось искать змею с черными рогами. Призывая Аллаха, я прицелился и пустил стрелу. Когда же я убедился, что змея издохла, я отрезал ей ножом голову, распорол ей живот и вынул ее сердце. И когда я отнес то и другое бедуину, он набрал сухой травы и мелких сучьев. Сложив из них кучу, он вынул из-за пазухи алмаз и повернул его к солнцу. От алмаза упал яркий луч света, и костер из хвороста загорелся. Тогда бедуин вынул из-под платья железный горшок и сосуд из цельного рубина с какой-то красной жидкостью. И он сказал мне: – Это кровь Феникса!

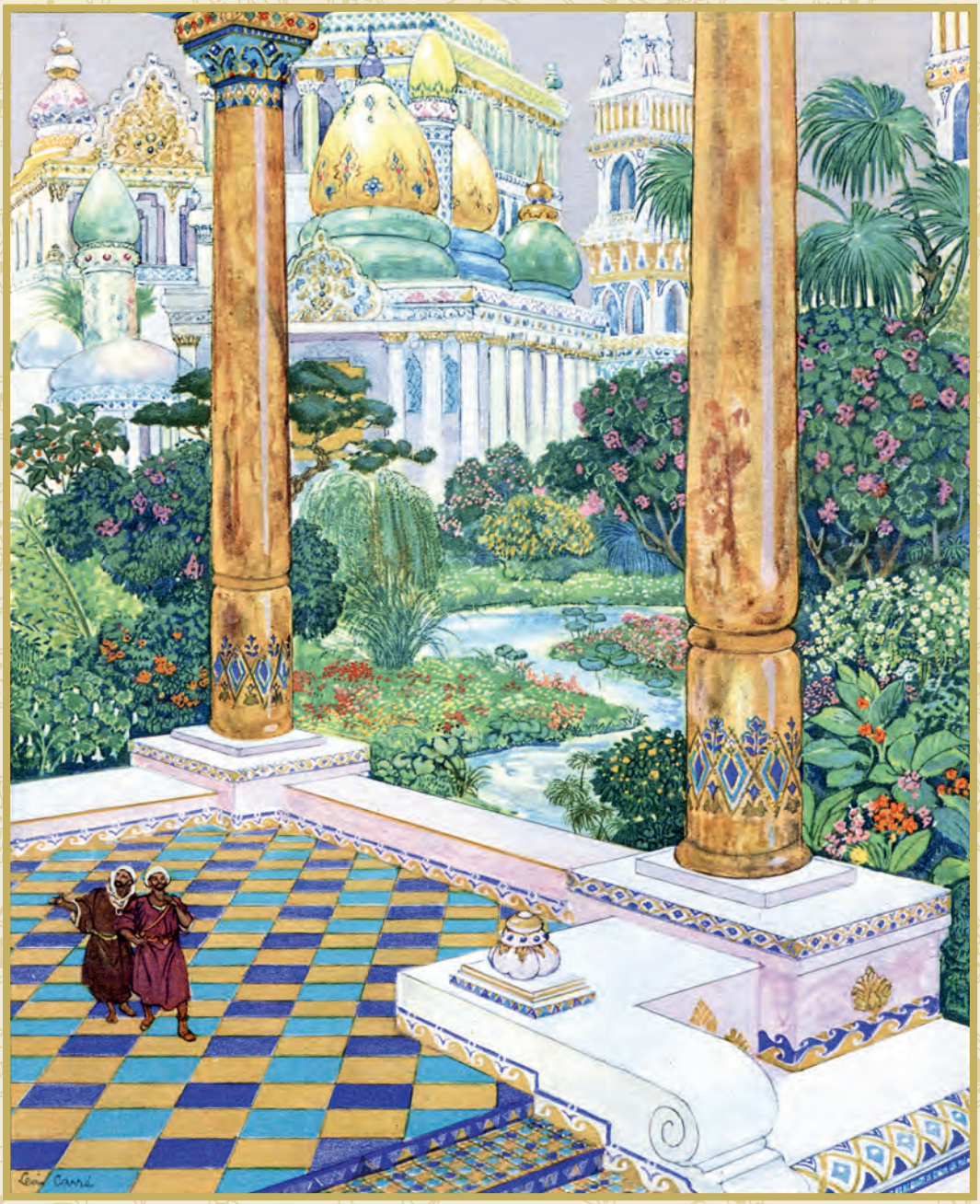
Он вылил ее в железный горшок и положил туда сердце и мозг рогатой змеи. И он поставил горшок на огонь и, развернув свиток, прочитал какие-то слова, недоступные моему пониманию. Потом он погрузил конец своего пояса в кровь Феникса, смешанную с мозгом и сердцем змеи, и приказал мне натереть ему этим его обнаженную спину. И по мере того, как я растирал его, кожа на спине и плечах его стала вздуваться и лопнула. Из нее медленно выступили крылья, которые у

меня на глазах скоро спустились до земли. Бедуин взмахнул и взвился в воздух. А я призвал на помощь все свои силы и мужество и крепко уцепился за его пояс. И мы вместе взлетели в область облаков. Не могу сказать точно, сколько времени длилось наше воздушное путешествие, но вскоре оказались мы над необъятной равниной, которая заканчивалась вдали, на горизонте, стеной из голубого хрусталя. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот семьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь семьсот семьдесят вторая

Посреди этой равнины возвышался город, и бедуин стал тихо опускаться к нему, и мы стали на землю как раз у самых его стен. Они были выстроены из золотых кирпичей, чередовавшихся с кирпичами серебряными, и имели восемь ворот, подобных вратам Рая! Первые были из рубина, вторые из изумруда, третьи из агата, четвертые из коралла, пятые из яшмы, шестые из серебра и седьмые из золота. И мы вошли в город через золотые ворота и подошли к дворцу, окруженному волшебным садом, почва которого была орошаема тремя реками: чистого вина, розовой воды и меда. Посреди сада возвышалась беседка; в ней стоял трон из червонного золота, украшенный рубинами и жемчугом. А на троне стояла маленькая золотая шкатулочка. Бедуин открыл ее и, увидав в ней какой-то красный порошок, воскликнул: – Вот она, красная сера! Она – источник всех богатств земли. Одной ее крошки достаточно, чтобы превратить в золото самые презренные металлы! Я же, не будучи убежден в свойствах этой красной серы, предпочел на всякий случай набрать самоцветных камней и жемчуга. Но бедуин крикнул мне: – Горе тебе, человек с грубым умом! Разве не знаешь ты, что если бы мы похитили хоть один камешек из этого дворца, то были бы поражены смертью? Тогда я с большим сожалением опорожнил свои карманы и последовал за бедуином. Когда же мы дошли до стены из голубого хрусталя, город уже исчез. И мы перешли через ртутный поток и нашли наших верблюдиц, щипавших траву. Я подтянул подпруги, каждый сел на свою верблюдицу, и бедуин сказал мне: – Теперь мы возвратимся в Египет! И я воздел руки к небу, благодаря Аллаха за эту добрую весть. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот семьдесят третья ночь, она сказала:

ночь семьсот семьдесят третья


Léon Carré

Но золотой ключ, а также и серебряный, по-прежнему хранились в моем поясе, и я не знал, что это были ключи бедствий и страданий. И потому-то в продолжение всего путешествия, до приезда нашего в Каир, я претерпел немало всяких бед и лишений и испытал много страданий. И когда прибыли мы в Каир, я поспешил к себе домой. Но никто не встретил меня. А один из соседей открыл дверь свою и сказал: – О Гассан-Абдаллах! Все умерли в доме твоем! И я, задыхаясь от слез и рыданий, долго осыпал бедуина всякими ругательствами, называя его виновником всех моих злоключений. А он, не изменяя спокойствию своему, взял меня за руку и увлек прочь из дома моего. И он привел меня в великолепный дворец на берегу Нила и принудил меня поселиться там вместе с ним. И он научил меня читать по книгам алхимиков и разбирать каббалистические рукописи. И он часто приказывал мне принести пуды свинца, которые тут же плавил и, бросая в расплав немножко красной серы, превращал его в чистейшее золото. Но посреди этих сокровищ и окруженный ликованиями и празднествами, которые ежедневно устраивал господин мой, я чувствовал тело мое удрученным болезнями и душу несчастной.

Что же до бедуина, то дни его протекали среди удовольствий и наслаждений, и ночи его были предвкушением радостей Рая. И он жил неподалеку от меня, в покоях, обтянутых шелковыми, затканными золотом тканями, и освещенных мягким светом, подобным свету луны. И его дворец находился среди рощ померанцевых и лимонных деревьев, к которым примешивались также жасмины и розы. И там принимал он каждую ночь все новых и новых гостей, которым оказывал великолепный прием. И все звали его не иначе, как Великолепный Эмир. И вот однажды бедуин, который часто навещал меня в моих покоях, где страдания мои принуждали меня жить уединенно, явился ко мне, приведя с собою молодую девушку. Лицо его было освещено удовольствием, а вдохновенные глаза блистали необычайным огнем. И он сел подле меня и, посадив молодую девушку к себе на колени, сказал: – Ты еще не слыхал моего голоса, послушай! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот семьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь семьсот семьдесят четвертая

И он начал петь полным страсти голосом следующие строчки:

О девушка, приди!
Лишь тот мудрец,
Кто радостью
Умеет жизнь наполнить!..

И пропев еще какое-то время, бедуин испустил глубокий вздох и как будто уснул. А девушка освободилась из его объятий и вышла. И тут я заметил, что дыхание его прекратилось;

и, наклонившись к нему, я убедился, что он отошел в вечность с улыбкой на устах! Тогда я, вспомнив, что он всегда был добр ко мне, приказал устроить ему великолепные похороны. Я пригласил многочисленных друзей, которых господин мой приобрел своей щедростью, и приказал пятидесяти невольникам, облеченным в приличные случаю одежды, поочередно нести гроб на плечах. И значительное число плакальщиц, заранее нанятых мною, следовали за погребальным поездом, испуская жалобные вопли в то время, как чтец Корана открывал шествие, напевая священные стихи, на которые толпа отвечала, повторяя: – Нет Бога кроме Аллаха, и Магомет – пророк Его!

Покончив с обязанностями хозяина на поминальном торжестве, я занялся приведением в порядок дел наследования. И первой моей заботой было заглянуть в золотую шкатулочку. Я нашел в ней лишь ничтожное количество порошка, ибо бедуин благодаря неслыханной расточительности своей истощил уже почти весь запас его, превращая в золото многие пуды свинца. Но и того немногого, что оставалось еще в шкатулке, было достаточно, чтобы обогатить могущественнейшего из царей. Об этом я не беспокоился; мне хотелось узнать содержание таинственной рукописи на коже серны, которую бедуин никогда не давал мне в руки, хотя и научил меня разбирать волшебные письмена. Пробежав ее глазами, я узнал в числе прочих необыкновенных вещей о пяти ключах судьбы. И я поспешил вынуть из пояса моего оба роковые ключа, и бросил их в плавильник, и развел огонь, чтобы расплавить их... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот семьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь семьсот семьдесят пятая

Но тут я вдруг увидел, что дворец окружен стражами халифа, которые схватили меня и повлекли меня к отцу твоему. И он сказал мне, чтобы я открыл ему тайну алхимии. Но я, зная, что отец твой стал бы пользоваться этими познаниями во зло, отказался говорить. Тогда он велел бросить меня в тюрьму, где в течение многих лет я жил, ожидая освобождения лишь от смерти. И когда султан бен-Тхейлун выслушал рассказ почтенного Абдаллаха, он тут же назначил его своим великим визирем. И султан испытал силу красной серы, превратив в золото тысячу берковцев расплавленного свинца. И на него решил он построить мечеть, которая не имела бы равных себе во всех мусульманских странах. Семь лет, семь тысяч человек и семь тысяч пудов золотых динариев потребовалось на то, чтобы закончить ее. И назвали ее Мечетью Султана Мохаммада бен-Тхейлуна. И под этим названием известна она и в наши дни. Выслушав эту историю, царь Шахрияр сказал: – О Шахразада, как эта история опечалила меня! И Шахразада сказала: – Именно поэтому я расскажу сейчас историю о Неизносимых Бабушах, извлеченную из сборника легкого балагурства и веселой мудрости! И Шахразада продолжила:

Сборник легкого балагурства и веселой мудрости

НЕИЗНОСИМЫЕ БАБУШИ

Рассказывают, что был в Каире москательщик Абу-Кассем, который славился своей скупостью. И хотя Аллах даровал ему удачу в делах купли и продажи, он жил, как беднейший из нищих. Платье его состояло из заплат и лохмотьев, а чалма его была такая старая и грязная, что уже нельзя было определить цвет ее. Но из всей его одежды особенно выказывалось его скряжничество на его бабушах. Они были подбиты огромными гвоздями и тверды, как осадные машины, с подошвами толстыми, как голова бегемота. И за двадцать лет самые искусные кожевники Каира истощили все свое уменье, чтобы как-нибудь стянуть жалкие их остатки. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот семьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь семьсот семьдесят шестая

Вследствие всего этого бабуши Абу-Кассема стали такими тяжелыми, что давно уже вошли в поговорку по всему Египту. Так, если носильщик изнемогал под тяжестью своей ноши, он, вздыхая, говорил: «Да проклянет Аллах владельца этой ноши! Она тяжела, как бабуши Абу-Кассема». А если слишком неудобоваримое кушанье производило бурю внутри живота, то говорили: «Оно оказалось тяжелым, как бабуши Абу-Кассема». Но однажды, когда Абу-Кассем как-то особенно выгодно

устроил свои дела, он решил пойти в гамам, куда не заглядывал ранее ни разу. Он оставил свои бабуши на пороге, а когда вышел, то увидел на их месте пару прекрасных кожаных туфель. И Абу-Кассем сказал себе: «Это Аллах посылает их мне, зная, что я давно уже мечтаю купить себе именно такие». И он взял их и ушел. На самом же деле туфли принадлежали остававшемуся в гамаме кади. Что же до бабуш Абу-Кассема, то человек, поставленный стеречь обувь, увидев эту мерзость, поспешил спрятать их в уголок. Когда же прислужники гамама вместо туфель кади нашли бабуши Абу-Кассема, они бросились за ним в погоню, и кади отправил Кассема в тюрьму.

И чтобы не умереть в тюрьме, Абу-Кассем должен был поневоле быть щедрым в бакшишах сторожам и полицейским начальникам. Выйдя из тюрьмы раздосадованным до крайности, он решил отделаться от своих бабушей и бросил их в Нил. Но несколько дней спустя рыбаки, с большим трудом вытащив свои сети, нашли там бабуши Абу-Кассема, и с бешенством убедились, что их гвозди попортили петли их сетей. И они бросились к лавке Абу-Кассема, кинули бабуши внутрь, и те побили склянки с розовой водой. Тогда досада Абу-Кассема достигла крайних пределов, и он решил закопать их в своем саду. Но один из его соседей предупредил вали, что Абу-Кассем откапывает какой-то клад у себя в саду. И несчастный Абу-Кассем напрасно клялся, что не находил никакого клада, а хотел только похоронить свои бабуши. Вали не мог поверить такому странному намерению, столь противоречащему баснословной скупости обвиняемого; и он принудил огорченного Абу-Кассема внести, чтобы получить свободу, весьма крупную сумму. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот семьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь семьсот семьдесят седьмая

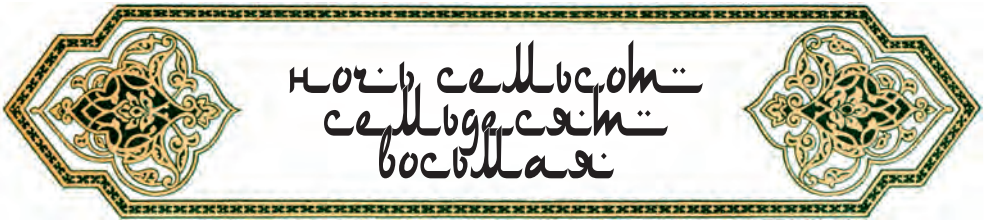
О бретя свободу, Абу-Кассем взял свои бабуши и поклялся отделаться от них во что бы то ни стало. Он пошел домой и поднялся на террасу, положив свои бабуши неподалеку. И как раз в эту минуту собака соседей схватила в пасть одну из бабуш и стала играть с нею. И отброшенная с террасы бабуша упала на голову проходившей по улице старушки и прибила ее. А родственники старушки узнали бабушу Абу-Кассема и подали на него жалобу кади. И несчастному пришлось заплатить согласно закону. И чтобы избегнуть тюрьмы, принужден он был заплатить крупный бакшиш стражникам и полицейским начальникам. Тогда Кассем снова явился к кади, поднял обе бабуши над головою и воскликнул: – О господин кади, вот причина всех моих злоключений! Умоляю смилостивиться надо мною и издать заявление, что Абу-Кассем уже не владелец этих бабуш и не ответствен более за все несчастия, которые они причинят в будущем! Проговорив это, он бросил бабуши посреди Залы заседаний и бросился бежать босиком, а все присутствующие покатывались со смеху! И Шахразада, не останавливаясь, рассказала еще:

БАХЛУЛ, ШУТ АЛЬ-РАШИДА

Халиф Гарун-аль-Рашид имел во дворце шута Бахлула, который развлекал его в минуты мрачного настроения. И халиф однажды сказал ему: – Знаешь ли ты, сколько безумцев в Багдаде? Я поручаю тебе составить полный их список. Бахлул же разразился на это долгим смехом и ответил: – О повелитель мой, я враг всякой утомительной работы. И потому, чтобы исполнить твое желание, я сейчас же составлю список мудрецов живущих в Багдаде! Ибо эта работа потребует у меня не больше времени, чем выпить глоток воды. И по этому списку, который будет весьма короток, ты будешь знать, клянусь Аллахом, как велико число безумцев в столице твоего государства! И Шахразада в эту же ночь сказала еще:

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВСЕОБЩЕГО МИРА

Рассказывают, что один деревенский шейх имел великолепный птичий двор. И был у него чудесный петух Голос Зари со звонким голосом и с блестящим золотистым оперением. И он был полон справедливости и внимания к супругам своим, исполняя свои обязанности относительно них столь же усердно, сколь и беспристрастно. Но вот однажды Голос Зари, в то время как жены его занимались птенцами, решил осмотреть земли своего хозяина. И, дивясь всему, что видел перед собой, он очутился вдруг за чертой фермы и обнаружил себя совершенно одиноким в диком месте, которое он никогда не видал. И нигде не видно было ни дружеского лица, ни знакомого предмета. Начав тревожиться, он испустил несколько кратких тревожных возгласов... Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила семьсот семьдесят восьмая ночь, она сказала:



И в это время он увидел лису и, устрашившись за свою жизнь, взлетел на самый верх старой стены, на которую лисе невозможно было подняться. Тогда та сказала петуху: – Друг мой, если бы ты знал, что мне поручили объявить тебе, ты поспешил бы сойти ко мне, обнял бы меня и поцеловал! Знай же, что султан зверей Лев и султан птиц Орел издали указ, что дружба и любовь устанавливаются на вечные времена между всеми племенами животных и птиц. А кто будет препятствовать этой дружбе, будет наказан! Меня же избрали герольдом для оповещения этого постановления. Но петух не обращал никакого внимания на это красноречие, точно и не слышал ничего. Тогда лиса продолжила: – Брат мой, почему же ты не соблаговолишь почтить меня своим ответом? Если ты будешь упорствовать в своем молчании, я донесу об этом в совет, и ты подвергнешься каре! Тогда петух наклонил голову на бок и сказал: – Брат мой, я не отвечаю, поскольку смущен тем, что вижу там, вдали. А вижу я, что сюда бежит какой-то зверь на высоких лапах с тонкой острой мордой. И он направляется прямо к нам! А лиса,

дрожа всем телом спросила: – Брат мой, скажи, быть может, это легавая собака? Петух же ответил: – Не знаю, я никогда не видел этой породы. Но, во всяком случае, это, несомненно, собака! Когда лиса услышала эти слова, она воскликнула: – Брат мой, я должна проститься с тобою. Тут Шахразада увидела, что близится утро и умолкла. А когда наступила семьсот семьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь семьсот семьдесят девятая

С этими словами лиса повернулась спиною к Голосу Зари и пустилась бежать. Но петух закричал ей: – Послушай, дружище, но разве не говорила ты мне, что явилась сюда, чтобы провозгласить всеобщий мир для всех представителей животного царства? А лиса закричала издалека: – Разумеется, брат мой петух! Но имя легавой не произносилось во время присоединения всех видов к постановлению всеобщего мира! И проговорив это, лиса скрылась вдали. Так Голос Зари спасся от зубов своего злейшего врага благодаря своей находчивости и уму. И он благополучно вернулся на ферму, прославляя Аллаха, который привел его здравым и невредимым на птичий двор. И в эту же ночь Шахразада сказала еще:

ИСТОРИЯ ДВУХ ЛЮБИТЕЛЕЙ ГАШИША

В одном городе жил рыбак, который каждый день принимал три порции гашиша: утром, в полдень, и при заходе солнца. Однажды вечером, приняв несколько больше гашиша, чем обыкновенно, он решил прогуляться, прихватив свои удочки. Был четырнадцатый день луны, и ночь была полна ее светом. И рыбак, видя на мостовой серебристый отсвет лунного лика, принял лунный свет этот за воду. Он сел на тумбу и принялся удить при лунном свете. А в это время огромная собака, привлеченная запахом мяса, служившего приманкой, бросилась на мясо и проглотила его. Крючок застрял у нее в горле, и она принялась отчаянно дергать за лесу. А рыбак, полагая, что он поймал чудовищных размеров рыбу, закричал: – На помощь, мусульмане! Иначе эта рыба увлечет меня за собою! Когда же сбежавшиеся на его крики сторожа стали смеяться, он закричал им: – Да проклянет вас Аллах! Время ли теперь шутить? Тогда сторожа рассердились на эту ругань, бросились на него и отвели к кади. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот восьмидесятая ночь, она сказала:

ночь семьсот восьмидесятая

Но кади также имел сильное пристрастие к гашишу. Увидав рыбака, он сразу понял, что этот человек находился под властью веселящего зелья. Поэтому он отослал сторожей и дал рыбаку постель, чтобы тот мог провести ночь в спокойствии. А на следующий день кади поужинал вместе с рыбаком и, предложив ему гашиша, принялся за него и сам. И вдвоем они потребили его такое количество, которое могло бы свалить с ног слона. И когда гашиш одурманил их головы, они разделись и принялись танцевать, и производить разные глупости. А в это время султан и его визирь гуляли по городу, переодетые в купеческое платье. И они услышали шум, доносившийся из дома кади; а так как двери не были заперты, они вошли и увидели кади и рыбака в безумном ликовании. И рыбак при виде гостей воскликнул: – Садитесь-ка оба, это приказываю я, султан этого города! Иначе я прикажу визирю моему, который здесь пляшет, снести вам головы! При этих словах султан с визирем поняли, что они находятся в обществе двух потребителей гашиша самой удивительной разновидности и поспешили удалиться.

Но на следующий день султан, желая довершить развлечение вчерашнего вечера, приказал кади явиться во дворец со своим гостем. И кади, зная, что султан имеет привычку гулять ночью переодетым, догадался, что тот был свидетелем его вчерашних безумств, и пришел в ужас при этой мысли. И он упал на колени, восклицая: – О повелитель мой, это гашиш внушал мне грубость и неуважение! Но рыбак, который под влиянием ежедневного потребления гашиша, продолжал находиться в состоянии одурения, сказал султану: – Ну, и что ж такое? Если ты теперь в своем дворце, то и мы были вчера в нашем! И султан, увеселяясь манерами рыбака, сказал ему: – О чудак моего царства! Раз ты тоже султан, останься во дворце моем и услади слух наш какой-нибудь историей. Тут Шахразада увидела, что близится утро, и умолкла. А когда наступила семьсот восемьдесят первая ночь, она сказала:

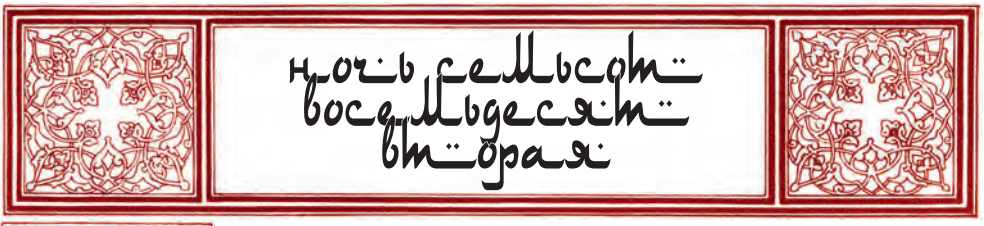
ночь семьсот восемьдесят первая

Рыбак же ответил: – С удовольствием, о повелитель мой, но не раньше, чем ты великодушно простишь своего визиря! И султан простил кади все вчерашние безумства его и велел ему возвратиться домой. А рыбак начал свою историю.

ИСТОРИЯ СКАРЕДНОГО КАДИ

Рассказывают, что в Сирии жил некий кади, отличавшийся такой необыкновенной скаредностью, что ее можно было сравнить только с суровостью его судебных приговоров. И в услужении у себя он имел одну старую негритянку, кожа которой была груба и толста, как у нильского буйвола. И человек этот, которого Аллах наделил богатством и почестями, жил жизнью, какой не пожелала бы и бездомная

собака. Но однажды человек, желавший смягчить приговор, сказал ему: – О господин наш кади, почему не выберешь ты себе супруги? Я имею дочь-красавицу, и ты почтил бы раба твоего, если бы пожелал взять ее в жены себе. И кади принял это предложение; и поспешили отпраздновать свадьбу; и молодая девушка была в тот же вечер введена в дом супруга своего. Но она чрезвычайно удивилась, когда увидела, что для нее не было приготовлено никакой трапезы. Но так как она была скромна, то не предъявила никаких требований. Наконец, она услышала, как супруг ее позвал негритянку и приказал ей поставить табурет для трапезы, а та принесла лишь чашку, в которой лежали три кусочка черного хлеба и три луковицы. И бедная женщина, привыкшая к самым тонким блюдам, не могла проглотить ни кусочка и встала из-за стола голодная, проклиная в душе свою горькую судьбу. И таким образом прошли три дня... Тут Шахразада увидела, что занимается утро, и умолкла. А когда наступила семьсот восемьдесят вторая ночь, она сказала:



Но на четвертый день кади услышал ужасные крики возмущенной до крайних пределов жены своей. Тогда он в бешенстве накричал на нее и прогнал ее, сказав: – Ты разведена троекратным разводом! И он выгнал ее из дому и запер за нею дверь. И вскоре он вступил в брак с новой молодою девушкой, которая, не будучи в состоянии терпеть более трех дней питание луком, возмутилась, и была также отвергнута. И так повторялось до тех пор, пока свахи не утратили к кади всякое доверие, и он потерял возможность вступить в новый брак. Но однажды он увидел молодую женщину, которая поразила его своей осанкой и дорогими одеждами. И он спросил ее: – Замужняя ты или девица? Она же ответила: – Пока еще девица. И кади сказал: – Хочешь ты, в таком случае, быть моей супругой? Она, зная, кто перед ней, ответила: – Скажи мне, где ты живешь, и ты получишь ответ! И наутро девушка послала вестника к кади с уведомлением, что она согласна выйти замуж за него, если он пришлет ей выкуп в пятьдесят динариев. И с трудом преодолев свою скупость, скряга послал ей пятьдесят динариев, и союз этот был заключен в присутствии свидетелей.

Когда же новобрачная вместо яств увидела три сухих хлеба и три луковицы, она съела одну и сказала: – Какой прекрасный обед! Но когда на следующий день довольный скряга ушел на заседание дивана, молодая женщина осмотрела его дом и нашла комнату, на двери которой висели три огромных замка. И через щель она увидела, что тут собраны сокровища кади в виде золота и серебра. Тогда она взяла пальмовый прут, вымазала его конец клейким составом, просунула прут в щель и вытащила несколько прилипших золотых монет. Она отдала их негритянке и приказала ей принести с рынка горячих лепешек с кунжутом, рису с шафраном, самый лучший кусок баранины, а также фруктов и сластей! И женщина

накормила ее и велела держать язык за зубами. А когда кади вернулся домой, она подала ему все, оставшееся от прекрасного обеда. И он спросил: – Откуда эти кушанья? Тут Шахразада увидела, что занимается заря, и умолкла. А когда наступила семьсот восемьдесят третья ночь, она сказала:

ночь семьсот восемьдесят третья

И молодая женщина ответила: – Не волнуясь насчет этих благ – их прислала мне моя тетя! И обрадованный кади съел все до крошки, а жена его снова выудила монеты из его сокровищницы. И после года такой жизни кади разжирел, и у него отрос огромный живот. И не знал он, что жена его поклялась отомстить ему за всех несчастных женщин, которых он брал в жены, а затем морил голодом и выгонял из дому после развода. И вот однажды жена кади пошла к своей соседке, жене бедного носильщика, и сказала ей: – О соседка моя! Аллах даровал тебе многочисленное семейство, а муж твой не может прокормить его. И теперь ты опять беременна! Не хочешь ли отдать мне ребенка, которого ты родишь, чтобы я взрастила его, как мое собственное дитя? И жена носильщика приняла это предложение, пообещав хранить все в тайне. И после родов она передала жене кади новорожденного мальчика. Тогда жена кади приготовила блюдо из бобов, гороху, капусты, чечевицы, луку и чеснока. И кади, вернувшись домой, съел все до крошки. Но вскоре в его животе начались ужаснейшие рези, и он заревел благим матом. И на эти крики прибежала жена его и принялась растирать ему живот. Но вдруг она испустила пронзительный крик: – Что за чудо! Что за диво! О господин мой! Ты на сносях, и разрешение от бремени уже близко! Аллах бросает семена плодородия, куда Ему угодно. Молись, о муж мой! А кади, безмерно удивившись, продолжал кататься по полу, испуская жалобные вопли, пока вдруг не наступило внезапное облегчение! И он увидел перед собою младенца, который плакал и делал забавные гримасы. И кади не знал, спит он или бодрствует, и думал, не повредился ли он в рассудке своем. Однако вид новорожденного и прекращение болей заставили его поверить в это удивительное разрешение, и он чрезвычайно утомленный всем пережитыми погрузился в глубокий сон. Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила семьсот восемьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь семьсот восемьдесят четвертая

Leon Carré

Проснувшись наутро, кади первым делом попросил жену сохранить все происшедшее в тайне. Она же ответила, что все соседки уже узнали о нем от негритянки, и остановить теперь распространяющуюся по городу молву невозможно! И кади стал думать о ехидстве многочисленных врагов своих, и чем более он размышлял, тем более все представлялось ему в мрачном свете, и тем более смешным и жалким казалось ему его положение. И чтобы уйти от насмешек, он решился покинуть жену свою и родной город свой и уехать в Дамаск, где никто не знал ни его, ни истории его. Прибыв туда, он стал жить в высшей степени уединенно и еще в большей скудости, чем прежде. И когда истощились все его прихваченные им с собой деньги и нищета его дошла до крайности, он принужден был до конца своей жизни работать в качестве носильщика. А жена его в то время жила безбедно в оставленном им доме со всеми его сбережениями! И султан, прослушав эту историю, затрясся от смеха и сказал рыбаку: – Аллах над тобою, о сахарные уста! Расскажи мне еще какую-нибудь историю! И потребитель гашиша начал так:

ОСЕЛ-КАДИ

Жил в одном из городов страны Египетской сборщик податей, которому приходилось по делам службы часто отлучаться из дому. А супруга его не упускала случая этим пользоваться, принимая в то время возлюбленного своего, который был прекрасен, как луна, и всегда готов был удовлетворять желания ее. И она покупала ему все необходимое, никогда не требуя возврата иначе, как ласками и любовными играми. И жили они так жизнью самой сладостной, платя друг другу взаимной любовью. И однажды сборщик податей, снова собираясь ехать по делам службы, приготовил осла своего, положив в сумку деловые бумаги и платье. Но тут он обнаружил, что недельный запас хлеба в доме его уже истощен, а негритянка как раз занялась изготовлением хлебов на следующую неделю. Тогда сборщик податей, не желая ждать, пока испекут хлебы дома, пришел на рынок, чтобы там купить, сколько было нужно ему. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот восемьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь семьсот восемьдесят пятая

Оседланного же осла своего он оставил в конюшне. И тут во двор вошел возлюбленный женщины, полагавший, что сборщик податей уже уехал. И он сказал ей, что у него срочная нужда в деньгах, и, увидав осла, предложил его продать на базаре. И молодая женщина согласилась, решив сыграть с мужем шутку. Она отдала осла своему возлюбленному, оставив в конюшне сбрую. И вернувшийся с хлебными лепешками муж чрезвычайно изумился и спросил: – О жена, что сталось

Léon Carré

с ослом моим? А супруга его, не смущаясь, ответила: – Я должна сказать тебе одну вещь, о которой до сих пор не смела рассказывать, опасаясь, что раскрытие ее навлечет на нас какое-нибудь неотвратимое бедствие! Знай же, что осел твой – заколдованный и что от времени до времени он превращается в кади! Обернувшись им на этот раз, он сказал мне: – О жена господина моего! Попроси его не так сильно колотить мне зад, когда он торопится ехать, ибо эта часть особы моей отличается невероятною нежностью! И, сказав это, осел наш, сделавшийся кади, отправился вести заседание городского суда. Ты можешь найти его там, если пожелаешь! Когда сборщик податей услышал эти слова супруги своей, то пришел в крайнее недоумение и сказал: – Клянусь Аллахом, это удивительное дело! Но что же должен я делать теперь, когда у меня нет под рукою осла, между тем как мне нужно ехать собирать подати в деревнях в окрестностях? Не знаешь ли ты, по крайней мере, в котором часу он вернется? Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот восемьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь семьсот восемьдесят шестая

И молодая женщина ответила: – Нет, но на твоем месте я пришла бы к кади и показала бы ему горсть бобов, так дав понять, что ты нуждаешься в его услугах в качестве осла. Сборщик так и сделал. Он вошел в залу заседаний и стал делать кади знаки рукой. Тот же подумал, что сборщик податей хочет сделать какое-нибудь важное сообщение. И когда кади, прервав заседание, отошел со сборщиком податей в сени, тот показал ему бобы и сказал: – Друг мой, мне необходимо ехать по делам службы, потому прошу тебя – превратись вновь в осла и дай мне взобраться к тебе на спину! А кади, полагая, что имеет дело с сумасшедшим, и не видя никого, кого бы можно было позвать на помощь, решил действовать путем кротости. Он сказал сборщику: – Теперь я очень занят. Вот тебе триста драхм, купи себе другого осла! И отделавшись таким образом от сборщика, кади поспешил уйти. А сборщик поспешил на базар, где увидел собственного осла. И осел, узнав своего хозяина, принялся кричать от радости. Но сборщик замахал на него руками и воскликнул: – Нет! Мне нужен верный осел, ибо, будучи то кади, то ослом, ты мне вовсе не годишься! Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот восемьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь семьсот восемьдесят седьмая

И он купил другого осла и отправился на нем в путь, рассказав супруге своей обо всем, что с ним произошло. Когда султан прослушал эту историю, он воскликнул: – О сахарные уста! Я назначаю тебя первым придворным. И ты, наверное, знаешь еще какую-нибудь необыкновенную историю. Расскажи ее мне! И рыбак, потребитель гашиша, сделавшийся первым придворным, ответил: – От чистого сердца и в знак должного почтения! И он повел рассказ свой так:

КАДИ И ОСЛЕНОК

Жил однажды бедный человек с супругою своей, и была у них дочь, достигшая возраста замужества. И получил ее в жены такой старый кади, что мог бы он сойти за отца ее. Но подарки его не могли заменить молодой любви, и не находил кади того, чего ждал от супруги своей. И однажды он показал из окна супруге своей своего юного писца. А так как тот был красив, молодая женщина полюбила его. И вскоре молодые люди сумели обмануть бдительность кади, и юная красавица, отдав юноше душу свою, отдалась и всем прекрасным телом своим. И юноша дал ей испытать то, чего никогда не мог достигнуть кади. И молодая женщина стала вывешивать на окне своем белый платок, давая знать возлюбленному, что кади нет дома. Но однажды, когда кади, захворав, спал у себя дома, она забыла убрать платок, а сама направилась в гамам. И юный писец без опаски проник в комнату и просунул руку под одеяло, где обычно ждала его возлюбленная. Но к его ужасу его руку схватил внезапно пробужденный кади! Гнев придал ему силы; кади бросил юношу в ларь для тюфяков и запер его на ключ, не успев толком разглядеть лицо своего пленника. А жена кади вспомнила про свою оплошность с платком и подумала: «Один Аллах ведает, что случилось с моим возлюбленным!» Тогда она вышла в сени и, увидав там торговку горохом, уговорила ее одолжить за динарий ее покрывало и пустую корзину. Переодевшись, она направилась к дому своему, пройдя неузнанной мимо своего мужа, который уже поджидал ее у дверей гамама. Тут Шахразада увидела, что близок рассвет, и умолкла. А когда наступила семьсот восемьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь семьсот восемьдесят восьмая

А дома, услыхав, что из ларя раздаются стенания, она отомкнула его и увидела там возлюбленного своего. Придя в себя, он объяснил, что случилось, а женщина пошла на конюшню, где была ожеребившаяся накануне ослица. Женщина принесла осленка в комнату, поместила в ларь и заперла его на ключ. Затем она выпроводила своего возлюбленного и вернулась в гамам, где возвратила покрывало и корзину продавщице. Затем она вышла из гамама со своим узелком, и поджидавший ее муж бросился к

ней и закричал: – Ты где была? Ступай за мной, о развратная! И кади привел в свой дом четырех шейхов околотка и четырех свидетелей, и все они должны были быть свидетелями того, что произойдет. А окутанная покрывалом супруга его при этом восклицала: – О бедный супруг мой! Нездоровье свело его с ума! Чужие в гареме нашем! Когда же кади поднял крышку ларя, оттуда высунул голову маленький осленок! Увидав это, взбешенный кади почувствовал сильные судороги и спазмы во всем теле.... Тут Шахразада увидела приближение утра и умолкла. А когда наступила семьсот восемьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь семьсот восемьдесят девятая

И кади устремился к супруге своей, собираясь задушить ее. Она же принялась кричать, бегая по комнате: – На помощь! Спасите! И присутствующие, не сомневаясь более в сумасшествии кади, повалили кади на ковер, восклицая: – Какая тяжелая болезнь! Он принял ослика за мужчину! При этих словах кади принялся безумно отбиваться, пытаясь опять наброситься на супругу свою. А она делала ему втихомолку насмешливые знаки. И тут жилы у него на шее лопнули, и он умер, выплюнув целый поток крови! И он оставил супруге своей столько богатств, что она смогла прожить до конца своих дней в довольстве, выйдя замуж за юного писца, которого она любила и который любил ее! И далее рыбак, видя, что царь слушает его с восхищением, продолжил:

ДОГАДЛИВЫЙ КАДИ

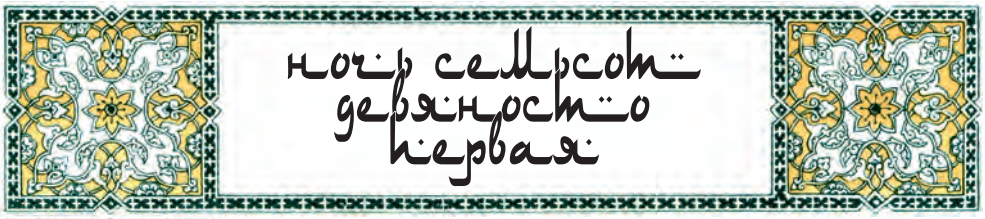
Был в Каире кади, уволенный за преступления со своей должности. Чтобы не умереть от голода, он жил всевозможными проделками. И однажды он сказал своему невольнику: – Приведи ко мне людей, нуждающихся в юридических советах, а я заставлю их раскошелиться! И невольник, такой же мошенник, как и господин его, вышел из дома и увидел слугу, который нес на голове поднос с украшенным томатами гусем. И он увидел, как слуга передал поднос хозяину печи, сказав ему: – Я приду за ним через час! Тогда невольник спустя время подошел к печи и сказал узнавшему его владельцу: – Я пришел за гусем у тебя в печи! Я сам выкормил его, зарезал и набил начинкой! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот девяностая ночь, она сказала:

ночь семьсот девяностая

хозяин печи сказал: – Но что я скажу тому, кто принес мне его сюда? А невольник ответил: – Это человек, любящий посмеяться. Скажи ему, что, когда ты ставил поднос в печь, гусь испустил крик и улетел. И хозяин печи вынул поднос из печи и передал его невольнику, который отнес его своему господину. Когда же слуга пришел за своим гусем, хозяин пекарни сказал: – Гусь улетел! Тогда слуга вскричал: – Как смеешь ты смеяться надо мной! И после взаимных оскорблений оба вступили в драку. И вскоре хозяин пекарни, ища спасения, взобрался на дворовую стену, а оттуда спрыгнул на землю. И року было угодно, чтобы тяжелый пекарь приземлился прямо на магребина, который тут же испустил дух. Тогда все его близкие схватили владельца пекарни и потащили его к кади, дорогу к которому указал его невольник. И кади, выслушав их, спросил: – Желаете ли вы, чтобы цена была уплачена вам натурою или же в виде вознаграждения! И магребины ответили хором: – Натурою! Тогда кади сказал им: – Тогда возьмите владельца пекарни, положите под минаретом, и пусть брат убитого спрыгнет на него с вершины минарета, чтобы раздавить его! Тогда брат покойного воскликнул: – Я отказываюсь от своей жалобы! И он удалился в сопровождении других магребинов. И рыбак, видя, что царь слушает его с прежним вниманием, начал следующий рассказ:

УРОК ЗНАТОКА ЖЕНЩИН

Жили в Каире два закадычных друга: женатый Ахмад и холостой Махмуд. И Ахмад постоянно говорил о женщинах, предупреждая друга и выказывая свою опытность. Но однажды юный Махмуд сказал старшему другу своему Ахмаду: – Ради Аллаха! Прежде чем научить меня, как разрушать козни женщин, не можешь ли ты научить меня, что мне надо сделать, чтобы вступить в сношение хотя бы с одной из них? Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила семьсот девяносто первая ночь, она сказала:



хмад же ответил: – Пойди в праздник к шатрам и выбери женщину с маленьким ребенком. Купи ему сластей и ласкай его, посматривая на мать, и попроси ее разрешить тебе отнести ребенка в ее жилище. И если она позволит, ты достиг цели! Махмуд так и сделал, и результат превзошел все его ожидания. А судьбе было угодно, чтобы женщина, за которой он последовал, была женой его друга Ахмада, которую он ни разу не видел. И встреча их была чрезвычайно приятна для обоих. Неопытный юноша испытал наслаждение находиться в объятиях сведущей египтянки. И они были довольны друг другом, и встречались много раз в следующие дни. И через некоторое время Ахмад спросил Махмуда, хороша ли женщина, которую

Léon Carré

он избрал себе, и тот ответил: – Она из мускуса и жасмина, а муж ее, должно быть, неисправимый дурак! И Ахмад, засмеявшись, сказал: – Большая часть мужей такова! Но вот однажды Ахмад увидел своего друга Махмуда, который вошел в его дом, не постучавшись в двери, – верный признак того, что здесь было какое-то соглашение. И тогда Ахмад бросился к своему дому и начал стучаться в двери изо всех сил. Тут Шахразада заметила наступление утра и скромно умолкла. А когда наступила семьсот девяносто вторая ночь, она сказала:

ночь семьсот девяносто вторая

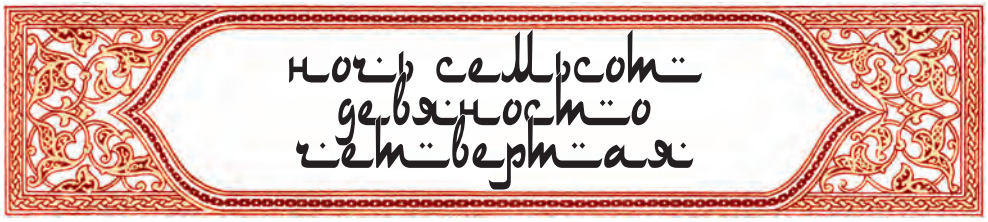
Услыхав этот стук, жена Ахмада спустилась с Махмудом во двор, поставила его позади двери на улицу и впустила своего мужа, говоря ему: – Ради Аллаха! Чего ради так стучаться! Но Ахмад с бранью бросился в верхние покои, чтобы захватить там Махмуда, который в это время спокойно открыл дверь, позади которой он был спрятан, и вышел вон. Ахмад же, не найдя никого, затаил злобу. И вскоре он пригласил Махмуда на празднество к своему дяде. Все уселись перед столами посреди двора, и Ахмад попросил друга рассказать историю женщины из мускуса и жасмина! И Махмуд принялся рассказывать, как он последовал советам Ахмада. И он передавал такие подробности о той женщине, что Ахмад уже считал, что в присутствии свидетелей получит доказательство неверности своей жены. Однако в это время Махмуд услышал голос ребенка, который тут же узнал. И он закончил так: – Но когда я дошел до дома женщины и хотел подняться в гарем, я нарвался на честную женщину, которая, прогнала меня, угрожая созвать соседей! Ахмад, услыхав это, пожелтел в лице, а на следующий день он развелся со своей женой и отправился в Мекку в качестве паломника. А Махмуд по истечении законного срока женился на своей возлюбленной! И султан, восхищенный этим рассказом, сказал рыбаку: – Назначаю тебя своим великим визирем!

И вот – продолжала Шахразада, обращаясь к царю Шахрияру, – все, что я прочитала в книге: «Сборник легкого балагурства и веселой мудрости». Но можно ли сравнивать это с тем, что я расскажу завтра о прекрасной царевне Нуреннахар, если только, конечно, я сохраню свою жизнь и если это дозволит мне наш владыка царь! И царь Шахрияр сказал: – Конечно! Я хочу прослушать эту историю, которой еще не знаю! И когда наступила семьсот девяносто третья ночь, Шахразада начала так:

ночь семьсот девяносто третья

История царевны Нуреннахар и прекрасной джинии

Жил в древние времена могущественный султан, которому щедрый Аллах даровал прекрасных, как луны, трех сыновей: Али, Гассана и Госсейна. Три царевича воспитывались вместе с дочерью их дяди, царевной Нуреннахар, которая не имела себе равных по красоте, уму, прелести и совершенствам. Она росла вместе с тремя юными царевичами, участвуя во всех их радостях и забавах. Но когда молодая царевна надела покрывало зрелости, султан заметил, что все три его сына страстно любят ее одинаковой любовью. Он долго размышлял над этим вопросом, а потом позвал царевичей и сказал им: – Сыновья мои! Пусть каждый из вас отправится на год в какую-нибудь страну и привезет мне оттуда какую-нибудь редкость, которую он найдет наиболее чудесной. И я отдам царевну тому, кому удастся привезти наиболее дивное чудо! И три царевича согласились на это предложение. Переодевшись странствующими торговцами, они сели на благородных коней и отправились в путь. И царевич Али, старший из братьев, через три месяца прибыл в один из городов Индии и остановился в большом хане. Бродя по базарам, он принял приглашение одного из купцов, который жестом и улыбкой попросил его войти в лавку и присесть. И в то время, как царевич разговаривал с ним, он увидел, что перед лавкой проходит глашатай, держа в руках маленький коврик. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила семьсот девяносто четвертая ночь, она сказала:



И глашатай тот кричал: – О покупатели! Кто купит – не потеряет! Ковер для молитвы за тридцать тысяч золотых динариев! И удивленный до крайности царевич подозвал к себе глашатая и сказал: – Ради Аллаха! Необходимо, чтобы этот ковер при такой цене заслуживал удивление во многих отношениях, которых я не знаю. И глашатай ответил: – Знай же, что каждый, кто на него сядет, тотчас же переносится туда, куда только пожелает, и притом с такой скоростью, что у него не будет времени закрыть один глаз и открыть другой! И никакое препятствие не в состоянии преградить ему путь; горы и стены пред ним раскрываются, и самые крепкие замки перед ним ничто. Тогда царевич Али, вне себя от восторга, вскричал: – О благословенный глашатай! Я готов купить его у тебя, прибавив еще тысячу динариев тебе в подарок. Только необходимо, чтобы я видел все моими собственными глазами! Тогда глашатай с позволения хозяина лавки распростер ковер на полу и попросил царевича сесть на него. Усевшись рядом с ним, он сказал: – О господин мой, произнеси в своем уме желание быть перенесенным в твое собственное помещение! И едва царевич пожелал это, как тут же был перенесен туда без малейшего толчка и без всякого неудобства.

Тогда царевич Али сказал своему рабу: – Отсчитай этому доброму человеку сорок кошельков по тысяче динариев и прибавь ему еще один кошелек в тысячу динариев. И раб исполнил его приказание. И глашатай, оставив ковер у царевича Али, сказал: – Славная покупка, о господин мой! – и удалился. А царевич подумал: «Вот я и достиг без всякого труда цели моего странствования! Но если я тотчас вернусь домой, то мне придется слишком долго ждать своих братьев. Я лучше проведу время здесь, в этой удивительной стране, где я могу не только рассеяться, но и научиться еще многому, чего я не знаю. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила семьсот девяносто пятая ночь, она сказала.

ночь семьсот девяносто пятая

И с возрастающим интересом стал царевич Али изучать обычаи этих индийцев. Он совершал долгие прогулки и навещал купцов и именитых людей той страны. Но его все время терзала любовь к прекрасной Нуреннахар. И вскоре вместе с рабом своим сел он на волшебный ковер, сосредоточился и был перенесен в хан у трех дорог, откуда разошлись пути братьев. Он поднялся с ковра и стал дожидаться их возвращения. А царевич Гассан после расставания с братьями встретил караван, направлявшийся в Персию. И он присоединился к этому каравану и после продолжительного путешествия по равнинам и горам, по степям и пустыням прибыл в столицу Персидского государства.

Он остановился в большом городском хане, отдохнул и на следующий день велел провести себя на базар, где

Léon Carré

продавались драгоценные вещи, самоцветные камни, парча, красивые шелковые ткани, тонкое полотно и всевозможные ценные товары. И повсюду он видел маклеров и глашатаев, которые сновали по всем направлениям, выставляя роскошные ткани, красивые ковры и другие прекрасные вещи. И среди этих людей царевич Гассан заметил одного, который держал в руках трубку из слоновой кости, длиною около фута и толщиною в большой палец. Вместо того, чтобы приставать и суетиться, подобно другим, человек этот прогуливался медленно, держа в руке трубку из слоновой кости, как царь держит скипетр своего царства. Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. Но когда наступила семьсот девяносто шестая ночь, она сказала:

ночь семьсот девяносто шестая

И тут царевич Гассан услышал, как торговец закричал с величайшей напыщенностью: – О покупатели! Кто купит – не раскается! За тридцать тысяч динариев трубка из слоновой кости! Услышав это, царевич в величайшем изумлении спросил торговца: – О почтенный! Из-за какого свойства эта трубочка заслуживает такое уважение, и благодаря какой особенности она стоит так непомерно дорого? И торговец ответил: – Знай, о господин мой, что, если ты посмотришь в эту трубочку с конца, украшенного кристаллом, и пожелаешь увидеть, что бы то ни было, ты тотчас будешь удовлетворен в своем желании! И царевич Гассан воскликнул: – Скорее покажи мне тот конец, который я должен приставить к глазу! И он посмотрел в трубочку, пожелав увидеть царевну Нуреннахар, и тотчас увидел ее, сидящую в ванне своего гамама. И увидел он ее так близко около себя, не мог удержаться и, испустив крик, выронил трубочку из рук. Получив таким образом доказательство того, что эта трубочка – самая чудесная вещь в мире, царевич купил ее, прибавив еще тысячу динариев сверху. И вскоре прибыл он в хан, где ждал его царевич Али.

А младший царевич Госсейн после продолжительного путешествия прибыл в Самарканд. И прогуливаясь по его улицам, он увидел внезапно глашатая, который держал в руке яблоко. Оно было удивительным – красное с одной стороны, и золотое с другой, и величиной с арбуз. И царевич Госсейн пожелал купить его и спросил у глашатая о цене его. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила семьсот девяносто седьмая ночь, она сказала:

ночь семьсот девяносто седьмая

А тот ответил: – Тридцать тысяч динариев золотом, о господин мой. Тогда царевич Госсейн воскликнул: – Без сомнения, ты смеешься, запрашивая за него такую невероятную цену! А глашатай ответил: – Знай, о господин мой, что это яблоко не плод дерева, а плод изучения и трудов великого ученого и знаменитого философа, который провел всю свою жизнь в наблюдениях и опытах над свойствами растений и минералов. И он добился изготовления этого яблока, в котором в сконцентрированном виде заключены все элементы всех полезных растений и целебных минералов. И нет больного, одержимого какой угодно болезнью, хотя бы это была чума, или красная лихорадка, или проказа, который, находясь уже при смерти, не выздоровел бы, только понюхав это яблоко. И я хочу для большей очевидности, чтобы кто-нибудь страдающий неизлечимой болезнью был вылечен на твоих глазах, дабы ты уверился в свойствах этого яблока.

В это время на улице показался слепой и разбитый параличом человек, сидевший в корзине на спине своего носильщика. И глашатай подошел к нему и поднес к его носу яблоко. И тотчас немощный поднялся в своей корзине и выпрыгнул через голову своего носильщика, подобно молодой кошке. Тогда царевич Госсейн, пораженный чудодейственной силой удивительного яблока, не медля купил его за тридцать тысяч динариев, добавив тысячу в качестве подарка. И вскоре вместе с попутным караваном прибыл он в хан, где после нежных объятий братья поздравили его с благополучным возвращением. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно замолкла. А когда наступила семьсот девяносто восьмая ночь, она сказала:

ночь семьсот девяносто восьмая

И братья рассказали друг другу о своих путешествиях и приобретениях. И узнав о чудесной трубке Гассана, они пожелали увидеть царевну Нуреннахар. И Гассан поднес ее к своему глазу, но вдруг изменился в лице и воскликнул: – О братья мои! Увы! Через несколько минут нашей двоюродной сестры не будет больше в живых, ибо лежит она в постели, окруженная плачущими женщинами и потерявшими надежду евнухами. Услыхав это, царевич Али воскликнул: – В таком случае нам надо перенестись при помощи моего ковра в наш дворец. Ведь у младшего брата нашего есть целебное яблоко! И три царевича уселись на ковре и в то же мгновение увидели, что сидят посредине комнаты царевны. И царевич Госсейн быстро подошел к постели и поднес к ноздрям Нуреннахар чудесное яблоко. И царевна пришла в себя, открыла глаза и приподнялась на постели.

Когда же султан узнал о прибытии сыновей своих и счастливом выздоровлении царевны Нуреннахар, он долго предавался размышлениям, а потом сказал царевичам: – О сыновья мои, теперь ваше дело еще труднее разрешить, чем до вашего отъезда, поскольку вещь каждого

из вас участвовала в спасении вашей двоюродной сестры. Поэтому возьмите по луку, и я объявляю, что дам царевну в супруги тому, кто запустит стрелу дальше всех! И после выстрелов султан решил отдать царевну среднему брату, который выстрелил дальше старшего, стрелу же младшего никто нигде не мог найти. И постановив это решение, султан тотчас же повелел приступить к приготовлениям и брачным церемониям по случаю бракосочетания сына его Гассана и царевны Нуреннахар. И несколько дней спустя свадьба их была отпразднована с необыкновенной пышностью. Тут Шахразада увидела приближение утра и умолкла. А когда наступила семьсот девяносто девятая ночь, она сказала:

ночь семьсот девяносто девятая

Царевич Госсейн пожелал доказать, что несправедливо был лишен того, что заслужил, и с этим намерением отправился на поиски своей стрелы. И шел он долго, не находя ничего, пока не очутился перед грудой высоких скал, где увидел стрелу, помеченную его именем. Подняв ее, заметил он вырубленную в скале дверь без запоров. И дверь подалась под его рукою, и вошел он в коридор, а дверь закрылась, и он очутился в полной темноте. И он без колебаний начал спускаться прямо во мрак и увидел впереди свет. Поспешив на него, он очутился перед равниной, посреди которой возвышался великолепный дворец. Из него вышла какая-то женщина, окруженная толпою других женщин, которых, без сомнения, она была госпожою, если судить по ее дивной красоте и величественной осанке. На ней были одежды, казавшиеся неземными, и волосы ее были распущены и спускались волнами до самой земли. Она приблизилась легкой поступью и, сделав рукой исполненный сердечности жест, сказала: – Да будет благословен твой приход, о царевич Госсейн! И юный царевич был крайне изумлен, слыша, что в чужой стране его называет по имени женщина, которой он никогда не видел. Но лишь только он открыл рот, чтобы выразить свое изумление, молодая женщина сказала ему: – Не расспрашивай меня ни о чем. Я сама удовлетворю твое законное любопытство, лишь только мы придем в мой дворец! И она взяла царевича за руку и повела его по аллее, и ввела в приемную залу, которая сообщалась с садом через огромный мраморный портик. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила восьмисотая ночь, она сказала:

ночь восьмисотая

Léon Carré

И она посадила его на софу рядом с собою посреди этой великолепной залы и, держа за руку, сказала ему: – О прекрасный царевич! Знай же, что я дочь царя джинов, и моя судьба связана с твоей. Именно я послала твоим братьям летающий ковер и трубочку из слоновой кости, а тебе лечебное яблоко. И я послал стрелу твою так далеко, ибо решила, что ты достоин счастья более высокого, чем счастье быть супругом твоей двоюродной сестры Нуреннахар. И теперь лишь от тебя зависит не выпустить из рук своих счастье! Желаешь ли ты быть моим супругом и любить меня? И царевич, зная, что Нуреннахар не может больше ему принадлежать, воскликнул: – О царевна джинов! Счастье быть узником твоих совершенств! И, говоря это, он бросился к ногам прекрасной джинии, а она подняла его и сказала: – Я принимаю тебя своим супругом и отныне я твоя супруга! Но ты, вероятно, голоден; пойдем, сядем за первую трапезу нашу!

И она повела его в новую залу, и села вместе с ним перед дивным золотым подносом, уставленным кушаньями, один вид которых радовал сердце. И прекрасная джиния принялась служить новому супругу собственными своими руками, и подавала ему самые нежные кусочки разных кушаний, которые она ему называла одно за другим. И царевич нашел прелестными все эти кушанья, о которых раньше он даже никогда не слышал, а также вина, фрукты, пирожные и варенья, подобных которым он никогда не пробовал на пиршествах и свадебных торжествах. И когда трапеза была кончена, оба юных супруга легли на благоухающее ложе, и не только для сна, но и для забав. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила восемьсот первая ночь, она сказала:

ночь восемьсот первая

И царевич Госсейн нашел, что эта джиния дева, с которой не идут ни в какое сравнение самые очаровательные девушки рода человеческого. И когда он пожелал насладиться вновь ее прелестями, он нашел ее по-прежнему девственно нетронутой. И он понял, что у дочерей джинов девственность постоянно возобновляется. И он наслаждался этой находкой до пределов наслаждения. Но через шесть месяцев он подумал, что его продолжительное отсутствие должно было повергнуть его отца в беспредельную скорбь. Когда же он открылся своей супруге, она сказала: – Отправляйся под охраной Аллаха и возвращайся ко мне в добром здравии. Но тебе не следует ничего говорить отцу и братьям твоим о нашем браке! И джиния дала ему двадцать хорошо вооруженных джинов; для него же самого велела привести коня дивной красоты. И царевич Госсейн простился со своей супругой-джинией и вскоре прибыл в свой родной город. И народ узнал его и принял его с восклицаниями, и сопровождали его с криками и ликованием до самого дворца султана. И его отец,

увидав его, почувствовал себя счастливым и принял его в свои объятия, плача и жалуясь, в родительской своей нежности, на печаль и волнение, в которые он был повергнут этим долгим и необъяснимым отсутствием. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот вторая ночь, она сказала:

ночь восемьсот вторая

И царевич Госсейн сказал отцу: – Мне тяжело было потерять царевну Нуреннахар, завоевание которой было единственной целью моих желаний. И я отправился на поиски стрелы своей, чтобы доказать первенство в соревновании. Я нашел ее у дальних скал, но не мог представить, что способен метнуть стрелу так далеко. Что случилось со мной потом – тайна, которую я не могу раскрыть, не нарушив клятвы. Могу лишь сказать, что я забыл мою двоюродную сестру и вступил на путь счастья. И для меня началась жизнь утех, нарушаемая лишь тем, что я находился вдали от моего отца, которого я люблю больше всего в мире. Что же до твоего спокойствия, то я буду навещать тебя настолько часто, насколько это позволит мне опасение наскучить тебе. Тогда султан сказал царевичу: – Аллах да охранит меня от проникновения в эту тайну! Я только хочу, чтобы ты приезжал сюда по одному разу в месяц, не опасаясь наскучить мне или обеспокоить меня. Ибо может ли быть для любящего отца занятие милее, чем согревать свое сердце близостью своих детей? И царевич Госсейн, дав требуемое обещание, остался во дворце на три дня, по истечении которых он простился со своим отцом и отбыл с восходом солнца во главе своих всадников-джинов. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила восемьсот третья ночь, она сказала:

ночь восемьсот третья

И его супруга приняла его с радостью, и они вдвоем отпраздновали это счастливое возвращение. Они ели, пили, шутили, смотрели танцы танцовщиц, слушали пение и звуки инструментов и забавлялись несравненной игрой влюбленных, которую можно назвать игрой в шахматы на ложе: столько всевозможных комбинаций насчитывается в этой деликатной игре. А через месяц царевич Госсейн вновь отправился навестить своего отца. А во время его отсутствия советники султана стали доказывать, что простое благоразумие требует знать, где находится его убежище.

Они говорили султану, что он должен опасаться, как бы царевич не поднял подданных, чтобы самому сесть на его место. Быть может, царевич Госсейн устроил тайную обитель вблизи столицы, чтобы иметь возможность выполнить свои губительные замыслы? Выслушав это, султан сказал: – Не знаю, должен ли я верить вашим подозрениям. Во всяком случае, я признателен за ваше предупреждение; что бы ни случилось, у меня теперь открыты глаза! И он отпустил советников, не показав, насколько он встревожен их словами. И чтобы иметь возможность пристыдить их или поблагодарить за их советы, он решил понаблюдать за сыном. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила восемьсот четвертая ночь, она сказала:

ночь восемьсот четвертая

И когда царевич Госсейн приехал, султан принял его с прежней радостью. Но на другой день он призвал старушку, славившуюся своим колдовством, и сказал ей: – Настал день, когда ты можешь доказать мне свою преданность. Прошу тебя, узнай место, в котором живет сын мой Госсейн. Даю тебе полную свободу действовать, как знаешь сама. И чтобы приободрить ее, он дал ей в подарок огромный алмаз. И старуха-колдунья ответила, что слушает и повинуется. И когда царевич Госсейн поехал вновь к скалам, где жила джиния, он заметил одетую в рубище старуху, которая лежала на земле и жалобно стонала. И когда царевич остановил своего коня и ласково спросил старуху, чем страдает она, притворщица ответила голосом, прерываемым стонами: – О Аллах! Душа моя покидает меня! На пути в город меня схватила красная лихорадка, и я упала без всякой надежды на помощь. И царевич Госсейн, у которого было жалостливое сердце, сделал знак своим людям, чтобы они подняли старуху; и один из них посадил ее позади себя на лошадь. И царевич приблизился со своими всадниками к каменной двери, которая открылась и пропустила их.

И джиния поспешила навстречу своему супругу, а он показал ей на старуху, имевшую вид умирающей, и сказал: – Она послана на нашем пути Аллахом, и нам следует оказать ей помощь. И джиния приказала женщинам отвести старуху в запасную комнату, а затем сказала царевичу... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила восемьсот пятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот пятая

Léon Carré

Аллах вознаградит тебя за милосердие, но эта старуха не более больна, чем глаз мой, и я знаю причину, которая привела ее сюда. Но не бойся, все козни против тебя будут тщетны! Затем она пошла к старухе, подала ей чашку и сказала: – Вот чашка воды из Львиного Фонтана, которая возвращает здоровье умирающим! И старуха, выпив эту воду, вскричала: – О дивная влага! Я уже здорова, точно кто-нибудь клещами извлек из меня мою болезнь! И джиния сказала: – Мне очень приятно, что ты поправилась. Ты можешь оставаться в моем дворце, сколько пожелаешь. И старуха пошла за женщинами, которые показали ей дворец во всех его дивных подробностях. Затем они проводили ее до каменной двери и пожелали ей счастливого пути. И старуха добралась до султана, рассказала ему все, что видела, и добавила: – Думаю, стоит воспользоваться отношениями твоего сына к этой джинии, чтобы завладеть удивительными вещами, которые находятся в ее дворце. И во время нового визита царевича султан сказал ему: – О сын мой, не можешь ли ты привезти мне что-нибудь, что могло бы доставить мне удовольствие, например хороший шатер? И царевич Госсейн передал эту просьбу джинии, а она позвала свою казначейшу и сказала ей: – Принеси шатер самый большой, какой только найдется в моей сокровищнице! И вскоре та вернулась в сопровождении стража сокровищницы, который был джином особой породы. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила восемьсот шестая ночь, она сказала:

ночь восемьсот шестая

Борода у него была длиною в три фута, высотой он был в полтора фута, голова его была величиной с туловище и держал он на плече тяжелую дубину. И джиния приказала ему: – О Шаибар, ты пойдешь с этим шатром вслед за царевичем к его отцу и сделаешь то, что должен сделать! И он отвечал, что слушает и повинуется. Когда же прибыли они в столицу, все прохожие, охваченные ужасом при виде карлика-джина, прятались в домах и в лавках, запирая за собою двери. И вошли они во дворец, и Шаибар сказал султану: – О царь времен! Я принес тебе шатер! А потом он вдруг опустил свою дубину на голову великого визиря и уложил его на месте. Потом он начал избивать других советников, а в довершение убил старую колдунью со словами: – Это за то, что ты притворялась умирающей! Перебив всех, он сказал царю: – Я покарал их за их коварные советы! А за то, что ты им последовал, я низлагаю тебя. Ступай прочь, иначе я убью и тебя. И царь покинул дворец и отправился жить в уединении. А сын его Госсейн сделался царем, и жил он со своей супругой в утехах и благоденствии, и оставили они многочисленных потомков. Тут Шахразада улыбнулась и сказала: – Но можно ли это сравнивать с тем, что я расскажу далее, если это будет мне дозволено! И получив согласие царя Шахрияра, она начала так:

История Жемчужного Пучка

Жил в Багдаде в минувшие времена халиф Аль-Мотазид Биллах. У него было шестьдесят визирей, которые пеклись об интересах народа столь же неусыпно, как и их повелитель. И вот однажды халиф, прогуливаясь по городу со своим любимым застольником Ахмадом-Ибн-Хамдуном, услышал, как один мальчик сказал другому: – О друг мой, наш господин опечален тем, что в час еды с ним нет никого из иноземцев, которым он всегда оказывает гостеприимство! И тогда халиф сказал своему застольнику: – О рассказчик с медовым языком, не думаешь ли ты, что нам необходимо безотлагательно познакомиться с этим нашим подданным? И Ибн-Хамдун согласился с этим. Он подошел к мальчикам и сказал им: – Ступайте и предупредите вашего господина, что у дверей его два чужестранных купца ходатайствуют о входе в его жилище. И оба мальчика отправились к своему дому, на пороге которого не замедлил появиться их хозяин. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила восемьсот седьмая ночь, она сказала:

Человек это был изысканной внешности и изящной осанки, на плечах у него был бархатный плащ с золотой бахромой, а на пальце рубиновое кольцо. Он приблизился к ним с благосклонной улыбкой на губах и пригласил их в дом. И когда они вошли, то подумали, что это настоящий уголок рая, ибо красота его способна была отнять у страдающего влюбленного всякое воспоминание о его возлюбленной. Халиф и его

спутник уселись на диване, покрытом хорассанскими коврами, и хозяин пригласил их разделить с ним трапезу, состоявшую из многих превосходных блюд, которые служители приносили на золотых подносах и расставляли на бамбуковых табуретах. И рассказчик Ибн-Хамдун чувствовал, что душа его приходит в экстаз от благородных вин и от всей совокупности этих красот. Но вдруг халиф наперекор обычаю, требующему, чтобы хозяин и гости не расспрашивали друг друга об их именах и достоинстве, встал и гневно воскликнул: – Знаешь ли ты, кто я? И хозяин, побледнев, ответил: – Клянусь Аллахом! Я не имею этой чести! Тогда Ибн-Хамдун сказал молодому человеку: – Ты находишься в присутствии эмира правоверных халифа Аль-Мотазида Биллаха! Тогда крайне изумленный хозяин поцеловал землю между рук халифа и, трепеща, сказал: – О мой повелитель! Не дай излиться твоему гневу на твоего раба, прежде чем ты не убедишься в его преступлении! И халиф сказал: – Я заметил, что мебель в этом доме носит имя моего деда Аль-Мотавакиля Алаллаха! Можешь ли ты мне объяснить эту странность? Говори же, иначе тебя постигнет смерть! Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот восьмая ночь, она сказала:

ночь восемьсот восьмая

хозяин, вместо того, чтобы затрепетать, улыбнулся и сказал: – Знай же, о эмир правоверных, что я родился в Багдаде, и мой отец был богатым купцом на базаре. И я его единственный сын, и он нежно любил меня, не жалея издержек для моего воспитания. Но час судьбы его исполнился, и он умер, а я, став наследником его богатства, продолжал ходить на базар и заниматься торговыми делами. И я предпочитал всякому удовлетворению извне спокойствие моего существования, а обманчивому величию – простое счастье, скрывающееся в среде приятных мне друзей. Но однажды я увидел у моей лавки молодую девушку с глазами вавилонянки. Она бросила на меня один только взгляд, и я затрепетал душой и телом. А девушка вошла в мою лавку, откинула вуаль, уселась со звоном браслетов и сказала: – Если это ты, Абул-Гассан, то отсчитай мне пятьсот динариев! И я отвечал: – Слушаю и повинуюсь! И, приказав отвесить пятьсот динариев, я передал их ей. А она взяла их и вышла. И я почувствовал себя пленником ее очарования и узником ее красоты. И, не зная, какое колдовство лишило меня разума, я не мог решиться остановиться на чем-нибудь или сделать какое-нибудь усилие, чтобы извлечь себя из того состояния отупения, в которое я погрузился. Но на следующий день она опять появилась передо мною со своими продолговатыми, огненными и темными глазами и со своей обворожительной улыбкой. На этот раз, не произнося ни слова, она положила палец на бархатный ящик, в котором находились неоценимые драгоценности, и просто улыбнулась мне. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила восемьсот девятая ночь, она сказала:

Lion
Carré

ночь восемьсот девятая

Я в то же мгновение завернул этот бархатный ящик со всем содержимым и передал его очаровательнице, которая взяла его и удалилась, не прибавив к этому ровно ничего. А я, преодолев робость, поднялся и пошел по ее следам. И увидел я, что на берегу Тигра она села в лодку и подъехала к мраморному дворцу твоего деда, о господин мой. И я подумал, что вовлечен в рискованное предприятие и ввергнут в мельницу осложнений, но потом я вспомнил слова поэта:

Восстань, о друг, и сбрось свою сонливость,
Ведь роза счастья не цветет во сне.
Не пропускай ты жизненных мгновений
И в бурной жизни лучше их сжигай.

И приободренный этими стихами и воспоминаниями об очаровательной молодой девушке, я решился во что бы то ни стало добиться ее. На базаре я нашел человека, который познакомил меня с портным евнухов самого халифа. И когда я описал ему свою покупательницу, он вскричал: – Да это Жемчужный Пучок, музыкантша нашего эмира! И он прибавил: – А вот и ее евнух! И я увидел, что к портному вошел молодой белый раб, прекрасный, как луна в месяце Рамадане. И он посмотрел на меня, совершенно как его госпожа, отвел меня в сторону и сказал: – Без всякого сомнения, ты Абул-Гассан! И я, крайне удивленный тем, что слышу свое имя, спросил: – Верно, но кто открыл тебе мое имя? А он сказал: – Как мог я не узнать его, если моя госпожа столько раз в день произносит его! И если ты так же влюблен в мою госпожу, как она в тебя, я готов помочь тебе добраться до нее! И тогда я поклялся мальчику, что без памяти влюблен в его госпожу, и что, наверное, умру, если не увижу ее. Тут Шахразада увидела, что близится утро, и умолкла. А когда наступила восемьсот десятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот десятая

Тогда мальчик-евнух развернул сверток, который держал в руках, вынул оттуда кафтан и сказал мне: – Я принес тебе платье, которое надевает халиф, когда вечером приходит в свой гарем. И он помог мне облачиться в него и сказал мне: – Когда ты придешь в длинную внутреннюю галерею, в которую выходят частные покои фавориток, не забудь, проходя по ней, вынимать по зернышку мускуса вот из этого флакона

и класть его перед дверьми каждого покоя, потому что такова привычка халифа, и он делает это каждый вечер, проходя по галерее гарема. И лишь только ты подойдешь к комнате, порог которой из голубого мрамора, ты, не стучась, откроешь ее и будешь в объятиях моей госпожи! Потом он прибавил: – Что же касается твоего ухода оттуда после свидания, то тебе поможет Аллах! И, дав мне эти наставления, он простился со мною и, пожелав мне успеха, удалился.

Тогда я смело пошел через сады дворца халифа и проник в галерею покоев, предназначенных для гарема. И сделал все так, как советовал мне маленький евнух. И слышал я голоса фавориток, которые говорили: – Ради Аллаха, как странно! Эмир правоверных сегодня второй раз проходит по галерее! И увидав порог из голубого мрамора, я толкнул дверь, которая подалась под моей рукой, и поспешил войти внутрь. И моя возлюбленная подошла ко мне, бледная и взволнованная, и бросилась мне на руки, как ребенок на руки матери. И я подумал, что держу у своего сердца всех гурий рая. И настолько все тело ее было нежно и сочно, что мне казалось – она создана из лучшего миндального теста. Да будет благословен тот, кто сотворил ее! И новая жизнь целого столетия вошла в меня вместе с ее поцелуем. И мы оставались в объятиях друг друга не знаю, сколько времени, ибо я был в экстазе или в состоянии, к нему близком. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот одиннадцатая ночь, она сказала:

ночь восемьсот одиннадцатая

Но немного вернувшись к действительности, я вдруг услышал шум в галерее. И это был сам халиф, который шел повидаться со своей фавориткой Миндальным Тестом, сестрой Жемчужного Пучка. И у меня едва хватило времени вскочить в большой сундук и захлопнуть крышку. А халиф, твой дед, о господин мой, вошел в помещение своей фаворитки и, заметив Жемчужный Пучок, сказал ей: – Я очень рад, что встретил тебя сегодня здесь, ибо давно хотел, чтобы ты высказала мне какое-нибудь свое желание! А она ответила: – Если господин мой приказывает это мне, я прошу отпустить меня на свободу, оставив мне лишь мебель этого помещения! И халиф сказал ей: – Ты владелица ее, о Жемчужный Пучок! И лишь только халиф вышел из комнаты, Жемчужный Пучок приказала носильщиками перевезти ко мне всю мебель из помещения, и сундук, в котором я сидел, прибыл беспрепятственно в мой дом. А на следующий день я сочетался браком с Жемчужным Пучком перед Аллахом в присутствии кади и свидетелей. Такова, о господин мой, история этой мебели, помеченной именем славного твоего деда! И халиф Аль-Мотазид Биллах вскричал: – О хозяин наш, это удивительная история! И за испытанное мною удовольствие я назначаю тебя первым нашим придворным! И Шахразада, рассказав эту историю, не пожелала прервать свое повествование в эту ночь, не начав следующей истории.

Две жизни султана Махмуда

Говорили мне, о царь благословенный, что султан Махмуд, один из самых мудрых и славных царей Египта, уединялся в своем дворце, когда на него находили приступы беспричинной грусти и весь мир темнел в его глазах. И в минуты эти жизнь казалась ему сплошной пошлостью, лишенной всякого значения. И вот однажды, когда, устремив глаза в мрачную бездну сновидений, он находился в состоянии уныния более сильного, чем обыкновенно, отказываясь есть, пить и заниматься государственными делами и желая только умереть, в комнату, где он лежал, вошел великий визирь и после обычных приветствий сказал: – О господин мой, здесь за дверью, ожидая аудиенции, находится старый шейх, пришедший из стран отдаленного Магриба. И он, без сомнения, самый необыкновенный врач и самый замечательный маг, который когда-либо жил среди людей. И так как я вижу моего государя в состоянии печали и уныния, я хотел бы, чтобы этот шейх получил позволение войти, в надежде, что его прибытие может прогнать мысли, которые тяготеют над видениями нашего царя! И султан Махмуд кивнул головой в знак согласия, и тотчас великий визирь ввел в залу иностранного шейха.

Вошедший человек был скорее тенью человека, чем живым существом среди других существ. И если бы можно было определить его возраст, то нужно было бы считать столетиями. Вместо всякой одежды чудовищная борода прикрывала его величественную наготу, и его можно было принять за одну из тех мумий, какие вырывают порою египетские хлебопашцы, если бы на лице его под страшными бровями не горели два глаза, в которых ярко светилась душа. И старец, не преклонившись перед султаном, сказал глухим голосом: – Мир с тобою, султан Махмуд! Я послан к тебе моими братьями, сантонами* крайнего Востока. Я пришел, чтобы возвестить тебе милости Воздаятеля! И он подошел к царю торжественной походкой и, взяв его за руку, заставил его подняться и последовать к небольшому бассейну, который освежал залу журчащей водой. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила восемьсот двенадцатая ночь, она сказала:

* *Сантоны* – магометанские монахи.

ночь восемьсот двенадцатая

И сказал он ему: – Наклонись над бассейном и смотри! И когда султан наклонился, чтобы посмотреть, шейх быстрым движением погрузил его голову в воду. И султан увидел себя на берегу моря потерпевшим кораблекрушение. И был он одет в свои царские одежды и с короной на голове. И неподалеку от него феллахи смотрели на него, как на новый предмет, и делали друг другу знаки о нем, смеясь все время. Султан же Махмуд при виде этого, пришел в безграничную ярость, направленную больше против шейха, чем против феллахов, и воскликнул: – Я султан Махмуд! Но феллахи лишь расхохотались, открывая рты до самых ушей.

О какие рты! Целые пещеры! И чтобы спастись от них и не быть ими проглоченным живьем, он хотел уже убежать, когда тот, кто, по-видимому, был начальником феллахов подошел к нему, снял с него его корону и одежду и, бросив их в море, сказал: – О несчастный, к чему все это железо! Слишком жарко, чтобы так одеваться! Вот, несчастный, одежда, подобная нашей! И, раздев его догола, он надел на него платье из синей ткани, на ноги пару старых желтых туфель с подошвами из кожи гиппопотама и на голову маленькую серую войлочную шляпу. И сказал он ему: – Пойдем, бедняк, работать вместе с нами, если ты не хочешь умереть с голоду в месте, где все работают! Но султан Махмуд ответил: – Я не умею работать! Феллах же сказал ему: – Тогда ты будешь для нас носильщиком и ослом в одно время. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Когда же наступила восемьсот тринадцатая ночь, она сказала:

ночь восемьсот тринадцатая

И так как они уже кончили свой рабочий день, то были очень рады обременить чужую спину вместо своей весом своих рабочих инструментов. И начальник феллахов взвалил на него рабочие инструменты, и султан, сгибаясь под тяжестью заступов, кирок и грабель, пошел вместе с ними. И он пришел, с разбитыми ногами и еле дыша, в деревню, где послужил мишенью для преследований маленьких детей, которые совсем нагишом бежали за ним, заставляя его выносить тысячу издевательств. И на ночь феллахи заперли его в пустой хлев, бросив для пропитания кусок заплесневевшего хлеба и луковицу. И на следующее утро он к удивлению своему превратился в осла,

настоящего осла, с хвостом, копытами и ушами. И на шею повязали ему веревку, а на спину положили вьюк и выгнали его в поле тащить соху. Но так как он выказывал упрямство, его передали деревенскому мельнику, который живо справился с ним, завязав ему глаза и заставив его вертеть мельничное колесо. И в течение пяти лет вертел он мельничное колесо, отдыхая ровно столько времени, сколько нужно было, чтобы съесть свою порцию бобов и выпить ведро воды. Но вдруг мельница разлетелась, и он снова стал человеком и увидел себя прогуливающимся по базару какого-то города. И какой-то купец пригласил его зайти к нему в лавку и сказал ему: – О чужеземец, скажи же мне, не намерен ли ты остаться в нашем городе? И султан Махмуд ответил: – Клянусь Аллахом! Это лучше, чем получать одни бобы, которыми меня кормили в течении пяти лет!

Тогда купец сказал ему: – Согласно обычаю нашей страны ты должен встать у дверей городского гамама, спрашивая у каждой выходящей женщины замужем ли она. И та, которая скажет, что у нее нет мужа, сделается твоей супругой! И султан Махмуд отправился и встал у дверей гамама; и увидел, как оттуда вышла старуха, страшно безобразная. И султан задрожал от страха при виде ее и подумал: «Без сомнения, я предпочел бы умереть с голоду и стать снова ослом или носильщиком, чем жениться на этой старой рухляди». Но он, повинуясь правилу, все же спросил злосчастную, отворачивая от нее голову: – Замужем ты или девственна? И отвратительная старуха ответила, брызгая слюной: – Я девственна, око мое! И султан Махмуд воскликнул: – О Аллах! Я осел, тетушка, я осел! Посмотри на мой хвост и на мои уши! Это – хвост и уши осла. За осла же не выходят замуж женщины! Но отвратительная старуха приблизилась к нему и хотела его обнять. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. Когда же наступила восемьсот четырнадцатая ночь, она сказала:

ночь восемьсот четырнадцатая

И тут, сделав над собой нечеловеческое усилие, он вынул голову из бассейна. И увидел себя султан Махмуд посреди тронной залы своего дворца, и по правую руку от себя своего великого визиря, а по левую – чужеземного шейха. И все это печальное приключение длилось ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы погрузить голову в бассейн и снова вынуть ее! И султан не мог заставить себя поверить такому чуду! Но в ту минуту, когда он открыл рот, чтобы спросить объяснения этого странного случая, старец исчез, так что никто не знал, вышел ли он через дверь или улетел в окно. Султан же понял урок своего Господа, и с того времени он изгнал всю печаль из сердца своего. Рассказав эту повесть, Шахразада умолкла, а царь Шахрияр воскликнул: – Какое это назидание для меня! Шахразада же улыбнулась и сказала: – Но оно ничто в сравнении с тем, которое можно извлечь из следующего рассказа. И Шахразада сказала:

Бездонное Сокровище

Рассказывали мне, что халиф Гарун-аль-Рашид имел иногда слабость, – а один Аллах без слабости! – хвастаться, что никто из живых не может сравниться с ним в щедрости и великодушии. И вот однажды великий визирь Джафар пал ниц между руками халифа и, три раза прикоснувшись к земле, сказал ему: – О венец наших голов, прости раба твоего, осмеливающегося возвысить в твоем присутствии свой голос, чтобы напомнить тебе, что главная добродетель правоверного – смирение перед Аллахом и что добродетель эта – единственная вещь, которой может гордиться земное создание. Что же касается восхваления твоей щедрости, то предоставь это твоим подданным, которые непрестанно благодарят небо, даровавшее им родиться под твоею властью. И знай, о господин мой, что есть в городе Басре юноша, который живет с большей пышностью и великолепием, чем самые могущественные цари. Зовут его Абулькасем, и ни один из государей вселенной – и даже сам эмир верующих – не сравнится с ним в щедрости и великодушии! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Когда же наступила восемьсот пятнадцатая ночь, она сказала:

Когда халиф услышал эти слова, глаза его запылали гневом, и он сделал начальнику стражи знак схватить Джафара. И приказание было немедленно исполнено. А после этого Аль-Рашид вышел из залы и, не зная, как успокоить гнев свой, пошел в покои Сетт-Зобейды, супруги своей, которая побледнела от ужаса, увидев, что лицо его чернее тучи. И на ее расспросы, в чем причина такого настроения, он передал Сетт-Зобейде все,

что только что произошло, и жаловался на великого визиря в выражениях, которые дали ей понять, что голова Джафара в большой опасности. И она сначала выразила свое негодование на визиря, позволившего себе такие вольности, а затем прибавила: – Вот случай, когда ты можешь удостовериться в истинности или ложности того, что говорит тебе Джафар! И тогда халиф решил проверить слова визиря, познакомившись с этим Абулькассемом. Он переоделся иракским купцом, наказал своей супруге блюсти в его отсутствие дела государства, вышел из дворца через потайную дверь, покинул Багдад и без помех прибыл в Басру, где остановился в большом купеческом хане. И на следующий день рано утром он вышел из хана и стал прогуливаться по базару. И когда купцы открыли свои лавки, он подошел к одному из них – тому, который показался ему наиболее видным, и попросил его указать ему дорогу к жилищу Абулькассема. Купец же, сильно удивленный, сказал ему: – Из какой далекой страны прибыл ты, что не знаешь жилища господина нашего Абулькассема. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила восемьсот шестнадцатая ночь, она сказала:

ночь восемьсот шестнадцатая

И купец приказал одному из своих мальчиков проводить незнакомца ко двору Абулькассема. И предупрежденный о появлении иностранца хозяин вышел во двор и провел его в залу, где был накрыт стол с деликатными кушаньями. По окончании трапезы он вышел на минуту, а потом возвратился, держа в одной руке палочку амбры, а в другой – маленькое деревцо, ствол которого был из серебра, ветви и листья – из изумруда, а плоды – из рубина. На верхушке дерева сидел павлин необычайной красоты. Абулькассем, поставив деревцо у ног халифа, постучал палочкой по голове павлина, и дивная птица раскрыла крылья, обнаруживая весь блеск своего хвоста, и принялась быстро вертеться. И по мере того, как она вертелась, аромат амбры, алоэ и других благовоний, которые в ней заключались, выходили со всех сторон тонкими струйками, наполняя залу благоуханием. Но вдруг Абулькассем взял деревце и унес его из комнаты. И Гарун сказал сам себе: «Так вот как обходятся хозяева со своими гостями! Кажется, что этот молодой человек не так-то уж великодушен, как это хотел представить Джафар. Должно быть, он испугался, что я попрошу его подарить мне это деревце».

А в это время Абулькассем вернулся в залу в сопровождении маленького раба. В руке он держал чашу, сделанную из цельного рубина и наполненную вином цвета пурпура. Раб подошел к Гаруну и, поцеловав землю между рук его, передал ему чашу. И Гарун взял ее, поднес к губам и осушил до последней капли. Но каково же было его удивление, когда он увидел, что она была все еще полна до краев. При виде этого изумление Гаруна не знало границ. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Когда же наступила восемьсот семнадцатая ночь, она сказала:

ночь восемьсот семнадцатая

Но в это время Абулькассем взял чашу с вином и вынес из залы. А Гарун подумал: «Этому человеку не известны уважение, которое должно оказывать гостю, и хорошие манеры. Он приносит мне все свои редкости, а когда замечает, что мне доставляет удовольствие любоваться ими, он уносит их. Проклятый Джафар!» И в это время он увидел, как хозяин в третий раз входит в залу. И явился он в сопровождении девушки, подобной которой можно найти только в садах Эдема. И вся она была покрыта жемчугом и драгоценностями, и больше ее нарядов красила ее собственная красота. И при виде ее Гарун забыл дерево, павлина и неисчерпаемую чашу и почувствовал, что душа его проникается восторгом. А молодая девушка, отвесив ему глубокий поклон, начала играть на лютне из сандала и эбенового дерева с необычайным искусством. Но лишь только Абулькассем заметил, что гость его в восторге от девушки, он тотчас же взял ее за руку и поспешно вывел из залы. Тогда халиф почувствовал себя оскорбленным до глубины души. Кратко простившись, он покинул дом Абулькассема и дошел до дверей хана. И увидел он на переднем дворе толпу людей, в середине которой стояла девушка с лютней, ребенок с чашей из рубина и мальчик с изумрудным деревом и павлином. И девушка поднесла халифу свиток из шелковой бумаги. И Аль-Рашид развернул его и прочитал следующее: «Мир и благословение да будут над нашим дивным гостем! Соблаговоли остановить свой взор на нескольких, ничего не стоящих предметах, которые посылает твоей милости наша ничтожная рука, и прими их от нас как слабое выражение нашей верности тому, кто посылает свет крову нашему. Впрочем, все исходит от Аллаха, и к Нему же все возвращается!» Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Когда же наступила восемьсот восемнадцатая ночь, она сказала:

ночь восемьсот восемнадцатая

Когда Аль-Рашид постиг смысл этого письма, он воскликнул: – Клянусь Аллахом! Должен сознаться, что я плохо судил об Абулькассеме.

Затем халиф подумал: «Но где мог он добыть подобные богатства? Я должен узнать, как мог он завладеть таким счастьем! И немедленно Аль-Рашид, сгорая от нетерпения, вернулся во дворец Абулькассема. И он сказал ему после обычных приветствий: – О великодушный повелитель

мой! Подарки твои настолько значительны, что я боюсь, приняв их, злоупотребить твоей несравненной щедростью. Позволь же возвратить их тебе! Ибо я опасаюсь, что сокровища твои, как бы они ни были велики, должны же иметь конец! При этих словах Абулькассем улыбнулся и ответил: – Рассей беспокойство твое, о господин мой! Ибо сокровище мое поистине бездонно. И, заметив, что черты его гостя выражают величайшее изумление, он прибавил: – Вижу, что придется мне посвятить тебя в некоторые события из моей жизни и рассказать историю этого бездонного сокровища! Знай же, что я сын крупного ювелира из Каира, которого звали Абделазиз. И отец мой обладал такими богатствами, что, боясь навлечь на них зависть и жадность египетского султана, который был в то время самый необузданный из тиранов, решил расстаться со своей родиной и поселиться в Басре, под безопасной сенью Бани-Аббассов, да ниспошлет им Аллах свое благословение! И отец мой женился на единственной дочери самого богатого купца в городе, и я родился от этого благословенного брака. И ни до меня, ни после меня, никакого другого плода не присоединялось к генеалогии нашей. И таким образом воспользовавшись всем добром отца моего и моей матери после их смерти, – да примет Аллах и их молитвы, – я, еще совсем юный, получил огромное состояние, состоявшее из всякого рода добра и богатств. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Когда же наступила восемьсот девятнадцатая ночь, она сказала:

ночь восемьсот девятнадцатая

Но я любил тратить и расточать деньги, и жил так широко, что менее чем в два года наследство мое было промотано. И очутившись в положении полного разорения, решил я, что мне следует покинуть мой родной город. Я продал дом свой, присоединился к купеческому каравану, пересек с ним пустыню и очутился в Каире, колыбели нашего семейства. И когда я прогуливался по берегу Нила позади дворца султана, вдруг у одного окна показалась восхитительная головка молодой женщины, которая приковала к себе мой взгляд. Но она тотчас исчезла, и я должен был, в конце концов, удалиться и провести ночь в хане, в котором я остановился. На следующий день я возвратился на то же место. И каково же было мое волнение, когда я увидел, как решетка окна открывается, чтобы пропустить полный месяц ее лица! И я поспешно сказал: – О повелительница, я иностранец, который только что прибыл в Каир, и красота твоя освятила приезд мой в этот город! А молодая женщина ответила мне дрожащим голосом: – Вернись около полуночи! А теперь скорее беги! И она исчезла, оставив меня в состоянии величайшего изумления и радости. И в ту минуту забыл я о разорении своем. Подойдя же ко дворцу во мраке ночи, я нашел шелковую лестницу, взобравшись по которой я проник через окно в комнату, где лежала на ложе та, которую я искал. И выслушав торопливый рассказ мой, она сказала голосом более сладким, чем леденец: – Знай же, о Абулькассем, что я – любимая

Leon Carré

супруга султана Сетт-Лабиба. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Когда же наступила восемьсот двадцатая ночь, она сказала:

ночь восемьсот двадцатая

Но несмотря на роскошь, в которой я живу, я несчастлива. Я окружена завистливыми соперницами, готовыми погубить меня, а султан не может удовлетворить меня, ибо Аллах, который распределяет силу даже между петухами, забыл его при распределении. И вот почему, увидев тебя под моим окном и заметив, что ты полон мужества и презираешь опасность, я позвала тебя для испытания! Услыхав это, я увидел, что мне остается только действовать, не теряя времени на стихи, которые принято петь при таких обстоятельствах. Но в ту минуту, когда руки наши соединились, дверь комнаты распахнулась, и в нее вошел султан в сопровождении своих евнухов. И прежде, чем я успел отдать себе отчет в случившемся, я почувствовал на себе страшные черные руки. Евнухи потащили меня к одному окну, а Сетт-Лабибу к другому окну. И все руки одновременно выпустили свою ношу, бросив нас с высоты дворца в Нил.

Но судьбе было угодно, чтобы я избегнул смерти утопленника. Я смог выплыть на поверхность воды и достигнуть берега. Но Сетт-Лабибу найти мне не удалось и, оплакивая ее смерть и мучась угрызениями совести, я вернулся в Багдад, город мира. А так как из денег остался у меня один динарий, я купил плетеный лоток душистых яблок, сухого варенья и роз. И торговля пошла у меня недурно, так как у меня был хороший голос. И однажды владелец лучшей лавки на базаре, выбрав яблоко с моего лотка, пригласил меня присесть рядом с собой. И он стал спрашивать меня, кто я такой и как меня зовут. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Когда же наступила восемьсот двадцать первая ночь, она сказала:

ночь восемьсот двадцать первая

Я же ответил: – О господин мой, разреши мне умолчать о вещах, воспоминания о которых растравляют раны, начинающие уже залечиваться временем. И он тотчас же переменил разговор, а прощаясь, вложил мне в руку десять золотых динариев и обнял меня, как отец обнимает сына.

На следующий день мой благодетель вновь усадил меня рядом с собой и с таким участием попросил рассказать ему

Léon Carré

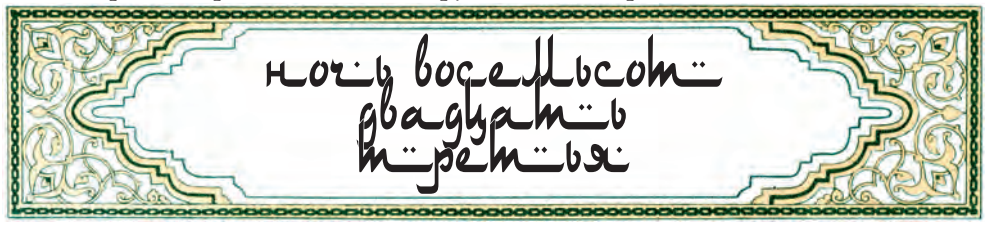
мою историю, что на этот раз я не мог отказаться. И после того, как я кончил свою исповедь, он сказал мне с волнением в голосе: – О сын мой, во мне ты найдешь отца, более богатого, чем Абделазиз, так как у меня нет надежды иметь детей, то я усыновляю тебя! Завтра мы отправимся в Басру, где я буду жить с тобою, о дитя мое! И меня так тронули чувства, которые он выказывал мне, что, несмотря на разницу в летах, я искренно полюбил его. Однако через год покровитель мой заболел, и все врачи потеряли надежду на его излечение. И тогда он сказал мне: – Знай, что ты становишься полновластным хозяином всех моих богатств. Будь счастлив! И, произнеся эти слова, он скончался в мире. И я вступил во владение всем его состоянием и, не откладывая, пошел осмотреть его сокровища. И к изумлению своему я увидел, что покойный отец мой не преувеличил его ценности. И казалось соседям непостижимым, как могу я увеличивать свое состояние, расточая его, в особенности когда они увидели, что я содержу на свои средства всех проезжающих через Басру иностранцев, обставляя их, как царей. И по городу распространился слух, что я нашел сокровище, и это пробудило алчность властей. Но я стал платить должностным лицам ежедневное вознаграждение, и они позволили мне вести ту широкую жизнь, для которой я родился. И когда халиф спросил об источнике неиссякаемого богатства, хозяин с его позволения надел ему на глаза повязку и свел по потаенной лестнице в глубокое подземелье. Там он снял повязку и показал халифу бассейн из алебастра, наполненный слитками золота и всевозможными драгоценностями. И по краю красовалась надпись: «Да не боится владелец этого сокровища черпать его: оно никогда не придет к концу». И, вернувшись во дворец с повязкой на глазах, халиф сказал своему проводнику... Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот двадцать вторая ночь, она сказала:

ночь восемьсот двадцать вторая

господин мой, ты, конечно, человек не только самый богатый на земле, но, вероятно, и самый счастливый. А тот ответил: – Но у меня не выходит из головы моя возлюбленная, погибшая в водах Нила! И халиф удивился постоянству его чувств и обещал приложить все усилия, чтоб преодолеть его скорбь. Вернувшись в Багдад, халиф помиловал своего визиря, а тот посоветовал ему в благодарность за прием и щедрость Абулькассема пригласить его в свой дворец и назначить царем Басры. И когда Абулькассем прибыл в Багдад, в тронную залу, где встречал его халиф, вошла рабыня-певица. И Абулькассем увидав ее, испустил громкий крик. Ибо то была Сетт-Лабиба, которую рыбак вытащил из вод Нила и продал торговцам невольниками. И халиф милостиво отпустил ее, а Абулькассем взял ее в жены и жил с нею в радости, пока не пришла Разрушительница всех наслаждений. Но я не думаю, о царь, – продолжила Шахразада, – что эта история столь же удивительна как та, которую я хочу тебе рассказать! И она сказала:

Сложная история привлекательного незаконнорожденного

Говорят, что в одном городе жили три ловких друга. Каждый день сходились они в одной из комнат уединенного хана, где сговаривались о своих проделках и потребляли гашиш, который оживлял их ум и делал их удивительно находчивыми. И вот однажды гашиш побудил их к проделке беспримерной дерзости. Они отправились утром в сад, окружавший дворец султана, и принялись громко браниться, кидая друг другу самые ужасные проклятия. Султан же, услышав эти крики, приказал привести их к себе и спросил о причине их ссоры. Тогда первый из друзей, поцеловав землю между его рук, ответил: – Мы спорили о достоинствах наших профессий. Что до меня, то я занимаюсь лапидарной генеалогией. И чрезвычайно удивленный султан воскликнул: – Клянусь Аллахом! У тебя скорее вид мерзавца, чем ученого. Но не объяснишь ли ты мне, в чем заключается эта лапидарная генеалогия? Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот двадцать третья ночь, она сказала:



И тот ответил: – Это наука отличать поддельные драгоценные камни, распознавая их с помощью зрения и осязания. И султан вскричал: – Что за удивительные вещи! Тогда второй человек поцеловал землю между рук султана и сказал: – Что касается меня, о царь времен, то я занимаюсь генеалогией лошадей. И все согласны считать меня человеком, наиболее сведущим среди арабов в распознавании породы и

происхождении коней. И я могу определить скрытые болезни коня и сказать, отчего умерли его отец, его мать и все предки его до пятого восходящего колена. И я могу излечивать конские болезни, считающиеся неизлечимыми, и поставить на ноги лошадь, находящуюся в агонии. Сказав это, он скромно опустил глаза, склоняясь перед султаном. Тогда третий потребитель гашиша, воздав дань уважения султану, сказал: – О царь времен, моя же профессия, бесспорно, наиболее благородная и трудная; я генеалог человеческого рода. Бросив взгляд на человека, я могу сказать, законный ли он сын или незаконный, и открыть ему происхождение всех членов его семьи.

Тогда крайне изумленный царь сказал: – Клянусь Аллахом! Если уверения этого третьего справедливы, он, без сомнения, наиболее выдающийся ученый всех времен. Но я желаю удержать этих трех генеалогов у себя во дворце, пока не представится случай, который дозволит нам испытать удивительные их познания. А если их притязания выражены ими без всякого основания, то их ожидает кол! Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот двадцать четвертая ночь, она сказала:

ночь восемьсот двадцать четвертая

И вскоре такой случай не замедлил представиться. Соседний царь прислал султану подарки, среди которых был драгоценный камень необычайной красоты и белизны. И султан послал за определителем камней, а тот протянул свой мизинец и коснулся камня. Но в ту же минуту он отскочил и начал трясти свою руку, как будто она была обожжена, и сказал: – О господин мой, этот камень содержит червя в своей сердцевине! При этих словах султан почувствовал, что ярость наполняет его нос, и хотел уже позвал палача – сажателя на кол. Однако великий визирь султана сказал на это: – О царь времен! Жизнь человека, каков бы он ни был, более драгоценна, чем самый драгоценный камень, и весит гораздо больше на весах Воздаятеля! Поэтому было бы лучше получить доказательства внутренней порчи этого камня. И когда султан согласился с этим, камень был переломлен пополам, царь и все присутствующие дошли до пределов изумления, увидев, как из сердцевины камня вышел какой-то белый червь. И этот червь, очутившись на воздухе, загорелся сам собою и исчез, не оставив ни малейшего следа своего существования. И султан отменил казнь и велел давать знатоку камней хлеба и мяса вдвое против положенного.

Через несколько дней после этого происшествия султан получил от главы могущественного аравийского племени в знак покорности каракового коня дивной красоты. И он послал за знатоком коней и спросил его: – О человек, готов ли ты к тому, чтобы мы испытали твою науку о происхождении и породе коней? И второй генеалог отвечал: – Конечно, о царь времен! И султан воскликнул: – Привести сюда коня и поставить перед генеалогом! И когда благородное животное предстало перед ним, генеалог

бросил на него только один взгляд, а потом он искривил свое лицо, улыбнулся и сказал султану: – Я видел и знаю! Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот двадцать пятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот двадцать пятая

И султан спросил его: – Что же ты знаешь и видел? И генеалог отвечал: – Я видел, о царь времен, что конь этот действительно редкой красоты и великолепной породы, что пропорции его гармоничны и движения его полны благородства, что сила его очень велика и что в действии он идеален. И без всякого сомнения это животное было бы первым конем на земле, если бы у него не было одного порока, который только что открыли мои глаза. Этот конь чистой и подлинной породы только по его отцу, но мать этого гордого животного не кобыла, но самка морского буйвола! При этих словах генеалога султан разгневался до пределов гнева и сделал знак палачу – сажателю на кол, говоря ему: – Проткни этого генеалога! Но великий визирь – человек, одаренный чувством справедливости, начал умолять царя повременить с казнью, говоря ему: – О повелитель мой, не лучше ли было бы позвать сюда человека, который привел этого коня от глав арабских племен. Пусть он передаст нам футляр, содержащий акты о рождении этого коня, свидетельствующие о его породе и его происхождении. И султан сказал: – Не вижу в этом никакого затруднения! И он приказал привести хранителя футляра, о котором шла речь. Когда же хранитель предстал между рук царя и понял, чего от него требуют, он ответил... Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила восемьсот двадцать шестая ночь, она сказала:

ночь восемьсот двадцать шестая

В от этот футляр! И он вытащил из-за пазухи медный футляр искусной работы и передал его султану. А тот развязал шнурки и вынул пергамент, в котором утверждалось, что жеребенок этот имел отцом жеребца чистой крови, а матерью – самку морского буйвола, которую жеребец познал, проходя однажды по берегу моря. Далее говорилось, что эта самка, будучи поймана, по истечении определенного срока принесла каракового жеребенка и что она кормила его в течение одного года. И когда султан узнал это, он был крайне озадачен. Он приказал палачу-сажателю отпустить знатока

коней и спросил его, как тот узнал о происхождении жеребца. И второй любитель гашиша ответил: – Мне было достаточно взглянуть на копыта этого коня, ведь они раздвоены, как у буйвола! Тогда султан сказал: – Аллах всемогущ! И он приказал служителям выдавать ученому генеалогу мяса и лепешек вдвое против положенных. Тогда султан сказал себе: «Клянусь Аллахом, должно быть третий негодяй еще более достоин удивления!» И он приказал привести его и сказал: – Ступай за мной! И он повел его в свой гарем, привел в помещение, занимаемое временной фавориткой, и сказал: – Поцелуй землю в присутствии твоей госпожи и посмотри на нее, чтобы сказать мне потом, что ты увидел! И потребитель гашиша ответил султану: – Я уже исследовал ее, бросив на нее один лишь взгляд. Тогда султан пришел с генеалогом в тронную залу, приказал всем выйти и сказал: – Теперь я хочу, чтобы ты рассказал мне, что ты открыл относительно происхождения твоей госпожи, моей фаворитки. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот двадцать седьмая ночь, она сказала:

ночь восемьсот двадцать седьмая

И генеалог, приняв скрытный вид, отвечал: – Клянусь жизнью моего господина, эта дама была бы наиболее совершенным из творений Аллаха, если бы у нее не было одного недостатка. Ее мать была публичная танцовщица бродячего племени Газийа! При этих словах ярость султана дошла до такого напряжения, что крики застряли в глубине его горла. Но вскоре он смог объясниться и приказал своему визирю привести отца фаворитки, управителя царского дворца. И когда тот явился, он закричал ему: – Видишь этот кол? Если не хочешь оказаться на его вершине, расскажи мне истину о рождении моей фаворитки! И управитель дворца сказал: – Знай, о господин мой, что в юности я сопровождал караваны, которые платили мне оброк за проход по территории моего племени. И однажды мимо проходил отряд женщин племени Газийа, дочери которого занимаются проституцией с сынами пустыни. Они оставались среди нас несколько дней, а после их отбытия я заметил под деревом маленькую девочку, мать которой покинула ее в нашем оазисе. И я доверил девочку матери моих детей, которая воспитывала ее, как если бы она была собственная ее дочь. Услыхав это, султан спросил генеалога: – Как же мог ты разгадать это, о ученый? А тот ответил: – У всех женщин племени Газийа, как и у твоей фаворитки, брови очень густы и сходятся у переносицы! Тогда удивленный султан выказал генеалогу свое благоволение. Он бросил ему платок охраны и сказал: – Теперь я очень хотел бы услышать, что ты можешь сказать о моем происхождении и о происхождении царственного моего рода! Клянусь моей головой, обещаю тебе неприкосновенность, что бы ты ни сказал мне! И генеалог поднял платок охраны и сказал: – Среди благословенных имен Аллаха Всемогущего есть одно прозвание: Сокрыватель, ибо Он любит скрывать под покровом тайны вещи, разглашение

которых вредно! Знай же, о царь времен, что ты незаконный сын и низкого происхождения! Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот двадцать восьмая ночь, она сказала:

ночь восемьсот двадцать восьмая

Услыхав эти ужасные слова, султан уподобился пьяному без вина. Наконец, он пришел в себя, бросился с саблей в руке в покои султанши-матери и закричал ей: – Скажи мне, сын ли я султана, отца моего? Говори, иначе я изрублю тебя этой саблей в мельчайшие куски! И запуганная султанша-мать отвечала: – Тогда я скажу тебе, что ты несомненный сын повара. Султан, которого ты до сих пор считал своим отцом, взял меня в супруги, но Аллах не благословил его плодовитостью. И он взял себе вторую супругу, но и ее Аллах не благословил плодовитостью. И тогда я обратила внимание на повара султана, который был вполне пригоден для осуществления моего намерения. Я сделала ему знак войти через потайную дверь, и лишь он кончил свое дело, я вонзила в его сердце кинжал и приказала верным своим прислужницам тайно закопать его в яму, вырытую в саду. И девять месяцев спустя я принесла тебя в мир здорового, каким ты остаешься и до настоящего времени. И рождение твое очень обрадовало султана, к которому вернулись и здоровье, и аппетит. Такова истина о твоем происхождении.

Услышав этот рассказ, султан ушел плача от своей матери. И он спросил генеалога: – Как мог ты открыть, что я незаконнорожденный? И генеалог отвечал: – О господин мой, я понял, что ты сын повара, когда вместо вознаграждения за заслуги наши ты повелел назначать нам хлеба и мяса вдвое против обыкновенного! Тогда султан снял с себя одежды и знаки царского своего достоинства, надел их на генеалога, призвал своих визирей и представил им нового их законного владыку. Тут Шахразада умолкла, а царь Шахрияр сказал: – Да будут прокляты Аллахом неверные жены! Хотя я начинаю думать, что ты, быть может, и не такая, как все те бесстыжие, с которых я снял головы! И Шахразада склонилась перед суровым царем и сказала: – Да продлит Аллах жизнь нашего повелителя и да дозволит мне прожить до завтрашнего дня, чтобы рассказать о том, что случилось с симпатичным незаконнорожденным! И, сказав это, она умолкла. А когда наступила восемьсот двадцать девятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот двадцать девятая

тказавшись от престола и передав свою власть в руки третьего генеалога, бывший султан облекся в платье дервиша, пустился в путь и вскоре прибыл в великолепный город Каир. Прогуливаясь по его улицам, бывший султан чувствовал себя счастливым под своими одеждами дервиша, будучи свободным от забот и тягостей власти. Подойдя ко дворцу самого султана Каира, которым тогда был султан Махмуд, и опершись на свой посох дервиша, он предался размышлениям о жизни, протекавшей в этом внушительном жилище царя страны, и о множестве занятий, беспокойств и всевозможных забот, в которые постоянно была погружена эта жизнь. И как раз в это время султан, возвращаясь с охоты, вступал в свой дворец. И он заметил дервиша, опирающегося на свой посох, и был поражен благородной осанкой его и одухотворенным видом. И он сказал себе: «Клянусь Аллахом, вот первый дервиш, который не побирается, проходя мимо богатых господ. Без всякого сомнения, история его должна быть необыкновенной!» И он послал к нему одного из господ своей свиты, чтобы пригласить войти во дворец, так как он желал побеседовать с ним. И дервиш не мог сделать ничего иного, как только повиноваться и исполнить просьбу султана.

И султан Махмуд приветливо принял его и стал расспрашивать об истории его. И дервиш отвечал: – Воспоминания мои полны и горечи, и сладости. Но позволь мне не передавать их в обществе других! И султан Махмуд сошел к дервишу и, взяв его за руку, отвел в отдаленную залу, где заперся вместе с ним и сказал: – Теперь ты можешь говорить без всякого опасение, о дервиш! Тогда прежний султан, усевшись на ковре перед лицом султана Махмуда, сказал: – Аллах велик! Вот моя история. И он рассказал все, что с ним произошло, от начала и до конца, не упуская ни одной подробности: и как он отказался от престола, и как он преобразился в дервиша, чтобы, странствуя, забыть о своих несчастиях. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила восемьсот тридцатая ночь, она сказала:

ночь восемьсот тридцатая

Когда же султан Махмуд услышал о приключениях предполагаемого дервиша, он бросился ему на шею с открытым сердцем, облобызал его и сказал: – Слава Тому, Кто низводит и поднимает, Кто уничижает и возвеличивает! Поистине, о мой брат, твоя история есть великая история! Да возблагодарится тебе за то, что ты облагородил ею мой слух и обогатил мой разум. Я бы желал быть твоим другом! И когда султан-дервиш с растроганным сердцем принял это дружеское предложение, султан Махмуд прибавил: – О друг мой, знай, что и в моей жизни была одна история. И я хочу без промедления рассказать ее тебе, чтобы ты знал с самого начала нашей дружбы, кем я был! И султан Махмуд рассказал султану-дервишу следующее:

ИСТОРИЯ ОБЕЗЬЯНЫ-ЮНОШИ

Знай, о мой брат, что начало моей жизни совершенно подобно концу твоей. Ибо я был рожден от крайне бедного отца – поливателя улиц. Целыми днями он носил на своей спине козий мех с водою и, склоняясь под своей ношей, поливал землю перед лавками и домами за крайне скудную плату. И когда мой отец скончался по милосердию своего Господа, всем богатством моим оказался козий мех для поливки. Но спина сына не всегда столь же крепка, как спина его отца, и вскоре я вынужден был – так был тяжел большой отцовский мех – отказаться от тяжкого труда поливки улиц, чтобы не видеть себя горбатым. И, не имея ни имущества, ни состояния, я сделался нищим-дервишем и протягивал руку прохожим во дворах мечетей и в общественных местах. И я жил жизнью бедняка в нищете и убожестве, не зная никаких удовольствий существования. Но однажды щедрый господин подал мне в день его свадьбы пять драхм. И я, зажав их в руке, побежал на главный базар, приглядываясь глазами и принюхиваясь носом по всем сторонам. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила восемьсот тридцать первая ночь, она сказала:

ночь восемьсот тридцать первая

И увидел я на базаре толпу людей, собравшихся вокруг человека, который вел на цепи большую молодую обезьяну с розовым задом. Она делала глазами, лицом и руками знаки всем окружающим с очевидной целью получить фисташек, гороха и орехов. И я, увидав эту обезьяну, сказал себе: «Кто знает, не привязана ли твоя участь к шее этой обезьяны? Не стоит ли купить эту обезьяну, чтобы потом показывать ее и верным образом зарабатывать себе ежедневное пропитание?» И после недолгого торга я купил обезьяну у ее хозяина за пять звонких драхм. Но я не мог прийти вместе с нею во двор мечети, где я жил на открытом воздухе, и потому я направился к старому полуразрушенному дому, чтобы там провести ночь со своей обезьяной. И когда голод начал терзать меня и я уже начал сожалеть о своей покупке, вдруг увидел, что моя обезьяна встряхнулась и обратилась в прекрасного юношу. И я воскликнул: – Клянусь Аллахом! Что это значит, и кто ты? И юноша ответил: – О Махмуд, не задавай мне никаких вопросов. Возьми лучше этот золотой динарий и купи всего, что необходимо для нашего угощения. И знай, Махмуд, что твоя судьба действительно, как ты и думал, привязана к моей шее, и что я явился, чтобы принести тебе счастье и благоденствие. И я тотчас же исполнил его приказание, и мы принялись за нашу трапезу наивысшего достоинства, первую в этом роде от моего рождения. И когда наступила ночь, мы улеглись рядом друг с другом. А наутро юноша разбудил меня и сказал: – Пора теперь тебе пойти купить для нас какой-нибудь дворец. И ты можешь тратить деньги без всякого опасения, покупая мебель и самые дорогие ковры. И сходи в гамам, чтобы помыться и улучшить свою внешность,

и купи себе подобающую одежду вместо лохмотьев. И не думай о деньгах: у нас их больше, чем у султанов. И я отвечал, что слушаю и повинуюсь, и поспешил принять великолепную ванну, и вышел из гамама освеженным, надушенным и похорошевшим. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот тридцать вторая ночь, она сказала:

ночь восемьсот тридцать вторая

И когда юноша увидел меня облеченным в роскошные одежды, он похлопал меня по плечу и сказал: – Теперь возьми этот сверток и иди просить в жены дочь султана Каира! Ибо это начертано в твоей судьбе! И без всякого колебания отправился я к дворцу султана. Стражи дворца, увидав, что я одет с таким великолепием, попросили от моего имени аудиенции, и вскоре я вручил султану сверток. Развернув его, он увидел там драгоценные вещи: ожерелья и разные украшения неслыханного великолепия. Удивленный, он вскрикнул от красоты этого подарка и сказал мне: – Я принимаю его! Но поторопись изложить мне, в чем состоит твое желание! И я ответил: – О царь времен, мое желание состоит в том, чтобы породниться с тобою при посредстве этой жемчужины, этого нераспустившегося цветка, этой нетронутой девы, закрытой покрывалами, – твоей дочери! И султан некоторое время внимательно смотрел на меня, а потом ответил мне: – Тому нет никаких препятствий!

Однако великий визирь, склонившись к султану, сказал: – О царь времен, быть может, следовало бы потребовать кроме этого подарка другого доказательства его могущества? Покажи ему самый прекрасный алмаз твоей сокровищницы и обещай отдать ему твою дочь под условием, что он представит в виде свадебного подарка алмаз такой же ценности. И султан принял этот совет, и я старательно рассмотрел камень, поворачивая его во всех направлениях, и запечатлел его в своем глазу. Потом я откланялся, испросив разрешения прийти на следующий день. И я возвратился к юноше и сообщил ему обо всем, что было, и описал ему камень, как если бы держал его между своими пальцами. И он сказал мне: – Это очень нетрудно! Сегодня уже слишком поздно, но завтра я дам тебе десять алмазов подобных тому, который ты описал мне! Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот тридцать третья ночь, она сказала:

ночь восемьсот тридцать третья

Утром юноша принес мне десять алмазов, по красоте совершенно равных алмазу султана. И я преподнес их султану, сказав ему: – О господин мой! Я не решился представить тебе один алмаз, предоставляю тебе выбрать его из десяти! И султан был поражен этим, и, когда он пришел в себя от удивления, сделал распоряжение, чтобы начались приготовления к свадьбе. И после того, как был написан брачный договор, юноша сказал мне: – Махмуд! Я хочу, чтобы ты не довершал брака прежде, чем я дам тебе разрешение на это! И я ответил: – Слушаю и повинуюсь! И всю ночь вместо того, чтобы делать то, что делает обыкновенно в подобном случае супруг, я просидел в углу комнаты вопреки моему желанию. И я провел так и вторую ночь, и третью ночь, и, когда мать моей жены по обычаю справлялась, как была проведена ночь, моя жена отвечала: – Не сделано еще ничего!

И когда об этом узнал султан, он воскликнул: – Если он не лишит ее девственности, я обезглавлю его! И когда я поставил юношу в известность о положении вещей, он сказал: – Момент наступил! Теперь ты должен потребовать у жены отдать тебе браслет, который она носит на правой руке. Ты возьмешь его и тотчас же принесешь его мне. После этого тебе дозволяется сочетаться с нею и удовлетворить ее мать и отца. И когда с наступлением ночи я изложил супруге свою просьбу, она сказала: – Я с удовольствием сделаю это, но я не знаю, к чему может послужить переход в твои руки этого браслета-амулета, который подарила мне моя кормилица, когда я еще была ребенком. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот тридцать четвертая ночь, она сказала:

ночь восемьсот тридцать четвертая

Говоря так, она сняла со своей руки браслет и отдала его мне, а я вышел и передал его моему другу. Но когда я вернулся к моей жене, комната рассеялись, и я увидел, что лежу полуголый среди развалин дома, куда я привел купленную обезьяну. И я подумал: «Грезишь ты или ты действительно нищий дервиш?» И я принялся блуждать, не соображая, куда иду, и вскоре увидел сидящего на маленьком ковре магрибина. Он внимательно посмотрел на меня, начертил на песке какие-то знаки и сказал – О бедняга, обезьяна, которую ты купил – злой джин, воспылавший страстью к дочери султана. А приблизиться к ней ему мешал браслет-талисман, который ты сам теперь отдал ему в руки. Но не сомневайся в величии твоей судьбы; вот тебе записка, которая исполнит все твои желания! При этих словах магрибина я увидел себя ночью в безводной пустыне. Ко мне приближались сотни рук с факелами. И увидел я царя на троне, окруженного множеством огней. И он спросил меня: – Где записка друга моего магрибина? И я передал ему записку, а он прочитал ее и воскликнул: – Эй, Атраш, лети в Каир и тотчас же приведи этого джина

сюда! И гонец повиновался, исчез и вскоре возвратился вместе со скованным юношей, который теперь был страшен и безобразен на вид. И царь закричал ему: – Отдай сейчас же браслет-талисман этому сыну Адама! Но джин, эта упрямая свинья, раскрыл свою пасть, точно печь, бросил туда браслет и проглотил его. Тогда ночной царь простер руку, схватил джина за загривок и, завертев им точно пращей, швырнул его на землю, закричав: – Вот тебе наука! Потом он приказал одной из рук, несших факелы, извлечь браслет изнутри этого безжизненного тела и передать его мне. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот тридцать пятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот тридцать пятая

И лишь только браслет очутился между моими пальцами, я увидел, что опять одет в богатые одежды и нахожусь в покое моей жены. И я лег рядом с нею, а все остальное тайна мусульманской веры, о брат мой. И с тех пор мы жили в мире, согласии и гармонии. Но через некоторое время отец моей жены скончался, не оставив наследника. А так как я был женат на его дочери, то я наследовал его трон! А теперь, когда я открылся перед тобою, я назначаю тебя моим великим визирем! И султан Махмуд созвал эмиров и вельмож своего царства, и указал им на султана-дервиша как на своего великого визиря, и сам надел на него великолепную почетную одежду, и вручил ему печать правления, сделавшись неразлучным его компаньоном и испытанным другом.

И вот однажды, когда дух султана Махмуда был стеснен, друг его визирь сказал ему: – О царь времен, созерцание внешнего мира может воздействовать на настроение. Что скажешь ты о посещении убежища для умалишенных? Быть может, посещение этого места облегчит твою печаль? И султан согласился на это и без свиты явился с визирем своим в дом умалишенных. И встретивший их ключник сказал: – О царь времен, я могу показать тебе трех сумасшедших, которые были приведены сюда лицами высокого звания с запрещением показывать их кому бы то ни было. Но ничто не может быть скрыто от господина нашего султана! Без всякого сомнения, это великие ученые, ибо они все время читают книги! И он повел султана и визиря к отдаленному павильону, и ввел их в него, а сам почтительно удалился. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот тридцать шестая ночь, она сказала:

ночь восемьсот тридцать шестая

Léon Carré

Там султан Махмуд и его визирь увидели трех молодых людей, прикованных к стене. Все трое были хороши собою, прекрасно сложены и не имели никаких признаков безумия или помешательства. И султан спросил их: – Действительно ли по причине сумасшествия вы заключены здесь? И они отвечали: – Клянемся Аллахом, мы не безумные и не слабоумные, но наши истории необыкновенны! Тогда султан с визирем уселись и сказали: – Наше внимание готово! И первый юноша сказал:

РАССКАЗ ПЕРВОГО СУМАСШЕДШЕГО

Я был купцом на базаре шелковых изделий. И однажды ко мне вошла старая дама и после обычных приветствий купила у меня кусок индийской ткани высшего качества за пятьсот золотых динариев. И на другой день она пришла опять и купила другой кусок материи, заплатив за него тоже пятьсот золотых динариев. И так она поступала пятнадцать дней, расплачиваясь с той же правильностью. А на шестнадцатый день она, выбрав новый кусок материи, заметила, что забыла дома кошелек. И я сказал ей: – Если ты пожелаешь, принеси деньги завтра. Но она сказала, что не возьмет товар, за который не заплатила, я же со своей стороны повторял ей: – Ты можешь унести его в знак дружбы. Наконец, она сказала: – Было бы проще, если бы ты пошел вместе со мною в мой дом, и получил бы там следуемое за твой товар. И я запер лавку и последовал за нею. И когда мы пришли к улице с ее домом, она вынула из-за пазухи платок и сказала: – Необходимо, чтобы ты повязал его на глаза. На этой улице в передних комнатах домов сидят женщины с открытыми лицами, и может случиться, что взор твой упадет на одну из них, и сердце твое впутается в любовные дела, и твоя жизнь будет истерзана! Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот тридцать седьмая ночь, она сказала:

ночь восемьсот тридцать седьмая

И я согласился на ее требование. Когда же она сняла платок, я увидел, что нахожусь в жилище, обставленном с роскошью царских дворцов. В залу, где я очутился, начали парами входить подобные лунам молодые девушки, и между ними шла одна, поистине ослепительная в красоте своей. Улыбнувшись мне, она сказала: – О молодой человек, не думаешь ли ты, что я могла бы стать твоей женой? Отгони от своей души всякий страх и отвечай мне со всей искренностью, потому что сердце мое до краев наполнено любовью к тебе! И знай, что приданое и выкуп уже уплачены; тебе нечего заботиться о них! И я, ответив согласием, спросил себя: «Бодрствуешь ты или грезишь?» Но кади и свидетели не замедлили явиться, и мы немедленно были обвенчаны! И свершилось то, что должно было свершиться, и мы встали с нашего ложа только для утренней молитвы. И так прошло двадцать ночей, во время

Léon Carré

которых мы доходили до пределов опьянения и блаженства. А потом моя жена дала мне согласие на свободный уход из дому, и я стал снова ходить в свою лавку. Но когда наступал вечер, старуха каждый раз завязывала мне глаза и провожала меня к супруге моей. И эта полная наслаждений жизнь длилась три месяца. Но однажды, терзаемый любопытством, я спросил одну из черных рабынь моей жены: – Скажи мне, что ты знаешь о своей госпоже, и слова твои я оставлю в самом темном углу моей памяти! И юная негритянка, дрожа от ужаса, отвечала мне: – О господин мой, история моей госпожи совершенно необыкновенна, но я боюсь, что если открою ее тебе, то буду неизбежно предана смерти! Тогда я предоставил ей идти своим путем и вернулся к своей супруге. И моя жизнь снова потекла среди страстных наслаждений. Но вот однажды, сидя в своей лавке, я заметил на улице молодую девушку под вуалью. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот тридцать восьмая ночь, она сказала:

ночь восемьсот тридцать восьмая

на посмотрела на меня и сказала: – О господин мой, не желаешь ли купить золотого петушка, украшенного алмазами и драгоценными камнями? И я ответил: – Мне не нужна эта безделка, но, чтобы доставить тебе удовольствие, я предлагаю тебе за нее сто динариев. Но когда я хотел отдать их молодой девушке, она сказала: – Они не принесут мне никакой пользы, и я не хочу никакой платы, лишь дай мне один раз поцеловать тебя в щеку! И я согласился, подумав: «Один поцелуй в щеку за вещь, которая стоит больше тысячи динариев, это очень выгодная цена!» Однако вместо деликатного поцелуя девушка укусила меня до крови. И когда я вернулся к своей жене, я увидел, что она сидит с нахмуренными бровями и с бледным лицом. И по ее знаку в залу вступили четыре рабыни. Они несли тело молодой девушки, у которой голова была отрублена и поставлена на середину ее тела. И я тотчас же признал в ней голову молодой девушки, которая отдала мне драгоценную вещь в обмен за один укус. И это зрелище так подействовало на меня, что я лишился сознания. Когда же я пришел в себя, то увидел себя в этом доме для умалишенных...

Когда султан выслушал эту историю, он сказал своему визирю: – Теперь я не успокоюсь, пока не разыщу молодую девушку, которая вышла замуж за этого юношу. Мы освободим его и найдем с его помощью поворот в улицу, у которого старуха обыкновенно завязывала ему глаза. Он отсчитает нужное количество шагов, и так мы найдем дом, в котором с него снимали повязку! И тогда Аллах укажет, как нам поступить далее в столь щекотливом деле. И когда мы совершили все это и подошли к искомому дому, султан вскричал: – Но в этом доме живет супруга из числа супруг прежнего султана Каира; того самого, который оставил мне трон, не имея потомков мужеского пола! И она живет здесь со своей дочерью, которая, должно быть, и есть как раз та самая молодая девушка, которая

сочеталась браком с этим молодым человеком! Поспешим же войти, чтобы видеть продолжение всего этого. И он постучал железным кольцом в дверь, и тотчас же она была отперта евнухами, которые узнали султана и молодого человека, супруга их госпожи. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот тридцать девятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот тридцать девятая

И молодая женщина вышла в приемную залу, чтобы выразить свое почтение султану. А он сказал ей: – Да убережет меня Аллах от того, чтобы делать тебе упреки в твоем поведении. Клянусь заслугами твоего отца, что твой супруг не совершил никакого нарушения супружеской верности. И без того уже он слишком жестоко наказан за свою минутную слабость! Надеюсь, что моя просьба не встретит с твоей стороны отказа! И молодая женщина отвечала: – Желания господина нашего султана для нас приказания! И султан, обрадовавшись такому решению, вернулся вместе с визирем и первым молодым человеком в дом для умалишенных, чтобы выслушать историю второго сумасшедшего, который рассказал следующее:

РАССКАЗ ВТОРОГО СУМАСШЕДШЕГО

Знайте, что я также купец, и я продавал женам богатых господ украшения всех видов и сортов. В ту пору мне было не более шестнадцати лет, и я придерживался предписаний Корана и никогда не поднимал глаз ни на одну из дочерей мусульман. Но вот однажды в мою лавку вошла маленькая негритянка. Она вытащила из-за пазухи записку и протянула мне ее со словами: – Это вам от моей госпожи! Я же, прочитав ее, понял, что это стихотворное объяснение в любви. Усмотрев в этом покушение вовлечь меня в какое-нибудь опасное похождение, я разорвал записку и выгнал маленькую негритянку из моей лавки. Но теперь я вижу, насколько мое поведение было невежливо, малодушно и грубо. Но со времени этого происшествия прошли месяцы и годы, и я узнал женщин и все последующее. И однажды я увидел, что к моей лавке подходит посреди пяти или шести рабынь юная дева любви, в драгоценных уборах, блистающая золотом и камнями, с руками, выкрашенными лавсонией, и с косами, ниспадающими на плечи. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот сороковая ночь, она сказала:

ночь восемьсот сороковая

на приблизилась во всей своей грации, вошла в мою лавку и сказала мне: – О молодой человек, найдутся ли у тебя золотые ожерелья и нагрудники? И я поспешил принести ей все, что было у меня самого богатого и самого тонкого из ожерелий и золотых нагрудников. И одна из рабынь осторожно приоткрыла шею и две груди своей госпожи. Две округлые и упругие, они показались на ослепительной белизне ее тела. И они казались висящими на мраморной шее, как два близнеца на шее их матери. И я воскликнул, отворачивая голову: – Да набросит на тебя Аллах свой покров! И она сказала мне: – Ты не хочешь примерять мне ожерелий и нагрудников? Но скажи мне: разве я безобразна или грудаста, как буйволица, или черна, или волосата? Или же я худа и суха, как соленая рыба, или, быть может, моя грудь плоска, как столярный верстак? Но если ты не смеешь примерять ожерелий и нагрудников, не можешь ли ты, по крайней мере, примерить на меня пояс?

И я принес ей самые гибкие и легкие пояса, какие только могут быть, из филигранного золота, и скромно положил их к ее ногам. Но она мне сказала: – Нет! Ради Аллаха, примерь их сам! И я, о господин мой султан, не мог иначе ответить, как только послушанием и повиновением и, представляя себе наперед, какова могла быть тонкость стана этой газели, я выбрал самый маленький и самый узкий из поясов и под платьем и покрывалами надел на ее стан. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила восемьсот сорок первая ночь, она сказала:

ночь восемьсот сорок первая

Но этот пояс, сделанный на заказ для одной малолетней царевны, оказался слишком широким для этого стана, столь тонкого, что он не бросал на землю тени, и столь прямого, что он мог привести в отчаяние пишущего букву алеф, и столь волнистого, что он заставил бы зачахнуть стебель бамбука. И увидав, что я был совершенно смущен, она сказала мне: – Что же, вероятно, я безобразна! Мне часто говорили дома о моем безобразии! И почему это мой отец шейх аль-Ислам настолько ненавидит меня, что приписывает мне отвратительные недостатки? И он готов, чтобы избавиться от моего вида, продать меня, как рабыню! Но это я вскричал: – Имя Аллаха над тобою и вокруг тебя, и над твоей красотой, и над твоей чистотой! Быть может, вместо того, чтобы продавать тебя на рынке рабов, он согласится выдать тебя за меня замуж?

На это юная дева улыбнулась и сказала: – Тогда я хочу указать тебе средство, при помощи которого тебе удастся убедить его. Когда ты сделаешь свое брачное предложение, мой отец, вероятно, скажет: – О сын мой, необходимо открыть тебе глаза! Знай, что моя дочь калека, она горбата, одноглаза, зловонна, колченога, слюнява и нечистоплотна в постели. Но

ты прервешь его, говоря: – Я доволен! Я доволен! А он будет продолжать: – Она омерзительна, порочна, сонлива, вонюча, плешива, с отвислыми грудями, косоглаза, с зловонным ртом, с шатающимися зубами, она отвратительна внутри, она ужас во всех отношениях, она – гнусное проклятие! Но ты прервешь его, говоря: – Я доволен! Я доволен!.. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Но когда наступила восемьсот сорок вторая ночь, она сказала:

ночь восемьсот сорок вторая

И когда я выслушал эти слова, я сказал ей: – Испытание это тяжело, о госпожа моя, ибо я могу умереть, слушая, как твой отец поносит тебя. Но Аллах даст мне необходимые силы и бодрость духа! И юная дева покинула меня, а я на следующий день отправился к дому шейха аль-Ислама. И он без проволочек принял меня, и я заметил, что это был старец с белой бородой и с осанкой, полной благородства, но в глазах его виднелась безнадежная печаль. И я подумал: «Верно! Он страдает галлюцинацией безобразного. Да защитит его Аллах!» И когда я изложил ему мое дело, лицо почтенного старца пожелтело, и он сказал мне: – Да сохранит Аллах твою молодость, сын мой, ибо это создание, один вид которого... Но я, избегая страшного перечисление ужасов, которыми он собирался поразить мой слух, прервал его и вскричал: – «Я доволен! Я беру ее со всеми ее недостатками!» И когда шейх аль-Ислам понял, что мое решение непоколебимо, он сказал мне со вздохом: – Тому нет препятствий! И брачный договор был скреплен свидетелями; и в нем было оговорено, что я принимаю мою жену со всеми ее пороками, уродствами, немощами и безобразиями. Но когда я вступил в брачный покой и приподнял с головы жены моей покрывало, я увидел человеческое создание, самое безобразное, самое отвратительное, самое отталкивающее, самое гнусное и самое противное, какое только можно было увидеть в самом тяжелом кошмаре. Этот предмет отвращения был еще более ужасен, чем тот, который мне описывала молодая девушка; это было чудовище безобразия! И я, заткнув нос и отвернув голову, ушел в самый отдаленный угол комнаты, говоря себе: «Вот какова она, дева совершенной любви! Ах, идиот! Ах, глупая скотина! Ах, поганая свинья!» И я кусал себе пальцы и молча щипал себе руки. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот сорок третья ночь, она сказала:

ночь восемьсот сорок третья

гнев на самого себя час от часу возрастал во мне, и я провел всю эту роковую ночь среди мучений, как если бы я был подвергнут пыткам в тюрьме. С рассветом я вернулся в свою лавку, испытывая головокружение, точно пьяный без вина. И вскоре я увидел деву совершенной любви, ту самую, которая была причиной моих пыток. Она приближалась ко мне, улыбаясь, изгибаясь и сладострастно покачиваясь в своих нарядах и шелках. С ребяческим выражением лица она вошла в мою лавку и, бросив мне грациозный селам, сказала: – Да будет для тебя сегодняшний день днем благословения, о господин мой! Я же разразился бранью, говоря: – О кастрюля смолы, о колодезь вероломства! Что я тебе сделал, что ты так гнусно обошлась со мною, повергнув меня в безысходную пучину? Она же с улыбкой ответила мне: – А разве ты забыл твои поношения на мое послание в стихах? И тут я понял, что я пожал лишь то, что посеял, и бросился к ногам юной девы, умоляя ее простить меня и говоря: – Я наказан! Я поистине наказан за все! Я в твоей власти и жду лишь освобождения от того, что тебе известно! И она удостоила меня прощения и сказала: – Я уже обдумала это. Поищи танцовщиков, акробатов, балагуров и вожаков обезьян. Условься с ними, чтобы они пришли во дворец шейха аль-Ислама и сказали тебе: «О кровь наша, мы пришли разделить твою радость в этот благословенный день твоей свадьбы». И ты представишься, что смущен этим оглашением твоего родства с ними, и, чтобы избавиться от них, начнешь бросать в их толпу пригоршнями драхмы и динарии. Увидав это, шейх аль-Ислам без сомнения, скажет: «Так ты сын балагура из племени акробатов и вожаков обезьян!» А ты ответишь: «Невозможно отречься от моего происхождения из любви к твоей дочери». И он скажет тебе: «В таком случае, необходимо уничтожить брачный договор, так как ты скрыл от нас свое происхождение!» При этих словах юной девы я почувствовал, как расширяются опахала моего сердца, и вскричал: – О царица ума и красоты, долг повиноваться тебе – над моей головой. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот сорок четвертая ночь, она сказала:

ночь восемьсот сорок четвертая

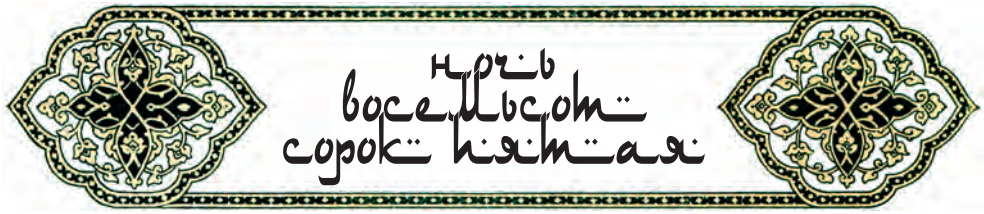
ростившись с нею, я вступил в переговоры с главою корпорации фигляров, шутов, танцовщиков, акробатов и вожаков обезьян, и все произошло так, как предвидела молодая девушка. И шейх аль-Ислам в крайнем негодовании сказал мне: – Ты не можешь оставаться больше в доме моем! А я сказал о дочери его: – Я отвергаю ее один раз, два раза, три раза, я отвергаю ее! Ибо такова формула безвозвратного развода. И так я оказался избавленным от этого ужасающего кошмара, и побежал к своей лавке, в которой меня дожидалась юная

Lion Carré

дева. И она сказала мне: – Клянусь Аллахом! Не следует ли нам теперь узаконить наш союз? Желаешь ли остаться со мною по закону Аллаха или же предпочтешь отказаться навсегда от моего лицезрения? И я отвечал: – Скорее я предпочту смерть, чем отказ от радости глядеться в лицо твое! И она приказала позвать кади и свидетелей и написать брачный договор. После этого мы сели за трапезу, но вдруг силы меня покинули, и я покатился на пол. Когда же я очнулся от своего обморока, то увидел себя на цепи в доме умалишенных! Когда султан Махмуд прослушал эту историю, он приказал снять оковы со второго молодого человека и попросил его привести его ко дворцу его супруги. И когда они подошли к нему, султан вскричал: – Это же жилище третьей дочери моего дяди! И он вошел во дворец и сказал ей: – Я привел тебе твоего супруга, и я знаю неприятность, которая произошла между вами. Но впредь это не повторится! И красавица ответила: – Слушаю и повинуюсь! Тогда султан простился с нею и вернулся со вторым молодым человеком в дом умалишенных, чтобы выслушать историю третьего юноши, который начал так:

РАССКАЗ ТРЕТЬЕГО СУМАСШЕДШЕГО

Я был еще ребенком, когда скончались отец мой и моя мать. И я был подобран бедняками-соседями, которые не могли тратиться на мое воспитание. И я шатался по улицам, не имея на себе другой одежды, кроме половины рубахи из синей бумажной материи. И так я достиг двенадцатилетнего возраста. Но однажды я заметил в шалаше из пальмовых листьев человека, который сказал мне сладчайшим голосом: – О милое дитя! Приди ко мне без страха! Я не джин и не эфрит, а человек, живущий в уединении и размышлении. Приди, и я научу тебя мудрости! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила восемьсот сорок пятая ночь, она сказала:



И я вошел в шалаш и увидел старца, которому было бесчисленное множество лет. Он взял меня за руку и сказал: – Ты будешь моим учеником. И он усадил меня рядом с собою и начал поучать. И я был покорен его словами и красотой его ученья; и я забыл для него мои игры и моих товарищей. И он стал моим отцом и моей матерью. Так протекло пять лет, в течение которых мне было дано дивное воспитание, и дух мой был вскормлен хлебом мудрости. Но однажды я увидел евнухов, посреди которых покачивалась молодая девушка, прикрытая вуалью. И я услышал, как народ перешептывался: «Это дочь султана!» И я вернулся к моему учителю с взволнованной душой, сразу позабыв все его наставления. И я рассказал ему все, что видел, а он сказал: – Забыл ли ты, насколько мудрость несовместна с посещением дочерей Адама, хотя бы они были дочерями царей? Но я ответил: – Отец мой, если

я не насмотрюсь на нее, и если я не коснусь ее очаровательной шеи моей рукой, мне покажется, что я дошел до пределов несчастия, и я умру от отчаяния.

Тогда мой учитель сказал мне: – О дитя, забывшее, насколько женщина существо взбалмошное, ступай, удовлетвори твоим желаниям! И он потер мои веки каким-то черным порошком, благодаря которому я сделался невидим для людских глаз. Тогда я поспешил к дворцу дочери султана, прошел в гарем и направился прямо в покой царевны. И я нашел ее спящей на ложе, и на ней была лишь рубашка из моссульской ткани. И я, не имея еще в жизни случая видеть женскую наготу, был столь взволнован, что не смог удержаться и ущипнул молодую девушку за одну из ее округлостей. И боль, которую почувствовала молодая девушка, была так сильна, что она проснулась, соскочила со своего ложа и начала громко звать свою мать. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот сорок шестая ночь, она сказала:

ночь восемьсот сорок шестая

И мать прибежала, надевая на ходу свои одежды, и спросила: – Что с тобою? Почему ты держишься за это место? И увидав красный след от моего большого и указательного пальцев, она закричала: – Кто тебе это сделал? А молодая девушка принялась плакать, говоря: – Я не знаю! Тогда бывшая рядом старая кормилица сказала: – Наверное, это был один из числа неименуемых, которые населяют воздух. Нам надо поохотиться за Нечистым, а для этого нет более действительного средства, как зажечь в комнате верблюжий кизяк. И она закричала евнухам, столпившимся за дверью: – Принесите поскорее корзину верблюжьего кизяка! И когда евнухи принесли его, она бросила кизяк на мраморные плиты и подожгла его. И она начала бормотать какие-то непонятные слова и чертить в воздухе магические знаки. А дым от горевшего кизяка начал есть мои глаза, и я стал вытирать их краем моей одежды. И так я стер немного порошка, делавшего меня невидимым, а женщины, указывая на меня пальцами, стали кричать: – Вот эфрит! Вот эфрит! И они позвали на помощь евнухов, которые схватили меня и бросили в этот дом умалишенных! Когда султан Махмуд прослушал эту историю, он сказал своему визирю: – Вот как судьба сводит все происшествия в нашей семье! Ибо царевна, в которую влюблен этот молодой человек, есть последняя дочь отца моей супруги! И он приказал снять цепи с третьего молодого человека и распорядился, чтобы были сделаны все приготовления для его свадьбы с царевной. Такова, – продолжала Шахразада, – история привлекательного незаконнорожденного, который был сначала султаном, а потом бродячим дервишем, пока султан Махмуд не назначил его своим визирем, и история о том, что было с его другом, султаном Махмудом и тремя сумасшедшими. Но она не столь поучительна, как следующая. И далее Шахразада рассказала:

Слова над девяносто девятью отрубленными головами

Говорят, что в старину в одном из городов древнего Рума жил царь высоких добродетелей. У него был сын совершенной красоты, который был одарен мудростью, изумлявшей весь мир. И чтобы испытать эти достоинства его, Аллах Всевышний повелел временам повернуться в злополучную сторону над днями царя и царицы, и они, бывшие на вершине могущества и богатства, проснулись однажды бессильными и более несчастными, чем нищие. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот сорок седьмая ночь, она сказала:

Тогда юноша закалил свое сердце, точно стальной клинок, и сказал родителям своим: – Зачем оплакивать непоправимое, если мы еще господа настоящего? Отправимся в земли, где, быть может, найдем мы новую жизнь! И юноша, приготовив все для странствия, вышел с родителями своими на дорогу судьбы. И странствовали они, пока не очутились в большом и хорошо построенном городе. И юноша взял за руки своих старых родителей, отправился во дворец и сказал султану: – О господин мой, вот люди, знавшие лучшие дни, теперь же судьба преследует их, и я желаю отдать их тебе. Султан же, взглянув на отца и мать юноши, удивился и подумал: «Если это рабы, какими же должны быть цари?» И он в ответ передал юноше прекрасного коня, какой только нашелся в царских конюшнях, и наряд, какой носят только

сыновья царей. И юноша простился со своими родителями, откланялся султану, и поскакал галопом на своем коне.

И он пересекал степи и пустыни, реки и ручьи, и не останавливался до тех пор, пока не очутился в городе, жители которого встречали его восклицаниями: – Как жаль его молодости! Зачем он идет без всякой причины на смерть? Он будет сотым! И юноша спросил одного из шейхов в толпе: – О достопочтенный, что это за опасность смерти, на которую я иду? И старец ответил: – Знай, что дочь нашего царя постановила выйти замуж за того, кто ответит на все ее вопросы. И она уже приказала отрубить головы девяносто девяти молодым людям, которые не прошли это испытание. Выслушав эти слова, царевич поскакал к башне, вокруг которой торчали на кольях девяносто девять отрубленных голов. И стоявшая на вершине башни царевна спросила его: – Ты готов отвечать на мои вопросы? И юноша, гордо привстав на своем коне, отвечал: – Я готов, о царевна! И толпа притихла совершенно, и среди гробового молчания царевна сказала... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила восемьсот сорок восьмая ночь, она сказала:

ночь восемьсот сорок восьмая

умеешь ли ты сказать мне, какие есть вечные враги? И юноша отвечал: – О царевна, я не скажу тебе, что вечные враги – небо и земля, ибо промежуток, разделяющий их, не есть промежуток действительный, и расстояние, положенное между ними, не есть расстояние действительное, положенное между ними, потому что этот промежуток и это расстояние, представляющиеся нам целыми пропастями, могут быть наполнены в одно мгновение, и небо может соединиться с землею менее чем в мгновение ока: ибо для того, чтобы исполнить это, вовсе не нужны ни войска джинов или существ человеческого рода, ни мириады крыльев, но нужно всего лишь более могущественное, чем все силы джинов и людей, и более легкое, чем крылья орла и голубя, – нужна молитва! И я не скажу тебе, о царевна, что вечные враги – ночь и день, потому что их поочередно соединяет утро и разъединяют сумерки. И я не скажу тебе, что вечные враги – душа и тело, потому что если мы и знаем одно, мы совершенно не знаем другого, и невозможно выражать свое мнение о том, чего мы не знаем. Но я утверждаю, о царевна, что вечные враги – смерть и жизнь, ибо обе они одинаково зловредны: как та, так и другая обращают все твари в свою игрушку и сражаются друг с другом на счет этой игрушки, которая, в конце концов, остается истинной жертвой этой игры, тогда как сами играющие растут и преуспевают. Это вечные врата, враги друг другу и враги всем созданиям. Услыхав эти слова юноши, толпа закричала в один голос: – Хвала Тому, Кто одарил тебя такой мудростью! А царевна, сидевшая посреди девушек, одетых, как и она, в царский пурпур, сказала: – Ты отличился, но я не уверена, сумеешь ли ты сказать мне, какое дерево имеет двенадцать ветвей,

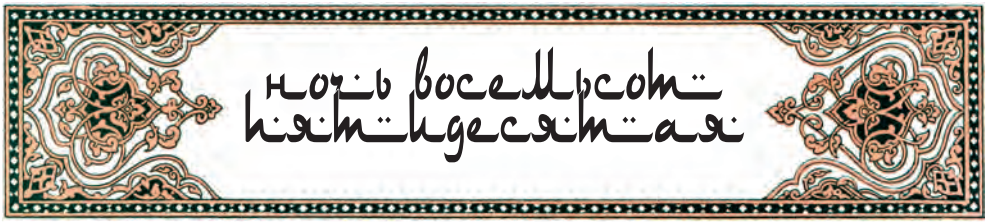
несущих каждая две грозди: одна из тридцати ягод белых, другая из тридцати ягод черных? И юноша ответил без раздумья: – Это дерево есть не что иное, как год, имеющий двенадцать месяцев; тридцать черных ягод одной грозди – это тридцать ночей; тридцать ягод белых другой – тридцать дней! И царевна снова сказала: – Ты отличился, но сумеешь ли ты сказать, что это за земля, которая видела солнце всего только один раз? И он отвечал: – Это дно Красного моря, которое должно было пропустить детей Израиля по повелению Моисея! И она сказала: – Да, верно! Но можешь ли ты мне сказать, какое место на земле ближе всего к небу? Гора это или равнина? И он отвечал: – Это святая Кааба, в Мекке! Она сказала: – Ты отличился! Но сумеешь ли ты сказать мне, какое действие незаконно, производится ли оно, или не производится? Он отвечал: – Это молитва пьяного человека! Она спросила: Но можешь ли ты разгадать мне, что это за горечь, которую нужно скрывать? Он отвечал: – Это бедность, о царевна! Ибо она горче мирры и полыни! И ее должно скрывать от всех глаз, ибо жалобы не возбудят ничего, кроме презрения. И она сказала: – Это справедливо, но что дороже после здоровья? Он отвечал: – Это дружба, если она искренна. И она спросила: – Что это за дерево, которое выпрямить труднее всего? И юноша отвечал без всякого колебания: – Это характер! Рассказывают, что однажды в школу пришел Волк, чтобы научиться читать. И учитель говорил ему: – Алеф, Ба, Та..., но волк отвечал: – Овца, козленок, ягненок... потому что все это было в его мыслях и в его характере. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот сорок девятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот сорок девятая

Тогда царевна сказала: – Ты восторжествовал! А юноша ответил: – О царевна, позволь теперь спросить мне, и если ты ответишь, пусть моя голова будет отрублена, как головы моих предшественников, но если ты не ответишь, наша свадьба будет отпразднована тотчас же! И царевна сказала: – Я принимаю твои условия! И юноша спросил: – Как случилось, что я, сидя верхом на этом благородном животном, сижу в то же время на моем собственном отце; и как случилось, что я, будучи видим для всех глаз, скрыт в моей матери? И царевна не могла найти никакого ответа. Тогда юноша перед всем народом рассказал царевне свою историю от начала и до конца, не забывая ни одной подробности. И он прибавил: – Вот таким образом, променяв моего отца, на этого коня, и мою мать на эту одежду, я нахожусь верхом на моем отце и скрыт в матери моей! И юноша сделался супругом царевны загадок, и вернул коня и одежду султану, который вернул ему отца и мать; и жили все они в радостях и утехах. Выслушав эту историю, царь Шахрияр сказал Шахразаде: – Ты давно уже не рассказывала мне изысканных анекдотов! И Шахразада ответила: – Именно их я рассказываю охотнее всего! И она начала так:

Козни жен

Жил некогда шут, которого султан вопреки его воле женил на молодой женщине. А та завела четырех возлюбленных: пирожника, продавца зелени, мясника и кларнетиста. Однажды шут был вызван утром к султану. А пирожник, узнав об его уходе, постучался в дверь его супруги. И они забавлялись друг с другом, но вдруг услышали стук в дверь. Испуганная женщина спрятала пирожника в кабинет удобств, а отперев дверь, увидела торговца зеленью. Но едва она увеселила его сердце, как опять услышала стук в дверь. Тогда она и зеленщика отправила в кабинет удобств. И когда она отперла дверь, перед нею очутился мясник, с которым случилась та же история. Четвертым заявился кларнетист, но и его она отправила в кабинет удобств при стуке в дверь. А это вернулся ее муж, который закричал с порога: – О жена! Дай мне поскорее настойку из аниса и укропа! Мой живот переворачивается! И он, не замечая ужаса своей жены, побежал прямо в кабинет удобств, где увидел четырех человек сидящих рядом один возле другого. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот пятидесятая ночь, она сказала:



При виде этого шут решил прикинуться дурачком и воскликнул: – О мужи Аллаха, я узнал вас! Ты, покрытый пятнами белой проказы, без сомнения, Иов, а ты – страж садов и огородов великий Хизр, а ты – великий воин Искандар, а ты с кларнетом – ангел Страшного Суда! При этих возгласах четыре нахала шепнули друг другу: – Укрепим дурачка в этой уверенности, ибо для нас это единственное спасение. И они

сказали: – Аллах свидетель, ты не обманываешься. Мы действительно те, которых ты назвал. И мы явились навестить тебя, войдя через кабинет удобств, так как это единственное место в доме, находящееся под открытым небом. Тогда шут сказал им: – О великие мужи, сделайте милость сопутствовать мне во дворец моего господина, чтобы он мог познакомиться с вами! И они ответили, хотя и с немалым колебанием: – Мы даруем тебе эту милость! Тогда шут повел их к султану и представил ему Иова, Хизра, Искандара и ангела Страшного Суда. И пока султан пребывал в крайнем удивлении, шут прибавил: – Я обязан великой честью посещения этих славных мужей несказанной святости моей жены, которую ты мне столь великодушно пожаловал. И я нашел их сидящими в кабинете удобств моего гарема! Тогда султан, поняв в чем дело, расхохотался и сказал шуту: – Дарую тебе развод! Затем он поманил своего палача и сказал ему: – Оскопи этих четверых, пусть они станут евнухами моего шута! Тогда пирожник воскликнул: – О великий царь, если я расскажу тебе историю, более удивительную, чем эта, не даруешь ли ты мне прощение? И царь ответил: – Да, конечно! И пирожник начал так:

РАССКАЗ ПИРОЖНИКА

Жила однажды необыкновенная блудница, бывшая по воле рока замужем за честным правителем города от имени султана. И больше всего она любила молодого стремянного своего супруга. И однажды она сказала мужу: – О господин мой, я узнала о смерти соседки моей матери и хотела провести три погребальных дня в доме матери моей, но я боюсь идти одна по улицам так далеко! И супруг ее ответил: – Зачем же ходить одной? Возьми в провожатые моего стремянного! И он позвал этого молодого здоровенного малого, и дал ему указания посадить свою госпожу на осла и отправиться с нею. Но на средине пути они прошли в известный им сад, принесли туда всевозможные яства и вина и начали забавляться в тени и прохладе... Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот пятьдесят первая ночь, она сказала:

ночь восемьсот пятьдесят первая

И так они провели весь день до вечера, а потом еще два дня, а потом и еще три дня среди любовных забав и наслаждений. Когда же на седьмой день они вернулись домой, несчастный простофиля, спросил: – Отчего это ты так запоздала, жена моя? А она ответила: – У покойницы мне поручили ее ребенка, и заботы о нем удерживали меня до сегодняшнего дня. И правитель сказал: – Причина основательна, и я должен ей верить, и я очень рад твоему возвращению. Когда же царь прослушал эту историю, он начал смеяться и опрокинулся на спину, а шут сказал: – О царь времен, прости его! Тогда приблизился второй развратник; и он тоже попросил царя помиловать его в ответ на забавную историю, и он начал так:

РАССКАЗ ПРОДАВЦА ЗЕЛЕНИ

Рассказывают, что жил однажды астроном, у которого была жена отменной красоты. И она всегда прославляла свои добродетели, говоря: – Среди всего моего пола нет мне равной по благородству чувств и по целомудрию! И астроном нисколько не сомневался в словах ее. Но ученые, и в частности астрономы, обыкновенно не знают обычаев сего мира. И однажды, когда он прославлял добродетели жены перед целым собранием чужих людей, один сказал ему: – Ты лжец или дурак, потому что жена твоя настоящая распутница! Объяви ей, что ты должен уехать на четыре дня, а сам спрячься, и ты увидишь то, что увидишь! И астроном с бородой, трясущейся от гнева и волнения, пошел к своей супруге и рассказал о скорой отлучке. И жена его принялась вздыхать, говоря: – О как я страдаю! А астроном попытался, насколько мог, утешить ее, говоря: – Успокой свою душу и осуши свои глаза. Я принесу тебе по возвращении какой-нибудь хорошенький подарок! И оставив ее в слезах на руках негритянки, он удалился. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот пятьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь восемьсот пятьдесят вторая

Но вскоре он вернулся и расположился в таком месте, откуда мог видеть все, происходившее в доме. И не прошло и часа, как он увидел продавца сахарного тростника, лавочка которого была как раз против их дома. Он вошел в дом и спросил: – А где же муж твой астроном? И она сказала: – Аллах да сведет ему руки и ноги! Он уехал дня на четыре. О если бы он свалился с вершины минарета! И оба они начали шутить и забавляться. И тут астроном, который все видел и все слышал, испустил громкий крик и упал бездыханным. А молодая женщина по истечении законного срока вышла замуж за своего любовника! И царь, прослушав эту историю, задрожал от удовольствия и простил торговца зеленью. Тогда третий развратник попросил той же милости у султана, который в своей справедливости не мог отказать ему. И тогда мясник сказал:

РАССКАЗ МЯСНИКА

Жил в Каире человек, и у него была жена, известная своей миловидностью, своим повиновением и богобоязненностью. Но у нее был возлюбленный, от которого она была без ума. И однажды он увидел у нее на дворе двух гусей и захотел полакомиться ими. И молодая женщина обещала ему это, сказав: – Я отдам тебе обоих гусей, потому что никто мне так не мил, как ты, а муж мой не узнает ни вкуса, ни запаха их! И когда супруг ее вернулся домой, она сказала: – О муж мой, ничто не может так возвысить хозяина в глазах приглашенных гостей его, как гусь с начинкой! И человек ответил: – Да будет так!

На другой день он зарезал двух гусей, купил рубленой говядины, рису, пряностей и приправ. Он принес все это домой и сказал жене: – Постарайся, чтобы все было готовы к полудню, когда я приду с моими гостями. А та послала свою маленькую негритянку за своим возлюбленным, которому отдала двух приготовленных гусей. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот пятьдесят третья ночь, она сказала:

ночь восемьсот пятьдесят третья

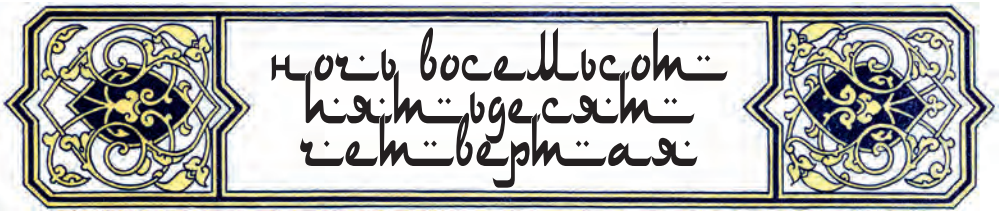
Когда же муж явился в назначенный час с другом, жена сказала ему: – Наших двух гусей хватит и на четверых, пойди, пригласи еще кого-нибудь. А когда муж покорно вышел, она подошла к гостю и голосом, дрожащим от волнения, сказала ему: – О горе тебе! Ты погиб безвозвратно! Знай, что муж мой привел тебя сюда с намерением сделать из тебя евнуха! Он вышел, чтобы привести себе друзей на помощь! Услыхав это, гость выскочил на улицу и пустился бежать. А в это время пришел муж в сопровождении двух друзей. И молодая женщина встретила его с криками: – О горе! Наши гуси! Твой гость удрал с ними! И когда муж выбежал на улицу, он увидел удиравшего гостя и закричал ему: – Вернись! Клянусь Аллахом, я половину оставлю тебе! А гость, подумав, что его хотят оскопить только наполовину, побежал еще быстрее! Султан же, выслушав это, рассмеялся и сказал рассказчику: – Долой с моих глаз! Тогда четвертый развратник, получив милость на тех же условиях, сказал:

РАССКАЗ КЛАРНЕТИСТА

Жил преклонного возраста человек, у которого был сын бездельник и супруга пятнадцати лет совершенной красоты. И видя, что сын его вертится около жены его в надежде заслужить ее милость, человек взял себе вторую жену, еще красивее и моложе первой, думая, что две женщины смогут предохранять одна другую от козней его сына. А молодой повеса сказал себе: «Клянусь Аллахом, теперь мне достанется двойной кусочек!» Но ему было трудно осуществить свое намерение, потому что его отец часто говорил своим женам: «Берегитесь! Берегитесь!» Но вот однажды, когда в доме истощились хлебные запасы, старик пошел вместе с сыном на рынок, но по дороге он заметил, что оставил свои бабуши дома. И он послал за ними сына, а тот, вернувшись, сказал его женам: – Мой отец приказал мне целовать вас обеих, сколько мне будет угодно! Я не лгу! И он во весь голос закричал своему отцу, который был уже далеко: – Отец мой! Одну только или ту и другую? А тот, думая, что сын спрашивает о бабушах, крикнул во весь голос: – Ту и другую, о негодный! А жены, услыхав это, подумали: «Повеса не солгал» – и тот смог овладеть обеими молодыми женщинами! Когда царь прослушал этот рассказ, он даровал кларнетисту полное прощение. А теперь, – продолжала Шахразада, – я расскажу удивительную историю Али-Бабы и сорока разбойников.

Али-Баба и сорок разбойников

В давно минувшие дни в одном из городов Персии жили два брата-бедняка: Кассим и Али-Баба. Вскоре старший, Кассим, женился на богатой девушке и так получил прекрасно обставленную лавку в самом центре базара. Али-Баба же продолжал вести жизнь бедняка и труженика. Каждый день он отправлялся с тремя ослами в лес, нагружал их дровами и хворостом, а потом продавал собранное на базаре. И вскоре он женился на бедной девушке, которая не принесла его в дом никакого приданого. Но этот брак был благословлен детьми, прекрасными, как луны. Но однажды, когда Али-Баба был занят сбором дров в лесу, он услышал какой-то подозрительный шум и благоразумно взобрался на вершину большого дерева. И вскоре он увидел отряд всадников в грозном вооружении, и по их суровым лицам и сверкающим глазам он понял, что это разбойники самого опасного рода. Они соскочили на землю и взвалили себе на плечи тяжелые сумки. И Али-Баба, сосчитав этих людей, нашел, что их было ровно сорок человек. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот пятьдесят четвертая ночь, она сказала:



Они приблизились к подножию ближайшей скалы, и предводитель во главе вереницы разбойников вскричал громким голосом: – Сезам, отворись! И тотчас же скала медленно раздвинулась, все разбойники вошли внутрь, и после крика «Сезам, затворись» скала задвинулась, и отверстие в ней заделалось. Увидав это, Али-Баба страшно удивился, но из страха быть замеченным продолжал сидеть на дереве до

Léon Carré

тех пор, пока сорок разбойников не вышли из скалы с их предводителем во главе. Они вернулись к своим коням, вскочили на них, привязав к седлам пустые сумки, и уехали обратно тем же путем, которым приехали. Когда же в лесу водворилась успокоительная тишина, Али-Баба слез с дерева, приблизился к скале и подумал: «Клянусь Аллахом! Я хорошо запомнил формулу открывания и закрывания! Не сделать ли и мне попытку?» И он повернулся к скале и сказал: – Сезам, отворись! И хотя эти магические слова были произнесены неуверенным голосом, скала разделилась и широко раздвинулась.

И Али-Баба, подчиняясь силе судьбы, вошел в пещеру, залитую светом через угловатые отверстия, проделанные наверху. И он увидел, что обе половинки скалы соединились, совершенно закрыв выход. Но это не обеспокоило его, и он спокойно отправился рассматривать все открывшееся перед его глазами. И он увидел груды богатейших товаров, и тюки шелковых тканей и парчи, и мешки со всевозможными съестными припасами, и огромные сундуки, наполненные до краев серебряными деньгами, и другие, полные слитков серебра, и еще другие, наполненные золотыми динариями и слитками золота. И Али-Баба, который еще во всей своей жизни не видел настоящего цвета золота и не знал его запаха, удивлялся всему этому до пределов удивления. И придя в себя от удивления, он взял несколько мешков с золотыми динариями, дотащил их до выхода из пещеры и сказал: – Сезам, отворись! И обе створки каменных дверей раздвинулись, Али-Баба вышел, разыскал своих ослов и нагрузил их мешками, укрыв сверху сучьями. И когда окончил это занятие, он произнес формулу закрытия, и обе половинки скалы тотчас же соединились. Тогда Али-Баба погнал перед собою ослов, навьюченных золотом, и вскоре добрался с ними до города. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот пятьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот пятьдесят пятая

Когда Али-Баба вернулся домой, жена его спросила: – О муж мой, что ты привез в этих мешках? И Али-Баба ответил: – Они посланы нам Аллахом, помоги внести их в дом. Там он развязал мешки, и из них покатилось множество золотых монет. И Али-Баба, увидав, что жена его совершенно ослепла от этого зрелища, рассказал ей о своем приключении. Тогда она воскликнула: – Хвала Аллаху, пославшему нам добро, собранное грабителями больших дорог, и делающему законным то, что было незаконным! В ответ Али-Баба сказал: – Помоги мне выкопать яму, чтобы скрыть это золото от жадных глаз наших соседей и полицейских! Но жена Али-Бабы, которая любила во всем порядок, захотела составить точное понятие о свалившемся на них богатстве. И она пошла спросить деревянную мерку у жены Кассима, брата Али-Бабы. Когда же та услышала слово «мерка», она крайне удивилась, ибо не могла понять, для какой цели понадобилась она этим беднякам.

И чтобы узнать это, она намазала дно мерки салом. И когда жена Али-Бабы возвращала мерку, она не заметила один золотой динарий, приставший к ее дну. А жена Кассима, увидав его, наполнилась лютой завистью. Лицо ее пожелтело, точно шафран, а глаза потемнели, точно смола, и она воскликнула: – С каких это пор у этих нищих столько золота, что они могут мерить его? И когда муж ее вернулся из своей лавки, она сунула ему под нос золотой динарий и закричала: – Ты думаешь, что богат, а твой брат меряет золото, как лабазник зерно!

И когда она рассказала ему обо всем, Кассим пошел к брату своему, показал ему золотой динарий и воскликнул: – Где ты украл столько золота, о позор нашего дома?! И Али-Баба не мог запираться и рассказал ему во всех подробностях свое приключение в лесу. Тогда злой Кассим, жадность которого равнялась его гнусности, сам отправился в лес, погоняя перед собою десять мулов, нагруженных большими сундуками, ибо он решил присвоить себе все сокровища пещеры. И он прибыл к подножию скалы, и сказал: – Сезам, отворись! И скала тотчас же раскололась посредине. И Кассим вступил в пещеру, произнес формулу закрытия, и вход замкнулся за ним. И он наполнил золотом столько мешков, сколько могли унести его десять мулов. Но его дух был захвачен видом сокровищ, и он позабыл слово, которое следовало произнести. И он повторял много раз: «Ячмень, отворись! Овес, отворись! Боб, отворись! Рожь, отворись! Горох, отворись!» Но скала оставалась закрытой. А в это время сорок разбойников возвратились к своей пещере, как это они делали ежедневно. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот пятьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь восемьсот пятьдесят шестая

И они увидели десять мулов, нагруженных большими сундуками. И предводитель разбойников произнес «сезам», вошел в пещеру и схватил Кассима за лицо, а остальные разбойники отрубили своими саблями у него ноги, руки и голову. И Кассим испустил дух раньше, чем успел сообразить что-либо, а разбойники опять принялись за разбой по дорогам. А супруга Кассима, не дождавшись к ночи мужа, пошла с изменившимся лицом к Али-Бабе, а тот, успокоив ее насколько мог, при первых проблесках утренней зари отправился на поиски брата. И когда, произнеся волшебное слово, он вошел в пещеру, зрелище шести кусков Кассима заставило задрожать его колени. Но чтобы отдать последний долг своему брату, он преодолел волнение и сложил его останки в два больших мешка, и погрузил эти мешки на одного из своих ослов. На двух других ослов он погрузил мешки с золотом и, приказав каменной двери затвориться, благополучно прибыл во двор своего дома.

И он позвал свою ловкую и смышленую рабыню Моргану, которую с детства воспитывал как дочь свою. Рассказав ей всю историю, он сказал ей: – О Моргана, ты должна подумать о средстве, чтобы

предать брата моего земле, как будто он умер естественной смертью, и чтобы ни один человек не мог усомниться в истинности этого! И она отвечала: – Слушаю и повинуюсь! Потом Али-Баба поднялся к вдове Кассима и сумел рассказать ей все с такими предосторожностями, что успел предупредить ее крики и вопли, которые могли взволновать весь околоток. И он предложил ей вступить в его дом в качестве второй жены, разделив с ним все его богатство. И она поняла благородство этого предложения и согласилась с этим. А Моргана в это время пошла в лавку торговца лечебными средствами и сказала ему со вздохом: – О горе нам! Злая болезнь держит брата моего господина Али-Бабы, который перенесен сюда, чтобы мы могли получше ухаживать за ним. Он неподвижен, и лицо его как шафран! И купив лекарство, которое обыкновенно дают безнадежно умирающим, она вернулась домой. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила восемьсот пятьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь восемьсот пятьдесят седьмая

На следующий день жители околотка были разбужены жалостными криками, возвещавшими о смерти Кассима. А Моргана при этом придумала, как не допустить, чтобы люди видели, что покойный разделен на шесть кусков. Она побежала к не знавшему ее старому сапожнику, сунула ему в руку динарий и сказала ему: – О шейх Мустафа, возьми все для сшивания кожи, повяжи на глаза твои повязку и иди за мною. А когда он засомневался, она сказала: – Да успокоятся твои мысли! И сунула ему в руку второй золотой динарий, который побудил его действовать. И привела она его в погреб дома Али-Бабы, где сняла повязку с его глаз. И когда испуганный шейх попятился, увидав то, что ему предстояло сшить, Моргана вложила в его руку еще одну золотую монету и пообещала ему еще одну, если он поскорее окончит эту работу. И все это побудило сапожника взяться за дело. И когда он окончил его, Моргана наградила его, вновь завязала ему глаза, вывела его из погреба и проводила до дверей его лавки. И тело Кассима было положено в гроб и доставлено на кладбище, и во время похорон ни у кого не явилось ни малейшего подозрения.

А разбойники, вернувшись в пещеру и не найдя остатков Кассима, поняли, что тайна их кому-то известна. И они решили переодеть одного разбойника дервишем-иноземцем и послать его в город на поиски дома, в котором живет этот человек. Переодетый вошел в город очень рано, и лавки были заперты кроме лавки старого сапожника Мустафы. И когда дервиш увидел, как тот ловко работает, он похвалил его сноровку, а польщенный сапожник сказал: – Клянусь Аллахом, я могу также сшить шесть частей покойника в глубине темного погреба! И дервиш-разбойник благословил судьбу, которая ведет его к цели. Он сунул сапожнику золотую монету и спросил: – А где находится тот дом, в погребе которого ты починил покойника, разрезанного на шесть частей? И сапожник

Léon Carré

ответил: – Я не знаю этого дома, ибо у меня были завязаны глаза, когда меня привела туда какая-то девушка. Но если бы мне вновь завязали глаза, я, вероятно, смог бы отыскать этот дом. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот пятьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь восемьсот пятьдесят восьмая

Получив золотой динарий, Мустафа позволил завязать ему глаза. Он дошел на ощупь до дома Али-Бабы, сказав: – Это здесь. Я узнаю этот дом по запаху ослиного помета и по камню, о который я тогда споткнулся! А разбойник вне себя от радости, прежде чем снять повязку с глаз сапожника, отметил ворота дома мелом, кусок которого взял с собою. Но бдительная Моргана заметила на воротах белый знак и сказала себе: «Рука, сделавшая его, может быть только рукою врага! Нужно отвратить его удар». Она отыскала кусок мела и сделала совершенно такой же знак на воротах всех домов улицы. И когда на другой день разбойники вошли в город, они увидели, что все ворота домов околотка были отмечены одинаковыми знаками. И они вернулись в пещеру, где отрубили голову своему неудачливому проводнику. Тогда предводитель разбойников сам пошел в город к сапожнику Мустафе; он нашел с его помощью нужный дом и хорошо запомнил, где тот находится. Он вернулся в пещеру и сказал разбойникам: – Достаньте тридцать восемь больших широкогорлых кувшинов из обожженной глины. И когда это было сделано, он сказал: – Снимайте ваши одежды, и пусть каждый влезет в кувшин, взяв лишь оружие, туфли и тюрбан!

И тридцать семь разбойников взобрались по двое на спины лошадей, навьюченных кувшинами. И каждый разбойник забрался в один из кувшинов и скрылся в нем. А противовесом тридцать седьмому разбойнику стал единственный кувшин с маслом. Предводитель разбойников натер маслом наружные стенки кувшинов и прикрыл отверстия кувшинов пальмовыми листьями. Затем он переоделся продавцом масла и, погнав перед собою в город коней, навьюченных импровизированным товаром, явился проводником этого каравана. И под вечер он приблизился к дому Али-Бабы и увидел, как тот прохлаждается перед вечерней молитвой. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот пятьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот пятьдесят девятая

Предводитель разбойников приблизился к Али-Бабе и сказал ему: – О господин мой, я продавец масла, и я не знаю, где мне устроиться на эту ночь в городе, в котором я не знаю никого. И Али-Баба в ответ взял его за руку и провел на свой двор. И когда кувшины были поставлены в глубине двора, Али-Баба посадил своего гостя на почетное место и приступил к вечерней трапезе. И вскоре торговец маслом, а на самом деле предводитель разбойников, вышел, сказав, что ему надо облегчиться. Но, окончив свое дело, он приблизился к кувшинам и, наклоняясь над каждым, говорил тихим голосом: – Как только услышишь стук камешка о кувшин, тотчас же выходи! Отдав такой приказ своим людям, он возвратился в дом и вскоре захрапел в приготовленной для него комнате, точно котел прачки. А Моргана, заметив, что ее лампа на кухне погасла от недостатка масла, пошла за ним по совету нового раба Али-Бабы Абдаллаха на двор к кувшинам. Но когда она открыла первый кувшин, ее кружка ударилась о что-то твердое, и голос сказал: – Ну, пора! И потрясенная Моргана, сразу догадавшись обо всем, вначале подумала: «Мы погибли!» Но сила ее волнения возвратила ей смелость, и она ответила: – Нет, еще рано! Твой предводитель еще спит. Подожди, пока он проснется! И она, обойдя все кувшины, поняла, что лишь тридцать восьмой наполнен маслом, а в остальных разбойники!

Тогда она наполнила котел для стирки маслом из кувшина и разожгла под котлом огонь. Когда масло закипело, Моргана наполнила ведро кипевшим маслом, подошла к одному из кувшинов и вылила гибельную жидкость на показавшуюся голову. И разбойник принял смерть без малейшего крика. И так Моргана уверенной рукой подвергла той же участи всех сидящих в кувшинах грабителей. А в полночь торговец маслом проснулся и начал бросать камешками в кувшины. Но ничто не пошевелилось. Тогда он приблизился к кувшинам, зажег пучок соломы и заглянул внутрь. И он увидел, что все его люди – обожженные, дымящиеся, бездыханные тела. И когда он понял, какой жестокой смертью погибли все тридцать семь его товарищей, он вскочил на стену двора, соскочил оттуда на улицу и бросился бежать со всех ног. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила восемьсот шестидесятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот шестидесятая

Моргана, убедившись, что всякая опасность миновала, утром разбудила своего господина Али-Бабу, подвела его к кувшинам и попросила заглянуть внутрь. И Али-Баба, сделав это, дошел до пределов ужаса, но Моргана поспешила рассказать ему все, что произошло. Тогда Али-Баба прижал девушку к своему сердцу и сказал ей: – Да будет благословенна мать, родившая тебя! Отныне ты будешь во главе моего дома и

старшей из моих детей! А после Али-Баба с помощью Морганы и раба Абдаллаха закопал всех разбойников в огромной яме, вырытой в саду. Но через некоторое время сын Али-Бабы сказал своему отцу: – Отец мой, я не знаю, как отблагодарить купца Гуссейна, который помогает мне со времени моего устройства в лавке покойного Кассима. И Али-Баба ответил: – Пригласи его разделить с нами вечернюю хлеб-соль! И купец принял это приглашение, сказав лишь, что он дал обет не касаться еды, сдобренной солью. А Моргана, которой было поручено приготовить трапезу, не знала, чему приписать столь необыкновенный вкус и принялась раздумывать над этим обстоятельством.

И когда все блюда были готовы, Моргана внесла их в приемную залу и вскоре вернулась, одетая танцовщицей. И по обычаю танцовщиц на руках и ногах у нее были золотые браслеты с погремушками, а на поясе висел кинжал с длинным клинком. Наряженная таким образом, она начала танцевать танцы еврейские, и танцы греческие, и танцы эфиопские. И закончив пляски, она подошла к гостю, не любящему соли. И когда тот вытащил свой кошелек, чтобы дать несколько монет очаровательной танцовщице, Моргана бросилась на него, как дикая кошка, и вонзила в его сердце кинжал по самую рукоятку. И когда Али-Баба в крайнем ужасе бросился к бездыханному гостю, Моргана сказала спокойным голосом: – Господин мой, посмотри, не есть ли этот покойник торговец маслом, не пожелавший отведать священной соли гостеприимства! И она распахнула платье на лежащем теле, и все увидели, что это был переодетый враг, поклявшийся истребить их. И тогда Али-Баба возблагодарил Аллаха, выдал Моргану замуж за своего сына, а тело предводителя разбойников закопал в саду. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила восемьсот шестьдесят первая ночь, она сказала:

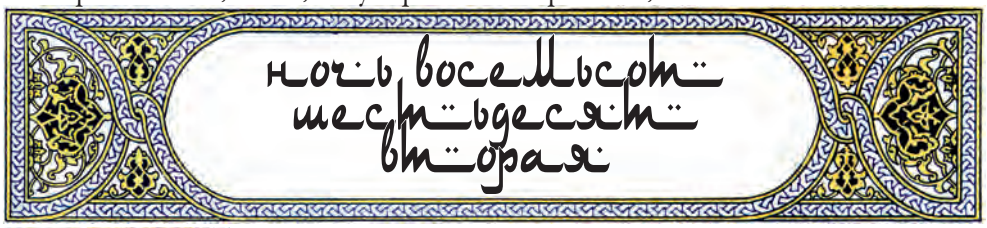
ночь восемьсот шестьдесят первая

Через год после свадьбы Али-Баба решился посетить пещеру в сопровождении своего сына и предусмотрительной Морганы. И Моргана, приглядывавшаяся ко всему во время пути, увидела, приблизившись к скале, что кустарники и травы совершенно загородили узкую тропинку, ведущую к ней, и что с другой стороны на земле не было видно ни малейших следов ноги человека или конского копыта. И она заключила из всего этого, что здесь уже долгое время не было никого. И она сказала Али-Бабе: – Здесь все благополучно. Мы можем войти внутрь без всяких опасений! Тогда Али-Баба сказал: – Сезам, отворись! И каменная дверь открылась, и они наполнили золотом и драгоценными камнями три больших мешка и возвратились к себе, произнеся формулу закрытия. И после этого они жили в мире и благоденствии, пользуясь с умеренностью и благоразумием своим богатством. Вот и все, – продолжала Шахразада, – что я знаю об Али-Бабе и сорока разбойниках. И этой же ночью она начала историю фаворитки Эль-Мамуна.

Leon Carré

История фаворитки Эль-Мамуна

не привелось слышать следующую удивительную историю, рассказанную одним купцом: «Однажды в мою лавку вошла молодая женщина, по красоте своей подобная восходящей луне. Она выбрала у меня материю и, заплатив, пошла своей дорогой. Тогда я стал расспрашивать о ней ее невольницу, и та сказала, что ее госпожа живет во дворце Эль-Мамуна эль-Хакиша би-Амриллаха. И я, поняв, что умираю от тоски по ней, спросил: – Но как же повелитель правоверных позволяет ей выходить одной? И невольница ответила: – Он очень любит ее и ни в чем ей не противоречит. А через несколько дней молодая женщина опять пришла ко мне, и я хотел отдать выбранную ей материю в подарок, а она отсчитала мне из своего кошелька тысячу динариев и сказала: – Торгуй на эти деньги, пока я не возвращусь. Я взял эти деньги, а она ушла и не возвращалась шесть месяцев. Между тем я нажил на ее деньги еще тысячу динариев. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот шестьдесят вторая ночь, она сказала:



тогда она опять пришла ко мне и, узнав про эти деньги, сказала: – Оставь их у себя, возьми еще тысячу динариев, ступай на остров Эр-Рауда и построй там хорошенький загородный дом. Сказав это, она оставила меня, а я принялся за дело, и, когда окончил его, я дал ей знать, что дом готов.

Тогда она приказала мне, чтобы я привел наутро осла к воротам Сувейлэ, взяв еды и питья. Сделав это, я увидел там юношу верхом на лошади, который отправился с нами. Мы достигли

Léon Carré

загородного дома, где женщина сняла с себя верхние одежды. Она села с юношей в красивой комнате, пригласив сесть и меня. И мы ели и пили, и женщина подливала юноше вина до тех пор, пока он не опьянел. Тогда она отвела его в одну из комнат, откуда скоро вышла, неся в руках его голову. И она сказала мне: – Возьми это и брось в реку! Затем она взяла нож, разрезала мертвеца на куски и разложила их в три корзины, после чего сказала: – Брось и это в реку! И когда я сделал это, она сказала: – Знай, что я фаворитка халифа, но шесть ночей в месяц я свободна и могу поступать так, как мне хочется. Этот юноша был сыном наших соседей, когда я была живая и веселая девушка. И однажды он бросился на меня с ножом в руках и лишил меня девственности. Что касается тебя, то твое терпение, верность и готовность служить мне пленили меня! И после этого я пробыл с нею до утра.

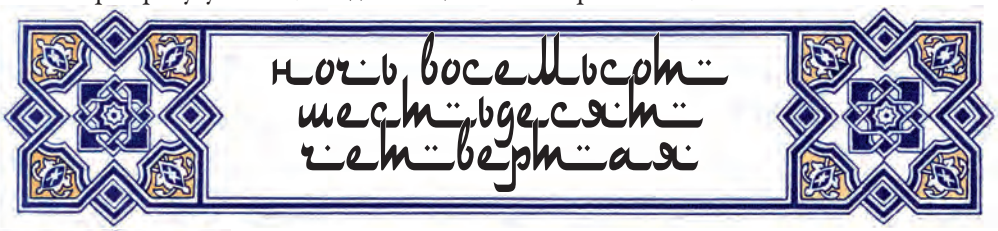
А через месяц ко мне пришел маленький евнух и сказал: – Твоя госпожа велела передать, что царь правоверных решил утопить двадцать шесть своих невольниц около Глиняного Монастыря за то, что они обвиняли друг друга в разврате. Постарайся какой-нибудь хитростью спасти ее! Тогда я, взяв денег, отправился в день казни к лодочнику и за десять динариев уговорил его взять меня в лодку, в которую я положил пустые тыквы. И вскоре евнухи стали подводить к нам женщин, одну за другой, и кричать нам: – Бросьте ее в воду около острова! И мы отвечали им: – Хорошо! И каждая из них была скована, а на шее висел кувшин с песком. И мы следовали их приказаниям и отвозили женщин одну за другой, пока не дошла очередь до моей возлюбленной. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила восемьсот шестьдесят третья ночь, она сказала:

ночь восемьсот шестьдесят третья

Тогда мы выгребли на середину реки, где, освободив ее от цепей, дали ей пустые тыквы. И я сказал ей: – Жди меня у входа в канал. Когда же мы утопили последнюю наложницу, евнухи удалились, а мы поплыли по течению, достигли входа в канал и встретили там мою возлюбленную. Я щедро наградил лодочника, и он довез нас до нашего дома на острове Рауда. И она сказала мне: – Ты истинный друг! И я несколько дней провел с ней, но испытанный ею страх вызвал в ней такое потрясение, что она стала чахнуть, и вскоре умерла. И я горько оплакивал ее и похоронил ее. А когда явился смотритель за наследствами, он нашел ящичек моей возлюбленной с драгоценностями и перстнями с печатями, какие бывают только у цариц и султанш. Тогда меня схватили, били палками и потащили к халифу, которому я рассказал все, что было. И халиф сказал мне: – Оставь этот город, ибо я дарую тебе свободу, потому что ты проявил мужество и верно хранил свою тайну, и сама смерть не устрашила тебя! И тогда я встал и оставил город». Такова, о благословенный царь, история фаворитки Эль-Мамуна. Но она далеко не так занимательна, как история ночного приключения халифа Гарун-аль-Рашида. И Шахразада начала так:

Ночное приключение халифа Гарун-аль-Рашида

Однажды ночью на халифа Гарун-аль-Рашида напала бессонница. И поутру полный душевной тревоги халиф велел позвать к себе визиря своего Джафара. И оба они облачились в одежды чужеземных купцов и вышли через потайную калитку дворцового сада на улицу, сели в первую попавшуюся лодку, переправились через реку у моста, соединяющего обе половины города Багдада, встретили слепого шейха, который попросил у них милостыни. И халиф положил ему в руку динарий. Но вдруг нищий схватил его руку и сказал: – О добрый человек! Кто бы ты ни был, именем Аллаха не откажись исполнить просьбу мою: дай мне пощечину, ибо я вполне заслужил ее! Если бы только ты знал, в чем дело, ты, наверное, согласился, что я заслуживаю и не такого наказания! Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила восемьсот шестьдесят четвертая ночь, она сказала:

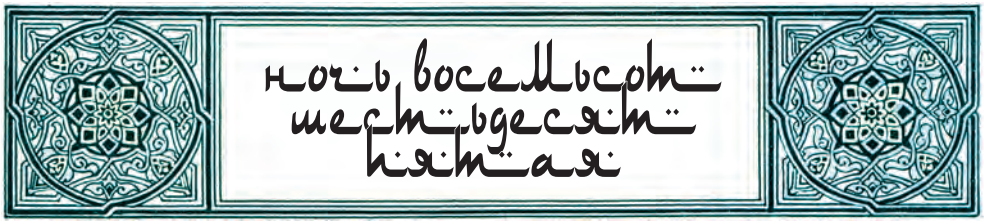


Тогда халиф слегка ударил нищего и, отойдя от него, сказал Джафару: – Мне хотелось бы знать, в чем тут дело.

Прикажи ему явиться ко мне во дворец во время послеполуденной молитвы. И Джафар, вернувшись к нищему, подал ему милостыню, ударил его по лицу и сообщил ему приказание халифа. Потом халиф и визирь увидели на площади красивого статного юношу, который жестоко пришпоривал и бил плетью свою лошадь так, что несчастное животное обливалось потом

и кровью. Увидав это, халиф возмутился этой жестокость и приказал визирю своему сказать юноше, чтобы на следующий день, в тот же час, когда было велено явиться нищему, и он пришел к нему во дворец. Затем по дороге ко дворцу халиф увидел вновь отстроенный дом. И соседи сказали, что он принадлежит канатному торговцу Хаджи Гасану, который недавно удивительно разбогател. Тогда владыка правоверных воскликнул: – Я непременно хочу видеть этого Хаджи Гасана! Пойди к нему, о мой визирь, и прикажи ему явиться ко мне во дворец в то самое время, которое я назначил двум другим! И визирь ответил ему на это полным послушанием. И вот на следующий день, как только окончился час послеполуденной молитвы, Джафар привел к халифу всех трех лиц, явившихся по его приказанию. И на вопросы халифа слепой нищий сказал: – О владыка правоверных! Прости, что вчера я не узнал тебя! Что же касается моего необыкновенного требования, то оно должно казаться людям весьма странным. Но это есть лишь весьма легкая кара за тяжкое преступление, совершенное мною. И ты сам убедишься в этом, о господин мой, когда я, согласно повелению твоему, поведаю тебе грех мой. Тут Шахразада заметила, что приближается время утреннего рассвета, и умолкла. А когда наступила восемьсот шестьдесят пятая ночь, она сказала:

ИСТОРИЯ СЛЕПОГО БАБЫ-АБДАЛЛАХА



Знай, о владыка мой, что меня зовут Баба-Абдаллах, и я родился в Багдаде. Отец мой и мать моя умерли один вслед за другим, оставив мне порядочное состояние. И я начал предпринимать торговые путешествия, питая надежду собрать в недолгий срок богатую наживу. И однажды, расседлав верблюдов, я увидел дервиша, который сел подле меня отдохнуть. Мы вынули дорожные припасы и принялись беседовать. И дервиш сказал: – Я знаю неподалеку место, в котором скрыт клад. И я предложил ему указать это место в обмен на одного из моих восьмидесяти верблюдов. Но дервиш, подметив мою скрытую алчность, сказал мне: – Я покажу это место, если ты отдашь мне половину своих верблюдов, груженых сокровищами. И увидав, что спорить с ним бесполезно, я согласился и погнал вслед за ним всех своих верблюдов. Пройдя небольшое расстояние, мы очутились в ущелье между двумя нависшими грядами скал, и ущелье это было так узко, что верблюды могли идти в нем лишь поодиночке, один за другим. Но немного дальше ущелье сразу стало шире, и мы вошли без труда в долину. И в этом диком месте не было ни одного человеческого существа, и здесь мы

Léon Carré

могли никого не опасаться. Тогда дервиш сказал мне: – Оставь здесь своих верблюдов и следуй за мной! И я пошел вслед за ним, тогда как мои верблюды становились на колени. И когда мы немного отошли от места нашей стоянки, он вынул кремень и огниво, высек огонь и зажег немного хворосту, взятого им с собою. Потом он бросил в пламя горсть благоухающего ладана и начал бормотать какие-то непонятные для меня волшебные слова. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот шестьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь восемьсот шестьдесят шестая

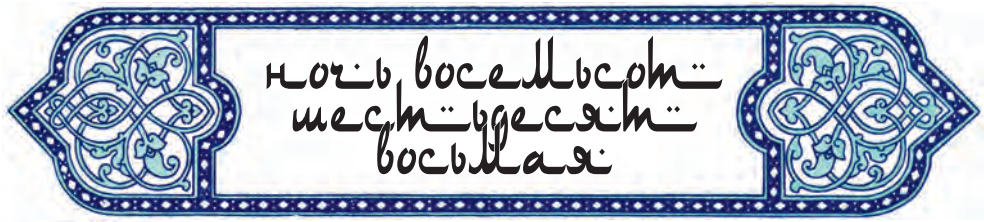
И облако дыма окутало гору, а когда он рассеялся, мы увидели приоткрытую дверь. И мы вошли в нее и увидели неисчислимые сокровища, лежавшие целыми грудами. Дервиш стал наполнять свои мешки драгоценными камнями, не обращая внимания на золото, и посоветовал мне делать то же самое. А когда мы нагрузили полными мешками наших верблюдов, дервиш взял напоследок маленькую золотую баночку и положил ее себе в карман. После этого он опять бросил в огонь ладана и опять начал бормотать заклинания, и дверь закрылась, а скала приняла свой прежний вид. И мы разделили между собою всех верблюдов, и каждый пошел своим путем-дорогой. Но вскоре Шайтан начал смущать меня, и, движимый жадностью, я нагнал дервиша и сказал ему: – Ты ведь святой, далекий от всего земного, забота о верблюдах причинит тебе много хлопот. Не отдашь ли мне половину, чтобы освободиться от суеты и забот? И дервиш согласился на это. И я взял у него половину верблюдов и пошел с ними своей дорогой. Но вскоре я опять вернулся к нему и сказал: – Едва ли ты будешь в состоянии заботиться об оставшихся верблюдах; прошу тебя, отдай их мне тоже! Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот шестьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь восемьсот шестьдесят седьмая

И дервиш без всякого неудовольствия расстался с ними и был готов снова пуститься в путь. Но я, одолеваемый жадностью, задержал его и спросил: – Зачем тебе эта маленькая золотая баночка? Прошу тебя, отдай мне и ее! Тогда он вынул баночку из-за пазухи и сказал: – О сын мой, я охотно отдам тебе ее, но сначала ты должен узнать силу находящейся внутри волшебной мази. Ее дивные свойства необыкновенны.

Gion Carré

Если ты закроешь левый глаз свой и помажешь веко этой мазью, ты увидишь сокровища, скрытые от взоров. Но если ты потрешь ею правый глаз, ты тотчас же ослепнешь на оба глаза! И я решил, не медля, испытать эту мазь и сказал дервишу: – Прошу тебя, положи мне немного мази на веко левого моего глаза! И когда факир сделал это, я открыл глаз и увидел скрытые сокровища земли в неисчислимом количестве. И тогда я подумал: «Если мазь произвела такое действие, когда ею был помазан левый глаз, то действие ее будет еще удивительнее, если ее положить на правый глаз». И я попросил дервиша помазать мне также и правый глаз. Он же стал отговаривать меня, но в проклятом своем упорстве я не хотел верить его словам. И когда святой увидел, что все увещания его тщетны и что я продолжаю упорствовать в своем намерении, он положил едва заметное количество мази на мой правый глаз. Когда же я раскрыл свои глаза во всю ширину их, я увидел, что я ослеп! Я не видел перед собою ничего, кроме полного мрака, и я начал проклинать его, и сказал: – Возьми обратно всех своих верблюдов и возврати мне зрение! А он ответил: – Ты сам не захотел послушаться меня и усомнился в истине моих слов. Теперь то, что произошло с тобою, непоправимо, и ты не вернешь себе зрение никогда! Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот шестьдесят восьмая ночь, она сказала:



И он покинул меня и погнал всех верблюдов со всеми сокровищами в Басру. Но на мое счастье несколько дней спустя этой дорогой проходил караван, и его люди взяли меня с собою в Багдад, где я и начал просить милостыню. И теперь за мою безбожную жадность я прошу каждого, кто подает мне милостыню, бить меня по щеке. И когда слепой окончил свою историю, халиф сказал ему: – О Баба-Абдаллах, прегрешение твое велико, но отныне ты можешь не заботиться о ежедневном пропитании своем, ибо я решил выдавать тебе ежедневно по четыре драхмы из моей казны до конца твоей жизни. Затем халиф повернулся к молодому человеку, который ездил верхом на кобыле, жестоко истязая ее. И он спросил его: – Как твое имя? Не бойся ничего и расскажи мне всю твою историю!

И юноша, склоняя голову, ответил: – О владыка правоверных, мое имя Сиди Нуман, и я не совершил никакого нарушения твоих законов или постановлений. Но каждый день я гоняю по площади свою кобылу, как ты сам видел это; и я изо всей силы бью ее при этом и больно колю ей бока. Но когда ты узнаешь все обстоятельства этого дела, ты сам найдешь, что это еще самое незначительное наказание за ее вину и что не она заслуживает твоего сострадания и твоего сочувствия, а я. И если ты разрешишь мне, я начну теперь свою историю. И халиф Гарун-аль-Рашид дал юноше разрешение говорить, и тот начал так... Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот шестьдесят девятая ночь, она сказала:

ИСТОРИЯ СИДИ НУМАНА

ночь восемьсот шестьдесят девятая

Родители оставили мне после смерти своей много богатства, и я жил, не зная печалей и забот, пока не задумал взять себе жену. И я сосватал себе молодую девушку, и когда впервые увидел ее лицо, то заметил, что оно было необычайно прелестно. И в ту ночь я покоился рядом с нею среди радости и любовных утех. А на следующий день, когда нам подали обед, я не нашел ее за столом и послал за нею, и через некоторое время она пришла и села за стол. И я подавил свое неудовольствие и решил не делать ей замечаний, пока не будет для этого более значительного повода. И тут я заметил, что она ест рис, выбирая его по зернышку. Тогда я сказал ей: – Моя Амина, что это за способ есть? Может быть, ты слишком расчетлива? Ешь, как и я! Но в ответ она не произнесла ни звука и продолжала подносить ко рту зернышко за зернышком. И она съела за обедом менее того, чем мог бы насытиться воробей. И за ужином моя жена продолжала упорствовать в своем странном поведении. И я очень удивился, как это она может жить без пищи. И вот однажды ночью она, думая, что я крепко сплю, поднялась с нашего ложа. И я чрезвычайно удивился этому, продолжая притворяться, будто погружен в глубокий сон. Когда же я увидел, что она одевается и выходит из комнаты, я встал с постели, накинул на себя платье и, повесив через плечо саблю, выглянул из окна, чтобы увидеть, куда она направилась. А она прошла через двор, открыла калитку и вышла на улицу. Тогда и я поспешил к калитке, которую она оставила открытой, и последовал за нею при свете луны, пока она не вошла на кладбище, расположенное недалеко от нашего дома. Увидав это, я остановился у стены кладбища и стал наблюдать за нею. И мне было видно все, происходившее там, тогда как сам я оставался незамеченным. И я увидел, что Амина сидит с гулой – нечистым духом, который живет в развалинах и пугает одиноких путников, иногда овладевая ими и питаясь их телом. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот семидесятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот семидесятая

Я оцепенел от ужаса, когда увидел, как жена моя и гула разрыли могилу и вынули из нее недавно преданное земле тело. И они начали отрывать от него куски и пожирать их, смеясь и болтая одна с другою. Окончив свою страшную трапезу, они бросили кости покойника обратно в могилу и засыпали ее землею. И пока они были заняты этим мерзким делом, я поспешил к своему дому и лег на постель. И вскоре появилась Амина; она потихоньку разделась и улеглась рядом со мною. И хотя мне было мерзко покоиться в постели рядом с пожирательницей трупов, я пролежал с ней до утра. А наутро я приказал служанкам накрыть на стол и сказал супруге своей: – О жена моя, неужели на столе нет в изобилии мяса более вкусного, чем человеческое? Тогда она поняла, что я узнал о ее похождениях. Лицо ее загорелось огнем, и от бешенства с ее губ покатилась пена. И она схватила сосуд, пробормотала какие-то непонятные слова и брызнула на меня водой. И я тотчас же превратился в собаку, а она схватила палку и начала немилосердно меня бить. И я, жалобно завыв от боли, выбежал из дома на улицу. Тут ко мне со всех сторон сбежались бродячие собаки. Увидав незнакомку, они начали лаять и кусать меня, а я, поджав хвост, начал бегать по базару, пока, наконец, не остановился у дверей булочной, через которые я увидел булочника, сидящего за завтраком. И он бросил мне кусочек хлеба. Но вместо того, чтобы схватить его и проглотить, как это делают обыкновенно собаки, я поднял брошенный мне кусок, приблизился к булочнику и начал смотреть ему в лицо, помахивая в знак благодарности хвостом. В этом месте своего повествования Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Когда же наступила восемьсот семьдесят первая ночь, она сказала:

ночь восемьсот семьдесят первая

Булочнику же понравилась моя благовоспитанность; он принял меня под свое покровительство, предоставив мне стеречь его запасы. И он хорошо кормил меня и самым ласковым образом обходился со мною. А я замечал всякое его движение, ложился и вставал по его приказанию, и лишь только слышал его зов, я вскакивал и весело выбегал из дверей. И случилось однажды, что к нему в лавку вошла женщина, чтобы купить хлеба, и она отсчитала ему за него несколько драхм, среди которых одна была фальшивой. И мой хозяин вернул ее, а женщина начала браниться и клялась, что она настоящая. Тогда булочник позвал меня по имени: – Бахт*! И когда он высыпал передо мною все монеты, я поставил свою лапу на поддельную. И булочник был поражен моей сообразительностью, а женщина заменила поддельную драхму настоящей.

И мой хозяин стал рассказывать об этом происшествии. И многие бросали передо мною на землю хорошие и плохие

* *Бахт* – счастье.

монеты, чтобы испытать меня, и много раз подряд я ставил на поддельные свою лапу и ни разу не ошибся. И вскоре молва обо мне разошлась по всему городу, и булочник начал обходиться со мною еще ласковее, и все его друзья говорили: «Поистине, эта собака превосходный меняла!» И некоторые завидовали такому счастью моего хозяина и пытались сманить меня от него, но хозяин мой не отпускал меня от себя, ведь молва обо мне привлекала к нему множество покупателей! Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот семьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь восемьсот семьдесят вторая

И вот спустя немного времени в нашу лавку пришла другая женщина купить хлеба и отсчитала булочнику шесть драхм, из которых одна была поддельная. И мой хозяин отдал мне их на пробу. И я поставил на поддельную драхму свою лапу и начал смотреть в лицо женщине. И она начала расхваливать меня за то, что я открыл это. И когда она уходила, она сделала мне знак, чтобы я последовал за нею. И я понял этот знак и пошел по ее следам. И войдя в свой дом, она провела меня в комнату, в которой сидела ее дочь. И ее мать сказала ей: – Посмотри хорошенько на эту собаку, дочь моя; животное она или человек, превращенный волшебством в животное? И молодая девушка, лицо которой было закрыто вуалью, поднялась, взяла сосуд с водою и брызнула на меня несколько капель, сказав при этом: – Если ты родился человеком, прими обратно человеческий вид! И тотчас же наружность собаки покинула меня, и я принял человеческий вид, и бросился к ногам молодой девушки, и начал целовать землю перед ней, и благодарить ее. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот семьдесят третья ночь, она сказала:

ночь восемьсот семьдесят третья

А девушка сказала мне: – Не благодари меня свыше меры, ибо я очень радуюсь тому, что могла оказать тебе такую услугу. Я долгое время была знакома с Аминой, еще до того, как ты женился на ней. Поэтому я знаю, что она опытна в волшебстве, и она знает тоже и о моем искусстве, ибо мы обе учились ему у одной и той же колдуньи. Мы часто как подруги встречались в бане, но она была невежлива и зла, и я

прекратила дальнейшее общение с нею. И за все зло, которое она причинила тебе, я хочу отомстить ей. И я хочу совершить это через тебя, чтобы ты сделался ее повелителем и стал вновь господином и хозяином своего дома. Сказав это, молодая девушка ушла в другую комнату, а потом вернулась с ведром и кружкой в руке и сказала мне: – Ступай теперь домой и знай, что, как только Амина увидит тебя, она будет поражена ужасом и попытается как можно скорее скрыться от тебя. Когда она будет убегать, брось на нее несколько капель воды из этой кружки и произнеси заклинание, которому я научу тебя. И после этого девушка начала учить меня волшебному заклинанию, которое я постарался запечатлеть как можно крепче в своей памяти. И когда я пришел домой, все случилось так, как говорила мне молодая волшебница. Когда Амина бросилась бежать от меня, я брызнул на нее и произнес волшебное заклинание, и она тут же превратилась в кобылицу, в то самое животное, на которое ты вчера, о царь, обратил свое внимание. И я, чрезвычайно удивившись, схватил кобылицу за гриву, надел на нее недоуздок и начал бить ее, пока рука моя не отказалась служить мне. И я постановил себе каждый день ездить на ней верхом во весь опор по площади, чтобы это было ей вполне заслуженным наказанием. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот семьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь восемьсот семьдесят четвертая

И халиф, увидев, что эта история окончена, воскликнул: – Поистине злодеяния твоей жены не имеют никакого оправдания, и наказание, которому ты подверг ее, кажется мне совершенно справедливым! Затем он обратился к третьему человеку, Хаджи Гасану, и сказал ему: – Все твои соседи отзываются хорошо о тебе и ни один не сказал против тебя ни одного дурного слова. И я бы хотел узнать все подробности о происхождении твоего богатства из собственных твоих уст. Ты можешь без всякого опасения рассказать мне всю твою историю, так как я ничего не желаю больше, как только знать ее. Тогда Хаджи Гасан поцеловал ковер у ног халифа и начал свою историю такими словами:

ИСТОРИЯ ХАДЖИ ГАСАНА – ВЕРЕВОЧНИКА

О добродетельный государь, знай, что жили в Багдаде два друга: Саад и Саади. И однажды Саади спросил: – Бедный человек тот, который родился в бедности и все свои дни проводит в нужде, или тот, который родился в довольстве и богатстве, а потом все промотал, и у него не осталось сил приобрести вновь прежнее

Léon Carré

состояние? И Саад ответил: – Бедность и богатство – только случайность. Иной бедный человек по прихоти судьбы делается богатым, а многие богатые, несмотря на свои способности и все свое могущество, впадают в нищету. А Саади ответил на это: – Лучше всего нам это проверить на деле. Поищем какого-нибудь бедного ремесленника и дадим ему некоторую сумму денег, и он, несомненно, умножит свои запасы и будет жить в покое и довольстве. Разговаривая так, они вышли на улицу, на которой стоял мой дом. И увидели они, как я кручу свои веревки, и по состоянию моего дома и по моей одежде они заключили, что я человек бедный. Тогда Саад, указывая на меня, сказал Саади: – Взгляни на этого человека. Он живет здесь уже много лет, добывая ремеслом веревочника свой скудный хлеб для себя и для своей семьи. Я нахожу, что он как раз подходит для нашего испытания. Дай ему денег, и ты увидишь, что из этого выйдет! Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот семьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот семьдесят пятая

Тогда оба друга вошли ко мне и спросили: – Как твое имя и как идет твое дело? Я же ответил: – Я называюсь Гасан, и я вынужден изо дня в день, с утра до вечера, крутить свои веревки, не зная ни минуты покоя. У меня есть жена и пятеро детей, которые еще слишком малы, чтобы помогать мне. И мне очень нелегко удовлетворять их самые необходимые потребности. Тогда Саади сказал мне: – О Гасан, если я дам тебе кошелек с двумястами динариями, ты, наверное, сумеешь увеличить свой заработок. Что скажешь ты на это? И я отвечал: – Если ты пожелаешь сделать мне такой подарок, я надеюсь сделаться богаче всех моих сотоварищей по ремеслу. И Саади нашел меня человеком достойным доверия. Он вручил мне кошелек с деньгами и сказал: – Возьми это золото и попытайся начать с ним торговлю, и да поможет тебе Аллах! Мы же будем рады, если когда-нибудь опять заглянем сюда и найдем тебя в блестящем положении, ибо это доставит нам величайшее удовольствие!

И я принял кошелек с величайшей радостью. Вернувшись домой, я вынул из него десять золотых динариев для своих нужд, а потом опять завязал кошелек и спрятал его в складках моего тюрбана. Потом я отправился на базар и купил для ужина немного мяса, так как мы уже давно его не пробовали. Но когда я шел домой с куском мяса в руке, внезапно спустился коршун. И в то время, как я отгонял его, на несчастье с головы моей свалился тюрбан. Тогда проклятый коршун в одно мгновение ока бросился на тюрбан, схватил его в когти, а я бросился бежать за ним с громким криком. На мой крик собрались мужчины и женщины, но напрасно они швыряли в коршуна камнями; он не захотел бросить тюрбан и улетел вместе с ним. И я был чрезвычайно огорчен потерей динариев и чуть не умирал от стыда при мысли о том, что скажет Саади. Я опасался, что он усомнится в истине моих слов и не поверит, когда я расскажу ему историю о коршуне, похитившем

мой тюрбан вместе с золотыми динариями. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот семьдесят шестая ночь, она сказала:

Ночь восемьсот семьдесят шестая

Поэтому я решил как можно лучше прожить на оставшиеся у меня деньги, и несколько дней все мы жили, ни в чем себе не отказывая, и я, и жена моя, и дети мои. И когда были истрачены все деньги, я опять стал так же беден и нищ, каким был до этого. Но все-таки я был благодарен Аллаху, который в своем милосердии неожиданно послал мне кошелек золота и Сам взял его обратно. И я был благодарен Ему и за это, ибо все, что творит Аллах, – благо. Ко мне приходили соседи и расспрашивали меня о моем приключении, но, когда я рассказал им обо всем, одни подумали, что я лгу, и смеялись надо мной, а другие сочли меня тронувшимся и смотрели на мои слова, как на бессмысленную болтовню. А молодые люди издевались надо мной и улыбались при мысли, что я, который в своей жизни не видел ни одной золотой монеты, внезапно мог приобрести столько золота и что коршун мог его похитить. Но жена моя поверила мне вполне, и плакала в горести, и била себя в грудь! Так прошло шесть месяцев, и вновь случился день, когда оба друга, Саади и Саад, пришли в мой околоток, и Саад сказал Саади: – Смотри, вот улица, на которой живет Гасан-веревочник. Пойдем, посмотрим, насколько он улучшил свое положение. И оба подошли к моему дому, и Саад сказал Саади: – Я замечаю, что он так же беден и нищ, как и был прежде. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот семьдесят седьмая ночь, она сказала:

Ночь восемьсот семьдесят седьмая

И после обычных приветствий он спросил меня: – О Гасан, принесли ли тебе какую-нибудь пользу двести динариев? И я ответил: – О господа мои, я не могу скрыть от вас того, что случилось со мною. И я рассказал им о моем приключении с коршуном от начала и до конца, не опуская никаких подробностей. Но Саади не поверил мне и сказал: – Истории, которую ты рассказал нам, поверить невозможно. Обыкновенно коршуны похищают не тюрбаны, но предметы, которые они могут пожрать. Ты просто принадлежишь к тем людям, которые в случае какой-нибудь неожиданной удачи бросают все свои дела, и проводят время

в удовольствиях, и после этого вновь впадают в бедность. Мне кажется, что с тобою именно это и случилось. Ты как можно быстрее постарался спустить наш подарок, и теперь ты так же беден, как и раньше. Но Саад принял мою сторону и сказал: – О Саади, мы часто видим и слышим, что коршуны похищают совершенно несъедобные вещи, и рассказ этот не совсем противоречит свидетельству рассудка. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот семьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь восемьсот семьдесят восьмая

И Саади вынул из кармана кошелек, снова отсчитал двести динариев и дал их мне со словами: – Возьми это золото и постарайся воспользоваться им как можно осторожнее и благоразумнее. И я взял деньги и осыпал его благодарностями, а потом пошел домой, где отделил десять золотых динариев, а остальные завязал в платок. И я начал искать надежное место, в котором мог бы скрыть свое богатство. И заметив в углу комнаты глиняный кувшин с отрубями, я засунул в него платок с золотыми монетами. А когда домой вернулась моя жена, я не сказал ей ни слова об этом происшествии. Когда же я вышел из дому, на мое несчастье к нам пришел продавец глины, которою бедные женщины моют обыкновенно свои волосы. И моя жена захотела купить себе глины, но у нее не было денег, и она предложила продавцу в обмен горшок с отрубями, и тот согласился на такой обмен и унес его с собою. Когда же я пришел домой, то увидел, что горшок исчез. И у меня не хватает слов, о владыка правоверных, чтобы описать тебе возмущение всех моих чувств, которые разрывали в этот миг мое сердце. И когда жена рассказала мне об обмене, я вскричал: – О несчастная! Что ты наделала! Ты разорила меня и твоих детей! Ты отдала торговцу глиной уйму денег! И я рассказал ей, как я спрятал в кувшине с отрубями сто девяносто золотых динариев. Тогда она начала горько плакать и жалостно причитать, сказав, что, если бы я сообщил ей о деньгах, беды бы не случилось. Десять динариев, которые остались у меня из двухсот, помогли мне некоторое время жить в довольстве. Однако я не знал, что мне сказать Саади, когда он опять придет ко мне. И вот однажды Саад и Саади, прогуливаясь мимо моего дома, опять зашли ко мне. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот семьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот семьдесят девятая

Léon Carré

ни вошли в мой дом и начали расспрашивать меня о моем положении. И я был смущен и пристыжен, когда рассказывал им все, что со мной случилось на этот раз. И тогда Саади сказал: – Мне кажется, я напрасно дал тебе четыреста динариев. И оба друга сожалели о несчастной моей судьбе. И тогда Саад дал мне свинцовую монету и сказал: – Возьми ее, быть может, она принесет тебе счастье. А Саади лишь посмеялся, когда услышал это. И я взял кусочек свинца и положил его в карман, а два друга простились со мною и пошли своим путем. И я принялся опять за свою работу и крутил веревки, пока не наступила ночь. И когда я снял с себя одежду, чтобы лечь в постель, из нее выпала свинцовая монета, данная мне Саадом, и я поднял ее и небрежно положил на подоконник. И вот в эту самую ночь случилось, что один из моих соседей, рыбак, нуждался в мелкой монете, чтобы купить пряжи для починки своей сети. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот восьмидесятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот восьмидесятая

Но это ему нужно было сделать засветло, чтобы еще до наступления ночи выйти на рыбную ловлю. И так как ночь была уже близка, он послал свою жену обойти вокруг своих соседей и занять у кого-нибудь из них мелкую медную монету, на которую бы он мог купить пряжи. И когда она постучала ко мне в дверь, я вспомнил о свинцовой монете, которую мне дал Саад, и я закричал ей: – Подожди, моя жена даст тебе то, чего ты просишь. И жена рыбака ответила: – Ты оказываешь нам большую услугу, и я обещаю, что тебе будет принадлежать вся рыба первого улова! И она взяла монету, вернулась домой и рассказала обо всем своему мужу. А тот купил пряжи, починил свою сеть, отправился на рыбную ловлю, закинул сеть, вытащил ее и нашел в ней одну большую рыбу. А потом он опять стал закидывать сеть, каждый раз находя в ней много большой и малой рыбы. И когда рыбак вернулся домой, он принес мне рыбу, которую он выловил первой, и сказал: – О сосед мой, жена моя обещала тебе всю рыбу первого моего улова; и вот единственная рыба, которую я вытащил, закинув в первый раз свою сеть. Прошу тебя, прими ее в знак моей благодарности и в исполнение обещания моей жены.

И я принял от него эту рыбу, передал ее моей жене, а она спросила: – Как мне ее приготовить? Мне кажется, самое лучшее будет разрезать ее на части и сварить для наших детей, так как у нас нет никаких кореньев и приправ, чтобы приготовить ее другим способом. И когда она начала чистить и потрошить рыбу, нашла в ее кишках большой алмаз, который она приняла за кусок стекла или хрусталя. В этом месте своего рассказа Шахразада заметила наступление утра и скромно умолкла. А когда наступила восемьсот восемьдесят первая ночь, она сказала:

Ночь восемьсот восемьдесят первая

И она взяла его и отдала самому младшему из детей, как игрушку. А когда наступила ночь, дети мои столпились вокруг этого камня и удивлялись его красоте, громко восклицая от восторга. И жена моя потушила лампу, но блеск алмаза был настолько силен, что мы могли все хорошо видеть без всякого освещения. И мои ребята, увидав, что вместо лампы нам теперь служит кусок стекла, начали прыгать, плясать и громко кричать от восторга, и все соседи могли слышать это. А в соседстве с нами жил богатый еврей, ювелир, который покупал и продавал всевозможные драгоценные камни. И он, и его жена долго не могли уснуть от шума и криков моих детей. И на следующее утро жена ювелира пришла к нам, чтобы пожаловаться на причиненное беспокойство.

И жена моя, догадавшись о причине ее прихода, сказала: – О Рахиль, боюсь, что мои дети обеспокоили тебя этой ночью своим смехом и криками. Прошу у тебя прощения за них. Ты ведь знаешь, что дети то плачут, то смеются от малейшей безделицы. Войди же ко мне и посмотри, ради чего мои дети подняли весь этот шум, совершенно справедливо возбудивший твое неудовольствие... Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот восемьдесят вторая ночь, она сказала:

Ночь восемьсот восемьдесят вторая

И еврейка последовала за моей женой в дом и увидела кусок стекла, из-за которого мои дети подняли такой крик и произвели столько беспокойства. И когда она увидела алмаз, она преисполнилась удивления, поскольку обладала большим опытом в распознавании всевозможных драгоценных камней.

И моя жена рассказала ей, как она нашла его в кишках рыбы, и еврейка сказала ей: – Это кусок стекла самого лучшего сорта. У меня есть такой же, который я ношу иногда. Если ты захочешь продать мне его, я согласна купить его у тебя. Но дети мои, услыхав эти слова, начали кричать, говоря: – Милая мать, не продавай это стекло, мы обещаем не шуметь больше! Тогда еврейка, уходя, шепнула моей жене: – Никому не говори об этом куске стекла, а если захочешь продать его, скажи мне об этом. И еврейка рассказала обо всем своему мужу, а он послал ее к нам домой торговаться. В это время я направился домой к обеду и увидел, что на пороге дома стоят обе

женщины и разговаривают. И моя жена сказала мне: – Наша соседка предлагает двадцать золотых динариев за наш кусок стекла, что скажешь ты на это? Тогда я вспомнил слова Саада о его счастливой монетке, а еврейка, подумав, что я не соглашаюсь на ее цену, предложила сразу пятьдесят динариев. И я сразу сообразил, что это стекло имеет, вероятно, очень большую стоимость, и я ответил ей: – Я не могу продать его дешевле ста тысяч золотых динариев, и то только потому я согласен на эту цену, что ты наша соседка. И еврейка сказала: – Пусть мой супруг рассмотрит его. И я ответил согласием, и на следующий день ко мне пришел еврей, и я показал ему алмаз, и он чрезвычайно дивился его красоте и сказал: – Могу предложила тебе за него пятьдесят тысяч золотых динариев! Но я отвечал: – Твоя жена сообщила тебе, вероятно, мою цену; я требую сто тысяч золотых динариев и ни одним меньше. И еврей сделал все возможное, чтобы приобрести камень дешевле, но на все его попытки я отвечал: – Я не согласен. И если ты не сойдешься со мной, я предложу камень какому-нибудь другому ювелиру. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот восемьдесят третья ночь, она сказала:

Ночь восемьсот восемьдесят третья

В конце концов, он согласился и на следующий день принес все сто тысяч золотых динариев. И я, передав ему алмаз, привел в лучший вид мой дом и дал денег моей жене на расходы по хозяйству и на платье для нее и детей.

И после этого я обошел всех веревочников в городе и скупил у них за большие деньги все их заведения, и приставил их самих к производству, и над каждым заведением поставил по одному смышленому человеку для надзора. И теперь во всем Багдаде нет ни одного округа и ни одного околотка, в котором бы у меня не было веревочного заведения или канатного двора. Для моего торгового дома я купил ветхую постройку, снес ее, и на ее месте выстроил новое просторное здание, в котором теперь кроме склада товаров есть и скромно обставленное помещение для меня и для моей семьи. И вскоре после моего переселения в новый дом оба моих благодетеля вновь навестили меня. И они очень удивились, когда увидели мой великолепный дом. И Саади сказал своему другу: – Я рад счастью, выпавшему на долю Гасана, хотя нелепо думать, что он смог разбогатеть от мелкой монеты, которую ты дал ему. А Саад ответил: – Ты ошибаешься. Я убежден, что все сказанное нам – несомненная истина. Я убежден, что все эти богатства он приобрел единственно с помощью свинцовой монеты. И среди подобного разговора они достигли улицы, на которой я теперь живу, и постучались в двери моего нового дома. И я тотчас же узнал их и поспешил им навстречу. В этом месте своего повествования Шахразада заметила наступление утра и скромно умолкла. А когда наступила восемьсот восемьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь восемьсот восемьдесят четвертая

И я провел их в большую залу и заставил их сесть на самые почетные места. И тогда Саади сказал: – Я не сомневаюсь, что ты обязан всем своим богатством тем четыремстам динариям, которые я тебе дал. Но объясни мне, пожалуйста, ради чего ты дважды обманул меня, сказав мне неправду? А Саад, не одобряя этих слов, возразил: – О Саади, как часто уверял я тебя, что все, рассказанное нам Гасаном о потере золотых динариев, одна истина! И они принялись спорить друг с другом, а я рассказал им историю о свинцовой монете, рыбаке и об алмазе в кишках рыбы. И тогда Саади сказал: – О Гасан, мне кажется чрезвычайно удивительным, чтобы в кишках рыбы мог найтись такой большой алмаз. И я считаю это так же невозможным, как и то, что коршун похитил твой тюрбан. Ты утверждаешь, что рассказанное тобою – истина, но я еще ни разу не нашел возможным поверить твоим словам, и я твердо уверен, что тебе все это богатство принесли мои четыреста динариев. Тут оба друга поднялись, чтобы уходить, а я решил проводить их. А в это время двое моих сыновей бегали по саду, разыскивая птичьи гнезда. И вдруг они увидели на вершине одного дерева большое гнездо и захотели взобраться на дерево, чтобы снять его. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот восемьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот восемьдесят пятая

Но у них не хватило ловкости вскарабкаться так высоко, и они приказали взлезть на дерево бывшему при них молодому рабу. И когда он заглянул в гнездо, то увидел, что оно главным образом состояло из старого тюрбана. И он спустился вместе с ним и передал его моим сыновьям, и старший из них принес показать это гнездо мне. Саад и Саади чрезвычайно были изумлены его видом, и удивление их увеличилось еще более, когда я по верным признакам узнал свой тюрбан, который был схвачен и унесен коршуном. И я взял тюрбан в руку и почувствовал, что он очень тяжел, а когда я раскрыл несколько его складок, оттуда высыпались золотые динарии. И Саади начал считать их и насчитал ровно сто девяносто. Тогда, глубоко пристыженный и взволнованный, он сказал мне: – Теперь я верю твоим словам, но ты должен сознаться, что половиною твоих удивительных богатств ты все же обязан двумстам

динариев, которые я дал тебе при нашем втором посещении.

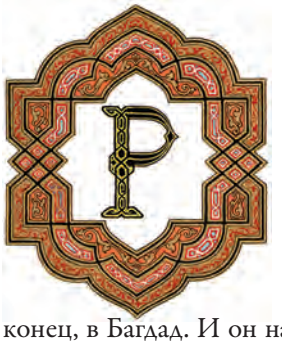
На эти слова я не дал никакого ответа, и оба друга возобновили свой спор по этому вопросу. Но в это время ко мне подбежал один из двух невольников, которых я посылал найти зерна, чтобы покормить коней моих гостей. И он рассказал мне, что в силу вечернего времени большинство лавок были уже закрыты, но в одной из них ему удалось найти кувшин, доверху наполненный отрубями, и он купил эти отруби с условием возвратить кувшин на другой день. И когда он стал перебирать отруби, подавая их лошадям, рука его наткнулась на тряпку, в которой было завернуто что-то тяжелое. И невольник спросил... В этом месте своего рассказа Шахразада заметила наступление утра и скромно умолкла. А когда наступила восемьсот восемьдесят шестая ночь, она сказала:

Ночь восемьсот восемьдесят шестая

Не тот ли это платок, о потере которого ты так часто говоришь? И я взял платок, и увидел к моему великому изумлению, что это тот же самый платок, в который я завернул мои сто девяносто динариев, перед тем как опустить их на дно кувшина с отрубями. Тогда я сказал моим друзьям: – Аллаху Всевышнему было угодно доказать мои слова, и вы видите теперь, что я говорил вам только чистейшую правду. Затем я сказал Саади: – Вот динарии, которые я получил от тебя и которые я завернул в этот платок. Тогда Саади признал, что он был неправ, и сказал Сааду: – Теперь я убедился, что ты прав и что богатство приходит не от богатства, но единственно от Аллаха Всевышнего, милостью Которого бедный человек делается богатым. И он попросил у меня прощение за недоверие к моим словам. И мы разошлись, чтобы предаться сну, а на другой день утром оба друга простились со мною и ушли, убедившись, что я не растратил полученных от них денег.

Когда халиф Гарун-аль-Рашид услышал историю Хаджи Гасана, он сказал: – Я давно слышал о тебе, как о человеке, который пользуется уважением за честность. К тому же тот самый алмаз, который принес тебе столько богатств, находится теперь в моей сокровищнице; и я хотел бы сейчас же послать за Саади, дабы он собственными глазами увидел его и убедился, что не деньги ведут людей к богатству или бедности. Ты же ступай к моему казначею и расскажи ему свою историю, чтобы он записал ее на вечные времена и хранил это писание вместе с алмазом в моей сокровищнице. И после этого халиф жестом отпустил Хаджи Гасана. И вместе с Гасаном поцеловали подножие трона Сиди Нуман и Баба-Абдаллах и пошли своим путем. И вот, о благословенный царь, история ночных приключений калифа Гарун-аль-Рашида. Но она далеко не так удивительна, как история волшебника и молодого багдадского повара, которую я собираюсь рассказать тебе, если ты удостоишь меня своим вниманием. И Шахрияр сказал: – Ты можешь рассказывать. И она начала так:

История волшебника и молодого багдадского повара



Рассказывают, что некогда жил один волшебник, которого судьба приводила из одного города в другой, пока не прибыл он, наконец, в Багдад. И он нашел, что это несравненный город и что нет ему равного среди других городов. Посредине города извивался Тигр, смешивая свои воды с водами Евфрата, и семь прекрасных мостов возвышались над соединенными потоками. Местами выстраивались в ряды лодки, прикрепленные одна к другой, служа как тем, которые спешили по делам, так и тем, которые отправлялись подышать чистым воздухом в садах и парках, где в изобилии красовались душистые плоды, и птицы прославляли могущество великого Творца. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила восемьсот восемьдесят седьмая ночь, она сказала:

И вот, гуляя по базарам, волшебник подошел к лавке одного повара, и он увидел, что это юноша лет четырнадцати, прекрасный, как луна в ее четырнадцатую ночь. Но лицо его было покрыто необыкновенной бледностью. И волшебник вошел в лавку, а молодой повар после обычных приветствий поставил перед ним тарелки с приготовленными блюдами. И тогда волшебник сказал: – Я вижу, сын мой, что ты серьезно болен, ибо лицо твое совершенно пожелтело. Скажи, что случилось с тобою, ибо я врач и могу дать тебе лекарство от твоей болезни. При этих словах юноша испустил

тяжелый вздох и сказал: – О господин мой, я не страдаю болезнью, но знай, что я несчастный влюбленный и что я разлучен с тою, которую люблю. Тогда волшебник спросил: – Кто же та, которая пленила твое сердце? И юноша ответил: – Знай, что у халифа Эль-Мутазид-Биллаха есть дочь необыкновенной красоты, и ни один рассказчик не описывал женщины, которая могла бы сравниться с нею по красоте. Цари разных стран добиваются ее руки, но ее отец отклоняет всякие предложения, так как не желает расставаться с нею. И каждую пятницу, когда народ спешит в мечеть на молитву, оставляя свои лавки, несравненная дочь халифа выходит из дворца и развлекается осмотром базаров, после чего она отправляется в гамам, а оттуда спешит обратно во дворец. И вот в одну пятницу я сказал себе: «Брошу хоть мимолетный взгляд на нее!» И когда наступило время молитвы, я спрятался в своей лавке. И я увидел дочь халифа в сопровождении сорока молодых девушек, подобных лунам. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот восемьдесят восьмая ночь, она сказала:

госпожа их, сиявшая, как солнце, обливала их своим сиянием. И едва успел я бросить единственный взгляд на нее, как сердце мое возгорелось любовью к ней, и с тех пор я томлюсь тоской по ней, и тоска моя беспредельна! Тогда волшебник спросил его: – А если я соединю тебя с нею, чем заплатишь ты мне? И молодой повар ответил: – Я отдам в твое распоряжение все мое имущество и даже мою собственную жизнь! Тогда врач-волшебник сказал: – В таком случае принеси мне металлический сосуд, семь иголок, кусочек свежего алоэ, кусок вареного мяса, немного сургуча, баранью лопатку, кошму и тафты семи разных сортов. И когда юноша исполнил это требование, мудрец взял баранью лопатку и исписал ее всю стихами из Корана и заклинаниями, угодными Владыке Небес, а потом завернул ее в кошму и покрыл семью сортами тафты. После он взял металлический сосуд, вонзил семь иголок в зеленое алоэ, заключил его и вареное мясо в сосуд и припечатал его сургучом. Сделав это, он повторил три раза какие-то волшебные заклинания.

Тогда волшебник сказал юноше: – Надушись, надень лучшие свои одежды и разложи постель, ибо не пройдет и часу, как ты увидишь перед собой свою возлюбленную! Проговорив эти слова, мудрец бросил баранью лопатку и поставил на огонь металлический сосуд. А юноша тотчас же поднялся с места и в точности исполнил предписание волшебника, хотя в душе и не верил тому, что сейчас явится перед ним его возлюбленная. И вдруг задняя дверь его лавки отворилась, и появилась на своей постели спящая молодая девушка, прекрасная и сияющая, как утреннее солнце. И когда молодой повар увидел ее, он остолбенел и воскликнул... Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила восемьсот восемьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот восемьдесят девятая

Поистине, это удивительное существо! И он сказал волшебнику: – О господин мой, ты принадлежишь к числу святых Аллаха! А тот ответил: – Ложись и позабавься с нею! И юноша скользнул под одеяло и заключил в свои объятия молодую девушку. Она же, открыв глаза, спросила: – Кто ты? А он ответил: – Я пленник твоих глаз, живущий лишь мыслью о тебе! Тогда она взглянула на него, и в душе ее возгорелась любовь к нему, и она спросила: – О возлюбленный мой, человек ты или джин? Он же отвечал – Я человек! Тогда она спросила: – Кто же принес меня к тебе? И он ответил: – Ангелы и духи, джины и эфриты! Тогда она сказала: – Умоляю тебя, прикажи им, чтобы они каждую ночь переносили меня в твои объятия. А он ответил: – Это цель и моих желаний! И после этого они принялись целоваться и провели ночь в тесных объятиях. А наутро волшебник отправил молодую девушку тем же путем, каким она прибыла, и с этих пор она каждую ночь переносилась к юноше на своей постели, и ночь проходила для них в наслаждениях и радости. Но однажды молодая царевна сидела вместе со своей матерью, и той она показалась какой-то распухшей. Тогда мать протянула руку к животу дочери и с тревогой спросила ее: – О дочь моя, что случилось с тобою, и отчего ты так распухла? Дочь отвечала: – О мать, не знаю ничего! Тогда мать протянула руку к животу дочери и увидела, что дочь ее беременна. И увидев это, она закричала и стала бить себя по лицу, и спросила: – Как это случилось? И невольницы, услышав ее крики, прибежали и спросили ее: – О госпожа наша, что так встревожило тебя? Она ответила: – Мне нужно сейчас же видеть халифа. И халиф поспешил к своей супруге; и как только взглянул он на дочь, то тотчас же понял, в каком она положении, и спросил у нее: – О дочь моя, кто привел тебя к этому? Клянусь могилами моих предков, если ты скажешь мне правду, я не сделаю тебе никакого зла! И царевна ответила: – Отец мой! С некоторых пор постель моя каждую ночь уносит меня к юноше несравненной красоты; он ложится рядом со мною и спит со мною до утра, после чего постель моя приносит меня обратно во дворец. Но каким образом и почему это делается, я не знаю. В этом месте своего повествования Шахразада заметила приближение утра и скромно умолкла. А когда наступила восемьсот девяностая ночь, она сказала:

ночь восемьсот девяностая

Léon Carré

Услыхав эти слова, халиф изумился до крайних пределов и позвал своего визиря, который обладал проницательным умом. И когда он сообщил ему о случившемся, визирь сказал: – Пусть принесут сюда мешок с овсом. И когда это было сделано, он положил его в постель царевны, оставив отверстие мешка открытым, чтобы во время движения постели овес сыпался из мешка на землю. И халиф воскликнул: – Хитрость твоя бесподобна! И когда ночью постель, по обыкновению, унеслась с царевной, зерно высыпалось широкой полосой от ворот дворца халифа до дома молодого повара. Но утром мудрец-волшебник сказал юноше: – О сын мой, родные царевны собираются напасть на тебя! И юноша воскликнул: – Что же ты советуешь предпринять? А волшебник ответил: – Не бойся ничего, ибо я намерен испытать на них действие моих чар.

Когда юноша услышал эти слова, он повеселел и радостным голосом воскликнул: – Аллах Всевышний да воздаст тебе своими щедротами за все, что ты делаешь для меня! А визирь с наступлением утра отправился к халифу и вместе с ним вошел в покои царевны. Увидав пустой мешок, визирь воскликнул: – Теперь, наконец-то, мы накрыли нашего врага! Прикажи подать коней, о халиф времен, и отправимся по следам овса! Тогда халиф отдал приказ привести коней, и в сопровождении визиря, своей свиты и отряда всадников отправился по следам овса, и вскоре подъехал к дому повара. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила восемьсот девяносто первая ночь, она сказала:

ночь восемьсот девяносто первая

Когда юноша услышал топот коней и бряцание оружия, он сказал волшебнику: – О господин мой! Что нам делать? А волшебник ответил: – Возьми ведро воды, поднимись с ним на крышу и полей из него водою вокруг всего дома. И когда юноша исполнил это, вдруг – О чудо! – место это превратилось в остров, а вокруг заревел океан. И халиф удивился свыше меры и спросил визиря: – Давно ли здесь бушует море? Мы рискуем погубить в нем наших воинов. И визирь ответил: – Это волшебный поток! Нам стоит обратиться к обитателям этого дома и обещать им безопасность. И с позволения халифа визирь приказал своим людям громко вызвать обитателей дома. Услыхав этот зов, волшебник сказал юноше: – Поднимись на крышу и скажи халифу следующее: «Ты в безопасности, уходи отсюда, тогда мы сами придем к твоей милости; не то ты лишишься и своей дочери, и своего войска, и сам ты, о владыка правоверных, вернешься домой изгнанником. Иди же своей дорогой, ибо не так подобает нам встретиться, и твой образ действий совершенно неприличен». Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила восемьсот девяносто вторая ночь, она сказала:

ночь восемьсот девяносто вторая

И когда молодой повар исполнил приказание волшебника, визирь сказал халифу: – Поистине, это волшебники или джины, ибо никогда не видели мы и не слышали ничего подобного. И тогда халиф с тяжелым сердцем вернулся в свой дворец. И вскоре перед ним появились волшебник и молодой повар. Увидав их, халиф воскликнул: – Палач, подай мне голову этого юноши! И как только халиф проговорил эти слова, палач взмахнул мечом, но совершенно неожиданно он опустился прямо на шею одного из его помощников, и голова его скатилась прямо к ногам халифа. И царь воскликнул: – Разве ты ослеп, негодный потребитель гашиша, что ты не видишь твоей цели! И палач снова поднял руку, но удар опять пришелся на шею его подручного, голова которого скатилась прямо к ногам халифа. Тогда визирь воскликнул: – О халиф времен, как можешь ты состязаться с людьми, подобными этим? Мой совет таков: встань и поцелуй руку у этого мудреца, и попроси у него пощады, чтобы он не причинил нам еще большего зла. Когда царь услышал эти слова из уст своего министра, он поднялся на ноги и, поцеловав руку у мудреца-волшебника, сказал: – Поистине, мы совсем не знали тебя, и мы не подозревали о степени твоего превосходства. Но скажи, о учитель, зачем сделал ты то, что сделал, моей дочери и погубил моих слуг? Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила восемьсот девяносто третья ночь, она сказала:

ночь восемьсот девяносто третья

Мудрец же ответил: – О халиф, я чужестранец, разделивший с этим юношей хлеб и соль. Когда я узнал о его печали, я решил помочь ему, использовав все свое искусство чернокнижия. И я прошу тебя – отдай дочь свою этому прекрасному юноше, ибо она создана для него! Сказав это, мудрец протянул руку к занавеси за спиной халифа, на которой были изображения двух львов. И вдруг львы вытянули свои когти и зарычали, и рычание их раздавалось, точно раскаты грома, а потом они снова стали лишь изображениями. И халиф до крайности изумился этому и сказал мудрецу: – Покажи нам другие чудеса! Тогда волшебник обратился к придворным и спросил: – Кто из вас желает позабавиться? И когда вызвался визирь, мудрец попросил принести большой котел с водой и предложил визирю окунуться в него.

И визирь, опустив голову в воду, увидел себя среди бушующего моря. Гигантская волна выбросила его на берег, и, взглянув на себя, он увидел, что превратился в женщину, с грудями и длинными черными волосами до самых пят. И к нему приблизился рыбак и сказал: – Вот благословенный день, в который Аллах посылает мне хорошенькую девушку, чтобы я мог женить на ней своего сына! Услыхав эти слова, превращенный визирь подумал: «Я был визирем, а теперь сделался бабой, и этот человек хочет выдать меня замуж! А кто станет советником халифа и возьмет на себя заботы о государстве и стране?» А рыбак, который в своей радости не хотел даже заняться по обыкновению своим делом, привел превращенного визиря в свой дом и крикнул жене: – Этот день для нас благословенный! Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила восемьсот девяносто четвертая ночь, она сказала:

ночь восемьсот девяносто четвертая

Аллах прислал нам в дар морскую деву! Где сын наш? Я намереваюсь соединить их браком! А визирь, взглянув на сына рыбака, подумал: «Горе мне! Сегодня ночью я сделаюсь женой этого парня и буду спать с ним. Чего ради польстился я на подобное развлечение?» А юноша женился на русалке, и лег с нею, и лишил ее девственности, и после девяти месяцев она одарила его ребенком. И так жили они в браке, пока визирь не сделался матерью семи детей. И удрученный до крайности страданиями материнства, он решил утопиться в море. Но едва волна повлекла его в глубину, голова его высунулась из котла, и он увидел, что сидит на прежнем месте, как ни в чем ни бывало. И халиф спросил его: – Что же ты видел? И визирь ответил: – Я видел такие чудеса, какие не приводилось видеть ни единому смертному! И если ты желаешь собственными глазами насладиться ими, опусти голову в воду! И халиф согласился на это. Но как только его голова оказалась под водой, он увидел себя совершенно нагим на берегу бушующего моря. И он подумал: «Быть может, визирь уже овладел моим царством? Для чего понадобилось мне это проклятое развлечение?» И он побрел по берегу и вскоре дошел до города, жители которого, подумав, что видят потерпевшего крушение морехода, подали ему милостыню и рваную одежду, чтобы прикрыть его наготу. Тогда он пошел бродить по городу и очутился, наконец, на базаре, где увидел повара; и он остановился перед ним с открытым ртом, ибо изнемогал от голода. Повар же с первого взгляда решил, что это чужестранец и, вернее всего, мореход, потерпевший крушение, и он сказал ему: – О брат мой, войди ко мне в лавку, отдохни, ты, по-видимому, чужестранец, и в угоду Аллаху я готов взять тебя в услужение. И халиф остался жить у повара, говоря сам себе: «Теперь я должен вылизывать тарелки! Нечего сказать, нужно было мне гнаться за таким удовольствием!» Тут Шахразада увидела приближение утра и умолкла. А когда наступила восемьсот девяносто пятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот девяносто пятая

Но случилось однажды, что он отправился на базар ювелиров и увидел купца, который держал в руке драгоценный камень. И халиф спросил его: – Желаешь ты продать его? И когда тот кивнул в ответ, халиф взял у него драгоценный камень и отправился с ним к другим купцам; а те, увидав его, стали восхищаться его необычайной красотой. И халиф переходил от одного купца к другому, и один набавлял цену перед другим, пока она не достигла ста тысяч динариев. Но когда купец, предложивший такую цену, поднялся, чтобы уплатить деньги, он вдруг увидел, что камень этот – просто кусок черного стекла.

Тогда до крайности взволнованный, он закричал: – О Сатана, ты хочешь сбыть фальшивый камень, забывая, что базар наш стоит под охраной нашего султана? И когда купцы услышали эти слова, они схватили маклера, связали его, привели к султану и рассказали ему, что случилось. И тогда султан приказал повесить маклера, после чего купцы, заковав его в цепи, обнажили ему голову и велели глашатаю произнести следующее: «Таково наказание для того, кто сбывает фальшивые товары и пытается обмануть купцов на царском базаре». И халиф сказал себе: «Вот что значит попасть из огня да в полымя!» Но когда его повели к месту казни, набросили ему веревку на шею и собирались уже вздернуть, он вдруг открыл глаза и увидел, что вынырнул из котла. Тут Шахразада заметила, что близится утро, и умолкла. А когда наступила восемьсот девяносто шестая ночь, она сказала:

ночь восемьсот девяносто шестая

И халиф и визирь рассказали друг другу все свои приключения, и присутствующие изумлялись великому искусству волшебника. Затем позвали кади и свидетелей, и был составлен брачный договор между молодым поваром и дочерью халифа. И с того времени мудрец жил при дворце султана, пользуясь высоким почетом и всеми благами жизни; и все они вели жизнь, полную радостей, пока не явилась Разлучница всех союзов. Такова история волшебника и молодого повара из Багдада. Но она далеко не так изумительна, как героическая история Аджиба, Хариба и Сахима, которую я собираюсь тебе рассказать. И царь Шахрияр ответил Шахразаде: – Ты можешь рассказывать! И она начала новый рассказ свой:

Героическая история Аджиба, Хариба и Сахима

В древние времена был у престарелого царя Кундамира неукротимый, коварный и жестокий сын Аджиб. Выезжая на охоту, он брал с собою тысячу всадников и занимался с ними грабежами и набегами, похищая дочерей у окрестных князей. И однажды, возжаждав власти, Аджиб вошел к спящему отцу своему и отрубил ему голову. А когда настало утро, он сел на трон своего отца, а эмиры и визири, увидав повелителя своего убитым, испугались чрезвычайно и сказали Аджибу: «Ты теперь царь наш». Но через пять месяцев после этого дня приснился Аджибу страшный сон о том, как из тела убитого царя вылетело что-то величиною с пчелу и стало расти, пока не сделалось огромным, как лев. И чудовище это бросилось на Аджиба и стало раздирать его тело когтями. И тот, проснувшись в страхе и ужасе, спросил истолкователей снов, что это значит. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила восемьсот девяносто седьмая ночь, она сказала:

ночь восемьсот девяносто седьмая

А те ответили: – Этот сон говорит о человеке, рожденном от твоего отца; между ним и тобою возгорится вражда, и он победит тебя. Выслушав это, Аджиб сказал: – У меня нет брата, ваши слова пустая ложь! Но когда он осмотрел наложниц своего отца, он нашел одну беременную на седьмом месяце. И он приказал двум рабам своим утопить ее в море. И они повели ее к морю, но, увидев, что она хороша собой,

Leon Carre

подумали: «Зачем топить ее? Лучше насладиться с нею радостями любви». И они зашли в небольшой лесок, где начали спорить, кто возьмет ее первым. И спор их зашел так далеко, что бросились они друг на друга с ножами и вскоре оба упали убитыми. А невольница, оставшись одна, стала жить в лесу, питаясь плодами, и вскоре родила мальчика, которому дала имя Эль-Хариб – чужеземец. Но однажды в лес заехали бедуины. Они захватили женщину с собой и привели ее к своему эмиру Мардасу. И женщина понравилась ему чрезвычайно, и она забеременела от него и вскоре родила мальчика, которому дала имя Сахим-эль-Лейль – защита ночи. Мальчик этот рос во дворце Мардаса вместе с братом своим. Лучшие арабские воины учили их стрелять из лука, метать копье и владеть мечом, и оба брата преуспевали в науках.

Но у Мардаса было много врагов, и однажды, вернувшись со свадьбы своего друга в лагерь, он увидел, что всюду лежат трупы людей, а над ними кружатся птицы. Причина же этого была в том, что во время отлучки Мардаса на его лагерь напал царь Эль-Хамал. Хариб же и брат его Сахим были на охоте. Пока они отсутствовали, Эль-Хамал разграбил лагерь, перебил людей и взял в плен женщин, а с ними и Махдию, дочь царя Мардаса, несравненная красота которой не поддавалась описанию. Когда же Хариб и Сахим увидели, что произошло, Хариб взял с собою сто человек и бросился в погоню. С неукротимым бешенством он рубил головы направо и налево, пока не настиг самого Эль-Хамала. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила восемьсот девяносто восьмая ночь, она сказала:

ночь восемьсот девяносто восьмая

И Хариб бросился на Эль-Хамала и одним смертельным ударом сбил его с лошади. И он вернул Махдию в лагерь, но стрелы ее взглядов пронзили его; и запутался он в сетях любви, и сердце его, полное желания и томления, не находило услады ни во сне, ни в пище, ни в напитках. Свою тайну Хариб сообщил одному из друзей, и вскоре она дошла до ушей Мардаса. При этом известии он стал поносить солнце и луну и в ярости закричал: – Вот награда тому, кто воспитывает детей безродных! И он понял, что хочет убить Хариба. Дождавшись, когда тот поехал на охоту далеко в горы, он устроил засаду, чтобы напасть на него при возвращении. Но в это время на Мардаса и его воинов напали люди брата убитого Эль-Хамала, и Мардас попал в плен.

А в это время Махдия пошла к Сахиму и сказала ему: – Без Хариба осталась бы я в плену, и знай, брат мой, что теперь отец твой поехал с людьми, чтобы убить его. И когда Сахим услыхал это, он поспешил вслед за братом своим и, догнав его, все рассказал ему. И повернули они обратно, но на обратном пути в ночи встретили воинов, которые произносили имя Мардаса, говоря: «Мы убьем его только на нашей земле». Тогда понял Хариб, что Мардас попал в плен, и сказал себе: «Клянусь жизнью Махдии, я не уйду отсюда, пока

не освобожу ее отца». И найдя Мардаса, он подошел к нему и сказал: – Да освободит тебя Бог от этих цепей и от этого срама. А Мардас, увидав Хариба, смутился разумом и ответил: – Сын мой, отдаю себя под твою защиту, освободи меня за то, что я воспитал тебя. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила восемьсот девяносто девятая ночь, она сказала:

ночь восемьсот девяносто девятая

Хариб же спросил: – Если освобожу тебя, отдашь мне Махдию? А тот ответил: – Клянусь, она твоя на все времена! И Хариб освободил его и всех людей его и бросился с ними на врагов, пустив их в бегство. Но когда все стали восхвалять Хариба, ненависть еще сильнее овладела сердцем Мардаса, и он сказал Харибу: – Я поклялся перед богами, что отдам Махдию только тому, кто отомстит за смерть моего сына. А его убил черный великан ростом в семьдесят футов, который сражается деревьями, вырывая их из земли с корнями. Тогда Хариб воскликнул: – Я отомщу за кровь сына твоего! Но поклянись, что после ты отдашь Махдию мне в супруги. И Мардас поклялся, а Хариб пошел к матери своей и рассказал ей обо всем. А мать предупредила его о коварстве Мардаса.

На другой день Хариб с двумястами друзьями отправился в путь, и ехал он два дня, пока не достиг высокой горы. И Хариб зашел в пещеру, которая была в горе, и увидел в ней старого шейха трехсот сорока лет, брови и усы которого спускались на губы его. И шейх сказал ему: – Мне кажется, ты принадлежишь к неверным, которые почитают камни, вместо Создателя дня и ночи? Хариб же ответил: – О шейх, скажи мне, где этот Великий Господин, чтобы я послужил Ему? Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. Когда же наступила девятисотая ночь, она сказала:

ночь девятисотая

Шейх ответил: – Сын мой, никто в мире не видел Его, но Он видит все, оставаясь Невидимым. Он создал людей и джинов, и он посылает пророков, чтобы они направили создания Его на путь истины. Кто слушается Его, того вводит Он в рай, а кто противится Ему, того бросает Он в адский огонь. И Хариб спросил: – Что же должен сказать я, чтобы служить этому Великому Господину? Шейх же ответил: – Скажи: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет – пророк его». Тогда Хариб стал исповедовать ислам

сердцем и устами, и он рассказал шейху свою историю, упомянув о великане, которого он отправлялся искать. Тогда шейх сказал ему: – О Хариб, ты, верно, сошел с ума, что хочешь идти один против людоеда из горы! Хариб же возразил: – У меня есть двести всадников. Но шейх сказал: – О Хариб, если б у тебя было их десять тысяч, ты и тогда был бы бессилен против него. Он неукротим и живет, питаясь только человеческим мясом. У него есть пять сыновей, и все они такие же сильные и свирепые, как и он. Вот почему я боюсь за тебя. Сказав это, шейх дал Харибу панцирь, щит и стальную дубину, к которой были привешены десять колец, гремевших, как гром. И дал он ему скованный из молний меч, который одним ударом разрубал скалу. И ставший мусульманином Хариб вышел из пещеры, возвратился к товарищам своим, рассказал им о своем приключении и обратил их всех в мусульманскую веру. И в эту ночь все они отдыхали, а утром Хариб увидел закованного в железо всадника, который приблизился к нему со словами: – Вынимай все, что есть при тебе, арабская рожа, или я выпущу из тебя душу! И Хариб тотчас же бросился на него... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот первая ночь, она сказала:

ночь девятьсот первая

Хариб тотчас же бросился на него, а это был Фальгун, сын людоеда из горы. И Хариб ударил его дубиною между плечами, и тот свалился на землю, как высокая пальма. Сахим же и его товарищи кинулись к нему, связали ему руки и надели веревку на шею. Тогда сам людоед Саадан вышел из своего укрепления, вырвал с корнем огромное дерево и отправился пешком против Хариба и его войска, так как из-за огромной величины его тела ни одна лошадь не могла носить его. И пошел он на Сахима и хотел уложить его своим деревом, но Сахим уклонился, и удар попал мимо. Тогда разъяренный людоед бросил дерево, кинулся на Сахима и схватил его, как ястреб хватает воробья. Хариб же ударил людоеда дубиною по ребрам так, что тот упал без сознания и выпустил Сахима из рук своих. А когда пришел он в себя, то увидел, что лежит связанный. Сыновья же людоеда пустились бежать, но Хариб поймал их и скрутил так же, как их отца. Покончив с этим, Хариб отправился в укрепления их и нашел там много драгоценностей и всякого добра. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила девятьсот вторая ночь, она сказала:

ночь девятьсот вторая

И сел Хариб на трон людоеда из горы, а Сахима, брата своего, поставил по правую руку от себя. После этого Хариб приказал привести людоеда с сыновьями и сказал: – Я хочу, чтобы вы приняли веру ислама! И те подчинились, и тогда Хариб спросил Саадана о захваченных им пленниках. И тот ответил: – Господин мой, при них находится дочь царя Сабура Персидского по имени Фахра-Таджа, а с нею сто девушек, подобных лунам. Тогда Хариб сказал: – Покажи мне эту девушку! И Саадан повел его во дворец, отведенный царевне. Войдя туда, Хариб нашел царевну плачущей и, взглянув на нее, он подумал, что видит перед собою луну. И он сказал ей: – Ты вне опасности и скоро снова возвратишься в царство отца твоего. Тогда она пожелала ему долгой жизни и громкой славы, а он велел освободить всех пленников, спросив ее: – Как попала ты в плен? И она ответила: – Народ мой служит огню, и есть в стране нашей монастырь, называемый Огненным, куда каждый праздник съезжаются дочери магов и идолопоклонников, чтобы провести там один месяц. И я отправилась туда под охраною двух тысяч верховых, как вдруг этот людоед напал на нас и одних перебил, а других взял в плен и привез сюда. И Хариб сказал: – Не бойся, я верну тебя в твой дворец! После этого он ушел от нее, а наутро после молитвы сказал Саадану... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот третья ночь, она сказала:

ночь девятьсот третья

О стань здесь со своими сыновьями, а я поеду в Персию, отвозить царевну Фахру-Таджу к отцу ее. И он отправился с царевною во владение ее царя Сабура к городу Избануру. Но через несколько дней пути впереди показалось облако пыли, и Хариб послал одного из персов на разведку. Тот поскакал быстрее птицы, а вернувшись, сказал: – Это едет тысяча всадников из наших товарищей, которых царь послал на поиски царевны Фахры-Таджи. Узнав об этом, Хариб велел своим товарищам спешиться и разбить лагерь, а навстречу посланным царя Сабура выехали люди из свиты царевны Фахры-Таджи и сообщили начальнику их Туману, что царевна находится в этом лагере. Тогда Туман пошел к Харибу и, поцеловав землю между ног его, спросил его о царевне, и Хариб послал его в палатку ее. Войдя к ней, Туман поцеловал у нее руки и ноги и рассказал ей, как родители ее были встревожены ее долгим отсутствием, на что она сообщила ему, как Хариб освободил ее из плена. И она прибавила: – Иначе людоед из горы непременно съел бы меня, и отцу моему следовало бы подарить моему спасителю половину своего царства. Тогда Туман пошел к Харибу и испросил у него позволения вернуться в город Избанур, чтобы отвезти царю Сабуру радостное известие. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила девятьсот четвертая ночь, она сказала:

ночь девятьсот четвертая

И когда Туман вошел во дворец царя и рассказал ему все, что произошло с царевною Фахрой-Таджей, и царь дал Туману десять тысяч динариев и поехал вместе с ним навстречу Харибу. И встретившись, обнялись они и приветствовали друг друга. И царь Сабур пошел к дочери своей, а она рассказала ему о том, как Хариб спас ее из когтей людоеда из горы и добавила: – Сделай его зятем своим, потому что он храбр и отважен. Но она сказала это потому лишь, что сердце ее льнуло к Харибу. Отец же ответил ей: – Разве не знаешь ты, что царь Ширад-Шах прислал за тебя сто тысяч динариев? Он господин большого царства и имеет много людей, конных и пеших. Но она возразила: – Отец мой, если ты будешь принуждать меня идти к тому, кого я не хочу, то, клянусь, я убью себя. Тогда царь пошел к Харибу, посмотрел на него и подумал: «Клянусь, дочь моя достойна извинения в том, что любит этого бедуина». И вернувшись в город свой, царь Сабур сел на трон и дал Харибу место по правую руку от себя. И царь сказал царедворцам своим: – Кто меня любит, тот подарит Харибу почетную одежду. И тотчас почетные одежды посыпались на Хариба, как дождь. Но, прогостив у царя Сабура десять дней, Хариб сказал: – О царь, я сватался к одной дочери арабов и хотел бы теперь поехать к ней. А царь спросил: – Кто красивее: твоя нареченная или Фахра-Таджа? И Хариб ответил: – О царь времен, как низко раб стоит перед господином! Но царь сказал ему на это: – Фахра-Таджа служанка твоя, потому что ты освободил ее из когтей людоеда; и она не должна никого иметь супругом своим кроме тебя. Тогда Хариб встал перед ним и сказал, целуя землю между ног его: – Ты царь, а я бедный человек; может быть, ты захочешь очень большой брачный выкуп за нее! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот пятая ночь, она сказала:

ночь девятьсот пятая

Но царь возразил: – Сын мой, знай, что, царь Ширад-Шах хочет дать за нее сто тысяч динариев, я же выдаю ее за тебя и делаю тебя мечом моего царства. Мне не надо от тебя ни денег, ни сокровищ, и не хочу я за нее другого брачного выкупа, как только голову Эль-Джамркана, царя Дашта. Хариб же воскликнул: – Я тотчас же поеду с войском моим против врага твоего. Царь же думал, что если Хариб пойдет

на Эль-Джамркана, то не возвратится уже больше. На другой день царь долго пировал с Харибом, и тот, много выпив, вышел по надобности, и возвращаясь, ошибся дорогою и попал во дворец Фахры-Таджы. А та при виде его потеряла рассудок и повела к ложу своему, и желание охватило его, и он взял ее девственность и оставался у нее всю ночь до утра.

А утром вдали показалось облако пыли, и это был Сахим со своими всадниками. И Хариб, взяв с собой огромную свиту, доехал до брата своего, и оба слезли с коней и обнялись, а потом Сахим сказал брату своему: – Брат мой, знай, что, когда вероломный эмир Мардас узнал, что ты взял укрепление людоеда из горы, страх охватил его, и он решил: «Если не оставлю места эти, то придет Хариб и возьмет дочь мою Махдию и без выкупа». И взял он дочь свою, и всю семью, и все добро свое и отправился с народом своим в Ирак, в землю Куфскую, и просил царя земли той Аджиба защищать его, а за это обещал ему дочь свою Махдию. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила девятьсот шестая ночь, она сказала:

ночь девятьсот шестая

Когда Хариб услыхал эти слова, он закричал: – Клянусь верой ислама, я поеду в Ирак и зажгу там пламя войны! И отправились они во дворец царя Сабура, и рассказали ему обо всем происшедшем, и царь дал Харибу десять полководцев, из которых каждый имел под своею командою десять тысяч храбрейших воинов. И Хариб, взяв с собой людоеда Саадана с сыновьями его, отправился в Ирак. А Мардас, приехав в Ирак, рассказал Аджибу все о Харибе и о происхождении его. Тогда Аджиб изменился в лице; в сердце его закралось беспокойство, и он решил погубить Хариба, и сказал: – О Мардас, отдай за меня дочь свою! И Мардас ответил: – Она рабыня твоя! И Аджиб дал Мардасу за дочь тридцать тысяч динариев и сто кусков затканной золотом шелковой парчи. И с этими подарками отправился Мардас домой, чтобы снарядить к свадьбе дочь свою.

А Хариб сделал остановку близ Джезира, первого города Ирака. Царь же этого города по имени Эд-Дамиг был сущий дьявол, подобный искре огненной. Он отправил к шатрам его посла своего. И представ вскоре перед Харибом, посол сказал: – Я посол Эд-Дамига, властителя города Эль-Джезира, брата царя Кундамира, властителя Куфы и Ирака. И когда Хариб услыхал слова эти, слезы ручьями полились из глаз его, и он сказал послу: – Возвращайся к господину твоему и скажи ему: «Господин шатров этих – Хариб, сын Кундамира, властителя Куфы, которого убил сын его; и он пришел для того, чтобы исполнить кровомщение над вероломным псом Аджибом». И посол вернулся к Эд-Дамигу и повторил ему все, что слышал. И царю вначале показалось, что он грезит. И тогда созвал он вельмож своих и поехал с ними к шатрам Хариба. В этом месте своего рассказа Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила девятьсот седьмая ночь, она сказала:

ночь девятьсот седьмая

И царь Эд-Дамиг, встретив племянника своего, сказал: – Знай, что Мардас выдает дочь свою за Аджиба! Услыхав слова эти, Хариб едва не лишился чувств и воскликнул: – Дядя, я не могу больше ждать; снаряжайся и поезжай вслед за мною! И он написал Аджибу письмо, и Сахим вызвался доставить его. И Аджиб, получив письмо, прочел следующее: «Откажись от поклонения идолам! Если сделаешься мусульманином, я прощу тебе грех твой перед отцом моим. Если же не послушаешь приказа моего, то я отрублю тебе голову и разорю жилища твои». И тогда Аджиб, скрипя зубами от ярости, крикнул людям своим: – Схватите эту собаку и разрубите на куски! Но Сахим мечом прочистил себе дорогу и, облитый кровью, вернулся к брату своему.

И загудели трубы, и воины приготовились к сражению. И первый открывший двери битвы был Сахим. Играя мечом и пикою, он выехал вперед и закричал: – Кто хочет помериться со мною, кто выедет ко мне на поле битвы? Тогда из рядов язычников вышел воин, подобный искре огненной, но не успел еще он встать перед ним, как Сахим уже проколол его и сбросил с лошади. Тогда второй вышел против него, но и этого он убил, а потом и третьего, и четвертого. И так падал каждый, кто выходил против него, и убил он до полудня двести воинов. Тогда Аджиб велел своим воинам броситься всем сразу, и загорелась битва. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила девятьсот восьмая ночь, она сказала:

ночь девятьсот восьмая

Блестящие мечи свистели в воздухе, и кровь лилась ручьями, и ужасная резня прекратилась, лишь когда ночь опустилась на землю. А после битвы слуга Аджиба по приказу своего хозяина под покровом ночи пробрался в палатку Хариба и под видом слуги Хариба подал ему кружку для питья с банжем. И не успел Хариб осушить ее, как повалился навзничь. Слуга же Аджиба закутал его в плащ и отнес к хозяину своему. И когда Хариб пришел в себя и увидел себя связанным в палатке Аджиба, он воскликнул: – Подожди, языческая собака, посмотрим, против кого обернется колесо судьбы! И Аджиб хотел уже позвать палача, но визирь его, мусульманин в душе, сказал: – О царь, не спеши с решениями, пока ты не знаешь, кто побежденный и

кто победитель. И велел Аджиб сторожить связанного Хариба в палатке своей.

А наутро войско Хариба, заметив отсутствие царя своего, уподобилось стаду овец без пастуха. Но Саадан-людоед выступил впереди войска и закричал: – Эй вы, идолопоклонники! Кто выйдет на поле битвы против меня? И вышел из рядов язычников воин, подобный искре огненной, и бросился на Саадана, но Саадан ударил его дубиною так, что тот повалился замертво. И сказал людоед людям своим: – Зарежьте мне его, чтобы я мог позавтракать! И он взял зажаренного воина и обглодал мясо его. Когда же язычники увидели это, их охватил ужас, а Аджиб закричал им: – Бросьтесь все на людоеда и разрубите его в куски! И сразу двадцать тысяч человек бросились на Саадана. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот девятая ночь, она сказала:

ночь девятьсот девятая

ни нанесли ему двадцать четыре раны, так что от потери крови он походил на пьяного. И они связали его, унесли в лагерь свой и положили в одну палатку с Харибом. Но в ту же ночь Сахим проник в эту палатку, освободил их и сказал: – Идите к войску вашему! Сам же пошел он в шатер Аджиба с царедворцами, подошел к светильникам и насыпал в пламя банжа. И когда дым банжа дошел до них, они повалились на пол. И Сахим завернул в плащ Аджиба, отнес в мусульманский лагерь, где посадил его под стражу. Но когда наутро он захотел показать Аджиба дяде Хариба, то не нашел его, ибо ночью в палатку проник слуга Аджиба, который тайком пробрался в лагерь мусульманский и, взвалив его на плечи, тихонько унес. И слуга доставил Аджиба в Куфу, где врачи лечили его, пока он не выздоровел. После этого он велел написать письма всем эмирам, чтобы они снарядили войска свои и привели бы их к городу Куфе. Между тем как в мусульманском лагере все были обеспокоены его бегством.

Сахим же отправился на разведку и, вернувшись, сказал брату своему: – Я узнал, что собака Аджиб пребывает в городе Куфе, где врачи вылечили его; и он написал письма эмирам своим, чтобы они собрались к нему с войсками. Тогда Хариб отдал приказание снимать шатры и двигаться к городу Куфе. Приехав туда, расположились они невдалеке от города. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила девятьсот десятая ночь, она сказала:

ночь девятьсот десятая

Хариб совершил омовение и произнес молитву, а после велел трубить в трубы и повел войска на поле сражения. И зашевелились знамена, и люди бросились на людей, и кровь потекла ручьями. И Хариб после победы вошел в город с войском своим и объявил прощение всем, кто признает Создателя света и тьмы; и все бывшие в городе приняли ислам. Но когда он осведомился о Мардасе и дочери его Махдии, то оказалось, что их не было в городе, и нигде не нашли и следа их. Но однажды Хариб, охотясь, увидел в поле много награбленного добра, лошадей, пленных женщин и плачущих детей. И один из пастухов объяснил ему, что это имущество и гарем Мардаса, и все это захватил Эль-Джамркан, который убил Мардаса и взял все, что принадлежало ему. Тогда Хариб закричал: – Где этот Эль-Джамркан? Пусть выходит против меня, чтобы я дал ему испить из чаши позора и освободил бы от него землю! И едва Хариб сказал это, как Эль-Джамркан выскочил на него, как кровожадный лев.

Но Хариб схватил дубину и ударил Эль-Джамркана по руке так, что раздробил ему пальцы, и еще раз ударил его по ребрам так, что тот повалился, как пальма. А люди Хариба бросились на людей Эль-Джамркана и убили пятьдесят человек, остальные же в страхе бежали. Тогда Эль-Джамркан сказал покорно: – Я отдаюсь под твою защиту! Хариб же ответил: – Как ты смеешь нападать на служителей Властителя миров? Какой нечисти ты поклоняешься? И Эль-Джамркан ответил: – Я поклоняюсь богу, сделанному из фиников с маслом и с медом; иногда я съедаю его и делаю себе нового. На это Хариб расхохотался и сказал: – О несчастный, нет Бога, достойного поклонения, кроме Аллаха Возвышенного, Который сотворил тебя и все на свете и имеет власть надо всем. Тогда Эль-Джамркан спросил: – Где же этот Великий Бог, чтобы я мог поклониться Ему? Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот одиннадцатая ночь, она сказала:

ночь девятьсот одиннадцатая

Хариб же ответил: – Знай же, что Бог этот называется Аллах. Он создал небо и землю, по Его велению растут деревья и текут воды. Он создал зверей и птиц, рай и адское пламя; Он все видит, но остается невидимым. Нет бога кроме Него! Тогда Эль-Джамркан воскликнул: – Что должен я сказать, чтобы быть угодным этому Великому Господину? И Хариб ответил: – Говори «Нет Бога, кроме Аллаха, и Авраам посланник Божий». И когда Эль-Джамркан повторил слова эти, Хариб велел развязать его и сделал его полководцем своим, а он обратил к исламу всех своих людей. Осматривая затем гарем Мардаса, увидел Хариб Махдию, и обнял он ее; и в эту ночь спали они вместе. Утром же он позвал дядю своего Эд-Дамига и поручил ему заботиться о Махдии, пока он не вернется из похода против Аджиба.

Между тем полководец Эль-Джамркан с людьми своими повстречался с войском неприятельским, которое Эль-Джаланд выслал по совету Аджиба. Впереди ехал Джакамард, визирь царя Эль-Джаланда. И Эль-Джамркан кинулся навстречу ему, как разъяренный лев, и разрубил его мечом своим. И противники были повержены, и души убитых Аллах погнал в огонь адский, а пленные обратились к исламу и были освобождены. И на следующий день Эль-Джамркан выступил на город царя Эль-Джаланда, а тот, узнав о поражении Джакамарда, выслал навстречу войско под предводительством сына своего Эль-Курджана. И когда вечером разведчики его сказали, что вдали видели лагерь мусульман, Эль-Курджан сказал своим воинам: – Завтра мы втопчем тех людей в землю. Тут Шахразада увидела приближение утра и умолкла. А когда наступила девятьсот двенадцатая ночь, она сказала:

ночь девятьсот двенадцатая

На заре Эль-Джамркан велел навязать бубенчики всем верблюдам своим, коих было у него более двадцати тысяч, и погнать на лагерь язычников. Услышав этот ужасающий шум, лошади язычников заметались и втоптали в землю все шатры вместе со спавшими в них. А в это время к Эль-Джамркану присоединился Саадан со своими людьми, и ударили они вместе по язычникам, и кровь заструилась потоками на землю. И Эль-Джамркан бросился на Эль-Курджана и так ударил его дубиною в грудь, что тот повалился мертвым на землю, как пальма. И было перебито многое множество язычников, а оставшиеся пустились в бегство. И беглецы доложили царю своему об уничтожении войска и о смерти сына его. Услыхав эту весть, Эль-Джаланд бросил на пол корону свою и стал бить себя по лицу так, что кровь пошла у него из носа. Придя в себя, он велел своему визирю написать письмо всем подвластным царям, чтобы они собрали все войска свои и вели бы их к его городу. Но в это время Эль-Джамркан и Саадан подходили уже к городу. И накинулся Эль-Джаланд на Аджиба и сказал ему: – Иракская собака! Это ты принес на нас беду; и если я не отомщу врагу моему, то ты умрешь ужаснейшею смертью. Услыхав слова эти, Аджиб чрезвычайно испугался и ночью ушел тайно из лагеря с немногими оставшимися людьми своими и отправился он искать помощи у царя Яруба бен-Катана. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот тринадцатая ночь, она сказала:

ночь девятьсот тринадцатая

На другое утро Эль-Джаланд выехал с войском в двести шестьдесят тысяч человек. А Эль-Джамркан и Саадан подступили во главе сорока тысяч храбрых воинов. И первый, открывший двери битвы, был подобный гранитной горе Саадан. Один языческий воин выскочил на него, но Саадан бросил его на землю и закричал своим сыновьям: – Зажарьте мне этого убитого! И они исполнили приказание, и он съел воина и разгрыз кости его. Тогда сто воинов сразу бросились на Саадана, но он стал работать мечом своим так, что только головы летали, и убил он из них семьдесят четыре – остальные убежали. И послал Эль-Джаланд против него тысячу воинов, и те убили лошадь под Сааданом и взяли его в плен. И Эль-Джаланд приказал отрубить голову Саадана, но тот напряг силы, разорвал цепи и бросился на Эль-Джаланда, но тот убежал. Тогда Саадан, работая мечом, проложил себе дорогу и явился в лагерь мусульман, которые встретили его с великою радостью.

На другой день оба войска снова готовились начать сражение, как вдруг вдали показалось мусульманское войско, и с ним ехал сам царь Хариб. И он сказал объединенному войску своему: – Соберитесь с мужеством, укрепите сердца ваши и призывайте на помощь Господина Вашего, чтобы Он даровал вам победу над врагами! А в лагере неверных заметили исчезновение Аджиба и доложили об этом Эль-Джаланду; он же, кусая пальцы, воскликнул: – Клянусь солнцем, этот вероломный пес убежал в степи; нам же не остается ничего другого, как только готовиться к злейшей битве. Соберитесь же с мужеством и укрепите сердца ваши! Тут Шахразада увидела, что близится утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот четырнадцатая ночь, она сказала:

ночь девятьсот четырнадцатая

На другое утро Хариб написал письмо и отправил его в лагерь неверных с братом своим Сахимом. Эль-Джаланд распечатал письмо и прочел в нем следующее: «Знай, о Джаланд, нет веры, кроме веры друга, и потому сделайся верующим и пришли мне собаку Аджиба, чтобы избегнуть меча и муки огненной». Тогда Эль-Джаланд сказал Сахиму: – Скажи господину твоему, что Аджиб убежал с людьми своими, а мы никогда не отречемся от веры своей. И Сахим передал слова эти брату своему. На другое утро Эль-Джамркан выехал вперед и закричал: – Я тот, который убил Эль-Курджана. Кто хочет отомстить за него? И услыхав имя сына своего, Эль-Джаланд закричал воинам своим: – Эй, вы, отродье блудниц, сейчас же принесите мне этого воина, чтобы я съел мясо его и выпил кровь его! Тогда целое войско бросилось на Эль-Джамркана, но, увидев это, Хариб также кинулся на помощь ему с людьми своими, и оба войска слились, как два бурных моря, и каждый воин видел ангела смерти перед лицом своим. И длилась борьба, пока день не пришел к концу,

тогда оба войска вернулись в шатры свои. Между тем Сахим по приказанию брата отправился в лагерь неверных, чтобы узнать, действительно ли Аджиба не было уже между ними. Прокравшись мимо часовых, он проник в палатку царя и нашел его спящим; телохранителей же не было при нем. Сахим подошел к нему, дал ему понюхать банжа в порошке, а потом завернул царя в покрывало постели и отнес его в лагерь свой, в палатку Хариба. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот пятнадцатая ночь, она сказала:

ночь девятьсот пятнадцатая

Когда же Эль-Джаланд открыл глаза и увидел Сахима, он воскликнул: – О царь, на мне нет никакой вины, ибо это брат твой вовлек нас в войну и затем убежал после того, как посеял вражду между нами. Тогда Хариб велел связать его и сторожить. А Эль-Джамркан отправился к городу неверных, люди его взломали городские ворота, и, перерезав часовых, вошли в город и взяли его со всем добром его. И Хариб подарил Эль-Джамркану почетную одежду и сделал его господином города Омана. А Эль-Джаланда пригвоздили к городским воротам и пускали стрелы в него до тех пор, пока он не уподобился дикобразу.

Между тем спустя долгое время Хариб и Сахим однажды после долгой дороги прилегли между деревьями отдохнуть и вскоре заснули. И вдруг спустились к ним два огромных мареда и, взяв их на спины, поднялись на воздух. Причина же этого была вот в чем. Царь джинов Мураш, у которого было четыре головы: льва, слона, пантеры и рыси, имел сына Заика, который любил молодую джинию Наджме, и оба часто принимали образ двух птиц. Хариб и Сахим пустили в них стрелы свои. И раненый Заика вскоре умер на глазах отца своего. И в отчаянии Мураш позвал двух маредов и велел им принести виновников этой смерти. Увидав Хариба и Сахима, царь джинов фыркнул так, что из ноздрей его посыпались искры, и он закричал: – Ах вы, собаки, это вы убили моего сына в образе птицы и зажгли огонь в сердце моем! Хариб же ответил царю Мурашу: – Клянусь Великим Господином Единым, что мы не убивали никакой птицы! Услыхав это, Мураш понял, что Хариб мусульманин, и он приказал людям своим – Принесите мне мою богиню! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот шестнадцатая ночь, она сказала:

ночь девятьсот шестнадцатая

И они принесли золотую печь и бросили в нее разных снадобий, так что пламя засветилось зеленым, желтым и голубым цветом; все присутствующие преклонились перед ним, а царь закричал Харибу и Сахиму: – Почему вы не падаете ниц? И Мураш велел людям своим связать их и тотчас сжечь; но, когда хотели бросить их в огонь, один из зубцов дворца обвалился прямо на печь и потушил пламя. Тогда царь приказал разложить огромный костер и зажечь его, но на небе появилось облако и разразилось сильным дождем, который тотчас же потушил костер. Тогда испуганный Мураш подумал: «Поклонение огню – пустая вещь, иначе не было бы того, что случилось». И царь спросил Хариба и Сахима: – Что должен я сказать, чтобы стать мусульманином? Хариб же ответил: – Говори: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Авраам друг Аллаха». И сделался Мураш мусульманином вместе со всем народом своим, а Хариб научил их молиться. Что же до мусульманских воинов, то они были очень обеспокоены продолжительным отсутствием Хариба и Сахима и разослали гонцов на их поиски. Между тем Аджиб, проведав об этом, отправился к царю Ярубу бен-Катану и стал умолять его о помощи. Тот же дал ему двести тысяч амалекитян; и Аджиб подошел с ними к городу Оману и разбил лагерь свой перед ним. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот семнадцатая ночь, она сказала:

ночь девятьсот семнадцатая

Наутро много мусульман пало в битве. Но как раз в это время прилетели от царя Мураша мареды Эль-Каялан и Эль-Кураян, и бросились они на неверных, и те пустились в бегство, а впереди всех бежал Аджиб. Между тем Мураш повез Хариба в город Иафета и подарил ему там меч Эль-махин, способный уничтожать не только людей, но и джинов. Затем Мураш подарил Харибу и Сахиму почетные одежды и много драгоценностей и велел пятистам маредам проводить их к войску. Между тем двоюродный брат Мураша, царь Баркан, узнал, что тот сделался мусульманином. И, придя в неистовую ярость, взял он семьдесят тысяч маредов и отправился к Мурашу, чтобы убить его. А Мураш, ничего не подозревая, отправился в лагерь брата и обнял его, но вдруг несколько джинов бросились на Мураша и связали его. И Баркан воскликнул: – Собака! Ты отрекся от веры отцов твоих и прадедов твоих! Клянусь огнем и светом, я убью тебя за это! И он велел запереть Мураша. Но один маред Мураша видел это и, прилетев в город свой, рассказал об этом. И когда Хариб узнал о случившемся, он тотчас же вооружился, взял меч Иафета и отправился к лагерю Баркана, сопровождаемый маредами. В этом месте своего повествования Шахразада заметила, что наступает утро, и по обыкновению скромно умолкла. А когда наступила девятьсот восемнадцатая ночь, она сказала:

ночь девятьсот восемнадцатая

И Баркан тоже вышел навстречу ему с войском своим. И Хариб с мечом Иафета бросился на джинов, восклицая: – Аллах акбар! Услыхав это, Баркан воскликнул: – Вот кто совратил брата моего! Сев на белого слона, он погнал его на Хариба и пустил в него копье. Но Хариб поймал его и бросил назад в слона, который упал замертво, Баркан же повалился с него, как пальма. Мареды кинулись к нему и связали его. Тогда мареды Баркана бросились на помощь к царю своему, но Хариб и правоверные джины изрубили их и освободили Мураша. Когда же они возвратились в лагерь свой, то не нашли там пленного Баркана, ибо один эфрит Баркана взял его и унес в город Карнеол. И Мураш сказал Харибу: – Баркан не успокоится, пока не отомстит. Поэтому я пойду на него прежде, чем он соберет новое войско. Хариб же ответил: – Это хороший совет и правдивые слова. Хариб и Мураш собрали огромное войско и отправились к Карнеолу. И на подступах к городу завязалась битва, и до того, как трубы затрубили к отступлению, было убито семьдесят тысяч враждебных джинов. Баркан же решил ночью напасть на лагерь врагов, чтобы перебить их спящими. Но об этом узнал маред Джаланд, который склонялся к исламу. Он тайком пробрался в лагерь Мураша и донес ему о намерении неверных. Тогда Мураш и Хариб решили сами сделать то же самое. Едва наступила ночь, они напали на лагерь Баркана, и прежде, чем настало утро, кучи бездушных трупов валялись на земле. Баркан же и оставшиеся в живых мареды его оставили город Карнеол и бежали в горы Каф под защиту голубого царя. Мураш же и Хариб вошли в Карнеол и послали сто маредов вслед за Барканом, чтобы разузнать, куда он направился. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот девятнадцатая ночь, она сказала:

ночь девятьсот девятнадцатая

Через три дня мареды возвратились с известием, что Баркан бежал в горы Каф и нашел приют у голубого царя. На это Хариб сказал: – Погибель неверным! Я покажу им, что значит колоть и резать! И наутро он с Мурашем отправился в горы Каф к Мраморному городу. И напали они на неверных, и Хариб направо и налево работал мечом своим, и поразил им Баркана и голубого царя; и к утру не осталось в живых

ни одного из неверных. Когда же Хариб стал осматривать гарем голубого царя, то увидел между молодыми девушками одну такой красоты, какой он не встречал никогда в жизни. При взгляде на нее Хариб потерял рассудок, и он спросил о ней одну из рабынь ее, и та ответила: – Это Утренняя Звезда, дочь голубого царя. И воспылал он любовью к ней так, что забыл о Фахра-Тадже, дочери царя Сабура, и даже о Махдии. А Утренняя Звезда, ненавидевшая отца своего, полюбила Хариба всем сердцем своим. И в эту же ночь он пошел к ней и нашел в ней девственницу и совершенство красоты.

Между тем Хариб и Мураш велели маредам собрать все сокровища Мраморного города и возвратились в город Мураша. И когда Хариб собрался уезжать в город Оман, Мураш подарил ему морского коня и дал в провожатые двух маредов. А те донесли вскоре, что город Оман осажден войском неверных. Тогда Хариб, вооружившись мечом Иафета, сел на морского коня и полетел к Оману в сопровождении обоих маредов. А в это время Аджиб получил войско от царя Индии, который был огнепоклонником и потому с радостью согласился помогать Аджибу против мусульман. И дал он ему восемьдесят тысяч всадников, и десять тысяч слонов, и военные колесницы. И отправил он к нему сына своего Раада-Жи, по храбрости не имевшего себе подобного. И все это несметное полчище подступало к городу Оману. И вскоре оба войска выступили друг против друга. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот двадцатая ночь, она сказала:

ночь девятьсот двадцатая

Тридцать индийских воинов выходили против Саадана, но всех он положил одного за другим. Тогда вышел храбрейший из индийцев Баташ-Эль-Акжан, дядя царя Индии; и Саадан кинулся на него, замахнувшись дубиною. Но удар попал мимо, а Саадан свалился; и не успел он прийти в себя, как уже увидел себя связанным, и неверные унесли его в лагерь свой. И потом Баташ взял в плен Эль-Джамркана и много мусульманских предводителей. Тогда Хариб сел на морского коня своего и с криком: «Аллах акбар!» напал на Баташа и ударил его дубинкой так, что тот повалился на землю. А Хариб продолжал вызывать на бой индийских воинов и взял в плен пятьдесят двух храбрейших и знатнейших из них.

На другое утро Хариб взял меч Иафета и, выехав вперед, стал вызывать противников. И выехал навстречу ему Аджиб и крикнул: – Я брат твой Аджиб, и сегодня наступил последний из земных дней твоих! А Хариб бросился на Аджиба с дубинкой и так ударил его, что чуть не раздробил ему все ребра, а потом, сорвав с коня, бросил его на землю, а мареды тотчас же связали его и с позором потащили в мусульманский лагерь. И когда Раад-Жи увидел поражение Аджиба, он выехал навстречу Харибу и закричал: – Ничтожный араб, как ты смеешь брать в плен царей? Слезай же с коня, свяжи сам себя и целуй ноги мои!

Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот двадцать первая ночь, она сказала:

ночь девятьсот двадцать первая

А Хариб, услыхав слова эти, лишь расхохотался. И когда на другое утро он пронесся по полю, крича: – Кто выйдет против меня? Кто хочет помериться со мною? Раад-Жи появился перед ним, сидя на огромном слоне. И как только Хариб приблизился к нему, Раад-Жи набросил на него сетку, пытаясь опутать его. Но два мареда, которые не отходили от Хариба, тотчас же кинулись к слону; они схватили Раад-Жи и связали его. Тогда оба войска бросились друг на друга и слились, как бурное море. И завязалась яростная битва, и кровь текла ручьями, и резня не кончилась до тех пор, пока не закатился день. А наутро, когда возобновилась битва, Хариб велел стрелять в слонов, и те стали реветь и топтать людей ногами своими. И в то время, как слоны топтали неверных, мусульмане бросились на них, и неверные обратились в бегство. И вернувшийся с победою Хариб хотел обратить Аджиба к исламу, но тот ответил: – Я не отрекусь от веры моей. Тогда Хариб велел посадить его под стражу. После этого он спросил Раад-Жи: – А ты что скажешь о вере ислама? И тот ответил: – Я хочу перейти в веру вашу, потому что, если бы была вера прекраснее ее, то вы не победили бы нас. И я свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха, и что друг Авраама – посланник Аллаха. И Хариб обрадовался обращению его и спросил: – О Раад-Жи, хочешь ли ты вернуться в царство твое? Но Раад-Жи сказал: – Мой отец убьет меня за то, что я отрекся от веры его. А Хариб ответил: – Я сделаю тебя царем над землею твоею, чтобы с помощью Аллаха Всемилостивого люди царства твоего слушались тебя. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот двадцать вторая ночь, она сказала:

ночь девятьсот двадцать вторая

И Хариб с помощью двух маредов прилетел с Раад-Жи в Индию, где убил его отца. И посадил он Раад-Жи на трон, обратив в ислам весь народ его. После того он с помощью двух маредов прилетел в город Оман. И велел Хариб повесить Аджиба на городских воротах и стрелять в него стрелами до тех пор, пока он не станет похожим на дикобраза. А после Хариб отправился в Куфу и отпраздновал там свадьбу свою

с Махдиею. Между тем два мареда, летя между небом и землею, заметили огромное войско персов, которое шло на Хариба, чтобы убить его и всех людей его. Тогда мареды ночью перенесли предводителя этого войска Ростема вместе с постелью его и доставили к Харибу. И когда Ростем пробудился, он воскликнул: – Что за скверный сон! Но поняв, что не спит, и, увидав себя перед лицом царя Хариба, зятя царя Персии, он дошел до пределов удивления и принял веру мусульманскую, сказав: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Авраам друг Аллаха». И тогда Хариб сказал: – Ты будешь моим полководцем! Но скажи, как поживает царевна Фахра-Таджа? Ростем же ответил: – Господин мой, когда ты пошел против брата твоего, одна рабыня пришла к царю Сабуру и сказала ему: – Господин мой, разве ты позволил Харибу спать у дочери твоей Фахра-Таджи? Царь же ответил: – Нет, клянусь в том! И побежав к дочери своей с поднятым мечом, он накинулся на нее: – Негодная, как смела ты позволить этому бедуину спать у тебя без свадьбы и брачного выкупа? А царевна ответила: – Отец мой, ты ведь позволил ему прийти ко мне! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот двадцать третья ночь, она сказала:

ночь девятьсот двадцать третья

Тогда он рассвирепел ужасно и велел слугам своим утопить ее. Когда Хариб выслушал рассказ этот, весь мир почернел перед лицом его, и он воскликнул: – Я пойду к этому псу и уничтожу его! И Хариб с войском отправился на Избанир. И подошли они к городу Избаниру, напали на войско неверных и истребили их многое множество. И взяли они город и покрыли кровью улицы его. После того Хариб велел привести к себе царя Сабура и велел бить его, а потом бросить под стражу, а пленных обратил к исламу, отказавшихся же казнил. И двое пленных сказали ему: – О царь, мы не утопили дочь Сабура, а оставили из жалости на берегу Джегуна и сказали ей: «Не возвращайся в город, чтобы он не убил тебя и нас». Тогда Хариб позвал звездочетов и сказал им: – Нарисуйте мне геомантическую фигуру и скажите по ней, что делается с Фахра-Таджей, жива ли она еще? И они, нарисовав фигуру, сказали: – О царь времен, царевна жива, она у племени Джанн, и произвела на свет мальчика! И Хариб воскликнул: – Нет силы и могущества ни у кого, кроме Аллаха Великого и Возвышенного!

Между тем однажды, когда Хариб сидел во дворце своем, вдали показалось огромное облако пыли; он тотчас же послал двух маредов узнать, в чем дело; и, вернувшись, они сказали ему, что за облаком этим было войско царя Ширад-Жа, властителя Шираса, который шел войною на Хариба. Тогда мареды с позволения Хариба полетели в палатку Ширад-Жа, где он сидел с царевичем Вард-Жи, сыном Сабура, и несколькими военачальниками. И мареды схватили царевича и царя и отнесли их Харибу; а он велел бить их до потери сознания. Мареды же вернулись в лагерь Ширад-Жа и перебили множество

неверных. Обратившиеся же в бегство возвратились в Шираз и рассказали о происшедшем. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот двадцать четвертая ночь, она сказала:

ночь девятьсот двадцать четвертая

У царя Ширад-Жа был брат Сиран, величайший волшебник. Узнав о случившемся, он заколдовал одного мареда и сказал ему: – Прими образ воробья, лети к Харибу и жди, пока он заснет; тогда насыпь ему в нос порошок банжа, а затем принеси его сюда. И когда маред принес Хариба, Сиран велел утопить его. Мареду же стало жаль Хариба, и он привязал его веревками к плоту и пустил по течению. Вследствие качки желудок пленника выбросил банж обратно, и Хариб очнулся. Плывший мимо корабль взял его к себе, но люди на этом корабле были идолопоклонниками, и, когда Хариб стал прославлять Аллаха Всемогущего, они связали его и решили отвезти к царю своему. И двинулись они в город свой, который построил могучий амалекитянин. Он поставил на городских воротах медную статую, которая трубила в рог каждый раз, когда в ворота входил чужестранец. На этот призыв сбегались жители и убивали его, если он не принимал их веру. И едва Хариб вошел в город, статуя затрубила так сильно, что царь вскочил и побежал к идолу своему. А дело было в том, что маред поселился в изображении этого идола, и он сказал языком человеческим: – К тебе пришел царь иракский Хариб, который всем велит отрекаться от языческой веры. Когда приведут его к тебе, не оставляй его в живых. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот двадцать пятая ночь, она сказала:

ночь девятьсот двадцать пятая

И когда люди привели к нему Хариба, царь велел сжечь его перед идолом. Но когда костер был готов, слуги не нашли ни Хариба, ни идола. Дело в том, что маред идола, преклонившись перед верой Хариба, принял мусульманство и унес его к отцу своему, царю Музальзилу. А тот был идолопоклонник, и когда он узнал, что сын его сделался мусульманином, то пришел в ярость и бросил сына в темницу. Хариба же он отдал мареду по имени Саяр, велев ему отнести его в огненную долину, в которой была такая невыносимая жара, что никто не мог прожить там более часа. И Саяр понес его к долине

той, но во время привала, когда Саяр заснул, Хариб освободился от пут и камнем разбил ему голову.

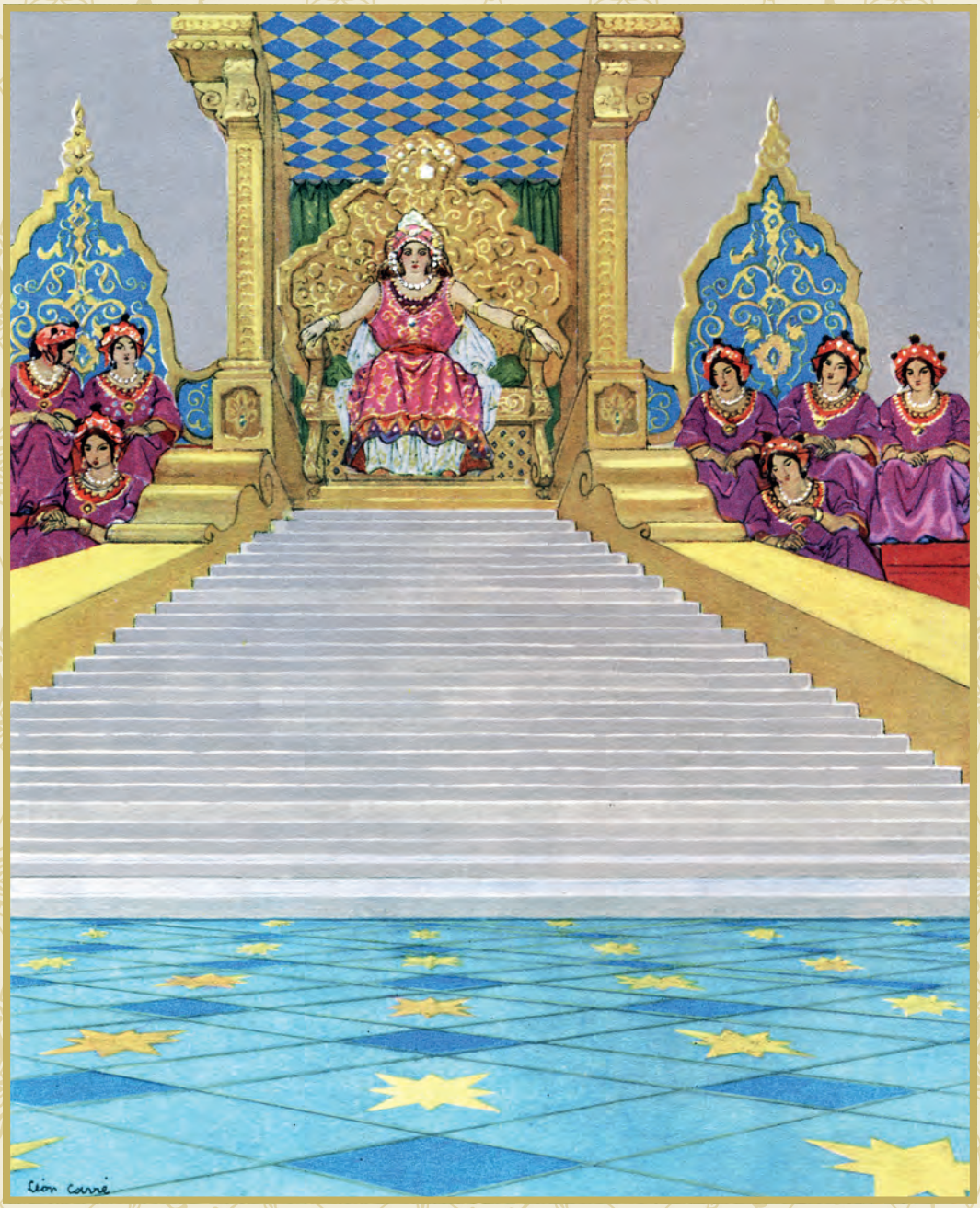
После долгих странствований Хариб забрел в город, царице которого Джанше было пятьсот лет. И когда стражники привели к ней Хариба, она сказала: – Прими мою веру, и я возьму тебя в мужья. Эй, люди, заприте его в храм идола моего, дабы он смягчил сердце его! Но, оставшись один в храме, Хариб разбил идола царицы и лег спать. А утром стражники, увидав разбитого идола, бросились на Хариба, но он стал отбиваться и убил двадцать пять человек; остальные же с криком побежали к царице своей и рассказали ей о случившемся. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот двадцать шестая ночь, она сказала:

ночь девятьсот двадцать шестая

И царица Джанша пробормотала что-то, отчего руки Хариба окоченели. Тогда воины схватили его и привели к трону царицы. А она, выслав людей, сказала ему: – Ложись со мною, и я прощу тебе проступок твой! И когда он отказался, она прыснула на него заговоренной водой, превратив в обезьяну, и спросила: – Теперь будешь слушаться меня? И он ответил поклоном головы, а она освободила его от чар, легла и сказала: – Исполни же дело свое. А он в тот же миг стал коленом на грудь ее и одним ударом сломал ей шею. И когда об этом узнали люди царицы, они накинулись на него, точно разъяренные звери. Но в это время тысяча джинов спустились с неба и бросились на неверных под предводительством Зальзала, сына царя Музальзила. И когда джины перерезали всех неверных, Хариб спросил Зальзала: – Кто принес тебе весть обо мне?

Тот же ответил: – Когда отец мой послал тебя в огненную долину, я убил его, а все его подданные стали повиноваться мне. И я взял тысячу маредов и полетел к тебе. И Хариб удивился этому, и, собрав имущество Джанши, улетел с маредами и ночь провел уже в городе Зальзала. Прогостив у него шесть месяцев, Хариб захотел вернуться домой. Тогда Зальзал дал ему много подарков и нагрузил ими маредов своих; сам же взял Хариба на спину, и полетели они к городу Избаниру. Прилетев туда, Хариб увидел, что город заперт, а кругом него огромное войско, подобное волнующемуся потоку. В этом месте рассказа своего Шахразада заметила, что наступает утро, и скромно умолкла. А когда наступила девятьсот двадцать седьмая ночь, она сказала:

ночь девятьсот двадцать седьмая


Léon Carré

И спустился Хариб на крышу дворца своего, и вскоре весть о его возвращении разнеслась по всему городу. И сказали ему, что царь войска вокруг города называется Мурад-Жа; и у него сто тысяч конных и тридцать тысяч пеших воинов, и двести джинов. Причина же его появления состояла в следующем. Когда царь Сабур велел своим слугам утопить дочь его, они из жалости отпустили ее. И долго бродила Фахра-Таджа, не зная, куда направить путь свой; пока, наконец, не попала во дворец царя джинов Зальзала. И в этом дворце Фахра-Таджа родила мальчика, которого назвала Мурад-Жа. И когда царь Зальзал приехал во дворец, ему рассказали историю дочери Сабура, и он позволил ей жить во дворце своем. И Фахра-Таджа стала воспитывать сына своего вместе с детьми царя. И когда душа его окрепла, мать рассказала ему все, а он сказал ей: – Я поеду в город отца твоего, отрублю ему голову и принесу ее тебе. И она радовалась словам его. А он собрал войско из друзей своих, подошел к городу Избаниру и осадил его. А на другое утро Мурад-Жа выехал на поле битвы, окруженный воинами и маредами, и трубы затрубили к сражению; и Хариб, услыхавший эти звуки, выступил навстречу ему. И гарцуя на коне своем, Мурад-Жа закричал: – Эй вы, люди, пусть царь ваш выходит против меня! Если он победит меня, то будет господином над обоими войсками, а если победа будет моя, то я убью его и всех других. Услыхав слова эти, Хариб закричал: – Погибель тебе, арабская собака! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот двадцать восьмая ночь, она сказала:

ночь девятьсот двадцать восьмая

И бросились они друг на друга, и кололи один другого пиками, пока те не сломались, и бились мечами, пока те не затупились, и так яростно сражались они, пока не наступил полдень, и кони их упали под ними. А потом Хариб бросил противника своего на землю и громко закричал: – Кто ты такой, чтобы тягаться с царями? А он ответил: – Имя отца моего Хариб, царь Иракский, а мать мою зовут Фахра-Таджа, дочь царя Персии. При этих словах Хариб едва не лишился чувств и воскликнул: – Где же мать твоя? И тот ответил: – В шатре моем. Хариб же сказал: – Приведи ее сюда! И Мурад-Жа отправился в лагерь свой и рассказал матери своей обо всем, что произошло. После этого Мурад-Жа и Фахра-Таджа приняли ислам и обратили к нему всех людей своих. И Мурад-Жа стал царем Иракским; и все земли и все подданные повиновались Харибу, а он правил царством своим по всей справедливости, так что все любили его. И так вели они приятнейшую жизнь, пока не явилась за ними Разрушительница всех радостей. Затем Шахразада сказала: – О благословенный царь, позволь мне теперь передать тебе несколько кратких и назидательных сказаний. И после разрешения начала она так:

Ангел Смерти и царь-богатей

Рассказывали мне, что в давние времена жил-был один царь, скопивший несметные богатства. И однажды царь заказал повару своему обед, состоящий из тончайших блюд, созвал приближенных своих и пригласил их к своему столу. И вот, сидя на царском престоле своем посреди окружающего великолепия и опираясь на подушки, он промолвил мысленно, обращаясь к душе своей: «О душа моя! Теперь ты обладаешь всеми благами мира, предайся же радости и наслаждайся сокровищами своими, ибо тебе предстоит долгая и полная счастья жизнь». Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот двадцать девятая ночь, она сказала:

Но едва царь подумал это, ко дворцу подошел какой-то нищий. Он громко застучал железным дверным кольцом и воскликнул: – Я Ангел Смерти! И я пришел к царю вашему, чтобы разлучить его с сокровищами, которыми он окружил себя. Узнав про это, царь вздохнул и сказал Ангелу Смерти: – Да будут прокляты Аллахом все сокровища, мешавшие мне думать о Господе моем! Но Аллах даровал язык сокровищам его, и они сказали царю: – За что проклинаешь ты нас? Прокляни лучше самого себя! Обладая нами, ты должен был раздавать милостыню бедным, сирым и убогим, сооружать убежища, мечети, мосты и водопроводы. Тогда мы послужили бы тебе источником блаженства и после смерти. Ты же, собрав нас, запер в сокровищницы свои и, если тратил что-либо, то лишь на удовлетворение прихотей своих. И тут Ангел Смерти вынул из царя душу, и тот покатился бездыханный на землю.

Ангел Смерти и царь детей израилевых

Один из могущественных царей израильских увидел однажды, как в дворцовые ворота вошел какой-то человек отвратительного вида. И царь спросил его: – Кто ты, и кто позволил тебе прийти во дворец мой? А человек ответил: – Я тот, от чьей руки не уйдет ни единый из смертных. Я тот, кто разрушает земные радости и расторгает человеческие союзы! Я – Ангел Смерти! Услыхав эти слова, царь закрыл лицо свое, а потом сказал: – Заклинаю тебя именем Аллаха Всевышнего, дай мне еще день жизни, чтобы я успел искупить грехи свои и возвратить богатства, собранные в сокровищницах моих тем, кому они принадлежат по праву. Но Ангел Смерти ответил ему: – Нет тебе пути к спасению! Как могу я отсрочить конец твой, если час твоей смерти предрешен и предначертан! Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила девятьсот тридцатая ночь, она сказала:

ночь девятьсот тридцатая

Тогда царь спросил: – Кто же будет со мною, когда понесут меня в могилу? Ангел же ответил: – Никого не будет с тобою, кроме дел твоих! И царь сказал: – Но я не совершил никаких дел! Ангел ответил: – В таком случае бездеятельность твоя будет адским огнем твоим! И с этими словами он взял душу его, и царь упал с престола своего и распростерся бездыханный на земле. Тогда огласился дворец его дикими воплями, и поднялись громкие крики, и стенания, и слезы. Но если бы знали они, что уготовал царю гнев Всевышнего, еще громче раздавались бы их вопли.

Цуль-Карнеин и царь, не ищущий благ земных

Рассказывают, что во время одного из своих походов Искандер-Цуль-Карнеин повстречался с неким бедным народом. И он спросил царя этого народа: – Почему вы погребаете покойников перед дверьми домов своих? И царь ответил: – Чтобы изгнать из сердец наших любовь к суете земной и не искушаться ею. Потом он поднял с земли человеческий череп и сказал: – О Цуль-Карнеин, череп этот принадлежал царю, который угнетал подданных своих, проводя время в накоплении бренных сокровищ мира сего. И Аллах Всевышний призвал к себе душу его и вселил ее в огонь адский. Потом он поднял другой череп и сказал: – А это был один из царей земных, справедливый к подданным своим и заботившийся о народе государства своего. И Аллах Всевышний, призвав к себе душу его, поселил ее в раю, и таким образом он был возвеличен по заслугам своим. Потом царь возложил руку свою на голову Цуль-Карнеину и сказал: – На кого из них похож ты? Тогда Цуль-Карнеин прижал его к груди и сказал: – Если ты хочешь, я сделаю тебя визирем своим! Но человек ответил: – Я не желаю этого! Деньги твои и богатство делают людей врагами твоими. Ко мне же, за мою нетребовательность и бедность, все питают истинную дружбу. Ибо у меня ничего нет, и я не жду благ земных, не желаю их и не нуждаюсь в них, но, довольствуясь малым, имею все, что мне нужно. Тогда Искандер еще раз прижал его к груди своей, облобызал его между глаз и поехал дальше. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Когда же наступила девятьсот тридцать первая ночь, она сказала:

История царевича Хабиба и царевны Дуррэт-эль-Хаввас

Рассказывают, – но один Аллах знает все, – что в давно прошедшие дни среди арабских племен жил эмир Саламэ, подчинивший себе более шестидесяти шести различных племен. И он был уже в преклонных годах, но Аллах Всемилостивый не даровал ему сына, хотя шейх был храбрый властелин, гроза врагов и полный красоты и благородства воин. И вот однажды ночью, когда он был погружен в сладкий сон, услышал он голос, который говорил ему: – Встань и познай жену свою, и по воле Всевышнего она зачнет от тебя. И потревоженный в своем сне, эмир спрыгнул со своего ложа и посетил супругу свою Камар-эль-Ашраф*, она же стала беременна от объятий его. И когда пришло время, она родила мальчика, красотой подобного полной луне; и он по желанию отца получил имя Хабиб**. И отец радовался, глядя на него, и воспитывал его наилучшим образом, и приказал обучать его искусствам и знаниям. И учителя сделали царевича Хабиба самым умным, ученым и остроумным юношей среди сыновей того времени. И люди удивлялись его всеобъемлющему уму и говорили: «Этот юноша достигнет высоких степеней, и люди великих знаний будут прославлять его». И захотел эмир Саламэ наградить воспитателя своего сына, подарив ему четырех верблюдов, нагруженных золотом и серебром. Тут Шахразада заметила наступление утра и скромно умолкла. А когда наступила девятьсот тридцать вторая ночь, она сказала:

* *Камар-эль-Ашраф* – луна благородных.

** *Хабиб* – возлюбленный.

Но воспитатель возразил на это: – О царь, я не могу принять твоего дара, ибо я из рода джинов и не имею надобности в деньгах. Но однажды я услыхал голос, который сказал мне: – Иди к царевичу Хабибу, сыну эмира Саламэ, и научи его всем необходимым наукам. И я исполнил то, к чему я был призван. Но знай, о царь, что с этим юношей случится то, что должно случиться, но говорить об этом у меня не хватает мужества. И с этими словами старик исчез, перестав быть видимым. И царевич Хабиб, узнав об исчезновении своего учителя, сильно опечалился, а потом сказал отцу своему: – Отец мой, мне нужен кто-нибудь, чтобы обучить меня военному делу, ибо сердце мое жаждет высоких подвигов! И едва Хабиб сказал это, перед ними предстал громадного роста всадник с широко развевающимся тюрбаном на голове. Широкая грудь его была покрыта двойным панцирем, в одной руке держал он палицу, которая была выделана из обломка скалы, а в другой руке было у него огромное копье. И он остановился перед эмиром Саламэ, и произнес ему приветствие, и сказал... Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила девятьсот тридцать третья ночь, она сказала:

НОЧЬ ДЕВЯТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Царь времен, меня зовут Эль-Абус, и я прибыл сюда, чтобы сделать из твоего сына первого воина его времени! Если хочешь, я буду учить твоего сына сражаться и покажу ему, как надо действовать мечом и копьем. И с позволения царя стал он ежедневно обучать Хабиба и однажды сказал ему: – Знай, о Хабиб, что тебе придется преодолевать многие опасности, и эти бедствия будут продолжаться до тех пор, пока ты не соединишься с прекрасной Дуррэт-эль-Хаввас, дочерью царицы Камар-эль-Заман. Она джиния, и у нее есть два визиря: один из них – человеческого рода, другой же – из рода джинов, и управляют они всеми царями, подвластными ей. И власть ее распространяется над тысячью морскими островами. Многие морские цари искали руки ее, но до сих пор ни один из них не приобрел ее расположения. И когда царевич Хабиб услышал это, он воскликнул: – Расскажи мне о том, что было с этой девушкой, и что должно еще с ней случиться! И Эль-Абус начал свой рассказ так: – Между морскими царями жил однажды царь по имени Сабур. Он царствовал над Хрустальными островами и был могущественным, славным и великодушным повелителем. И он страстно любил женщин и с величайшим рвением разыскивал себе красивейших девушек, но, несмотря на это, он не имел потомства. И вот однажды он увидел, что к нему приближается прекрасный и лицом, и телосложением эфрит. И это был не кто иной, как владыка джинов Атрус. И подошел он к царю и сказал... Но тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. Когда же наступила девятьсот тридцать четвертая ночь, она сказала:

ночь девятьсот тридцать четвертая

О царь времен, у меня есть дочь Камар-эль-Заман, и в целом мире нет равной ей по красоте. И я намерен отдать ее тебе в жены. И тогда приказал царь Сабур позвать кади, который соединил его брачным союзом с дочерью царя джинов. И когда царь посетил ее, он нашел ее девственно чистой, и Аллаху Всевышнему было угодно, чтобы она зачала от него. Когда же прошли все месяцы беременности, родилась у нее дочь, подобная луне во время полнолуния. И обучили ее воспитательницы искусству письма и многим другим прекрасным наукам. Услыхав это, царевич Хабиб, стал только и думать о том, как бы ему разыскать эту деву.

И вот однажды он вошел в сад своего отца и вдруг увидел Дуррэт-эль-Хаввас, походившую своей красотой на луну во время полнолуния. И она приблизилась к нему и сказала: – О Хабиб! Где скрывался ты, о любовь моя, утешение глаз моих, о частица моего сердца? И он отвечал: – Хвала Аллаху, дозволившему мне узреть лицо твое и стан твой. Неужели не знаешь ты, как я страдал и как я болел душою? И спросила она его: – Что же причиняло тебе эти страдания и душевную боль? И он отвечал: – Любовь к тебе и тоска разлуки. Тогда она спросила его: – Кто же был тот, кто первый говорил с тобой обо мне и сообщил тебе обо мне? Но тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила девятьсот тридцать пятая ночь, она сказала:

ночь девятьсот тридцать пятая

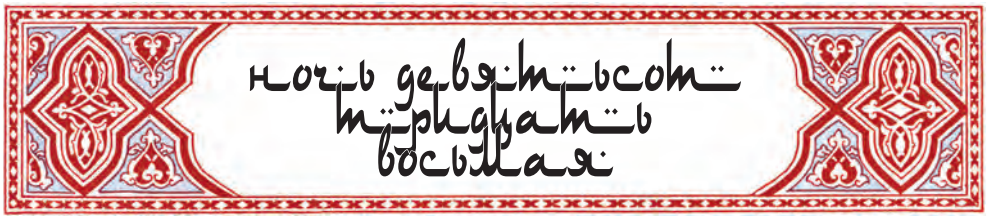
Он ответил: – Джин по имени Эль-Абус рассказал мне о твоей красоте и о твоих прелестях и предсказал мне все, что произойдет между тобой и мною. И я полюбил тебя раньше, чем глаза мои увидали тебя, и после этого еда и питье потеряли для меня свой вкус, и вино перестало веселить меня. После этого упали они друг другу в объятия, но в это время внезапно спустилась к ним большая птица, которая вдруг превратилась в шейха, красивого лицом и станом. И он сказал царевне: – Если ты сейчас же не вернешься в свое государство, то восстанут твои войска, и ты будешь отстранена от власти! А Хабиб сказал на это царевне: – Вели твоему визирю управлять островами и городами твоего отца; ты же будешь жить здесь со мною, и будем мы наслаждаться радостями любви. Но она

ответила: – Это невозможно! И она села на спину визиря, и он улетел с нею. В это время родители Хабиба вышли в сад и увидели, что сын их погружен в печаль, и слезы текут по щекам его. И он рассказал им все, что произошло между ним и Дуррэт-эль-Хаввас. Тогда они стали успокаивать его и утешать. И отец сказал ему: – Потерпи, дитя мое, пока я не помогу тебе отыскать эту девушку. Сын же возразил: – Отец мой, я не могу выносить разлуку с ней; и я хочу, чтобы ты дал мне несколько верблюдов, нагруженных золотом, серебром и товарами, чтобы я мог сам отправиться отыскивать ее. И если я достигну исполнения моего желания, я вернусь к вам. Но если я останусь у вас и не буду видеться с возлюбленной моей души, умру от тоски. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила девятьсот тридцать шестая ночь, она сказала:

ночь девятьсот тридцать шестая

Тогда эмир Саламэ приказал навьючить четырех верблюдов самыми редкими материями, подарил сыну панцирь Давида, магрибский меч, самгарское копье и дромадера, на спине которого возвышался трон из червонного золота, и дал ему десять храбрых воинов, не боявшихся смерти, как бы грозно ни появлялась она перед ними. И царевич, простившись с отцом и матерью, с домашними и с родными, отправился в путь. И вот однажды, через много дней, полных трудов и забот, в души спутников Хабиба закралось недовольство и малодушие, и они решили: «Убьем этого мальчика и увезем с собой его вещи и материи, и деньги, которые он везет с собой; и когда мы вернемся домой и спросят нас о нем, мы скажем, что он умер от чрезмерной тоски по Дуррэт-эль-Хаввас». И тогда всыпали они в кубок с водой банж, и предложили выпить Хабибу. И тот, залпом выпив кубок, тотчас лишился сознания. И они хотели рассечь ему горло от уха до уха, но один из воинов по имени Рабия, воскликнул: – Разве вы не боитесь Аллаха Всевышнего! Я не хочу принимать в этом деле никакого участия. Но если вы хотите наложить свою руку на его верблюдов, деньги и на его имущество, оставьте его там, где он лежит. Если он останется жив, – это будет хорошо, если же он умрет, – это будет еще лучше. Тогда они отвечали ему: – Твой совет хорош! И они взяли коня, панцирь, меч, копье и деньги Хабиба и оставили его лежать голым на земле, уведя с собой верблюдов его. И по дороге спрашивали они друг друга: – Когда мы приедем домой, что должны мы сказать его отцу и матери? И одни отвечали другим: – Мы скажем то, что посоветовал нам Рабия, – что однажды нашли мы его без сознания. И увидели, что он мертв, но не смогли привезти тело его, поскольку оно распухло и от раскаленного воздуха стало издавать зловоние. И мы боялись, что отец его, если увидит тело в таком состоянии, не перенесет вида его... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот тридцать седьмая ночь, она сказала:

После того ехали они безостановочно, пока не приблизились к родным местам. Там они, одевшись во все черное, вошли в стан и рассказали, о чем договорились, эмиру Саламэ. И тогда он впал в тяжкую скорбь, и родичи его облеклись в траурные одежды, и все потеряло для них вкус: и еда, и питье. А царевич Хабиб под влиянием утреннего ветерка чихнул, выплюнул банж, пришел в себя и увидал себя нагим и жаждущим в пустыне. И стал он криками оглашать пустыню, которая далеко простиралась перед его глазами: – О Аллах Владыка мой и Творец, укажи мне судьбу мою, если Ты уже предначертал ее! И в это время перед ним спустилась огромная белоснежная птица, ноги которой были подобны стволам пальмового дерева. И Хабиб крайне изумился и подумал: «Благословен Аллах Создатель!» И он тихонько приблизился к птице и обхватил ее ноги, прежде чем она увидала его. И тогда птица Рох распустила крылья и поднялась с ним к небу. И птица долетела до высокой горой Каф; на ее вершине она опустила юношу на землю и улетела. И царевич Хабиб услышал голос, который сказал ему: – О Хабиб, то, что привело тебя сюда по пути к Дуррэт-эль-Хаввас, окончилось! Тогда он спустился по склону горы в окружающую ее долину. И увидел он здесь пещеру, и сказал себе: «Если я войду в эту пещеру, то заблужусь и погибну от голода и жажды». Но потом он подумал: «Рано или поздно смерть придет, потому лучше я попытаюсь проникнуть в эту пещеру». Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. А когда наступила девятьсот тридцать восьмая ночь, она сказала:



Вошел он в пещеру, и услышал, что кто-то зовет его по имени, и увидел он, что это его учитель Эль-Абус. И Хабиб приветствовал его с большою радостью и рассказал ему о своих приключениях. А джин принес съестных припасов, и оба подкрепились. И тогда Эль-Абус сказал царевичу: – Знай, о Хабиб, что пещера, где ты находишься, заключает сокровища нашего господина Сулеймана, сына Давида, – мир да будет над ними обоими! И если хочешь посмотреть на это богатство, покопай землю под входом. Там ты найдешь ключ, отопри им дверь, но не закрывай ее с шумом и не оглядывайся назад, ибо я боюсь, что тебе будет грозить

опасность от сторожей этого места. А на обратном пути увидишь ты бурно волнующееся море. Стой на берегу его, пока не увидишь плывущий корабль. Позови погромче людей, которые будут на нем, и они возьмут тебя к себе на корабль. А дальше я не знаю, что случится с тобой.

Сказав это, джин подарил Хабибу придающий силы меч и сохраняющую от врагов одежду. И юноша сделал все, что ему было сказано, но, когда отрыл ключ и открыл им дверь, он не мог рассмотреть сокровища от чрезмерной темноты и подумал про себя: «Неужели Эль-Абус хотел моей гибели?» Но вдруг комната осветилась, и он стал рассматривать груды золота, серебра, рубинов, жемчугов и драгоценных ожерелий. И полный изумления он сказал про себя: «Если бы раздать одну только груду из этих груд сокровищ, то все народы света стали бы богаты!» Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. Когда же наступила девятьсот тридцать девятая ночь, она сказала:

ночь девятьсот тридцать девятая

Но тут вдруг появились джины и эфриты, и крики их так громко раздавались в его ушах, что он чуть не потерял сознание. Позабыв предостережение своего учителя, он отпрянул, закрыл дверь и от страха громко стукнул ею. Тогда джины набросились на него и закричали: – Зачем ты беспокоишь нас? Если бы на тебе не было одеяния джинов, мы бы убили тебя на месте! А Хабиб же долгое время ждал, пока джины не перестанут кричать на него. Когда же наступило затишье, он вышел на морской берег, стал смотреть на море и вскоре заметил корабль, который шел вдоль берега. И закричал он людям с корабля, и они причалили к берегу, взяли его на корабль и поплыли дальше. Но вскоре разразилась буря, и корабль стало бросать из стороны в сторону. А потом корабль вдруг стремительно понесся, а затем неожиданно остановился в своем беге и не двигался ни направо, ни налево. И кормчий закричал: – О пассажиры! Это море называется Синим, и кто из купцов достигал его, погибал безвозвратно, ибо здесь жилище джинов и родина эфритов. И тот, который держит теперь наш корабль, известен под именем Эль-Хашамшам. С каждого корабля, который проникнет в эти запретные воды, он стаскивает все человеческие существа, в особенности же купцов, и пожирает их. Тут Шахразада заметила наступление утра и умолкла. Когда же наступила девятьсот сороковая ночь, она сказала:

ночь девятьсот сороковая

Тогда Хабиб опоясался мечом, который получил от Эль-Абуса, и приказал своим спутникам привязать его к канату и опустить в морские волны. И как только коснулся он морского дна, на него бросился Эль-Хашамшам, но царевич ударил его мечом и рассек надвое. И буря тут же улеглась, а товарищи вытащили его на поверхность воды и стали целовали его ноги. А кормчий воскликнул: – Будьте веселы, о пассажиры, потому что вы приближаетесь к городу царя Сабура, который царствует над Хрустальными островами! И корабль направился туда, вошел в гавань и стал на якорь. А в это время к царевне прилетел эфрит и рассказал о прибытии корабля с купцами и царевичем Хабибом. И она приказала привести к ней ее возлюбленного и после первого радостного свидания кади написал брачный договор. И жили они вместе долгое время, пока Хабиб не соскучился по своей родине. Тогда царица Дуррэт-эль-Хаввас призвала эфрита, села с Хабибом ему на спину, и эфрит перенес их в одно мгновение в сад, где впервые произошла их встреча.

И как только эмир Саламэ и его супруга увидели их, наполнились сердца их чрезмерною радостью и восторгом, и оба родителя бросились к ним. И юноша рассказал им свои приключения от начала и до конца. И празднества продолжались семь дней; и дан был пир, и все голодные, бедные и несчастные в продолжение семи дней кормились праздничной едой. Те же десять всадников, которых эмир Саламэ дал своему сыну в качестве спутников, понесли наказание. Хабиб приказал отобрать у них все имущество, и деньги, лошадей и верблюдов, и были они посажены на кол. Тут Шахразада заметила наступление утра, и умолкла. Когда же наступила девятьсот сорок первая ночь, она сказала:

ночь девятьсот сорок первая

После этого стали вести они веселую и приятную жизнь, пока эмир Саламэ не благословил всех живущих. И они оплакивали его в продолжение семи дней; по прошествии же их сын эмира Хабиб стал царем и принял присягу верности от всех племен и родов, которые явились к нему и возносили молитвы о даровании ему победы и долголетнего царствования; и все, даже самые упрямые из его подданных, склонили перед ним колени. И царствовал он также над Хрустальными островами царя Сабура; царица же Дуррэт-эль-Хаввас родила ему много детей, которые все пошли по стопам отца своего. И такова, о благословенный царь, удивительная история царевича Хабиба и царевны Дуррэт-эль-Хаввас. Но она далеко не так занимательна, как необыкновенная история царя Вирд-Хана, сына царя Джалиада. И царь Шахрияр воскликнул: – О Шахразада, я не сомневаюсь в правдивости твоих слов! Поспеши же рассказать мне эту историю, ибо я ничего не слышал о ней. И Шахразада начала следующую историю такими словами:

История царя Вирд-Хана, сына царя Джалиада

Рассказывают, о царь благословенный, что в дни давно минувшей поры жил в Индии могущественный царь Джалиад, который был благодетелем всех бедняков, и все подданные его царства горячо любили его. И любил он всех, как великих, так и малых, и властвовал над ними с неизменною милостью и управлял ими так разумно, как никто до него. Но, несмотря на высокие добродетели и доблесть его, Господь Всевышний не благословил его сыном и наследником, и это сильно печалило его и весь народ царства его. И вот однажды ночью после того, как царь долго пролежал без сна на ложе своем, мучимый мыслями о том, какая судьба ожидает в будущем царство его, он погрузился, наконец, в глубокий сон. И приснилось ему, что он стоит у подножия высокого дерева и льет воду на корни его. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот сорок вторая ночь, она сказала:

ночь девятьсот сорок вторая

Но вдруг вырвалось из того дерева пламя и сожгло все деревья, которые стояли вокруг него. Тут царь в страхе и ужасе очнулся от сна своего. Он позвал своего любимого визиря Шимаса, рассказал ему о сне своем и спросил, что значит он. Тогда Шимас сказал ему: – Знай, о царь, что Господь Всемогущий скоро пошлет тебе желанного сына, но, кроме того, сон твой предвещает еще и другое, о чем я теперь не могу рассказать тебе, ибо время для полного разъяснения грядущего еще не

пришло. Тогда царь велел созвать во дворец свой астрологов и снотолкователей со всего царства своего и, рассказав им сон свой, сказал: – Я желаю, чтобы вы дали мне теперь же полное и правдивое толкование сна моего. Тогда выступил один из них и, испросив разрешения говорить, сказал так: – Визирь твой побоялся потревожить сердце твое. Ведь сын твой для твоих подданных будет повелителем суровым и неумолимым, и будет с ним то, что было с кошкою и мышью! Тогда царь спросил: – Что же это за история? И он ответил:

ИСТОРИЯ КОШКИ И МЫШИ

Один почтенный кот, ослабев от безуспешных поисков добычи, заметил у корней дерева большое отверстие и влез туда. Принюхавшись, он понял, что в глубине этой дыры живет мышь, и он стал пробираться дальше в надежде ее поймать. Но мышь, почуяв приближение кошки, изо всех сил принялась рыть землю всеми четырьмя лапками, чтобы спастись от кота. Тогда кот сказал ей жалобным голосом: – Зачем делаешь ты это, о сестра моя? Ведь я ищу здесь лишь убежища в надежде, что ты не откажешь мне в сострадании своем и приютишь меня на эту ночь в норке своей, ибо вследствие преклонных лет моих и потери сил, я совсем ослабел и едва могу шевелиться! Ты заслужишь награду от Аллаха, если дозволишь мне провести у тебя эту ночь до утра. Тут Шахразада увидела, что близко утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот сорок третья ночь, она сказала:

ночь девятьсот сорок третья

Но мышь возразила коту: – Как смеешь ты приходить ко мне, зная, что ты исконный враг мой? Мне не подобает доверять тебе, ибо в Писании сказано: «Природная вражда становится тем сильнее, чем слабее враг». На это кот ответил ей угасающим голосом: – Молю тебя простить мне все, что было раньше между нами вследствие природной вражды. Ибо сказано в Писании: «Если хочешь, чтобы враг твой сделался тебе другом, сотвори ему добро». Тогда почувствовала мышь сострадание и подошла к коту, но он вдруг схватил ее в когти, а мышь запищала: – Вот награда мне за то, что я доверилась тебе. Прав был тот, кто сказал: «Кто доверяет врагу своему, тот заслуживает гибели». А в это время неподалеку проходил охотник со своими собаками. И одна из них влезла в нору, схватила кота и перекусила ему затылок. Так оправдалось изречение, которое гласит: «Кто сам милосерден, тот найдет и к себе милосердие; кто угнетает, тот будет угнетен». Но все же, о царь, не огорчайся, ибо сын твой, быть может, изменится, следуя прекрасному примеру твоему! А через некоторое время одна из жен царя почувствовала, что зашевелился младенец во чреве ее, и она сообщила об этом царю. И царь сказал: – Сон

мой стал правдой по воле Аллаха! Но Шимас, узнав об этом, бросился к ногам царя и сказал: – Что пользы в том, чтобы укрываться под тенью дерева, если из него вырвется пламя? К чему утолять жажду свою свежей и чистой водою, если после утонешь в ней? Я служу Аллаху и тебе, о царь, но в Писании сказано: «Путник не должен говорить о странствованиях своих раньше, чем вернется домой; воин не должен говорить о битвах своих раньше, чем одолеет врага, и беременная женщина не должна говорить о ребенке раньше, чем разрешится от бремени. Тут Шахразада увидела, что близится утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот сорок четвертая ночь, она сказала:

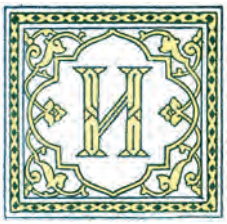
ночь девятьсот сорок четвертая

Ибо знай, о царь, что если кто-нибудь говорит о деле прежде, чем оно окончено, то он подобен тому смиреннику, который пролил масло свое на голову себе. И царь спросил: – А что это за история? И визирь сказал:

СМИРЕННИК И КУВШИН МАСЛА

Был в некоем городе благочестивый человек, который ежедневно получал в виде вспомоществования три хлеба, мед и немного масла. А так как масло это ценилось дорого, он вскоре стал собирать его в кувшин, и когда тот наполнился, смиренник повесил его над головой своей. И однажды, покоясь на ложе своем и держа в руках свой посох, он сказал себе: «Продам я все свое масло и на вырученные деньги куплю себе овцу, а она принесет парочку ягнят, и так каждый год, а потом ягнята вырастут, и каждая ярка будет также приносить каждый год по парочке; и так наберется у меня целое стадо. Тогда я продам его, а на вырученные деньги куплю себе участок земли, разведу на нем сад и выстрою среди этого сада чудный дворец. А потом я женюсь, и жена моя родит мне мальчика, и я буду воспитывать его и обучать. Но если я увижу, что он склонен к ослушанию, то я хорошенько проучу его посохом своим». И он замахнулся палкой, чтобы наказать сына своего, но попал по кувшину с маслом, который висел над головой его, и разбил его вдребезги. Тут Шахразада заметила, что брезжит рассвет и умолкла. А когда наступила девятьсот сорок пятая ночь, она сказала:

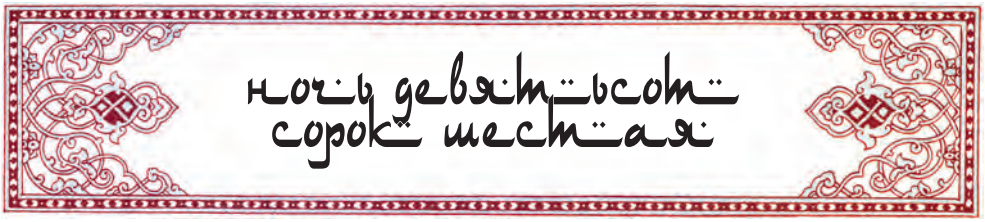
ночь девятьсот сорок пятая



потому, о царь, не должен человек говорить о деле раньше, чем оно будет окончено! Выслушав это, царь отпустил Шимаса, а через некоторое время царица родила ему мальчика, и радостный гром барабанов оповестил всю страну о рождении наследника, и народ толпами стекался ко дворцу. И пришел к царю визирь Шимас и сказал ему: – Аллах всегда награждает того, кто свято хранит веру Его. И потому возвеличил Он могущество твое и ниспослал тебе благословенного младенца на радость нам, ибо доныне не было у тебя сына и наследника престола твоего. И грустно размышляя о судьбах царства твоего, мы стали опасаться, что с нами случится то же, что случилось со стаей воронов. Тогда царь спросил: – А что же с ними случилось? И визирь ответил ему: – Я сейчас расскажу тебе.

ИСТОРИЯ О ВОРОНАХ И СОКОЛЕ

В долине, богатой ручьями, жила стая воронов, которые проводили жизнь свою в благоденствии. Но однажды их мудрый предводитель отошел в вечность; и подданные горько оплакивали кончину его, тем более что в среде своей они не видели никого, кто бы мог заменить его. И согласились они избрать своим царем птицу, которая раньше всех подлетит к стае. И когда взвился над ними сокол, все вскричали: – Мы избираем тебя царем и властителем нашим! И сокол ответил: – Такова воля Аллаха, и вам будет хорошо под владычеством моим! Но каждый день он забирал одного ворона с собой и, отлетев от стаи, выклевывал ему глаза, пожирал мозг, а тело бросал. И так поступал он до тех пор, пока большая часть стаи не исчезла. Тогда оставшиеся в живых, видя неминуемую смерть свою, улетели и рассеялись в разные стороны. Так и мы, подданные твои, боялись, что с нами будет то же, что было с воронами, и что иной, не похожий на тебя, владыка заступит на место твое. Но Аллах смилостивился над нами! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот сорок шестая ночь, она сказала:



Ты управлял нами справедливо, и мы благодарим Аллаха, подарившего тебе наследника престола твоего. Но следует помнить, что исход того, к чему стремится человек на земле, скрыт от него и, быть может даже в том, чего он жаждет, кроется гибель его. Ибо с каждым из нас может случиться то, что случилось с заклинателем змей. И царь спросил: – Что же это за история? И визирь ответил: – Слушай же, о царь!

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМЕЙ

Жил в одном городе заклинатель змей, и была у него большая корзина, в которой жили три змеи, но домашние его не знали об этом. Но однажды вечером жена его спросила: – Что у тебя в корзине? А он ответил: – Что тебе за дело? Ведь у тебя всегда есть кусок хлеба! Довольствуйся же тем, что ниспосылает тебе Аллах, и не спрашивай о том, что тебя не касается! И жена замолчала, но сказала самой себе: – Я когда-нибудь сама загляну в корзину, ибо должна же я знать, что там такое есть! И однажды, когда муж ее заснул, она открыла корзину, а змеи вылезли и смертельно ужалили ее. Потом они расползлись по дому и пережалили смертельными укусами всех домашних от мала до велика за исключением одного только заклинателя. Тогда оставил он дом свой и пошел куда глаза глядят. И если ты, о царь благословенный, поразмыслишь об истории этой, то поймешь, что человек не должен ничего желать себе сверх того, что ниспосылает ему Аллах, но должен довольствоваться тем, что даровал ему Всевышний в благости своей. Выслушав это, царь отпустил визиря и пошел во дворец свой, чтобы полюбоваться сыном своим. И горячо молился он Аллаху о благополучии его, и дал ему имя Вирд-Хан. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот сорок седьмая ночь, она сказала:

НОЧЬ ДЕВЯТЬСОТ СОРОК СЕДЬМАЯ

Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, царь поручил мудрецам и ученым обучать его всем наукам, каждую неделю давая отчет, насколько подвинулся он в науках. И когда мальчику исполнилось тринадцать лет, он уже превосходил познаниями всех ученых своего времени. И визирь Шимас сказал царю, целуя руки его: – Сын твой подобен драгоценному камню. Юность его не помешала ему достигнуть мудрости, да будет благословен Аллах, наделивший его столь обширными дарованиями. Затем визирь спросил царевича: – Скажи мне, каких людей всего более прославляют на земле за деяния их? И царевич ответил: – Тех, которые больше дорожат загробной жизнью, чем земным существованием. Но тут Шахразада заметила, что близится утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот сорок восьмая ночь, она сказала:

НОЧЬ ДЕВЯТЬСОТ СОРОК ВОСЬМАЯ

А кто больше дорожит будущим блаженством, чем земными благами? – Тот, кто знает, что этот мир – лишь временное жилище человека и что он должен будет после смерти дать отчет Великому Судье во всех своих деяниях. Кто подавляет и обуздывает земные свои страсти и желания, тот уготовляет душу свою для будущей жизни! Тогда Шимас спросил: – Теперь скажи мне, о царевич, одинаково ли участвуют душа и тело в наградах и наказаниях жизни? И царевич ответил: – Тело не может существовать без души; непорочность души зависит от чистоты ее стремлений и тяготения ее к тому, что предназначено ей в жизни загробной. Поступки оцениваются по умыслу, с которым их совершают, и потому душа и тело одинаково участвуют в поступках человека, а затем в загробном воздаянии. Пояснить же это можно притчей о слепом и хромом.

СЛЕПОЙ И ХРОМОЙ

Жили-были слепой и хромой; и вот однажды привел их один богатый человек в плодородный сад свой и позволил им там остаться. И хромой сказал слепому: – Я вижу, что плоды созрели, и мне ужасно хочется отведать их хоть немного, но только я не могу достать их. Сорви несколько штук для нас обоих! Но слепой ответил ему: – Увы, я не могу их сорвать, ибо я их не вижу. Что же нам делать? Тогда хромой сказал: – Поднеси меня к дереву, плоды которого тебя особенно манят. Тогда слепой встал, посадил хромого к себе на плечи и поднес его к дереву, и хромой нарвал столько плодов, сколько ему хотелось. И так переходили они от дерева к дереву, пока не насытились. В притче же этой слепой изображает тело, которое без души ничего не видит, а хромой – это душа, которая не может двигаться без тела. Тут Шахразада увидела, что близко утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот сорок девятая ночь, она сказала:

ночь девятьсот сорок девятая

Выслушав это, царь усадил сына своего на троне возле себя и воскликнул: – Благословен Аллах, пославший мне сына, который будет утешением моим! И царь повелел всему народу своему присягнуть в верности царевичу Вирд-Хану и назначил его наследником царства своего. Когда же исполнилось царевичу семнадцать лет, старый царь захворал тяжким недугом и вскоре испустил дух. И юноша стал управлять царством, как правил покойный отец его, но вскоре проснулось в нем пристрастие к женщинам. Стоило ему прослышать о какой-нибудь красавице, как он брал ее в жены, и вскоре у него набралось такое множество жен, как у царя иудейского Соломона, сына Давидова. Возле них проводил он целые месяцы, нимало не заботясь об управлении государством и не вникая в дела подданных своих.

И, видя это, все стали опасаться, что над страной скоро разразится беда.

Тогда Шимас пошел во дворец, предстал перед царем, облобызал землю у ног его и сказал: – Я вижу, ты забыл заветы и наставления отца своего и не следуешь благому примеру его в управлении царством своим. И царь спросил: – Как же случилось это и какая тому причина? Шимас же ответил: – Причина этому та, что ты пренебрег делами государства и всех подданных своих и предался во власть плоти, которая соблазняет тебя ничтожными утехами бренного мира сего. А между тем царь должен заботиться о благе подданных своих. И совет мой тебе, о царь, думать об ожидающей нас смерти. Тогда найдешь ты истинный путь к спасению и не будешь гоняться за обманчивыми земными наслаждениями, ведущими к гибели, и не случиться с тобою того, что случилось с рыбаком, погнавшимся за рыбою. Тут царь спросил: – А что же случилось с ним? И Шимас рассказал следующее:

ИСТОРИЯ О БЕЗРАССУДНОМ РЫБАКЕ

Некий рыбак отправился как-то на реку, чтобы по обыкновению удить там рыбу. Но когда он переходил по мосту, переброшенному через эту реку, увидел в воде огромную рыбу и сказал себе: «Зачем сидеть на берегу! Лучше я войду в воду и постараюсь поймать эту рыбу руками, и, если мне это удастся, я на несколько дней освобожусь от работы! Тут Шахразада увидела, что близко утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот пятидесятая ночь, она сказала:

ночь девятьсот пятидесятая

И он скинул с себя одежду и вошел в воду. И его понесло вниз по реке, и, схватив, наконец, рыбу, он попал в сильный водоворот, из которого никому еще не удавалось спастись. На его крики о помощи прибежали речные сторожа и сказали: – Почему не выпустил ты из рук добычу свою и не подумал о том, чтобы спастись? Тогда бы ты не попал в страшный водоворот этот, где неизбежно погибнешь. Теперь же уже никто не может помочь тебе! И рыбак, так и не выпустив из рук то, за что отдал жизнь свою, погиб в бездне самой жалкой смертью. Притчу же эту я рассказал тебе, о царь, для того, чтобы ты оставил презренные забавы свои, отвлекающие тебя от обязанностей твоих, и вновь занялся делам управления. И на следующее утро царь разрешил народу являться к нему, но в это время явилась к царю одна из жен его, которую он особенно любил, и, видя его задумчивость, спросила: – Не огорчен ли ты чем-нибудь, о повелитель мой? И царь ответил: – Я вижу, что наслаждения отвлекли меня от дел управления. Если бы я и дальше поступал таким образом, то царство мое скоро ускользнуло бы из рук моих! Но она возразила ему: – Я вижу, что ты поддался лживым увещаниям визирей своих, которые хотят только

мучить тебя, ибо заботы управления лишают тебя покоя и радости. Если ты будешь слушаться советов их, то принесешь себя в жертву ради чужого благополучия и будешь подобен мальчику, над которым потешились воры! И царь спросил: – Что это за история про мальчика и воров? И она сказала: – Слушай же, о царь!

МАЛЬЧИК И ВОРЫ

Однажды шайка воров проходила мимо сада, где было много зрелых орехов. Они решили забраться в сад, а по дороге наткнулись на мальчика, которому предложили: – Заберись на дерево и тряси ветки, чтобы орехи падали вниз. Когда они опадут, ты сойдешь на землю и получишь свою долю из того, что мы соберем! И мальчик согласился и принялся трясти ветки, как вдруг появился владелец дерева и крикнул: – Вы что тут делаете? И воры ответили: – Мы приняли этого мальчика за владельца дерева и попросили его дать нам немного орехов. Мы не виноваты ни в чем! Тогда владелец сада спросил мальчика: – А ты что скажешь об этом? И мальчик ответил... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот пятьдесят первая ночь, она сказала:

ночь девятьсот пятьдесят первая

Они приказали мне влезть на дерево и трясти ветки, чтобы орехи падали на землю. Но я не съел ни одного орешка! И владелец сада строго наказал мальчика, сказав ему: – Ты, видно, просто глуп, ибо даром трудился для других! Так точно визири и сановники твои хотят погубить тебя ради выгоды своей, и поступят они с тобою, как воры поступили с мальчиком. И царь ответил: – Ты права! Я не стану отказываться от наслаждений. Когда же наутро пришедшие ко дворцу люди потеряли всякую надежду увидеть царя, они сказали Шимасу: «Если царь не выйдет к нам, мы ворвемся к нему и убьем его, власть же передадим более достойному! Тогда Шимас явился к юному царю и сказал ему: – О царь! Зная, что ты снова предался сладострастию, подданные решились восстать против тебя. И если они приведут в исполнение приговор свой, тебя постигнет судьба, которая постигла волка, когда лисицы восстали против него! И царь спросил: – А что же с ним случилось? И Шимас рассказал ему историю о лисицах и волке.

ЛИСИЦЫ И ВОЛК

Рассказывают, что однажды стая лисиц наткнулась вдруг на мертвого верблюда. И обрадовавшись, стали они говорить между собой: – Вот мы нашли

пропитание себе на несколько дней, но мы боимся, что между нами возникнут раздоры и драки, и тогда более сильные одолеют более слабых. Поэтому мы лучше выберем себе кого-нибудь в судьи, и он будет решать все споры наши, а мы в благодарность за это отдадим ему часть добычи. И пока они совещались, вдруг вышел из леса волк. Тут Шахразада увидела, что близок рассвет, и умолкла. А когда наступила девятьсот пятьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь девятьсот пятьдесят вторая

И лисицы сказали друг другу: – Пусть волк будет судьей нашим, ибо он самый сильный из всех зверей! И они сказали ему: – Мы избрали тебя судьей, и ты должен каждой из нас давать столько мяса, сколько нужно на один день, дабы более сильные не напали на более слабых. И волк согласился, подумав: «Будет гораздо разумнее все это оставить себе». И когда на следующее утро лисицы явились к нему, чтобы получить свою пищу, он сказал: – У меня ничего нет для вас! И они ушли от него крайне расстроенные, и одна лисица сказала другим: – Нам надо отправиться ко льву и, рассказав ему все, отдать ему верблюда. Быть может, он по великодушию своему уделит нам частицу от него. А если он не пожелает поделиться, то, во всяком случае, он более достоин получить добычу, чем этот негодяй! И они пошли ко льву и рассказали ему, как было дело с волком. Выслушав рассказ их, лев воспылал благородным гневом и тотчас же отправился вместе с ними, чтобы наказать волка, который, завидя льва, пустился наутек. Но лев погнался за ним, поймал и растерзал; лисицам же отдал добычу их. Из этой истории видно, что ни один правитель не должен легкомысленно относиться к делам подданных своих; и потому, о царь, послушайся совета моего. Вспомни, что отец твой на смертном одре своем наказывал тебе слушаться добрых советов. И это – последнее мое слово к тебе, и да будет мир над тобою! И царь сказал: – Хорошо, я послушаюсь тебя! И завтра, если такова воля Аллаха Всевышнего, я выйду к народу моему. Но когда любимая жена царя узнала, что сказал ему великий визирь, она поспешила к супругу своему и сказала... Тут Шахразада увидела, что брезжит утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот пятьдесят третья ночь, она сказала:

Как изумляет меня податливость требованиям подданных твоих. Разве ты забыл, что визири – рабы твои?

ночь девятьсот пятьдесят третья

Не слушай их советов, не дозволяй им быть дерзкими по отношению к тебе, дабы не случилось с тобою, что было с пастухом и вором. И царь спросил: – Что же с ними было? Тогда она рассказала такую историю:

ПАСТУХ И ВОР

Однажды вор захотел украсть овцу из стада, которое заботливо оберегал усердный пастух. Вор ушел в степь, убил там льва, содрал с него шкуру, набил ее соломой, сделал чучело и поставил его на одном из холмов, дабы пастух смог увидеть его. Затем он явился к пастуху и сказал: – Лев, который стоит на холме, послал меня к тебе. Он требует, чтобы ты дал ему овцу из стада своего ему на ужин. И пастух поднял голову и посмотрел в ту сторону, куда указывал вор. Увидав чучело льва, он принял его за живого зверя; и, сильно испугавшись, он сказал вору: – Бери, я не буду мешать тебе! И вор унес овцу, а потом, пользуясь страхом пастуха, он стал приходить вновь и вновь, говоря: «Лев желает вот этого и собирается сделать то-то». И так поступал он, пока не перебрал почти все стадо. И пусть сановники царства твоего не воображают, будто благодаря уступчивости твоей они все могут позволить себе. И царь поддался этим словам и сказал: – Я не исполню их требований и не выйду к ним!

Когда же наутро царь не вышел к подданным своим, они сожгли ворота дворца. И царь сказал жене своей: – Я попал в ужаснейшую беду. Что же ты посоветуешь мне теперь? И жена сказала ему: – Будь спокоен и не пугайся, ибо теперь такое уж время, что глупцы восстают против повелителей своих. Призови десять сильных молодцов из невольников отца твоего и пошли визиря сказать людям, что ты болен. А потом пригласи входить предводителей их поодиночке, одного за другим. И когда будут входить они, делай с ними, что тебе заблагорассудится. Убей сначала Шимаса, а затем и остальных, не щадя никого. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот пятьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь девятьсот пятьдесят четвертая

И царь сказал: – Совет твой хорош! И он призвал к себе десять преданных ему невольников-великанов, и сказал им: – Помните, какой милостью пользовались вы у отца моего, который всегда одарял вас богатыми подарками? Я же хочу еще возвысить вас, но, прежде хочу знать, желаете ли вы выказывать мне полное повиновение? Если исполните приказания мои, то я дам вам все, что вы пожелаете. И все десять

невольников ответили ему в один голос: – О господин наш, мы исполним все, что ты пожелаешь, и ни в чем не отступим от приказаний твоих, ибо ты повелитель наш. И царь сказал им: – Да благословит вас Аллах! Вы знаете, как отец мой был добр к подданным своим, и знаете, как они поклялись ему не нарушать присяги, данной мне, и повиноваться приказаниям моим. Но вы видели, до чего дошла дерзость их, и видели, как они явились ко мне и собирались убить меня! Поэтому я решил расправиться с ними и, полагая, что устрашить их может лишь примерное наказание, не могу предпринять ничего иного, как поручить вам умертвить главных вожаков восстания, ибо так спасу я царство мое от смуты и бедствий. Я буду восседать на троне, а вожакам разрешу входить ко мне лишь поодиночке. Вы же следите за движениями моими. И как только я укажу вам, хватайте того, кто войдет и, отведя его в следующую комнату, убивайте его. И невольники ответили: – Слушаем и повинуемся! Тут Шахразада заметила, что близок рассвет и умолкла. А когда наступила девятьсот пятьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь девятьсот пятьдесят пятая

И первым в залу вошел Шимас, и тут же рабы-великаны потащили его в соседнюю комнату и умертвили. И так убили они лучших людей в царстве, не пощадив никого из достойных; черни же приказали разойтись по домам. После этого Вирд-Хан предался сладострастию, проводя дни во всевозможных наслаждениях и управляя царством своим с таким деспотизмом и жестокостью, каких еще никогда не было видно. Страна же его изобиловала золотой и серебряной рудой и всякими драгоценными камнями, и потому все соседние властители ждали только удобной минуты, чтобы напасть на него. И один из них, царь Индийский, написал юному царю следующее письмо: «Во имя Аллаха, Всеблагого и Милосердного! До меня дошел слух, как поступил ты с достойнейшими людьми царства своего. Поступком этим ты уготовил для себя величайшие бедствия, ибо не имеешь теперь силы, чтобы отразить врагов своих. И потому Аллах Милосердный отдает тебя в руки мои. Ты должен построить для меня дворец и крепость среди моря. А если ты не можешь сделать этого, ищи спасения в бегстве, ибо я пошлю против тебя двенадцать полков по двенадцать тысяч всадников каждый; и они нападут на царство твое, разграбят все имущество твое, убьют подданных твоих и заберут в плен гарем твой. Предводительствовать войском моим будет визирь мой Бодиа, и я прикажу ему держать в осаде город твой до тех пор, пока не завоюет он всей страны твоей. Если ты исполнишь приказание мое, то будешь спасен, если же нет, то я сделаю все, что написал тебе». Прочитав письмо это, царь с изменившимся лицом пошел к жене своей, рассказал, что случилось, и спросил ее: – Можешь ли ты что-нибудь посоветовать мне? Тут Шахразада увидела, что брезжит утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот пятьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь девятьсот пятьдесят шестая

А она ответила: – В дни войны женщины не могут давать советов, ибо они ничего не понимают в этом. Услыхав слова эти, царь стал сожалеть, что дурно поступил с лучшими людьми царства своего. И он подумал: «Теперь неизбежная гибель ожидает меня, если Аллах не пошлет мне кого-нибудь, кто бы мог дать мне мудрый совет». Поэтому ночью он пошел побродить по городу в надежде услышать от кого-нибудь хоть слово утешения. И заметил он двух мальчиков, и один из них сказал другому: – Друг отца моего рассказывал, что царь наш умертвил отца моего Шимаса и лучших людей царства своего, а теперь царь Индийский приказывает ему выстроить для него дворец посреди моря. Тогда царь сказал себе: «Мальчик этот, наверное, мудрец. Ибо тайны письма Индийского царя я никому не сообщил. Как же узнал он об этом? Поговорю с ним: быть может, Аллах смилостивится надо мной и укажет мне через него путь к спасению». И царь подошел к мальчику и ласково сказал ему: – Ты говоришь истинную правду. Так придумай же какое-нибудь средство или хитрость, чтобы отвратить от царя и всего царства его тяжкое бедствие, которое угрожает ему. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот пятьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь девятьсот пятьдесят седьмая

И мальчик ответил царю: – Если бы царь послал за мной, я сказал бы ему, в чем может он найти свое спасение! Тогда царь спросил его: – Откуда ты, и где дом твой? И он ответил: – Эта стена принадлежит дому моему! Тогда царь заметил этот дом, вернулся во дворец и приказал привести мальчика к себе. И мальчик, узнав вчерашнего встречного, пал ниц перед царем, а тот усадил его на свой трон и спросил: – Так что я должен сделать, чтобы отразить нападение царя Индийского? И мальчик ответил: – Поклянись мне, что не отвергнешь советов моих и что я могу не опасаться гнева твоего! И царь ответил: – Клянусь в том Аллахом! Тогда мальчик сказал царю: – О царь, позволь мне написать ответ на письмо царя Индийского! И Вирд-Хан, которому понравилась рассудительность мальчика, позволил ему сделать это. Мальчик же, сочинив ответ королю Индийскому, написал с краю: «Этот ответ написан маленьким школьником». И когда царь Индийский прочитал это

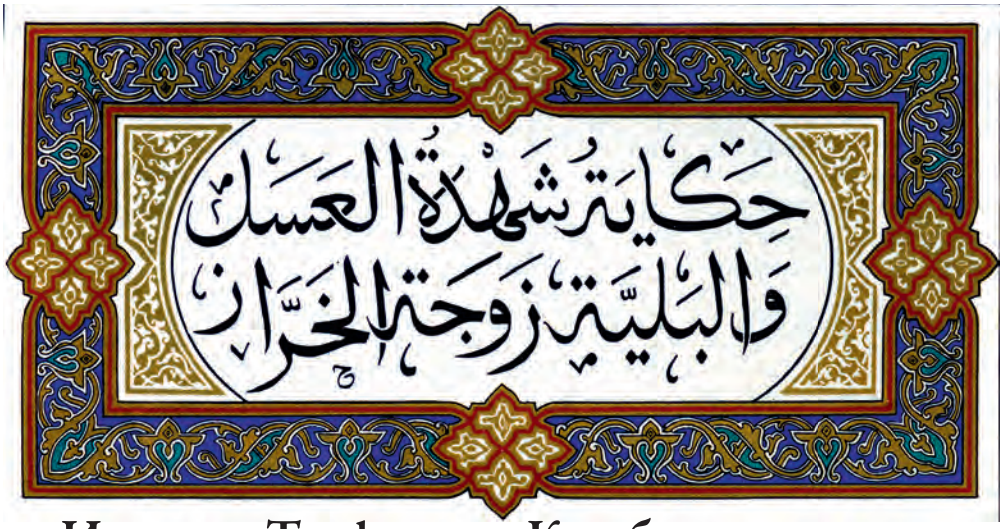
письмо, которое привез ему гонец, он понял, что опасно идти войной на царство, где даже малые дети обладают недюжинной мудростью. И он послал в ответ письмо к Вирд-Хану, в котором просил у него прощения. И письмо это с извинениями и изъявлениями дружелюбия, поручил он отвезти другому гонцу, которого сопровождали сто всадников. Тут Шахразада увидела, что близок рассвет, и умолкла. А когда наступила девятьсот пятьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь девятьсот пятьдесят восьмая

И гонец явился к Вирд-Хану и передал ему послание повелителя. И царь возблагодарил Аллаха, что все окончилось миром. Он оставил грешную жизнь свою и отдался всецело делам управления и попечениям о подданных своих. Сына Шимаса назначил он великим визирем на место отца его, и сделал его первым советником своим и хранителем тайн, и приказал украшать все города царства своего в течение семи дней подряд в ознаменование счастливого исхода переговоров и установления мира. И подданные его ликовали и радовались, отбросив всякий страх и хваля Аллаха Всевышнего, возвратившего царя на путь добра. Что же касается жен царских, которые чуть не довели государство до окончательной гибели, то царь сделал их простыми невольницами и служанками. И с тех пор он стал жить в покое, мире, безопасности и ничем не нарушаемом благополучии. Такова история о царе Вирд-Хане, и о визирях, и подданных его, и да прославится имя Аллаха, Уничтожающего и Возрождающего жизнь, ибо Ему подобает слава, хвала и благословение во веки веков! Тут Шахразада увидела, что близко утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот пятьдесят девятая ночь, царь Шахрияр сказал:

ночь девятьсот пятьдесят девятая

О Шахразада, рассказ этот чрезвычайно занимателен. Но я должен высказать тебе мое удивление по поводу того, что в твоих последних рассказах так мало стихов, тогда как ты уже приучила слух мой к дивным рифмам! При этих словах Шахразада едва заметно улыбнулась и сказала царю: – В таком случае, позволь мне рассказать тебе чудесную историю Тоуфат-эль-Кулуб, невольницы халифа Гарун-аль-Рашида. И царь Шахрияр ответил: – Разумеется, ты можешь сейчас же начать эту чудесную историю! И Шахразада в таких выражениях начала свое повествование:



История Тоуфат-эль-Кулуб, невольницы халифа Гарун-аль-Рашида

Рассказывают, что среди сотрапезников халифа Гарун-аль-Рашида был певец Исаак-бин-Ибрагим, который жил в одном из его дворцов, обучая молодых невольниц игре на лютне. Обучив какую-нибудь невольницу, он приводил ее во дворец халифа, и причислялась она к гарему аль-Рашида, если игра ее заслуживала его одобрения, или же отправлялась обратно во дворец Исаака, если владыка оставался равнодушен к ее игре. И вот однажды Исаак, желая развеять стеснение в груди, решил прогуляться по улицам города. И вскоре встретил он Саида-работорговца, который покупал невольниц и мамелюков. И тот, узнав Исаака, сказал ему: – О повелитель мой, сегодня я получил невольницу бесподобной красоты и к тому же искусную в игре на лютне. Тогда Исаак сказал ему: – Я хочу посмотреть на нее! Тут Шахразада увидела, что близится утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот шестидесятая ночь, она сказала:

И работорговец пошел вперед, а Исаак за ним. И вскоре вошел он в дом работорговца, и тот позвал девушку. Она же взяла лютню, начала играть и пропела следующие строки:

О верьте, что смятение мое
Безмерно, как моя тоска!
В любовной пытке сердце изнывает,
И сон бежит от утомленных век!

Потом она откинула уголок покрывала, и Исаак увидел девушку, подобную восходящему месяцу, с прядями волос,

которые спускались до пят. Тогда Исаак спросил работорговца: – Как зовут эту девушку и сколько хочешь ты за нее? И шейх ответил: – О повелитель мой, ее зовут Тоуфат-эль-Гомака*. Уже более ста раз была она выведена для продажи, и каждый раз говорила мне: «Этого я не хочу, у него такие-то и такие недостатки». И теперь никто не хочет покупать ее из страха, что она найдет в нем какой-нибудь недостаток. Цена же ее – лишь сто динариев, ведь глупость и желтый цвет лица не стоят большего. Тогда Исаак сказал: – Спроси ее, не желает ли она попасть ко мне во дворец? И если она согласится, я куплю ее! Сказав это, Исаак оставил дом работорговца. Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот шестьдесят первая ночь, она сказала:

НОЧЬ ДЕВЯТЬСОТ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Работорговец же спросил девушку: – Желаешь ты быть проданной Исааку, сыну Ибрагима, из Моссула? Она же ответила: – Да, но мало кому удается попасть в его дом! Тогда работорговец послал девушку в дом певца халифа, где ее с радостью встретили невольницы. И когда Исаак вернулся в свое жилище, он сказал: – Устройте ее в учебном помещении и принесите ей музыкальные инструменты; и если Аллах Всевышний пошлет ей здоровье, пусть учится пению, если она чувствует склонность к этому. И так протекли три месяца; и за это время она поправилась и стала еще прекраснее, ибо желтый цвет ее лица перешел в белый и розовый. И Исаак почти забыл о ее существовании, ибо ни одна из невольниц не напомнила ему о ней. Но однажды он услышал, как прелестный голос пел такие строки:

Всю жизнь мою я б отдала охотно
За милого, чья холодность жестоко
Меня томит и чахнуть заставляет,
Хоть исцеленье все в его руках.

И пение это было нежнее дуновение зефира и целительнее миндального масла. И тогда Исаак пришел в восторг и восхищение и, взглянув на Тоуфат, сказал: – Клянусь Аллахом, ты изменилась: желтый цвет твой перешел в румянец, и красота твоя развернулась во всем блеске. И он велел ей играть и петь; она же отвечала: – Слушаю и повинуюсь! Тут Шахразада заметила, что близится утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот шестьдесят вторая ночь, она сказала:

НОЧЬ ДЕВЯТЬСОТ ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

* *Тоуфат-эль-Гомака* – подарок глупцов.

И она сыграла несколько мелодий и пропела, а Исаак, который от восторга готов был улететь, сказал ей: – Сегодня же я поведу тебя к владыке правоверных Гаруну-аль-Рашиду, и, если взор его остановится на тебе, ты будешь царицей над всеми женщинами. Но скажи мне, почему ты оставалась так долго у работорговца, несмотря на ничтожную цену, которую он назначил за тебя? Тогда она засмеялась и сказала: – О господин мой, я слышала о тебе и хотела научиться у тебя твоему искусству, поэтому я не соглашалась быть проданной никому, кроме тебя! И Аллах – хвала Ему, Всевышнему! – исполнил мое желание, и сегодня я в первый раз взяла лютню, чтобы посмотреть, не изменила ли мне рука моя. Тогда Исаак открыл сундук, из которого вынул полосатое платье, покрытое целою сетью самоцветных камней, крупных жемчужин и других драгоценностей; и он сказал ей: – Во имя Аллаха, надень это, о госпожа моя Тоуфат. Тогда она встала и оделась, а затем закуталась в покрывало и отправилась с Исааком во дворец халифа. И Исаак вошел к халифу и сказал, поцеловав перед ним землю... Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот шестьдесят третья ночь, она сказала:

ночь девятьсот шестьдесят третья

О владыка правоверных, я привел к тебе девушку; и никто в мире не видел подобной ей по красоте, голосу и искусству в игре на лютне; зовут же ее Тоуфат. Тогда аль-Рашид сказал: – Где же эта жемчужина? Позови ее сюда, чтобы мы могли полюбоваться ею, ибо утро не должно скрываться! Тогда Исаак позвал Тоуфат, а она взяла лютню, настроила ее струны и пропела следующие строки:

Коль назовешь мое ты имя,
Отвечу тотчас; никого другого
Не жажду так иметь своим я другом,
Как лишь тебя, о верь моим словам!

И аль-Рашид любовался ее красотой, которая вместе с ее чудесным пением привела его в такой восторг, что он спустился со своего трона, сел рядом с нею на землю и воскликнул: – Чудесно, Тоуфат! Клянусь Аллахом, ты, действительно, подарок! И он сказал Исааку: – Ты дал мне совсем неверное представление об этой девушке! Ты не описал и десятой доли ее красоты и ее искусства. Клянусь Аллахом, она превосходит тебя в игре, а я понимаю в этом больше, чем кто-либо другой. И халиф сказал визирю своему Джафару: – Выдай Исааку пятьдесят тысяч дирхемов и одно из лучших почетных платьев. И тот отвечал: – Слушаю и повинуюсь! Халиф же провел эту ночь с Тоуфат и нашел ее нетронутой и девственно чистой. И он не мог нарадоваться на нее, и в сердце его она заняла такое место, что он не мог провести без нее ни одного часа. В этот момент Шахразада заметила, что занимается утро, и по обыкновению скромно умолкла. А когда наступила девятьсот шестьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь девятьсот шестьдесят четвертая

И вот однажды, когда аль-Рашид отправился на охоту, к Тоуфат вошла супруга халифа, госпожа Зобейда, и сказала: – Знай, о Тоуфат, что халиф забыл ради тебя всех своих невольниц и наложниц, и даже меня. И я пришла к тебе, чтобы ты попросила его навещать меня, хотя бы один раз в месяц; и тогда я не буду наравне с невольницами и наложницами, и ко мне будут относиться с прежним почтением. Вот в чем моя просьба к тебе. И Тоуфат отвечала ей: – Клянусь Аллахом, о госпожа моя, я была бы счастлива, если бы он проводил с тобою целый месяц, а мне уделял бы одну только ночь, чтобы сердце твое утешилось, ибо я одна из рабынь твоих, а ты госпожа моя. Тогда Зобейда поблагодарила ее, и простилась с ней, и удалилась в свой дворец. А когда аль-Рашид вернулся с охоты, Тоуфат бросилась ему навстречу, рассказала о посещении Зобейды и воскликнула: – О владыка верующих, исполни просьбу мою и не отклони слов моих: пойди сейчас же к повелительнице моей Зобейде! И когда халиф вышел, она взяла лютню, настроила ее струны и запела так сладко, что мертвое пробуждалось к жизни:

Не жалуйся на перемены Рока.
Всех недовольных ненавидит Рок,
Сноси с терпеньем все его удары,
Все на земле имеет свой конец.

И вдруг она оглянулась и увидела красивого седого шейха, который подошел к ней и сказал... Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. Когда же наступила девятьсот шестьдесят пятая ночь, она сказала.

ночь девятьсот шестьдесят пятая

Знай, о Тоуфат, что я – шейх отрядов Эблиса, и я пришел к тебе по делу, которое доставит тебе почет у царей джинов. Сказав это, он пошел вперед, а Тоуфат последовала за ним. И он подошел к кабинету удобств, в котором оказалась дверь и лестница. И когда они спустились по ней во двор, Тоуфат увидела взнузданную лошадь. И Эблис поддержал ей стремя, и она села на лошадь, которая вдруг распустила крылья и взлетела в воздух. Охваченная страхом, Тоуфат крепко сидела в седле, а шейх держался сбоку. И вскоре прилетели они к высокому замку; перед воротами его стояло множество начальников джинов в великолепных одеждах, и они обступили ее, сняли

со спины лошади и повели во дворец, целуя ей руки. И увидела она такой роскошный дворец, какого не видал еще человеческий глаз. Стены его были из золота, а потолки из серебра. В глубине его стоял трон из красного золота, украшенный жемчугом и драгоценными камнями, а вокруг него были расставлены золотые стулья. И цари джинов сели на стулья, и все они были в человеческом образе, кроме двух, имевших вид джинов – с удлиненными глазами, с выступающими рогами и торчащими клыками. Потом появилась девушка дивного сложения, и лицо ее затмило свет горящих свечей. Ее сопровождали три женщины несравненной красоты; то были царица Камария, дочь царя Эш-Шисбана, и ее сёстры. И они приветствовали Тоуфат обычным селамом, и та поцеловала перед ними землю, а после этого они обнялись и опустились на сидения. И Камария нежно обняла Тоуфат и сказала... Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот шестьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь девятьсот шестьдесят шестая

Добро пожаловать! Это жены царей джинов, приветствуй их: вот эта – царица Джамра, эта – царица Вахиша, а та – царица Шарара, и все они пришли к тебе. И тогда Тоуфат поднялась и поцеловала у них руки, после чего они ответили ей тем же и приветствовали ее, и высказали ей свое почтение. Затем Тоуфат посмотрела на двух царей в образе джинов и спросила Камарию: – Что это за дикий зверь, а также этот второй, похожий на первого? Клянусь Аллахом, глаза мои не переносят их! Тогда Камария засмеялась и сказала: – О сестра моя, один из них – отец мой, царь Эш-Шисбан, другой же – Маймун, оруженосец. В своей гордости и высокомерии они не пожелали изменить образа своего. И все, кого ты видишь здесь, имеют такую же наружность, но они приняли другой вид ради тебя, чтобы ты не испугалась их и могла бы подружиться с ними. В это время принесли столы, подносы и золотые блюда, и все они принялись есть, а после трапезы Эблис подошел к Тоуфат и сказал ей: – О повелительница моя, теперь цари охотно послушали бы твое пение. Тогда Тоуфат взяла лютню, настроила на особый лад ее струны, стала играть и пропела:

Когда мое томленье возрастает,
Себе надеждой душу услаждаю
Я на свиданье скорое с тобой.
Быть может, Бог соединит нас снова,
Как нас в разлуке Он разъединил,
Меня навек поработив любовью.
Ты повод держишь властною рукой,
Все тяжкое становится мне легким,
Коль ты со мной, и все, что отдаленно,
Чрез эту близость станет близким вновь.

И песнь эта привела Маймуна в такой восторг, что он пустился плясать и воскликнул... Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот шестьдесят седьмая ночь, она сказала:

Léon Carré

ночь девятьсот шестьдесят седьмая

О Тоуфат! Спой еще, ибо восторг ударяет мне в голову и похищает у меня дыхание. Тогда она взяла лютню и пропела следующие стихи:

Волна любви нахлынула внезапно,
И я тону, и мне помочь не хочет
Никто на свете. Сердце погрузили
Мое вы в море буйное любви.
Не думайте, что наш союз любовный
Забыла я; как я могу забыть,
Что сам Творец заранее назначил?

И цари джинов пришли в бешеный восторг от ее пения, а Эблис сказал: – Отведите Тоуфат на остаток ночи в сад. После этого джины ушли, а Камария повела ее в сад, в котором была купальня из мрамора разных сортов. И Тоуфат выкупалась в бассейне, а потом стала бродить по саду и размышлять, что случилось с Аль-Рашидом, когда он вошел в ее комнату и не нашел ее там. И в это время подошли к ней царица Камария и сестры ее. И они разговорились, и Тоуфат рассказала им всю свою историю. Тут Шахразада заметила, что близится утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот шестьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь девятьсот шестьдесят восьмая

А на следующий день Тоуфат вновь отправилась вместе с царицами во дворец, где опять стояли богатейшие столы, на которых были расставлены всевозможные подобающие царям кушанья. И когда все наелись досыта, принесли стол с винами, а также чаши, бокалы и кружки из золота, серебра и хрусталя. И все наполнили вином свои кружки, и Эблис взял бокал и сделал Тоуфат знак, чтобы она снова спела. И она взяла лютню и, настроив струны, стала петь следующие стихи:

Возлюбленные, пейте вы вино,
Средь мирт, нарциссов и лаванды нежной,
Средь аромата всех других цветов,
И славьте вы сраженного любовью.

И все были в бешеном восторге, особенно же Эблис, который сорвал с себя ценные вещи и бросил их Тоуфат. И она пела так до конца ночи, и все присутствующие удивлялись ее искусству. Когда же все ушли, Тоуфат опять погрузилась в думы об Аль-Рашиде. Затем она стала гулять по саду и вновь совершила омовение. А вечером увидела она царицу Камарию, которую сопровождали

Léon Carré

сестры ее. И она пошла вместе с ними во дворец, где все цари уже были в сборе. И она увидела, что царь Эш-Шисбан переменил свой образ и принял человеческий облик. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила девятьсот шестьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь девятьсот шестьдесят девятая

Затем были принесены столы с разными яствами, которые не в состоянии описать язык человеческий. И когда все наелись досыта, Эблис схватился за бокал и воскликнул: – О Тоуфат, спой мне песню к моему вину! Тогда она взяла лютню, прошлась по ее струнам и пропела следующие стихи:

О сонные, проснитесь и спешите
Вы насладиться радостями жизни.
Что жизни радость без объятий милой,
Без звучной песни и искристых вин?

И Эблис, осушив свой бокал, вручил Тоуфат поднос с драгоценностями. А прочие джины одарили ее одеждой, которая была украшена жемчугом и драгоценными камнями. Тогда царица Камария велела своей невольнице открыть одну из комнат, она сложила туда все сокровища и передала ключ Тоуфат, сказав ей: – Клади все сокровища, которые тебе дарят, в эту комнату; после пиршества джины перенесут их в твой дворец. И Тоуфат пела до конца ночи, а число подаренных ей сокровищ только возрастало. Когда же ночь подошла к концу, все джины удалились, а Тоуфат пошла к бассейну и совершила омовение и молитву, а потом села около бассейна и снова ушла в мысли о Гарун-аль-Рашиде. И залилась она горькими слезами, как вдруг услышала за собой чье-то дыхание. Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. Когда же наступила девятьсот семидесятая ночь,

ночь девятьсот семидесятая

Тогда она обернулась и увидела голову без туловища, с косыми глазами и клыками, которые выступали вперед наподобие вил. И голова эта приблизилась к ней и сказала: – Мир да будет над тобой, о госпожа людей и джинов! Знай, что я принадлежу к племени, которое не может изменять своего вида, и зовут нас гулами; и люди часто призывают нас к себе, но мы не можем являться им. Я же попросил у шейха наших отрядов позволение навестить тебя, о Тоуфат; и я умоляю тебя, спой мне

что-нибудь! На это Тоуфат ответила: – Я спою тебе сто песен, если ты принесешь мне известие о господине моем и расскажешь мне, как живется ему после разлуки со мною. И тогда голова сказала: – Желание твое да исполнится! Тогда Тоуфат взяла лютню, настроила ее струны и запела. И, выслушав несколько песен, голова исчезла; а к концу ночи она вернулась и сказала: – О госпожа моя, я был в твоем дворце и узнал, что халиф, не найдя тебя в покоях твоих, стал бить себя в лицо и голову и разорвал на себе одежды. И он не перестает плакать и убиваться, и он ждет твоего возвращения. Вот все, что случилось с ним после разлуки с тобой. И когда Тоуфат услышала это известие, она горько заплакала, а голова сказала ей: – Утешение Аллаха Всевышнего близко! И после этого голова исчезла. Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. Но когда наступила девятьсот семьдесят первая ночь, она сказала:

ночь девятьсот семьдесят первая

так как время подходило к закату, она поднялась и пошла во дворец; и там уже были зажжены свечи, и скоро прибыли и цари джинов, и Камария с тремя сестрами. И все приветствовали Тоуфат и стали есть; потом столы были унесены, и принесли вино. Тогда Тоуфат взяла в руки лютню и пропела следующие стихи:

На мне одежда из листвы зеленой,
И из лазури плащ мой дорогой.
Я так мала, но прелестью любовной
Украшена, и служит мне покорно
Цветов душистых нежная семья.
И если роза утренней красою
Начнет хвалиться, то она такою
Ни до меня, ни после не была.

И царицы, осушив бокалы, подарили ей почетное платье, усеянное жемчугом и окаймленное красными гиацинтами стоимостью в двадцать тысяч динариев, и кроме того поднос с десятью тысячами динариев. Эблис же взял несколько анемонов и сказала Тоуфат: – Воспой мне эти цветы! Тоуфат же в ответ пропела следующие стихи:

Благой Творец меня окрасил пышно,
Отливы красок роскошью блистают,
Из праха я поднялся, но теперь
Цвету я гордо на щеках прекрасных.
Я золотое прелесть-украшенье,
Своим богатством услаждаю взоры,
Все короли мой сок душистый пьют,
И для любви я дар неоцененный.

И все пришли в восторг и подарили ей корзину с пятьюдесятью парами браслетов и пятьюдесятью парами серег, и все они были сделаны из золота и украшены дорогими камнями, подобных которым не было ни у кого из людей и из джинов. И царица Камария подарила Тоуфат чудесное ожерелье из белых драгоценных камней, и стоимость всего этого равнялась ста тысячам динариев. Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и скромно умолкла. А когда наступила девятьсот семьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь девятьсот семьдесят вторая

И так пела Тоуфат до зари, а когда все встали и удалились, она тогда она вышла в сад, совершила омовение и произнесла молитвы. И в это время показалось множество птиц, которые разместились на ветках деревьев, наполняя воздух своим щебетанием. А затем в саду показалась царица бесподобной красоты; и на ней были роскошные одежды, унизанные жемчугом и самородными камнями; а на голове ее красовалась корона со множеством жемчужин и самоцветных камней. И она подошла к Тоуфат и сказала ей: – Знай, о Тоуфат, что я царица Эш-Шахба, повелительница всех джинов Востока и Запада; птицы же, которых ты видишь, составляют часть моих отрядов, и, если бы приняли они другой образ, земля не вместила бы их. Тогда Тоуфат поднялась и поцеловала землю, царица же поблагодарила ее и велела ей сесть. И приказала она принести столы, и был внесен золотой стол, в который были вделаны жемчужины, гиацинты и самородные камни, и на нем стояли всевозможные сорта дичи и разные мясные блюда. И тогда царица сказала: – О Тоуфат, во имя Аллаха, раздели со мной хлеб-соль. И Тоуфат подошла, отведала всех кушаний и созналась, что таких вкусных вещей она не ела за всю свою жизнь. И Тоуфат поцеловала у нее в благодарность руку, и после этого столы были снова унесены; и сидели они и беседовали, как вдруг со всех сторон показались цари джинов; и они поцеловали перед царицей землю и встали перед ней, предлагая свои услуги. Она же поблагодарила, не обращая на них особенного внимания. Тут Шахразада заметила, что приближается утро и умолкла. А когда наступала девятьсот семьдесят третья ночь, она сказала:

ночь девятьсот семьдесят третья

После этого Тоуфат снова взяла лютню, прижала ее к своей груди и так прошлась по ее струнам, что у всех присутствующих помутился рассудок. А царица сказала: – О Тоуфат, спой мне песнь, восхваляющую твои совершенства. И она ответила: – Слушаю и повинуюсь! Но кто же хвалит самого себя? И она сымпровизировала следующие стихи:

На радость всем я – перл среди певиц,
И люди все единогласно славят
Мое значенье, сан и положенье;
Высок мой сан, и слава, и почет.

И стихи ее понравились царям джинов, и Эблис подошел к ней и подарил ей алмаз, который по ценности равнялся целому царству. Затем он сказал: – О Тоуфат, на всей земле нет человека, который превосходил бы в искусстве пение певца Исаака, но ты, о госпожа наша, превзошла его. Я часто бывал у него и научил его разным песням на лютне! И он взял лютню и стал играть удивительные мелодии, и сыграл ей песнь, которой она еще не слыхала; и когда он кончил, она взяла лютню и начала играть, переходя в тот мотив, который только что играл Эблис. Тогда он воскликнул: – Клянусь Аллахом, ты поешь лучше меня! А ей вся прежняя ее игра казалась уже неправильной, и то, чему она научилась у шейха отрядов Эблиса, показалось ей основанием всего искусства, и она радовалась этому больше, чем всем подаренным ей драгоценностям и почетным платьям. Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот семьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь девятьсот семьдесят четвертая

Затем шейх Эблис стал прощаться с царями, а в это время Маймун воспользовался удобным случаем и посадил Тоуфат к себе на плечи, и поднялся вместе с ней к облакам поднебесным. Тогда Эблис испустил такой громкий крик, что земля задрожала, и воскликнул: – Это невероятная дерзость! О горе! Маймун увел у нас Тоуфат! И он опять закричал так громко, что земля задрожала, и поднялся в воздух. А затем Эблис полетел к разным племенам джинов и собрал их вокруг себя в таком множестве, что один Аллах Всевышний мог бы сосчитать число их. И они полетели к Медному Городу, жители которого, увидев джинов, вылетавших из всех долин, спрашивали, что случилось. Эблис же направился к царю Эш-Шисбану и сообщил ему о злодеянии, и тот воскликнул: – Мы нападем на Маймуна и сразим мечом его и всех его подданных. А шейх Эблис возразил: – Лучше будет, если мы сообщим об этом царицам Камарии и сестрам ее, и пусть они решат, как нужно поступить для освобождения Тоуфат. И Эш-Шисбан ответил: – Совет твой превосходен! И после этого они послали одного из эфритов, по имени Салгаб, к царице Камарии, и он нашел ее спящей в своем дворце. И когда он разбудил ее, она спросила: – Что случилось, о Салгаб? Он же отвечал... Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. Когда же наступила девятьсот семьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь девятьсот семьдесят пятая

повелительница моя, вставай и подумай о спасении сестры твоей Тоуфат, ибо Маймун похитил ее! Тогда она воскликнула: – Клянусь Аллахом, Тоуфат часто говорила, что он смотрит на нее, не отрывая глаз. Так вот на какой низкий поступок решилась его душа! И она, поспешно поднявшись, прилетела к замку джинов, сообщила им о случившемся и сказала: – Для освобождения Тоуфат нам надо прибегнуть к хитрости; ибо, если Маймун узнает о вашем приближении, он убьет ее, сознавая свое бессилие. После этого Камария позвала одного из эфритов – чудовище, которое звали летающим львом, и сказала ему: – Отправляйся на Серп-гору к Маймуну-оруженосцу и скажи ему: «Госпожа моя шлет тебе селам и спрашивает, как можешь ты оставаться спокойным? Неужели ты не мог найти никого другого, кроме Тоуфат, чтобы нанести царице нашей оскорбление? Но ты заслуживаешь снисхождения, ибо был пьян в то время, но ты должен без промедления отослать Тоуфат обратно во дворец, а иначе плохо придется тебе, о Маймун. И я даю тебе добрый совет, и мир да будет над тобою!» И летающий лев полетел на Серп-гору и передал Маймуну слова царицы. А тот ответил: – Возвратись и передай, что Тоуфат – душа моего тела, а кто может разлучиться с душой своей? И если я увижу себя побежденным, то я не дам ей дольше вдыхать в себя зефир жизни! Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот семьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь девятьсот семьдесят шестая

осле этого летающий лев сразу же поспешил к свой госпоже и передал ей ответ Маймуна. Тогда Камария сказала своему отцу: – Самое правильное будет, если ты выступишь против него со своим войском. Маймун же соберет свое войско и выйдет против тебя. И пока ты будешь воевать с ним, я придумаю способ освободить Тоуфат! Затем Камария собрала сестер своих и рассказала им, что сделал Маймун и что он убьет Тоуфат, если только заметит свое поражение. И сестры обдумывали, как лучше поступить; и, наконец, Вахима сказала: – Лучше всего будет снарядить корабль и отправиться на нем к замку Маймуна, у которого находится небольшой островок. Там мы примем человеческий облик, будем играть на лютне и петь; ибо, по всей вероятности, Тоуфат сидит в замке у окна и смотрит на море. И она заметит нас и спустится к нам, а мы захватим ее, и, когда она будет в наших руках, никто уже не сможет причинить ей вреда. И сестры сказали: – Это правильно! И они немедленно снарядили корабль, сели на него вместе с четырьмя тысячами эфритов и поплыли к замку Маймуна, приказав еще пяти тысячам эфритов отправиться в землю Маймуна и держаться в глубине острова около Серп-горы. Что же касается отрядов Эблиса, то они выступили со всеми войсками, которые состояли из

самых сильных и воинственных летающих и пеших джинов. И когда Маймун узнал, что они приближаются, он громким криком созвал свои войска, которые состояли из двадцати тысяч пеших джинов. Затем он вошел к Тоуфат, поцеловал ее и сказал: – Знай, что ты – моя жизнь на этом свете, о Тоуфат, и ради тебя все джины вооружились против меня. Тут Шахразада увидела приближение утра и умолкла. А когда наступила девятьсот семьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь девятьсот семьдесят седьмая

И если удастся мне победить, я приведу всех царей джинов к ногам твоим и сделаю тебя царицей мира! Затем Маймун послал за своей дочерью Джамрой и сказал ей: – Я выступаю против царей джинов. И если ты услышишь, что я побежден, убей Тоуфат, ибо я никому не хочу уступить ее! Тоуфат же, услышав эти слова, сказала: – Клянусь Аллахом, что может быть для меня страшней разлуки с господином моим Аль-Рашидом? Если же мне суждено умереть, то пусть весь мир рушится со мною! И Маймун выступил во главе своего войска, оставив в замке только дочь свою Джамру, Тоуфат и одного верного ему эфрита. И когда оба войска встретились, они бросились друг на друга и вступили в жаркий бой, пока полки Эблиса не начали отступать; Маймун же пустился преследовать их. А в это время Тоуфат увидела корабль, и на нем джинов в образе людей, и воскликнула: – О Джамра, дозволь мне спуститься к ним, чтобы я могла хоть часок посидеть и поболтать с ними! Джамра же отвечала: – Я никак не могу позволить этого. Тогда Тоуфат сказала Джамре: – Во имя посланника Божьего! О Джамра, если ты не отпустишь меня к ним, я сейчас же брошусь вниз. Ибо все равно я должна расстаться с жизнью – так лучше уж я сама лишу себя жизни! Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила девятьсот семьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь девятьсот семьдесят восьмая

И Тоуфат так долго умоляла Джамру и целовала ее руки, что та, наконец, схватила ее под мышки, перелетела с ней вниз быстрее молнии и посадила ее между людей. Тогда Тоуфат подошла к ним и сказала: – Не бойтесь, я такой же человек, как и вы, и я хочу только побеседовать с вами. А Джамра, вдыхая воздух, сказала: – Я чувствую здесь запах джинов! Вахима же сказала сестре своей Камарии: – Эта девушка – джиния, и

она сейчас улетит с Тоуфат! Тогда Камария вытянула руку и ударила Джамру с такой силой, что голова ее отлетела от туловища и скатилась в море. Камария же открыла лицо свое и сказала Тоуфат: – Ты спасена! Но теперь не время разговаривать. Эфрит же, который был верен Маймуну, как стрела полетел к нему и воскликнул: – Горе тебе! Твою возлюбленную Тоуфат похитили, а дочь твою Джамру убили! Когда Маймун услышал об этом, он стал бить себя по лицу, восклицая: – О горе, горе! И кричал он так громко и долго. И когда Маймун понял свое положение, он повернул свое копье острием прямо против сердца и упер противоположный конец его в землю. Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот семьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь девятьсот семьдесят девятая

И пришпорил он коня своего и подставил грудь свою под острие, и копье прошло насквозь через его спину. После этого джины бросились на воинов Маймуна и истребили их всех до последнего. Камария же и ее сестры отправились к своему отцу и рассказали ему обо всем, что случилось. И он поздравил Тоуфат с освобождением и подарил ей все имущество погибшего Маймуна. И все поднялись и прилетели во дворец, где им были приготовлены богато уставленные столы; и все ели и пили. И Камария сказала: – О Тоуфат, спой нам песнь в честь твоего освобождения! И Тоуфат пропела следующие строчки:

Зефир Востока, если пролетаешь
Ты над страною милого, снеси ты
Ему селам сердечный от меня.
Скажи ему, что я – залог нежнейшей
Любви на свете, и мое томленье
Превыше всех томлений на земле.

И царица, и все присутствующие пришли в восторг и целовали ее, восхищаясь ее словами. А когда наступила ночь, они посадили ее на спину одного эфрита и приказали тридцати эфритам захватить все, что она получила в дар: золото, почетные платья и драгоценности. И все они поднялись в сопровождении Эблиса в воздух, и не успела Тоуфат опомниться, как она уже сидела в своей комнате. И радость Тоуфат была безмерна. И вот, сидя на своей подушке, как будто и не покидала она этой комнаты, она взяла лютню, настроила ее струны и стала играть на ней и петь. Тут Шахразада заметила, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот восьмидесятая ночь, она сказала:

ночь девятьсот восьмидесятая

Léon Carré

И когда евнух услышал игру в ее комнате, он громко стал кричать: – Клянусь Аллахом, это игра госпожи моей Тоуфат! Тогда Аль-Рашид сказал одной из своих невольниц: – Посмотри, что там случилось. И девушка выбежала и впустила евнуха, а он вошел и, не поцеловав даже землю перед своим владыкой, воскликнул: – Вставай скорее, о господин наш, госпожа Тоуфат сидит в своей комнате и поет своим дивным голосом. Иди скорее, и ты увидишь, что я говорю правду! Тогда Аль-Рашид сказал: – Если все это приснилось тебе, я велю распять тебя! Но если ты сказал правду, я дарую тебе свободу и тысячу динариев. Тогда евнух сказал себе: «О Создатель, не допусти, чтобы это был сон». И когда Аль-Рашид подошел к комнате и услышал игру и пение Тоуфат, он перестал владеть собой и едва не лишился чувств. И он вынул ключи, но в своей чрезмерной радости долго не мог открыть дверь. Когда же он вошел, Тоуфат поднялась и бросилась к нему навстречу и прижала его к груди своей, и он испустил крик, точно душа улетела из него. И он точно опьянел от радости и плакал от счастья, ибо она вернулась к нему после того, как он потерял уже всякую надежду на ее возвращение. И после этого Тоуфат взяла лютню и сыграла ему мелодию, которой она научилась у шейха Эблиса; и разум его от чрезмерной радости едва не помутился. Тут Шахразада заметила приближение утра и умолкла. А когда наступила девятьсот восемьдесят первая ночь, она сказала:

ночь девятьсот восемьдесят первая

И Тоуфат пропела следующие стихи:

Когда живу я от тебя далеко,
Не верит сердце этому мое:
Ведь ты живешь в моем горячем сердце,
А это сердце вечно здесь со мной.
И если скажешь мне ты: «Я далеко!»,
То я скажу: «Неправда, это ложь!»,
Так я томлюсь меж верой и сомненьем.

И когда она окончила, Аль-Рашид сказал: – О Тоуфат, исчезновение твое было удивительно, и еще удивительнее твое возвращение! Она же ответила: – Клянусь Аллахом, ты прав, о господин мой! И она взяла его за руку и рассказала ему все, что случилось с нею, от начала и до конца. Тогда он стал рассматривать сокровища, которые нельзя было ни перечислить, ни описать словами: столы, украшенные жемчугом, драгоценности, гиацинты, самородные камни, большие жемчужины, украшенные жемчугом и самородными камнями и затканные золотом почетные платья и другие вещи, подобных которым Аль-Рашид не видел за всю свою жизнь. И удивление его не знало пределов. И с этого времени Тоуфат и эмир верующих жили среди радостей и наслаждений, пока не посетила их Разрушительница всех радостей. Выслушав это, царь Шахрияр сказал: – О Шахразада, сегодня я расположен выслушать еще одну удивительную историю! И Шахразада начала ее так:

Leon Carré

История сапожника Мааруфа и жены его Фатимы

Рассказывают, что в городе Каире жил сапожник Мааруф, и была у него жена Фатима по прозвищу эль-Уре*, ибо она была сварливая любительница всяких дрязг. Мужа своего она держала под каблуком, он же боялся ее нрава и очень страдал от неприятностей, которые она устраивала ему. Весь заработок свой он отдавал жене, и много приходилось бедняге выносить от нее. И вот однажды сказала она ему: – Мааруф, я желаю, чтобы ты принес мне сегодня вечером кенафы с медом. Он же ответил: – Если Аллах Всемогущий дарует мне деньги на это, то я исполню твою просьбу. Она же возразила... Тут Шахразада заметила, что близится утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот восемьдесят вторая ночь, она сказала:

ночь девятьсот восемьдесят вторая

Мне нет дела до того, поможет тебе Аллах или нет, но только смотри, не возвращайся домой без кенафы с медом! Но сапожник, просидев в своей лавке до обеда, не получил никакой работы. И когда, охваченный отчаянием, проходил он мимо лавки пирожника, тот спросил его: – О чем печалуешься ты, Мааруф? Что случилось с тобою? Тогда Мааруф рассказал ему свою историю, а пирожник сказал: – Не огорчайся! Сколько фунтов кенафы нужно тебе? Он ответил: – Пять. Тогда пирожник отвесил ему пять фунтов и сказал: – Масло у меня есть, а меда нет;

* *Эль-Уре* – навоз.

вместо него можно взять патоки, которая еще лучше, чем мед. И сапожник, которому было неловко, что пирожник дает ему в долг, согласился на это.

Когда же он пришел домой, его жена, увидав, что кенафа полита патокой, крикнула: – Как посмел ты поступить наперекор желанию моему и полить ее патокой? И она швырнула ему кенафу в лицо и дала такую пощечину, что выбила у него зуб. Тогда башмачник рассердился и слегка ударил ее разок по голове, а потом сам принялся за кенафу. Она же, увидав это, сказала: – Да проглотишь ты яд, который разъест внутренности твои! Он же ответил: – Если будет на то воля Аллаха, я принесу тебе завтра кенафы на меду. Она же проклинала его и бранилась до утра. А наутро сапожник после утренней молитвы открыл лавку свою. Но едва успел он усесться в ней, как явились к нему два посланца от кади и сказали: – Иди дать ответ кади, ибо жена твоя пожаловалась на тебя! И он пошел с ними, и явился к кади; и там увидел он жену свою с перевязанной рукой и запятнанным кровью покрывалом. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот восемьдесят третья ночь, она сказала:

НОЧЬ ДЕВЯТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

И кади спросил его: – Человек, как мог ты так избить эту женщину, и сломать ей руку, и выбить ей зубы? Мааруф же в ответ рассказал кади все, как было. Тогда кади, который был добрым человеком, дал ему мелкую монету и сказал: – Возьми это, купи ей кенафы на меду и помирись с ней. И они ушли примиренные, и жена пошла в одну сторону, а муж направился к своей лавке и уселся там. Но вскоре подошел к нему какой-то незнакомый человек и сказал: – О Мааруф, спрячься где-нибудь, ибо жена твоя пожаловалась на тебя высшему судилищу, и палач сейчас явится сюда за тобой! Услышав это, Мааруф запер свою лавку и бросился бежать по направлению к городским воротам. И когда добежал он до выгребных ям, вдруг полил такой сильный дождь, словно разверзлись хляби небесные, и бедный Мааруф промок до костей.

И подавленный всеми обрушившимися на него бедствиями, он воскликнул: – Куда скрыться мне от этой злой и коварной женщины? О Аллах, пошли мне кого-нибудь, кто бы перенес меня в далекую страну, куда она не знает дороги! И в это время вдруг разверзлась старая стена, и из нее вышел человек огромного роста, при виде которого мороз пробежал по коже, и сильный страх наполнил душу его. И великан спросил объятого страхом Мааруфа: – Зачем потревожил ты меня? Уже двести лет обитаю я в этом месте, и никто не вел себя, как ты. Скажи мне желание свое, и я исполню его, ибо сердце мое прониклось состраданием. И Мааруф рассказал ему всю свою историю, от начала и до конца. Выслушав ее, джин спросил: – И ты хочешь перенестись в страну, куда жена твоя не знает дороги? И он ответил: – Да. Тут Шахразада заметила, что близок рассвет, и умолкла. А когда наступила девятьсот восемьдесят четвертая ночь, она сказала:

ночь девятьсот восемьдесят четвертая

Тогда джин сказал ему: – Влезай ко мне на плечи! И когда Мааруф исполнил это приказание, джин взвился в воздух. И он летел с ним до утренней зари, а потом спустил на вершину горы и сказал: – Сойди вниз и увидишь город, в который жена твоя не знает дороги. После этого джин исчез, а Мааруф спустился к подножию горы и увидел перед собой большой город с высокими стенами. И он вошел в городские ворота, и жители с любопытством оглядывали его. Наконец, один из толпы спросил его: – Из какой ты страны? И сапожник ответил: – Из города Каира, и я ушел оттуда вчера. Тогда все стали смеяться над ним, говоря: – Человек, не сошел ли ты с ума? От Каира до нашего города целый год пути! И одни разглядывали его как какого-нибудь невиданного зверя; а другие же называли его лжецом и насмехались над ним. В это время подъехал к нему на муле некий купец и сказал: – Пойдем со мной, дабы этот народ, не знающий стыда, не причинил тебе какого-либо зла. И он привел его в большой дворец и, усадив в приемной зале, убранной с истинно царским великолепием, спросил: – Брат мой, как зовут тебя? И он ответил: – Я Мааруф, сапожник с Красной улицы Каира. Тогда купец спросил: – Не знаешь ли ты тогда шейха Ахмеда, бакалейщика? И он ответил: – Это сосед мой, у него трое сыновей: Мустафа, Магомет и Али. Мустафа теперь учитель; Магомет стал бакалейщиком, и жена его родила ему мальчика по имени Гохан. Младший же Али был другом детства моего. Нередко мы переодевались христианскими мальчиками и заходили в церкви, чтобы украсть книги назареян. Продав их, мы покупали себе чего-нибудь съестного. Но однажды назареяне поймали нас с поличным. Тут Шахразада увидела, что близко утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот восемьдесят пятая ночь, она сказала:

ночь девятьсот восемьдесят пятая

Тогда отец Али всыпал ему хорошую порцию розог, а тот после этого убежал из дома и пропал, и вот уж много лет никто не имеет о нем никаких известий! Тогда купец сказал: – Я и есть Али, сын бакалейщика, шейха Ахмеда, а ты – мой прежний товарищ, о Мааруф! И они радостно приветствовали друг друга, после чего Мааруф рассказал Али свою историю. Тогда купец сказал: – Если ты будешь говорить: «Я бедный

Léon Carré

сапожник, и эфрит принес меня сюда», никто тебе не поверит. Но я скажу тебе, что ты должен делать. Завтра утром я дам тебе тысячу динариев, мула и невольника, который будет сопровождать тебя до ворот купеческого рынка. Когда же ты приедешь к этим воротам, я буду уже там. И я почтительно поклонюсь тебе и буду выказывать тебе всяческий почет, и на все лады превозносить тебя. Тут завяжется разговор, и сколько бы я ни спрашивал тебя: «Привез ли ты таких-то и таких-то тканей?», ты должен всякий раз отвечать: «Множество». И я буду всячески восхвалять тебя и скажу купцам: «Дайте ему склад и лавку!» И я буду выдавать тебя за богатого и щедрого человека; и если подойдет к тебе нищий, дай ему несколько мелких монет, чтобы они убедились в твоем великодушии. Затем я приглашу купцов в дом свой, чтобы вы познакомились и сошлись друг с другом и чтобы ты мог покупать и продавать, брать взаймы и отдавать, как делал это я. И через короткое время ты сделаешься богачом. Тут Шахразада заметила, что брезжит утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот восемьдесят шестая ночь, она сказала:

ночь девятьсот восемьдесят шестая

Наутро Али дал ему тысячу динариев, и Мааруф сел на мула и доехал до ворот купеческого рынка, где среди других купцов сидел Али. Как только Али увидел его, он вскочил и воскликнул: – О братья мои, купец Мааруф делает нам честь обществом своим! Затем Али стал поочередно отводить в сторону купцов, говоря им: – Богатство его, его отца и его предков славится среди купцов Каира. И он известен также своим великодушием и щедростью. Тогда один купец спросил Мааруфа: – Быть может, ты привез желтого сукна? И он ответил: – Да, множество! А другой спросил: – А кроваво-красного? И он ответил: – Множество! И о чем бы ни спрашивали его купцы, он отвечал им: – Да, множество! И когда подошел к нему нищий, он дал ему целую горсть золота. И купцы в изумлении говорили: – Если бы он не был страшно богат, он не дал бы ему золота! А нищий рассказал о своем счастье своим товарищам, и они стали один за другим подходить к Мааруфу. И каждому он давал по горсти золота, пока не роздал всех динариев, которые дал ему Али. Тогда он сказал купцам: – Как желал бы я иметь еще тысячу динариев, чтобы раздать в виде милостыни, пока не прибудет моя поклажа! Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот восемьдесят седьмая ночь, она сказала:

ночь девятьсот восемьдесят седьмая

И тогда один из купцов дал их Мааруфу. А тот снова стал подавать каждому, просившему у него деньги. И все купцы изумлялись его великодушию и щедрости. Затем он обратился к другому купцу и у него также занял тысячу динариев, чтобы раздать нищим. И прежде, чем заперли ворота купеческого рынка, он взял в долг еще шесть тысяч динариев, говоря каждому, у кого занимал: – Когда прибудет моя поклажа, ты возьмешь из нее золота или тканей, сколько пожелаешь! Так проходил день за днем, и вскоре он занял у разных людей уже целых шестьдесят тысяч динариев, а о караване его не было ни слуху, ни духу. Тогда купцы стали беспокоиться о деньгах своих и сказали: – Долго ли намерен он еще занимать у нас деньги и раздавать их бедным? И они отправились к царю и рассказали ему все происшедшее. Царь же этот отличался жадностью и алчностью, так что мог бы превзойти в этом самого Ашаба*. И когда он услышал о такой щедрости, его обуяла жадность, и он сказал визирю своему: – Если бы купец этот не был очень богат, то он не мог бы выказывать такой щедрости. Несомненно, караван его рано или поздно прибудет, и тогда все эти купцы окружат его, и он раздаст им много денег. Но я более заслуживаю богатства, чем они, и потому я желаю завязать с ним дружбу и выказать ему расположение, дабы я мог, когда прибудет поклажа его, получить то, что иначе получили бы купцы. И я хочу также женить его на дочери моей, дабы богатство его присоединилось к моему. Визирь же возразил: – О царь времен, мне кажется, что он просто обманщик. Тут Шахразада увидела, что близко утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот восемьдесят восьмая ночь, она сказала:

ночь девятьсот восемьдесят восьмая

Но царь возразил: – Я подвергну его испытанию – покажу мой любимый драгоценный камень. Если он скажет цену его, значит, он человек состоятельный; если же не скажет, я предам его казни. И когда Мааруф явился к царю, тот дал ему свой драгоценный камень, за который заплатил тысячу динариев, и спросил: – Скажи мне, какая цена ему? И он дал ему камень, а Мааруф сильно сжал его между пальцами и сломал, ибо камень тот был тонок и не выдержал давления. И Мааруф засмеялся и сказал: – Это не драгоценный камень, а всего лишь камешек ценою в тысячу динариев. Драгоценные же камни стоят, по меньшей мере, семьдесят тысяч динариев! Когда прибудет поклажа моя, я охотно дам тебе множество таких драгоценных каменьев. Тогда царь отпустил Мааруфа и сказал купцам: – Подождите, пока прибудет караван его, и вы получите все долги свои! И купцы спокойно отправились по домам. А царь сказал визирю своему: – Расскажи Мааруфу о красоте дочери моей, дабы он женился на ней, а мы могли забрать себе сокровища его! И когда визирь сказал

* *Ашаб* – раб халифа Османа, имя которого стало обозначать скупца.

Мааруфу, что царь желает выдать за него дочь свою, Мааруф ответил: – Это возможно! Только пусть он подождет, пока прибудет караван мой, ибо я не могу сделать ей свадебный подарок меньше, чем в пять тысяч кошельков золота. Затем мне нужно тысячу кошельков для участников свадебного шествия и тысячу кошельков на устройство пиршества для войск. Наконец, я должен одеть тысячу нищих, и необходимо раздать щедрую милостыню. А ведь все это будет возможно, лишь когда прибудет мой караван, ибо у меня множество всякого добра, и все эти расходы ничего не значат для меня. Тут Шахразада заметила, что близок рассвет, и умолкла. А когда наступила девятьсот восемьдесят девятая ночь, она сказала:

ночь девятьсот восемьдесят девятая

Когда же визирь передал царю эти слова, царь позвал Мааруфа и сказал ему: – К чему эти отговорки? Сокровищница моя полна: возьми ключи от нее. Раздай, сколько хочешь; раздари, сколько вздумаешь, одень нагих и накорми голодных. Когда же прибудет караван с поклажей твоей, ты подаришь супруге своей все, что пожелаешь. И царь приказал написать брачный договор купца Мааруфа с дочерью своей, после чего велел глашатаю оповестить о свадебном пиршестве и приказал разукрасить весь город. И был праздник, полный шумной роскоши и веселья; и хранитель сокровищ не успевал приносить золото из сокровищниц. А купец Али, дивясь такой расточительности, сказал Мааруфу: – Разве мало было тебе рассорить деньги купцов, что ты изводишь еще и сокровища царя? Но Мааруф возразил: – Когда прибудет мой караван, я верну царю сокровища его сторицею!

Когда же оставили его одного с царевной, он сделался печальным, и царевна спросила его: – О господин мой! Все ли благополучно? И он ответил: – Отец твой ввел меня к тебе, не дождавшись моего каравана. А я намеревался раздать драгоценные уборы рабыням твоим, дабы они радовались браку твоему. И царевна ответила ему: – Успокой сердце свое. Из-за рабынь не стоит ломать себе голову. Разденься и насладись любовью! Когда же прибудет твой караван, у нас будут драгоценности и все прочее. Тогда Мааруф скинул одежды свои и провел с молодой супругой своей ночь столь сладостную, что мог бы позабыть даже отца и мать и родину свою. Тут Шахразада увидела, что загорелась утренняя заря, и умолкла. А когда наступила девятьсот девяностая ночь, она сказала:

ночь девятьсот девяностая

Но прошло еще двадцать дней, а не было ни каравана, ни поклажи. И царь сказал своему визирю: – Караван зятя моего что-то слишком долго не идет! Что же мне делать, чтобы узнать правду? Визирь же ответил: – Поговори с дочерью своей, пусть выспросит мужа своего и потом сообщит нам всю правду о нем! И царь сказал: – Клянусь головой моей, если окажется, что он лжец и обманщик, то я предам его самой позорной смерти! И он тотчас же поговорил с дочерью, и она ответила: – Будь спокоен, отец мой, ибо я сумею узнать всю правду! И сказав это, она удалилась в покои свои. Когда же после вечерней трапезы супруг ее Мааруф по обыкновению пришел к ней, она поднялась навстречу ему и обняла его, и была лицемерно ласкова с ним, ибо жены хитростью добиваются от мужей своих всего, чего хотят. И она обольщала его ласковыми словами, более сладкими, чем мед, пока разум его не помутился. Тогда она сказала ему: – О жизнь души моей, пусть время никогда не разлучит нас, ибо любовь к тебе живет в сердце моем, но я все же хотела бы знать всю правду, ибо хитросплетения лжи не всегда приносят пользу. Долго ли будем мы еще обманывать отца моего? Я боюсь, что правда обнаружится раньше, чем мы успеем придумать что-нибудь, и тогда отец мой посадит тебя в тюрьму. Скажи, долго ли намерен ты еще утверждать, что ты владелец большого имущества? Уж сколько времени ты постоянно твердишь: «Мой караван! Моя поклажа!», а между тем ничего не слышно о караване твоем. Если ты говорил неправду, признайся, дабы я могла придумать какую-нибудь хитрость, и ты мог бы бежать отсюда. И он ответил ей: – Госпожа моя, я скажу тебе всю правду! Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот девяносто первая ночь, она сказала:

ночь девятьсот девяносто первая

Знай, что я не купец, и у себя на родине я был простым сапожником. И он рассказал ей всю свою историю, от начала и до конца. Тогда она сказала ему: – Ах ты бессовестный обманщик и лжец! Отец мой замышляет против тебя недоброе, но я супруга твоя, и потому не изменю тебе. Если бы я сказала отцу правду, он непременно казнил бы тебя. Но тогда людям стало бы известно, что я вышла замуж за обманщика и лжеца, а это обесчестило бы меня. Кроме того, отец мой выдал бы меня за другого, а на это я не согласна. Поэтому переоденься мамелюком, возьми пятьдесят тысяч динариев из моих собственных денег и резвого коня и уезжай в какую-нибудь страну, на которую не распространяется власть отца моего. Когда же умрет отец мой, я пошлю за тобой, и ты вернешься сюда и будешь встречен с почестями и ликованием. Если же ты умрешь раньше отца моего или я окончу жизнь по воле Аллаха Всевышнего, мы встретимся вновь, когда воскреснем. Но пока мы будем живы, я не

перестану посылать тебе письма и деньги. И Мааруф послушал ее и наутро покинул город. А супруга его пошла к отцу своему и сказала: – Вчера явился к нам евнух Фарадж и сказал, что десять мамелюков под окнами дворца передают письмо для купца Мааруфа. И я взяла письмо, и прочла в нем следующее: «Высокородному господину нашему, купцу Мааруфу, от пятисот мамелюков его, проводников каравана его. Уведомляем тебя, что после того, как ты оставил нас, на нас напали арабы и вступили в битву с нами. Их было две тысячи всадников, нас же всего пятьсот, и потому между нами загорелся отчаянный бой; они преградили нам путь, и мы должны были сражаться с ними в течение тридцати дней. Вот причина нашего промедления!» Тут Шахразада заметила, что близится утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот девяносто вторая ночь, она сказала:

ночь девятьсот девяносто вторая

Когда же Мааруф услышал новость эту, он воскликнул: – Что такое двести тюков! Это нимало не огорчает меня, ибо я смотрю на это, как на милостыню. Но я все же должен отправиться к ним, чтобы поторопить их. После этого он ушел от меня, а я стала смотреть ему вслед из окна и увидела десять мамелюков, и каждый был одет в одежды, стоившие добрых две тысячи динариев. И супруг мой сел на коня и поехал вместе с этими мамелюками, чтобы привезти поклажу свою. Тогда царь сказал: – Дочь моя, видно, супруг твой в самом деле очень богат, если так мало печется об имуществе своем. Если угодно будет Аллаху, вскоре прибудет поклажа его, и мы получим от него много драгоценностей!

А Мааруф был в это время уже далеко от города, среди пустыни, и не знал, куда направить путь свой. И ехал он все дальше и дальше, пока не увидел в поле пахаря с двумя волами. И так как голод уже сильно мучил его, он подъехал к нему и сказал: – Мир над тобою, о пахарь! Нет ли у тебя чего-нибудь поесть? И пахарь ответил: – Ради Аллаха, прошу тебя, подожди меня, я живо сбегаю в селение мое. И пахарь пошел в селение, чтобы принести обед, а Мааруф сказал себе: «Я оторвал парня от работы его, стану-ка я пахать вместо него, пока он не вернется». И он начал пахать, погоняя быков, как вдруг плуг наткнулся на что-то, и он увидел, что это золотое кольцо, прикрепленное к мраморной плите. И он сдвинул ее с места и увидел лестницу в подземелье. Спустившись вниз, он увидел четыре бассейна. Один доверху наполнен был золотом, другой – смарагдами, жемчугом и кораллами, третий – рубинами и бирюзой, а четвертый – алмазами и множеством других драгоценных камней. В глубине же подземелья стоял ящик из чистого хрусталя, а на нем была маленькая золотая коробочка. И удивленный Мааруф открыл ее и нашел в ней золотое кольцо с печатью, на которой были вырезаны имена и какие-то таинственные знаки. Тут Шахразада увидела, что брезжит рассвет, и умолкла. А когда наступила девятьсот девяносто третья ночь, она сказала:

ночь девятьсот девяносто третья

И он стал вертеть кольцо между пальцами, и вдруг раздался голос: – Я к услугам твоим, о господин мой! Я Абус-Саадат, слуга кольца с печатью, и всякое желание твое будет исполнено, ибо такова воля Владыки мира! Это место – сокровищница Шаддада. Я был его слугою при жизни его, и это кольцо он положил в свою сокровищницу, но теперь оно принадлежит тебе. Стоит лишь потереть это кольцо, и я в тот же миг предстану пред тобой. Но остерегайся два раза кряду тереть кольцо, ибо ты можешь уничтожить меня огнем тех имен, которые вырезаны на печати кольца, и сам пожалеешь об этом. Тогда Мааруф спросил его: – Можешь ли ты перенести на землю все, что находится в этой сокровищнице, и нагрузить на мулов? И он ответил: – Ничего нет легче. И эфрит сделал знак рукою, земля разверзлась, и пред ним предстали восемьсот его сыновей. И они вынесли сокровища из подземелья, и некоторые из сыновей превратились в мулов. Тогда Мааруф сказал: – Достань мне семьсот тюков на семистах мулах с тканями каждой страны! И Абус-Саадат ответил: – Прежде чем наступит утро, ты получишь все, что желаешь.

После этого эфрит исчез, а Мааруф остался в шатре, который Абус-Саадат разбил для него. Сыновья же Абус-Саадата приняли образы мамелюков, слуг и евнухов. И тут Мааруф заметил возвратившегося феллах с горшком чечевицы, и он приказал своим мамелюкам привести его к себе. И Мааруф спросил его: – Что это у тебя? И он ответил: – Это обед для тебя. Но если бы я знал, что сюда приедет султан, я бы зарезал для него двух молодых кур и угостил бы его, как подобает. На что Мааруф ответил: – Я не султан, а зять его. Прими участие в трапезе моей. Тут Шахразада увидела, что близится утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот девяносто четвертая ночь, она сказала:

ночь девятьсот девяносто четвертая

Когда же горшок был опорожнен, он наполнил его золотом и сказал феллаху: – Отнеси это в жилище свое и приходи как-нибудь ко мне в город, и я приму тебя с почестями. А на следующее утро к шатру прибыл Абус-Саадат во главе каравана мулов, нагруженных ящиками со сказочной одеждой. Тогда Мааруф написал письмо царю и велел Абус-Саадату доставить его в город. И когда оно было доставлено,

царь прочел следующее: «После горячих приветствий дяде нашему, могущественному царю. Я еду с поклажей, поэтому выйди с войсками навстречу ко мне». И царь, чрезвычайно обрадованный этой новостью, отправился к дочери своей и сказал ей: – Супруг твой скоро вернется вместе с караваном своим! А царевна, изумившись, сказала себе: «Он смеялся надо мной, что ли, когда говорил, что он нищий?» Что же касается купца Али, то он, увидав, как украшают город, спросил о причине этого, и ему ответили: – Это в честь прибытия каравана купца Мааруфа, зятя царя. И Али подумал про себя: «Великий Аллах, что же это за караван? Ведь он убежал от жены своей Фатимы-эль-Уре и явился ко мне нищим. Откуда же у него эта поклажа? Впрочем, может быть, это царевна измыслила какую-нибудь хитрость, чтобы стыд и позор не покрыли имени супруга ее». Тут Шахразада увидела, что приближается утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот девяносто пятая ночь, она сказала:

ночь девятьсот девяносто пятая

А царь, увидав Мааруфа, одетого в дивные одежды, радостно приветствовал его, и все убедились, что Мааруф говорил правду, а не лгал. А он въехал в город и приказал слугам своим: – Отнесите тюки золота в сокровищницу царя и внесите сюда тюки с тканями. И они принесли тюки и стали распаковывать их один за другим, пока не распаковали все семьсот тюков. И Мааруф выбрал все самое лучшее и ценное и сказал: – Отнесите это к царевне, супруге моей, чтобы она раздала рабыням своим, а также отнесите ей этот ящик с драгоценностями, чтобы она одарила всех прислужниц и евнухов своих. И всем купцам он отдал долги свои, и за каждую тысячу динариев он дал им тканей на две тысячи и более. После этого он стал раздавать милостыню нищим и бедным, пока не раздал все семьсот тюков. И царь смотрел на это, не осмеливаясь остановить его, пока не сказал: – Сын мой, не довольно ли будет? Ведь осталось уже очень немного из всей поклажи твоей! Но он отвечал: – У меня есть еще многое множество всего! И он продолжал раздавать сокровища без счету, нимало не заботясь о том, кому и сколько давал.

Царевна же встретила Мааруфа с улыбкой и спросила его: – О господин мой, ты шутил, что ли, со мной, когда говорил: «Я бедняк, сбежавший от жены своей?» И Мааруф ответил: – Я хотел узнать, искренно ли ты любишь меня, или же стремилась лишь к благам земным. Но теперь я убедился, что ты любишь меня! И он отошел в сторону, потер кольцо и сказал представшему Абус-Саадату: – Достань чудесную одежду для супруги моей, а также роскошный убор с ожерельем из сорока бриллиантов! И тот тотчас же принес требуемое и исчез. Тогда Мааруф вернулся к супруге своей и, разложив все перед нею, сказал: – Надень все это на себя, о возлюбленная моя! Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот девяносто шестая ночь, она сказала:

Léon Carré

ночь девятьсот девяносто шестая

И когда она увидела все эти уборы и украшения, разум ее помрачился от радости, и она сказала: – Господин мой, я бы хотела спрятать эти вещи для торжественных дней. Но он возразил: – Носи их постоянно, ибо у меня есть множество других. А потом он отошел в сторону, снова потер кольцо и приказал появившемуся эфриту: – Принеси мне сто богатых одежд вместе с золотыми украшениями. И когда тот все исполнил, Мааруф позвал невольниц и дал каждой по одежде, и стали они подобны гуриям, тогда как царевна сияла среди них, как луна среди звезд. И царь, дивясь всему этому, спросил визиря своего: – Что скажешь ты на это? И визирь ответил: – О царь времен! Зять твой не купец, ибо купцы целые годы хранят у себя кусок холста, чтобы продать его с барышом. Как может торговый человек быть столь щедрым? И откуда у него столько добра и драгоценных камней? Видно, дело тут не совсем чисто, и, если хочешь ты узнать правду, позови его к себе и скажи ему: «Зять мой, я бы охотно прогулялся с тобой и визирем моим по саду». Сам же прикажи подать в сад вина и разных напитков, а я буду разговаривать с ним и заставлю его пить. Когда же он опьянеет и перестанет владеть собой, мы выспросим у него всю правду, и он выболтает нам все тайны свои; ибо вино – изменник и предатель, и человек бессилен противиться коварной власти его. И царь согласился на это и сказал Мааруфу: – Зять мой! Мне хотелось бы погулять с тобою и с визирем по саду. Что скажешь ты на это? Тут Шахразада увидела, что близко утро, и умолкла. А когда, наступила девятьсот девяносто седьмая ночь, она сказала:

ночь девятьсот девяносто седьмая

И Мааруф ответил: – Я ничего не имею против этого! И они отправились в сад, и вошли в беседку с различными яствами и кувшинами вина. И окончив еду, они принялись за сладости и освежительные напитки. И визирь стал наливать Мааруфу еще и еще, пока разум его не затуманился винными парами. Тогда визирь спросил Мааруфа: – Клянусь Аллахом, я поистине диву даюсь, глядя на тебя: откуда ты мог взять все эти драгоценные камни, каких нельзя найти даже и у царей? Ради Аллаха, объясни мне, в чем дело, дабы я, узнав сан твой, мог по достоинству оценить тебя! И Мааруф, совершенно уже не сознавая, что говорит, сказал ему: – Я и не купец, и не царский сын!

Léon Carré

И он рассказал ему всю свою историю. Тогда визирь сказал ему: – Ради Аллаха, покажи нам это кольцо! И когда Мааруф в опьянении дал кольцо визирю, тот потер его и сказал появившемуся эфриту: – Возьми этого несчастного и брось его где-нибудь среди пустыни, чтобы он погиб там самым жалким образом. И когда служитель кольца полетел с Мааруфом между небом и землей, тот спросил эфрита: – О Абус-Саадат, почему ты поступаешь так со мной? И он ответил: – Кто же это, владея волшебным талисманом, дает другим рассматривать его? И сказав это, он оставил его одного среди пустыни. А визирь в это время снова потер кольцо и сказал эфриту, указывая на царя: – Теперь возьми этого болвана и забрось его в пустыню рядом с зятем его, обманщиком! И служитель кольца взял его и полетел с ним, унося все дальше и дальше. Тут Шахразада увидела, что близок рассвет, и умолкла. А когда наступила девятьсот девяносто восьмая ночь, она сказала:

ночь девятьсот девяносто восьмая

Наконец, он бросил его среди пустыни, где оставил перед тем Мааруфа. И царь, услыхав его плач и сетования, подошел к нему и рассказал ему, как поступил с ним визирь. И они вместе оплакивали судьбу свою, бродя по пустыне и не находя ни еды, ни питья. А визирь призвал к себе войска и, рассказав им обо всем, что случилось с царем и Мааруфом, сказал: – Если не провозгласите меня султаном своим, служитель кольца забросит вас в пустынную землю, где вы погибнете от голода и жажды. И они против воли провозгласили его султаном. Тогда визирь пошел и сказал царевне: – Сегодня ночью я приду к тебе, и я не хочу знать ни поста, ни отсрочки, ни брачного договора, ни недозволенного законом. Я приду к тебе сегодня ночью и упьюсь красотой твоею! Тогда она сказала ему: – Приходи, пост ничего не значит!

Когда же наступил вечер, визирь вошел в покои царевны. Она же стала шутить и заигрывать с ним, высказывая притворную нежность, пока разум его не помутился от поцелуев и смеха ее, между тем как она лишь коварно обольщала его. Но когда он приблизился к ней, она отшатнулась, говоря: – Как можешь ты приближаться ко мне, когда на нас смотрит мужчина! А визирь рассердился и спросил: – Где тут мужчина? Она же ответила: – Он сидит в камне кольца с печатью! Я боюсь эфритов; сними это кольцо и брось его подальше от меня. Но когда он положил кольцо на подушку, она с такой силою ударила его ногой в живот, что он в беспамятстве повалился на пол. Тогда она призвала своих рабынь и приказала им: – Свяжите его! Сама же она же схватила кольцо, потерла его и приказала появившемуся эфриту: – Возьми этого визиря, брось его в темницу и закуй в тяжелые оковы. И когда Абус-Саадат исполнил это, она спросила его: – Куда унес ты отца моего и моего супруга? Тут Шахразада заметила, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила девятьсот девяносто девятая ночь, она сказала:

ночь девятьсот девяносто девятая

Он ответил: – Я бросил их в пустынную землю. И она сказала: – Принести их сию же минуту сюда! Он же ответил: – Слушаю и повинуюсь! И менее чем через час вернул их обратно царевне, которая рассказала отцу своему и супругу все, что случилось. Потом она сказала царю: – Отец мой, займи по-прежнему трон свой и сообщи войскам обо всем случившемся. Казни потом визиря, а зятя своего сделай первым визирем своим. На это царь сказал: – Слушаю и повинуюсь, о дочь моя; но дай мне волшебное кольцо или же отдай его супругу своему. Она же возразила: – Ни один из вас не получит его; пусть оно остается у меня: быть может, я сохраню его лучше, чем вы. Требуйте от меня всего, чего пожелаете, а я прикажу служителю кольца исполнить желание ваше. Пока я жива, вам нечего опасаться, а после моей смерти можете делать с кольцом, что вам вздумается. И отец ее сказал: – Пусть будет так, о дочь моя. И он приказал украсить город, и велел привести из темницы визиря. И когда он проходил мимо воинов, они проклинали его, а царь приказал казнить его самой позорной казнью. И сделал он Мааруфа великим визирем своим, и пять лет протекли в мире и благополучии, и все подданные его были довольны и веселы. Но на шестой год старый царь скончался, и царевна сделала царем супруга своего Мааруфа, но все же не отдала ему волшебного кольца. И за это время она родила прелестного мальчика, царевича удивительной красоты, одаренного всяческими талантами и совершенствами. И она окружала его нежной заботой и лелеяла детство его, пока не исполнилось ему пять лет. Тут Шахразада увидела, что наступает утро, и умолкла. А когда наступила тысячная ночь, она сказала:

ночь тысячная

Когда же он достиг пятнадцати лет, мать его тяжело заболела. И призвав к себе Мааруфа, она сказала ему: – Советую тебе бережно хранить кольцо, чтобы не приключилось чего-нибудь с тобою или с ребенком моим. И она отдала ему кольцо, а на следующий день умерла. Мааруф же остался царем и еще больше погрузился в дела управления. Но вот однажды он во сне почувствовал что-то возле себя. Он открыл глаза, увидел возле себя отвратительную старуху и в ужасе спросил: – Кто ты? Она же ответила: – Не бойся, я жена твоя, Фатима! И узнав ее по ее безобразной фигуре и торчащим

клыкам, он спросил: – Как попала ты сюда? Она же ответила: – Рассорившись с тобой, я вскоре поняла, что сама виновата во всем, но раскаяние мое не могло вернуть тебя. И я страшно бедствовала с того времени, как ты покинул меня. И вчера я целый день бродила по городу, прося милостыню, как вдруг вечером предо мной явился некто и спросил меня: – Женщина, о чем ты плачешь? Я ответила: – У меня был муж Мааруф, но теперь он исчез, и я испытываю ужасные страдания. И он сказал: – Я знаю его; муж твой сделался султаном и живет теперь в царстве своем. Если хочешь, я отнесу тебя к нему. И я ответила: – Будь добр, сжалься надо мной и отнеси меня к супругу моему! Тогда он взял меня к себе на плечи, и долго летел между небом и землей, и, наконец, принес меня в этот дворец. И я увидела тебя среди окружающего тебя великолепия. Тут Шахразада заметила, что уже близко утро, и умолкла. А когда наступила тысяча первая ночь, она сказала:

ночь тысяча первая

И она так униженно упрашивала простить ее, что сердце его исполнилось состраданием к ней, и он сказал ей: – Покайся пред Аллахом во всех грехах своих, и я разрешу тебе жить у меня в довольстве и роскоши. И она, целуя руки его, покаялась в злых деяниях своих, а он подарил ей рабынь и евнухов, и она стала жить, как царица. Мааруф же продолжил наслаждаться любовью с красивыми рабынями, не обращая внимания на жену свою Фатиму, ибо она была теперь седая старуха с безобразным лицом и лысой головой. Но ее грызла ревность, и решила она украсть у мужа своего волшебное кольцо, чтобы самой управлять царством его. Но Аллаху угодно было отвратить его гибель, ибо как раз в эту ночь он отдыхал с одной из любовниц своих, отличавшейся изумительной красотой и прелестью. А так как он обладал истинным благочестием, то, отдыхая в объятиях женщины, всегда снимал волшебное кольцо из уважения к великим именам, начертанным на нем, и клал его на подушку. И лишь очистившись омовением, он снова надевал кольцо, и тогда уже всякий из подданных имел свободный доступ к нему. И все это знала жена его Фатима. И вот однажды ночью она прокралась в его опочивальню и схватила волшебное кольцо с подушки. Но в это время юный царевич, выйдя во двор за надобностью, по счастью заметил старуху, которая вертела кольцо между пальцами и уже собиралась потереть его. И поняв, что перед ним вор, он всадил свой дамасский клинок ей в спину, и старуха, громко вскрикнув, упала замертво. От этого крика проснулся Мааруф, и сын рассказал ему, что случилось. И Мааруф, вернув себе кольцо, сказал: – Да ниспошлет тебе Аллах мир и благополучие; ты даровал мне покой, избавив меня от злодейки этой! Ее собственная злость привела ее к гибели! Такова была воля Аллаха Всевышнего, и да прославится имя Его во веки веков! И после жили они долго в мире и радости, пока не явилась к ним Разлучница любящих, делающая сиротами сыновей и дочерей.

Окончив рассказ этот, Шахразада пала ниц и воскликнула: – О царь времен! В течение тысячи и одной ночи забавляла я тебя, рассказывая тебе различные истории. Жизнь моя в руках твоих, но дозволь мне высказать одно желание! И царь Шахрияр сказал: – Оно будет исполнено! Тогда Шахразада призвала нянек и сказала им: – Принесите сюда сыновей моих! И они принесли детей ее: трех прелестных мальчиков, из которых старший уже ходил, второй ползал, а третий еще сосал грудь. И поставив их перед царем, она сказала ему: – Вот сыновья твои, и я молю тебя из любви и сострадания к ним даровать мне жизнь. Ибо если ты умертвишь меня, то они останутся без матери, и среди всех женщин не найдется ни одной, которая бы сумела воспитать их с истинной любовью и заботливостью! И царь заплакал, прижимая сыновей к груди своей, и сказал супруге своей: – О Шахразада, я помиловал тебя еще раньше, чем принесли ко мне детей моих, ибо я убедился, что ты целомудренна, благочестива, великодушна и чиста сердцем. Да благословит Аллах тебя и родителей твоих, и да благословенны будут корни жизни твоей так же, как и молодые побеги ее! И с тех пор мир и благополучие поселились в сердце царя Шахрияра так же, как и во всем царстве его. И жил он со всем народом своим в радости и довольстве, пока не явилась к нему Разрушительница всякого благополучия и Разлучница всех союзов.

Содержание

История царя Шахриара и брата его, царя Шахземана 6

Что случилось с ослом и волом у одного хозяина 8

О купце и эфрите 12

Рассказ первого шейха 13

Рассказ второго шейха 14

Рассказ третьего шейха 16

Рассказ о рыбаке и эфрите 17

Рассказ о визире царя Юнана и о враче Руяне 20

Рассказ о соколе царя Синдабада 22

Рассказ о ревнивом муже и попугае 23

Рассказ о царском сыне и о гуле 23

Рассказ о заколдованном юноше и рыбах 30

Рассказ о носильщике и трех сестрах 34

Рассказ первого саалука 41

Рассказ второго саалука 45

Рассказ третьего саалука 53

Рассказ Зобейды, первой девушки 60

Рассказ Амины, второй девушки 65

Рассказ о зарезанной женщине, о трех яблоках и о негре Ригане 73

Рассказ о визире Нуреддине, о брате его, визире Шамзеддине и о Гассане Бадреддине 78

Рассказ о том, что случилось с горбуном у портного, у врача-еврея, у поставщика двора султана и у купца-христианина, и их приключения, рассказанные ими самими 97

Рассказ маклера-христианина 100

Рассказ поставщика двора султана 107

Рассказ врача-еврея 112

Рассказ портного 117

Рассказ хромого юноши о приключении его с цирюльником (переданный с его слов портным) 117

История багдадского цирюльника и его шести братьев (рассказанная цирюльником и переданная портным) 124

История цирюльника 124

История Бакбука, первого брата цирюльника 125

История Эль-Гаддара, второго брата цирюльника 128

История Бакбака, третьего брата цирюльника 130

История Эль-Куза, четвертого брата цирюльника 131

История Эль-Ашара, пятого брата цирюльника 133

История Шакалика, шестого брата цирюльника 138

История Анис-аль-Джалис и Али-Нур-ад-Дина 144

История Ганема-бен-Эйюба и сестры его Фетны 166

История негра Сауаба, первого суданского евнуха 168

История негра Кафура, второго суданского евнуха 170

История негра Бакиты, третьего суданского евнуха 173

История царя Омара-аль-Немана и двух его удивительных сыновей, Шаркана и Даул-Макана 185

Слова о трех вратах жизни 218

История смерти царя Омара и дивные слова, которые ей предшествовали 236

Слова первой отроковицы 236

Слова второй отроковицы 238

Слова третьей отроковицы 239

Слова четвертой отроковицы 239

Слова пятой отроковицы 240

Слова старухи 241

Рассказ о том, что было в монастыре 254

История Азиза и Азизы 265

Рассказ о принцессе Донии и принце Диадеме 290
Приключения молодого Канмакана, сына Даул-Макана 306
Повесть о любителе гашиша 312

Занимательные рассказы о зверях и птицах 318
Рассказ о гусыне, павлине и паве 318
Рассказ о пастухе и молодой девице 323
Рассказ о черепахе и птице-рыболове 324
Рассказ о волке и лисе 326
Рассказ о ласке и мыши 329
Рассказ о вороне и цибете 329
Рассказ о вороне и лисе 330

История Али-бен-Бекара и прекрасной Шамзеннахар 332

История принца Камаральзамана и принцессы Будур, прекраснейшей из всех лун 351
История Эль-Амджада и Эль-Азада 387
История о Прекрасном Нуме и Прекрасной Ниме 403

История Ала-аль-Дин-Абу-аль-Шамата по прозванию Родимое Пятнышко 417

Рассказ о мудрой Симпатии 441

Рассказ о приключениях поэта Абу-Новаса 452

Рассказ о Синдбаде-мореходе 455
Первый рассказ Синдбада-морехода 455
Второй рассказ Синдбада-морехода 459
Третий рассказ Синдбада-морехода 462
Четвертый рассказ Синдбада-морехода 466
Пятый рассказ Синдбада-морехода 469
Шестой рассказ Синдбада-морехода 472
Седьмой рассказ Синдбада-морехода 474

Рассказ о прекрасной Зуммуруд и Алишаре, сыне Эв-Меджда 479

Рассказ о шести молодых девушках, из которых ни одна не походила на другую 492

Чудесная история Медного города 500

Рассказ о том, что случилось с Ибн-аль-Мансуром и двумя отроковицами 509

Рассказ о мяснике Вардане и дочери визиря 515

История Ямлики, подземной царицы 518

История печального юноши 526

Пышный сад ума и цветник любовных приключений 534

Лекарство для глаза 534

Отрок и его учитель 534

Волшебный мешок 535

Кому отдать предпочтение? 536

Цена огурцов 538

Седые волосы 538

Мудрое решение 539

Абу-Новас и купание Сетт-Зобейды 539

Осел 540

Самец или самка? 540

Школьный учитель 542

Надпись на кубке 543

Халиф в корзине 544

Чистильщик требухи 545

Девушки или отроки? 548

Рассказ об удивительном халифе 550

История Розы в Чаше и Услады Мира 557

Волшебная история коня из эбенового дерева 568

Рассказ о проделках Далилы-Пройдохи и дочери ее Зейнаб-Плутовки с Ахмадом-Коростой, Гассаном-Чумой и Али-Живое-Серебро 582

История Джудара-Рыбака или волшебный мешок 611

История Абу-Кира и Абу-Сира 630

Назидательный рассказ из «Благоухающего сада» 644
Подросток и растиральщик гамама 644

Рассказ об Абдаллахе Земном и Абдаллахе Морском 646

История желтолицего юноши 656

История Цветка-Граната и Улыбки-Луны 666

Зимний вечер Ишаха из Моссула 687

Египетский феллах и его белые дети 689

Рассказ о Калифе и калифе 692

Приключение Гассана Аль-Басри 712

Совет веселых и не соблюдающих приличий людей 750
Исторический выстрел 750
Два шутника 752
Женская хитрость 753

Сон наяву 755

Любовные приключения Зейн-аль-Мавассиф 773

Рассказ о молодом лентяе Абу-Магомете 782

История юного Нура и мужественной франкской девушки 786

Уроки великодушия и житейской мудрости 804
Саладин и его визирь 804
Могила влюбленных 805
Развод Хинды 807

Чудесная история о зеркале девственниц 808

Аладдин и Волшебная Лампа 819

Притча об истинном знании жизни 854

Фаризада Розовая Улыбка 856

Рассказ о Камаре и сведущей Халиме 868

Рассказ о Бараньей Ноге 880

Ключи судьбы 883

Сборник легкого балагурства и веселой мудрости 896

Неизносимые бабуши 896
Бахлул, шут Аль-Рашида 898
Предложение всеобщего мира 898
История двух любителей гашиша 899
История скаредного кади 900
Осел-Кади 904
Кади и осленок 907
Догадливый кади 908
Урок знатока женщин 910

История царевны Нуреннахар и прекрасной джинии 913

История Жемчужного Пучка 925

Две жизни султана Махмуда 930

Бездонное Сокровище 933

Сложная история привлекательного незаконнорожденного 941

История обезьяны-юноши 947
Рассказ первого сумасшедшего 952
Рассказ второго сумасшедшего 955
Рассказ третьего сумасшедшего 960

Слова над девяносто девятью отрубленными головами 962

Козни жен 965

Рассказ пирожника 966
Рассказ продавца зелени 967
Рассказ мясника 967
Рассказ кларнетиста 968

Али-Баба и сорок разбойников 970

История фаворитки Эль-Мамуна 980

Ночное приключение халифа Гарун-аль-Рашида 983

История слепого Бабы-Абдаллаха 984

История Сиди Нумана 989

История Хаджа Гасана, веревочника 992

История волшебника и молодого багдадского повара 1004

Героическая история Аджиба, Хариба и Сахима 1012

Ангел Смерти и царь-богатей 1035

Ангел Смерти и царь детей израилевых 1036

Цуль-Карнеин и царь, не ищущий благ земных 1037

История царевича Хабиба и царевны Дуррэт-эль-Хаввас 1038

История царя Вирд-Хана, сына царя Джалиада 1046

История кошки и мыши 1048

Смиренник и кувшин масла 1049

История о воронах и соколе 1050

Заклинатель змей 1051

Слепой и хромой 1052

История о безрассудном рыбаке 1053

Мальчик и воры 1054

Лисицы и волк 1054

Пастух и вор 1056

История Тоуфат-эль-Кулуб, невольницы халифа Гарун-аль-Рашида 1060

История сапожника Мааруфа и жены его Фатимы 1078

Первые истории, составившие основу арабских сказок «Тысячи и одной ночи», входили в состав древнего персидского рукописного сборника, который в течение столетий многократно переписывался и видоизменялся. В нем были и поучительные рассказы, и каирские сказки, и притчи, и поэтические отрывки, заимствованные из самых разных источников. Своеобразной рамкой, объединяющей эту пеструю литературную смесь, был рассказ о царе Шахрияре и талантливой рассказчице Шахразаде.

Впервые европейцы познакомились с персонажами «Тысячи и одной ночи» в начале XVIII века. Произошло это благодаря французскому востоковеду, антиквару и переводчику Антуану Галлану. Именно он перевел многие сказки этого цикла. Получившийся в результате компактный двадцатитомник имел огромный успех. Галлан не ставил перед собой задачу тщательной работы с первоисточниками. Стремясь добиться интереса публики, он вставил в свои вольные переводы несколько сказок, которых не было в древних рукописях «Тысячи сказок». К примеру, это сказка об Али-Бабе и сорока разбойниках. О происхождении этой истории ученые спорят до сих пор. Долгое время изложение Галлана считалось образцовым, и его томики неоднократно переиздавались. Однако на рубеже XIX–XX веков во Франции появился гораздо более полный перевод сказок «Тысячи и одной ночи». Он был выполнен французским военным врачом, поэтом и переводчиком Жозефом-Шарлем Мардрюсом. Этот человек называл себя «мусульманином по рождению и парижанином по случайности». Он родился в Каире и вместе с миссией французского министерства иностранных дел объехал в конце XIX века весь Восток. Его перевод сказок «Тысячи и одной ночи» считается образцовым. В отличие от перевода Галлана, приглаженного в соответствии с европейскими литературными вкусами XVIII века, тексты Мардрюса передают все стилистические особенности оригинала. Поэтому в основу настоящего однотомного издания, сохраняющего фабулу всех сказок цикла, положен перевод именно Мардрюса. В Петербурге он был напечатан в самом начале XX века. Красочные иллюстрации к сказкам в этой книге были выполнены в начале прошлого века французским художником Леоном Карре, который был очарован востоком и большую часть своей жизни провел в Алжире.

ISBN 978-5-9603-0421-4

9 785960 304214 >